АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. М. ГЕРАСИМОВ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XXVIII

М. М. ГЕРАСИМОВ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ

(СОВРЕМЕННЫЙ И ИСКОПАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1955

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

А. Я. БРЮСОВ и Я. Я. РОГИНСКИЙ

Посвящается Тамаре Вандербеллен

ВВЕДЕНИЕ

В 1949 г. издательством «Советская наука» была выпущена моя книга «Основы восстановления лица по черепу». В этой книге сделана первая попытка осветить в сжатом, популярном изложении основные принципы создания метода портретной реконструкции. Предположенные методические приемы сопровождались конкретным материалом и обосновывались контрольными работами. Далее, в порядке первого ознакомления, были опубликованы портреты ископаемого человека различных эпох.

Вышедшая книга не представляла собой методического руководства по восстановлению лица по черепу, хотя и отвечала на ряд конкретных вопросов в этой области. В книге не были совершенно затронуты проблемы расогенеза и этногенеза, но сама по себе публикация портретов древнего человека в связи с данными археологии, несомненно, давала некоторое представление о процессах формирования человека на различных этапах его истории. Относительно небольшое количество этих портретов (около 70) для громадного периода времени истории человека, конечно, не могло ни в коей мере отразить даже основных этапов этого сложного процесса. Некоторые эпохи были охарактеризованы одной или двумя реконструкциями. В ряде случаев были громадные перерывы — во многие сотни и даже тысячи лет,— не говоря уже о больших территориальных разрывах. Следует, правда, оговориться, что эти пробелы должны быть в ряде случаев отнесены за счет отсутствия материалов, т. е. неполноты палеоантропологических находок. Кроме того, сам процесс скульптурного воспроизведения лица по черепу крайне трудоемок и не дает возможности массовой обработки антропологических серий, что, конечно, делает материал далеко не полным и как бы выборочным. Ведь совершенно очевидно, что воспроизведенный портрет человека того или иного времени далеко не всегда будет передавать типические черты всего населения данной группы. Нам хорошо известно, что в ряде случаев представители одной и той же культуры и с одной и той же территории могут быть различными по своим антропологическим чертам. Особенно это часто бывает в так называемых контактных зонах как территориальных, так и исторических смен культуры, когда в процессе образования новых культурных этапов в результате внешних влияний сосуществующих племен или внедрения пришельцев с новой территории изменяется антропологический состав населения.

Для большей полноты, а следовательно, и более объективного суждения о процессе этногенеза в последнее время был разработан новый, вспомогательный прием антропологической диагностики — графическая реконструкция. Графический прием реконструкции лица по черепу, конечно, менее точен, чем скульптурный (он схематичен), но все же может применяться для индивидуального построения лица в целях его

опознания[1] (в криминалистической практике). В то же время этот прием имеет огромное преимущество перед скульптурной реконструкцией — он очень прост, требует мало времени и нагляден, так как позволяет видеть весь процесс построения лица; для расовой диагностики, т. е. для антропологической характеристики типа, он в должной степени точен. Этот новый прием, как показывает опыт, достаточно эффективен и дает возможность более широкого, серийного охвата материала, что в сочетании со скульптурной реконструкцией отдельных индивидуальных портретов дает более полное представление о той или иной группе людей, объединенных принадлежностью к определенному историческому отрезку времени.

Обработанный таким образом антропологический материал дает возможность улавливать различные нюансы сходства или различия в пределах данной группы, наглядно показывая картину формирования того или иного антропологического типа.

Предлагаемая вниманию читателя книга не представляет собой переиздания ранее опубликованного материала. В ней ставятся несколько по-новому два основных вопроса: 1) методика портретной реконструкции лица по черепу и 2) применение антропологической реконструкции как источника исторического исследования.

Методика портретной реконструкции лица по черепу здесь дополняется некоторыми новыми сведениями и иллюстрируется рядом новых контрольных работ из криминалистической практики. Это, собственно, уже программа описания и в дальнейшем — программа построения лица по черепу двумя приемами: скульптурным и графическим. Нам представляется, что предлагаемые главы книги должны будут служить в некотором роде руководством для портретного воспроизведения лица по черепу, так как наряду с материалом, иллюстрирующим основные положения наблюдений, будут приведены и стандарты, и методические приемы, и техника выполнения самого процесса воспроизведения лица по черепу.

Второй вопрос — применение антропологической реконструкции как исторического источника, иллюстрирующего процесс расообразования и этногенез народов СССР. Оба поставленных вопроса не могут рассматриваться изолированно друг от друга и в конечном итоге относятся к одной и той же проблеме. Немыслимо разрабатывать методику построения лица по черепу без учета расовых различий, без учета процесса формирования современного человека во времени, т. е. без учета влияния географической и социальной среды в широком смысле этого слова. В равной степени невозможно демонстрировать ту или иную реконструкцию ископаемого или исторического человека, не уяснив единства процесса формирования всего человечества, так как только знание общих сторон этого процесса может обеспечить документальное воспроизведение портрета по черепу (независимо от времени существования этого человека). Решение поставленной проблемы определяется комплексом биологических, историко-археологических и социальных дисциплин, рассматривающих человека во всем его сложном многообразии. Конкретизация поставленной перед исследователем задачи выдвигает на первое место в комплексе указанных дисциплин анатомию, антропологию, палеоантропологию и археологию.

Приведем некоторые наиболее важные данные об истории вопроса.

---

[1] Опыт последних работ в области идентификации личности посредством графической реконструкции вполне себя оправдал.

В России интерес к антропологии (в самом широком смысле) проявился уже в начале XIX в. Впервые по инициативе К. М. Бэра (1792—1876) в Музее антропологии Академии Наук предпринимают сборы ископаемых черепов. Несколько позднее А. П. Богданов (1834—1896) начинает свои систематические исследования в области краниологии. Труды А. П. Богданова положили начало антропологической науке в России. Занимаясь по преимуществу черепами из курганных захоронений славян на территории б. Московской губернии, он ставил основной целью своей работы освещение истории формирования русского народа[1].

Известный московский антрополог Д. Н. Анучин опубликовал еще в 1880 г. работу «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам». В развитии советской антропологии работы Богданова и Анучина играют выдающуюся роль. Наша наука уделяет большое внимание ископаемому человеку в связи с проблемами антропологии.

Когда и у кого впервые возникла мысль о возможности восстановления облика ископаемого человека по данным черепа,— в настоящий момент сказать трудно. Во всяком случае уже в 1877 г. анатом Шаффгаузен предпринимает свою первую попытку воспроизведения по черепам ранней металлической эпохи внешнего облика человека. Спустя несколько лет швейцарский ученый Кольман совместно со скульптором Бехли разработал специальную методику предварительного исследования трупа и создания по этим данным реконструкции. В 1899 г. ими была опубликована интересная реконструкция женской головы (эпохи свайных построек). Через год французский анатом Меркле, пользуясь сходной методикой, восстановил две головы по черепам раннесаксонского времени.

Насколько нам известно, широкие слои русской общественности впервые были оповещены о некотором опыте восстановления лица по черепу в 1908 г. В 1894 г. в Лейпциге был найден череп знаменитого композитора Иоганна-Себастьяна Баха (1685—1750). На основании сличения найденного черепа с портретами антрополог Гис определил его подлинную принадлежность композитору. В 1908 г. в Лейпциге был открыт новый памятник Иоганну-Себастьяну Баху. Автор этого памятника — скульптор профессор Зефнер не удовольствовался сохранившимися портретами Баха и для получения большего портретного сходства воспользовался подлинным черепом композитора. Сделав гипсовый слепок с этого черепа, он использовал данные анатомов о толщине покровов мягких тканей головы и воспроизвел на этом слепке черепа голову Баха в соответствии с известными портретами композитора. Как и следовало ожидать, это разумное использование подлинной формы черепа (слепка) обеспечило большое сходство воспроизведенного скульптором портрета с иконографией композитора.

Но Зефнер не остановился на достигнутом и осуществил вторую работу, а именно попытался доказать, что по черепу возможно воспроизведение только одного портрета, т. е. действительного лица, связанного с данным черепом. Предпринятый им опыт, несмотря на некоторую наивность его, однако все же достаточно показателен и достоин упоминания. Он заключается в следующем. Воспользовавшись слепком черепа Баха, Зефнер воспроизвел на нем голову Генделя. Ему удалось достичь сходства с Генделем только при полном игнорировании форм и размеров

[1] А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. М., 1867; его же. Quelle est la race la plus ancienne de la Russie central. Congrès international d'archeologie, préhistoire et d'anthropologie. III серия. М., т. I, 1892.

черепа, так что мягкие ткани в ряде мест головы либо подходили вплотную к кости, либо, совершенно не согласуясь с данными анатомии, нелепо утолщались. В журнале «Нива» этому опыту была посвящена заметка, где ее автор справедливо указывает, что «это был, в общем, любопытный опыт, при котором искусство проверяло данные науки, а наука исправляла усилия искусства»[1]. Следует ли говорить, что данная работа по существу мало имеет общего с портретной реконструкцией: ведь следовало бы воспроизводить лицо только по данным черепа и лишь после этого сравнивать с имеющимися портретами.

Опыт отождествления черепа с портретами, — будь то живопись или скульптура, — достаточно широко применялся, и только таким образом были в свое время опознаны черепа Кромвеля, Данте, Шиллера, Гёте и др. Разработанная для этого английскими биометриками специальная методика широко используется в криминалистической практике. Как дополнение к скульптурной реконструкции, этот прием наложения, или аппликации, применяется и мной, о чем будет речь далее. Упоминание в данном контексте о работах по отождествлению черепа с иконографией вполне уместно, так как они с несомненностью свидетельствуют о наличии корреляции между мягким покровом *головы и черепом.*

В 1910 г. анатом Сольгер[2] *настоятельно рекомендует художникам и* скульпторам, пытающимся создать тип ископаемого человека, пользоваться слепками с подлинных костей. Он утверждает, что особенности строения черепа должны дать правильное представление о внешности древнего человека. Свои выводы автор подтверждает изготовлением реконструкции по черепу из Мустье. С чувством большого удовлетворения он отмечает в полученном лице отсутствие современных человеческих черт, что, по его мнению, и является доказательством правильности реконструкции.

Несомненно, Сольгер как в принципе, так и в основных чертах предлагаемого им метода, совершенно прав, но изготовленная им реконструкция далека от совершенства, так как в своем желании примитивизировать человеческого предка он зашел далее, чем это возможно по данным черепа из Мустье. Реконструкция Сольгера имеет только отдаленное сходство с человеком, это, скорее, какое-то обезьяноподобное существо. Между тем череп, послуживший для создания этой реконструкции, хотя и принадлежит типичному представителю неандертальцев, но имеет ряд морфологических черт, свидетельствующих о значительном прогрессе неандертальского типа и приближении его к типу современного человека. Кроме того, этот череп молодой особи, чего не видно в реконструкции. Не исключена возможность, что ряд ошибок Сольгера следует объяснить неточностями реконструкции черепа, который был переклеен несколько раз. В 1908 г. Клаач дважды пытался реконструировать череп из Мустье, но неудачно. В 1910—1912 гг. Краузе так же безуспешно пытался реконструировать череп, и только в 1925 г. Г. Вейнерт дал последний и наиболее верный вариант. Но все же основная ошибка Сольгера определяется не неточностями реконструкции черепа, а тенденциозным представлением о звероподобной внешности первобытного человека.

В 1913 г. Мартин создает крайне наивную реконструкцию неандертальца. Она наивна не только скульптурно, но и анатомически, несмотря на то, что путь восстановления был совершенно верен. Мартин, как и все другие, работавшие до и после него, накладывал на гипсовый муляж черепа мускулы в соответствии с ранее препарированными головами. В чем

[1] «Нива», 1908, № 42, стр. 723.

[2] Dr. F. B. Solger. Die bildliche Darstellung des Urmenschen und ihr wissenschaftlicher Werth. «Münchener Medizinische Wochenschrift», 1910, № 32.

здесь произошла ошибка — сказать трудно. Допущена ли была ошибка в расчетах, или это результат скульптурного несовершенства, но в итоге получилась голова, совершенно не гармонирующая с общим характером черепа Для своей реконструкции Мартин использовал известный череп из Ля-Шапелль. Череп принадлежал старику. У него утрачены почти все зубы. Сильно редуцированы обе челюсти. Мощные носовые косточки свидетельствовали об очень широком, массивном, резко выступающем, носе. Надглазничный валик, очень пологий лоб, отрицательный подбородок усиливали общее впечатление примитивности. И вот на этой основе Мартин создает нечто совершенно ей не соответствующее: массивное тяжелое надбровье черепа в реконструкции ослаблено и сглажено, вследствие чего глаза как-то выдвинулись вперед; нос в полном несоответствии с костной основой получился небольшой и тонкий; губы уплощены до последней степени, что создает впечатление типичного обезьяньего рта. Созданная реконструкция скорее напоминает наголо обритую голову шимпанзе, чем неандертальца с специфическими чертами его тяжелого лица, с большим широким носом и своеобразно выступающей вперед верхней губой.

В том же 1913 г. профессор Иенского университета Эггелинг[1] опубликовал результаты своих опытов восстановления лица по черепу. Им были предприняты специальные работы над трупами, в результате чего были созданы особые эталоны толщин покровов лица. Поставленные им опыты восстановления лица показали, что, пользуясь этой методикой, можно создать типовой расовый портрет. Эггелинг предпринял попытку воспроизвести индивидуальный портрет, для чего воспользовался услугами двух скульпторов, которым сообщил все данные о толщине мягких покровов и предложил на этой основе воспроизвести портреты. Оба художника дали настолько разноречивые портреты, что невозможно поверить, что для их выполнения послужил один и тот же череп. Мне представляется, что при постановке данного опыта в его плачевном результате, конечно, виноваты художники, привлеченные Эггелингом, которые не сумели с достаточной точностью и ответственностью выполнить работу.

Несмотря на неудачу, Эггелинг попытался сам совместно с неизвестным скульптором еще раз воспроизвести лицо по черепу, причем для этого он использовал череп старика-неандертальца из Ля-Шапелль. И здесь вновь был допущен ряд технических ошибок. Прежде всего скульптор, не делая поправок на возраст, старался воспроизвести на черепе глубокого старика молодое очень полное лицо, совершенно игнорируя специфические особенности неандертальского черепа. В результате обычно массивная нижняя часть лица неандертальца из-за неправильно использованной редуцированной старческой челюсти получилась слабой; кроме того, в ряде мест скульптор, видимо, просто забывал о черепе и его морфологических особенностях. Например, все известные неандертальские черепа, и в том числе, в первую очередь, череп из Ля-Шапелль, имеют очень своеобразную горизонтальную профилировку скуловых костей. Эта профилировка создает впечатление общего выступания лица вперед, что на самом деле отсутствует, так как неандертальские черепа европейского типа более или менее ортогнатны. И вот скульптор, совершенно игнорируя эту особенность скуловых костей, произвольно увеличил общую массу покровов на щеках и настолько завуалировал указанную характерную черту лица неандертальца, что в результате получилось очень грубое, мясистое, мало профилированное лицо скорее

[1] H. Eggeling. Die Leistungsfähigkeit phisionomischer Rekonstructionsversuche auf Grundlage des Schädels. «Archiv für Anthropologie», Bd. XII, H. 1, 1913.

современного человека. Это, конечно, ни в какой степени не согласуется с типическими данными черепа.

Ошибка реконструкции усугубляется совершенно неправильной постановкой головы на шее. Дело в том, что при очень большой длине черепа неандертальца из Ля-Шапелль затылочное отверстие его сильно отодвинуто назад, что при наличии очень массивного лица и слабых сосцевидных отростков требовало совершенно особой посадки головы, несколько выдвинутой вперед на короткой массивной шее. Найденные шейные позвонки с очень сильными остистыми отростками и со своеобразным наклоном их как раз и свидетельствуют об этой специфической посадке головы неандертальца. Не только скульптор, но и сам Эггелинг совершенно игнорировали это, чем, конечно, исказили образ неандертальца.

Такое отклонение от подлинных морфологических особенностей строения скелета человека при его реконструкции, естественно, заставляло осторожных людей с большим скептицизмом относиться к подобного рода работам. Так несомненно прогрессивное начало в постановке самой проблемы восстановления лица по черепу в процессе конкретного решения Эггелингом было опорочено, потому что он допустил ряд непоправимых ошибок.

В 1914 г. широкая печать вновь публикует статью, в которой доводится до сведения русского читателя о новом этапе в области восстановления лица по черепу. На сей раз снова ставится задача восстановления портрета древнего человека. Статья написана в восторженных тонах приват-доцентом В. Н. Сементовским и посвящена работам бельгийского антрополога М. Рюто и его сподвижника художника и скульптора Луи Маскре. В популярной форме излагаются некоторые общие вопросы происхождения человека от древних его предков, и далее идет речь собственно о работах Рюто. Свой текст автор иллюстрирует портретами и дает краткие аннотации к ним, исходя из принятых в то время датировок и оценок палеоантропологических находок. В основе изложения лежат взгляды самого Рюто, который совершенно неправильно оценивал место неандертальца в процессе эволюции человека. Статья носит название «Первые люди»[1] и иллюстрируется 10 портретами этих первых людей, воспроизведенными якобы по черепам.

Глядя на эти скульптуры, невольно отдаешь должное прежде всего мастерству скульптора. Все портреты выразительны и живы, и не посвященному в таинства антропологической науки человеку хочется верить, что они, действительно, были такими. Таково обаяние художественного решения образа. Это, действительно, скорее художественная скульптура с некоторым участием ученого, а не наоборот. Совершенно очевидно, что Рюто только консультировал или вносил те или иные поправки в талантливую работу своего товарища. А между тем Сементовский говорит, что участие в данной работе самого Рюто значительно больше, что антрополог якобы предварительно воспроизводил черепа, а затем в соответствии с данными антропологии накладывались мягкие ткани. На самом же деле технически это, видимо, было совсем не так. В процессе реконструкции внешнего облика допущен ряд столь грубых ошибок и отклонений от подлинной формы черепов, что это можно объяснить только процессом свободного творчества художника; ничего подобного не могло бы быть при работе с черепом.

[1] «Природа и люди», 1914, № 28, стр. 441—445.

Нам представляется, что нет смысла описывать все реконструкции. В настоящее время они интересны только как документы к истории вопроса. Прав В. Н. Сементовский, заявляя, что «правда, со строго научной точки зрения, можно указать, что реставрация некоторых типов еще преждевременна; слишком мало данных для этого»; и далее: «правильность же его научных предвидений без сомнения будет подтверждаться при новых открытиях». В настоящее время ряд новых находок и успехи самой антропологической науки вообще дают возможность оценить степень правильности реконструкции Луи Маскре и Рюто. Несомненно, что в самой мысли о возможности реконструкции ископаемого человека Рюто проявил себя как прогрессивный ученый, но решение этой задачи и дальнейшее техническое выполнение самих портретов лишили их всякой научной ценности. Это образы вымышленные.

Рассмотрим хотя бы некоторые из этих образов для того, чтобы показать объективно степень их неправильного решения.

Питекантроп. В распоряжении Рюто для создания образа этого представителя древнейшего человека, или человеко-обезьяны, были слепки найденного доктором Дюбуа черепа (вернее, черепного свода), бедра и, может быть, зуба. Этих данных вполне достаточно для того, чтобы решить, что питекантроп был прямоходящим существом. Специфическое строение свода черепа, наличие затылочного гребня и относительно сильно отодвинутое назад затылочное отверстие дают право предполагать своеобразную, несколько наклоненную вперед посадку головы. Абсолютные размеры зуба, по форме почти совершенно человеческого, дают представление о некоторых величинах челюсти, но этого очень мало для того, чтобы реконструировать собственно лицо. В своей реконструкции авторы неправильно использовали то, что давали факты, и поэтому воспроизведенное ими лицо и фигура неправдоподобны.

Для реконструкции питекантропа Рюто имел в своем распоряжении только находку Дюбуа и, следовательно, не мог предполагать целого ряда морфологических особенностей питекантропа IV, затылочное отверстие которого было передвинуто ближе к центру; вследствие этого питекантроп IV, повидимому, мог иметь более вертикальную посадку головы, чем его вероятный потомок питекантроп I. Вряд ли можно говорить о сочетании лба питекантропа с тонкими, сильно выступающими надбровными дугами и с достаточно резко выраженным медиальным валиком, с европеоидным длинным носом и обезьяньим ртом. Все эти компоненты органически между собой не связаны. Образ вымышлен.

Мауэровский человек. Реконструкция воспроизведена на основе только одной нижней челюсти. Это слишком смело и с нашей точки зрения, как и следовало ожидать, конечно, неверно. Найденная в мауэровских карьерах челюсть очень своеобразна. Она предельно широка, крайне массивна, с очень мощными, широкими, но короткими восходящими ветвями, совершенно человеческими зубами и полным отсутствием подбородочного выступа. А между тем воспроизведенное лицо мауэровского человека относительно узко, со слабой нижней челюстью, с очень сомнительной, совершенно современной посадкой головы. Я уже не говорю о деталях строения верхней части лица; лоб и нос — все это чистейшая фантазия. Но что особенно поражает — это археологический антураж мауэровского человека. Он держит на своих плечах только что убитого поросенка, в руках у него тонкое, круглое, деревянное копье. Все это совершенно неубедительно. Мауэровский человек не мог иметь в своем распоряжении такое деревянное копье. Оно было изобретено значительно позже.

Человек из Галлей-Хилла. Он рассматривается как один из древнейших представителей разумного человека (*Homo sapiens*) и снабжен шелльским рубилом, причем одно из них висит как украшение на шее на тонкой лиане. Все это как-то наивно, несерьезно. Относительно же лица можно сказать лишь то, что оно, видимо, совершенно не соответствует ни формам, ни размерам черепа, в частности — короткий нос, выступающая нижняя челюсть, излишне подчеркнутые высокие скулы.

Человек из Комб-Капелль. Он совершенно неправильно отнесен к верхнему Мустье. Реконструкция головы не совпадает с данными черепа. Череп из Комб-Капелль обладает покатым лбом со слабо развитыми лобными буграми, сильно выступающей глабеллой и значительно развитыми надбровными дугами. Лицо узкое, высокое, нос несильно выступающий, причем это выступание носа значительно подчеркивается своеобразной формой альвеолярной части верхней челюсти. Нижняя челюсть массивная, с небольшим, слабо выступающим, подбородком. Зубы — с низкими коронками. На реконструкции Рюто воспроизведено лицо с очень широким прямым лбом, слабым надбровьем, с коротким массивным носом. Лицо низкое, широкое, с толстогубым ртом, т. е. с чертами, совершенно не совпадающими с формой черепа.

Неандертальский человек. По реконструкции совершенно нет возможности представить себе, по какому черепу она выполнена. Во всяком случае предлагаемый образ совершенно не совпадает с теперь уже привычными, хорошо известными чертами неандертальца Европы. Особого внимания заслуживает аннотация к этой реконструкции. Она как бы разоблачает реакционную сущность точки зрения самого Рюто на процесс эволюции человека. «Рюто предполагает,— пишет В. Н. Сементовский,—что высшие расы, среди которых жил неандертальский человек, порабощали его, что он «собака» человека разумного. Поэтому и придано смиренное, приниженное и покорное судьбе выражение лицу этого первобытного «упадочника» (выражение Сементовского.—*М. Г.*). Питался он остатками трапезы своего господина, одевался в обрывки одежд, шкур хозяина. Его подвижные бормочащие губы инстинктивно повторяют звуки речи господина». В настоящее время уже достоверно известно, что человек неандертальского типа жил в мустьерскую эпоху, т. е. предшествовал всем сформировавшимся типам разумного человека. Кроме того, судя по хорошо сохранившимся черепам и почти полным скелетам, его облик совершенно не соответствовал портрету, предложенному Рюто.

Что касается остальных реконструкций — «негроидов» из Ментоны и Лосселя и более поздних людей, то в настоящее время трудно сказать, в какой степени они отвечают действительному облику тех черепов, по которым воспроизведены их образы. Во всяком случае авторы реконструкций допустили вольность, не оговорив ее. По черепу юноши 15—16 лет воспроизведен портрет взрослого мужчины 35—40 лет, а по черепу старухи воспроизведена девушка или молодая женщина 20—25 лет. Вероятнее всего, что если эти модернизированные изображения в какой-то мере и соответствуют черепам, то только в самой общей форме. Во всяком случае принимать их безоговорочно как действительные портреты древних, некогда живших людей нет никакого основания.

Итак, резюмируем: сама по себе мысль Рюто о возможности воспроизведения ископаемого человека по его костям, безусловно правильна, однако жаль, что при выполнении этих реконструкций художник достиг гораздо большего, чем ученый, что в решении облика больше домысла, чем действительности.

В 1917 г. в журнале «Природа» № 2 (в отделе «Научные новости и заметки», в рубрике «Антропология») появилась статья А. Калитинского «О реконструкции лица по черепу», где сообщается, что одна из первых попыток отождествления черепа с посмертной маской была осуществлена в связи с опознанием черепа Шиллера[1].

Шиллер умер в 1805 г. и был погребен в склепе в г. Веймаре. Спустя 21 год (в 1826 г.) склеп был вскрыт, и в нем обнаружены останки 23 человек. Какой из черепов принадлежал писателю,— сказать было трудно; тем не менее один из них был приписан Шиллеру на том основании, что он больше остальных подходил по своим размерам к посмертной маске Шиллера, хранившейся у веймарского бургомистра Швабе; второй экземпляр маски хранился в библиотеке г. Веймара.

Анатом Велькер сравнил обе маски с черепом и пришел к выводу, что найденный череп не мог принадлежать писателю. Антрополог Шаффгаузен пришел к иному заключению. Он считал череп подлинным. Возник спор, продолжавшийся *более 4 лет. Истина была восстановлена в результате новой находки в этом же склепе черепа профессором Флоряном* Череп соответствовал всем размерам маски *Шиллера. Велькер оказался прав*

Далее подробно описывается, как Велькером был отождествлен портрет Рафаэля с его черепом (могила художника была вскрыта в 1833 г.).

В 1894 г. антрополог Гис произвел определение скелетов Баха, Канта, Гайдна. Довольно подробно описываются работы анатомов и антропологов по изучению толщины мягких покровов, приводятся сведения о толщине мягких покровов лица у различных рас (негров, китайцев, европейцев) по Биркнеру, Эггелингу, Фишеру, Гису и Кольману

Кончается статья описанием реконструкции головы женщины из свайского поселения на Нейенбургском озере у Овернье. Реконструкция выполнена Кольманом и Бёхли. На основе антропологического изучения современных женщин Кольманом была схематично выполнена голова. Окончательную скульптурную отделку произвел скульптор Бёхли. Им были моделированы глаза, кончик носа, рот, уши.

А. Калитинский кончает свою статью словами: «Таким образом, благодаря совместному труду ученого и художника воскрес облик давно исчезнувшей расы»[2].

Антрополог Буль, изучивший останки старика-неандертальца из Ля-Шапелль, дал оригинальную реконструкцию мускулатуры лица неандертальца. Несомненно, это одна из наиболее удачных работ такого рода. Она дает представление о физиономических особенностях неандертальского типа. Наконец, уже в самое последнее время американский анатом Мак Грегор создал ряд реконструкций, получивших широкую популярность. Им воспроизведены питекантроп, «эоантроп», неандерталец и кроманьонец. В своих работах, повидимому, в целях предотвращения возможных ошибок, Мак Грегор заведомо отказался от всякой попытки индивидуализации портрета. В результате получились условные, как бы отвлеченные, модернизированные образы.

Многие анатомы работали над выяснением корреляций между черепом и мягкими тканями лица. Особенно следует отметить труды Ганса Вирхова, его исследование строения носа, т. е. соотношения мягкого и костного носа. Эта работа хотя и не решила поставленной задачи, но, несомненно, с достаточной наглядностью показала взаимную зависимость форм.

---

[1] Welcker Hermann. Zur Kritik des Schillerschädels. Ein Beitrag zur kraniologischen Diagnostik. «Arch. fur Anthropologie» B. XVIII, 1888.
[2] «Природа». 1917. № 2, стр 259.

Работы Эггелинга, Кольмана, Меркле, Вирхова и других вызвали массу критических и полемических статей, авторы которых утверждали, что восстановление портрета по черепу невозможно. По их мнению, в лучшем случае можно воспроизвести только расовый тип, ведь, по данным даже самих авторов воспроизведений, все эти реконструкции первобытных людей — обобщенные, отвлеченные, схематические изображения предполагаемого облика ископаемого человека. Эти изображения не могут претендовать на документальность, они субъективны, т. е. являются прямым отражением представления того или другого ученого — «создателя» этих образов. В процессе создания их автор свободно отходит от подлинной формы отдельных деталей черепа в сторону большего или меньшего их обобщения. Недооценка индивидуальных особенностей черепа приводит к излишней схематизации, а отсутствие объективного критерия степени обобщения лишает возможности судить о реальном приближении реконструкции к подлинному виду воспроизведенного человека. Итак, именно в результате указанных работ и возникло ложное представление об отсутствии взаимной связи в строении лица и черепа.

Большинство даже современных анатомов и антропологов постановку проблемы портретной реконструкции ископаемого человека считает утопической, заранее обреченной на неуспех. Такова сила преклонения перед авторитетами, давно уже якобы установившими, что мягкие ткани лица чрезвычайно непостоянны и что внешняя форма отдельных деталей его ни в какой мере не отвечает ни форме, ни размерам соответствующих костей черепа. Кроме того, якобы установлено, что у различных расовых категорий мягкие покровы имеют разные соотношения толщины как между собой, так и с черепом, причем степень этих вариаций будто бы не может быть уловлена и определена. Это положение можно было бы подтвердить данными табл. 1.

Таблица 1

Толщина мягких покровов (в миллиметрах) в различных точках лица

Точка измерений	Европейцы, по Кольману и Гису	Китайцы, по Биркафу	Гереро, по Эггелингу	Негры, по Фишеру	Папуасы, по Фишеру
Корень носа	4,93	6,60	4,76	6,00	2,95
Середина носовых костей	3,25	5,43	3,76	4,05	2,45
Кончик носовых костей	2,12	2,38	3,43	5,00	2,90
Максимальная ширина скуловых костей	6,63	10,00	7,31	7,09	4,90

Действительно, по данным табл. 1 толщина мягких тканей лица в расовом отношении сильно варьирует. Внимательное рассмотрение этой таблицы дает, однако, возможность установить единство в увеличении или уменьшении толщины мягких покровов. Как у европейцев, так и у китайцев и у гереро отмеченная толщина мягких покровов не выходила за пределы в наблюдавшихся нами случаях при изучении голов русских, украинцев, узбеков, бурят, китайцев и др. (морги Москвы, Ленинграда, Ташкента, 1938—1940 гг.). И только наблюдения Фишера, относившиеся к неграм и папуасам, выделяются по своим результатам. Так, например, увеличение толщины мягких покровов над кончиком носовых костей про-

тиворечит всем наблюдениям как наших[1], так и зарубежных ученых. Очевидно, здесь кроется какая-то методическая ошибка в процессе наблюдения.

Наблюдениями самых различных авторов[2] в отношении разных расовых групп всегда отмечается, что над кончиком носовых костей мягкие ткани тоньше, чем в других подобных местах профиля. Между тем, по данным Фишера, толщина тканей у негров и папуасов резко увеличивается, причем у негров она достигает фантастической мощности в 5 мм вместо обычно наблюдаемой в 2—3 мм. В данных Фишера нам кажется заниженной толщина всех мягких тканей у папуасов. Вероятно, им были измерены старые спиртовые препараты с сильно деформированными, обезвоженными покровами.

В литературе нам не встречались указания о связи степени развития костного рельефа лицевого скелета со степенью увеличения толщины мягкого покрова лица. Толщина мягкого покрова изучалась изолированно. В силу этого и возникло ложное представление о том, что толщина мягких тканей лица может варьировать совершенно независимо от рельефа костей черепа.

Здесь уместно сказать несколько слов о толщине мягкого покрова у современных высших обезьян. Мы не обладаем большим запасом наблюдений, но тем не менее имеем возможность отметить, что толщина мягких тканей у шимпанзе не очень отличается от таковой у современного человека, она только несколько тоньше. Степень вариации мягких покровов лица у представителей разного пола больше, чем у современного человека. Как у современных женщин, так и у самок шимпанзе, видимо, в соответствии со степенью относительной равномерности развития рельефа лицевого скелета, включая и надбровья, толщина мягких тканей имеет плавные переходы. У современных мужчин эти переходы от одной толщины к другой контрастнее в прямой связи со степенью усиления костного рельефа.

Развитие рельефа черепов у самцов шимпанзе резко варьирует, и, повидимому, столь же значительное колебание претерпевает толщина мягких покровов. Очевидно, в этом выражаются некоторые признаки пола.

В связи с этим следует отметить, что всегда все же сохраняется единая гамма распределения толщины мягких покровов для обоих полов. Эта гамма, насколько удалось проследить, ближе всего к человеческой. Так же, как и у человека, толщина мягких покровов над глабеллой у шимпанзе больше по отношению к толщине покрова на лбу и в латеральной части надбровий; и у человека и у шимпанзе минимальная отметка толщины мягкого покрова по профилю приходится на кончик носовых костей.

Только губы шимпанзе в связи со значительным отличием строения челюстей и зубов от человеческих форм, видимо, имеют свои, отличающиеся от человеческих, закономерности. Но и здесь все же следует указать на весьма близкие формы.

Толщина мягких тканей у самок гориллы значительно отличается от толщины мягких тканей у шимпанзе не только тем, что она больше: здесь существует и другая гамма соотношений. У самцов, в связи с чрезвычайным

---

[1] Негры не были нами изучены в плане изменения толщины мягких тканей лица. Но морфологическая основа черепа не дает никаких оснований предполагать у них какую-либо другую толщину мягких покровов лица, что и было нами доказано контрольными работами по восстановлению лица.

[2] Ф. Биркнер. Расы и народы человечества. Изд. «Брокгауз-Ефрон», 1914.

развитием гребней, мягкие ткани, очевидно, приобретают совершенно другой характер во всех соотношениях. У орангутанга также резко выражен половой диморфизм. Даже у самок соотношения толщины мягких покровов совершенно другие, отличающиеся от человеческих. У самцов эта разница еще резче.

Несомненно, соотношения мягкого покрова лица и черепа взаимно соподчинены, что обосновывается морфологическими особенностями черепов не только человека, но и обезьян. По отношению к человеку это можно видеть, внимательно анализируя наблюдения наших предшественников.

Известно, что у китайцев широкие, скуластые лица по сравнению с лицами европейцев, и многие авторы отмечают различную толщину мягких тканей в точке максимальной ширины скуловых дуг, а именно у китайцев толщина в этой точке больше, у европейцев — меньше. Для европейцев, по Гису и Кольману, эта величина равна 6,63 мм, а для китайцев, по Биркнеру,— 10,09 мм, что вполне согласуется с нашими наблюдениями.

Но это простой случай. Обычно отношение мягких покровов лица к поверхности черепа труднее наблюдать и диагностировать. Чрезвычайная сложность этих взаимоотношений, множественная корреляция различных признаков не является, однако, свидетельством отсутствия корреляции. Более чем двадцатилетний опыт наблюдений в этой области дает право критически отнестись к старым наблюдениям и тем более к догматически принятым выводам.

Объективная оценка проведенных ранее работ дала возможность понять причины отрицательного решения поставленной задачи учеными Западной Европы и Америки. Несомненно, что неудачное решение определялось в первую очередь методологией зарубежных ученых, которые либо полностью отрицали существование какой-либо связи между особенностями черепа и мягкими тканями лица, либо представляли себе эту связь несколько упрощенно, не учитывая, что отношения эти могут быть весьма сложными и требуют нередко специального анализа. Кроме того, этот неуспех отчасти объясняется антинаучным расистским представлением многих западных ученых о том, что ничто, свойственное белому, не может быть перенесено на негра или монгола. Это ложное положение явилось результатом неверной оценки степени различия между расовыми типами. Если же принять безоговорочно точку зрения этих ученых на степень расового различия, то тем самым надо было бы отказаться от всяких попыток создания единого, общего метода реконструкций для всех расовых типов.

Предлагая ту или иную реконструкцию ископаемого человека, ни один западноевропейский, ни один американский ученый не рискнул проверить свой метод на реконструкции современного человека. До сих пор ни один из них не создал портретной реконструкции современного человека, т. е. такой реконструкции, которая могла бы быть опознанной и тем самым проверенной. При отсутствии такой проверки нет гарантии, что созданные этими учеными образы древних ископаемых людей действительно приближаются к реальному их внешнему виду, и, может быть, правы те, кто не хочет принимать этой реконструкции на веру. Именно отсюда и проистекает убеждение скептиков в том, что реконструкция ископаемого человека — это в большей или меньшей степени плод так называемой научной фантазии, т. е. что это более или менее оригинальный, но мало правдоподобный вымысел. А раз это только вымысел, нужен ли он, и не будет ли он мешать правильному восприятию подлинного материала, каким, конечно, являются кости ископаемого человека в той

степени, в какой они сохранились? Так, методологическая несостоятельность ученых Запада в постановке проблемы привела их к столь плачевному итогу исканий в данной области и, мало того, обусловила как бы предел их дальнейших возможностей.

Советские антропологи совершенно иначе оценивают сущность так называемых расовых признаков. Наше представление о них основано на материалистической базе, что дает возможность ставить и решать вопрос реконструкции, исходя из других предпосылок.

Работами советских антропологов показано, что закономерности связей, в частности величины корреляций между отдельными размерами тела, чрезвычайно сходны у всех рас. Сами размеры могут быть, конечно, неодинаковыми в разных группах, но взаимная обусловленность этих размеров и вообще особенности строения весьма однородны внутри групп. Только при условии единства видового происхождения всего современного человечества возможно применение одного и того же технического приема при реконструкции на любом, различном в расовом отношении черепе и можно ждать практически правильного, объективного решения. Опыт показывает, что следует идти прежде всего по пути фиксирования признаков, объединяющих все человечество, а затем учитывать его современное многообразие и процессы эпохального формирования с древнейших времен.

Реконструкция не сводится только к формальному фиксированию прямых механических функциональных связей лица и черепа, но требует также учета влияния внешней среды и специфических для данного отрезка времени социальных условий. Мимика, формирующая лицевую мускулатуру, не могла быть одинаковой у неандертальца и у современного человека.

Все различия между расами человека в конфигурации черепа, мягких частей лица и других деталей строения, о которых упоминается в настоящей книге, касаются, — как и вообще расовые различия у человека, — только внешних, второстепенных признаков и, конечно, не имеют ничего общего с теми основными, общевидовыми особенностями человека, которые чрезвычайно схожи у самых различных рас. Строение мозга, анатомическое строение кисти и стопы и ряда других органов, важных для сознательной трудовой деятельности, чрезвычайно близки у разных расовых типов. Работы советских антропологов, в первую очередь, и прогрессивных ученых за рубежом показывают, что ни отдельные расовые признаки, ни их комплексы не могут рассматриваться как ступени в эволюции физического типа человека. Тем самым объективное изучение расовых различий может служить и служит советским ученым для опровержения расистских лженаучных теорий о высших и низших расах. Как ни различны по своей внешности расы, населяющие нашу землю, всегда между ними можно отметить очевидную общность уже в строении массы отдельных деталей лица и всего их облика в целом.

Начиная свою работу над реконструкциями, мы не предполагали, что сможем осуществить портретное восстановление лица по черепу. Сознательно наша задача была ограничена желанием получить только этнический портрет ископаемого человека, и лишь позднее, проводя контрольные опыты, мы убедились, что путем максимального уточнения методики, введения в нее элемента объективности при построении лица по черепу, можно подойти к решению проблемы портретной реконструкции.

Здесь уместно будет сказать о том, что же, собственно, в нашем представлении является портретной реконструкцией. Мы называем портретной реконструкцией такую, по которой возможно очевидное опознание —

идентификация определенного лица на основании маски, воспроизведенной нашим методом по черепу. Маска ни в коей степени не может явиться собственно портретом некогда жившего человека — это всего-навсего попытка максимального приближения к внешнему его виду. Еще менее полученное изображение можно назвать художественным портретом, о чем свидетельствует сама техника документального воспроизведения внешнего вида некогда жившего субъекта. Это — не эмоциональное произведение, созданное художником. В отличие от художественного портрета реконструкция по черепу является не субъективным решением портрета, а объективным его восстановлением. Это как бы бесстрастная скульптурная схема, документально построенная по черепу и максимально приближающаяся по своим чертам к внешнему виду субъекта, череп которого послужил основой для реконструкции.

В дальнейшем в своей работе мы пытаемся осветить весь тот фактический аппарат, который обеспечивает возможность воспроизведения портретной реконструкции и тем самым дает право рассматривать ее как объективный документ. Мы предполагаем привести как технологический процесс воспроизведения головы в целом, так и решение отдельных деталей лица, аргументируя все свои положения и приемы конкретными случаями воспроизведения. Мы пытаемся, наряду со стандартами толщины мягких покровов, дать ряд шкал, определяющих возможность поправок при индивидуализированных реконструкциях, т. е. реконструкциях исторических лиц или воспроизведении неизвестных при следственном процессе. Если предлагаемая работа действительно может явиться некоторым руководством для изучения данного вопроса, то мы надеемся, что тем самым ученые различных специальностей (анатомы, антропологи, историки, археологи, криминалисты и др.) приобретут новый источник для своих разносторонних работ. В частности, историки и антропологи не могут не использовать этот источник для понимания процесса формирования ныне живущих народов. Некоторую попытку вскрытия процесса этногенеза древних племенных категорий мы пытаемся сделать на материалах неолита Европейской части СССР.

В России над вопросом реконструкции ископаемого человека до революции систематически никто не работал. Нам известна реконструкция ладожского человека эпохи неолита, приведенная А. П. Богдановым в его работе о ладожских черепах[1]. Рисунок сделан художником М. Клодтом — сыном знаменитого скульптора[2].

В 1934—1935 гг. под непосредственным наблюдением анатома А. П. Быстрова были восстановлены две головы: питекантропа и неандертальца. Они были сделаны по методу Грегора. Сам Быстров — блестящий анатом — внес ряд существенных поправок, и воспроизведенные под его наблюдением реконструкции в значительной степени отличаются от грегоровских в смысле их большего приближения к подлинному, реальному образу. Очень жаль, что Быстров только руководил этими работами, а не выполнял их сам. Его собственное мастерство, несомненно, обеспечило бы еще лучшее выполнение этих работ[3].

В Музее антропологии Московского университета стоит скульптура питекантропа, созданная одним из самых талантливых анималистов Советского Союза — В. А. Ватагиным. Это, конечно, не реконструкция, а

[1] См. А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века южного побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

[2] К сожалению, в тексте нет никаких данных о приемах реконструкции. Вероятно, это свободное творчество художника, несколько корректированное А. П. Богдановым.

[3] А. П. Быстров. Лицо доисторического человека. «Искра», 1923, № 3, стр. 13—17.

свободная скульптура художника, выполненная при непосредственном участии ряда крупнейших антропологов, в том числе Н. А. Синельникова. Эта скульптура, изображающая питекантропа в момент бега, с нашей точки зрения, не вполне отвечает тем костным остаткам, которыми мы располагаем в настоящее время. И все же она дает довольно верное представление о какой-то переходной стадии от обезьяно-человека к собственно человеку.

За последнее время в ряде отечественных работ появилось большое количество изображений древнего человека. К сожалению, эти изображения, как правило, выполнены случайными художниками и не могут рассматриваться как настоящие реконструкции.

Наши собственные первые попытки реконструкции ископаемого человека были сделаны в 1927 г. Тогда по остаткам питекантропа и неандертальца мы пытались воспроизвести внешний вид этих ископаемых людей. В настоящий момент обе эти реконструкции имеют значение только как определенный этап в нашей работе, так как в то время мы еще не имели соответствующего опыта. Только в 1938 г. нам, наконец, впервые чисто эмпирическим путем удалось воспроизвести ряд документальных портретов. Выполнение этих реконструкций послужило переломным моментом в нашей работе и дало возможность применить этот опыт в криминалистической практике. Результаты этой работы окончательно закрепили за нашей наукой приоритет получения портретной реконструкции. В предлагаемой книге мы пытаемся, учитывая весь опыт прошлых лет, передать основные элементы метода. Правда, мы должны оговориться, что многое из того, что мы имели возможность наблюдать, еще не поддается полному учету и описанию. Мы располагаем значительным количеством частных, не систематизированных наблюдений, которые, хотя и не могут быть еще изложены, однако нередко в конкретных случаях способствовали осуществлению портретного восстановления лица по черепу.

Считаю необходимым дать краткий перечень этапов процесса создания портретной реконструкции на краниологической основе. Весь процесс делится на следующие этапы:

I. Анализ черепа:

1. Антропологическое исследование с акцентом на описательных признаках.
2. Определение пола.
3. Определение возраста.
4. Индивидуальные отклонения форм.
5. Степень развития рельефа черепа.
6. Расовая диагностика.

II. Графическое решение реконструкции. Нами разработаны два типа графической реконструкции:

1. Графическая схема для объективной оценки степени правильности решения скульптурного портрета. Как правило, этот прием применяется в качестве вспомогательного при реконструкции исторического лица.
2. Графическая реконструкция этнического типа. Данный прием применяется при массовой обработке антропологических серий.

III. Скульптурное воспроизведение схемы головы. Существо работы заключается в том, что на подлинном черепе или на гипсовом его отливе воспроизводятся постепенно основные мускулы, затем наносятся гребни толщины, обеспечивающие в дальнейшем объективное построение схемы головы. В качестве скульптурной массы употребляется специальный воск, рецептура изготовления которого будет изложена ниже.

IV. Завершение работы над бюстом с учетом археологических и исторических данных (костюм, прическа).

Три первых этапа процесса работы целиком строятся на фактических материалах, полученных в результате конкретного изучения мягких тканей и черепа. В процессе воспроизведения основным «документом» является череп. Дальнейшая обработка внешности при реконструкции носит более субъективный характер, так как схематической маске нужно придать выражение живого лица. При создании этнических портретов древнего ископаемого человека опасность некоторого искажения полученного образа на последующем этапе работы незначительна, так как при определении прически всегда учитываются наиболее яркие этнические черты, а одежда воспроизводится по данным археологии. В этом отношении значительно сложнее работа над портретами исторических лиц. Здесь необходима консультация историка во избежание возможных ошибок.

Заканчивая введение к книге, отметим, что мы никогда не рассматривали создаваемые нами реконструкции как некую самоцель. Нам кажется, что в конечном итоге методика пластической и графической реконструкции должна явиться одним из многих приемов классической антропологической науки. Это один из способов иллюстративной диагностики палеоантропологического материала, в результате которой костный материал дополнительно приобретает выразительность и наглядность живого человека. Тем самым он становится доступным не только антропологу, но и любому ученому, интересующемуся вопросами расогенеза или этногенеза. Односторонность приемов, стремление обобщить, стандартизировать, получить цифровое выражение в каждом отдельном случае не всегда могут дать объективное представление о всей сложности процесса формирования человека. Только гармоническое использование всех возможных способов может дать исследователю максимальное приближение к подлиннику. Указание на частные морфологические детали лица и черепа с некоторым их акцентированием лишь свидетельствует о степени важности данных деталей в частном вопросе создания документального портрета по черепу. В первой нашей книге, посвященной данной проблеме[1], в кратком предисловии от редакции Я. Я. Рогинский счел необходимым подчеркнуть одно обстоятельство: «Очевидно, что далеко не все элементы лица поддаются точной реконструкции на основании черепных данных, и если части, прилегающие плотно к костной основе, восстанавливаются с полной достоверностью, то такие элементы портрета, как детали ушной раковины, детали формы губ, ноздрей и пр. будут всегда неизбежно восстанавливаться с большей долей гипотетичности».

Я. Я. Рогинский совершенно прав, и мы далеки от мысли утверждать обратное. Говорить о тождестве реконструкции с подлинным лицом — сущая нелепость, и мы никогда не говорили о тождестве. Опыт криминалистических воспроизведений современного человека по черепу, если облик этого человека при жизни известен по фотографиям, убеждает в том, что предлагаемая методика скульптурной реконструкции обеспечивает приближение портрета к подлиннику в такой мере, что не возникает сомнения, что это одно и то же лицо. Что же касается мелких нюансов отдельных деталей, — будь то ноздри или рельеф ушной раковины, — то неизбежная степень ошибки в воспроизведении их формы столь незначительна, что на общем фоне правильно выполненного портрета практически неощутима. Тем не менее уточнение методического приема восстановле-

[1] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. Изд. «Советская наука», М., 1949.

ния, верное воспроизведение этих деталей лица обеспечат наибольшее приближение к правильному осуществлению портретной реконструкции.

Для научного решения реконструкции ископаемого человека эти мелкие нюансы индивидуальной портретности, конечно, утрачивают свое значение. Я. Я. Рогинский своим замечанием предостерегает читателя от вульгарного, примитивного суждения о цели реконструкции. Портретная реконструкция — это задача построения лица по черепу с очень многими неизвестными, и наша цель — решить ее с наибольшим приближением, т. е. с минимальной ошибкой. Другими словами, надо достичь максимально возможного в настоящий момент сходства. Одновременно следует указать, что накопление конкретных сведений о ряде корреляций отдельных деталей лица и скелета подтверждает нашу мысль о существовании соотношений между разными элементами мягкого покрова и черепа, даже не связанными между собой непосредственно.

Наиболее строгие критики метода реконструкции лица по черепу всегда заключали свою полемику стереотипным замечанием: «Это не наука, а искусство, и передать свой опыт вам никому не удастся». Вот уже больше пяти лет, как организована лаборатория пластической антропологической реконструкции при Институте этнографии Академии наук СССР. В лаборатории ведется исследовательская и методическая работа в области реконструкции лица по черепу. Производится массовая реставрация краниологического материала, поступающего из различных мест СССР. Краниологический материал систематически обрабатывается в связи с вопросами этногенеза древнейшего населения СССР, для чего выполняется скульптурная и графическая реконструкция. В соответствии с заданиями следственных органов ведется работа по опознанию неизвестных.

Все это выполняют мои сотрудники: врач-анатом Г. В. Лебединская, биолог Н. Н. Мамонова и антрополог Т. С. Сурнина. На протяжении всего времени существования лаборатории ими не только производились вспомогательные работы, но и практически осваивался процесс скульптурного воспроизведения лица по черепу. Они с равным успехом выполняют контрольное восстановление этнического портрета, и каждая из них уже осуществила некоторое количество реконструкций, связанных с криминалистической практикой. Это обстоятельство впервые дает мне право говорить о том, что предлагаемые мною реконструкции и их методика являются областью науки, что процессу восстановления лица по черепу можно обучить, как любому антропологическому приему.

Подготовляя настоящую книгу к печати, автор использовал материалы, опубликованные в упомянутой выше нашей первой книге. За годы, протекшие со времени выхода в свет указанной работы, накопился новый, значительный палеоантропологический материал, позволяющий осветить ряд вопросов, которые не могли быть поставлены еще несколько лет тому назад.

Благодаря организации при Институте этнографии Академии наук СССР лаборатории пластической антропологической реконструкции, как указывалось, автор получил возможность не только выполнить ряд работ, связанных с изучением древнего населения СССР, но и специально поставить ряд методических исследований. Результаты этих исследований позволили значительно расширить объем настоящего труда по сравнению с нашей книгой, вышедшей в 1949 г. Новейшие археологические исследования дали автору возможность также расширить постановку вопроса о связи антропологических типов и материальной культуры соответствующих эпох.

За постоянную помощь и предварительную обработку антропологического материала, явившегося в значительной степени основой моей работы, приношу сотрудникам лаборатории глубочайшую благодарность.

Сердечно благодарю своего учителя профессора А. Д. Григорьева. Пользуюсь случаем поблагодарить директора Музея антропологии Московского государственного университета М. С. Плисецкого за всестороннюю помощь коллективу лаборатории. Благодарю также Я. Я. Рогинского, Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина, А. Я. Брюсова за постоянную поддержку в работе и реставратора Музея антропологии МГУ Н. Й. Ильенко за помощь и инструктаж при выполнении реставрационных и формовочных работ сотрудниками лаборатории.

Глава I

МАТЕРИАЛЫ К СОЗДАНИЮ МЕТОДА РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ

§ 1. ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛА

Материалы этой главы были собраны в течение более 20 лет работы. В связи с войной многие карточки-описания, статистические данные, рисунки и другие фактические материалы были безвозвратно утрачены. В течение последних лет многое удалось восстановить по памяти и по отдельным разрозненным данным. В основном почти все, кроме ранних цифровых материалов, было уже восстановлено к первой публикации (1949 г.). За недавнее время удалось еще больше расширить круг наблюдений, главным образом на краниологическом материале, что дает возможность настоящую главу дополнить рядом оригинальных данных. Кое-что из старых наблюдений оказалось возможным проверить и окончательно обосновать; в частности, это касается одной из важнейших частей работы — создания стандартов толщины мягких тканей по профилю для мужчин, женщин и детей. Но, разумеется, в данной главе все же будет преобладать уже ранее освещенный материал.

Наша задача — дать представление о том, что же, собственно, обеспечивает возможность портретного восстановления лица по черепу ископаемого, а в равной степени и современного человека. Уже во введении было сказано, что основным документальным материалом для этой работы является череп того субъекта, чей облик должен быть воспроизведен. Однако, несмотря на это, совершенно напрасно ожидать в данной книге морфологического описания черепа. В равной степени не моя задача давать описание мышц и других мягких покровов. Эту задачу давно и с достаточной полнотой выполнили анатомы. Мы позволим себе обратить внимание только на отношение мягких покровов мускулатуры к костям в тех случаях, когда это будет обеспечивать возможность воспроизведения тех или иных деталей частей головы или лица.

В настоящей книге еще не будет рассмотрена задача построения всего тела человека, не потому, что его невозможно воспроизвести по костным останкам, а как раз именно потому, что воспроизвести по скелету мышцы тела, форму руки, ноги, торса гораздо легче, чем лицо. Дело в том, что в строении всего остального организма человека функциональные связи с мягких покровов и скелета легче опознаются, а, следовательно, дают больше материала для их правильного воспроизведения. Тем не менее при создании портрета того или иного человека приходится всегда учитывать и конституционные особенности и тем более патологические изменения скелета данного человека. Для того, чтобы это было

понятно, достаточно вспомнить, что, скажем, хромота на ту или другую ногу связана с целым рядом очень сложных вторичных изменений, так как только в результате возникновения их человек может компенсировать в какой-то мере свой недуг. Естественно, что это влечет за собой очень быстрое изменение во всем организме: изменяется как форма костей, сухожилий, так и степень развития отдельных мышц или целого их комплекса. Все это приводит к ряду закономерных отклонений от нормы, которые при выполнении даже погрудного портрета обязательно должны быть учтены. Иначе общий облик реконструированного будет недостаточно точен.

Многолетние наблюдения убеждают нас, что кость продолжает беспрерывно изменяться на всем протяжении существования человека. Правда, если в юном возрасте субъекта костное вещество весьма пластично, то с возрастом, в зависимости от ряда привходящих обстоятельств — состояния здоровья субъекта, перенесенных заболеваний, питания, режима жизни, короче говоря, всего того, что мы называем окружающими нас условиями,—эта пластичность в той или иной мере уменьшается.

Мы лишены возможности разбирать существо данного вопроса, однако считаем совершенно уместным упоминание о нем, так как все возрастные особенности, все образования, являющиеся следствием компенсаторных явлений, определяются степенью пластичности костного вещества.

В нашу задачу не входит введение какой-то новой методики краниологического изучения или описания материалов. Наряду с нашими коллегами, советскими учеными, мы пользуемся метрической техникой Мартина[1], дополненной и модернизированной советскими учеными Ярхо, Дебецом и др. Одновременно мной учитываются некоторые шкалы, разработанные Брока[2].

В антропологической литературе можно найти сведения о толщине мягких покровов лица человека у различных рас. К сожалению, ни один из авторов, давая свои измерения, почти совершенно не отмечал закономерной связи толщины мягких покровов с рельефом скелета лица. В лучшем случае при рассмотрении отдельных мышц автор указывает места прикрепления их к костям и их функцию, но никогда не отмечает взаимоотношений их ширины, длины и толщины с той или иной формой строения черепа. Это отсутствие сведений о взаимной связи мягких покровов лица и нижележащего скелета делает почти все известные нам измерения мягких тканей недостаточно убедительными, так как лишает реальной возможности применить эти данные при восстановлении лица по черепу. Вот почему особого внимания в данной связи заслуживают работы Ганса Вирхова. В 1914 г.[3] он демонстрировал свою первую попытку создать новый препарат, который он назвал «получереп-полумаска». Назначение этого препарата — наглядно показать соотношение мягких покровов лица и нижележащего скелета.

Позволим себе кратко изложить некоторые данные об этом препарате. Вирхов рекомендовал предварительное инъицирование трупа формалином со спиртом, указывая, что это обеспечивает в дальнейшем определенную стабильность мягких тканей, так как они совершенно затвердевают. Нам совершенно непонятно, как такой внимательный исследова-

---

[1] Martin. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Iena, 1928.

[2] P. Broca. Instructions rélatives à l'étude anthropologique du système dentaire. «Bull. de la Société d'Anthropologie de Paris», 1878.

[3] «Zeitschrift für Ethnologie», Bd 47, H. 180, 1914.

тель мог игнорировать факт искажения мягких тканей при обезвоживании. Далее Вирхов заливал одну из сторон головы в гипс. На противоположной стороне, свободной от гипса, он производил ряд фиксирующих промеров и затем, освободив всю суставную поверхность челюстей и альвеолы зубов от мягких покровов, фиксировал их отношение друг к другу снятием гипсовой формы (либо двумя дивергирующими проколами для укрепления) для того, чтобы в дальнейшем иметь возможность смонтировать верхнюю и нижнюю челюсти в правильном соотношении. После этого, освободив голову от гипса, он распиливал ее по медиальной линии и полученную половину головы совмещал с ранее сделанным отливом другой половины. После тщательной проверки степени совпадения гипсовой половины головы с подлинной он объединял их закрепляющими штифтами, а затем подвергал голову мацерации. Освобожденная от мягких тканей половина черепа ставилась вновь на штифты, и, действительно, в результате всех этих манипуляций получался внешне очень интересный препарат, одна половина которого представляла собой подлинный череп, а другая половина головы была отлита из гипса.

К сожалению, этот препарат далеко не точен. Как указывает сам автор, уже в процессе инъекции от введенной жидкости мягкие покровы неравномерно разбухают. Последующее их высыхание, стабилизация, уплотнение происходят также неравномерно. Кроме того, могут деминерализоваться кости, что приводит иной раз к уменьшению их объема. Все эти изменения неравномерны и не поддаются вследствие этого ни учету, ни поправке. Таким образом, рекомендуемый Вирховым препарат «полумаска-получереп» может иметь только в лучшем случае иллюстративно-учебное значение, так как подлинного отношения мягких покровов к черепу он не отражает.

В том же номере журнала (на стр. 504) Вирхов дает описание процесса получения второго препарата, изготовлявшегося таким же образом. На этот раз была обработана голова 17-летнего негра. При попытке смонтировать мацерированную половину черепа с ранее изготовленным гипсовым отливом головы оказалось, что они не совпадают. Вирхов тщательно проверил размеры мацерированного черепа, пользуясь сохраненной в формалине другой половиной этой же головы. Оказалось, что в результате мацерации произошло заметное уменьшение черепа· измерение черепа немацерированной половины от точек nasion—lambda дало 169,5 мм., мацерированной —165,5 мм (разница 4 мм). Таким образом, произошло уменьшение черепа на 2,36%. На лицевом скелете степень уменьшения была, вероятно, еще больше, но так как она трудно уловима, т. е. не поддается измерению, Вирхов о ней умалчивает. Приведенные данные с очевидностью показывают, что в практике изучения корреляции мягких покровов и черепа данная методика не может быть использована.

Большинство авторов указывает, что мягкие покровы головы у различных рас неодинаковы и что вообще они непостоянны, сильно варьируют, причем эта вариация их как бы свободна, т. е. независима от нижележащего скелета. Различные методы измерения мягких покровов как по технике, так и по выбору точек измерения, делают основную массу наблюдений несравнимой. Кроме того, все исследователи, как правило, работали над инъицированными головами, и их измерения были неправильны уже только потому, что в результате предварительной обработки головы любая из консервирующих жидкостей производит искажение толщины покровов. Таким образом, несмотря на то, что в литературе имеются некоторые, правда, незначительные, разрозненные цифровые данные, они никогда не могли быть ни учтены, ни привлечены для

практического использования. Даже специально выполненные исследования для дальнейшего использования цифрового материала как определенных стандартов при реконструкции, приведенные в работах Кольмана и Бёхли, несомненно, имеют тот же дефект.

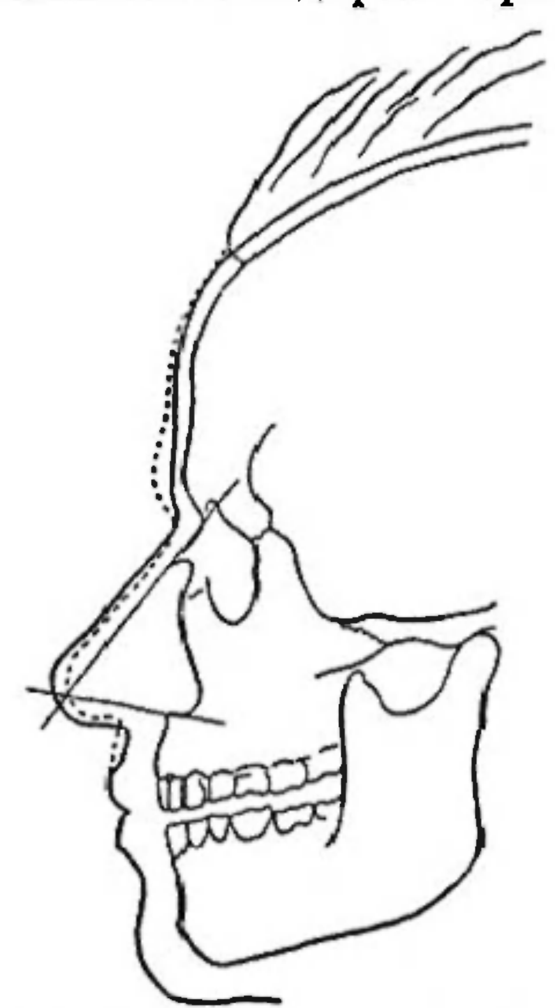

Рис. 1. Схема построения лица женщины эпохи свайных построек (по Бёхли и Кольману). Степень неточности воспроизведенных мягких тканей иллюстрируется пунктиром автора. Поправка произведена на основании изучения рентгенограмм современных женщин.

Это особенно ясно при рассмотрении приведенной Кольманом и Бёхли схемы воспроизведения мягкого покрова на женском черепе. На этой схеме отчетливо видно, что слой мягких тканей, покрывающий череп по профилю, в целом ряде мест не отвечает его конфигурации. Так, например, довольно сильно выступающая глабелла как будто бы свидетельствовала об утолщении над ней мягкого покрова, а на приведенной схеме, наоборот, мягкие ткани на лбу, на всем почти протяжении достигавшие 4,3 мм, над глабеллой неожиданно уменьшились до 2,5 мм. Еще разительнее несовпадение профиля костного носа с реконструированной мягкой тканью над ним. Как известно, от глабеллы, где мягкая ткань достигает своей максимальной толщины, ткань постепенно утончается по направлению к концу носовых косточек, достигая иной раз на женском лице толщины, не превышающей 2 мм. На приведенной схеме можно наблюдать нечто, совершенно обратное. От уменьшенной толщины над глабеллой, по мере приближения к концу носовых косточек, мягкая ткань увеличивается, резко отклоняясь от основного направления профиля спинки костного носа. Далее, при рассмотрении этой схемы становится совершенно очевидным, что ни профиль спинки костного носа, ни края грушевидного отверстия, ни слабо развитая приподнятая подносовая ость не дают основания к построению такого мягкого носа. В такой же степени очевидно расхождение между выпуклой, рельефной альвеолярной частью верхней челюсти и совершенно иным, вогнутым профилем верхней губы.

Для того, чтобы не быть голословным, считаю необходимым продемонстрировать упомянутую схему, на которой пунктиром нанесены поправки (рис. 1).

Несомненно, что ошибки Кольмана и Бёхли объясняются в первую очередь неточностью методов измерения и тем обстоятельством, что измерялись препараты, а не свежие головы. Кроме того, Кольман и Бёхли никогда не имели возможности наблюдать прямых, естественных связей в соотношениях мягких тканей и черепа живого человека[1]; они не имели в своем распоряжении такого мощного вспомогательного аппарата, как рентгеноскопия живого лица, так как икс-лучи (1895 г.) были открыты Рентгеном всего за три года до выпуска их работы, и рентгеноскопия живого лица в то время еще не была разработана.

---

[1] I. Kolmann und W. Büchly. Die Persistenz der Rassen und die Reconstruction der Physionomie prähistorischer. Schadel. «Archiv für Anthropologie». Braunschweig, 1898, Bd. XXV, стр. 330—359.

Несмотря на то, что изучение мягких тканей, покрывающих лицо, никогда не было предметом специально проверенных исследований, все же в результате разного рода других смежных работ и случайных наблюдений анатомами и антропологами был собран некоторый материал о толщине мягких покровов головы и лица.

В данной связи особенно интересны наблюдения Биркнера на шести головах китайцев. Полученные им данные близки к нашим. Если можно говорить о некоторых несовпадениях ряда точек, то это объясняется разницей методов исследования, а не фактическим положением дела. В своих наблюдениях Биркнер[1] не оценил необходимости учитывать степень развития рельефа кости. В этом принципиальная разница наших наблюдений и сделанных выводов.

Рис. 2. Степень вариации толщины мягких тканей в связи с усилением рельефа костной основы (носо-лобный участок по медиальной линии):

В литературе утвердилось представление о том, что толщина мягких покровов лица у монголов в среднем больше, чем у европейцев и негров, у женщин — больше, чем у мужчин, у молодых—больше, чем у стариков. Не опровергая этого утверждения, должен, однако, отметить, что это представление возникло в результате того, что мягкие ткани наблюдались без учета нижележащего рельефа черепа. Для того, чтобы было понятно, о чем идет речь, позволю себе привести ряд поясняющих конкретных примеров.

Вариации мягких тканей над глабеллой

1. У мужчин от 25 до 45 лет	7 — 12 мм
2. У женщин » 20 » 40 »	6 — 10 »
3. У детей » 8 » 16 »	5,2 — 8 »

Вариации мягких тканей в связи с рельефом черепа (рис. 2)

а. Мужчина 40 лет. Армянин

1. Середина лба	6,8 мм
2. Перед глабеллой	8.5 »
3. Наибольшая высота глабеллы	11,8 »
4. Корень носа	10,0 »
5. Середина носовых костей	3,2 »
6. Конец » »	2,5 »

б. Мужчина 30 лет Карел

1. Середина лба	7,0 мм
2. Перед глабеллой	7,2 »
3. Наибольшая высота глабеллы	7,5 »
4. Корень носа	6,5 »
5. Середина носовых костей	3,8 »
6. Конец » »	2,2 »

[1] F. Birkner. Beiträge für Rassenanatomie der Chinesen, Correspondenzblatt der deutschen Gesellschaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1904, XXXV, стр. 144—147; его же Haut und Haare bei sechs Chinesenköpfen, «Archiv für Anthropologie», Braunschweig, 1906, Bd XXXIII, стр. 142—148.

1. При сильно выступающей, с усложненным рельефом глабелле, толщина мягких тканей над ней будет больше, чем в этой же точке при слабо развитом рельефе носолобного участка лобной кости.

2. При сильно развитой глабелле с резким рельефом надбровья, глубоким корнем носа, связанным с сильным выступанием носовых костей, мягкие ткани, несомненно, будут более мощными, чем в случае постепенного перехода от слабо развитой глабеллы со слабо развитым надбровьем к уплощенному своду вогнутых носовых костей (рис. 2).

3. Усиление рельефа надбровий влечет за собой увеличение мягких покровов над ними; при этом следует учитывать форму микрорельефа кости.

а) Если надбровья от глабеллы постепенно усиливаются и наивысшего своего выступания достигают в середине своей протяженности, то толщина мягких тканей от глабеллы постепенно увеличивается, достигая максимума в середине надбровья над максимальной точкой его выступания и далее; затем, по мере отступания к латеральным концам надбровий, толщина мягких тканей снижается до общей нормы толщины их на лобной кости. Это видно из следующих данных:

Вариации мягких тканей в связи с профилировкой лица (рис. 6)

а. Мужчина 42 лет. Русский
(мало профилированное широкое лицо)

1. Край грушевидного отверстия	3,5 мм
2. Фронтальная часть скуловых костей	13,8 »
3. Угол перегиба скуловой кости	11,0 »
4. Максимальное выступание скуловой дуги	6,0 »
5. Перед ухом	6,1 »

б. Мужчина 39 лет. Русский
(сильно профилированное узкое лицо)

1. Край грушевидного отверстия	3,5 мм
2. Фронтальная часть скуловой кости	6,4 »
3. Угол перегиба скуловой кости	8,5 »
4. Максимальное выступание скуловой дуги	5,0 »
5. Перед ухом	4,2 »

б) Иногда внутренние края надбровья почти смыкаются с глабеллой и образуют вместе с ней сложный рельеф переднего края лобной кости. Мягкие ткани подчиняются рельефу и усиливаются в своей толщине, в основном повторяя ту же форму рельефа, что и носолобный участок кости, лишь несколько обобщая форму. Соответствуя степени понижения рельефа лобной кости, толщина мягких тканей будет снижаться к латеральным краям, где всегда достигает обычной нормы толщины мягких тканей, отвечающей средней толщине их в середине лобной кости (рис. 3).

4. Степень выступания лобных бугров никогда не сопровождается увеличением толщины мягких тканей над ними (рис. 4).

5. При ярко выраженном сагиттальном валике нередко приходилось встречать общее усиление толщины мягких покровов над всей лобной костью; особенно бывали усилены участки носовой части лобной кости при переходе сагиттального валика в теменную область. Как правило, на внешней поверхности мягких тканей лба сагиттальный валик резко не обозначается[1] (рис. 5).

---

[1] Этот валик представляет собой некоторое вздутие лобной кости по линии метопического шва и встречается относительно редко.

Рис. 3. Вариации толщины мягких покровов в соответствии со степенью развития рельефа надбровья (около $^1/_2$ нат. размера). (Толщина мягких тканей лица современного человека, изученная на трупном материале моргов Москвы, Ленинграда, Ташкента, 1937—1950).

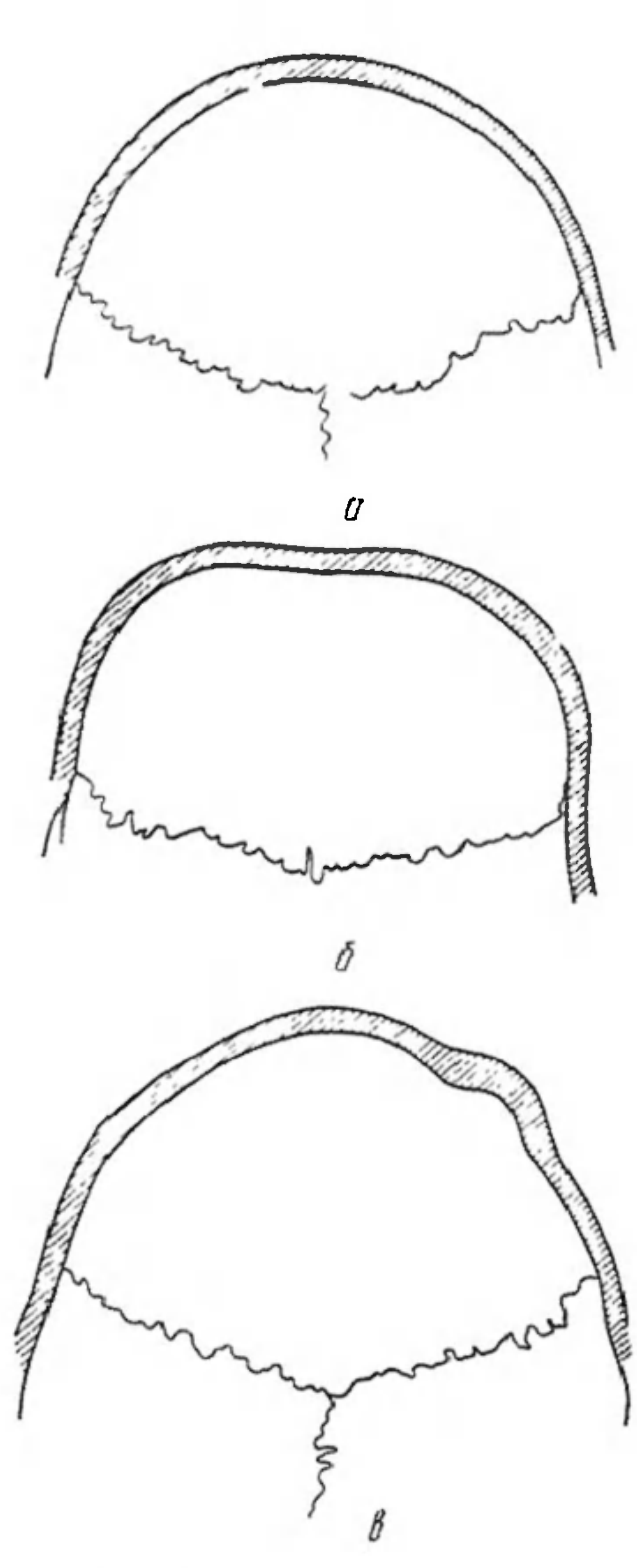

Рис. 4. Толщина мягкого покрова редко изменяется от конфигурации лобной кости и даже при наличии костного нароста:

а — равномерно выпуклый лоб;
б — лоб с сильно развитыми лобными буграми;
в — лоб с сильным шишкообразным наростом.

(Случай из наблюдений проф. Морковина) (Ташкент, Ташми, КСМ, 1942).

Широкие, уплощенные скуловые кости, как правило, являются опорой для выступающих щек Это и естественно, так как от скуловой кости вблизи височноскулового шва начинается скуловой мускул (m. zygomaticus), играющий существенную роль в формировании рельефа щеки. Скуловой мускул направляется к углу рта, где волокна его частично оканчиваются в коже, частично же перекрещиваются с волокнами круговой мышцы рта. При уплощенной форме скуловых костей этот мускул располагается скорее во фронтальной плоскости, в то время как при резко профилированных скуловых костях он приобретает совершенно иную форму и проходит в основном сбоку лица.

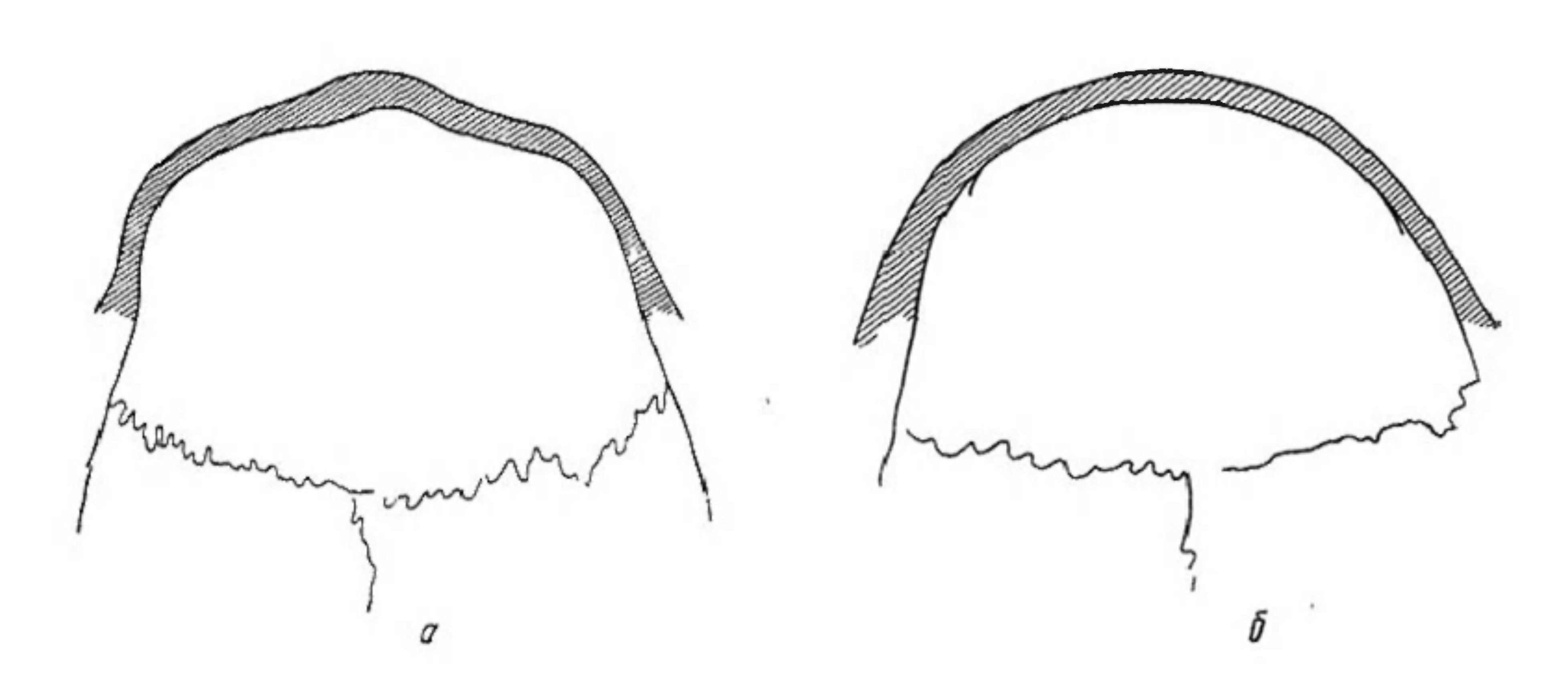

Рис. 5. Толщина мягких тканей лба варьирует в соответствии со степенью выступающего сагиттального валика:

а — мужчина 35 лет, русский, *б* — мужчина 30—32 лет, русский (Лефортовский, морг, Москва, 1939)

Здесь уместно упомянуть о том, что сильно профилированные лица зрительно кажутся более узкими, чем лица с одинаковой скуловой шириной, но слабо профилированные. Это зрительное впечатление не лишено основания, так как слабо профилированные лица, будучи широкими в переднем отделе, могут не быть широкими в заднем отделе скуловых дуг (рис. 7).

При рассмотрении скуловых костей и изучении толщины мягких тканей, слагающих щечную часть лица, следует учитывать не только горизонтальную, но и вертикальную профилировку скуловых костей. В первой публикации мной ориентировочно было указано, что эта вертикальная профилировка скуловых костей, вероятно, даст возможность найти элементы для расовой диагностики. Проведенные специальные работы на небольших разрозненных палеоантропологических сериях дали очень интересный материал. Предварительно высказанное представление о том, что скуловые кости в расовом отношении морфологически не вполне однородны, подтвердилось.

Так, следует отметить, что скуловые кости монголоидов, как правило, очень массивны, с широким и высоким телом, которое почти целиком расположено во фронтальной плоскости. Нижний край скуловых костей значительно вынесен вперед (фронтально). Собачьи ямки на монголоид-

ных черепах выражены значительно слабее, чем на европеоидных черепах. Это своеобразие строения верхнечелюстных и скуловых костей монголоидов наряду со слабой профилировкой скуловых костей, большой высотой лица и слабым выступанием носа, несомненно, может считаться диагностирующим элементом.

При изучении вертикальной профилировки скуловых костей европеоидных черепов было отмечено следующее: для мужских европеоидных черепов оказалась характерной резкая профилировка скуловых костей. Верхние части скуловых костей, образующие латеральную часть нижнего края орбиты, значительно сильнее выступают вперед (фронтально), чем нижний край скуловых костей. У европейцев угол наклона скуловых костей по отношению к немецкой горизонтали бывает равен 50° и даже меньше (рис. 8).

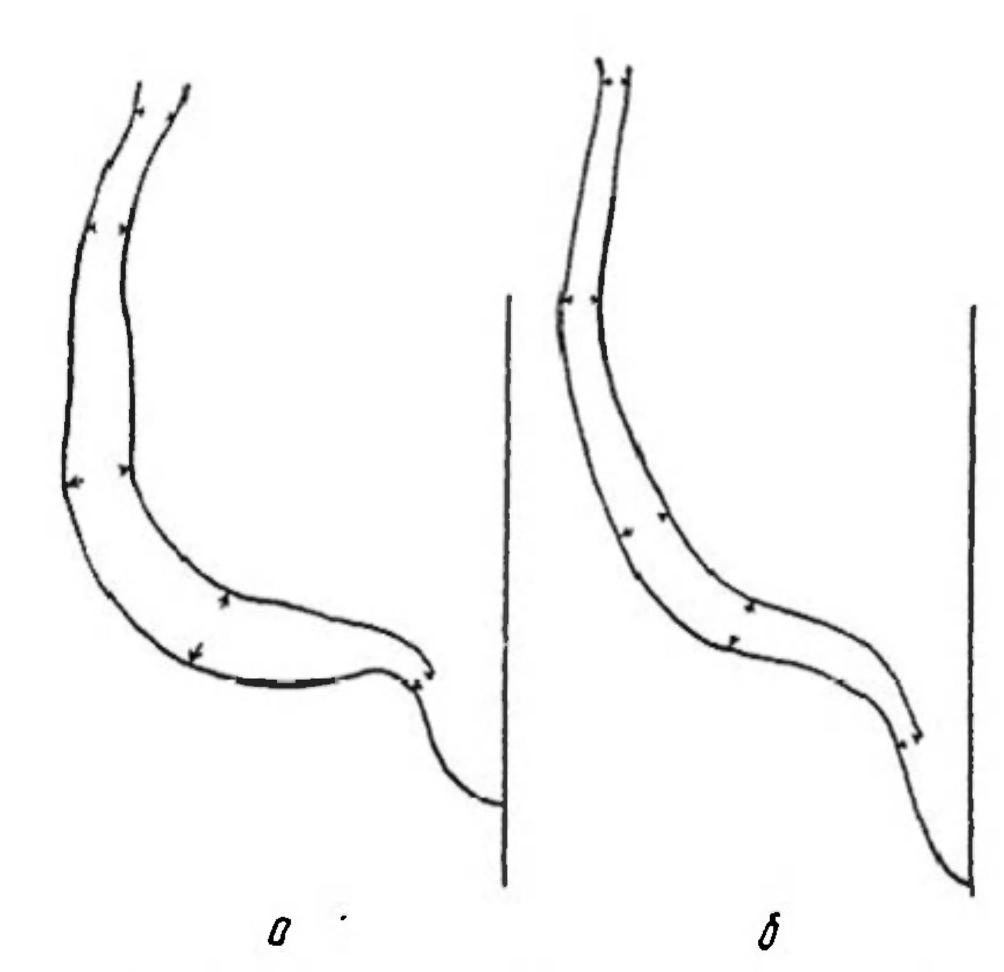

Рис. 6. Степень вариации толстот мягких покровов в связи с горизонтальной профилировкой (сечение через максимальную скуловую ширину):

а — мужчина 42 лет, русский; *б* — мужчина 39 лет, русский (Лефортовский морг, 1939).

Для мужских монголоидных черепов более типичны слабая профилировка скуловых костей, сильное разрастание скулового отростка верхней челюсти, который, как правило, широким раструбом поднимается по направлению к скуловой кости, почти от самого края альвеол предкоренных зубов, нередко образуя уплощенную широкую поверхность, без всякого перегиба переходящую в сильно вынесенную вперед, мощную по своим очертаниям скуловую кость. Как правило, профилировка скуловых костей монголоидов не бывает менее 65°, чаще всего приближается к 70°, а на некоторых сериях тунгусов, юкагир, чукчей даже переходит за 80°.

Скуловая кость женских и детских черепов,—нам удавалось это заметить на различных сериях, — как правило, менее профилирована. По отношению к общей массе лица она широка, аморфна по своим очертаниям даже у грацилизованных черепов. Общее впечатление такое, что у детских черепов мужского пола в возрасте примерно до 10 лет и у женских черепов до глубокой старости профилировка скуловых костей более слабая.

Уже было сказано, что конфигурация скуловых костей, степень развития рельефа их и степень вертикальной и горизонтальной профилировки определяют собой характер распределения мягких тканей фронтальной части лица. При слабой профилировке лица, совершенно естественно, часть скуловых костей, лежащая во фронтальной плоскости, выступает вперед. Кроме того, эта же ослабленная профилировка скуловых костей определяет и характер постановки орбиты глаза, вынося передний край ее вперед.

Все это вместе создает определенную композицию черепа, при которой многие ткани вместо того, чтобы иметь боковое уплощенное положение, приобретают совершенно другое направление. Все они как бы переносятся вперед, занимая широтные фронтальные положения. В силу этого, например, такой мускул, как жевательный (m. masseter), переносится основной своей массой на переднюю часть скуловой дуги. Если эта уплощенность сопровождается и общей круглоголовостью (брахицефалией), то резко изменяется и височная яма черепа, в которой располагается височный мускул (m. temporalis). Этим достигается своеобразная композиция овала лица монголоидов. В силу малой глубины собачьей ямки m. caninus не атрофируется, а просто приобретает несколько другую конфигурацию. Он более уплощен и, вследствие характерной для многих групп монголоидов большой высоты лица, значительно длиннее и шире по своей протяженности в сравнении с типическими европейскими формами. При слабой профилировке широкого и высокого лица монголоида пластинка круговой мышцы рта (m. orbicularis oris), образующая основной массив мягких тканей рта, вынесена вперед. Это-то и создает в общих чертах представление о большей мясистости широкого лица монголоида.

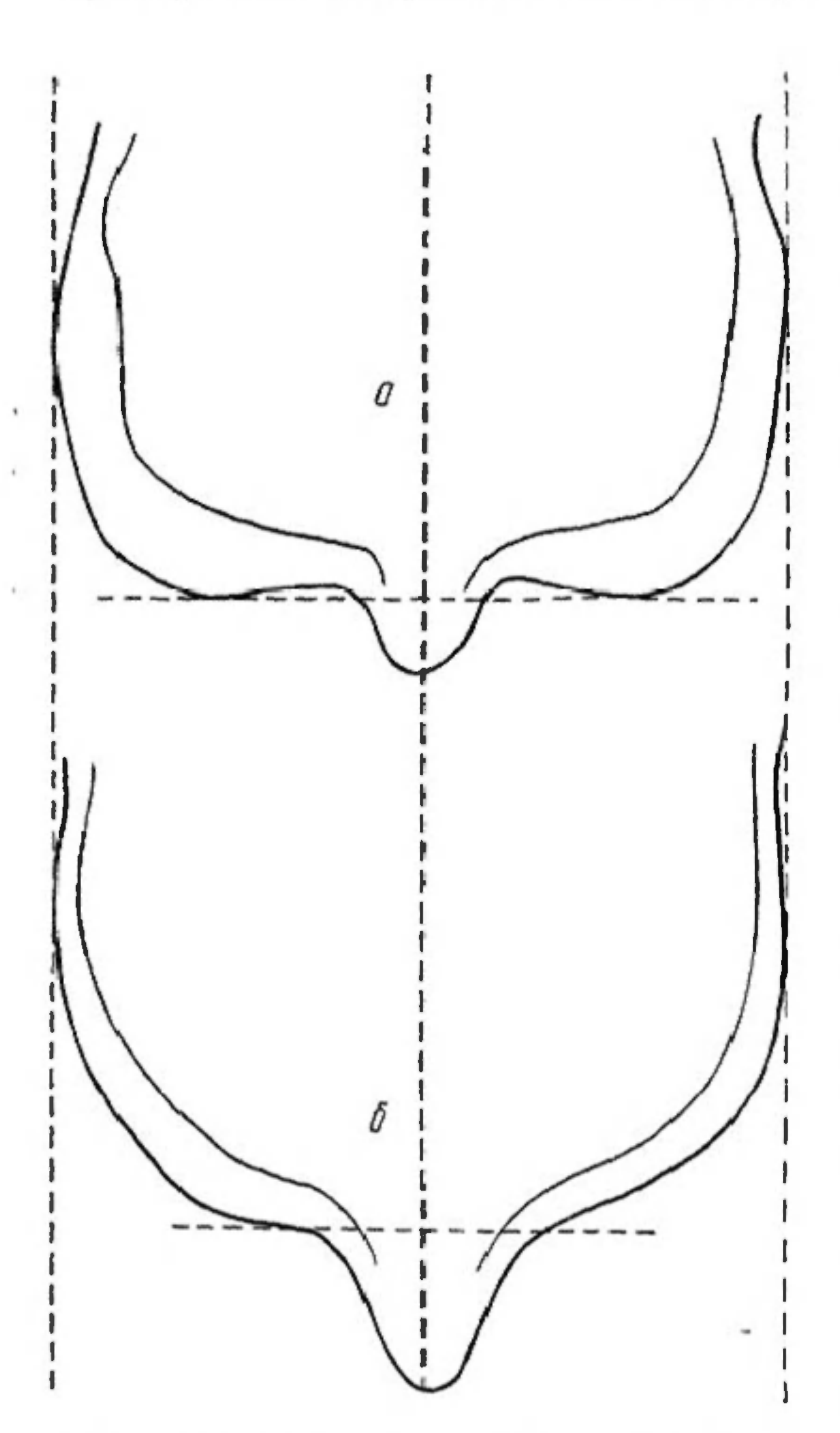

Рис. 7. При разной степени профилировки лица создается ложное представление о ширине лица:

а — широколицый мужчина 42 лет; б — узколицый мужчина 38 лет (Лефортовский морг, Москва, 1939)

Примерно то же самое можно сказать и об уплощенном, мало профилированном женском лице европеянок; в равной степени это может быть перенесено на лицо ребенка. Конечно, европейское женское лицо по сравнению с типичным монгольским всегда будет тоньше. Между тем, если взять характерное лицо монголки, можно констатировать факт еще большей уплощенности, большей мясистости лица по сравнению с мужским. Таким образом, в настоящий момент с еще большей четкостью можно сказать, что, независимо от расовой принадлежности, лица женщин чаще будут более плоски, т. е. будут обладать более вертикально поставленными глазницами и менее профилированными, широкими, со слабым рельефом, скуловыми костями. Большая ширина ветви нижней челюсти, расширение ее углов и усиление общего рельефа кости, а также ее общая массивность будут всегда сопровождаться боль-

шим развитием жевательного мускула (m. masseter) и усилением мягкого покрова подбородка.

Таким образом, одна статистическая обработка данных о толщине мягких тканей, выполненная различными авторами без учета рельефа головы, не может быть использована ни для создания стандартов, ни для решения вопроса, связанного с выяснением особенностей строения расовых категорий. Все это свидетельствует о том, что при сборе материала о толщине мягких тканей необходимо учитывать не только их толщину, но одновременно и степень развития рельефа черепа того же субъекта.

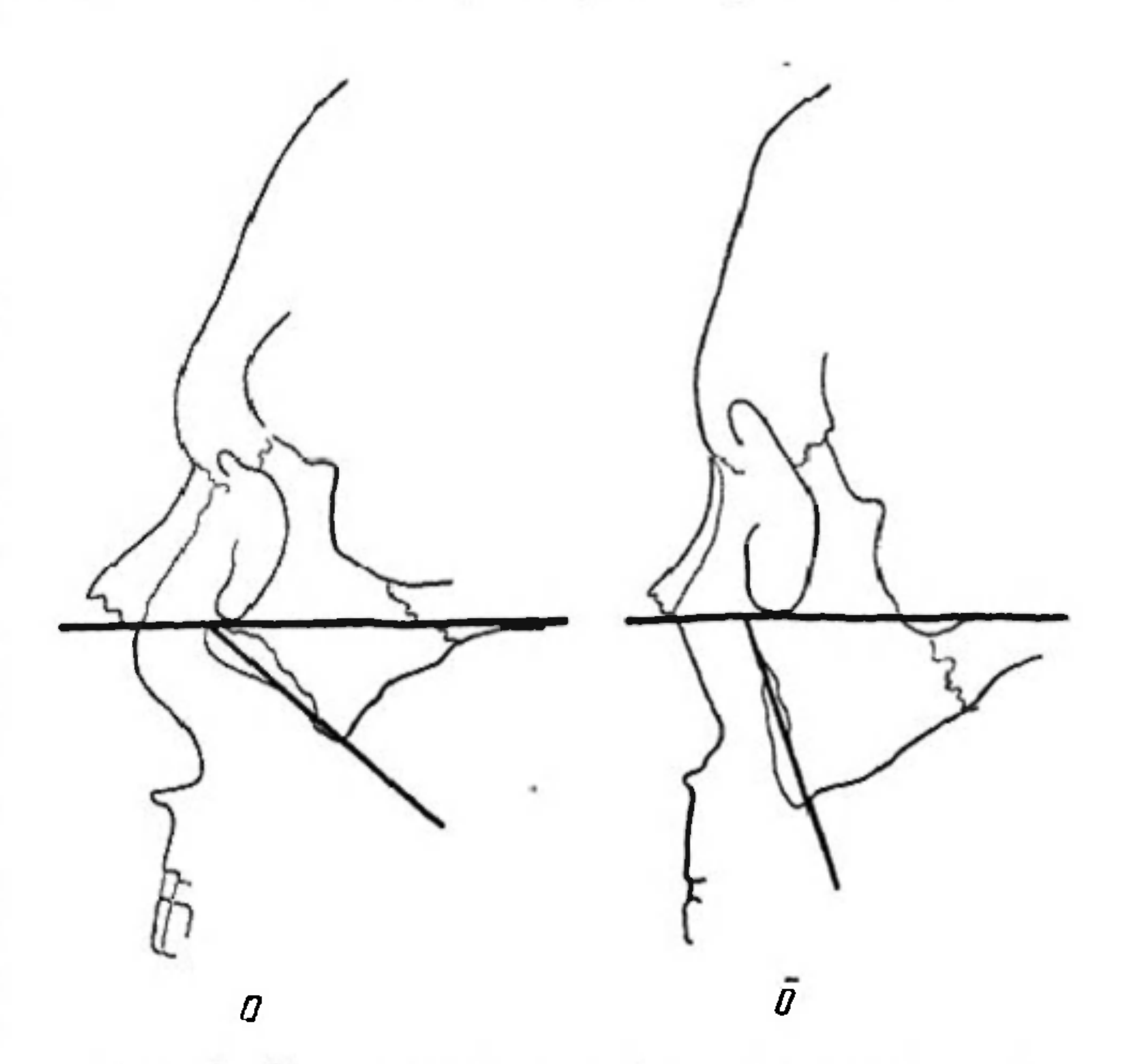

Рис. 8. Вертикальная профилировка скуловых: *а* — европеец, *б* — монгол.

Опыт многолетней работы убеждает нас в том, что в каждой расовой группе можно наблюдать так называемые «грубый» и «тонкий» типы строения лица[1]. При этом по толщине покровов лица «тонкий» тип монгола ближе к «тонкому» типу европейца, чем к «грубому» типу монгола. Слой жировой клетчатки на лице распространяется не равномерным слоем, а локализуется в определенных местах; по медиальной линии головы и лица он и незначителен и мало изменчив. Линия профиля лица является чем-то более или менее стабильным (рис. 9). Щеки, напротив, имеют очень большой слой жира, причем он сильно варьирует и крайне непостоянен, а потому, казалось бы, не может быть учтен. Однако это не совсем так. Препарирование заведомо полных и худых лиц дало некоторую расшифровку и этой детали строения лица. Люди, обладающие сильной, сухой мускулатурой лица, всегда имеют череп с четко выраженным микрорельефом. Гребни хорошо выражены, поверхность костей черепа плотная, глянцевитая, гладкая, как бы полированная. Люди с чрезмерной полнотой лица всегда имеют смягченный, сглаженный рельеф черепа. Избыток жира не только ослабляет мускулатуру лица, залегая между пучками мышц, но и обогащает собой кости черепа, в первую очередь в местах концентрирования жировой ткани в мускулатуре, т. е. в фронтальной части скуловых костей, верхнечелюстной кости, восходящих ветвях нижней челюсти, подбородочном выступе, глабелле и по перегибу затылочного вала. Обогащение костей жиром ведет к тому, что в этих местах верхняя пластинка компакты становится рыхлой, пористой,

[1] Мы употребляем термин «грубый» как нечто соответствующее термину «моторный», т. е. обладающий массивностью и сильной степенью развития лицевого скелета.

губчатой и на ощупь заметно шероховатой, занозистой. Сильное отклонение от нормы, будь то чрезмерная худоба, которая ведет одновременно и к истончению костей, либо чрезмерная полнота, сопровождающаяся разрыхлением верхней пластинки компакты, диагностируется легко.

При восстановлении лица некоторое неизбежное отклонение от фактического состояния жирового слоя, как показали контрольные опыты и криминалистическая практика, не влияет на воспроизведение портрета. Результаты промеров при препарировании мягких покровов и изучении рентгенограмм показали, что если и можно создать какие-то определенные стандарты, то они могут быть даны прежде всего в отношении медиальной линии лица и головы, так как толщина мягких покровов по профилю относительно мало варьируется и может быть корректирована поправкой в соответствии со степенью развития рельефа. Основные размеры толщины мягких покровов лица приводятся ниже, в табл. 7 (стр. 105). Будут приведены также конкретные стандарты толщины мягких покровов лица у мужчин по трем категориям возраста, обнимающим в совокупности людей от 8 до 80 лет. Одновременно к этим стандартам будут даны шкалы поправки толщины мягких покровов по сагиттальному сечению в соответствии со степенью развития рельефа.

Очевидно, не менее постоянны размеры толщины мягких покровов лица по линии немецкой (франкфуртской) горизонтали. Это сечение, как известно, проходит через верхний край ушного отверстия и идет по нижнему краю глазницы, пересекая всю голову. Толщина мягких покровов по этому сечению лица от одного уха до другого вообще является на всем протяжении почти постоянной, с очень незначительными отклонениями. Пока это проверено на относительно малых группах, но тем не менее пестрота рассмотренных антропологических типов убеждает нас в том, что это сечение является более или менее постоянным по своим отметкам, которые почти едины для всех рас человека. Во всяком случае абсолютные измерения лица различных типов монголов и европейцев не показали существенной разницы. Не было отмечено существенной разницы по этому сечению между мужским и женским лицом.

Жировая ткань по этому сечению минимальна, и только у очень упитанных людей, независимо от пола, лишь два раздела лица получают некоторое усиление жировой клетчатки, но и то в очень незначительной степени. Эти участки отчетливо локализуются и могут быть учтены в процессе реконструкции. Первый участок занимает место от ушного отверстия вперед до середины скуловой дуги и связан с околоушной железой; при этом максимальная толщина жировой клетчатки локализуется по преимуществу в первой трети этой длины и, конечно, на портретном воспроизведении лица никак не может сказаться, ибо она не превышает степени вообще вероятной ошибки при восстановлении лица по черепу.

Второе место усиления жировой ткани находится на узком участке перехода нижнего края глазницы к носовым костям. Здесь на лобном отростке (proc. frontalis) верхней челюсти, на ее фронтальном участке, у очень упитанных людей, по преимуществу мужчин, бывает усиление жировой ткани; это обычно связывается со степенью развития носогубной складки лица. Удалось отметить, что это явление чаще наблюдается у людей с резко профилированным лицом, когда носогубная складка образует массивный тяж, располагающийся во фронтальной части лица, как бы предшествуя основному выступанию щеки. Хотя у худых людей в старости эта складка очень отчетлива, но она преимущественно кожистая и не связана с сильным развитием подкожной жировой клетчатки.

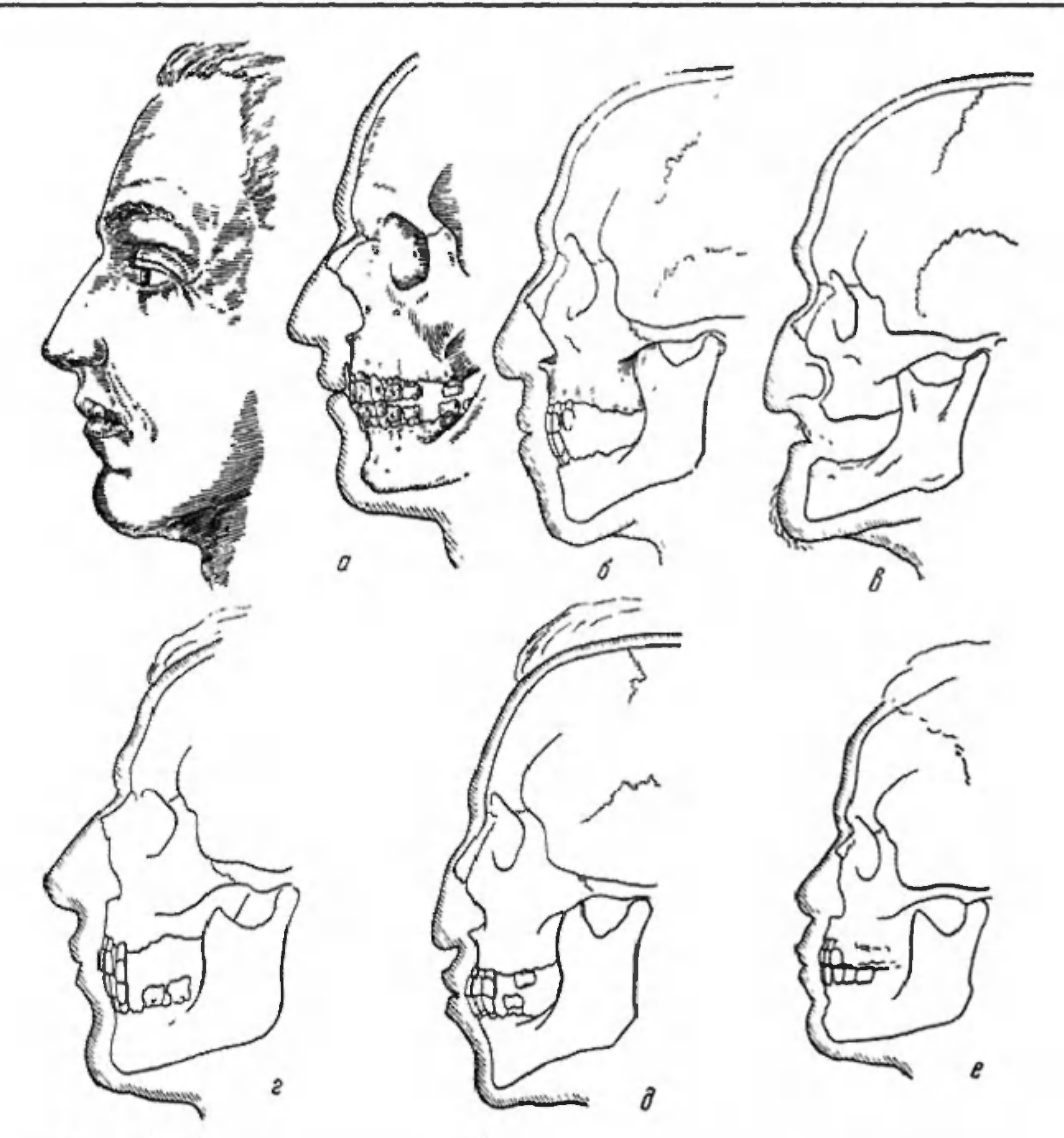
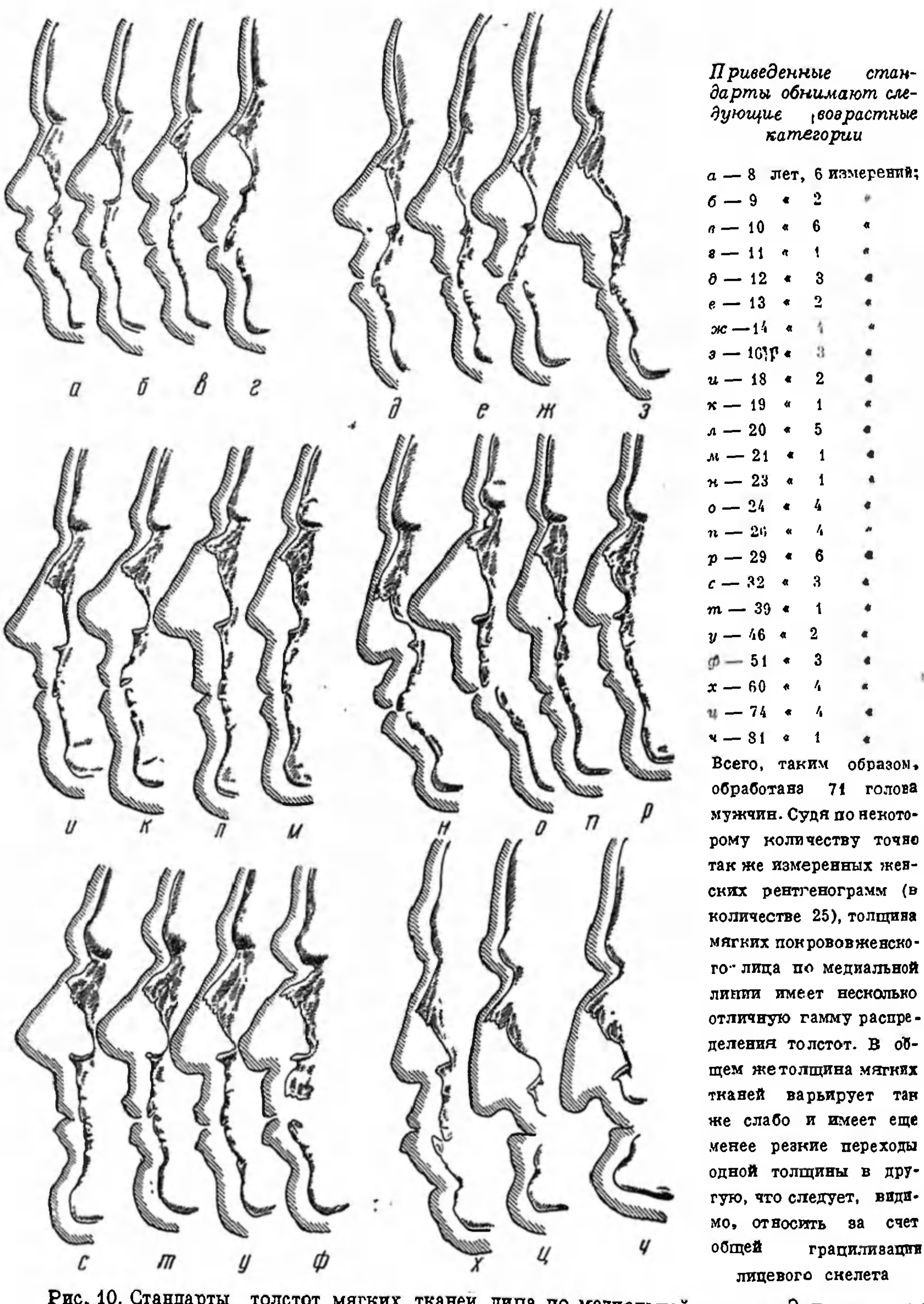

Рис. 9. Схема соотношений мягких покровов лица и черепа по медиальной линии:

а — мужчина 27 лет, русский (Ленинград, 1937); *б* — мужчина 50 лет, узбек (Ташкент, 1942); *в* — мужчина 60 лет, китаец (Москва, 1938); *г*—женщина 20 лет, эстонка (Ташкент, 1942); *д* — женщина 25 лет, узбечка (Ташкент, 1942); *е* — женщина 20 лет, татарка (Ташкент, 1942).

Таким образом, несмотря на то, что до сих пор нет еще возможности говорить о каких-то определенных стандартах толщины мягких покровов этого сечения лица, практически при воспроизведении лица по черепу мы пользуемся некоторыми цифровыми данными толщины мягких тканей. Наблюдаемая степень ошибки, крайне незначительная здесь, убеждает нас в правильности гипотетически установленных размеров стандарта и дает уверенность, что наблюдение мягких покровов лица, ориентированное в этом направлении, в конечном итоге обеспечит получение определенных стандартов толщины этого сечения. Надо думать, что этот стандарт будет варьировать не более чем стандарт по профилю, но для его публикации пока еще мало конкретного материала. Выводы сделаны пока что на выборочном и относительно малом количестве случаев.

Возвращаюсь вновь к толщине мягких покровов по профилю. Предлагая вниманию читателя конкретные данные об индивидуальных измерениях лица мужчин по медиальной линии в возрасте от 8 до 81 года, должен отметить, что здесь представлен довольно пестрый состав в антропологическом отношении: русские, евреи, узбеки, буряты, финны, немцы, латыши, чуваши, украинцы, белорусы, тувинцы, киргизы, осетины, карелы, китайцы, поляки и т. д. (рис. 10). Этот перечень

Приведенные стандарты обнимают следующие возрастные категории

а — 8 лет, 6 измерений;
б — 9 « 2 «
в — 10 « 6 «
г — 11 « 1 «
д — 12 « 3 «
е — 13 « 2 «
ж — 14 « 4 «
з — 16–17 « 3 «
и — 18 « 2 «
к — 19 « 1 «
л — 20 « 5 «
м — 21 « 1 «
н — 23 « 1 «
о — 24 « 4 «
п — 26 « 4 «
р — 29 « 6 «
с — 32 « 3 «
т — 39 « 1 «
у — 46 « 2 «
ф — 51 « 3 «
х — 60 « 4 «
ц — 74 « 4 «
ч — 81 « 1 «

Всего, таким образом, обработана 71 голова мужчин. Судя по некоторому количеству точно так же измеренных женских рентгенограмм (в количестве 25), толщина мягких покровов женского лица по медиальной линии имеет несколько отличную гамму распределения толстот. В общем же толщина мягких тканей варьирует так же слабо и имеет еще менее резкие переходы одной толщины в другую, что следует, видимо, относить за счет общей грацилизации лицевого скелета

Рис. 10. Стандарты толстот мягких тканей лица по медиальной линии. Эти стандарты явились результатом измерения толщины мягких покровов, проводившихся по рентгенограммам и препарированным головам. Каждый из показанных профилей представляет собою точную выкопировку рентгенограммы и максимально приближается к средним размерам той или иной возрастной группы.

свидетельствует о том, что основная группа людей, подвергшихся наблюдению, связана с двумя основными расами первого порядка: здесь есть различные представители европеоидов, а также типы монголоидов. Некоторые из них представляют собой метисную категорию. Совершенно нет в этом материале данных о третьей расе, т. е. негроидах. Казалось бы, что это существенный пробел. И вот оказывается, что, несмотря на этот пробел, есть основания уже теперь с уверенностью говорить о том, что, пользуясь этими же стандартами, возможно воспроизведение лица не только европейца или монгола, но и негра, что неоднократно и было доказано контрольными восстановлениями.

При рассмотрении таблицы индивидуальных измерений становится очевидным, что толщина мягких покровов как бы стабильна, независима от расовой категории. Столь же мало меняется она и с возрастом. Создается впечатление, что лицо растет только в высоту и ширину; при этом сохраняется на всем протяжении жизни человека одна и та же толщина мягких покровов. Вероятно, этим следует объяснить обычную детскую и юношескую припухлость лица; повидимому, с этим же связана общая сглаженность и мягкость очертаний женского лица.

Предлагаемые индивидуальные графики цифровых измерений лица по профилю в начале нашей работы использовались в соответствии с возрастом той или иной восстанавливаемой головы, причем на первых порах не делалось никакой поправки на степень усиления рельефа, и тем не менее в каждом конкретном случае контрольного восстановления обеспечивалась достаточная степень сходства. Эти же стандарты были использованы при реконструкции женских лиц. Правда, как правило, зная о том, что толщина мягких покровов лица женщины по профилю несколько меньше, чем лица мужчины, мы предпочитали пользоваться цифровыми данными об индивидуальных измерениях лица молодых мужчин,— вернее, юношей,— у которых мягкая ткань в соответствии с еще слабо развитым рельефом кости резко не дифференцировалась. За последнее время сделан ряд наблюдений толщины мягких покровов лица женщин, и в конечном итоге отмечены те же соотношения, что и у мужчин. Но, учитывая характерную особенность женского лица, связанную со слабой степенью развития костного рельефа, следует ожидать (кстати сказать, в ряде случаев это уже подтвердилось), что толщина мягких покровов лица женщин по профилю еще более стабильна, еще менее видоизменяется по сравнению с лицом мужчин.

Итак, то, что мягкие ткани лица современных женщин варьируют по своей толщине меньше, чем у мужчин, вероятно, должно связываться с меньшей степенью развития костного рельефа женского черепа.

Разрастание рельефа черепа мужчины, не связанное непосредственно с усилением мышечного аппарата в таких местах, как глабелла, надбровье, подбородочный выступ и ряд других, может быть выражением полового диморфизма. Нам известны случаи сильно развитого надбровья, резкого выступания подбородка у мужчин небольшой силы, и одновременно у женщин, даже очень сильных физически, весьма редко наблюдается усиление надбровья. Так называемые «мужеподобные» женщины, как правило, обладают черепом с усиленным рельефом, в особенности надбровья, глабеллы, подбородка и т. д.

При рассмотрении предлагаемых индивидуальных размеров становится совершенно очевидным, что с увеличением мягкого покрова соответственно меняется рельеф кости. Об этом, видимо, морфологическом соподчинении рельефа кости и толщины мягких тканей говорилось многократно. Именно это и дает возможность делать поправку среднего стандарта

Основные индивидуальные измерения (в миллиметрах) мягких покровов

№ измерения	Наименование точки	8 л. русский	8 л. русский	8 л. еврей	8 л узбек
1	Середина лба	5,0	5,8	5,7	5,9
2	Глабелла	7,2	7,0	6,8	7,0
3	Корень носа	6,9	7,0	7,2	6,5
4	Конец носовых костей	3,3	3,0	3,2	3,0
5	Подносовой шип	13,0	12,0	11,0	10,0
6	Толщина губы	14,9	14,0	13,9	14,1
7	Высота губы	9,0	9,1	9,0	9,2
8	Подбородочная борозда	12,0	11,5	12,0	10,1
9	Подбородочный выступ	10,0	9,2	10,0	9,0

№ измерения	Наименование точки	10 л. бурят	10 л. узбек	11 л. русский	12 л. русский
1	Середина лба	5,0	5,5	5,8	5,0
2	Глабелла	6,1	6,5	6,5	6,5
3	Корень носа	6,2	6,5	6,0	6,0
4	Конец носовых костей	3,0	2,8	2,8	3,0
5	Подносовой шип	11,5	11,5	12,0	12,8
6	Толщина губы	13,7	13,5	13,5	14,0
7	Высота губы	9,0	9,0	9,0	9,0
8	Подбородочная борозда	10,0	11,0	9,8	11,0
9	Подбородочный выступ	9,5	9,7	9,8	10,0

№ измерения	Наименование точки	16 л. русский	16 л. еврей	16 л. немец	18 л. русский
1	Середина лба	5,2	6,1	5,0	6,5
2	Глабелла	6,5	7,0	7,0	7,3
3	Корень носа	5,5	7,2	7,0	6,0
4	Конец носовых костей	3,0	3,5	3,1	3,5
5	Подносовой шип	14,0	11,7	14,0	12,5
6	Толщина губы	13,0	15,0	14,0	13,2
7	Высота губы	9,0	10,0	8,0	10,0
8	Подбородочная борозда	11,0	12,0	9,0	9,0
9	Подбородочный выступ	10,0	11,0	10,0	11,2

Таблица 2

лица по медиальной линии (у мужчин в возрасте от 8 до 81 года)

8 л.	8 л	9 л.	9 л.	10 л.	10 л.	10 л.	10 л
татарин	русский	русский	русский	русский	русский	русский	латыш
6,1	5,9	5,0	5,8	6,0	6,2	5,8	5,5
7,2	7,0	7,0	7,1	7,0	7,1	6,4	6,7
6,7	6,8	6,0	6,4	7,2	7,0	7,1	6,8
3,0	3,0	3,0	3,1	3,0	3,0	3,1	3,0
12,0	10,0	10,5	10,0	12,0	12,3	12,0	11,0
14,0	13,7	14,0	13,5	14,5	14,2	14,0	14,5
9,0	9,2	9,0	9,2	9,0	9,1	9,0	9,2
10,4	11,0	9,5	10,0	10,5	9,5	9,7	9,5
9,5	9,0	10,0	9,5	11,5	12,0	11,0	9,5

Таблица 2 (продолжение)

12 л.	12 л.	13 л.	13 л.	14 л.	14 л.	14 л.	14 л.
русский	русский	русский	финн	русский	русский	чуваш	еврей
5,5	5,8	6,1	5,0	6,0	5,8	5,5	5,9
7,1	7,0	7,0	6,3	6,0	6,5	6,8	7,1
6,5	6,2	6,2	5,0	6,0	6,2	6,0	6,5
3,0	3,1	3,1	2,8	3,0	3,0	3,1	2,9
13,0	13,2	14,0	14,0	14,1	14,0	13,6	12,5
12,0	13,5	13,0	13,0	13,5	13,2	13,7	13,0
9,1	10,0	9,5	9,0	9,1	9,5	9,4	9,0
10,0	9,0	9,8	9,8	12,0	10,4	9,0	9,0
11,0	10,0	10,0	10,0	11,0	10,0	9,5	9,5

Таблица 2 (продолжение)

18 л.	19 л.	20 л.	20 л.	20 л.	20 л.	20 л.	21 г.
латыш	чуваш	русский	русский	украинец	чукча	белорус	тувинец
6,1	5,0	4,0	6,0	6,0	4,1	6,5	5,0
7,0	8,0	7,0	6,0	8,0	7,0	7,0	7,5
5,0	7,1	7,0	5,0	8,5	5,2	7,0	6,0
3,1	3,0	3,0	3,5	3,0	2,0	2,5	3,0
13,0	13,0	15,0	13,0	14,0	9,5	14,0	12,0
13,5	13,0	13,0	11,5	18,0	12,0	14,0	12,0
9,0	11,0	8,5	9,0	10,0	8,0	8,0	9,0
9,5	10,1	11,0	13,0	10,0	10,0	10,0	11,0
10,5	13,0	10,0	11,0	13,0	12,0	10,0	12,0

№ измерения	Наименование точки	23 г.	24 г.	24 г.	24 г.
		узбек	русский	русский	русский
1	Середина лба	6,0	7,0	6,0	6,0
2	Глабелла	8,0	9,0	8,0	8,0
3	Корень носа	7,0	7,0	7,0	7,5
4	Конец носовых костей	3,0	3,5	3,0	3,1
5	Подносовой шип	12,0	14,0	13,0	13,5
6	Толщина губы	13,0	14,0	13,0	12,0
7	Высота губы	13,0	12,0	10,0	10,0
8	Подбородочная борозда	11,0	8,0	10,0	10,5
9	Подбородочный выступ	10,0	9,0	11,0	12,0

№ измерения	Наименование точки	29 л.	32 г.	32 г.	32 г.
		еврей	карел	русский	русский
1	Середина лба	5,0	5,0	6,0	5,0
2	Глабелла	8,0	9,0	9,5	8,0
3	Корень носа	6,0	7,0	6,0	7,0
4	Конец носовых костей	3,0	3,0	3,0	3,0
5	Подносовой шип	12,0	12,0	12,0	12,0
6	Толщина губы	13,0	10,5	13,5	13,0
7	Высота губы	8,0	6,0	9,0	10,0
8	Подбородочная борозда	10,0	9,0	9,0	11,0
9	Подбородочный выступ	12,0	11,0	10,0	11,0

№ измерения	Наименование точки	60 л.	60 л.	60 л.	60 л.
		русский	еврей	еврей	узбек
1	Середина лба	5,5	5,5	6,0	5,0
2	Глабелла	8,0	7,0	12,0	8,0
3	Корень носа	7,0	7,0	9,0	7,0
4	Конец носовых костей	3,5	3,0	3,0	3,0
5	Подносовой шип	11,5	11,5	10,0	11,0
6	Толщина губы	11,0	12,0	11,0	13,0
7	Высота губы	5,0	7,0	7,5	6,0
8	Подбородочная борозда	9,0	9,0	9,5	9,0
9	Подбородочный выступ	12,0	11,0	12,0	10,0

Примечание. На рис. 10 воспроизведены профили, цифровые данные которых

Таблица 2 (продолжение)

24 г.	26 л.	26 л.	29 л.	29 л.	29 л	29 л.	29 л.
латыш	татарин	русский	русский	чуваш	киргиз	осетин	еврей
6,0	6,0	6,2	6,0	5,5	5,0	7,0	5,0
7,5	8,5	9,0	8,0	8,0	7,0	7,0	8,0
6,5	7,0	9,0	6,0	5,0	5,0	6,0	5,0
3,0	3,0	3,0	2,0	2,5	3,0	2,5	3,0
12,0	12,0	12,0	13,0	11,0	12,0	13,0	11,0
10,0	13,0	12,0	14,0	13,0	13,0	14,0	13,0
9,0	10,5	9,0	9,0	10,0	10,0	12,0	10,0
10,0	9,0	11,0	11,0	10,0	10,0	9,5	10,0
11,0	9,0	12,0	9,0	11,0	9,5	11,0	10,0

Таблица 2 (продолжение)

39 л.	46 л.	46 л.	51 г.	51 г.	51 г.	60 л.	60 л.
русский	русский	узбек	еврей	русский	русский	узбек	русский
7,0	7,0	5,5	7,0	6,0	5,0	5,0	6,0
10,0	9,5	8,0	12,0	8,0	9,0	9,0	9,0
7,5	7,0	7,0	10,0	7,5	7,0	8,0	7,0
3,0	3,0	3,0	3,0	3,5	3,0	3,0	3,0
13,0	12,0	10,0	14,0	11,0	11,5	11,0	10,0
13,0	13,0	13,0	11,0	12,0	14,0	10,0	12,0
9,0	10,0	10,0	4,0	6,0	10,0	6,0	8,0
10,0	10,0	12,0	9,0	11,0	11,0	8,0	8,0
10,0	12,0	12,0	11,0	12,0	11,0	10,0	11,0

Таблица 2 (окончание)

60 л.	60 л.	74 г.	74 г.	74 г.	74 г.	81 г.
барлас	китаец	русский	поляк	узбек	китаец	русский
7,5	6,0	6,0	6,0	5,0	5,0	6,0
9,0	7,5	7,0	8,0	7,5	8,0	9,0
8,0	5,0	6,0	6,0	5,0	4,5	6,0
3,5	2,5	3,0	2,5	2,5	3,5	3,0
12,0	13,0	13,0	14,0	10,0	11,0	12,0
14,0	13,0	13,5	11,0	11,0	12,0	12,0
4,0	—	—	—	—	—	—
8,0	8,0	9,0	9,0	9,0	11,0	11,0
11,0	12,0	11,0	10,0	9,0	10,0	11,0

приведены в настоящей таблице в первом столбце каждой возрастной группы.

при воспроизведении индивидуального лица. Усиление глабеллы неминуемо влечет за собой увеличение мягких тканей и т. д. Для того чтобы это было наглядным, цифровые колонки индивидуальных размеров иллюстрированы рентгенограммами, наиболее типичными для каждого возраста. Рентгенограммы изучались в рентгенологических кабинетах Ракового института в Ленинграде, на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии, во многих клиниках и госпиталях Ленинграда, Москвы, Ташкента (табл. 2). Пользуюсь случаем принести свою глубокую благодарность всем этим учреждениям, администрации, врачам, широко шедшим мне навстречу при изучении этого материала.

Рассматривая индивидуальные размеры толщины мягких покровов, отмечая их малую степень варьирования с возрастом, мы не можем забыть, однако, что наше лицо, его внешний вид, со временем меняется. Появляются не только мелкие складки, морщины, но изменяется как бы вся конфигурация лица и даже головы. По силуэту, лишенному каких-либо деталей, всегда можно сказать, сколько примерно лет данному человеку. В чем же дело? Ведь мы же знаем по документальным данным, что, видимо, это изменение не определяется изменением только толщины мягкого покрова.

Обобщая наши наблюдения над степенью изменчивости толщины мягких покровов лица, следует отметить, что возрастные изменения в значительной степени связаны с деформацией скелета лица (прежде всего — альвеолярной части челюстей) и с очертаниями скуловых костей. Слабый рельеф скуловых костей у детей, малая профилировка их определяют форму и некоторую «припухлость» щек. Впечатление сильного выступания щек у детей подчеркивается малой степенью высоты носа. Эта как бы припухлость лица у мальчиков сохраняется до 7 и даже 8 лет. Позднее у мальчиков происходит усиление рельефа костей, что приводит к типическим изменениям, дающим возможность отличить женский череп от мужского. Примерно тот же самый процесс происходит на женском черепе, но в значительно более позднем возрасте — за пределами 45 лет, что нередко придает лицу пожилых женщин мужеподобные черты. Но основной скелет лица в конечном счете меняется мало, и даже при очень сильной степени атрофии альвеолярного края челюсти общий характер женского лица сохраняется.

Почти совершенно обратное происходит с мужским черепом в глубокой старости. Утрата зубов ведет к сильному изменению не только альвеолярного края челюстей, но и к некоторой редукции всего жевательного аппарата. Изменяется общее направление краев альвеолярных отростков челюстей — как верхней, так и нижней; края их обращаются внутрь. Изменяется вся структура нижней челюсти, ветви ее становятся тоньше, угол более тупым, вследствие чего происходит выступание подбородка вперед и вниз. Это компенсаторно-функциональное изменение обеспечивает смыкание передней части челюстей и тем самым сохраняет жевательный аппарат, который хотя и ослаблен отсутствием зубов, но все же работоспособен. При постоянном ношении протеза редукция челюстей замедляется, и угол нижней челюсти в большой степени сохраняет свою первоначальную форму, несмотря на то, что вследствие облитерации альвеолярного края челюсти становятся тоньше. Редукция нижней челюсти, связанная с сильным увеличением угла ветви ее, нередко приводит к тому, что субъект, имевший в молодости слабый подбородок и сильную прохейлию губ, связанную с альвеолярной прогнатностью, в глубокой старости приобретает сильно западающий ортогнатный рот и резко выступающий подбородок. Эти изменения не ограничиваются только

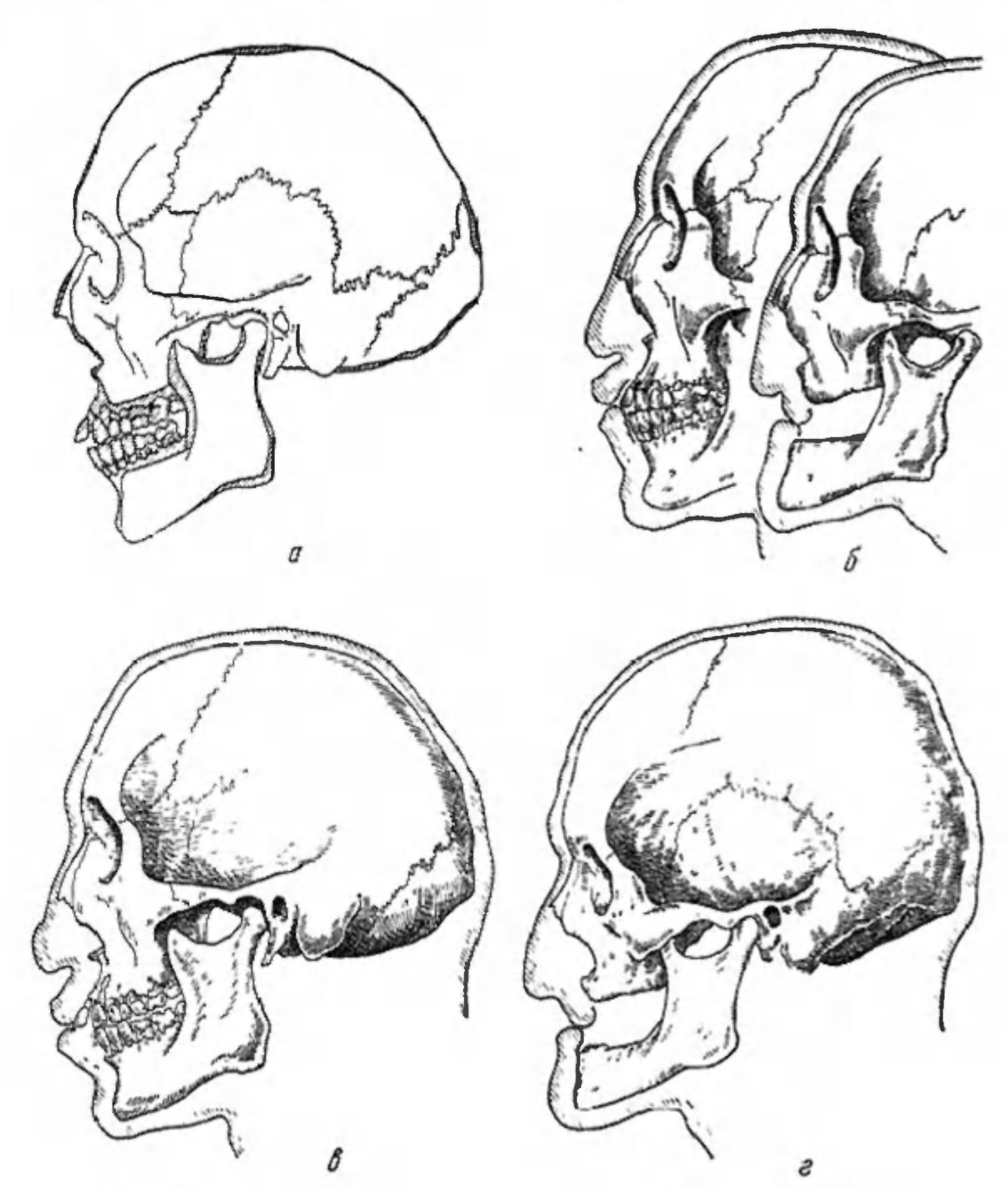

Рис. 11. Схема возрастных изменений лицевого скелета в связи со старческой редукцией жевательного аппарата:

а — для наглядности профили черепов молодого (22 лет) и старика (71 года) наложены один на другой (по материалам Ташкентского морга, 1942); *б* — изменения мягких тканей по медиальной линии в связи с редукцией жевательного аппарата; *в* — схема соотношений мягких тканей головы узбека (19 лет); *г* — схема сагиттального сечения мягких тканей головы старика-китайца (61 года). (Ташкент, 1942).

нижней частью лица. В связи с редукцией жевательного аппарата происходит как бы общее смещение лица вниз и назад. Это смещение связано с некоторым сглаживанием носолобного рельефа: глабелла уплощается, и мягкие ткани, как правило, приобретают более спокойные переходы ото лба к носу (рис. 11).

В связи с изменением верхнечелюстных костей меняется и грушевидное отверстие. Передняя подносовая ость (spina nasalis anterior), опускается. Именно это изменение направления передней носовой ости обусловливает старческое опускание конца носа.

Указанная старческая деформация верхнечелюстных костей сопровождается отступанием назад скуловых костей, что вызывает в свою очередь углубление собачьей ямки (fossa canina). Сумма этих изменений лицевого скелета приводит к ряду изменений в мягких тканях. Параллельно с опусканием конца носа усиливается глубина носогубной складки, мягкие части щек как бы опадают. Изменения скуловой кости с возрастом влекут за собой некоторое искривление лобно-клиновидного отростка (proc.

frontosphenoidalis) отростка скуловой кости. Эти изменения сопровождаются западанием передней части височной мышцы, что создает впечатление запавших висков у людей пожилого возраста. Глубина и форма западания виска определяют основное направление морщин внешнего угла глаза. Угол смыкания лобно-клиновидного (proc. frontosphenoidalis) отростка скуловой кости со скуловым отростком лобной кости определяет форму латеральной части верхнего века, вернее, степень его выступания или, наоборот, западания. Чем резче угол стыка этих костей, т. е. чем больше нависание верхнего края орбиты, тем сильнее припухлость внешней части верхнего века. При низких орбитах такое нависание века порой совершенно скрывает под собой внешний угол глаза. Конфигурация этого нависания века прямо определяется характером рельефа верхнего края орбиты. Если он массивный, с сильным рельефом, округлый в краевой части орбиты, следует ожидать плотного, как бы набухшего выступа над веком; в случае же если верхний край орбиты острый, уплощенный, то веко, хотя и будет нависать своим внешним краем над углом глаза, но будет уплощенным, тонким и вялым.

Характер возрастных изменений челюстей,— и в первую очередь изменение углов нижней челюсти,— определяет всю конфигурацию нижней части лица: форму подбородка, направление и степень развития носогубной складки и степень опускания внешних углов рта.

Ношение зубного протеза, конечно, замедляет процесс старческой деформации лица, но не устраняет его. Дело в том, что редуцирование челюстей продолжается; это становится очевидным при наблюдении за лицами, носящими протезы. Через короткий промежуток времени хорошо пригнанный протез утрачивает свое первоначальное отношение к челюстям, становится как бы свободным, что обычно объясняют деформацией протеза, на самом же деле это связано с процессом утончения челюстей. По черепу иногда можно совершенно точно сказать, имел ли изучаемый субъект протезы, или нет; о форме зубов, о конструкции протеза, о степени его пригнанности можно судить по деформации нёба. Следовательно, есть возможность учесть степень деформации рта при его реконструкции.

При портретной реконструкции большое значение имеет определение посадки головы. При воспроизведении портретов ископаемого человека, его ранних, примитивных форм, следует учитывать ряд специфических особенностей посадки головы у таких форм, как питекантропы, синантропы, неандертальцы. Даже при отсутствии позвонков, по которым очень легко определить характерную посадку головы, можно с достаточной долей вероятия восстановить ее на основании изучения только черепа. Положение затылочного отверстия, т. е. степень его отступания назад, степень его наклона, направление и развитие суставных отростков (proc. condili occipitales) затылочной кости, степень и направление развития сосцевидных отростков, общая конфигурация затылочной кости, степень развития выйных линий — вот основные элементы, раскрывающие картину постановки головы на шее и, следовательно, на торсе.

Одновременно с этим никогда не следует забывать возрастных изменений. Возрастной наклон головы вперед и вниз определяется не только возрастным искривлением позвоночника, в частности его шейного отдела, но и степенью изменения основания черепа в связи с процессом окостенения и срастания костей основания. Начиная с момента самостоятельного хождения, ребенок всегда держит голову, несколько подняв подбородок кверху; к 13—14 годам более обычной будет посадка головы в норме, определяемой немецкой горизонталью, и так продолжается до 17—18 лет. Затем начинается постепенное опускание лица вниз, и в

нормальной обстановке (не в строю) взрослый человек голову держит так, что между линией горизонта, проходящей через ухо, и немецкой горизонталью образуется угол в среднем не менее 12—15°. Постепенно, с возрастом этот угол увеличивается[1]. Малый рост, как правило, способствует более прямому держанию головы, несколько задранной ее посадке: высокий человек, наоборот, держит свою голову с некоторым наклоном вниз и вперед.

Мы не рассматриваем здесь примеров, связанных с заболеванием или какими-либо патологическими изменениями, так как для этнического портрета это совершенно неважно, а для индивидуального портрета это требует каждый раз специфического разбора всех отклонений от нормы.

Возвращаясь к рассмотрению мягких тканей лица, следует заметить, что у людей очень пожилого возраста мягкие покровы щек, как правило, тоньше, чем у молодых, и в общем они более или менее одинаковы для обоих полов.

В связи со старческими изменениями лицевого скелета, в частности в прямой зависимости от редукции челюстей и утончения скуловых костей, находится опускание (дряблость) щек.

Кольман, а затем Меркле, выясняя толщину мягких покровов, производили ряд уколов закопченной иглой. Точно так же на первых порах поступали и мы, но со временем разработали свою собственную методику исследования.

В начале этой главы уже было указано, что инъицирование голов формалином и спиртом влечет за собой сильное искажение подлинной толщины мягких покровов. Отсюда очевидно, что для нашей работы нельзя пользоваться головами, инъицированными какими бы то ни было жидкостями, точно так же, как и головами, лежавшими в растворах. Действие консервирующих растворов приводит к изменению соотношений мягких тканей и искажает весь характер лица. Практика показала, что для измерений следует пользоваться только свежим трупом, так как даже при благоприятных условиях хранения уже через 10 дней происходят сильные изменения соотношений мышечного покрова. Именно то обстоятельство, что для измерений необходимо иметь свежий труп, является одним из основных тормозов методической работы.

Итак, измерения должны быть произведены, по возможности, на свежем трупе, так как процесс разрушения очень быстро сказывается на соотношениях мышечной ткани. Некоторые измерения, сделанные в течение первых двух дней, совершенно не совпадают с измерениями в этих же местах через 3—4 дня. При сухом хранении незамороженного трупа, даже при относительно низкой температуре, на 5—6-й день происходит сильное набухание слизистой оболочки, рот искажается — губы отвисают, теряют свой рисунок; веки западают в орбиты; щеки и виски утрачивают свойственную им упругость. Измерения, сделанные на 10-й день и позже, настолько не будут соответствовать ранее произведенным, что утратят всякий интерес для исследователя, ставящего себе задачу выяснить толщину мягких покровов головы.

В результате систематических исследований толщины мягких покровов удалось разработать определенную методику наиболее точного измерения и фиксации в чертежной схеме. При выборе точек измерений мягких покровов следует пользоваться такими местами, которые одновременно соответствовали бы максимальной толщине покровов и легко были бы

---

[1] Интересны работы С. И. Успенского в этом направлении. Он, на основании изучения строения лабиринта уха, доказал, что человеку свойственно держать голову чуть опущенной вниз, а не запрокинутой на уровень немецкой горизонтали.

находимы на любом черепе и голове. Измерения лучше производить на целом и, конечно, не вскрытом трупе; в случае пользования отдельной головой ее необходимо укреплять на штативе, представляющем собой стержень на массивной тяжелой подставке. Стержень пропускается через мозговой канал шейных позвонков и далее в полость черепа до свода. Для облегчения работы голову лучше ориентировать в немецкой горизонтали. Пользование всякого рода тисками абсолютно исключается, так как при любом зажиме мягкие ткани будут деформироваться. Предварительно голову необходимо обрить. Для обеспечения графической фиксации следует пользоваться свинцовой проволокой, которая должна быть в сечении либо прямоугольной, либо треугольной, что гораздо лучше. Сечение прямоугольной проволоки — 2 × 2 мм; сечение треугольной проволоки: основание — 2 мм, стороны — по 3 мм. При такой форме проволоки избегают деформации обвода. Обминка проволоки по профилю производится с помощью тонких круглогубцев. Полученный обвод профиля накладывается на бумагу (крайние точки проверяются циркулем) и тонким карандашом обводится с внутренней стороны. Так графически фиксируется профиль.

Можно пользоваться и другим приемом. Для этого следует изготовить специальный прибор, представляющий собой тонкую прямоугольную рамку, длинные стороны которой равны 40 см, короткие — 20 см. Через каждые 5 мм по длинной стороне рамки просверливают сквозные отверстия через обе рейки; эти отверстия должны быть ориентированы точно друг против друга. В отверстия вставляют стальные спицы с притупленными концами. Длина спицы — 30 см. Спицы эти в отверстиях должны легко ходить, но не выпадать. Этот своеобразный гребень выравнивается, а затем накладывается на профиль. Получается точное пунктирное изображение, которое легко переносится на бумагу. Если прибор тщательно изготовлен и спицы ходят правильно, этот способ фиксации наиболее верен.

Измерение мягких покровов головы по медиальной линии производится в следующих точках:

1. Против наружного затылочного бугра (protuberantia occipitalis externa).
2. В точке максимального выступания затылка (инион).
3. В середине лямбдовидного шва (лямбда).
4. На лбу — у корня волос.
5. В середине лба между лобными буграми.
6. На глабелле.
7. У корня носа.
8. В середине носовых костей.
9. У конца носовых костей.
10. Под передней носовой остью (spina nasalis anterior).
11. У края верхней губы. (Толщину губ иногда легче определить при помощи циркуля.)
12. У края нижней губы. (Определяется посредством циркуля.)
13. В глубине подбородочной борозды.
14. В точке максимального выступания подбородка (рис. 12).
15. Угол нижней челюсти. (Угол нижней челюсти фиксируют и наносят на бумагу с основными контурами уха. Эта фиксация производится также при помощи свинцовой проволоки.)

Одновременно надо дать *описание уха и развития сосцевидного отростка* по следующей схеме:

1. Описание уха: а) ухо прижато; б) ухо прямо отставлено; в) ухо оттопырено в верхней части; г) ухо оттопырено в нижней части.

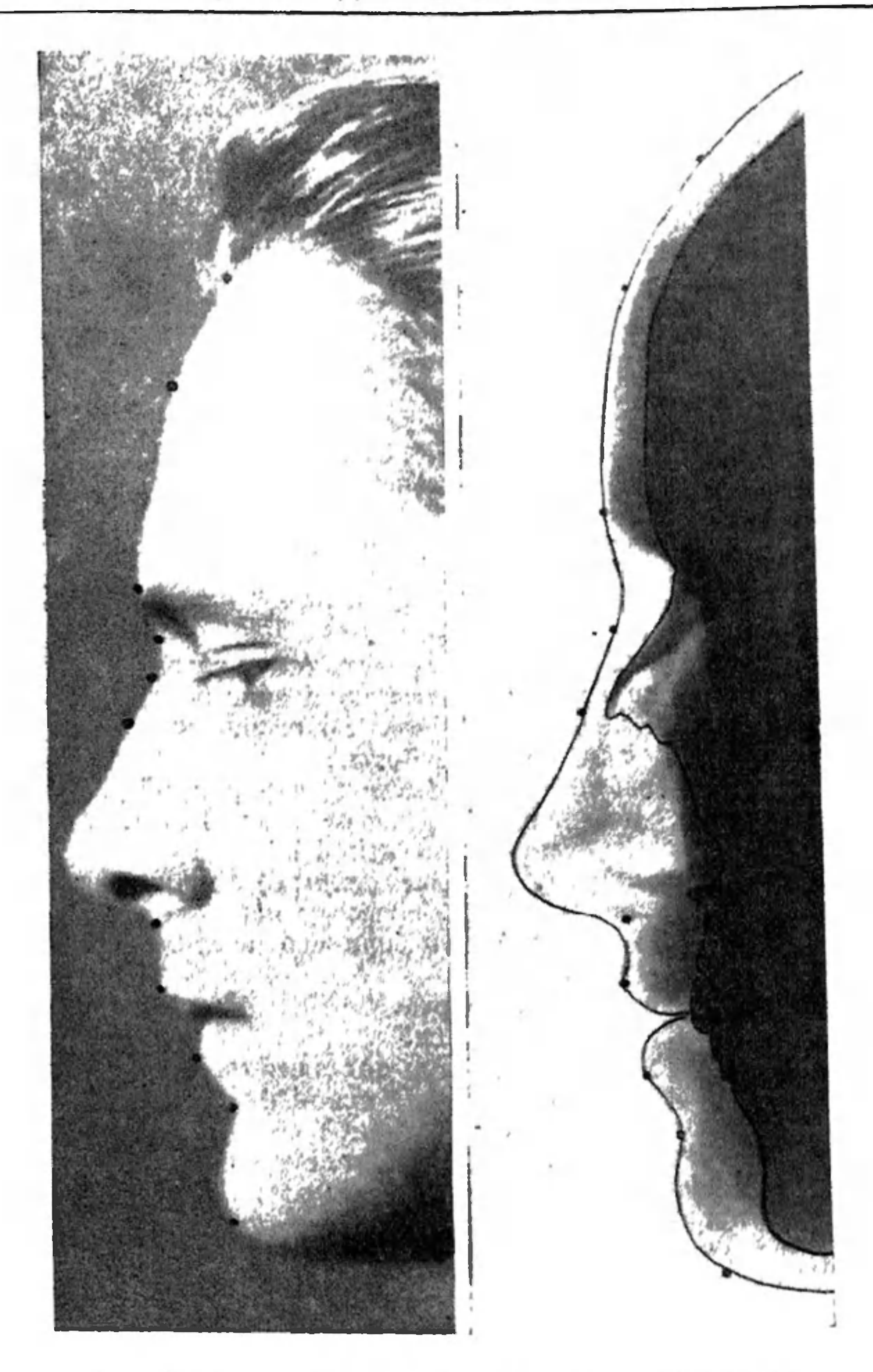

Рис. 12. Схема соотношений лица и рентгенограммы.
Точки измерения по профилю.

2. Описание сосцевидного отростка: а) в какой степени развит сосцевидный отросток: слабо, средне, сильно; б) сосцевидный отросток сильно выступает: в сторону, вперед, назад; в) сосцевидный отросток выступает в верхней своей части; г) сосцевидный отросток выступает в нижней своей части.

По окончании измерения профиля измеряют фас лица. Параллельно немецкой горизонтали снимают обводы. Опыт показал, что в этом случае лучше пользоваться не свинцовой проволокой, а описанным

выше прибором со спицами; это обеспечит одновременное получение профиля лица и документацию его асимметрии.

Определяют:

1. Сечение через середину лобных бугров с 5 точками измерения: а) в середине лба; б) в середине лобных бугров; в) на гребне височной впадины.

2. Сечение через середину глабеллы с 5 точками измерения: а) в середине надбровья; б) в середине орбиты; в) на внешнем крае орбиты.

3. Сечение через корень носа со следующими точками измерения: а) в середине; б) сбоку; в) внутренний угол глаза; г) внешний угол глаза.

4. Сечение по линии максимальной скуловой ширины — от уха до уха, со следующими измерениями: а) в середине носа; б) с боков носа; в) против середины нижнего края глаза; г) против внешнего угла глаза; д) в точке максимального выступания скуловой кости; е) перед ухом[1].

5. Сечение по краю ноздрей от мочки одного уха до мочки другого, со следующими измерениями: а) ширина ноздрей (циркулем); б) под ноздрей (уколом иглой); в) у внешнего угла ноздри; г) в глубине носовой складки; д) у мочки уха (уколом иглы).

6. Форму ноздрей (правой и левой) с измерением ширины и длины.

7. Высоту крыльев носа (ноздрей).

8. Форму орбиты. (Определяют проволокой и затем контуры переносят на бумагу, причем строго учитывается отношение обвода к горизонтали.)

9. Разрез глаза. (Определяется угол по отношению к немецкой горизонтали и фиксируется на обводе орбиты.)

10. Мягкие покровы по краю орбиты: а) внутренний угол орбитально-носового шва; б) середина верхнего края орбиты; г) нижний край орбиты. (Измерения производят закопченной иглой.)

11. Рот и губы: а) ширину ротовой щели; б) ширину между внешними краями клыков верхней челюсти; в) высоту верхней губы (непигментированной ее части); г) высоту эмали верхнего переднего резца.

12. Прикус (смыкание зубов).

13. Прогнатность и прохейлию рта.

14. Стирание или отсутствие зубов.

Для того чтобы уяснить форму и топографию мышц,— в частности, жевательных, так как они определяют собой форму лица,— необходимо по окончании всех промеров мягких тканей препарировать исследуемую голову. Изучение топографии шейных мышц обеспечит в дальнейшем правильную посадку головы.

По окончании препаровки головы нужно произвести дополнительные измерения черепа (это обычные антропометрические измерения черепа, и мы считаем необходимым обратить особое внимание на них только потому, что при дальнейшей работе по восстановлению лица особенно важно их учитывать):

1) определить длину носа от носолобного шва до подносового шипа и от глабеллы до подносового шипа;

2) измерить ширину: а) грушевидного отверстия вверху; б) грушевидного отверстия в середине; в) нижней части грушевидного отверстия; г) межглазничного расстояния; д) носовых костей вверху; е) носовых костей в средней части; ж) носовых костей в нижней части; з) альвеолярной дуги верхней челюсти поверх корней вторых ложнокоренных зубов;

3) измерить высоту эмали 1 и 2-го резцов верхней челюсти.

---

[1] Измерения, указанные в пп. 4 и 5, соответствуют горизонтальным распилам. О них будет речь ниже.

В описательные данные черепа должны входить следующие показатели:

1. Характер спинки профиля костного носа (волнистый, прямой, вогнутый, горбатый).

2. Сечение спинки носа в средней части (крышеобразный, округлый, плоский).

3. Форма носового отверстия: а) сердцевидная — подносовой край с двумя выемками и приподнятой spina nasalis anterior; б) треугольная — подносовой край выпрямлен; в) грушевидная — подносовой край закруглен, с опущенной spina nasalis anterior.

4. Форма нижнего края грушевидного отверстия: а) anthropinus margo — подносовой край острый; б) infantilis margo — подносовой край притуплен; в) fossae praenasalis — подносовой край с двумя полулунными ямками; г) sulcus praenasalis — подносовой край с желобком; жолоб и нижняя плоскость носовой полости образуют некоторый угол; д) обезьяний жолоб — нижняя плоскость носовой полости непосредственно переходит в жолоб на альвеолярном отростке.

5. Степень развития носовой ости (spina nasalis anterior), определяемая по 5-балльной шкале.

6. Основное направление носовой ости, измеряемое углом линии направления носовой ости к немецкой горизонтали.

7. Форма орбиты (угловатая, округлая, низкая и высокая).

8. Край орбиты (margo supraorbitalis), который может быть тонким и толстым и по своей форме определяется следующей номенклатурой: а) острый, б) притупленный, в) закругленный, г) завернутый.

9. Степень развития надбровных дуг (arcus supraorbitalis), отмечаемая по шкале: 0 — надбровные дуги отсутствуют; 1 — надбровные дуги заходят до половины орбиты; 2 — надбровные дуги заходят за середину орбиты; 3 — надбровные дуги в виде сплошного валика расположены по всему краю орбиты.

10. Глабелла (glabella). Выступание ее определяется по 6-балльной шкале Мартина.

11. Стирание зубов, отмечаемое по шкале Брока: 0 — стирания нет; 1 — потерта только эмаль; 2 — стиранием затронут дентин; 3 — стирание коснулось нервного канала; 4 — стирание достигло полного сечения зуба.

12. Прогнатность. Различаются два типа посадки зубов: а) ортогнатный — зубы поставлены вертикально; б) прогнатный — зубы смыкаются под углом, увеличение этого угла определяет степень прогнатности.

13. Выступание подбородка, отмечаемое по 5-балльной шкале: —1 — отрицательный подбородок; 0 — невыступающий подбородок; +1 — слабо выступающий подбородок; +2 — выступающий подбородок; +3 — сильно выступающий подбородок.

14. Общая форма лица. Принято различать следующие формы овала лица: 1) эллипсоидная; 2) овоидная: лобная часть несколько шире нижней, очертания близки к форме яйца; 3) триангулярная: лобная часть широкая, нижняя челюсть узкая, подбородок острый; общие черты приближаются к форме треугольника, обращенного вершиной вниз; 4) пентагональная: сильно выступающие скулы, общие очертания лица угловаты; приближается к форме пятиугольника, обращенного вершиной вниз; 5) орбикулярная: при сильно выступающих скулах сохраняются округлые очертания лица; 6) тетрагональная: прямоугольные очертания лица.

Кроме того, для всестороннего изучения головы необходимо использовать еще один метод, позволяющий установить соотношения мягких покровов и костной основы. Это метод горизонтальных сечений (рис. 13 .

Горизонтальные сечения дают возможность проследить отношение массы мягких покровов головы к рельефу костной основы. При этом совершенно очевидной становится зависимость форм. Разработка этого способа обеспечила впоследствии создание методики документального воспроизведения схемы лица. Горизонтальные сечения производятся только на замороженной голове, при помощи хирургической ножовки, тонкое, широкое лезвие которой обеспечивает получение правильных срезов.

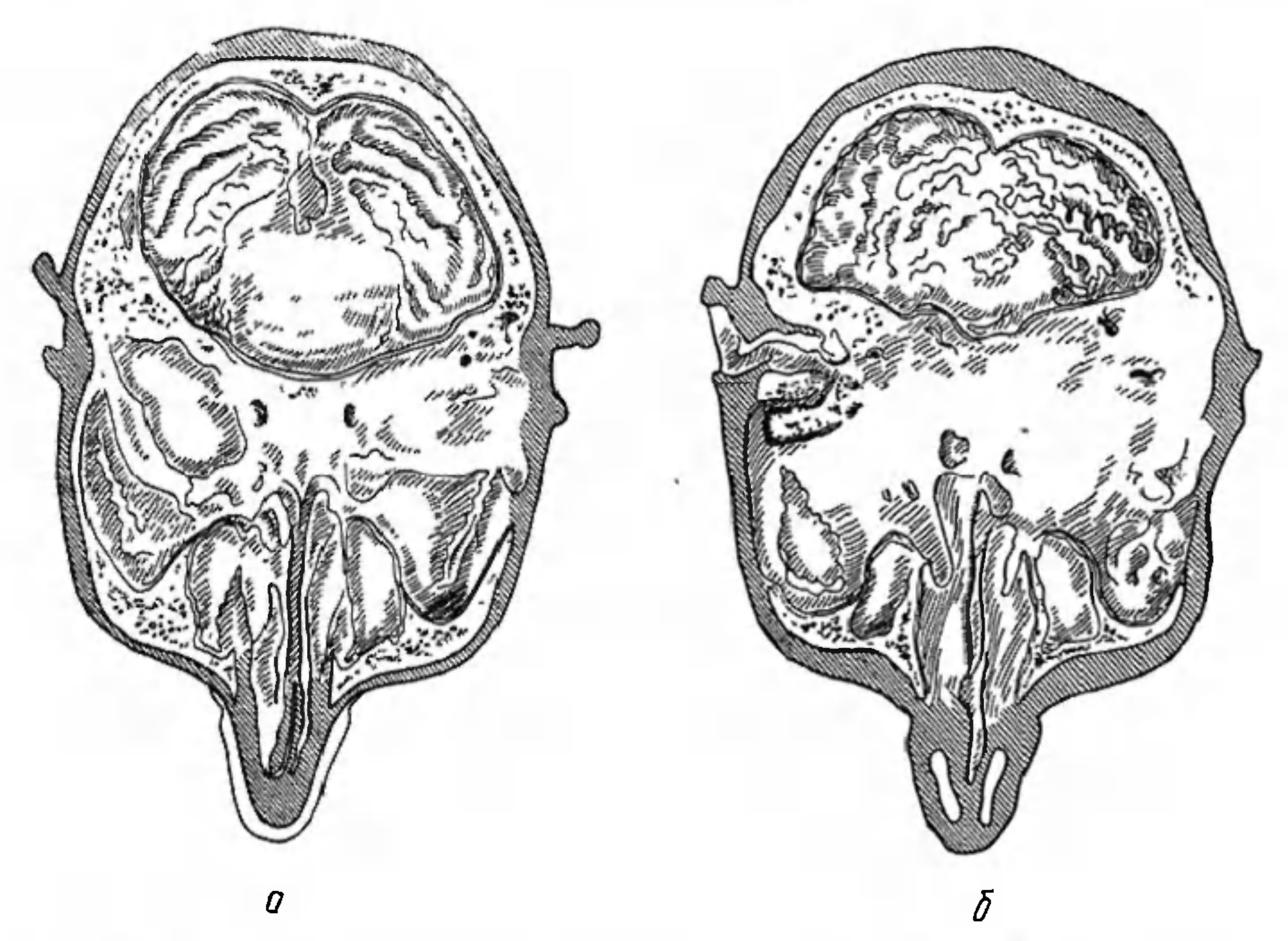

Рис. 13. Схема горизонтальных сечений головы европейца. Отчетливо видна неравномерность распределения толщины мягких покровов. Одновременно наблюдается очевидное соподчинение мягких тканей форме скелета:

а — сечение по линии максимальной скуловой ширины, *б* — сечение по нижнему краю ноздрей

Практика показала, что наиболее интересными являются следующие сечения:

1) середина лба (через лобные бугры); 2) глабелла; 3) носолобный шов; 4) конец носовых костей; 5) максимальная скуловая ширина; 6) край ноздрей (через основание spina nasalis anterior); 7) подбородочная борозда; 8) линия максимального выступания подбородка.

Для наиболее точной фиксации распила последний прикрывают увлажненным матовым стеклом, по которому и делается тщательная обводка всех деталей среза. Затем полученное изображение переносится на бумагу (рис. 13).

Изучая полученные сечения, мы впервые с должным вниманием отнеслись к степени и характеру асимметрии головы. Ни один из анатомов, занимавшихся проблемой соотношений мягких покровов и черепа, при выяснении степени их корреляции не обратил внимания на то, что асимметрия черепа прямо диктует асимметричное строение лица. Это один из ярких примеров корреляции рельефа черепа и поверхности мягких покровов. Чем ярче профилировка лица, тем сильнее степень асимметрии (рис. 14, рис. 15).

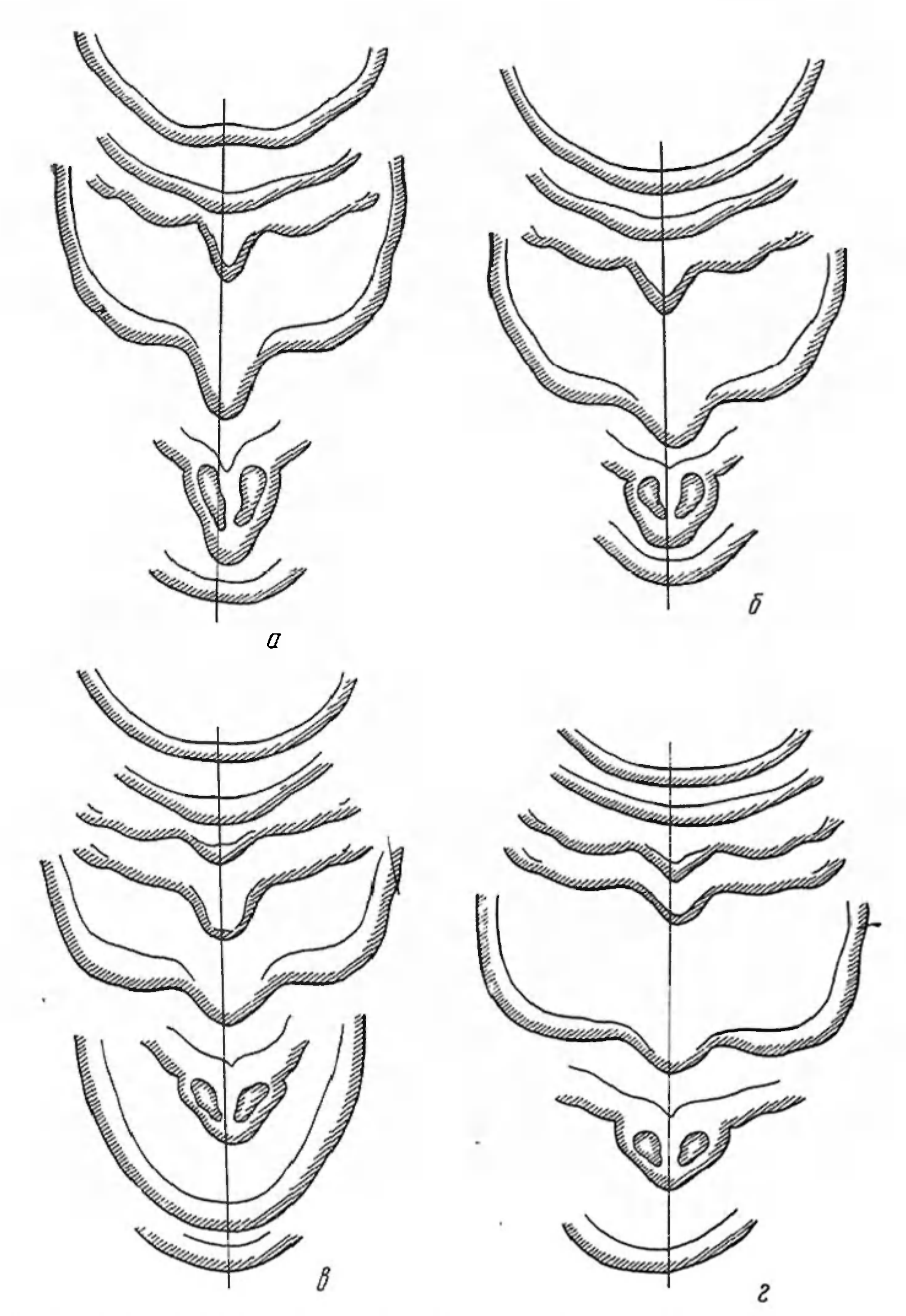

Рис. 14. Схема горизонтальных сечений лица мужчин. Отчетливо видна степень соподчинения контуров мягких покровов контурам черепа и общность асимметрии:

а — мужчина 26 лет, русский (Лефортовский морг, Москва, 1940); *б* — мужчина 40 лет, русский (Лефортовский морг, Москва, 1939); *в* — мужчина 50 лет, русский (Лефортовский морг, Москва, 1939); *г* — мужчина 50 лет, узбек (из Коканда) (морг Ташми, 1942).

Приведенный небольшой материал горизонтальных сечений головы дает отчетливое представление о степени зависимости мягкого покрова от нижележащего костного скелета. Первая голова была распилена мною при непосредственном участии В. В. Гинзбурга, доставившего мне эту возможность на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии. Некоторое количество голов мне удалось распилить в Лефортовском морге в Москве, в период с 1938 по 1941 г. Столь малое количество исследованных подобным методом голов (всего 21 голова), конечно, не позволило предложить разработанную схему возрастных стандартов, но даже и этот небольшой материал с очевидностью доказывает правильность наших представлений о прямой связи рельефа черепа с характером мягких тканей, слагающих покровы головы.

При изучении асимметрии на живых лицах удалось заметить, что только ею иногда определяется так называемое семейное сходство. Так, например, о ребенке часто говорят: «вылитый отец», а между тем при ближайшем осмотре с очевидностью обнаруживается, что отдельные черты лица у ребенка не отцовские, а материнские: форма лба, глаза, нос, рот — все это слегка смягченные и уменьшенные черты матери, но все же ребенок чем-то почти неуловимо больше похож на отца, чем на мать. Внимательный наблюдатель отметит у ребенка ту же самую гамму асимметрии основных черт лица, что и у отца.

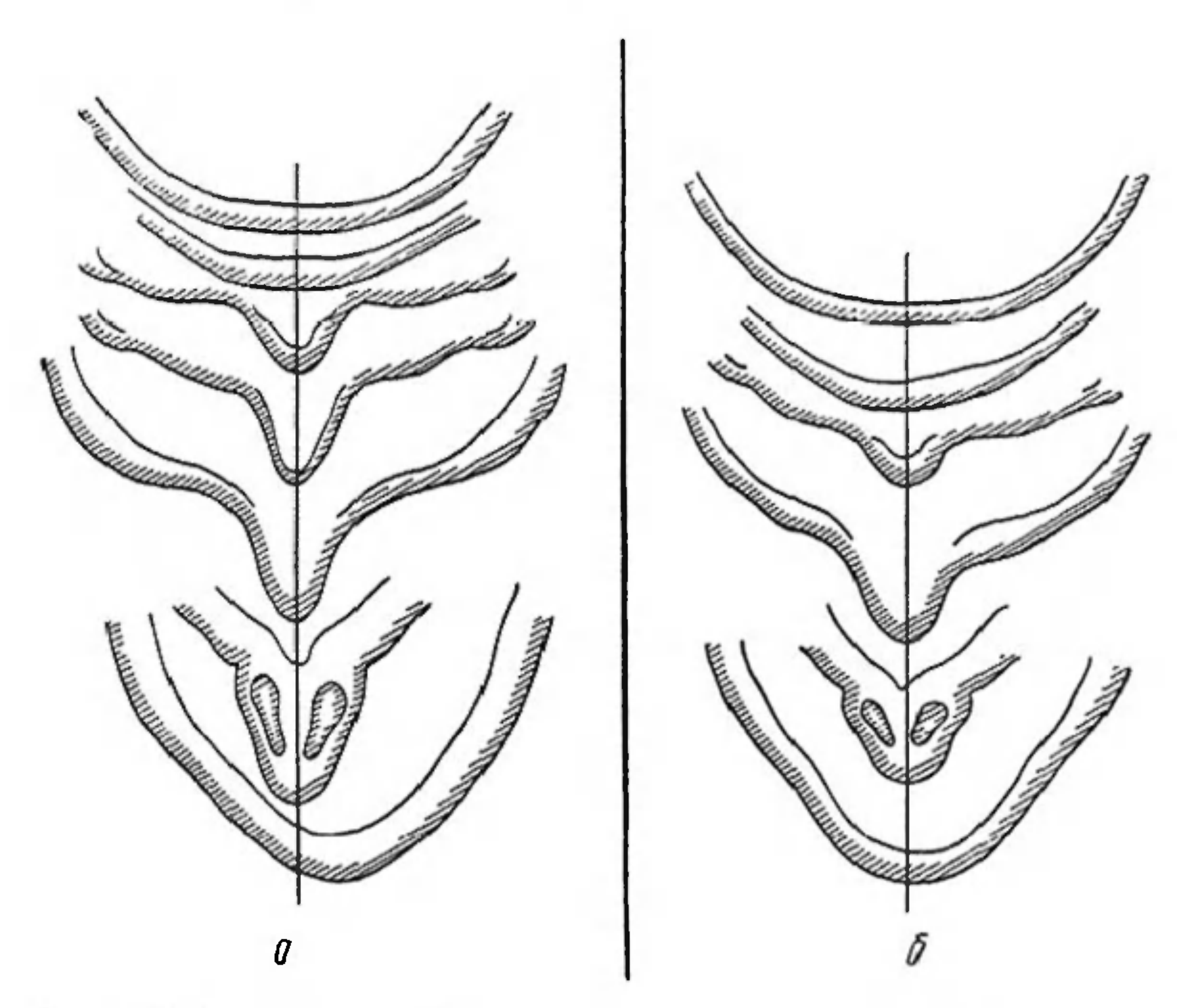

Рис. 15. Схема сечений мужского и женского лица. Отчетливо видна степень асимметрии:

а — мужчина 65 лет, поляк; *б* — женщина 45 лет, русская.

В процессе изучения асимметрии лица был проведен следующий опыт. При помощи фотографирования были получены правостороннее и левостороннее изображения одного и того же лица. Следует заметить, что фотографирование должно быть произведено строго фронтально. Это представляет известное затруднение, так как наше лицо асимметрично не только в стороны, но и вперед и назад, а потому ориентировать голову по принятому в антропологии методу,— по ушным каналам,— нельзя. Лицо должно быть обращено к объективу так, чтобы оба глаза находились на одной плоскости,— параллельной плоскости объектива. С полученного негатива были сделаны три отпечатка: два со стороны эмульсии и один со стороны стекла. Два противоположных изображения были разрезаны по прямой через одни и те же точки (середина глабеллы и середина фильтрума), после чего правая половина лица была соединена с правой, а левая — с левой. В результате были получены три изображения: нормальное, из правых половинок лица и из левых. Их всех, несомненно, объединяет сходство и в то же время это как будто бы разные лица. Одно изображение всегда более «грубое», другое — более «тонкое» (рис. 16, I, II, III).

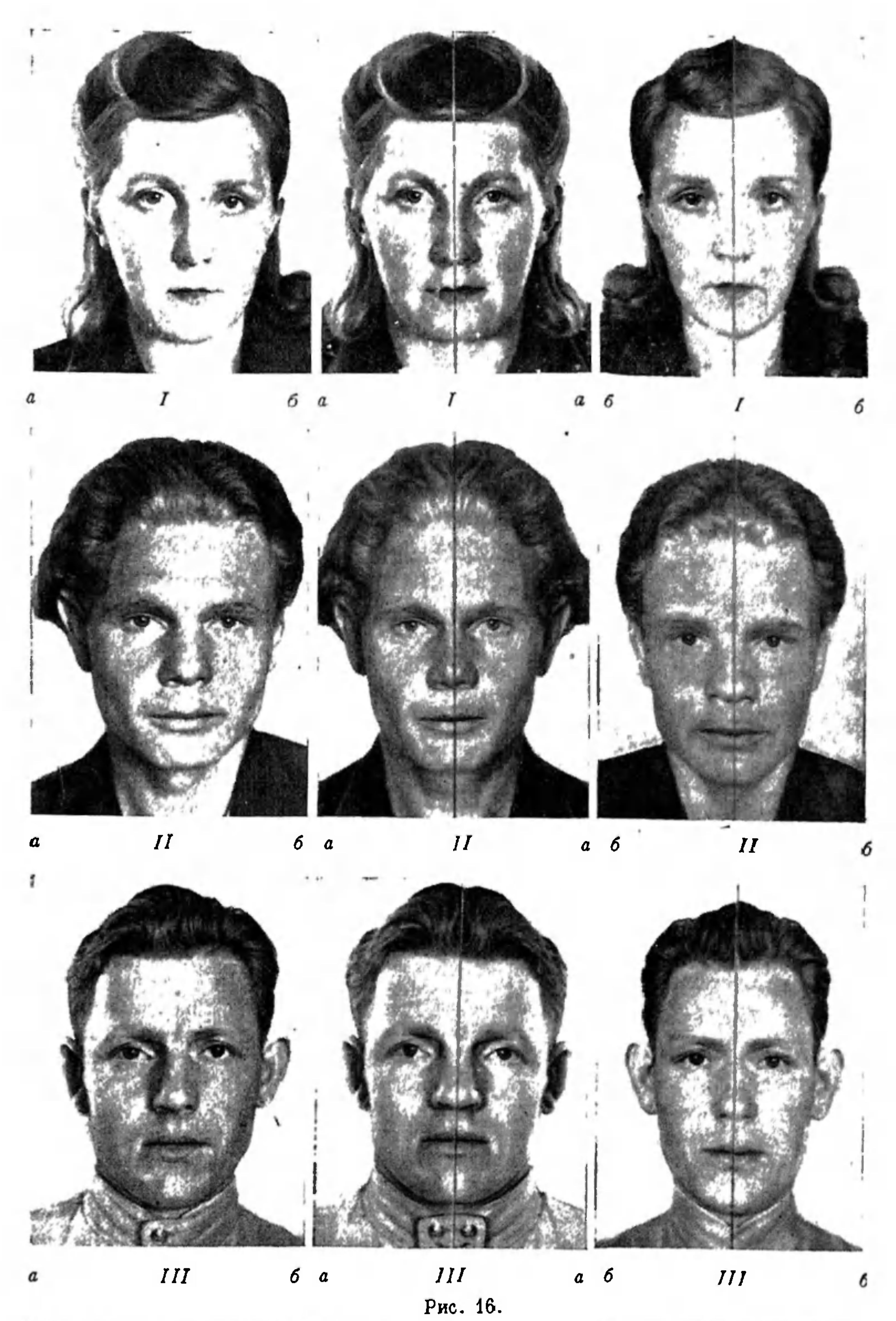

Рис. 16.

Приведенный пример построения симметричных лиц из двух правых и двух левых половинок одного и того же лица при сравнении их с подлинным лицом, очевидно, показывает степень асимметрии лица. При рассмотрении созданных симметричных лиц во всех случаях можно отметить получение тонкого и грубого типов. Схемы горизонтальных сечений, демонстрированные выше, свидетельствуют о том, что не только мягкие покровы лица, но и нижележащая костная основа асимметричны в равной степени. Таким образом, механическое воспроизведение лица по черепу обеспечивает один из основных моментов портретности, т. е. индивидуальную степень асимметрии (*а* — левая сторона, *б* — правая, *а-а* — лицо из двух левых половинок, *б-б* — лицо из двух правых половинок).

Рис. 17. Топография и соотношение толщины мягких покровов головы живого человека (рентгенограмма).

Из всего изложенного очевидно, что асимметрия головы и лица является одним из основных элементов индивидуальности. Нередки случаи передачи по наследству определенной гаммы асимметрии, обеспечивающей так называемое родственное или семейное сходство. С достоверностью можно отметить одну и ту же степень асимметрии лица и черепа. Поэтому естественно, что объективное воспроизведение мягких покровов на черепе определяет характер асимметрии и обеспечивает портретность.

Даже самое тщательное изучение мягких покровов при помощи измерений, препарирования и специального изготовления сечений не всегда может дать исчерпывающие сведения о взаимосвязи мягких покровов с нижележащим скелетом, так как при этом под наблюдением находится голова мертвого человека, лицо которого искажено так называемой «маской смерти». Необходимы наблюдения над живым человеком. Эти наблюдения могут быть произведены при помощи рентгенографии. При условии масштабной съемки и правильной ориентировки головы можно получить очень четкие изображения. Профильные рентгенограммы дают возможность наблюдать живые мягкие ткани и понять их соотношения. Особенно важны наблюдения над формой рта и носа (рис. 17), так как эти части лица сильнее всего искажаются после смерти. Все это позволяет корректировать данные, полученные в результате работы над трупным материалом. В силу усложненности различных планов изображения рентгенограммы фаса лица хотя и дают, конечно, некоторое представление о форме мягких покровов в различных местах головы и помогают п

нять функциональную зависимость таких деталей лица, как крылья носа, губы и т. п., но, к сожалению, не могут быть использованы для соответствующих измерений.

Сложность восстановления отдельных деталей головы и лица не одинакова. Если мягкие ткани, покрывающие собственно свод — череп, воспроизводятся довольно легко и не возбуждают ни у кого сомнений в правильности решения, то восстановление лица представляет собой ряд очень сложных, часто взаимно подчиненных задач, а иногда внешне как будто независимых от общей композиции смежных частей лица. Восстановление основных жевательных мышц (m. temporalis, m. masseter) не связано с большой сложностью. Специфическая конфигурация каждого черепа дает возможность воспроизвести эти мышцы с высокой степенью точности. Несколько сложнее, но в то же время достаточно точно воспроизводится основной массив шейных мышц. Правильно найденная посадка головы плюс воспроизведенные жевательные мышцы — и в общих чертах основная композиция головы решена.

Восстановление маски лица требует специальной длительной подготовки, большого практического опыта, уменья по отдельным частностям создавать общую композицию.

Нос, в основном, слагается из хрящей и мягких тканей и, следовательно, с точки зрения большинства специалистов-антропологов и анатомов не имеет твердых основ для реконструкции. Еще сложнее восстановление рта, глаз, ушей. Основные мышцы, образующие форму губ, век, слагаются из так называемых круговых мышц, не имеющих опорных пунктов на черепе.

Большинство специалистов, не занимающихся вопросом восстановления лица, но касающихся его со своих точек зрения, склонно утверждать, что воспроизведение этих частей лица по черепу есть область более или менее остроумных догадок, гипотез, основанных не на твердых научных данных, а исключительно на интуиции. Принято,— и не без некоторого основания,— утверждение, что до сих пор никто из исследователей не имел возможности убедиться в наличии корреляции между черепом и мягкими покровами, слагающими лицо. Это вполне естественно, так как в большинстве своем исследователи при рассмотрении лица обращали внимание главным образом на тотальные размеры костей и мышц. В редких случаях их интересовала топография определенных групп мышц в связи с решением вопроса о функции, и только очень немногие пытались уловить некоторую зависимость форм лица от особенностей черепа, но и ими, как правило, допускалась ошибка в том отношении, что они пытались рассматривать отдельные детали лица как нечто самостоятельное, изолированное от общей композиции его. Между тем только сумма наблюдений, проведенных одновременно на одной голове, может служить материалом для понимания несомненно существующей корреляции между отдельными пучками волокон мышц, местами их прикрепления на черепе, степенью их протяженности и конфигурацией отдельных частей черепа. Все это, как бы расчлененное, затем вновь собранное, дает возможность представить себе композицию всего лица и отдельных его деталей.

Не в одних только промерах черепа и лица нужно искать корреляцию. Ее следует видеть прежде всего в отношении общей массы мягких покровов к рельефу и микрорельефу кости. Конечно, было бы неверно предполагать здесь наличие прямой формы корреляции, т. е. отношения один к одному. Совершенно несомненно, что здесь налицо так называемая скрытая форма корреляции, которая представляет собой множественное

отношение различных признаков. Эти признаки трудно наблюдаемы и пока еще не поддаются простому измерению. В дальнейшем, вероятно, возможно будет создание тонкой методики фиксирования этой сложной системы соотношений различных компонентов, объединенных общей формой и функцией. На то, что между отдельными признаками строения мягкого лица и его костной основой существуют какие-то корреляции, указывает А. А. Малиновский[1]. Говоря о сущности статистической корреляции, Малиновский отмечает: «Определяя, например, типичную конституцию, мы имеем в руках иногда большие, но все же только корреляции, а не точные зависимости. Поэтому каждый отдельный признак указывает лишь на то, что данная конституция вероятна в данном случае, но не на то, что она есть. Здесь можно весьма увеличивать эту вероятность и приблизить ее к достоверности, дополняя основные, главные признаки большим количеством слабо связанных, второстепенных. С другой стороны, отдельный неизвестный признак, имеющий с другими малые корреляции (через разные общие аргументы), иногда можно почти полностью определить, правильно используя эти корреляции в их совокупности. Этим объясняется то, что, учитывая их (часто даже бессознательно), опытный врач может иногда с неожиданной точностью поставить прогноз там, где отдельные признаки, кажется, дают лишь весьма приблизительные и косвенные указания на течение болезней. Точно так же, скульптору-антропологу М. М. Герасимову удается приближаться к портретной точности, воссоздавая на основе, казалось бы, слабых корреляций неизвестное лицо по одному черепу. Поясним это следующим упрощенным примером. Признаки A, B и C коррелированы между собой, как это видно из таблицы (арабские цифры означают выраженность признака A, римские — признака B):

C'	C^2	C^3
3 I	4 II	5 III
2 II	3 III	4 IV
1 III	2 IV	3 V

Как видно, оба признака нарастают с увеличением признака, но в пределах класса C могут тоже изменяться. Внутри класса C они имеют между собой строгую обратную пропорциональность. Если вычислить коэффициенты корреляции, то получим: $r_{AB}=0$; $r_{AC}=0{,}71$; $r_{BC}=0{,}71$. Создается впечатление, что, несмотря на наличие двух больших корреляций (AC и BC), зная, например, B и C, мы не можем еще точно судить о признаке A: C связано с ним лишь корреляцией, равной 0,71, а B не связано совершенно. Между тем из таблицы видно, что, зная значение B и C, мы всегда можем точно определить A. Это и вскрывается здесь применением парциальной корреляции, показывающей, что зависимость между A и B при фиксированном C равна — 1, т. е., что здесь уже не корреляция, а точная зависимость. Точно так же парциальная корреляция между A и C при постоянном B равна $+1$. Следовательно, зная оба признака (B и C), мы всегда можем точно судить об A. Для простоты мы здесь взяли всего три признака и поэтому довольно высокое значение

[1] А. А. Малиновский. Элементарные корреляции и изменчивость человеческого организма. Тр. Ин-та цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, том II, вып. 1, 1951.

корреляции ($r_{AC}=0{,}71$; $r_{BC}=0{,}71$). При более сложных отношениях и большом количестве признаков отдельные корреляции могут быть очень малы, и тем не менее, сопоставляя их, мы можем получить очень полные данные о неизвестном признаке»[1].

Данный пример прекрасно иллюстрирует возможность учета сложных множественных закономерностей, чем и достигается значительная степень приближения в реконструкции отдельных деталей и целых комплексов этих деталей, обеспечивающих портретность при восстановлении лица неизвестного по его черепу.

Не следует, впрочем, думать, что для получения портрета необходимо с абсолютной точностью найти всю сумму коррелирующих признаков; достаточно правильного понимания основных из них. Портретное сходство может быть достигнуто с помощью немногих характерных черт лица, сумма же остальных мелких признаков, связанных с этими основными категориями, будет найдена непроизвольно. Для того, чтобы уяснить конкретную возможность воспроизведения мягкого покрова лица — основной его формы, необходимо на конкретных примерах показать, как решается вопрос восстановления отдельных элементов лица — носа, рта, глаз.

§ 2. СООТНОШЕНИЕ МЯГКОГО И КОСТНОГО НОСА

Несомненно, что одной из наиболее трудно восстановимых деталей лица является нос. Вирхов[2], посвятивший многие годы изучению внешней формы носа, так и не нашел никакого выражения корреляций между мягким носом и его костной основой. В своих работах он неоднократно говорит о большой трудности изучения носа, вплоть до того, что, с его точки зрения, измерения мягкого носа совершенно не точны, субъективны, трудно измерить точно даже длину носа, еще труднее получить точные данные ширины. Степень ошибки этих измерений даже у одного и того же исследователя очень велика и непостоянна. Не менее трудно получить точные обводы мягких частей не только профиля, но даже и сечения носа. Для получения этих обводов Бейц предлагает пользоваться тонкой свинцовой проволокой, однако этот метод недостаточно точен, так как если взять толстую проволоку, деформируются мягкие ткани, если же взять тонкую, то деформируется обвод от собственной тяжести проволоки.

Получение более точных обводов возможно только с гипсовой маски либо с замороженной головы. Но само по себе снятие гипсовой маски — обычной техникой, даже с живого лица,— деформирует такие части лица, как нос и губы и даже щеки. Мягкие ткани оседают под тяжестью гипса. Только рентгенография и фотография могут дать более или менее четкое представление о профиле носа, но и здесь следует быть крайне осторожным и внимательным при ориентировке головы и при освещении[3]. Фотографам известны возможности освещения, и они

---

[1] А. А. Малиновский, Указ. соч., стр. 155—156. Не могу не поблагодарить А. А. Малиновского, взявшего на себя столь неблагодарную задачу — математически обосновать сложные законы коррелятивных отношений мягкого покрова лица и черепа и тем самым обусловить возможность портретной реконструкции.

[2] Hans Virchov. Die anthropologische Untersuchung der Nase. «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1912, 44 Jahrg., стр. 288—337.

[3] Необходимо при съемке учитывать кроющие возможности оптики. При сильных объективах возможно получение неправильного контура за счет увеличения захвата поля зрения оптикой.

нередко этим пользуются, придавая лицу совершенно различные, крайне неожиданные выражения. Так, можно, меняя только источники света, получить изображение с коротким носом и, наоборот, с длинным, сильно выступающим и слабо выступающим, прямым и вздернутым и т. д. Таким образом, совершенно очевидно, что для того, чтобы говорить об объективности данного фотографического изображения, одновременно необходимо давать сведения о характере освещения и направлений основных источников света, об оптике. Скользящий свет сверху будет удлинять нос, глубокая тень под носом сделает его резко выступающим, освещение снизу сделает нос коротким и курносым и т. д.

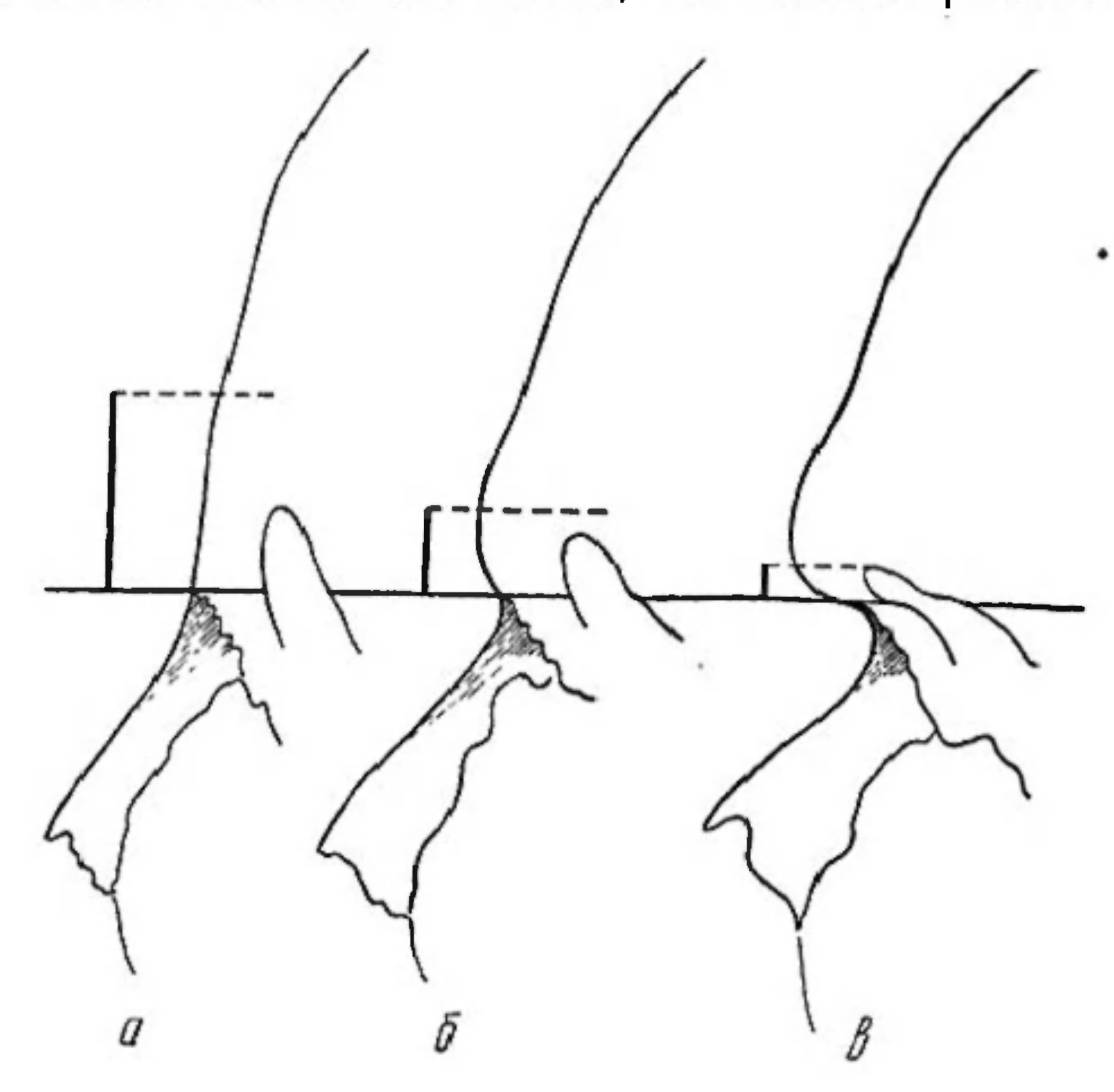

Рис. 18. Различные формы и размеры носовой части лобной кости: *а* — длинная, *б* — средняя, *в* — короткая.

Какие же части черепа и в какой степени определяют собой формы, а следовательно, и величину мягкого носа? Форма глабеллы, строение надбровья, внутренний угол глаза, горизонтальная профилировка лица вообще, горизонтальная профилировка скуловых костей, грушевидного отверстия, альвеолярной части верхней челюсти, общий характер альвеолярной части верхней челюсти, протяженность и профилировка лобных отростков, верхнечелюстных костей. Все это компоненты, дополняющие данные собственно носовых костей и обеспечивающие определение внешних форм мягкого носа. В силу этого изолированное изучение костного носа или отдельных деталей формы мягкого носа как материалов для создания реконструкции — нецелесообразно. В своем строении костный нос имеет громадную полость, восполняемую хрящами и мягкими тканями. Несомненно, что мягкие ткани, слагающие нос, являются прямым и органическим продолжением костного носа. Однако само по себе это убеждение мало что дает для воспроизведения носа по данным черепа. Еще меньше для определения внешней формы мягкого носа могут дать общая длина носа, ширина грушевидного отверстия, протяженность носовых костей, их ширина и т. д. Носолобный участок лобной кости — глабелла, форма носового отростка своим строением определяют характер надпереносья. Исходя из этого, следует рассмотреть основные категории формы глабеллы и носового отростка лобной кости.

Изучение антропологических серий дает возможность наметить три основные категории протяженности носовой части лобной кости — короткую, среднюю, длинную (рис. 18). Как правило, короткая носовая часть лобной кости связана с резким переходом носолобного участка к носу. Носовые кости большей частью образуют резкий угол по отношению к носовой части лобной кости. Чаще всего укороченная носовая часть

лобной кости сопровождается большим или меньшим выступанием глабеллы Нередко резко выступающей глабелле сопутствует сильное развитие надбровья. Связанная с таким рельефом мягкая ткань носолобного участка в соответствии со степенью выступания глабеллы и степенью развития надбровья усиливается, как правило, образуя резкий переход к носу. Средняя форма лобной части характеризуется более спокойными переходами лба к носу; глабелла обычно не очень выступает, мягкие ткани с незначительным усилением над глабеллой без резкого перегиба переходят к спинке носа. С длинной формой носовой части лобной кости связана слабо выраженная форма глабеллы. Носолобный участок лобной кости легким перегибом постепенно переходит в спинку носа.

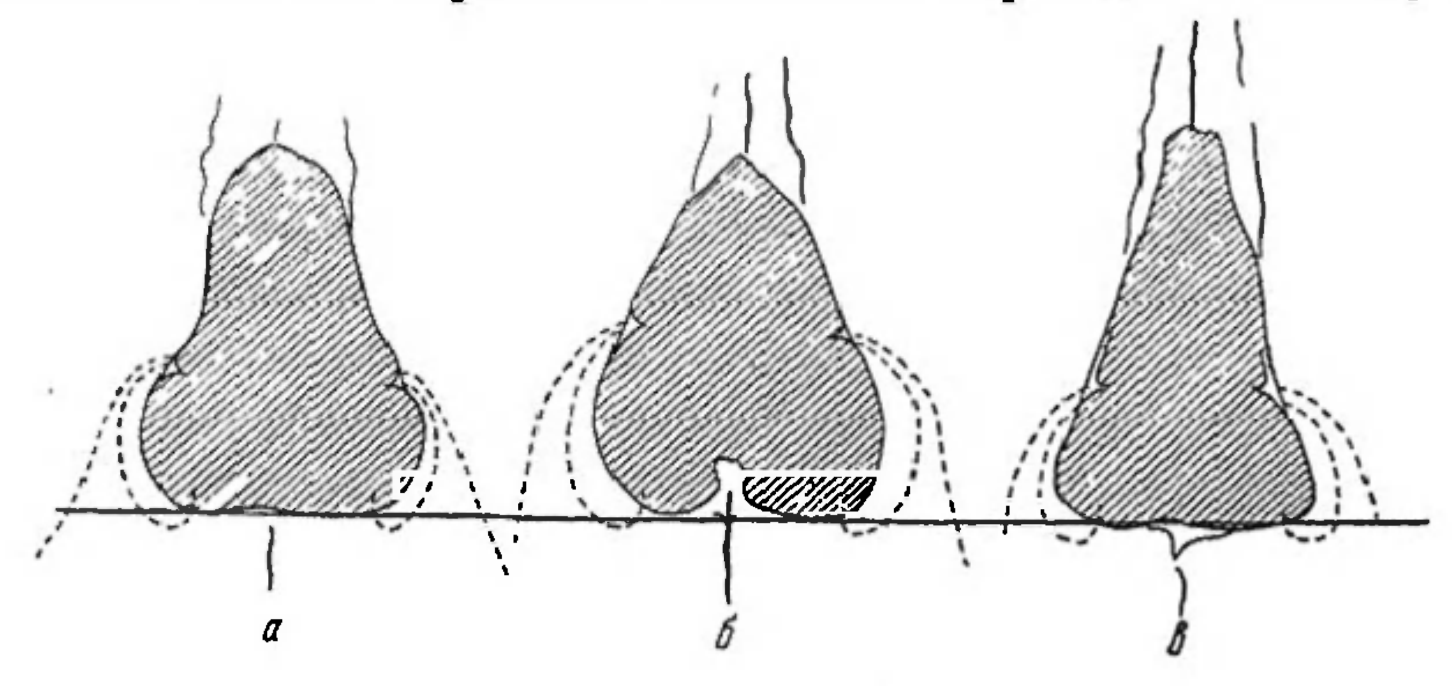

Рис. 19. Различные положения гребешка crista conchalis.

Пунктиром определяется направление носогубной складки и форма крыльев носа; *а* — европеоид (русский 40 лет, Лефортовский морг); *б* — монголоид (китаец 50? лет, Лефортовский морг); *в* — европеоид (поляк? 40—45? лет, Лефортовский морг).

Мягкие ткани лежат свободно, имея почти равную на всем протяжении толщину от переносья до венечного шва.

Таким образом, конфигурация носолобного участка кости своей формой определяет характер надпереносья и переходы его в спинку носа. Носовая ость лобной кости (spina frontalis) с примыкающими носовыми костями (ossa nasalia) определяет общую форму спинки носа и степень его выступания вперед. Парные верхнечелюстные кости своими лобными отростками (proc. frontales) слагают боковые стороны грушевидного отверстия (apertura piriformis), нижняя часть которого формируется их альвеолярными отростками. Степень изгиба боковых сторон грушевидного отверстия в какой-то мере определяет степень перегиба спинки носа. Основание носа опирается на переднюю носовую ость (spina nasalis anterior). Из всех костей внутренней полости носа только сошник[1] степенью своей искривленности определяет основное направление хряща перегородки мягкого носа. На латеральных поверхностях полости носа, на верхнечелюстных костях имеется небольшой гребешок (crista conchalis), который является опорой нижней носовой раковины. Для мягкого носа это обычно будет соответствовать верхнему краю ноздри (рис. 19). При резко выступающих в боковом направлении ноздрях этот гребешок расположен у самого края грушевидного отверстия и служит как бы углом преломления в стороны края грушевидного отверстия. Степень резкости переднего края перегиба грушевидного отверстия в этом месте

[1] Мы говорим о сошнике, так как вертикальная пластинка решетчатой кости очень хрупкая и редко сохраняется.

определяет степень моделировки ноздрей — крыльев носа, а также степень резкости и форму носогубной складки. Этот гребешок (crista conchalis) является опорным пунктом при восстановлении верхней части носогубной складки.

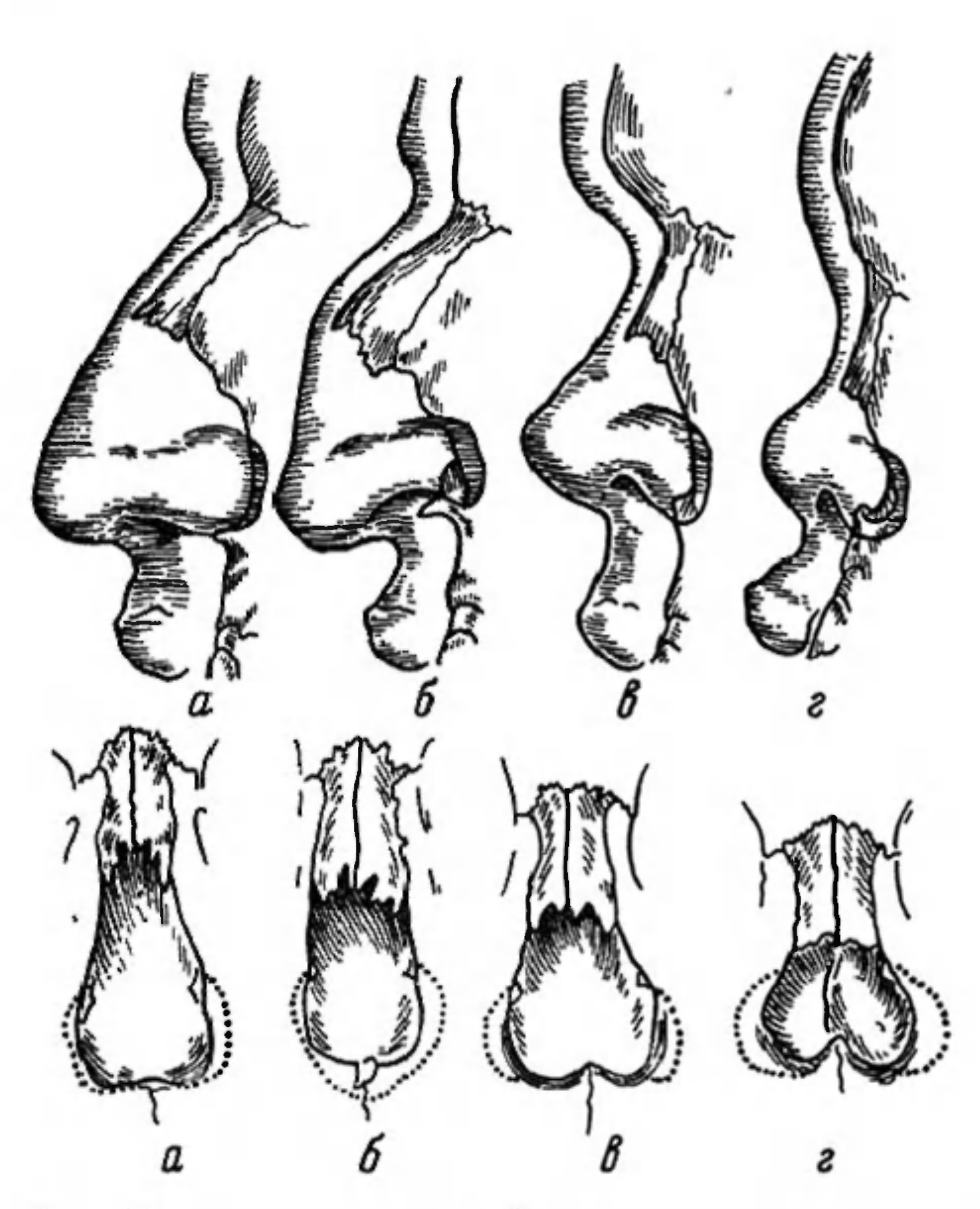

Рис. 20. Схема соотношений мягкого и костного носа:
а — прямой нос, *б* — ястребиный, горбатый нос; *в* — мягкий курносый нос; *г* — вздернутый нос.

Итак, основными, опорными пунктами для воспроизведения формы мягкого носа служат в первую очередь форма глабеллы, носовые кости, общая форма грушевидного отверстия, характер его латеральных краев, подносовой край и подносовой шип. В результате многолетней работы удалось выработать некоторый способ проицирования формы мягкого носа в профиль по данным черепа. Профиль носа проицируется двумя прямыми: первая из которых является продолжением основного направления нижнего раздела носовых костей примерно на протяжении около трети их общей длины; вторая продолжает основное направление подносового шипа. Точка пересечения этих условных прямых обычно будет соответствовать кончику мягкого носа. Не следует, однако, думать, что прямая, продолжающая носовые кости, в какой-либо степени будет соответствовать профилю носа. Линия профиля мягкого носа или, как принято называть ее, спинка носа определяется степенью волнистости и общим характером вырезки грушевидного отверстия, которое как бы повторяет основные перегибы линии профиля носа. Чаще эта линия профиля мягкого носа будет проходить над прямой, проицирующей кончик носа, но бывали случаи, когда сильно волнистая спинка или при резко вогнутом носе проходит под этой прямой.

Для того чтобы было понятно, какие же, собственно, формы костной основы носа соответствуют тому или иному мягкому носу, необходимо привести поясняющие примеры (рис. 20).

I. Прямому, тонкому носу чаще соответствуют следующие данные:

1. Развитие надпереносья—в среднем не более 2 баллов по Мартину.

2. Расстояние между глазами небольшое, скорее малое.

3. Корень носа сужен и высок.

4. Носовые кости —удлиненных пропорций, простого рисунка.

5. Спинка носовых костей высокая, крышевидная, в профиль едва волнистая.

6. Грушевидное отверстие удлиненных пропорций узкое, с прямыми или слабо волнистыми краями, острыми на всем своем протяжении.

7. Внешние нижние углы грушевидного отверстия чаще острые и приподнятые вверх, реже слегка закругленные. Ни разу не было встречено резкого закругления подносового края.

8. Подносовой шип — отчетливого рисунка, хорошо развит, основное направление его чаще прямое; бывает приподнят, никогда не бывает опущен книзу.

9. Носовые кости тонкие, малоизменчивые по ширине на всем протяжении; как правило, заканчиваются острым краем.

10. При большой степени выступания прямого носа лицо резко профилировано. Мало выступающий нос прямой, чаще сопровождается широким малопрофилированным лицом.

11. Величина носа зависит от величины и степени выступания и направления носовых костей, а также от степени развития подносового шипа и степени общей горизонтальной профилировки лица.

II. Носу горбатому (ястребиному) обычно соответствуют следующие данные:

1. Степень развития глабеллы может быть различна, но характерны — сильное усложнение носолобного шва и резкий перегиб носовых костей сразу ниже шва.

2. Носовые кости сильно профилированы, образуют резко выступающую, нередко волнистую спинку носа; у корня обычно сильно сужены, к концу расширяются, приобретая округлую или крышеобразную форму свода. У особо массивных, горбатых носов носовые кости толстые, и на концах их нередко образуется расширяющийся раструб свода.

3. Грушевидное отверстие равномерных очертаний может быть и широким и узким, но всегда резко профилировано; боковые грани его обычно тонкие и острые. Нередко нижняя часть грушевидного отверстия имеет сильно округленные края.

4. Подносовой шип всегда сильно развит, обращен обычно вперед, чаще вниз; иногда бывает широкий и желобчатый.

5. Лицо обычно резко профилировано, чаще узкое.

6. Величина носа обусловливается степенью выступания носовых костей, их протяженностью, массивностью и в равной степени выступанием подносового шипа.

7. В зависимости от направления подносового шипа меняется характер основания носа. При сильно изогнутых, клювовидных носах подносовой шип резко обращен вниз.

8. Нижняя часть грушевидного отверстия степенью своей уплощенности определяет форму вырезки ноздрей.

III. Мясистому, широкому носу часто соответствуют следующие данные: в отличие от описанных выше форм носа эта форма характеризуется широкими, округлыми очертаниями грушевидного отверстия, с сильно

вырезанными, закругленными, притупленными его краями в нижней части. Носовые кости образуют чаще широкий, округлый свод с вогнутой или слегка волнистой спинкой. Простые, прямоугольные по своим очертаниям носовые кости, как правило, образуют широкий раструб свода; заканчиваются они заостренным краем. Укороченный подносовой шип выражен слабо, направлен чаще либо прямо, либо вверх. Нижняя часть грушевидного отверстия обычно с двумя вырезками, т. е. сердцевидна. Профилировка лица чаще слабая, смягченная.

IV. Женские маленькие вздернутые носы имеют грушевидное отверстие укороченных пропорций, с тонкими краями в средней части и притупленно-закругленными — в нижней. Очень короткий подносовой шип весьма слабо развит, всегда вздернут. Носовые кости чаще имеют вогнутую спинку; свод округло-широкий.

Подобные примеры могут быть бесконечны, так как исчерпать все возможные формы индивидуальных вариаций носа невозможно. Данная работа не ставит перед собой задачи классификации формы носа; ее задача — рядом ярких примеров дать отчетливое представление о том, что, собственно, определяет форму мягкого носа при его восстановлении на костной основе. Все изложенное указывает на то, что следует базироваться не на цифровом материале, т. е. абсолютных или общих размерах, а на форме отдельных компонентов, слагающих костный нос и его непосредственное окружение. Необходимо отметить, что Вирхов достаточно ясно показал несоответствие абсолютных размеров костного и мягкого носа. Чешский ученый Сук в своей полемической статье «Ошибки автропологической идентификации и реконструкции»[1] говорит в заключительной части, что рядом специально поставленных исследований доказана невозможность восстановления лица по черепу, особенно носа и рта. Он указывает, что мягкие покровы якобы совершенно не соответствуют форме нижележащих хрящей, тем более костей: «Таким образом, данные остеологии, анатомии позволяют утверждать, что человек может быть изучаем при условии сохранения мягких тканей. Все ископаемые остатки человека, дошедшие до нас в виде костей скелета, могут изучаться как скелет, по данным которого не может быть построен сколько-нибудь правдоподобный образ».

Однако не все исследователи так категоричны. Уже в начале данной работы были упомянуты Вирхов и Кольман, считавшие вполне вероятным получение портретного образа по черепу, несмотря на то, что они сами и не достигли этого. Меркле и Сольгер также были сторонниками этой точки зрения.

Ошибка Сука заключалась в том, что он ориентировался исключительно на данные абсолютных размеров. Приведенный им пример сравнения абсолютных размеров грушевидного отверстия мужского носа с соответствующим по размерам грушевидным отверстием женского носа и попытка сравнить данные измерений мягких носов, действительно, показали несоответствие величины мужского и женского носов, имеющих равные абсолютные размеры грушевидного отверстия. Этот пример неудачен, так как при всех равных данных измерений форма грушевидных отверстий совершенно различна. В соответствии с этим должна быть различна форма мягких носов, которая зависит не только от абсолютных размеров, но, в первую очередь, от формы основных компонентов костного носа. Многолетние исследования, проведенные на большом материале, дают воз-

[1] V. Suc. Fallacies of anthropological identifications and reconstructions. A. critique based on anatomical dissection. Brno, 1935.

можность утверждать, что при одной и той же абсолютной отметке ширины грушевидного отверстия ширина носа может быть либо близка к его ширине, либо далеко превосходить ее. Различная величина мягкого носа определяется характером нижнего края грушевидного отверстия. Если края грушевидного отверстия (antropina) острые, ширина мягкого носа будет близка к ширине грушевидного отверстия. При развернутых краях грушевидного отверстия ширина мягкого носа будет сильно превышать его. В случае закругленности нижних краев грушевидного отверстия ноздри значительно уйдут за пределы его. При наличии подносовых ямок следует предполагать сильное развитие мягкой части носа, с ноздрями, выходящими далеко за пределы грушевидного отверстия. Если же нижняя часть носового отверстия имеет желобчатую форму (обезьяний жолоб), то это обычно следует связывать с широкими ноздрями, крылья которых слабо моделированы. Эта форма ноздрей особенно часто бывает у высших обезьян — горилл, орангутангов.

В целях проверки приведенных данных можно рекомендовать сравнение крайних расовых групп: при рассмотрении черепа европейца с сильно профилированным носом и черепа негра становятся очевидными признаки, определяющие форму мягкого носа.

Все только что изложенные наблюдения об отношении конфигурации грушевидного отверстия к внешней форме мягкого носа контролируются и другими данными, а именно высотой и формой свода носа, отношением ширины к высоте грушевидного отверстия, межглазничным расстоянием и т. д. Так, при низком своде носа, большом межглазничном расстоянии и укороченных пропорциях грушевидного отверстия следует ожидать широкого расстояния между ноздрями.

Только при учете всех данных можно быть уверенным в правильности реконструкции. Нельзя основываться на какой-либо одной, пусть даже и яркой детали, так как в этом случае будет совершена ошибка.

Давая описание коррелирующих элементов костного и мягкого носа, являющихся основным материалом к восстановлению внешней формы мягкого носа, следует остановиться и на мимической мускулатуре. Несмотря на существующее теоретическое представление о невозможности учета форм мимической мускулатуры лица, в результате специально поставленных наблюдений установлены некоторые закономерности, позволяющие судить о топографии мимических мышц и их протяженности. К числу таких мышц следует отнести так называемую пирамидальную мышцу носа, или, как ее часто называют, «мышцу гордецов» — m. procerus. По своим основным очертаниям этот парный пучок удлиненно-треугольной формы, обращенный вершиной вниз, берет свое начало у конца носовых костей тонкими расщепленными пучками мышечных волокон; к корню носа он уплотняется, достигая максимальной своей толщины, и переходит в свободный широкий пук, залегающий над глабеллой, прикрепляясь к коже над ней и переплетаясь с волокнами лобной мышцы. Функция этой мышцы,— сокращаясь, образовывать поперечные морщины над корнем носа. Эта мышца по своей протяженности и степени развития прямо связана с рельефом носовых костей, их величиной, а также с формой и степенью развития рельефа глабеллы. Даже незначительная асимметрия средней линии носовых костей и неравномерное развитие глабеллы дают искривление и асимметрию поперечных морщин корня носа, т. е. свидетельствуют о неравномерном, асимметричном развитии мускула m. procerus. Мышца собственно носа — m. nasalis — очень тонка и в большей своей части мало способствует пониманию формы мягкого носа.

§ 3. СТРОЕНИЕ РТА, ЗУБЫ, ПРИКУС[1]

Обычно анатомы не отмечают корреляций между мягкими тканями, слагающими рот, и нижележащим скелетом. Это объясняется тем, что непосредственной связи с черепом рот не имеет. Основная масса рта сложена так называемой круговой мышцей, свободно лежащей над зубами. Ряд мелких мышц окружает и поддерживает круговую мышцу рта, распределяя между собой определенные функции его.

При восстановлении внешней формы рта следует ориентироваться на морфологические особенности строения самого черепа. Высота и конфигурация альвеолярного отростка верхней челюсти, ширина зубной дуги, форма и величина зубов, их прикус—вот основные компоненты, дающие возможность понять характер рта (рис. 21).

Одним из основных элементов лица человека являются зубы. Вообще это один из важнейших органов всего организма. Всестороннее изучение зубов, возможных вариаций их строения и выяснение природы возникновения этих изменений, несомненно, должны дать некоторые сведения о формировании современного типа человека. Зубы имеют не только значительные расовые, но и индивидуальные колебания форм. Поэтому изучение зубов интересно не только для анатомов, антропологов, но и для судебных медиков и криминалистов. Зубы (во всем масштабе их индивидуальных вариаций) представляют особый интерес для решения проблемы портретного восстановления лица по черепу[2].

По Брока и Мантегацца[3], зубы имеют расовые различия по величине. Коренные зубы европейцев и других рас постепенно уменьшаются от M_2 к M_3, причем M_3 даже выказывает склонность к исчезновению.

Интересны исследования Флауера, создавшего формулу индекса зубной длины. Эти исследования дают несомненное свидетельство о том, что данный индекс различен у разных народов; в частности, он больше у негров и австралийцев, чем у европейцев.

К сожалению, эти данные мало что дают при реконструкции внешнего облика, но при восстановлении черепа учет их необходим. Кроме того, они могут быть использованы при расовой диагностике. Обычно принято думать, что припухлость, оттопыренность губ негроидных и малайских племен объясняется просто относительно большей их толщиной. Ряд наблюдений, проведенных на лицах народов, населяющих СССР, свидетельствует о том, что это не вполне так. Губастость, т. е. прохейлия губ, связана не только с общей толщиной массы мягких тканей, слагающих губы, но и с прогнатностью резцов и челюстей. При ортогнатном строении черепа с мелкими зубами совершенно излишне ожидать полногубого рта и, наоборот, даже незначительная прогнатность при средней величине зубов (такую форму часто можно наблюдать у женщин), как правило, дает сочный, припухлый рот с легкой прохейлией губ.

Исследования показали, что толщина мягких тканей рта, а в равной степени и рисунок его прямо связаны с формой рельефа альвеолярного отростка, с его величиной, с величиной зубов, характером прикуса и степенью прогнатности. Утрата зубов, их заболевания сильно сказываются на внешней форме рта. С этой точки зрения особенного внимания заслуживают исследования, посвященные травматическим, профессио-

---

[1] Алтухов. Анатомия зубов человека. М., 1900.
[2] Г. Вильга. Зубы в антропологическом отношении. РАЖ, т. XIV, № 2, 1903.
[3] Broca et Mantegazza. L'absence et l'atrophie des dents de sagesse. Bull. de la Société d'Anthropologie de Paris, 1878.

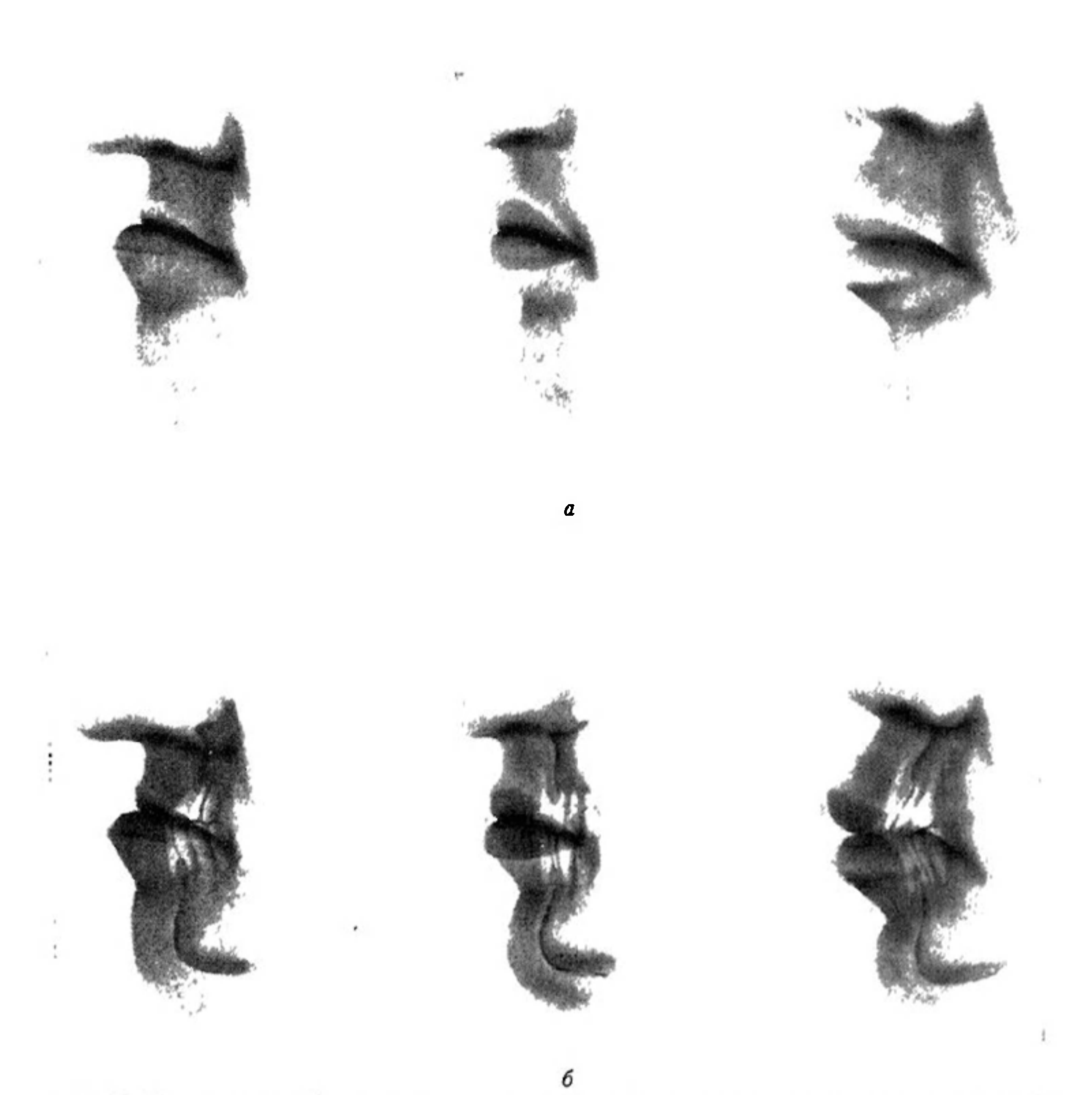

Рис. 21. Соотношение формы рта со строением альвеолярного края и постановкой зубов: а — различные формы рта, б — прикус.

нальным изменениям зубов[1]. Характер разрушения зубов для тонкого наблюдателя является объективным показателем, по которому он определяет не только профессию, но и ряд привычек субъекта. Что же это за профессиональные привычки, которые ведут за собой разрушение и деформацию зубов и связанную с этим деформацию губ? Среди сапожников была распространена привычка держать наготове гвозди у себя во рту, перекладывая их языком, по мере надобности, в зубы. В результате в месте постоянного захватывания гвоздей зубами на зубах образуются царапины с внутренней стороны, затем эмаль выкрашивается по углам и далее по всей поверхности, вследствие чего образуются желобки. В конечном итоге зубы в данном месте совершенно выкрашиваются. Постепенное

[1] Реформатский (газета «Врач», 1887) отмечает ряд интересных патологических и производственно-профессиональных изменений зубов и рта, совершенно совпадающих с рядом наших наблюдений (*Авт.*).

разрушение зубов, частое покалывание гвоздями внутренней части губы и постоянное расширение их пальцами при извлечении гвоздей приводят к своеобразной припухлости губ против поврежденного зубного ряда. Систематическое продергивание дратвы через зубы нередко сильно деформирует зубной ряд, подпиливая зубы с внутренней стороны. Одновременно это ведет к хоботообразному выступанию верхней губы в средней ее части.

Стеклодувы и музыканты на духовых инструментах имеют очень сходные, специфические, резко опознаваемые разрушения зубов, по преимуществу верхних резцов. Эта деформация зубов, как правило, вызывает повышенную подвижность губ и припухлость слизистой. Систематическое курение также нередко ведет к деформации рта. В результате держания мундштука или трубки снашиваются зубы, на них появляются соответствующие узуры, которые чаще наблюдаются на верхних зубах. В месте соприкосновения мундштука с губами от постоянного раздражения слизистая часть губы набухает. Нередко лица, постоянно курящие тяжелые трубки, приобретают привычку асимметричной улыбки, одностороннего жевания пищи и т. д. Это влечет за собой более глубокие функциональные изменения, выражающиеся в компенсаторной деформации нижней челюсти. Зубной ряд искривляется, образуя промежуток для держания мундштука. Перенос жевания на одну сторону сопровождается усилением сочленовной поверхности и общим усилением рабочей стороны челюсти. Учет этих особенностей на черепе обеспечивает получение многих индивидуальных черт при восстановлении лица. Более подробное освещение таких функциональных изменений должно быть дано в специальной литературе.

Одной из сложнейших задач является определение пола по зубам. Этим вопросом мало кто занимался, но тем не менее есть ряд исследований, упоминание о которых в данной связи совершенно неизбежно.

Поррейдт указывает, что в результате измерения верхних резцов у 100 мужчин и 100 женщин было установлено, что ширина этих зубов у мужчин равна в среднем 8,5 мм, а у женщин — 8,4 мм. Таким образом, верхние резцы мужчин шире на 0,1 мм.

Мела утверждает, что средняя ширина верхних средних резцов у мужчин равна 8,957 мм, у женщин — 8,318 мм, т. е. у мужчин верхние средние резцы шире, чем у женщин на 0,639 мм. По его же данным, средняя ширина боковых резцов у мужчин составляет 6,699 мм, у женщин — 6,540 мм. Эти резцы у мужчин шире на 0,159 мм.

Шаффгаузен отмечает, что, если принять во внимание разницу пропорций строения женского и мужского тела, то становится очевидным, что относительная ширина верхних резцов у женщин будет больше. Наши наблюдения подтверждают замечания Шаффгаузена.

Несомненно, что относительно к общим размерам тела зубы женщин (речь идет только о резцах) крупнее, чем у мужчин. При относительно большей величине резцов женщин альвеолярная дуга их значительно меньше мужской и связана, как правило, с более слабой профилировкой лица. При относительно крупных резцах собственно рот женщин невелик, что при слабой профилировке лица и относительно большой толщине непигментированной части губы (в соответствии с величиной резцов) создает впечатление большей припухлости рта, чем это можно наблюдать у мужчин. В результате измерения 100 женщин с хорошими зубами и нормальным прикусом отмечено, что ширина ротовой щели в 97 случаях оказалась равной расстоянию между внешними сторонами вторых ложнокоренных верхней челюсти, в 2 случаях она превосходила это расстояние и только в 1 случае рот на 3,5 мм оказался у́же. Одновременно удалось

отметить, что высота эмали среднего резца очень близка по величине к слизистой (окрашенной части) губы в средней ее части. Как правило, губа несколько толще, выше высоты эмали резца. Абсолютная величина этой разницы не превышает 1,2 — 1,5 мм. Чем сильнее разница в величине срединного и бокового резца, тем ярче лукообразный перегиб верхней губы. В 83 случаях из 100 оказалось, что линия разреза рта приходится на половинной высоте эмали переднего резца, причем рисунок разреза рта повторяет рисунок смыкания зубного ряда. В 11 случаях линия разреза рта соответствовала линии смыкания зубов, т. е. опускалась к самому краю передних резцов. В 2 случаях, в связи с сильной альвеолярной прогнатностью и одновременной значительной прохейлией, рот был слегка приоткрыт за счет вздернутости верхней губы. В 4 случаях было отмечено полное совпадение линии смыкания зубов и губ (так называемый щипцеобразный прикус), причем нижняя губа выступала вперед.

Исследование 100 мужчин в возрасте от 18 до 45 лет не дало столь четкой картины строения рта, главным образом, по причинам второстепенного порядка. Мужчины, в частности, менее внимательны к своим зубам, поэтому редко можно найти мужчину с полным рядом зубов. Между тем достаточно отсутствия одного или двух зубов в любом месте рта, чтобы это неминуемо и очень скоро сказалось на форме зубного ряда. Даже курение папирос с мягким мундштуком влечет за собой ряд изменений зубного ряда и, следовательно, рта. Но и при рассмотрении ртов у мужчин удалось в 71 случае из 100 отметить ту же закономерность, что и у женщин, т. е высота эмали средних резцов близко совпадает с высотой непигментированной части губы, причем высота губы обычно несколько превосходит высоту эмали резцов. Эта разница больше, чем у женщин, но никогда не превышает 1,7 мм. В 84 случаях ширина ротовой щели совпала с шириной зубного ряда при измерении его по внешней стороне вторых ложнокоренных зубов, в 9 случаях ротовая щель была несколько больше, однако эта разница не превосходила 3,4 мм; в 7 случаях отмечено несовпадение этих размеров, объясняющееся отсутствием одного или нескольких зубов.

Несколько большая «сухость» рта мужчин объясняется тем, что при очень близкой в конце концов толщине губ ротовая щель мужского рта значительно превосходит ширину женского рта. Зубы мужчин отличаются от зубов женщин, кроме размеров, своей формой, а главное — соотношением величины в одном и том же ряду. На это указывает Мюльрейтер, приводя в своей работе данные измерений зубов 100 мужчин и 100 женщин (табл. 3).

Таблица 3

Данные измерений зубов мужчин и женщин (в миллиметрах)

Пол и зубной ряд	Резцы				Клыки	
	срединные		боковые			
	ширина коронки	длина коронки	ширина коронки	длина коронки	ширина коронки	длина коронки
М Верх	8,5	10,7	6,7	9,4	7,8	10,8
М Низ	5,5	9,6	6,0	9,7	6,8	11,2
Ж Верх	8,3	10,2	6,4	9,0	6,3	9,8
Ж Низ	5,3	9,2	5,8	9,4	6,4	10,1

Резюмируя свои наблюдения, Мюльрейтер указывает, что по устройству зубного аппарата мужской тип отличается тем, что длина его верхнего клыка равна (или очень близка) длине верхнего среднего резца; нижний же клык длиннее этого зуба на целый миллиметр и даже более. Женский тип зубов характеризуется, главным образом, малой величиной клыков. Коронки нижнего клыка часто едва шире стоящего рядом с ним резца.

Женский череп обычно отличается от мужского меньшей величиной, грацильностью лицевого скелета, слабой профилировкой, небольшим надбровьем и сглаженным рельефом затылочной кости. Свод женского черепа, как правило, более круглый, сглаженный, лоб круче, лобные бугры выражены ярче, глазницы более округлы. Объем мозгового черепа, как правило, меньше.

Морселли, проводя наблюдения над величиной и формой нижней челюсти, произвел взвешивание 174 челюстей. Оказалось, что мужская челюсть в среднем весит 80 г, а женская — 63 г, причем отмечаются относительно бо́льшая грубость и массивность мужской нижней челюсти. Женская нижняя челюсть тоньше, значительно глаже и меньше.

Проведенные мною специальные исследования подтвердили наблюдения Морселли. Женская челюсть много меньше и по величине и по весу, тело ее округло, гладко, лишено гребней, ветви значительно тоньше, изящного рисунка, углы ее (anguli mandibularum) более тупые, края чаще повернуты внутрь, а не наружу, шероховатость места прикрепления жевательной мышцы (tuberositas masseterica) развита слабо.

Из отечественных исследователей вопросу изучения зубов ряд своих работ посвятил Г. Вильга. В частности, его статья «Зубы в антропологическом отношении» (см. ниже) значительно дополняет изложенный здесь материал, собранный автором в более узких масштабах и с некоторым специфическим уклоном в плане создания методики восстановления лица по черепу. По вопросу об аномалиях зубов следует обратиться в первую очередь к упомянутой работе Алтухова «Анатомия зубов человека».

При восстановлении рта необходимо учитывать возрастные изменения. В каждом конкретном случае, прежде чем приступить к восстановлению рта, следует представить себе его в момент полного формирования (20—25 лет) и только после этого произвести поправку на существующее состояние зубов и возрастную деформацию челюстей. Только при этом условии можно избежать вероятных ошибок при восстановлении рта. Восстанавливая толщину губ, необходимо учитывать возраст субъекта и естественное стирание зубов. Абсолютная толщина губ считается определенным расовым признаком. Однако в целом ряде случаев для диагностики антропологического типа имеет не меньшее, а даже большее значение не толщина губ, а их форма, рисунок. Абсолютная толщина губ — мало устойчивый признак, так как она сильно варьирует с возрастом, не говоря уже о вариациях в пределах одной и той же этнической группы. Нельзя ограничиваться рассмотрением только мягких покровов, слагающих рот. Выше уже было отмечено, как много можно почерпнуть из наблюдений формы и величины зубов; также важно учитывать прикус зубов и общее морфологическое строение челюстей.

Общее представление анатомов и антропологов о прогнатизме достаточно четко и полно отражено схемой Брока[1]. Как известно, прогнатизм может быть искусственным и естественным.

[1] P. Broca. Des differentes espèces du prognathisme, 1873.

Естественный прогнатизм охватывает многочисленные вариации, укладывающиеся, однако, в следующие категории[1]:

1. Двойной полный прогнатизм: резцы обеих челюстей направлены скошенно вперед; при смыкании образуют резкий угол.

2. Простой прогнатизм: верхняя челюсть и ее резцы скошены вперед; резцы нижней челюсти сохраняют свое вертикальное положение.

3. Челюстной прогнатизм: верхняя челюсть скошена, выступает вперед, причем зубы сохраняют вертикальное положение.

4. Альвеолярный прогнатизм: при вертикальной верхней челюсти зубы направлены резко вперед.

Прогнатизм, как правило, наблюдается на всех негроидных, полинезийских, малайских и папуасских черепах; реже встречается у японцев, причем преобладает альвеолярная форма прогнатности, еще несколько реже — у китайцев и еще реже — у монголов. Прогнатизм в ярких формах у европейцев встречается редко, легкая же прогнатность — довольно частое явление. Челюстной прогнатизм, например, в 5% встречается среди женщин Украины. Альвеолярный прогнатизм редко, но встречается в краниологических сериях у финских племен, среди славян и других европейских групп. Альвеолярная форма прогнатизма у европейцев одновременно сопровождается неправильным расположением зубов.

Искусственный прогнатизм определяется самим названием и обычно достигается различными манипуляциями над резцами верхней или, реже, нижней челюсти в связи с тем или иным обычаем. Он легко опознается.

Естественный прогнатизм сопровождается, как правило, относительно большой величиной альвеолярной части верхней челюсти. Это влечет за собой некоторое увеличение толщины мягких тканей, слагающих верхнюю губу. Это общее правило не распространяется на альвеолярную форму прогнатности, встречающуюся у монголоидов и европейцев. Формой строения альвеолярной части челюсти, ее высотой, степенью и характером прогнатности следует объяснить так называемую полногубость, припухлость рта, а не толщиной мягких покровов, слагающих рот.

Как правило, чем мощнее альвеолярный отросток верхней челюсти, тем выразительнее его микрорельеф, тем сильнее мышечная ткань, слагающая губы. Даже значительная альвеолярная прогнатность, встречающаяся у бушменок, монголок и киргизок, связанная с ровным рядом небольших красивых зубов и вогнутой, тонко очерченной альвеолярной частью верхней челюсти, как правило, не дает увеличения мышечной ткани рта. Однако и при этой относительно малой толщине мягких тканей рта губы бушменок, монголок и киргизок будут пухлыми, вывернутыми и прохейличными. Следует отметить, что наиболее вывернутые и прохейличные губы дает альвеолярная форма прогнатизма; только при очень значительной степени двойного прогнатизма бывают сильно вывернутые губы, слабая же степень его обусловливает относительную прохейлию губ.

При челюстном прогнатизме обычно имеет место сильное выступание нижнего раздела всего лица, причем это не всегда связано с припухлостью собственно губ и еще реже дает открытую припухлую форму их.

Прогнатизм чаще всего встречается у женщин, но обычно слабая степень общей профилировки лица делает эту прогнатность мало заметной. Иногда же небольшая степень прогнатизма любой формы при узком,

---

[1] Г. Вильга. Ук. соч; А. А. Ивановский. «Зубы у различных человеческих рас. РАЖ, кн. VII—VIII, № 3 и 4, 1901, стр. 203.

резко профилированном лице создает впечатление большей прогнатности и яркой прохейлии.

Если толщина мягких покровов и общая прохейлия рта в какой-то мере зависят от степени прогнатизма, то собственно рисунок и форма губ прямо связаны с формой прикуса, т. е. формой смыкания передней части зубного ряда (рис. 22).

В своей работе «Некоторые данные о строении нижней челюсти и прикусе» Вилькер предлагает различать пять основных типов прикуса: *б* — щипцеобразный; *в* — ножницеобразный; *г* — крышевидный; *д* — карнизообразный; *е* — зияющий.

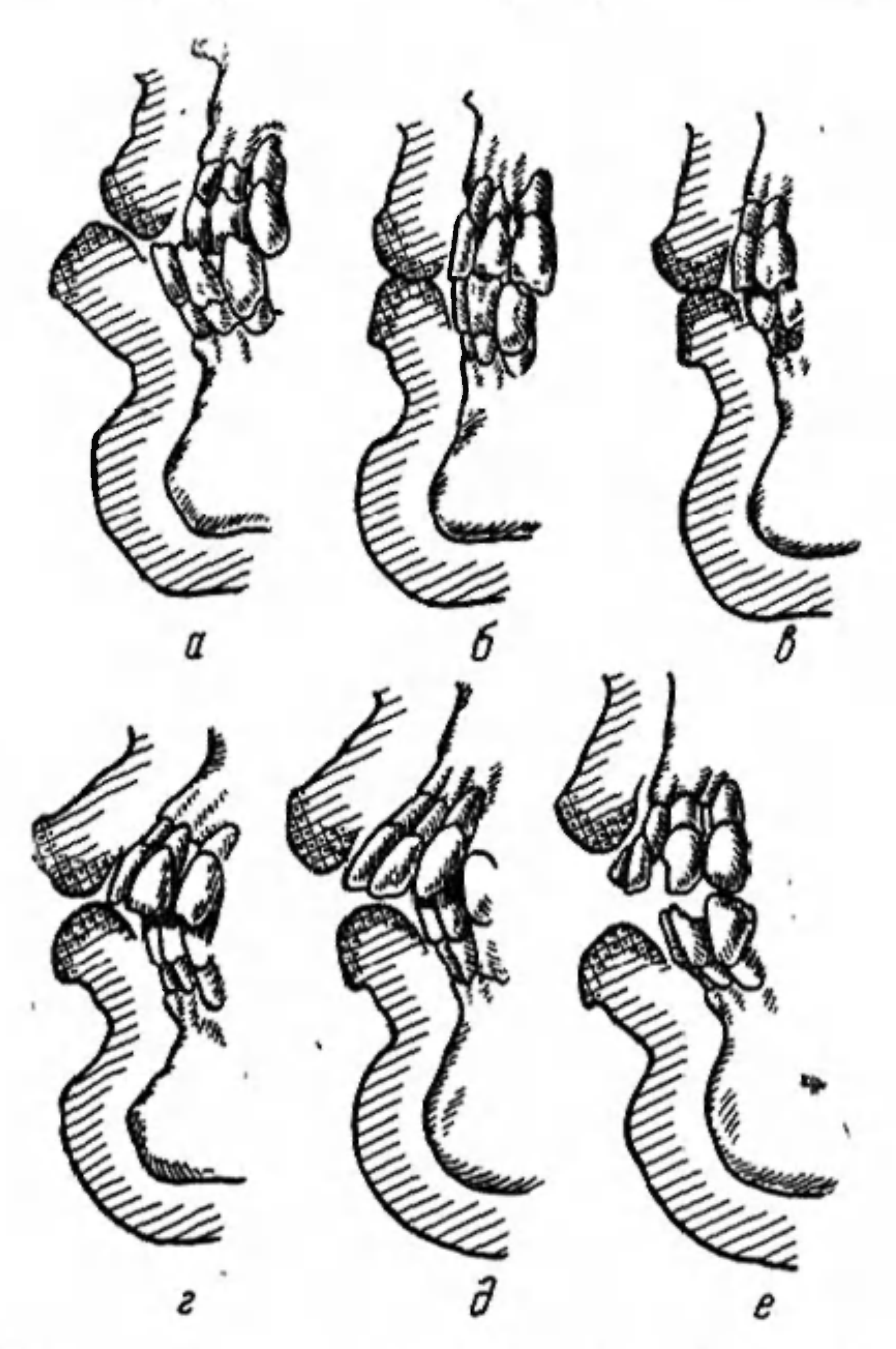

Рис. 22. Основные типы прикуса зубов и соответствующие им формы смыкания губ в профиль:

а — ступенчатый прикус; *б* — щипцеобразный прикус; *в* — ножницеобразный прикус; *г* — крышевидный; *д* — карнизообразный; *е* — зияющий

Щипцеобразный прикус (лабидонтия) характеризуется полным смыканием и встречается относительно редко, либо при полной прогнатности, либо при крайне ярко выраженной ортогнатности. Мне удалось эту форму прикуса отметить у монголов, тувинцев, алтайцев, причем, как правило, она сопровождалась резкой ортогнатностью. Нижняя губа обычно выступает.

Ножницеобразный прикус (псалидонтия) встречается наиболее часто и характеризуется некоторым выступанием верхних резцов. Статистические данные Вилькера, опубликованные еще в 1901 г., нуждаются, конечно, в дополнении и пересмотре, но тем не менее они все же представляют некоторый интерес. По его данным, эта форма прикуса чаще всего встречается у европейцев; значительно реже — у китайцев, японцев, негров; очень редко — у народов Америки; у австралийцев совершенно отсутствует.

Крышевидный прикус (стегодонтия) — резкое выступание верхних резцов — наиболее часто встречается у японцев, китайцев, реже — у монголов, в единичных случаях — у восточных европейцев.

Карнизообразный прикус (опистодонтия) характеризуется сильной верхнечелюстной прогнатностью.

Зияющий прикус (хиатодонтия) — искривленные, не смыкающиеся резцы. Обычно он сопровождается резкой альвеолярной прогнатностью.

Вилькер не отмечает еще одного типа прикуса; вероятно, он точно так же, как и Алтухов, склонен был считать этот прикус патологической формой. Между тем этот тип прикуса выделен Мартином как нормальная форма и назван Mandibulare prodentie. Нам кажется удобным назвать

его ступенчатым (см. рис. 22 *а*). Подобная форма прикуса встречается достаточно часто у всех европейских рас, реже наблюдается у монголоидов. Это такая форма прикуса, при которой резцы верхней челюсти как бы замыкаются резцами нижней челюсти, образуя ступень. Ступенчатый прикус всегда связан с сильным развитием нижней губы и прохейличным ее положением. Предлагаемый материал не претендует на исчерпывающую точность; это только предварительные данные, проверенные на небольших сериях: у евреев, армян, грузин, хевсуров ступенчатый прикус составляет 25%; у монголов, киргизов, тувинцев — 6 — 7%.

Необходимо упомянуть, что при рассмотрении палеоантропологических серий с территории СССР нам удалось наблюдать ступенчатый прикус только на мужских черепах Европейской части СССР. Из двух черепов эпохи мезолита, найденных в Крыму, череп из Мурзак-Коба имеет типичную форму ступенчатого прикуса. Из пяти черепов неолитической поры, обнаруженных на Днепре, три черепа с Сурского острова имеют ступенчатый прикус. Из трех черепов неолитической культуры, найденных на Оке, два черепа — володарский и панфиловский — имели ступенчатый прикус. Из десяти сохранившихся черепов Оленьего острова три имеют слабо выраженную форму ступенчатого прикуса. Три черепа ямной культуры (бронза) — два с Приазовья и один с Поволжья — имеют слабо выраженную форму ступенчатого прикуса.

Учитывая процентные нормы, можно предполагать, что ранее население Европейской части СССР чаще, чем люди эпохи металла или современное население этих же мест, имело ступенчатый прикус.

В палеоантропологических сериях Сибири не оказалось черепов со ступенчатым прикусом — ни в неолите, ни позднее.

Среди древнего населения Грузии первых веков нашей эры, судя по материалам из Мцхеты, ступенчатый прикус был достаточно частым явлением, составляя около 20%.

Среди среднеазиатских серий черепа гуннов из Кенкола, согдийцев из Сарыга и древних усрушанцев из Ширинсая часто имели ступенчатый прикус, который в среднем составлял около 20%.

Часто выступание нижней челюсти связано с возрастными изменениями, но тогда это сопровождается полной утратой резцов верхней челюсти либо их сильным стиранием. Необходимо различать эти возрастные изменения и ступенчатый прикус, так как морфологически это совершенно различные явления. При ступенчатом прикусе часто наблюдается укорочение верхней губы. При наличии общей прогнатности нижней челюсти и доминантном выступании нижней губы верхняя губа будет пухлой, с ярко выраженным фильтрумом. При ортогнатности верхней челюсти губа будет аморфна, с тонкой, сухой, непигментированной частью, слабо выраженным фильтрумом или полным его отсутствием. Нижняя губа в том и другом случае будет прохейлична. Толщина и припухлость нижней губы прямо связаны со степенью ее выступания и глубиной подбородочной борозды. Чем резче профилирована нижняя челюсть, т. е. чем глубже подбородочная борозда и резче очерчен подбородок, тем сильнее припухлость губы.

Старческие изменения рта, связанные с утратой верхних резцов, дают совершенно иную картину. Губа просто заворачивается внутрь, приобретая вялость очертаний, утрачивая рисунок фильтрума и верхнего края. При атрофии альвеолярного края общее направление обеих челюстей меняется, вследствие чего бывшие в молодости прогнатными челюсти становятся ортогнатными. Это, естественно, связано с деформацией не только края губы, но всего направления рта (см. рис. 11 на стр. 41).

Все изложенные сведения дают возможность с достаточной достоверностью восстанавливать внешнюю форму рта: толщину губ, их рисунок, степень прохейлии, ширину ротовой щели. Окончательное решение при восстановлении формы рта возможно лишь с учетом мимической мускулатуры рта, определяющей его движение. Морфологическая особенность этих мускулов — их крайняя индивидуальность; в зависимости от конфигурации черепа они сильно варьируют, вследствие чего движения рта так изменчивы и в то же время так характерны для каждого человека. Рот очень подвижен, он постоянно меняет свое выражение. В связи с этим особенно необходимо понять топографическую зависимость мимических мускулов.

Круговая мышца рта (m. orbicularis oris) представляет собой пластину, состоящую из системы мышечных волокон, кольцеобразно окружающих отверстие рта. В круговую мышцу рта вплетается целый ряд мышц: квадратные мышцы верхней и нижней губ, скуловые мышцы, щечные мышцы, резцовые мышцы и т. д. Ширина верхней части этой мышечной пластины круговой мышцы обусловлена высотой альвеолярной части и длиной зубов (высотой резцов). Ширина нижней части соответствует расстоянию от верха нижних резцов до подбородочной борозды. Размеры высоты альвеолярной части челюстей сильно варьируют, в соответствии с чем изменяется и ширина круговой мышцы рта. Всегда короткому альвеолярному отростку верхней челюсти будет соответствовать короткая губа, и наоборот; формы несоответствия крайне редки и всегда связаны с патологией.

Рельеф и размеры этих частей лицевого скелета определяют степень развития и конфигурацию мимических мышц. Форма пучка угловой головки квадратной мышцы верхней губы обусловливает внешнюю форму верхней части носогубной складки. Глубина собачьей ямки и развитие собачьей мышцы указывают на резкость очертаний носогубной складки. Степень развития орбитального края верхнечелюстной кости определяет степень развития нижнеглазничной головки квадратной мышцы, что в свою очередь определяет конфигурацию передней части щеки.

Скуловая мышца (m. zygomaticus) — сильный тяж, берущий начало от скуловой кости и продолжающийся к углу рта; здесь он расщепляется, частью оканчиваясь в коже, частью же переплетаясь с волокнами круговой мышцы рта (m. orbicularis oris). Высота лица определяет протяженность этой мышцы, а степень развития микрорельефа скуловой кости — ее мощность.

Квадратная мышца верхней губы (m. quadratus labii superior) начинается тремя головками (caput angulare, infraorbitale и zygomaticum).

Угловая головка (caput angulare) начинается на лобном отростке верхнечелюстной кости, несколько ниже лобночелюстного шва и ложится в ложбинку лобного отростка. Нижне-глазничная головка (caput infraorbitale) начинается от лобного отростка верхней челюсти под самым нижним краем орбиты. Нередки случаи, когда caput infraorbitale получает волокна от круговой мышцы глаза (m. orbicularis oculi). Скуловая головка квадратной мышцы верхней губы (caput zygomaticum) начинается от жевательной поверхности скуловой кости и обычно соединена волокнами круговой мышцы глаза.

Головки квадратной мышцы верхней губы сливаются вместе, вплетаются в круговую мышцу рта и частично оканчиваются в коже верхней губы соответственно носогубной борозде.

Треугольная мышца (m. triangularis) начинается от среднего отдела нижнего края нижнечелюстной кости и, постепенно суживаясь, направ-

ляется к углу рта, где она вплетается в его круговую мышцу (m. orbicularis oris). Треугольная мышца выполняет функцию оттягивания углов рта книзу, а внешне оформляет окончание носогубной складки.

Четыреугольная мышца нижней губы (m. quadratus labii inferior) начинается от нижнечелюстной кости ниже подбородочного отверстия, соединяется с пучками m. platysmatis и вплетается в нижнюю часть круговой мышцы рта.

Подбородочная мышца (m. mentalis) покрыта четыреугольной мышцей нижней губы. Она начинается от альвеолярного выступа медиального резца и прикрепляется к коже подбородка.

Конфигурация передней части нижней челюсти определяет собой степень развития и протяженность обеих мышц.

В непосредственной связи со ртом находится упоминавшаяся выше носогубная складка. Общий характер этой глубокой складки лица является прямым отражением его мимики. Носогубная складка слагается в верхней своей части угловой головкой квадратной мышцы верхней губы; глубина собачьей ямки указывает на резкость очертаний и конфигурацию этой складки в средней ее части; завершается же она средней частью треугольной мышцы рта.

На черепе топографически носогубная складка определяется следующими точками: начинаясь непосредственно у бокового края грушевидного отверстия несколько выше crista conchalis, она проходит через середину (максимальную глубину собачьей ямки) и заканчивается в проекции над вторым моляром, ниже его, в направлении внутреннего угла нижней челюсти. Соотношение этих точек определяет рисунок носогубной складки. На молодых лицах носогубная складка аморфна и не имеет резких очертаний, к старости основное ее направление с внутренней стороны обозначается резкой бороздой. Чем сильнее профилировка лица, тем ярче носогубная складка. Правильное построение носогубной складки является весьма существенным для портретной реконструкции.

§ 4. СТРОЕНИЕ ГЛАЗ

Менее всего в плане портретной реконструкции изучен глаз. Антропологическое определение формы глазниц обобщено. Обычно различают две формы орбиты: угловатые и округлые.

Орбитный указатель по шкале Брока

Хаменоконх	X—32,99
Мезоконх	83,00—88,99
Гипсиконх	89,00—X

С точки зрения расовой диагностики можно сказать, что у меланезийцев и австралийцев чаще наблюдается хаменоконхия, реже мезоконхия у европейцев — чаще мезоконхия и реже хаменоконхия; у монголоидов — обычно гипсиконхия.

Из приведенных данных следует, что у негров величина входа в орбиту наименьшая, у европейцев — чаще средняя, у монголов она наибольшая; между тем наибольшие глаза — у европейцев, средние — у негров и наименьшие — у монголов. Отсюда совершенно очевидно, что величина диаметров орбиты не коррелирует с величиной глаза. Эту корреляцию следует искать не в абсолютных размерах диаметров орбиты и глаза, а в форме конструкции глазной камеры, структурных особенностях ее

края, степени развития мягкого покрова глаза (века) и характера постановки глазного яблока. Уместно сказать, что собственно полость камеры орбиты очень сходна у различных рас.

Почти все основные данные о внешней форме глаза и век (постановка глазных яблок, разрез глаз, форма верхнего и нижнего века) определяются строением орбиты: характером строения ее края, постановкой орбиты, формой переносья, шириной межглазничного расстояния, надбровья и профилировкой орбиты.

Рис. 23. Основные категории формы орбит:

а — угловатая форма, наиболее часто встречается у европейцев; *б* — округлая форма, наиболее часто встречается у монголов; *в* — низкая форма, характерна для древнего типа Homo sapiens; *г* — высокая форма европеоидная, особенно часто встречается у славянских племен, реже — у европеоидов Средней Азии.

Верхний край орбиты образован орбитальной частью лобной кости; внешний край ограничен лобным отростком скуловой кости; подглазничный край слагается скуловой и верхнечелюстной костями. С внутренней стороны вход в орбиту ограничен носовым отростком верхней челюсти и носовой частью лобной кости. Сложенный этими костями передний край глазницы является собственно входом в ее камеру. Попытка классифицировать форму переднего края орбиты привела к выделению следующих основных категорий: (рис. 23 *а*, *б*, *в*, *г*).

а. Угловатая форма, наиболее часто наблюдаемая у европейцев.

б. Округлая форма — один из признаков монголоидности.

в. Низкая форма, характерная для древнего человека.

г. Высокая форма — европеоидная форма, особенно часто встречающаяся у славянских племен, реже — у европеоидов Средней Азии и смешанных групп, как, например, у узбеков.

Введение мной в свою работу новой описательной номенклатуры орбит связано с тем, что в результате исследования черепов различных этнических групп выяснилась излишняя обобщенность принятого деления орбит на угловатые и округлые.

Предлагая более подробную номенклатуру описания орбиты, автор обращает внимание читателя на то, что в основу определения той или иной категории орбит берутся внешние признаки формы входного отверстия, а не их указатели или диаметры, так как последние дают представ-

ление об отношении высоты и ширины орбиты и не определяют формы. Между тем вопрос восстановления внешней формы глаза прежде всего требует уменья распознавать те признаки строения края орбиты, которые определяют и посадку глазного яблока, т. е. основные элементы внешней формы глаза.

Угловатая форма орбиты характеризуется квадратным или ромбическим очертанием с более или менее притупленными углами. Это типично европеоидная форма, связанная с сильной горизонтальной профилировкой лица, хорошо развитым рельефом собачьих ямок, с резко выраженной профилировкой как орбит, так и скуловых костей. Такая форма орбиты, даже при условии большого межглазничного расстояния, обычно сопровождается выступающим, сильно профилированным корнем носа (рис. 23, *а*).

Округлая форма — характерная монголоидная форма орбиты, имеющая своеобразные морфологические признаки, сильно отличающие ее от европеоидных форм. По рисунку приближается к окружности или сфероидальной форме, длинный диаметр которой имеет более или менее горизонтальное направление. Как правило, округлую форму орбиты сопровождают слабая горизонтальная профилировка лица, широкое расстояние между глазами, слабая вертикальная профилировка орбиты, высокое лицо с уплощенными массивными скуловыми костями и слабо выраженной. собачьей ямкой. Совершенно особой деталью морфологического строения округлой орбиты является своеобразный вынос вперед слезной части, вследствие чего подглазничный край орбиты утрачивает свою заградительную функцию. Такое положение слезной части определяет некоторое опускание внутреннего угла глаза, который защищен специальным разращением верхнего века, известного под названием монгольской складки или эпикантуса (рис. 23, *б*).

Низкая форма характеризуется удлиненными пропорциями входного отверстия. По своим очертаниям чаще имеет форму прямоугольника, углы которого иногда настолько сглажены, что очертания орбиты больше напоминают сильно сдавленную сверху и снизу окружность. Прямоугольные очертания чаще наблюдаются у мужчин; сильно округленные углы связаны обычно с тонким краем и чаще встречаются у женщин. Эта форма орбиты выделена мной в особую категорию вследствие того, что она имеет очень глубокие корни своего формирования. Она является одной из характерных особенностей ранних представителей *Homo sapiens*.

Так называемая кроманьонская раса характеризуется этой формой орбиты. Последующая грацилизация лицевого скелета сопровождается постепенным увеличением высоты орбиты и облегчением ее края. Эта грацилизация связана с изменением конфигурации лобной кости: развиваются лобные бугры, лоб приобретает бо́льшую вертикальность, уменьшается рельеф глабеллы и надбровья. Грацилизация лицевого скелета сопровождается усилением горизонтальной профилировки лица, в частности, верхнечелюстных и скуловых костей, вследствие чего собачья ямка углубляется и резче становится вертикальная профилировка орбит. Как в своей основе, так и в дальнейших вариантах эта форма глазничного края типически европеоидна. Все изложенное объясняет выделение этой формы орбиты в самостоятельную категорию (рис. 23, *в*).

Высокая форма характеризуется овоидной или овальной формой контура, длинный диаметр которой тяготеет к вертикали. Морфологически это видоизмененная угловатая форма, несущая все основные элементы европеоидной орбиты. Высокая форма орбиты сопровождается резкой профилировкой скуловых костей, узким расстоянием между

глазами, высоким сводом носа. Как правило, эта форма орбиты характерна для высокого лица. Чаще встречается у поляков и чехов, среди русских — у ярославцев и новгородцев, реже — у москвичей, еще реже — у украинцев. Древний фергано-памирский тип нередко сопровождается именно такой же формой орбиты. Среди современного населения Средней Азии, у таджиков и узбеков, эта форма орбиты — довольно частое явление. Высокая орбита, в отличие от округлой, имеет всегда резко выраженную вертикальную профилировку и европеоидную форму слезной части (рис. 23, г).

Глазная впадина в переднем своем разделе имеет очертания четырехугольной пирамиды, затем она суживается и постепенно приобретает более или менее выраженное треугольное сечение.

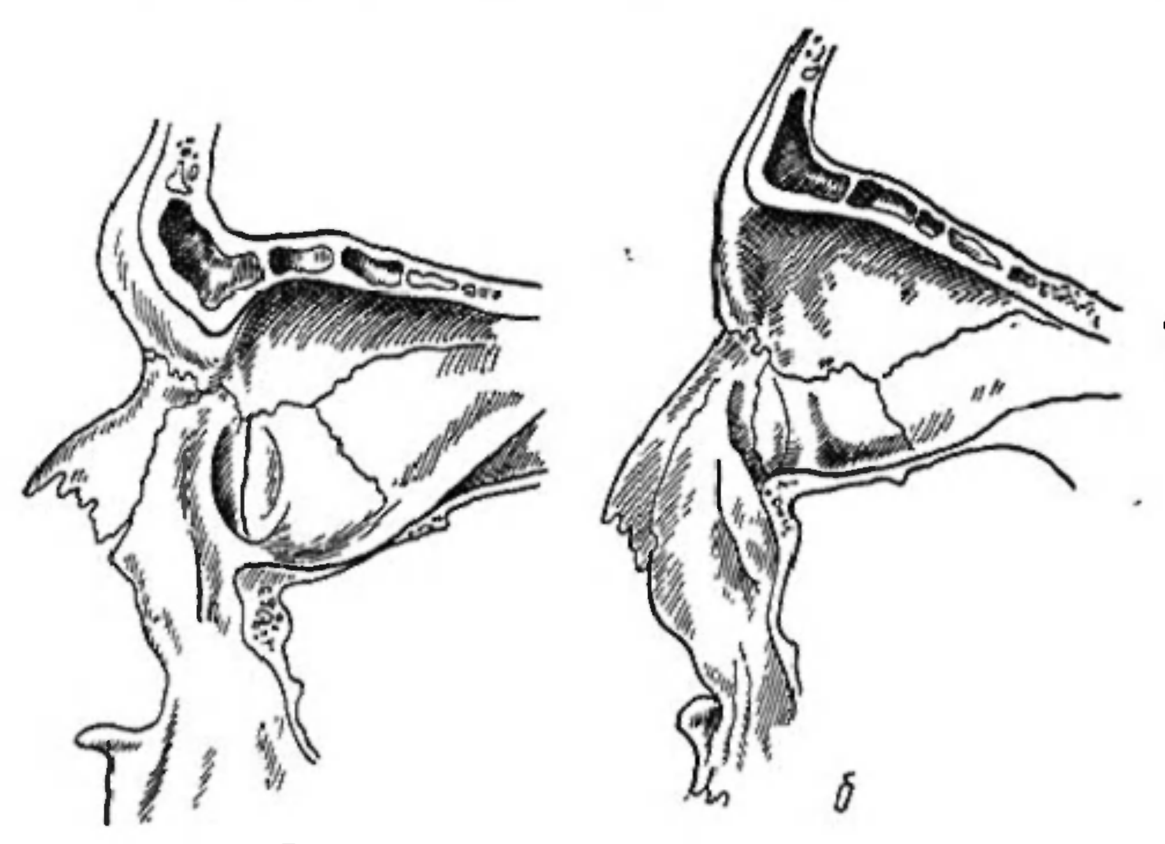

Рис. 24. Два типа глазниц: а — замкнутая, б — открытая.

В соответствии с задачами данной работы для автора представляет интерес передняя часть камеры орбиты, т. е. то вместилище, где располагается глазное яблоко. По своей форме камера орбиты бывает двух родов: замкнутая и открытая (рис. 24, а, б). Выделение этих двух форм глазниц возникло в результате многолетних наблюдений. Несомненно, что в основе своего формирования замкнутая форма — европеоидная, открытая — монголоидная.

Замкнутая глазница характеризуется тем, что входное ее отверстие значительно уже камеры. Создается впечатление, что край глазницы как бы нависает. Чем сильнее вертикальная профилировка орбиты, тем отчетливее нависает ее край, который как бы замыкает камеру глаза. Вследствие такого перекрытия создается впечатление маленького, глубоко сидящего глаза. Эта форма глазницы чаще наблюдается у европейцев, но встречается и у монголоидов, причем собственно форма орбиты не имеет существенного значения (рис. 24, а).

Открытая глазница представляет собой постепенно расширяющийся вперед раструб глазной камеры. Эта форма глазницы сопровождается слабой горизонтальной профилировкой лица, широким межглазным расстоянием, слабой вертикальной профилировкой орбиты и тонким краем. Глазное яблоко при такой форме глазницы сильно выступает вперед. Чаще такая глазница встречается у монголоидов, но иной раз она бывает и у европейцев, в сопровождении округлой или высокой формы орбиты. При угловатой или низкой форме орбиты мне не удалось ни разу наблюдать открытого раструба глазницы (рис. 24, б).

Принято рассматривать три формы края орбиты: острый, притупленный и закругленный, причем дается только суммарная, обобщенная характеристика всего края. Выясняя определенные закономерности в соотношении мягких покровов и лицевого скелета и пытаясь найти конкретные данные для решения вопроса портретной реконструкции, я пришел

к выводу, что такое обобщение края орбиты не учитывает всех деталей строения его. Край орбиты гораздо сложнее как по своему морфологическому строению, так и функционально. Он не однороден на всем своем протяжении. Край орбиты следует расчленять на два участка, различных по своему морфологическому строению: надглазничный край (margo supraorbitalis), образованный одноименным участком лобной кости, и подглазничный край (margo infraorbitalis), сложенный орбитальной частью скуловой и верхнечелюстной костей. Каждый из этих участков края орбиты может быть толстым и тонким и по форме определяется следующей номенклатурой: острый, притупленный, закругленный, завернутый.

Острый край, независимо от толщины внешней части орбиты, имеет резкую грань; чаще она обращена вперед и связана с открытой формой глазницы. Обычно острый край распространяется по надглазничной части орбиты. Иногда острый край является вторичным образованием в результате базедовой болезни или водянки; в таком случае он может быть отмечен по всему краю орбиты, но тогда грань его занозиста и шершава. Как правило, острый край сопровождается тонким веком и выступающим вперед глазом.

Притупленный край обычно связан с открытой или высокой формой орбиты и чаще наблюдается при тонкой внешней части орбиты. Как правило, распространяется по надглазничной части орбиты, реже переходит на скуловой отросток, в единичных случаях — по всей орбите.

Закругленный край чаще всего связан с угловатой формой орбиты. При утолщенной стенке орбиты закругленный край ее переходит на скуловой отросток и реже — на подглазничную часть. По всей орбите закругленный край обычно наблюдается у сильно профилированного лица. Нередко в таких случаях подглазничный край выступает резким гребнем, свидетельствуя о сильном развитии нижнеглазничной головки (части) квадратной мышцы верхней губы.

Закругленный край верхней части орбиты сопровождается некоторым разращением мягкого века; веко в таком случае набухшее и нависает в верхнем внешнем углу над глазом. Наблюдающаяся иногда пористость внутренней части орбиты на грани ее подглазничного края связана с отечностью, набуханием нижнего века (образованием подглазников).

Завернутый край может быть острым и притупленным и всегда связан с замкнутой формой глазницы. Представляет собой тонкую, обращенную внутрь орбиты кромку. Обычно наблюдается на надглазничной части орбиты; на подглазничной части орбиты встречается реже и связывается с резкой вертикальной профилировкой орбиты. Наличие завернутого края свидетельствует о глубоко посаженном глазном яблоке и перекрытии его дополнительной складкой набухшего века.

До сих пор мало освещен вопрос о вертикальной постановке орбиты, т. е. ее отношении к зеркалу лица, а между тем это один из ярких этнических признаков. Только по одному признаку вертикальной профилировки орбиты из серии черепов различных антропологических групп можно легко выделить монгольские черепа. В результате совокупности морфологических особенностей строения черепа монгола (слабая горизонтальная профилировка лица, уплощенность корня носа, сочетающаяся с относительно большой шириной межглазничного расстояния, массивность и фронтальная уплощенность скуловых костей) возникает совершенно особая ориентировка орбиты. Эта особая ориентировка определяется тем, что нижняя часть орбиты занимает доминантное, т. е. более выступающее вперед положение по отношению к верхнему ее краю.

Морфологически такая постановка орбиты связана в первую очередь со слабой профилировкой верхнечелюстных и скуловых костей, массивностью и уплощенностью переднего лицевого их раздела.

Проводить измерения вертикальной профилировки орбиты на черепе трудно, и результаты этих измерений будут неточные, субъективные. В целях уточнения методики измерений была сделана попытка перенести измерения на графическую схему. Для этого посредством диоптрографа воспроизводится схематический контурный рисунок изучаемого черепа, через который проводится франкфуртская горизонталь. Из точки пересечения этой горизонтали и нижнего края орбиты проводится прямая по направлению к высшей точке края орбиты (рис. 25, *а*, *б*). Угол, образованный этими двумя прямыми, служит показателем степени профилировки орбиты. Обработанная таким образом серия черепов свидетельствует о том, что этот угол у монголоидов будет тяготеть к острому, а у европейцев — тупому. Чем ярче этнические типы, тем сильнее разница углов. Исходя из этой морфологической особенности в строении орбит, считаю возможным выделить два типа вертикальной профилировки их: вертикальный, соответствующий острому углу (рис. 25, *а*), и наклонный, соответствующий тупому углу (рис. 25, *б*).

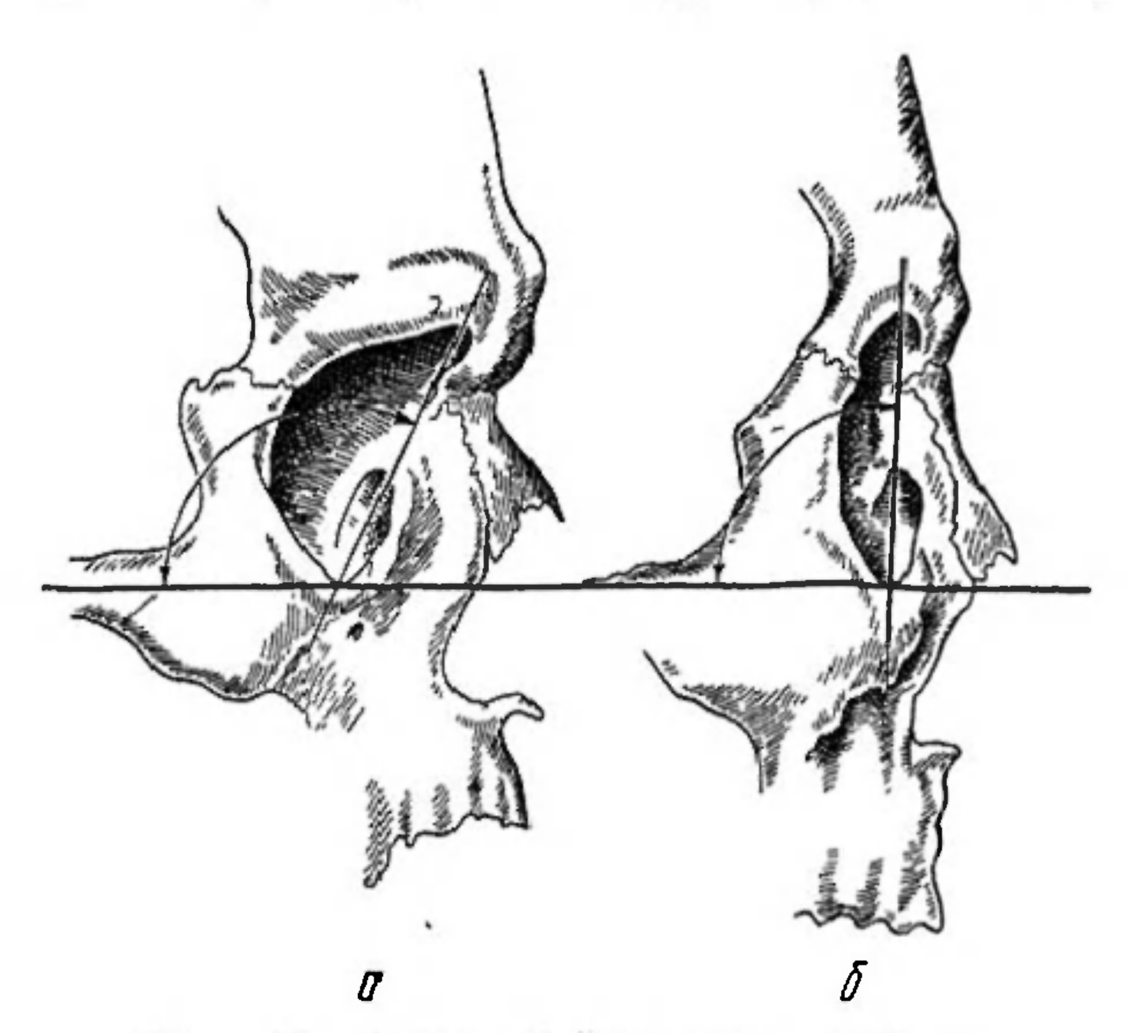

Рис. 25. Типы профилировки орбиты:

а — вертикальный; средняя ось орбиты, проецированная на франкфуртскую горизонталь, образует острый угол — монголоидная форма; *б* — наклонный; средняя ось орбиты, проецированная на франкфуртскую горизонталь, образует тупой угол — европеоидная форма.

Немногие черепа негроидов и австралоидов, изученные нами, имели форму профилировки орбит, несомненно, близкую к европейской (наклонный тип). У малайских групп и североамериканских индейцев черепа имеют тяготение к более вертикальной постановке орбит, тем самым приближаясь к монголоидному типу профилировки (вертикальный тип).

Одним из характерных признаков лапоноидности является монголоидный вертикальный тип профилировки орбит. Монголы, киргизы, корейцы, тунгусы, якуты, а в равной степени и все палеоазиаты имеют угол вертикальной профилировки орбит, несомненно, тяготеющий к острому, чем резко, даже на глаз, отличаются от европейцев.

Отмечено, что у женщин,— вероятно, в связи со слабой общей профилировкой лица,— чаще наблюдается тяготение к вертикальной постановке орбит.

Вертикальный тип профилировки орбиты чаще связывается с округлой или высокой формой; реже встречается в связи с угловатой формой, и ни разу мне не удалось наблюдать его при низкой орбите.

Все только что отмеченные сведения о постановке орбиты, несомненно, следует учитывать при изучении черепов, так как это обеспечит

более тонкую антропологическую диагностику. Накопление наблюдений в этом направлении, вероятно, даст впоследствии определенные объективные цифровые показатели территориальных (групповых) различий.

Если для антропологического исследования горизонтальная постановка орбит, может быть, и не представляет интереса (в противном случае непонятно, почему она лишь редко служила предметом наблюдения), то для объективного воспроизведения внешней формы глаз — это чрезвычайно важный признак, дающий возможность правильно построить внешнюю форму век. Удалось выделить три типа горизонтальной постановки орбит: 1) горизонтальный, 2) средний и 3) приподнятый.

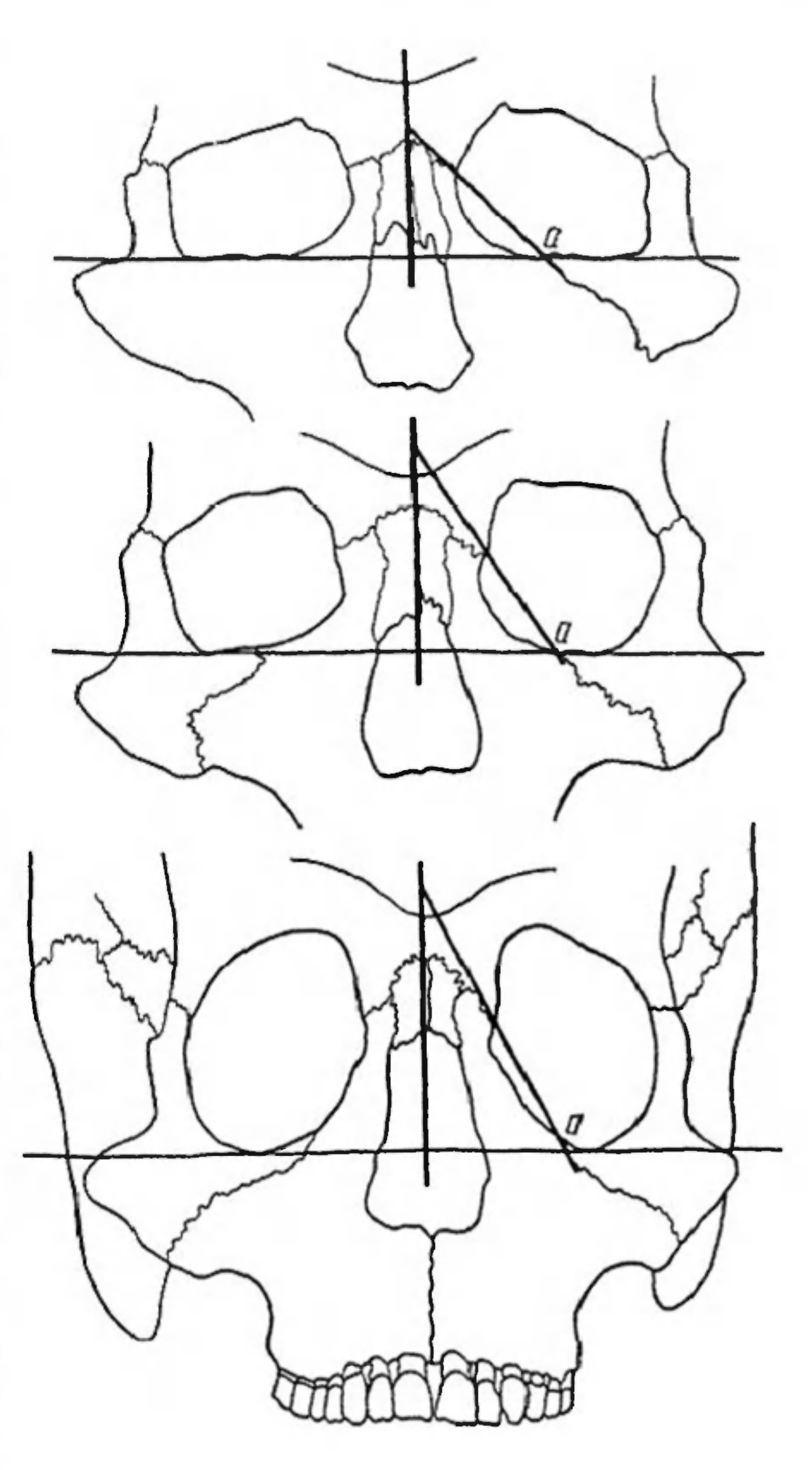

Рис. 26. Фронтальная постановка орбит.

По ряду морфологических признаков удалось выделить три основных типа фронтальной постановки орбит. горизонтальный тип, средний тип, приподнятый тип. Измерения производятся на графической схеме посредством измерения треугольника, либо угла *a*.

Горизонтальная постановка орбит не связывается и не определяется внешней формой края глазницы; это — отношение одного глаза к другому Точное, объективное определение постановки глазниц непосредственно на черепе затруднительно. На чертежной схеме это легко наблюдается и фиксируется. Посредством диоптрографа делается обвод лицевого скелета строго в фас (предполагается, что череп установлен в кубусе). На чертеже черепа наносится франкфуртская горизонталь (она проходит через нижний край обеих орбит). Из средней точки глабеллы опускается перпендикуляр на эту горизонталь. Затем через крайнюю точку смыкания лобного отростка и верхней челюстной кости и крайнюю точку смыкания орбитального края скуловой с верхней челюстной костью проводится прямая (рис. 26), являющаяся гипотенузой построенного треугольника. Образованный треугольник служит внешним показателем постановки орбит. Указателем постановки орбит является частное, полученное

в результате деления произведения длины двух сторон на длину основания треугольника: $\frac{AB \cdot BC}{AC} = C$[1].

Различают следующие указатели постановки орбит: 1) горизонтальный тип — X — 33,999; 2) средний — 34,000—75,999; 3) приподнятый — 76,000 — X.

Постановка орбиты может быть определена на этой же схеме измерением тупого угла α. Чем больше данный угол, тем горизонтальнее постановка глаза. Указатель постановки угла орбит: 1) горизонтальный тип — 135° и более, 2) средний — от 134 до 120° и 3) приподнятый — 119° и меньше.

Несомненно, дальнейшая работа над указателем постановки орбиты даст уточнения антропологической диагностики, так как горизонтальная постановка орбит прямо связана с профилировкой лица, с шириной межглазничного расстояния и высотой лица. В настоящий момент можно отметить, что у европейцев чаще встречается постановка орбит горизонтального и среднего типов, а у монголоидов — приподнятого и среднего типов.

Постановка орбит не определяет собой разреза глаз, но она дает возможность понять строение век глаз. В случае приподнятой постановки орбиты между глазным яблоком и краем орбиты остаются свободные пространства в верхнем внутреннем углу и внизу у внешнего края. При горизонтальной постановке глазницы это свободное пространство между глазным яблоком и краем орбиты переносится к внешней боковой стороне орбиты. Распределение свободного пространства между краем глазницы и глазным яблоком определяет внешнюю конфигурацию век. Свободное пространство в верхней части орбиты у внутреннего угла ее связывается с тонким, глубоко западающим внутрь веком. Свободное пространство в нижней части орбиты всегда располагается у внешней ее части и связывается с мешкообразным образованием нижнего века. Пространство у боковой внешней части орбиты сопряжено с некоторым нависанием верхней части верхнего века. Образованная здесь складка варьирует по форме в зависимости от конфигурации орбитального края.

Слои жировой ткани, обволакивающей глазное яблоко с внутренней его стороны, безусловно, в какой-то мере определяют положение глаза в орбите. К сожалению, нет никаких данных для определения степени развития жировых тканей внутри орбиты. Только форма и величина камеры орбиты свидетельствуют о положении глазного яблока внутри глазницы. Жировая ткань глазничной камеры стабильна и, видимо, мало варьирует. Только очень сильное истощение ведет к уменьшению жировой подкладки глаза, и в этом случае глазное яблоко как бы западает верхней своей частью в глубину орбиты. Это результат болезненного состояния организма, которое по ряду признаков может быть диагностировано.

Разрез глаз, определяемый морфологическими особенностями орбиты, всегда крайне индивидуален. Внутренний угол глаза фиксируется средней частью ямки слезного мешка, а внешний всегда соответствует небольшому бугорку или гребешку на внутренней стороне орбитального отростка скуловой кости. Этот гребешок, названный глазничным, морфологически представляет собой некоторое разрастание внутренней части

[1] Автор отдает себе отчет, что предлагаемая форма указателя с математической точки зрения не вполне допустима. Однако применение ее в наших целях возможно в качестве иллюстративного выражения показателя взаимной постановки орбит.

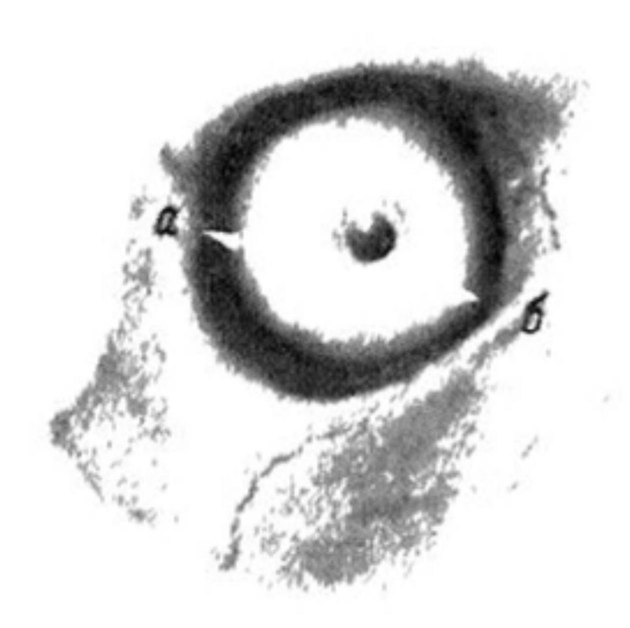

Рис. 27. Морфологическое определение разреза глаз по черепу:
а — глазничный бугорок, б — средняя часть слезной ямки; а — б — прямая, определяющая основную линию разреза глаза.

орбитального края скуловой кости и располагается вблизи внешней части его, чуть ниже лобноскулового шва (рис. 27).

Глазничный бугорок был описан в небольшой заметке[1] и в работе Д. И. Кирика[2].

Сотрудник лаборатории пластической антропологической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР Г. В. Лебединская на ряде голов препарировала латеральную связку века (lig. palpebrale lat.), прикрепляющуюся к глазному бугорку. Прямая, соединяющая глазной бугорок и среднюю часть луночки слезного мешка, определяет основное направление разреза глаз.

В связи с постановкой глазного яблока, степенью его выступания и конфигурацией глазницы определяется внешняя форма век, а, следовательно, и всего глаза.

Круговые мышцы глаза (m. orbicularis oculi) очень тонки, плоски; в них принято рассматривать три части: 1) глазничную (pars orbitalis) 2) слезную (pars lacrimalis) и 3) собственно веко (pars palpebralis).

Все эти части круговой мышцы глаза по своей форме находятся в строгом соподчинении с формой и степенью развития рельефа орбитального края, формой орбиты, ее постановкой, профилировкой и ориентировкой глазного яблока.

§ 5. СТРОЕНИЕ ПОДБОРОДКА

Выше уже говорилось, что построение овала лица по черепу не безнадежная, хотя и трудная задача. Особенно серьезное затруднение представляет подбородок, его выступание и форма, несмотря на то, что подбородок целиком восстанавливается по данным нижней челюсти. Выступание подбородка вперед или вниз, а также его западание, связано не

[1] Lunninghams. Text-book of Anatomy, изд. Robinson, New York, 1916.

[2] Д. И. Кирик. К вопросу о tuberculum orbitale скуловой кости узбеков. Журнал «Медицинская мысль Узбекистана», 1928, № 2, стр. 5—7.

столько с выступанием передней части челюсти, сколько с углом ее ветвей. Чем ближе угол к прямому, тем резче выступание подбородка(*б*). Всякое увеличение угла ведет к ослаблению выступания. При тупом угле нижней челюсти подбородок будет направлен не вперед, а вниз (*а*) (рис. 28).

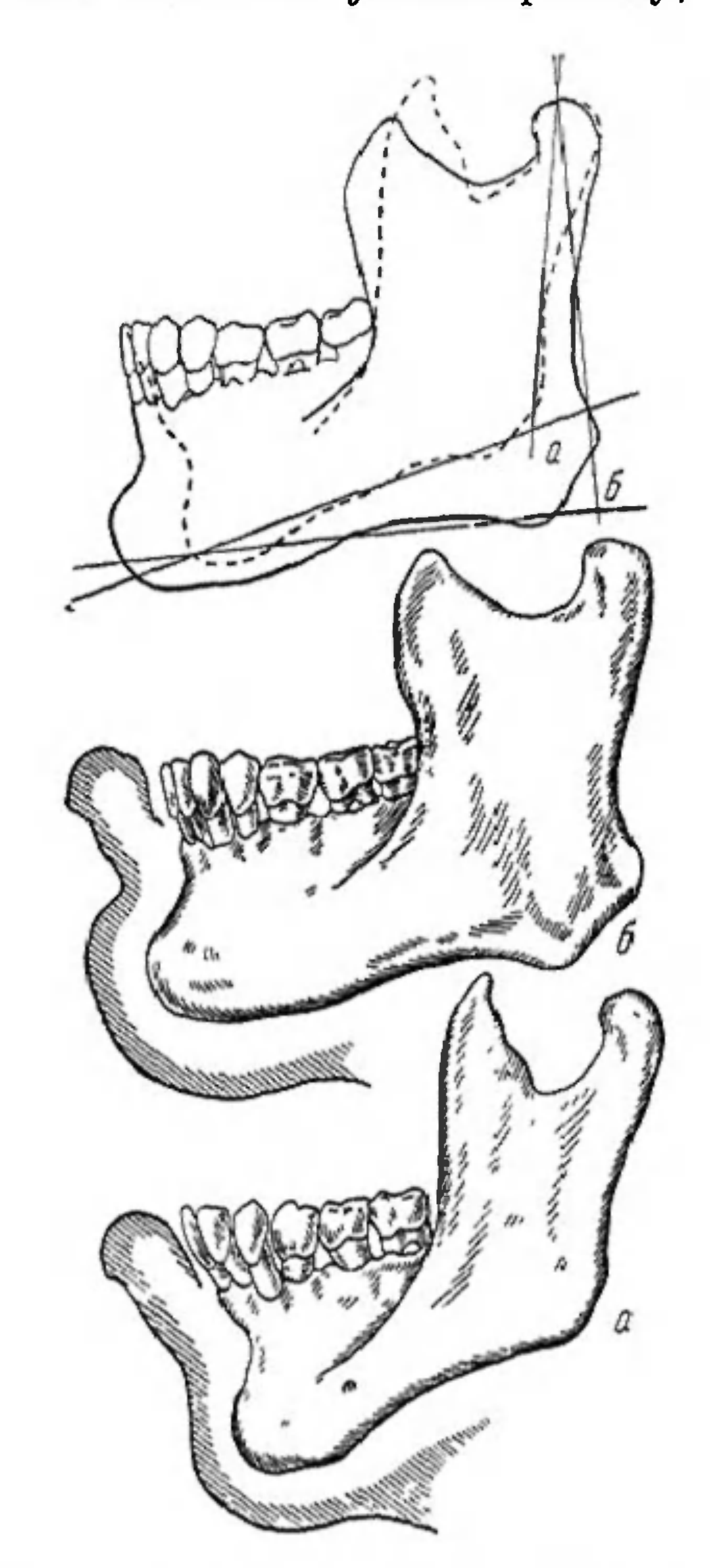

Рис. 28. Морфологические особенности строения подбородка. Степень выступания подбородка определяется не величиной подбородочного выступа, а его направленностью и углом отхождения ветвей нижней челюсти (объяснение см. в тексте).

Практически, классифицируя форму подбородка, следует различать два основных типа: тонко очерченный и тяжелый (грубый). Оба эти типа по внешней форме профиля нижней челюсти ничем существенно не отличаются и образуются целиком за счет большей или меньшей толщины мышечной ткани.

Таким образом, по внешнему виду как будто одна и та же костная основа может служить опорой для мягкого покрова разной толщины. Может показаться, что это противоречит всему, что до сих пор говорилось. Однако удалось проследить на контрольном материале (рентгенограммы и соответствующие препараты), что обогащение подбородка мышечной тканью связано не столько с профилем передней части челюсти, сколько с ее общей массивностью, шириной и, что наиболее важно, с характером микрорельефа нижнего края передней части челюсти. Установлено, что если нижний край челюсти мягко закруглен внутрь и не имеет никаких гребней и шероховатостей, то и мышечная ткань (более или менее однородной толщины) будет спокойно обволакивать кость, придавая подбородку мягкие, тонкие очертания. Если же нижний край подбородка (костного) имеет ярко выраженные гребни, то пропорционально усилению этого рельефа обогащается и слой мышечной ткани: подбородок приобретает несколько другую конфигурацию, известную тяжесть очертаний. Следует отметить, что такие подбородки, как правило, связаны с большой физической силой субъекта. Кстати, гигантскому росту сопутствует утяжеление подбородка.

§ 6. СТРОЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ УХА

В силу каких причин,— сказать трудно, но уже очень давно внешняя форма уха обратила на себя внимание человека. Народный эпос с древних времен отмечает ухо как один из важнейших органов человека. По древним преданиям Индо-Китая, ухо с удлиненной мочкой является признаком глубокой мудрости. Все ранние буддийские изображения имеют уши с удлиненной мочкой. Аристотель считал удлиненное ухо признаком

острой памяти. В эпоху Возрождения появился ряд любопытнейших учений, в том числе наряду с подлинной наукой возникла и физиогномика. Последователи физиогномики утверждали, что лицо — это выражение всех интеллектуальных качеств человека, и наружному уху, его форме отводилось здесь не последнее место.

Дарвин, в поисках общности строения приматов, обратил внимание ученого мира на то, что человеческое ухо в сущности является рудиментарным органом. В качестве доказательства правоты своего утверждения Дарвин указывает на расширение средней части завитка уха, отмечая, что это не что иное, как завернувшийся, а, следовательно, редуцировавшийся угол примитивного уха. Наука признала его доводы и сохранила за данным участком человеческого уха имя великого биолога, назвав его дарвиновым бугорком. В 1887 г. Г. Вирхов опубликовал свою работу об ухе бушменов, готтентотов и др. Швальбе в 1889 г. один из первых дал методику измерения внешнего уха и обосновал положение Дарвина, доказав, что все наружное ухо человека действительно является рудиментарным органом. Он, как и Г. Вирхов, обратил внимание на расовые особенности в строении уха. В 50-х годах прошлого столетия Морель обратил внимание на аномалии в строении наружного уха у «дегенератов». Спустя некоторое время Ломброзо и его школа создали специальное «учение» о преступном типе. Морель и Ломброзо рассматривали ухо с его аномалиями, выделяя особые категории, якобы отвечающие интеллектуальным и моральным качествам человека. Предвзято направленные наблюдения Мореля и так называемое «учение о преступном типе» Ломброзо лженаучны, порочны и справедливо осуждены прогрессивной наукой о человеке.

Систематические наблюдения показали, что рисунок уха, его усложненность — индивидуальный признак. Специалисты утверждают, что рисунок уха, точно так же как и дактилоскопический рисунок пальцев, неповторим.

Следует упомянуть большую работу, проделанную В. В. Воробьевым. Пользуясь схемой Швальбе, он измерил свыше 700 ушей мужчин, женщин и детей.

В нашей работе 1949 г. мы опубликовали размеры уха у разных народов по В. В. Воробьеву, несмотря на то, что они не могли удовлетворить нас в полной мере, так как мало давали для решения конкретной задачи воспроизведения уха по черепу. Впоследствии, использовав собственные наблюдения, мы разработали новую программу параллельного измерения длины уха и носа, тем самым наметив некоторые конкретные возможности решения поставленной задачи восстановления внешней формы и размеров уха.

Наружное ухо представляет собой чрезвычайно сложный и бесконечно варьирующий по форме орган. Учитывая это, в настоящее время трудно говорить о каких-либо достаточно проверенных законах его построения на основании черепа. Все же в порядке постановки вопроса считаю возможным сообщить некоторые конкретные данные, полученные в результате опыта. Естественно, что этот материал не может претендовать на какую-либо полноту и является только предпосылкой для проведения ряда наблюдений в определенном направлении.

Замечено, что длина уха близка к общей длине носа (при измерении от глабеллы; рис. 29). Ширина уха равна половине его длины. Это основные габариты, чрезвычайно сильно варьирующие в связи с формой ушного канала и сосцевидного отростка. Здесь можно наблюдать некоторые закономерности. Широкий развернутый раструб ушного канала нередко

является показателем большого уха. Узкий, глубоко сидящий слуховой канал связан с относительно малыми размерами ушной раковины. Кстати сказать, глухие от рождения нередко имеют до крайности малую ушную раковину и суженный канал внутреннего уха, чего совершенно нельзя сказать о людях, имеющих плохой слух или оглохших. Однако маленькая ушная раковина — отнюдь не показатель плохого слуха. Характер внешней части слухового канала всегда в большей или меньшей степени указывает на те или иные отклонения от нормы строения внешнего уха. Массовые наблюдения в этом направлении должны дать ответ на интересующий нас вопрос о взаимосвязи внутреннего и внешнего уха. Во всяком случае, повидимому, общая форма уха, его оттопыренность и величина как-то связаны с развитием и формой сосцевидных отростков. При малых сосцевидных отростках, направленных своими вершинами внутрь, к основанию черепа, уши чаще будут небольшие и плотно прижатые. Массивные, резко профилированные, торчащие вершинами в стороны сосцевидные отростки, как правило, свидетельствуют о больших оттопыренных ушах. При этом не только степень оттопыренности уха, но и его форма прямо связаны с характером рельефа сосцевидного отростка. Если сосцевидные отростки имеют по своей внешней стороне седловидную впадину, ухо будет выгнуто. Сильно развитые сосцевидные отростки с уплощенной внешней стороной связываются с оттопыренными, прямо поставленными ушами.

Рис. 29. Размер и постановка уха — общая длина уха, примерно, равна общей длине носа. Наклон уха коррелирует с общим направлением ветви нижней челюсти.

Постановка уха находится в определенной связи с общим характером соотношений нижней челюсти и черепа. Основное направление восходящей ветви нижней челюсти определяет основное направление постановки уха.

Никаких определенных указаний о степени усложненности внутреннего строения наружного уха ожидать не следует. Состояние современных знаний об ушной раковине таково, что не учтены даже стандарты форм внешнего уха. Некоторые указания косвенного порядка на степень усложнения рельефа уха может дать нос. В частности, степень моделировки ноздрей, четкость их рисунка связываются с соответствующим развитием завитка. Кстати, уместно вспомнить, что хирурги при пласти-

ческих операциях восстановления крыльев носа, как правило, пользуются верхней частью завитка уха[1].

Эти наблюдения необходимо было подтвердить массовым материалом. Наиболее важно было выяснить вопрос о степени корреляции размеров уха и носа, так как это обеспечивает в каждом конкретном случае точность воспроизведения величины уха по данным размерам носа на черепе. Для решения этого вопроса необходимо было собрать данные параллельных измерений длины носа и уха одного и того же субъекта (нос измеряется от глабеллы до nasion, а ухо — по длинной оси его); одновременно измерялась ширина носа и уха. По нашему поручению, научный сотрудник лаборатории Н. Н. Мамонова произвела измерения по предложенной нами программе среди московского населения, измеряя только европейцев. Ею же в Бурят-Монголии был собран материал по монголоидам; измерялись преимущественно буряты. Из опубликованных данных мы могли использовать только измерения носа и уха у горных таджиков в работе В. В. Гинзбурга, так как его программа измерений вполне совпадает с нашей.

Таким образом, был обобщен материал измерений более 900 человек (табл. 4, 5 и 6).

Таблица 4

Средние размеры (в миллиметрах) носа и уха москвичей (европеоидов) в возрасте от 20 до 60 лет (измерения Н. Н. Мамоновой)

Пол	Количество	Нос		Ухо		Длина уха минус длина носа
		ширина	длина	длина	ширина	
М	162	34,54	63,26	63,98	34,40	0,72
Ж	138	33,36	57,34	60,32	32,23	2,98

Таблица 5

Средние размеры (в миллиметрах) носа и уха бурят (монголоидов) в возрасте от 20 до 50 лет (измерения Н. Н. Мамоновой)

Пол	Количество	Нос		Ухо		Длина уха минус длина носа
		ширина	длина	длина	ширина	
М	100	31,71	62,42	65,00	33,57	2,58
Ж	50	33,02	59,50	62,10	32,30	2,60

Всего было обследовано 912 человек, из них москвичей (европеоидов) — 300 человек, горных таджиков (европеоидов) — 462 человека, бурят (монголоидов) — 150 человек.

У москвичей-мужчин (европеоидов) величина уха, по средним данным, практически почти равна длине носа: ухо больше носа на 0,72 мм. У таджиков-мужчин величина уха несколько больше носа — на 2,93 мм. У бурят-мужчин величина уха также несколько превышает размеры

[1] William F. MacFee, M. D. The surgical treatment of cancer of the nose, with emphasis on methods of repair. «Annals of surgepy», October, 1954, Vol. 140, N 4 (Fig. 1—5).

Таблица 6

Размеры длины и ширины (в миллиметрах) носа и уха у горных таджиков 24—50 лет по данным В. В. Гинзбурга[1]

Район	Длина уха		Ширина уха		Длина носа		Ширина носа		Длина уха минус длина носа
	количество	размер	количество	размер	количество	размер	количество	размер	
Каратегин, Гармский район:									
Комаровское ущелье	66	60,55	66	33,50	66	57,59	66	34,71	2,96
Долина р. Сурх-Об	106	62,95	106	34,27	106	59,58	106	34,84	3,37
Центральный и Восточный Дарваз:									
а) Тавиль-Даринский район:									
западная часть	37	61,40	37	33,93	36	60,33	36	34,33	1,07
восточная часть	43	61,21	43	32,43	42	58,43	42	33,31	2,78
б) Калай-Хумбский район:									
долина р. Пяндж	21	60,57	21	32,36	21	57,00	21	33,88	3,57
долина р. Ванч	32	62,31	32	34,00	32	57,53	32	35,50	4,78
Юго-Западный Дарваз:									
а) Дашти-Дэкумский район:									
долина р. Орби-Нпоу	63	59,86	63	32,39	63	57,24	63	33,12	2,62
Иольская долина	35	59,54	35	32,41	36	55,50	36	34,22	4,04
б) Шуроабадский	45	59,67	45	32,21	45	57,20	45	35,14	2,47
в) Муминабадский	14	59,72	14	32,36	15	60,00	15	32,30	—0,28
Каратегин (общее количество) . . .	172	62,03	172	33,98	172	58,82	172	34,79	3,21
Центральный и Восточный Дарваз (общее количество)	133	61,43	133	33,21	131	58,50	131	34,54	2,93
Юго-Западный Дарваз (общее количество)	157	59,72	157	32,34	159	57,10	159	33,86	2,62
Горные таджики (все)	462	61,07	462	33,20	462	58,14	462	34,40	2,93

[1] В. В. Гинзбург. Горные таджики. Изд. Академии наук СССР, М., 1937.

носа — на 2,58. У москвичек ухо больше, чем нос, на 2,98 мм, несмотря на то, что ухо женщины относительно меньше мужского, примерно на 3,50 мм. Примерно такие же соотношения длины уха у бурят, но утверждать это трудно, так как мочка уха женщин сильно деформирована ношением серег.

Как ни малы приведенные данные о строении уха, только благодаря им уши были воспроизведены при контрольных восстановлениях. Следует отметить, что в подавляющем большинстве они были выполнены более или менее правильно даже в передаче основных форм рельефа и во всяком случае были удовлетворительно переданы не только размеры, но и общие очертания.

Этими конкретными данными исчерпываются те еще немногие систематизированные сведения, которые были собраны в течение многих лет наблюдений над живыми людьми и трупами. В распоряжении автора имеется еще ряд частных наблюдений, которые хотя и не могут быть здесь

изложены, но нередко давали возможность разрешать конкретные задачи портретного восстановления. Необходимы массовые наблюдения. Только путем кропотливого, многолетнего накопления частных случаев и систематизации их можно будет создать определенную методику. В настоящее же время в моих руках находится тот опыт, который для меня обеспечивает подлинность портретной реконструкции, а для последующих исследователей дает основное направление в поисках неизвестных еще корреляций между мягкими тканями лица и черепом.

§ 7. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ О МЫШЦАХ ЛИЦА В СВЯЗИ С ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕМ ИХ В ПРОЦЕССЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ

В настоящем, очень кратком разделе о мышцах мы далеки от мысли исчерпать данные современной миологии. Изложенные данные являются некоторым итогом наблюдений, полученных в результате препаровки. Они, как мы неоднократно имели возможность убедиться, помогали в решении конкретной задачи воспроизведения лица по черепу. Несмотря на то, что основная масса мягкого покрова воспроизводится нами не расчлененно, а в виде слоя определенной толщины по определенным, выработанным в течение ряда лет практики стандартам, это, однако, совершенно не значит, что воспроизведение внешней формы лица по черепу возможно вслепую, без отчетливого знания анатомии мышц, их топографии и функций.

В связи с нашими конкретными задачами наружный слой — кожа будет рассматриваться как нечто единое, т. е. некоторой толщины слой, перекрывающий мышцы. В равной степени в предлагаемом разделе не будут даже упомянуты ни соединительные ткани, ни нервные волокна, ни кровеносные сосуды, хотя некоторое представление о них также крайне необходимо; но все эти сведения могут быть с легкостью почерпнуты в многочисленных руководствах и учебниках по анатомии человека. В равной степени мы не ставим себе задачи говорить о веществе, микростроении мышечной ткани; нами будут рассматриваться лишь морфологически основные волокна, тяжи, мышцы в их общей форме, размерах и функциях. Только в некоторых случаях будут упомянуты фасции, так как их плотность иногда определяет, выявляет конфигурацию общей формы.

Несмотря на то, что специфика документальной реконструкции по черепу требует всегда спокойного, статического решения, без каких-либо попыток передать эмоцию субъекта, нам все же приходится учитывать, наряду с жевательными мышцами, пучки мелких мимических мускулов, которые в значительной степени определяют внешний рельеф лица.

Из всего предыдущего изложения очевидно, что только при учете всего комплекса мускулатуры лица можно ставить перед собой задачу воспроизведения его внешней формы. Чем больше автор реконструкции обратит внимания на сложную взаимосвязь, мы бы сказали, причинную связь всей суммы мелких мышц лица с основной его мускулатурой, тем больше будет индивидуальности, т. е. портретности в реконструкции.

Вся сложность изучения даже основных мышц лица для наших целей заключается в том, что эти мышцы до крайней степени непостоянны у различных индивидуумов в смысле их формы, рельефа, размеров. Нет даже единства функционального распределения схемы волокон, не говоря уже о чрезвычайно мелких топографических формах отклонения их. Топография мелких мышц лица, если их рассматривать изолированно, крайне спутана и непостоянна, но она всегда в какой-то степени

подчинена индивидуальным отклонениям черепа от его норм, т. е. в каждом конкретном случае форма и величина мышц и вся сумма мелких мышц лица всегда коррелируют с внешней формой, размерами, степенью развития рельефа. Эта связь как отдельных мышц, так и комплекса их, всегда находит свое отражение в деталях микрорельефа черепа. При вдумчивом анализе наблюдаемого микрорельефа черепа, его отдельных участков и общей топографической картины этих участков отчетливое понимание морфологических форм и функций лицевого скелета обеспечивает достаточно правдоподобное воспроизведение внешней формы как отдельных волокон мышц, так и их пучков.

Неоднократно нам приходилось наблюдать многочисленные вариации форм отдельных мышц. Даже при рассмотрении жевательных мускулов (m. masseter и m. temporalis), функция которых очень проста и определенна, становится совершенно очевидно, что нет и не может быть ни одного человека, у которого нельзя было бы найти какой-то специфики строения, т. е. отклонения от всех ранее наблюдавшихся случаев.

Нередко наряду с изменением размеров, находящихся в прямой связи с величиной и формой черепа, можно наблюдать некоторое изменение общего или частичного направления мышечных волокон, выражающееся в усилении какой-либо отдельной части мускула за счет другой, либо в выделении ряда совершенно самостоятельных фасций, либо, наоборот, в обобщении ряда фасций в единый фасциальный тяж. Рассматривая эти основные мускулы в процессе возрастного развития ребенка от 5 до 10 лет, можно видеть, как ранняя аморфность их общей формы в дальнейшем усложняется, причем степень этого усложнения, характер этой изменчивости, видимо, объясняются еще до сих пор не прекратившимся процессом адаптации, который обеспечивает различные формы приспособления всего комплекса отдельных участков строения головы, и не только головы, а всего организма человека в целом.

Социальная среда все больше и больше обособляет человека от прямого воздействия природных условий. Процесс накопления культурных навыков, формирование общества, т. е. весь исторический путь развития человека в конечном итоге поставил его в совершенно необычные условия с точки зрения животного существования его древнего предка. Постоянный процесс изменчивости антропологического типа человека, зависящий от многочисленных причин, различные темпы этого процесса на различных территориях и в разное время и должны объяснить то, что в организме человека в различной индивидуальной форме слагаются отдельные отклонения от нормы. (Эти же законы определяют вариации развития и функций мышц лица).

Этот процесс эпохальной, исторической изменчивости в первую очередь следует связывать с наблюдаемым процессом грацилизации и брахицефализации. Существо этих сложных, видимо, взаимно связанных процессов, возникающих в разное время на разных территориях и идущих различными темпами, не нашло достаточно полного объяснения.

Упоминание этих сложных эпохальных изменений в связи с нашими задачами не случайно. При воспроизведении древних форм предков ныне живущего человека мы должны в полной мере оценить процесс эпохальной изменчивости и если не объяснить, то во всяком случае в какой-то мере понять и учесть его. В этом плане нас особенно должны интересовать основные мышцы. Мы имели возможность неоднократно убедиться в непостоянстве их форм у современных людей. Изучение мест прикрепления основных мышц указало на большие вариации топографии, размеров и формы этих мышц также и у древних ископаемых предков человека.

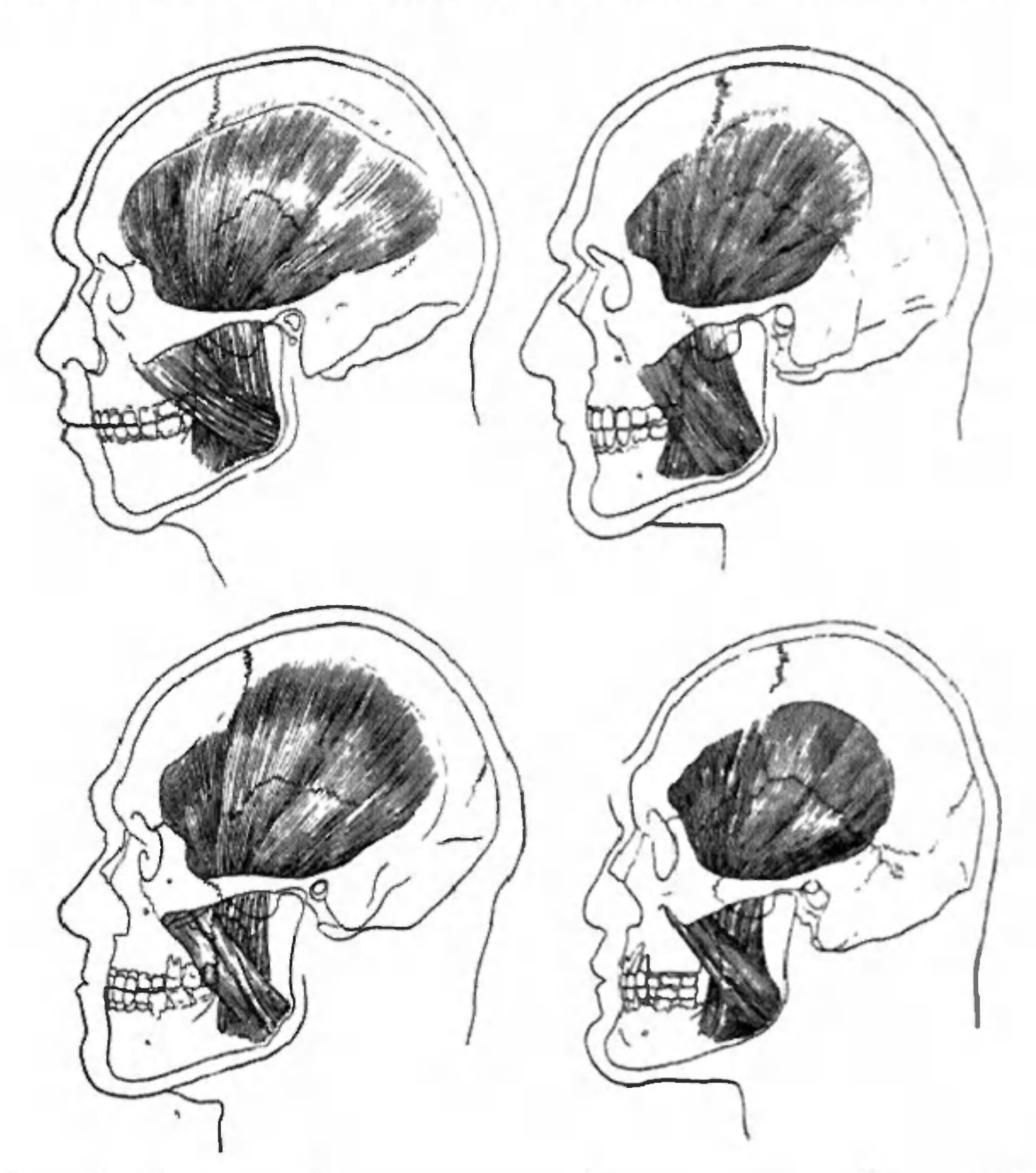

Рис. 30. Вариации формы жевательной мускулатуры у Homo sapiens.

Ниже мы приводим краткую характеристику ряда мышц, наиболее интересных и необходимых при решении наших конкретных задач, т. е. восстановлении лица до степени индивидуального портрета.

Общие данные о височном мускуле. Височный мускул (m. temporalis), один из основных жевательных мускулов, топографически чрезвычайно отчетливо очерчен и ограничен. Он представляет собой как бы трилистник мускульных волокон, берущих свое начало от planum temporale и от внутренней поверхности fasciae temporalis. Передние пучки мускульных волокон идут прямо вниз, средние — наклонно вперед и вниз; задний пучок имеет почти горизонтальное направление волокон вначале и затем — вниз (рис. 30). Внизу все эти волокна объединены в мощный мускульный тяж, проходящий под скуловой костью за скуловой дугой и прикрепляющийся к наружному краю и по всей внутренней поверхности венечного отростка нижней челюсти. Функция этой мышцы — поднимать нижнюю челюсть. Из изложенного видно, что форма височного мускула у разных индивидов зависит от внешней формы, степени развития, величины височной впадины, а также определяется степенью искривления скуловой дуги.

Общие данные о жевательном мускуле. Жевательный мускул (m. masseter) по своей форме определяется в основном шириной и длиной ветви нижней челюсти, а также шириной и конфигурацией нижнего края скуловой дуги и скуловой кости. Он берет начало

от скулового отростка верхней челюсти, от нижнего края скуловой кости и от скулового отростка височной кости.

Жевательный мускул состоит из двух слоев — поверхностного и глубокого. Волокна глубокого слоя проходят в вертикальном направлении, в то время как пучки волокон поверхностного слоя направляются назад и вниз.

Прикрепляется жевательный мускул к ветви нижней челюсти у угла ее (tuberositas masseterica).

Наружные и внутренние крыловидные мышцы в связи с поставленным вопросом не могут нас интересовать, так как они лежат очень глубоко и ни в какой мере не определяют конфигурации ни лица, ни головы. Нас в значительно большей степени должны были бы интересовать мышцы фронтальной части лица, т. е. весь комплекс ротовых и мимических мускулов. Учет этих мускулов совершенно необходим при конкретной задаче воспроизведения портрета, но практика показала, что восстановление этой части лица значительно проще достигается приданием общей массе мягкого покрова единой мощности в соответствии со стандартами толщины. Однако все же только при правильной оценке топографии этих мышц и учете их взаимосвязи и функциональной связи с рельефом кости можно найти в конечном итоге правильное решение. В описании ряда наблюдений нами уже давались топографические сведения и оценка отдельных мимических мускулов, а в равной степени и мускулов, слагающих рот и глаза.

Многообразная форма носолобного участка с его вертикальными и горизонтальными морщинами, весь сложный комплекс примыкающего к нему рельефа надбровий в значительной степени определяются рельефом костной основы носолобного участка черепа. Дело в том, что пластинчатые мимические мускулы, несмотря на их значительную силу, представляют собой тонкие волокна, как бы повторяющие собой основной рельеф лобной кости. Однако бывают случаи, когда значительное усложнение рельефа носолобного участка влечет за собой усложнение, усиление отдельных волокон мышц, что в значительной степени определяет внешние формы лица этого участка. Попытаюсь показать это рядом конкретных примеров.

Лобная мышца тонким пластинчатым пластом располагается на фронтальной части лобной кости. Вверху этот мускул начинается от сухожильного шлема, перекрывающего свод черепа. Внизу у латеральных углов лобной кости этот мускул прикрепляется непосредственно к коже бровей. Фронтальная часть этой мышцы опускается вертикально и вплетается в волокна верхнего края круговой мышцы глаза, связываясь с мускулом, сокращающим и поднимающим брови, который очень тонким волокном лежит непосредственно под верхним краем круговой мышцы глаза, в ложбинке между краем орбиты и максимальным выступанием надбровья. Непосредственно к лобной мышце прилегает парный мускул —«мускул гордецов», или, как его лучше называть, пирамидальный мускул носолобного участка. Этот мускул начинается внизу, в верхней трети носовых костей, перекрывает носолобный шов, ложится поверх глабеллы, доходя до лобного мускула, и располагаясь на нижнем крае его, прикрепляется к коже.

Следовательно, знание топографии этих мускулов и учет вероятной степени вариаций совершенно необходимы при попытке восстановления лица.

При высокой крутой лобной кости и слабо выраженном надбровье все эти мускулы будут тонкими, пластинчатыми, совершенно повторяющими весь рельеф фронтальной части лба и носолобного участка. Между

тем по мере того, как будет усложняться рельеф фронтальной части лобной кости и носолобного участка ее, одновременно будут изменяться конфигурации, плотность, толщина этих мимических мускулов.

При пологой глабелле и удлиненной носовой части лобной кости со слабо развитым рельефом пирамидальный мускул будет тонким, облекающим кость пучком, почти пластинкой. И, наоборот, при значительной степени развития рельефа глабеллы с резким переходом к корню носа этот мускул превращается в высокие, плотные тяжи, резко выступающие вперед, почти округлые в сечении. Степень развития этих тяжей будет определять весь рельеф вертикальных морщин носолобного участка.

При рассмотрении палеоантропологических серий, при сравнении черепов синантропа, неандертальца с черепами современных обезьян автор пришел к заключению, что заостренная во фронтальном направлении глабелла питекантропа и синантропа свидетельствует об уплощенном рельефе мимической мускулатуры носолобного участка. Лобный мускул, повидимому, спускался до самого края перегиба глабеллы, а пирамидальная мышца располагалась внизу по ту сторону перегиба. Эту же форму строения мимических мускулов можно наблюдать у современных обезьян. В частности, наиболее ярко это выражено у гориллы, значительно слабее — у шимпанзе и несколько по-иному — у орангутанга. Дело в том, что «мускул гордецов» у орангутанга, несмотря на его пластинчатую форму, располагается значительно выше по носолобному участку, в верхней своей части расщепляясь и сливаясь с внутренним краем круговой мышцы глаза. И только срединная его часть непосредственно над самой глабеллой прикреплена к коже.

Наши наблюдения мимической мускулатуры высших обезьян ограничиваются крайне малым числом случаев. Мы имели в своем распоряжении только два препарата мимической мускулатуры гориллы и по одному препарату шимпанзе и орангутанга. Однако степень усложненности рельефа глабеллярного участка у обезьян настолько отчетливо выражена, что топография этих мышц становится совершенно очевидной при рассмотрении черепов, которые в нашем распоряжении были в достаточном количестве.

Мы здесь не рассматриваем мышц ротовой щели и примыкающего к ней ряда мышц — квадратной, скуловой и других. Это происходит не оттого, что мы не учитываем степени важности знания топографии этих мышц, а в силу того, что значительная степень их вариаций не может быть ни в коей мере исчерпана описательно.

Приведенные выше данные о строении губ, конечно, не отражают всего материала о строении мышечного аппарата собственно рта, но мы и не ставим себе задачу рассмотрения всех мышц лица вообще. Нас интересуют только некоторые категории их, определяющие внешнюю форму лица.

Глава II

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ КАК ОДИН ИЗ ПРИКЛАДНЫХ МЕТОДОВ АНТРОПОЛОГИИ

§ 8. ПРОЦЕСС РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ

Разрабатываемый метод реконструкции лица по черепу в настоящее время имеет три направления прикладного использования.

Первое направление, возникшее в результате проведенных контрольных работ над современным человеком, связано с задачами криминалистической практики. Этот метод нашел применение как технический прием опознания неизвестного по черепу. Ряд разработанных приемов дает возможность отождествить найденный череп с фотографией исчезнувшего, в результате чего исключается элемент случайности в процессе следствия. Кроме того, в случае необходимости предлагаемым методом можно воспроизвести внешность неизвестного в той степени приближения к портрету, которая обеспечивает его опознание родными, знакомыми и оперативными работниками при сличении фотографий, снятых с реконструкции, и фотографий, снятых при жизни с пострадавшего. Значение для криминалистики объективного метода идентификации личности трудно переоценить. Ограниченная практика применения этого метода объясняется не сложностью его, а отсутствием в настоящий момент соответственно квалифицированных кадров. И несмотря на это, метод восстановления лица по черепу все больше и чаще находит применение в практике современного следствия. Своевременно уже ставить вопрос о специальной подготовке кадров для работы в этом направлении.

Второе направление связано с вопросами истории в узком смысле слова. Это — идентификация исторического лица по его костным останкам Практически это тот же процесс опознания неизвестного, усложненный тем, что нет живых свидетелей, нет хорошего иконографического материала, и чем древнее опознаваемый исторический деятель, тем меньше данных найти объективное свидетельство правильности решения реконструкции. Нередко приходится привлекать летописные свидетельства о генеалогии, рассказы о внешнем виде, о перенесенных недугах. Так, например, внешний вид Тимура был описан его современниками, причем была отмечена его хромота и сухорукость. При идентификации скелета Тимура были обнаружены эти патологические особенности.

Реконструкция головы скифского царя Скилура была опознана на основании монет с его изображением и т. д. В связи с данными работами нередко приходится исключать на основании антропологических данных тот или иной иконографический материал, относящийся, как правило.

к более позднему времени. Так, например, это имело место при попытке найти подлинное изображение Тимура. Как известно, он по своему происхождению был барлас — монгол, а иконографический материал изображал его типичным иранцем, что совершенно не соответствовало антропологическим чертам найденного черепа.

Возможности работы в этом направлении бесконечно велики. В частности, для нашей истории, вероятно, интересно воспроизведение портретов династии Рюриковичей. Нашим методом можно окончательно разрешить вопрос о легендарном Кузьмиче, воспроизвести документальные портреты народных героев, поэтов, ученых и т. д.

Однако до сих пор историки проявляют весьма слабый интерес к данному вопросу. Не исключена возможность, что это проявление не консерватизма, а излишней осторожности, порожденной некоторым недоверием к степени объективности метода восстановления лица по черепу. Осторожность и даже некоторый скептицизм, однако, не являются тормозом для развития поставленных задач, так как каждая новая работа в области криминалистики, подтверждая правильность метода, позволяет преодолевать чрезмерный скептицизм. Для дела вредны только косность, консерватизм. Всегда в ранний период создания нового метода в любой области знания возможны и даже неизбежны ошибки, промахи, но все эти недостатки в конце концов преодолимы при наличии правильных методологических основ.

Оба эти направления в итоге служат уточнению разрабатываемого метода, так как в процессе работы в первую очередь ставятся задачи максимального приближения реконструкции к внешнему облику некогда жившего человека.

Третье и основное направление связано с вопросами палеоантропологии и в первую очередь с проблемами расо- и этногенеза. Значение предлагаемого метода в решении этих проблем можно формулировать следующим образом.

Методика пластической и графической реконструкции лица по черепу не выходит за пределы вспомогательного приема антропологической диагностики и является как бы оформлением краниологического метода изучения ископаемого и современного человека. Палеоантропология в основе своих методических приемов — биологическая дисциплина, однако она теснейшим образом связана с гуманитарными науками. Палеоантропология ставит себе задачу изучения процесса формирования типа человека с учетом эпохи и территории его существования.

Эту основную задачу следует понимать как решение ряда вопросов: когда, каким образом возник собственно человек, каковы пути его становления? Каковы причины и время расообразования, в связи с чем меняется физический облик человека? Каковы темпы и причины процесса адаптации человека, этногония и ее темпы у древнего и современного человека? Приведенный перечень вопросов иллюстрирует многообразие и сложность задач.

Ни один из поставленных вопросов, в том числе и вопрос о процессе *формирования* человека, даже с древнейших времен, не может быть решен и даже поставлен без учета социальных законов развития общества. Таким образом, интересы палеоантропологии далеко выходят за рамки собственно биологической дисциплины.

Ограничение проблем палеоантропологии вопросами формирования только древних представителей *Homo* неверно. Палеоантропологическая наука наряду с археологией, историей, этнографией и социологией, языковедением, с одной стороны, и палеозоологией, палеоботаникой,

палеогеографией,— с другой, должна осветить причины и темпы сложного процесса формирования физического типа древних и современных этнических групп, племен, народов. Не следует, однако, переоценивать значение палеоантропологии в решении поставленных вопросов. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» с предельной четкостью показал, что ведущей дисциплиной в решении вопросов этногонии современных народов является языкознание. Однако при этом следует помнить, что древнейшие периоды истории человечества, отделенные тысячелетиями от современности, могут быть освещены только с учетом остатков материальной культуры и палеоантропологического материала в первую очередь. Советская антропология и этнография освободились от метафизических представлений об извечности этнических подразделений человечества. Проблемы этногенеза стали перед нашей отечественной советской наукой в новом плане. Задача палеоантропологии — максимально близко и объективно отразить процесс этногенеза с учетом условий, формирующих человека, т. е. природных условий, труда, языка, социальной среды, времени и территории. В результате ряда работ коллектива советских ученых за последние годы далекое прошлое многих народов СССР начинает постепенно проясняться. Однако не следует забывать, что это только первые шаги на пути решения этой сложной проблемы, а перспективы дальнейшей работы бесконечно шире, ее задачи интереснее и сложнее. В свете этих принципов совершенно особое место должен занять метод пластической реконструкции. Проблема портретного, документального восстановления лица человека по черепу разрешена на базе советской антропологической науки. Рядом контрольных работ удалось показать, что по любому черепу *Homo sapiens*, независимо от его расовой принадлежности и от времени его существования, на основе общих методических приемов и краниологических данных можно создать портрет именно этого человека. Не является ли это определенным оружием борьбы с лженаучными расовыми учениями о принципиальных отличиях строения различных рас *Homo sapiens*? Ведь предлагаемый метод как бы доказывает единство происхождения и общность процессов формирования современного человека во всем многообразии его рас.

Само собой разумеется, что методика восстановления лица по черепу, разработанная на современном анатомическом материале, может дать документальное восстановление только современного вида человека, т. е. *Homo sapiens*.

Реконструкции древних гоминид должны рассматриваться лишь как возможное приближение к индивидуальному воспроизведению их облика.

Процесс формирования современного человека, возникшего, вероятно, на одной,— относительно небольшой,— территории, а затем локальная дифференциация расовых типов в процессе расселения по всей территории земли, были всегда обусловлены социальными закономерностями, едиными для всех рас. Эта общность исторического процесса вместе с единством происхождения были источником того сходства в строении тела, которое наблюдается у отдельных расовых групп всего современного человечества, несмотря на внешнее их разнообразие.

Наблюдаемые нами многочисленные вариации цвета волос, глаз, кожи, а равно и ряда других отличий между современными расами, явились в результате более поздних локальных изменений исходного типа древнего *Homo sapiens*. Именно это единство и обеспечивает возможность получения при помощи одного и того же технического процесса столь

исходных физиономических портретов, как, например, папуас, француз, монгол и т. д.

Из сказанного, однако, не следует, что при восстановлении лица по черепу во всех случаях накладывается единая толщина мягких тканей. В каждом конкретном случае принимается во внимание степень развития рельефа черепа и в соответствии с нею производится поправка стандарта. Это дает право делать реконструкцию *Homo sapiens*, независимо от времени его существования, с уверенностью, что данный портрет действительно приближается к подлиннику. Таким образом, метод пластической реконструкции служит одним из способов изучения костного материала, а объективность построения обеспечивает определенную документальность реконструкции. Воспроизведенный на краниологической основе действительный облик некогда жившего человека как бы оживляет, «проявляет» мало понятный неспециалисту костный материал, заставляя его говорить красочным, понятным языком не только специалисту-антропологу, но и археологу, этнографу, историку и другим. Это непосредственное понимание археологами и историками палеоантропологического материала через портретную реконструкцию дает несравненно больше, чем попытка антрополога связать тот или иной костный материал с культурным археолого-историческим комплексом.

Методом пластической реконструкции можно уловить такие тонкие нюансы индивидуального и этнического типа, которые никак нельзя, конечно, понять с помощью только антропометрической методики, ни тем более описательной техники, так как, несмотря на то, что череп измерить можно очень точно, в конечном результате оперировать приходится обобщенными индексами, дающими представление в лучшем случае о суммарном антропологическом типе.

Таким образом, уловить ныне существующими антропометрическими приемами элементы так называемого семейного сходства крайне трудно, почти невозможно. Те тонкие детали строения черепа, на основе которых восстанавливаются черты лица, сами по себе трудноуловимы, да и мало интересны для неспециалиста. Но, будучи использованы для построения портрета, эти детали объединяются в комплексы характерных признаков, они как бы оживают и в отраженном, усиленном виде делаются яркими, видимыми каждому.

Метод пластической реконструкции может обнаружить элементы тонкого, физиономического сходства между родственниками и в том случае, если обрабатываемые черепа будут иметь в общих чертах различную краниологическую основу и даже принадлежать людям различного в расовом отношении происхождения (например, мать — монголка, отец — европеец, или наоборот). Ведь одним только антропологическим изучением черепов их детей нередко будет трудно дать доказательство их родства, что может привести к ложному выводу.

Применение метода пластической реконструкции может осветить сложный процесс метизации, подтверждая семейное родство между крайними формами. Этот метод даст возможность наглядным образом проследить и показать образование нового физического типа в процессе смешения.

Извечность, неизменяемость расовых типов — основной тезис реакционных учений о расогенезе человека — противоречит диалектическому материализму, рассматривающему человека с древнейшего времени его возникновения вплоть до сегодняшнего дня как нечто находящееся в постоянном движении, в процессе изменения, в результате взаимодействия географической среды, труда и общества. Таким образом, с точки

зрения советской науки основной задачей в этой области будет решение вопроса о динамике процесса расогенеза, т. е. улавливание или выяснение темпа и направления изменчивости признаков внутри отдельных рас. Естественно, что в плане именно этих вопросов методика пластической документальной реконструкции лица на краниологической основе даст возможность наиболее отчетливо проследить тонкие нюансы переходных моментов при формировании новых антропологических типов внутри основных рас.

Одно из основных положений зарубежной реакционной науки — утверждение о «творческой роли расы» в историческом процессе. Систематическим сопоставлением антропологических типов с разными культурами расисты пытаются создать себе базу для ожесточенной борьбы с марксизмом в вопросах о причинах дифференциации современного общества с целью оправдания классового и национального гнета. Значение метода, дающего возможность достоверного воспроизведения физических типов древнего населения, в борьбе с человеконенавистническим расизмом достаточно ясно.

Археологи при ныне существующих приемах подхода к памятнику не всегда могут ответить на вопрос, по каким причинам отдельные, иногда разобщенные колоссальными пространствами, памятники материальной культуры имеют единство форм. Позволю себе привести пример. Как известно, палеолитическое искусство Европы — культуры Ориньяка и Солютре — характеризуется появлением своеобразного искусства, в котором одним из любимейших объектов изображения была женщина. Найденные до сих пор в Сибири единственные памятники, относящиеся к этому же времени,— Мальта и Буреть дали те же самые формы изобразительного искусства. Но в первом случае (в Европе) совершенно очевидно были изображены европеянки, между тем как сибирские древние художники изображали монголок. С чем же связаны эти элементы общности культуры столь отдаленных районов? Что это — заимствование или конвергенция?

Нет безупречного критерия для констатации процесса преемственности развития на одной и той же территории. Часто археолог лишен возможности объективно судить о том, вызвано ли наблюдаемое типологическое сходство инвентаря единством технологического процесса, т. е. является продуктом использования одного и того же материала, или результатом заимствования и миграции.

При создании реконструкции древнего ископаемого человека современного типа *Homo sapiens* fossilis, жившего в эпоху раннего неолита или верхнего палеолита, приходится гипотетически допускать, что морфологические законы строения древнего человека покоились на тех же корреляционных отношениях между мягкими покровами лица и формой костей черепа.

Уместно сказать, что, несмотря на своеобразие древних черепов *Homo sapiens*, их общую массивность, мощность рельефа, всегда при детальном изучении их костного рельефа можно найти подобные же детали в строении формы и у современных черепов, причем нередко почти в той же степени развития. Но, как правило, это будет, однако, не комплекс сходных черт, а всего лишь одна-две отдельные детали и в иной композиции современного черепа: так называемое сильное развитие надбровья и глабеллы может сочетаться с тонким, узким, высоким лицом мощные скуловые кости — в композиции с высокими, а не низкими орбитами, и т. д. Тем не менее сходство в ряде деталей дает возможность в каждом конкретном случае достоверно определять ту или иную физионо

мическую деталь при реконструкции кроманьонцев и учитывать вероятную степень развития толщины мягких покровов лица и головы.

Значительно сложнее вопрос о возможности достоверной реконструкции более древнего вида человека — неандертальца. Ни один из советских ученых не отрицает неандертальской стадии в процессе формирования современного вида *Homo sapiens*. Однако из этого не следует, что все неандертальцы едины между собой и могут в равной степени считаться предками современного человека.

По своим морфологическим данным европейские, среднеазиатские и палестинские неандертальцы занимают совершенно определенное место предшественников современного человека, и, несмотря на это, в строении их скелета и, в частности, в черепах имеются такие комбинации черт, что учесть их в процессе реконструкции можно только гипотетически. В основе своей черепа неандертальцев обладают чертами, близкими уже современному человеку, но комбинации этих черт в общем комплексе и по степени своего развития несвойственны современному человеку, образуя весьма специфический облик неандертальца.

Рельеф черепов из Ля-Шапелль, Мустье, Тешик-Таша по степени своего развития как бы занимает крайнюю позицию в развитии костного рельефа современного человека и в общем, видимо, почти не выходит за пределы возможного максимума.

Существо отличия неандертальского типа черепа от современного заключается в том, что он сложен как бы из предельных величин рельефа *Homo sapiens*. Исходя из этого, при реконструкции неандертальца из Ля-Шапелль и Тешик-Таша нами был использован стандарт максимальных величин толщины мягких покровов современного человека. Мощное надбровье, массивный нос, верхняя губа и даже усеченный подбородок европейского неандертальца могут быть в какой-то мере понятны из сходства с современным человеком. Между тем посадка головы, форма щеки, шея не могут быть правдоподобно восстановлены без учета сравнительно-анатомических данных по высшим приматам, что, конечно, отнюдь еще не свидетельствует о прямом родстве современных высших обезьян и европейского неандертальца.

Череп из Родезии обладает рядом таких признаков в форме костного рельефа, каких мы не отмечали ни на одном из черепов не только современного, но и ископаемого человека. Строение всей лобной кости, в частности, форма латеральных краев надбровья у него совершенно не человеческая и весьма близка к строению латеральной части гориллы. Лицо массивно, звероподобно. Трудно по данному черепу воспроизвести достоверный облик этого все же человеческого существа. И наше решение его облика следует рассматривать еще как первую попытку, несмотря на то, что это результат более чем пятилетнего труда.

В еще большей степени гипотетична реконструкция древнейших гоминид, синантропов и питекантропов. Многое можно было бы понять в морфологии мускулатуры этих древних форм, если бы мы обладали в должной степени изученным материалом по мускулатуре и мягким покровам высших обезьян. К сожалению, мы вынуждены их изучать почти так же, как и палеоантропологический материал, так как располагаем только краниологическим материалом и очень малыми сведениями об их мускулатуре и мягком покрове вообще.

Исходя из сказанного, мы считаем возможным реконструировать внешний облик как современного, так и древнего человека по черепу, но с известным допуском очевидной ошибки для древних видов. Эта ошибка будет минимальна, с нашей точки зрения, при следующих условиях:

1) единстве происхождения рода;

2) наличии каких-то общих законов процесса формирования всего человечества на протяжении всей его истории с момента возникновения вплоть до сегодняшнего дня;

3) едином пути формирования современного человека через стадии кроманьон, неандерталь, синантроп, питекантроп;

4) формировании всех современных рас от единого древнего вида неоантропа.

В связи с этим совершенно особого внимания заслуживает вопрос о происхождении современных рас человека. В первую очередь необходимо выяснение нашего отношения к теориям моноцентризма и полицентризма.

В настоящей работе вряд ли имело бы смысл излагать историю происхождения этих теорий в полном объеме. Нам кажется, что этому вопросу достаточно уделил времени и места Я. Я. Рогинский в ряде своих работ, посвященных происхождению современного вида человека и его рас; в этих трудах он, несомненно, склоняется к теории моноцентризма. Не раз возвращался к этому вопросу крупнейший советский палеоантрополог Г. Ф. Дебец, настаивающий как будто бы на полицентрическом происхождении современного вида человека.

Мы ограничимся лишь рядом замечаний, характеризующих наше отношение к данным теориям.

Отсутствие антропологического материала способствует возникновению различных, иногда заведомо ложных, неправильных гипотез. Этим же следует объяснить существование двух гипотез происхождения *Homo sapiens*. Даже в среде советских ученых нет единой точки зрения по данному вопросу

Отстаивая свою точку зрения, как полицентристы, так и моноцентристы при настоящей постановке вопроса должны учесть и как-то объяснить, очевидно, наблюдаемые в процессе биологического развития человека и его эпохального формирования явления — элементы как дивергенции, так и параллелизма и конвергенции. В равной степени должны быть учтены исторические, все нараставшие и усложнявшиеся взаимодействия биологического процесса развития человека с закономерностью формирования общества.

Не следует забывать, что в процессе формирования общества, непрерывно усложняющегося, человек на протяжении своего развития попадает в особые условия, отличные от условий его древнего существования. Условия окружающей природы, естественной среды усложняются возникающими и развивающимися влияниями общества. Эпохальное развитие материальной культуры, темп этих исторических процессов влекут за собой новые формы приспособления человека. Темп и направление процесса приспособляемости человека к природе с древнейших времен в корне отличаются от подобных же процессов даже у ближайших его сородичей — высших обезьян, так как у человека этот процесс осуществляется под непосредственным воздействием материальной культуры и социальных отношений общества, которые позволяют ему в процессе трудовой деятельности видоизменять природу сообразно со своими потребностями. В связи с этим сторонники теории полицентризма будут поставлены перед задачей отчетливо представить себе исключительную степень параллелизма морфологической и физиологической изменчивости предков человеческих рас, в случае их независимого возникновения в разных центрах, в связи с общим, постоянным историческим процессом развития общества.

Несмотря на всю сложность обоснования такого параллелизма в процессе формирования человека, гипотеза о нескольких центрах происхождения современного вида человека в антропологии представлена большим количеством сторонников.

Из зарубежных ученых нельзя не упомянуть известного антрополога Франца Вейденрейха. Этот своеобразный представитель полицентризма по-своему объясняет закономерность и предпосылки общего процесса эволюции человека. По его представлению, причины эволюции кроются в какой-то внутренней тенденции у древнего человека к совершенству. Именно это стимулирует процесс превращения древнего человека в его современные формы. Этот процесс «совершенствования» древнейших представителей рода *Homo* происходит, по мнению Вейденрейха, в различных областях земного шара с разной скоростью, но примерно в одном направлении, главным образом по пути увеличения объема мозга, в особенности его высоты.

Следствием этого процесса и явилось возникновение многих особенностей черепа и лица современного человека, связанных онтогенетической корреляцией с увеличением высоты мозга.

Вейденрейх наметил четыре обособленных пути эволюции рас современного человека:

1. Юго-Восточная Азия: питекантроп, явантроп — к вадьякскому человеку и современным австралийцам.

2. Восточная Азия: синантроп через неизвестную неандерталоидную форму — к современным монголам.

3. Африка: от родезийского человека — к некоторым южноафриканским расам современного человека.

4. Европа (предположительно, по мнению Вейденрейха): группа неандертальцев типа Эрингсдорф, Крапина, Табун (Палестина), Схул (Палестина) — к раннему типу кроманьонского человека.

В частности, подтверждение своей гипотезы происхождения монголов по прямой линии от синантропа Вейденрейх видит в том, что в скелете синантропа можно отметить до 12 признаков, характерных для типичных монголов. Таким образом, по мнению Вейденрейха, деление на человеческие расы столь же древне, как и процесс эволюции человека.

Нам представляется, что точка зрения Вейденрейха об извечности существования человеческих рас и дальнейшего их неравномерного независимого формирования в основе своей идеалистична и противоречит фактам. Кроме того, эта вредная реакционно-расистская точка зрения подводит как бы базу под человеконенавистническую тенденцию выделять из человечества расы прогрессивные и расы как бы отсталые и даже биологически неполноценные.

Совершенно особого внимания в свете решения этих вопросов заслуживает работа Я. Я. Рогинского[1]. В ней Я. Я. Рогинский сообщает об основных точках зрения на происхождение человека и дает тщательный разбор ряда признаков, отмеченных у древнейшего человека и у современного, пытаясь выяснить общность их происхождения. В заключение автор отчетливо склоняется в пользу моноцентризма, однако, вводя некоторые коррективы. Он пишет: «Было бы совершенно неправильно сделать вывод о том, что современный вид человека возник на узком пространстве, в мелкой группе индивидуумов, и затем, расселяясь по земному шару, истребил неандертальцев, оказавшихся неспособными

---

[1] Я. Я. Рогинский. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М., 1949.

к дальнейшему развитию». Если полицентризм допускает без достаточных оснований возможность полного совпадения сложных событий в нескольких независимых местах, то моноцентризм (в буквальном смысле) игнорирует всякий параллелизм в развитии новых форм, недооценивает значения большой величины исходной популяции и не учитывает роли смешения между различными вариантами нового типа в процессе их возникновения.

В оценке этих положений Я. Я. Рогинский совершенно прав.

Трудно представить себе неандертальского человека, жившего большим коллективом. Известные нам стоянки — гроты скорее указывают, что эти группы были малочисленны. Это вполне совпадает с фактической стороной материала; ведь уровень развития мустьерского человека был еще крайне низок и материальная база скудна. Территориальное распространение большинства памятников мустьерской культуры свидетельствует о том, что эти разрозненные, небольшие группы неандертальцев жили обособленными коллективами, но селились недалеко друг от друга. Почти всегда при наличии одного памятника мустьерского времени мы можем рассчитывать найти поблизости некогда бытовавшую рядом стоянку. Очень вероятно, что массовые охоты на крупного зверя — мамонта вынуждали объединяться эти разрозненные мелкие коллективы, систематическое объединение которых могло быть связано с сезонными охотами. Несомненно, этот контакт первобытного человека способствовал обмену опытом и обусловливал первобытный тип взаимопомощи, вынуждаемый суровой борьбой за существование. Этот временный контакт между обычно разрозненными группами первобытных людей способствовал созданию новых, сначала случайных, а потом как бы обусловленных норм брачных союзов, что и приводило вначале к случайным, а затем к постоянным кровным связям между разобщенными коллективами. Так, вероятно, возникли фратрии. Значение этого факта в процессе формирования новых форм с биологической точки зрения несомненно.

Речь, возникшая в процессе элементарного трудового процесса, не могла развиваться вне коллектива, независимо от постоянных взаимоотношений между отдельными членами группы. Только в результате возникновения новых, специфических социальных условий неандерталец стал приобретать новые свойства, постепенно освобождаясь от пережитков животных инстинктов. Этому способствовало большее сближение отдельных членов коллектива, увеличение ареала действия каждого из его сочленов, что привело в конечном итоге к большему сближению всех членов коллектива и к более сплоченному взаимному существованию. Это в свою очередь дало толчок к формированию нового, социально более высокого существа, предшественника *Homo sapiens*. Нам кажется вероятной точка зрения Я. Я. Рогинского на то, что территория образования неоантропа не могла быть узкой, так как иначе трудно себе представить вышеописанный процесс контакта и смешения первоначально разрозненных групп первобытных людей.

В заключение Я. Я. Рогинский в ряде тезисов пытается утвердить свою точку зрения. Так как эти положения мне кажутся вероятным решением вопроса, считаю необходимым привести их. Одни из них я полагаю возможным принять безоговорочно, без каких-либо комментариев, другие будут дополнены и расширены в примечаниях в соответствии с нашей точкой зрения. Совершенно несомненно, что большинство этих тезисов является подтверждением и обоснованием нашей методики пластической реконструкции лица по черепу.

Основные выводы Я. Я. Рогинского

1. Не существует морфологического соответствия между локальными формами древнейших и древних гоминид, с одной стороны, и современными человеческими расами,— с другой.

Примечание. Это положение совершенно верно, но тем не менее морфологические особенности строения высших гоминид дают право говорить об обезьяньей стадии в процессе формирования всего человечества и в дальнейшем — стадии первобытного человека: питекантроп, синантроп, неандерталец, кроманьонец, современные расы.

2. Исключение составляют западные неандертальцы — «человек из Эрингсдорфа», отчасти «человек из Штейнгейма», обнаруживающие некоторые общие черты с современными европеоидными расами.

Примечание. Очень вероятно, что ряд этих морфологических черт является доказательством единства древнего происхождения, но не исключена возможность, что эта передача специфических неандерталоидных черт, фиксированных в современных европейцах, должна быть объяснена поздним участием локальных европеоидных неандертальских групп в процессе формирования европеоидного ствола неоантропа. Это видно при рассмотрении ранних ориньякских черепов. Ни черепа из Гримальди, ни из Комб-Капелль, ни из Ориньяка не имеют специфических неандерталоидных черт, несмотря на значительную их примитивность; в частности, они все имеют высокий, почти вертикальный, сильно выступающий вперед лоб. Между тем кроманьонские черепа более позднего типа — из Пшедмоста и Оберкасселя — в строении переднего раздела лобной кости имеют гораздо больше неандерталоидных черт; в частности, у них резко выражено надбровье. У черепа из Пшедмоста в строении скуловых костей, верхнечелюстных костей и подбородка совершенно отчетливо фиксируются элементы неандерталоидных черт.

3. Отсутствие специфического сходства у синантропов с монгольской расой, у родезийцев — с африканскими расами, у питекантропа и нгандонского человека — с австралийской и негроидной расами лишает теорию полицентризма одного из важнейших аргументов.

Примечание. Если рассматривать отдельные признаки в строении лица представителей самых разнообразных рас, всегда можно отметить ряд признаков, свойственных вообще расам современного человека: плоский, широкий нос может быть констатирован как у монголов, у негров, так и у европейцев; губастость, прогнатизм также не является специфическим признаком только негроидной или монгольской расы и т. д. Таким образом, если рассматривать более детально отдельные признаки строения лица современного человека различных рас, то можно зарегистрировать значительно большее общее и частное сходство между ними, чем это кажется при поверхностном сличении. Все это дает нам право говорить об единстве происхождения всех ныне живущих рас от единого ствола неоантропа.

4. Против теории независимого и параллельного возникновения неоантропа от разных «обезьяно-людей»— питекантропов — в стадиальном смысле или от разных неандертальцев говорит еще целый ряд фактов: а) огромное сходство всех ныне живущих рас человека во множестве морфологически независимо варьирующих признаков, отличающих современный тип человека от его неандертальского предка; б) случаи больших различий между древними гоминидами по таким признакам, которые сходны у современных рас; в) открытые Дарвином факты из области выражения сложных эмоций, свидетельствующие о сходстве между человеческими расами и необъяснимые с помощью принципа конвергенции.

Примечание. На ранних стадиях своего формирования древнейшие и древние гоминиды были в большой степени зависимы от естественной среды, что и приводило их к необходимости приобретения специфических локальных форм приспособления.

Этим, видимо, и следует объяснить их значительное морфологическое различие. Позднее в ходе формирования общества, по мере накопления материально-культурных навыков, процесс приспособления к окружающей среде, как уже и говорилось, все больше и больше ослабевал. Объединенные в коллективы группы неоантропов в большей степени имели возможность противодействовать окружающей среде, чем и был вызван как бы больший консерватизм антропологического типа в процессе приспособления к окружающей среде. Вероятно, этим и следует объяснить сравнительно малое различие современных рас.

5. Против теории моноцентризма (в смысле происхождения современного человека «от одной пары предков») свидетельствуют теоретические соображения, касающиеся общих закономерностей и социальных закономерностей становления человека как социального существа, производящего орудия труда.

6. Процесс происхождения неоантропа протекал на обширной территории, вероятно, включавшей Южную Азию, Переднюю Азию, Восточное Средиземноморье и, быть может, Восточную Африку.

Примечание. Новые находки шелльских, ашельских и мустьерских культур с еще большей отчетливостью подтверждают предположения Я. Я. Рогинского и, может быть, даже расширяют границы территории формирования неоантропа на восток — на территорию южной части Восточной Европы.

7. Большую роль в этом процессе, вероятно, играло смешение между отдельными группами переходных форм. Различные прогрессивные особенности, возникшие параллельно в разных группах и закреплявшиеся в них, впоследствии постепенно распространялись и делались благодаря смешению общим достоянием всех соприкасающихся групп.

8. Гетерогенность антропологического состава населения пещеры Схул в Палестине может считаться точно установленной. Вместе с тем устанавливается с большой вероятностью наличие расового смешения в той зоне, где, бесспорно, шел процесс формирования неоантропа. Новый человек стал подразделяться на локальные типы, которые дали впоследствии начало современным расам, повидимому, уже будучи смешанными по своему составу.

Примечание. Вот почему в ряде черепов неандертальцев из Палестины (Схул и Табун) и в черепе из Тешик-Таша наряду с характерными чертами собственно неандертальского типа начинают различаться некоторые элементы неоантропа. Эти черты можно видеть в строении лобной кости, усложнении формы надбровья, в разной форме и высоте носа и т. д.

9. Неравномерность исторического развития групп древних гоминид была связана с условиями их хозяйства и степенью изолированности этих групп. Вследствие этого не все древнейшие и древние коллективы палеоантропов приняли одинаковое участие в формировании типа неоантропа.

10. Отдельные черты сходства между западными неандертальцами и северными расами, может быть, явились следствием процесса смешения.

Примечание. Вероятнее всего, это действительно так, и смешение уже более или менее сформированного неоантропа с неандертальским предком вновь произошло где-то на границе между Ориньяком и Солютре; ведь только этим можно объяснить наличие в черепах из Пшедмоста (а в дальнейшем и в черепах неолитического времени Севера и Северо-Востока Европы) более ярко выраженных примитивных неандерталоидных черт в ряде комплексных признаков, чем это видно на более ранних черепах, скажем, из Гримальди или Кро-Маньона.

11. Единство ныне живущего человечества устанавливается не только на основе общих закономерностей общественного развития, но и на кровном родстве всех составляющих его рас.

Примечание. В противном случае вряд ли можно было бы ставить вопрос о каком-то едином методе восстановления лица по черепу любого расового типа, независимо от времени его существования. Нам кажется, что мы вправе успех реконструкции лица по черепу относить за счет правильной оценки расовых отличий современного человека, за счет единого пути его формирования как на древнейших ступенях исторического процесса, так и впоследствии. Совершенно очевидно, что материальная основа культур людей верхнего палеолита уже в большей степени избавляла их от необходимости приспособляться физически к окружающей их природной среде, что и способствовало в большей мере сохранению их типичных исходных форм. Даже крайне изолированные, наиболее отдаленные территориально расовые группы неоантропа, жившие в специфических условиях различного климата, приобрели лишь некоторые специфические внешние различия, однако, не изменившие всей сущности морфологической организации современного типа человека.

Только исходя из принципа моноцентризма, можно объяснить сходство современного человека во всем его многообразии. Это и явилось основой методики в решении нашей задачи.

Реконструкция ископаемых форм человека может с еще большей убедительностью показать единство современного вида человека, отметить локальные варианты древних гоминид, выделить из числа их такие формы, которые в силу своей изолированности почти или совсем не принимали участия в процессе образования неоантропа. Реконструкция ранних форм неоантропа, несомненно, поможет в ряде случаев понять процесс эпохальной изменчивости, а учет исторических и археологических данных определит темп этого процесса.

§ 9. СТАНДАРТЫ — ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РАЗМЕРЫ ТОЛЩИНЫ МЯГКИХ ПОКРОВОВ ЛИЦА

Одним из основных принципов разрабатываемого метода реконструкции лица по черепу является единство технического приема воспроизведения лица. Это выражается в постоянной последовательности одних и тех же операций. Такое постоянство вырабатывает единство в решении одних и тех же деталей и одновременно позволяет учитывать всегда имеющиеся индивидуальные черты черепа, а, следовательно, обеспечивает возможность вносить те поправки, которые очевидны, т. е. диктуются формой рельефа обрабатываемого черепа.

Мы не раз уже останавливались на констатации непостоянства форм даже основной мускулатуры головы человека. К счастью, именно эти отклонения индивидуального характера в строении мышц в большей или меньшей степени обусловливаются спецификой индивидуального строения костей черепа. Это может выражаться различно: либо увеличением отдельных размеров, либо усилением рельефа, либо своеобразием собственно формы кости. В дальнейшем нам многократно придется возвращаться к этим индивидуальным отклонениям при описании процесса восстановления конкретных портретов людей различных эпох. Иногда эти вариации будут подчинены общим законам эпохальной изменчивости; нередко это будет индивидуальное отклонение от основного антропологического типа в результате метизации или изменений, связанных с процессом все еще продолжающейся адаптации — приспособления к окружающей обстановке. Придется встречаться с разного рода аномалиями и случаями индивидуальной патологической изменчивости и, наконец, с изменениями, связанными с разными травмами.

Ни в одном руководстве нет возможности учесть все случаи этих изменений внешней формы и тем более их причины. Поэтому если при изложении метода восстановления и будут приводиться некоторые примеры

изменчивости форм, то они будут только ориентировать, в каком направлении всего чаще идет эта изменчивость, и только. Общее же впечатление о множественности этих индивидуальных вариаций внешности можно будет получить в какой-то мере при рассмотрении всего ряда приводимых

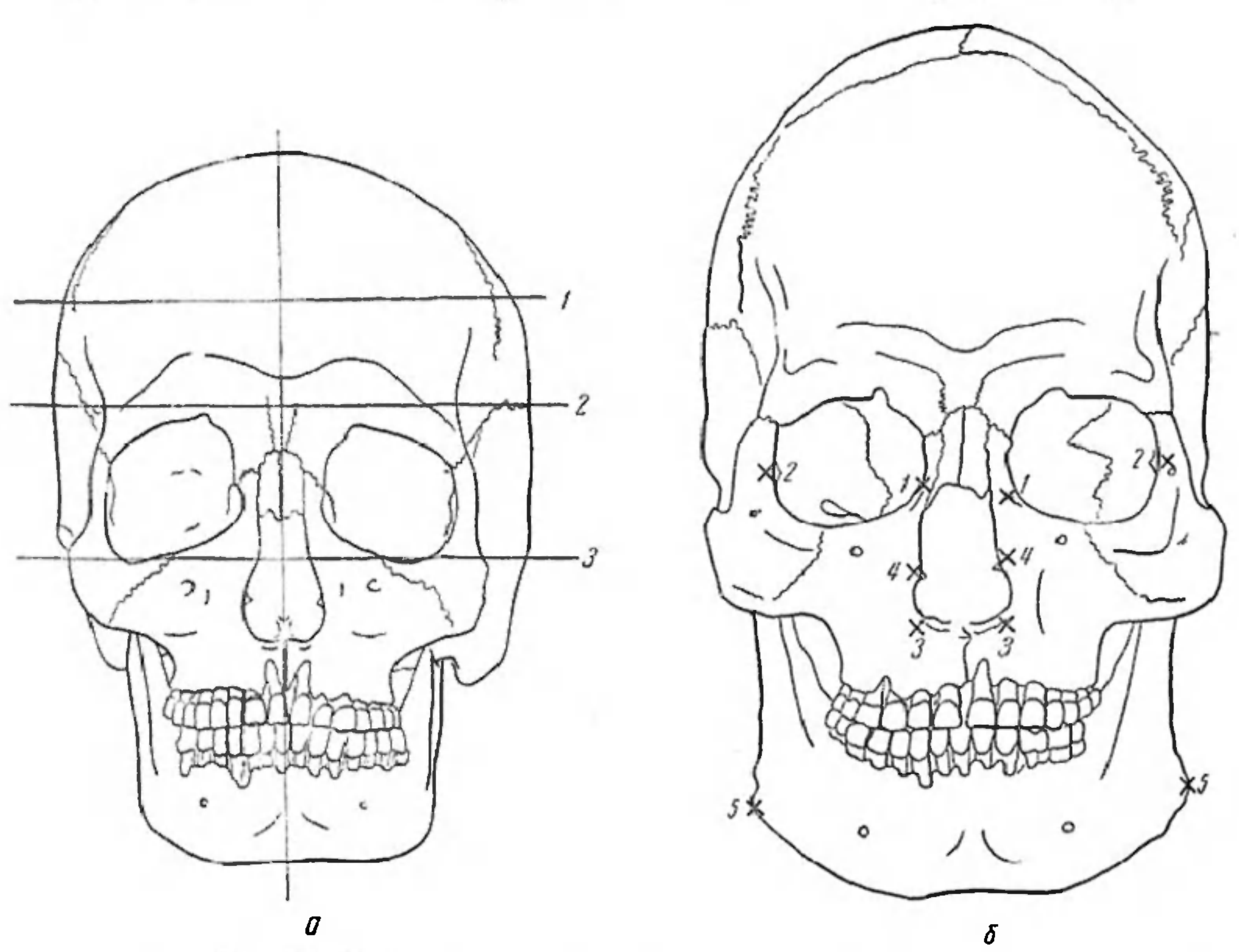

Рис. 31. Стандартные сечения и опорные точки черепа:

а — сагиттальное сечение, основное: *1, 2, 3* — горизонтальные сечения, добавочные: *1* — через середину лобных бугров, *2* — через глабеллу; *3* — по франкфуртской горизонтали; *б* — опорные точки стандартов: *1* — над слезной ямкой, *2* — внешний край глазницы, *3* — у spina nasalis, *4* — у crista conchalis, *5* — у угла нижней челюсти.

в данной книге реконструкций как современного, так и ископаемого человека.

Вторым и обязательным условием нашего метода является применение единых стандартных величин толщины мягкого покрова по определенным сечениям головы. Основным сечением является медиальное, т. е. сечение по профилю, а вспомогательными сечениями — ряд горизонтальных: 1) сечение свода через середину лба, т. е. сечение, проходящее через вершину лобных бугров; 2) сечение через глабеллу; 3) сечение через нижний край глазниц, т. е. по линии франкфуртской горизонтали (рис. 31*а*).

Кроме сечений, предлагаемый стандарт дает ряд опорных точек: 1) над слезной лункой; 2) по краю грушевидного отверстия против crista conchalis; 3) у нижнего края грушевидного отверстия сбоку от spina nasalis anterior; 4) у внешнего края глазницы против глазничного бугорка; 5) у внешнего угла нижней челюсти (рис. 31*б*).

Наиболее разработан стандарт сагиттального сечения: уточнены его средние размеры и установлен принцип индивидуальной поправки. Горизонтальные сечения не дают столь точной картины отметок толщины

мягкого покрова, но находятся в прямом соответствии с отметками основного сагиттального стандарта.

Вспомогательные точки не являются точными отметками, но тем не менее предлагаемые размеры обеспечивают практическое приближение в процессе реконструкции лица по черепу.

1. Основное сечение (медиальное)

Основной стандарт медиального сечения лица возник как некоторый синтез в результате многолетнего сбора фактического материала и всестороннего наблюдения над человеком посредством препаровки, рентгенографирования, частных наблюдений над живыми, проверки контрольных восстановлений и т. д. Несмотря на то, что более десятка лет мы практически пользуемся основными данными этих наблюдений, только сейчас мы можем предложить эти данные как определенный стандарт, практически достаточно уточненный и апробированный.

Считаем необходимым подчеркнуть, что, предлагая определенный стандарт, мы не имеем в виду довести процесс реконструкции до механически воспроизводимой схемы, лишенной индивидуальности. Все категории стандартных величин предлагаются лишь как условный допуск обобщенных размеров толщины мягких тканей, подлежащих в дальнейшем поправке с целью индивидуализации — приближения к подлинному внешнему виду субъекта. В соответствии с этим наш стандарт будет одновременно давать средние, минимальные и максимальные размеры. Серией рисунков будет иллюстрироваться технический прием применения того или иного размера стандарта и поправки его на индивидуальность (см. схемы восстановления лица человека).

В главе I приведены данные индивидуальных измерений толщины мягких покровов лица по профилю у мужчин от 8 лет до 81 года (всего 71 измерение; табл. 2, стр. 36—39). Эти 71 человек по своему возрасту распределяются следующим образом: от 8 до 14 лет — 24 человека; от 16 до 20 лет — 11 человек; от 21 года до 30 лет—14 человек; от 32 лет до 51 года — 9 человек; от 60 лет до 81 года —13 человек. Из них русских наибольшее количество— 34 человека, узбеков — 7, евреев — 8, латышей и чувашей — по 3 человека, татар — 2, китайцев — 2, немцев, бурят, финнов, чукчей, тувинцев, киргизов, карел, барласов, поляков, украинцев, белорусов, осетин — по 1 человеку.

В расовом отношении это представители двух основных рас первого порядка — монголоидной и европеоидной. При рассмотрении данных индивидуальных измерений ни в коей степени нельзя отметить каких-либо специфических различий между этими основными расами.

Индивидуальные размеры толщины мягких покровов лица по профилю у различных в расовом и возрастном отношениях людей показывают сравнительно малую степень вариаций. Приведенные в этой же главе копии рентгенограмм профиля лица, распределенные по возрасту, дают возможность наглядно убедиться в малой степени вариаций соотношений профилей мягкого лица и черепа, т. е. во взаимном соподчинении этих профилей

Одновременный анализ цифровых отметок толщины мягкого покрова и графических схем профилей показывает, что каждое усиление костного рельефа влечет за собой пропорциональное усиление толщины мягкого покрова или наоборот (мы здесь не ставим вопроса о физиологической связи между усилением рельефа кости и увеличением мягкого покрова; это не в нашей компетенции и не является предметом данного исследо-

вания). Констатация взаимного соподчинения степени развития рельефа черепа и мягкого покрова позволяет практически наметить стандарты вариаций толщины мягкого покрова по профилю и учесть, следовательно, вероятную степень точности индивидуальной поправки.

Само собой разумеется, что наблюдавшиеся с помощью рентгенограмм размеры толщины мягких покровов по профилю подвергались тщательной проверке путем препаровки на трупах. Именно эта параллельная работа подтвердила, что практически для наших целей лучше пользоваться рентгенограммами, и вот почему: рентгенограмма с живого лица показывает толщину мягких тканей, которые сохраняют определенный тонус, свойственный живому лицу; препаровка же связана с лицом умершего человека, что, конечно, не одно и то же.

При препаровке даже замороженной головы только в первый момент рассечения мягких тканей можно наблюдать подлинные размеры и правильные соотношения контура кости и профиля мягких тканей. Затем,— и очень скоро,— в результате оттаивания, неизбежного в процессе препаровки, подлинная картина этих взаимоотношений сильно искажается. Мягкие ткани, оттаивая, деформируются, оползают. Таким образом, полной картины отношения профиля лица к профилю черепа одновременно наблюдать не удается. И тем не менее препаровка голов необходима, так как она дает возможность понять и по-настоящему оценить степень взаимной связи поверхности лица, его формы, отдельных мышц, их комбинаций между собой и их связь с рельефом, формой и размерами отдельных деталей черепа.

Именно в процессе препаровки особенно отчетливо можно видеть степень изменчивости толщины мягких покровов в различных местах лица, проследить функциональную зависимость мышц, мест их прикрепления на черепе и т. д. В связи с изложенным следует напомнить о старом приеме измерения толщины мягких тканей посредством укола закопченной иглой. Этот прием прежде всего неточен, так как очень трудно направить иглу через толщину мягкого покрова так, чтобы она была совершенно перпендикулярна поверхности кости. Кроме того, точечным уколом трудно фиксировать одноименные точки лица и черепа. Эти точечные измерения не могут дать объективного материала для обратного процесса, т. е. воспроизведения лица по черепу.

Предлагаемые нами стандартные отметки, хотя и имеют как будто точечные измерения, но они объединены профилем лица и черепа.

Не случайно, предлагая стандарт профиля, мы говорим собственно о лице, так как толщина мягкого покрова по своду незначительно варьирует при обычной норме соотношений. Начиная от середины лба, эта толщина не изменяется на протяжении всего свода, и только после перегиба затылочной кости начинается увеличение толщины мягкого покрова, причем оно совершенно соответствует степени развития костного рельефа затылка. Степень вариаций толщины мягкого покрова по своду черепа столь мала и в такой мере подчинена общему рельефу кости, что воспроизводится с достаточной достоверностью без особого труда. Это настолько очевидно, что даже у самых яростных противников метода реконструкции никогда не возникает сомнений в правильности восстановления поверхности мягких тканей на своде черепа. Кроме того, как бы строго ни относиться к вопросу о портретном восстановлении мягкого покрова по профилю свода, это ни в какой мере не доказывает и не опровергает правильности реконструкции, так как обычно голова покрыта волосяным покровом, который может быть воспроизведен условно, если нет какихлибо совершенно конкретных указаний о характере прически.

Характерные особенности затылка находятся в прямой зависимости от посадки черепа на шее, от степени развития шейных мышц и т. д., т. е. опять-таки все это настолько очевидно, что не требует специальной аргументации.

Нет никаких определенных указаний для точного воспроизведения переднего отдела верхней части шеи, т. е. места непосредственного перехода от подбородка к шее. Эта часть нами воспроизводится условно в прямом соответствии с общим характером головы, ее посадки. Естественно, что при восстановлении этой детали прежде всего учитывается степень упитанности субъекта. Некоторые указания на общий характер этого отдела шеи дает форма нижней челюсти, т. е. ее наклон и степень выступания, но все эти общие данные неточны и неконкретны. К счастью, эта деталь профиля головы не в такой мере существенна, чтобы служить серьезным препятствием для решения наших практических задач.

Переходим к рассмотрению данных стандарта (табл. 7.)

Таблица 7

Основные размеры толщины мягких покровов лица по профилю (в миллиметрах)

Наименование точки	Количество измерений М*	Данные			Стандарт** М—Ж
		средние М	минимальные М	максимальные М	
Середина лба между лобными буграми	71	5,72	4	7,5	6—5
Глабелла	71	7,66	6	12	8—6
Корень носа	71	6,58	4,5	9	6—5
Конец носовых костей	71	2,99	2	3,5	3—2
Подносовой шип сбоку	71	12,19	9,5	15	11—10
Толщина губ	71	13,06	10	18	12—10
Высота »	65***	8,91	4	13	8—9
Подбородочная борозда	71	10,03	8	13	9—8
Подбородочный выступ	71	10,57	9	13	9—8

* М — измерения у мужчин, Ж — измерения у женщин. Отметки толщины мягких тканей у женщин даются условно, так как являются результатом немногих наблюдений.

** Стандарт — условно принятые размеры толщины мягкого покрова как технические вспомогательные размеры при реконструкции лица по черепу.

*** Меньшее количество измерений высоты губ связано с тем, что 6 человек из измеренной группы в связи с возрастом имели запавший рот.

Приведенные в последней графе табл. 7 отметки «стандарт» служат в процессе реконструкции вспомогательными эталонами при воспроизведении как мужских, так и женских голов. Следует, впрочем, отметить, что, выделяя стандарт для женщин, я еще не могу говорить о такой же степени его достоверности, как о мужском стандарте. Однако практически на протяжении ряда лет данные цифры обеспечивали правильность реконструкции, тем более что в процессе работы как мужской стандарт, так и женский постоянно подвергаются проверке и поправке в соответствии со степенью развития рельефа отдельных деталей черепа. При очень слабо выраженном рельефе делается поправка стандарта в сторону

минимальных размеров и, наоборот, в соответствии со степенью усиления костного рельефа вносится поправка в сторону максимума.

Для того, чтобы это было понятно, приводим ряд схем отдельных деталей лица в его профильном сечении с указанием контуров мягких тканей, степени развития рельефа и отношения к стандарту.

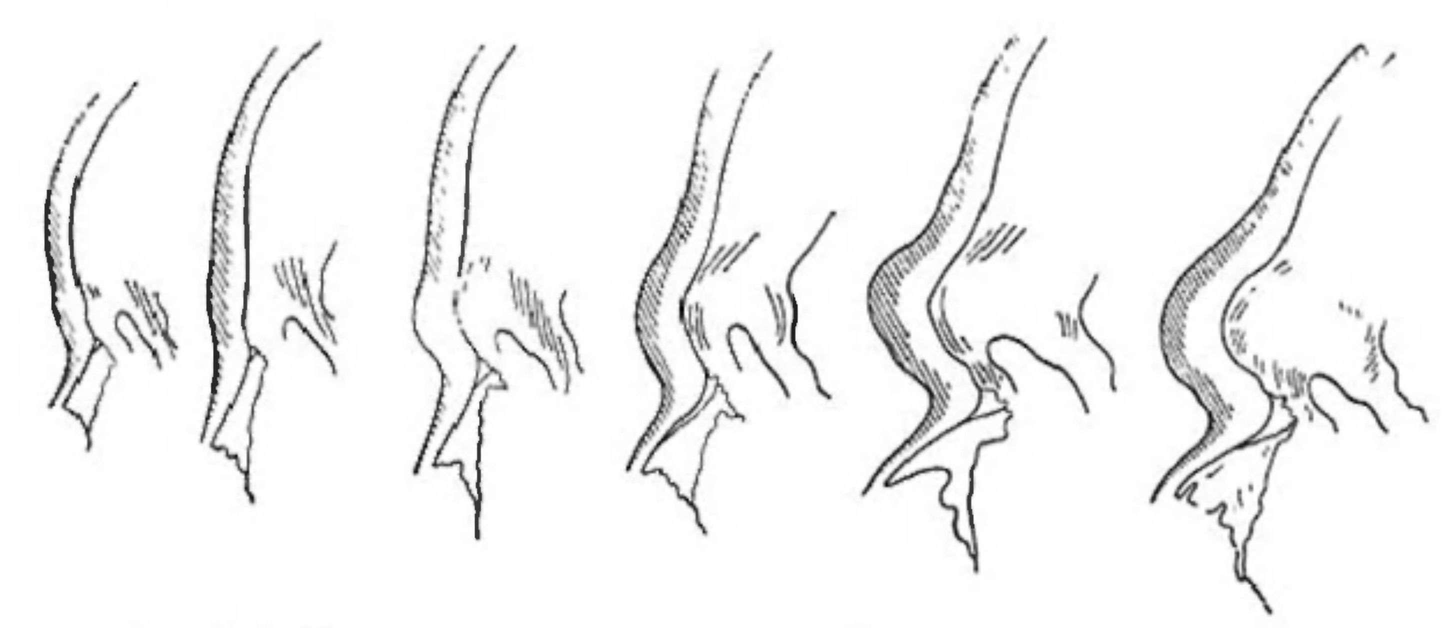

Рис. 32. Изменение толщины мягкой ткани в соответствии со степенью развития костного рельефа глабеллы.

1. Как видно на рис. 32, толщина мягких покровов носолобного участка по профилю определяется не только степенью выступания глабеллы, но и вариацией ее формы, в частности длины, рельефа и общей протяженности по отношению к лобной кости. На этих же схемах показана степень усложнения верхней части спинки носа в соответствии со степенью усложнения рельефа и профиля носовых костей. Здесь отчетливо видна гармоническая связь формы профиля носовых костей и глабеллы.

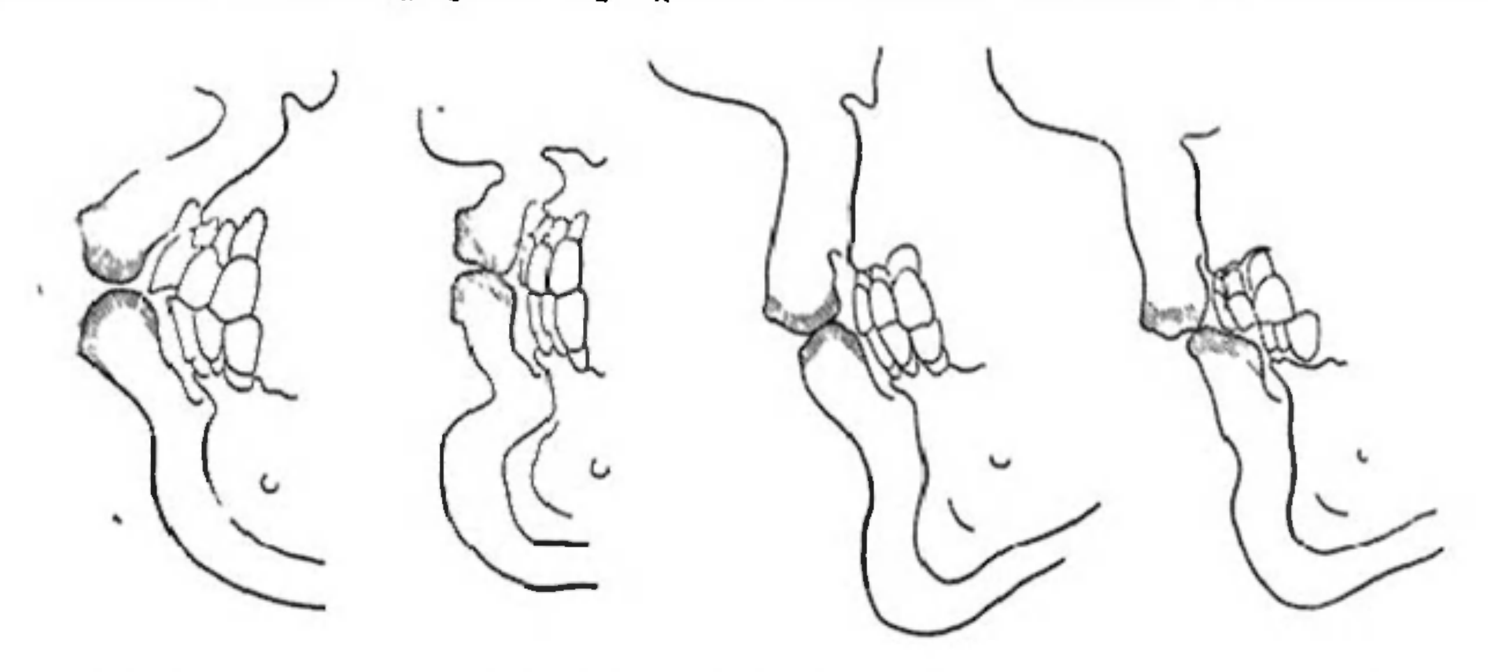

Рис. 33. Примеры изменчивости формы профиля рта в соответствии с формой и величиной альвеолярных отростков челюстей.

Предложенный стандарт не дает никаких указаний на восстановление мягкой части носа. Вопросу о восстановлении внешней формы мягкого носа посвящается специальный раздел.

2. Восстановление профиля губы (рис. 33) определяется не только отметками толщины мягких покровов, но и конфигурацией, протяженностью альвеолярного отростка верхней челюсти, его профилировкой, величиной зубов, их постановкой и характером прикуса. Все это можно представить себе при одновременном рассмотрении схем и соответствующих размеров. Совершенно очевидно, что эти схемы не могут и не должны представить всевозможные вариации профиля верхней и нижней губы;

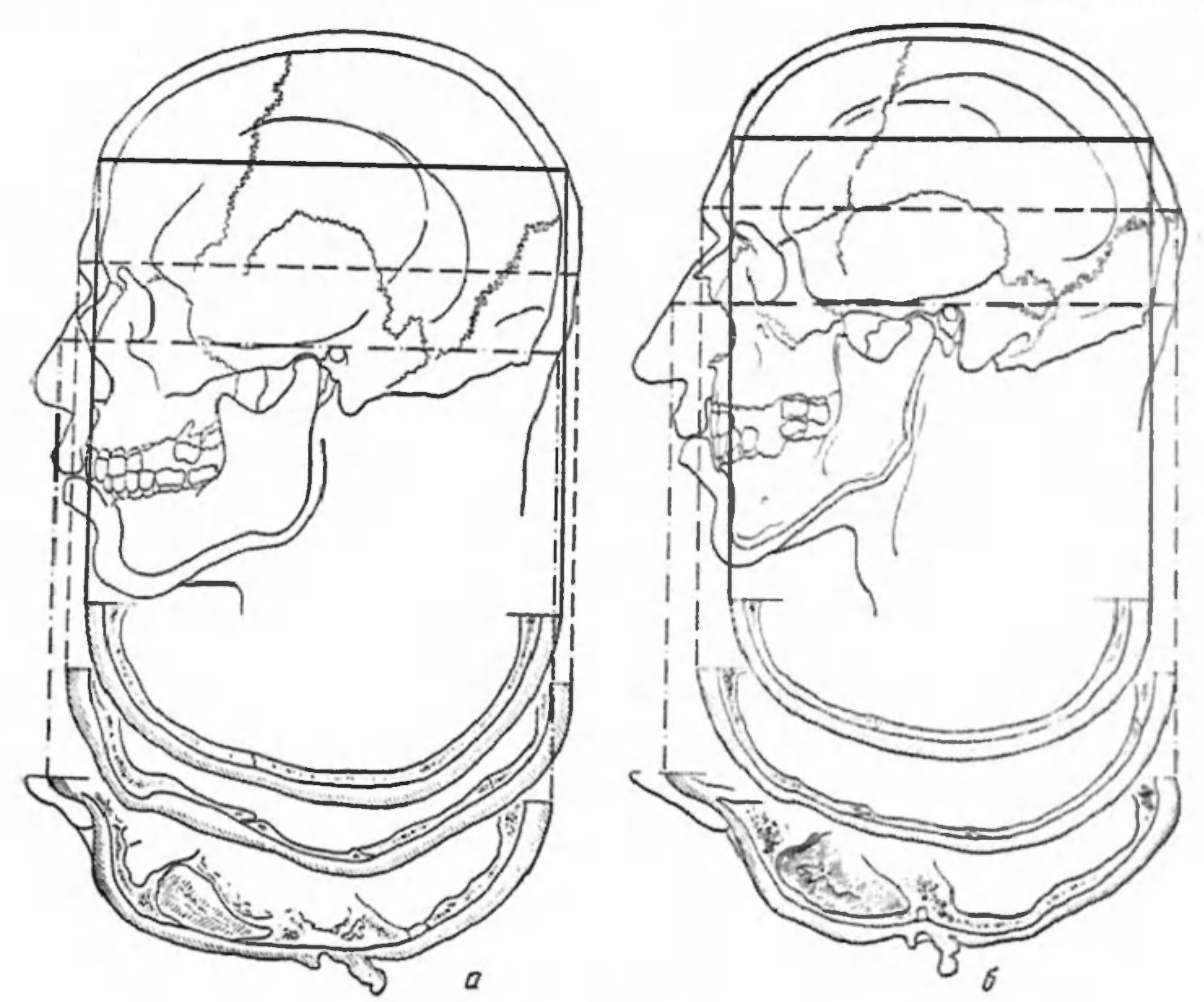

Рис. 34. Сечения голов по горизонтали:
а — широколицый, *б* —узколицый.

практически назначение их сводится к тому, чтобы дать наглядное представление об отношении профиля черепа к профилю лица. Только в результате критической оценки этих взаимоотношений можно в каждом конкретном случае произвести правильное или приближенное построение профиля губ как на графической схеме, так и при скульптурном воспроизведении лица по черепу.

3. Построение профиля мягких тканей подбородка относительно просто. Мягкие ткани, слагающие профиль подбородка, варьируют относительно слабо, а степень взаимного соподчинения подбородочного выступа и рельефа мягких тканей очень велика. Все это отчетливо можно видеть на схемах и по стандартным отметкам профиля подбородка. При воспроизведении подбородочного выступа по черепу иногда бывает трудно определить степень его массивности (см. главу I).

2. Вспомогательные сечения

1. С е ч е н и е с в о д а п о л и н и и м а к с и м а л ь н о г о в ы с т у п а н и я л о б н ы х б у г р о в. Это сечение крайне просто по своему контуру, в связи с чем и рисунок толщины его мягких покровов также прост. На всем протяжении мягкий покров не изменяется и соответствует отметке по профилю. Нам не удавалось наблюдать сколько-нибудь значительных отклонений от этой нормы (рис. 34, *а*, *б*).

2. Г о р и з о н т а л ь н о е с е ч е н и е г о л о в ы ч е р е з г л а б е л л у. Это сечение, в отличие от первого, крайне изменчиво по

своим очертаниям; поэтому толщина мягких покровов его также весьма изменчива. Эта изменчивость прямо связана со степенью развития глабеллы, надбровья, височной мышцы и рельефа затылочной кости. Таким образом, привести это сечение в виде определенных, конкретных отметок не представляется возможным. Однако предлагаемые схемы в какой-то мере могут дать представление о степени изменчивости и взаимном соподчинении рельефа кости у мягких покровов, покрывающих череп по данному сечению.

3. Горизонтальное сечение, проходящее по франкфуртской горизонтали. Это сечение мало изменчиво по своим отметкам в области лица, затем оно значительно усложняется, главным образом, в зависимости от степени усложнения конфигурации костного рельефа заушной области и области затылка. Несмотря на то, что нельзя дать совершенно четких указаний о толщине мягких покровов по этому сечению,— так как степень вариаций ее недостаточно уяснена,— все-таки приводимые конкретные данные об этом сечении, полученные с натуры, обеспечивают практическое решение при восстановлении головы по черепу. Во всяком случае уже более 10 лет я практически пользуюсь этими схемами, и в каждом конкретном случае даже криминалистического восстановления мне всегда удавалось достигнуть желаемого приближения к оригиналу.

3. Отметки толщины мягких тканей по франкфуртскому сечению

Ниже приводятся отметки толщины мягких тканей по франкфуртскому сечению (в миллиметрах):

	Ж—М
1. У переднего края грушевидного отверстия	2—3
2. В середине лобного отростка верхней челюсти	2—4
3. У края глазницы	3—4
4. В точке наибольшего фронтального выступания передней части скуловой кости	5—7
5. При пересечении височноскулового шва	3—7
6. У максимального выступания скуловой дуги	3—6
7. Над челюстным сочленением	4—5
8. У наибольшего выступания заушной области	3—4
9. На пересечении ламбдовидного шва (sutura lambdoidea)	4—6
10. У максимального выступания затылочной кости	5—8

Практически эти размеры постоянны и применялись мной без особых поправок; только в случае очень сильного развития костного рельефа заушной и затылочной областей толщина мягких покровов усиливалась. Конечно, это только схема, которая впоследствии, несомненно, будет уточнена, в настоящем же своем состоянии это всего-навсего вспомогательные отметки.

4. Отдельные точки

Укажем следующие отметки толщины мягкого покрова (в миллиметрах; см. рис. 31*б*):

	Ж—М
1. На переднем слезном гребне	2—3
2. По боковому краю грушевидного отверстия, у crista conchalis	2—3
3. У нижнего края грушевидного отверстия, сбоку spina nasalis	3—3
4. У внешнего края глазницы, против глазного бугорка	3—3
5. У внешнего угла нижней челюсти	4—6

Эти отметки имеют вспомогательное значение, и в некоторых случаях от них приходится отступать преимущественно в сторону увеличения, в соответствии с усилением костного рельефа.

* * *

Практически всеми предлагаемыми стандартами рекомендуется пользоваться следующим образом. На подлинном черепе после восстановления обоих жевательных мускулов (жевательного и височного) по основным сечениям (по профилю и горизонтальным сечениям) вылепливают гребни из плотного воска. Гребни массивны, прямоугольны в своем сечении, с прямыми гранями; толщина их—не менее 4,5 мм. Делать гребни толще не следует, так как это мешает при рассмотрении микрорельефа в местах, покрытых гребнем, особенно в соединениях. Высота гребней должна быть непостоянной: она должна в каждой точке соответствовать высотной отметке толщины мягких покровов в этом месте. Большим успехом в работе следует считать правильное положение гребней, так как именно этим и обеспечивается документальность и подлинное приближение к портрету. При вылепливании гребней необходима большая тщательность, скрупулезность, это предотвращает всякие случайности и ошибки. Для вылепливания гребней нужно пользоваться только плотным воском.

§ 10. ПРОГРАММА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ

Изложенный выше фактический материал, собранный в результате многолетних работ и проверенный многократно на современном материале, дает возможность предложить программу процесса восстановления внешнего вида человека по его черепу. Эта программа состоит из трех частей: 1) описания черепа, 2) графической реконструкции, 3) пластической или скульптурной реконструкции.

Вначале мы пытались воспроизводить с документальной точностью все мышцы лица и головы, скрупулезно дифференцируя отдельные, даже глубоко находящиеся тяжи и волокна мышц. В дальнейшем, убедившись в нецелесообразности этого, мы сделали обобщения, в результате чего возникли стандарты толщины мягких покровов, отдельных точек лица и головы. Слой наносится теперь нами на череп недифференцированно, но, конечно, в соответствии с морфологическим строением черепа в целом и в отдельных деталях.

Учитывая асимметрию черепа и соответственно неравномерность строения мягких покровов, можно достигнуть характерной гаммы асимметрии лица и головы. Проведенные за последнее время наблюдения дают возможность воспроизводить с достаточной достоверностью даже такие тонкие детали, как форма и высота крыльев носа, рисунок губ.

Делаются попытки приблизиться при портретной реконструкции к правильной постановке и степени оттопыренности уха. Трудность задачи усиливается тем, что единственный материал, служащий основой для нашей работы — череп,— чаще всего бывает неполным, со следами травм и повреждений. В криминалистической практике, как правило, приходится иметь дело с черепами без нижних челюстей, без зубов, с разбитыми, рубленными, разнесенными выстрелами на многие куски. Не в лучшем виде бывают черепа и палеоантропологических серий; в большинстве своем они фрагментарны, с отсутствующими частями. Нередко черепа бывают деформированы при жизни, а также и посмертно, вследствие давления земли или деминерализации кости в результате действия

щелочных или кислотных почвенных вод. Часто черепа утрачивают большую часть компакты, а губчатое вещество их рыхло и разрушается при прикосновении. Поэтому в программу нашей работы не могут не войти элементарные сведения о консервации черепов и костей в процессе раскопок. В результате неумелого извлечения костей в момент раскопок погибает громадное количество ценнейшего материала, а подавляющее большинство его совершенно обесценивается утратой наиболее важных для антрополога костей. Вследствие этого я считаю совершенно необходимым сообщить элементарные сведения о способах укрепления черепов, а равно и других костей (см. приложение).

При описании прежде всего следует обратить внимание на реставрацию и реконструкцию недостающих частей черепа и отметить степень вероятной ошибки. Пристального внимания заслуживает всякая обнаруженная деформация. В этом случае необходимо выяснить ее степень и время происхождения. Определение формы и направленности деформации должно дать ответ на вопрос о ее происхождении, т. е. объяснить причины, вследствие которых она появилась, искусственна она или случайна, прижизненна или посмертна. При наличии сильной посмертной деформации, резко искажающей свод черепа или лицевой скелет, в случае необходимости восстановить лицо по черепу следует отказаться от всякой попытки реконструкции. Слабая степень деформации, даже посмертная, не исказившая общий характер черепа, должна быть игнорирована, и восстановление следует производить без учета ее. Таким образом, возникшая на данной основе реконструкция, конечно, в меньшей степени будет портретна, но столь же отчетливо будет передавать основной антропологический тип, тем самым способствуя антропологическому анализу данного типа.

В большинстве своем палеоантропологические серии, как было сказано выше, дают в той или иной степени деформированные черепа в результате деминерализации кости и естественного давления тяжести земли на поверхность черепа. Здесь исследователь должен отчетливо представить себе степень искажения первоначальной формы. Прижизненная искусственная деформация нередко связана с деформацией не только костной основы свода, но и лицевого скелета, что, как правило, должно вести в большей или меньшей степени к искажению мягких покровов. Сильная степень прижизненной асимметрии или небольшая степень искусственной либо естественной деформации рассматриваются нами как норма, не искажающая, собственно, ни форму черепа, ни мягкие ткани.

Как уже говорилось, при отсутствии частей черепа они должны быть воспроизведены в соответствии с другими, сохранившимися его частями. Очень часто такую реставрацию, дополнения и даже реконструкцию отдельных частей реставраторы производят из различных крепко засыхающих мастик. В случае неудачной реставрации такую мастику бывает очень трудно удалить с подлинных костей, что обычно приводит к еще большему разрушению черепа. Многолетняя практика показывает, что в этих случаях предпочтительнее пользоваться восковыми мастиками, которые хотя бывают и очень плотными, но легко могут быть удалены горячим шпателем либо просто нагревом над спиртовым пламенем.

При отсутствии зубов и даже челюстей их тоже необходимо изготовить из того же плотного воска, а не пытаться подобрать челюсть или зубы от какого-то другого черепа, даже из той же антропологической серии, так как это совершенно безнадежно. Нам не раз приходилось убеждаться в этом в связи с криминалистической практикой восстановления головы по черепу без челюсти. Все подобные попытки найти сколько-нибудь под-

ходящую челюсть в собраниях даже таких крупных музеев, как Московский или Ленинградский антропологические музеи, располагающих многими сотнями челюстей, никогда не приводили к желаемым результатам. В некоторых случаях мне приходилось прикладывать к черепу свыше 200 челюстей, и ни одна из них не подходила в той степени, которая обеспечила бы возможность дальнейшей реконструкции.

В случае отсутствия зубов и нижней челюсти рекомендуется прежде всего воспроизвести весь верхний ряд зубов, имевшихся у данного субъекта при жизни. Давно утраченные зубы с облитерированными альвеолами воспроизводить не следует. Как правило, при черепе сохраняется какое то количество зубов. Даже один зуб с сохранившейся поверхностью эмали может служить основанием для достаточно точного восстановления всего зубного ряда. При этом следует строго учитывать высоту эмали коронки, глубину и общие размеры альвеолярных ячеек, высоту альвеолярного отростка. Пользуясь как сравнительным материалом рядом черепов близкой или одноименной антропологической категории, учитывая специфические особенности строения альвеолярного края и сохранившихся зубов, можно с достаточной отчетливостью и достоверностью воспроизвести недостающие зубы. После воспроизведения верхнего ряда зубов уже исходя из его формы, следует воспроизвести ряд зубов нижней челюсти, затем основного тела ее и далее — ее ветвей. Все это должно быть реконструировано в соответствии с основными габаритами и формами черепа. В человеческом черепе, равно как и лице, всегда взаимоотношение частей так гармонично, что всякая фальшь реставрации или реконструкции немедленно бросается в глаза даже неискушенному зрителю. Только когда исследователь для себя и окружающих констатирует факт гармоничного совпадания реконструированной части с подлинной, он может считать свою работу выполненной.

Теперь уже довольно большая криминалистическая практика позволяет мне говорить, что почти всегда в случае необходимости реконструирования нижней челюсти — мужской или женской и даже детской — удавалось достичь желаемого результата не только в плане восстановления прикуса, но и в степени выступания подбородка и ширины восходящей ветви.

Однако следует сказать, что восстановление нижней челюсти по черепу является задачей крайне трудной, и успех был достигнут только через много лет постоянной практики как результат большого опыта. В данной программе нет возможности привести исчерпывающие описательные признаки для воспроизведения недостающей нижней челюсти. Этого можно достигнуть только путем выполнения контрольных работ — восстановлением зубного ряда и челюстей по такому черепу, который обладает в целости данными частями. Контроль производится так: берут череп без нижней челюсти, по выполнении челюсти из воска ее сличают с подлинной челюстью. Ряд таких контрольных работ с учетом степени ошибки обеспечивает впоследствии правильное понимание общей формы и общих закономерностей связи между верхней и нижней челюстями, нижней челюстью и черепом вообще. Таким образом, подобная реконструкция может быть сделана только после специально проведенных больших практических работ.

В случае отсутствия отдельных костей правой или левой стороны недостающие части воспроизводятся зеркально на основании анализа сохранившихся частей черепа. При отсутствии большого фрагмента свода черепа следует точно так же реконструировать его из воска. Впоследствии, после тщательной проверки воспроизведенной части и полностью

убедившись в правильности восстановления, можно отлить недостающую часть из гипса и поставить ее вместо восковой. При склейке отдельных кусков кости мы предпочитаем употреблять не клей и не лак, а легко удаляемую восковую мастику.

В случае очень плохой сохранности компакты кости ее следует перед реставрацией пропитать специальной восковой мастикой. Такая пропитка закрепляет кость навсегда, делая ее очень плотной и удобной для музейного хранения. Рецептура, как уже сказано, приведена в приложении.

Для склейки и пропитки костей можно, конечно, употреблять самый разнообразный клей и пропитывающие средства, но наш опыт музейной практики показал, что во всех случаях лучшим средством оказался воск с различным содержанием канифоли. Более 25 лет я пользуюсь им и могу рекомендовать как наилучший способ консервации. Реставрацией и реконструкцией кончается техническая работа над черепом; далее идет его описание.

1. Описание черепа

Программа описания черепа составляется по такой форме:

Программа описания черепа

I. Паспорт: 1. Коллекционный номер черепа (основной). Все пометки и надписи на черепе, документирующие его происхождение.

2. Место хранения (музей, кабинет, кафедра и т. д.).

3. Время, культура, территория.

4. Данные о раскопках (выписка из дневника исследователя, способ захоронения, сопровождающий инвентарь).

5. Год и автор раскопок.

II. Сохранность черепа: 1. Степень разрушения. Что реставрировано. Чем и кто реставрировал.

2. Деформация (прижизненная, посмертная, степень).

Определение пола

Одна из первоочередных задач — определение пола. В настоящей работе нет возможности подробно остановиться на данном вопросе. Это—тема специального исследования. Дело в том, что нет никаких определенных указателей, оперируя которыми в отдельности, можно было бы с точностью, как по таблице, выяснить в каждом конкретном случае пол человека, череп которого исследуется. Сумма антропологических признаков, однако, позволяет дать достаточно точный ответ почти во всех случаях: все дело в практике, в уменье видеть и синтезировать те или иные признаки пола.

Обычно череп женщины меньше по своим абсолютным размерам, с меньшим, как бы грацилизованным лицом по отношению ко всему черепу, с более тонкими костями как всего черепа, так и лица, с более тонкой, легкой нижней челюстью. Глазницы на женском черепе, как правило, пропорционально больше, с более тонкими краями. Надбровье и глабелла выражены слабее, а лобные и теменные бугры — сильнее. Общее впечатление таково, что лицо менее профилировано. Резцы по отношению к ширине и величине небной дуги крупнее, чем у мужчин. Как правило, общий рельеф свода тоньше. Сосцевидные отростки, а в равной степени и места прикрепления выйных и других мышц меньше, тоньше. Таковы основные показатели, которые в совокупности позволяют отличить женский череп от мужского.

Определение возраста

Значительно проще, на первый взгляд, определение возраста, так как здесь есть все же конкретные показатели возрастных изменений. Антропологическая литература дает исчерпывающий материал по данному вопросу. Во всяком случае при определении возраста следует обращать внимание прежде всего на зубы (прорезание молочных зубов, смена зубов молочных постоянными, изношенность зубов, кариес, выпадение зубов, зарубцовывание и атрофия альвеолярного края челюстей, старческая деформация нижней и верхней челюстей и т. д.). В определении возраста чрезвычайно много может дать наблюдение за степенью уплотнения, сращения и облитерации швов черепного свода. В равной степени большое значение для определения возраста может иметь степень формирования и окостенения основания черепа. Практика показала, что если учитывать все элементы возрастной изменчивости, суммируя их показатели, можно с достаточной достоверностью говорить о возрасте взрослых индивидуумов с точностью до 2—3 лет, а иногда и точнее. Это всегда обеспечивает правильное определение возраста в криминалистической практике и при реконструкции возраста исторического лица.

Описание мозговой коробки

I. Общее описание черепа[1]. В общем описании указываются: внешняя форма; общая массивность; размеры; характер швов; степень развития рельефа с учетом микрорельефа в местах прикрепления мышц и т. д.; возраст; наибольший диаметр; расстояние от глабеллы до иниона; поперечный диаметр; черепной указатель I; черепной указатель II.

$$\text{Черепной указатель I} = \frac{\text{поперечный диаметр} \times 100}{\text{наибольший продольный диаметр}}.$$

$$\text{Черепной указатель II} = \frac{\text{поперечный диаметр} \times 100}{\text{расстояние от глабеллы до иниона}}.$$

Черепные указатели

Долихоцефал	X—75,00
Субдолихоцефал	75,00—77,77
Мезоцефал	77,78—80,00
Суббрахицефал	80,01—83,33
Брахицефал	83,34—X

Дальнейшее описание черепа производят, рассматривая его установленным в немецкой (франкфуртской) горизонтали.

II. Форма черепа сверху. При определении формы черепа сверху нужно учитывать не только основные эталоны формы, но и различные степени перехода между ними:

1. Эллипсоидная форма — череп правильный, эллиптической формы, теменные бугры выражены слабо, мало выдаются.

2. Сфероидальная форма отличается от предыдущей большей округлостью лобной, затылочных и теменных костей, т. е. создается впечатление более плавного перехода одной кости черепа в другую.

---

[1] Настоящая программа представляет собой необходимый минимум данных для общей характеристики черепа.

3. Пентагоноидная форма черепа приближается к пятиугольнику. Эта форма образуется сильно выступающими теменными буграми.

4. Ромбоидной называется такая форма черепа, когда лобная кость сужена, теменные бугры резко выступают, затылочная кость укорочена и сужена. Все это придает черепу форму, напоминающую ромб.

5. При овоидной форме черепа лобные и затылочные части, в отличие от предыдущей формы, более притуплены, наибольшая ширина черепа расположена близко к затылку, контуры черепа вписываются в шестиугольник.

6. Бризоидная форма отличается от предыдущей формы некоторой вогнутостью между лбом и наибольшей шириной черепа.

7. Сфеноидной называют такую форму черепа, когда вследствие некоторой уплощенности затылка и общей суженности черепа к лобной кости череп приобретает как бы треугольные, клиновидные очертания.

III. Форма свода черепа со стороны затылка. Для определения формы свода черепа со стороны затылка череп следует рассматривать установленным либо на штативе, либо в кубусе. Форма бывает крышевидная, сводчатая и плоская.

IV. Форма свода черепа в профиль. При определении свода черепа в профиль учитываются:

1. Высота свода, степень покатости и высоты лба, плавность перехода одних костей в другие (рис. 35).

2. Выступание затылка (выступающий или невыступающий).

3. Форма затылка (преломленный или непреломленный; рис. 36).

V. Строение лобной кости. В описание строения лобной кости включаются следующие данные:

1. Общее описание (соотношение длины и ширины и т. д.).

2. Степень рельефа лобных костей (лобные бугры, сагиттальный валик, перегиб к глабелле и т. д.).

Измерения: наибольшая ширина лба, наименьшая ширина лба, лобный указатель.

$$\text{Лобный указатель} = \frac{\text{наименьшая ширина лба} \times 100}{\text{наибольшая ширина лба}}.$$

3. Надглабеллярная впадина, ее общая форма, глубина, протяженность.

4. Глабелла, ее форма: округлая, преломленная, уплощенная (рис. 37).

5. Выступание глабеллы по шкале Брока (Broca; рис. 38).

6. Направление носового отростка лобной кости по отношению к верхнему краю орбиты в профиль. Степень его выступания (рис. 39): 1) вперед — выступание за край орбиты; 2) среднее — выступание до уровня края орбиты; 3) внутрь — западание за уровень края орбиты.

Одновременно необходимо отмечать степень развития микрорельефа носовой части лобной кости и корня носа, так как регистрация его в этих областях обеспечивает воспроизведение одной из наиболее существенных для портретной реконструкции деталей.

7. Форма носового отростка лобной кости (рис. 40). Измерения: высота носового отростка по средней линии, высота носового отростка сбоку.

8. Надбровные дуги, их общая форма и степень протяженности по шкале Брока (рис. 41): 0 — надбровные дуги совершенно отсутствуют; 1 — дуги не доходят до середины орбиты; 2 — дуги заходят за середину орбиты, но не заходят на скуловой отросток; 3 — дуги в виде сплошных валиков обволакивают весь верхний край орбиты.

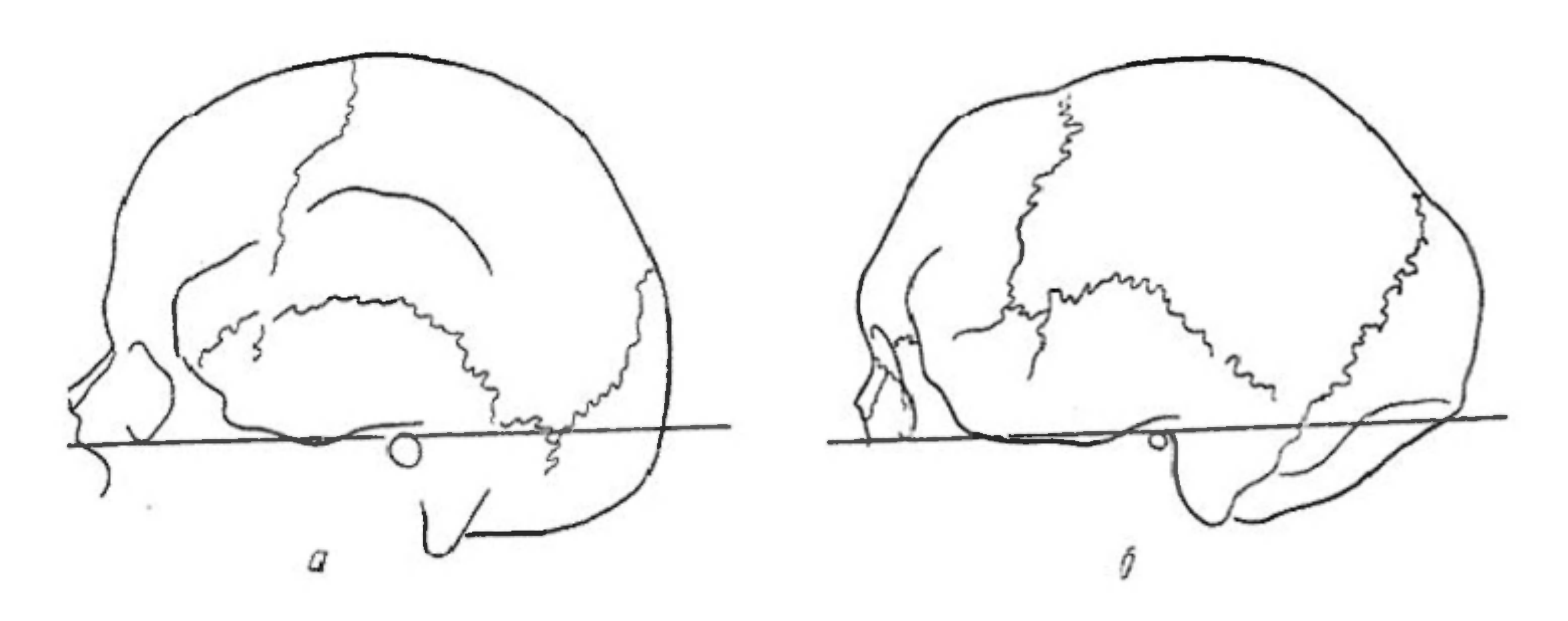

Рис. 35. Форма свода черепа в профиль:

а — плавный переход костей свода черепа; *б* — свод черепа с резким переходом от лобной к теменным и от теменных к затылочной кости.

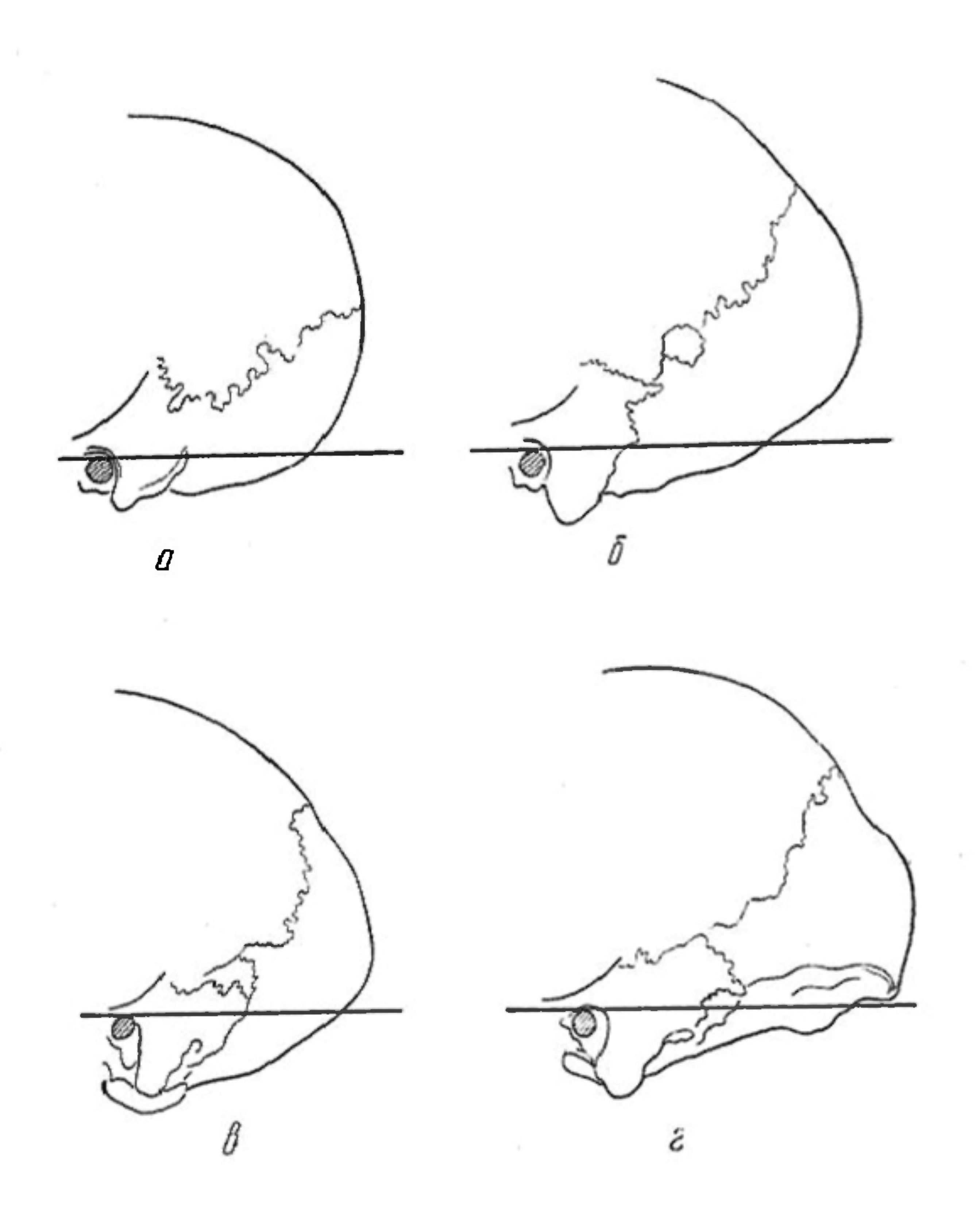

Рис. 36. Различные формы затылка:

а — невыступающий, *б* — выступающий, *в* — слабо преломленный, *г* — сильно преломленный.

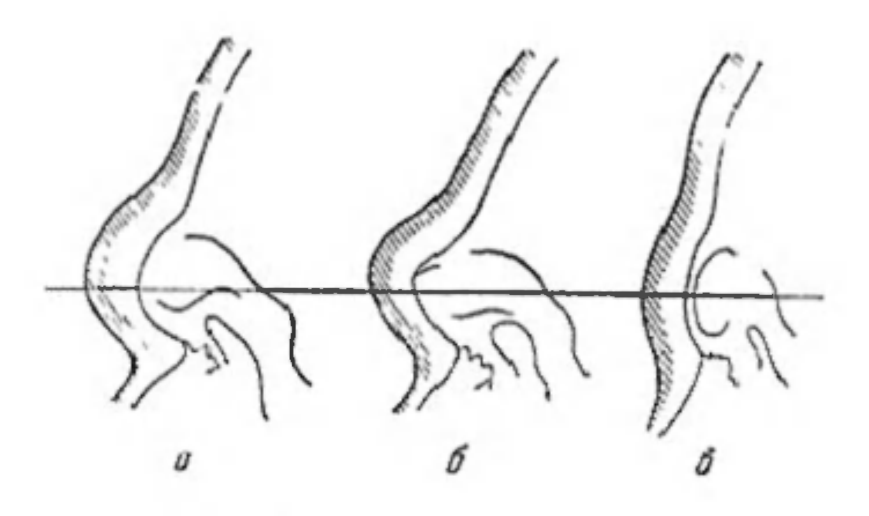

Рис. 37. Форма глабеллы у *Homo sapiens*

а — округлая, б — преломленная, в — уплощенная.

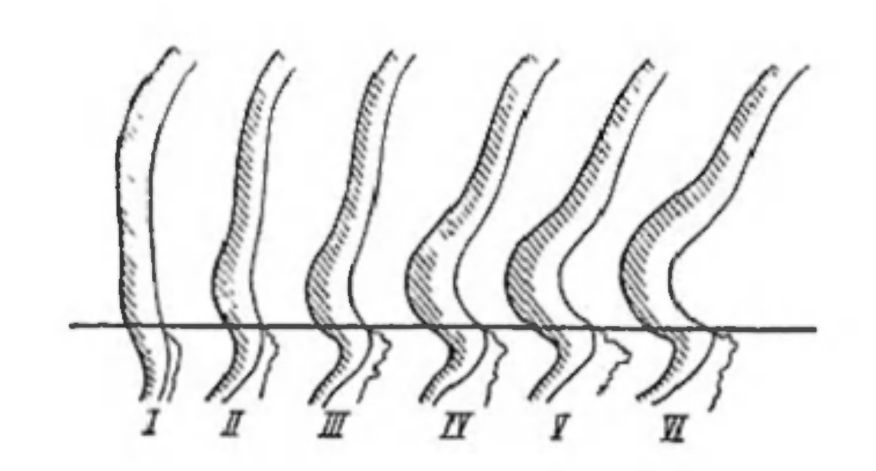

Рис. 38. Выступание глабеллы по шкале Broca I — VI баллов и степень развития мягких покровов в соответствии с баллами развития костного рельефа по данным автора, по материалам моргов Москвы, Ленинграда и Ташкента, 1937—1950.

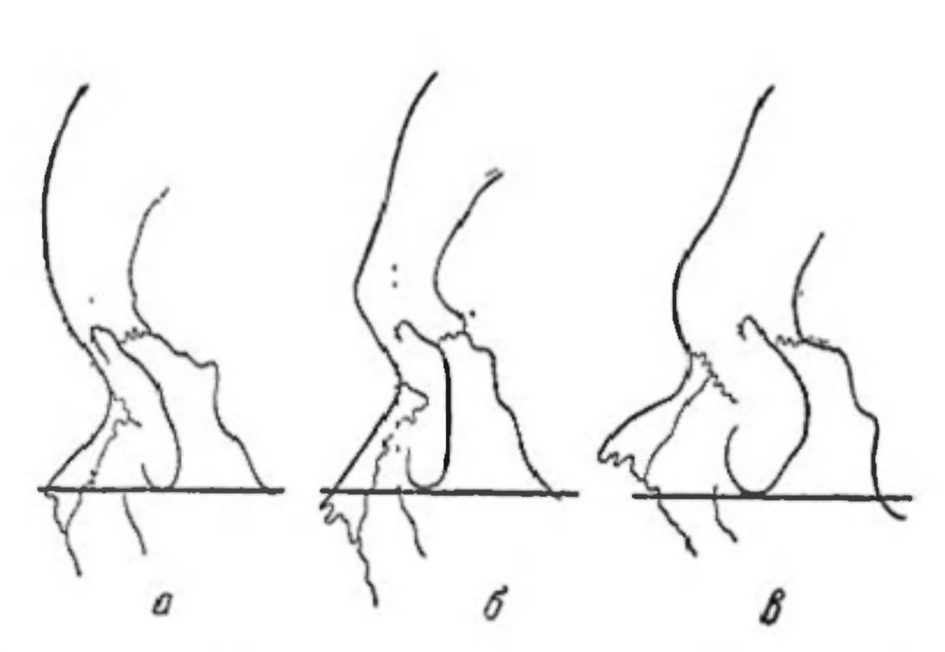

Рис. 39. Направление носового отростка:
а — внутрь (назад), б — среднее, в — вперед.

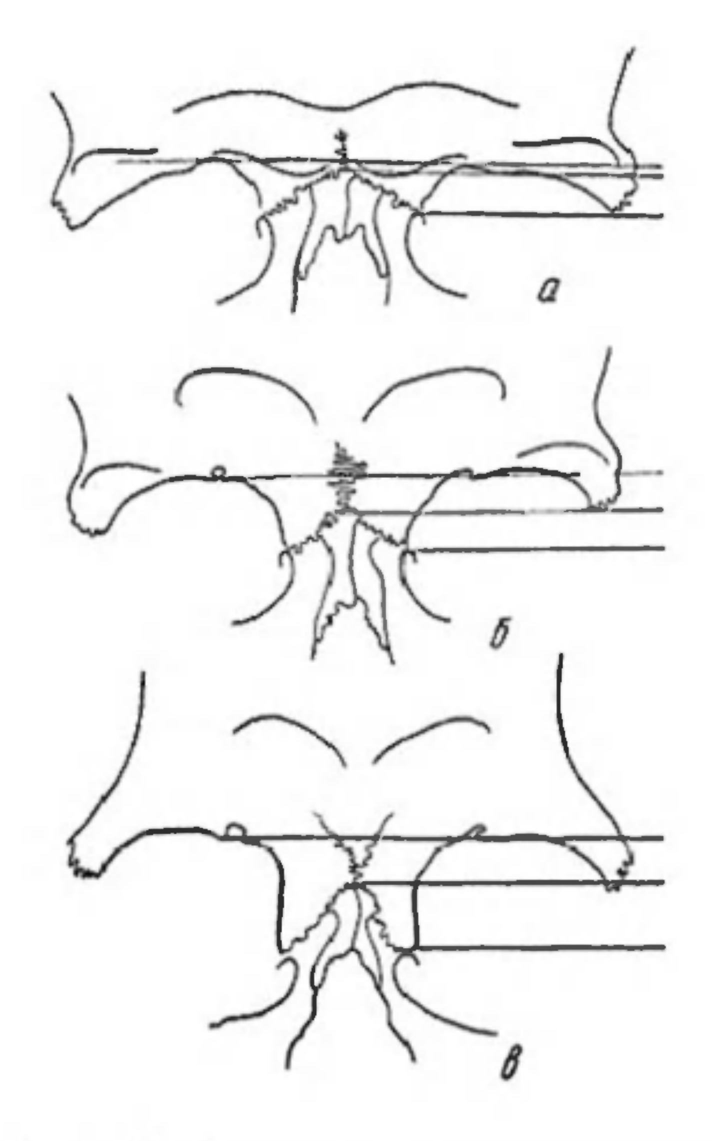

Рис. 40. Форма носового отростка лобной кости:

а — низкая, б — средняя, в — высокая.

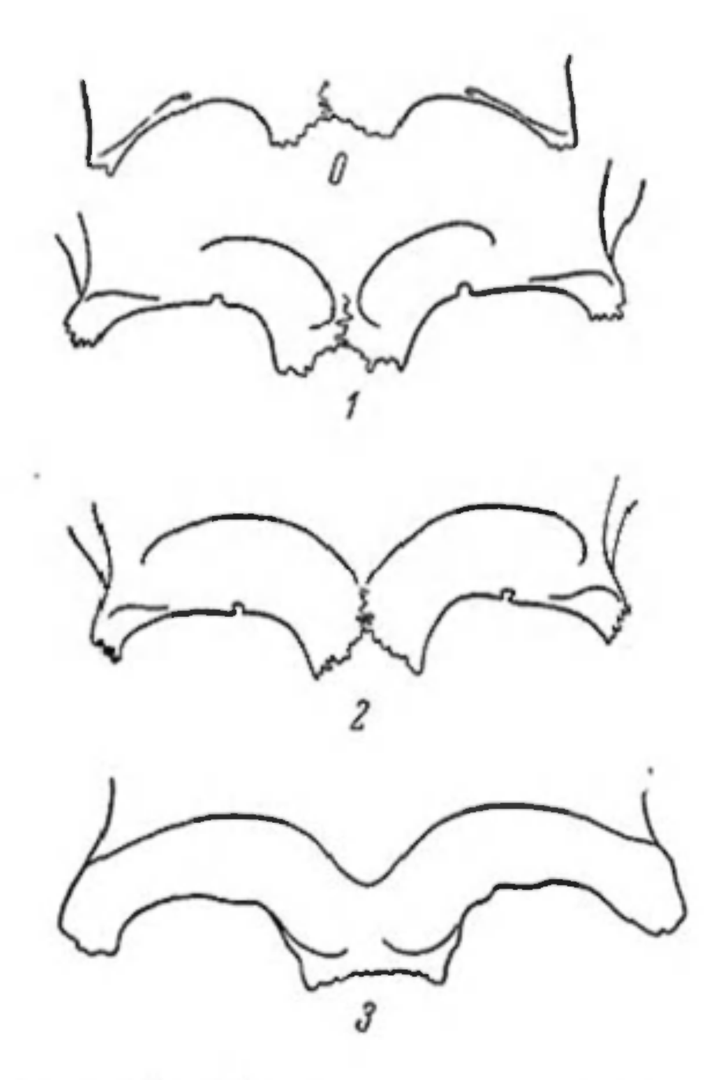

Рис. 41. Степень протяженности надбровных дуг: 0— 1—2—3.

9. Степень относительного выступания надбровья по шкале: 1 — сильное выступание (надбровье превышает выступание глабеллы); 2 — среднее выступание (надбровье выступает вровень с глабеллой); 3 — слабое выступание (надбровье выступает меньше, ниже глабеллы).

10. Затылочная кость. Выступание затылка (выступающий или невыступающий).

Вал перегиба может быть широкий с пологими краями и узкий в виде гребня; кроме того, надо учитывать степень развития иниона по шкале Брока (от 0 до 5 баллов).

При описании степени развития микро- и макрорельефа затылочной кости особенное внимание следует уделять форме и степени развития выйных линий, так как они в большинстве своем не только дают ключ к определению силы мышц данного человека, но и указывают на характер формы шеи и посадку головы.

11. Височная впадина. Височная яма, образованная костями лобной, теменной, височной и клиновидной и ограниченная скуловой дугой, определяет характер височной мышцы; вследствие этого следует подробно описывать ее, указывая как основные размеры глубины, ширины, длины, так и рельеф дна впадины, и в равной степени давать описание височных гребней, височных линий и т. д., т. е. всей суммы признаков, которые могли бы обеспечить правильное воспроизведение основной массы височных мускулов (m. temporalis). Точное воспроизведение височной мышцы в значительной степени определяет характер овала лица в верхней его части.

12. Сосцевидные отростки. Следует давать описание общей формы, величины, степени развития и выступания отростков, указывая форму его внешней стороны, усложненность рельефа, форму вершин (острая, закругленная, уплощенная). Сосцевидные отростки бывают следующих категорий: 1 — слабо выступающие, маленькие со слабым рельефом; 2 — сильно выступающие, но гладкие; 3 — сильно выступающие с резким рельефом; 4 — с гребнем в верхней части; 5 — с вывернутой наружу нижней частью.

Отросток может быть направлен: прямо вниз, вперед, вершиной внутрь и даже назад. Форма сосцевидного отростка и степень его выступания интересуют нас в связи с тем, что это один из основных показателей, косвенно свидетельствующий о степени оттопыренности наружного уха; кроме того, сосцевидный отросток является местом прикрепления сухожильного тяжа сосковоключичной мышцы; следовательно, его форма, величина, степень развития рельефа определяют степень развития и форму этой основной мышцы переднего раздела шеи.

13. Строение и форма лицевой части черепа. Для характеристики общей формы лица в фас принято пользоваться определенными эталонами, дающими суммарное представление о характере общих контуров лица:

1) эллипсоидная форма — очертание лица близко к эллипсу;

2) при овоидной форме лобная часть несколько шире нижней, очертание похоже на яйцо, обращенное вершиной вниз;

3) триангулярной называется такая форма, когда лобная часть значительно шире, скуловой раздел лица и нижняя челюсть резко сужены, очертания напоминают треугольник, обращенный вершиной книзу, к подбородку;

4) пентагональная форма — скулы сильно выдаются, общие очертания лица угловаты, напоминают пятиугольник с вершиной, обращенной книзу;

5) при орбикулярной форме скулы сильно выступают, но очертания округлы;

6) тетрагональной называют такую форму, когда нижние и верхние части лица имеют примерно равную ширину, очертания лица угловаты, приближаются к прямоугольнику.

Кроме характеристики лица по шкале, следует давать описание его, обращая внимание на высоту, ширину отдельных участков лица, общую симметричность, степень профилировки, степень прогнатности альвеолярной части, степень выступания носа, степень развития подбородка, относительную величину отдельных деталей — лба, орбит, носа, альвеолярной части, нижней челюсти,— после чего произвести обмер лица.

Измерения: общая высота лица — от середины носолобного шва до края нижней челюсти; высота верхней части лица — от середины носолобного шва до альвеолярного края верхней челюсти по межчелюстному шву; скуловая ширина — наибольшее расстояние между наружными краями скуловых дуг.

$$\text{Лицевой указатель I} = \frac{\text{общая высота лица} \times 100}{\text{скуловая ширина}}.$$

$$\text{Лицевой указатель II} = \frac{\text{высота верхней части лица} \times 100}{\text{скуловая ширина}}.$$

14. Строение и форма орбиты. Форма орбиты может быть крайне разнообразной, но тем не менее в качестве стандартов выделяются следующие категории: округлая, овальная, прямоугольная, квадратная. Помимо этого, орбиты могут быть низкие и высокие. Кроме собственно формы орбиты, следует рассматривать форму края орбиты. Последний также варьирует по основным категориям у разных людей, но очень часто край орбиты может быть разной толщины на своем протяжении в одной орбите. Следует дифференцировать: острый, притупленный, закругленный, завернутый край орбиты. Необходимо также учитывать степень нависания отдельных участков верхнего края орбиты, а в равной степени и приподнятость нижнего края (см. главу I, стр. 71—79).

Глазницы могут быть замкнутыми и открытыми. Особого внимания заслуживает верхний орбитный гребень, являющийся как бы продолжением верхнего края глазницы. Нередко этот гребень образует единый валик с краем глазницы и идет от вздутия скулового отростка лобной кости к внутренней части глазницы. У разных типов *Homo sapiens* гребень локализуется самостоятельно, не сливаясь с собственно надбровьем. У европейских неандертальцев типа Ля-Шапелль, Спи, Гибралтар этот гребень сливается с надбровьем в единый валик; то же самое можно сказать и про надбровье родезийца, у которого он утрированно усиливается и выступает не меньше, чем основная масса надбровья. У ряда других неандертальцев — Ля-Кина, Мустье, Тешик-Таш — этот гребень может быть дифференцирован от надбровья, хотя и образует с ним почти одно целое.

У всех рас современного человечества орбитальный гребень — самостоятельное образование, не связанное с выступанием надбровных дуг.

Документация различных форм глазницы, степени развития притупленности или заостренности края обусловливает в дальнейшем, при восстановлении лица по черепу, правильное или приближенное решение формы мягких век и надбровья.

Обычно принято фиксировать форму и положение в е р х н е г л а з н и ч н о г о о т в е р с т и я (собственно отверстие, бороздка, вырезка). Только если размеры отверстия (бороздки, вырезки) будут большими, они могут сказаться на форме мягких покровов, и, следовательно, их

форму надо учитывать, чтобы обеспечить правильное воспроизведение внешней формы средней части надбровья и века. Но чаще всего эти детали выражены точечным рельефом и в таком случае, конечно, не могут сказаться сколько-либо ощутительно на внешней форме мягких тканей.

Положение раструба слезной части в значительной степени определяет характер строения внутреннего угла глаза. Если слезная часть занимает углубленное положение по отношению к переднему краю нижней части глазницы, то внутренний уголок глаза имеет обычную европеоидную форму — слезник обнажен, но находится как бы в глубине. Усиление внешних краев раструба слезной части и вынос ее вперед к зеркалу лица в зависимости от степени этого выступания свидетельствуют о различной степени развития эпикантуса. При резком выступании вперед всего раздела передней части слезного раструба нужно воспроизводить резко выраженную монгольскую складку, перекрывающую не только слезник, но даже и внутреннюю часть глаза. Большая степень развития гребней слезной части и меньшее их выступание вперед свидетельствуют о меньшей степени развития монгольской складки.

На протяжении последних лет удалось констатировать, что глазничные бугорки действительно являются местом прикрепления латеральной связки века, определяющей наружный угол глаза. Таким образом, при восстановлении внешней формы глаза можно исходить из положения глазничного бугорка. Однако одновременно было выяснено, что степень развития глазничного бугорка неодинакова и связана с силой мышечного волокна, слагающего нижнее веко. Крепкое, подтянутое, сильное веко мужского лица всегда связано с большим увеличением глазничного бугорка, и наоборот, слабый бугорок свидетельствует о дряблости, мягкости века; в частности, на старческих черепах со слабым микрорельефом всего лица слабее выражены и глазничные бугорки.

Форма бугорков дифференцируется следующим образом:

1) Уплощенная площадка.

2) Бугорок (слабо или сильно выраженный).

3) Гребешок (слабо или сильно выраженный). Принимая во внимание положение глазничного гребешка или бугорка, можно делать правильный наклон разреза глаза: горизонтальный — для европеоидов и под углом — для монголоидов.

4) Фронтальная постановка глаз. Это физиономический признак, в значительной степени определяющий элементы индивидуального строения лица. Нам не удалось отметить связи этого признака с расовой принадлежностью. Все три категории фронтальной постановки глаз — горизонтальная, средняя, приподнятая — встречаются в различных расовых группах, и тем не менее этот признак физиономически настолько отчетлив, что мы настоятельно рекомендуем его регистрировать при описании черепа; следует, однако, сказать, что в процессе реконструкции лица положение глаз определяется положением орбит и тем самым всегда фиксируется абсолютно точно.

В криминалистической практике нередко возникали вопросы о степени объективности построения тонких деталей глаза. Например, на чем основаны толщина и припухлость века или наклон разреза глаза? В одних случаях внешние углы оказались приподнятыми, в других они были горизонтальны, а в третьих — опущены книзу. Несмотря на то, что это воспроизведение всегда подтверждалось иконографическим материалом, такая точность вызывала недоумение. Между тем, как уже говорилось выше, положение углов глаза документируется морфологическими особенностями строения самой глазницы.

Итак, мы выделяем три категории фронтальной постановки глазниц, а, следовательно, и глаз: а) горизонтальную, б) среднюю и в) приподнятую.

5) Профилировка глазниц (вертикальная или наклонная). Этот признак чрезвычайно важен и служит не только чисто физиономической характеристикой индивидуума, но в какой-то мере, видимо, является признаком антропологической диагностики, характерным для монголоидов (вертикальная профилировка) и для европеоидов (наклонная профилировка), т. е. признаком расовым. Интересно, что ранние формы неоантропа, видимо, обладали более вертикальной постановкой глазниц, о чем свидетельствуют палеоантропологические серии.

Измерения орбиты: ширина — от dacrion; высота, перпендикуляр между верхним и нижним краями орбиты; межорбитное расстояние — между lacrimale.

$$\text{Орбитный указатель} = \frac{\text{высота орбиты} \times 100}{\text{ширина орбиты}}.$$

15. Строение костного носа.

1) Носовые кости, их форма (длинные, короткие, широкие, узкие, симметричные, простые, сложные, какого рисунка).

2) Характер профиля костного носа (спинка носа): волнистый, прямой, вогнутый, горбатый.

3) Западание корня носа по шкале: 1— не западающий; 2 — средне западающий; 3 — сильно западающий.

4) Сечение спинки носа в средней части: крышевидное, округлое, плоское, сводчатое.

Измерения: ширина носовых костей — у корня носа; наименьшая ширина носовых костей; наибольшая ширина носовых костей.

5) Носовое отверстие; грушевидное, сердцевидное, треугольное.

6) Края грушевидного отверстия: острые, притупленные, загнутые внутрь, развернутые наружу, зазубренные.

7) Подносовой край: острый (anthropinus), притупленный (infantilis), с двумя полулунными ямками (fossa praenasalis), подносовой край с жолобом (clivus nasoalveolaris). Обезьяний жолоб — нижняя плоскость носовой полости непосредственно переходит в жолоб на передней части альвеолярного отростка.

8) Носовая ость (подносовой шип). Степень развития подносового шипа определяется по шкале Брока; кроме того, необходимо отмечать направление оси подносового шипа, так как это служит основанием при построении основания мягкого носа.

Измерения: высота грушевидного отверстия; ширина в верхней части; ширина в нижней части; ширина у основания; высота положения crista conchalis; высота носа общая; ширина носа наибольшая; носовой указатель.

$$\text{Носовой указатель} = \frac{\text{ширина носа} \times 100}{\text{высота носа}}.$$

16. Строение фронтальной части лица.

1) Лобный отросток верхней челюсти: узкий, широкий; степень профилировки: слабая, сильная; степень развития микрорельефа.

2) Скуловые кости; направление щечной поверхности скуловых костей (фронтальная и латеральная плоскости); выступание скуловых **костей** вперед.

3) Собачьи ямки, их форма, глубина, покатость краев, рельеф дна ямки, степень развития (от 0 до 4 баллов).

17. Зубы.

1) Определение постановки, степень прогнатности: ортогнатные зубы (вертикально поставленные), зубы, повернутые внутрь.

2) Степень прорезания и смены у молодых субъектов.

3) Регистрация посмертной или прижизненной утраты зубов.

4) Стертость зубов, снашиваемость (необходимо описывать каждый зуб отдельно или группы их).

Шкала стирания зубов: 0 — стирания нет; 1 — потерта только эмаль; 2 — стирание бугорков; 3 — стирание затронуло дентин; 4 — стирание коснулось нервного канала; 5 — стирание достигло полного сечения коронки; 6 — полное стирание коронки зуба.

В табл. 8 указаны нормы стирания зубов верхней челюсти, позволяющие определять возраст человека.

Таблица 8

Нормы стирания зубов верхней челюсти как шкала определения возраста

Возраст (лет)	Резцы	Клыки	Ложно-коренные	Первые коренные	Вторые коренные
10—13	Стирание еще не началось				
13—14	0—1	0	0	0	0
14—16	1	0	1	0	0
16—18	1—2	1	1	1	0
18—20	2—3	2	2	2	1
20—25	2—3	2	2	2	2
25—30	3	2	2—3	2—3	2
30—35	3	2—3	2—3	3	2—3
35—40	3	3	3	3—4	3
45—50	3—4	3—4	3—4	4	3—4
50—60	4—5	4	4	5	4—5
60—70	5—6	5	5—6	5—6	6

Шкала, приведенная в табл. 8, конечно, не может претендовать на полную точность, но все же, пользуясь ею, мы неоднократно определяли возраст неизвестного нам субъекта при идентификации личности и давали достаточно точное определение (от 2 до 1 года). Это — рабочая шкала, нуждающаяся в уточнении и дополнении. Пользуясь ею, следует учитывать, что всякое нарушение зубного ряда искажает темп изнашивания зубов. Кариес способствует более быстрому стиранию и утрате зубов. Отсутствие одного или нескольких зубов сказывается на большей нагрузке сохранившихся. Ношение протеза предохраняет зубы от деформации и стирания. Не следует забывать, что различный пищевой и водный режим сильно сказывается на степени и темпах стирания зубов.

Регистрация степени стертости помогает иной раз определить возраст, если только эта стертость не связана с какими-либо патологическими явлениями — заболеванием или профессиональной изношенностью.

5) Прикус зубов. Прикус — чрезвычайно характерная деталь строения лица, поэтому он является как бы опорой при воспроизведении формы смыкания рта (см. выше, стр. 61—71).

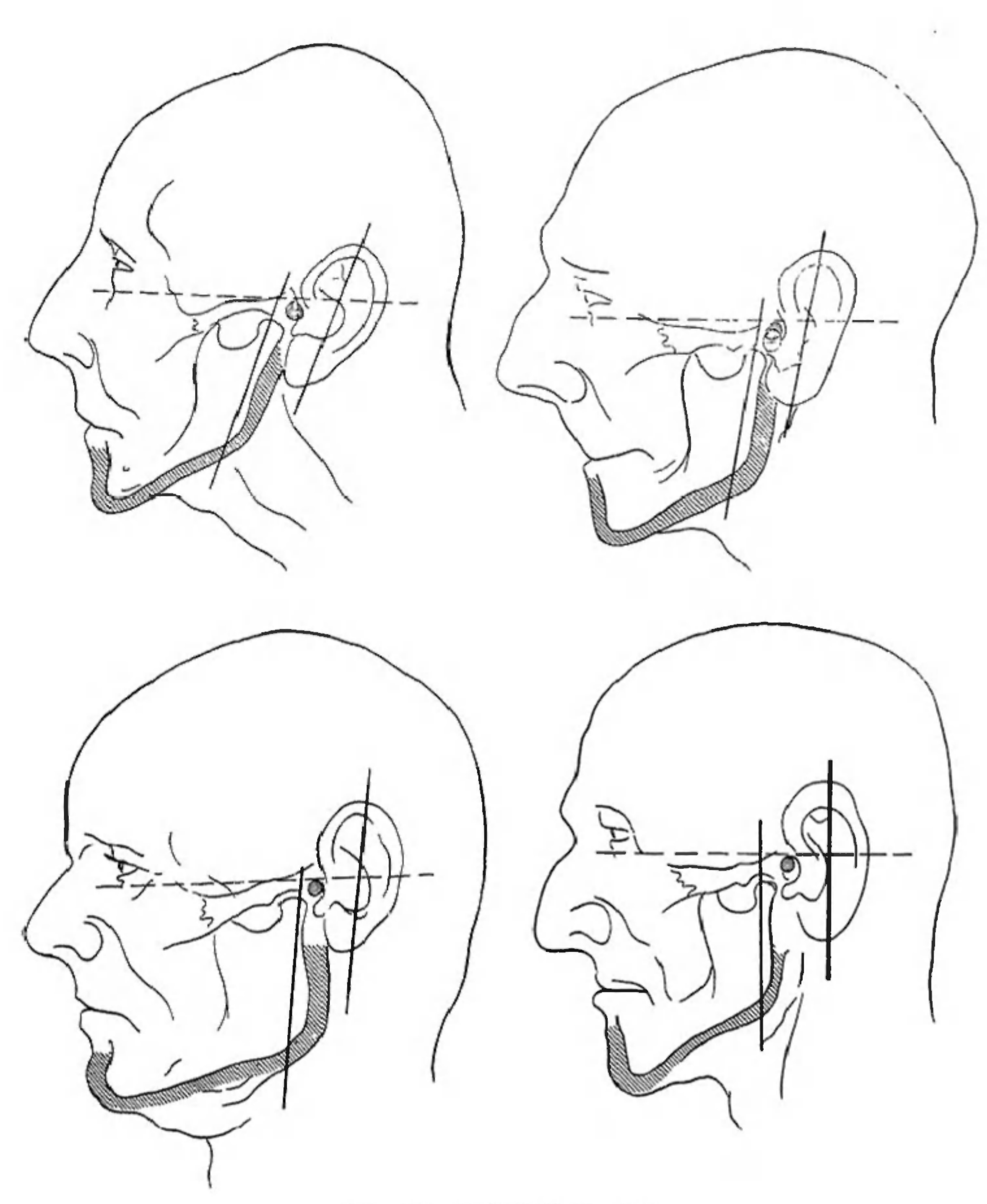

Рис. 42. Постановка уха.

6) Измерение расстояний между P_2 и P_2 верхней челюсти. Этот размер определяет ширину ротовой щели. Высота эмали переднего резца часто соответствует максимальной толщине верхней губы.

7) Соотношение высоты эмали первого и второго резцов. Это соотношение определяет степень перегиба внешнего края губы — степень лукообразного изгиба верхнего края губы.

8) Высота альвеолярного отростка верхней челюсти. Этот размер определяет общую высоту круговой мышцы рта и тем самым способствует пониманию общей конфигурации нижнего раздела лица.

18. Нижняя челюсть. Описание челюсти производится в соответствии с принятой системой Мартина. Регистрируются общая форма, массивность,

высота тела нижней челюсти, степень выступания подбородочного бугра, форма подбородка, степень выступания и положение подбородочных бугорков, форма альвеолярного края, общий характер расхождения горизонтальных ветвей челюсти. Кроме этого, необходимо учитывать внешний угол ветви челюсти; величина этого угла определяет не только конфигурацию самой челюсти и подбородка, но и является основанием для постановки раковины наружного уха (рис. 42).

Нужно также учитывать рельеф косой линии (linea obliqua) нижней челюсти. Форма и размеры этой линии (короткая, длинная, вздутая, слабо выступающая), а также направление ее, в значительной степени определяют реконструкцию направления внешнего края пучка masseter, тем самым указывая границу мягких тканей, слагающих передний раздел щеки, и обусловливают, следовательно, воспроизведение овала нижней части лица.

Особого внимания заслуживает микрорельеф нижней челюсти, так как степень его развития в различных местах определяет степень развития отдельных мышц и, таким образом, обеспечивает правильное воссоздание физиономических особенностей данного лица.

* * *

Уже беглый осмотр черепа позволяет определить его расовую принадлежность в пределах рас первого порядка. Чем тщательнее изучение черепа, чем отчетливее этническое определение его, тем больше вероятия при дальнейшей работе правильно воспроизвести весь комплекс признаков антропологического типа данного субъекта. Смешанное происхождение субъекта (имеется в виду принадлежность его родителей к разным антропологическим типам, к разным расам второго и третьего порядка) может быть с полной наглядностью констатировано только уже по окончании реконструкции.

Кроме определения расовой или этнической принадлежности данного черепа, одновременно следует ставить перед собой задачу определения конституционных особенностей субъекта, лицо которого восстанавливается,— хотя бы по предварительной схеме: маленький, крупный, очень крупный, слабый, сильный. Это дает возможность впоследствии правильно воспроизводить толщину мягких тканей в соответствии с конституциональными особенностями субъекта.

2. Графическая реконструкция

После описания и всестороннего осмотра и измерения черепа следует процесс графической фиксации его формы, а в дальнейшем — и процесс графической реконструкции. Оба эти процесса необходимы для дальнейшей работы по пластической реконструкии лица.

Прежде чем начать зарисовку черепа, нужно тщательно пригнать и поставить по форме прикуса нижнюю челюсть, придав ей нормальное положение, бывшее при жизни субъекта. В этом положении челюсть наглухо прикрепляют воском. Целесообразно производить это следующим образом: по заднему краю зубов с внутренней части челюстей прокладывается валик — жгут пластичного воска; этот воск, заполняя неровности между зубами, обеспечит правильное положение челюсти; после этого мыщелки нижней челюсти точно так же следует закрепить воском, причем нередко бывают случаи, когда древние черепа не обнаруживают нормальной степени совпадения суставных поверхностей, что

связано с процессом разрушения некогда бывшей здесь хрящевой прокладки. Поэтому между суставными поверхностями следует делать соответствующей толщины прокладку из того же пластичного воска.

Зарисовка черепа производится с помощью диоптрографа. Лучше производить эту зарисовку, заключив череп предварительно в кубус, но нередко состояние сохранности, особенно древних черепов, не дает

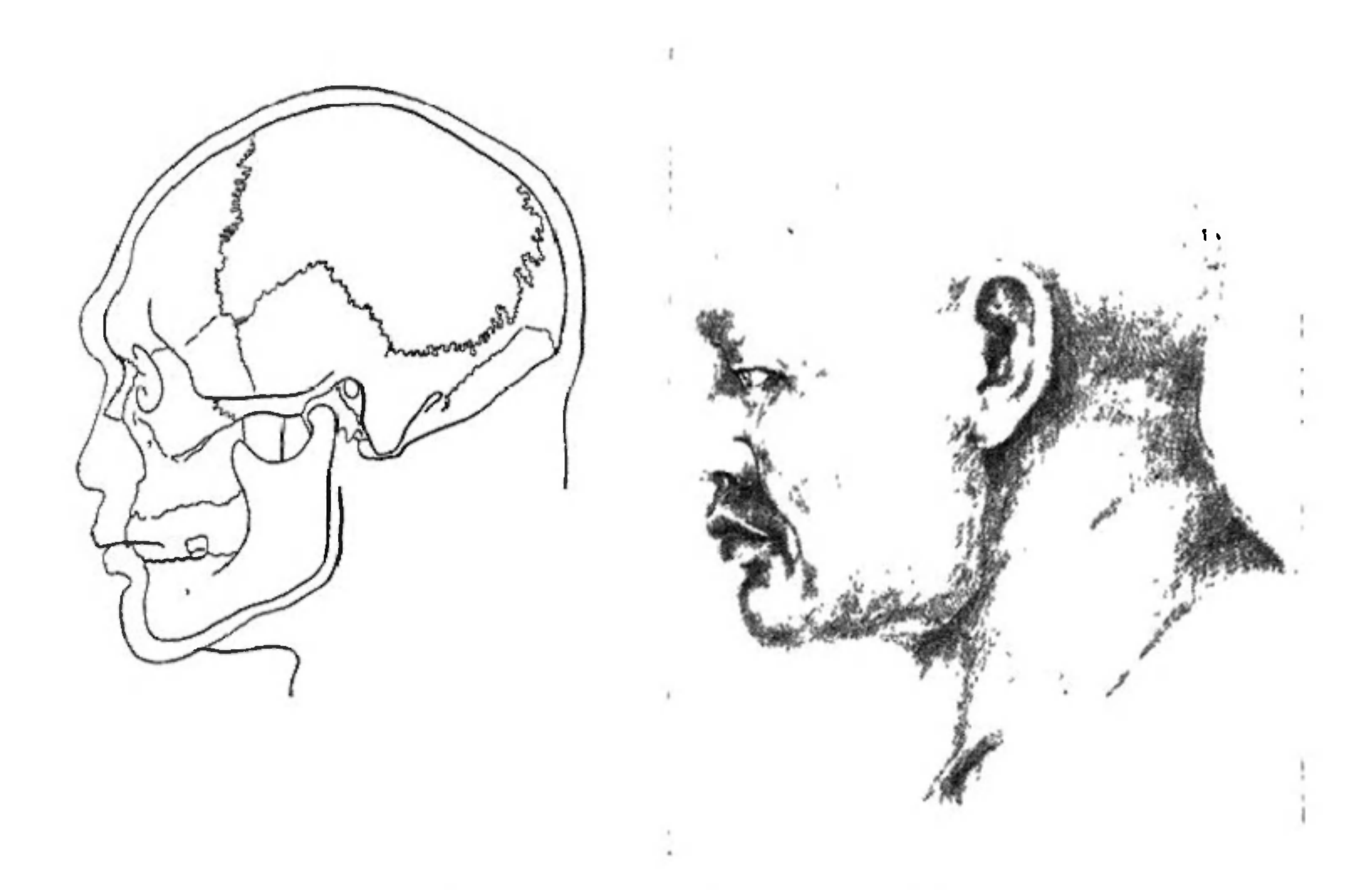

Рис. 43 Графическая реконструкция профиля головы.

возможности установить череп в кубус. В таких случаях мы рекомендуем пользоваться высокой ванночкой с песком. Череп устанавливают в песок по тем же принципам, что и в штатив кубуса, т. е. производится тщательная проверка его положения по отношению к стеклянной поверхности диоптрографа. При зарисовке черепа в профиль линия порион — нижний край глазницы (немецкая горизонталь) должна быть перпендикулярна поверхности стекла. При зарисовке профиля не столько важно учитывать правильное положение черепа в немецкой горизонтали, потому что в случае некоторой ошибки в этом направлении ориентацию черепа легко поправить тем или иным поворотом листа бумаги. Между тем только правильная установка черепа в горизонтальной плоскости может дать правильную фиксацию профиля. Таким образом, среднее медиальное сечение черепа при правильной установке должно быть абсолютно параллельно столу и стеклу диоптрографа. Во всех случаях, когда череп можно все-таки укрепить в кубусе, лучше пользоваться им. Практически необходимо фиксировать следующие нормы черепа: фас, профиль и сверху, в соответствии с принятыми положениями системы Мартина.

На этих обводах с помощью принятых стандартов, применение которых и степень поправки уже описаны, производится схематическое «одевание» черепа в мягкие ткани. Технически это достигается следующим путем (рис. 43). По профилю, т. е. медиальному сечению черепа, в местах от-

меток фиксированных размеров стандартов откладываются циркулем величины нормы и здесь же производят поправку в соответствии с той или иной степенью развития костного рельефа. После нанесения точек отметок толщины мягких покровов эти точки объединяются по профилю тонкой линией в соответствии с конфигурацией отдельных участков черепа. Таким образом, возникает профильный обвод головы данного субъекта. Учет различных индивидуальных особенностей конфигурации головы и отдельно костей лицевого скелета обеспечивает приближение данной схемы к портретному восстановлению профиля головы.

После этого, в соответствии с контурами нижнего края скуловой кости и формой нижней челюсти, воспроизводится схема положения жевательного мускула (m. masseter). Правильное топографическое положение основного массива этого мускула определит рельеф боковой стороны и, в некоторой степени, щечной части лица. Далее, в соответствии с общей конфигурацией височной ямы, с учетом степени развития скуловой дуги, воспроизводят основные размеры височной мышцы. После этого на той же графической схеме воспроизводится постановка глазного яблока, определяемая описательными данными и формой, а в равной степени и размерами орбиты, ее наклоном, степенью фронтальной профилировки. При открытой орбите, как и следует ожидать, глазное яблоко должно выступать вперед, при замкнутой орбите, в соответствии со степенью завернутости краев, глазное яблоко будет отходить внутрь ее. Определение правильного положения глазного яблока чрезвычайно важно, так как вместе с определением краев орбиты это дает опорные положения для воспроизведения внешнего края век.

При восстановлении профиля носа в графической схеме следует учитывать в первую очередь конфигурацию собственно носовых косточек. Степень их протяженности, степень волнистости, степень выступания вперед — все это является опорными данными для воспроизведения мягкой части профиля носа. Мягкие ткани над костями носа воспроизводятся в соответствии со стандартами. Значительно труднее воспроизведение собственно кончика носа, волны изгиба профиля носа, восстановление вырезки ноздрей и высоты крыльев носа. Для определения элементов этих форм надо обратиться к внимательному анализу главных компонентов строения носа, к костной его основе (см. стр. 55—61).

Форма грушевидного отверстия, характер его краев, форма, величина, направление подносового шипа — все это должно дать ответ для правильного решения внешней формы мягкого носа. В результате многолетней работы удалось выработать некоторый вспомогательный прием построения основной формы носа в профиль. Профиль носа проицируется двумя прямыми, первая из которых является продолжением основного направления конца носовых костей, примерно в последней их трети; вторая продолжает основное направление подносового шипа. Точка пересечения этих условных прямых почти всегда будет соответствовать кончику мягкого носа. Практически, в результате восстановления более 50 контрольных голов, данный технический прием оправдал себя, давая очень близкое решение. Конечно, не следует думать, что эта точка является абсолютно точным определением степени выступания мягкого носа во всех случаях. Вполне вероятно, что данная точка может и не совпадать с реальной формой носа, но на практике с подобным случаем мы не сталкивались.

Не следует думать, что прямая, продолжающая носовые кости, всегда должна в какой-то степени соответствовать профилю носа. Линия профиля мягкого носа или, как ее очень часто неправильно называют, спинка

носа[1] определяется характером вырезки края грушевидного отверстия, которая как бы повторяет в своей основе, чуть в более утрированной форме, основные перегибы в большей или меньшей степени волнистой линии профиля носа. Чаще всего линия профиля носа будет проходить несколько выше проицируемой линии, но бывают случаи, когда профиль носа будет вогнут и, следовательно, границы его будут проходить под прямой, проицирующей кончик носа (см. рис. 47).

Восстановление профиля носа обычно проводится в следующем порядке: прежде всего на графической схеме черепа посредством указанных вспомогательных линий определяют основной угол носа и фиксируют точку вершины его кончика; после этого, при учете перегибов края грушевидного отверстия, вырисовывается линия профиля носа; затем, на основании общего направления подносового шипа, формы его в профиль и общей конфигурации в фас, воспроизводится основание носа. В тех случаях, когда подносовой шип мал и ориентирован кверху, основание носа всегда будет приподнято. При горизонтальном направлении шипа или его приспущенном положении линия основания носа всегда будет близка или соответствовать этому основному направлению. Нередко, при очень сильной степени развития подносового шипа, его конфигурация бывает усложнена индивидуальными, специфическими для данного субъекта особенностями перегиба. В таких случаях основание мягкого носа почти с тождеством повторит основные линии перегиба профиля основания подносового шипа. Только обычно линия мягкого носа будет смягчена по отношению к более резким контурам профиля подносового шипа.

После этого следует найти нижнюю линию вырезки ноздрей. Как правило, при горизонтальном направлении подносового шипа в профиле нижнего края ноздри нет резких перегибов. Линия проста и в общем горизонтальна. Значительно сложнее эта линия при отклонении шипа от горизонтального направления. И в том случае, когда кончик носа опущен книзу, и в том случае, когда он приподнят кверху, профильная линия нижнего края ноздри всегда образует больший или меньший перегиб — угол. Решение этой формы можно найти в тщательном анализе подносового края грушевидного отверстия. Если края остры и не имеют никаких добавочных подносовых ямок, лунок или гребней,— профиль нижнего края ноздри, как правило, простой, почти без всякой линии перегиба. В соответствии со степенью опускания подносового края опускается и внешняя форма крыла носа, т. е. мягкая часть ноздри располагается значительно ниже собственно носового отверстия. Граница опускания нижнего края ноздри определяется либо степенью развития боковых гребешков, как бы продолжающих основное направление внешней стенки грушевидного отверстия, либо формой подносовых ямок и степенью их развития. Правильное решение нижнего края ноздри возможно только в результате скрупулезного анализа внешней формы верхней части альвеолярного отростка и подносового края. К более или менее правильному решению этих деталей мы пришли только в результате многолетней практики, но схематическое решение возможно в соответствии с приводимыми схемами.

Высота крыла носа, как уже было отмечено раньше (см. стр. 57), определяется высотой гребешка crista conchalis; в равной степени формой

[1] Спинкой носа собственно следует называть только ту часть носа, которая соответствует степени протяженности носовых костей, но за последнее время в антропологической литературе отошли от этого, и все чаще и чаще спинкой носа называют собственно профиль носа мягкого, что, конечно, неверно.

нижней части боковых сторон грушевидного отверстия определяется степень ширины крыльев носа по отношению к собственно размерам грушевидного отверстия.

По окончании воспроизведения основных контуров носа восстанавливают верхнюю губу и рот. Высота верхней части губы определяется степенью развития, конфигурацией и рельефом альвеолярного отростка. Толщина мягких тканей рта, а в равной степени и рисунок его прямо связаны с формой рельефа нижней части альвеолярного отростка, с его величиной, шириной, общей протяженностью зубов, высотой эмали и в первую очередь — с характером прикуса и степенью прогнатности (см. стр. 61—71).

Нижняя губа, степень ее выступания, отвисания определяются характером прикуса, степенью прогнатности как собственно зубов нижней челюсти, так и степенью прогнатности верхней челюсти. Конкретный материал, представленный в схемах, обеспечивает правильное понимание и правильное решение профиля нижней губы.

Подбородок, вернее, его профиль, в значительной степени повторяя конфигурацию костной основы, довольно постоянен в основных своих отметках. Поправки стандарта в данной части лица очень отчетливо связаны со степенью развития рельефа, степенью выступания подбородка и подбородочных бугорков. В результате всего этого восстановление профиля мягкого подбородка не является особенно трудным. Подбородок целиком, таким образом, восстанавливается по данным нижней челюсти; степень выступания подбородка вперед или вниз, а также его западание связаны не столько с выступанием передней челюсти, сколько с углом восходящей ветви. Напомним, что усиление, обогащение подбородка мышечной тканью связано не столько с профилем передней части челюсти, сколько с его общей массивностью, шириной и, что наиболее важно, с характером микрорельефа нижнего края передней части челюсти.

По окончании восстановления общей линии профиля лица, постановки глазного яблока и фиксирования формы и высоты крыльев носа (ноздрей) необходимо произвести построение носогубной складки. Топографически носогубная складка определяется следующими точками: она начинается непосредственно над верхним краем ноздрей, проходит через середину (максимальную глубину) собачьей ямки и заканчивается у нижнего угла рта, огибая его в соответствии с общим направлением внутреннего угла нижней челюсти и косой ее линией. Соотношение этих хорошо фиксируемых точек определяет весь рисунок, всю индивидуальную сложность носогубной складки. Как правило, на молодых лицах носогубная складка аморфна и не имеет резких очертаний. В соответствии со степенью профилировки лица с глубиной собачьей ямки и рельефом фронтальной части скуловых костей усиливается резкость очертаний носогубной складки. С возрастом, в результате постепенного стирания зубов, а затем вследствие их утраты, происходит резкое западание фронтальной части лицевого скелета, т. е. усиление и увеличение глубины собачьих ямок. Поэтому у пожилых людей носогубная складка глубже и более четко выражена. Удалось отметить, что чем сильнее профилировка лица, тем ярче очерчена носогубная складка. Правильное построение носогубной складки является весьма существенным фактом при воспроизведении индивидуального портрета.

Таким образом, фиксированный обвод толщины мягких тканей по профилю головы на схеме черепа является первым этапом графической реконструкции. Далее переводятся на просвет контуры профиля головы

и лица, фиксируются носогубная складка, разрез рта, степень выступания и профилировка глазного яблока, основной контур жевательной мускулатуры, линия восходящей ветви челюсти с внутренней и с наружной ее стороны и слуховой канал. Это подготовка к дальнейшему процессу графического воспроизведения лица (см. рис. 43). На основании анализа общей высоты лица, длины носа, степени развития сосцевидного отростка и при учете основного направления линии восходящей ветви челюсти проицируются сначала общие размеры, а затем и основная форма уха. Построение уха производится, конечно, схематично, в соответствии с теми данными, которые явились результатом постоянного наблюдения на протяжении многих лет (см. стр. 80—85).

Для того чтобы внести некоторую ясность в изложение, необходимо привести последовательные процессы графической реконструкции одного и того же лица в различных стадиях — от фиксации черепа, построения профиля и до осуществления собственно реконструкции. По документально зафиксированным индивидуальным чертам, отвечающим конкретному черепу, уже не трудно путем элементарной схематической штриховки передать основную форму головы.

Графическая реконструкция может быть использована как промежуточный этап при реконструкции скульптурной; она как бы фиксирует наше внимание на основных особенностях реконструированного лица и тем самым является контрольным документом, иллюстрирующим те данные, которые должны быть положены в основу при дальнейшей работе. Ряд контрольных работ и случаев совпадений убедил нас в том, что графическая реконструкция в большой степени приближается к портретному восстановлению лица по черепу.

В 1952 г. наша лаборатория была поставлена в трудное положение: нужно было в предельно короткий срок (24 часа) дать заключение о внешнем облике неизвестного (Раменское дело, следователь Трофимова, 1952 г.). О скульптурном восстановлении не могло быть и речи. Создавшиеся условия лишили нас возможности прибегнуть к технически простому способу — аппликации. В качестве единственно возможного метода оставалась графическая реконструкция. В целях самопроверки эта графическая реконструкция была проведена мной и сотрудником лаборатории Г В. Лебединской параллельно. Полученные нами изображения были совмещены, причем учтены были небольшие расхождения. Графическая реконструкция была своевременно передана следователю. Неизвестный был безоговорочно опознан следственной комиссией.

Непосредственное сличение ранее реконструированных пластически голов в виде скульптурных бюстов и вновь приготовленных схематических графических реконструкций во всех случаях позволило констатировать не только общее сходство, но и одинаковое решение отдельных частностей. Это убеждает нас в том, что графическая реконструкция может употребляться в качестве вспомогательного приема для антропологической диагностики, а так как эта графическая схема требует значительно меньше времени, чем скульптурная реконструкция, то, естественно, она может быть с большим успехом применена при массовой обработке антропологического материала. Проделанный нами опыт обработки палеоантропологических серий дает очень интересный и в некоторых отношениях исчерпывающий материал для антропологической диагностики. В дальнейшем изложении одновременно с реконструкциями скульптурными по ряду эпох будут приведены массовые графические реконструкции, что и явится лучшим доказательством пригодности данного технического приема антропологической диагностики палеоантропологических серий.

Графическая реконструкция имеет еще одно положительное свойство. Она может быть сделана человеком, обладающим очень скромными художественными данными, что дает возможность без специальной подготовки каждому исследователю производить схематические вспомогательные построения графических схем. Эти схемы позволят понять не только общую характеристику антропологического типа, но и характер его вариации в одноименных сериях, что будет способствовать выделению новых вариантов, которые было бы очень трудно получить только антропометрическим методом краниологического исследования.

3. Графическая фиксация

Графическая фиксация как бы повторяет первую часть графического построения лица по черепу: на основании тех же самых данных и в той же последовательности поверх схемы черепа в профиль воспроизводится схема лица в профиль; однако, в отличие от графической реконструкции, здесь не производится дальнейшая прорисовка лица.

Основная работа по графической фиксации связана с построением лица в виде некоторого ряда схем в фас и сверху, в различных сечениях и плоскостях (рис. 44). Это вспомогательный прием, дающий возможность наглядно и объективно построить в виде графических схем толщину мягкого покрова на черепе и показать толщину мягкого покрова в различных плоскостях и в разных точках головы и лица. Графическая фиксация позволяет отчетливо представить себе в проекции отношение отдельных участков и точек поверхности головы, ее рельефа, к нижележащему рельефу черепа. Этот этап даст объективный материал для портретного восстановления лица некогда жившего человека.

При графической фиксации особенную сложность представляет восстановление лица. В последующем изложении мы не будем описывать процессы восстановления мягких тканей по своду черепа, так как это не требует специального рассмотрения. Из первой главы совершенно ясно, что восстановление мягких тканей головы по всему своду не трудно и достигается с достаточной степенью точности. Восстановление же лица в графической схеме, или графической фиксацией, или в скульптурной реконструкции является основной задачей, которая требует постоянного, очень тщательного анализа и целого ряда доказательств при построении той или иной детали лица. Вот почему, рассматривая графическую фиксацию лица, мы должны подробно описать и самый материал, и процесс воспроизведения каждого отдельного сечения лица, иллюстрируя этот материал соответствующими схемами.

При исследовании трупного материала выработались определенные приемы измерения толщины мягких тканей по горизонтальным сечениям. Для этого были предприняты специальные работы по специфической препаровке голов методом распила (см. главу I, стр. 48). В дальнейшей работе по созданию приема графической фиксации нами были использованы наиболее типичные сечения головы и лица; но если на подлинной голове в процессе препаровки мы производили просто горизонтальный распил через всю массу мягких тканей и костей, то при реконструкции нет необходимости в распиле черепа. Наоборот, череп как единственный, уникальный материал требует сугубой осторожности при работе с ним. В случае плохой его сохранности необходимо, как было сказано выше, произвести соответствующую консервацию. Для получения нужных сечений черепа мы прибегаем к способу горизонтальных обводок посредством специального прибора — краниографа.

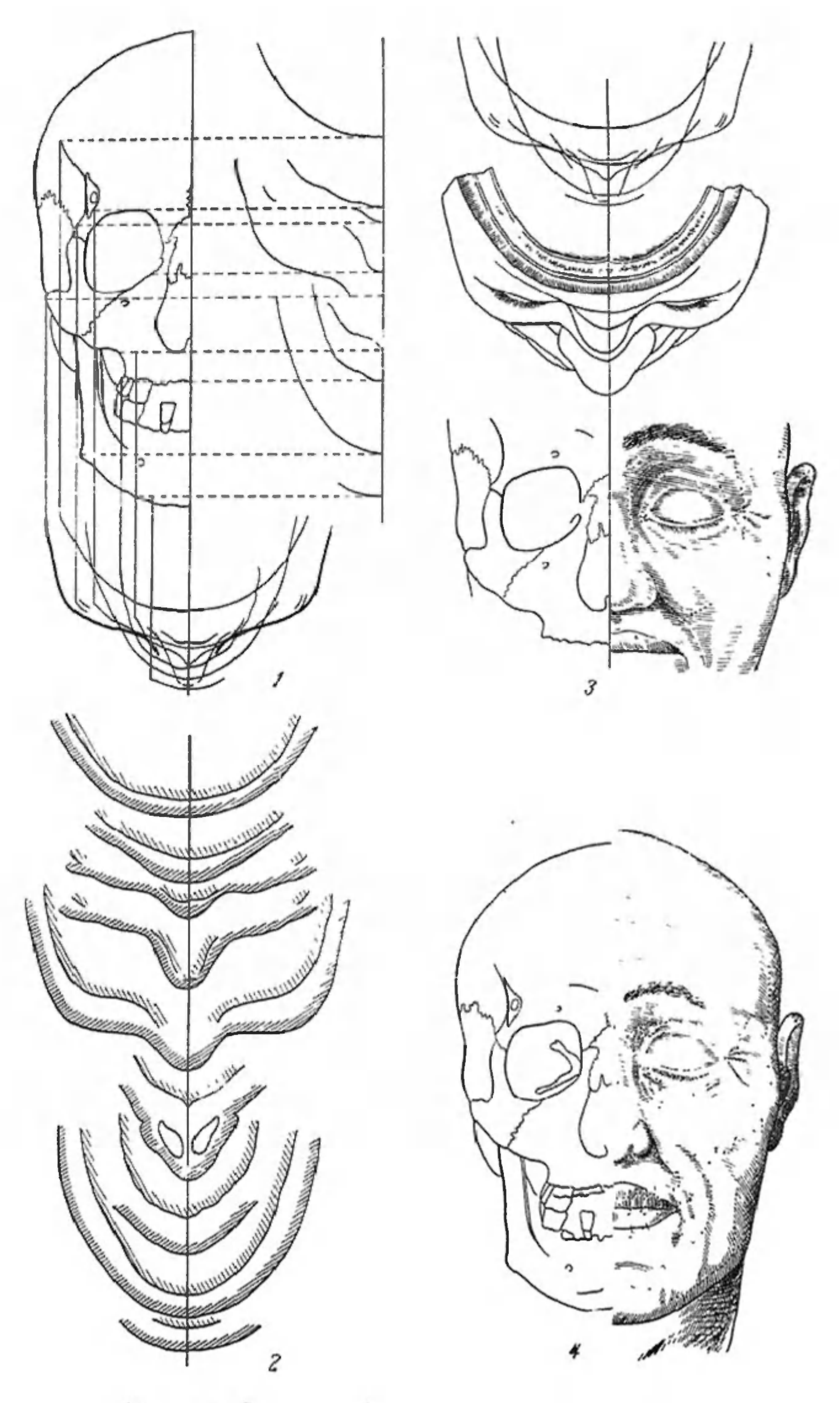

Рис. 44 Схемы графического восстановления лица:

1 — горизонтальные сечения черепа, *2* — восстановленные толщины мягких покро вов по горизонтальным сечениям черепа, *3* и *4* — графическое построение лица

Практика показала, что особенно интересны горизонтальные сечения передней части головы через следующие точки: 1) лобные бугры, 2) глабеллу, 3) носолобный шов, 4) конец носовых частей, 5) максимальную ширину скуловых костей, 6) подносовой шип, 7) подбородочную борозду, 8) по линии максимального выступания подбородка.

Совершенно естественно, что в процессе получения этих обводов они фиксируются в одной плоскости в виде сложного рисунка, перекрещивающихся линий (рис. 44). Во избежание путаницы необходимо эти сечения проводить карандашами различных цветов или условными линиями пунктира. Для упрощения пользования этими обводами каждый отдельно из них калькируется, причем для сохранения их единого взаимоотношения необходимо провести общую, единую ось медиального сечения лица. При ее проводке ориентируются средней частью глабеллы и серединой подносового шипа (рис. 44). Не должно смущать, что такое деление лица, как правило, будет неравносторонним. Дело в том, что лицевые кости черепа в такой же степени асимметричны, как и лицо.

Полученная схема графических сечений как бы раздвигается по оси, и, таким образом, каждый из профилей становится доступным для дальнейшей обработки. На каждом сечении, в соответствии с внешним его краем, откладывают по стандарту отметки толщины мягких тканей, которые в дальнейшем объединяются в одну линию контура. В результате этого возникают сечения мягких тканей лица в различных плоскостях. Полученные таким образом стандартизованные отметки толщины по профилям сечения должны быть исправлены в соответствии со степенью индивидуального рельефа. Полученные сечения мягких тканей механически могут быть перенесены на подлинный череп. Как уже говорилось выше, при выборе того или иного стандарта следует исходить не из этнических признаков субъекта, а из структурных, морфологических, конституциональных особенностей его, с учетом, конечно, прежде всего возраста и пола.

Только учитывая максимально большое количество индивидуальных признаков в каждом отдельном случае, можно ожидать в этих схемах правильного решения, т. е. приближения к подлиннику. Облекая обводы черепа в мягкие покровы, мы как бы получаем сечения лица.

Графические схемы сечений обрабатываемого черепа обводят контуром реконструированного, по стандартным данным, лица. Это дает возможность наглядно представить сечения лица и головы. Такие схемы позволяют учесть неточности в принятом стандарте и, следовательно, имеют вспомогательное значение в последующем процессе скульптурного воспроизведения головы, так как при нанесении воскового гребня на череп исходят уже из графического изображения сечений.

4. Скульптурное воспроизведение головы по черепу

В процессе скульптурного воспроизведения лица по черепу мы прибегаем к помощи описанных выше стандартов толщины мягких тканей. В процессе графической фиксации мы имели возможность построить толщину мягких тканей в соответствии с принятым стандартом в различных сечениях лица. Полученные сечения механически переносятся на подлинный череп в виде гребня соответствующей толщины. Наиболее ответственным является гребень по профилю — по медиальному сечению черепа. Следующий гребень, столь же ответственный,— по среднему сечению лица, проходящему по франкфуртской линии. Эти основные гребни служат опорными, к которым может быть, в зависимости от слож-

ности лица, приложен ряд других гребней горизонтального и вертикального сечений головы в соответствии с отметками стандартов. После тщательной проверки основных гребней производится моделировка головы.

При изготовлении бюста вопрос постановки головы на шее крайне важен и ответствен, так как совершенно очевидно, что посадка головы, наклон ее являются индивидуальными качествами субъекта. Наклон головы очень часто определяется возрастом, профессией, состоянием здоровья, а кроме того, и индивидуальными привычками. При портретной реконструкции совершенно необходимо считаться с этим, на первый взгляд, второстепенным фактом. Тщательный анализ основания черепа, его наклона, формы суставных поверхностей шейных позвонков дает возможность с достаточной точностью реконструировать привычную посадку головы каждого человека. В соответствии с данными о посадке головы изготовляется деревянный каркас, по своей форме не выходящий за пределы контуров шеи и верхней части груди. Этот каркас укрепляется на плоскости массивной деревянной доски посредством врезания в паз или гвоздями, шурупами. Подлинный череп или точный его слепок, с восстановленными уже жевательными мускулами, ставится на каркас в том положении, которое свойственно данному субъекту в соответствии с морфологическим строением основания черепа.

Укажем последовательность этапов скульптурного воспроизведения лица по черепу (рис. 45, 46):

1) закрепление нижней челюсти;
2) вылепливание m. masseter и m. temporalis;
3) нанесение медиального гребня;
4) нанесение горизонтального гребня, среднего сечения (франкфуртская горизонталь);
5) нанесение ряда гребней на своде;
6) объединение гребней свода в единый покров мягкой ткани;
7) моделировка глазного яблока и установка его;
8) моделировка лба, носа и рта;
9) закрепление головы на штативе;
10) мелкая доделка деталей лица, обработка поверхности, вылепливание морщин, складок;
11) вылепливание общей формы ушей и прикрепление их в соответствии с формой нижней челюсти, с формой и величиной сосцевидного отростка;
12) моделировка шеи и груди;
13) воспроизведение прически и одежды;
14) скульптурная отделка.

Перейдем к рассмотрению основных элементов собственно процесса воспроизведения.

Прежде всего воспроизводится m. masseter. Как его воспроизводить, на чем базироваться в его форме,— мы уже не раз говорили выше. Основой для правильного понимания этого мускула являются прежде всего степень развития рельефа и общая массивность скуловой кости, латеральной ее части, и скуловая дуга. Кроме того, на форму и величину этого мускула непосредственно влияет форма восходящей ветви челюсти — ее массивность, ширина, протяженность, общий рельеф и микрорельеф.

При восстановлении жевательного мускула (m. temporalis) надо отчетливо представить себе верхнюю границу мускула, ее общую мощность, основное направление тяжей в соответствии с общей формой височной ямы, формой скуловой кости. Практикой выработался прием не дифференцированного вылепливания отдельных волокон этого

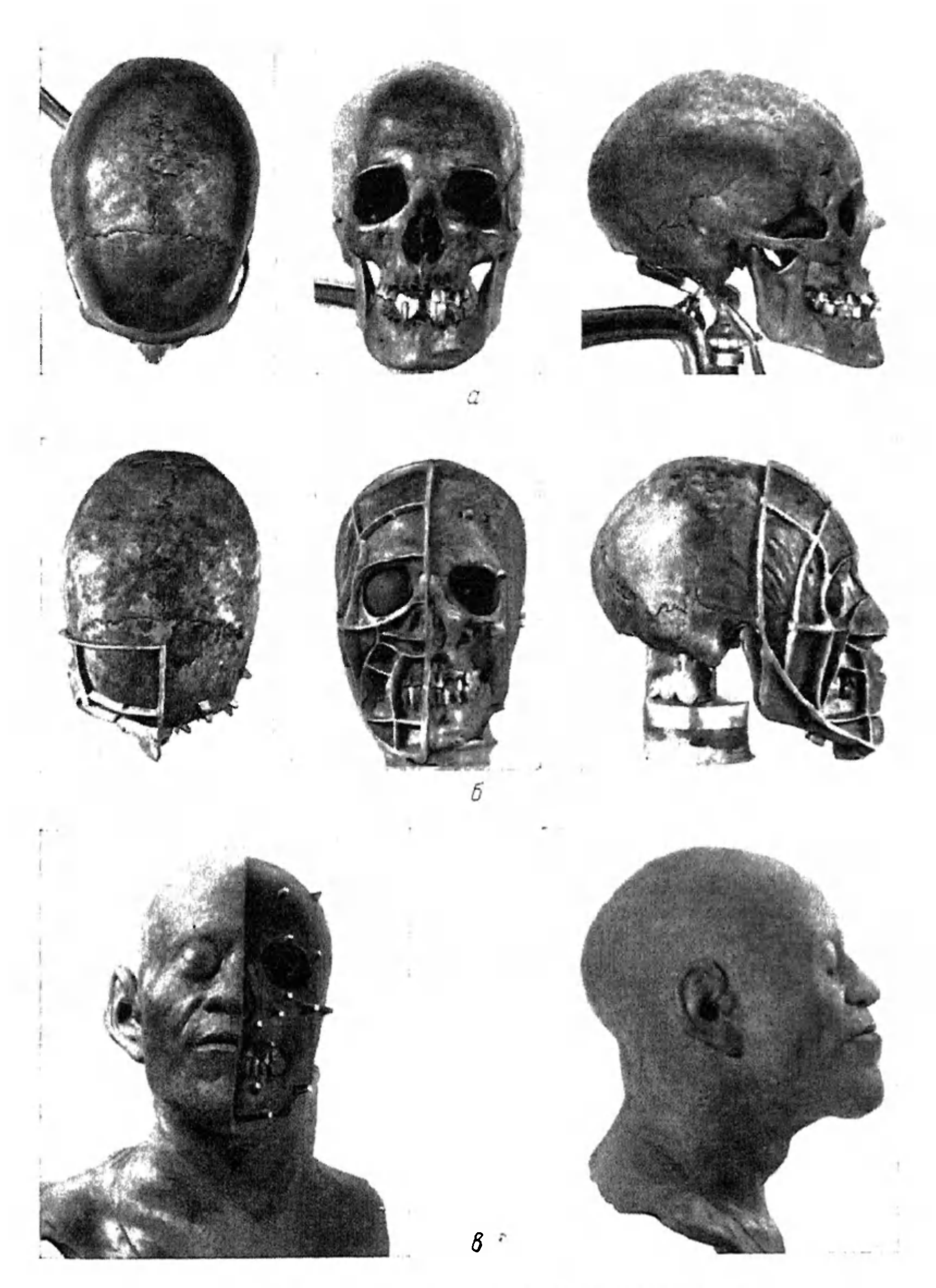

Рис. 45. Процесс скульптурного восстановления головы:

а — череп, в трех нормах, *б* — восстановление основных гребней толщины мягких покровов на черепе, *в* — основные процессы восстановления головы.

Рис. 46. Готовая реконструкция

мускула, а обобщенного его решения. Внешней границей этого мускула, его рельефа, может служить провизорно ряд касательных, радиально идущих от угла латеральной части верхнего края скуловой кости по направлению к различным точкам границы височной ямы. Эти касательные в грубой форме будут ограничивать основную толщу мускула; в соответствии со степенью развития рельефа необходимо произвести поправку этой обобщенной схемы. Первая же попытка воспроизведения жевательных мускулов на черепе разъясняет всю техническую простоту и закономерность их реконструкции. Индивидуальную форму этих мускулов с отчетливостью можно диагностировать при рассмотрении хотя бы небольшой серии черепов и препаратов мускулатуры. В первой главе мы неоднократно освещали элементы индивидуального отклонения, своеобразия строения жевательной мускулатуры. В результате большого опыта мы можем утвердительно говорить о постоянно наблюдаемой закономерной функциональной связи между рельефом кости, местом прикрепления

Рис. 47. Построение профиля носа.

этих жевательных мускулов и их внешним оформлением. Все это в значительной степени облегчает правильное их воспроизведение с учетом индивидуальных особенностей и тем самым способствует точному воспроизведению овала лица.

Кольман и Бёхли, восстанавливая голову женщины эпохи свайных построек, при накладывании мягких покровов на череп пользовались системой маяков. На весь череп были нанесены пирамидки из воска, в соответствии с точками измерений мягких тканей на трупе, причем высота этих пирамидок соответствовала всегда толщине обобщенного мягкого покрова. В начале своей работы я также пользовался этим техническим приемом. Впоследствии, после разработки графической схемы фиксации, маяки были заменены гребнями, соответствующими горизонтальным сечениям лица. Это облегчало процесс работы и уменьшало возможность ошибок. Эти гребни вылепливаются из специального скульптурного воска. После проверки правильности высоты их, являющейся как бы сечением толщины мягких тканей, этим же воском заполняют пространства между гребнями. Так возникает основная схема головы.

Построение мягкого носа на черепе достигается следующим образом. Из того же плотного воска вылепливается тонкий гребень, который является как бы прямым продолжением носовой перегородки и повторяет степень ее кривизны. Этот гребень определяет основное направление асимметрии мягкого носа. Точно так же, как и на графической схеме, на этом гребне проецируется кончик носа, а затем по данным грушевидного отверстия и по форме носовых костей моделируется внешняя форма мягкого носа. Степень вырезки ноздрей определяется теми же данными, как и при графической схеме; в равной степени этими же данными следует оперировать при восстановлении внешней формы крыльев носа (см. рис. 47).

Глазное яблоко вылепливается отдельно, с учетом индивидуальных размеров орбиты, и вставляется внутрь последней, причем степень выступания глазного яблока вперед определяется прямой, проходящей через середину верхнего и нижнего краев глазницы. Круговые мышцы

вылепливаются в виде тонких пластинок, обволакивающих часть глазного яблока и края орбиты Определение формы разреза глаза описано в главе I (стр. 71—79). Точно также не дифференцированно, но с учетом конфигурации альвеолярных отростков, формы зубов, характера прикуса вылепливаются мышцы, слагающие ротовое отверстие, в соответствии с уже описанными данными. Внимательное изучение далее публикуемых этнических портретов дает возможность судить о различных вариантах и индивидуальных отклонениях соотношения мягких покровов, формирующих рот, и его костной основы. Моделировка подбородка, носогубной складки, ушей освещалась ранее.

§ 11. КОНТРОЛЬНЫЕ ОПЫТЫ И КРИМИНАЛИСТИКА

1. Контрольные опыты

Сознание большой ответственности при воспроизведении лица во черепу и не всегда сочувственное суждение историков о степени приближения к подлинности создаваемых этнических портретов побудили меня поставить ряд проверочных, контрольных работ. Этому и было посвящено мною все последнее время, но тут возникло совершенно неожиданное препятствие. Оказалось, что именных черепов, т. е. черепов, связанных с портретами, в распоряжении научных и учебных институтов почти нет. Однако кое-что в этом направлении все же удалось сделать.

В 1912 г. в Москву была привезена группа папуасов, которая и демонстрировалась для широкой публики. Д. Н. Анучин вел очень тщательное наблюдение над этой группой, и именно по его настоянию папуасы были увезены из Москвы, так как суровый климат был для них губителен. Но один из папуасов заболел туберкулезом и погиб. Д. Н. Анучину удалось получить в Музей антропологии Московского университета труп скончавшегося папуаса, где и были проведены очень тщательные и интересные исследования. В настоящий момент в музее хранится ряд ценнейших препаратов и в том числе полный скелет папуаса. Череп этого папуаса и послужил для моей первой контрольной работы в 1939 г. Само собой разумеется, что я не имел ни малейшего представления о том, чей череп был мне передан для воспроизведения внешнего облика. По данному черепу была восстановлена половина лица. Несмотря на то, что череп был одет в покровы толщиной, типичной для европейца, опыт удался; особенно это видно при рассмотрении профиля изображения. Подлинная фотография этого папуаса изображает его в пышной прическе, с массой украшений, с бородой и вставленными в нос и губу клыками какого-то животного. Несмотря на это, сходство скульптурного портрета с оригиналом таково, что только очень немногие из скептиков могли сказать, что оно антропологического, а не индивидуального порядка, однако и они должны были признать несомненность этого сходства (рис. 48).

Второй опыт был произведен по черепу Лустало, известного спортсмена своего времени, замечательного пловца, первым переплывшего Ламанш, впоследствии прекрасного тренера по фехтованию и боксу. Лустало завещал свой скелет Институту имени Лесгафта в Ленинграде, где проработал многие годы. Восстановленное мною лицо Лустало было опознано рядом его учеников; они все предполагали, что предложенный их рассмотрению портрет учителя был выполнен по плохой фотографии. Неполное сходство объясняется тем, что на воспроизведенном портрете была другая прическа и не было столь характерных для Лустало усов.

Ставя себя задачу разработать метод портретной реконструкции лица неизвестного человека по его черепу и довести этот метод до прикладного

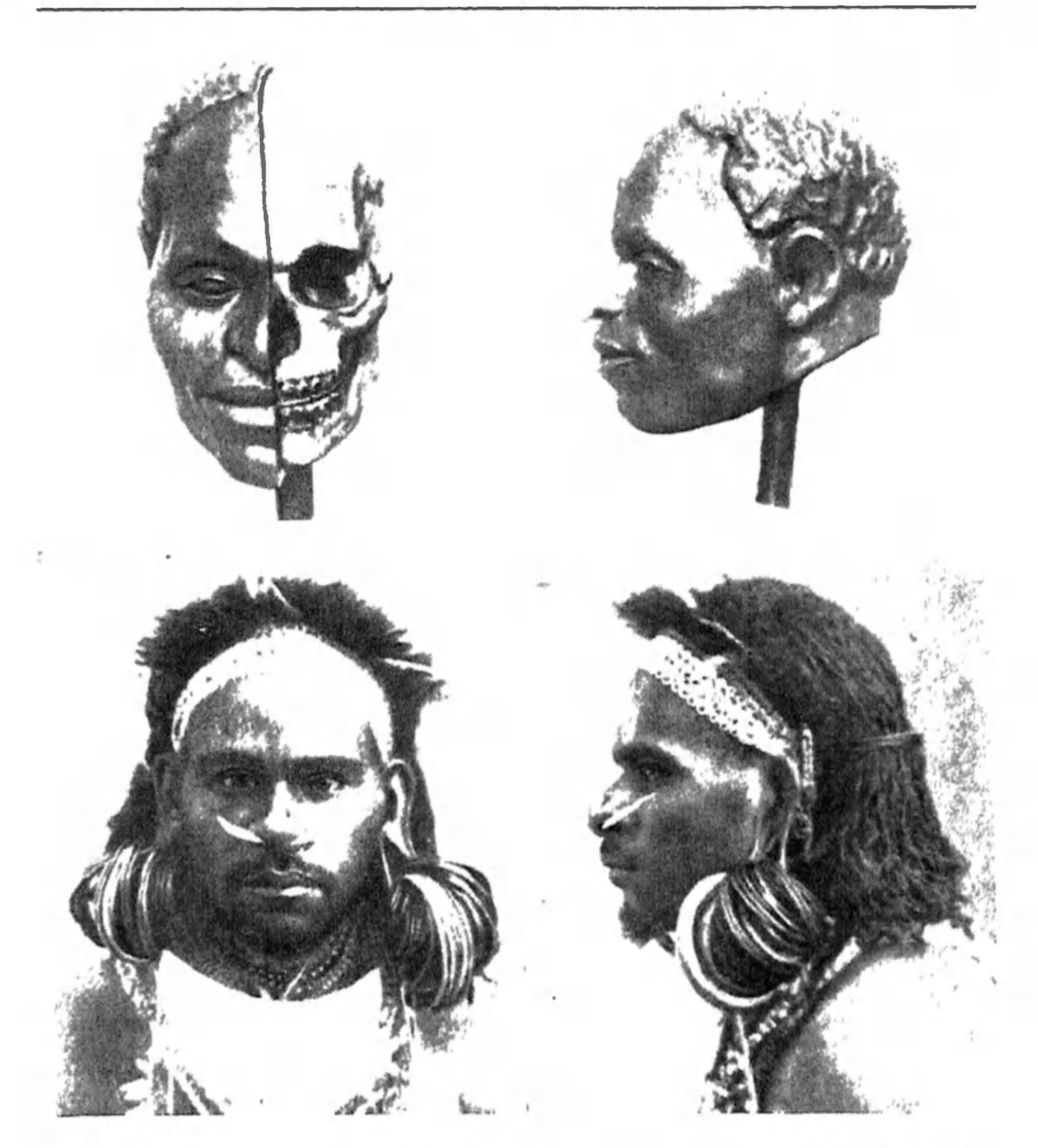

Рис. 48. Контрольный опыт восстановления головы папуаса (МГУ, 1938 г.).

руководства, мы сочли естественным провести возможно большее число контрольных работ. Мы были убеждены, что в процессе накопления опыта могут быть неудачные, несовершенные реконструкции, но что основная их масса должна быть близка к оригиналу. Было ясно, что только путем массового накопления опыта, наряду с систематическим наблюдением и измерением лица живых людей, а равно и на трупах, можно будет создать действительную методику, с помощью которой не только мы, но и наши преемники смогут с достаточной точностью восстанавливать лица неизвестных им людей.

Говоря о портретности, мы никогда не имели в виду абсолютную идентификацию полученной реконструкции с лицом некогда жившего человека, но лишь такую степень приближения к подлиннику, по которой с очевидностью мог бы быть опознан неизвестный. Достаточно известно,

что даже фотографический портрет отнюдь не является тождественным с оригиналом. Еще менее объективен портрет художественный, будь то живописный или скульптурный. Реконструкция по черепу, как нам казалось, в силу чисто технического, объективного подхода к решению ряда деталей, должна занять какое-то промежуточное звено между художественным образом и фотографией. Она должна дать обобщенный облик, имеющий, однако, все черты портретности, достаточной для опознания неизвестного.

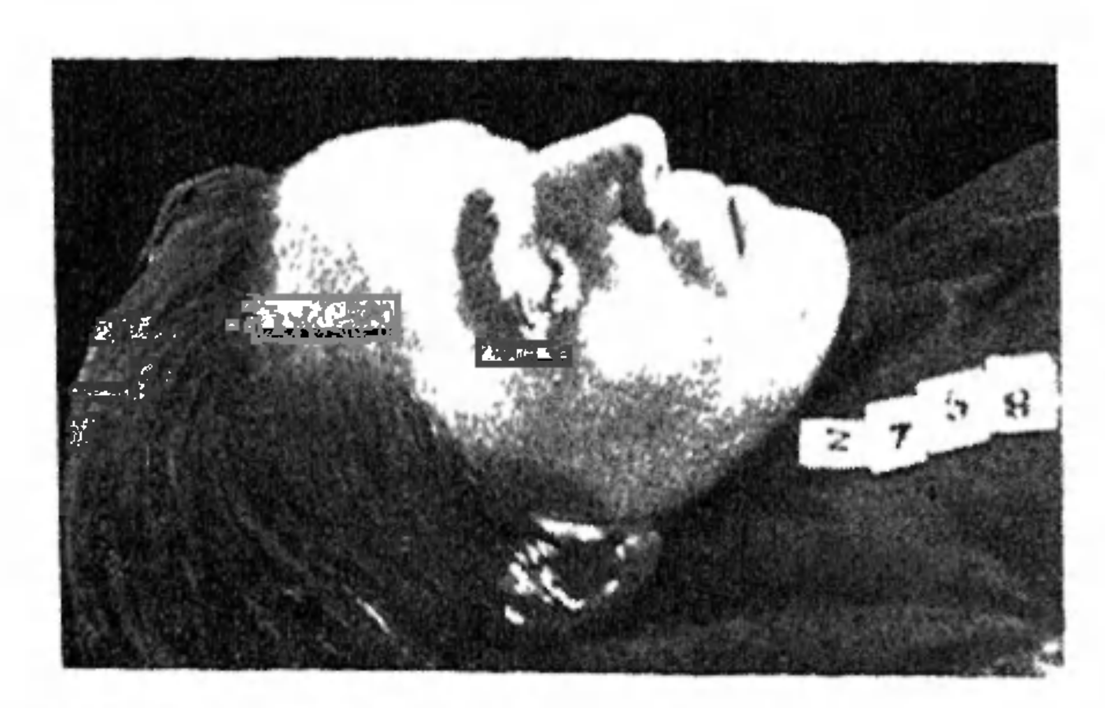

Рис. 49. Контрольное восстановление неизвестной.

В конце 1940 г. и в начале 1941 г. удалось поставить массовый контрольный опыт. Мой первый учитель, профессор кафедры судебной медицины в г. Иркутске, А. Д. Григорьев в это время был заведующим кафедрой судебной медицины III Московского медицинского института и через свою анатомическую базу в Лефортовском морге обеспечил производство контрольных работ. За короткое время было обработано 12 голов. Техника работы была следующая: в мое распоряжение поступали мацерированные черепа с номерами протоколов Лефортовского морга, присылавшиеся по почте в Ленинград. По окончании реконструкции ряда голов я выезжал в Москву, где на специальных конференциях кафедры судебной медицины излагал принципы методики и демонстрировал полученные результаты. Контрольным материалом служили фотографии, снятые представителями уголовного розыска, и хранящиеся в Лефортовском морге протоколы. Естественно, что эти документы я впервые видел во время демонстрации изготовленных мною контрольных голов. Три конференции были посвящены данным опытам: на первом докладе были продемонстрированы шесть голов, из которых одна принадлежала русской женщине, три — русским мужчинам, одна — поляку и одна — китайцу; на втором заседании демонстрировались четыре мужские головы: одна — русского, три — украинцев; на третьем заседании — две мужские головы. Полученные результаты превзошли ожидания: во всех 12 случаях было констатировано очевидное портретное сходство. Большим минусом было то, что фотографии во всех случаях были сняты с трупов, уже подвергавшихся анатомическому вскрытию, в реконструкциях же воспроизводилось живое лицо. Результатами этих работ заинтересовались антропологи, и поэтому доклад со специальной демонстрацией новых

контрольных опытов был повторен в Антропологическом институте Московского университета. Достигнутые нами результаты засвидетельствованы в протоколах всех этих совещаний (рис. 49).

2. Криминалистика

В криминалистической практике нередки случаи, когда невозможно опознать пострадавшего. Большей частью это бывает в результате разрушения, т. е. когда труп в силу каких-либо причин попадает в условия, в которых процесс разрушения форсируется, и пострадавший бывает обнаружен в таком состоянии, что опознание его возможно только по вещам, его сопровождающим. Однако бывают случаи, когда нет никакого сопровождающего материала, который мог бы способствовать опознанию умершего (например, сильно обгоревшие трупы или утопленники). В практике криминалистики известно и заведомое уродование трупа, расчленение его, в целях сокрытия личности убитого. Во всех подобных случаях, если сохранился череп, возможно применение методики восстановления лица, что обеспечивает доброкачественный материал для опознания пострадавшего. Практика применения в криминалистике нашей методики[1] показательна и достойна упоминания в настоящей работе.

I. В 1939 г. близ Ленинграда был обнаружен разрушенный скелет человека. С костями не было найдено никаких материалов, которые могли бы способствовать опознанию умершего. Череп был передан мне. Задача заключалась в том, чтобы определить пол и возраст и восстановить облик пострадавшего.

Это был юношеский череп (12—13 лет). Значительно труднее было определение пола, так как вследствие молодости пострадавшего характерные признаки пола на черепе были выражены слабо. Но все же некоторое усиление рельефа затылка, а равно и микрорельефа лицевого скелета указывало на то, что, вероятнее всего, это был мальчик.

Восстановленная голова была сфотографирована. Для придания большей убедительности реконструкция была одета в пальто и кепку.

Отец этого мальчика был вызван следственными органами Ленинграда для свидетельского показания. Для получения совершенно объективного показания следственные органы предъявили отцу пропавшего мальчика 30 различных фотографий детей того же возраста, в числе которых были и фотографии, снятые с восстановленной головы убитого. Отец сразу, безоговорочно узнал в скульптурном портрете своего сына.

II. 24 апреля 1940 г. в Сталинграде исчезла молодая женщина В. К., 1918 г. рождения. В августе того же года за городом был найден разрозненный скелет женщины. Дело вела народный следователь т. Киркина. По ее просьбе была произведена реконструкция головы женщины в целях идентификации найденного скелета с фотографиями В. К.

3 апреля 1941 г. посылка с черепом была получена. Для ее вскрытия и дальнейшего контроля была создана специальная комиссия из трех человек (сотрудников Института истории материальной культуры Академии наук СССР, где я в то время работал). Председатель комиссии доктор исторических наук Б. Б. Пиотровский и члены комиссии кандидат

[1] См. статью «О возможности применения в следственной практике метода восстановления лица по черепу» («Советская криминалистика на службе следствия» вып. четвертый, Госюриздат, М., 1953, стр. 139).

исторических наук С. С. Черников и П. А. Круглов вскрыли посылку. Комиссия хранила в сейфе, в особом конверте, запечатанном сургучной печатью, фотографию В. К. Только по окончании реконструкции, со слов членов комиссии, была сделана прическа. (Весь процесс реконструкции фотографировался). После окончания всей работы над головой и фотографирования ее в двух нормах я впервые увидел подлинную фотографию В. К.

Процесс и результаты этой работы опубликованы в нашей первой книге[1].

III. В 1950 г. мной был получен череп для опознания. По окончании работы я продемонстрировал работникам прокуратуры реконструкцию. Одновременно мне была предъявлена фотография гражданки Н. С. При сравнении реконструкции с фотографией исчезнувшей было констатировано полное несоответствие не только отдельных деталей лица, но и, так сказать, всей конструкции головы. Степень несходства была столь очевидна, что мы, естественно, усомнились в том, что предъявленный нам череп действительно принадлежал пропавшей без вести Н. С.

Для выяснения возможной ошибки как в процессе реконструкции, так и в процессе следствия (случайное привлечение по данному делу черепа другой женщины) нами был произведен опыт совмещения фотографии Н. С. с фотографией переданного нам для работы черепа (рис. 50). При производстве данного процесса совмещения нами были учтены давно разработанные приемы технического процесса совмещения фотографии с живого лица и фотографии с черепа.

Полученный результат совмещения подтвердил, что присланный нам для реконструкции череп не мог принадлежать Н. С., так как при попытке наложить череп на лицо элементы их морфологического строения не совместились.

Совершенно очевидно, что присланный череп принадлежал другой неизвестной. Продолженное следствие подтвердило неправильность привлечения данного черепа по делу об исчезновении гражданки Н. С.

В тех случаях, когда череп и фотография действительно принадлежат одному и тому же лицу, при аппликации получается полное совпадение морфологических черт строения лица и черепа (см. рис. 51).

IV. В 1950 г. нам была поручена работа по реконструкции головы пожилой женщины. В 1950 г. комиссия 3-й инстанции при Главном медицинском эксперте Министерства здравоохранения СССР в составе председателя — Главного судебно-медицинского эксперта т. Полянского и члена комиссии — заведующего организационно-методическим отделом Института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР доктора медицинских наук профессора т. Григорьева, при нашем участии, констатировала сходство с фотографией, имеющейся на справке с места жительства, выданной 6 октября 1946 г. на имя гражданки М., 1900 г. рождения (см. рис. 52).

V. 21 апреля 1950 г. нами было получено письмо из Института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР следующего содержания: «Старшему сотруднику Института этнографии Герасимову М. М. Институт судебной медицины Министерства здравоохранения СССР просит Вас произвести реконструкцию лица неизвестного человека по его черепу, который вам будет доставлен судебно-медицинским экспертом Бегудской. И. о. директора института А. И. Полянский».

---

[1] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. Изд. «Советская наука», М., 1949

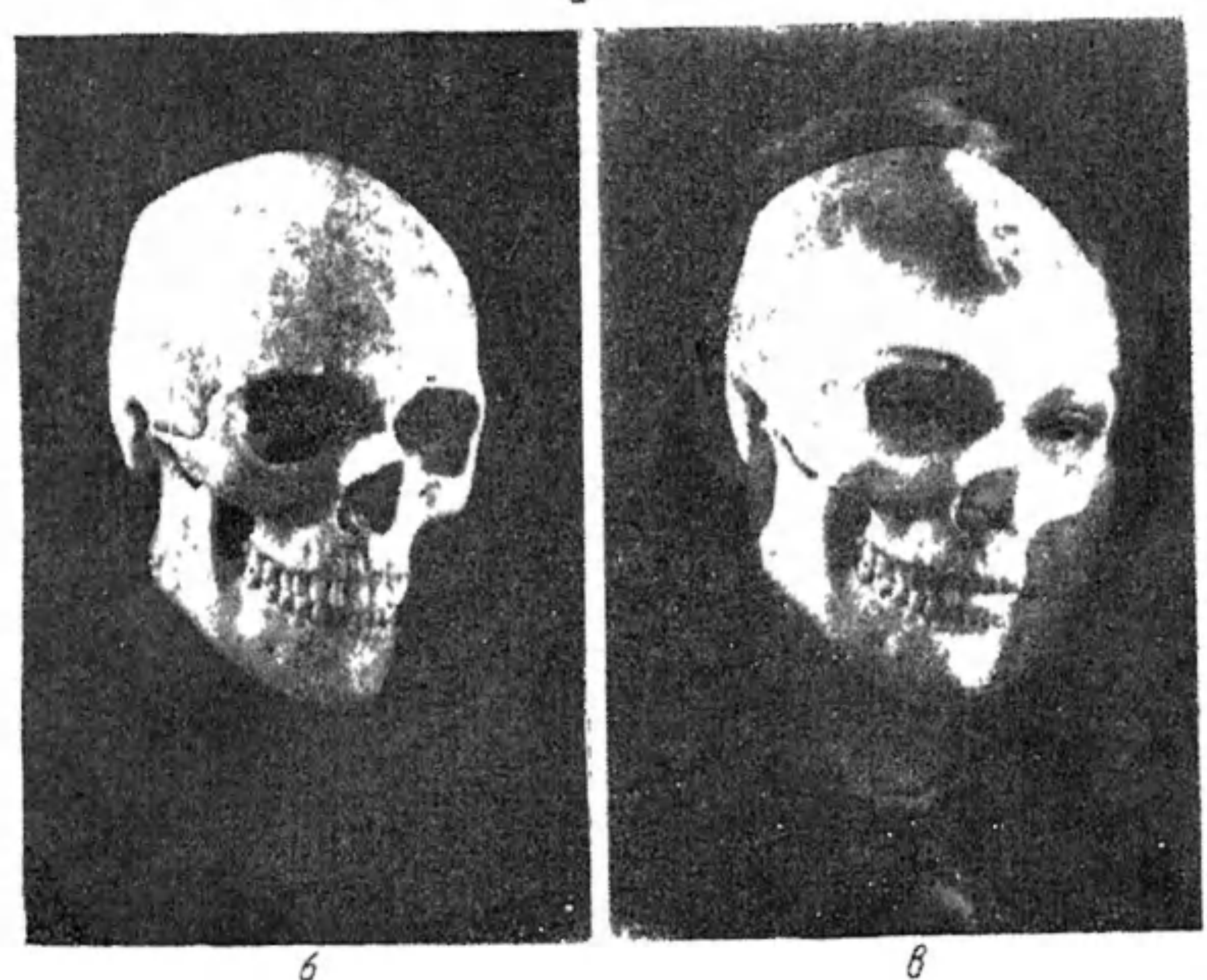

Рис. 50. Случай из криминалистической практики:

а — череп неизвестной; *б* — фотография прически исчезнувшей; *в* — реконструкция по черепу, *г* — фотография исчезнувшей (очевидно резкое несходство реконструкции и фотографии исчезнувшей); *д* — совмещение (аппликация) черепа и фотографии неизвестной (полное несовпадение деталей черепа и общей формы с фотографией). Череп, вероятно, принадлежит другой женщине.

а

б в

Рис 51 Опознание неизвестной Г Ф (дело 2—44 1955 г) методом аппликации:

а — фотография исчезнувшей в 1945 г Г Ф; б — череп, найденный в 1950 г, в — аппликация дает полное совмещение всех морфологических деталей лица и черепа. Череп, очевидно, принадлежит исчезнувшей в 1945 г Г. Ф.

Через несколько дней от т. Богудской был получен мацерированный череп неизвестного. Поспешность мацерации несколько сказалась на разрушении компакты лицевых костей; особенно сильно пострадали альвеолы верхней челюсти. При передаче черепа было сообщено, что останки данного субъекта найдены при уборке соломы (рис. 53).

Состояние останков было таково, что определение личности неизвестного оказалось невозможным Это и явилось основанием для передачи данного черепа для реконструкции. Акт № 114 свидетельствовал, что не-

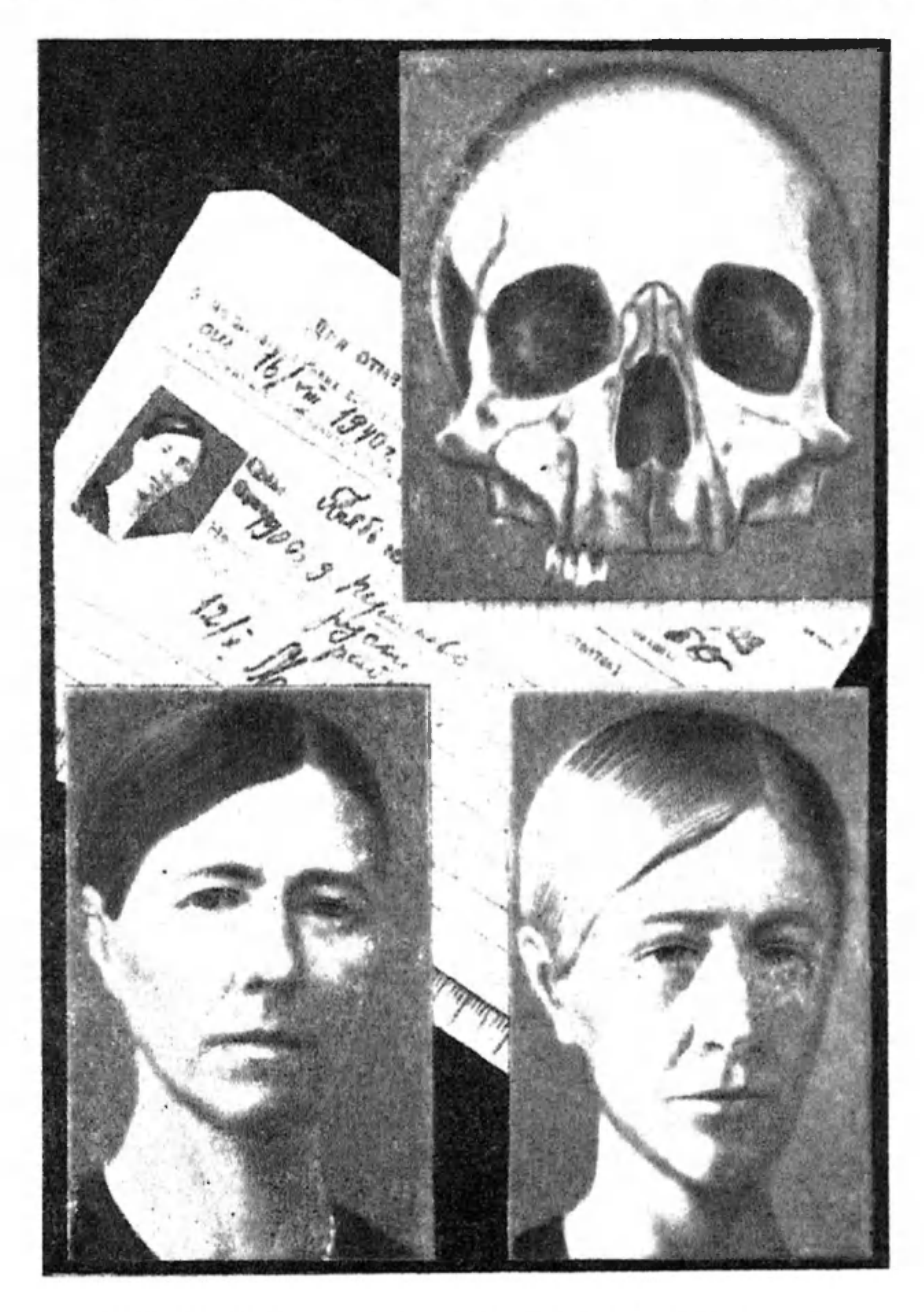

Рис. 52. Опыт опознания посредством восстановления лица по черепу.

известный погиб в результате истощения, а затем «охлаждения тела». Никаких следов насильственной смерти на трупе не обнаружено.

Тщательное изучение присланного черепа дало возможность определить возраст неизвестного в пределах 24—25 лет, а затем по данному черепу была воспроизведена голова молодого мужчины (рис. 53). Эта реконструкция была сфотографирована в трех поворотах. 19 июля 1950 г. я получил уведомление от областного судебно-медицинского эксперта т. Даденой о том, что фотография с восстановленной головы размножена и разослана с целью опознания неизвестного. Гражданка Х. в предъяв-

Рис. 53. Фото трупа на месте находки, голову найденного трупа опознать невозможно. Воспроизведенное лицо по черепу.

ленной ей фотографии узнала своего сына М. П., рождения 1925 г. Она сообщила, что сын работает в Московской области и живет в деревне Д., но давно уже не пишет. Матерью было указано как раз то место, где были найдены останки неизвестного. Администрация, запрошенная о том, где находится М. П., работающий у них, сообщила о том, что он исчез в 1949 г. и нигде не был обнаружен.

Таким образом, неизвестный был опознан и дальнейшее следствие прекращено.

VI. По делу об опознании гражданки Ц. Н. И. целесообразно привести в качестве материала некоторые данные акта нашего заключения.

На основании осмотра и изучения полученного для экспертизы черепа неизвестной женщины нами было установлено следующее:

1. Череп действительно принадлежит молодой женщине, возраст которой, вероятно, был не старше 30—35 лет.

2. Свод черепа сверху асимметричен, в лобной области это выражается в некотором уплощении рельефа надбровья. В фас отмечается значительная степень асимметрии лица, выходящая за пределы обычных норм, в частности, верхний край орбиты правого глаза, скуловой отросток лобной кости и примыкающий к нему лобный отросток скуловой сильно

ослаблены. Щечная поверхность скуловой кости правой стороны была несколько расширена по сравнению с левой: кроме того, она обладала сглаженным рельефом. Создавалось общее впечатление, что правая сторона лица более широкая, но вялая, анемичная. Вся форма лицевой части черепа указывает на сильную правостороннюю асимметрию. Строение правой орбиты дает возможность полагать наличие сильного нависания ослабленной складки века, которая, опускаясь, прикрывала внешнюю половину глаза по диагонали. Это нависание века и общая асимметрия лица производили впечатление пареза, однако выраженного не очень ярко.

3. Несмотря на отсутствие многих зубов, удалось восстановить сильное выступание вперед резцов верхней челюсти, т. е. наличие характерной формы крышевидного прикуса — стегодонтии. Это указывало на некоторое выступание верхней губы, т. е. на ее прохейлию. Отсутствие зубов лишало возможности дать точное заключение о толщине слизистой губы.

4. Несмотря на ослабленную нижнюю челюсть, особенно восходящих ее ветвей, широкий, как бы вывернутый край ее свидетельствует о значительном выступании широкого, округлого подбородка.

5. Крутая лобная кость с сильно развитыми лобными буграми несколько вынесена вперед.

6. При осмотре был отмечен метопический шов»

По окончании тщательного изучения морфологических особенностей данного для экспертизы черепа он был передан сотруднику лаборатории пластической реконструкции Н. Н. Мамоновой для детального измерения, описания и фиксирования в графических схемах. Привлечение сотрудника, работающего самостоятельно, дало возможность оценить степень объективности наших наблюдений, а графические схемы были необходимы для дальнейшей работы.

Привожу основные данные измерений и описание черепа неизвестной:

Череп женский, маленький, грацильный, со слабо выраженным микрорельефом, асимметричный, правый теменной бугор сдвинут к затылку больше, чем левый. Височная область лобной кости вздута с левой стороны больше. Лобный бугор левой стороны выражен резче. Общая форма сверху — средняя между сфеноидной и овоидной.

Черепной указатель — 80, 11, т. е. череп суббрахицефален. Черепной свод в профиль невысокий, удлиненный, с крутым лбом, сильно выраженными лобными буграми и глабеллой. Степень выступания глабеллы — 3 балла.

Надбровные дуги широкие, асимметричные, с левой стороны — с более сильным рельефом.

Лицо небольшое, низкое, относительно широкое, с выступающими скулами, слабо профилированными глазницами, средне высокими, правая больше, чем левая. Разрез глаз асимметричен, у правого — более приподнят внешний угол, у левого — разрез более горизонтальный.

Размеры орбит

	Правая	Левая
Высота, мм	30	29
Ширина, мм	41	40
Указатель	73,17	72,5

Нижняя челюсть слабая, подбородок выступающий, лицевой указатель: I — 80,16, II — 47,79.

Носовой указатель — 50,0.

Носовые косточки выступают несильно, подносовой шип короткий, чуть направлен книзу. Отверстие носа — грушевидной формы, слегка асимметрично в правую сторону.

Приведенные размеры и описания подтверждают первоначальный диагноз индивидуальных особенностей лица неизвестной.

19 января 1951 г. я приступил к графической реконструкции разреза глаз и профиля головы по черепу (рис. 54). 22 января было начато скульптурное воспроизведение лица неизвестной по черепу (рис. 55).

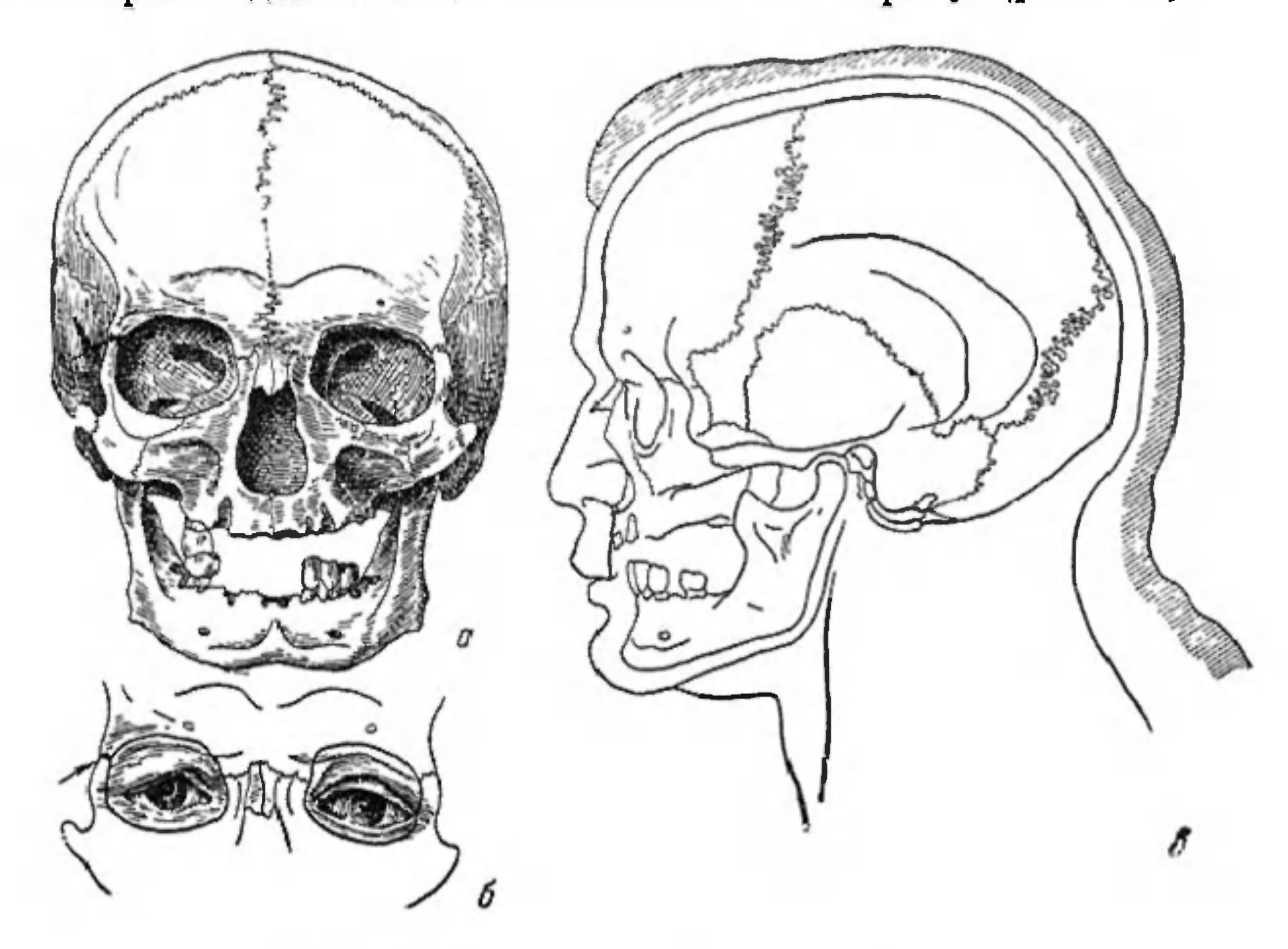

Рис. 54. Опознание неизвестной:

а — череп неизвестной, б — реконструкция патологической формы века по данным черепа, в — графическая реконструкция профиля неизвестной.

По окончании скульптурного восстановления лица неизвестной по черепу было произведено сравнение реконструкции с фотографией гражданки Ц. Н. И.

Для этой цели был произведен монтаж вырезанных фрагментов подлинной фотографии и реконструированного лица. Вырезанные фрагменты были перемещены и вклеены так, как если бы являлись продолжением фотографии. В обоих случаях было констатировано совпадение деталей лица (рис. 56).

При тщательном анализе отдельных деталей реконструированного лица по черепу гражданки Ц. Н. И. и сравнении его с подлинной фотографией мною была обнаружена мелкая, но досадная ошибка, явившаяся результатом недооценки общей взаимосвязи всех деталей лица. Совершенно правильно диагностировав степень пареза, правильно поняв степень опускания правого века, в дальнейшем при скульптурном воспроизведении я не учел того, что одновременно должна была переместиться вниз и бровь. Она была воспроизведена в обычной норме.

Эта мелкая ошибка, хотя и не помешала отождествлению реконструированного лица с подлинными фотографиями и опознанию личности, все же предостерегает нас от ошибок, которые в ряде других случаев могут послужить препятствием при опознании неизвестного.

Рис. 55. Опознание неизвестной

а — фотография гр-ки Ц. Н. П., б — в — реконструированное лицо по черепу.

а б

Рис. 56. Выяснение степени приближения реконструкции путем монтажа перемещенных фрагментов лица прижизненной фотографии Ц. Н. П. и фотографии восстановленного лица по черепу неизвестной

а — фотография прижизненная, б — фотография с лица восстановленного.

После этого реконструкция была разрушена для того, чтобы можно было освободить череп, необходимый для последующей операции совмещения его фотографии с фотографией исчезнувшей гражданки Ц. Н. И.

На основании проведенной работы — реконструкции лица неизвестной женщины по черепу и последующей идентификации восстановленного лица неизвестной женщины с фотографией Ц. Н. И.— прихожу к следующему заключению.

Биологический возраст черепа неизвестной женщины близок к возрасту исчезнувшей гражданки Ц. Н. И.

Реконструкция лица по данному черепу дает возможность утверждать наличие общей формы асимметрии восстановленной головы по черепу неизвестной и фотографии гражданки Ц. Н. И.

Восстановленный парез в значительной степени соответствует действительному, зафиксированному фотографией у гражданки Ц. Н. И.

Степень приближения реконструкции по черепу неизвестной к фотографии Ц. Н. И. особенно очевидна при сегментном монтаже лица. Такое совпадение пропорций, степени асимметрии, характера и степени правостороннего пареза вряд ли было бы возможно, если бы череп, послуживший основой для реконструкции, принадлежал какой-либо другой женщине, а не исчезнувшей гражданке Ц. Н. И.

Более чем 20-летний опыт работы в области восстановления лица по черепу убеждает меня в том, что ни один череп не может быть правильно вписан в фотографию лица другого человека. Индивидуальная степень асимметрии, различные индивидуальные отклонения от нормы и, наконец, просто тотальные размеры могут совместиться только в одном случае,— когда череп принадлежит тому же субъекту, что и фотография. Отсюда следует, что при аппликационном совмещении посредством двойной фотопечати лица и черепа всегда с очевидностью можно отождествить лицо с черепом. На рис. 57 показана такая степень совпадения черепа неизвестной с лицом гражданки Ц. Н. И., какая возможна не только при условии принадлежности фотографии черепа одному и тому же субъекту, но и при условии, что между временем фотографирования и смертью субъекта прошел сравнительно небольшой период времени. Нам представляется, что данная фотография с гражданки Ц. Н. И. была сделана примерно за год или два до ее исчезновения. Идентификация черепа неизвестной, труп которой был извлечен из реки близ города А., с фотографией исчезнувшей гражданки Ц. Н. И. вряд ли может быть аргументирована более отчетливо, чем в данном случае.

Дальнейшее следствие подтвердило правильность данной экспертизы. Действительно, переданный мне череп принадлежал гражданке Ц. Н. И.[1]

* * *

Приведенные факты опознания неизвестных свидетельствуют о том, что разработанный метод достаточно объективен и может быть иногда использован в криминалистической практике. Этот метод может, действительно, оказать услугу следствию в случае невозможности даже предположительного сопоставления особенностей неизвестного трупа с каким-либо определенным лицом, так как по воспроизведенному лицу возможно опознание.

---

[1] Н. Пахомов. Работа лучших следователей. М., Юриздат, 1951.

Рис. 57. Опознание неизвестной:

а — фото исчезнувшей, *б* — фото черепа, *в* — аппликация: череп чуть виден на фоне лица, *г* — фото лица и впечатанный в него череп. Полное совпадение морфологических деталей лица и черепа.

Теоретически можно представить случаи необходимости опознания или выделения черепа определенного лица из группы недокументированных черепов. Предлагаемый метод может оказать помощь и в таких случаях.

Должен отметить, что до сих пор мы заведомо усложняли процесс опознания неизвестного, пользуясь только чистыми мацерированными черепами. Между тем даже при плохой сохранности трупа нередко остаются отдельные детали, например, части уха, хрящи носа, щеки, волосы и т. д. Учет всех этих подлинных останков может быть в ряде случаев использован при восстановлении лица по черепу и способствовать уточнению реконструкции. На первых порах в целях полной объективности мы заведомо отказывались от этих, иной раз сохранившихся, деталей головы и лица. Теперь, когда в основном практически разработана программа процесса восстановления лица по черепу, доказаны ее методическая правильность и объективность, целесообразно пользоваться всем имеющимся подлинным материалом, в том числе и остатками мягких тканей.

В результате наших работ достоверно выяснилось, что наиболее важными в портретной реконструкции являются не мелкие детали лица сами по себе, а их комбинации, соотношения формы и величины, асимметрия как общая, так и отдельных деталей. Нередко нами было констатировано, что при ошибке в форме ноздрей, век, даже губ, возможно опознание неизвестного по общему облику, т. е. при учете пропорций, асимметрии, индивидуальной патологии. Теперь следует давать одновременно с мацерированным черепом и максимально точные снимки; особенное внимание при этом следует обращать на форму носа, рта, бровей, ушей и т. д. Весь этот материал будет в большой степени способствовать получению правдоподобного облика неизвестного и тем самым в значительной степени облегчит процесс реконструкции, ускорит его, приблизит к процессам следствия. При этом, однако, не следует передавать фотографии пострадавшего до окончания работы.

До сих пор еще плохо разработаны методы идентификации скульптурного портрета с фотографией живого человека, но это, конечно, явится результатом систематической практической работы.

Для успешного использования изложенного метода реконструкции лица по черепу в практике следствия в первую очередь необходимо:

1) повысить объективность при сравнении фотографий с живого и реконструированного лица, для чего следует разработать технические приемы сегментного монтажа, используя свойство индивидуальной асимметрии лица;

2) своевременно поставить вопрос перед криминалистами о создании кадров специалистов прикладного использования предложенного метода.

Уместно отметить, что сотрудники лаборатории пластической антропологической реконструкции в течение двух лет овладели техникой реконструкции лица по черепу и имели возможность успешно применить свой опыт в криминалистической практике. Результаты их работы, видимо, могут быть ими опубликованы в ближайшее время.

Глава III

ЛЮДИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

«... „Седая древность" при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям».

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг
Госполитиздат, 1953, стр. 169

§ 12. ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТОВ ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИХ АНТРОПОГЕНЕЗ И РАСОГЕНЕЗ

Настоящая глава не содержит полного описания всех реконструкций, выполненных нами в связи с разными вопросами палеоантропологии и археологии на протяжении свыше 20 лет. Нам представляется более интересным попытаться поставить некоторые вопросы общего порядка в связи с проблемами расогенеза и этногенеза. При описании черепов древнего населения и выполненных по ним реконструкций будут сделаны попытки выделить определенные антропологические типы и в связи с этим поставлены вопросы о возможных путях их формирования.

Учет места находки, связь с определенным культурным комплексом позволит решить вопрос: один или несколько антропологических типов существовали на данной территории в одно и то же время. В ряде случаев, видимо, удастся проследить элементы древнейшего — аборигенного — этнического пласта, связанного с той или иной культурной провинцией. В некоторых случаях окажется возможным отметить приход нового антропологического типа на ту территорию, где уже жили люди другой культуры и иного антропологического типа, и в дальнейшем отметить происшедшие изменения антропологического типа.

Цель настоящей главы — дать в документальных образах живших некогда людей представление о процессах и темпах формирования человечества на различных этапах, в различных природных условиях и исторических формах под влиянием общих для всех людей социальных закономерностей, развития общества, языка и материальной культуры.

Просмотр реконструкций даст возможность археологу конкретно представить себе определенный темп формирования того или иного этнического типа, отражением которого будет являться в каждом отдельном

случае воспроизведенный индивидуальный портрет. Поэтому считаем совершенно необходимым дать перечень, а в некоторых случаях и описания этих индивидуальных этнических портретов в хронологическом порядке, суммарно характеризуя этапы культуры и их социальные формации.

Естественно, что в связи с такой установкой придется в ряде случаев отказаться от попытки освещения территориальной зависимости отдельных этнических категорий, так как, несмотря на довольно большое количество созданных реконструкций, большинство из них крайне разобщено как территориально, так и по времени. Однако перечень более сотни индивидуализированных портретов, восстановленных по черепам некогда живших людей, начиная с истоков человечества вплоть до современности, все же даст представление о путях и основных этапах сложного процесса этногенеза древних и современных народов и в первую очередь народов нашей великой Родины.

Перечень и разбор предлагаемых реконструкций имеют целью не только осветить процесс их изготовления, но и дать некоторый материал к пониманию и, во всяком случае, к обоснованию некоторых эпохальных морфологических изменений в строении черепов древнего населения.

В нашей отечественной антропологии укоренилось представление об удивительной устойчивости так называемого кроманьонского типа (Г. Ф. Дебец) не только в мезолите и неолите, но и в эпоху ранней бронзы в Восточной Европе и Сибири. Г. Ф. Дебец не только отмечает как бы пережитки этого кроманьонского типа, но говорит о крайне незначительной его изменчивости, тем самым генетически объединяя все древнее население Восточной Европы и Сибири одним и тем же антропологическим типом — от позднего палеолита вплоть до I тысячелетия н. э. Характерными чертами кроманьонского типа он считает признаки, выраженные в черепах из Брюнна и Пшедмоста, принимая в качестве основного пшедмостский череп III.

На основании антропологических данных Г. Ф. Дебец приходит к заключению, что «еще во II тысячелетии до нашей эры европеоидная раса второго порядка на территории Европейской части СССР была весьма слабо дифференцирована, и большинство исследуемых групп приходится относить в протоевропейскому типу без дальнейшей дифференциации»[1].

Не отрицая положения, что многие из древних племен европеоидов, действительно, представляют собой генетически связанные группы, развившиеся на основе древнего кроманьонского пласта, и что некоторое их несходство иной раз возникает в результате локальных особенностей, убыстрявших или, наоборот, замедлявших процесс общей грацилизации, считаем, однако, что такое понимание процесса формирования европеоидных рас, несомненно, излишне схематизирует и нивелирует действительность. Не только процесс формирования основных рас был завершен к концу палеолита, но, безусловно, к этому времени внутри них уже выделялись более дробные группы, значительно различавшиеся по морфологическому строению черепа. Одна из основных рас *Homo sapiens* — кроманьонская — представляет собой искусственный конгломерат различных типов эпохи палеолита, а цементом этого конгломерата является еще недостаточно точная методика антропологической диагностики. Мы не правомочны обобщать и смешивать в единое целое представителей древних европеоидных рас. Нельзя говорить о мужском черепе из грота

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 314 (ТИЭ, новая серия, т. IV).

Кро-Маньон и мужском черепе из Пшедмоста, объединяя их в одном антропологическом варианте одного и того же типа, несмотря на то, что эти черепа европеоидны.

Если уже в верхнем палеолите следует рассматривать каждый антропологический тип самостоятельно, то, естественно, что в более позднее время эта дробность антропологического типа должна быть еще больше.

Не могу не отметить, что черепа палеолитических людей, из Кро-Маньона, Комб-Капелля, Пшедмоста, Оберкасселя, не говоря уже о черепах из Гримальди, по своему типу, очевидно, неоднородны. Признаки, объединяющие их в одну группу, свойственны *Homo sapiens* вообще. Это объединение привело впоследствии к тому, что и более поздние черепа эпохи неолита и даже бронзы, если они отвечали двум основным признакам (долихокранный череп и широкое лицо), относились к типу кроманьонских.

То же можно сказать о тенденции многих исследователей во всяком усилении рельефа видеть обязательно древние черты неандертальского или кроманьонского типа.

Мы очень часто склонны рассматривать ряд последующих вторичных образований как якобы явные признаки переживания древних форм. Не всякое расширение глабеллы и усиление надбровья следует рассматривать как древний признак. Надбровье всех современных человекообразных обезьян представляет собой единый массив, служащий одновременно и краем орбиты (рис. 58 и 59). Близкую картину по своим морфологическим особенностям дают надбровье и глабелла питекантропа и синантропа. У последнего, очевидно, увеличена

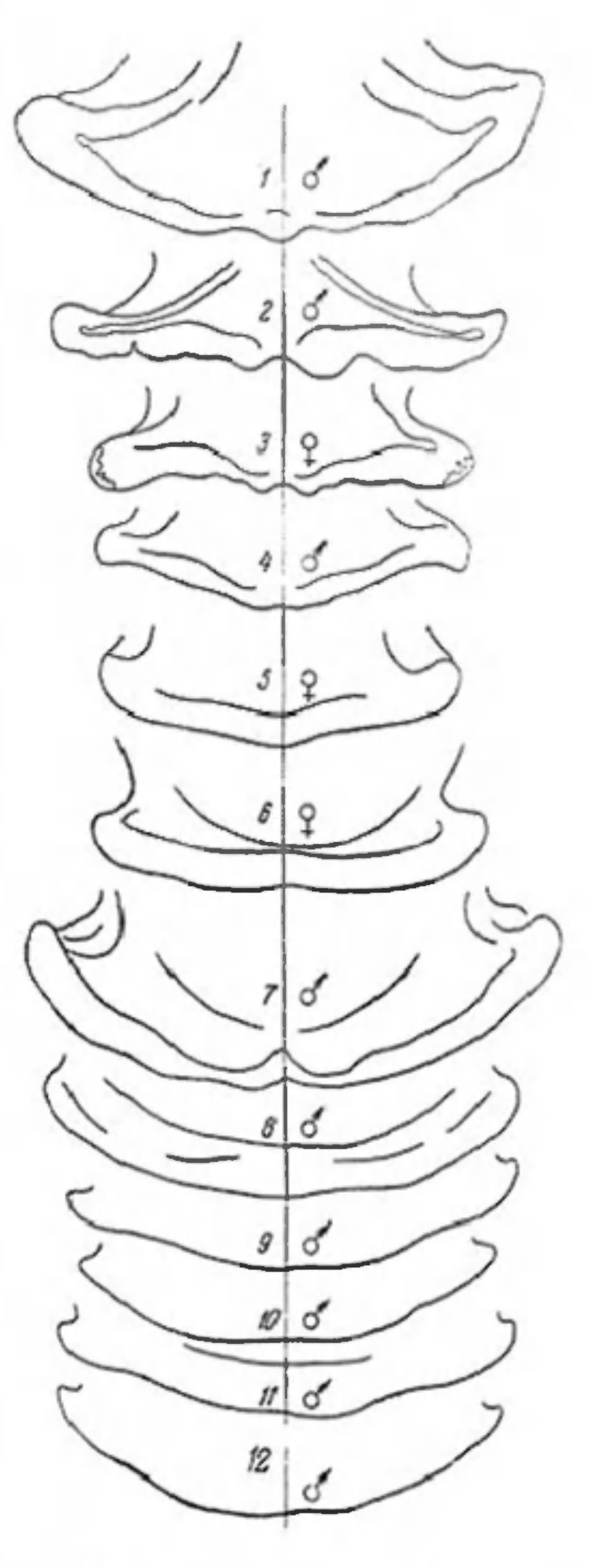

Рис. 58. Форма глабеллы и надбровья у современных обезьян и ископаемого человека (сверху):

1 — горилла; 2, 3 — оранг; 4, 5 — шимпанзе 6 — синантроп II; 7 — родезиец; 8 — Ля-Шапелль. 9 — Кро-Маньон; 10 — Комб-Капелль; 11 — Пшедмост; 12 — Оберкассель.

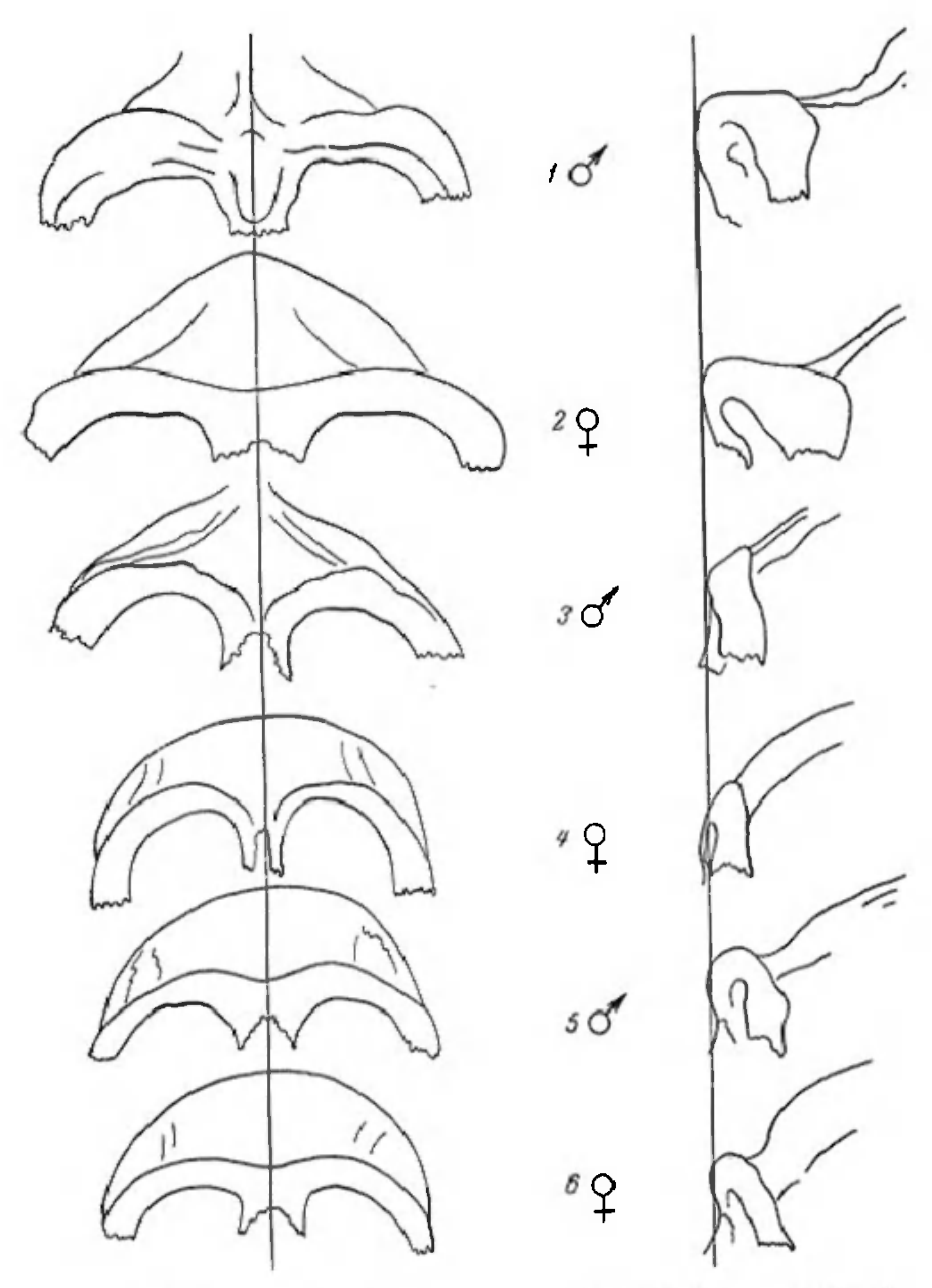

Рис 59. Форма надбровий у современных обезьян (анфас и в профиль):
1, 2 — горилла; 3, 4 — оранг; 5, 6 — шимпанзе.

только вертикальная толщина надбровья. Дальнейшие формы развития надбровья и глабеллы—неандертальская стадия. Глабелла выступает вперед, представляя собой округлый валик, переходящий в толстое вздутие — валики надбровья. Эти надбровные валики, почти на всем протяжении верхнего края орбиты, имеют единую величину и округлый рельеф. Такую форму надбровии мы можем наблюдать на черепах из Ля-Шапелль, Гибралтара, Спи, Неандерталя, на двух обломках черепов из Крапины, а также у родезийца, но у последнего латеральные края надбровий наиболее массивны, тяжелы и грубо огранены (рис. 60).

Уже у поздних неандертальцев начинается процесс гранилизации надбровья. Этот процесс в первую очередь выражается образованием острой грани перехода фронтальной части надбровья к своду орбиты. На черепах, несомненно, неандертальских (Спи II, Мустье, Тешик-Таш), отчетливо намечаются эти морфологические детали строения верхнего края орбиты и надбровья, причем сохраняется степень выступания глабеллы и в равной степени развития мощности надбровья (усложнение рельефа надбровья у черепов из Мустье и Тешик-Таша не следует объяснять молодостью субъектов). Одновременно идет процесс дифференциации надбровья. У всех черепов неандертальцев с намеченной острой гранью нижнего края надбровья всегда можно отметить большую степень вздутия участка надбровных валиков в непосредственной близости к глабелле. Следующую стадию усложнении формы надбровья можно наблюдать у типичных представителей так называемых кроманьонцев, т. е. древних *Homo sapiens*. У всех кроманьонцев надбровье принимает совершенно особую, отличную от неандертальской стадии, форму. Надбровье как бы расщепляется на два морфологически не связанных между собой элемента — край орбиты и собственно надбровье, причем надбровье кроманьонца, как правило, примыкает к глабелле и образует своеобразный торус — навес. У типичных кроманьонцев латеральная часть верхнего края орбиты утолщена.

Уместно здесь отметить, что черепа из грота Кро-Маньон обладают очень крутым лбом, сильно вынесенным вперед, короткой носовой частью лобной кости, глубоким корнем носа. Все это создает ложное представление о сильном развитии надбровья; между тем оно значительно меньше надбровья черепа III из Пшедмоста и многих черепов раннего неолита. Это объясняется тем, что черепа из грота Кро-Маньон и в меньшей степени черепа из Гримальди имеют слабо выраженную надглабеллярную выемку и относительно вертикальный лоб, сильно вынесенный вперед.

Все современные европейцы имеют отчетливо выделяющийся верхний край орбиты; элементы надбровья локализуются независимо от различной степени своего развития. Их основное направление не определяется краем глазницы, между тем как у типичных кроманьонцев надбровные дуги определяют и как бы окружают край глазницы, в результате чего в большей степени сохранено единство морфологического строения надбровья и края глазницы. У современного человека нередко можно наблюдать максимальное выступание глабеллы и соответственно сильное развитие надбровья, однако надбровные дуги всегда будут лежать выше края глазницы, свидетельствуя, таким образом, о том, что данное образование — явление новое, отличное от примитивной формы надбровья древнего кроманьонского или тем более неандертальского типа.

Точно так же нельзя рассматривать всякую большую ширину лица, т. е. максимальную ширину скуловых дуг, как признак кроманьонского типа. У монголов ширина скуловой части нередко превышает ширину классического кроманьонского типа. Между тем морфологическое строение

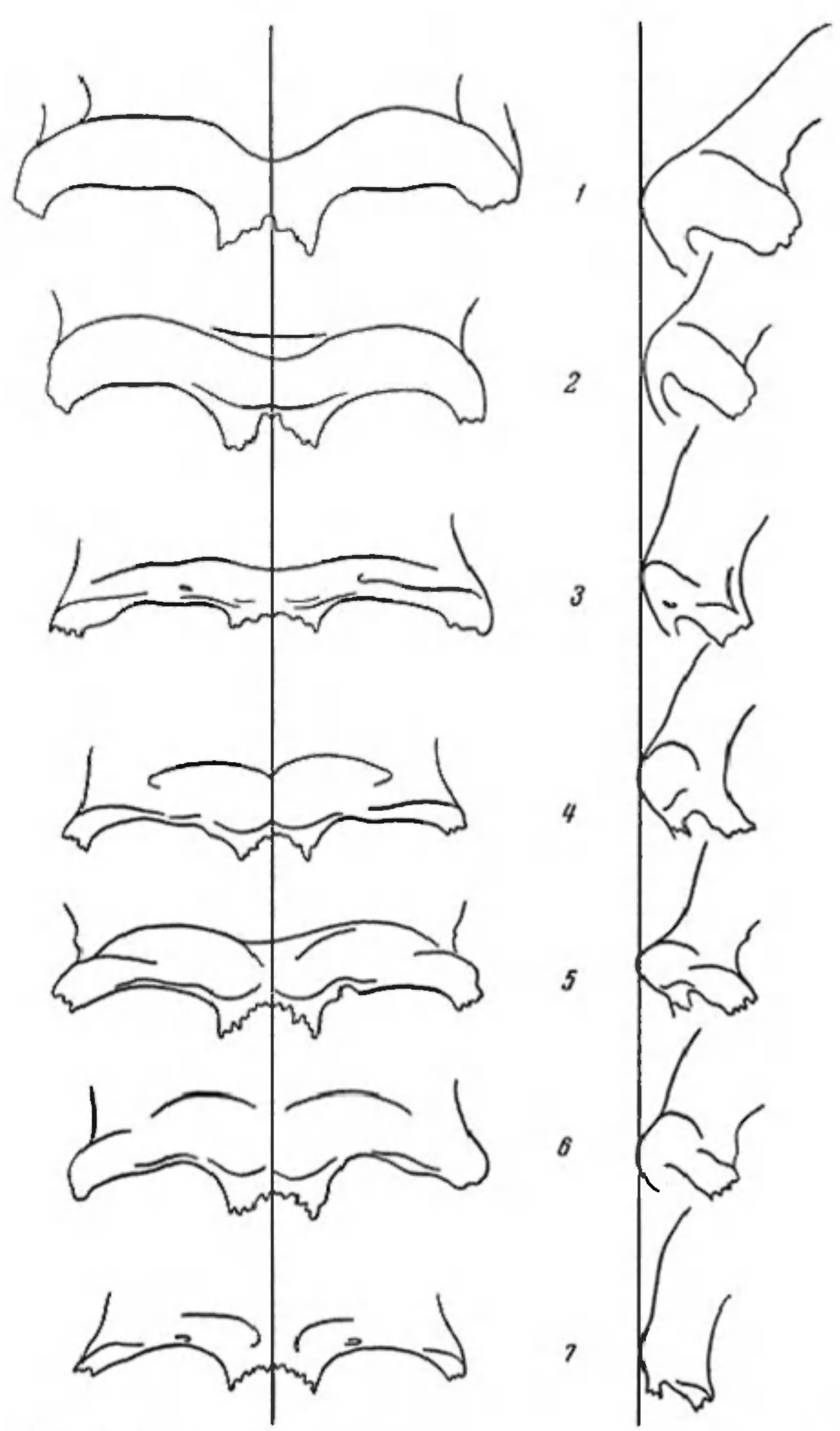

Рис. 60. Форма надбровий у ископаемого человека (анфас и в профиль):
1 — родезиец, 2 — Ля-Шапелль, 3 — Кро-Маньон, 4 — Комб-Капелль, 5 — Пшедмост III
6 — Оберкассель, 7 — Накуру.

скуловых костей типичного монгола и кроманьонца столь различно, что не требует пояснения.

В указанных примерах отчетливо видно, что учет примитивных кроманьонских черт строения современного или близкого к современному человеческого типа не столь прост, и ограничиваться только измерительными данными, без тонкой диагностики морфологических деталей, невозможно.

Мы не можем в настоящий момент ставить вопрос о причинах эпохальной изменчивости, но в процессе описания реконструкции мы будем в каждом конкретном случае фиксировать внимание на следах этого процесса, выражающихся в морфологических деталях того или иного черепа или целой группы их. Тем самым будет фиксироваться время существования либо сохранения того или иного признака, или степени направления его изменчивости по сравнению с исходной формой, или образования нового отличительного признака. Все это будет материалом для возможного впоследствии обоснования того или иного процесса эпохальной изменчивости и его темпов.

В частности, не могу не выразить удивления по поводу того, что в практике антропометрических измерений ряд антропологов отказался от измерения надбровья, заменив его только фиксацией степени выступания глабеллы. Степень развития надбровья и степень выступания глабеллы — это далеко не одно и то же и подменять одно другим нельзя. Нередко даже при предельном выступании глабеллы у современного человека это не сопровождается сколько-нибудь сильным развитием надбровья.

Для того, чтобы не быть голословным, приведем ряд данных:

1. Отчетливо выраженные валики надбровий орангутанга не объединяются между собой и не образуют выступа глабеллы; глабеллярная точка находится в узкой ложбинке между надбровьями.

2. Как правило, глабелла у самок горилл меньше выступает вперед, чем средняя часть надбровья. У самцов глабелла сильно выступает вперед в виде резко ограниченного, узкого, вертикального удлиненного выступа.

3. У шимпанзе глабелла образована валиком, объединяющим надбровье; он представляет собой наиболее выступающую фронтальную точку.

4. У детеныша австралопитека глабелла сильнее выступает, чем надбровье.

5. У питекантропа I наивысшая точка выступания приходится не на глабеллу, а на середину края правого надбровья.

6. У родезийца середина надбровий выступает сильнее глабеллы.

7. У синантропа надбровье выступает вперед больше, чем глабелла.

8. У европейских неандертальцев доминантное положение занимает глабелла.

9. У кроманьонцев чаще выступают вперед внутренние края надбровья, глабелла чуть углублена или находится на одной с ними линии.

10. Современные расы имеют формы строения глабеллы и надбровья очень разнообразные, не коррелирующие в степени своего развития друг с другом.

Указанный фактический материал обязывает нас поставить вопрос перед антропологами о разработке метода документации и измерения степени развития глабеллы и надбровья, отмечая элементы их дифференциации[1]. Схема Брока нас не может удовлетворить, но из-за отсутствия

[1] В главе II мы приводили некоторые описательные примеры и схемы с указанием размера и формы глабеллы и надбровья.

другой, приходится пользоваться ею, так как она все же дает некоторое представление о степени развития надбровья и глабеллы.

Во введении было упомянуто, что в связи с работой по восстановлению лица человека проведены некоторые наблюдения по общей сравнительной анатомии позвоночных. Не обошлось без некоторого увлечения древним ископаемым миром. Сравнительно-анатомические работы дали возможность создать ряд оригинальных реконструкций, сделанных не механически, в подражание авторитетам палеонтологии (Абель, Грегори, Быстров и др.), а на основании наблюдений современных животных и проецирования наблюдаемых данных на кости вымерших животных. Так были созданы иностранцевия, парейзавры, диплодок, птеродактили, махайрод, мастодонты, слон-трегонтерий, мамонт, сибирский носорог, эласмотерий и др. Ряд этих реконструкций до сих пор экспонирован в зоологических и палеонтологических музеях различных городов СССР. Эти, на первый взгляд, случайные работы помогли понять взаимную функциональную зависимость скелета и мышц.

Пытаясь найти закономерности взаимосвязи костей и мягких тканей головы, сравнивая отдельных представителей расовых групп и одновременно сравнивая морфологические детали человеческих голов с головами животных, мы, конечно, в первую очередь обратились к обезьянам. К сожалению, наблюдения над обезьянами были ограничены по существу только краниологическим материалом, так как трупного материала по высшим обезьянам, интересовавшим нас, достать было невозможно.

На протяжении многих лет, из года в год, мы изготовляли реконструкции ископаемого человека. Около 200 графических и скульптурных реконструкций являются результатом этого труда. Теперь эти реконструкции дают некоторое представление о внешнем виде древнейших обезьяно-людей, живших на заре человеческой культуры, о первобытных людях эпохи нижнего и верхнего палеолита, живших в тяжелое время ледникового периода, и, наконец, о людях более близкого к нам времени — эпохи нового каменного века, бронзы и железа. Мы не можем давать эти портреты древнего человека в отрыве от времени его существования, от той территории, где он некогда жил[1], от материальной культуры, создателем которой он был и которая обеспечивала ему средства к существованию, и, наконец, от общественно-социальной формации, явившейся результатом развития общества во времени.

Неравномерны темпы развития общества и культуры. В наше время, вероятно, каждый день даст все новые и новые открытия, а ведь сравнительно совсем недавно — 4—5 тысячелетий назад — на территории Северной Европы жили люди новокаменного века.

Вся история человечества насчитывает около одного миллиона лет. Из них на нижний палеолит приходится почти две трети всего времени, на верхний палеолит — около тридцати тысяч лет, на весь новокаменный век — не более пяти тысячелетий.

Первую классификацию культур палеолита дал Габриэль Мортилье в 1853 г. Он выделил следующие культуры палеолита: 1) шелль, 2) мустье, 3) солютре, 4) мадлен.

В 1885 г. во втором издании «Le Préhistorique» была добавлена ашельская культура, между шеллем и мустье.

---

[1] Напомним, что «географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества» (И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 587).

Позднее Анри Брейль уточнил эту классификацию, введя между мустьерской и солютрейской культурой ориньякскую культуру.

Эдгар Пьет обнаружил в пещере Ма д'Азиль над мадленскими слоями слои культуры, переходной к неолитической, назвав ее азильской культурой.

В настоящее время наиболее распространена следующая классификация древних культур человека (табл. 9, см. снизу вверх).

Таблица 9

Классификация культур человека

Эпохи		Культуры	Время	
4 Железо		Поздние культуры железа	После нашей эры	V
		Ранние культуры железа	До нашей эры	
3 Бронза		Культуры бронзы	1200 лет до н. э.	IV
2 Новокаменный век		Энеолитические культуры	1800 лет до н. э.	
		Культуры развитого неолита	2—3 тыс. лет	
		Культуры раннего неолита	3—7 тыс. лет	
1 Древнекаменный век	Верхний палеолит	Тарденуазские культуры	7—10 тыс. лет	III
		Азильские культуры	10—16 тыс. лет	
		Мадленские культуры	16—28 тыс. лет	
		Солютрейские культуры	28—45 тыс. лет	
		Ориньякские культуры	45—75 тыс. лет	
	Нижний палеолит	Мустьерские культуры	75—100 тыс. лет	
		Ашельские культуры	100—200 тыс. лет	I
		Шелльские культуры	200—400 тыс. лет	
		Дошелльские культуры	400—800 тыс. лет	I

Общая продолжительность четвертичного периода — около 1 000 000 лет.
I — обезьяно-люди; питекантропы — синантропы *.
II — первобытные люди; неандертальцы.
III — разумный человек; люди верхнего палеолита.
IV — человеческие расы неолита и ранней бронзы.
V — расы современного человека.

* Нам кажется правильнее не объединять питекантропа и синантропа: питекантроп — обезьяно-человек, синантроп — первобытный человек.

До недавнего времени следов древнейшего палеолита (шелль и ашель) на территории СССР найдено не было. Это привело к мнению, что территория Восточной Европы и Средней Азии не была населена человеком в период древнейшей его истории.

Однако за последние 18 лет на территории Советского Союза удалось найти некоторое количество памятников древнего палеолита, и тем самым

советские ученые доказали неправильность прежних представлений. С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина на берегу Черного моря нашли ряд пунктов со следами пребывания здесь древнейшего человека. Ими собраны древние орудия шелльского и ашельского времени, ими же на территории Армении в ряде пунктов найдены остатки культур дошелльского, шелльского и мустьерского времени. В Приазовье А. А. Формозов нашел в самое недавнее время ряд пунктов с кремнями ашельского и мустьерского типа. В Средней Азии в 1937 г. А. П. Окладников обнаружил скелет неандертальца (Тешик-Таш). В 1951 г. М. З. Паничкина на нижнем течении Волги открыла три пункта находок древних орудий ашельского и мустьерского времени.

Все эти находки, несомненно, подтверждают точку зрения о том, что процесс формирования современного человека происходил на широкой территории Юго-Восточного Средиземноморья, Средней и Южной Азии и Северной Африки. Нам кажется возможным в настоящее время говорить уже и о том, что эта территория распространялась на побережье Черного моря, Приазовье и, видимо, нижнее течение Волги.

§ 13. ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ

1. Шимпанзе

Описание серии изготовленных реконструкций мы начнем с головы молодого шимпанзе. Эта реконструкция воспроизведена по черепу современной обезьяны. Сама по себе она мало интересна, но в процессе работы над ее созданием изучение мягких тканей лица шимпанзе, столь подвижного и близкого мимически к лицу человека, дало возможность уяснить целый ряд функциональных зависимостей рельефа, формы кости и топо-

Таблица 10

Толщина мягких тканей головы и лица у человека и шимпанзе в (миллиметрах) по сагиттальному сечению головы

Наименование точки измерения	У человека (71 человек)		У шимпанзе (один)
	средняя	минимальная	
Точка максимального выступания затылка	11	9	8
Середина свода черепа	6	5	5
Середина лба	5,72	4	5
Глабелла	7,66	6	7
Корень носа	6,58	4,5	5
Середина носовых костей	4	3	3
Конец носовых косточек	2,99	2	1,5
У подносового края грушевидного отверстия	12,19	9,5	8
Середина губы	13,06	10	8
Максимальная толщина верхней губы	14	12	11
» » нижней губы	15	14	13
Подбородочная борозда	10,03	8	6
Подбородок	10,57	9	6
Под подбородком	11	9	7

графии той или иной мышцы, позволило понять общую композицию, органическую связь отдельных микродеталей лицевого скелета и мягких тканей.

Наши сведения о мягких тканях головы шимпанзе крайне скудны и основаны на изучении двух препаратов: 1) препарата, представляющего собой сагиттальное сечение головы (кафедра нормальной анатомии Иркутского университета), и 2) препарата мимической мускулатуры (собственность профессора Марковина, кабинет судебной медицины Ташкентского медицинского института).

Один раз автор имел возможность видеть труп шимпанзе с только что снятой кожей (в Колтушах, ныне — Павлово)[1].

Этот скудный материал дал все же возможность понять, что гамма толщины мягких тканей головы и лица шимпанзе чрезвычайно близка к гамме толщины мягких тканей головы лица человека, но у шимпанзе они очень тонки (табл. 10; рис. 62).

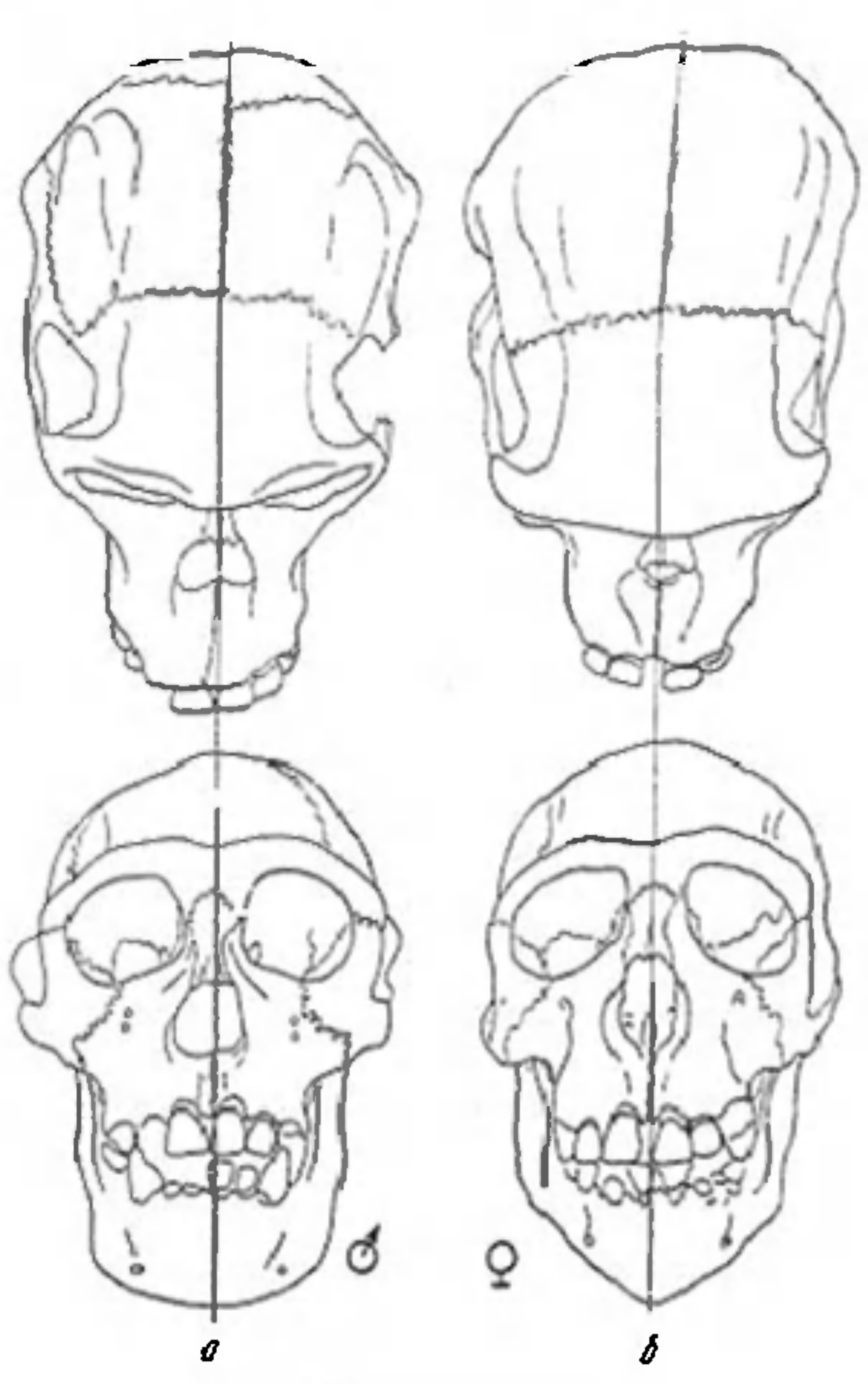

Рис. 61. Черепа шимпанзе
а — самца, б — самки.

Из табл. 10 видно, что толщина мягкого покрова лица и головы у шимпанзе весьма близка к минимальной толщине в этих же точках у человека. Изучение костного рельефа черепов шимпанзе убеждает нас в существовании тех же морфологических коррелятивных связей степени развития рельефа и степени усиления толщины мягкого покрова.

Рассмотрение черепов орангутангов и горилл не дает представления о таких же нормах развития рельефа: черепа их обладают совершенно иными формами развития костного рельефа.

Очевидно, и толщина мягких тканей имеет иную гамму толщины. В этом нас убеждает тщательный анализ как краниологического материала, так и маски — слепки с лица и головы этих обезьян. Резко выраженный половой диморфизм, сказывающийся в чрезвычайно специали-

[1] В 1954 г. в Зоологическом саду в Москве погибла трехлетняя шимпанзе. Я имел возможность рассмотреть ее труп до и после снятия шкуры: создается впечатление, что толщина мускулатуры головы ее была близка толщине мягких тканей ребенка 2—3 лет.

Рис. 62. Черепа шимпанзе ♂ и ♀ и эти же черепа с контуром мягких тканей по профилю и жевательными мышцами

зированном рельефе черепов самцов, убеждает нас в правильности наших наблюдений. Степень различия черепов шимпанзе в половом отношении немногим превышает разницу между мужскими и женскими черепами ископаемого человека. Из всех современных обезьян шимпанзе по ряду морфологических признаков гораздо ближе стоит к человеку. Из этого не следует, конечно, делать вывод о прямой генеалогической связи современного шимпанзе с человеком.

Рис. 63. Реконструкция молодого шимпанзе.

Наряду с чертами, очевидно, близкими к человеческим нормам, шимпанзе имеет много совершенно иного, весьма далекого как во внешности и анатомическом строении, так и в степени развития мозга.

Как ни мал известный нам материал по строению мягкого покрова головы и лица шимпанзе, он все же дал возможность выявить специфику строения его лица. Так, например, своеобразный прогнатизм шимпанзе

морфологически не связан с утолщением губ. Обычно принято думать, что всякая форма выступания верхней челюсти сопряжена с увеличивающейся толщиной губ. Губы шимпанзе тонкие и подвижные, с четкой границей перехода к слизистой части.

Резко выступающие тонкие края орбиты морфологически отличаются от так называемых надбровных дуг человека. Точно так же совершенно особый характер имеет форма глабеллы и переносья. Эти морфологические особенности сильно отличают череп шимпанзе от черепа современного человека. В такой же мере специфичны формы верхнечелюстных и примыкающих к ним скуловых костей. Такая форма наблюдается у неандертальцев, причем у взрослых особей эта общность строения лицевого скелета с шимпанзе резче выражена. Работая над реконструкцией шимпанзе, мы смогли в ряде случаев, сравнивая его череп с черепом современного человека, понять топографию и форму ряда мышц и, в частности, мимических. Реконструкция шимпанзе экспонирована во вводном отделе МАЭ в Ленинграде (рис. 63).

2. Австралопитек

В 1924 г. в Южной Африке, в восточной части пустыни Калахари, у железнодорожной станции Тауиге при разработках известняка был найден череп. Этот череп принадлежал молодому детенышу в возрасте 3—5 лет, о чем можно судить по сохранившимся зубам. Налицо были все

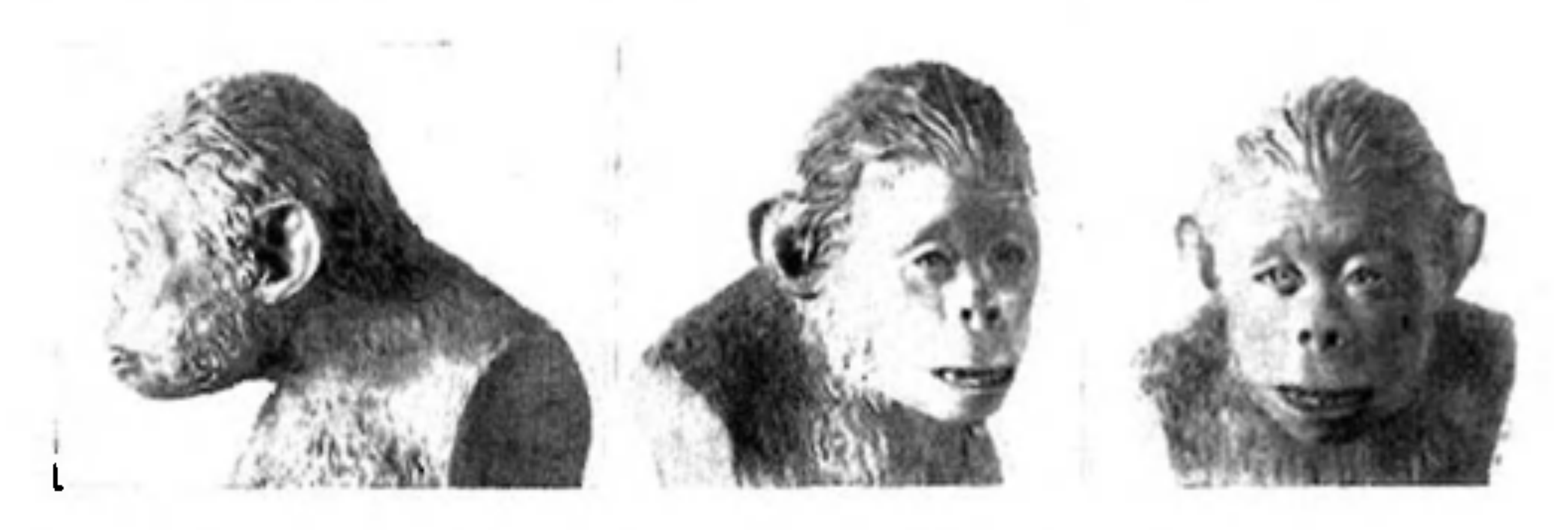

Рис. 64. Реконструкция детеныша австралопитека (3—5 лет) по черепу из Калахари (ст. Тауиге).

молочные и началось прорезывание первых постоянных зубов. Найденный череп фрагментарен. Сохранились лицевые кости с нижней челюстью и лобной костью. Все кости скреплены между собой минеральным стяжением, выполнившим и мозговую полость. В результате этого имеется полное представление о черепе. Длина черепа — 126 мм, объем мозговой коробки — 390 см^3. Грегори и Хельман установили, что данный череп по своим структурным особенностям занимает промежуточное положение между обезьянами типа дриопитека и древнейшими гоминидами, т. е. является переходной стадией от высших обезьян к человеку.

Для реконструкции мной был использован прекрасный муляж, изготовленный в муляжной мастерской ГМА. Дополнить недостающие части и поправить некоторую деформацию по данному отливу было нетрудно. При воспроизведении головы были использованы материалы о толщине мягкого покрова шимпанзе и детей в возрасте 3—4 лет. Ухо было взято шимпанзоидное, но ближайший его вариант к человеческому.

Волосяной покров восстановлен по аналогии с молодыми обезьянами. Полученная в результате восстановления головка молодой обезьяны имеет ряд несомненных черт, сближающих ее с ребенком человека. Реконструкция экспонирована в МАЭ в Ленинграде (рис. 64).

§ 14. СИСТЕМАТИКА РОДА *HOMO*

Для того, чтобы читатель мог конкретно представить себе родословную современного человека и древних ископаемых форм человека, черепа которых использованы для нашей работы по восстановлению их внешнего вида, считаю совершенно необходимым дать наиболее распространенную классификацию человека (по М. Ф. Нестурху — «Антропогенез»[1]). За основу родового названия им взято линнеевское «человек» — *Homo*:

Hominidae	1. *Homo (Pithecanthropus)*	*trinilis*	Питекантроп
		pekinensis	Синантроп
		heidelbergensis	Гейдельбержец
	2. *Homo (Palaeoanthropus) primigenius, variantes*	*neanderthalensis*	Неандерталец
		soloensis	»
		palestinicus	»
		rhodesiensis etc.	»
	3. *Homo (Neoanthropus) sapiens*		Различные расы человека современного типа

Г. Ф. Дебец[2], исходя из обычных требований, принятых в названиях биологической систематики, предложил несколько уточнить эту классификацию.

Род *Homo*	1-й подрод	1-й вид — современность и поздний плейстоцен
	2-й подрод	2-й вид — средний плейстоцен
		3-й вид — нижний плейстоцен

В окончательной редакции Г. Ф. Дебец предлагает:

Система рода: *Homo Linnaeus*, 1758 г.	Человек
1-й подрод: *Homo sapiens str. Linnaeus*, 1758 г.	Современный человек
1-й вид: *Homo sapiens Linnaeus*, 1758 г.	» »
2-й подрод: *Pithecanthropus Dubois*, 1894 г.	Ископаемый человек
2-й вид: *Homo (Pithecanthropus) neanderthalensis King*, 1864 г.	Неандерталец
3-й вид: *Homo (Pithecanthropus) erectus Dubois*, 1894 г.	Питекантроп

Подвиды неандертальца:

Homo (Pithecanthropus) neanderthalensis neanderthalensis King, 1864 г.	Европейский неандерталец
Homo (Pithecanthropus) neanderthalensis rhodesiensis Woodwar, 1921 г.	Африканский неандерталец или родезиец
Homo (Pithecanthropus) neanderthalensis soloensis Oppenoorth, 1932 г.	Яванский неандерталец или явантроп

[1] В книге: В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх и Я. Я. Рогинский. Антропология. М., 1941.
[2] КСИИМК. XXIII. 1948.

Подвиды питекантропа:

Homo (Pithecanthropus) erectus erectus Dubois, 1894 г.	Яванский питекантроп
Homo (Pithecanthropus) erectus pekinensis Black, 1927 г.	Китайский питекантроп или синантроп

Г. Ф. Дебец, видимо, прав, считая гейдельбергского человека входящим в подвид европейского неандертальца.

Не опровергая возможности объединения синантропа и питекантропа по их вероятной морфологической близости в единый вид *Homo (Pithecanthropus) erectus Dubois*, следует все же отметить одну существенную стадиальную разницу в их общем пути формирования человека: питекантроп не умел изготовлять орудия, не знал огня и, очевидно, еще не говорил[1]. Синантроп изготовлял орудия из камня, жил, видимо, образуя группы, обладал самой примитивной речью, умел поддерживать огонь. Все это заставляет считать питекантропа обезьяно-человеком, синантропа,— хотя и крайне примитивным, но человеком, в чем я не могу не видеть существенной разницы.

Недостаточно в настоящее время ясно для нас положение родезийца. Пока только в качестве постановки вопроса, требующего специального изучения и подтверждения, мы высказываем предположение о том, что родезиец представлял собой поздний вариант обезьяно-человека. Он жил уже во время формирования современного вида человека, на грани среднего и позднего плейстоцена и сочетал в себе одновременно крайне примитивные особенности обезьяно-человека и прогрессивные черты современного вида человека.

§ 15. ПИТЕКАНТРОПЫ

В 1891 г. на острове Ява в долине р. Соло, в раннеплейстоценовых слоях, на глубине 15 м доктор Дюбуа обнаружил разрозненные останки человекоподобного существа, названного им впоследствии на основании морфологических особенностей *Pithecanthropus erectus*. Обнаруженный здесь свод черепа, несмотря на свою примитивность, все же имел ряд черт, сближающих его с человеческим.

Теперь наши сведения о питекантропе значительно расширились. В 1937 г. Кенигсвальдом был найден второй череп питекантропа, более полный, с височными костями и с фрагментами правой половины нижней челюсти, с зубами $P_4M_1M_2M_3$. Позднее в Сангиране были обнаружены новые фрагменты черепов и челюстных костей питекантропов. Кроме того, в разное время были найдены обломки бедер и отдельные зубы. Анализируя весь материал, следует думать, что все эти кости питекантропов принадлежат, видимо, семи неделимым.

Все кости найдены в одних и тех же геологических слоях и сопровождаются богатой фауной: дикобразами, кошками, гиенами, выдрами, из обезьян — макаками. Крупнокопытные представлены двумя видами носорогов, тапирами, кабанами, бегемотами, слонами-стегодонтами, древними слонами (Elephas hysodricus), оленями оксис и руза, индийскими буйволами и видами первобытных быков.

Вся эта фауна дает право относить питекантропа к позднему плиоцену или раннему плейстоцену.

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 167.

Утверждение, что кости питекантропа найдены в перемытых слоях и что только вследствие этого якобы не обнаружены его орудия и следы огня, не может быть принято как доказательство того, что питекантроп имел эти орудия или умел пользоваться огнем. Если этих орудий нет, то, вероятнее всего, питекантропы их не имели.

Многие исследователи склонны относить кварцитовые орудия, найденные на Яве, ко времени питекантропа. Это, очевидно, недоразумение. Каменные орудия (рис. 65), найденные у Паджитана, происходят из слоев с более поздней фауной, чем тринильская фауна, сопровождающая кости питекантропа. Кроме того, эти орудия, несмотря на свою внешнюю архаичность, связанную с тем, что они изготовлены из кварцита, типологически характерны для развитого шелля. Паджитанский каменный инвентарь в такой степени совершенен, что отнесение его ко времени развитого шелля не вызывает сомнения и, следовательно, правдоподобнее эти орудия связывать с явантропом, т. е. яванским неандертальцем, а не с питекантропом.

Эти каменные орудия обладают отделанной формой миндалевидных рубил и, конечно, по своему совершенству не только не уступают орудиям синантропа, но, очевидно, более совершенны. Между тем, конечно, нет никаких оснований в такой степени сближать время существования питекантропа и синантропа. Нам кажется возможным даже самих питекантропов рассматривать как близкие, но не одновременно существовавшие формы обезьяно-людей.

Морфологические различия питекантропа I и IV нельзя объяснить тем, что они, вероятно, являются представителями разного пола (череп I — женский, череп IV — мужской). Не следует забывать, что объем мозга у питекантропа IV (850 куб. см) был значительно меньше объема мозга питекантропа I (900 куб. см).

Вероятно, следует считать, что питекантроп IV — более ранний представитель этого вида.

Сагиттальные обводы внутренней полости черепа питекантропа и синантропа, а равно и отливы полостей черепов свидетельствуют, что лобная доля мозга у синантропа была значительно сильнее развита, да и весь мозг был значительно выше, приближаясь по своим очертаниям к мозгу неандертальцев. Степень разницы между основными размерами мозга питекантропа и синантропа отчетливо показал Ганс Вейнерт (1935 г.). Он дает отметки высоты и индексы высоты черепного свода, вычерчивая его по Швальбе (отношение высоты к длине черепа):

	Высота свода, мм	Индекс высоты черепной крышки
Питекантроп I	61	33,3
Синантроп I	62—64	До 35
» II	70	36
Неандерталец	80—87	40—45

Объем мозга у питекантропа — 850—900 куб. см. По сравнению с наибольшим мозгом современной обезьяны (600 куб. см) и объемом мозга современного человека (930—1900 куб. см) мозг питекантропа, несомненно, занимает промежуточное положение.

Строение и величина всех известных бедренных костей питекантропа прежде всего свидетельствует о его вертикальной походке, а также о том, что он был относительно высок. Средний размер его бедра достигает

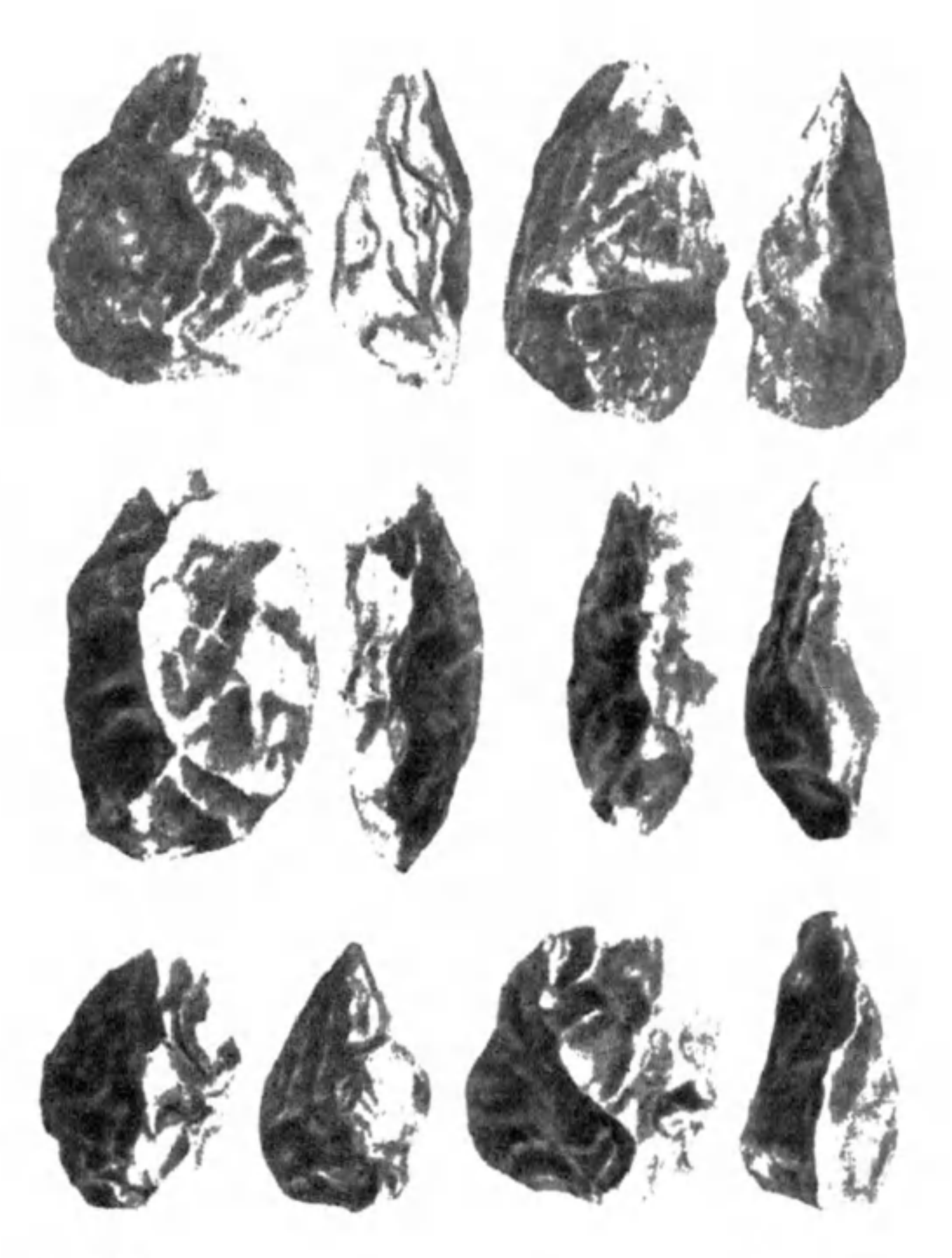

Рис. 65. Каменные орудия из Патжитана (по Кенигсвальду, из Мовиуса). Часто ошибочно эти совершенной формы каменные рубила шелльского и ашельского облика относятся ко времени питекантропа, т. е. считаются первоорудиями. Совершенство этих рубил само по себе уже свидетельствует о громадном прогрессе в процессе изготовления орудии, и между первоорудиями и этими совершенными рубилами разрыв, возможно, многие тысячи лет.

Рис. 66. Череп питекантропа IV (реконструкция). Этот же череп с восстановленным профилем и жевательной мускулатурой.

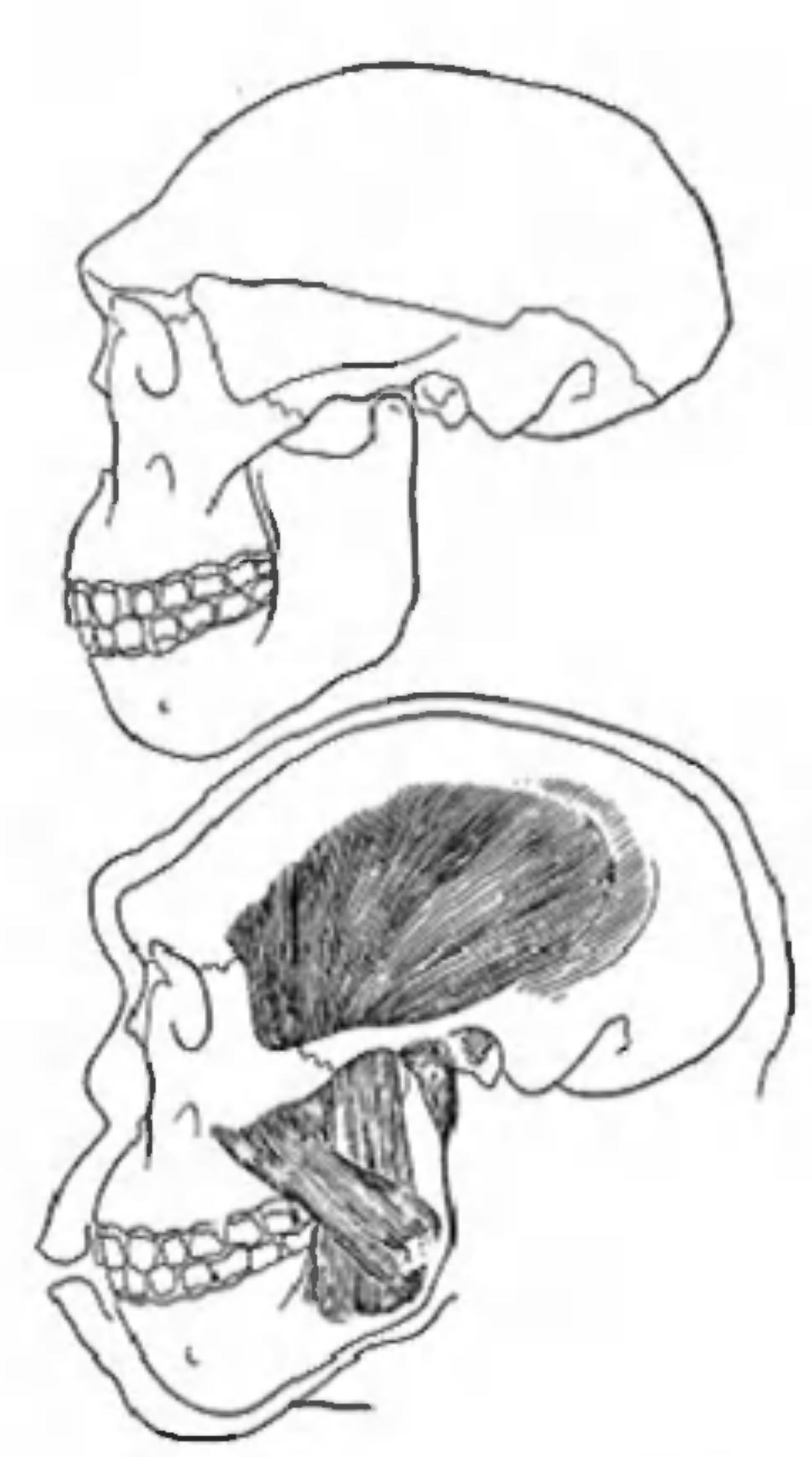

Рис. 68. Череп питекантропа I (реконструкция). Этот же череп с восстановленным профилем и жевательной мускулатурой.

Рис. 67. Реконструкция головы питекантропа по черепу IV.

Рис. 69. Реконструкция головы молодой женщины по черепу питекантропа I.

45,5 см в длину, что значительно больше бедра неандертальцев и свидетельствует о росте не менее 170 см.

Итак, из всего этого явствует, что питекантропы из Сангирана и Триниля не умели изготовлять каменных орудий и пользовались, вероятно, случайно подобранными камнями и т. п.

Только много времени спустя, обезьяно-человек, уже на стадии приближения к типу синантропа, начал пользоваться им самим изготовленными каменными орудиями. Но его костей мы еще не знаем. Археологически это должно быть связано с самыми архаическими орудиями — дошелльскими и раннешелльскими. Этого типа орудий на Яве пока не найдено.

Инвентарь синантропа — значительно более поздний — свидетельствует о громадном пути, пройденном человеком.

Орудия синантропа типично шелльские и уже с некоторыми элементами в технике, свидетельствующими о позднем шелле или раннем ашеле. Синантроп умел уже поддерживать огонь, чем он принципиально отличается от своего предшественника— питекантропа.

Нам кажется правильным рассматривать питекантропа как первую ступень в процессе выделения человека. Это состояние физиологически ближе к обезьяно-человеку, чем к первочеловеку, и может быть охарактеризовано следующими словами Ф. Энгельса: «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»[1].

В 1926—1927 гг., на основе отлива черепной коробки питекантропа I (Дюбуа) и при ней же найденного зуба, а также нижней челюсти гейдельбержца, нами были созданы череп и реконструкция питекантропа по нему. Эта реконструкция черепа питекантропа, имеющая множество мелких недостатков, в своей основе оказалась уже не столь ошибочной, о чем свидетельствует сравнение с черепом, реконструированным Вейденрейхом и опубликованным им в 1935 г. Нужно заметить, что им были учтены новые находки черепов питекантропа на Яве.

Предлагаемые в настоящей книге реконструкции (рис. 67 и 69) не должны рассматриваться как исчерпывающая характеристика этих обезьяно-людей, так как они воспроизведены по весьма скудным данным. Но они, несомненно, все же дают некоторое представление о питекантропе и, конечно, прежде всего указывают на то, что питекантроп IV из Сангирана (рис. 66, 67) и питекантроп I из Триниля (рис. 68 и 69) сильно отличались друг от друга.

Более древний питекантроп IV из Сангирана — мужчина, судя по черепу, реконструированному Вейденрейхом; поздний питекантроп I из Триниля — женщина, судя по черепу, реконструированному нами с поправками, сделанными в соответствии со скелетными данными новых находок питекантропов и синантропов.

§ 16. СИНАНТРОПЫ

Позднее питекантропа на территории современного Северного Китая жил один из древнейших представителей предков современных людей — синантроп (Sinanthropus pekinensis). Кости синантропа обнаружены в

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 167.

результате систематических раскопок с 1927 по 1938 г. в пещере Чжоукоудянь, в 40 км к юго-западу от Бейпина (Пекина).

В 1929—1930 гг. китайский ученый Пей Вен-цзун нашел первые два черепа синантропа. В 1938 г. было обнаружено уже много костей, принадлежавших по меньшей мере 40 особям синантропов. Это отдельные, разрозненные зубы и по преимуществу фрагментарные кости. Все они были найдены в переотложенном состоянии, т. е. во вторичном положении. Здесь оказались кости мужчин, женщин и детей. Древнейшие представители гоминид (синантропы) археологически связываются с ранними культурами нижнего палеолита, шелльской и ашельской эпохами.

Большинство исследователей считает, что жизнь синантропа характеризуется в основном собирательством, включая охоту за мелкими животными (пресмыкающимися, земноводными, грызунами, птицами и т. д.). Мы не можем с этим согласиться. Фактическая сторона вопроса дает возможность утверждать, что жизнь синантропов не может быть охарактеризована как какой-то этап стадного пассивного собирательства, связанного с бродячим образом жизни.

Находки в «гроте синантропов» у Чжоукоудянь дали большое количество костей самих синантропов, буквально бесчисленное количество костей животных, громадное скопление золы и угля и множество каменных орудий. Это дает право говорить прежде всего о том, что синантропы жили более или менее оседло и относительно небольшими коллективами. Основой их первобытного производства, следовательно, были: 1) изготовление каменных и, вероятно, деревянных орудий; 2) прежде всего охота, а затем и собирательство; 3) поддержание огня — собирание хвороста, топлива.

Каменные орудия синантропа очень примитивны только по первому впечатлению, потому что большинство из них изготовлено из трудно обрабатываемого кварцита и окремненной гальки. И тем не менее эти орудия обладают вторичной подправкой лезвий, что свидетельствует о многовековой практике обработки камня (рис. 70).

Основными охотничьими трофеями синантропов являлись быстро бегающие животные: лошади, ослы, винторогие антилопы. Это указывает на высокую организацию процесса охоты, вероятно, уже с помощью огня.

Все это свидетельствует об относительно высокой степени первобытного материального производства, а следовательно, и о развитии первобытного общества.

При изучении каменных орудий синантропов зарубежные ученые допускают совершенно неправильную их датировку; неверно были они и классифицированы. Основная масса каменных орудий синантропов найдена в пещере Коцетанг. Здесь было собрано много тысяч осколков, по преимуществу кварцитовых, с более или менее выраженными следами заведомой обработки. Исходя из общепринятых традиций, ученые Запада принимали за действительные только такие орудия синантропов, которые имели законченную типологическую форму, и совершенно игнорировали основную массу находок — осколки и нуклеусы. Настоящих же орудий, обладающих определенными формами, было выделено всего около 150 штук. Между тем совершенно очевидно, что их было найдено значительно больше[1].

Из Китайской Народной Республики недавно прислано в подарок советским ученым несколько подлинных орудий синантропа и их муляжей

[1] Pei Won Chnug, Paleolithic industries in China. «Early Mans», Symposium ed by McCurdy, 1937.

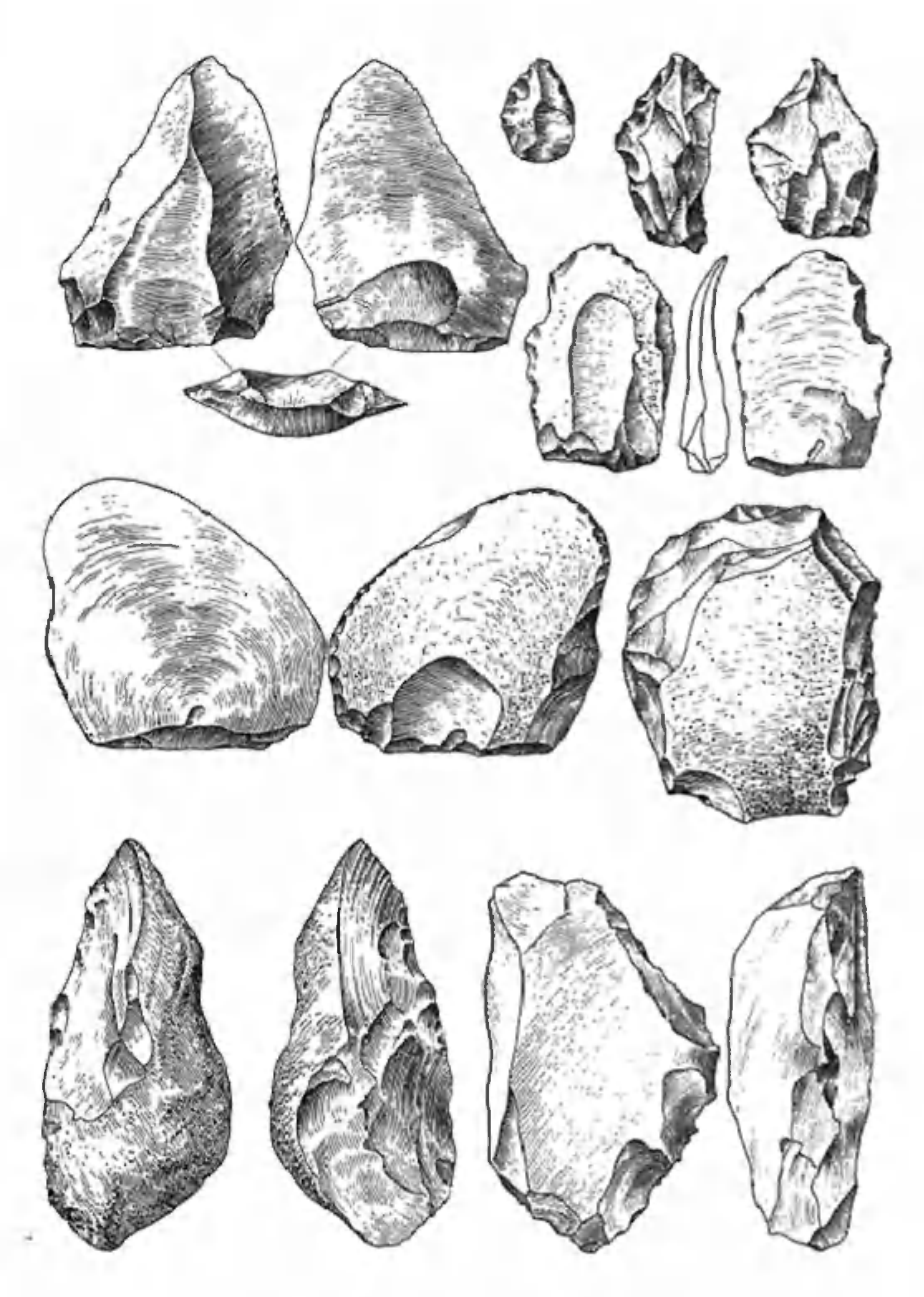

Рис 70. Каменные орудия синантропа

в ответ на высланные ей из СССР реконструкции синантропов (реконструкции автора 1938 г.). Эта небольшая, но чрезвычайно интересная коллекция хранится в ГМА. Несмотря на то, что материалом для этих орудий служит кварцит, они обладают определенной формой с очевидными следами целесообразной обработки. Орудия имеют лезвия, подправленные вторичной обработкой. Этот дифференцированный инвентарь должен быть датирован развитым шеллем.

Синантроп жил каким-то организованным коллективом и, несомненно, обладал примитивной речью. Эту речь, вероятно, можно охарактеризовать понятием «сигнальной речи», т. е. синантроп оперировал, очевидно, немногочисленными, несложными звукопонятиями — сигналами. Только при условии существования этой,— хотя и очень примитивной,— речи можно представить себе согласованное действие коллектива в процессе охоты и трудовой деятельности, будь то изготовление орудий или уход за огнем.

Значение огня на данной первобытной ступени развития общества огромно. В процессе постоянного ухода за огнем уже в это древнее время начали возникать примитивные нормы отношений внутри коллективов. Огонь — один из важнейших источников возникновения некоторой дисциплины и поло-возрастного деления коллектива. Это поло-возрастное деление было обусловлено целесообразной направленностью примитивных, но определенных процессов первобытного материального производства в соответствии с реальными силами того или иного члена коллектива Только при этих условиях регулирования сил общества возможно было существование первобытного человека. Нарушение этих примитивных норм ставило весь коллектив перед угрозой гибели.

Так на заре человечества закладываются и формируются в тяжелой борьбе за существование совершенно особые отношения — «человеческие». Именно эти специфические отношения внутри коллективов и выводят первобытного человека из его первоначального животного состояния и придают ему особые качества, обеспечивающие и стимулирующие прогресс в формировании общества от древнейших, примитивных культур камня к современности.

Совершенно необходимо указать на то, что весь процесс формирования человека, начиная с его древнейших форм и кончая современным типом человека, идет в совершенно особых условиях все усложняющихся процессов развития общества и его материального производства. В результате процесс изменчивости человека идет параллельно с процессом развития материальной и духовной культуры, что и выражается прежде всего в специфическом человеческом развитии психики и постепенной утрате животной физической специализации. Это привело к тому, что человек по отношению к своему примитивному предку обладает меньшей специализацией организма к «определенным» условиям жизни.

Поставленный в особые условия жизни в коллективе, обладая речью, орудиями труда и все усложняющимися социальными нормами, человек постепенно стал утрачивать специфические и в первую очередь физические, животные, индивидуальные, узкоспециализированные биологические качества. Все это привело к тому, что процесс эпохальной изменчивости пошел в сторону все большей и большей утраты человеческим организмом специфических для его животных предков приспособительных признаков. Физический облик человека в процессе эпохальной изменчивости становится как бы все более и более ювенильным. Следует указать, что в связи с этим, очевидно, уменьшаются элементы полового диморфизма человека.

Синантроп (женщина). Женский череп был реконструирован на основе ряда отливов с подлинных костей синантропа. Свод реконструированного черепа представлял собой точную копию с черепной крышки, найденной Пей Вен-цзупом в 1930 г. и известной под номером II. Лицевой скелет воспроизведен с учетом обломков челюстей и зубов, подобранных по величине. Сумма этих фрагментарных остатков подлинного женского черепа синантропа дала возможность воспроизвести с достаточной долей вероятия череп женщины в возрасте около 40 лет.

Благодаря постоянной консультации и обмену мнениями с антропологами, в первую очередь с Н. А. Синельниковым, Я. Я. Рогинским и М. А. Гремяцким, были максимально учтены все необходимые данные; поэтому можно думать, что этот реконструированный женский череп синантропа, действительно, близко отражает подлинные его черты. В отличие от черепа, сделанного Вейденрейхом, наша реконструкция имеет меньшее количество ярких специализированных деталей, чем и морфологически значительно приближается к современному человеку. Реконструкция этого черепа заслуживает хотя бы краткого описания.

При рассмотрении женского черепа синантропа в профиль прежде всего отмечается значительное превалирование лицевого скелета по отношению к черепной коробке в сравнении с современными черепами. Лицо тяжелое, особенно челюстной раздел его, причем все оно как бы выдвинуто вперед. Свод черепа очень уплощен. Значительно выступающие надбровные дуги резко ограничены сильным перегибом лба. Глабелла имеет резкую грань перегиба, более ярко выраженную в средней части. По мере перехода в надбровные дуги грань закругляется и образует сильно выступающие уплощенные надбровные дуги. Строение глабеллы придает черепу ярко выраженные обезьяньи черты. В горизонтальной проекции этот череп синантропа, как и череп питекантропа, приближается к бриоидной форме. Наибольшая ширина черепа приурочивается к области сосцевидных отростков. На черепе отчетливо виден сагиттальный валик почти на всем протяжении, начиная от перегиба лобной кости до затылочной. Этот валик придает поперечному сечению свода форму крышевидного очертания, несмотря на сильную его уплощенность. Затылок выступающий, с резко выраженным валом перегиба. Затылочное отверстие сильно передвинуто назад. Широкая, уплощенная носовая часть лобной кости и детали формы сохранившейся части носолобного шва свидетельствуют о наличии у синантропа уплощенного широкого свода корня носа, чем он очень резко отличается от всех известных высших обезьян. Такая форма строения корня носа как будто бы указывает на то, что носовые кости синантропа были широкие, слегка волнистые, простого рисунка, что они образовывали широкий свод широкого же сердцевидно-грушевидного отверстия носа. Все неандертальские черепа, сохранившие лицевой скелет, имеют очень своеобразное строение верхнечелюстных костей. Тело их уплощено и скошено латерально и назад, в результате чего сглажена собачья ямка.

При реконструировании этих недостающих частей лицевого скелета синантропа мы воспроизвели их по аналогии с неандертальскими формами, что придало черепу некоторые черты примитивности, по морфологически было оправдано. Именно в связи с этой формой скуловых и верхнечелюстных костей совершенно особый рисунок приобретают очертания глазниц и строение альвеолярной части верхней челюсти. Эти детали строения реконструированного нами черепа значительно отличаются от черепа синантропа, опубликованного Вейденрейхом в 1938 г. Нижняя челюсть синантропа сохранилась в ряде фрагментов, так что ее воспроизведение было не столь сложно и достаточно достоверно. Она очень массивна, с короткими ветвями и полным отсутствием подбородочного выступа.

Сравнивая женский череп синантропа, созданный Вейденрейхом, с черепом, реконструированным нами совершенно от него независимо (так как они оба были выполнены почти одновременно и публикация Вейденрейха была мне еще неизвестна), следует сказать, что у рекон-

Рис. 71. Реконструкция головы женщины по черепу синантропа.

струированного нами черепа глазницы ниже и менее профилированы. Носовые кости при рассматривании их в профиль длиннее и уплощеннее; альвеолярный отросток верхней челюсти менее профилирован, нет резкого фронтального перегиба его и вообще череп менее прогнатен. В черепе, созданном Вейденрейхом, отмечается большее количество специализированных черт, что вряд ли будет правильно, особенно, если учесть, что реконструированный череп — женский. Если игнорировать эти,— в конечном итоге мелкие,— индивидуальные черты, то оба черепа, несомненно, дают представление об одном и том же антропологическом типе и степень разницы не превышает нормы вариации в пределах одной и той же расовой группы. В настоящей книге нет необходимости в более подробном освещении этих реконструкций. По черепу, реконструированному нами, был создан бюст женщины-синантропа. При воспроизведении этого бюста были учтены специфические особенности посадки головы, характерные для ранних форм древнего человека.

Синантроп (мужчина). Эта реконструкция была выполнена с учетом костного материала, по морфологическим данным и размерам предположительно принадлежавшего мужчине, причем были учте-

Рис. 72. Реконструкция головы мужчины по черепу синантропа.

ны особенности полового диморфизма, выраженного на ранних ступенях формирования человеческого типа, безусловно, более резко. Поэтому реконструкция мужчины-синантропа имеет значительно больше так называемых примитивных черт при сравнении его с женщиной-синантропом и современным человеком. Обе реконструкции экспонированы в ГМА.

Рассматривать эти реконструкции синантропов как портретные, конечно, нельзя; но никто и не мог ставить перед собой такую задачу, так как черепа, использованные для реконструкции, в значительной мере воспроизведены только на основании суммы данных, полученных в результате изучения фрагментов черепов, принадлежащих многим особям синантропа. Предлагаемые реконструкции являются обобщенными портретами этих древнейших представителей рода гоминид (рис. 71 и 72).

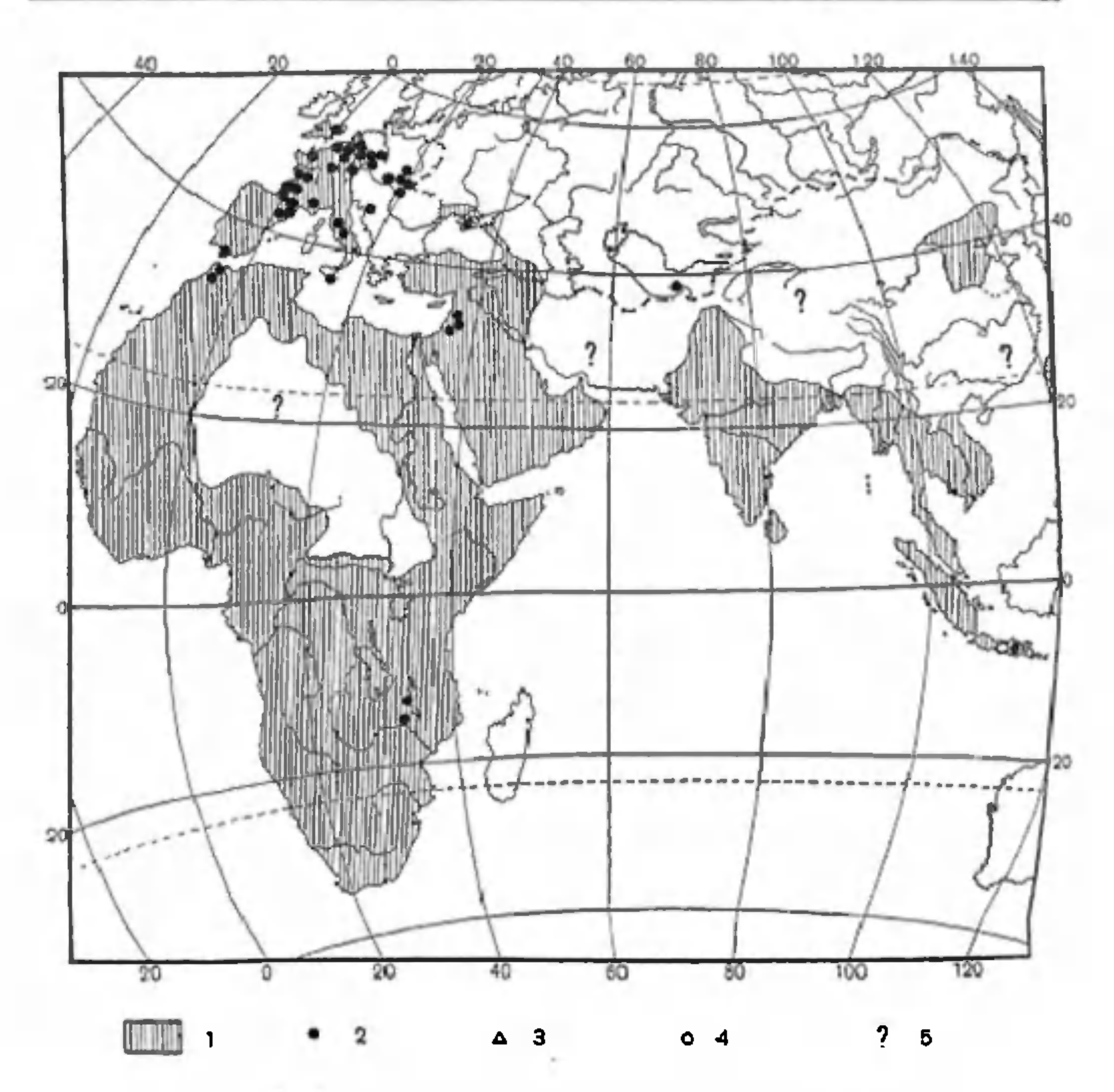

Рис. 73. Схематическая карта распространения древнейших культур с указанием мест находок костей древнейшего человека:

1 — площадь, занятая культурами шелль и ашель, 2 — пункты находок костей неандертальца, 3 — место находок костей синантропа, 4 — место находок костей питекантропа, 5 — данных о заселении нет.

§ 17. НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ

Каменные орудия, найденные с костями синантропа, по примитивности своей могут быть отнесены к ранней поре нижнего палеолита — шелльской. Орудия шелльской и следующей за ней ашельской эпох найдены во многих местах Европы, Африки, Южной Азии и Малой Азии (рис. 73).

Основная масса этих находок обнаружена в переотложенном состоянии и до сих пор с ними не найдено костей человека. Следующая — мустьерская — эпоха представлена в еще большем количестве находок отдельных каменных орудий и мест древних поселений. Эта эпоха в основном относится ко времени максимального развития льдов в Европе, т. е. к рисскому времени, примерно от 200 до 75 тыс. лет до современности

Мустьерская эпоха связана с существованием первобытного человека, так называемого неандертальца. В 1856 г. в долине Неандерталь (Германия) были найдены разрозненные остатки скелета. Черепная крышка его резко отличается от современных черепов малой высотой свода, сильно выступающими надглазничными валиками. По месту этой находки антропологический тип древнего человека был назван неандертальцем.

Конец ашельской и самое начало мустьерской культуры приходятся на теплый, сухой климат. На территории Европы в это время еще водились южный слон, носорог Мерка и даже бегемот (доходил до Франции). Особенно многочисленны были стада лошадей, первобытных быков и зубров. Во Франции это время представлено наиболее известными памятниками Ля-Микок, Комб-Капелль.

Достоверно относящиеся к этому времени находки костей неандертальцев происходят из Югославии (Крапина). Здесь обнаружены разрозненные остатки мужских, женских и детских скелетов, принадлежавших 20 особям. Все кости найдены в разрозненном состоянии, в культурном слое вместе с костями животных. Многие из костей несут на себе очевидные следы того, что эти неандертальцы были съедены наравне с животными. Это не единственный случай в древней истории человечества. Очень вероятно, что и синантропы ели себе подобных; все кости их расколоты и тоже найдены среди кухонных отбросов в массе костей животных. Основными животными, на которых охотился древнейший неандерталец, были лошадь, бык и зубр.

Средняя пора мустьерского времени характеризуется сильным, резким похолоданием. Из Скандинавии начинается наступание ледника. В Центральной и Южной Европе климат становится одновременно и холодным, и влажным. Перед ледником, обгоняя его, переселяется в более южные широты северная фауна. Мамонт и шерстистый носорог отступают к югу. В Средней Европе создается режим тундры с типичными для него формами ландшафта, флорой и фауной. Наиболее распространенным животным становится северный олень. Первобытный человек уже почти не живет на открытых стоянках. Образуя небольшие группы, он ютится под навесами скал и гротов или перед пещерами, выгнав предварительно из них обычных их хозяев — пещерных медведей. Мустьерская техника обработки камня достигает наивысшего своего расцвета, появляются первые орудия из кости (пока что это только примитивные проколкообразные острия). На этом этапе культуры древний человек не только знал огонь и умел его добывать и поддерживать, но сохранял с помощью трутов и переносил его в случае необходимости на большое расстояние. Огонь был открыт и познан первобытным человеком в процессе трудовой деятельности. Изготовляя каменные орудия, человек одновременно высекал искры. Нередко они воспламеняли подстилку его жилища. Очевидно, что человек уже в глубокой древности оценил качества огня, получая его сначала случайно, а затем специально высекая его для своих нужд[1].

Культурный слой памятников этого времени характеризуется большими скоплениями кухонных отбросов, что, конечно, указывает на большую оседлость первобытного населения. Инвентарь поражает правильностью форм, целесообразностью оббитых лезвий.

Уже с этого времени замечается совершенно особое отношение неандертальского человека к умершему своему собрату. Он его не съедает и не бросает, но прячет, погребает в укромном месте, защищенном от

[1] Б. Ф. Поршнев. О древнем способе получения огня. СЭ, 1955, № 1.

животных. Вероятно, были случаи, когда умершего снабжали его каменными орудиями и даже клали с ним пищу. Во всяком случае о таких заведомых захоронениях свидетельствует ряд находок.

Следует ли эти древние захоронения считать обрядовыми, культовыми? Конечно, нет. Нам представляется, что это лишь выражение заботы о сочлене своего общества. Очень вероятно, что при столкновении двух групп неандертальцев (из-за пищи — убитого животного, из-за женщины и т. д.) победители съедали своего поверженного врага. К умершему же сородичу было, видимо, иное отношение. Вот почему на стоянках, в пещерах мы встречаем как заведомые захоронения, так и нередко разрозненные кости в культурном слое. Однако нам совершенно непонятно, как можно предполагать настоящее религиозное захоронение в эпоху мустье с представлением о каком-то, пусть примитивном, магико-солярном культе, даже в самой его зачаточной форме, как об этом пишет А. П. Окладников[1].

Позднее мустье связано в Европе с крайним похолоданием. Климат был холодный и сухой. Это время существования в Европе всех арктических животных, вплоть до мускусного быка, пеструшки, копытной мыши. Неандертальский человек жил преимущественно в гротах и перед входом в пещеру. Характерными памятниками этого времени следует считать поздний мустьерский слой Ля-Кина (Франция).

Приводим список наиболее полных находок неандертальца (отдельные зубы и обломки костей не указываются)[2]:

Испания

Гибралтар I, 1848 г. Фрагменты женского черепа. Г. Беск, 1864 г.
Гибралтар II, 1926 г. Обломки детского черепа. Д. Гаррод, 1926 г.
Бавьолас, 1887 г. Нижняя челюсть мужчины. Г. Обермаиер, 1912 г.

Франция

Ле-Мустье, 1908 г. Почти полный скелет (15—16 лет). О. Гаузер и Г. Клаач, 1909 г.

Ля-Шапелль, 1908 г. Скелет мужчины (50—60 лет). М. Буль, 1912 г.

Ля-Феррасси I и II, 1909 и 1912 гг., Два скелета — мужчины и женщины и четыре детских скелета. Л. Капитан, 1909 г., Д. Пейрони, 1912 г.

Ля-Кина, 1910 и 1927 гг. Более 20 скелетов разного пола и возраста. А. Мартен, 1911 и 1927 гг.

Малярно, 1888 г. Нижняя челюсть женщины. Фильоль, 1889 г.

Пеш де л'Азе, 1909 г. Обломки детского черепа (5—6 лет). Д. Пейрони и Л. Капитан, 1909 г.

Бельгия

Спи I и II, 1886 г. Остатки двух скелетов мужчин. И. Фрэпон и М. Ловст, 1887 г.
Ля-Нолетт, 1866 г. Остатки скелета женщины. Е. Дюпон, 1866 г.

Германия

Неандерталь, 1856 г. Остатки скелета женщины. К. Фульрот, 1857 г., Шаффгаузен, 1858 г.

Эрингсдорф, 1914 г. Обломки черепов мужчины, женщины и ребенка. Г. Швальбе, 1914 г., Г. Вирхов, 1920 г., Ф. Вейденрейх, 1927 г.

Штейнгейм, 1933 г. Череп женщины. Г. Вейнерт, 1936 г.

---

[1] См. сб. «Тешик-Таш». Изд. МГУ, М., 1949.

[2] См. В. П. Якимов. О двух морфологических типах европейских неандертальцев. «Природа», 1949, № 10; сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (ТИЭ, новая серия, т. XVI).

Италия

Рим, Саккопасторе I и II, 1929 г. Черепа женщины и мужчины, С. Серджи, 1929—1930 гг. и 1936 г.

Монте-Чирчео I и II. Череп и нижняя челюсть. А. Бланк, 1938 г. С. Серджи, 1939 г.

Венгрия

Шубалюк, 1932 г. Два скелета взрослых и скелет ребенка. Б. Балош, 1940 г.

Чехословакия

Охос, 1905. Обломки нижней челюсти. А. Ржехак, 1906 г.
Шипка, 1880. Нижняя челюсть ребенка. К. Машка, 1880 г.

Югославия

Крапина, 1895 г. Остатки 20 скелетов разного пола и возраста. К. Горянович-Крамбергер, 1906 г.

СССР

Киик-Коба, 1925 г. Скелеты женщины и ребенка. Г. Бонч-Осмоловский, 1926—1941 гг.

Тешик-Таш, 1938 г. Скелет ребенка 9—10 лет. А. Окладников, Г. Дебец, 1940, 1946 и 1950 гг.

Палестина

Галилея, 1924 г. Остатки мужского скелета. А. Киз, 1925—1927 гг.
Кармел, 1931 и 1932 гг. Остатки 12 скелетов. А. Киз и Д. Мак Коун, 1939 г.
Кафзех, 1934 г. Два черепа взрослых и череп ребенка. Р. Верно, 1934 г.

Африка

Оз. Эйяси, 1935 г. Три разрушенных черепа. Г. Вейнерт, 1939 г.

Остров Ява

Нгандонг, 1931 г. 11 неполных черепов, В. Оппенус, 1937 г.

Многие из находок, вследствие их случайности, непосредственно не связаны с инвентарем; поэтому они не могут быть точно датированы, и их следует относить вообще ко времени нижнего палеолита.

Остатки неандертальца в Европе и Средней Азии распределяются по культурам нижнего палеолита следующим образом:

Поздний ашель и раннее мустье

Крапина, Югославия. Разрозненные остатки скелетов в культурном слое.

Раннее мустье

Ле-Мустье, долина р. Везеры, Франция. Скелет юноши, погребение.
Эрингсдорф, близ Веймара, Германия. Обломки черепа в культурном слое.

Среднее мустье

Ля-Кина, департамент Дордоны, Франция. Остатки захоронения.
Ля-Шапелль, департамент Коррезы, Франция. Захоронение.
Ля-Феррасси I, департамент Дордоны, Франция. Остатки захоронения.
Шипка, Чехословакия. Разрозненный скелет в культурном слое.
Киик-Коба, Крым, СССР. Разрушенное захоронение.
Тешик-Таш, Узбекистан, СССР. Разрушенное захоронение.

Позднее мустье

Ля-Кина, департамент Шаранты, Франция. Остатки захоронения.
Ля-Феррасси II, департамент Дароны, Франция. Захоронение.
Спи I и II, Бельгия. Захоронение.

В Восточной Европе, т. е. на территории СССР, в настоящее время известно довольно большое количество мустьерских памятников. Наиболее древние памятники этого типа (перечислим важнейшие из них) с инвентарем примитивно мустьерским и клетонским находятся в Армении — Арзни (М. З. Паничкина, 1950 г.), в Абхазии — до 15 памятников, в числе их Яштух и Сухуми (С. Н. Замятнин, 1934 г.), Кюрдере, Колхида и др.

В Крыму имеется древнемустьерский памятник Киик-Коба (нижний горизонт; Г. А. Бонч-Осмоловский, 1926—1941 гг.).

Мустьерские стоянки известны также в следующих районах на территории СССР:

1. Среднее течение Днепра — Кодак.
2. Бассейн Десны — Чулатово III.
3. Северный Донец — Деркул и Красный Яр.
4. Крым — до 10 мест находок, из них наиболее интересны: Аджи-Коба, Волчий грот, Киик-Коба (верхний горизонт), Кош-Коба, Чокурча, Шайтан-Коба, Староселье.
5. Азовское побережье — Бесергеновка.
6. Кубань — Ильская.
7. Северная часть Кавказского побережья: Ахштырская пещера, Навалишенская пещера, Паук близ Туапсе, Ачигвари, Очемчири, Хоста.
8. Мингрелия — Рухи.
9. Узбекистан — Тешик-Таш.
10. Восточная Сибирь — Малый Кот (бассейн р. Ангары).

Как видно из этого краткого и далеко не полного перечисления мустьерских памятников, неандерталец жил на территории Европы, в Средней Азии, в Юго-Восточной Азии, в Африке.

Обычно полагают, что Сибирь была заселена человеком только в верхнем палеолите и древнейшими памятниками следует считать Мальтинскую и Буретскую стоянки. Но в 1949 г. появилась небольшая заметка Н. И. Соколова и И. В. Тюменцева «К вопросу о находке Elephas Tregontherii Poll. в бассейне реки Ангары»[1]. Эта заметка представляет собой громадный интерес. В ней сообщается о находке следов пребывания в Сибири мустьерского человека. Находка произведена вблизи с. Малый Кот, на террасе р. Кулш, притоке р. Ангары. Здесь были обнаружены остатки кострища, каменные орудия архаического облика, кости мелкого хищника и зуб трегонтерия (Elephas Tregontherii Poll.; описан В. И. Громовым). Это первая столь древняя находка следов пребывания человека на территории Восточной Сибири и значение ее вряд ли можно переоценить.

§ 18. РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЛИКА НЕАНДЕРТАЛЬЦА ИЗ ЛЯ-ШАПЕЛЛЬ[2]

Череп неандертальца из Ля-Шапелль неоднократно использовался нами для создания внешнего облика головы этого человека. Нами сделаны три основных реконструкции. Каждая из них является как бы уточнением первого варианта.

Неандерталец I. Первая реконструкция неандертальца была нами создана еще в 1927 г. Она была воспроизведена по черепу из Ля-

[1] Доклады Академии наук СССР, т. XIX, № 3, 1949.
[2] M. Boule. L'homme fossile de La Chapelle aux Saints. «Annales de Paléontologie». Paris, 1911—1913.

Шапелль, причем предварительно была сделана попытка реконструировать старчески редуцированные челюсти подлинного черепа (работа производилась по муляжу).

Неандерталец II. В 1938 г., по поручению Института и Музея антропологии Московского университета мной была создана новая реконструкция неандертальца. Многолетний опыт дал возможность на этот раз учесть ошибки первого восстановления и с большей вероятностью воссоздать обобщенный облик неандертальца. При восстановлении опять был использован череп старика из Ля-Шапелль, причем вновь была произведена реставрация, омолаживающая череп, т. е. были вставлены все зубы, выправлена старческая деформация нижней челюсти, так что в результате был создан череп, принадлежащий человеку не старше 40 лет.

Череп из Ля-Шапелль, как уже говорилось, неоднократно служил для восстановления лица неандертальца различными авторами. Во введении были упомянуты работы Грегора, Буля и Мартина, Быстрова и других, менее популярных авторов.

Все предложенные реконструкции неандертальца не могут рассматриваться как подлинное портретное изображение некогда жившего человека, так как все авторы производили реконструкцию костной основы и, следовательно, отходили от подлинника. В равной степени каждый из авторов воспроизводил по-своему носовые косточки, не сохранившиеся в подлинном черепе.

Несмотря на очевидную разницу всех этих реконструкций, следует, однако, отметить, что ряд их, несомненно, разрешен очень близко. Реконструкции Грегора, Буля, Быстрова и наша в значительной степени физиономически приближаются друг к другу и как бы передают почти одни и те же черты обобщенного антропологического типа неандертальца.

Наиболее обобщенной реконструкцией является голова, предложенная Грегори. Она очень близка к современному человеку, отличаясь главным образом от *Homo sapiens* некоторой грубостью лица. Кроме того, Грегори в своей реконструкции воспроизвел, очевидно, неправильную, присущую современному человеку форму профиля носа, совершенно игнорируя своеобразное строение верхнечелюстных костей черепа из Ля-Шапелль, свидетельствующих о том, что этот человек обладал громадным, сильно выступающим, широким носом.

Значительно больше индивидуализирована голова, реконструированная Быстровым. Очень хороша голова, реконструированная Булем (мимическая мускулатура головы неандертальца). Последняя реконструкция особенно близка к нашему решению.

Неандерталец III. В 1942—1943 гг. нами была сделана новая попытка воспроизвести лицо неандертальца по черепу старика из Ля-Шапелль, но уже без предварительного омоложения. В результате возник очень любопытный облик старика с ярко специализированными, утрированно неандертальскими чертами. Физиономически этот облик значительно правдоподобнее, чем реконструкция неандертальца II. Реконструкция неандертальца III хранится в Музее природы в Ташкенте.

В настоящей книге, предлагая вновь свою реконструкцию неандертальца, мы считаем необходимым более подробное описание черепа с тем, чтобы читатель мог сам судить о степени достоверности приемов реконструкции, которые были использованы в данном случае; в частности, на графической схеме нами будут даны поправки, которые произведены на черепе старика из Ля-Шапелль. Нам кажется, что это даст возможность, действительно, оценить степень правильности решения внешнего облика неандертальца. Кроме того, мы считаем необходимым сообщить краткие

сведения о находке черепа из Ля-Шапелль и об условиях, сопровождавших эту находку.

В пещере Буффия области Ля-Шапелль-о-Сен в департаменте Коррэзы А. и Ж. Буиссони и Л. Бардон нашли человеческий скелет, который был погребен на дне пещеры и перекрыт совершенно нетронутым слоем 30—40 см толщины. Слой содержал остатки поздней мустьерской культуры. Совершенно очевидно, что костяк принадлежал ко времени более раннему, чем то время, когда образовался этот слой (Буль).

Этот костяк — наилучший по своей сохранности из всех до сих пор найденных в пределах Европы. Сохранились череп, почти все позвонки, 20 ребер, кости рук и ног, причем частично сохранились кисти и стопы. Положение костей свидетельствовало о том, что это было заведомое погребение. Скелет был обнаружен в естественном углублении дна пещеры в таком положении, что создается впечатление о заботливом его захоронении (автор раскопок даже указывает о якобы заведомой ориентировке погребения с востока на запад; думаю, что это простая случайность). При погребенном скелете были обнаружены типичные мустьерские орудия, а также в изобилии раковины. Рядом лежали остатки скелетов шерстистого носорога, лошади, северного оленя, зубра. Фауна и инвентарь характерны для средней поры мустье, что и дает право датировать погребение этим временем.

Буль подробнейшим образом описал этот скелет неандертальца, определив его возраст в 55—60 лет.

Приводимое ниже описание не вполне повторяет описание, сделанное Булем, так как мы, в связи с определенными задачами построения лица по черепу, обратили внимание на специфические морфологические детали, которые и обеспечивали нам возможность создания портрета. Работа производилась по отливу, хранящемуся в ГМА.

Описание сохранности черепа приводится только в той мере, в какой она могла отразиться на реставрации черепа и, следовательно, на реконструкции внешнего облика неандертальца.

Поврежден зубной ряд верхней челюсти. Наружная стенка альвеол резцов, клыков левой и правой стороны челюсти разрушена. С правой стороны отсутствуют: часть верхнечелюстной кости, несущая P_1, P_2 и M_{1-3}, большое крыло основной кости и часть костного неба. Поврежден нижний край правой скуловой кости, выломана средняя часть скуловой дуги. Полностью отсутствуют носовые косточки. Сломаны верхняя часть правой половины грушевидного отверстия и верхушка подносового шипа. Остальные зубы были утрачены задолго до смерти, в результате чего произошло сильное редуцирование тела нижней челюсти, ее сильная общая деформация и утончение, а также деформация ее ветвей.

Форма свода черепа сверху бризоидная.

Наибольший диаметр	208 мм.
Поперечный диаметр	156 мм.
Черепной указатель	75,0 (субдолихоцефал).

Череп со стороны затылка имеет уплощенно-сводчатую форму. Свод низкий, уплощенный, с широким, низким, но хорошо моделированным лбом и мощными, типично неандерталоидными надбровьями.

Глабелла сильно вынесена вперед. Затылок как бы сплющен сверху. Затылочный бугор сильно развит. Гребни отчетливы. Кости массивны.

Наибольшая ширина лба	125 мм.
Наименьшая ширина лба	109 мм.
Лобный указатель I	87,30.

Форма лица ближе всего подходит к треангулярной; лобная часть значительно ниже всех норм современного человека. Кроме того, верхнечелюстные кости по ходу альвеолярно-скулового гребня не образуют обычной выемки. Лицо широкое, профилированное.

Носовые кости разрушены, но сохранившиеся медиальные края носовых отростков верхнечелюстных костей дают возможность с достаточной точностью восстановить ширину носовых костей. Хорошо сохранившийся носовой край лобной кости (margo nasalis) обеспечивает правильное восстановление основания носовых костей.

Нос сильно выступающий, громадный, очень массивный, с широким грушевидным отверстием (35 мм). Края грушевидного отверстия острые в верхнем его отделе и сильно притуплены — в нижнем. Подносовой шип отчетливо выражен, хорошо моделирован, но короткий, горизонтальный в своем направлении. Орбита прямоугольная, но с очень округлыми углами, открытая, высокая; верхние края слегка нависают, нижние — очень слабо приподняты у латеральных углов. Она слабо профилирована, почти вертикальна.

Глазничные бугорки выражены очень слабо. Морфологические данные строения отдельных деталей орбит указывают на горизонтальный разрез глаза. Ширина орбиты — 47 мм. Высота орбиты — 38 мм. Орбитный указатель — 80.85.

Скуловая дуга массивна, сильно выступает в сторону, благодаря чему усиливается общая ширина лица. Лобные отростки верхнечелюстных костей в области между нижними краями орбит и латеральными краями грушевидного отверстия выступают несколько вперед, образуя характерное вздутие треугольной формы, обращенное основанием к грушевидному отверстию. Это вздутие как бы расширяет лобные отростки верхнечелюстных костей, тем самым увеличивает объем носа и делает его контуры неотчетливыми, постепенно переходящими к скуловым костям. Эта форма верхнечелюстных костей определяет передний раздел всего лица. Несмотря на то, что череп явно ортогнатен, создается впечатление значительного выступания вперед всей его средней части.

Нижний край скуловых отростков верхнечелюстных костей (альвеолярно-скуловой гребень) не образует обычной для современного человека выемки. Эта форма верхнечелюстных костей очень характерна для неандертальских черепов вообще. Кстати сказать, это один из признаков, сближающий строение неандертальского черепа с современными обезьянами, в частности, с шимпанзе.

Описанные характерные признаки строения лица,— большой нос, убегающие назад скуловые кости, вздутие носовых отростков верхнечелюстных костей,— все это типичные признаки строения лицевого скелета европейского типа неандертальцев. Эти признаки нами были отмечены на черепах из Тешик-Таша, Ла-Феррасси, Мустье (форма носа черепа из Мустье несколько отличается от формы носа типичных неандертальцев — она более узкая, с более острым крышевидным сводом). Черепа из Мустье, Гибралтара, Крапины имеют ту же специфическую форму строения скуловых костей. Эта же форма скуловых костей характерна для древних приматов — плезиантропа и парантропа.

Альвеолярная часть массивная и, вероятно, была высокая, но в результате возрастной деформации в настоящий момент она относительно невысокая — достигает всего 23 мм (размер для *Homo sapiens* — большой).

Высота лица верхней части . . . . 86 мм.
Скуловая ширина . . . . 153.
Лицевой указатель . . . . 56.86.

Весь раздел лицевого скелета производит впечатление чрезмерной массивности, тяжести, несоразмерности и как-то не отвечает мозговому разделу черепа, хотя последний очень широк, длинен и массивен, правда, с очень низким сводом.

Височные ямы большие, широкие и глубокие, особенно в передней их части. Височные линии лобной кости выражены отчетливо и представляют собой несколько сглаженные гребни.

Сосцевидные отростки по отношению к черепу чрезвычайно малы, направлены вершиной вниз и назад, рельеф их выражен не сильно, но четко. Все направление сосцевидных отростков и их гребней свидетельствует о том, что грудино-ключично-сосковые мышцы не были очень сильны, и не они осуществляли основную задачу держания головы неандертальца. Совершенно очевидно, что при такой форме сосцевидных отростков посадка головы у старика из Ля-Шапелль была не вертикальной, а сильно вынесенной вперед. Выйные линии затылочной кости, выраженные в виде гребней, очень массивны, что указывает на то, что прикрепленные к ним мышцы несли основную функцию закрепления головы на торсе. Положение ее отчетливо определяется всей формой затылочной кости и сильно отнесенным назад затылочным отверстием.

Поверхности суставных отростков затылочной кости также направлены назад. Все это определяет специфическую посадку головы: она выдвинута вперед, наклонена и располагается на короткой, как бы уходящей в плечи, шее. Сильно развитые остистые отростки шейных позвонков свидетельствуют о значительной силе мышц шеи. Специфический наклон шейных позвонков определяет характер наклона головы и создает впечатление сутулости, посадки головы на очень массивной шее, причем это усугубляется сильным развитием остистых отростков первых грудных позвонков; в результате слагается впечатление сутулости всей спины. Неандерталец как бы был сгорблен в верхней части торса.

Схемы процесса графической реконструкции головы неандертальца из Ля-Шапелль объясняют принципы, ставшие основой скульптурной реконструкции (рис. 74 и 75).

Кроме реконструкции головы неандертальца, мною дважды производились попытки создания всей его фигуры. Первый раз это было осуществлено в виде барельефа. На основе скелета старика из Ля-Шапелль был создан профильный силуэтный барельеф неандертальца, несущего на спине убитого поросенка. Барельеф выполнен в половину натуры (экспонирован в МАЭ). Вторая попытка воспроизвести фигуру неандертальца была сделана по поручению ГМА. И в данном случае основой послужил наилучший по сохранности скелет неандертальца из Ля-Шапелль. Выполненная мною фигура неандертальца представляет его возвращающимся с удачной охоты. Неандерталец вооружен деревянной палицей, деревянным копьем, через его плечо перекинут убитый козленок.

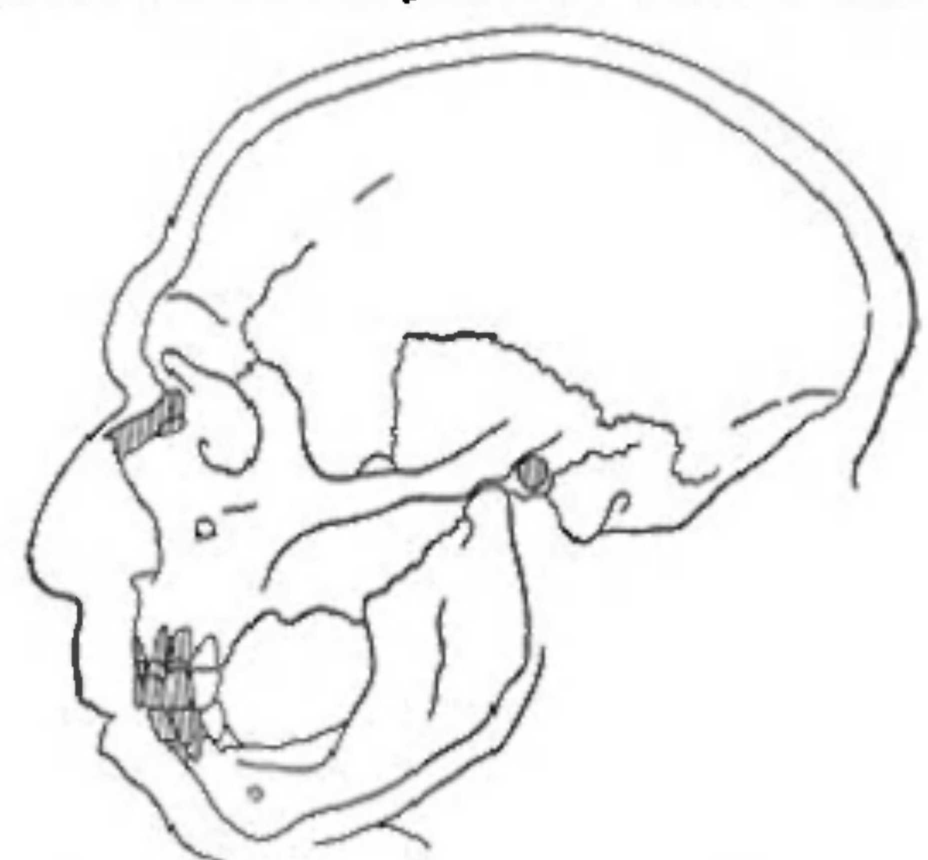

Рис. 74. Схема восстановления головы неандертальца по черепу из Ля-Шапелль.

Не случайно неандертальцу были даны палица и копье. Мы считаем, что в эпоху мустье наряду с достаточно дифференцированным каменным инвентарем и первыми проколковидными орудиями из кости первобытный человек уже широко использовал и деревянные орудия. Наиболее характерным из примитивных орудий, несомненно, могла быть палица. Вначале это просто подобранная палка, впоследствии же — мощное орудие, вырезанное из ствола небольшого дерева. Точно так же нам представляется совершенно вероятным появление деревянного копья в конце мустьерской эпохи, конечно, еще не снабженного специальным наконечником. Это копье или острие — рогатина — могли изготовляться из тонких стволов крепкого дерева. Высушенный орешник и береза могли служить материалом для изготовления этого простого типа орудия. Острие его обрабатывалось на огне и подскабливалось каменным орудием. Ведь только при наличии метательного орудия типа копья или колющего орудия типа рогатины первобытный охотник имел возможность поразить быстро убегающее животное или вступить в единоборство с крупным хищником. Как правило, в ту пору человек чаще охотился, еще не образуя больших коллективов. Впоследствии эта охота маленькими группами или в одиночку, хотя бы сезонно, заменилась охотой крупными коллективами.

Здесь, нам кажется, уместно сказать, что неандерталец, конечно, не был беспомощным существом с балансирующей походкой и не координированными движениями рук. Предположение о том, что якобы большой палец кисти неандертальца был мало подвижен и не мог противостоять другим пальцам,— неверно (Г. А. Бонч-Осмоловский). Изучение костных остатков кисти и стопы, тазобедренного сустава дает возможность предположить, что неандерталец был очень подвижным, сильным существом. Широкая стопа с относительно малой пяткой все же обладала довольно высоким сводом (Киик-Коба).

Несмотря на то, что основной опорой были пальцы, приподнятый свод стопы и чуть присогнутые колени сообщали движениям неандер-

Рис. 75. Реконструкция неандертальца по черепу из Ля-Шапелль.

тальцев некоторую рессорность, обеспечивая тем самым устойчивость при ходьбе и беге.

Структура строения шейки бедра обладает рядом черт, свидетельствующих о большой универсальности функции тазобедренного состава и нижней конечности в целом (Тешик-Таш, 1943 г., Д. Г. Рохлин).

О степени координации движения рук неандертальцев можно судить по дошедшим до нас многочисленным великолепным каменным орудиям, изготовленным очень сложной «сколотой» техникой. Эти орудия, обладающие совершенной формой, имели сложные дифференцированные функции. Целесообразность этих «примитивных» каменных орудий могла быть подсказана только человеческим разумом, имеющим многовековой опыт. Только человеческая рука, обладающая координированными движениями, могла их изготовить и ими пользоваться для своих хозяйственных целей.

Шелльские и ашельские рубила, мустьерские остроконечники требуют при изготовлении больших навыков, технического мастерства и

глубокого знания материала (камня), его свойств, разбивки, скалывания при различных приемах обработки.

Высказывание некоторых авторов о том, что неандертальцы якобы были еще столь примитивны, что не обладали координацией рук с нашей точки зрения, следует рассматривать как недоразумение, явившееся результатом измышления кабинетных ученых, для которых ручной труд является чем-то совершенно неясным. Тот исследователь, которому не чужды хотя бы самые элементарные навыки в любом ручном труде, не может не понять, что при отсутствии координированного движения, определенной сноровки и мастерства невозможно отбить даже самого примитивного рубила, сколоть осколок от нуклеуса и превратить его в острие и т. д.

Нам непонятна тенденция некоторых ученых, желающих во что бы то ни стало превратить неандертальца в беспомощное, бессмысленное существо, лишенное координированных движений и речи. Все это противоречит фактам.

Мы располагаем данными, что человек не только в мустьерское время, но и значительно раньше, имел дифференцированный инвентарь, широко пользовался огнем и, вероятно, к началу шельского времени научился его добывать. Совершенно очевидно, что основой его хозяйственного производства была охота и по преимуществу на быстро бегающих животных.

Это время образования первобытных охотничьих орд, объединенных борьбой за существование. Усложнявшееся первобытное материальное производство, специализированная охота на крупного зверя, изготовление инвентаря, охотничьих орудий, поддержание огня, собирательство при относительно оседлой жизни коллектива — все это приводило к образованию и усложнению норм отношений внутри каждой такой группы неандертальцев.

Так, в самом начале мустьерского времени возникли предпосылки к созданию дородового общества. Отношения внутри коллектива приобретали новые, «человеческие» качества, возникала обоюдная забота о каждом члене коллектива. Отражением этого качественного сдвига в отношениях неандертальцев следует считать их заботу об умерших. В течение мустьерской эпохи первобытный человек уже погребал своих умерших собратьев. Все это вместе взятое свидетельствует о высокой форме развития мышления у неандертальца. Ведь ему уже свойственны зачатки каких-то отвлеченных представлений — понятий. Как же этому существу можно отказать в наличии примитивной речи?

Фактическая сторона вопроса нашла свое отражение в представлении о трудовом процессе первобытного человека, которое мы находим в работах классиков марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс с предельной четкостью показали значение речи в процессе труда.

Труд, объединяя, формировал человека с древнейших этапов выделения его из животного мира[1].

И. В. Сталин рассматривает именно звуковую речь как одну из основных сил выделения человека из мира животных и объединения людей в коллективы — общества, силу, способствующую организации общественного производства. Только говорящий человек мог развить свое мышление и найти пути к прогрессу[2].

---

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. I, 1945, стр. 187; Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр. 167.

[2] См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1950, стр. 46.

§ 19. МАЛЬЧИК ИЗ ТЕШИК-ТАША

В 1933 г. один из отрядов Большой Термезской экспедиции под руководством А. П. Окладникова обнаружил в Узбекистане при обследовании одного из саев Байсун-тау, в гроте, носящем название Тешик-Таш, остатки мустьерской культуры. При расчистке первого культурного слоя на глубине 25 см от поверхности у стены грота был обнаружен череп человека, лежавший основанием вверх; он был раздавлен и сплющен землей, но сохранность костей оказалась хорошей. Череп был залит воском и взят монолитом. Кроме черепа, найдены некоторые кости скелета, в частности, атлант, ребра, плечевая кость, бедро, голень, ключицы и т. д.

Как уже было указано, несмотря на сильную раздробленность черепа, отдельные фрагменты его были достаточно плотны. Соли железа, марганца и кальция укрепили и частично перекрыли поверхность фрагментов, количество которых достигало более 150. Сначала водой была смыта земля, затем 5% раствором соляной кислоты были очищены участки кости, перекрытые наплывами солей кальция. После просушки отдельные фрагменты были закреплены посредством пропитывания горячим воском с 20% содержанием канифоли. Склейка черепа производилась той же восковой мастикой, которая одновременно была заполнителем недостающих частей черепа. Употребление восковой мастики облегчало склейку, и, что самое главное, наличие ее не помешало в дальнейшем при рентгенировании костей, так как она оказалась лучепроницаемой.

В результате проведенной работы удалось восстановить почти полный череп. Отсутствовали только незначительные части, воспроизведение которых не представляло большого труда. В склеенном черепе недоставало следующих частей: фрагментов левой части чешуи затылочной кости, некоторых частей чешуи левой височной кости, нижних участков носовых костей, левого суставного отростка нижней челюсти, средней части левой скуловой дуги и нескольких мелких кусочков свода. Эти незначительные в конечном счете дефекты черепа не могли повлиять на правильность реставрации. Сделанная отливка мозговой полости дает прекрасный отпечаток внутренней поверхности черепа без швов и деформации. Склеенный череп сильно асимметричен, но это типичная асимметрия для большинства человеческих черепов и лиц.

Определение возраста субъекта и тем более пола, конечно, представляет некоторые трудности. Но, судя по состоянию эпифизов и зубов, данный череп принадлежит ребенку. Г. Ф. Дебец указывает, что порядок прорезывания зубов не вполне совпадает с современным стандартом, однако, в общем можно сказать, что у современных детей такое состояние зубной системы чаще всего наблюдается в возрасте около 9 лет. Общие размеры черепа, относительно сильная профилировка лица, величина постоянных зубов — все это дает возможность предполагать, что это, вероятнее всего, мальчик. Несмотря на молодой биологический возраст тешик-ташского скелета, он выявляет все морфологические свойства неандертальского типа, характерные для той же (мустьерской) эпохи Европы, Передней Азии и Африки. Установить более точное место его в системе ископаемых людей гораздо сложнее, хотя бы потому, что система эта сама еще служит предметом дискуссии.

По окончании склейки черепа было произведено восстановление головы первого неандертальца в СССР, так как найденные до сих пор остатки конечности неандертальца из грота Киик-Коба, конечно, не могли служить материалом для реконструкции.

Череп мальчика из Тешик-Таша изучен рядом исследователей. М. А. Гремяцкий, Г. Ф. Дебец, Н. А. Синельников с большой тщательностью исследовали особенности скелета. Моя задача заключалась в воспроизведении образа мальчика-неандертальца, с учетом всех данных, полученных этими исследователями.

Позволю себе опустить данные измерений, так как они приводятся в специальной работе[1].

Если сравнить череп из грота Тешик-Таша с современным черепом одного с ним биологического возраста, сразу бросается в глаза ряд резких различий. Необычны общие размеры черепа из Тешик-Таша — он значительно больше, мощнее современного черепа ребенка этого же возраста. Особенно поражают размеры лицевой части. Несмотря на то, что это детский череп, на нем отчетливо видны сильно развитые гребни мест прикрепления мышц.

Величина надбровья превосходит обычную степень его развития у современного взрослого человека. Поражает величина скуловых костей, главным образом нижней их части. Очень мощны верхнечелюстные кости, особенно значительны высота альвеолярного отростка и величина грушевидного отверстия. В соответствии с черепом массивна и нижняя челюсть.

По своим очертаниям мозговой череп с сильно развитым надбровьем и покатым лбом имеет типично неандерталоидную форму. Но так как это детский череп, то естественно, что свод его несколько более высок, чем у взрослых особей. Возрастом же следует объяснить и несколько меньшее развитие надбровья. В горизонтальной проекции череп ближе всего к брзоидной форме, усложненной значительным выступанием надбровья в затылка. Это выступание затылка — один из характернейших признаков неандертальских черепов и свидетельствует о своеобразной посадке головы и усиленной шейной мускулатуры.

Низкий покатый лоб с сильно сближенными, слабо развитыми, лобными буграми, значительно сужен в передней части, которая в свою очередь усилена развитием надбровного валика. Широкое межглазничное расстояние связано с уплощенным переносьем. Свод носовых костей широк, мало профилирован. Несмотря на то, что нижняя часть носовых костей обломана, все же можно с достоверностью констатировать их уплощенность и вогнутость при рассмотрении в профиль. Грушевидное отверстие громадно, имеет укороченные пропорции, тонкий, вывернутый край и, вероятно, слабо выступающий, слегка приподнятый подносовой шип (сломан). Глазницы округлы по своим очертаниям и, несмотря на сильное надбровье, имеют тонкий, едва притупленный край на всем протяжении. Скуловые кости типичной неандерталоидной формы (простого рисунка) скошены книзу, со спокойным переходом к верхнечелюстным костям, не имеющим и намека на собачью ямку.

Любопытно отметить полное отсутствие обычного выступания нижнего края орбит. Верхнечелюстные кости мощны, с высоким альвеолярным отростком. На верхней челюсти сменились все четыре резца и прорезались первые постоянные коренные зубы. Клыки и первые премоляры — в стадии прорезания. Молочные коренные еще не выпали. На нижней челюсти резцы постоянные, первые моляры полностью прорезались, но клыки и молочные моляры еще не выпали. Нижняя челюсть велика, массивна, с полным отсутствием подбородочного выступа, с сильно развитым рельефом ветвей. Особенно усилен этот рельеф по внутренней их стороне. На месте подбородочного выступа можно различить только едва ощутимую бугристость.

Следует отметить, что несмотря на молодость тешик-ташского черепа (9—10 лет), даже на мозговом черепе микрорельеф в местах прикрепления мышц сильно развит. Это обстоятельство в значительной степени облегчило воспроизведение жевательных мышц. Правильное восстановление таких мышц, как височная (m. temporalis) и жевательная (m. masseter), сразу определяет весь характер овала реконструируемого лица. На современном детском черепе найти линию верхнего края височной мышцы не так легко, между тем на тешик-ташском черепе она отмечена достаточно отчетливо. Благодаря уплощенности свода черепа и как бы втянутости внутрь относительно упло-

[1] Г. Ф. Дебец. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш. Труды Узбекистанского филиала Академии наук СССР, серия I, вып. 1, Ташкент, 1940.

щенной поверхности всей височной области височная мышца, не столько по занимаемой ею площади, сколько по глубине, значительно превосходит размеры ее у современного ребенка. Естественно, что она, в соответствии с формой уплощенного свода, имеет совершенно другие очертания: она удлинена спереди назад и как бы более прямолинейна, а не сферична, как у современного ребенка. Это подчеркивается и формой скуловой дуги, уплощенной в средней своей части. Вогнутая поверхность чешуи височной кости и мощный скуловой отросток свидетельствуют о чрезвычайно сильном развитии этого участка височной мышцы. Сильное развитие надпроходного шипа (spina supra meatum) височной кости, очевидно, указывает на усиленно ушных мышц (m. auricularis sup., m. auricularis ant., m. auricularis post.). Усиление ушных мышц свидетельствует о большей подвижности раковины уха.

Широкие, массивные венечные отростки нижней челюсти являются надежной опорой мощному сухожильному тяжу височных мышц. Несмотря на то, что наружная (m. pterygoideus externus) и внутренняя (m. pterygoideus internus) крыловидные мышцы в силу своего глубокого залегания не влияют на внешнюю форму лица, упомянуть о них следует, так как места их прикрепления отчетливо видны и снабжены мощным рельефом. Это указывает не только на усиление их функции, но и подчеркивает общую силу мышц, связанных с жевательным аппаратом, и большую подвижность нижней челюсти.

Сильная шероховатость нижнего края массивных скуловых дуг свидетельствует о том, что жевательный мускул (m. masseter) был очень силен. Своеобразная выгнутость широких ветвей нижней челюсти дает представление о массивности жевательного мускула и о величине поверхности его прикрепления (tuberositas masseterica). Искривленность нижних углов челюсти, приведшая к углублению углов ее и образованию гребней, определяет внешнюю форму жевательной мышцы. Сухожилие жевательного мускула, видимо, заходит на щечную поверхность скуловой кости и широким пучком переходит на скуловой отросток верхнечелюстной кости, где отчетливо можно проследить место его прикрепления. Жевательная мышца по своей протяженности и мощности на много превосходит таковую у современного ребенка этого возраста. Восстановление этих мышц определило форму овала лица.

Выйные линии затылочной кости, форма основания черепа, направленность затылочного отверстия определяют собой характер посадки головы.

Костные остатки мальчика из грота Тешик-Таш имеют все типичные неандертальские черты, отчетливо выраженные, несмотря на его возраст: сильно выступающий затылок с хорошо развитыми, в виде гребней, выйными мышцами, своеобразный наклон всего основания черепа и, в частности, затылочного отверстия. О мощности шейной мускулатуры, кроме затылочных гребней, свидетельствуют и крупные размеры атланта.

Мало выступающий, внешне аморфный сосцевидный отросток при сравнении его с сосцевидным отростком у современного ребенка все же значительно превосходит его своими размерами, что указывает на сильное развитие грудино-ключично-сосковой мышцы. Сохранившаяся ключица и часть рукоятки грудинной кости с очевидностью подтверждают это представление о шейных мышцах мальчика-неандертальца (рис. 76).

В поисках стандартов толщины мягких покровов были проведены специальные исследования рентгенограммы мальчиков в возрасте от 8 до 14 лет. Рентгенограммы мальчиков старших возрастов были привлечены не случайно, потому что на черепах современных мальчиков только в 12—14 лет можно иногда встретить ту же степень развития микрорельефа, которая была отмечена на черепе из грота Тешик-Таш. В результате изучения этих рентгенограмм, по максимальным отметкам толщины мягких покровов, был создан стандарт, который и был принят, с учетом морфологических особенностей черепа из грота Тешик-Таш, для работы над реконструкцией. В ряде случаев пришлось внести поправки, учитывая индивидуальные особенности черепа из грота Тешик-Таш. Так, например, толщина губ, ширина ротовой щели, форма носа и подбородка были воспроизведены в соответствии с данным черепом.

Покровы головы воспроизведены не дифференцированно, а общей массой. От глабеллы до protuberantia occipitalis externa по сагиттали через весь свод черепа был нанесен тонкий гребень из воска, который затем

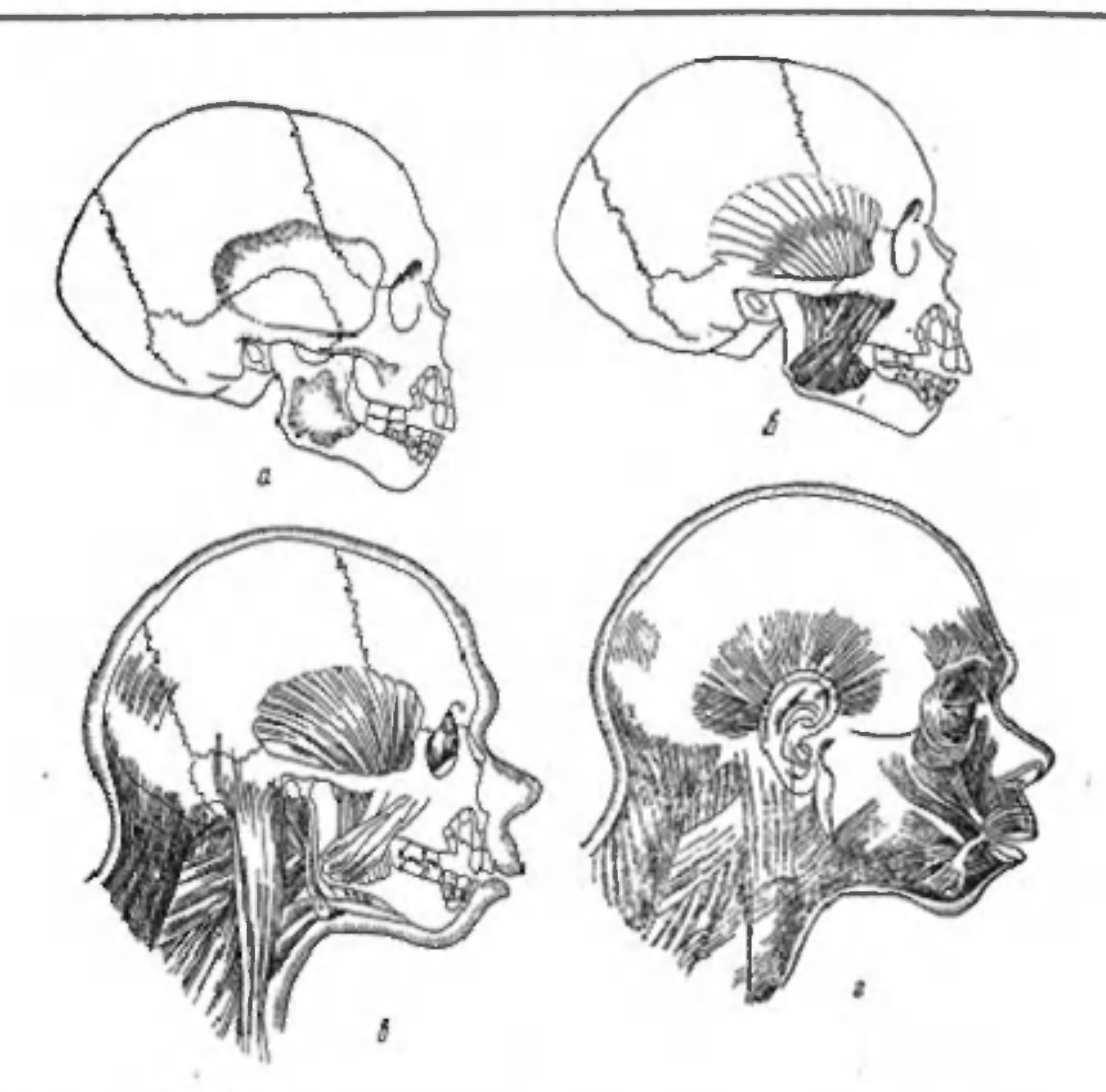

Рис. 76. Реконструкция по черепу мальчика неандертальца из Тешик-Таша:

а — схема мест прикрепления основных жевательных мышц, б — конфигурации и топография жевательных мышц, в — основные мышцы головы и шеи, г — поверхностный слой мышц.

был тщательно проверен по принятому стандарту. От этого гребня был нанесен еще ряд поперечных гребней (через надбровье, через середину лобных бугров, по венечному шву, через середину теменных бугров и параллельно затылочному валу). Все гребни были тщательно проверены по стандарту, после чего образовавшиеся между ними участки были заполнены воском. Так был воспроизведен мягкий покров головы.

Недостающие части носовых костей были реконструированы, что сделать было нетрудно, так как примыкающие к ним носовые отростки верхнечелюстных костей хорошо сохранились. Так же просто было восстановить и подносовой шип. Сломанная левая скуловая кость была воспроизведена по аналогии с правой.

По окончании реконструкции утраченных костей черепа было начато собственно восстановление лица. С этой целью прежде всего в орбиты были вставлены глазные яблоки, с учетом вертикальной их профилировки. Глазные яблоки помещены не глубоко, но развитие надбровья над ними создает впечатление более глубокой их посадки. Тонкие края орбит свидетельствуют о слабо дифференцированных веках, лежащих тонким слоем на глазном яблоке.

После восстановления глаз был продолжен сагиттальный гребень через все лицо. Описанный ранее технический прием нахождения кончика носа посредством двух прямых был применен и здесь. Профиль вогнутых носовых костей был продолжен касательной. Основное направление подносового шипа определило линию основания носа. Скрещение этих

прямых и дало искомую точку, т. е. кончик носа. Пологий широкий свод носа, широкое межглазничное расстояние и широкое грушевидное отверстие свидетельствуют о значительной величине вздернутого мягкого носа с относительно слабо моделированными ноздрями. Нос асимметричен в соответствии с формой грушевидного отверстия. Слабо моделированные ноздри лишь незначительно выступают за пределы грушевидного отверстия, так как края его тонки и достаточно остры. Высота альвеолярного отростка и массивность нижней челюсти дали возможность воспроизвести очень широкую круговую мышцу рта. Толщина губ определена высотой эмали резцов верхней челюсти. Ширина ротовой щели была спроецирована по данным расстояния между корнями P_2, причем в данном случае условно было допущено их полное формирование. Специфическая скошенность скуловых костей и характер их профилировки свидетельствуют об относительной слабости щечных мышц. Отсутствие собачьей ямки говорит о слабости развития t. caninus и о некоторой его смещенности вниз и вперед.

Выступание вперед нижнелатеральных частей лобных отростков верхнечелюстных костей, плавный переход их к своеобразно профилированным скуловым костям дают основание предполагать слабое развитие носогубной складки.

Мощность альвеолярного отростка верхней челюсти и сильное развитие его рельефа с несомненностью оказывают на значительное развитие не только круговой мышцы, слагающей рот, но и на усиление ряда мимических мышц лица, переднего раздела его. Значительное развитие, вероятно, имела квадратная мышца верхней губы, особенно так называемый угловой ее пучок (caput angulare). Он, видимо, сильно удлинен и лежит в углубленном участке верхнечелюстной кости. Не исключена возможность, что средняя часть квадратной мышцы (caput infraorbitale) уплощена, укорочена и слабо развита, о чем свидетельствует полное отсутствие орбитального гребня[1] скуловой кости, который у современного ребенка развит очень сильно. Развитие этого гребня связано с общей грацилизацией лица и углублением собачьей ямки. Скуловая головка квадратной мышцы (caput zygomaticum), вероятно, широка и уплощена. Она обволакивает раздел скуловой кости по внешней ее стороне. Развитие этих мышц свидетельствует о специфической подвижности верхней губы. Мимика рта неандертальца сильно отличалась от привычных нам гримас радости и смеха современных детей. Верхняя губа неандертальца имела совершенно особую способность подниматься и вытягиваться вперед. Нижняя губа была менее подвижна, так как рельеф нижней челюсти сглажен, отсутствуют подбородочная борозда и подбородочный выступ. Микрорельеф передней части нижней челюсти свидетельствует о незначительном усилении мягких покровов. В целом лицо неандертальца было подвижным и по-своему выразительным.

О посадке ушей можно судить по основному направлению ветви нижней челюсти. Крупные размеры ушей можно в некоторой степени связать с величиной носа, а некоторую легкую выгнутость и наклон верхней свободной части уха вперед — с формой ушного канала и внешней конфигурацией сосцевидного отростка. Восстановленный по данным носовых костей нос мальчика-неандертальца с его аморфными, нечеткими крыльями ноздрей может служить некоторым указаниям на такую же нечеткость рельефа уха. Поэтому при восстановлении уха был сделан

[1] Часто встречающееся на черепах валикообразное выступание нижнего края орбит.

Рис. 77. Реконструкция головы мальчика неандертальца по черепу из грота Тешик-Таш.

не вполне завернутый завиток и сглажен противозавитком. Но все же это вполне человеческое ухо, только постановка его несколько отлична, что указывает на большую подвижность. Так, на основе краниологических данных черепа из грота Тешик-Таш был воспроизведен внешний облик мальчика-неандертальца (рис. 77).

Несмотря на то, что в гроте Тешик-Таш были найдены лишь разрозненные, отдельные кости скелета, благодаря счастливой случайности сохранились наиболее необходимые кости для восстановления всей фигуры: обе ключицы, несколько ребер, атлант, эпистрофей, бедро, голень, плечевая, локтевая и лучевая кости. Наличие этих костей дало возможность решить основную задачу строения отдельных пропорций фигуры мальчика-неандертальца. Первая попытка воспроизвести всю фигуру неандертальца из грота Тешик-Таш была сделана мной в 1942 г. Реконструкция в половину натуральной величины изображает мальчика, испугавшегося змеи. Эта работа экспонирована в Музее природы в Ташкенте.

Второй вариант фигуры мальчика из Тешик-Таша был выполнен в натуральную величину для МАЭ. При изготовлении этой реконструкции были использованы отливы костей, найденных в гроте Тешик-Таш. Кисти рук и стопы были реконструированы на основании привлеченного материала из грота Ля-Фарраси и Киик-Коба. Предлагаемая реконструкция не является окончательным решением фигуры мальчика - неандертальца из Тешик-Таша, это пока предварительный этап работы, но даже и в настоящем решении данная реконструкция, вероятно, очень близко отражает действительный внешний вид мальчика-неандертальца. Дальнейшая работа должна идти по линии воссоздания индивидуальных черт, характеризующих именно данного ребенка, представляющего, возможно, более прогрессивный человеческий тип, по сравнению со стариком из грота Ля-Шапелль.

Рис. 78. Мальчик-неандерталец из грота Тешик-Таш

При рассмотрении реконструкции мальчика из грота Тешик-Таш бросается в глаза некоторая диспропорция, негармоничность строения всей фигуры: голова большая, тяжолая, особенно в лицевой части, что придает какой-то старообразный вид всему облику мальчика, между тем как ему всего 9—10 лет. Эта диспропорция в размерах головы и фигуры не скрашивается очень широкими, сильными плечами, связанными со своеобразной сутулостью всей верхней части торса. Руки очень сильны, но не длинны, как этого можно было бы ожидать. Ноги короткие, мускулистые, со странным поставом ступней — внутрь носками, — создающим впечатление какой-то неуверенности и неуклюжести всей фигуры (рис. 78). Это, оче-

видно, ложное представление. Неандерталец, несомненно, по своей походке отличался от нас, горожан, несущих ступни так, что носки направлены всегда в стороны. Интересно отметить, что все охотники, независимо от территории, будь то в Сибири (эвенки, нанайцы, коряки, якуты) или в Америке (индейцы, эскимосы), или в Африке,— одним словом, все, кто ходит пешком на охоту, приобретают своеобразный постав ступней, носками, обращенными внутрь, причем ноги их при ходьбе и в спокойном состоянии чуть согнуты в коленях, что обеспечивает определенную рессорность, устойчивость и эластичность походки.

Постановка ног мальчика-неандертальца из Тешик-Таша очень напоминает описанный тип строения ног современных охотников, у которых этот тип, вероятно, выработался вторично. Несомненно, этот мальчик крепко стоял на ногах, а чуть согнутые колени обеспечивали большую рессорность, устойчивость и возможность балансирования при ходьбе по пересеченной местности, по бездорожью. Не понятно, как можно говорить о том, что неандертальцы не имели устойчивой походки, не могли бегать и не имели координации движений не только ног, но и рук. Если неандертальцы были физически столь несовершенны, то, следовательно, не они изготовляли тот многочисленный инвентарь из камня, который сопровождает находки их костей. Не они убивали этими орудиями съеденных ими животных, а только подбирали павших. При таком несовершенстве умственного и физического развития они, конечно, вымерли бы, не дав потомства. А между тем теперь уже совершенно очевидно доказана рядом новых находок роль неандертальского человека в процессе формирования его потомка — *Homo sapiens*.

§ 20. ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ БРОКЕН-ХИЛЛА (ЮЖНАЯ АФРИКА)

В 1921 г. в Африке, в Северной Родезии, в 975 км от Булавайто, близ станции Брокен-Хилл на свинцово-цинковом руднике того же названия случайно были обнаружены кости неполного скелета «человека».

Рудник представляет собой холм от 15 до 18 м высотой, прорезанный широкой и глубокой выемкой — шахтой. Отсюда и происходит название рудника — Брокен-Хилл («разрезанный холм»). На западном склоне холма, почти у самой его подошвы находилась глубокая «костяная пещера», наполовину заполненная костями животных. Здесь во множестве были найдены кости крупных и мелких животных, копытных и хищников: слонов, носорогов, антилоп, львов, леопардов. Однако особенно многочисленны были кости мелких животных и птиц. Нередко кости лежали группами, сохраняя правильное анатомическое соотношение между собой, порой находились и целые скелеты. В большинстве своем кости целы, т. е. без всяких следов использования этих животных человеком в пищу. Отмеченные повреждения на костях всегда носили характер следов зубов тех или иных животных-хищников или грызунов. Нет и следов пребывания человека в период отложения этой массы костей в пещере. Нет следов огня, нет даже наиболее примитивных орудий. Нет, следовательно, никаких данных для того, чтобы объяснить образование этого скопления костей деятельностью человека; совершенно очевидно, что это скопление естественного порядка, нередко встречающееся и в других местах.

На современном дне пещеры, на его поверхности найдены остатки пребывания человека позднего времени. В частности, в той выемке, в которой

найдены кости родезийца, были обнаружены и остатки пребывания современного человека. В связи с этим многие ученые отказываются рассматривать остатки скелета, найденные там, как принадлежащие одному индивидууму: они склонны считать, что череп принадлежал одному субъекту, а длинные кости и крестец — другому (Ганс Вейнерт, 1935 г.).

Между тем степень сохранности и специфические особенности строения самого черепа, сочетающие в себе одновременно наличие примитивных черт и черт, свойственных позднему типу человека, дают нам право рассматривать все найденные кости как принадлежащие одному индивидууму. Мы, конечно, не имеем возможности утверждать это, так как наше знакомство с костями родезийца основано на изучении муляжей и недостаточно полных литературных данных. Все остатки материальной культуры, найденные в выемке, принадлежат столь позднему времени, что объединять их с костями родезийца нет никаких оснований. И в дальнейшем, в процессе нашего изложения, для того, чтобы не вносить путаницы, мы их не будем упоминать совсем.

Пещера имеет узкий, коридорообразный вход вначале с небольшим уклоном, но в нескольких метрах от входа уклон становится все круче и круче; уходя внутрь холма, пещера углубляется до 27 м от первоначального своего уровня.

В 1907 г. костеносный слой стал систематически разрабатываться, так как оказалось, что эти кости содержат в большом количестве свинец и цинк, по существу представляют собой рудное образование. В глубине пещеры, на современном дне ее, почти на поверхности, и были обнаружены кости скелета человека. Обследование показало, что они, вероятно, попали сюда не через вход, а через трещину в своде пещеры. Очень возможно, что человек случайно провалился в трещину и затем погиб, не имея возможности выбраться на поверхность. Совершенно очевидно, что здесь некогда находился полный скелет и он был случайно разрушен рабочими в процессе обнаружения. Сохранились почти полный череп, крестец, бедро и голень. Все эти человеческие кости имеют одну степень сохранности и, в отличие от остальных костей в пещере, почти не минерализованы: они производят общее впечатление относительно свежих. Это резко отличает их от основной массы костей, как уже говорилось, настолько минерализованных, что они приобрели интерес, как рудное скопление.

Рассматривая состав фауны, можно сказать, что это скопление костей могло образоваться не раньше средней границы плейстоцена; иначе в этой фауне должны были бы присутствовать какие-то, хотя бы разрозненные остатки видов животных, живших в более раннее время.

Между тем, несмотря на громадное количество костей и разнообразие форм, нет ни одной кости, принадлежащей животным, жившим даже в середине плейстоцена. Как велики были сроки, в течение которых могло образоваться это громадное скопление костей? Совершенно очевидно, что основная масса этих костей принадлежит животным, не обитавшим в пещере. Кости слонов, носорогов, антилоп и других копытных попали в пещеру случайно, уже в виде отдельных костей, занесенных либо водой, либо хищниками. Хищники, птицы и другие мелкие животные, конечно, могли искать в пещере временного пристанища и, может быть, даже жить. Трудно реально представить себе срок, необходимый для образования этого многометрового скопления костей. Еще труднее представить себе возможные сроки процесса минерализации костей до такой степени, чтобы они могли явиться предметом рудной эксплуатации.

Совершенно очевидно, что такое скопление могло образоваться только в течение ряда тысячелетий. Не меньшее количество времени, видимо, нужно было в дальнейшем и для их минерализации.

Между тем, если взять даже самые грубо приближенные данные, вряд ли возможно говорить о появлении в Южной Африке современного состава фауны раньше, чем за 40 тыс. лет до н. э. Если взять только 10 тыс. лет на весь процесс скопления костей и дальнейшей их минерализации, то, таким образом, выходит, что при самых грубых, заведомо увеличенных сроках, родезиец мог попасть в пещеру не позднее и никак не раньше 30 тыс. лет назад. В это время на территории Европы и, видимо, Северной Африки уже существовали не только неандертальцы, но многочисленные представители современного вида человека, люди верхнего палеолита.

Это была пора уже развитого верхнего палеолита. И все было бы хорошо и не противоречило бы нашим представлениям о процессе формирования древнего человека и его общей истории, если бы найденный череп родезийца был близок к современному виду человека. Между тем найденный череп даже при беглом обзоре создает впечатление такой примитивности, что нередко ставится вопрос о его близости к обезьянам. Однако в строении черепа и сохранившихся костей скелета наряду с примитивными признаками наличествует ряд признаков, несомненно, сближающих родезийца с современным видом человека. Эти черты современного типа человека настолько отчетливы, что некоторые ученые даже считали, что не только данные кости, но и череп представляют собой наиболее раннего, примитивного предка некоторых современных африканских народов, в частности, почему-то бушмен.

Череп родезийца из Брокен-Хилла (отлив)

Это почти полный череп без нижней челюсти. На правой стороне выломаны большая часть височной кости и ее скуловой отросток. Излом захватывает часть теменной кости и правую половину затылочной кости. Все недостающие части черепа реконструированы, и эта реставрация не возбуждает каких-либо сомнений в ее правильности.

Череп очень тяжелый, массивный, с резко выраженным рельефом. Швы видны отчетливо на всем протяжении; они сложны по своему рисунку. При рассмотрении черепа прежде всего бросаются в глаза резкое выступание мощного надбровья и столь же резкое отступание лба назад. Лоб скошен назад. Между тем длинный свод черепа относительно высок. В соответствии с мощным надбровьем находится большое, мощное лицо с высокими, широкими глазницами. Общее впечатление о черепе — грубость, массивность, какая-то резкость форм. Такую же резкость форм можно наблюдать, пожалуй, только в черепах горилл-самцов. Конечно, приведенным сравнением мы не хотим сказать, что череп гориллы в какой-то степени близок к черепу родезийца. Речь идет только о степени грубости и тяжести общих очертаний скелета лица. По форме свода череп ближе всего к бризоидной форме, с резко выступающим надбровьем, которое образует как бы карниз, козырек перед мозговым черепом.

Расстояние от глабеллы до инпона . 210 мм.
Поперечный диаметр . . . . 144,5 »
Черепной указатель . . . . 69,04.
Вместимость черепа . . . . . около 1325 куб. см.

По черепному указателю это типичный долихоцефал.

Свод черепа крышевиден; если смотреть на него в профиль, бросаются в глаза резко выступающее надбровье[1], сильно убегающий лоб и общая уплощенность свода.

Теменные кости от височного шва спускаются к затылочной кости плавно, но затылок в среднем своей части делает резкий перегиб. Затылок выступающий, с резко

[1] Подобного надбровья нет ни у неандертальца, ни у синантропа, ни у питекантропа; по резкости очертаний формы оно близко к надбровью самца гориллы, но, пожалуй, еще массивнее и тяжелее.

выраженным инионом и с сильными выйными гребнями. Затылочное отверстие расположено как бы в средней части основания черепа, т. е. занимает такое же положение и так же ориентировано, как у современного вида человека. Это свидетельствует о том, что родезиец, в отличие от неандертальца, держал свою голову более вертикально. То же подчеркивается и значительно бо́льшим развитием сосцевидных отростков. Резко выступающее надбровье нависает над массивным ортогнатным лицом. Глазницы очень большие, удлиненных пропорций, слабо профилированы.

Глазничные бугорки выражены слабо. Вся форма глазницы и высота положения глазничного бугорка свидетельствуют о почти горизонтальном разрезе глаз. Края глазницы сильно притуплены, орбита замкнутая. Глаз сидел глубоко. Носовые кости хорошо сохранились; в верхней своей части они очень узки, затем резко расширяются, слабо профилированы. Грушевидное отверстие очень велико, с резко закругленным подносовым краем. Подносовой шип короткий, мощный, но имеет аморфные очертания, обращен вверх. Бросается в глаза очень массивная альвеолярная часть. Альвеолярные выступы бугристы (iuga alveolaria). Зубы — с низкими коронками, массивные, довольно сильно стертые. С правой стороны почти все зубы утрачены вследствие кариеса. Сохранился M_2. С левой стороны утрачены ложнокоренные зубы. Все зубы, насколько можно судить по отливу, сильно пострадали от кариеса (кариес не свойственен древнему человеку).

Скуловая кость тяжела, имеет грубые очертания, массивная, с резко выраженным рельефом, слабо профилированная. Бросаются в глаза очень укороченная длина скуловой дуги и небольшие размеры височной кости. Малая глубина височных впадин компенсируется очень большой площадью и шириной границы начала височных мышц. Они высоко поднимаются на теменные кости и далеко распространяются в сторону затылка.

Основные размеры лицевого скелета

Высота верхней части лица	95,5 мм.
Скуловая ширина	147 »
Лицевой указатель	63,08.
Ширина носа	31 мм.
Высота »	62 »
Наибольшая ширина носовых костей	19 »
Наименьшая » » » . . .	12 »
Наибольшая длина » »	31 »
Высота грушевидного отверстия	39 »
Ширина » »	35 »
Высота положения crista conchalis	14 »
Высота эмали переднего резца	8 »
Межорбитное расстояние	33 »
Ширина орбиты	50 »
Высота »	39 »
Орбитный указатель	78 .
Высота альвеолярного отростка	30 мм.

Череп родезийца обладает очень пологим лбом, даже более пологим, чем у синантропа, не говоря уже о европейских неандертальцах. По этому признаку череп родезийца близок к явантропу, хотя у последнего значительно слабее развито надбровье и весь череп менее массивен. Очень своеобразны у родезийца формы примитивных надбровий и глабеллы. Они не только мощны, но и угловаты, что наблюдается только на черепах горилл. Точно так же, как у гориллы, наибольшей мощности надбровья достигают в середине над глазницей и, почти не уменьшаясь, продолжаются на скуловой отросток лобной кости, где и образуют очень массивный выступ. Весь этот участок черепа производит впечатление чрезмерной силы и примитивности и какой-то совершенно животной специализации (рис. 79).

Мощная верхняя челюсть с очень высокой альвеолярной частью, превосходя все размеры неандертальцев и синантропов, производит впечатление крайней примитивности. Несмотря на очень сильное сужение черепа в области больших крыльев в основной кости и высоко проходящую

линию прикрепления височного мускула, височная мышца, видимо, была плоской, как бы пластинчатой. Конфигурация мозгового черепа такова, что височные ямы были небольших размеров. Пространство, ограниченное большими крыльями основной кости и височной, а равно и скуловой дугой, свидетельствует о том, что широкий, плоский m. temporalis имел очень узкое, почти округлого сечения, сухожилие, прикреплявшееся к венечному отростку нижней челюсти. Такой формы этого сухожильного тяжа мы не наблюдаем ни у современного человека, ни у приматов. Это, видимо, была особая форма приспособительного изменения височного мускула, характерная для родезийского типа, либо его индивидуальная особенность (рис. 79).

Рис. 79. Череп неандертальца из Родезии в трех нормах

В связи с этими особенностями строения височной области возникло немало трудностей при восстановлении ветвей нижней челюсти. Высокая и мощная, с сильным рельефом, альвеолярная часть черепа дает представление о значительной мощности нижней челюсти. И это, действительно, так. При попытке совместить верхнюю челюсть родезийца с нижней челюстью гейдельбергского человека, как известно, имеющего челюсть наибольшего размера из всех известных гоминид, оказалось, что она явно мала, неподходяща ни по форме зубной дуги, ни тем более по величине тела и восходящих ветвей. Это свидетельствует о том, что величина нижней челюсти родезийца по своим размерам значительно превосходила размеры челюсти гейдельбержца и, кроме того, по своим очертаниям имела специфические, индивидуальные качества. Реконструированная нами челюсть обладает чрезвычайно примитивными чертами. Подобно челюсти гейдельбержца, она не имеет выступающего подбородка и отличается еще большей высотой и шириной. Восходящие ветви чрезвычайно длинны и непропорционально узки в соответствии с размерами скуловой дуги и высотой альвеолярного отростка верхней челюсти. Эти пропорции нижней челюсти,— отношение длины тела к высоте ветвей,— заставляют вас припомнить примерно такие же соотношения у современной гориллы и ископаемого парантропа. Совершенно очевидно, что по внешней форме челюсти этих древних ископаемых обезьян и современных приматов в значительно большей степени приближаются к челюсти, реставрирован

ной по данным черепа родезийца, чем к челюстям типичных гоминид (рис. 80).

Отмеченная нами крайняя форма специализации ряда морфологических деталей черепа родезийца чрезвычайно усложнила нашу работу по созданию внешнего вида этого примитивного человеческого существа. Исходя из этого, мы, конечно, не могли воспроизвести внешний облик родезийца, пользуясь стандартами толщины, свойственными современному человеку, без каких-либо поправок.

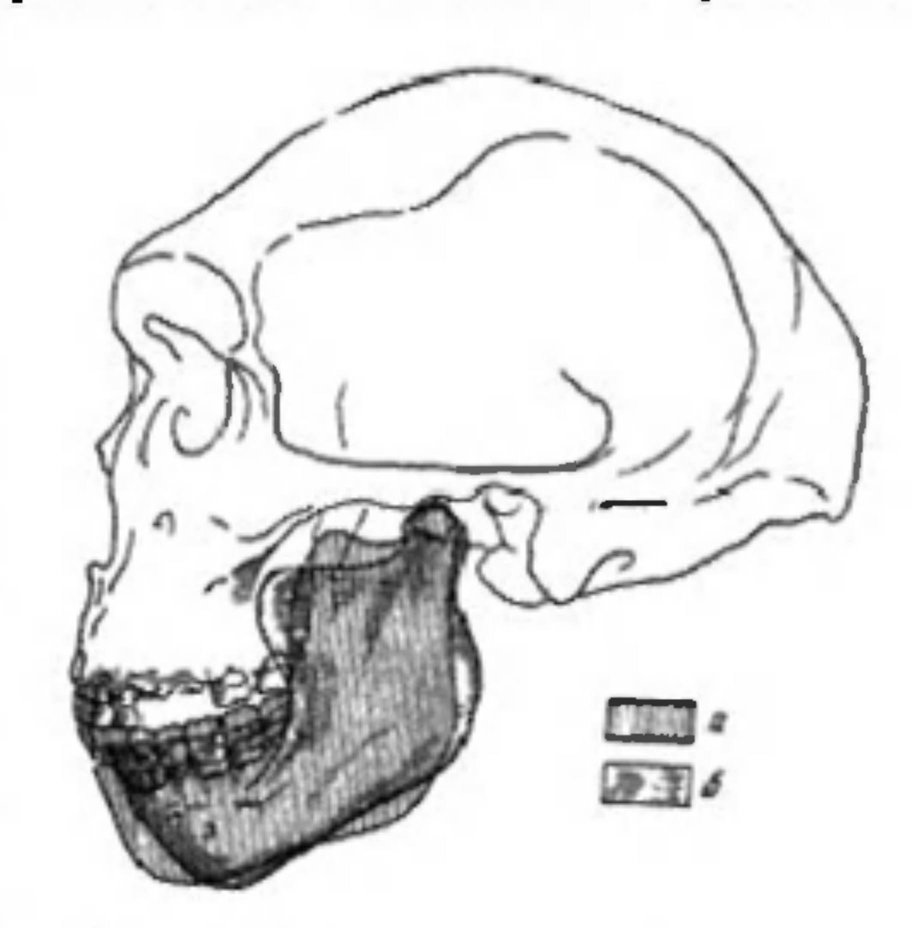

Рис. 80. Схема реконструирования челюсти родезийца:

а — реконструированная челюсть родезийца, *б* — челюсть из Гейдельберга.

Внимательно анализируя степень развития рельефа черепа родезийца по медиальному сечению, мы, хотя и уловили очевидное его превышение по сравнению не только с современным человеком, но и со всеми формами ископаемых гоминид, однако одновременно должны были констатировать нормы, все же близкие к человеку (рис. 81).

Это наблюдение оправдывает возможность использовать максимальные размеры толщины мягких тканей при построении медиального гребня головы и лица, т. е. профиля. При почти человеческих нормах рельефа по линии немецкой горизонтали лица, видимо, совершенно несвойственной современному человеку, должна быть толщина всей затылочной части, начиная от заушной области. Особого внимания заслуживает рельеф латеральной части надбровья; поэтому мы усилили на данном участке лица толщину мягких тканей, далеко выходя за всякие человеческие нормы и приближаясь к норме мягких тканей у горилл, т. е. приняли 12 мм вместо 5 мм. На остальных участках лица мы воспроизвели мягкие ткани, как это и должно быть в соответствии со степенью рельефа, исходя из максимальных пределов мягкого покрова у человека.

Предлагаемая нами реконструкция заведомо выполнена без волосяного покрова потому, что такую обнаженную голову легче рассматривать во всем ее специфическом своеобразии, а кроме того, нам еще трудно решить, каков же должен быть волосяной покров у этого существа, внешне примитивного, как обезьяна, но с мозгом, совершенно человеческим по объему (рис. 82).

Напоминаю, что предлагаемый вариант реконструкции должен рассматриваться как первый опыт, который в дальнейшем, вероятно, будет переработан с уточнением отдельных деталей.

В заключение нужно отметить следующее:

1. Судя по слабой степени минерализации костей родезийца, их следует относить к значительно более позднему времени по сравнению с основной массой костей из Брокен-Хилла.

2. По своим морфологическим признакам родезиец обладает рядом примитивных черт, сочетающихся с относительно большим объемом мозга (1325 куб. см), вертикальной походкой, прямой посадкой головы.

3. Мы не знаем подлинных орудий труда родезийца и вынуждены по-

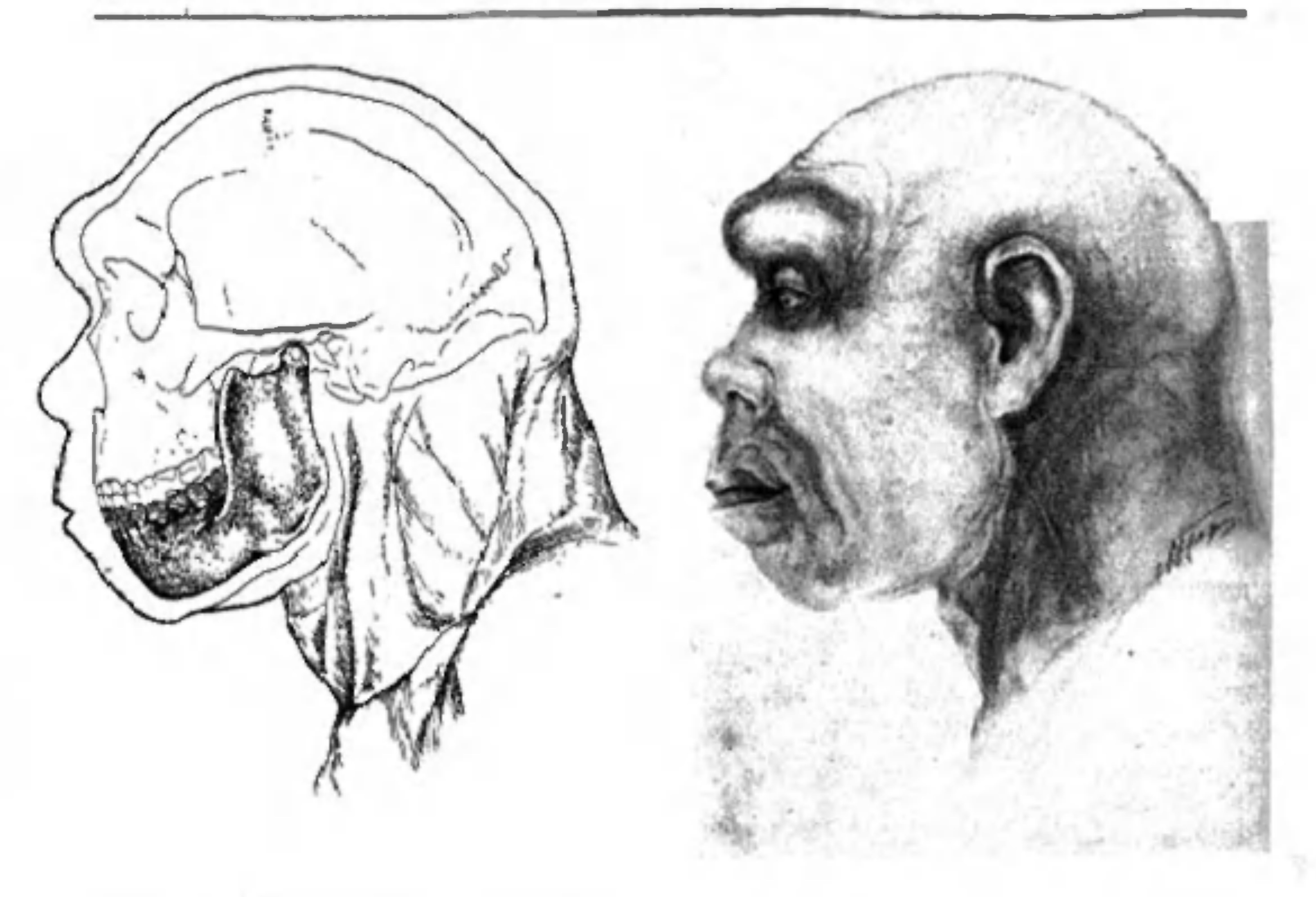

Рис. 81. Восстановление основной мускулатуры шеи и поверхностного слоя мягкого покрова по профилю родезийца и первый вариант его портрета.

этому определить время его существования очень условно — верхним плейстоценом.

4. Хотя известно, что не массой мозга определяются его качественные свойства, все же относительная величина его дает некоторое представление о месте того или иного ископаемого представителя рода *Homo* в общем процессе формирования человека. Поэтому мы считаем целесообразным привести сравнительные данные об объеме мозговой коробки (в кубических сантиметрах) и у других гоминид:

Питекантроп I	около	900
» IV	»	850
Синантроп III	»	915
» X	»	1225
Родезиец	»	1325
Неандерталец	от 1070 до	1600
Палеолитический *Homo sapiens*	» 1510 »	1800

Итак, по размеру мозга родезиец занимает среднее место неандертальцев: у неандертальца минимум 1070 куб. см, у родезийца —1325 куб. см, у неандертальца максимум —1600 куб. см. Учитывая наличие у родезийца черт, присущих современному человеку, следовало бы ожидать большего приближения по объему мозга к древнему *Homo sapiens*.

Все это еще больше усложняет вопрос о месте, занимаемом родезийцем в общем процессе формирования гоминид. Может быть, действительно, следует считать родезийца неандертальской формой в ее своеобразном южноафриканском варианте. Но все же и тогда родезиец, вероятно,

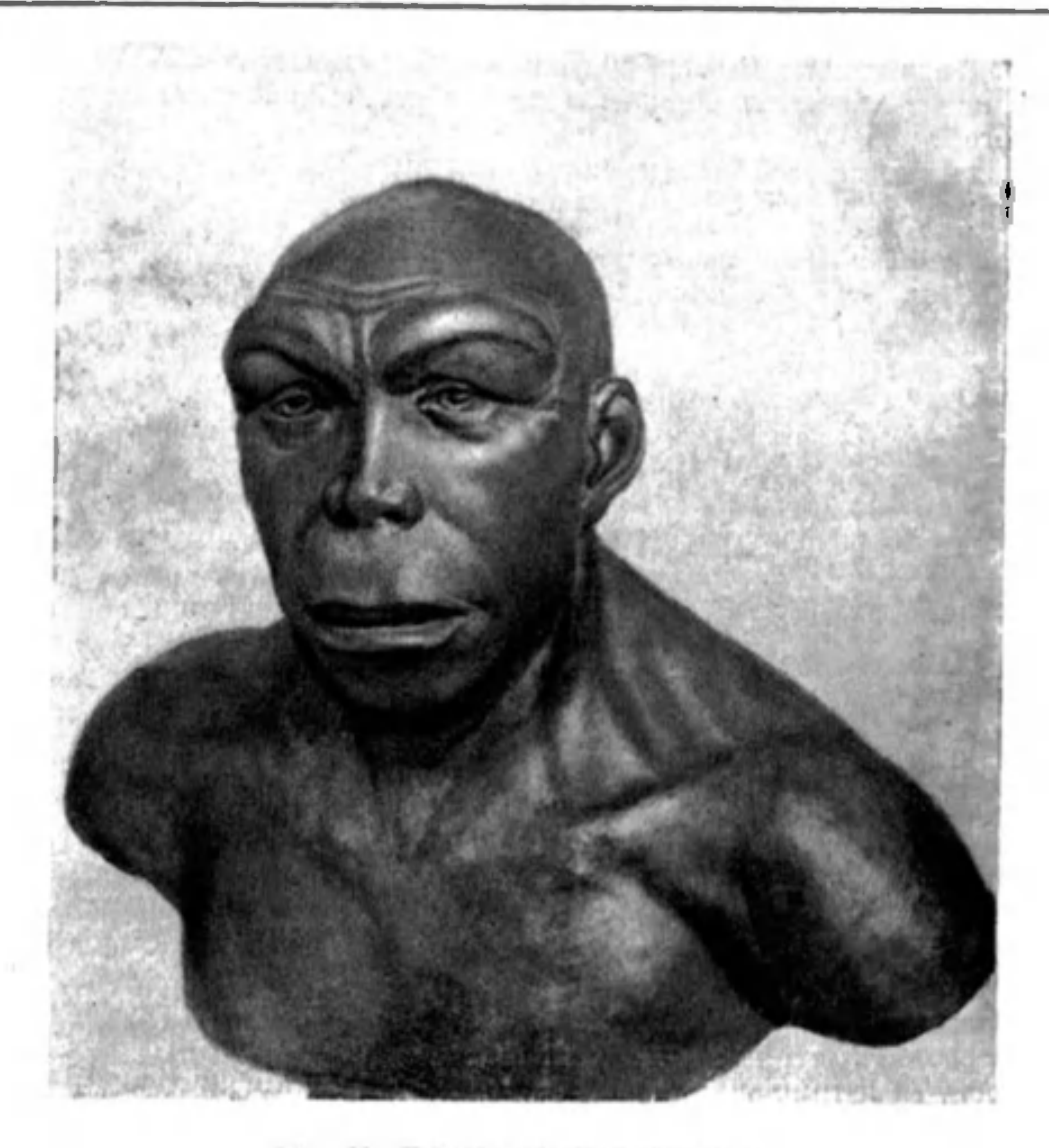

Рис. 82. Человек из Брокен-Хилла.

не мог принять активного участия в процессе формирования *Homo sapiens* и, видимо, в качестве локального специализированного варианта первобытного человека существовал наряду с людьми современного вида.

В современном африканском населении нет ни одного племени, которое хотя бы в какой-то мере можно было связать с родезийцем. Нет черт родезийского неандертальца и в древних ископаемых формах *Homo sapiens* Африки.

§ 21. МУСТЬЕРСКИЙ РЕБЕНОК ИЗ СТАРОСЕЛЬЯ (КРЫМ, СССР)

В 1952 г. А. А. Формозов обнаружил близ Бахчисарая стоянку мустьерского времени, названную им Староселье. Эта стоянка расположена под большим скалистым навесом правого берега балки Канлыдере, которая своим устьем выходит на левый берег р. Чурук-су. В 1953 г. на стоянке Староселье были открыты останки ребенка, захороненные до образования культурного слоя, так что ненарушенный культурный слой перекрывал собой прикрытое обвалом навеса погребение.

Предварительные данные об условиях находки и первоначальном ее изучении опубликованы в коллективной работе А. А. Формозова, Я. Я. Рогинского и М. М. Герасимова[1].

Найденные на этой стоянке многочисленные каменные орудия в культурном слое над погребением типичны для позднемустьерского времени.

Рис. 83. Череп ребенка из Староселья (Крым).

Рис. 84. Реконструкция головы ребенка по черепу из Староселья.

Фауна, представленная шерстистым носорогом, мамонтом, лошадью, ослом, быком, оленем, косулей, сайгой, туром (?), бараном (?), подтверждает датировку памятника поздним мустье. Скелет, найденный под культурным слоем, принадлежал ребенку $1^1/_2$—2 лет. Сохранность скелета плохая, но все же почти весь скелет удалось взять монолитом. В результате длительной реставрационной работы мы располагаем почти полным черепом этого ребенка (рис. 83).

Опубликованные в статье Я. Я. Рогинского сведения о строении найденного в Староселье черепа дают достаточно полное представление о промежуточном положении его между типичными черепами кроманьонца и позднего неандертальца. Пережиточные неандертальские черты выражены усилением латеральной части надбровья, величиной и формой зубов, своеобразной формой альвеолярной дуги нижней челюсти, слабо выступающим подбородком, малой величиной височной кости, слабо выраженным сосцевидным отростком и рядом других, менее выразительных деталей. Между тем высокий свод, крутой лоб, детали лицевого скелета отчетливо свидетельствуют о типичных, вполне сформировавшихся чертах древнего *Homo sapiens*. По внешней своей форме череп старосельца весьма близок к черепам юноши из Гримальди и женщины из Кро-Маньона.

Предлагаемая реконструкция представляет собой первую попытку графического воспроизведения ребенка по черепу из Староселья. Более достоверная реконструкция будет выполнена позднее с максимально возможным учетом всех деталей черепа и сохранившихся костей скелета (рис. 84).

---

[1] Новая находка мустьерского человека в СССР. СЭ, 1954, № 1.

§ 22. ЛЮДИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

К началу эпохи верхнего палеолита на смену неандертальцу появился новый тип человека, так называемый *Homo sapiens*. За последние годы чаще и чаще встречаются находки переходных форм от неандертальского типа к современному. На рубеже перехода от мустье к ориньяку — солютре, одновременно с процессом образования современного вида человека (утраты типичных неандертолоидных черт), происходит дифференциация современного типа человека — *Homo sapiens*, т. е. формирование основных рас первого и второго порядка.

Все расы верхнего палеолита почти в равной степени утрачивают примитивные черты неандертальца, чем подчеркивается единство видового происхождения. Сведения о расах этого времени в Западной Европе наиболее полны. Имеется некоторый материал, относящийся к Африке и примыкающей к ней Палестине. В других местах находки редки.

Климат верхнего палеолита, вначале холодный и сухой, постепенно, по мере отступания ледников, становится более влажным и к концу верхнепалеолитической эпохи приобретает режим, близкий к современному. В связи с этим холоднолюбивая фауна постепенно отступает на север. К концу палеолита сначала вымирает шерстистый носорог, затем — мамонт. Северный олень, мускусный бык откочевывают далеко на север; северный олень задерживается надолго в горных местах.

Не следует думать, что переход климата был ровным, постоянным. Эти изменения скорее носили характер чередующихся, но все же спадающих наступании ледника. Несомненно, эти колебания климата отражались на существовании древнего человека. Менялся режим жизни, связанный в основном с охотой. Изменение фауны приводило к новым формам охоты, и нередко даже имел место возврат к преобладанию собирательства как одной из основных форм производства к концу палеолита.

Начало верхнего палеолита относится ко времени за 75—60 тыс. лет до наших дней, а продолжался этот период не менее 50 тысячелетий.

Громадные качественные сдвиги произошли в материальной культуре и сознании древнего человека. Уже к концу мустьерской культуры относятся намеки на возникновение новых форм инвентаря, качественно отличного от ранее изготовлявшихся орудий. Появились костяные острия и проколки, а также орудия для их изготовления.

Наметились и громадные сдвиги в психике древнего человека. Неандерталец стал хоронить своих умерших, оберегая их от врага и зверя. Весь верхний палеолит уже связан с современным видом человека.

В разделе раннего палеолита мы пытались наметить пути формирования современного человека, которое протекало на протяжении последней стадии мустьерской культуры. Нами были приблизительно указаны те территориальные границы, где происходило это формирование. В настоящем разделе мы делаем попытку отметить некоторые этапы в процессе формирования современного вида человека и в первую очередь осветить,— в пределах доступного нам антропологического материала,— процесс расогенеза.

Мы уже говорили о том, что в самом начале верхнего палеолита *Homo sapiens* приобретает основные черты рас первого порядка. Для правильного понимания расовых отличий необходимо знать, что́ мы вкладываем в понятие «раса человека».

Расы — это исторически возникшие на определенных территориях группы людей, обладающие общностью своего происхождения и рядом морфологических признаков, степень вариаций которых определяет

характерные черты для той или иной конкретной категории. Именно это исторически возникшее объединение людей одного типа и определяется как историческая раса. Такое определение исторической расы дает возможность признавать дальнейшую дифференциацию понятия «раса» в соответствии с периодами ее формирования.

В чем же основные различия между расами человека? Ведь все они принадлежат к одному и тому же виду человека — *Homo sapiens*? Какова степень расовых различий, и можно ли о них судить по костным останкам?

Изучение современного многомиллионного населения земного шара дает право говорить о том, что все ныне живущие расы второго и третьего порядка принадлежат к трем основным расам — черной—негрской, желтой — монгольской и белой — европейской. Только на первый взгляд эти расы кажутся резко различными. У них разный цвет кожи, глаз, волос. Неодинаковы волосы по своей форме: у одних—курчавые, у других — волнистые, у третьих — прямые. В какой-то мере неодинаковы пропорции их тела: одним свойственны удлиненные конечности, другим—более короткие. Одним словом, каждый из расовых типов обладает суммой признаков, в большей или меньшей степени отличающихся один от другого. И тем не менее основная масса этих признаков—чисто внешнего порядка. Они возникли в результате влияния внешней среды и по преимуществу в процессе адаптации отдельных человеческих групп, живших в различных климатических зонах еще в то время, когда ни материальная культура, ни организация общества не могли противодействовать прямому влиянию природных условий на те или иные приспособительные качества человека. Это было в самую раннюю пору верхнего палеолита, в процессе формирования нового вида человека.

Итак, очевидно, что все различия между расами человека в конфигурации черепа, мягких частей лица и других деталей его строения, о которых говорится в ряде мест этой книги, касаются, как и все расовые различия человека, чисто внешних, второстепенных признаков и ничего не имеют общего с теми общевидовыми особенностями человека, которые чрезвычайно сходны у самых различных рас. Работы советских антропологов в первую очередь и работы прогрессивных ученых Запада показывают, что ни отдельные расовые признаки, ни тем более комплексы этих признаков не могут рассматриваться как ступени в эволюции физического типа человека. Именно в результате конкретного изучения различных расовых категорий людей, живущих в разных условиях, на различных уровнях своего исторического развития, в разных климатических зонах, мы теперь уже знаем, что основные признаки человека, т. е. строение мозга, анатомическое строение кисти, стопы и ряд других признаков, явившиеся одним из условий возможности становления человека, чрезвычайно близки у разных расовых типов людей.

В настоящей работе, в плане решения ряда вопросов реконструкции лица по черепу, нас интересует выяснение некоторых краниологических признаков расы первого порядка (табл. 11).

Табл. 11 дает представление о том, что при наличии черепа мы можем с достаточной достоверностью определить костные остатки ископаемого человека, т. е. установить его принадлежность к той или иной основной расе.

Определение расы второго порядка сложнее, так как расы второго и третьего порядка возникли по преимуществу в результате процесса смешения основных рас. При этом иногда бывает трудно выяснить реальную обстановку формирования нового типа людей.

Таблица 11

Основные краниологические признаки расовых типов первого порядка

Признаки	Негроиды	Европеоиды	Монголоиды
Вертикальная профилировка	Прогнатная и мезогнатная	Ортогнатная	Мезогнатная и ортогнатная
Горизонтальная профилировка	Средняя	Сильная, лицо суживается вперед	Слабая, лицо плоское
Выступание носа	Слабое	Сильное и среднее	Слабое и среднее*
Высота лица	Средняя и малая (60,5—69)	Чаще средняя, реже малая (68—72)	Большая и средняя (69—80)
Орбитный указатель	Хамеконхия и мезоконхия (75—85)	Мезоконхия и хамеконхия (75—85)	Гипсиконхия (85—95)
Носовой указатель	Хамериния	Лепториния и мезориния	Мезориния и лепториния
Собачья ямка	Уплощенная	Глубокая	Слабая
Небная дуга	Узкая	Средняя и широкая	Широкая
Лоб	Узкий	Широкий	Широкий

* Некоторые индейцы, несомненно, монгольского происхождения имеют носы, по степени выступания не уступающие европейским.

В процессе изучения костных остатков людей верхнего палеолита в первую очередь возникает вопрос об определении основного ствола антропологического типа и выяснении пути формирования этого типа.

Новые открытия костей неандертальцев и неоантропов и новейшие исследования, главным образом советских ученых, с особой четкостью подтверждают, что процесс выделения основных рас происходил, видимо, на одной,— относительно обширной,— территории. Этот процесс возникновения расовых типов негроидного, монголоидного и европеоидного протекал, повидимому, в период перехода от неандертальского вида к виду современного человека.

В 1927 г. один из прогрессивных ученых Запада Хрдличка, ныне покойный, выдвинул и попытался обосновать новое положение о том, что современный человек во всем его расовом многообразии явился в результате эпохального развития неандертальца. Эта, несомненно, прогрессивная мысль одного из крупнейших палеоантропологов была оценена советскими учеными. Исследования М. А. Гремяцкого, Г. Ф. Дебеца и других советских ученых подтвердили это положение. Находки последних лет, давшие неандертальца из Узбекистана (Тешик-Таш) и ряд скелетов из Палестины (Схул и Табун), упрочили это положение, придав ему значение факта. Действительно, эти новые находки показали сумму различных признаков перехода неандертальца к новому виду человека и позволили наметить ту территорию, где происходил процесс «сапиентации» неандертальца. Очевидно, что только на территории, достаточно обширной и обладающей совокупностью благоприятных условий, был возможен этот процесс. Нам представляется, что граница этой территории, видимо, была близка к той, которую наметил Я. Я. Рогинский: юго-восток Европы, северо-восток Африки и юго-запад Азии (рис. 85). Эта громадная

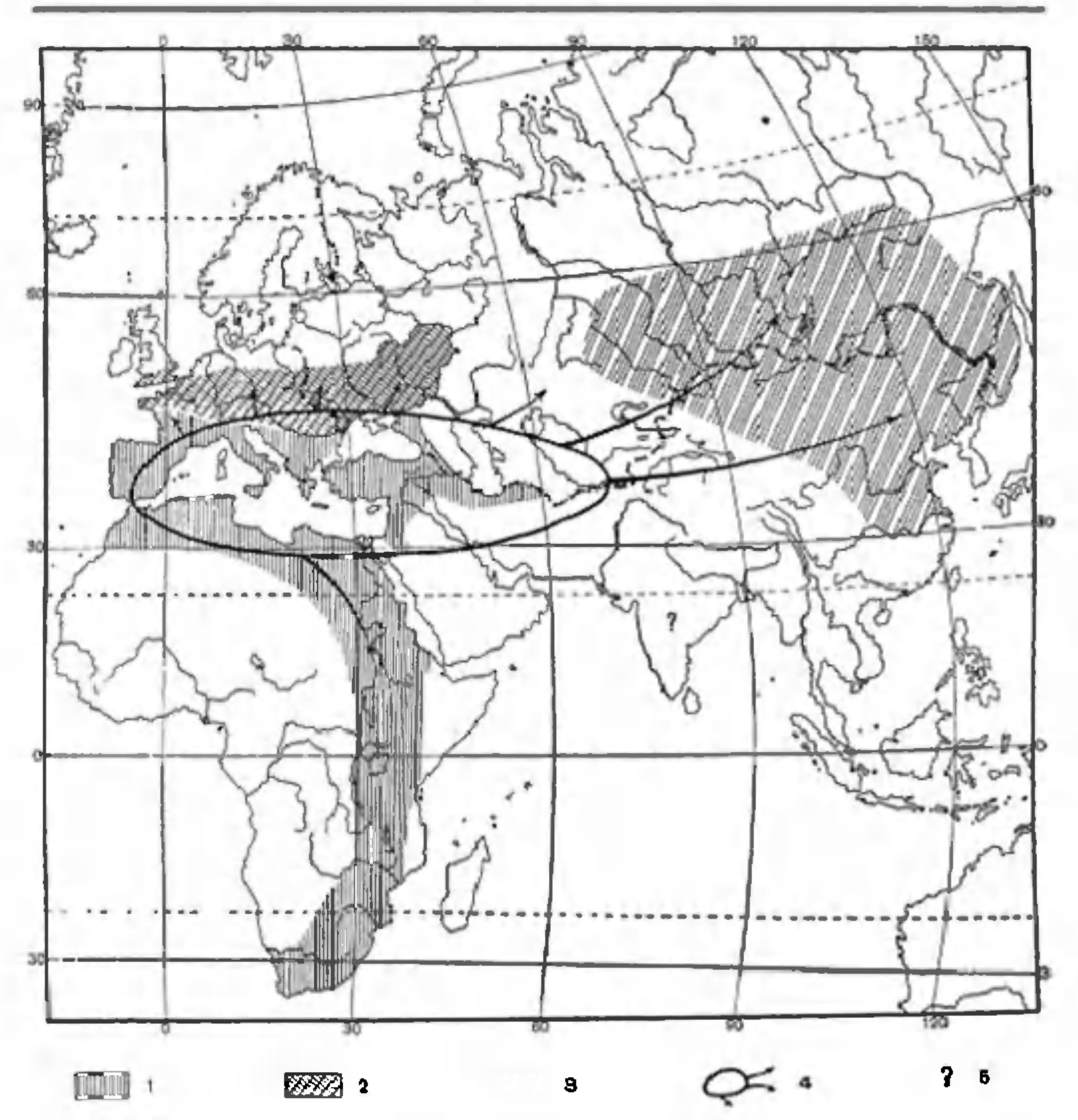

Рис. 85. Схематическая карта распространения границ трех верхнепалеолитических культурных провинций (по С. Н. Замятнину)

1 — Средиземноморско-африканская область, 2 — европейская приледниковая область, 3 — Сибирско-Китайская область, 4 — область формирования *Homo sapiens* (нанесена автором), 5 — данных о типе культуры нет.

территория юга умеренного пояса, несомненно, в период верхнего палеолита была наиболее благоприятной для существования человека.

Понятно, что темп формирования нового вида человека на этой обширной территории не мог быть одним и тем же. Во взаимном контакте и вследствие передачи наиболее благоприятных признаков, а также в результате уже возникшего института внегрупповых брачных союзов происходил процесс образования нового вида человека. Убыстрение биологического процесса, видимо, было вызвано изменением социальной среды. Усложнились и усовершенствовались формы примитивных институтов общения и взаимопомощи внутри коллектива, хотя бы во время охоты, что явилось одним из важнейших стимулов совершенствования организации группы людей и привело к созданию новых форм биологического существования человека. Человек качественно стал другим, несмотря на то, что в своем внешнем виде вначале и впоследствии,—

вероятно надолго,— консервативно сохранял отдельные внешние черты своего примитивного прямого и в то же время далекого предка — первобытного неандертальца.

Черепа людей солютрейского времени из Пшедмоста и Брюнна имеют ряд черт, несомненно, свидетельствующих о неандертальской стадии их предка. Наблюдаемый ряд примитивных черт в черепе из Комб-Капелль,— очевидно, этого же порядка.

Древнейший тип человека нового вида вначале, вероятно, в значительной степени сочетал элементы древнего своего предка и ряд новых, благоприобретенных качеств. Очевидно, на ранних этапах формирования человек этого нового вида в какой-то скрытой форме объединял элементы основных расовых типов. Исходя из конкретных данных, полученных в результате изучения костных останков древнейших представителей *Homo sapiens*, мы можем мысленно реконструировать исходную форму неоантропа. Видимо, он был невысок, массивен, с короткой шеей, но прямой посадкой головы, с долихокранным низким черепом, не очень профилированным лицом, с нависающим лбом, иногда усиленным надбровьем, с легкой прогнатностью, слабым, почти невыступающим подбородком. Нам представляется, что он должен был бы быть относительно темно пигментирован (примерно, как дравидиец), имел темные глаза, черные, вероятно, прямые или чуть волнистые грубые волосы на голове, волнистые в бороде и усах. Таков гипотетический тип неоантропа, который относительно быстро приобрел впоследствии основные черты той или иной расы. Процесс окончательного формирования расовых групп определяется в какой-то мере темпом расселения из пределов первоначального заселения. Неоантроп в силу своего недостаточно установившегося биологического состояния, отсутствия отчетливых специализированных черт, видимо, был еще достаточно гибок по своей организации, вследствие чего его адаптивные возможности быстро привели к образованию новых, специализированных черт, характерных для той или иной расы. Мы имеем возможность отметить, что уже к начальной поре верхнего палеолита основные расы находились как бы в центре их дальнейшего расселения. Нам известны асселярский череп из Южной Сахары (1932 г.) с явно негроидными чертами (Буль и Валлуа), многочисленные черепа европейцев-кроманьонцев из Европы, монголоидные скелеты из верхних гротов Чжоукоудянь (Вейденрейх, 1930) и обломок черепа с Афонтовой горы (Дебец, 1939).

Не следует забывать, что уже на самой ранней ступени формирования человека нового вида он не был представлен каким-то единым типом и, очевидно, имел ряд локальных категорий. Примером этого могут быть черепа из грота Гримальди с явно протонегроидными чертами, хотя их собственно неграми назвать нельзя, или череп из Комб-Капелль, обладающий как будто рядом признаков, свойственных, с одной стороны, европейцам, с другой,— австралоидам, т. е. в этом типе совершенно ясно отсутствие ярко выраженных расовых категорий. Мужской череп из Кро-Маньона типичен для примитивного европейца, между тем как женский череп из этого же грота имеет некоторый налет негроидного типа.

Черепа из Брюнна и Пшедмоста консервативно сохраняют ряд переходных признаков от неандерталоидного предка. Эти черепа в значительной степени примитивнее, чем черепа из гротов Ориньяк и Гримальди.

Несмотря на очевидную разницу морфологического строения черепов древнего населения Европы эпохи верхнего палеолита, среди ученых Западной Европы до сих пор сохранилось мнение о том, что все черепа верхнего палеолита представляют собой единый тип, т. е. все принадлежат кроманьонской расе. Эту точку зрения отстаивал и пытался обосновать

английский биометрик Морант. В доказательство своего положения он объединил все черепа верхнего палеолита в одну серию и указал на малую величину квадратического уклонения и коэффициента вариаций в ряде признаков этой серии. Вряд ли следует принимать всерьез столь неожиданное утверждение. Известный нам палеоантропологический материал верхнего палеолита отнюдь не однороден и вследствие этого объединение этих черепов в какую-то одну серию невозможно. С нашей точки зрения, полученный Морантом результат малой степени вариации этих черепов противоречит очевидной их разнице и во всех основных размерах, и в деталях морфологического строения, что свидетельствует, по нашему мнению, о беспомощности его порочного метода. Итак, резюмируем сказанное:

1) советские и прогрессивные ученые Запада рассматривают неандертальца как определенный вид человека и как стадию в развитии современного вида человека;

2) малое количество памятников с элементами перехода от мустье к ориньяку еще не является доказательством отсутствия генетической связи этих культур;

3) смена мустьерской культуры ориньякской еще не свидетельствует о приходе человека нового вида с какой-то другой территории; это может быть и результатом превращения неандертальского человека в качественно новую форму разумного человека;

4) новые находки костей неандертальца окончательно разрешили вопрос о возможности формирования верхнепалеолитических рас на территории, не заселенной неандертальцами;

5) верхнепалеолитическое население Европы не было единым, а представляло ряд локальных вариантов вида *Homo sapiens*.

Из этого не следует, что древние черепа *Homo sapiens* в ранних своих вариантах дают отчетливые признаки современных рас. Все известные ископаемые черепа эпохи ориньяка в значительной степени нейтральны, но разнообразны, и только по некоторым признакам их можно считать несколько более негроидными, австралоидными или европеоидными. Так, на основании этих признаков можно выделить:

1. Гримальди. Это древнейший тип *Homo sapiens*. Он обладает смешанными чертами европеица и протонегроида.

2. Комб-Капелль. Недифференцированный тип *Homo sapiens*, обладающий чертами древнего европеица и протоавстралийца.

3. Кро-Маньон. Древний тип европейцев, собственно кро-маньонский тип.

4. Брюнн и Пшедмост. Европеоидный тип с чертами неандертальца.

§ 23. ОРИНЬЯК

Брейль и Картальяк, выделили эту культуру на основании тщательного стратиграфического изучения многих памятников с последовательными наслоениями культурных остатков в Ориньяке, Ла-Феррасси, в Жиронде, в Брасемпуи, в Ландах, Солютре, в департаменте Соны и Луары, в Орси-сюр-Эйр, в гроте Абри-Оди, Понт-а-Лес, Гойэ, в Ле-Котэ, в Спи-ле-Буффиа, в Корозе. Во всех этих местах исследователи имели возможность видеть, что между слоями позднего мустье и раннего солютре были слои, содержащие своеобразную культуру со своими типическими формами инвентаря, со своеобразной техникой изготовления рабочего лезвия каменного орудия.

Эта культура характеризуется орудиями, сделанными по преимуществу на длинных, массивных сколах. Наряду с поздним типом мустьерского

остроконечника характерны острия с ретушью только с одной из сторон. При этом режущим является тонкий край пластинки, а обушком — ретушированная сторона. Многочислен набор ножеобразных инструментов с крупной ретушью; они, как правило, обладают удлиненными формами, иногда с выемками с одной или двух сторон. Кроме орудий из пластинок, характерны также массивные, короткие, высокие скребки, скребла с округлым, выпуклым или вогнутым лезвием. Многочисленны резцы на конце пластины как срединные, так и угловые. Из костяного инвентаря характерны шиловидные острия, острия-проколки, длинные наконечники дротиков с расщепленными основаниями. Украшения многочисленны и разнообразны. Это пронизки из зубов оленя и хищников, из позвонков рыбы, из трубчатых костей птицы и мелких млекопитающих. Великолепны образцы древнего искусства, среди которых особенно распространены изображения обнаженных женщин.

На рубеже ориньяка происходит сложный процесс окончательного формирования вида разумного человека с его новыми формами общественной организации.

Дифференцированный инвентарь как по материалу, так и по технике свидетельствует уже о некоторой специализации, т. е. выделении из общей массы коллектива людей, обладающих большим мастерством и навыком изготовления сложных охотничьих орудий и другого инвентаря.

Усложнившиеся приемы охоты стали более рациональными в результате освоения новых технических изобретений и целесообразного использования сил коллектива.

Рыболовство, не имевшее раньше никакого удельного веса, в первобытном хозяйстве становится из случайного постоянным.

Именно этот сравнительно высокий уровень первобытного материального производства и послужил базой для новых форм взаимоотношений внутри коллективов первобытного человека; возникают сложные институты первобытного материнского рода со все усложнявшимися нормами брака и организации семьи.

К этому времени относятся возникновение и проявление религиозных культов и магии[1]. Человек «разумный», но еще бессильный перед грозными, непонятными проявлениями сил природы, пытался найти им объяснение и возможности хотя бы пассивно сопротивляться непомерно трудным условиям существования. И разум человека впервые создал веру в неизвестное — непонятное. Так возникла первая, примитивная религия с ее спутницей — магией, с их все усложнявшимися обрядами и колдовскими действиями.

Реалистическое первобытное искусство своим развитием, а может быть, и возникновением во многом обязано первобытной религии. К этому же времени, очевидно, следует относить первоначальное оформление речи в примитивный язык с примитивным грамматическим строем и определенным словарным запасом. В это время происходят громадные качественные сдвиги в психике человека. Только разумный человек в коллективном труде мог найти силу для сопротивления беспощадным силам природы (в это время развитие ледников достигает максимума).

В Европу человека ориньякского времени обычно «приводят» из Средиземноморья или даже откуда-то из Центральной Африки или Восточной Европы. Все новые и новые находки свидетельствуют о том, что почти всегда мустье сменяется ориньяком, причем нередко можно видеть и элементы перехода одной стадии культуры в другую — от мустье к ориньяку.

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 65.

В СССР долгое время существовало представление о том, что в районе Причерноморья ориньякская культура генетически связана с каспийской культурой Средиземноморья; в центральной же полосе черноземной области, на Дону, история человека имела иную последовательность. В этом районе мустьерская культура непосредственно переходила в солютре, причем классическими примерами этого перехода являются стоянки Костенки I и Тельмана.

На протяжении последних лет в Костенках систематически ведет раскопки А. Рогачев. В ряде сообщений он довел до сведения археологов чрезвычайно интересный факт. По данным его наблюдений, подтвержденных статиграфией памятника, можно говорить о контакте племен ориньяка с племенами солютре не только хронологическом, но и более сложном. А. Рогачев отмечает поочередное обитание племен ориньяка и солютре на одной и той же костенковской стоянке. Первыми на это место пришли люди архаического солютре. Их сменили люди ориньякской культуры, а затем — вновь племена солютре. Такой смены культур до сих пор не отмечал ни один исследователь.

В настоящий момент идет тщательное исследование памятника. Новые работы как будто подтверждают наблюдения А. Рогачева.

Типичным памятником ориньякского времени на территории СССР следует считать стоянку Гагарино на Дону (раскопки С. Н. Замятнина). Найденные здесь остатки дают отчетливое представление о жилище первобытных охотников. Каменный и костяной инвентарь очень типичен. Великолепны найденные здесь статуэтки, изображающие женщин.

К ориньяко-солютрейскому времени следует отнести и стоянку Боршево на Дону, открытую А. А. Спицыным в 1905 г.

В Крыму к ориньякскому времени относятся стоянки Сюрень (К. С. Мережковский, 1879 г.) и Аджи-Коба, открытая А. С. Моисеевым.

На Кавказе также имеется ряд стоянок ориньякского времени. Наиболее типичны Торо-Клде и Хергулис-Клде. Оба памятника открыты С. А. Круковским (1918 г.).

В Сибири к этому времени, видимо, должны быть отнесены одновременные стоянки Мальта и Буреть. Это единственные памятники палеолита в Сибири, давшие настоящие образцы реалистического первобытного искусства. Гравюра мамонта на кости, многочисленные статуэтки женщин, изображения птиц и, наконец, погребение ребенка — в такой мере близки к типичным памятникам ориньякской культуры в Европе, что датировка их не вызывает сомнений.

Плохо сохранившийся скелет ребенка из Мальты, повидимому, имеет черты монголоидной расы. Череп его долихокранен, надбровье очень слабо выражено. Уплощенная глабелла и удлиненная носовая часть лобной кости производят впечатление монголоидности. Плохая сохранность не дает возможности сделать более точное определение. Может быть, здесь уместно вспомнить, что и в трактовке мальтинских статуэток отчетливо выступают особенности монголоидного типа.

§ 24. НЕГРОИДЫ ИЗ ГРОТА ГРИМАЛЬДИ

Древнейшее захоронение людей верхнего палеолита найдено Верно в 1906 г. в «Гроте детей». Здесь обнаружено парное захоронение юноши 16—17 лет и уже немолодой женщины. Костяки лежали в таком положении, что их заведомое захоронение не вызывает никакого сомнения (рис. 86 и 87).

Оба костяка были положены на остывший пепел большого костра. Юноша лежал на спине с сильно прижатыми к тазу ступнями. Для его головы в золе была вырыта специальная лунка, так что череп лежал на глине. Руки, чуть согнутые в локтях, были протянуты вдоль тела. Скелет женщины лежал спиной вверх, как бы крепко прижимаясь к скелету юноши и частично перекрыв его. Ноги ее тоже сильно подогнуты, так что колени были на уровне груди. Столь же сильно согнутые в локтях руки были прижаты к груди, и кисти находились на уровне шеи. С умершими были погребены их вещи. На голове юноши была повязка из четырех рядов мелких просверленных морских раковин (Nassa neritea). Около его туловища найдены заведомо положенные туда несколько штук каменных ножей. На левой руке женщины обнаружены два браслета из этих же морских раковин: один — у локтя, другой — у запястья. Головы обоих погребенных прикрывала большая плита, лежавшая, как на подставках, на двух вертикально установленных камнях.

Рис. 86. Разрез «Детской пещеры» близ Ментоны. (По аббату Вилльневу):

A — мустьерский слой, B — слой с костями хищников. C — полоса золы. D — слой с остатками очагов. E — слой с двумя скелетами. E' — слой с остатками очагов. F — слой с остатками очагов и могильником. G — то же, H — полоска золы. J — обломки скал. K — полоска золы, L — слой с остатками очагов, M — то же с могильником. Могильник со скелетами детей был расположен еще выше и был раскопан ранее.

Это погребение было найдено под нетронутым слоем ориньякского времени, в котором был погребен скелет кроманьонца — гиганта ростом 1,94 м. Интересующее нас погребение (парное) перекрывало собой ориньякский слой с типичным инвентарем (рис. 88). Еще ниже, на глубине 60 см, обнаружен мустьерский слой, отложившийся в древнейшую эпоху заселения пещеры.

Оба скелета имели один и тот же антропологический тип, и внешне

Рис. 87. Положение скелетов негроидов из «Детской пещеры» — слой *E*.

черепа очень сходны. Типичные признаки этих черепов следующие: довольно высокий, долихокранный свод черепа сочетался с низким, относительно широким лицом, невысокими глазницами, очень широким носом, но не уплощенным, а довольно сильно выступающим; верхняя челюсть сильно прогнатна; у юноши были крупные резцы; нижняя челюсть тяжелая, с массивной восходящей ветвью и почти не выступающим подбородком. Эти люди были относительно невысоки (рост юноши —1,57 м, женщины—1,55 м). В строении таза и в пропорциях конечностей отмечаются негроидные признаки, но наряду с этим есть и архаические черты,

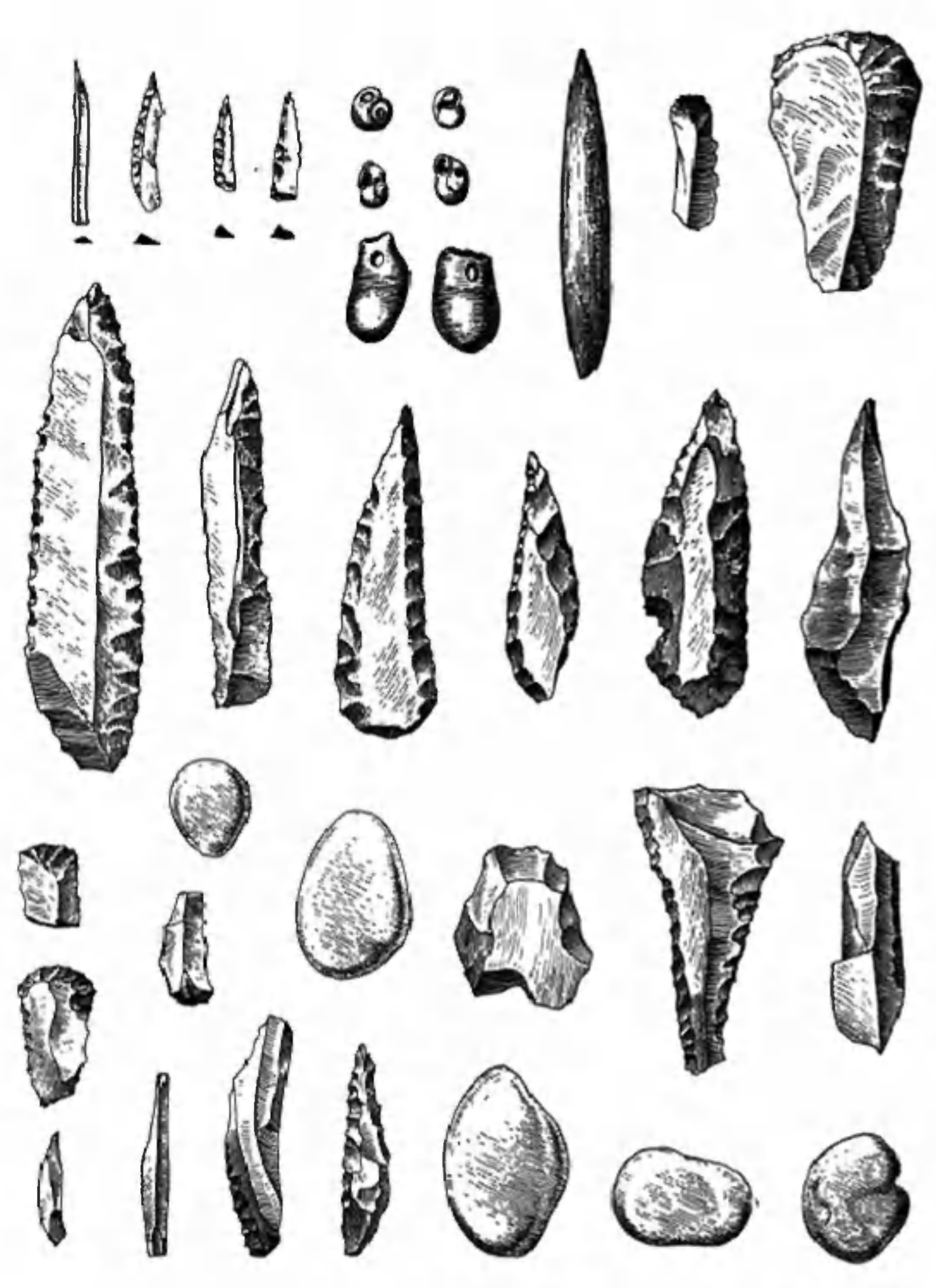

Рис. 88. Инвентарь из слоя *H*, содержащего погребения негроидов в гроте Гримальди («Детская пещера»).

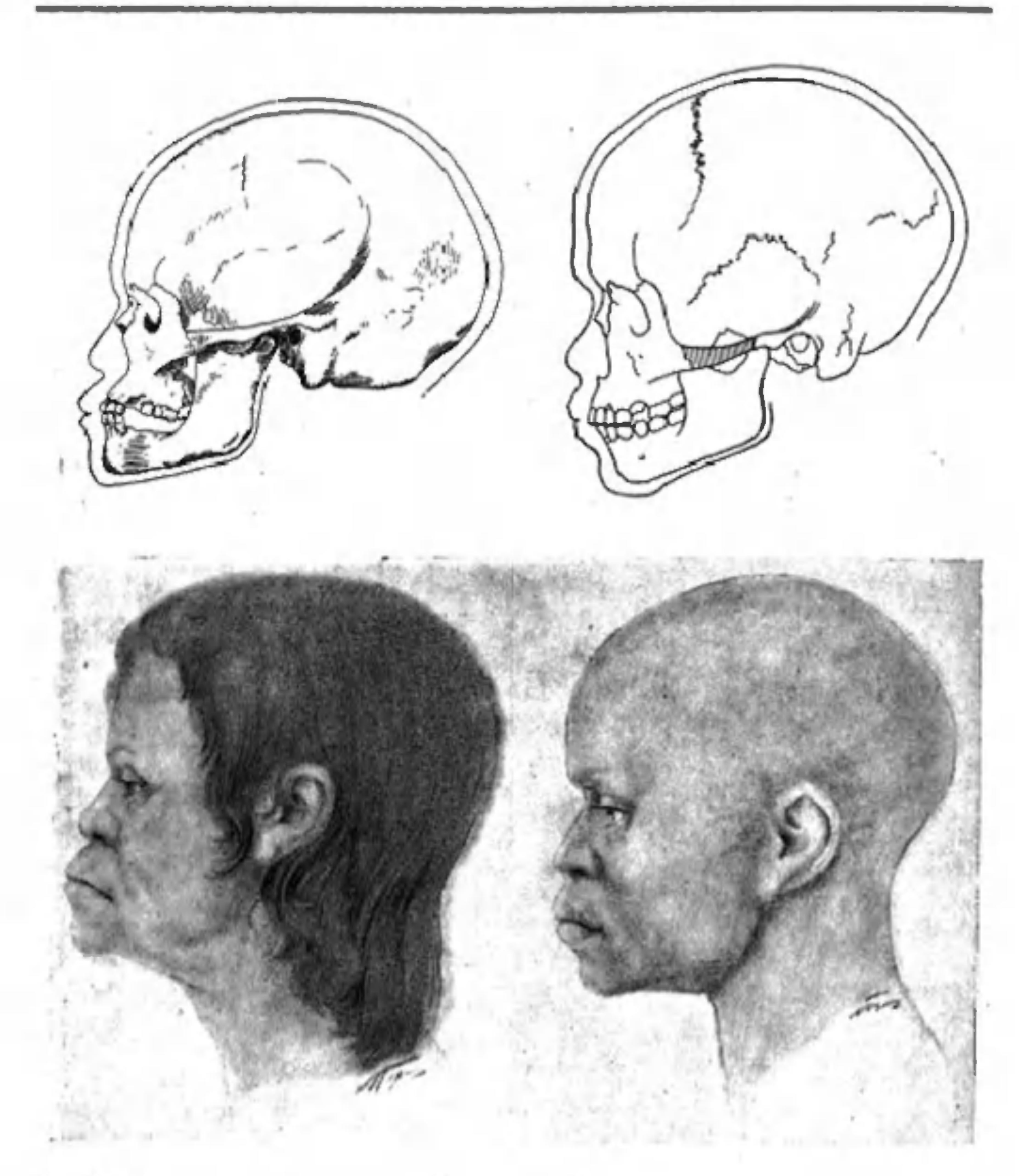

Рис. 89. Восстановление внешнего облика людей по черепам «негроидов» Гримальди.

например, удлиненное предплечье, изогнутое бедро. Почти все перечисленные признаки,— несомненно, негроидного типа, но еще не вполне оформившегося, в котором наличествуют черты, свидетельствующие о едином пути формирования вида *Homo sapiens*. В частности, в чертах этих негроидов наряду с типичными признаками негроидного типа можно отметить и такие, которые характерны вообще для кроманьонского типа: удлиненный свод черепа, высокий нос, относительно низкие орбиты, сравнительно большая ширина лица, общая массивность костей — все это признаки, видимо, свойственные типу древнего неоантропа.

Несмотря на очевидность изложенного, в антропологической оценке этих черепов до сих пор нет единства. Осборн с излишней простотой решает вопрос о типе людей из Гримальди. С его точки зрения, это негры —

пришельцы из Африки, жившие и умершие здесь, и, конечно, они никак не могут рассматриваться как результат расогенеза, как неоантропы в Южной Европе. Автор раскопок и описании черепов из Гримальди Верно́ считает, что эти черепа принадлежат очень древним представителям неоантропа, предшествовавшим кроманьонцам. По его представлению, эта раса относится к какому-то самостоятельному этническому типу, широко расселенному в свое время и вследствие этого имевшему особое влияние на процесс формирования *Homo sapiens.*

В форме изогнутых бедер, специфичности строения таза, в сильной прогнатности и форме зубов Верно́ видит какие-то особенные признаки, более сходные с обезьянами, чем с неандертальцем. На основе этого он даже делает вывод, что в Европе одновременно с неандертальцем жили люди архаического негроидоподобного типа, который по ряду признаков был близок к современным неграм (Верно́, 1906).

Кейт приходит к выводу, что эти негроиды из грота Гримальди представляют собой промежуточную форму в эволюции белой и черной рас.

Буль придерживается той точки зрения, что черепа из Гримальди должны рассматриваться как вариант кроманьонской расы, однако с некоторыми негроидными чертами.

Заллер, не замечая специфических черт негроидов в черепах из Гримальди, пытается это аргументировать, подобно упомянутому Моравту, своим методом средних разниц; при этом он предпочитает забыть, что черепа Гримальди сильно прогнатны и очень широконосы. Можно и должно ли считаться с подобными «научными» методами и приемами и стоит ли их принимать всерьез? Конечно, нет.

Г. Ф. Дебец склонен считать «евроафриканский тип» стадией развития, общей как для негров, так и для собственно европейцев. С этой точки зрения негроидность некоторых европеоидных находок и европеоидность африканских по существу — одно и то же.

Предлагаемые графические реконструкции (рис. 89) дают представление об этом, еще не вполне дифференцированном типе древнего человека, в котором сочетаются признаки древнего европейца — кроманьонца с признаками, близкими негрским.

ЧЕЛОВЕК С МАРКИНОЙ ГОРЫ

В 1954 г. на Дону, близ села Костенки Воронежской области, при археологических раскопках многослойного верхнепалеолитического памятника «Маркина гора» А. Н. Рогачев на глубине 4, 5 м обнаружил погребение.

Погребение было перекрыто тремя ненарушенными культурными горизонтами, залегало непосредственно над древним слоем и, очевидно, связано с ним. Скелет молодого мужчины был обнаружен в сильно скорченном состоянии на левом боку; колени были сильно прижаты к груди, как и согнутые в локтях руки, кисти которых оказались на уровне рта. Поверхность костей обильно посыпана красной краской.

Вскрытие, извлечение и дальнейшая консервация этого исключительного по сохранности скелета были проведены мною. Предварительное описание находки было дано автором раскопок А. Н. Рогачевым; описание черепа публикуется Г. Ф. Дебецем в его статье «Палеоантропологические находки в Костенках», где он отмечает черты экваториального типа, как в строении черепа, так и костей скелета человека с Маркиной горы[1].

---

[1] См. статьи А. Н. Рогачева и Г. Ф. Дебеца, „СЭ", 1955, N. I.

Рис. 90. Восстановленная голова молодого мужчины по черепу с Маркиной горы.

Публикуемая реконструкция действительно документирует эти черты антропологического типа.

Нельзя не отметить большое сходство скелетов из грота Гримальди со скелетом с Маркиной горы; уместно напомнить о весьма близкой форме обряда погребений этих столь далеких территориально памятников.

§ 25. ОРИНЬЯКСКИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ КОМБ-КАПЕЛЛЬ

В 1909 г. близ Монферано, в гроте Комб-Капелль был обнаружен Гаузером скелет в ненарушенном слое ориньякского времени. Этот скелет (прекрасной сохранности) лежал на спине со слегка приподнятыми в коленях ногами, в специально вырытой яме. В головах и ногах были обна-

ружены плиты, как бы прикрывавшие скелет сверху. Это, несомненно, ритуальное захоронение. С умершим было положено большое количество изящно обработанных ножей, и, кроме того, найдено много просверленных морских раковин.

Как показало исследование этого скелета, он принадлежал взрослому мужчине крепкого сложения, но невысокого роста (1,60—1,66 м, по разным авторам). Ряд особенностей строения черепа и скелета привел Гаузера и Клаача к мысли выделить человека из Комб-Капелль в особый вид *Homo aurignacensis Hausers*, что, конечно, явно ошибочно.

Клаач и некоторые другие авторы в человеке из Комб-Капелль склонны видеть предшественника типичных кроманьонцев. Они отмечают, наряду с кроманьонскими, ряд признаков, отличающих комбкапелльский череп и приближающихся к современному австралийскому типу.

Джуфрида-Руджери относит череп из Комб-Капелль к *Homo meridionalis*, т. е. к типу, приближающемуся к антропологическому типу ведло-австралийца, меланезийца, дравидо-эфиопа.

Геддон и Эйкштедт отмечают в черепе из Комб-Капелль черты протоафриканца.

Г. Ф. Дебец склонен видеть в черепе из Комб-Капелль ряд протоморфных черт негроидного типа и ставит его в этом плане в один ряд с негроидными черепами из грота Гримальди.

При нашей попытке реконструировать внешний вид человека из Комб-Капелль мы, естественно, не могли не поставить вопроса о его месте в ряде типов древнего *Homo sapiens*. Трудно быть уверенным в таком определении при наличии одного индивида, но все же попытка сопоставления и оценки морфологических данных вполне закономерна и в конечном итоге может дать представление о степени близости данного черепа к той или иной антропологической группе.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных признаков, приведем краткое описание черепа из Комб-Капелль по принятой нами схеме.

Череп из Комб-Капелль (ориньякский человек)

Верхний палеолит. Культура ориньяк. Франция. Дордонь. Череп с нижней челюстью. Выломана височная область черепа левой стороны (часть лобной и теменной костей, а также чешуя височной кости). Сломана правая скуловая дуга. Череп очень большой, массивный, удлиненный.

Наибольший продольный диаметр	206 мм.
Расстояние от глабеллы до иниона	194 мм.
Поперечный диаметр	135 мм.
Черепной указатель I	66,4.
Черепной указатель II	69,58.

Долихоцефальный череп бризоидной формы; со стороны затылка он, видимо, был сводчатым.

Свод черепа уплощенный, с покатым лбом, с плавно переходящими друг в друга лобными и теменными костями и выступающей преломленной затылочной костью. Лобная кость — удлиненных пропорций, со слабо развитыми лобными буграми. Сагиттальный валик на лобной кости выражен слабо.

Высота свода базион — брегма	138 мм.
Наибольшая ширина лба	108 мм.
Наименьшая ширина лба	98 мм.
Лобный указатель	81,48.

Глабелла преломленная, нависающая; степень ее выступания по шкале — 4 балла. Носовая часть лобной кости направлена внутрь по отношению к краю орбит. Ее боковые стороны длинные, по средней линии она значительно короче.

Высота носовой части по средней линии . . . 6.5 мм.

Высота носовой части сбоку . . . 19 мм.

Надбровные дуги сильно развитые, широкие (правая шире левой), сильно выступающие. Их протяженность по шкале — 2 балла.

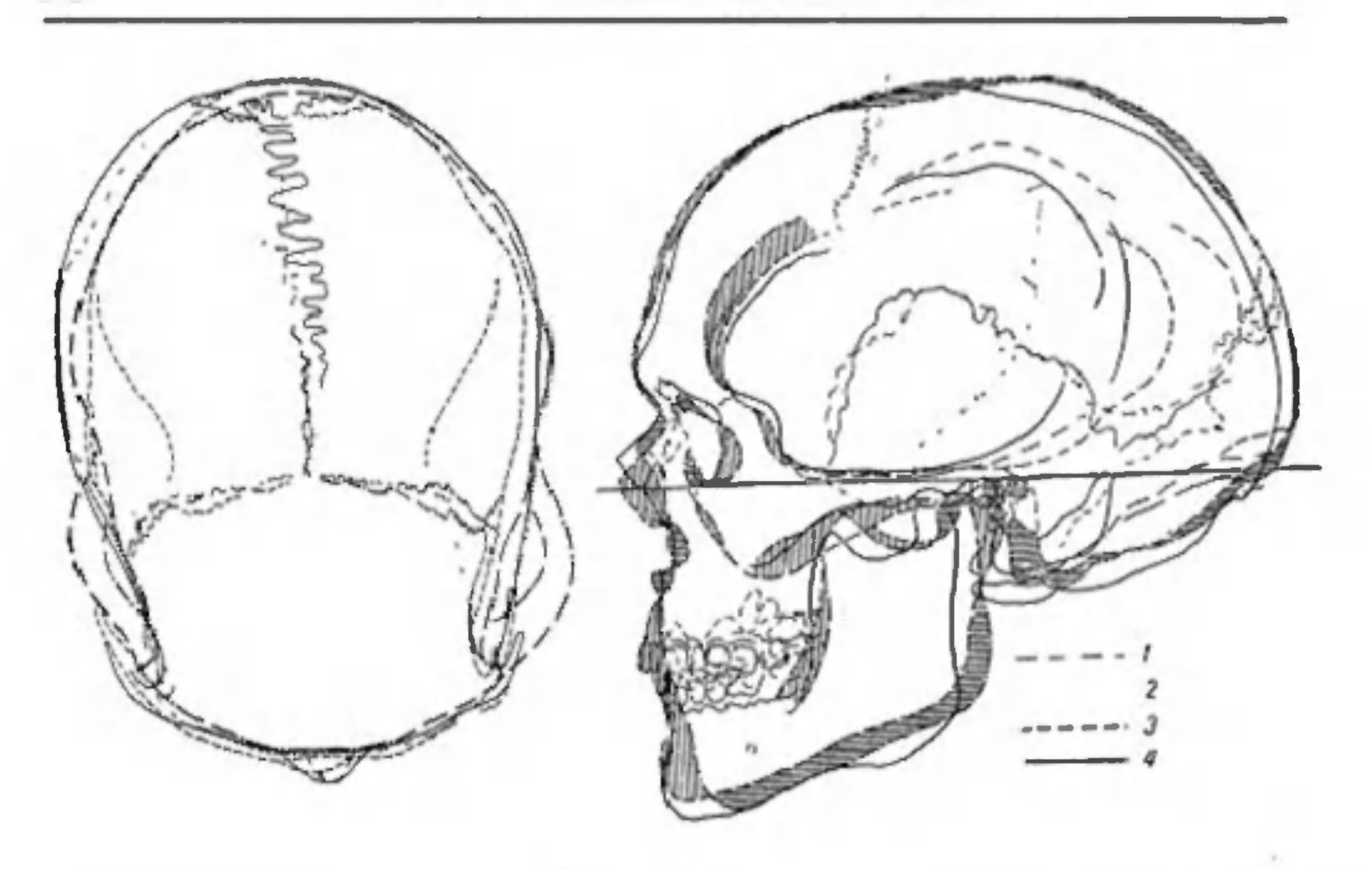

Рис. 91. Сравнительная схема форм черепов верхнепалеолитических людей (сверху и в профиль):

1 — Оберкассель, 2 — Кро-Маньон, 3 — Комб-Капелль, 4 — Пшедмост.

Височные впадины высокие, длинные, глубокие во фронтальной части. Сосцевидные отростки большие, слабо выступающие, широкие у основания. Вершины их острые, направленные вперед и вниз. Микрорельеф хорошо выражен.

Затылочная кость широкая, сильно сдавленная с боков, преломлена под тупым углом. Линия перегиба хорошо выражена, проходит по верхней выйной линии, выступающей в виде гребня. Инион развит слабо — балл 0.

Лицо — пентагональной формы, высокое, массивное, с нависающей надбровно-глабеллярной частью, слабо профилированное, слегка прогнатное, со слабо выступающим подбородком. Нос большой, широкий, но не сильно выступающий. Глаза — средней величины.

Общая высота лица	123 мм.
Высота верхней части лица	74 мм.
Скуловая ширина	134.
Лицевой указатель I	57,6.

Орбиты — прямоугольной формы, с сильно закругленными углами, замкнутые. Края орбиты толстые, сильно притупленные. Верхний край нависающий, нижний — приподнятый, но несильно. Глазничные бугорки выражены гребешками, причем левый более четкий. Разрез глаз горизонтальный. Профилировка орбит наклонная.

Ширина орбиты	47 мм
Высота орбиты	29 мм
Орбитный указатель	61,70
Межорбитное расстояние	20,5 мм.

Носовые кости обломаны примерно от середины. Сравнительно узкие у корня носа, они в месте своего перегиба сильно расширяются. Спинка носа притупленная. Корень носа несколько западающий. Сечение спинки в средней части — уплощенно-сводчатой формы.

Ширина носовых косточек у корня носа . . .	12,5 мм.
Наименьшая ширина носовых косточек . . .	10 мм.

Носовое отверстие высокое, широкое, грушевидной формы, асимметричное. Подносовой край — fossa praenasalis, причем полулунная ямка сильнее выражена на правой стороне. Ширина грушевидного отверстия в верхней части — 29,5 мм.

Подносовой шип сломан; судя по сохранившейся части, он значительно выступал вперед и был слегка приподнят.

Высота носа	54 мм.
Ширина носа	29,5 мм.
Носовой указатель	56,62.

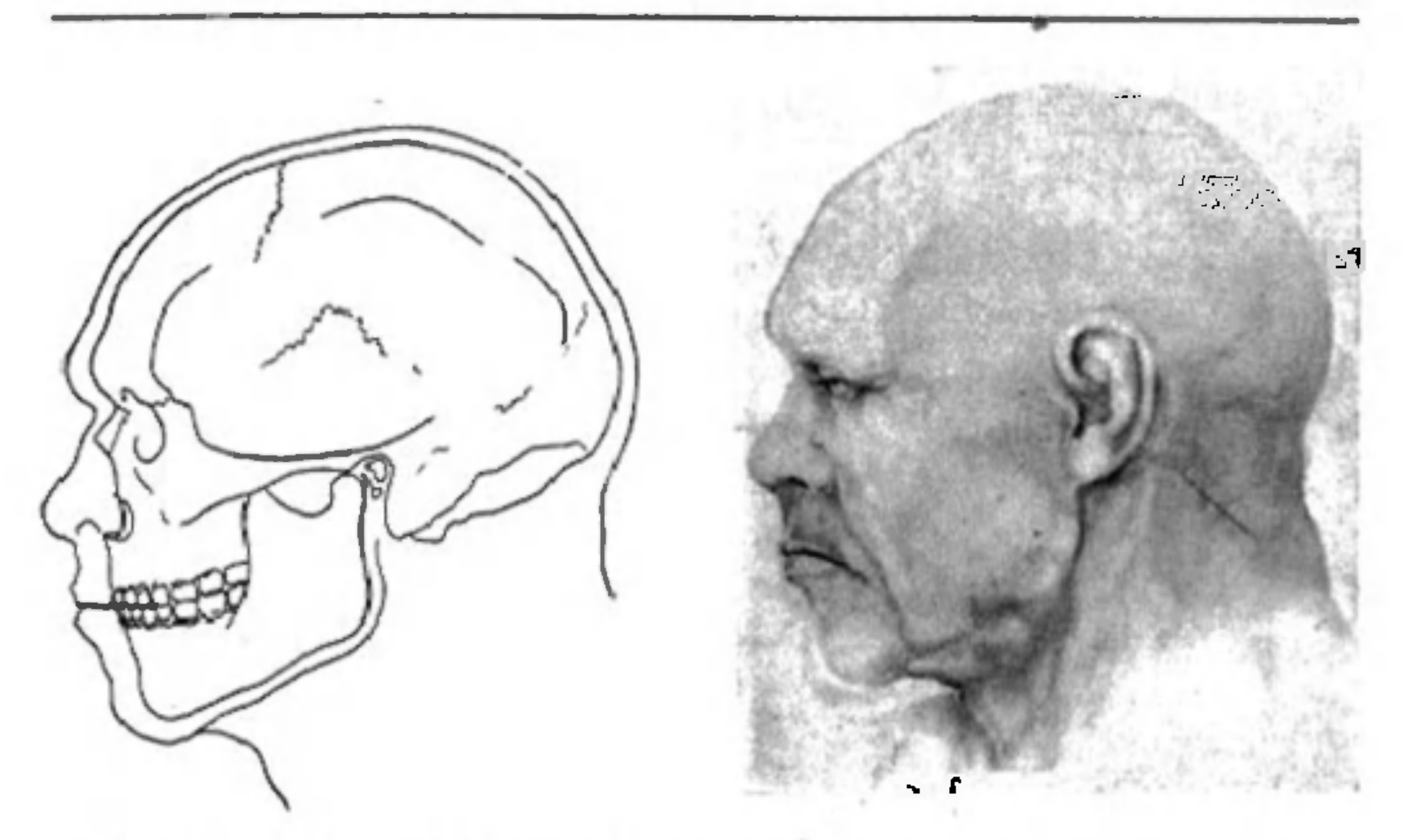

Рис. 92. Графическая реконструкция по черепу мужчины из Комб-Капелль.

Скуловые кости широкие, высокие, массивные, с сильным микрорельефом. Нижнеорбитный гребень хорошо выражен, выступает в виде бугра в области челюстно-скулового шва. Лобный отросток скуловой кости уплощен.

Собачьи ямки хорошо выражены. Альвеолярная часть высокая, выступающая вперед, так что нижний край грушевидного отверстия находится на одной линии с нижним краем альвеол и зубами. Постановка зубов ортогнатная.

Высота альвеолярной части	21.5	мм.
Расстояние P_2 и P_2	50	мм.
Высота эмали	8	мм.

Нижняя челюсть массивная, с высоким телом, особенно в медиальной части, в почти не выступающим подбородком. Степень выступания подбородка по шкале ближе к II. Восходящие ветви невысокие, но широкие, с хорошо выраженным микрорельефом. Углы нижней челюсти несколько вывернуты.

Какие же основные отличия данного черепа от других черепов людей верхнего палеолита? Мы имели в руках только четыре черепа (их отливы)— Комб-Капелль, Кро-Маньон I (старик), Кро-Маньон II (свод черепа) и Оберкассель:

Наибольший диаметр черепа, мм

Комб-Капелль	206
Кро-Маньон I	200
» II	201
Оберкассель	196

Наибольший диаметр имеет череп из Комб-Капелль (рис. 91), между тем по своей ширине эти черепа располагаются почти в обратном порядке.

Наибольшая ширина черепа, мм

Кро-Маньон II	152
» I	150
Оберкассель	142
Комб-Капелль	135

Рис. 93. Реконструкция по черепу мужчины из Комб-Капелль

При очень близкой в общем ширине лба у черепа из Комб-Капелль свод очень узок, особенно в височной части.

Наименьшая ширина лба, мм

Комб-Капелль	98
Кро-Маньон I	104
» II	98
Оберкассель	100

При рассмотрении предлагаемых схем черепов в профиль становится очевидным, что глабелла у черепа из Комб-Капелль мощнее, массивнее, выше. Лоб ниже и более покат.

При одной и той же профилировке скуловых костей скуловая кость у черепа из Комб-Капелль значительно уже, глазницы почти вертикально профилированы, грушевидное отверстие его менее профилировано и значительно выше; верхний отдел ортогнатной челюсти несколько выступает; нижняя челюсть по своим очертаниям в значительно большей сте

пени приближается к неандерталоидной; подбородочный выступ почти отсутствует; ветви очень широки и коротки (рис. 91). По общей массивности челюсти череп из Комб-Капелль уступает только черепу из Оберкасселя, причем у последнего мощность нижней челюсти вполне сочетается с типичными «сапиентными» чертами. В результате этого сравнения становится совершенно очевидным, что череп из Комб-Капелль обладает в значительной степени бо́льшим количеством архаических черт, и видимо, по своим морфологическим особенностям ближе к древнейшей форме неоантропа. Лицевая часть черепа из Комб-Капелль производит впечатление значительной примитивности и какой-то общей тяжести (особенно нижняя часть лица). Элементы этой примитивности в строении черепа из Комб-Капелль не уменьшаются и при рассмотрении лица в фас.

Мы не могли отметить каких-либо очевидных признаков, дающих право объединить этот череп с черепами из грота Гримальди. Мы не нашли также признаков, которые указывали бы на приближение черепа из Комб-Капелль к типу негроида или австралоида в полной мере (в частности, зубы типично европейские, относительно мелкие ортогнатно поставленные).

Нам представляется, что череп из Комб-Капелль в основных своих чертах примитивно европейский, с рядом еще не дифференцированных черт: сильное надбровье (наибольшее из всех верхнепалеолитических черепов; кстати сказать, черепа из гротов Кро-Маньон и Грямальди обладают меньшим надбровьем, чем многие палеолитические и неолитические европейские черепа); покатый лоб; уплощенный, предельно удлиненный свод; слабая профилировка скуловых костей; вертикальная постановка орбит; аморфное очертание носовых костей; широкое носовое отверстие; высокая, слабо профилированная альвеолярная часть верхней челюсти; массивная нижняя челюсть с почти не выступающим подбородком. Все это дает право рассматривать череп из Комб-Капелль как самостоятельный тип вида *Homo sapiens*, как прототип одного из наиболее примитивных представителей этого вида. Таким образом, можно ставить вопрос о присвоении ему имени *Homo sapiens aurignacensis*.

При сравнении черепов из Комб-Капелль и Пшедмоста III становится очевидным, что череп из Пшедмоста обладает большим количеством признаков, объединяющих его с черепами неандертальцев. Некоторое представление о внешнем виде неоантропа дает наша реконструкция, выполненная по черепу из Комб-Капелль (рис. 92—93).

§ 26. ЕВРОПЕОИДЫ ИЗ ГРОТА КРО-МАНЬОН

В 1868 г. при прокладке полотна железной дороги по долине Безеры, близ местечка Кро-Маньон, была снесена часть скалы. В результате был частично вскрыт, частично разрушен грот. При расчистке этого грота были найдены многочисленные орудия и украшения эпохи ориньяка и 5 скелетов. Один из них принадлежал старику, два — взрослым мужчинам, один — женщине и один — молодому субъекту. Скелеты были прикрыты породой, осыпавшейся в течение долгого времени с потолка грота, и лежали на культурном слое ориньякского времени, содержавшем большое количество фауны. Преобладали лошадь, пещерный лев, суслик, олень как северный, так и благородный. Быки редки, зубров также было мало.

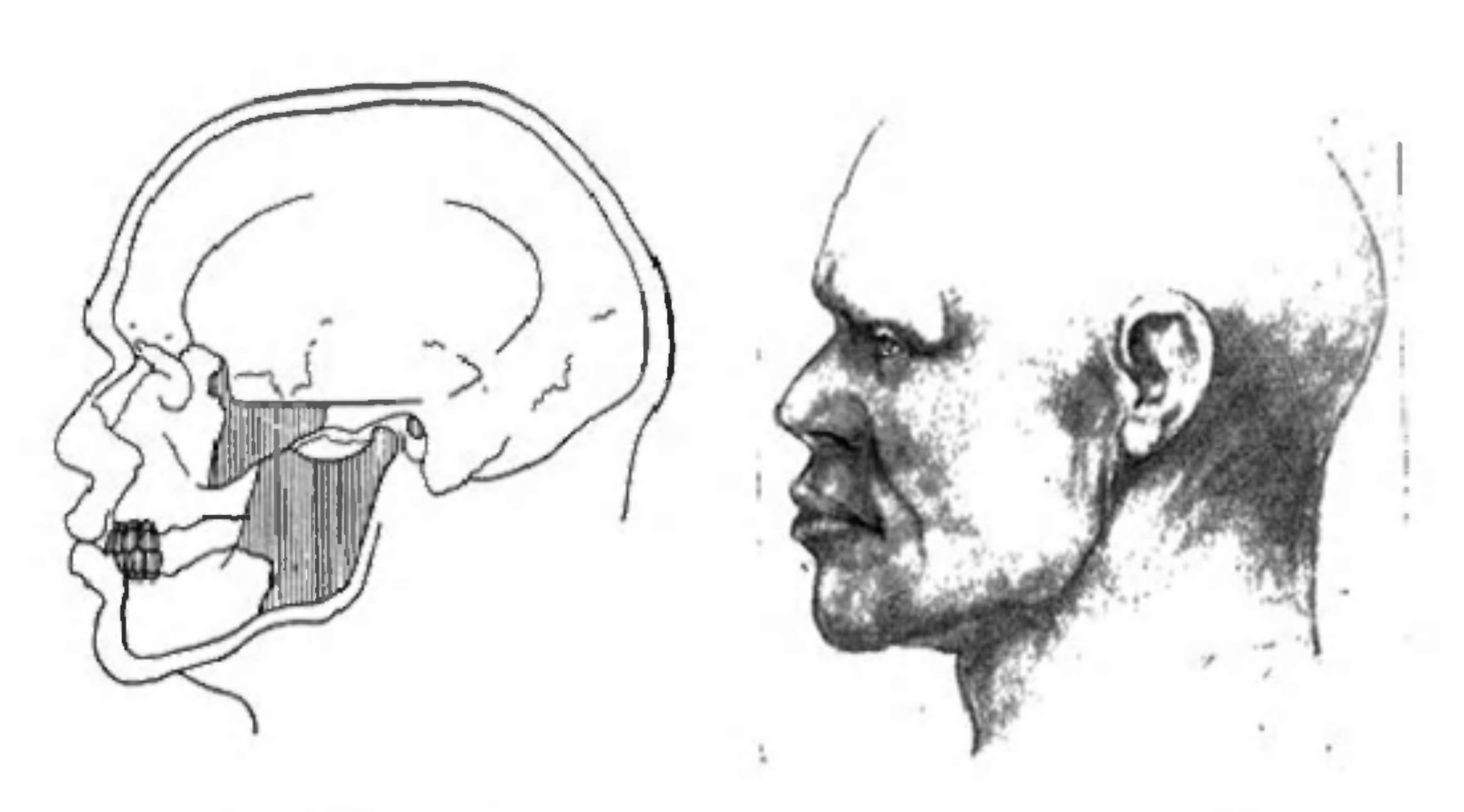

Рис. 94. Графическая реконструкция по черепу мужчины из Кро-Маньона

В непосредственной близости от скелетов было собрано много украшений из простреленных морских раковин (до 300 штук), среди которых в наибольшем количестве была представлена прибрежница Littorina littorea. Здесь же Лартэ обнаружил пластинку из бивня слона с двумя отверстиями, просверленный рог оленя и подвески из зубов изюбров.

Для нашей работы мы имели возможность использовать отливы черепов старика и женщины.

Череп из Кро-Маньона (старик)

Череп — плохой сохранности. Скуловые дуги сломаны. Нижняя челюсть повреждена. Зубы утеряны посмертно.

Череп большой, массивный, удлиненных пропорций, широкий.

Продольный диаметр	200 мм.
Расстояние от глабеллы до иниона	198 мм.
Поперечный диаметр	150 мм.
Черепной указатель I	65 (долихоцефал).
Черепной указатель II	75,75.

Форма черепа сверху приближается к бризоидной. Со стороны затылка она уплощенно-сводчатая. Свод черепа низкий. Лоб низкий, крутой. Затылок выступающий, преломленный. Вал перегиба выражен слабо.

Наибольшая ширина лба	130 мм.
Наименьшая ширина лба	104 мм.
Лобный указатель	30 (мегазем).

Глабелла сильно выступающая, преломленная, нависающая; степень ее выступания по шкале — 4—5 баллов. Надбровные дуги короткие, широкие. Носовая часть лобной кости очень короткая и широкая, обращена внутрь по отношению к верхнему краю орбиты.

Длина носовой части сбоку	12,5 мм.
Длина носовой части по средней линии	7 мм.

Теменные кости очень длинные, широкие. Затылочная кость большая, широкая. Затылочный бугор довольно значительно выступает. Степень выступания иниона по шкале — 1 балл. Височные впадины удлиненные, довольно глубокие. Сосцевидные отростки большие, длинные, основание их узкое, рельеф их чрезвычайно бугристый. Вершины отростков обращены вниз и вперед. Форма лица приближается к пентаго-

Рис. 95. Реконструкция по черепу мужчины из Кро-Маньона.

нальной, но отличается тем, что весь череп вообще более низким. Лицо большое, широкое, низкое, сильно профилированное. Альвеолярная часть значительно прогнатна. Подбородок выступает значительно. Орбиты низкие, широкие.

Общая высота лица . . . . 112 мм.
Высота верхней части лица . . . . 71 мм.

Глазницы замкнутые. Нижние края их толстые, сильно притупленные, слабо приподнятые. Боковые края также толстые, тупые. Верхние края более тонкие и притуплены значительно меньше нижних. Глазничные бугорки выражены слабо — в виде узких, длинных гребешков. Разрез глаз слабо наклонный. Профилировка орбит наклонная. Фронтальная постановка орбит горизонтальная.

Ширина орбиты . . . . 45 мм.
Высота орбиты . . . . 27 мм.
Орбитный указатель . . . . 60.
Межорбитное расстояние . . . . 22 мм.

Нижнеглазничные гребни широкие, сильно выступающие. Нос очень узкий, не высокий, сильно выступающий. Носовые косточки длинные, очень узкие у основания

и довольно сильно расширяющиеся к концу. Сечение костного носа — сводчатой формы.

Ширина носовых косточек у корня	9 мм.
Ширина носовых косточек в средней части	8 мм.
Ширина носовых косточек в нижней части	16 мм.

Носовое отверстие — грушевидной формы, маленькое, узкое. Края грушевидного отверстия в верхней части острые, загнутые внутрь, в нижней части (ниже crista conchalis) сильно притупленные. Подносовой край тупой.

Высота грушевидного отверстия	35 мм.
Ширина грушевидного отверстия	22 мм.
Высота носа	50 мм.
Носовой указатель	44.

Лобные отростки верхнечелюстных костей очень узкие наверху и резко расширяющиеся у нижних медиальных углов орбит. Скуловые кости массивные, широкие, большей своей частью лежат в латеральной плоскости. Собачьи ямки глубокие. Верхнечелюстные вырезки неглубокие[1]. Альвеолярная часть верхней челюсти значительно прогнатна. Высота ее — 17 мм. Расстояние между альвеолами P_2—P_2 — 61 мм.

Зубы полностью утеряны; судя по остаткам альвеол, по всей вероятности,— посмертно. Сохранившаяся часть тела нижней челюсти массивная, высокая. Подбородочный выступ достигает +3 балла.

Описанный череп кроманьонца напрасно считается принадлежавшим старику; ему не более 45 лет. Отсутствие зубов вызвано утратой их, вероятно, в процессе раскопок, причем одновременно, видимо, была разрушена и наружная пластинка верхнечелюстных костей.

Этот череп по праву может считаться типичным для раннего кроманьонского типа людей эпохи ориньяка. Он обладает всеми специфическими качествами этого антропологического типа: 1) длинным, относительно невысоким сводом, но с крутым, сильно выступающим и как бы нависающим лбом, с относительно слабо развитым надбровьем; 2) глубоко сидящим корнем носа резко профилированного узкого лица. Глазницы его низкие, удлиненные, горизонтальные, слабо профилированные. Скуловая кость мощная, с очень широким фронтальным разделом и массивной ветвью лобного отростка. Несмотря на отсутствие альвеолярного края верхней челюсти, совершенно очевидно, что она была довольно сильно прогнатна. Плохо сохранившаяся нижняя челюсть, однако, дает отчетливое представление об относительной ее мощности, большой ширине. Подбородок значительно выступает и обладает сильным рельефом.

Реконструкция головы дает отчетливое представление о своеобразии этого древнего антропологического типа (рис. 94). В основе своей он в большей степени, чем другие черепа этого времени, приближается к европейцам. Странное впечатление производит нависающий, относительно широкий лоб с вынесенной средней частью. Строение глазниц,— замкнутая камера их,— дает возможность воспроизвести глубоко запавшие глаза. Несмотря на относительно сильное выступание носовых костей, реконструированный нос прямой, короткий, с горизонтальным основанием. Ноздри его неширокие и невысокие, отчетливого рисунка. При рассмотрении черепа в профиль создается впечатление как бы вдавленности средней части лица (нос, глаза как будто передвинуты больше, чем это следовало бы в норме, по отношению к сильно выступающему лбу) и относительной прогнатности.

Широкая и уплощенная фронтальная часть скуловой кости как бы подалась назад. Видимо, с этим связывается резкая прогнатность альвеолярного отростка. Судя по альвеолам верхней челюсти, зубы были прогнатны. Это свидетельствует о том, что рот был прохейличен. Относительно узкая альвеолярная часть указывает на сравнительно небольшую величину рта по отношению к ширине лица.

Общее впечатление от головы таково, что она принадлежала очень сильному человеку. Это вполне подходит под общую характеристику кроманьонского типа. Никаких элементов специфического сходства

[1] «Верхнечелюстная вырезка» — термин, применяемый нами при обозначении вырезки, образуемой нижним краем скулового отростка верхнечелюстной кости.

с черепами из грота Гримальди или Комб-Капелль нами не отмечено. Некоторое несоответствие удлиненного и уплощенного черепа с коротким, широким лицом является типичной, общей кроманьонской чертой (рис. 95).

Череп из Кро-Маньона (женщина)

Череп — плохой сохранности. Утрачены: лобный отросток левой верхнечелюстной кости, значительная (глазничная) часть скуловой кости, обе носовые косточки, правая височная кость, правая ветвь нижней челюсти и все кости основания черепа.

Череп сравнительно небольшой, массивный, удлиненных пропорций. Продольный диаметр — 194 мм. Форма черепа сверху бризоидная, со стороны затылка — уплощенно-крышевидная. Свод черепа низкий. Лоб низкий, крутой. Затылок выступает. Лобные бугры хорошо выражены.

Наибольшая ширина лба . . . . 124 мм.
Наименьшая ширина лба . . . . 98 мм.
Лобный указатель . . . . 79,03.
Глабелла округлая; выступание ее по шкале . . . 3 балла.

Носовая часть лобной кости широкая, короткая. Положение ее среднее (находится на одном уровне с краем орбит).

Высота носового отростка в средней части . . . . 6 мм.
Высота носового отростка сбоку . . . . 18 мм.

Надбровные дуги слабо развиты; степень их протяженности по шкале — 1 балл. Глабелла выступает сильнее, чем надбровные дуги. Теменные кости широкие, длинные. От затылочной кости сохранилась только верхняя часть чешуи. Она широкая, уплощенная по бокам и значительно выступающая в средней части. Височные впадины довольно низкие, удлиненные и глубокие в их нижней и фронтальной частях. Сосцевидные отростки широкие у основания и короткие. Вершина отростков острая, направленная немного вперед и вниз. Микрорельеф выражен не сильно.

Лицо приближается к тетрагональной форме. Отличается менее развернутыми углами нижней челюсти. Оно низкое, неширокое, слабо профилированное, с прогнатной альвеолярной частью. Глазницы небольшие. Нос — средней ширины, высокий. Микрорельеф выражен отчетливо

Общая высота лица . . . . 100 мм.
Высота верхней части лица . . . . 65 мм.

Орбиты замкнутые, удлиненной формы, с закругленными углами. Верхний край тонкий, притупленный, нависающий у латеральных углов.

Высота орбиты . . . . 30 мм[1].
Ширина орбиты . . . . — . . . . 39 мм.
Орбитный указатель . . . . 76,15.
Межорбитное расстояние . . . . 26 мм.

Профилировка орбит слегка наклонная, почти вертикальная. Глазничный бугорок на правой орбите выражен отчетливо, в виде гребня, на левой — крайне маленьким бугорком. Разрез глаз слабо наклонный. Форма носового отверстия, очевидно, грушевидная. Сохранившийся правый край грушевидного отверстия острый. Подносовой шип отломан.

Ширина носа . . . . 24 мм.
Высота носа . . . . 50 мм.
Носовой указатель . . . . 48.

Скуловые кости широкие. Бо́льшая часть их тела лежит во фронтальной плоскости. Нижний край скуловых костей шероховатый, несет на себе площадки — следы прикрепления мышц. Собачьи ямки слабо западающие.

Альвеолярная часть прогнатная. Высота альвеолярной части — 16 мм. На верхней челюсти сохранились лишь M_1 и M_2 правой стороны. Остальные зубы утеряны, вероятно, посмертно. Расстояние между альвеолами P_2 и P_2 — 53 мм.

Верхнечелюстные вырезки слабо выражены. Нижняя челюсть маленькая, грацильная; сохранившаяся левая ветвь отходит под тупым углом. Она узкая, со сглаженным микрорельефом. Подбородочный выступ — треугольной формы, острый в средней части, несколько скошенный к нижнему краю челюсти; степень его выступания по шкале — +2 балла.

Реконструированная по данному черепу голова женщины очень похожа физиономически на голову мужчины из этого же грота (рис. 96). Тот же нависающий лоб, низкий широкий свод, относительно широкое

[1] Измерения велись на правой орбите.

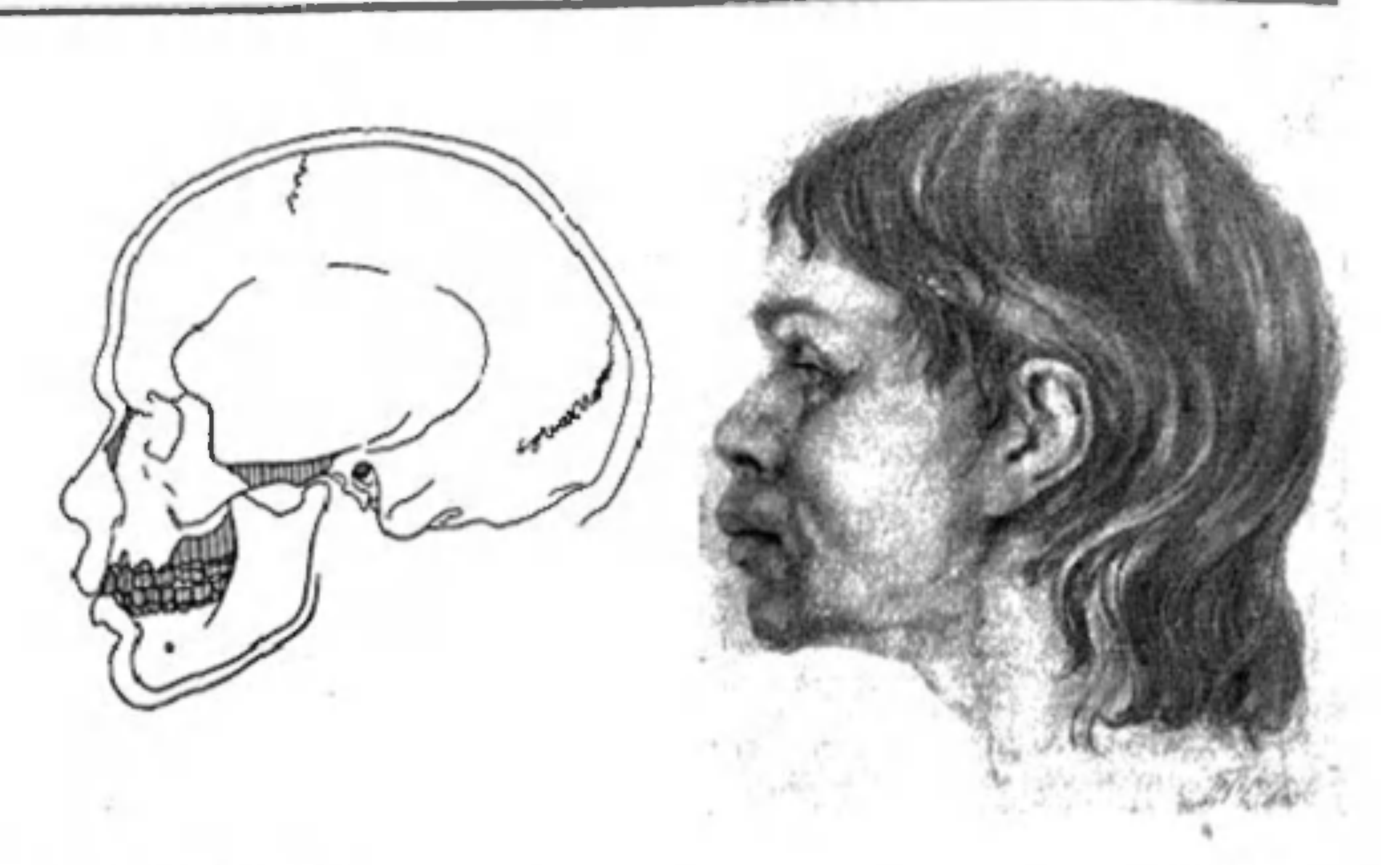

Рис. 96. Графическая реконструкция по черепу женщины из грота Кро-Маньон.

лицо, глубоко сидящие глаза, но нос площе и шире, прохейлия рта большая, подбородок тоньше, острее. Все эти отличия обычны при сравнении мужского и женского лица одноименной расовой категории.

Нависающий лоб, глубоко сидящие глаза, относительно широкий уплощенный нос и значительная прохейлия придают псевдонегроидный вид реконструкции головы женщины из Кро-Маньона. Совершенно очевидно, что в женском лице, как и в большинстве случаев, больше сохранились черты обобщенного антропологического типа неоантропа. Женщина, как правило, более устойчива в антропологическом отношении, она чаще сохраняет свой исходный антропологический тип.

* * *

Скелетные находки людей кроманьонского типа, относящиеся к ориньякской культуре, дают возможность говорить о ряде типичных черт древних европейцев. Яркими представителями этого антропологического типа могут быть предлагаемые реконструкции мужчины и женщины из грота Кро-Маньон.

Эти люди были высокого роста; рост мужчины в среднем достигал 1,87 м. По своим пропорциям они несколько отличались от современных европейцев и скорее имели ряд черт, сближающих их с неграми, что не находится в противоречии с европеоидными в общих чертах черепами, так как и в них все же есть элементы скрытой негроидности. В отличие от своих предшественников и вероятных предков — неандертальцев, кроманьонцы обладали более длинными ногами. Удлинение ног произошло, главным образом за счет увеличения длины голени. Кости ног очень сильны, что свидетельствует о быстроногости этих древних охотников. Мощный торс с непомерно широкой грудью и плечами завершает общее впечатление об этих людях.

Интересно, что 62 % всех скелетов кроманьонцев отличаются любопытной особенностью строения большеберцовой кости: она очень плоска

и широка в своем передне-заднем направлении (Брока). Такая форма голени, вероятно, была обусловлена тем, что кроманьонцы постоянно сидели на корточках во время обработки каменных или костяных орудий; кроме того, это же можно объяснить специальным приспособлением голени, явившимся результатом постоянного специфического напряжения мышц голени во время бега. Вероятно, этим же следует объяснить, что устойчивость ноги кроманьонца обеспечивалась не шириной и длиной следа, а сильным развитием пятки. Удлинение голени и усиление пятки способствовали усилению икроножных мышц. Бедро, несмотря на относительную короткость, было сильное, выпрямленное. Высокий, широкий и вместе с тем уплощенный спереди назад таз обусловливал усиление бедренных мышц. Плечевая кость мощная, с сильными гребнями, но относительно короткая по отношению к предплечью. Это-то и создает впечатление некоторой короткорукости кроманьонцев, что еще больше подчеркивается общей мощностью торса, плеч и длиной ног.

Трудно себе представить внешность человека, более приспособленного для охоты в специфических условиях верхнего палеолита. Охота того времени обязательно должна была сопровождаться длительным перемещением (бегом) с большой затратой мускульной силы.

Это были сильные, красивые люди, обладавшие исключительным даром подлинных художников. Время сохранило нам многие образцы их примитивного, но реалистического искусства.

§ 27. ЧЕЛОВЕК СОЛЮТРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Солютрейская культура — это следующий этап развития палеолитических культур. В Западной Европе есть немало памятников, где генетическая связь этих культур так определенна, что нередко многие исследователи расходятся в оценке памятников: одни считают их еще ориньякскими с элементами новой техники — солютрейской, другие, наоборот,— солютрейскими с пережитками традиций ориньяка.

На первых этапах солютрейскую культуру трудно отличить от предшествующей, но при внимательном рассмотрении каменного инвентаря в нем можно видеть появление новых типов орудий. Эти орудия отличаются существенно не только по форме, функции, но и по технике изготовления. Для ориньякского времени характерна совершенно особая, крутая ретушь, называемая контрударной. Она чаще имеет значение не столько приостряющей, сколько притупляющей, и ею обычно оформлялись обушки орудий. Но иногда эта крутая ретушь оформляла и лезвия ножей, скребков и других орудий. Наряду с традиционной, «сколотой» техникой эпохи ориньяка уже в начале солютре возникает новый прием обработки кремня посредством отжима. Этот новый прием обработки поверхности и лезвия орудия дает человеку первые исключительные возможности,— он создает новые типы весьма специализированных тонких орудий. Наконечники дротиков, острия, кинжалы, ножи солютрейской эпохи поражают нас своей красотой, законченностью форм.

Это время характеризуется тем, что человек селится по преимуществу на открытых пространствах, в долинах, на берегах рек, сооружая сложные жилища шалашеобразного типа, землянки и крупные наземные жилища для больших коллективов с множеством кострищ посередине, вытянутых в одну линию,—до 10 и 12 и более кострищ в одном жилище. Примером такого типичного жилища на нашей территории может быть костенковский дом на Дону (П. П. Ефименко).

Основными охотничьими животными были мамонт, северный олень, лошадь, бык.

Находки захоронении солютрейского времени крайне редки, и представление наше об антропологическом типе населения этого времени далеко не исчерпывающее. Предположительно принято думать, что в Европе в это время жили многочисленные потомки кроманьонцев.

Рис. 97. Сравнительная схема черепа III из Пшедмоста (заштрихован) с черепами из Ля-Шапелль (пунктир 2) и из Оберкасселя (пунктир 1)

В 1871 г. в Чехословакии близ Брюкса был найден череп.

В 1891 г. около Брюнна в Моравии были найдены остатки скелета вместе с костями мамонта.

В 1894 г. в Пшедмосте, в Моравии, при раскопках стоянки солютрейского времени Машка обнаружил большое количество скелетов. Все они были найдены в коллективной могиле; в ней одновременно было захоронено 14 человек и множество отдельных костей, вероятно, принадлежавших еще 6 человекам.

Всего в Пшедмосте было найдено 20 скелетов. Эта могила была перекрыта камнями и находилась в глубине лесса. Непосредственно под дном могилы и над нею были обнаружены мощные культурные слои солютрейского времени, сложенные из громадного количества костей мамонта. Грубый подсчет костей указывает, что на этом месте было уничтожено первобытным охотником не менее 800 животных.

Пшедмостская стоянка в своем инвентаре сохраняет еще традиции ориньякской техники и ряд ориньякских орудий, однако наряду с ними найдены прекрасные лавролистные наконечники дротиков и копий и ряд интереснейших предметов искусства, в частности, очень характерные изображения человека — сидящие идолы из фаланг мамонта. Стратиграфия могилы и содержание культурных слоев дают право относить скелеты, найденные в ней, к солютрейской культуре (Абсолон считает, что их следует относить к более раннему времени, т. е. к ориньяку; с нашей точки зрения, оснований для такого определения возраста этих костных остатков — нет).

Рис. 98. Схема восстановления мягкого покрова и жевательных мышц на черепе III из Пшедмоста.

Изучение этих скелетов, а равно и черепов, из Брюкса и Брюнна позволяет выделить их в особый вариант основной кроманьонской расы

Рис. 99. Реконструкция по черепу III из Пшедмоста.

верхнего палеолита под названием брюннской или пшедмостской расы. Черепа из Пшедмоста, в отличие от типичных кроманьонских, более грацильны; свод их более низкий, с покатым лбом, с сильным надбровьем (надбровье значительно превышает по степени развития надбровье у типичных кроманьонцев). Глазницы почти столь же низкие, но скуловые кости тоньше, резче профилированы, нос выступает не сильно, едва намечается прогнатность. Нижняя челюсть немассивная, как бы с уплощенным телом и со слабо выступающим подбородком. Эти люди были почти так же высоки, как древние кроманьонцы, но конституционально они были тоньше, астеничнее. В черепах из Пшедмоста наряду с характерными признаками современного человека сохранились примитивные черты, в частности, у некоторых индивидов надбровье довольно близко как по степени развития, так и по форме к неандертальскому, оно только несколько более плоское. Один из черепов из Пшедмоста (IV, по Моранту) имеет как будто бы элементы негроидности. Клаач видел сходство черепов из Пшедмоста с черепом из Комб-Капелль.

Один из типичных черепов из серии Пшедмоста послужил нам основой для восстановления внешнего вида человека. Реконструкция была произведена по муляжу, хранящемуся в МАЭ. Этот прекрасный муляж был преподнесен музею Абсолоном.

Говоря о характерных чертах кроманьонца из Пшедмоста, обычно пользуются этим черепом как своего рода эталоном (Пшедмост III). Этот череп в большей степени, чем другие, обладает примитивными чертами: узкий лоб его покат, надбровье очень сильно, подбородок слабо выступает; но в остальных чертах это уже вполне сформировавшийся тип неоантропа в его так называемом брюнн-пшедмостском варианте европеоидной расы.

Восстановление мягких тканей было произведено в соответствии со средними стандартами современного человека, и только над глабеллой и над надбровьем мягкая ткань была увеличена на 2 мм в соответствии со степенью развития рельефа. Восстановленное лицо указывает на ряд, несомненно, переходных черт от примитивного неандертальца к типу современного человека (рис. 98). Особенно отчетливо это подчеркивается низким, убегающим лбом и сильно усеченным, почти отрицательным подбородком. Физиономически предлагаемая реконструкция очень сильно отличается от мужской головы из Кро-Маньона и в некоторой степени приближается к голове из Комб-Капелль; точно так же, как и у человека из Комб-Капелль, лицо человека из Пшедмоста значительно тоньше и одновременно с этим примитивнее, чем голова из грота Кро-Маньон. Реконструкция экспонирована в МАЭ в Ленинграде (рис. 99).

§ 28. ЛЮДИ МАДЛЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мадленская культура, сменившая солютре, приурочивается к самому концу ледникового периода. Это время характеризуется холодным, — вначале влажным,— климатом, своим режимом напоминавшим современную северную тундру. Фауна — мамонт, северный олень, мускусный бык, заяц, куропатка.

К средней поре мадленской культуры отмечено резкое изменение климата — стало холодно и сухо, степь стала наступать на север. Ландшафт тундренных болот сменяется степью. Мамонт вымирает, северный олень откочевывает в горы и на север. Характерная фауна для Средней Европы — по преимуществу лошадь, джегитай, сайга, тушканчик.

Человек, где это только возможно, вновь стремится заселить гроты и пещеры.

Небывалого расцвета в эту эпоху достигает полихромная (трехцветная) живопись пещерного человека эпохи мадлена. Альтамирская пещера, пещера Фон-де-Гом и многие другие сохранили до нас шедевры реалистической живописи древнего художника.

Своеобразного расцвета достигла и кремневая техника. Нередко можно встретить мнение о том, что в мадленское время кремневый инвентарь якобы деградирует. Это неверно. Кремневый инвентарь мадленской поры приобретает новое назначение: это преимущественно только инструменты для изготовления различных орудий быта и охоты; охотничий инвентарь в большинстве своем — из кости.

Эта эпоха характеризуется возникновением сложного, дифференцированного каменного инвентаря. С нею связано первое появление узких тонких призматических пластинок. Эти простые тонкие пластинки с заостренным и притупленным краями являются вкладышами в лезвие ножей, дротиков, копий, наконечников и других орудий из кости и дерева.

Довольно многочисленны и специализированы орудия охоты из камня — наконечники дротиков и ножи. В равной мере многочисленны орудия домашнего обихода — скребки, скребла, сверла, проколки, резцы и т. д.

Наряду с этим небывалого расцвета достигает обработка кости. Появляются тонкие острия, наконечники дротиков, остроги, гарпуны, шилья, тонкие иглы и бесконечный ряд каких-то костяных изделий неизвестного назначения. Расцвет техники дифференцированного инвентаря как по материалу, так и по технике изготовления, связанный с развитием охоты и появлением рыболовства, свидетельствует о многообразии трудовых процессов членов общества.

Чрезвычайная спецификация инвентаря говорит о том, что появились отдельные мастера — специалисты по сложным охотничьим орудиям (изготовление гарпуна, например, требует большой сноровки и особого знания материала). Изготовление длинных, копьеобразных наконечников дротиков из рога оленя или из бивня мамонта предполагает наличие у мастера большого практического навыка. Ведь кость надо уметь предварительно подготовить, распарить, расчленить и, наконец, вырезать наиболее рациональную форму орудия. Это выделение мастеров резьбы по кости ставит их, очевидно, в особое положение по отношению к основной массе коллектива. Условия охоты еще ранее, в эпоху ориньяка, потребовали особой организации коллектива. Уже тогда выделяются наиболее сильные, ловкие, умелые люди. Они являются организаторами коллектива.

Все больше усложняются отношения коллектива, возникают все новые и новые нормы этих отношений. Мадленская эпоха — это рубеж перехода от ранней поры родового общества к развитой его структуре, со сложными взаимоотношениями, вероятно, уже возникших фратрий, обеспечивавших и упорядочивавших взаимоотношения родового общества. К этому времени основные стволы нынешних рас сформировались, о чем свидетельствуют пока еще очень немногочисленные находки костей человека.

В Европе, в основной своей массе, жили прямые потомки древнего кроманьонского типа европейцев, между тем как в Африке в это время уже сформировались типичные негроиды, а в Азии жили люди, несомненно, обладавшие монголоидными чертами.

В 1914 г. в Германии, близ Бонна, были обнаружены два скелета, мужской и женский, относящиеся ко времени конца верхнего палеолита (мадленская эпоха)— «люди из Оберкасселя». По своим расовым признакам это типичные представители кроманьонского типа.

Оба скелета были найдены на расстоянии одного метра друг от друга (Ферворн). Их могилы были выкопаны в суглинке. Оба скелета были обильно окрашены в красный цвет. Сверху погребения были перекрыты большими базальтовыми плитами. В обеих могилах близ скелетов были обнаружены кости животных. В головах у каждого из погребенных было найдено по костяной поделке. Одна из них представляла собой тонко отполированное лощило — лопаточку с рукояткой, головка которой имела вид головы хищника,— может быть, куницы. Во втором захоронении лежали плоские, вырезанные из кости, головки лошади. Каменных орудий найдено не было. Один из скелетов — женский, примерно 20 лет, второй — мужской, в возрасте около 40 лет.

Изготовленные нами графические реконструкции дают отчетливое представление об антропологическом типе этих людей. Изучение их скелетов показало, что, несмотря на то, что это несомненные потомки высокорослых кроманьонцев, оба человека из Оберкасселя — и мужчина и женщина — были невысоки, хотя и отличались большой физической силой.

Особенно силен был мужчина, обладавший мощной грудной клеткой и широкими плечами. Его рост едва ли был выше 1,60 м; женщина была еще ниже — 1,55 м.

В 1938 г. мужской череп из Оберкасселя был использован мной для изготовления реконструкции. Для того чтобы сохранить для обозрения все лицо, я счел возможным воспроизвести по данному черепу голову молодого человека — в возрасте 18—19 лет. Это дало нам право не делать бороды и усов. Совершенно очевидно, что вследствие этого данная реконструкция имеет ряд отклонений от подлинного портрета, но антропологический тип она передает с достаточной достоверностью. В 1951 г. нами вновь была предпринята попытка реконструировать лицо мужчины из Оберкасселя, но уже в графической схеме.

Муляж мужского черепа из Оберкасселя

Южная Германия. Мадленская культура. Реконструированы: правая скуловая кость, скуловой отросток правой верхнечелюстной кости, вся альвеолярная часть верхней челюсти с зубами.

Череп очень большой, массивный, удлиненных пропорций. Микрорельеф хорошо выражен.

Наибольший продольный диаметр . . 198 мм.
Расстояние от глабеллы до иниона . . 192 мм.
Поперечный диаметр . . . . 142 мм.
Черепной указатель I . . . . . . 71,71.
Черепной указатель II . . . . 74,48 (долихоцефал).

Форма черепа сверху бризоидная, со стороны затылка—сводчатая. Свод черепа высокий, лоб — средней высоты, покатый. Затылок преломлен слабо, округлый.

Наибольшая ширина лба . . . . . 114 мм.
Наименьшая ширина лба . . . . . 100 мм.
Лобный указатель . . . . 87,8.

Глабелла преломленная, нависающая; выступание ее по шкале — 5 баллов. Носовая часть лобной кости направлена внутрь по отношению к верхнему краю орбиты. Она широкая, короткая.

Высота носовой части по средней линии 7 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 13 мм.

Надбровные дуги широкие. Они выступают сильнее, чем глабелла. Степень протяженности надбровных дуг . . . . . . 3 балла.

Затылочная кость широкая. Степень развития иниона по шкале . . . 2 балла.

Височные впадины высокие, удлиненные, глубокие во фронтальной части.

Сосцевидные отростки большие, с мало выступающими книзу вершинами. Основание их плоское, широкое, с бугристой поверхностью. Вершины отростков направлены внутрь и вперед. Степень развития сосцевидных отростков . . . . 4 балла.

Форма лица более всего приближается к пентагональной. Отличается чрезвычайно широкими и массивными скулами, суженным лбом и сильно развернутыми углами тяжелой нижней челюсти.

Лицо большое, очень широкое и невысокое, слабо профилированное. Альвеолярная часть лица и зубы ортогнатные. Подбородок широкий, значительно выступающий. Глазницы относительно небольшие, нос узкий, высокий, сильно выступающий.

Общая высота лица . . . . 112 мм.
Высота верхней части лица . . . . . . 72,5 мм.
Скуловая ширина . . . . 156 мм.
Лицевой указатель I . . . . 71,85.
Лицевой указатель II . . . . 46,47.

Орбиты замкнутые, прямоугольной формы со слабо закругленными углами. Края орбит толстые. Верхний край сильно нависает, особенно у наружного угла. Глазничные бугорки выражены хорошо, в виде гребешка. Разрез глаз горизонтальный. Фронтальная постановка орбит горизонтальная. Профилировка их наклонная.

Ширина орбиты . . . . 43 мм.
Высота орбиты . . . . 30,5 мм.
Орбитный указатель . . . . 70,93.
Межорбитное расстояние . . . . 22 мм.

Корень носа сильно западает.
Сечение спинки носа сводчатой формы.
Профиль спинки носа вогнутый.

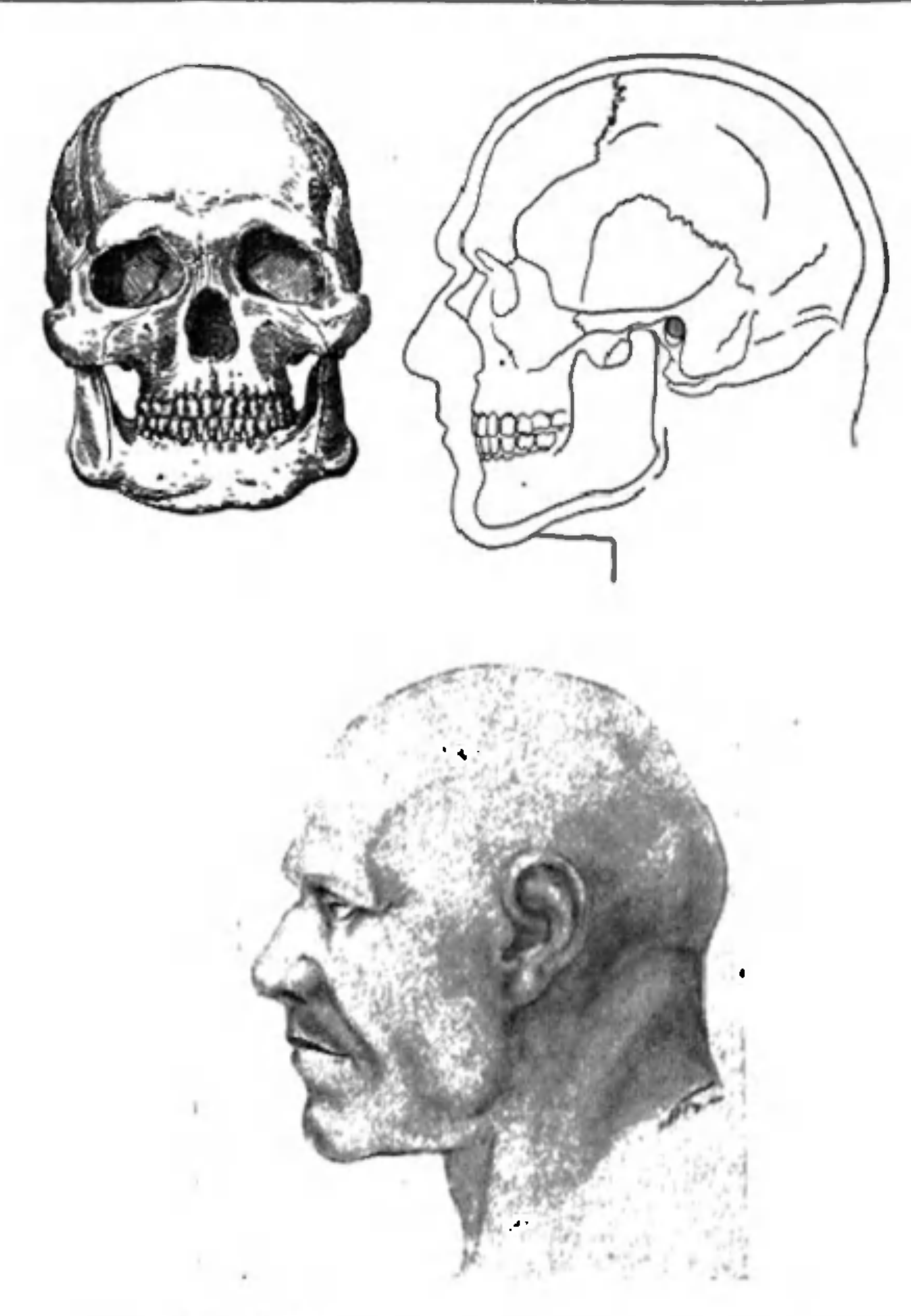

Рис. 100. Графическая реконструкция по черепу мужчины из Оберкасселя.

Ширина носовых косточек у корня . . . . . . 11 мм.
Ширина носовых косточек в средней части . . . 12,5 мм.
Носовое отверстие — грушевидной формы. Края его острые. Подносовой край притуплен.
Ширина грушевидного отверстия . . . . 23 мм.
Высота носа . . . . 52 мм.
Носовой указатель . . . . 44.
Скуловые кости чрезвычайно массивные, простых очертаний, высокие и широкие. Собачьи ямки выражены слабо. Верхнечелюстные вырезки[1] пологие. Альвеолярная часть высокая, ортогнатная (реставрирована).

[1] Вырезка на верхнечелюстной кости, расположенная по ходу альвеолярно-скулового гребня.

Рис. 101. Реконструкция по черепу мужчины из Оберкасселя.

Нижняя челюсть очень массивная, широкая. Тело ее высокое. Углы резко выступают. Их нижний край вывернут наружу. Ветви отходят под прямым углом, широкие. Рельеф их бугристый. Степень выступания подбородка по шкале —3 балла.

Высокий свод черепа сильно удлинен (указатель —74). Предельно широкое лицо, с низкими прямоугольными глазницами, имеет сильно развитое, резко выступающее надбровье, узкое, небольшое носовое отверстие, очень мощные скуловые кости и массивную, сильную нижнюю челюсть с резко выступающим подбородком. Общее впечатление от лицевого скелета таково. что он чрезвычайно массивен. Череп имеет очень резкий микрорельеф. Совершенно очевидно, что обладатель этого черепа был весьма силен, и, несомненно, красив примитивной мужской красотой. При попытке реконструировать головы из Оберкасселя в графической схеме мы отказались от «омоложения» ее, и схема дает представление о внешнем облике человека в возрасте 40 лет (рис. 101). Совершенно очевидно. что мужчина из Оберкасселя как типичный европеоид обладал бородой и усами. Вероятнее всего, растительность на лице была обильной,

пышной. Борода волнистая, волосы на голове либо прямые, либо слегка волнистые.

Предлагаемая схема лишена волосяного покрова. Это изображение дает возможность с достаточной отчетливостью представить себе голову человека из Оберкасселя. Очень интересно, что несмотря на то, что при изготовлении этой графической схемы мы заведомо абстрагировались от ранее сделанной реконструкции, как в том, так и в другом случае получились портреты, несомненно, одного и того же человека, но разного возраста. Скульптурная реконструкция дает представление о человеке 18—20 лет, графическая — передает то же лицо, но в возрасте уже около 40 лет. Этот пример дает право говорить о целесообразности изготовления графических реконструкций (рис. 100).

Рис. 102. Графическая реконструкция по черепу женщины из Оберкасселя.

Муляж женского черепа из Оберкасселя

Отсутствуют: чешуя височной кости правой и левой сторон, скуловая дуга правой стороны, носовые кости.

Череп большой, массивный, с хорошо выраженным микрорельефом. Форма черепа бризоидная, со стороны затылка — крышовидная.

Наибольший диаметр . . . . 184 мм.
Расстояние от глабеллы до иниона . . 172 мм.
Поперечный диаметр . . . . 132 мм.
Черепной указатель I . . . . 71,73.
Черепной указатель II . . . . 76,74.

Свод высокий, с относительно высоким, крутым лбом. Кости плавно переходят друг в друга, затылок не выступает и имеет округлую форму. Лобная кость — удлиненных пропорций, относительно большая. Имеется метопический шов. Лобные бугры выражены слабо и широко расставлены.

Наибольшая ширина лба . . . . 112 мм.
Наименьшая ширина лба . . . . 96 мм.
Лобный указатель . . . . 84,21.

Глабелла округлая. Степень ее выступания по шкале — 3 балла.

Носовая часть широкая, короткая по сагиттальной линии и довольно длинная по бокам. Направлена внутрь по отношению к краю глазниц.

Высота носовой части по сагиттали . . 4 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . . . 20 мм.

Надбровные дуги хорошо выражены; их протяженность по шкале — 2 балла. Теменные кости большие, широкие, с очень слабо выраженными буграми. Затылочная кость широкая, почти без преломления.

Инион очень слабо выражен; степень его развития по шкале — 1 балл. Височные ямы относительно небольшие, высокие. Сосцевидные отростки маленькие, слабо выступающие; вершина их заострена, направлена вперед и слегка вниз и внутрь. Рельеф отчетливый.

Лицо — пентагональной формы, довольно высокое, широкое, с большой, массивной и широкой нижней челюстью, мало профилированное, с крупным, широким и не сильно выступающим носом, слегка прогнатной альвеолярной частью и выступающим подбородком.

Глаза — средней величины.

Общая высота лица . . . . . . 116 мм.
Высота верхней части лица . . . 68 мм.
Скуловая ширина . . . . 131 мм.
Лицевой указатель I . . . . 88,54.
Лицевой указатель II . . . . . 51,90.

Орбиты замкнутые, четырехугольной формы, с закругленными углами, с относительно тонкими и притупленными краями. Глазницы замкнутые; верхний край сильно нависает, особенно у наружных углов, нижний край приподнят.

Глазные буторки слабо выражены.

Ширина орбиты . . . . 39 мм.
Высота орбиты . . . . 31,5 мм.
Орбитный указатель . . . . 80,76.
Межорбитное расстояние . . . . 22 мм.

Носовое отверстие широкое, сердцевидной формы. Притупленные края отверстия переходят в притупленный же подносовой край. Подносовой шип слабо выражен, несколько приподнят; степень выступания по шкале — 2 балла.

Высота грушевидного отверстия . 28 мм.
Ширина вверху . . . . 18 мм.
Ширина посередине . . . . 27 мм.
Ширина у основания . . . . . . 20 мм.
Высота положения crista conchalis 12 мм.
Высота носа . . . . 48,5 мм.
Ширина носа . . . . 27 мм.
Носовой указатель . . . . . . 55,67.

Микрорельеф скуловых костей сглаженный, слабо выраженный. По нижнему краю расположены площадки прикрепления мышц. Верхнечелюстные вырезки неглубокие. Альвеолярная часть высокая, слегка прогнатная. Зубы верхней челюсти слегка прогнатные.

Нижняя челюсть массивная, высокая, с широко расставленными ветвями. Подбородок выступает, но подбородочный бугор относительно слабо развит; степень выступания его по шкале — 2 балла.

Приведенное описание черепа женщины из Оберкасселя не дает типичных кроманьонских черт. Череп тоньше, уже, лицо не так массивно, не так сильно. Воспроизведенная по данному черепу графическая реконструкция лица женщины обнаруживает некоторое физиономическое сходство с женщиной из Кро-Маньона. Тот же нависший лоб, глубоко сидящие глаза, короткий, не выступающий широкий нос, но прохейлия рта меньше, выступание подбородка слабое (рис. 102).

У мужчины из Оберкасселя все широтные размеры лица приобрели какую-то гипертрофированную форму, значительно отличающуюся от исходного кроманьонского типа, между тем как в лице женщины сохранились основные черты ее древнего предка.

Люди из Оберкасселя были невысоки, но очень сильны, по-своему красивы и, конечно, никак не могут быть названы ни дикими, ни примитивными.

Осборн склонен объяснять относительно невысокий рост поздних кроманьонцев, в частности людей из Оберкасселя, как некоторую физическую деградацию, явившуюся следствием чрезвычайно тяжелых условий жизни людей мадленского времени. Нам кажется, что такое заключение несколько преждевременно, так как не подтверждается массовым материалом. Антропологический материал, связанный с этой

пором, крайне скуден, и очень вероятно, что относительно небольшой рост людей из Оберкасселя является всего-навсего индивидуальным отклонением от нормы. Косвенным доказательством этого положения могут служить, как нам кажется, скелеты поздних кроманьонцев из грота Мурзак-Коба и Фатьма-Коба в Крыму. Люди, обитавшие в этих гротах, жили в одно и то же время и в общем относятся к одному и тому же антропологическому типу поздних кроманьонцев. А между тем рост их сильно колеблется:

Мужчина из Оберкасселя	1,60 м
Женщина из Оберкасселя	1,55 м
Мужчина из Мурзак-Коба	1,82 м
Женщина из Мурзак-Коба	1,61 м
Мужчина из Фатьма-Коба	1,68 м

Приведенный цифровой материал указывает на то, что рост мужчины из Оберкасселя и мужчины из Фатьма-Коба неодинаков. В то время как мужчина из Мурзак-Коба значительно выше и того и другого, длина скелетов женщин варьирует меньше.

§ 29. ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Мы уже имели возможность говорить о громадных сдвигах, совершенных советской наукой в области изучения древнейшей истории человека и решения ряда вопросов расогенеза и этногенеза.

Небывалого размаха достигла поисковая, разведочная и раскопочная археологическая работа. Никогда в России не было найдено и раскопано столько археологических памятников. Каждый год дает все новые и новые памятники как нижнего, так и верхнего палеолита.

Видимо, все берега Черного и Азовского морей были заселены еще в нижнем палеолите. Многочисленны памятники верхнего палеолита. Площадь распространения их чрезвычайно велика. Не менее 400 памятников верхнего палеолита открыто и исследовано советскими учеными на протяжении последних 25 лет. И, несмотря на это, находки остатков человеческих скелетов крайне ограничены. Нам известно несколько обломков черепных сводов, да и то с недостаточно четкой стратиграфией. Подкумский свод, свод из Сходни, отдельные обломки со стоянок Днепра, зубы — вот по существу и весь материал до последнего времени. Ряду этих находок может быть придано несколько большее значение, чем они заслуживают. Черепные своды «Подкумок» и «Сходня» широко известны в литературе; между тем их ранний палеолитический возраст, с нашей точки зрения, не вполне доказан, а морфологически они выглядят не примитивнее некоторых неолитических и даже более поздних черепов.

На обширной территории Восточной Европы, в южной и средней полосе ее, мы находим многочисленные памятники верхнего палеолита. Каждый год работы советских археологов обогащает нас все новыми и новыми открытиями. К сожалению, эти многочисленные памятники далеко не полностью раскопаны. Этим, видимо, в первую очередь и следует объяснить, что на столь обширной территории найдено так мало костей человека. Расширение раскопок Костенковских стоянок в течение трех лет (1952—1954) ознаменовалось находкой четырех интереснейших захоронений: 1) погребения ребенка в сидячем положении,— близ Костенок XV (раскопки А. Н. Рогачева); 2) юношеского погребения на левом боку, в скорченном положении, прикрытого костями мамонта,— на мысу Покровского лога (раскопки Н. А. Рогачева); 3) погребения мужчины в сидячем положении в специальной камере из костей мамонта на стоянке Костенки II

Рис. 103. Реконструкция по черепу Костенки II. Поздний тип восточного кроманьонца.

(раскопки П. И. Борисковского); 4) погребение на Маркиной горе (раскопки А. Н. Рогачева). Материал этих новых погребений в настоящий момент изучается антропологами и археологами[1].

В Сибири ориньякская культура представлена одной находкой: на стоянке Мальта было найдено погребение ребенка. Погребение имело плохую сохранность и представляет только чисто археологический интерес. Это — настоящее раннее захоронение с массой вещей, украшений и кроваником. Оно было перекрыто конструкцией из плит. Обряд захороне-

[1] См. СЭ, 1955, № 1, стр. 28—53.

ния очень близок погребениям ориньякского времени грота Ориньяк и Гримальди[1].

К мадленской культуре относятся обнаруженные в культурном слое Афонтовой горы кости локтевого сочленения, принадлежащие человеку современного вида (Громов, Грязнов, Дебец). На этом же памятнике в 1937 г., во время экскурсии членов XVII Международного геологического конгресса, французский антрополог Жорж Фромаже обнаружил в слое небольшой фрагмент фронтальной части лобной кости человека с частью сохранившихся костей корня носа. Здесь же, в поле, Фромаже отметил крайнюю уплощенность переносья у найденного фрагмента, указав на очевидность монголоидного антропологического типа. Детальное изучение фрагмента было произведено Г. Ф. Дебецом. Он подтвердил мнение Фромаже, определив расовую принадлежность этого фрагмента к монголоидному типу. Важность такой находки трудно переоценить. Это — пока единственное доказательство существования монголоидов в центральной Сибири в эпоху верхнего палеолита[2].

Отсутствие захоронении на территории Восточной Европы и Сибири, нам кажется, следует объяснить тем, что человек поступал так же, как и его современники в Западной Европе, т. е. погребал своих умерших в убежищах, гротах, пещерах, как в местах трудно доступных. Именно вследствие этого почти все находки погребений произведены случайно, в процессе работ, связанных с большой выемкой грунта. Громадные пространства нашей великой Родины еще не прорезаны таким множеством дорог, как во Франции, Бельгии и Германии. Поэтому возможность случайных открытий еще впереди.

В наше время грандиозных новостроек, при сооружении каналов, плотин, гидростанций и других работах производятся колоссальные выемки земли. Задача советских археологов, палеоантропологов, палеонтологов — проводить разъяснительную работу на местах, объяснять рабочим и инженерам значение для науки этих случайных находок — костей животных, человека и следов его культуры. В течение последнего времени многочисленные памятники различных культур стали известны именно в результате строительных и поисковых работ.

§ 30. ЛЮДИ КОНЦА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (АЗИЛЬ-ТАРДЕНУАЗ)

Следующий культурный этап развития человечества характеризуется переходом от палеолита к неолиту (эпипалеолит). Эпипалеолитическая эпоха связана с переходным временем от позднечетвертичного периода к современному климатическому режиму. К концу палеолита вымирают шерстистый носорог и мамонт. Северная холодолюбивая фауна сменяется современной. Эпипалеолит характеризуется так называемой азиль-тардснуазской культурой. Это время широкого применения всевозможных метательных орудий. Видимо, к тому же времени следует относить первое изобретение лука и стрел, сложного гарпуна и остроги. Каменные орудия утрачивают первое место, уступая его комбинированным инструментам, состоящим из кости, дерева, камня. Тонкие вкладыши этих сложных инструментов являются почти единственными находками культурного слоя того времени, что и создает впечатление какой-то скудости, бедности материальной культуры. Между тем это совершенно не так. В хозяйственном укладе того времени главное место занимали рыболовство и охота на мелкого зверя и птицу.

[1] См. М. М. Герасимов. Мальта. Иркутск, 1931.
[2] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1948.

«Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ»[1].

К этому времени относится переход от ранних форм родового строя общества к развитому его этапу.

В нашем распоряжении имеются пять черепов этого времени: два из них происходят из Африки — Эльментейта и Накуру, остальные три — из гротов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба в Крыму.

Черепа из Африки привлекаются нами как сравнительный материал и представляют для нас интерес тем, что оба обладают рядом негроидных черт, во совершенно не сходны между собой. Несмотря на то, что вся серия черепов из Эльментейта негроидна, она не однородна: череп *I* ♀ в значительно большей степени приближается к бушменским, между тем как остальные черепа отличны от бушменских. Череп из Накуру еще ближе к негроидным, хотя и имеет некоторые отличия от черепов современных негров. Это свидетельствует о том, что процесс расообразования достиг уже почти той же формы, которая наблюдается в современности.

По этим черепам нами были сделаны графические реконструкции. Они дают полное представление об антропологическом типе древних негроидов, а степень их различий свидетельствует о значительной дифференциации антропологического типа негроидов к концу верхнего палеолита.

1. Черепа из Африки

Череп из Накуру (IX)

Череп большой, удлиненных пропорций, массивный, с сильным рельефом.

Наибольший диаметр	187 мм.
Расстояние от глабеллы до иниона	174 мм.
Поперечный диаметр	125 мм.
Черепной указатель I	66,84.
Черепной указатель II	71,83.

Форма черепа сверху ближе всего к аллипсоидной. Со стороны затылка она крышевидна. Свод черепа довольно высокий, с некрутым лбом. Затылок слабо выступающий.

Наибольшая ширина лба	114 мм.
Наименьшая ширина лба	94 мм.
Лобный указатель	82,54.

Глабелла слабо выражена, уплощена. Выступание ее по шкале — 1 балл. Носовой отросток лобной кости очень широкий, укороченный в середине и удлиненный по бокам.

Высота носового отростка посередине	5,5 мм.
Высота носового отростка сбоку	18 мм.

Надбровные дуги слабо развиты, выступают чуть больше, чем глабелла. Степень их протяженности по шкале равна 1 баллу. Теменные кости уплощенные, со слабо развитыми буграми. Затылочная кость—удлиненных пропорций, вал перегиба хорошо выражен. Степень выступания иниона по шкале — 1 балл. Височные ямы высокие, длинные, глубокие во фронтальной части. Сосцевидный отросток большой, длинный, широкий, с закругленной вершиной, выступает в средней части, направлен вперед и вниз. Рельеф его сильный, особенно на вершине.

Лицо — пентагональной формы, высокое, широкое, особенно в скуловой части, средне профилированное и прогнатное в альвеолярной области. Надбровно-глабеллярная часть грацильная, тогда как все лицо очень массивное с сильным микрорельефом. Глазницы большие. Нос невысокий, довольно широкий, уплощенный, не сильно выступающий.

Общая высота лица	133 мм
Высота верхней части лица	75,5 мм.
Скуловая ширина	138 мм.
Лицевой указатель I	96,37.
Лицевой указатель II	56,15.

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 594.

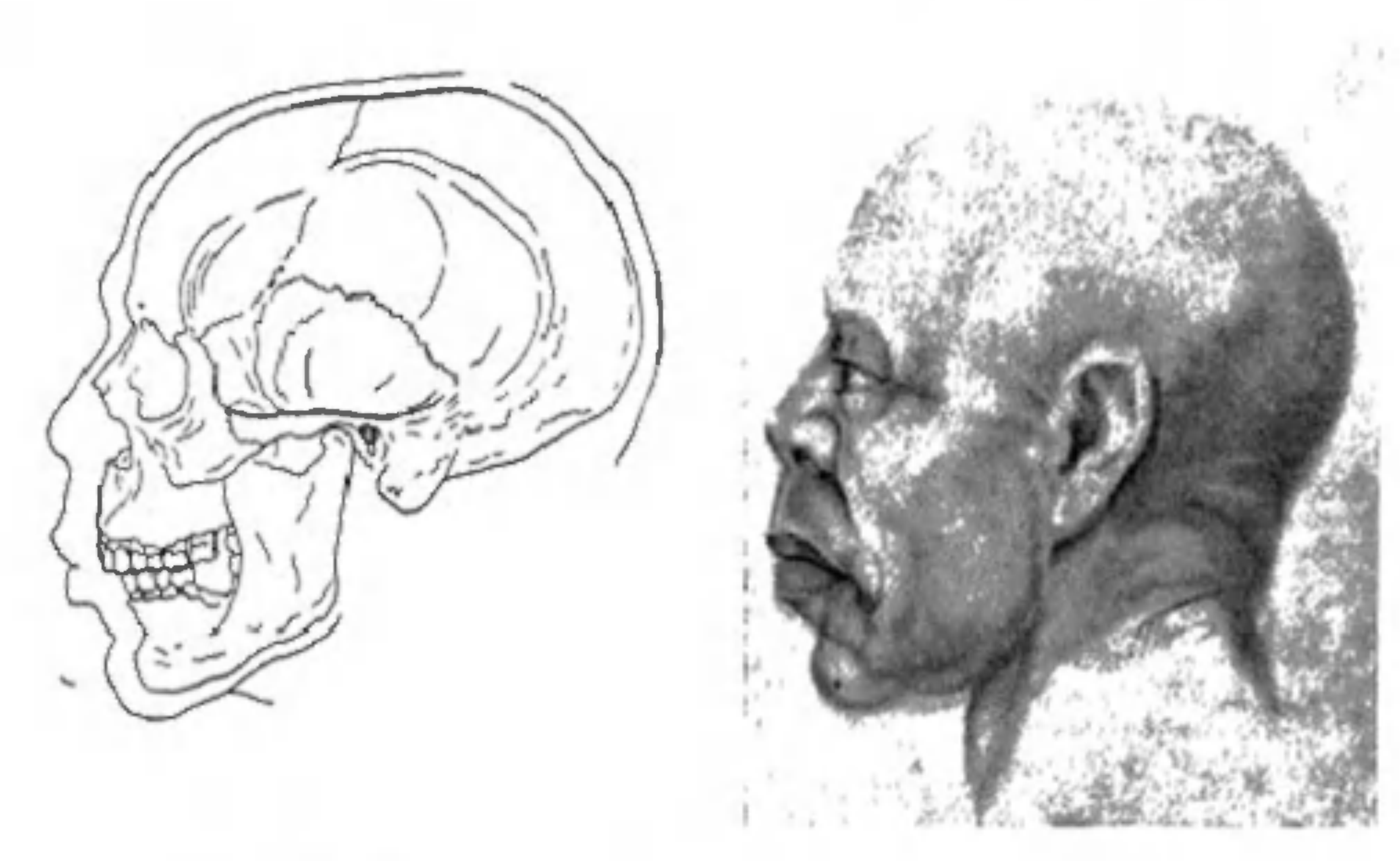

Рис. 104. Реконструкция по черепу мужчины из Накуру

Глазницы — почти квадратной формы, с сильно закругленными углами, замкнутые. Верхний край орбиты тонкий, притупленный, нависающий, особенно у наружных ее углов. Нижний орбитный край толще и более притупленный. Нижнеорбитный гребень выражен хорошо, подчеркивается довольно глубокими собачьими ямками. Раструб слезной ямки выдвинут близко к краю орбиты. Глазничные бугорки отчетливо выражены. Разрез глаз горизонтальный; фронтальная постановка орбит горизонтальная, профилировка — вертикальная.

Высота орбиты . . . . 35,5 мм.
Ширина орбиты . . . . 41 мм.
Межорбитное расстояние . . . . 25 мм.
Орбитный указатель . . . . 86,58.

Носовые косточки — прямоугольной формы, почти одинаковой ширины на всем своем протяжении; только внизу они слегка расширяются. Корень носа не западает. Линия контура носа плавная. Сечение носовых костей в середине — уплощенно-сводчатой формы.

Ширина носовых костей . . . . 14,5 мм.
Наименьшая ширина носовых костей . . . . 13,5 мм.
Наибольшая ширина носовых костей . . . . 18 мм.
Наибольшая длина носовых костей . . . . 34 мм.

Носовое отверстие — удлиненных пропорций, грушевидной формы, асимметричное. Подносовой шип очень сильно развит, резко выступает вперед и вверх.

Высота грушевидного отверстия . . . . 34,5 мм.
Ширина грушевидного отверстия вверху . . . . 18 мм.
Ширина грушевидного отверстия в середине . . . . . . 29 мм.
Высота носа . . . . 54 мм.
Ширина носа . . . . 29 мм.
Носовой указатель . . . . 53,70.

Скуловые кости широкие, нижний край их приподнят, вынесен в сторону; микрорельеф хорошо выражен; височный отросток узкий и несколько изогнутый.

Верхнечелюстная вырезка неглубокая, альвеолярная часть прогнатная, высокая, широкая, с резко выраженным микрорельефом. Высота альвеолярного отростка — 23 мм. Расстояние $P_2 — P_2$ — 57 мм.

Нижняя челюсть массивная, высокая, с развернутыми углами, с отходящими под прямым углом удлиненными ветвями. Подбородок сильно выступает, достигая 2 баллов. Венечные отростки и углы нижней челюсти резко развернуты наружу.

Описанный череп по своим формам и по ряду приведенных цифровых данных сильно отличается от черепов как европейцев, так и монголов. Вся сумма признаков свидетельствует о том, что данный череп принадлежал негру.

Приведем сравнительные данные черепов современных негров и черепа из Накуру.

Признак	Современные негры	Накуру
Горизонтальная профилировка лица	Средняя	Средняя
Собачья ямка	Глубокая	Глубокая
Прогнатизм	Сильный	Средний
Небная дуга	Узкая	Широкая
Надбровные дуги	Слабые или средние	Слабые
Глабелла	Слабо выраженная	Слабо выраженная
Выступание носа	Слабое или среднее	Слабое
Носовой указатель	Платириннный	Платириннный
Орбитный указатель	Малый и средний (75—85)	Большой (86,85)
Верхняя высота лица	Малая и средняя (62,5—69 мм)	Большая (75,5 мм)
Скуловая ширина	Малая и средняя (127—134 мм)	Большая (138 мм)

Таким образом, наблюдается различие в сторону увеличения, и тем самым череп из Накуру приближается к исходному древнему типу неоантропа. Не типичным признаком как для древних кроманьонцев, так и для негров является высокие глазницы. Очень вероятно, что это индивидуальная вариация. Столь же своеобразно строение высокой, широкой альвеолярной части верхней челюсти с гребневидным поднятием подносового шипа. Несмотря на эти, вероятно, индивидуальные отклонения, основные признаки черепа, как и было уже указано, тяготеют к негроидным формам.

Графическая реконструкция дает представление об очень грубом, сильно мускулистом лице примитивного негроида (рис. 104).

Череп из Эльментейта

Череп из Эльментейта, отлив которого мы имели возможность изучать, был найден 8 ноября 1927 г. (Лики).

Скорченное положение костяка убеждает исследователя в том, что это остатки заведомого захоронения, сопровождавшегося частичным сожжением трупа, при котором череп слегка обуглился, но не настолько, чтобы его нельзя было реставрировать. В процессе захоронения голова умершего была прикрыта камнями, что, видимо, и способствовало сохранению черепа впоследствии. Хотя череп и был сильно фрагментарен и частично деформирован, но все же был реставрирован с достаточной полнотой и точностью.

Череп неполный; отсутствуют носовые косточки, часть скулового отростка правой височной кости, скуловая дуга левой стороны, а также левый венечный отросток нижней челюсти. Череп небольшой, удлиненных пропорций, суженный в области лба и расширяющийся в области теменных бугров.

Наибольший продольный диаметр	176 мм.
Расстояние от глабеллы до иниона	158 мм.
Поперечный диаметр	140 мм.
Черепной указатель I	79,54.
Черепной указатель II	88,60.

Сверху череп — ромбовидной формы, со стороны затылка — крышевидной, уплощенной; в профиль свод черепа невысокий, лоб низкий, убегающий. Затылок невыступающий, преломленный под прямым углом. Лобная кость узкая, длинная, со слабо выраженными, сближенными между собой лобными буграми.

Наибольшая ширина лба	104 мм.
Наименьшая ширина лба	94 мм.
Лобный указатель	90,37.
Глабелла плоская; выступание ее по шкале	1 балл

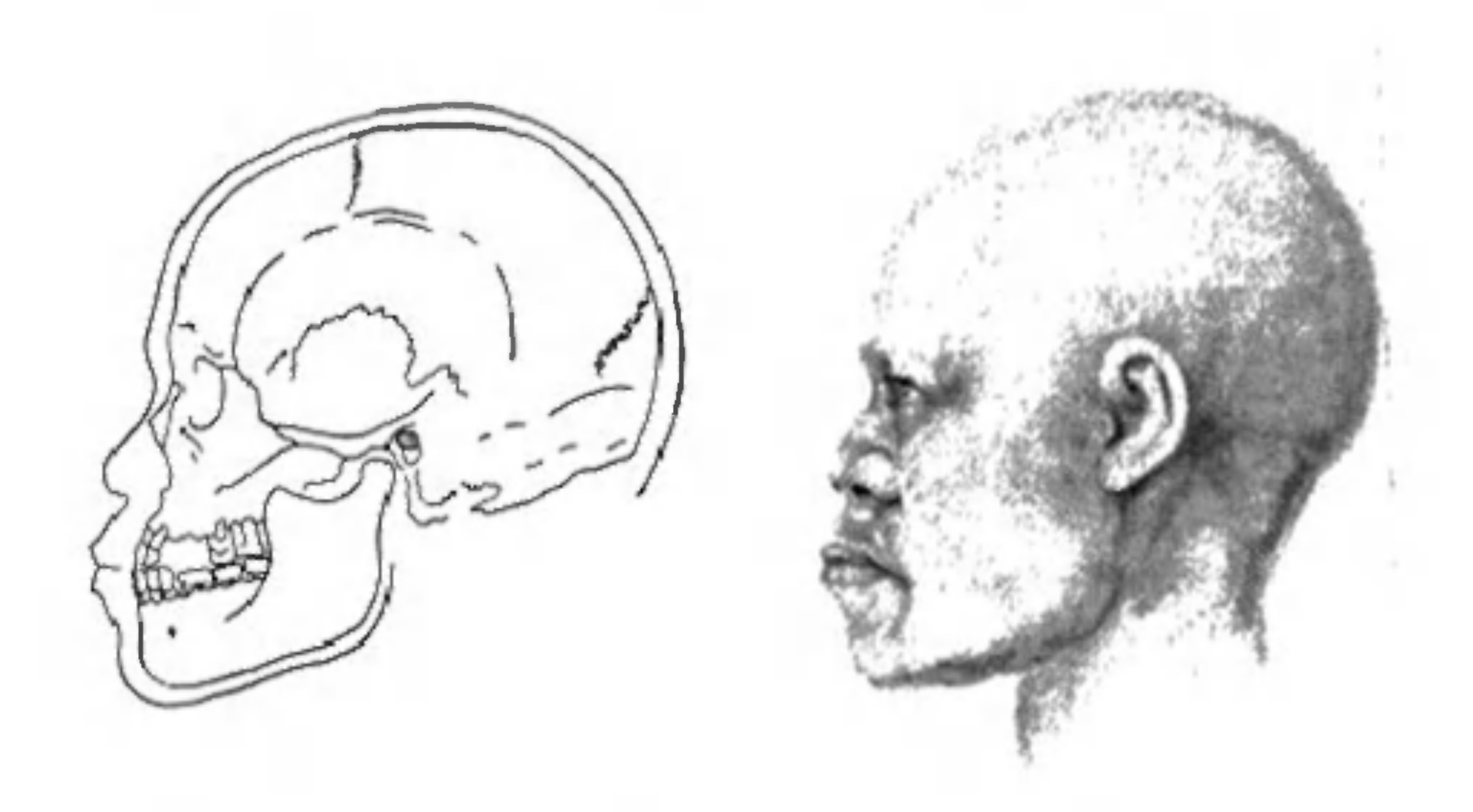

Рис. 105. Реконструкция по черепу женщины из Эльментейта.

Носовая часть лобной кости широкая, средней длины, выступает вперед по отношению к краю орбит; его высота в средней части — 9 мм, сбоку — 13 мм. Надбровные дуги слабо развитые, тонкие, узкие, но выступают резче, чем глабелла. Степень протяженности их — 1 балл. Скуловые отростки верхнечелюстных костей короткие и узкие, у корня вдавлены. Теменные кости широкие, с чрезвычайно сильно развитыми теменными буграми. Затылочная кость узкая, степень выступания иниона по шкале—0. Височные ямы высокие, удлиненные и уплощенные. Верхние височные линии с обеих сторон лобной кости имеют вид гребней. Сосцевидные отростки маленькие, их основание плоское с бугристой поверхностью; вершины направлены вниз и вперед, закруглены. Лицо — триангулярной формы, высокое, узкое, слабо профилированное; альвеолярная часть лица и зубы верхней и нижней челюстей сильно прогнатны, подбородок узкий, слабо выступающий; глазницы большие, нос узкий, слабо выступающий.

Общая высота лица . . . . 105 мм.
Высота верхней части лица . . . . 60 мм.

Орбиты — квадратной формы, с сильно закругленными углами. Края орбит тонкие; верхний край острый, нижний — слабо притупленный. Фронтальная постановка орбит горизонтальная, профилировка — почти вертикальная.

Ширина орбиты . . . . 37 мм.
Высота орбиты . . . . 31 мм.
Орбитный указатель . . . . 81.
Межорбитное расстояние . . . . 21 мм.

Носовые косточки выломаны; по всей вероятности, они были узкие у корня и слабо расширялись книзу. Вероятные размеры (взяты размеры между латеральными краями носовых отростков верхней челюсти): ширина носовых костей у корня — 9 мм, ширина их в средней части — 13 мм, ширина в нижней части — 17 мм.

Форма носового отверстия грушевидная, края острые, подносовой край притупленный.

Ширина грушевидного отверстия . . . . 20 мм.
Высота носа . . . . 47 мм.
Носовой указатель . . . . 42,55.

Подносовой шип короткий, приподнятый. Скуловые кости тонкие, маленькие; бо́льшая часть их тела расположена в латеральной плоскости. Нижний край скуловых костей имеет отчетливые площадки прикрепления мышц. Лобные отростки скуловой кости тонкие. Собачьи ямки довольно глубокие, верхнечелюстная вырезка слабо выражена; альвеолярные отростки верхнечелюстных костей и зубы сильно прогнатны.

Высота альвеолярного отростка . . . . 12 мм.
Расстояние P_1 и P_2 . . . . 57 мм.

На верхней челюсти сохранились P_2, M_1 и M_2 правой стороны, а также P_2 левой стороны. Зубы очень длинные, узкие. На нижней челюсти правой стороны сохранился весь ряд зубов, кроме M_3. На левой стороне имеются M_1 и M_2. Нижняя челюсть узкая, относительно массивная, тело ее вздуто. Степень выступания подбородка по шкале— 1 балл.

По швам черепа, которые не облитерированы, и по степени стертости зубов можно предполагать, что череп принадлежал человеку не свыше 35 лет. Небольшие размеры черепа, относительно сглаженный рельеф, общая его легкость дают право считать череп женским. Весь комплекс отдельных признаков сближает данный череп с черепами современных бушменов.

Предлагаемая графическая реконструкция дает представление об антропологическом типе этой женщины (рис. 105)

2. Кроманьонцы из гротов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба (Крым)[1]

Скелеты из грота Мурзак-Коба

В 1936 г. С. Н. Бибиков и Е. В. Жиров в процессе разведочных раскопок азиль-тарденуазского слоя в гроте Мурзак-Коба обнаружили двойное погребение. Оба скелета были найдены в культурном слое и сверху были перекрыты камнями.

Погребенные были положены на жилой площадке грота, слегка присыпаны землей и сверху заложены камнями. Костяк I лежал на спине в вытянутом положении и ориентирован головой на восток [2]. Правая рука вытянута вдоль тела, чуть согнута в локте; левая рука — в том же положении, так что кости лежали в области таза у лонного сочленения тыльной стороной вверх. Ноги вытянуты, стопы обращены несколько внутрь. Отсутствие и смещение некоторых костей свидетельствуют о позднем разрушении захоронения. Особого внимания заслуживает факт отсутствия ногтевых и средних фаланг мизинцев обеих рук. Внимательный анализ эпифизов третьих фаланг указывает на то, что вторая и ногтевая фаланги мизинцев обеих рук были ампутированы при жизни.

Костяк II, повидимому, лежал в том же положении, что и костяк I, и, вероятно, был погребен одновременно с ним, но сохранность его значительно хуже, многих костей нет[3]. Часть из них сильно фрагментарна, ряд костей лежит не на месте; все это подтверждает предположение о позднем нарушении захоронения. Сохранившиеся кости все же дают возможность представить себе первоначальное положение костяка. Он точно так же был положен на спину со сдвинутыми ногами и чуть согнутыми в локтях руками, причем правая рука находилась под костями первого скелета (женского).

При первом скелете, невдалеке от костей правой ноги, был найден обломок нижней части крупного ребра (видимо,— быка). На поверхности ребра отчетливо видны следы обработки и, вероятно, употребления. У малоберцовой кости этого же скелета найдена длинная, узкая каменная пластинка с ретушью по краям. В черепе второго скелета обнаружен обломок шила из кости (очевидно, попавшего туда позднее и случайно).

Присыпка костяков почти сплошь состояла из дробленого ракушника раковины Helius, среди которого часто попадались мелкие осколки кремня и кости. Тут же были найдены несколько законченных каменных орудий,

[1] С. Н. Бибиков. Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, V, 1938, стр. 159—178.
[2] «Северный», инвентарный № 5482/1.
[3] «Южный», инвентарный № 5482/2.

скребок, пластинка с выемкой, обломок костяного шила. С. Н. Бибиков, видимо, совершенно правильно считает все эти находки случайными, т. е. попавшими из культурного слоя; следовательно, этот инвентарь прямо связывать со скелетами не следует, во все же он датирует захоронение.

Стратиграфически оба погребения должны быть отнесены ко времени образования третьего культурного слоя. Кремневый инвентарь свидетельствует о высокой технике обработки кремня и о значительной специализации и дифференциации орудия. Позволю себе привести только перечень основных типов орудий из кремня для иллюстрации большой степени их дифференциации: отбойники, нуклеусы, отжимники, пластинки, пластинки с боковой выемкой, пластинки с ретушью, резцы на пластинках, срединные резцы, пластинки со скошенным концом, скребки, микролиты — вкладыши трапециевидной и сегментовидной формы, наконечники стрел, проколки и т. д. Не менее дифференцирован и костяной инвентарь: гарпуны плоские (они неправильно были описаны С. Н. Бибиковым как острия, потому что сохранились только основания). Многочисленны разнообразные острия дротиков, проколки, шилья, гладилки, лощила и т. д. Совершенно очевидно, что там были также многочисленные орудия и утварь из дерева, коры и других материалов.

Культурный слой содержал значительное количество костей животных. По определению В. И. Громовой здесь были найдены[1]: олень марал (*Cervus elaphus*), козуля (*Capreolus capreolus*), дикий кабан (*Sus scrofa ferus*), медведь (*Ursus arctos* sp.), лисица (*Vulpes* sp.), собака (*Canis familiaris*), барсук (*Meles* sp.), заяц (*Lepus* sp.), много костей птиц и рыб.

Датировка памятника не представляла труда. Это типичная стоянка азиль-тарденуазского времени.

Незначительное количество костей млекопитающих в соотношении с громадным количеством съедобной раковины, улитки Helius и большим количеством костей рыб свидетельствует о своеобразной форме хозяйства человека азиль-тарденуазского времени в Крыму. Как и везде на стоянках этого времени, роль охоты на крупных животных незначительна. Лук и стрелы, гарпуны и остроги дали возможность человеку с меньшей затратой энергии обеспечивать себе существование охотой на мелких и быстробегающих животных и птиц, но основным источником существования людей этого времени, вероятно, было рыболовство. Большую роль в хозяйстве человека в это время играло собирательство. В частности, в Крыму широко применялось собирание съедобной улитки.

Как и везде в старом свете, переход от палеолита к неолиту сопровождался усилением собирательства и рыболовства; впоследствии это дало возможность более оседлого существования, что в свою очередь создало предпосылки к переходу уже на ранних формах неолита к примитивному земледелию.

Е. В. Жиров с присущей ему тщательностью реставрировал и изучил скелеты из грота Мурзак-Коба[2]. Наше описание черепов этих людей имеет некоторую специфику. Мы обращаем внимание только на ряд основных признаков, важных в процессе реконструкции внешнего их вида. Принципиального, фактически отличного материала от данных Е. В. Жирова наши наблюдения не имеют; выводы антропологической характеристики одни и те же. Так же, как Е. В. Жиров и Г. Ф. Дебец, мы считаем, что люди из грота Мурзак-Коба представляют собой типичную категорию поздних кроманьонцев, в большей степени сохранивших типичные черты

[1] СА, V, 1938.

[2] Е. В. Жиров. Костяки из грота Мурзак-Коба. СА, V, 1938, стр. 179—186.

древних кроманьонцев. Для них характерны высокий рост, длинноногость, мощность торса, относительная короткость рук. Физиономически они отличаются от настоящих кроманьонцев эпохи ориньяка и солютре в том же направлении, что и черепа из Оберкасселя, но череп мужчины из Мурзак-Коба не обладает такой шириной лица, как череп из Оберкасселя, и в отличие от него имеет большую высоту лица.

Череп № 5482/1. Мурзак-Коба. Женщина 20—23 лет

Череп — хорошей сохранности, с нижней челюстью; он большой, массивный, удлиненный. Швы — простого рисунка, отчетливо видны, местами уплотнены.

Сверху череп более всего походит на пентагональный; со стороны затылка он имеет уплощенно-крышевидную форму. Свод черепа высокий, с высоким, крутым лбом. Затылок выступающий, преломленный. Лобная кость большая, широкая. Лобные бугры хорошо выражены. Глабелла — округлой формы, нависающая. Степень ее выступания по шкале — 3 балла. Носовая часть лобной кости широкая, очень короткая, направленная внутрь относительно верхнего края орбиты.

Теменные кости большие, почти квадратной формы, с крайне слабо выраженными буграми. Височные впадины большие, высокие, длинные, довольно глубокие во фронтальной части. Височные линии относительно хорошо выражены Сосцевидные отростки — средней ширины, длинные, очень слабо выступающие Микрорельеф сильно развит. Вершина сосцевидных отростков закруглена. Затылочная кость большая, удлиненных пропорции. Имеются три вставочные кости, которые образуют верхнюю часть чешуи затылочной кости (кости инков). Затылок выступающий и преломленный. Вал перегиба выражен хорошо.

Череп № 5482/2. Мурзак-Коба. Мужчина 45 лет

Череп — хорошей сохранности, очень крупный, массивный, грубых очертаний Форма черепа сверху бризоидная, со стороны затылка — крышевидная. Свод высокий несколько удлиненных пропорций.

Лоб низкий, убегающий назад. Затылок слегка выступающий, преломленный. Лобная кость массивная. Лобные бугры хорошо развиты. Сагиттальный валик выражен очень хорошо. Глабелла слабо преломлена; выступание ее по шкале — 5 баллов. Носовая часть лобной кости короткая, широкая, направлена внутрь. Надбровные дуги сильно выступают. Степень протяженности надбровных дуг по шкале — 2 балла.

Теменные кости имеют удлиненную форму. Височные впадины очень высокие, удлиненные, неглубокие. Височные линии хорошо выражены. Скуловые дуги массивные, бугристые. Сосцевидные отростки по отношению к величине всего черепа небольшие. Вершины их заострены и направлены вперед и в стороны. Затылочная кость — средних размеров, слегка удлиненная. Верхняя выйная линия резко выступает в виде гребня. Степень развития инпона по шкале — 2 балла.

Форма лица пентагональная. Лицо высокое, с низким, довольно узким, убегающим назад лбом, хорошо профилированное, широкое в скуловой части, с очень низкими орбитами, ортогнатной альвеолярной частью и выступающим подбородком. Орбиты низкие. Их верхний край толстый, бугристый, притупленный, нависающий; нижний край притупленный, очень мало приподнятый. Раструб слезной ямки отнесен назад. Главницы хорошо выражены. Разрез глаз слабо наклонный (европейский). Фронтальная постановка орбит горизонтальная Профилировка орбит наклонная.

Носовые кости — средней ширины и длины. Спинка носа горбатая. Корень носа западает. Сечение спинки носа в средней части сводчатое. Носовое отверстие — грушевидной формы. Подносовой край заострен. Подносовой шип направлен горизонтально. Скуловые кости массивные, грубых очертаний. Щечная поверхность их повернута латерально.

Собачьи ямки слабо выражены. Верхнечелюстные вырезки глубокие. Альвеолярная часть верхней челюсти ортогнатная. Постановка зубов верхней челюсти ортогнатная. Прикус ступенчатый. Зубы сохранились полностью. Нижняя челюсть очень крупная и массивная, грубых очертаний. Тело нижней челюсти очень высокое, значительно утолщенное, особенно в нижней части. Выступание подбородочного бугра по шкале — +3 балла. Ветви нижней челюсти отходят под небольшим тупым углом; они широкие, довольно высокие.

Итак, мужской череп из грота Мурзак-Коба имеет основные типичные черты позднего типа кроманьонца. Он обладает высоким сводом, резкой долихокранностью, очень широким лицом, низкими прямоугольными глаз-

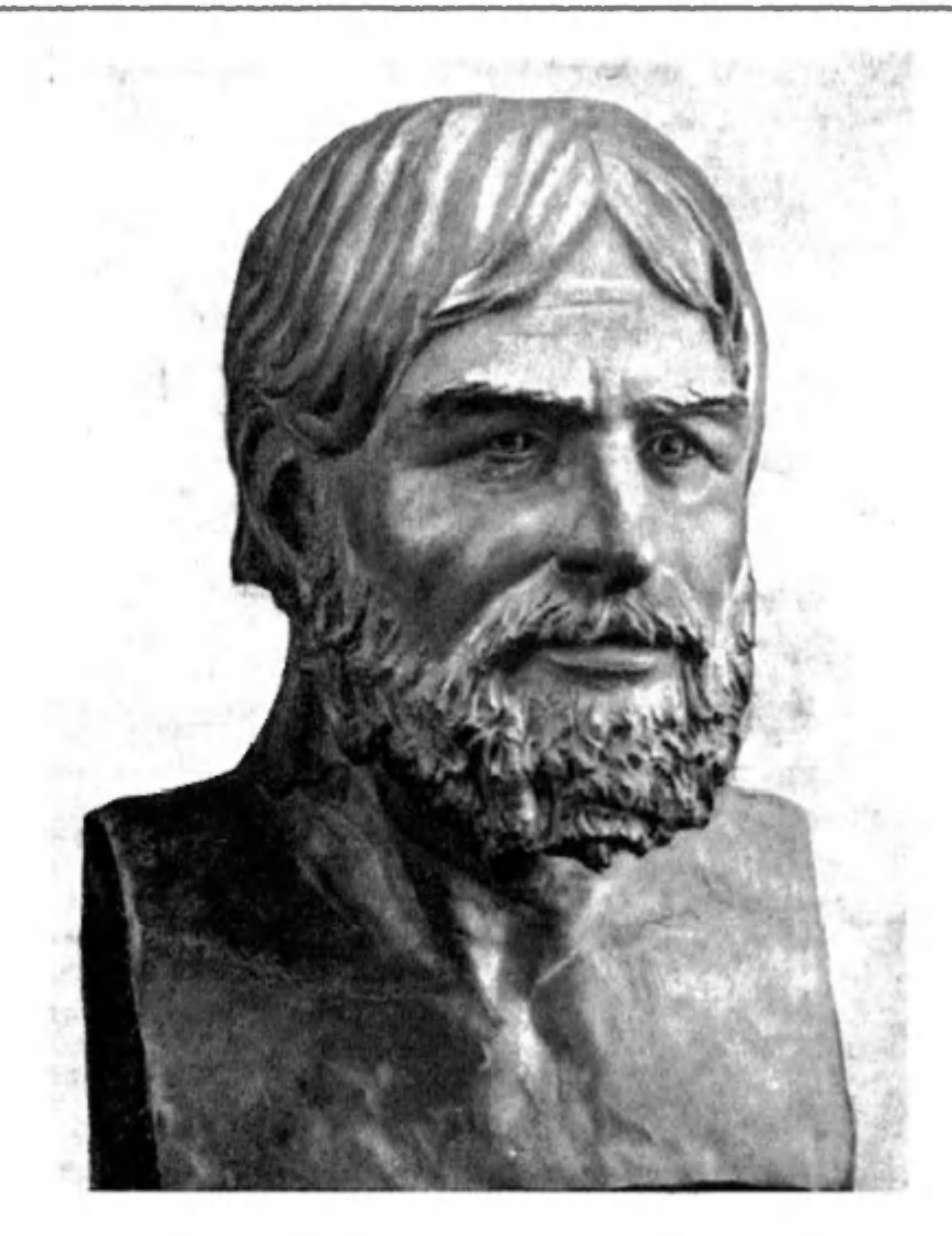

Рис. 106. Реконструкция по черепу мужчины из грота Мурзак-Коба.

ницами, небольшим грушевидным отверстием с резко выступающими носовыми костями. По степени развития надбровья череп человека из Мурзак-Коба занимает промежуточное положение между черепом из Кро-Маньона и черепом из Оберкасселя. Вероятно, индивидуальной особенностью данного черепа является так называемый ступенчатый прикус поэтому нижняя челюсть сильно вынесена вперед.

Нам известно, что многие туземцы,— даже в относительно недавнее время,— в процессе обработки ремней для придания им особой эластичности и прочности жевали их на протяжении долгого времени. В результате этого передние резцы значительно сильнее снашивались по отношению к коренным зубам. Такое систематическое жевание могло способствовать приспособлению нижней челюсти, вследствие чего создавался отмеченный ступенчатый прикус. На многих неолитических черепах мы имели возможность неоднократно отмечать подобное строение челюстей и зубов. Очень вероятно, что в данном случае зафиксирован элемент такого приспособления в строении зубов и челюстей человека из Мурзак-Коба.

Рис. 107. Реконструкция по черепу женщины из грота Мурзак-Коба.

Реконструированный по данному черепу портрет дает отчетливое представление о типичных чертах лица кроманьонца конца палеолита (рис. 106). Крутой широкий лоб отягощен мощным надбровьем, что отнюдь не придает лицу характера примитивности, но подчеркивает его силу. Узкий, высокий нос с глубоко запавшей переносицей красив по своим очертаниям. Глубоко сидящие глаза имели характерное для кроманьонца нависание мягкого века над внешними углами глаза. Поистине громадная ширина лица нивелируется сильной горизонтальной его профилировкой. Рот широкий, ортогнатный, с резко набухшей, выступающей нижней губой. Нижняя челюсть сильная, с четким хорошо развитым подбородком (в реконструкции подбородок скрыт бородой, но прилагаемая схема дает отчетливое представление о степени выступания подбородка и общее впечат-

ление о профиле головы). Шея сильная, посадка головы прямая. Общее впечатление — гармоничное сочетание силы и красоты. Нет и намека на примитивность или внешнюю дикость первобытного человека. Рост мужчины по Пирсону — 1,774 м, по Мануврие — 1,824 м.

Описанный выше череп женщины из грота Мурзак-Коба тоже, несомненно, является типично кроманьонским, и вместе с тем сильно отличается от него. Кости его тоньше, микрорельеф сглажен, надбровье слабее, свод более крутой, глазницы выше, скуловые кости тоньше и уже, нижняя челюсть тоньше и легче. При сравнении этого черепа с черепом из грота Кро-Маньон и черепом женщины из Оберкасселя становится очевидным, что в лице женщины из Мурзак-Коба совсем утрачены примитивные черты неоантропа, придававшие характер некоторой вегроидности женщинам из Ориньяка и Оберкасселя. Женщина из Мурзак-Коба принадлежит к совершенно тому же антропологическому типу, что и мужчина из этого грота. Это типичные представители древнего европейца.

Реконструированная по данному черепу голова удивляет гармоничностью черт, чему не мешает общая массивность лица, его большая ширина (рис. 107). Высокий, крутой лоб с хорошо моделированным надбровьем, тонкий, со слабой горбинкой нос, большие миндалевидные глаза, широкий овал лица, красиво очерченный, чуть прохейличный рот, четко очерченный, но мягкий подбородок — вот основные физиономические черты этого лица. В данном лице, несомненно, большая физическая сила гармонично сочетается с некоторой мягкостью, женственностью всего облика. Уместно вспомнить, что эта молодая женщина обладала тонкими руками, с тонкой кистью и длинными пальцами. Оба мизинца были заведомо изуродованы ампутацией двух фаланг. Очень вероятно, что здесь зарегистрирован впервые в скелетных остатках какой-то своеобразный магический обряд. Начиная с эпохи ориньяка и позднее, на стенной живописи во многих местах были найдены отпечатки, обводы и рисунки кисти рук (например, грот Гаргос в Верхних Пиренеях). Нередко на таких изображениях нехватало того или иного пальца или двух. Совершенно очевидно, что магическая пещерная живопись имеет прямое отношение к тому обряду, в результате которого женщина из Мурзак-Коба лишилась своих пальцев.

Бюсты людей из грота Мурзак-Коба экспонированы в МАЭ в Ленинграде. Там же хранятся подлинные скелеты этих людей и тот многочисленный инвентарь, который был извлечен в процессе раскопок грота Мурзак-Коба С. Н. Бибиковым.

Скелет из грота Фатьма-Коба

В 1927 г. С. А. Трусова и С. Н. Бибиков, производившие разведочные раскопки в гроте Фатьма-Коба, обнаружили погребение в слое тарденуазского времени. В том же году погребение было извлечено монолитом под руководством Г. А. Бонч-Осмоловского и перевезено в Ленинград (в Академию наук СССР). Датировка погребения временем позднего тарденуаза не вызывает никаких сомнений: погребение было перекрыто ненарушенными слоями этого времени, и могильная яма прорезывает тарденуазский слой, относившийся, видимо, ко времени захоронения. Костяк был положен в специально выкопанную, очень тесную могильную яму, в сильно скорченном положении (вероятно, погребенный был предварительно спеленут или связан в соответствующем положении). Скелет был ориентирован головой на юго-юго-восток и лежал на правом боку. С умершим не было найдено никаких заведомо положенных орудий или костей. Сверху

могила была перекрыта крупными камнями. Г. Ф. Дебец тщательно изучил и описал этот костяк[1].

По данным Г. Ф. Дебеца, это мужчина около 40 лет, относительно невысокого роста: по Пирсону — 1,689 м, по Мануврие — 1,682 м.

Череп крупный, с большим долихоцефалическим сводом, с относительно слабо развитым рельефом, отсюда не массивный. Сверху череп имеет пентагональную форму, со стороны затылка — крышеобразную; лоб слабо наклоненный, небольшой ширины, лобные бугры хорошо развиты. Глабелла выступающая; выступание по шкале — 3 балла. Надбровье слабое; протяженность по шкале — 1 балл. Лицо тетрагональной формы, низкое, относительно широкое, имеет общую тенденцию к прогнатности, выражающуюся в общем выступании средней части лица. По степени выступания средней части лица череп из Фатьма-Коба не уступает ни австралийцам, ни пануасам, ни камерунским неграм. Нос короткий, широкий. Нижний край грушевидного отверстия имеет отчетливую форму — fossa praenasalis. Нижняя челюсть массивная, с короткими, широкими ветвями. Подбородок слабо выступающий. В своем заключении Г. Ф. Дебец пишет: «Расовая диагностика в пределах трех больших рас *Homo sapiens* тоже не представляет большого затруднения: низкое лицо, сильная горизонтальная профилировка его, высота переносья, сильное выступание носовых костей над линией профиля, широкие и слабо суженные в средней части носовые косточки — все это признаки несомненной принадлежности скелета к европеоидной большой расе... Исключением является выступание лица... Пропорции конечностей, поскольку они применимы для этой цели, тоже ближе всего к среднему типу современного европейца, за исключением несколько большей длины головы».

Рис. 108. Реконструкция по черепу мужчины из Фатьма-Коба.

В результате исследования фатьма-кобинского скелета Г. Ф. Дебец приходит к следующим выводам: 1) скелет обладает резко выраженными чертами; 2) в расовом отношении он относится к кругу европейских типов; 3) вместе с тем некоторые его признаки являются пережитком древней стадии развития, общим для всех евро-африканских рас.

Ниже приводятся измерения и указатели черепов кроманьонцев из гротов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба (по Дебецу и Жирову).

При рассмотрении данных измерения черепов из крымских гротов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба видно, что эти данные в общем довольно близки друг к другу. Интересно, что по ряду признаков фатьма-кобинский череп ближе к черепу женскому, а не к мужскому из Мурзак-Коба. В ряде размеров череп из Фатьма-Коба имеет существенные отклонения. Свод его выше, скуловой диаметр значительно меньше, высота верхней части лица на

[1] АЖ. 1936. № 2.

Признаки по Мартину	Мурзак-Коба, череп женщины	Мурзак-Коба, череп мужчины	Фатьма-Коба, череп мужчины
1. Наибольший продольный диаметр, мм	190	198	189,5
2 Диаметр глабелла—инион, мм	174	185	177
3. Наибольший поперечный диаметр, мм	146	140	138
4 Наименьшая ширина лба, мм	101	98	93
11. Биаурикулярный диаметр, мм	131	128	124
20. Высота порион — брегма, мм	119	121	124
22а. Высота свода, мм	111	118	105
32а. Угол профиля лба, градусы	91	90	90
32_2. Брегматический угол Швальбе, градусы	60	61	64
38. Вместимость по формуле Пирсона, куб. см	1534	1534	1498
8 : 1. Черепной указатель	76,8	70,7	72,8
20 : 1 Высотно-продольный указатель	62,6	61,1	63,9
20 : 8 Высотно-поперечный »	81,5	86,4	87,7
20а : 2. Указатель высоты свода	63,8	63,8	59,4
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	69,2	70,0	67,4
44. Наружно-глазничная ширина, мм	105	107	105
44_1. Назомолярная » , мм	115	119	119
45 Скуловой диаметр, мм	139	147	137
48. Высота верхней части лица, мм	67	76	66
50. Межглазничная ширина, мм	18,5	20	24
51. Ширина глазницы, мм	46	47	42
52. Высота » , мм	29	27	28
55. Высота носа, мм	48	52	46
57. Наименьшая ширина носовых костей, мм	7,5	9,5	11,5
60. Длина верхней челюсти, мм	55	59	56
61. Ширина » » , мм	63	68	68
70. Высота восходящей ветви, мм	66	79	72
71а. Наименьшая ширина восходящей ветви, мм	29	37	38
72. Лицевой угол, градусы	79	86	80
75. Угол носовых костей, градусы	—	27	35
48 : 45. Указатель верхней части лица	48,2	51,7	48,2
52 : 51. Глазничный указатель	63,0	57,5	66,7
50 : 44. Межглазничный »	17,6	18,7	22,9
40_1 . 44. Назомолярный »	109,5	111,2	113,3
61 : 60. Верхнечелюстной »	114,6	115,3	121,4

много меньше, между тем как глазницы круглее и выше, а расстояние между ними больше. Носовые кости шире, угол их выступания меньше. Одновременно с этим у черепа из Фатьма-Коба совершенно отчетливо видно большее выступание лица вперед, чем у обоих черепов из Мурзак-Коба. Эту тенденцию выступания вперед нельзя характеризовать только прогнатностью, так как вынесена вперед не только альвеолярная часть челюстей, а все лицо. Отмеченный комплекс признаков, отличающий череп из Фатьма-Коба от черепов из Мурзак-Коба, направлен в сторону

приближения к негроидному расовому типу. Напомним, что древние кроманьонцы имели ту же тенденцию приближения к африканским формам.

Наши цифры не противоречат ни цифровым данным, ни ранее опубликованным выводам Е. В. Жирова (1938 г.) и Г. Ф. Дебеца (1936 г.)[1].

При рассмотрении первого варианта реконструкции человека из Фатьма-Коба эти специфические черты древнего, евро-африканского типа становятся еще очевиднее. Восстановление мягких тканей с еще большей четкостью подчеркнуло элементы сходства с древним типом неоантропа. Отмеченная негроидность, конечно, еще не свидетельствует о принадлежности фатьма-кобинского человека к негроидной расе; в своей основе он — европеец (рис. 108).

---

[1] Позднее, в коллективной работе «Проблема заселения Европы по антропологическим данным» (М., 1951) Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров склонны рассматривать негроидные черты черепа из Фатьма-Коба как негроидную примесь (см. указ. соч., стр. 425), т. е. результат позднейшей метизации. Может быть, это и так, но нам кажется более вероятным, что в черепе из Фатьма-Коба консервативно сохранились некоторые черты древнего, не дифференцированного предка.

Глава IV

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

§ 31. НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ СССР

К концу эпипалеолита процесс формирования климата перешел в фазу, близкую к нашему современному климату. Холодолюбивая фауна и флора отступили на север и в горы. Ландшафт стал близок к современному. Только леса были несколько больше и реки многоводнее. Неолитическая эпоха, начавшаяся около 10 тыс. лет назад, продолжалась в ряде мест до II тысячелетия и даже I тысячелетия до н. э. Это время археологически характеризуется распространением лука и стрел, появлением шлифованных каменных орудий, керамики (гончарства), техники тканья и первых прирученных животных. Развивающееся рыболовство постепенно вытесняет охоту; одновременно идет процесс одомашнения животных.

В неолите общество переходит на ступень сложного родо-племенного строя. Уже к концу палеолита намечаются и отчетливо выделяются основные расы современного человека.

Физический тип человека неолитического времени почти не отличается от современного. Социальные закономерности, связанные с процессом развития культуры, в широком смысле этого слова, снижают значение природных условий, чрезвычайно суживая действия биологического фактора. Формирование этнического типа осуществляется посредством все усложняющегося и усиливающегося процесса смешения основных рас.

Энеолитическая стадия характеризуется появлением новых, металлических изделий (медных). Каменные орудия не только полируются, но и сверлятся. Наличие домашних животных все больше и больше снижает значение охоты и рыболовства, отступающих на положение только вспомогательных отраслей хозяйства. Появляются элементы мотыжной формы земледелия. Памятники неолитических культур на территории СССР очень многочисленны, и тем не менее мы мало знаем об антропологическом типе людей этого времени. Нам до сих пор неизвестны неолитические захоронения нашего Юга. Например, нет неолитических скелетов в Армении[1]. Имеется только одна находка в Грузии, и то плохо документированная. Нет погребений неолитической культуры в Средней Азии. До сих пор мы не имеем представления о типе людей, связанных с культурой крашеной керамики, а между тем эта культура,— или, вернее, ряд синхронных смежных культур Юга,— растянулась широкой полосой от Балкан до Китая. Эти культуры своими истоками уходят в ранний неолит и имеют много общего на всей территории их распространения: техника керамического производства, окраска сосудов, элементы их орнаментации

[1] В 1953—1954 гг. в Армении были открыты погребения неолитической эпохи.

и т. д. Все племена этих культур живут оседло. Хозяйственно-материальной базой их служат мотыжное земледелие и развитое скотоводство. Они уже имеют одомашненных корову, лошадь, овцу, козу, свинью и, конечно, собаку. На территории СССР эти культуры широко представлены многочисленными поселениями трипольской культуры на Украине, культурой анау в Туркмении, культурами типа кызыл-ванк в Грузии и Армении. Столь же мало нам известно об антропологическом типе неолитического населения Казахстана, Урала, Юга Сибири и т. д. Советские археологи за последнее время провели громадную работу, и сейчас мы уже можем наметить ряд антропологических типов, живших на территории лесной полосы Восточной Европы.

В 1941 г. А. П. Окладников[1], в связи с вопросом об этногонии древнего населения Сибири и Дальнего Востока, предложил первоначальную классификацию неолитических культур Сибири и Восточной Европы. Эту схему мы и принимаем в связи с задачами нашей работы; она несколько уточнена за счет новых данных, явившихся результатом коллективной работы археологов Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Государственного исторического музея и Института этнографии Академии наук СССР:

I. Арктические культуры: восточноарктическая и западноарктическая. Это культуры Крайнего Севера (тундры). По своему материальному производству это культуры преимущественно охотников на морского зверя.

II. Культуры Крайнего Востока: северокамчатская, южнокамчатская, амурская. Это культуры оседлых рыбаков, живших по побережью моря и нижнему течению р. Амура с его правыми притоками — Уссури и Сунгари. В материальной культуре этих поселений совершенно очевидно прослеживаются связи с более южными культурами Тихоокеанского побережья: очень близка техника гончарного производства, почти едины типы и элементы орнаментации, много общего в формах рыболовецких орудий.

III. Байкальская культура. Эта охотничье-рыболовецкая культура Сибири занимает громадную территорию бассейна оз Байкал, верхнего течения Амура, почти всей Лены, всей Ангары с ее притоками и части Енисея. Нам представляется, что бассейн верхнего Амура с его левыми притоками впоследствии можно будет выделить в самостоятельную археологическую провинцию.

Байкальская культура расчленена А. П. Окладниковым на ряд хронологических, последовательных этапов: 1) хинский, 2) исаковский, 3) серовский, 4) китойский, 5) глазковский, 6) шиверский[2].

IV. Обская культура. Распространяется на небольшой территории, но отчетливо выделяется своими типическими, локальными формами. Это культура охотников и рыболовов; границы ее определяются нижним и средним течением р. Оби и ее левых притоков.

V. Камская культура. Эта культура охотников-рыболовов территориально связана с западными склонами Северного Урала. Хотя эта культура и выделена в самостоятельную провинцию, но мало изучена и, видимо, имеет ряд хронологических этапов.

---

[1] А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК, IX, 1941.

[2] Мы не разделяем точку зрения А. П. Окладникова относительно места китойского этапа в предложенной хронологии.

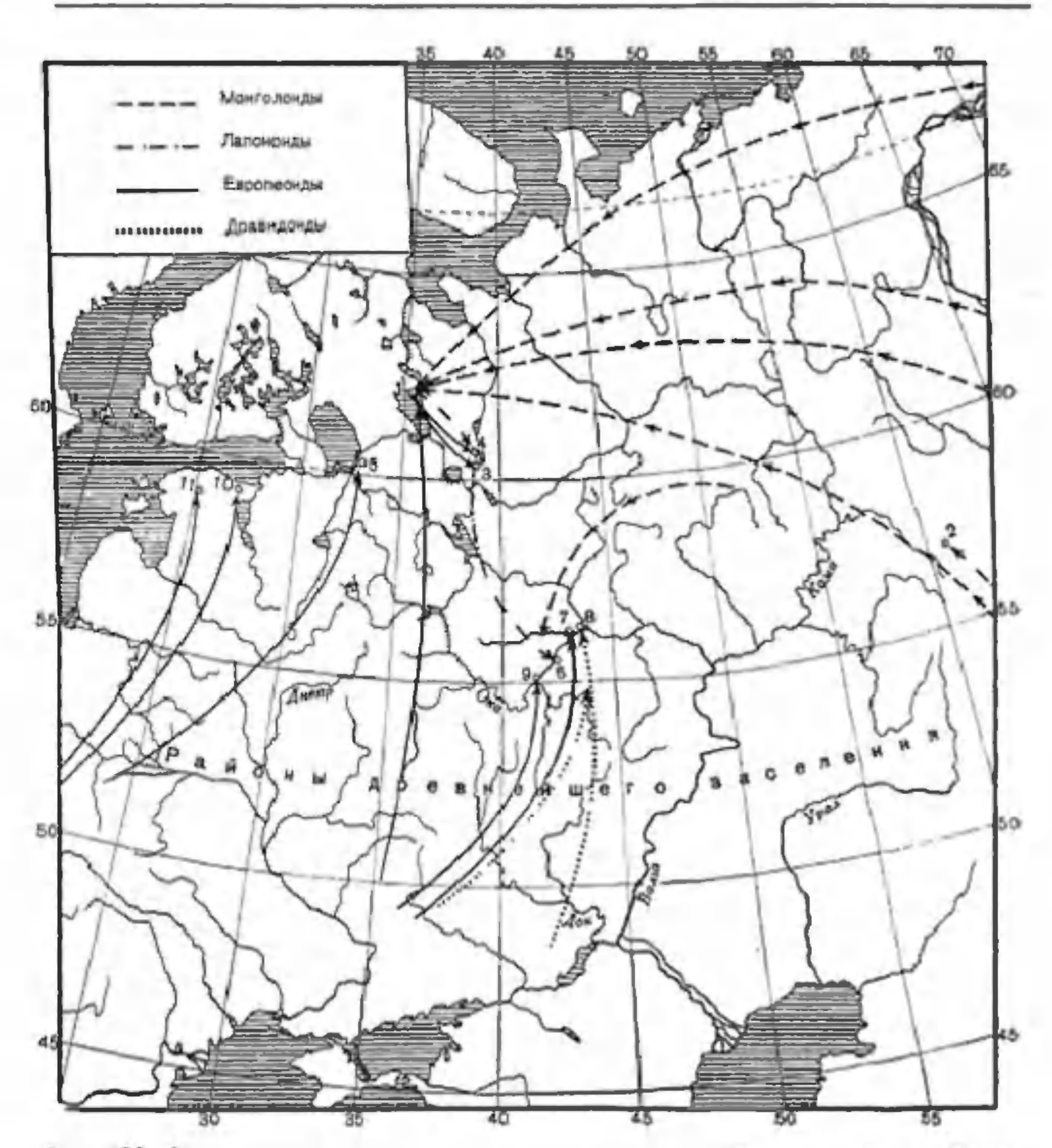

Рис. 109. Схематическая карта заселения северо-востока Европейской части СССР в неолитическое время. Составлена на основе учета палеоантропологических находок. Пунктирами стрел отмечены возможные пути проникновения того или иного антропологического типа на данную территорию. Цифрами отмечены места находок: 1 — Олений остров; 2 — Шигирские стоянки; 3 — Модлоно; 4 — Караваиха; 5 — Ладожские стоянки; 6 — Волосово; 7 — Володары; 8 — Гавриловка; 9 — Панфилово; 10 — Сопе; 11 — Арду. Дравидоидным типом нами условно назван метисный тип европеоида с чертами экваториального типа.

VI. Культура ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы восточноевропейской равнины. Эти культуры делятся на ряд территориальных провинций: 1) беломорскую, 2) каргопольскую, 3) карельскую, 4) льяловскую, 5) волосовскую, 6) белевскую, 7) балахнинскую и др.

Культура ямочно-гребенчатого неолита всей лесной полосы долгое время рассматривалась как нечто единое. В настоящее время она отчетливо разделена на ряд отдельных археологических культур.

Хронологически весь неолит лесной полосы приходится на время позднего неолита и энеолита степей, т. е. на IV—I тысячелетия до н. э. Только некоторые памятники могут быть датированы более ранним временем.

Мы не ставим себе задачей выяснение генезиса этих неолитических культур; не наша задача давать и их классификацию. Нами будут освещаться в пределах возможности только те конкретные памятники и культуры неолита, которые непосредственно связаны с антропологическим материалом и тем самым являются основой наших палеоантропологических работ. Только в некоторых случаях мы попытаемся вскрыть происхождение той или иной археологической культуры по ее связи с антропологическим материалом. Нам кажется, что это может быть полезным для понимания этногонии древнего населения неолитической и энеолитической эпохи на территории СССР.

§ 32. НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК КАВКАЗА (ГРУЗИЯ)

В 1946 г. при разборке коллекций ГМА мне удалось обнаружить череп с этикеткой: «Кавказ, Грузия, неолитический слой, пещера». Череп реставрирован Е. В. Жировым. Действительно, этот череп я видел в процессе реставрации, которую производил Е. В. Жиров за год до своей смерти.

По степени сохранности черепа можно с достоверностью судить о его значительной древности. Кости совершенно лишены органических веществ, сильно минерализованы и обладают тем своеобразным, светло-беловато-палевым цветом, который так свойственен костям из древних слоев пещер. В изломе кость совершенно белая, мелообразная, но твердая. Реставрация произведена Е. В. Жировым с обычной для него тщательностью и продуманностью. Сомнительных мест в реставрации нет; отчетливо видны швы склейки и те дополнения, которые были воспроизведены из-за отсутствия кости. Эта реконструкция черепа не противоречит ни одной из его основных форм и соответствует степени развития рельефа. Несмотря на недостаточную точность этикетки и относительно плохую сохранность, череп представляет большой интерес.

Нам кажется, что этот череп может быть отнесен ко времени не позднее раннего неолита, а, быть может, даже и к предшествующему времени (азиль-тарденуазскому). Морфологически череп чрезвычайно своеобразен и обладает рядом черт, не характерных для более позднего населения Кавказа.

Все это заставило нас дать описание этого черепа и графическую реконструкцию его головы. Может быть, в результате этой предварительной публикации можно будет впоследствии уточнить место и время этой интересной находки. Дело в том, что, несмотря на обилие в Грузии памятников верхнего палеолита и раннего неолита, нам совершенно ничего неизвестно об антропологическом типе населения этого времени, кроме нижней челюсти, видимо, очень молодой женщины из ориньякского слоя пещеры Девис-Хврели (раскопки Г. Ниорадзе, 1934 г.)[1].

Череп, реставрированный Е. В. Жировым. Неолит. Кавказ.

Череп — плохой сохранности, с нижней челюстью; отсутствуют внутренние стенки орбит, скуловая дуга правой стороны, часть чешуи височной кости (правой); выломано основание черепа; обломан нижний край левого сосцевидного отростка.

---

[1] Это относительно легкая нижняя челюсть с отчетливо выступающим подбородком, слегка вздутым телом, короткой, широкой восходящей ветвью. Более подробными сведениями об этой находке мы не располагаем (эту челюсть я видел в Музее истории Грузии в витрине, через стекло; из-за отсутствия Г. Ниорадзе произвести необходимые измерения обводом я не имел возможности).

Череп небольшой, грацильный, легкий, укороченных пропорций, округлых очертаний, с относительно слабым микрорельефом; швы уплотнены, но следов облитерации нет; возраст по этому признаку — примерно 25 лет.

1. Наибольший продольный диаметр . . . 176 мм.
2. Расстояние от глабеллы до иниона . . . 168 мм.
8. Наибольший поперечный диаметр . . . 136 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 77,27 (мезоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 80,95.

Сверху форма черепа более всего подходит к сфеноидной; со стороны затылка череп — сводчатой формы.

Свод высокий, укороченный в сагиттальном направлении, с высоким, крутым лбом. Лобная кость плавно переходит в теменные кости. Последние круто спускаются вниз и плавно соединяются с затылочными костями. Затылок выступающий, преломленный.

Лобная кость большая, широкая, вздутая в височных областях, сагиттальный валик выражен слабо. Лобные бугры тоже слабо выражены.

10. Наибольшая ширина лобной кости . . 118 мм.
9. Наименьшая ширина лобной кости . . . 88 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 74,57.

Глабелла преломленная; выступание ее по шкале — 3 балла.

Носовая часть лобной кости широкая, очень короткая, направленная внутрь по отношению к верхнему краю орбиты.

Длина носовой части по средней линии — 4 мм.

Длина носовой части сбоку — 14 мм (правая сторона).

Надбровные дуги широкие, сильно выступают; степень их протяженности по шкале — 2 балла. Теменные кости — укороченных пропорций, затылочная кость преломлена. Сосцевидный отросток большой, широкий у основания, суженный к вершине; вершина закругленная. Отросток направлен вперед и вниз. Височная впадина высокая, укороченных пропорций, относительно глубокая в области большого крыла основной кости.

Форма лица занимает промежуточное положение между пентагональной и траангулярной. Лицо грацильное, тонкое, небольшое, слабо профилированное, прогнатное. Глаза небольшие, нос невысокий, неширокий, выступающий. Подбородок выступает слабо.

47. Общая высота лица . . . . 116 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . . 66 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 137 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 84,74.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . . . 48,90.

Орбиты имеют форму неправильного овала, замкнутые. Край орбиты тонкий, притупленный. Верхний край нависает, нижний приподнят. Раструб слезной ямки вынесен вперед. Глазничные бугорки слабо развиты. Разрез глаз горизонтальный. Профилировка орбиты слегка наклонная; фронтальная постановка — горизонтальная.

50. Межорбитное расстояние . . . . 23,5 мм.
51. Ширина орбиты . . . . 40 мм.
52. Высота орбиты . . . . 32 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 80.

Носовое отверстие — грушевидной формы; его край тонкий, острый.

55. Высота носа . . . . 50 мм.
54. Ширина носа . . . . 23 мм.
Высота положения crista conchalis . . . . . 13,55 мм.
Высота грушевидного отверстия . . . . . . 29 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . 45.

Скуловые кости тонкие, слабо профилированные.

Собачьи ямки хорошо выраженные, глубокие. Верхнечелюстная вырезка неглубокая. Альвеолярная часть высокая, прогнатная, широкая.

Высота альвеолярного отростка—17 мм.

Верхний ряд зубов сохранился полностью. Они прогнатны; резцы и клыки — долотообразной формы, хорошей сохранности, с белой эмалью.

Расстояние P и P_3 . . . . 51 мм.
Высота эмали первого резца . . . . 9 мм.

Нижний зубной ряд сохранился полностью. Зубы — хорошей сохранности, резцы и клыки узкие, долотообразной формы. Поставлены ортогнатно.

По отношению к черепу нижняя челюсть массивная, высокая, широкая.

Высота тела нижней челюсти . . . . 27 мм.
Высота ветви нижней челюсти . . . . 62 мм.
Наименьшая ширина ветви нижней челюсти 32 мм.
Степень выступания подбородка . . . . . +2 балла.

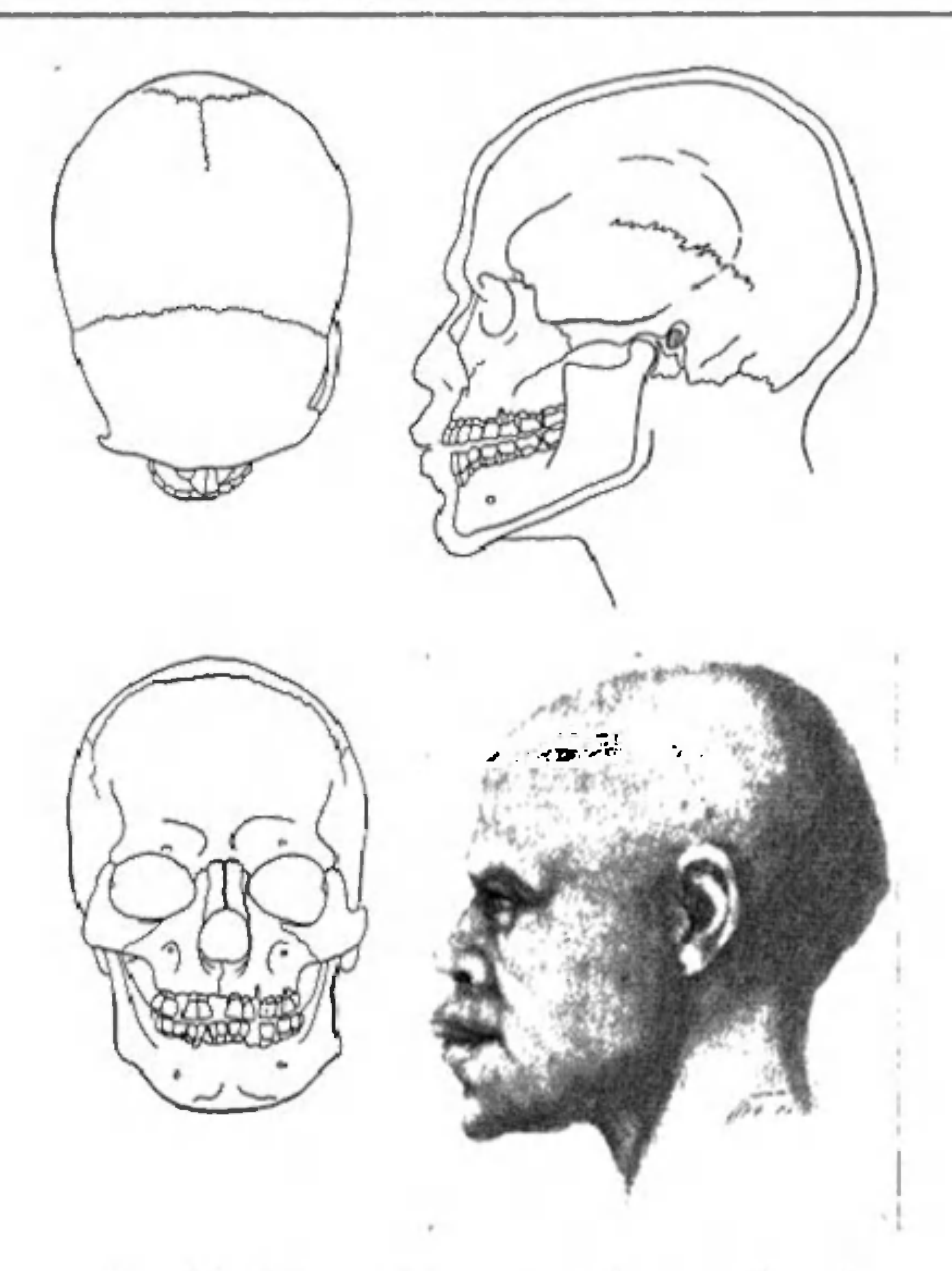

Рис. 110. Реконструкция негроида (неолит, Кавказ)

Вся сумма признаков, как описательных, так и измерительных, исключает какой-либо намек на монголоидность данного черепа. В основе этот череп ближе всего к европеоидному типу, но ряд признаков — слабое выступание носа, укороченные пропорции грушевидного отверстия, сильная степень общей и альвеолярной прогнатности лица, прогнатность зубов верхней челюсти,— придает негроидный облик данному черепу. Предлагаемая графическая реконструкция с еще большей очевидностью фиксирует эти негроидные черты на общем европеоидном типе данного субъекта.

Мы уже не раз отмечали наличие негроидных черт в ранних вариантах вида *Homo sapiens* и в данном случае, вероятно, следует говорить о них в такой же степени: в данном антропологическом типе еще не вполне дифференцировались евро-африканские черты, что свидетельствует либо об относительной древности находки, либо о том, что в данном черепе сохранились пережитки этого древнего антропологического типа неоантропа.

Интересно, что уже в то время на Крымском побережье и в Приднепровье жили люди, резко отличавшиеся от этого типа, с отчетливо выражен-

ными чертами поздних кроманьонцев. В черепе же из Грузии кроманьонских черт нет (рис. 110).

Но, несмотря на относительную легкость, — я бы сказал, грацильность,— в этом черепе все же можно видеть некоторые архаические черты: относительно сильное выступание глабеллы и довольно сильно развитое надбровье. Форма орбиты с ее вертикальной профилировкой и даже отмеченная прогнатность в данной связи также должны рассматриваться как некоторые примитивные черты не вполне дифференцированного антропологического типа.

Это локальный вариант *Homo sapiens*, не характерный ни для неолита, ни для позднего времени. Сходство с этим черепом имеют черепа из Гавриловки[1] и некоторые черепа балановской культуры.

§ 33. ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ В РАЙОНЕ ПОРОЖИСТОЙ ЧАСТИ ДНЕПРА (НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ)

После выхода первой нашей книги[2] и первой публикации некоторых черепов Сурского острова наши сведения об антропологическом материале этого района значительно расширились. Кроме того, Е. Ф. Лагодовская, А. В. Добровольский, В. Н. Даниленко и М. Я. Рудинский сообщили ряд ценных сведений о смежных памятниках неолита и энеолита.

Материал со стоянки Игрень 8 и могильника Сурского острова был мне передан Е. Ф. Лагодовской и А. В. Добровольским еще из неопубликованных раскопок этих памятников[3]. Это дает мне возможность с большей полнотой осветить новый антропологический материал и тем самым пополнить уже ранее опубликованный.

Основную массу антропологического материала обычно находят без всякой связи с инвентарем. Поэтому археологами он классифицируется и датируется только на основании типа погребения. Так, например, скорченные погребения на боку, как правило, относятся ко времени срубной культуры; погребения на спине с приподнятыми в коленах ногами — к ямной культуре; вытянутый костяк с плотно сведенными ногами — к неолиту и т. д. Между тем хорошо известно, что положение трупа само по себе еще не определяет принадлежности к тому или другому культурному этапу, так как известны памятники одного и того же времени, с одним и тем же инвентарем и различным положением трупа.

На стоянке Игрень в различных горизонтах А. В. Добровольским были найдены захоронения человека. Стратиграфия этого многослойного памятника помогает установить, в какое время были погребены эти люди; кроме того, ряд погребений сопровождается инвентарем. Все это делает стоянку Игрень 8 памятником первостепенного значения.

1. Неолитическая стоянка Игрень[4]

Игренская неолитическая стоянка представляет собой многослойный памятник, служивший местом обитания человека неоднократно — с ранней поры неолитической эпохи вплоть до развитой его стадии при переходе

[1] Неолитическое поселение низовьев р. Оки.

[2] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. Изд. «Советская наука», М., 1949.

[3] За предоставление мне всех материалов приношу искреннюю благодарность перечисленным выше лицам.

[4] М. Л. Миллер. Памятники родового общества на Игренском полуострове. ПИДО, 1935, № 9/10; А. В. Добровольский. Восьма Ігренська неолітична стоянка. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. 2, 1949.

к энеолиту. Это наиболее сохранившийся памятник из целого ряда поселений, образующих почти непрерывную цепь на Игренском полуострове.

Игренский полуостров образован крутым поворотом Днепра; с севера он ограничен притоком Днепра р. Самарой, с запада и юга омывается Днепром; с восточной, материковой стороны полуостров отделен широкой долиной — старицей рукава Днепра — и устьем р. Самары. Таким образом, следует думать, что в неолитическую пору Игренский полуостров был островом и, видимо, был удобен для поселения древних рыбаков.

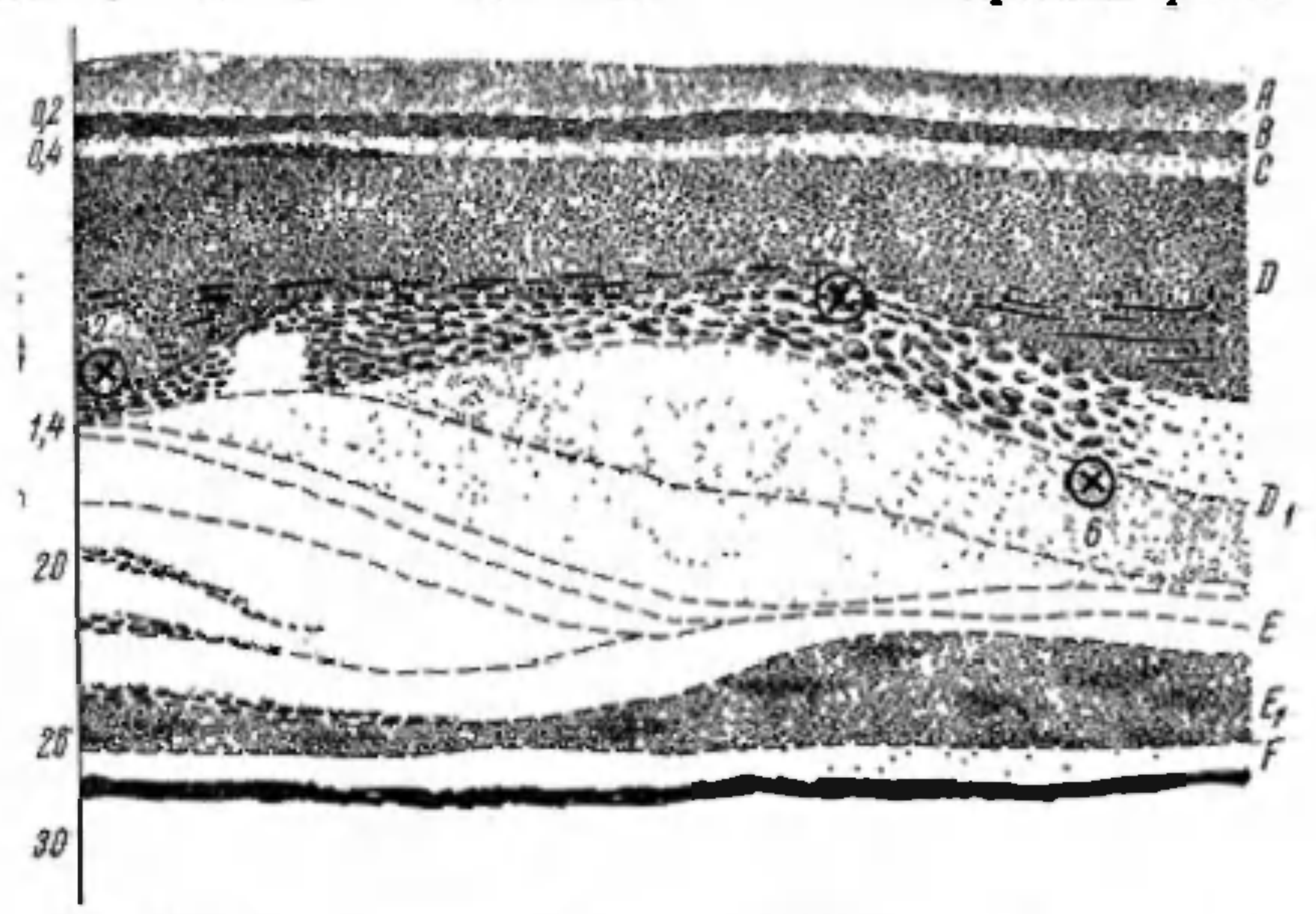

Рис. 111. Схема стратиграфического разреза многослойной стоянки Игрень (Огрень) 8 (по Добровольскому):

A — серый, слоистый, слабо гумусированный песок; B — темный, сильно гумусированный песок; C — серый, слабо гумусированный песок; D — темнобурый, сильно гумусированный песок; D_1 — серопепельный слабо гумусированный песок; E — серо-желтый песок; E_1 — желтый с серыми пятнами песок; F — беложелтый речной песок с прослойкой угля, ниже речной песок; ⊗ — места погребений

Игренская стоянка с давних пор привлекает к себе внимание археологов и неоднократно была предметом исследований. Раскопки стоянки Игрень № 8 в 1945 г. проводились киевской группой Днепрогэсовской экспедиции Академии наук УССР, начальником которой являлась Е. Ф. Лагодовская. Раскопки производил А. В. Добровольский.

Стратиграфия Игренского полуострова в месте расположения стоянки № 8, по данным А. В. Добровольского, в связи с нашими задачами нас может интересовать только в отношении поверхностных наслоений, в данном случае — до глубины 3 м. Вся мощность пласта на эту глубину сложена слоистыми слюдистыми прослоями иловатого песка с включением скоплений ракушечника и горизонтов с остатками материальной культуры — каменными орудиями, костями животных, углями, очажными скоплениями, погребениями человека. Ряд слоев песка отчетливо может быть выделен по цвету, по плотности и составу включений. Некоторые пласты в своем протяжении совершенно горизонтальны и равномерны по толщине на всем исследованном пространстве; другие образуют комбинации складок, «карманов», нередко выклиниваются и вновь возникают через какой-то интервал (рис. 111).

Описание стратиграфического разреза сверху[1]

I (A). Под тонким дерновым покровом — на глубину 20 см равномерно слоистый, слабо гумусированный, темный песок.

II (B). Однородный, темно окрашенный, сильно гумусированный песок. Образует слой в 10—12 см.

III (C). Серый, однородный, слабо гумусированный песок мощностью от 10 до 15 см. В нижней его части — небольшие по протяжению включения линз ракушечника, по преимуществу раковин Unio и Paludina. Ни использованных в пищу моллюсков, ни орудий, ни следов огня не замечено.

IV (D). Резко отличающийся от вышележащего слой песка. Он более плотный, сильно гумусированный, темнобурый. В нижней его части, на глубине около 1 м от дневной поверхности, находится насыщенный культурный слой с большим содержанием раздробленных костей, кремня, обломков сосудов. Культурный слой неравномерен: он образует скопления; нижний его горизонт создает как бы заполнения в ямах и карманах. Общая мощность слоя — от 65 до 80 см, культурного слоя — от 10 до 25 см. Постелью культурного слоя служит пласт речного моллюска.

V (D_1). Этот слой отделен от верхнего мощным прослоем ракушечника. В верхней своей части этот ракушечник сильно размолот, выветрен (создается впечатление, что он долгое время был на дневной поверхности и подвергся разрушению). Нижний горизонт этого пласта ракушечника уплотнен, много целых створок раковин, но все они, очевидно, были вскрыты, замки сломаны; парных раковин не встречено. Толщина слоя раковин местами доходит до 25 см. В самой нижней части слоя ракушечника много костей животных и снова встречаются кремни и керамика. Ниже лежит слабо гумусированный, серый песок с обильным включением культурных остатков неолита. Общая мощность слоя D_1 — примерно от 5 до 45 см. Постелью ему служат тонкие, негумусированные прослои иловатого песка в 3—5 см.

VI (E). Волнообразный, плотно-слоистый песок серо-желтоватого цвета с тонкими прослоями культурного горизонта, точно такого же волнообразного залегания (производит впечатление поверхности дюнного песка). Ниже — два скопления раковин, одно над другим. Эти скопления не создают сплошного горизонта и как бы образуют линзы. К скоплениям приурочены остатки материальной культуры в виде большого количества костей животных и кремня; встречаются каменные и костяные орудия, изредка угли; керамики нет. Общая мощность слоя — от 25 до 70 см. Остатки инвентаря и кости встречаются во всем слое, однако основная масса их отчетливо локализуется в среднем горизонте, в скоплениях раковин. Постелью слоя служит тонкий, стерильный горизонт светлого песка мощностью от 2 до 3 см.

VII (E_1). Слой желтого песка с вкраплениями пятен илистых включений, с тонким прослоем раковин в средней части; изредка встречаются угольки, очень много костей, много кремня. Общая мощность — от 40 до 60 см. Постелью служит горизонтальная прослойка речного песка мощностью от 2 до 3 см.

VIII (F). Желтоватый речной песок, образующий единый пласт без заметной слоистости; однороден, содержит скудные остатки культурного слоя позднетарденуазского облика. Костей животных мало. Общая мощность слоя — от 12 до 15 см. Постелью служит речной песок, содержащий в своей верхней части массу мелких углей. На большой площади заметен след от пала или пожога. Слой с углем — не толще 2—5 см, но очень отчетлив на всем протяжении. Ниже — речной песок.

Приведенный стратиграфический разрез убеждает нас в наличии на стоянке 5 культурных слоев, отделенных стерильными прослоями. Эти слои содержат остатки материальной культуры и кухонные отбросы. Мы лишены возможности судить об условиях жизни первобытного человека в тот или иной период его поселения на данном месте. Описания поселения, формы жилищ, хозяйственной базы, т. е. полного изучения памятника, мы вправе ждать от его исследователей А. В. Добровольского и Е. Ф. Лагодовской. Но краткую характеристику культурных этапов этого памятника в соответствии с его стратиграфией мы излагаем на основе фактического материала, полученного от А. В. Добровольского. При этом для уяснения взаимной связи культур древнего населения Игренской стоянки № 8 мы считаем целесообразным описывать материал культурных слоев в хронологической последовательности, т. е. в той очередности, как они образовывались, следовательно, — не сверху вниз, а наоборот.

[1] Буквенные обозначения в скобках — по А. В. Добровольскому.

С л о й F. В самом конце тарденуазского времени человек впервые пришел на данный остров. Не исключена возможность, что весь остров к его приходу был обильно покрыт лозою, осинником и другими кустарниками. Жить человеку в такой поросли было невозможно, и он ее уничтожил огнем. Вот почему в нижнем горизонте так много угля. Скуден, но характерен кремневый инвентарь этого горизонта. Это типичный мелкий инвентарь позднего тарденуаза: дисковидные, маленькие скребочки, пластинки с ретушированным краем, пластинки с выемкой, наконечники с поперечным лезвием, миниатюрные, тонкие пластинки с притупленным краем—вот основной ассортимент кремневых орудий (рис. 112, *F*). Фауна, по определению И. Г. Пидоплички и В. И. Бибиковой, представлена туром и бобром. Вероятно, человек жил здесь, ловя рыбу, но в песке, как правило, хрупкие кости рыб не сохраняются. Видимо, этим следует объяснить отсутствие костяных орудий труда и охоты, которые, несомненно, были. Время первого поселения на Игренской стоянке, вероятно, следует относить к VII или VI тысячелетию до н. э.

Рис. 112. Инвентарь многослойной стоянки Игрень 8 из слоев *F* и E_1

F: *1* — обломок пластинки с ретушью; *2* — скребок на тонком отщепе; *3* — наконечник стрелы с поперечным лезвием; *4*, *5* — ретушированные пластинки с выемками лезвия, *6* — микролитическая призматическая пластинка; E_1: *1*, *2*, *3* — призматические пластинки-ножи; *4*, *5*, *6* — мелкие скребочки на коротком отщепе, *7* — микролитическая пластинка с ретушью покраю (⁴/₅ н. в.).

Относительная скудость находок свидетельствует о том, что человек здесь обитал недолго.

С л о й E_1. Освобожденная от растительности площадь стоянки была быстро занесена дюнным песком. Человек часто посещал это место, но не жил на нем долго. Создается впечатление, что он приходил сюда подряд несколько летних сезонов. Жилых сооружений нет, нет мест постоянных кострищ, а между тем слой содержит большое количество фауны. В. И. Бибикова и И. Г. Пидопличка определили следующих животных: бык, олень, косуля, свинья, бобр, лисица, волк, барсук, хомяк, выдра, собака (возможно, домашняя); много птиц, костей рыбы, черепахи, скопления раковин.

Состав фауны свидетельствует о том, что человек здесь жил летом; зимой не было ни водоплавающих птиц, ни черепах, ни моллюсков, ни барсука, ни хомяка. Все эти животные могли быть убиты только в период с весны по осень. Повидимому, в это время остров представлял удобное место для поселения, на зиму же человек уходил.

Кремневый инвентарь многочисленен (рис. 112, E_1). Это по преимуществу призматические пластинки с ретушью и без нее. Встречаются массивные кремневые пластинки с ретушью, многочисленные различные скребочки, по преимуществу с округлым лезвием, и, наконец, ряд скребков на конце пластинок и на коротком отщепе. Время образования этого слоя определя-

ется несколькими сезонами обитания человека и относится к началу неолитической поры, т. е. примерно к V тысячелетию до н. э.

Слой Е. Какой-то промежуток времени стоянка не посещалась человеком: предшествующий слой перекрыт мелкой рябью дюнного песка; образовались тонкий дерновый слой и травянистый покров. Это могло произойти в течение 5—10 десятков лет. Затем сюда вновь пришел человек. Он выбил ногами траву и снова ушел, не поселившись здесь на более долгий срок.

Так, многократно, в течение *многих лет*, видимо, в разное время — *с весны* до осени человек приходил сюда, не основывая здесь постоянного поселения. Здесь он собирал моллюсков, ловил рыбу и черепах, охотился на птицу и мелких животных; изредка ему удавалось добывать здесь и крупных животных, обитавших по побережью в зарослях, в камышах, и животных, приходивших на водопой. Остатки фауны многочисленны и разнообразны: бык, лось, олень, сайга, свинья, бобр, барсук, волк, собака, заяц и много птицы, рыбы, черепах. Большие скопления раковин образуют целые прослои и кучи.

Рис. 113 Каменный и костяной инвентарь из слоя *Е*:

1, 2 — ножи с ретушью по краю из призматических пластин; 3 — микролитические пластинки; 4 — концевой скребок на пластинке; 5 — обломок массивной призматической пластины с ретушью по лезвиям; 6 — скребок на массивном отщепе; 7, 8 — острия-проколки из трубчатых костей птицы; 9 — наконечник дротика из кости с пазом для вкладыша; 10 — нож из кости. Около 1/2 н. в.

Среди культурных отбросов найдены первые черепки. Их всего три. Сосуды были вылеплены из грубого серого теста, плохо обожжены, дно их было приострено, орнамента нет. В каменном инвентаре преобладают длинные кремневые призматические пластинки с ретушью и без нее. Есть концевые скребочки и скребки на массивном отщепе (рис. 113, *Е*).

Благодаря присутствию раковинных скоплений в культурном слое создалась среда, в которой хорошо сохраняются костяные орудия. Наиболее интересны наконечники дротиков: большие, веретенообразные, с пазом для вставки кремневых вкладышей. Найдены тонкие шилья из костей птиц. Интересен крупный кусок — осколок трубчатой кости, вероятно, лося, превращенный в массивное орудие с ножеобразным лезвием. Весь комплекс находок свидетельствует прежде всего о том, что этот ранний неолитический слой преемственно связан с еще более ранним, явившимся развитием и продолжением тарденуазской культуры.

Время существования этого неолитического культурного слоя близко к IV тысячелетию до н. э.

Слой D_1. Через какой-то интервал времени человек почему-то вновь на протяжении продолжительного времени перестал жить на этом месте. Только после того, как образовалась плотная прослойка, перекрывающая древний культурный слой, сюда снова пришли рыболовы.

В каменном инвентаре этих новых пришельцев ясно прослеживается преемственная связь с инвентарем более древних поселенцев. Точно так же, как и в более ранней культуре, в вещах из этого слоя продолжают существовать тарденуазские традиции. Большинство орудий этого слоя состоит из небольших пластинок, с ретушью и без нее, скребочков на коротком сколе. Трудно даже отметить какую-нибудь существенную разницу как в форме, так и в технике изготовления орудий. Костяной инвентарь дошел до нас в малом количестве. Найдены проколки из трубчатой кости и рыболовные грузильца. Но если в этих формах каменного и костяного инвентаря не замечается особого сдвига по отношению к первоначальным формам, то в керамике мы можем отметить громадный прогресс. Горшки стали тоньше; у них имеются фигурные венчики, дно яйцеобразное. Они богато украшены гребенчатым штампом, штриховкой, сетчатым орнаментом и т. д. Керамическое тесто тонкое, иногда с примесью толченой раковины (рис. 114, D_1). В культурном слое находится много мелких, раздробленных костей животных, не поддающихся определению, много костей рыбы и громадное количество раковин Unio. Видимо, это было трудное время в жизни древних обитателей острова, и их пищевой базой служили прежде всего моллюски.

Это время развитого неолита — III тысячелетие до н. э.

Слой D. Человек снова ушел. Оставленные им скопления ракушечника долго разрушались, размывались и выветривались. Вновь сюда пришел человек уже в раннюю пору металлической эпохи, т. е. в начале энеолитического времени. В кремневом инвентаре совершенно очевиден некоторый регресс, оскудение форм орудий домашнего обихода. Очевидно, что одновременно с каменными существовали орудия, изготовленные из других материалов и другой техникой. Среди кремневых орудий преобладают призматические пластинки, но без ретуши. Скребки редки, но очень четко моделированы, с округлым лезвием; часты комбинированные орудия. Они изготовлялись по преимуществу из крупных пластинок. Лезвия оформлялись очень тщательно. О высоком мастерстве обработки кремня дает полное представление наконечник стрелы треугольной формы с насадом. В керамике тоже очевидны какие-то сдвиги, но в своей основе она консервативно сохраняет яйцевидную форму дна. Остаются те же мотивы орнамента гребенки и штриха, но наряду с этим появляются новые элементы орнамента в виде тонкого, округлого налепного валика. Такой орнамент обычен в ранних памятниках бронзовых и энеолитических культур на Волыни, на Волге и Оке. Образование этого культурного горизонта вряд ли можно считать древнее II тысячелетия до н. э. (рис. 114, *D*).

Слой *D* — последний культурный горизонт Игренской стоянки 8. Человек уже больше не жил здесь, но все-таки иногда приходил, о чем мы можем судить по найденным погребениям более позднего времени.

Погребение 6. Древнейшее погребение относится к средней поре формирования культурного слоя D_1 (рис. 115, *а*). Костяк был перекрыт ненарушенным слоем ракушечника, а, следовательно, умерший был погребен еще до начала его образования. Скелет был погребен головой на север, на спине, с вытянутыми руками и как бы спеленутыми вытянутыми ногами. Вещей при скелете не найдено, нет следов могильной ямы. Сохранность костей средняя, но череп сохранился плохо.

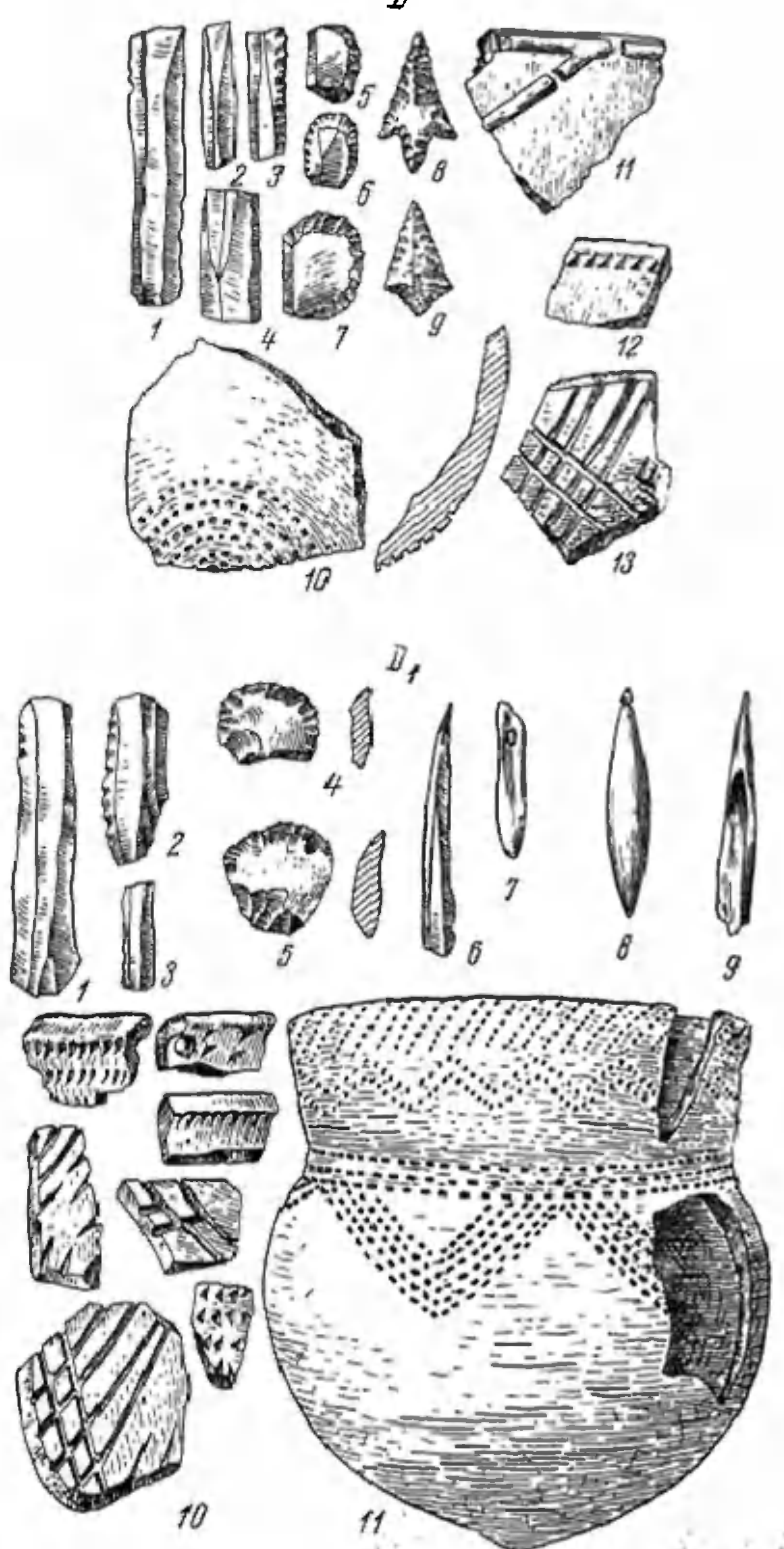

Рис. 114. Инвентарь верхних слоев со стоянки Игрень 8. Слои D и D_1.

D: 1, 2, 3, 4 — призматические пластины; 5, 6, 7 — мелкие скребки из сечений пластинок; 8, 9 — наконечники стрел; 10 — донышко сосуда; 11, 12, 13 — орнаментированные черепки сосудов. Слои D_1. 1, 2 — призматические пластинки с ретушью по краю; 3 — микропластинка; 4, 5 — скребочки на коротком отщепе; 6 — проколочка из призматической пластины; 7, 8 — подвески из кости; 9 — шильце из трубчатой кости; 10 — орнаментированные черепки; 11 — остродонный сосуд с тонким орнаментом гребенчатым штампом.

Рис. 115. Стоянка Игрень 8

а — неолитическое женское погребение 6 из слоя D;
б — неолитическое мужское погребение 4 из слоя D;
— мужское погребение 2 древнеямной культуры с инвентарем;
г — кремневые наконечники стрел из погребения 2;
д — реконструкция профиля головы по черепу из погребения 2 древнеямной культуры

Осмотр костей черепа и таза убеждает нас в том, что скелет принадлежал немолодой женщине — не менее 50 лет. Она была невысокого роста, не более 1,50 м. Судить об этом можно по размору не вполне целого бедра, длиной около 40 см. Остальные длинные кости не имеют эпифизов. Несмотря на небольшой рост, скелет этой женщины удивляет массивностью костей; они толсты, с мощными гребнями прикрепления мышц. Если бы не тазовые кости и не остатки костей не родившегося ребенка (в области таза), можно было бы усомниться в правильности определения пола.

Описание черепа из погребения 6

Сохранилась бóльшая часть свода черепа, альвеолярный отросток левой верхнечелюстной кости, левая половина нижней челюсти. Лицевых костей, многих зубов верхней челюсти, а также основания черепа — нет.

Кости грубые, тяжелые, массивные. Толщина свода в средние лобной кости — 11 мм, середина теменных костей 9 мм, середина затылочной кости — 10 мм. В горизонтальной проекции череп бризоидной формы, свод высокий, крышевидный. Лоб низкий, с сагиттальным валиком, со слабо выраженными лобными буграми. Глабелла сильно выступающая, массивная (6 баллов), надбровье достигает 2 баллов. Лобная кость плавно переходит в теменные кости, затылок не выступающим, выйные линии развиты слабо, но места прикрепления мышц отчетливо выражены. Верхний край орбит массивный, особенно в латеральных углах. Фрагменты альвеолярной части челюсти дают возможность судить о том, что челюсть была массивной, но ортогнатной; грушевидное отверстие широкое, с приподнятым подносовым краем, подносовой шип короткий. Сохранившиеся зубы ортогнатны, сильно стерты. Клык и ложнокоренной зуб стерты до полного сечения зуба. Нижняя челюсть тяжелая, со слабо выступающим подбородком, с короткой, широкой ветвью. Облитерация швов значительная.

Основные измерения черепа:

1. Наибольший продольный диаметр . . . . . 194 мм.
2. Инионный продольный диаметр . . . . . 189 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 137 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 70,66.
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 72,58.
11. Ушной диаметр . . . . 135 мм.
10. Наибольшая ширина лба . . . . 121 мм.
10 : 8. Указатель . . . . 88,32.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 106,5 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 77,74.
47. Длина челюсти . . . . 108,5 мм.
58. Высота ветви челюсти . . . . 67 мм.

Приведенное описание и данные измерений дают право сравнивать череп из погребения 6 с черепами кроманьонцев из гротов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба. В результате сравнения можно сказать, что этот череп по всем своим основным данным не выходит за пределы категории позднего типа кроманьонцев, но отличается еще большей массивностью.

П о г р е б е н и е 4. Следующее по древности погребение также обнаружено в слое D_1. Это погребение располагалось в верхней части кучи скопления раковин. Совершенно очевидно, что этот человек был погребен людьми, жившими над скоплением раковин. И, действительно, даже в начале нижнего слоя культурного горизонта D нет никаких следов могильной ямы или каких-либо нарушений слоя (рис. 115,*б*).

Костяк обнаружен в позе человека, сидящего с вытянутыми ногами и с пригнутым к ним торсом. Скелет как бы согнут пополам, голова умершего лежала на его коленях. Грудь была прижата к бедрам; левая плечевая кость лежала параллельно грудной клетке, правая уходила под ребра, кисти рук и локтевые кости лежали посередине бедер так, что лицо как бы было прижато к ладоням. Стоп не сохранилось. Вещей с умершим не обнаружено. Скелет сохранился плохо, длинные кости, таз, позвонки — все сильно фрагментарно. Кости черепа также сильно фрагментарны, но свод

сохранился. Остались часть черепного свода, частично носовые кости, альвеолярная часть верхней челюсти, обломки левой скуловой кости и нижняя челюсть. Череп принадлежал мужчине 55—57 лет, видимо, очень сильному: кости черепа и фрагменты остального скелета свидетельствуют о его массивности; на черепе, плечевых и бедренных костях сильно развиты гребни прикрепления мышц.

Описание черепа из погребения 4

В горизонтальной проекции череп — бризоидной формы. Форма свода его сзади, благодаря сильной степени развития медиального валика,— резко крышеобразная. При переходе с теменных к затылочной кости швы образуют резко выступающий гребень. Весь рельеф затылочной кости усилен, затылок резко преломлен.

Лоб высокий, с сильно выраженной надглабеллярной впадиной. Глабелла массивная, сильно выступающая, что усиливается профилем широкого, но короткого носового отверстия, сильно наклоненного внутрь так, что создается впечатление очень глубоко сидящего носа. Надбровье мощное, тяжелое, очень напоминающее неандерталоидную форму, достигает предельного развития для *Homo sapiens*. Носовые косточки, сохранившиеся только в верхней своей четверти, сильно выступают, образуют узкую, но приподнятую спинку с резко волнистым профилем. Нижне-передний край носа имеет следы патологического образования типа гуммы. Альвеолярная часть широкая, низкая, чуть прогнатная. Столь же прогнатные зубы стерты больше, чем наполовину. Альвеолярная дуга верхней челюсти широкая, параболоидная. Смыкание сильно стертых зубов обеих челюстей определяет яркую форму ступенчатого прикуса. Общая массивность черепа как-то не гармонирует с относительно тонкой и легкой нижней челюстью. Эта легкость челюсти компенсируется ее сравнительно сильным рельефом и широким подбородочным выступом, достигающим предельной степени (выступание по шкале — 4 балла).

На своде черепа в области теменных костей отчетливо видны вероятности глубокой западины, как бы изъязвления,— очевидно, следы того же патологического явления, которое было отмечено в области носовой части черепа.

Основные измерения черепа:

1. Наибольший продольный диаметр . . . . . 181 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 179 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 136 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 75,31.
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 78,61.
11. Ушной диаметр . . . . 124 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 102 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 75.
39. Ширина верхнего края альвеол . . . . . 58 мм.
40. Высота альвеолярной дуги . . . . . . 44 мм.
41. Длина свода неба . . . . 34 мм.
42. Ширина свода неба . . . . 56 мм.
47. Длина нижней челюсти . . . . 107 мм.
48. Высота тела нижней челюсти . . . . . . 32 мм.
49. Толщина тела нижней челюсти . . . . . . 0,9 мм.
58. Высота ветви нижней челюсти . . . . . . 70 мм.
59. Ширина ветви нижней челюсти . . . . . 42 мм.

Описанный череп из погребения 4 в общем представляет тот же антропологический тип, что и череп женщины из погребения 6. Это убеждает нас в том, что на протяжении существования культурных горизонтов D_1 и D на данной стоянке периодически, с небольшими интервалами, жило одно и то же по своему происхождению племя людей. То же самое можно сказать при внимательном рассмотрении инвентаря обоих слоев, в которых отчетливо прослеживается преемственная связь как между собой, так и с более ранней культурой этого поселения. Это наблюдение чрезвычайно важно, так как документирует процесс формирования одной из неолитических культур Приднепровья из эпипалеолитической культуры тарденуазского типа. Кроме того, очень интересно, что эти культуры на данном месте,

повидимому, связываются с единым антропологическим типом, который в своем генезисе является продолжением развития кроманьонского типа.

Погребение 2. Если оба описанных ранее погребения (4 и 6) с достоверностью относятся к неолитическим слоям D и D_1, то, несмотря на то, что и это погребение найдено примерно на той же глубине (около 1,2 м), стратиграфические данные его таковы, что не возбуждают никаких сомнений в относительно позднем его возрасте (рис. 115, *в*).

В нижней части слоя С, в отличие от его общего серого тона, было обнаружено могильное пятно темнобурого цвета, характерного для нижележащего слоя D. Совершенно очевидно, что эта могила была выкопана никак не раньше образования слоя С. Могильная яма в виде овального пятна прослеживается и дальше на протяжении всей толщи слоя D и далее прорезает в данном месте тонкий горизонт ракушечника в слое D_1. Следы этой ямы, несмотря на их отчетливость, были все же не настолько яркими, чтобы можно было говорить с достоверностью о ее форме. Стенки сложены сыпучим грунтом, что мешало наблюдению.

На дне ямы было обнаружено частично разрушенное захоронение. Это захоронение граничило со старыми раскопками М. Л. Миллера и, видимо, было разрушено позднее. Так, в результате этого были утрачены руки и ноги умершего. Другие кости в большей степени сохранили свое правильное взаимоотношение. Этот мужской костяк лежал на спине, головой на восток. Ноги и руки, вероятно, были вытянуты, о чем можно судить по положению верхней части левой плечевой кости, фаланг пальцев правой руки и обломкам верхних частей бедренных костей. Сильно разрушенный череп, позвонки, ребра, тазовые кости лежали в ненарушенном положении. В области таза и с правой стороны грудной области было обнаружено некоторое количество красной краски — кровавика. Близ головы с левой стороны также оказались кусочки кровавика. На одном из них лежал кусок кремня, которым, видимо, скоблилась краска. У правого бедра находился наконечник стрелы с симметричными жальцами (рис. 115,*г*). В третьем поясничном позвонке обнаружена воткнувшаяся острием в него маленькая асимметричная треугольная стрела. К сожалению, А. В. Добровольским мне был показан только рисунок, а не позвонок с находящимся в нем наконечником (вследствие плохой сохранности позвонок разрушился в процессе раскопок и наконечник выпал).

Под тазом был найден кусок кремня. Ниже подвздошной кости правой стороны оказался наконечник стрелы с двумя длинными симметричными жальцами. Под грудными позвонками лежал асимметричный наконечник. В области тазовых костей была найдена тонкая пластинка с приостряющей ретушью; эта пластинка могла служить наконечником стрелы.

Найденный инвентарь дает право относить это захоронение к древнеямной культуре, т. е. к ранней поре энеолитического времени. Это не противоречит стратиграфическим данным, отмеченным в связи с этим захоронением. На связь древнеямной культуры с неолитом неоднократно указывали многие исследователи. В частности, Г. Ф. Дебец в черепах древнеямной культуры склонен видеть пережитки кроманьонских черт и преемственно связывает их с древним населением неолита Приднепровья.

Описание черепа из погребения 2.

Сохранилась бо́льшая часть левой половины свода черепа с частью основной кости и частью левой височной кости с ее сосцевидным отростком. Сильно фрагментарны носовые кости, часть обеих скуловых костей, половина верхней челюсти и нижняя челюсть. Даже после реставрации могли быть сделаны только некоторые промеры, конечно, не дающие полного представления о данном черепе.

Череп, принадлежавший мужчине в возрасте от 35 до 40 лет, массивен: кости свода очень толсты, толщина костей лобной доли — до 10 мм, теменных — 8 мм. В горизонтальной проекции череп — ромбовидной формы, за счет сильного расширения теменных бугров. Затылок мало выступает и слабо преломлен; инион развит слабо. Надбровья очень коротки, как бы вздуты; глабелла выступающая, выступание ее по шкале — 4 балла. Корень носа глубоко западает, орбиты сильно профилированы, причем часть скуловых костей, лежащая во фронтальной плоскости, сильно вынесена вперед. Альвеолярная часть прогнатна, но зубы ортогнатны, и все же они резко выступают над зубами нижней челюсти. Прикус карнизообразный. Нижняя челюсть сильная, с остро-выступающим подбородком; ветви ее очень высоки, круто поставлены, широки, уплощены, но не массивны. По общему контуру профиля свода и форме лицевого скелета мы не могли отметить сходства с неолитическими черепами Игренской стоянки. По размерам этот череп тоже сильно отличается от них. Нет у него сходства и с черепами поздних кроманьонцев из крымских гротов Мурзак-Коба и Фатьма-Коба (рис. 115, д).

Основные измерения черепа:

1.	Наибольший продольный диаметр	186 мм.
2.	Диаметр глабелла — инион	184 мм.
17.	Высота свода базион — брегма	130 мм.
8.	Наибольший поперечный диаметр	145 мм.
5.	Носоосновной диаметр	106 мм.
55.	Высота носа	45 мм.
54.	Ширина носа	27 мм.
50.	Ширина межорбитная	26 мм.
47.	Длина нижней челюсти	86 мм.
58.	Высота ветви нижней челюсти	72 мм.
59.	Ширина ветви нижней челюсти	36 мм.
48.	Высота тела нижней челюсти	28 мм.
49.	Толщина тела нижней челюсти	18 мм.

2. Люди Сурского острова

Трудами Е. Ф. Лагодовской, А. В. Добровольского, В. Н. Даниленко и А. В. Бадяевского был обследован и частично раскопан ряд памятников Сурского острова.

Сурской остров находится в Днепропетровской области, близ Сурского порога (с. Волошское). Исследователи выяснили, что в ряде мест, в частности, в северо-восточной и юго-западной частях побережья острова, имеются несколько неолитических стоянок и связанных с ними грунтовых захоронений, а также ряд могильных групп с каменными вымостками. Эти каменные вымостки или закладки, как их называют местные жители, разнообразны по своим очертаниям. Они всегда сложены из грубых обломков кристаллических пород и в большинстве своем представляют круговые, кольцевые, полулунные, плоские выкладки камней в один ряд. Эти закладки и неолитические стоянки некогда были перекрыты слоем стерильного песка мощностью до 1 м. В результате постройки Днепрогэса поднявшейся водой Сурской остров был затоплен. Во время войны плотина была уничтожена, и спавшая вода обнаружила остров. Но за время его нахождения под водой был начисто смыт верхний слой песка. Памятники древних культур оказались спустя тысячелетия вновь на дневной или почти на дневной поверхности. Одна из групп этих закладок была раскопана летом 1945 г. Эта группа вымосток была расположена на территории неолитической стоянки, которая узкой полосой тянулась вдоль западного берега острова. В результате этих раскопок был добыт интересный материал, дающий возможность судить об антропологических типах древнего населения Сурского острова.

З а к л а д к а 1. На размытой поверхности площадки стоянки в изобилии встречаются створки раковин Unio и Paludina. Нередко эти раковины образуют скопления, уходящие ниже поверхностного слоя гумусированного песка.

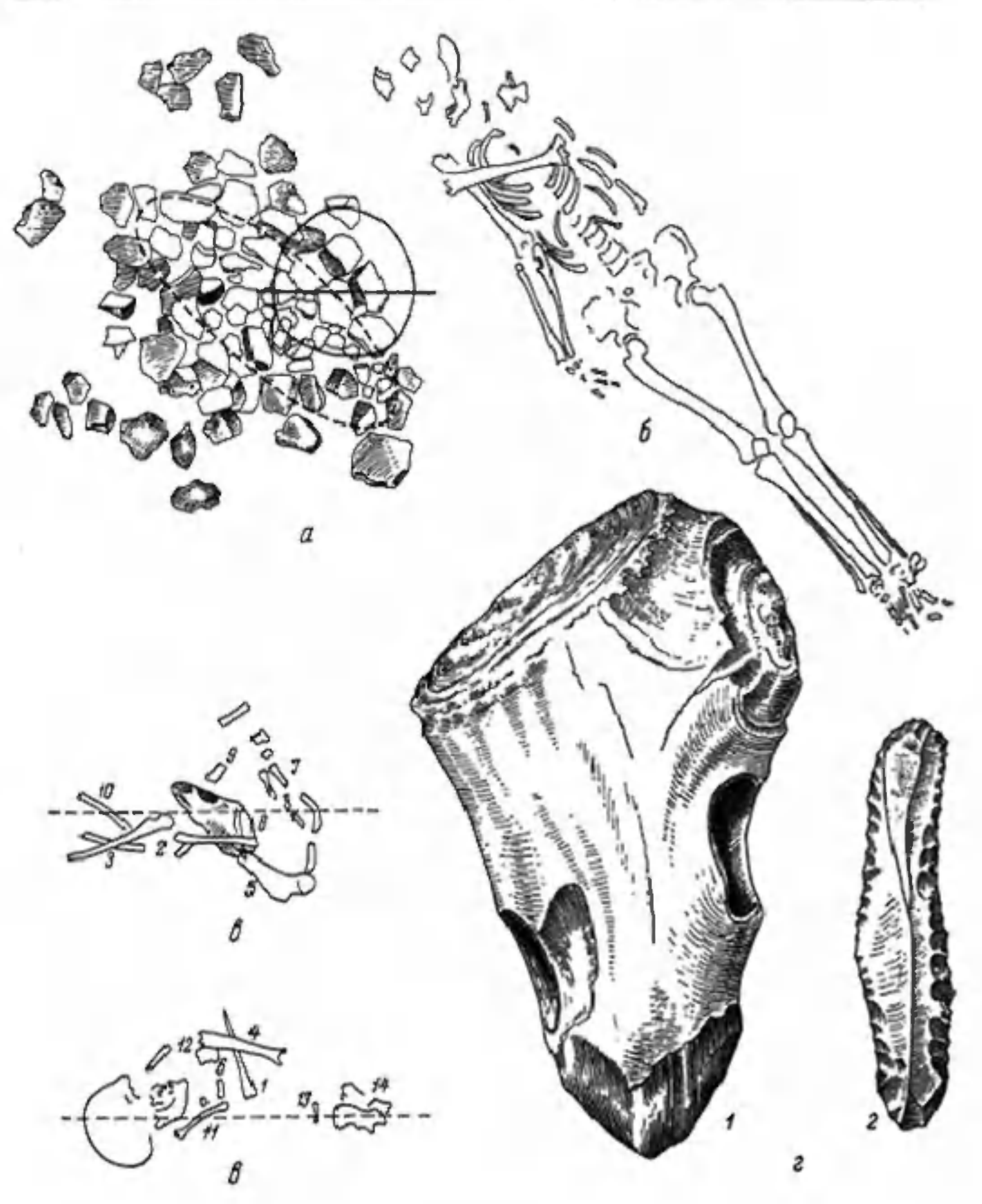

Рис. 116.

а — внешний вид закладки 1 могильника на Сурском острове. Пунктиром отмечена могила погребения 1; сплошной линией обозначена могильная яма 2; б — положение скелета женщины погребения 1, закладки 1 Сурского острова; в — положение костей скелета молодого мужчины, погребенного в расчлененном виде (погребение 2, закладки 1), 1, 2 — локтевые кости, 3 — лучевая кость, 4 — плечевая кость, 5, 6 — обломки бедра, 7 — кости стопы, 8 — роговая мотыга, 9 — плечевая кость, 10 — лучевая кость, 11 — ключица, 12 — лопатки, 13 — фаланги рук, 14 — тазовые кости; г — орудия, найденные в могиле 2 закладки 1: 1 — мотыга из рога оленя с цилиндрической сверлиной для рукоятки, 2 — пластинка с ретушью.

Стратиграфический разрез: 1) гумусированный песок — 1,30 м; 2) светлосерый песок — 1 м и более (в данном шурфе раковин не обнаружено).

Все каменные насыпи закладки обнажены. Обычные размеры их 2,2× ×2,4 м. Как правило, по краям закладки располагаются крупные

камни, внутри же — более мелкие. Камни лежат в один ряд, иногда образуя подлинную вымостку (рис. 116, *а*).

Под закладкой, непосредственно под камнями, в центральной части был обнаружен костяк, вытянутый на спине, головой на запад (285°; рис. 116,*б*).

Череп разрушен. Скелет принадлежал молодой женщине — не старше 25 лет, среднего роста (1,56 м). В нижней челюсти отмечается любопытная аномалия — не прорезались клыки. Скелет очень тонкий, грацильный; череп находится в таком состоянии, что при осмотре отдельных фрагментов можно говорить о грацильности и вероятной долихокранности. Лоб крутой, надбровье слабое, нос, вероятно, выступающий, тонкий. Может быть, был небольшой прогнатизм. Все эти черты типично европеоидные.

При расчистке этого погребения (1) несколько в стороне, восточнее, была обнаружена округлая яма. При ее зачистке стали попадаться кости человека, очевидно, лежавшие не в анатомическом порядке. Первые кости были вырыты на глубине 76 см. Кости лежали в гумусированном песке, несколько отличающемся от окружающего. У локтевой кости был найден кремневый нож из призматической пластины с ретушью по всему краю. Череп был обнаружен на глубине 105 см (рис. 116, *в*). Создается впечатление, что человек был погребен в расчлененном положении. Между костями была обнаружена роговая мотыга с круговой сверлиной для рукояти (рис. 116, *г*). На дне ямы были обнаружены следы красной краски. Анализируя результаты своих наблюдений, Е. Ф. Лагодовская считает возможным не связывать погребение 2 с каменной закладкой; она считает, что закладка была заведомо сооружена при погребении женщины (1), погребение же в яме (2) не связано с закладкой и было произведено во время существования неолитической стоянки. Нет никаких оснований оспаривать это положение.

Описание черепа из погребения 2

Сохранность черепа, найденного в погребении 2, очень плохая. Сохранился по существу только неполный свод, без основания и лицевых костей. В горизонтальной проекции этот череп — бризоидной формы, с сильно выступающей глабеллой; (выступание ее по шкале — 5 баллов). Череп невысокий, в сечении имеет форму суженного свода. Затылок выступающий, слегка преломленный, с четким гребнем, но инион развит слабо (по шкале — 1 балл). Надбровные дуги слиты в один общий валик с краем орбиты, сильно выступающим, но не толстым; резкий перегиб от глабеллы ко лбу усиливает впечатление степени их развития. Череп, несомненно, мужской; возраст — примерно 40 лет. По общему своему облику этот череп очень напоминает череп № 4 из кучи раковин слоя D_1 стоянки Игрень 8.

Основные измерения черепа:

1.	Наибольший продольный диаметр	193 мм.
2.	Инионный продольный диаметр	185 мм.
8.	Поперечный диаметр	134 мм.
8 : 1.	Черепной указатель I	69,43.
8 : 2.	Черепной указатель II	78,05.
6.	Ушной диаметр	128 мм.
10.	Наибольшая ширина лба	106 мм.
9.	Наименьшая ширина лба	98 мм.
50.	Ширина межорбитная	28 мм.

З а к л а д к а 2. В 10 м от раскопанной закладки 1 к северо-востоку была расположена вторая закладка, отличающаяся каменной выкладкой кольцеобразной формы. От времени кольцо закладки несколько деформировано, но в большинстве своем камни сохранили первоначальное свое положение (рис. 117, *а*).

При расчистке камней удалось найти несколько черепков, несомненно, неолитического времени с прорезным линейным орнаментом. Здесь же были

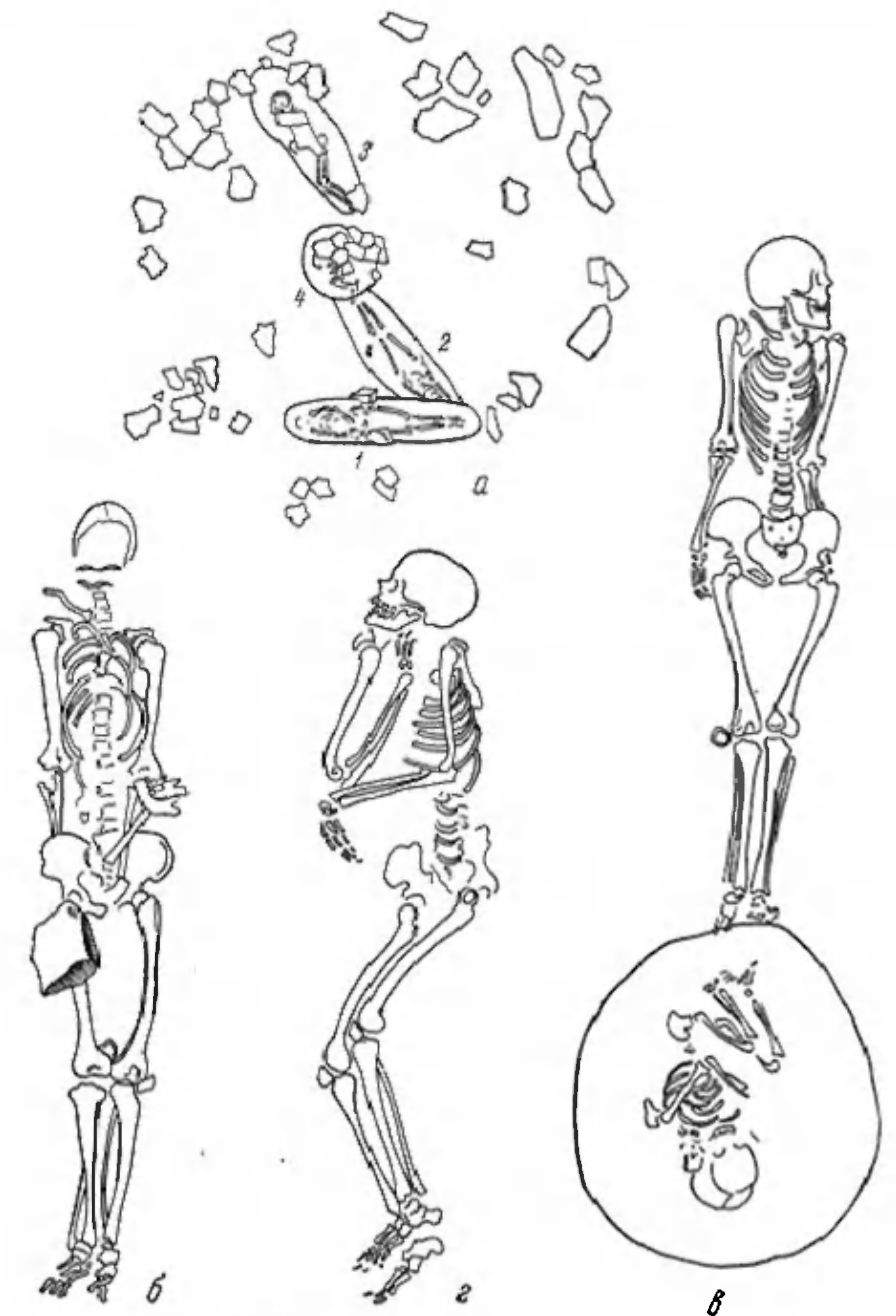

Рис. 117. Закладка 2 могильника на Сурском острове:

а — внешний вид закладки: *1* — погребение мужчины, *2*, *3* — погребения женщин, *4* — погребение ребенка; *б* — положение скелета мужчины; *г* — положение скелетов женщины и ребенка; *в* — положение скелета женщины погребения 3.

собраны до двух десятков кремневых отщепов, одна призматическая пластинка и костяное шильце. По утверждению Е. Ф. Лагодовской, найденные неолитические предметы находились in situ в очевидной связи с закладкой. В пределах этой закладки, под ее камнями, были найдены

4 захоронения, и все их Е. Ф. Лагодовская считает связанными со временем сооружения закладки. Тщательно рассмотрев записи дневников, мы склонны считать, что отмеченные исследователем факты находятся в некотором противоречии с ее выводами.

Первое захоронение, связанное с закладкой 2, — мужское. Оно было обнаружено у нижней окраины кольца каменной кладки и ориентировано головой на запад (рис. 117, *б*). Второе, — женское, — захоронение лежало чуть глубже и было ориентировано головой на юго-восток, ногами — на северо-запад, так что ноги первого погребения перекрывали голову второго. Скелет лежал как бы туго спеленутым. Кости стоп (вторые и третьи фаланги) этого женского скелета были срезаны при захоронении следующего погребения. Это последующее захоронение (ребенка) было произведено в небольшой круглой яме, перекрытой крупными камнями. Скелет лежал в сильно скорченном положении на правом боку, головой к северо-западу (рис. 117, *в*). Четвертое захоронение, тоже женское, было обнаружено у северо-западного края кладки, причем общая ориентировка скелета была совершенно одна и та же, что и у второго костяка, но положение его было другим: скелет лежал в слегка согнутом положении на правом боку с правой рукой у лица и левой чуть согнутой так, что кисть ее приходилась несколько ниже уровня локтя (рис. 117, *г*).

Вероятнее всего, что из всей этой группы захоронений только о центральном детском погребении можно говорить как о погребении, действительно связанном с этой кольцевой каменной вымосткой. Вещей при погребении не найдено.

Попытаемся выяснить действительную очередность захоронении. Погребение женщины на боку наиболее изолировано от всех остальных погребений, но стратиграфически это наиболее глубокое погребение; оно близко к погребению 2. То, что эти погребения оба ориентированы одинаково, убеждает нас в том, что по существу они были совершены в одно и то же время.

Погребение 1, несомненно, более позднее. Оно не связано с двумя предыдущими по своей ориентировке и стратиграфически находится в более высоком горизонте. Ноги костяка в этом погребении перекрывали голову ниже погребенной женщины; следовательно, оно могло быть совершено только спустя некоторое время. Еще позже был погребен ребенок, причем это произошло через относительно большой срок, так как в процесс захоронения были потревожены и утрачены фаланги обеих стоп женщины из погребения 2. Это могло случиться только через несколько лет, когда кости стопы совершенно освободились от мягких тканей. В связи с последним погребением была сооружена кольцевидная ограда, имевшая в центральной части группу камней, лежавших непосредственно над могилой ребенка.

Итак, совершенно очевидно, что первые захоронения мужчины и обеих женщин были сделаны значительно раньше погребения ребенка. Границы закладки, связанной с поздним захоронением, совершенно случайно пришлись над остальными, более ранними погребениями.

Заключение Е. Ф. Лагодовской, что сооружение этой могильной закладки одновременно существованию бывшей здесь стоянки, не противоречит нашему предположению и лишь свидетельствует о некоторой очередности событий. Погребение без закладки, видимо, является более ранним и, очень вероятно, связано со временем существования здесь стоянки, на которой люди продолжали обитать и в дальнейшем — вплоть до времени сложившегося нового обряда захоронения, при котором скелет клался на бок и сопровождался специально сооружаемыми закладками.

Найденное здесь погребение 1, — несомненно, мужское (рис. 117, *б*). Костяк лежал на спине, как бы в спеленутом положении, с тесно прижатыми руками и вытянутыми ногами. Головой он ориентирован на запад. От черепа сохранились мелкие кусочки затылочной кости и нижняя челюсть, которая, кстати сказать, лежала не на месте, а над локтевым суставом левой руки. Остальные кости сохраняли свое правильное анатомическое соотношение. Правая рука лежала плотно прижатой к торсу, кисть руки уходила под подвздошную кость. Левая рука, столь же плотно прижатая к груди, лежала поверх тазовых костей. Ноги были вытянуты, колени сильно сведены. Ни краски, ни вещей с погребенным не обнаружено. Над верхней частью правого бедра, на 15 см выше его, находился камень закладки. Форму могильной ямы проследить не удалось, но дно ее, ушедшее в более светлый песок, было отчетливо видно. Кости — средней сохранности. По тазовым костям определение пола не представляло трудности. Возраст установлен по степени формирования костей и по зубам нижней челюсти. Этому мужчине было около 40 лет. Он был астенического телосложения, среднего роста — около 1,70 м.

При разборке погребения 1 непосредственно под его ногами, но немного глубже, было обнаружено погребение 2 (рис. 117, *в*). Могильная яма этого погребения была очень тесной, желобообразной выемкой, прорезавшей всю толщу гумусированного слоя и уходившей в нижележащий слой светлого песка. При расчистке этой могильной ямы оказалось, что она непосредственно переходит в соседнюю могилу, округлую по очертаниям, но чуть более глубокую. В первой, — узкой, корытообразной, — могиле был обнаружен костяк женщины, лежавший на спине в вытянутом, как бы спеленутом положении. Голова ее была повернута налево (лежала на левом виске). Ориентировано погребение на юго-восток (150°). В округлой могиле у ног женщины был найден костяк маленького ребенка, ориентированный головой в противоположную сторону и лежавший в сильно скорченном положении. Костей ребенка я не видел: судя по словам Е. В. Лагодовской, костяк принадлежал ребенку от года до двух лет. Связь погребения ребенка с женщиной случайна, на что мы уже указывали.

Е. Ф. Лагодовская склонна относить это погребение к развитому неолиту. Нам кажется, осторожней было бы датировать его уже началом энеолита, т. е. отнести ко времени конца III тысячелетия до н. э.[1].

Описание черепа из погребения 2

Найденный совершенно целый череп принадлежал молодой женщине—не старше 25—26 лет. По своим очертаниям в горизонтальной норме он ближе всего к бризоидной форме, причем сечение его сводчатое, затылок не выступающий; степень развития иниона не превышает 1 балла по шкале Брока. Затылочный вал проломлен, но без сильного рельефа. Надбровные дуги развиты крайне мало, имеют уплощенный рельеф. Лицо по своим очертаниям занимает промежуточное положение между овоидной и триангулярной формами. Невысокие округлые орбиты имеют слегка замкнутые камеры. Край орбиты толст и закруглен на всем протяжении. Нос — тонкого рисунка, с едва намеченной горбинкой; он сильно выступает вперед, имеет правильную форму грушевидного отверстия, с тонкими, острыми краями на всем протяжении. Подносовой шип четкого рисунка резко выступает, сохраняя горизонтальное направление. Глабелла выражена слабо; узкие носовые кости на всем протяжении имеют округло-притупленный свод. Скуловые кости тонко очерчены, имеют изящный рисунок. Примыкающие к ним верхнечелюстные кости резко уплощены и сильно расширяются книзу, образуя угол по отношению к нижней плоскости скуловых костей. Собачьи ямки сглажены. В результате такого строения скуловых костей альвеолярные отростки верхнечелюстных костей, особенно в районе второго коренного зуба, вертикально увеличены.

---

[1] Судя по керамике, вряд ли этот памятник следует датировать временем неолита.

Верхнечелюстные кости на всем своем протяжении имеют четкий альвеолярный рельеф. Зубы относительно мелкие, красивого рисунка, имеют правильный ряд и товкии вожкицеобразный прикус. Нижняя челюсть с хорошими зубами обладает сильно выступающим подбородком и широкими, укороченных пропорций, ветвями. Ветви образуют с телом челюсти почти прямой угол. Несмотря на массивность челюсти и четкость ее рельефа, она имеет мягкие очертания, что сильно смягчает общее впечатление от типа лица. Зубы стерты неравномерно: при значительной стертости передних резцов обеих челюстей вторые коренные зубы едва притуплены, а третий коренной только что прорезается.

В 15—17 см к северу от группы камней над детским погребением было обнаружено могильное пятно погребения 3 (рис. 117, *г*). Это пятно было ориентировано точно так же, как и могила погребения 2. Длина пятна — 1, 8 м, ширина — 40 см. Костяк лежал на спине, но был склонен на правый бок. Ноги, слегка согнутые в коленях, были обращены направо. Правая рука согнута в локте так, что кисть лежала перед подбородком; левая рука слегка согнута, повторяя основное направление скелета; кисть левой руки также была слегка согнута. Череп был повернут на правый висок. Вещей при костяке не найдено. Скелет, несомненно, принадлежал молодой женщине — в возрасте от 18 до 20 лет. Совершенно очевидно, что и это захоронение не связано с закладкой, однако следует отметить новое положение костяка[1].

Описание черепа из погребения 3

Найденный череп цел, утрачены лишь средняя часть скуловой дуги правой стороны, оба первых резца нижней челюсти, второй резец и клык нижней челюсти; обломан правый сочленовный отросток нижней челюсти.

Форма черепа в горизонтальной проекции ближе всего к овоидной. Свод черепа сводчатый, затылок едва выступает. Затылочный вал не выражен. Надбровье слабое; выступание по шкале — 1 балл. Лицо овоидное; орбиты удлиненно-округлые, с тонким притупленным краем. Носовое отверстие — треугольной формы, с тонкими стенками, с острым подносовым краем. Подносовой шип желобчатый, хорошо развитый; выступание по шкале — 4 балла. Глабелла слабо развита. Узкая спинка носа волнисте в профиль, притуплена в сечении; собачьи ямки едва намечены. Форма нёба параболоидная. Стирание зубов едва намечается; альвеолярная часть ортогнатная. Подбородок для женщины относительно силен, с явно намечающейся средней бороздкой. Описываемый череп принадлежит к той же этнической группе, что и череп из погребения 2 этой же закладки, но представляет собой длинноголовый вариант, с более низким лбом, сильно выступающим носом, заметно меньшей величиной всего лица и маленькими глазами. Сильный прикус зубов верхней челюсти придает особый характер всему лицу.

Совершенно очевидно, что оба женских скелета антропологически принадлежат к одному типу; степень различия находится в пределах вариации одного и того же типа. В основе своей это типичные европеоиды. Скелет мужчины тоже, по всей вероятности, принадлежит к этой категории, но отсутствие черепа лишает нас возможности говорить об этом определенно.

Решение вопроса о времени всех этих захоронений крайне затруднительно. Нам представляется, что некоторый ответ на это дает стратиграфия памятника и прежде всего уже отмеченная очередность могил. По нашему мнению, Е. Ф. Лагодовская правильно считает сооружение закладок одно-

---

[1] Археолог должен подумать о причинах возникновения нового обряда трупоположения. Очень вероятно, что различные типы погребений связаны с определенными этапами, но, может быть, они определялись какими-то градациями социального положения умерших: 1) туго спеленутое погребение на спине; 2) положение на боку, в позе спящего человека; 3) сильно скорченное положение на боку.

Возможно, здесь помогут этнографы. Нам кажется, что при исследовании этого вопроса не следует игнорировать антропологический тип погребенных; может быть, это позволит выяснить традиции, связанные с той или иной территорией.

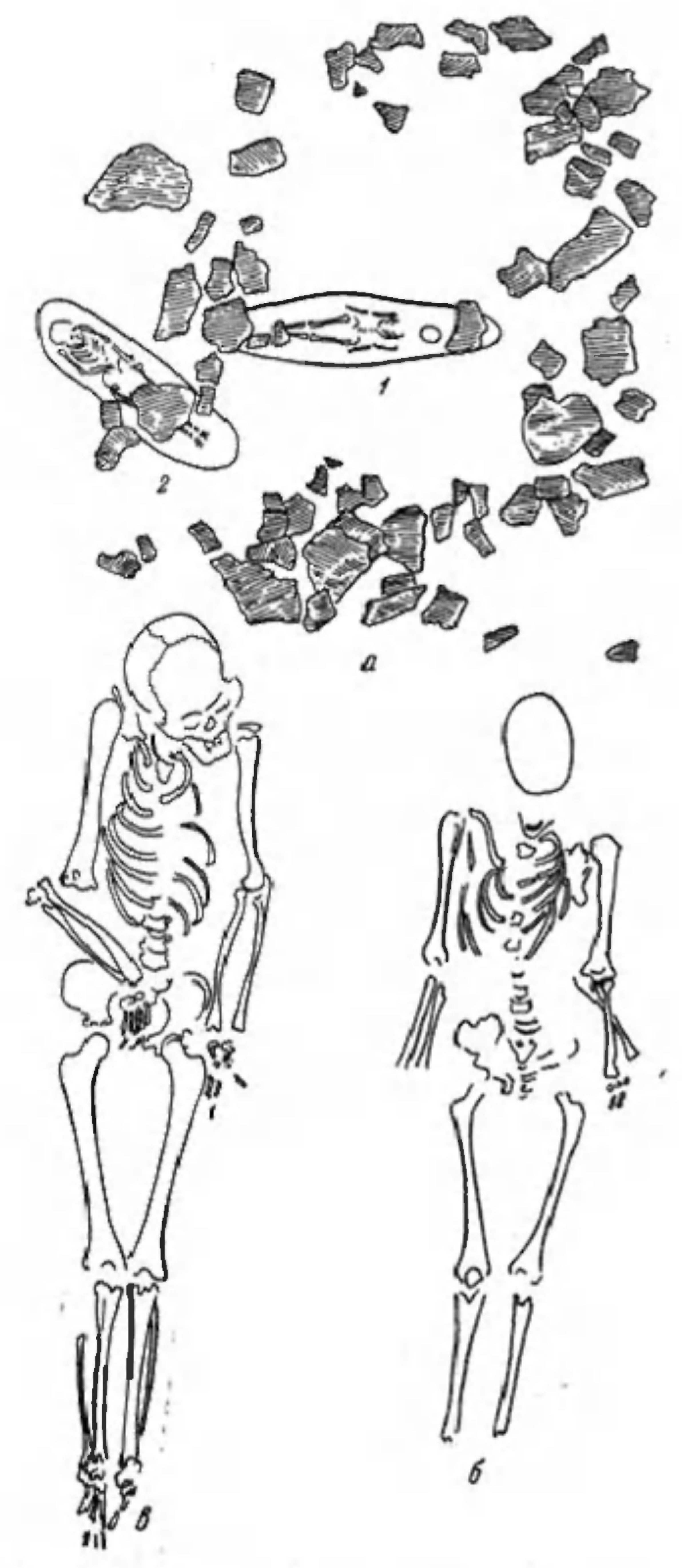

Рис. 118. Закладка 3 могильника на Сурском острове:

а — внешний вид закладки: *1* — погребение женщины, *2* — погребение мужчины; *б* — положение скелета женщины; *в* — положение скелета мужчины.

временным с поздним этапом существования стоянки, но ее датировка стоянки неолитом вряд ли вероятна. Керамика дает нам право считать, что это уже было время энеолита.

З а к л а д к а 3. В непосредственной близости от двух первых могильных сооружений находится третье (рис. 118, *а*). Это одно из лучших по сохранности кольцевидных могильных сооружении данной группы.

Непосредственно под каменной кладкой на глубине около 45 см от поверхности в слое гумусированного песка была обнаружена могильная яма удлиненной формы. Эта яма находилась посередине кольца с ориентировкой длинной осью с востока на запад. Через кольцо кладки, как бы пересекая его и проходя через могилу, идет ряд камней. Такое положение камней как будто указывает на некоторую зависимость кладки от могилы, и создается впечатление, что каменная вымостка связана конструктивно с могильным сооружением. В могиле найден лежавший на спине костяк очень плохой сохранности. Череп, тазовые кости и большинство длинных костей почти совсем разрушены, но сохранившиеся фрагменты производят впечатление очень грацильного, видимо, женского скелета. Судя по нескольким сохранившимся зубам, возраст погребенной женщины — от 20 до 23 лет. Рост, выясненный очень условно, вероятно, близок к 1,50 м. Весь характер костей дает право объединять этот скелет по его антропологическому типу с погребениями женщин закладки 2 (рис. 118, *б*).

В полуметре от погребения 1, под западной стороной кольца кладки, во значительно ниже камней, на переходе гумусированного песка в более светлый слой, было обнаружено пятно погребения 2. Эта могила была ориентирована своею осью с юго-востока на северо-запад. Верхняя граница могильного пятна обнаружена на глубине 75 см от дневной поверхности. В могиле лежал костяк на спине с плотно сжатыми, как бы спеленутыми ногами, с чуть согнутой в локте правой рукой, так что кисть ее находилась на лобковых костях таза. Левая рука вытянута вдоль тела. Костяк ориентирован головой на северо-запад. Скелет поражает мощностью своих костей (рис. 118, *в*).

О п и с а н и е ч е р е п а и з п о г р е б е н и я

Череп, несмотря на сильную фрагментарность, в значительной степени удалось восстановить. Отсутствуют части середины скуловых дуг обеих височных костей; обломлены внешний край носовых костей и часть подносового шипа; разрушены в большей своей части камеры глазниц; отсутствует основание черепа с передним краем затылочного отверстия; на нижнечелюстной кости отсутствует правая восходящая ветвь.

Череп очень массивен, велик, с сильным рельефом. Лицо большое, широкое. Свод черепа высокий, по своей форме в горизонтальной проекции занимает промежуточное положение между бризоидной и сфеноидной формами, тяготея больше к последнеи. По рисунку сечения свод ближе всего к крышевидному, несмотря на то, что сагиттальный валик сглажен и не образует грани угла. Боковые стороны свода, очевидно, уплощены. Затылок выступает слабо. Затылочный рельеф сильный, четко моделированный. Инион выступает не более чем на 2 балла; он усилен расщеплением, образующим пучок мелких сосцеобразных отростков. Сосцевидные отростки имеют яркий, отчетливо выраженный микрорельеф, что дает возможность судить о степени развития шейных мышц. Надбровные дуги отчетливо выражены и достигают 2 баллов. Степень их выступания одновременно подчеркивается значительными размерами глабеллы (выступание ее по шкале — 6 баллов) и глубоким корнем носа. Крупный, широкий лоб образует резкую ступень при переходе к надбровью. Свод высокий, четко очерченный, с мягким плавным переходом одной кости в другую: сагиттальный валик сильно смягчен.

Лицо эллипсоидное, орбиты низкие с нависшим притупленным верхним краем; особенно сильно выступают внешние углы краев орбит. Камеры глубокие, замкнутые. Вытянутые горизонтально глазницы, несмотря на резкость очертаний внешних краев, не угловатые, а уплощенно-эллипсоидной формы. Носовое отверстие относительно небольшое, удлиненно-грушевидной формы. Широкий подносовой шип имеет тонкие, острые боковые грани, уходящие внутрь носового отверстия, внешние стороны которого тон-

кими гребнями спускаются ниже основной грани носовой ости, образуя внешний острый край полулунных подносовых ямок. Подносовой шип характеризуется резким развитием, значительным протяжением и несколько приопущенным направлением. Носовые кости выступают резко, образуя тонкую спинку горбатого носа. Скуловые кости очень широкие, массивные, простых очертаний, слабо профилированные, со спокойными переходами к верхнечелюстным костям, так что собачьи ямки, хотя и углублены, но слабо выражены и не имеют отчетливых граней. Нёбо параболоидное, зубы обеих челюстей сильно стерты, на резцах сохранились только узенькие, кольцеобразные остатки эмали. Сильно выступающая вперед нижняя челюсть образует ступенчатый прикус. Нижняя челюсть сильная, тяжелая.

Сравнивая основные размеры данного черепа с Сурского острова и черепа кроманьонского типа из грота Мурзак-Коба, поражаешься их совпадением. Произведенное описание и ряд антропометрических данных с достаточной очевидностью свидетельствуют о том, что череп типа А с Сурского острова чрезвычайно близок к черепу мужчины из грота Мурзак-Коба (табл. 12).

Таблица 12

Основные размеры черепов из грота Мурзак-Коба и Сурского острова

Размеры	Черепа	
	из грота Мурзак-Коба, I	с Сурского острова, 3-2-А
1. Наибольший продольный диаметр, мм . . .	198	193
2. Инионный продольный диаметр, мм	185	183
8 Поперечный диаметр, мм	140	146
9. Наименьшая ширина лба, мм	98	98
45. Скуловой диаметр, мм	147	147
50. Межглазничное расстояние, мм	20	21
51. Ширина орбиты, мм	46	46
52. Высота » мм	27	26
48. Высота лица, мм	76	68
20. Высота свода (порион — брегма), мм	121	123
55. Высота носа, мм	52	50
54. Ширина носа, мм	23	21
8:1. Черепной указатель	70,7	76
9:8. Лобно-поперечный указатель	70	67,1

Приведенные данные свидетельствуют об устойчивости древнего антропологического типа кроманьонца Приднепровья; при рассмотрении их трудно даже в первый момент найти существенную разницу, тем не менее она, конечно, существует и выражается наиболее отчетливо в меньшей высоте лица, не выходящей, однако, за пределы вариации крымских кроманьонцев тарденуазской эпохи:

Признаки	Черепа			
	из грота Мурзак-коба, II	из грота Мурзак-коба, I	из грота Фатьма-Коба	с Сурского острова, 3-2-А
Высота лица, мм . . .	76	67	66	68

Эти цифры указывают на то, что череп из погребения 2 закладки 3, несомненно, ближе к черепу мужчины из Мурзак-Коба, чем черепа его современников — женщины из Мурзак-Коба и мужчины из Фатьма-Коба. Физиономическое сходство подчеркивается еще своеобразным ступен-

чатым прикусом и сильной степенью снашивания зубов при относительно молодом возрасте субъекта (45 лет) Отмеченное стирание зубов часто характеризует древние черепа, что, повидимому, связано с определенным пищевым режимом. По свидетельству этнографов (В. Н. Чернецов), такая форма несоответственного возрасту стирания резцов должна быть объяснена прежде всего очень распространенным приемом обработки ремней (длинный, тонкий кусок кожи на протяжении многих часов переминается, жуется передними резцами; в результате обрабатываемый ремень приобретает эластичность). Действительно, на многих черепах современных народов Сибири можно наблюдать неравномерное стирание передних резцов. Ту же самую форму стирания зубов нам неоднократно удавалось наблюдать на черепах неолитического времени. Такая же форма стирания зубов зарегистрирована и на черепе из грота Мурзак-Коба. Очень вероятно, что эта аномалия в процессе снашивания зубов функционально способствовала формированию так называемого ступенчатого прикуса.

З а к л а д к а 4. Мы не располагаем сведениями о форме внешней кладки этого памятника; в равной степени нам ничего неизвестно ни о форме могилы, ни о том, как был погребен найденный в ней скелет. В нашем распоряжении был только свод черепа, происходящий из этого памятника. Этот череп был найден в сильно фрагментарном состоянии. Насколько мы знаем от В. Н. Даниленко, он считает это погребение одним из наиболее ранних во всей группе закладок Сурского острова; в частности, это — единственное захоронение, с которым было положено колющее орудие из кости.

К р а т к о е о п и с а н и е ч е р е п а

Свод, действительно, очень архаичен; массивные его кости по своей толщине во многих местах доходят до 10 и 11 мм. В горизонтальной проекции череп бризоидный, в сечении — узко-сводчатый, почти крышеобразный за счет сильного развития сагиттального валика. Лобная кость широкая, относительно крутая, с резко выступающей глабеллой (5—6 баллов) и значительным развитием надбровных дуг (2 балла). Свод длинный (196 мм), узкий (134 мм) и высокий (120 мм).

Судя по совершенно отчетливым швам черепа, этому человеку вряд ли могло быть больше 35 лет. По всему облику череп близок к мужскому черепу из погребения 2 закладки 3. В нем также выражены архаические черты древнего кроманьонца.

З а к л а д к а 6. В 1946 г. В. Н. Даниленко на юго-западной оконечности Сурского острова обнаружил и вскрыл одиночное захоронение под закладкой из рваного камня. Это могильное сооружение — совершенно иного облика, отличающееся от ранее описанных закладок.

Приводимые мною данные излагаются на основании материала, сообщенного автором раскопок, за что и приношу ему благодарность.

Эта закладка или вымостка, сложенная вплотную из грубого, крупного рваного камня, имела овальную форму. Длинная ось ее не превышает 4 м. Под первым наружным рядом камней был обнаружен второй, точно также овальной формы, но камень был мельче, ровнее и овал вымостки меньше — всего около 2 м. Под этой закладкой отчетливо наметилась яма могилы размером 1,80×0,80 м. Могильная яма овальных очертаний была плотно забутована относительно крупными, но неравномерными камнями. Слой забутовки достигал 50 см, затем шел слой сплошной засыпки раковинами мощностью до 10—15 см. Этот слой лежавших плотной массой раковин не выходил за границы могилы. Непосредственно под ракушечником бы

Рис. 119. Положение скелета в погребении закладки 6 могильника на Сурском острове.

обнаружен слой тонкого речного песка серовато-зеленого цвета мощностью 20 см. Речной песок и был первоначальной присыпкой погребения. Костяк лежал на тонком сером речном песке. Интересно, что те кости, которые заходили в слой раковин, сохранились значительно лучше и обладали свежим белым цветом. Остальные же кости, лежавшие глубже, сохранились хуже. Они были хрупкими, пористыми. Костяк лежал в сильно скорченной позе, на боку. Интересно, что кисти рук были расположены так, будто умерший охватывал своими пальцами толстый стержень. Общее положение костей создавало впечатление, что умерший был привязан к какому-то толстому стержню, который он одновременно держал в руках и охватывал ногами. В таком положении, видимо, с этим же стержнем (деревянным), он и был положен в очень тесную могильную яму (рис. 119).

Вещей при погребении не найдено. В данном случае совершенно очевидно, что вся конструкция могилы с каменной забутовкой и двумя рядами вымостки является единым, конструктивно связанным сооружением. Эта закладка резко отличается от тех закладок, которые раскопала Е. Ф. Лагодовская. И скорченное положение костяка как-то не увязывается в нашем представлении с древнейшим типом захоронения. Все известные нам погребения этого района (Игрень 8 — погребения 6, 4 и 2), равно как и все, — наиболее ранние, — захоронения Сурского острова, всегда лежали на спине с вытянутыми ногами и руками, в позе как бы спеленутого человека. Только женское захоронение из закладки 2 (погребения 3) было найдено в позе спящего человека, и, несомненно, позднее детское захоронение этой же закладки было сильно скорчено, примерно так же, как и только что описанное захоронение закладки 6. Не свидетельствует ли это об одном и том же или близком времени погребений ребенка в закладке 2 и старика

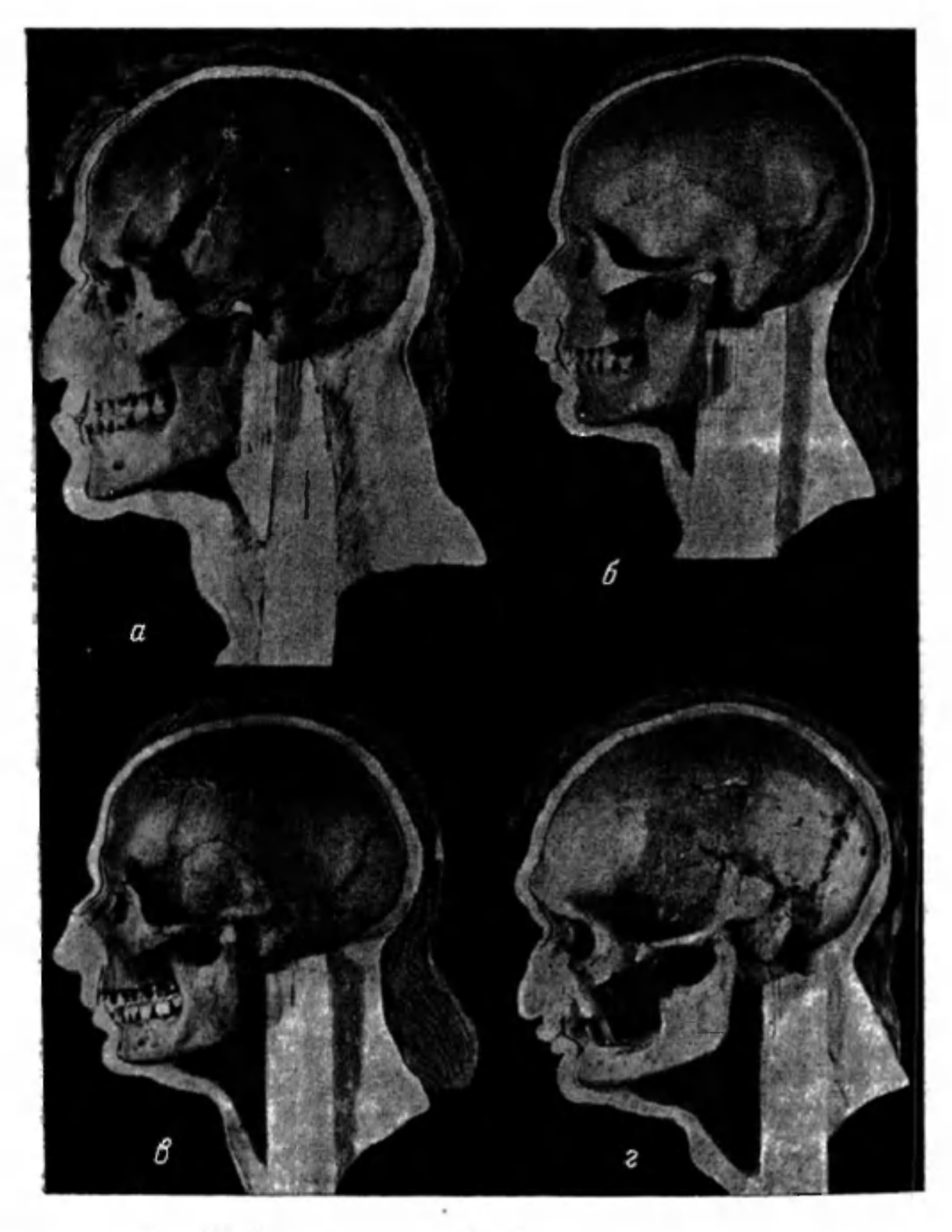

Рис. 120. Восстановление профилей по черепам из могильника на Сурском острове:

а — череп мужчины из погребения 2 закладки 3; *б* — череп женщины из погребения 2 закладки 2; *в* — череп женщины из погребения 3 закладки 2; *г* — череп мужчины из погребения 3 закладки 6.

Рис. 121. Реконструкция по черепу мужчины из могильника на Сурском острове из погребения 2 закладки 3. Тип А.

Рис. 122. Реконструкция по черепу женщины из могильника на Сурском острове из погребения 2 закладки 2. Тип Б.

в закладке 6, так как, кроме положения, только об этих двух захоронениях можно говорить как о несомненно связанных с каменными закладками.

Описание черепа

Найденный в могиле закладки 6 череп сильно фрагментирован и, несмотря на то, что он был очень осторожно выкопан и не менее тщательно реставрировался, имеет ряд мелких отверстий на своде, в частности в области обеих височных и теменных костей. Отсутствует в большей своей части правая верхнечелюстная кость; от нее сохранился лишь узкий передний участок альвеолярного края, сильно редуцированный в результате давней утраты зубов. Правая скуловая кость утрачена, левая слегка деформирована (вогнута внутрь). Нижняя челюсть фрагментирована, отсутствует часть правой ветви, а на левой нет суставного отростка. На нижней челюсти с правой стороны сохранились

второй резец, клык и ложнокоренной зуб; с левой стороны сохранились только клык, первый ложнокоренной и ячейка второго ложнокоренного зуба. Остальные альвеолы давно облитерированы. Зубы крайне стерты. Интересна наблюдаемая в этом черепе аномалия: между бровями над глабеллой имеется большой рогообразный выступ кости — нарост, причем по строению кости этот нарост ничем не отличается от структуры примыкающей кости (компакта кости не изменена). Нарост достигает 2,4 см в диаметре и имеет правильную, полусферическую поверхность, выступая не менее 1 см над поверхностью лобной кости.

Череп в горизонтальной проекции имеет вытянутую, бризоидную форму с несколько уплощенным, но узким затылком, с отчетливо выделяющимися надбровными дугами. Свод уплощенно-крышеобразный. Затылок едва выступающий; затылочный вал слегка выступает и преломлен. Надбровные дуги сильно выступают и по степени развития близки к 3 баллам. Форма лица близка к эллипсоидной. Орбиты низкие, угловатые, сильно замкнутые, с резко выступающим закругленным верхним краем. Вертикальная профилировка орбит выражена слабо; носовое отверстие — удлиненных пропорций, грушевидной формы; подносовой край острый, со слабо развитым подносовым шипом, имеющим горизонтальное направление. Резко выступающая глабелла достигает не менее 5 баллов. Спинка носа узкая, притупленная. Скуловые кости тонкие, с сильным рельефом. Собачья ямка сглажена. Череп ортогнатный. Прикус в молодости, вероятно, был ножницеобразным. Подбородок выступающий; выступание его по шкале — 2 балла.

Описанный череп, несомненно, принадлежал мужчине, умершему уже в пожилом возрасте. Судя по стиранию зубов и степени старческой атрофии челюстей, умершему не могло быть менее 70 лет, между тем как облитерация швов свода черепа не завершена, что заставляет предполагать более молодой возраст, может быть, в пределах 60 лет. Несмотря на некоторую грацилизацию скелета, старческую сглаженность гребней затылка и ослабленную нижнюю челюсть, совершенно несомненно, что этот человек, даже в самый последний период своей жизни, обладал очень сильной мускулатурой, что вполне согласуется с сильными костями всего черепа. По своим расовым признакам это, несомненно, европеоид. Ряд деталей позволяет сравнивать его с известными черепами из Балановского могильника.

3. Человек Виноградного острова

В 30-х годах А. В. Добровольский производил обследование неолитической стоянки на Виноградном острове. Здесь ему посчастливилось обнаружить погребение в культурном слое раннего неолита.

Костяк мужчины лежал на спине головой на северо-запад, с руками, чуть согнутыми в локтях, и вытянутыми ногами, плотно сжатыми в коленях. Вещей при костяке найдено не было, но у головы обнаружено небольшое количество кровавика. Над погребением залегал ненарушенный слой неолитического времени с бедным, но характерным инвентарем. Это дало право А. В. Добровольскому отнести найденное погребение к ранней поре существования этой неолитической стоянки, синхронной по времени Игренской стоянки 8, ее слою D_I. Таким образом, А. В. Добровольский утверждает, что погребение на Виноградном острове одновременно погребению женщины Игренской стоянки (погребение 6).

По типу захоронения, по массивности костей и общему облику этот скелет напоминает скелет из погребения на Сурском острове под закладкой 3 (погребение 2). Следует отметить, что и по способу захоронения он близок наиболее древним захоронениям Сурского острова. Это дает право говорить о том, что, несмотря на отсутствие инвентаря, данное захоронение, действительно, относится к раннему неолиту и, может быть, стоит на грани переходного времени от культурного горизонта D_I к раннему этапу существования стоянки на Сурском острове.

Описание черепа

Череп[1] — хорошей сохранности, с нижней челюстью; отломана только скуловая дуга с левой стороны.

Череп большой, массивный и тяжелый.

1. Наибольший продольный диаметр . . . 192 мм.
2. Расстояние от глабеллы до иниона . . 190 мм.
8. Наибольший поперечный диаметр . . . 140 мм.

8 : 1. Черепной указатель I . . . . 72,67 (долихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 73,67.

Швы — простого рисунка, сильно уплотнены, местами облитерированы. Сверху череп — овоидной формы, со стороны затылка — крышевидной формы; свод черепа очень высокий, с крутым лбом. Кости плавно переходят друг на друга и только ламбдовидный шов в средней своей части несколько приподнят. Затылок не выступающий, преломленный.

Лобная кость большая, удлиненных пропорций. Лобные бугры хорошо развиты. Сагиттальный валик хорошо выражен.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 125 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 112 мм.

9 : 8. Лобный указатель . . . . 89,60.

Глабелла — преломленной формы; степень ее выступания по шкале — 3 балла. Носовая часть лобной кости короткая, широкая, относительно верхнего края орбиты направлена внутрь. Нижние латеральные углы носовой части лобной кости слегка вдавлены.

Высота носовой части посередине . . . . . . 7 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 14,5 мм.

50. Межорбитное расстояние (ширина носовой части лобной кости) — 24,5 мм.

Надбровные дуги хорошо развиты; они короткие, степень их протяженности по шкале — 1 балл, степень их выступания значительно превышает выступание глабеллы. Нижнелатеральные углы лобной кости узкие, вдавленные; края их, обращенные к височному гребню и к орбите, приподнимаются. Скуловые отростки лобной кости довольно длинные, неширокие и утолщенные. Верхнеорбитный гребень хорошо выражен; теменные кости большие, вытянутой формы, теменные бугры небольшие. Височные впадины большие, высокие и длинные; чешуя височных костей большая, высокая, уплощенная, у основания скулового отростка несколько вдавленная. Скуловой отросток очень широкий у основания; сосцевидные отростки небольшие, неширокие, с притупленной, как бы срезанной вершиной. Затылочная кость большая, широкая, преломленная. Вал перегиба сильно выражен. Степень развития иниона по шкале — 3 балла.

Лицо — пентагональной формы, но отличается от нее высокой мозговой частью; оно очень большое, высокое и относительно широкое в скуловых частях. Глаза — средней величины, нос неширокий и сильно выступающий. Нижняя челюсть массивная с выступающим подбородком и широко развернутыми углами. Лицо мезогнатное.

47. Общая высота лица . . . . 128 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . . . 75 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 143 мм.

47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 89,51.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 52,44.

Орбиты — овальной формы. Верхний край орбит не толстый, нависающий, нижний — приподнятый. Глазницы замкнутые. Раструб слезной ямки углублен.

Глазные бугорки хорошо выражены в виде широких площадочек, причем с правой стороны бугорок выражен гораздо сильнее, чем с левой.

Фронтальная постановка орбит горизонтальная. Профилировка орбит наклонная.

51. Ширина правой орбиты . . . . 46 мм; ширина левой орбиты . . 44 мм
52. Высота правой орбиты . . . . 31,5 мм; высота левой орбиты . . 33 мм.

52 : 51. Орбитный указатель . . . . 68,47 и 75.

Носовые кости узкие, длинные, несильно расширяются книзу; корень носа западает. Профиль спинки носа слабо волнистый.

Ширина носовых костей у корня носа . . 8 мм.
Наименьшая ширина носовых костей . . . 8 мм.
Наибольшая ширина носовых костей . . 15,5 мм.
Наибольшая длина носовых костей . . . 27 мм.

Носовое отверстие — удлиненных пропорций, грушевидной формы, асимметричное: левая половина более широкая. Подносовой шип сильно развит, степень его развития по шкале — 3 балла; в общем он направлен вперед и несколько вверх. Край

---

[1] ГМА, череп № 76/В — 1136, погребение 21, Виноградный остров

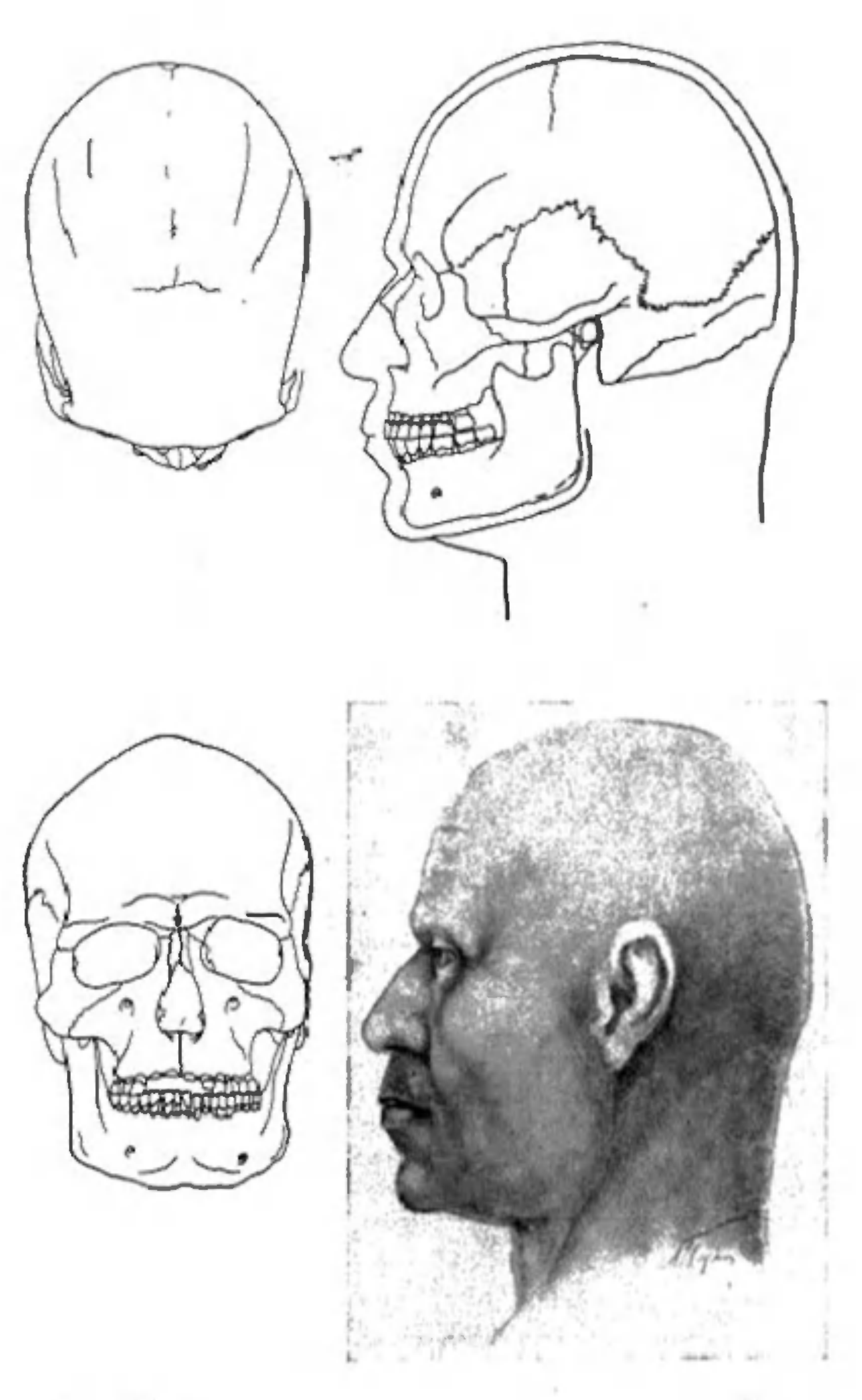

Рис. 123. Реконструкция по черепу мужчины из погребения на Виноградном острове. Тип А.

подносового шипа острый, слегка вывернутый наружу и книзу и вместе с краем грушевидного отверстия образующий подносовой край.

Высота носового отверстия . . . . . 38,5 мм.
Высота положения crista conchalis . . 14,5 мм.
55. Высота носа . . . . 54,5 мм.
54. Ширина носа . . . . 26,5 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . . 48,62.

Лобные отростки верхнечелюстных костей широкие, средней длины, сильно профилированные. Скуловые кости высокие, но неширокие, массивные, с сильно развитыми буграми. Скуловая кость у латеральных углов уплощена и кажется вогнутой благодаря сильному выступанию скулового бугра.

Лобный отросток скуловых костей короткий, широкий и выпуклый. По нижнему краю скуловых костей расположены большие и широкие площадки прикрепления мышц. Собачьи ямки хорошо выраженные, широкие и довольно глубокие; верхнечелюстные вырезки довольно глубокие, альвеолярная часть высокая, мезогнатная. Нёбо очень широкое.

Высота альвеолярного отростка . . . . . 24 мм.
Расстояние P_4 и P_2 . . . . 57 мм.

Зубы ортогнатные. В верхнем ряду отсутствуют первые резцы, второй резец и клык с левой стороны и третий коренной с правой Все резцы и коренной зуб, судя по состоянию альвеол, утрачены после смерти; клык утрачен задолго до смерти, его альвеола затянута и соседние зубы сближены. У ложнокоренных зубов стерты бугорки, у коренных (M_1M_1, M_2M_2) бугорки стерты до дентина, у M_3 сильно стерта эмаль бугорков. В нижнем ряду сохранились все зубы, причем резцы расположены не совсем ровно. Постановка зубов ортогнатная. Стертость резцов и клыков достигла дентина, у ложнокоренных стерта эмаль бугорков. У коренных зубов бугорки стерты до дентина. Прикус зубов ножницеобразный.

Нижняя челюсть большая, массивная, высокая, с широко расставленными ветвями тела нижней челюсти, со значительно выступающим подбородком; степень выступания подбородка по шкале — 2 балла.

Углы нижней челюсти закруглены; края их развернуты и приподнимаются в виде гребешка.

В черепе с Виноградного острова не в меньшей степени, чем в черепе А с Сурского острова, видны пережиточные черты древнего типа кроманьонца. Данный череп в равной степени близок к черепу мужчины из грота Мурзак-Коба. Сравнивая эти черепа, мы должны отметить, что череп с Виноградного острова несколько короче при равной ширине; свод несколько выше, лоб круче, надбровье слабее; лицо несколько ниже и у́же; глазницы значительно выше и у́же (табл. 13).

При сравнении этих черепов очевидно, что разница между ними невелика. Это дает нам право говорить о значительной общности антропологического типа этих людей.

Таблица 13

Основные размеры черепов с Виноградного острова и из грота Мурзак-Коба

Размеры	Черепа	
	с Виноградного острова	из грота Мурзак-Коба, II
Наибольший продольный диаметр, мм	192	198
Диаметр глабелла — инион, мм	190	185
Наибольший поперечный диаметр, мм	140	140
Наименьшая ширина лба, мм	112	98
Верхняя высота лица, мм	75	76
Скуловая ширина, мм	143	147
Ширина орбиты, мм	44	47
Высота » мм	33	27

Итак, совершенно очевидно, что неолитический череп с Виноградного острова в той же степени, что и череп с Сурского острова (тип А), представляет собой поздний тип вариации кроманьонцев; следовательно, они близки к черепу из грота Мурзак-Коба и, по всей вероятности, связаны в своем генезисе.

4. Человек из Волнинского могильника

В 1949—1950 гг. М. Я. Рудинский производил раскопки открытого им крупного неолитического могильника. По типу погребений, положению костяка, инвентарю, по обилию красной краски этот могильник близок к известному Мариупольскому. Точно так же, как и в Мариупольском могильнике, погребения здесь расположены тесными рядами, одно к другому. Большинство захоронений сопровождается богатым инвентарем. Все скелеты лежат на спине с тесно прижатыми руками и вытянутыми ногами. Инвентарь представлен массой каменных и костяных орудий. Кроме того, при костях нередко находили кости рыб и животных.

Один из черепов этого могильника был мне передан М. Я. Рудинским для обработки. Череп был взят монолитом. От обильной окраски кровавиком тонкий речной песок, в котором был заключен череп, был окрашен в яркокрасный цвет. При расчистке в области шейных позвонков мне удалось найти некоторое количество крупных зубов и глоточных костей карпа. Очень вероятно, что они представляют собой подвески ожерелья. Череп был сильно фрагментарен, но так как кости не были деформированы, их удалось склеить. Сохранность костей очень плохая, но благодаря тому, что М. Я. Рудинский извлек череп вместе с окружающей его породой, сохранившиеся его фрагменты дошли в таком состоянии, что можно было произвести полную реставрацию. Если бы эти же кости были извлечены исследователем в поле, как это делается обычно, то, вероятнее всего, в моем распоряжении оказалась бы такая труха, что не было бы возможности воспроизвести даже свод. После пропитки воском, кости стали плотными, доступными для дальнейшей работы.

Описание черепа[1]

Отсутствуют: внутренние и верхние стенки глазниц, бо́льшая часть левой носовой кости и нижняя часть правой носовой кости, подносовой шип, а также нижняя часть чешуи затылочной кости. Недостающие части костей реконструированы.

Череп очень большой, массивный. Черепная коробка узкая и длинная. Швы уплотнены.

1. Наибольший продольный диаметр . . 196 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 190 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 136 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . . . 72,95 (долихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . . . 71,57.

Форма черепа сверху приближается к бризоидной. Свод черепа со стороны затылка крышевидный. Лоб невысокий, слабо покатый. Лобная кость плавно переходит в теменные кости, которые полого спускаются к затылочной кости, плавно с ней соединяясь. Затылок не выступающий, преломлен по нижней выйной линии под тупым углом. Вал перегиба выражен хорошо.

10. Наибольшая ширина лба . . . . . 114 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . . . 100 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 87,71.

Глабелла преломленная; степень выступания ее по шкале — 4 балла.

Носовая часть лобной кости короткая, очень широкая, направленная внутрь по отношению к верхнему краю орбит.

[1] На левой височной кости написано карандашом: Волнинский, № 15.

Высота носовой части по средней линии . . 7 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 19 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . 30 мм.

Надбровные дуги сильно выступают; их выступание превышает выступание глабеллы. Надбровные дуги широкие, слитые с верхними краями орбит. Степень протяженности надбровных дуг по шкале Брока — 2 балла. Теменные кости узкие и длинные. Теменные бугры слабо выражены. Височные ямы высокие, глубокие.

Основания скуловых дуг широкие. Скуловые отростки височных костей массивные. Височные линии выражены очень хорошо. Сосцевидные отростки очень большие, широкие; поверхность их плоская. Затылочная кость длинная, очень узкая и сдавленная с боков в области верхней выйной линии. Затылочный бугор слабо выражен; он округлый с гладкой поверхностью. Верхняя выйная линия выступает в виде гребня. Инион широкий; степень его выступания по шкале — 2 балла.

Лицо — пентагональной формы, очень высокое, но с широкими и массивными скулами и сильно выступающими углами тяжелой нижней челюсти, сильно профилированное. Нос узкий и высокий, глаза небольшие, альвеолярная часть низкая, ортогнатная, подбородок сильно выступающий (3 балла).

47. Общая высота лица . . . . 127 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . . 72 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 142 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . 89,36.
48 : 45. Лицевой указатель II . . 50,70.

Орбиты прямоугольные, с сильно закругленными углами. Края орбит толстые. Нижние края орбит приподнятые. Глазницы замкнутые. Раструбы слезных ямок углублены.

Глазные бугорки представлены слабо выраженными широкими площадками. Разрез глаз слабо наклонный. Фронтальная постановка орбит приподнятая. Профилировка орбит наклонная.

51. Ширина орбиты . . . . 40 мм.
52. Высота орбиты . . . . 32 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . . . 80.

Носовые кости узкие. Корень носа западающий. Спинка костного носа вогнутая, нижний ее конец слегка опущен. Сечение спинки носа в средней части сводчатое.

Ширина носовых костей у корня . . . . 12 мм.
Наименьшая ширина носовых костей . 10,5 мм.
Наибольшая ширина носовых костей . . 22 мм.

Носовое отверстие грушевидной формы, края его острые.

Высота грушевидного отверстия . . . . 42 мм.
Высота положения crista conchalis . . . 17 мм.
55. Высота носа . . . . 61 мм.
54. Ширина носа . . . . 25 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . . . 40,98.

Скуловые кости массивные, очень широкие. Нижние части скуловых костей вынесены вперед и приподняты. Скуловые бугры сильно развиты. Лобные отростки скуловых костей широкие, плоские. Собачьи ямки слабо выражены. Площадки прикрепления мышц хорошо развиты. Верхнечелюстные вырезки глубокие.

Альвеолярная часть очень низкая (12 мм), ортогнатная.

Зубы широкие, короткие, ортогнатно поставленные. Высота первого резца — 6,5 мм. Стертость резцов и клыков достигла полного сечения зуба.

Нижняя челюсть большая, с сильно развернутыми углами, очень массивная. Тело нижней челюсти очень высокое. Горизонтальные ветви тела слабо развернуты. Подбородочный выступ достигает по шкале 3 баллов.

Ветви нижней челюсти очень широкие и высокие, отходят под прямым углом.

Углы челюсти закруглены и сильно развернуты, с выраженным гребешком. Венечные отростки нижней челюсти также развернуты.

Этот череп как в основных своих размерах, так и в ряде деталей внешней формы очень похож на череп с Виноградного острова. Только свод его чуть уже и длиннее, лоб еще уже, лицо несколько короче, но почти той же ширины. Орбиты значительно уже, при той же высоте. По своей антропологической характеристике это тот же самый тип, хорошо уже нам известный по черепам из Мурзак-Коба, Сурского острова (тип А) и Виноградного острова.

В связи с тем, что археологический материал не опубликован, мы лишены в настоящий момент возможности с точностью установить время

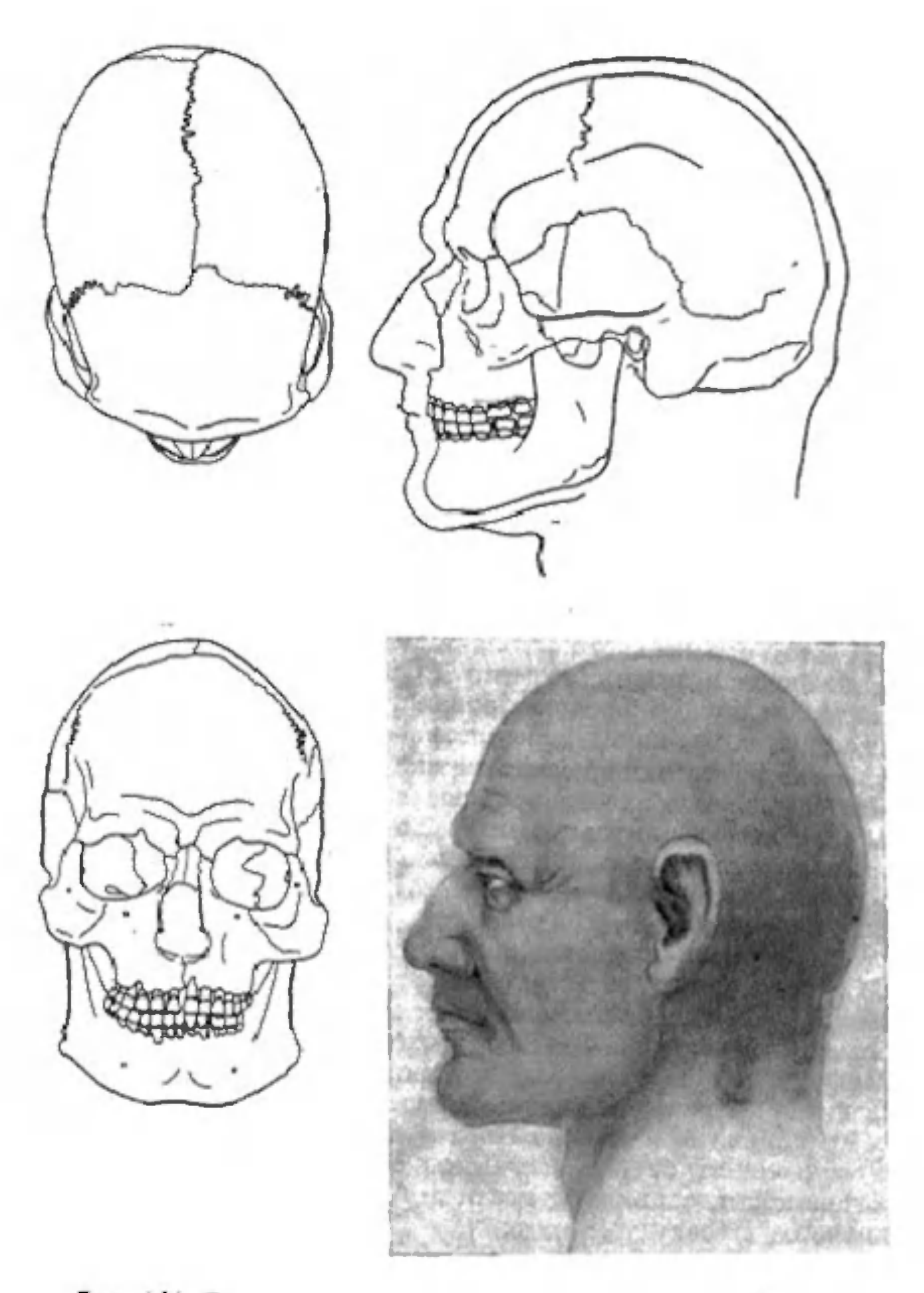

Рис. 124. Реконструкция по черепу мужчины из погребения 15 Волнишского могильника.

существования данного человека. Если думать, что этот могильник относится к тому же времени, что и Мариупольский в ранних его погребениях, то это уже будет пора развитого неолита степей. Это дает нам право говорить, что антропологический тип древних кроманьонцев консервативно сохранился в данных районах вплоть до IV—III тысячелетий до н. э. Видимо, пережитки этого же антропологического типа можно будет проследить по черепам ямной культуры данного района.

5. Антропологическая характеристика неолитического и энеолитического населения Поднепровья по данным Игренской стоянки 8, Сурского острова, Виноградного острова и Волнишского могильника

Рассмотрев весь антропологический материал этих памятников, мы убеждаемся в наличии двух основных антропологических типов, выделенных нами еще при первой публикации материалов Сурского острова. Уже тогда мы говорили о двух антропологических категориях европеоидов, генетически, видимо, между собой не связанных: раннем типе с признаками кроманьонских черт и более позднем типе с более грацилизованным черепом. Последний тип, вероятнее всего, по времени своего существования связан собственно не с неолитом, а с энеолитом.

Работы последнего времени убеждают нас в правильном выделении этих вариантов европейского ствола большой расы. Ранний тип (в дальнейшем мы будем называть его («тип А Сурской») — это относительно немногочисленная группа, представленная древними неолитическими погребениями в грунте, без каких-либо наземных сооружений. Этот тип должен быть, вероятно, датирован временем раннего неолита Поднепровья. Несомненно, что Поднепровье имеет локальные особенности и своими истоками связано с мезолитическими культурами эпипалеолита степи и Причерноморья.

Впервые этот тип был выделен нами по материалам могильника на Сурском острове (закладки 3 и 2).

Т и п А С у р с к о й. Погребения из слоев D_I и D Игренской стоянки 8 подтвердили выделение этого типа древнего неолитического человека. Стратиграфические данные Игренской стоянки 8 дали возможность связать этот антропологический тип с определенной культурой раннего неолита Поднепровья. Эта же Игренская стоянка с очевидностью показала преемственную связь раннего неолитического слоя с культурами эпипалеолита. Антропологическая близость людей конца верхнего палеолита Крыма из грота Мурзак-Коба и неолитического населения Поднепровья свидетельствует о генетической связи самого человека. Итак, в хронологической последовательности это развитие культуры и человека представляется в следующем виде:

Азиль
  Мурзак-Коба, мужчина и женщина.
Тарденуаз
  Фатьма-Коба, мужчина.
Ранний неолит
  Сурской остров, мужчина, закл. 3, погребение 2.
  » закл. 4, погребение 1.
  Остров Виноградный, мужчина, погребение 21.
Развитой неолит
  Игрень 8, слой D_1, женщина, погребение 6.
  Волнишский могильник, мужчина, погребение 15.
Поздний неолит
  Игрень 8, слой D, мужчина, погребение 4.
  Сурской остров, мужчина, закл. 1, погребение 2

На этом, хотя еще весьма скудном, материале все же можно видеть на протяжении всего этого времени процесс эпохальной изменчивости антропологического типа поздних кроманьонцев и приближения его к современному типу европейца. Но окончательное изменение антропологического типа на данной территории произошло уже вследствие метизации с новым, более грацилизованным типом человека позднего неолита и энеолита, пришедшим на эту территорию из каких-то юго-западных областей (может быть, Средиземноморья). Этот новый тип пришельца был нами выделен на основании изучения черепов Сурского острова и назван «тип Б Сурской».

Тип Б Сурской. Эта группа представлена значительно бо́льшим количеством скелетов, причем большинство этих захоронений, кроме поздних, не связано с закладками. Все известные нам скелеты этого типа происходят из могильника на Сурском острове.

Украинские археологи уже давно отмечали отсутствие преемственности раннего неолита с его микролитоидными формами каменного инвентаря и более поздних стадии неолита и энеолита на данной территории. Поздние стадии неолита, в отличие от ранних, характеризуются макролитоидными формами. В. Н. Даниленко считает, что к концу неолита в Поднепровье произошла этническая смена. Зарегистрированный нами новый антропологический тип,— тип Б Сурской,— совершенно очевидно, имеет другие истоки своего формирования и генетически никак не может быть связан или объединен с типом А. По ряду косвенных данных можно предполагать, что тип Б имеет некоторое тяготение к ранне-энеолитическим культурам Волыни и Восточной Польши.

Эту датировку как будто подтверждают немногочисленные каменные орудия и черепки сосудов со штриховым орнаментом и налепным валиком из верхнего горизонта стоянки Сурского острова. Данный горизонт, вероятно, относится ко времени обитания на этом месте новых, появившихся здесь энеолитических племен.

Люди типа Б пришли на эту территорию, оттеснив, частично метизировав, а, может быть, и уничтожив ранее живших здесь древних поселенцев (типа А). Живя здесь, они на первых этапах своего существования погребали умерших просто в грунтовых ямах, впоследствии же стали сооружать над ними кольцеобразные и другие вымостки. Эти вымостки, несомненно, являются могильными сооружениями, но некоторые из них, возможно, были и местами какого-то культа.

Если видеть в этом новом населении пришельцев с Волыни или из Польши, то можно предположить движение племен куявской культуры или культуры шаровидных амфор. Однако Е. Ф. Лагодовская категорически отказывается видеть в данной культуре даже самую отдаленную связь с этими культурами. Возможно, что она права. В настоящий момент мы не располагаем достаточным материалом для подтверждения той или иной точки зрения.

Анализируя приведенные материалы относительно типа Б Сурского, следует указать на наличие ряда элементов сходства данной группы черепов с черепами Балановского могильника фатьяновской культуры. Одновременно нужно отметить, что сравнение с опубликованными сериями черепов из мегалитических захоронений Волыни (И. Ф. Левицкий) не дало таких общих черт. Совершенно очевидно, что тип Б, выявленный в ряде захоронений на Сурском острове, представляет собой европеоидов, в основе своей средиземноморскую группу, которая явилась с юго-запада на смену более древнему населению кроманьонского типа. Возможно, что на протяжении большого промежутка времени эти два различных этнических пласта

неолитической эпохи существовали одновременно, о чем свидетельствует наличие перехода одного антропологического типа в другой. Археологический материал не противоречит этому. Единственное погребение с инвентарем, найденное на данной территории, имело, несомненно положенную с умершим, крупную призматическую пластинку с ретушью по всему краю со стороны спинки и роговую мотыгу с цилиндрической сверлиной для рукояти. На дне могильной ямы найдены остатки красной краски По своему антропологическому типу этот сильно разрушенный, фрагментарный скелет имел, безусловно, общие черты как с типом А, так и с типом Б, представляя собою метизированную форму. К сожалению, сохранность черепа такова, что можно было сделать только некоторые антропометрические измерения.

Частично восстановленная голова по черепу с Игренской стоянки 8, из погребения 2, очевидно, представляет собой также метизированную категорию, причем исходными типами были те же самые тип А и тип Б; но в этой голове оба эти антропологических типа более завуалированы.

При определении того или иного антропологического типа мы нередко воспроизводили только одну из сторон лица, оставляя другую половину черепа свободной, доступной для изучения. Такая половинная реконструкция позволяла одновременно иметь данные о характере строения черепа и о внешнем виде человека. За последнее время, в целях упрощения работы, в плане максимально большего освоения обрабатываемого материала, мы попробовали реконструировать только профильные изображения путем воспроизведения медиального гребня профиля мягких тканей. Оказалось, что даже такая, чрезвычайно упрощенная, реконструкция только одного профиля дает возможность достаточно уверенно судить об основных физиономических особенностях восстановленной головы и способствует уточнению расового и этнического определения типа. Профильное восстановление лица позволяло отметить даже индивидуальные вариации внутри той или иной антропологической категории 2-го порядка. Таким образом, эта облегченная методика пластической реконструкции дала возможность в краткий срок освоить весь наличный антропологический материал. Впоследствии на этой основе была разработана графическая реконструкция лица, которая дает возможность с достаточной четкостью определять антропологический тип.

Черепа с Сурского острова первоначально были мною реконструированы только в простейшем варианте, т. е. были воспроизведены лишь медиальные гребни (рис. 120, *а*, *б*, *в*, *г*). Впоследствии по двум наиболее типичным черепам с Сурского острова были изготовлены реконструкции голов. Так была восстановлена голова мужчины по черепу из закладки 3 (погребение 2). Это характерный тип А (рис. 121). По черепу женщины из закладки 2 (погребение 2) был реконструирован характерный образ женщины типа Б (рис. 122). По черепам с Виноградного острова (рис. 123) и из Волнишского могильника (рис. 124) были созданы графические реконструкции. Череп с Игренской стоянки 8 (погребение 2) дается в профильной реконструкции (рис. 115, *д*).

Все предлагаемые реконструкции наглядно иллюстрируют наши основные положения об антропологических категориях Поднепровья. Внимательное рассмотрение может подтвердить наше определение. Реконструкция головы мужчины типа А дает отчетливое представление о позднем типе кроманьонца неолитического времени; она очень близка к реконструкции головы кроманьонца из Мурзак-Коба по черепу II. Реконструкция по женскому черепу типа Б дает совершенно другой антро-

Таблица 14

Размеры черепов основных антропологических типов неолита Поднепровья

Признаки	Тип А (кроманьонский)						Переходный тип	Тип В (средиземноморский)					Ямная культура. Игренская стоянка 8, погребение 2	Бронзовая эпоха
		Сурской остров						[illegible]реной остров						
	Мураль-Коба	закладка 3, погребение 2	закладка 4, погребение 1	Игренская стоянка 8, погребение 6	Виноградный остров	Волнянский могильник	Игренская стоянка 8, погребение 4	закладка 1, погребение 2	закладка 6, погребение 1	закладка 4, погребение 4	закладка 2, погребение 3	закладка 2, погребение 2		
Наибольший продольный диаметр, мм	198	193	196	192	19[illegible]	196	18[illegible]	193	193	186	177	173	18[illegible]	182
Диаметр глабелла-инион, мм	185	183	188	189	190	190	179	185	19,2	16,[illegible]	1[illegible],2	166	184	163
Поперечный диаметр, мм	140	150	134	137	140	136	136	134	130	133	138	136	145	1[illegible]0
Наименьшая ширина лба, мм	98	9[illegible]	—	106	11[illegible]	100	102	98	95	99	[illegible]4	115	—	[illegible]8
Скуловой диаметр, мм	147	145	—	—	143	142	—	—	116	—	1[illegible]4	128	—	1[illegible]0
Межглазничная ширина, мм	20	23	23	—	24,5	—	—	16	24	—	25	25	26	[illegible]0
Ширина орбиты, мм	46	[illegible]3	—	—	44	40	—	—	42	—	[illegible]0	40	—	[illegible]1
Высота », мм	27	[illegible]9	—	—	33	32	—	—	29	—	30	32	—	[illegible]2
Высота верхней части лица, мм	76	68	—	—	75	72	—	—	59	—	[illegible]6	69	—	[illegible]2
Высота свода, мм	121	123	120	—	—	—	—	—	117	—	1[illegible]5	115	120	1[illegible]5
Возраст, лет	45—50	43—[illegible]5	35	60	45	40	50—55	40	60	—	18—20	25	25	14—15

пологический тип, значительно более грацилизованный, с очевидными элементами древнего средиземноморского типа. Реконструкции по черепу 15 с Виноградного острова и по черепу из Волнинского могильника, как и следовало ожидать, дают тот же вариант основного типа А. Реконструкция по черепу с Игренской стоянки 8 (погребение 2) представляет метизированную категорию, стоящую между основными антропологическими типами неолита Поднепровья.

В табл. 14 приводятся сравнительные данные о размерах черепов основных антропологических типов неолита Поднепровья.

§ 34. ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ РАЙОНА ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА. ОЛЕНЕОСТРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК[1]

На Онежском озере у северо-восточных оконечностей Б. Климецкого острова расположены два небольших острова, носящих название Оленьих. Больший из этих островов — Южный Олений остров — достигает в длину около 2 км при ширине около полукилометра. Сложен этот остров из метаморфизированных доломитов и известняков, перекрытых сверху остатками перемытых четвертичных морен, представляющих собой суглинки и пески с бо́льшим или меньшим внедрением галечника и валунов. Этот слой не превышает 4—5 м, но не везде он равномерен и в ряде мест снижается до 80 см. На этом острове с давних пор ведутся работы по добыче известняков. При этом четвертичный слой срывается, и мощные выходы известняка эксплуатируются при помощи взрывов широким открытым карьером.

Местное население рассказывает, что при сносе балласта на северной оконечности острова часто попадались кости человека, обильно засыпанные красной краской. Первое археологическое обследование было произведено в 1933 г. сотрудниками Петрозаводского краеведческого музея, затем Н. Н. Гуриной и Г. П. Гроздиловым.

В 1936—1937 гг. В. И. Равдоникас произвел крупные раскопки этого могильника, в результате которых было вскрыто около 2500 кв. м площади и обнаружено 160 захоронений. Одновременно выяснилось, что разработкой карьера было уничтожено не меньшее количество захоронений.

Этот могильник, повидимому, один из самых больших не только в Карелии, но и вообще на территории СССР. В зоне лесного неолита Восточной Европы неолитические могильники представляют собой маленькие кладбища на самом поселении или вблизи его. Крупные могильники, вынесенные за пределы поселений, известны в порожистой части Днепра и близ Мариуполя, в Сибири на Ангаре близ Иркутска, на Селенге близ дер. Фофаново, по р. Китою и р. Лене. Но и эти могильники значительно уступают Оленеостровскому по количеству захоронений.

Погребения Оленьего острова находятся в слое четвертичных отложений, т. е. в слое перемытой морены, которая, как говорилось, сложена из суглинков, песка, крупного гравия, гальки и валунов. Благодаря тщательности работ коллектива экспедиции мы, несмотря на крайне плохую

---

[1] В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940; (ср. Бюлл. Комиссии по изуч. четвертичного периода, Изд. АН СССР, 1940, № 6—7); его же. Южный Олений остров. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». Изд. АН СССР, М.—Л., 1941.

сохранность костей, имеем большую краниологическую коллекцию и громадный археологический материал.

Формы могильных ям прослеживались только благодаря наличию обильного количества красной краски. Эти ямы имели корытообразную форму и глубину от 80 до 120 см. Как правило, могилой прорезана вся толща четвертичных отложений до материка (известняк).

Наиболее часто встречались захоронения на спине с вытянутыми ногами и руками, лежащими на лобковых костях. Очень редко попадались погребения в слабо скорченном положении на боку. Был обнаружен ряд погребений коллективных, парных и даже тройных: мужчина с женщиной, мужчина в центре и две женщины по бокам лицом к нему. Иногда при костяке женщины,— в ногах или рядом с ней,— оказывались захоронения детей.

Совершенно особую категорию, до сих пор неизвестную на нашей территории в эпоху неолита, представляют так называемые «вертикальные» или «стоячие» захоронения. Их обнаружено пять, и для всех характерны одни и те же особенности. Могила была очень тесной и глубокой. Одна из стенок могильной ямы, круто спускающейся книзу, делалась пологой под углом 45°. Умерший ставился ногами вниз и прислонялся к этой стенке. Пустое пространство плотно забивалось грунтом, так что в момент вскрытия одного из таких захоронений, археологи могли видеть почти совершенно не нарушенные, стоящие в правильном взаимоотношении кости скелета. С одним из похороненных таким образом покойником была положена масса украшений и бытового инвентаря. Это одно из самых богатых захоронений могильника. Здесь был найден орнаментированный костяной кинжал с кремневыми вкладышами, колчан со стрелами, многочисленные гарпуны, ножи из сланца, множество подвесок из резцов лося и ряд других предметов. Все это было обильно усыпано красной краской. Этот скелет довольно хорошо сохранился, за исключением черепа. Череп, очевидно, был близок к поверхности, и время его не пощадило. Очень интересен тот факт, что эти вертикальные захоронения находились в центральной части могильника.

Вообще следует отметить, что чем богаче был инвентарь погребенного, тем обильнее были следы красной краски и тем ближе он был к центральной части могильника. На периферии находились более бедные погребения, нередко без вещей и краски. Следует, однако, заметить, что погребений без вещей встречено мало.

В. И. Равдоникас, вероятно, прав, когда говорит, что над могилами были когда-то сооружены какие-то знаки, так как, несмотря на относительную густоту погребений, не встречается взаимно перекрещивающихся. Ориентировка почти всех погребений одна и та же — головой на восток, причем чаще с некоторым отклонением на север, реже — на юг. Многочисленен и своеобразен инвентарь этого могильника. Основную массу его составляют охотничье оружие и украшения. Керамики в погребениях не оказалось.

Среди обычных односторонних гарпунов найден ряд совершенно особых гарпунов, представляющих собой очень длинные костяные стержни округлого сечения, с редкими короткими шипами на одной из сторон. На удлиненном, несколько уплощенном острие этого гарпуна имеется глубокий желоб, представляющий собой паз для вставки каменного вкладыша — наконечника. Наряду с гарпунами многочисленны тонкие, длинные, округлые в поперечном сечении костяные наконечники дротика. Реже находили длинные наконечники шигирского типа с биконическим острием. Как правило, наконечники гарпунов и дротиков занимали в погребении всегда

одно и то же место: они лежали пучком, остриями вверх, на уровне груди. Иной раз в таком пучке гарпунов насчитывалось свыше 20 наконечников. Это положение гарпунов дает возможность представить себе длину их древков; она не превышала метра, так как концы этих древков не могли заходить дальше стенки могильной ямы в ногах.

Многочисленна группа разнообразных проколок, шильев, лощил из рога и кости. Особую группу образуют костяные и роговые кинжалы. Многие из них снабжены вкладышами, большинство украшено орнаментом. Некоторые имеют рукоятки, оканчивающиеся скульптурными изображениями головы лося.

Среди роговых изделий оказались две рукоятки, из которых одна представляет собой довольно длинную дугу; в середине ее, в специально вырезанный паз, был вставлен скребок. Аналогии подобного рода скребкам известны в большом числе из современной этнографии, хотя каменное лезвие заменено теперь железным. Вторая рукоятка, тоже из рога оленя, представляет собой почти цельный рог молодого животного, превращенный в своеобразную рукоятку. Основной ствол рога обрублен на высоте примерно двух третей общей длины; срезана коронка, на конце глазничного отростка специально вырезан паз для зажима каменного лезвия. Каменное лезвие этого орудия было найдено здесь же, причем оно точно входило в паз рукоятки; длинная дугообразная рукоятка способствовала значительному усилению рабочего действия этого режущего орудия.

Каменный инвентарь Оленьего острова тоже многочисленен, но относительно однообразен. Преобладают орудия, связанные с охотой. Прежде всего следует назвать наконечники стрел. Их в некоторых погребениях встречается от 20 до 30, причем, как правило, они лежат пучком и направлены острием в одну сторону. Такое положение указывает на то, что они были некогда в колчане. Наконечники стрел очень совершенны по технике изготовления, однако форма их очень древняя, я бы сказал, архаичная. Они имеют форму ивового листа и сделаны из удлиненных призматических пластинок треугольного или трапециевидного сечения. Мелкая ретушь со стороны брюшка образует тонкое острие. Насад оформлен по-разному: то он просто уплощен посредством ретуши со стороны брюшка, то путем подправки со стороны спинки превращен в массивное острие. Реже насад отграничен от лезвия едва намеченными плечиками. Тип найденных наконечников, несмотря на совершенство их изготовления, указывает на древние связи культуры Оленьего острова с культурами эпипалеолита. Прототип этих орудий известен еще в свидерской культуре, хотя настоящие свидерские наконечники далеко не столь совершенны ни по форме, ни по технике обработки.

В непосредственной связи с наконечниками стрел следует отметить кремневые ножи, точно так же изготовленные из призматических пластинок, но крупных размеров, причем прием изготовления их острия совершенно аналогичен приему изготовления наконечников стрел. Кроме стрел и ножей, найдено большое количество тонких призматических пластинок, превращенных посредством ретуши в специальные вкладыши — лезвия костяных орудий. Сверла и скребки представлены малым количеством форм. Это обычные скребки на коротких, не очень массивных отщепах; размеры их, как правило, невелики.

Из шлифованных орудий следует упомянуть тесла, долота, топоры. Материалом для их изготовления обычно служил сланец. Особого внимания заслуживают плоские, широкие пластинчатые ножи из сланца. Форма и величина их многообразна. Есть и большие — до 25 см длиной и совсем маленькие — до 7 см. Встречаются округлые, прямоугольные, треуголь-

ные, овальные, кинжалообразные ножи, и почти у всех этих ножей имеется тщательно просверленное отверстие для подвешивания. Лезвия этих ножей, несмотря на тщательность их изготовления, не очень остры, так что даже возник вопрос о том, что же собственно ими можно было делать, так как ни строгать, ни резать, ни скоблить такими ножами нельзя. В. Н. Чернецов, при обсуждении этого вопроса, высказал предположение, что это, вероятно, ножи ритуального назначения, и привел ряд интереснейших примеров из этнографии. С убитого медведя нельзя снимать шкуру металлическим ножом, нельзя его колоть, нельзя срезать сало. Все это делается либо деревянным, либо каменными лопаточками-ножами, либо руками. Очень вероятно, что В. Н. Чернецов прав, так как трудно себе представить иную функцию этих орудий. Мне представляется, что они не годятся также ни для разделки рыбы, ни для снятия с нее чешуи. Конечно, не исключена возможность, что эти псевдоножи употреблялись для сдирания шкур или же для отделения сала с внутренней стороны их. При этом не требуется ни особой остроты, ни прочности.

Характерной особенностью Оленеостровского могильника является полное отсутствие даже примитивной глиняной посуды. Этот факт заслуживает особого внимания. Дело в том, что далеко не все неолитические захоронения сопровождаются керамикой. Нам известны многочисленные могилы и целые могильники, где керамика не была положена в могилу. Но все же всегда имелись те или иные косвенные доказательства, свидетельствующие о наличии в данной культуре керамики. Чаще всего это доказывалось наличием культурного слоя с черепками, который покрывает захоронение и к которому оно относится; реже это подтверждается находкой керамики в засыпке погребения; иногда же это доказывается находкой керамики в смежном захоронении или в другом могильнике, относящемся к той же поре. Иногда отсутствие керамики в Оленеостровском могильнике объясняется островным его положением: якобы сюда приезжали только хоронить и, следовательно, не для чего было везти с собою кухонную посуду; и после совершения обряда на месте захоронения не производилось тризны по умершему, а сразу же уезжали обратно в свое поселение.

Но среди украшений или предметов неизвестного назначения В. И. Равдонякас указывает на одну пластинку с зубчатым краем. Он склонен рассматривать ее как специально изготовленный костяной штамп для нанесения гребенчатого орнамента на стенки сосудов. Приведенный им пример оттиска этой гребенки не вполне меня убеждает в том, что это действительно штамп для орнаментации. Дело в том, что оттиск, получаемый от этого штампа, напоминает элемент гребенчатого орнамента, связанного с самым поздним этапом лесного неолита. Кроме того, этот псевдоштамп дошел до нас не целиком, а в виде обломка какой-то поделки. Не исключена возможность, что это простая подвеска или украшение.

Среди массы находок из Оленеостровского могильника большое место занимают украшения и образцы искусства, видимо, связанного с какими-то древними культами.

Набор украшений в конечном счете однообразен, но многочисленен. По преимуществу это подвески из зубов животных и, в первую очередь, из резцов лося, бобра и клыков медведя. Все эти подвески из зубов животных снабжены либо специальными зарубками, либо отверстиями для ношения или прикрепления их к одежде. Многочисленны подвески из сланца в виде пластинок округлых, удлиненных, с орнаментом и без него. Все эти подвески точно так же снабжены отверстиями. Среди украшений довольно многочисленны длинные обломки трубчатых костей; они почти

лишены следов обработки, но всегда снабжены зарубками для привешивания. Конечно это не украшения, это какие-то «обереги».

Лось, видимо, был основным охотничьим животным, обеспечивавшим существование человека Оленеостровского могильника. Вот почему первобытный художник особенно любил и с особым мастерством и реализмом изображал это животное. Головки этого животного были основными мотивами украшений наверший и рукояток кинжалов. Древний художник не ограничивался изображением только лося: здесь найдены изображения змеи, рыбы и, наконец, человека. Кстати сказать, эти антропоморфные изображения выполнены с гораздо меньшим реализмом, чем животные; они в значительно большей степени обладают условными чертами. Так, например, одно из изображений женщины имеет ноги, но не имеет рук. То же можно сказать и про фигуру мужчины, у которого руки только намечены. Есть статуэтка с двумя ликами — прототип подлинного Януса.

Этим собственно исчерпываются наши сведения о фактическом материале с Оленьего острова. Обработка его коллекций еще не завершена и ведется Н. Н. Гуриной.

В. И. Равдоникас, на основании анализа найденных предметов (в частности, кинжала с головой лося, лосиных головок, биконических стрел), склонен сравнивать культуру Оленього острова с поздними культурами неолита лесной полосы и даже сейменской бронзой и на этом основании датировал данный памятник временем второй половины II тысячелетия до н. э.[1]. Если учесть все своеобразие костяного и каменного инвентаря Оленьего острова, учесть то, что этот инвентарь всегда встречается в едином комплексе,— трудно себе представить, чтобы он мог относиться ко второй половине II тысячелетия до н. э.

При публикации первой своей реконструкции человека с Оленьего острова я принял эту датировку без всякой попытки ее проверить. В настоящий момент, имея возможность ближе ознакомиться с фактическим материалом Оленеостровского могильника, я не могу считать верной дату, предложенную В. И. Равдоникасом. Начать с того, что нам кажется совершенно неуместной аналогия резной скульптуры голов лося из кости с бронзовым кинжалом из Сейменского могильника. Это образцы двух совершенно различных стилей. Костяная скульптура Оленьего острова — это типичные образцы древнего реалистического искусства, а сейменский кинжал — образец условного, так называемого «звериного» стиля, который обладает псевдореалистическими приемами в передаче изображении животных.

Нам непонятно, на каком основании В. И. Равдоникас отождествляет культуру ямочно-гребенчатого неолита со своеобразным, не повторимым в своем комплексе инвентарем Оленеостровского могильника. Нам неизвестно ни одного памятника ямочно-гребенчатых культур лесного неолита, где бы сочетался весь комплекс находок, обнаруженных в могильнике Оленьего острова. Нет таких наборов дротиков и гарпунов, нет стрел такого типа, нет и образцов искусства, представленных столь богато в могильнике Оленьего острова.

М. Е. Фосс считала, что Оленеостровский могильник принадлежит к позднему этапу карельской культуры[2], т. е. датируется позднее Кубенина. Сопоставляя материал Оленьего острова с ладожским неолитом, М. Е. Фосс считала, что Олений остров, хотя и имеет в инвентаре некоторые архаические черты (биконические наконечники стрел и гарпуны), но они, с ее точки зрения, должны рассматриваться только как пережиток. В за-

[1] В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере

[2] М. Е. Фосс. Неолитические культуры севера Европейской части СССР. СА, IX, 1947, стр. 35.

ключение она пишет: «Сами по себе эти предметы не могут считаться датирующими, так как встречаются и в поздних комплексах. То же можно сказать и о кремневых наконечниках эпипалеолитического облика, которые, как известно, встречаются в памятниках эпохи бронзы, например, в Халомонике и позднее»[1].

Да, действительно, отдельные орудия как из кости, так и из камня нередко встречаются в материале культур лесного неолита, и даже в более поздних культурах. Так, например, биконические наконечники стрел известны в ранних стоянках на Шигирском торфянике на Урале, в Веретье и Кубенине. Известны они и в других поздних культурах, но представлены там только единичными предметами, как, например, на Волосовской стоянке, а не сериями однотипных орудий.

Наконечники стрел так называемого «свидерского типа» могут быть встречены среди самых разнообразных культур неолита и даже ранней бронзы, но всегда эти наконечники будут случайным орудием в данном комплексе. И только в культурах раннего неолита эти наконечники всегда будут представлены большой серией. Примером этого могут быть памятники, очень удаленные от Оленеостровского могильника. Так, на Ангаре, в Восточной Сибири, в падях Частые и Хиньская были найдены А. П. Окладниковым наиболее ранние погребения этого района. В этих погребениях, как в том, так и в другом, были найдены наконечники стрел свидерского типа очень архаических форм[2].

Погребения Оленеостровского могильника характеризуются одновременно множеством форм инвентаря и постоянством одноименных серий орудий, что свидетельствует о расцвете данной культуры, а не о поздних, пережиточных ее формах. Это заставляет меня, вопреки ранее принятой датировке, говорить о ранней стадии неолита, может быть, даже древнейшей на данной территории. Возможно, эта ранняя дата объяснит отсутствие в материале Оленеостровского могильника даже примитивной керамики. Нам представляется, что наблюдаемая связь этой культуры с поздними памятниками лесного неолита должна рассматриваться как ее переживание в последних. Ни о какой преемственной связи Оленеостровского могильника с поздними культурами ямочно-гребенчатого неолита говорить пока не приходится: она не улавливается.

Оленеостровский могильник — типичный пример «острова мертвых». Здесь только погребали. Это — племенное кладбище жителей побережья Онежского озера, очевидно, обитавших где-то здесь же, поблизости в течение относительно долгого времени. Следует отметить поразительное единство погребального инвентаря на всем протяжении существования могильника. Только одно захоронение выделяется из общего комплекса. Каменный инвентарь этой могилы сделан не из кремня, а из кварцита.

Выделяются также по способу захоронения погребения на боку, бедные по инвентарю (их четыре или пять). Может быть, эти умершие были в каком-то особом отношении к основному коллективу племени. Этот вопрос заслуживает особого рассмотрения.

Я не вижу оснований относить вертикальные погребения к категории захоронений «вождей», так как только одно из них, действительно, поражает богатством инвентаря; остальные же четыре не выделяются ни качеством, ни количеством положенных с ними орудий. Может быть, об этих погребе-

[1] М. Е. Фосс. Неолитические культуры севера Европейской части СССР, стр. 35.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, стр. 158.

ниях следует говорить как о каких-то особых формах ритуальных захоронении,— возможно, шаманов.

Таким образом, предварительное знакомство с материалом могильника не дает возможности расчленить погребения на ранние и поздние. Если бы Оленеостровский могильник существовал очень долго, несомненно, можно было бы уловить какие-то изменения,— пусть не в обряде, который, конечно, был, как и всегда, огражден определенными, крайне консервативными запретами, но в эволюции форм орудий или же в появлении новых типов их. Ничего подобного в погребениях Оленьего острова пока что отметить не удается. Все они сопровождаются более или менее одинаковым набором инвентаря; богатые отличаются от бедных только количеством его. Все это говорит о том, что время существования этого громадного могильника не могло быть длительным. Но тогда надо предположить, что в какой-то короткий промежуток времени на берегах Онежского озера жило громадное племя. Где же его поселения? Куда ушло оно, и кто были эти люди? Где сохранились их потомки? И, наконец, откуда пришли эти люди? Вот вопросы, ответы на которые должен дать археолог, в первую очередь. Нам представляется, что некоторые вспомогательные данные для решения этих сложных вопросов может дать изучение палеоантропологического материала с Оленьего острова. К сожалению, исключительно неблагоприятные условия захоронения в морене отразились на сохранности костей. На 160 захоронений только около двух десятков черепов сохранились полностью, т. е. с лицевыми костями. Остальные же в разной степени фрагментарны, причем большинство из них совершенно не может быть привлечено к изучению. Основной остеологический материал могильника описал Е. В. Жиров[1]. Сравнивая серию черепов и костей с Оленьего острова с кроманьонскими, Е. В. Жиров отмечает, что абсолютная высота оленеостровских жителей лишь немногим уступает росту верхнепалеолитических людей Европы и значительно превосходит таковой у европейцев эпохи бронзы. Далее, говоря о лице, он отмечает, что никакой грацилизации лица не видно; даже, наоборот, в среднем их лицо шире, чем у людей верхнего палеолита. Кроме того, Е. В. Жиров выделяет ряд особей с несомненными элементами большей или меньшей монголоидности. Он считает, что Оленеостровский могильник дает бесспорное доказательство древней метизации протоевропейцев и протомонголов.

Бюст одного из представителей Оленеостровского могильника был реконструирован по черепу из погребения 12 (№ 5773-123; рис. 125).

Г. Ф. Дебец характеризует этот череп следующими признаками: «Горизонтальный угол лица — 136°, верхний угол *fmo — fmo*—145,5°. Высота лица — 73 мм, что нельзя считать большой величиной. Носовые кости — средне выступающие (высота — 3,3 см, симатический указатель — 38,4). Высота переносья над дакраонами большая (12,2 мм), что при малой ширине (21 мм) дает высокий индекс (58,1). Fossa canina развита слабо. Угол носовых костей к линии профиля около 20° — типично монголоидная величина. Назомолярный индекс низкий — 105,5. Таким образом, этот череп, за исключением указателя высоты переносья, дает комплекс монголоидных признаков, хотя и не очень резко выраженных»[2].

Относительно реконструкции Г. Ф. Дебец указывает, что «ее промежуточный расовый тип согласуется с данными краниологического исследования».

---

[1] Е. В. Жиров. Заметки о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова. КСИИМК, VI, 1940.

[2] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР М.—Л., 1948, стр. 95 (ТИЭ, новая серия, т. IV).

Рис. 125. Реконструкция по черепу мужчины (5773-123) с Оленьего острова.

За последнее время я имел возможность снова вернуться к обработке антропологического материала с Оленьего острова. В ГМА хранится небольшая краниологическая коллекция, переданная В. И. Равдоникасом. Этот материал происходит из раскопок на Оленьем острове за 1936 г. Н. Н. Гурина сообщила мне, что за этот сезон работы было раскопано около 40 погребений. По спискам музея числится всего 10 черепов, причем все они фрагментарны в большей или меньшей степени. В 1937—1953 гг. с исключительным трудолюбием, с громадным знанием дела эти черепа реставрировал Е. В. Жиров. Благодаря его работе мы имеем некоторый материал с Оленьего острова не только в Москве, но и в Ленинграде.

В результате ознакомления с коллекцией черепов из могильника Оленьего острова, хранящейся в ГМА, выяснилось, что из 10 черепов для нашей работы доступны только 4 черепа, и то не в полной мере. Эти черепа могли быть использованы только для графической реконструкции, так как сохранились наполовину.

Судя по степени развития рельефа черепов, их величине и ряду других морфологических особенностей, все эти черепа принадлежали мужчинам, причем относительно молодым, в возрасте от 30 до 45 лет. Кроме того, нами

был обработан еще один из черепов с Оленьего острова — из раскопок В. И. Равдоникаса в 1938 г.

В результате изучения этого материала удалось заметить ряд антропологических типов. Наметились следующие категории: 1) древний тип северного европейца с кроманьонскими чертами, 2) древний тип балтийского европейца с кроманьонскими чертами, 3) древний тип палеомонголоида с кроманьонскими чертами.

1. ГМА, череп № А VII/8694. (погребение 44). Ориентировка — головой к востоку. Скелет лежал на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища; кисти — на лобке. Сохранность костей относительно удовлетворительная. У левого бедра лежал трехгранный обломок песчаника с орнаментом на всех трех гранях в виде елки.

Череп — очень плохой сохранности, но с нижней челюстью. Черепная крышка состоит из 34 склеенных фрагментов.

Основание черепа полностью разрушено. От лицевого скелета сохранились верхняя половина носовых косточек, альвеолярные отростки верхних челюстных костей с прилежащими к ним краями грушевидного отверстия, а также левая скуловая кость.

На верхней челюсти сохранились все премоляры и 2 первых моляра с обеих сторон. На нижней челюсти имеются правый и левый первые премоляры и 3 левых моляра; на правой половине челюсти сохранились P_2 и два M_1.

Череп большой, массивный и тяжелый.

1. Наибольший диаметр . . . . 195 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 193 мм
8. Поперечный диаметр . . . . 146 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . . . 74,87 (долихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . . 75,64.

Со стороны затылка череп — сводчатой формы. При рассмотрении черепа в профиль следует отметить его удлиненные пропорции, высокий свод, спокойное соединение костей друг с другом и невыступающий преломленный затылок.

По сравнению с другими черепами этой серии данный череп обладает более высоким сводом и менее покатым лбом. Лобная кость узкая, удлиненных пропорций. Лобные бугры выражены слабо, широко расставлены; сагиттальный валик выражен слабо.

10. Наибольшая ширина лба . . . . . . 108 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . . . 94 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 87,03.

Глабелла сильно развита, слабо преломлена; степень ее выступания по шкале достигает 5 баллов.

Носовая часть лобной кости крайне широка у основания и относительно верхнего края орбит направлена внутрь.

Высота носовой части по средней линии . . 6 мм.
Высота носовой части по бокам . . . . . 22 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . 28 мм (приближенно).

Надбровные дуги сильно выступают и лежат в плоскости глабеллы. Височная впадина высокая и длинная. Сосцевидные отростки большие. Затылочная кость — средних размеров; затылок невыступающий, сильно преломленный.

Судя по сохранившимся фрагментам, лицо характеризуется большой шириной при средней высоте, слабой профилированностью и мезогнатным альвеолярным отростком. Нижняя челюсть довольно массивная и слабо выступающая.

47. Общая высота лица . . . . 123 мм.
48. Высота верхней части . . . . 78 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 148 мм (примерно).
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . . . 83,09.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . . . 52,7.

Орбиты — прямоугольной формы, с закругленными углами. Профилировка орбит наклонная. Верхнеорбитный гребень выражен хорошо.

54. Высота орбит . . . . 3[illegible] мм.
56. Ширина носовых костей у корня . . . 16 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей . . 15 мм.

Определить форму носового отверстия с полной достоверностью нельзя, но, по-видимому, оно было грушевидным.

Сохранившиеся края носового отверстия ниже crista conchalsi притуплены и переходят в хорошо выраженный, сглаженный гребешок, образующий боковые грани вод-

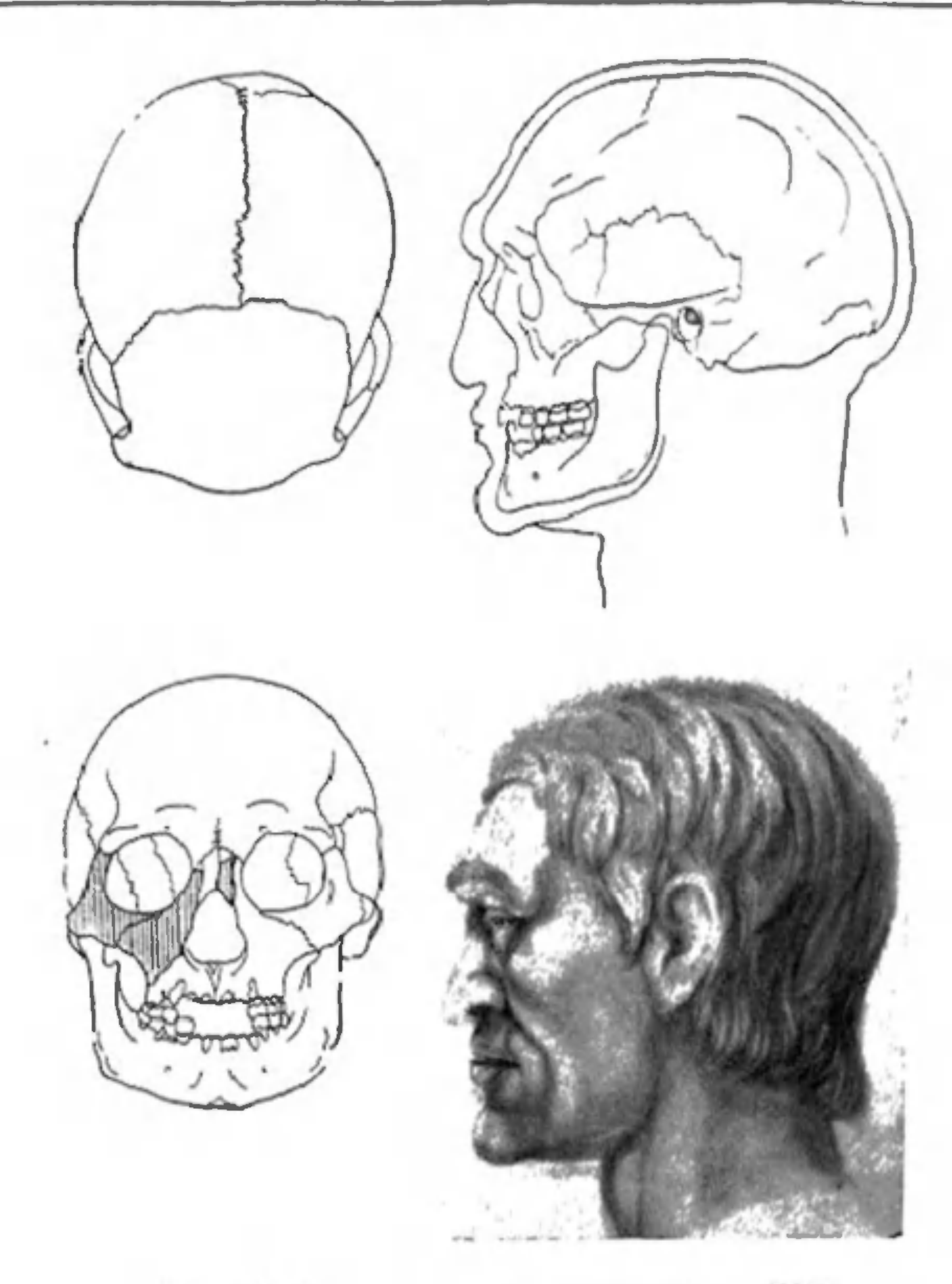

Рис. 126. Реконструкция по черепу мужчины (8694) с Оленьего острова.

носового края типа fossa praenasalis. Подносовой шип короткий, приподнятый. Скуловая кость — средних размеров, простых очертаний, сильно развернута в сторону. Скуловой бугор хорошо развит.

Область собачьей ямки разрушена, но, повидимому, она была выражена слабо. Альвеолярный отросток невысокий, мезогнатный, рельеф альвеол выражен умеренно.

Зубы стерты в одинаковой степени; жевательная поверхность зубных бугорков стерта до дентина.

Высота альвеолярного отростка . . 15 мм (примерно).

Расстояние P_3 и P_3 . . . . 60 мм.

На нижней челюсти сохранились: справа — P_1, M_1, M_2, M_3; слева — P_2, M_1, M_2. Жевательная поверхность зубов нижней челюсти стерта до дентина.

На нижнечелюстной кости отломаны правый и левый венечные отростки. Челюсть довольно массивная, со средне высоким телом, с относительно небольшими ветвями и с очень длинными суставными отростками. Выступание подбородочного бугра — 3 балла.

Прикус режницеобразный. Лицо резко ортогнатно, как бы смято, вдавлено, так что относительно небольшой нос сильно выступает; подбородок почти не выступает вперед за линию глабеллы.

Этот череп, несомненно, обладает рядом примитивных черт древнего кроманьонца. Значительное развитие глабеллы и надбровья, большая ширина и малая высота лица, долихокранность — указывают на некоторую архаичность этого европеоидного черепа. И все же это не кроманьонец. В нем нет подлинных черт черепов ни Пшедмоста, ни Оберкасселя. Глазницы его округлы и довольно высоки. Скуловые кости, несмотря на большую ширину, тонко очерчены. Верхнечелюстные кости грацильны, даже относительно большая нижняя челюсть не дает типичной для кроманьонца массивности, тяжести. Характеризовать этот череп как кроманьонский, нам кажется, нельзя, хотя он несет в себе, несомненно, элементы этого древнего типа европейца (рис. 126).

Реконструировать череп удалось только графически, так как сохранность черепа обеспечивает возможность документальной зарисовки профиля. Схема дает представление об основных размерах принятого стандарта и о степени поправки этого стандарта по профилю (рис. 126).

При взгляде на восстановленное лицо невольно возникает ассоциация близости данного лица к североевропейскому антропологическому типу, конечно, в его раннем варианте, когда кроманьонские черты еще выявлялись с достаточной четкостью. Этот же тип, но уже значительно более грацильный, представлен рядом черепов с Ладоги. В частности, данный реконструированный профиль,— не физиономически, конечно, а по типу, — сходен с реконструированной головой ладожского черепа № 7. Однако при сравнении этих черепов сразу же надо оговориться, что череп с Оленьего острова (№ 8694, погребение 44) обладает значительно бо́льшим архаизмом черт. Он гораздо массивнее, тяжелее, шире. Свод его ниже, лоб более покат. Следует сказать, что этот череп по степени архаичности своих черт занимает крайнюю позицию среди черепов с Оленьего острова.

2 ГМА, череп № АIII/354 (погребение 44). Череп — плохой сохранности. Реставрирован. Череп большой, массивный. Венечный шов облитерирован полностью; сагиттальный шов лишь на небольших участках сохранил рисунок; затылочный шов полностью сохранил сложный рисунок.

1. Продольный диаметр . . . . 188 мм
2. Расстояние от глабеллы до иниона . . . 186 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 134 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 71.28 (долихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 72,09.

Форма черепа сверху бризоидная, со стороны затылка — сводчатая. Свод черепа очень высокий. Лоб высокий, слегка покатый, с сильно выступающим надбровьем. Затылок преломлен под тупым углом. Вал перегиба сильно выступает, особенно в его средней части. Лобная кость короткая, суженная в передней части.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 114 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 90 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 78,94.

Глабелла сильно выступает, преломленная, нависающая; степень ее выступания по шкале — 5—6 баллов.

Надбровные дуги длинные, узкие, выступают сильнее, чем глабелла; степень их протяженности по шкале — 2 балла. Носовая часть лобной кости широкая, короткая; обращена внутрь по отношению к верхнему краю орбит.

Высота носовой части по средней линии . . . 7 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 18 мм.

Скуловые отростки лобной кости широкие, короткие.

Теменные кости удлиненные. Теменные бугры не выражены. Затылочная кость узкая, удлиненных пропорций. Микрорельеф выражен отчетливо. Степень выступания иниона по шкале — 1 балл. Височная впадина высокая.

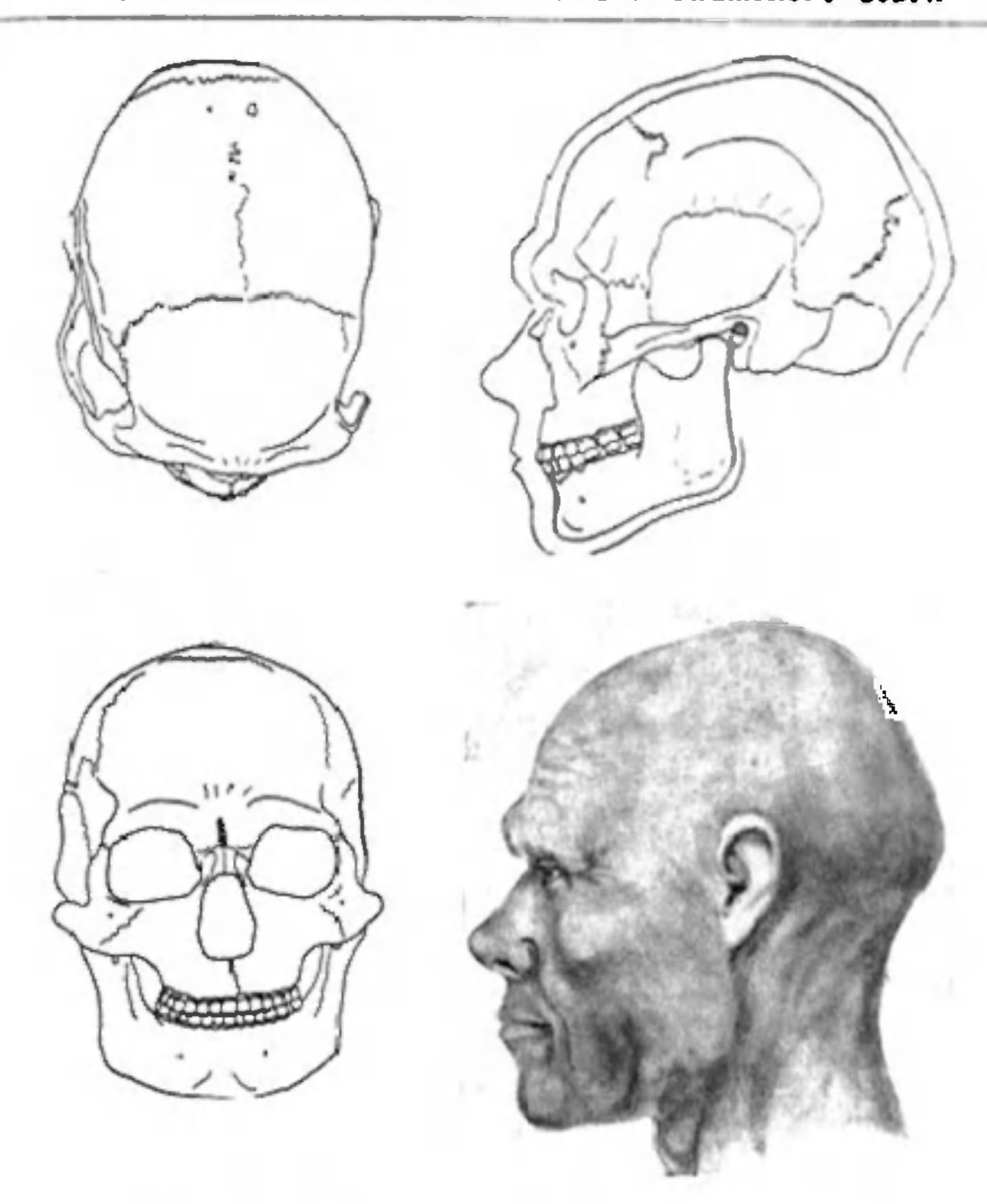

Рис. 127. Реконструкция по черепу мужчины (354) с Оленьего острова.

Сосцевидные отростки большие, длинные. Форма лица приближается к пентагональной, отличается более острым подбородком и слабо выступающими углами челюсти. Лицо асимметричное, широкое, невысокое, слабо профилированное. Подбородок слабо выступающий. Альвеолярный край и зубы слабо прогнатные. Глазницы относительно большие. Нос — средней ширины, выступающий.

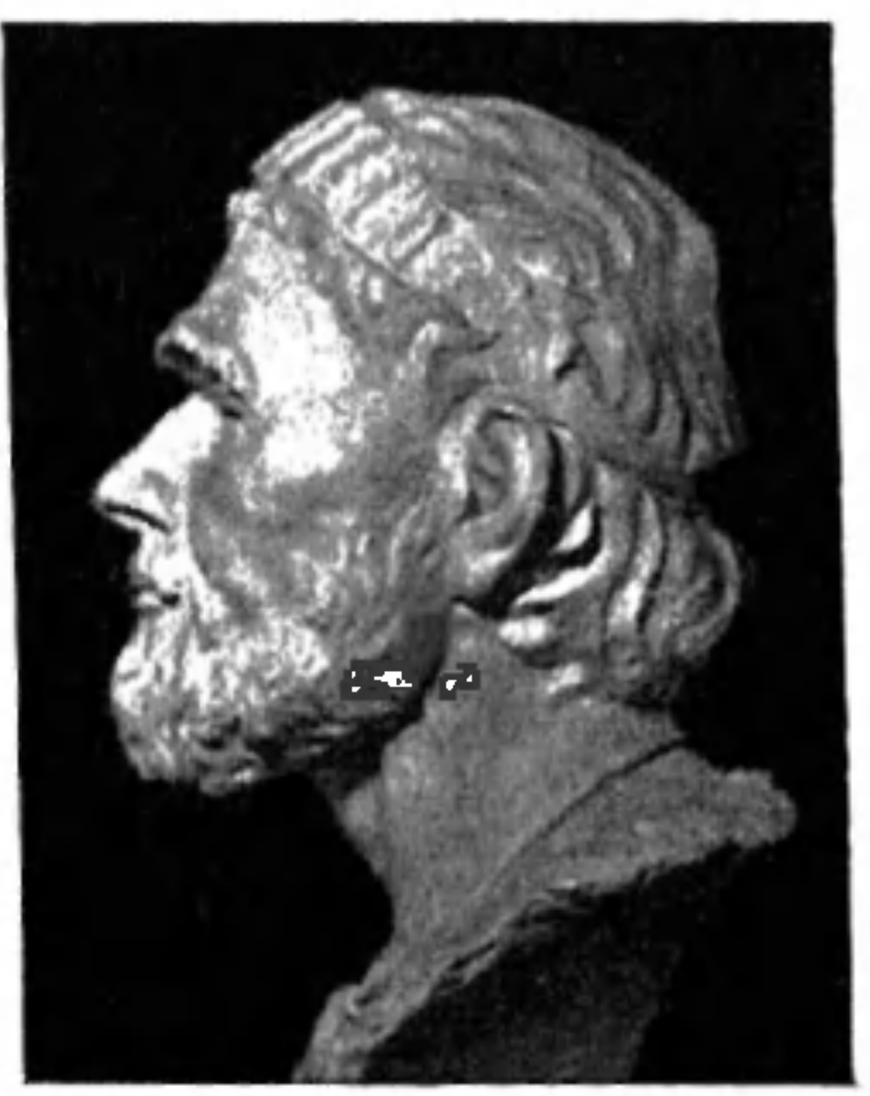
47. Общая высота лица . . . . . 112 мм.
48. Высота верхней части лица . 70 мм.
45. Скуловая ширина . . . . . . 151 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . 74,16.
48 : 45. Лицевой указатель II . . 46,35.

Орбиты прямоугольные, со слабо закругленными углами, край орбит нависает у латерального угла и слит с верхнеглазничным гребнем. Нижний край приподнятый. Орбиты замкнутые. Глазничные бугорки широкие, хорошо выраженные. Разрез глаз слегка приподнятый. Профилировка орбит горизонтальная. Фронтальная постановка орбит горизонтальная.

51. Ширина орбиты . . . . 42 мм.
52. Высота орбиты . . . . 30 мм.
54 : 51. Орбитный указатель . . . 71,42.

У корня носовые косточки узкие, в средней части слабо расширяются.

56. Ширина носовых косточек у корня . . 9 мм.

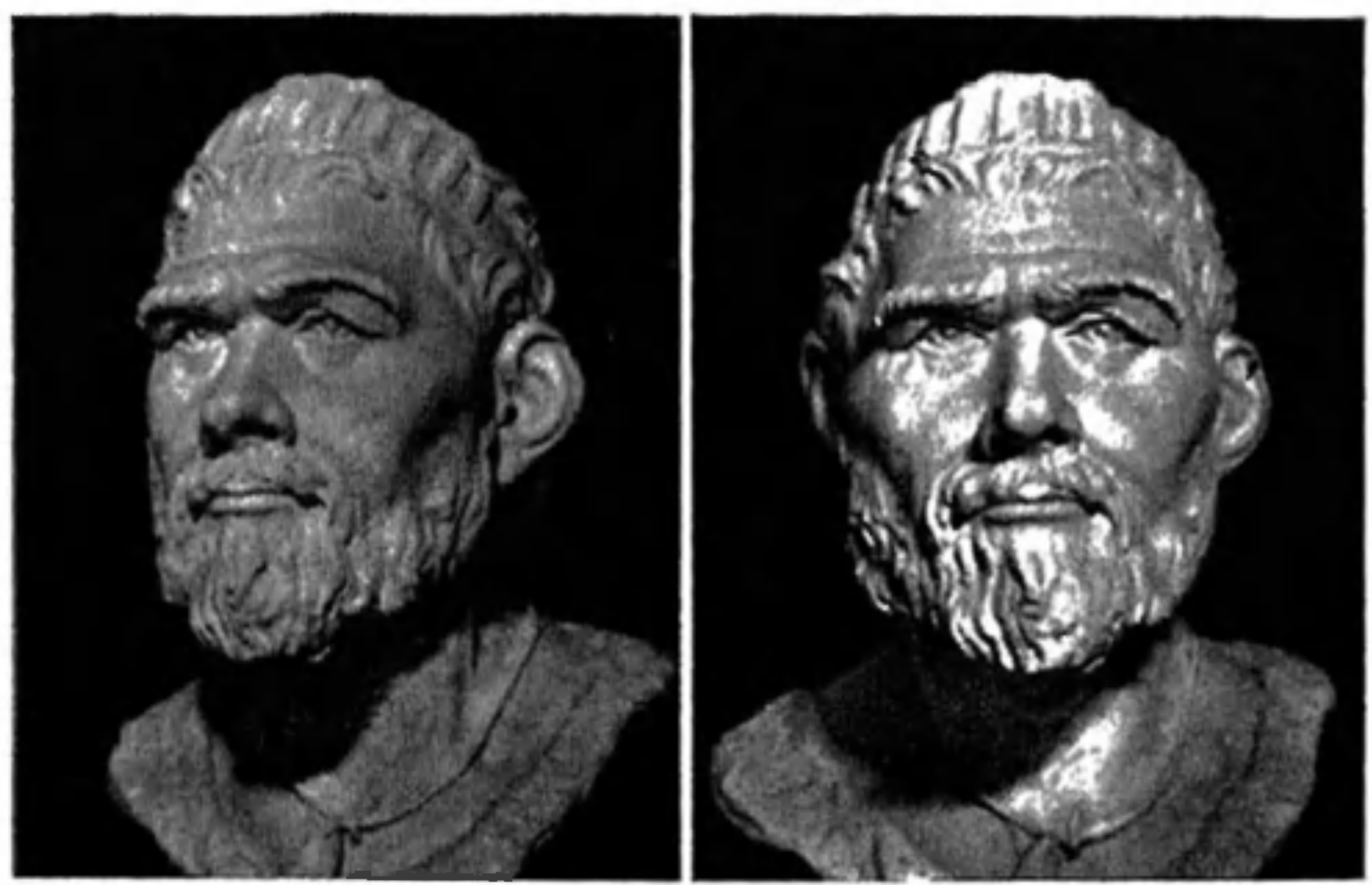

Рис. 128. Реконструкция по черепу неолитического человека (354) с Оленьего острова.

57. Ширина в средней части . . . . 11 мм.
58. Ширина в нижней части . . . . 19 мм.

Спинка костного носа в сечении — сводчатой формы. Носовое отверстие — грушевидной формы. Края грушевидного отверстия острые.

Высота положения crista conchalis 15 мм.
54. Ширина грушевидного отверстия . . 26 мм.
55. Высота носа . . . . 52 мм.
55 : 54. Носовой указатель . . . . . . 50.

Лобные отростки узкие, профилированные. Скуловые кости относительно грацильные.

Высота альвеолярной части . . . . 17 мм.

Расстояние P_2 и P_2 . . . . . . 42 мм.
Высота эмали первого резца . . 4 мм.

На верхней челюсти сохранились все зубы. Стертость зубов достигла полного сечения зуба. Нижняя челюсть массивная. Ветви короткие, широкие, отходят почти под прямым углом. Микрорельеф ветвей выражен отчетливо, в виде расположенных параллельно друг другу гребней.

Прикус щипцеобразный, с чуть заметно вынесенной верхней челюстью. Тело нижней челюсти высокое, альвеолярный край ровный. Подбородочный выступ—округлой формы, выступает несильно (рис. 127).

Этот череп обладает значительным количеством архаических признаков, свойственных типичным кроманьонцам. И, вероятно, он ближе всего к черепу из Пшедмоста. Но наряду с этими архаическими признаками выступает ряд других, не свойственных кроманьонскому типу: относительно высокий свод, тонкое очертание скуловых костей, общая грацилизация лицевого отдела, все это уже не кроманьонские черты. Однако совокупность всех признаков дает возможность охарактеризовать его как тип архаического европейца, причем физиономически этот тип ближе всего подходит к балтийскому (рис. 127): вздернутый нос, небольшая прохейлия рта, слабо выступающий подбородок — все это соответствует балтийскому типу. Нам не кажется невероятным, что именно в это время начинает складываться на данной территории балтийский антропологический тип. В дальнейшем, пройдя сложный путь эпохальной изменчивости, значительно грацилизовавшись, он дает современный тип балтийца, в котором, однако, не трудно увидеть черты древнего оленеостровского человека. Воспроизведенная реконструкция дает отчетливое представление о человеке с широким лицом, с большим, вздернутым носом, с покатым лбом, с глубоко сидящими глазами. И сейчас среди северян-поморов можно иной раз встретить именно этот тип древнего балтийца (рис. 128).

3. ГМА, череп № 8629 (погребение 31), ориентировка — головой к востоку. Скелет лежал на спине в вытянутом положении; правая рука — вдоль туловища, левая не прослеживается.

Сохранность костей плохая; лучше сохранилась правая половина погребения. Засыпка охрой слабая. Находки: 1) в области шеи — два клыка медведя с отверстиями; 2) на груди — костяной наконечник; 3) на левой стороне груди — плоская галька.

Череп—очень плохой сохранности, склеен из множества фрагментов, частично реконструирован. Нижняя челюсть склеена, и недостает только суставного отростка с левой стороны.

Череп — средней величины, массивный, тяжелый; свод черепа — средней высоты, с невысоким и покатым лбом; область венечного шва слегка приподнята.

Лобная кость — средней величины, узкая, заметно суженная у нижнелатеральных углов. Лобные бугры крайне слабо выражены.

Форма черепа сверху приближается к овоидной. Со стороны затылка череп — уплощенно-сводчатой формы. Сагиттальный и ламбдовидный швы облитерированы, чешуйчатый шов виден отчетливо, венечный — облитерирован.

1. Продольный диаметр . . . . 190 мм.
2. Расстояние от глабеллы до иниона . . 187 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 138 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . . . 72,63 (долихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . . 73,79.
10. Наибольшая ширина лба . . . . . 110 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . . . 95 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 86,36.

Глабелла — промежуточной формы между преломленной и округлой; выступание ее по шкале — 4 балла. Носовая часть лобной кости широкая, очень короткая по средней линии, значительно удлинена по бокам и направлена внутрь по отношению к верхнему краю орбиты.

Высота носовой части по средней линии . . . . 4 мм.
Высота носовой части по бокам . . . . 18 мм.
50. Ширина носовой части (межорбитное расстояние) . . 28 мм.

Надбровные дуги неширокие, выступают вровень с глабеллой; степень их протяженности по шкале — 2 балла. Скуловые отростки лобной кости узкие, слегка приподнятые у краев орбит. Теменные кости большие, удлиненных пропорций. Теменные бугры хорошо выражены. Височные ямы довольно большие, сильно вытянутые в переднезаднем направлении, средней высоты, неглубокие. Чешуя височных костей относительно небольшая, поверхность ее уплощенная. Скуловой отросток широкий у основания. Сосцевидные отростки большие, с широким основанием. Затылочная кость большая и очень широкая у основания: она не выступает, преломлена под тупым углом. Вал преломлен, хорошо выражен в средней части, проходит по верхней выйной линии, суживается и постепенно сходит на нет. Степень выступания иниона по шкале — 3 балла.

По форме лицевая часть черепа более всего подходит к пентагональной. Лицо высокое, широкое, грубое с низким и очень покатым лбом, слабо профилированное, с мезогнатной альвеолярной частью и выступающим подбородком. Нос высокий, средне выступающий. Глазницы — средней величины.

47. Общая высота лица . . . . 128 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . 78 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 142 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 90,14.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 54,92.

Орбиты — средних размеров, неправильной четырехугольной формы. Медиальные углы глазниц (верхний и нижний) четко выражены, в отличие от латеральных, которые значительно закруглены. Раструб слезной ямки занимает углубленное положение. Глазничный бугорок хорошо выражен. Разрез глаз слабо наклонный. Профилировка орбит наклонная.

51. Ширина орбиты . . . . 42 мм.
52. Высота орбиты . . . . 33 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 78,57.

Носовое отверстие — грушевидной формы. Край грушевидного отверстия не очень тонкий, притупленный. Подносовый край притуплен. Подносовый шип частью отломан, чуть направлен вниз. Лобный отросток верхнечелюстных костей короткий, средней ширины, слабо профилированный. Скуловые кости высокие простой формы. Нижнеорбитный гребень слабо выражен. Лобный отросток скуловой кости довольно длинный, не очень широкий. Собачья ямка хорошо выражена (3 балла). Верхнечелюстная вырезка глубокая, угловатой формы.

Альвеолярный отросток высокий и широкий (альвеолярная дуга — широкоокруглой формы). Высота альвеолярной части — 20 мм.

В верхнем ряду сохранились все зубы, кроме P_1 с левой стороны. Зубы мелкие. Между первыми резцами имеется широкое расстояние. Стертость резцов, клыков и первых ложнокоренных достигла полного сечения зуба; у P_2 и M_1 с правой стороны стертость достигла дентина. У коренных зубов стерты бугорки.

В нижнем ряду имеются все зубы. У всех зубов, кроме P_1 обеих сторон, стертость достигла полного сечения зуба. Зубы поставлены ортогнатно. Прикус щипцеобразный. Расстояние P_2 и P_2 —57 мм. Высота эмали — 4 мм. Нижняя челюсть массивная, высокая, с широко расставленными ветвями. Степень выступания подбородочного бугра 3 балла.

Сохранность этого черепа (№ 8629) такова, что можно произвести только графическую реконструкцию, пользуясь относительно хорошо сохранившимся профилем правой стороны черепа. При восстановлении толщины покрова были учтены специфические размеры глабеллы и степень выступания подбородка и внесены соответствующие поправки. Данный череп, несомненно, относится к категории метизированных, причем в равной степени в нем видны как европеоидные, так и палеосибирские монголоидные черты. Это еще отчетливее видно при рассмотрении графической реконструкции. Следует отметить, что в лицевом скелете, а следовательно и в лице, наличие монголоидных черт заметнее. Пологие носовые косточки, относительно высокие орбиты, высокое, широкое, сравнительно слабо профилированное лицо, с нерезко выраженной прогнатностью, с общим выступанием нижней челюсти вперед — все это как-то выделяет, подчер-

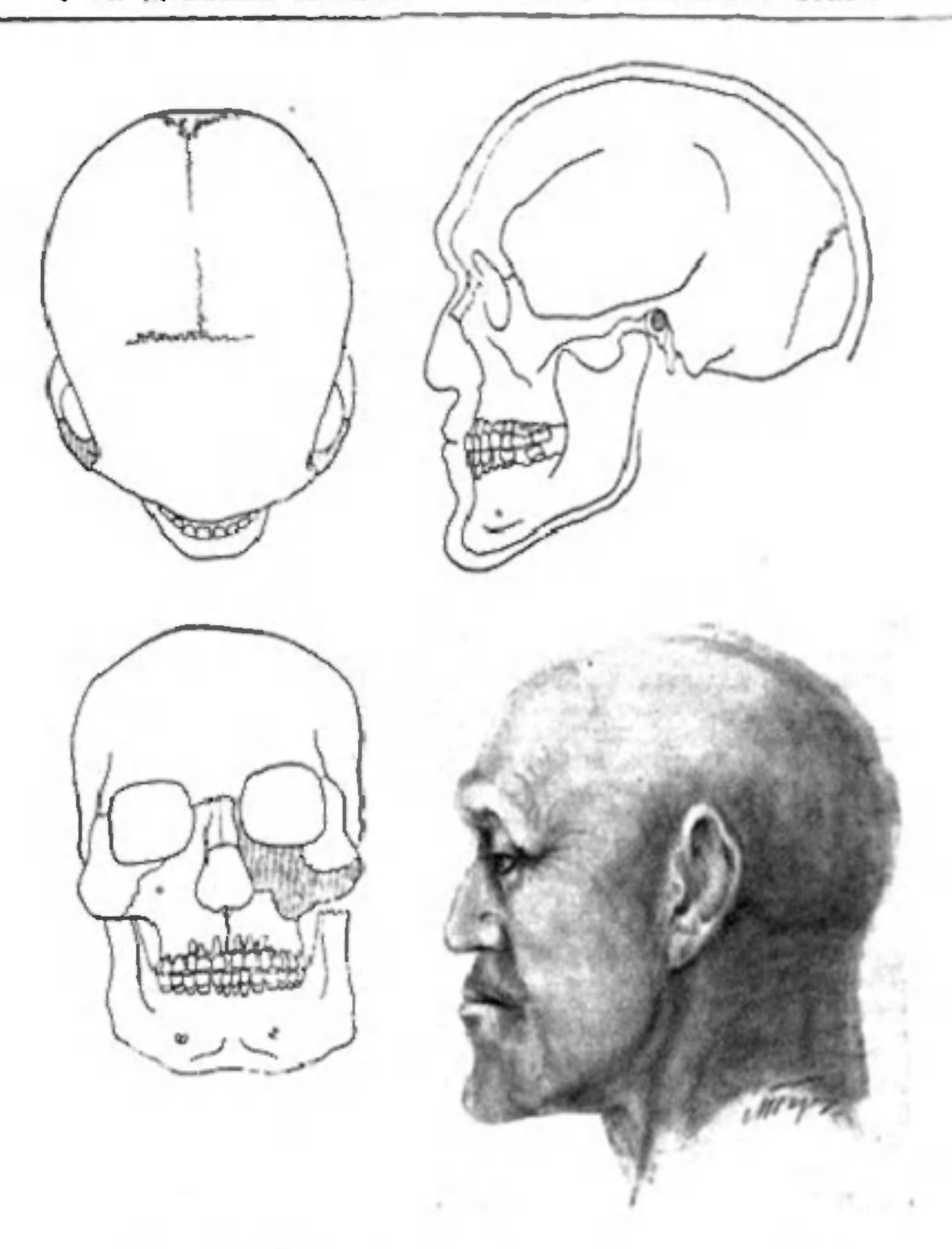

Рис. 129. Реконструкция по черепу мужчины (9629) с Оленьего острова.

кивает наличие монголоидной примеси (рис. 129). Между тем долихокранность, относительно низкий свод черепа, несомненно, больше связываются с европеоидным типом.

4. ГМА, черепа № А VII/8626, А VII/8627, А VII/8628 (погребения 26—28).

Все три скелета лежали почти в одной плоскости, головами к востоку с некоторым отклонением к югу. В области ног погребения 27 прослеживалось небольшое сооружение в форме круга, выложенное из камней, внутри которого была насыпана охра. Сверху сооружение было покрыто круглой плитой. Сохранность костей очень плохая. Насколько удается проследить, положение костяков — вытянутое, на спине. Дно могильной ямы и кости густо посыпаны красной охрой (мощностью до 0,05 м). В области груди погребения 26 обнаружены 3 костяных наконечника стрел, 10 обломков костяных предметов и 4 подвески из резцов лося.

Как ни фрагментарны эти скелеты, они все же заслуживают внимательного изучения, и прежде всего потому, что эти три погребения, очевидно, представляют один комплекс. Они, повидимому, были погребены одновременно, а раз так, то совершенно очевидна их принадлежность к одному племени. Вопросы, интересующие археологов в связи с данным комплексом, — это пол погребенных и их расовый тип. То и другое на хорошо сохранившихся скелетах определяется просто; при данных же обстоятельствах — крайней фрагментарности не только длинных костей, таза, но и черепов,— эти вопросы трудно решить с полной определенностью, но не невозможно.

Погребение 26 — наиболее богатое, видимо, основное, так как с ним положен охотничий инвентарь.

От черепа[1] сохранились неполная мозговая коробка, левая скуловая кость и носовые косточки. Черепная крышка — в плохом состоянии, реставрирована из 50 фрагментов.

1. Наибольший диаметр . . . . 183 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 136 мм (примерно).
2. Иниовый диаметр . . . . 182 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 74,31 (долихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 72,72.

В горизонтальной проекции череп — отчетливо бризоидной формы, сводчатый со стороны затылка. В профиль он не производит впечатления типично долихоидного, как показывает черепной указатель. Свод черепа высокий, причем его наибольшая высота значительно отнесена назад.

Лоб низкий, наклонный; по направлению к венечному шву чешуя лобной кости приподнимается и плавно соединяется с сильно выпуклыми теменными костями, которые достигают наибольшей высоты примерно на уровне теменных бугров, в результате чего наибольшая высота черепа оказывается отнесенной назад.

Затылок округлый, слабо выступающий.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 113 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 96 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 84,95.

Глабелла массивная, округлой формы; степень выступания ее по шкале определяется 5 баллами.

Носовая часть лобной кости,— массивная, широкая у основания,— выступает вперед за пределы края орбиты.

Высота носовой части по средней линии . . . 11 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 20 мм.

По сравнению с сильно выступающей глабеллой надбровные дуги развиты относительно слабо Степень протяженности надбровных дуг по шкале равна 2 баллам. Скуловые отростки лобной кости короткие, широкие. Теменные кости предельно выпуклые. Височная яма большая и высокая. Височная кость имеет слегка выпуклую поверхность.

Сосцевидные отростки большие, очень широкие у основания; они значительно выступают в сторону. Их вершина закруглена и направлена вперед.

Затылочная кость высокая, но узкая. Степень развития иниона — 2 балла

Носовые косточки разрушены в дистальном отделе, что затрудняет определение их длины. Они довольно толстые, выпуклые по бокам, с вогнутым профилем. Форма спинки носа в сечении уплощенно-сводчатая.

Скуловая кость — простого рисунка, довольно широкая, с высоким лобным отростком и сглаженным височным отростком. Скуловой бугор большой, хорошо очерченный.

Несмотря на то, что данный череп далеко не полный, мы считаем возможным определить и пол, и антропологический тип его. Размеры черепа, степень развития рельефа, глабеллы (балл 5), надбровья (балл 2), величина сосцевидного отростка, степень развитости иниона (балл 2) — все это дает возможность говорить о мужском поле.

---

[1] ГМА, череп № АXVII/8626

Долихокранность, форма лба, строение носолобного отростка верхнечелюстной кости, степень выступания носовых костей, низкие орбиты, значительная их вертикальная профилировка, форма скуловых костей — все это дает нам право определить данный череп как европеоидный с некоторыми пережиточными элементами древнего кроманьонского типа.

Погребение 27 (среднее) сопровождалось специальным сооружением из камня, в котором хранилась охра. Никаких орудий труда нет. Сохранность костей исключительно плохая. Лицевая часть черепа[1] с нижней челюстью плохой сохранности, частично реконструирована.

От черепа сохранилась почти целиком лобная кость, за исключением небольшого средне-заднего фрагмента чешуи, прилежащего к середине венечного шва. Сохранился также обломок левой теменной кости треугольной формы, соединяющийся с лобной костью.

В лицевом черепе сохранились проксимальная половина носовых костей с лобным отростком левой верхнечелюстной кости и краем грушевидного отверстия, левая скуловая кость с прилежащим к ней небольшим фрагментом тела верхней челюсти и альвеолярный отросток левой верхнечелюстной кости с подносовым краем.

Правая половина лица повреждена значительно сильнее. Сохранились верхний фрагмент тела верхнечелюстной кости и бо́льшая часть ее альвеолярного отростка.

Лоб большой, крутой, со слабо выступающими высокими и сближенными лобными буграми.

9. Наименьшая ширина лба . . . . 97 мм.
10. Наибольшая ширина лба . . . . 110 мм.

Глабелла — округлой формы; степень выступания ее по шкале — 2 балла. Носовая часть лобной кости сравнительно неширокая, довольно короткая; относительно верхнего края орбит она направлена внутрь.

Высота носовой части по средней линии . . . . 9 мм.
Высота носовой части по бокам . . . . 15 мм.

Надбровные дуги слабо развиты (1 балл). По выступанию надбровные дуги не превосходят глабеллу. Височные линии на лобной кости представлены в виде короткого, довольно широкого гребня с сильно шероховатой поверхностью.

Лицо высокое, относительно широкое, слабо профилированное, с низкими прямоугольными орбитами и прогнатной альвеолярной частью. Выступание подбородка незначительное (+1 балла).

47. Общая высота лица . . . . 113 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . 61 мм.

Орбиты — прямоугольной формы, низкие. Глазницы замкнутые. Верхнеорбитный гребень хорошо выражен. Глазничный бугорок — в виде площадочки, хорошо выражен.

Разрез глаз наклонный. Профилировка орбит вертикальная.

51. Ширина орбит . . . . 48 мм.
52. Высота орбит . . . . 29 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 60,41.
50. Межорбитное расстояние . . . . 20 мм.

Лобные отростки верхнечелюстных костей сравнительно неширокие. Носовые косточки довольно широкие, слабо профилированные, с западающим корнем и крышеобразным сечением.

56. Ширина носовых костей у корня . . . . 1 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей . . . . 9,5 мм.
55. Высота носа . . . . 48 мм.
54. Ширина носа . . . . 29 мм (приблизительно).
55 : 54. Носовой указатель . . . . 60,42.
Высота положения crista conchalis . . . . 13 мм.

Подносовой шип слабо приподнимается вверх и почти не выступает вперед.

Скуловые кости массивны, простого рисунка. Измерить ширину лица трудно; согласно приблизительному размеру по одной стороне — 132 мм.

Степень развернутости скуловых костей в стороны значительна, но скуловой бугор не развит. Нижнеорбитный гребень тонкий, четко очерченный. Верхнечелюстная

[1] ГМА, череп № А VII/8627.

вырезка высокая. Альвеолярная часть относительно высокая и прогнатная при слабо прогнатных зубах.

Высота альвеолярной части . . . . 19 мм.
Расстояние P_2 и P_2 . . . . 49 мм.

Весь зубной ряд полностью сохранился. Жевательная поверхность зубов сильно стерта, что особенно заметно на резцах и клыках, где стертость достигла полного сечения зуба. Остальные зубы стерты до дентина.

На нижней челюсти сохранились все зубы, стертость резцов и клыков достигла полного сечения зуба; на остальных зубах стертость затронула дентин. Нижняя челюсть массивная, с высоким телом и малым углом расхождения восходящих ветвей.

Подбородочный бугор небольшой, слабо выступает и определяется по шкале 1 баллом.

Сохранность костей черепа такова, что можно было произвести графическую реконструкцию лицевой части.

Рис. 130. Реконструкция по черепу мужчины (8627) с Оленьего острова.

В результате анализа костных остатков черепа можно с уверенностью сказать о нем как о мужском, хотя он и более грацильного строения, чем основная масса мужских черепов с Оленьего острова. Отмеченная грацильность должна быть отнесена за счет метизации с уже ранее метизированным монголоидно-европеоидным типом (рис. 130).

Вследствие этой вторичной метизации монголоидность сильно сглажена, и лицо ближе всего к современному балтийскому типу.

Реконструированное лицо с еще большей четкостью иллюстрирует этот тип с крутым, широким лбом, слабым надбровьем, невысокими орбитами, маленьким, слегка вздернутым носом, чуть прохейличным ртом, небольшим подбородком.

В погребении 28 никаких вещей не оказалось. Сохранилась большая часть мозгового черепа[1], но весь свод черепа склеен и частично реконструирован.

Фронтальная часть лобной кости отломана. Отломаны также большие крылья клиновидной кости и нижние части чешуи височной кости; нет сосцевидного отростка с правой стороны. Отсутствуют вся лицевая часть и основание черепа.

[1] ГМА. череп № А VII/8628.

Череп большой, суженный в лобной и затылочных частях и расширенный в средней части. Поперечный диаметр — 142 мм. Никаких других измерений сделать нельзя из-за плохой сохранности черепа. Череп — промежуточной формы, между пентагональной и ромбоидной. Со стороны затылка череп — сводчатой формы. Свод черепа высокий, с покатым лбом. Лобная кость плавно переходит в теменные кости. Нисходящая часть теменных костей несколько вдавлена, что подчеркивается слабо выступающим, преломленным затылком. Височная впадина большая. Сосцевидный отросток — средних размеров, сильно выступающий, особенно в верхней и средней частях; он направлен почти перпендикулярно вниз. Затылочная кость большая. Степень развития иниона — 3 балла.

Как ни фрагментарен этот череп, все-таки можно с отчетливостью определить его как мужской, хотя это и противоречит обычаям оленеостровцев (они, как правило, мужчин без инвентаря не погребали). Но толщина костей свода, развитие рельефа, величина сосцевидных отростков, степень развития иниона (3 балла) убеждают нас в правильности определения пола.

Относительно антропологического типа определенно сказать что-либо трудно, но это скорее всего европеец. Итак, это — коллективное захоронение трех мужчин. По своему антропологическому типу все они, вероятно, европейцы.

5. ГМА, череп № 8635 (погребение 1). Скелет лежал на спине, руки были вытянуты вдоль туловища; ориентировка — головой к востоку при небольшом отклонении к северу. Сохранность костей плохая; от черепа остались лишь фрагменты, кости ног распались на мелкие куски. Погребение засыпано слоем красной охры (толщиной до 0,06 м).

У нижней челюсти — кость со следами обработки, лощило. На груди, справа, у позвоночника — узкая длинная поделка из рога (проколка). У левой берцовой кости — 4 фрагмента костяной пластинки с орнаментом в виде точек.

Черепная коробка реставрирована. Основание черепа отсутствует. Лицевой скелет и нижняя челюсть реставрированы из отдельных фрагментов и частично реконструированы.

Череп большой, массивный, удлиненных пропорций. Лицевая часть черепа относительно мозговой его части очень тяжелая.

1. Наибольший продольный диаметр . . . . 188 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 183 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 140 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 74,47 (долихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . , 76,50.

Форма черепа сверху бризоидная, со стороны затылка — крышевидная. Свод черепа в профиль высокий. Лоб низкий, покатый. Теменные бугры отнесены назад. Лобная кость небольшая, узкая.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 111 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 94 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 84,86.

Глабелла округлая. Степень ее выступания по шкале — 3 балла. Носовая часть лобной кости очень широкая, короткая.

Длина носовой части по средней линии . . . . 8 мм.
Длина носовой части сбоку . . . . 18 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . 27 мм.

По отношению к верхнему краю орбиты носовая часть лобной кости направлена слегка внутрь. Надбровные дуги выступают несколько больше глабеллы.

Сохранившийся скуловой отросток левой височной кости — узкий и сильно развернутый. Сосцевидные отростки большие, с широким основанием. Затылочная кость узкая, выступает в виде бугра с гладкой поверхностью. Степень выступания иниона по шкале — 2 балла.

Форма лица приближается к пентагональной. Лицо высокое, широкое, слабо профилированное. Лоб низкий, узкий, покатый, глазницы большие, скуловые кости широкие. Нос — средней ширины, выступает не сильно. Альвеолярная часть высокая,

мезогнатная. Нижняя челюсть широкая, высокая, с развернутыми углами и сильно выступающим подбородком.

47. Общая высота лица . . . . 124 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . 72 мм.
45. Скуловая ширина — 160 мм (размер взят по левой стороне черепа).
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 77,50.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 45.

Орбиты прямоугольные, с сильно закругленными латеральными углами. Нижние края орбит толстые, сильно притупленные и значительно приподнятые. Глазничный бугорок высокий. Разрез глаз слабо наклонный. Раструб слезной ямки углубленный. Короткий подносовой шип направлен чуть вверх (3 балла).

Высота носового отверстия . . . . 36 мм.
54. Ширина носового отверстия . . . . 25 мм.
Высота положения crista conchalis . . . . 14 мм.
55. Высота носа . . . . 52 мм.
55 : 54. Носовой указатель . . . . 48,07.

Лобные отростки верхнечелюстных костей слабо профилированные, узкие, слегка вдавленные в средних частях. Скуловые кости широкие, уплощенные. Нижние участки скуловых костей вынесены вперед. Скуловые бугры развиты слабо. Нижние края скуловых костей приподнятые, очень широкие, несут на себе слитые между собой площадки прикрепления мышц. Собачьи ямки неглубокие (2 балла). Верхнечелюстные вырезки глубокие. Альвеолярная часть прогнатная, относительно высокая (19 мм). Прикус щипцеобразный, с чуть заметной тенденцией к ступенчатому. Нижняя челюсть очень высокая, широкая, массивная. Степень выступания подбородка по шкале 3 балла. Ветви отходят под прямым углом. Углы челюсти развернуты.

Фронтальная постановка орбиты средняя. Профилировка орбит вертикальная.

51. Ширина орбиты . . . . 44 мм.
52. Высота орбиты . . . . 34 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 77,27.

Носовые кости узкие. Корень носа не западает. Профиль спинки костного носа вогнутый. Сечение спинки костного носа в средней части сводчатое.

56. Ширина носовых костей у корня носа . . . . 10 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей . . . . 8 мм.
58. Наибольшая ширина носовых костей . . . . 19 мм.

Носовое отверстие — грушевидной формы. Ниже crista conchalis край грушевидного отверстия слегка притуплен. Подносовой край заострен.

Данный череп, несомненно, метизированный, и в нем преобладают монголоидные черты. Лоб его относительно крутой и сдавленный с боков. Надбровье небольшое. Глабелла усилена за счет наличия надглабеллярной выемки. Уплощенный корень носа хотя и вынесен вперед, но ничего общего не имеет с характерным европеоидным. Носовые косточки — простого рисунка, вогнутого профиля. Лицо большое, широкое, плоское, с сильно вынесенными вперед скуловыми костями. Высокая альвеолярная часть значительно прогнатна. Все это дает отчетливое представление о значительном перевесе монголоидного типа над европеоидным, наличие которого выражается только в некоторой не свойственной типичному монголоиду форме свода черепа. Кроме того, присутствие европеоидной примеси как бы смягчило монголоидность. Предлагаемая графическая реконструкция отвечает выявленным антропологическим чертам черепа. Эта голова имеет черты палеосибирского монголоидного типа, внешне она приближается к типу древнего неолитического населения людей Ангары и Лены. Из поздних аналогий следует вспомнить женщину из свайного поселения на р. Модлоне и мужчину из Караванхи, но оба последних отличаются прежде всего малыми размерами головы и резко выраженной брахикранностью, что, видимо, является результатом дальнейшего изменения древнего монголоидного типа на территории восточной части Европы (рис. 131).

При сравнении данной реконструкции по черепу № 8635 с реконструкцией по черепу № 5773, опубликованной ранее, становится совершенно

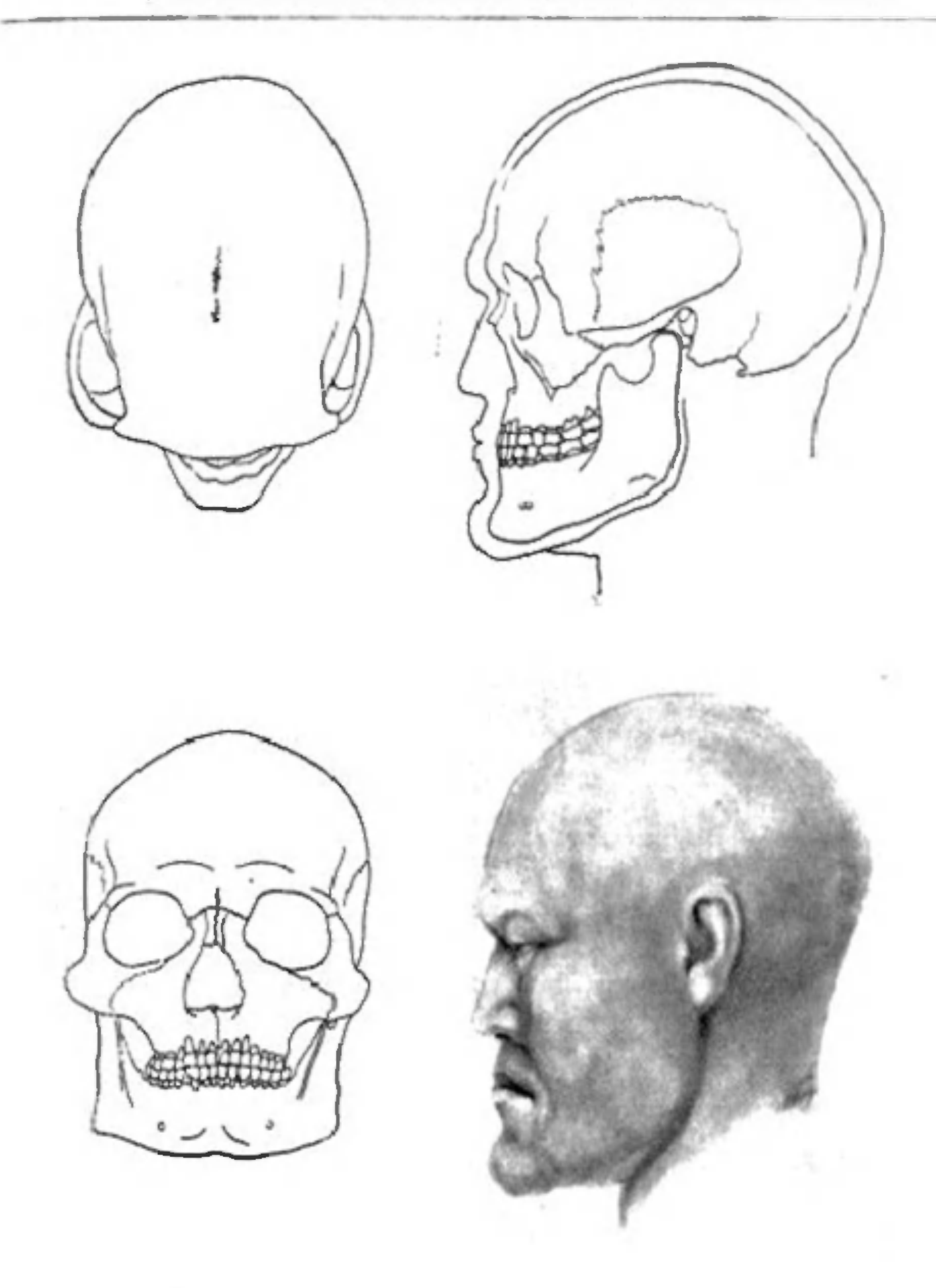

Рис. 131. Реконструкция по черепу мужчины (2635) с Оленьего острова.

очевидным их значительное различие не только физиономическое, но и расовое. В реконструкции по черепу № 5773 видно, что роль монголоидной примеси свелась к смягчению европеоидно-кроманьонских черт. В результате возник метизированный тип с рядом монголоидных черт, но все же с превалированием европеоидного типа. В реконструкции же по черепу № 2635 роль европейской примеси незначительна, она както подчеркнула еще неполную дифференциацию собственно монголоидного типа, который, видимо, на ранних своих стадиях обособления долго сохранял черты древних кроманьонцев, но в какой-то другой комбинации признаков, отличающейся от комбинации признаков европейца. Не

отражен ли здесь именно этот процесс, не принадлежал ли данный череп представителю древнего пласта так называемого юкагирского палеосибирского типа, который, вероятно, попал на данную территорию из лесных пространств Сибири? Следы этого палеосибирского юкагирского типа отмечают даже лингвисты. О связях в глубокой древности Сибири и Карелии свидетельствуют теперь уже многочисленные находки археологов. Совершенно несомненно, что этот череп указывает на древнее движение с востока, из-за Урала. Подобное проникновение монголоидного типа из Сибири, вероятно, было многократным, но в черепах с Оленьего острова отражен, повидимому, древнейший этап переселения этого юкагирского палеосибирского типа.

6. ГМА, череп № А VII/8631 (погребение 19). Черепная коробка реставрирована из большого числа фрагментов. Отсутствует основание черепа. От лицевого скелета сохранились правая верхнечелюстная кость, альвеолярный отросток и небольшой участок тела верхнечелюстной кости, правая скуловая кость и нижняя челюсть.

Череп большой, массивный, с сильно уплотненными швами, довольно простого рисунка.

1. Наибольший продольный диаметр . . . 189 мм.
2. Инионный диаметр . . . . . 197 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 148 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . 78,24 (мезоцефал).
8 : 2 Черепной указатель II . . . 78,71.

Форма черепа сверху овоидная, со стороны затылка — крышевидная. Наибольшая ширина черепа находится над сосцевидными отростками. Свод черепа в профиль высокий. Лоб низкий, слабо покатый. Теменная кость полого спускается к очень слабо выступающему и слабо преломленному по верхней выйной линии затылку.

Лобная кость относительно короткая, широкая. Лобные бугры слабо развиты.

10. Наибольшая ширина лба — 122 мм.

Глабелла сильно развитая, округлая; степень ее выступания по шкале — 5 баллов.

Носовая часть лобной кости широкая; степень протяженности надбровной дуги по шкале — 2 балла. Сосцевидные отростки очень большие и вздутые. Височные впадины высокие и удлиненные. Затылочная кость широкая и высокая, выступает слабо. Степень выступания иниона по шкале — 2 балла.

Судя по сохранившимся фрагментам лицевого скелета, форма лица приближается к тетрагональной. Лицо довольно высокое, широкое, слабо профилированное, с невысоким, покатым лбом, сильно развитыми надбровными дугами, большими квадратными глазницами, широкими скулами, несильно выступающим широким носом, массивной широкой нижней челюстью и выступающим подбородочным бугром. Альвеолярная часть и зубы ортогнатные.

Профилировка орбит вертикальная

52. Высота глазницы . . . . 37 мм (примерно).
51. Ширина ее . . . . . . 45 мм (примерно).
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 82,22.

Форма носового отверстия, видимо, грушевидная. Нижний край отверстия острый, со слабо выраженными подносовыми ямками. Ширина носового отверстия в нижней части — 28 мм. Высота положения crista conchalis равна 12 мм. Подносовой шип обломан.

Тело верхнечелюстной кости очень широкое. Собачья ямка мелкая. Верхнечелюстная вырезка глубокая. Скуловая кость неширокая; скуловой бугор выражен сильно. Альвеолярная часть высокая (19 мм), ортогнатная. Небо очень широкое. Зубы расположены ортогнатно. На верхней челюсти отсутствуют первый резец и второй малый коренной, утерянные посмертно. Стертость резцов, клыков и первых малых коренных зубов достигла полного сечения; $P_1P_2M_2M_2$ стерты до дентина, M_3M_3 стерты слабее. Расстояние P_4 и P_3—56 мм. Прикус шпицеобразный. На нижней челюсти все зубы сохранены. Нижняя челюсть массивная. Тело челюсти очень высокое. Выступание подбородка 3 балла.

Ветви нижней челюсти широкие, короткие, отходят почти под прямым углом. Углы челюсти закруглены.

Этот череп тоже относится к категории европеоидных с отчетливыми признаками архаических кроманьонских черт, чему не противоречат от-

носительно слабое выступание носа и неглубокие собачьи ямки. Каких-либо следов метизации с монголоидным типом выяснить не удается.

7. ГМА, череп № А VII/8633. От черепа сохранилась неполная мозговая коробка, сильно фрагментарная и частично реконструированная. Она состоит из 20 отдельных склеенных фрагментов. Основание черепа и лицевой скелет полностью отсутствуют. Реконструированы частично левая теменная кость и средняя часть носового отдела лобной кости.

При средних основных размерах череп производит впечатление довольно массивного и тяжелого, с хорошо развитым микрорельефом. Лобный шов — обычного рисунка, четкого контура. Сагиттальный шов — сложного рисунка.

1. Наибольший диаметр . . . . 181 мм.
2. Диаметр пиниона . . . . 176 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 136 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 75.13 (субдолихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 77.27.

Череп в горизонтальной проекции — сфероидной формы. Свод черепа со стороны затылка плоский. В профиль череп характеризуется несколько удлиненными пропорциями, умеренно высоким сводом, очень низким покатым лбом и плоским, невыступающим и преломленным затылком. Выступание глабеллы по шкале — 4 балла. Надбровные дуги сильно развиты, как бы вздуты, широких, округлых очертаний; они круто оканчиваются на уровне середины орбит. Надбровные дуги выступают за плоскость глабеллы и вместе с последней образуют выступание всей надбровно-глабеллярной области вперед. Носовая часть лобной кости широкая, направленная внутрь. Сосцевидные отростки большие, широкие, значительно выступающие в сторону, с округлой вершиной. Степень развития иниона по шкале достигает 2 баллов.

Наиболее древним пластом в этом сложном антропологическом комплексе оленеостровского могильника, бесспорно, является североевропеоидный тип, в основе своей имеющий архаические черты кроманьонского типа. Некоторым вариантом этого основного типа, очевидно, следует считать протобалтийский тип, являющийся продуктом метизации основного типа с монголоидным.

Совершенно особую категорию представляет собой монголоидный тип. Это, видимо, древний палеосибирский вариант юкагирского антропологического типа. Здесь, на территории Оленеостровского могильника, он представлен не чистой антропологической категорией, а в значительной степени метизирован с древними европеоидами. Интересно, что, если мы и встречаем в серии черепов Оленьего острова не метизированные категории, то только европеоидов. Все монголоидные черепа представлены в большей или меньшей степени с примесью европеоидного типа.

Видимо, правы Е. В. Жиров[1] и Г. Ф. Дебец[2], говоря о проникновении древних монголоидов с севера Сибири на северо-запад. Здесь, в районе лесных пространств Северной Европы, переселенцы из Сибири встретили другую волну переселенцев, вероятно, более многочисленную, шедшую с юга или юго-запада. Нам кажется, что это были наиболее древние переселенцы на данную территорию. Именно ими и был впервые заселен берег Онежского озера. Время, когда это могло быть, вероятно, относится к самому началу раннего неолита. Так ли это,— должны показать дальнейшее исследование неолита лесной полосы вообще и, в частности, окончательная обработка всего материала, добытого раскопками на Оленьем острове.

У людей лесного неолита нет определенного единства антропологических типов, связанных с той или иной археологической культурой. В большинстве своем это различные метизированные типы европеоидов и

[1] Е. В. Жиров. Ук. соч.
[2] Г. Ф. Дебец. Ук. соч.

монголоидов. Основная масса этих метизированных антропологических типов приближается к лапоноидному типу. Древнейший этап образования этого смешанного типа фиксируется процессом смешения первой волны пришельцев-монголоидов с древним типом европейцев, сохраняющих еще кроманьонские черты. Все это дает нам право говорить о большой древности Оленеостровского могильника.

§ 35. СЕВЕРНЫЙ НЕОЛИТ. КАРЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА. ЛАДОЖСКИЙ ЧЕЛОВЕК.

Отечественная наука обязана А. А. Иностранцеву тем, что он не только собрал с особой тщательностью интереснейший антропологический, археологический, палеонтологический и палеоботанический материал на Сяськом и Свирском каналах, но и тем, что он объединил ряд крупных специалистов для обработки этого материала. В результате мы в настоящее время имеем почти исчерпывающие данные об этих находках и, что еще важнее, собранный материал находится в полной сохранности[1].

Материал хранится в Геологическом кабинете Ленинградского университета и доступен для изучения.

В настоящей работе этот материал привлекается вновь в связи с тем, что за последнее время советскими археологами был сделан ряд замечательных открытий и проведены крупные раскопки, что дает возможность по-новому осветить культуру неолита нашего Севера и тем самым определить время существования ладожского человека.

Кроме того, метод графической и скульптурной реконструкции позволяет воспроизвести внешний вид ладожского человека с большей правдоподобностью и точностью, чем это было возможно во времена первой попытки реконструкции, выполненной художником М. П. Клодтом.

Как известно, находки на Сяськом и Свирском каналах были сделаны при строительных работах, т. е. случайно. Естественно, что рабочие обращали внимание только на наиболее яркие, интересные вещи. В силу этого произведена как бы некоторая сортировка находок. Этим же следует объяснить неполноту скелетов человека. Однако это еще не дает права говорить, что найденные вещи, несомненно, неолитической культуры якобы не связаны с остатками человека.

Совершенно очевидно, что кости человека в подавляющем большинстве представляли собой остатки типичных захоронений на месте поселения. Для неолита,— особенно раннего,— характерен обычай хоронить умерших на периферии своего поселения или даже близ жилищ. Обычно небольшая глубина могильных ям при длительном существовании поселения приводила к тому, что часть захоронений разрушалась еще в древности; нередко при повторном погребении нарушалось более старое; бывали случаи разрушения захоронений при строительстве землянок или других каких-либо бытовых сооружений. Наиболее характерным примером подобного типа может служить неолитическая стоянка Караваиха. В случае такого разрушения древнего захоронения люди не заботились о сохранении обнаруженных костей, и очень часто в результате этого разрозненные кости человека попадали в культурный слой неолитической стоянки.

---

[1] А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века южного побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

Как правило, при раскопках неолитических могильников на территории поселения исследователь только в исключительных случаях встречает ненарушенные захоронения, обычно же они в той или другой мере потревожены уже в древности.

А. А. Иностранцев был прав, считая толщину слоистых песков с линзами намывного торфа настоящим культурным слоем, т. е. слоем, содержащим остатки древней культуры. К сожалению, он не пытался разобраться в характере образования этого слоя. Поэтому наше представление о стратиграфии этих слоев недостаточно отчетливо. Трудно говорить, в какой степени находки неолитической культуры связаны с одним и тем же стратиграфическим горизонтом.

А. А. Иностранцев не отмечает следов могильных ям, и, очевидно, был склонен рассматривать остатки человека не как заведомые захоронения, а как случайно попавшие на данное место. Тем не менее в своей монографии он пишет: «Исследуя этот намывной торф на месте его залегания, нам приходилось находить черепа и кости скелета человека; но почти всегда недоставало все-таки или одной, или двух конечностей». И далее: «При тщательном перерывании торфа в ближайшем соседстве с этими костями человека нам всегда удавалось находить и его поделки из камня и кости»[1]. «Один раз при таких раскопках нам удалось найти рядом с костями руки и пальцев прекрасно сделанное из кости шило и каменное долото»[2].

Эти цитаты из монографии А. А. Иностранцева с очевидностью подтверждают наше предположение о том, что найденные разрозненные в большинстве своем кости человека представляют собой все-таки остатки могильника. Могильник был достаточно богат, так как основная масса погребений сопровождалась специально положенным инвентарем. Однако рассматривать этот памятник только как могильник нельзя; этому противоречит масса кухонных отбросов, сопровождающих типичные культурные остатки,— отходы производства, обломки инвентаря из камня и кости, древесные угли и многочисленные черепки глиняной посуды.

Низкий уровень археологической науки прошлого столетия определяет методику фиксации и раскопок А. А. Иностранцева. Нет возможности в настоящее время связать в какие-то определенные комплексы найденный инвентарь и разрушенные остатки костей человека. И тем не менее при рассмотрении всего материала становится очевидным, что эти остатки человека и остатки неолитической культуры связаны друг с другом и принадлежат к одному и тому же времени.

Прежде чем перейти к характеристике антропологического типа ладожского человека, считаю необходимым дать суммарное описание найденного инвентаря с тем, чтобы иметь больше оснований говорить о времени существования этого человека и данной неолитической культуры.

Очень типичен набор каменного инвентаря. Правда, он далеко не полов, исследователь не собрал основной массы каменных орудий, видимо, не опознав их среди массы других находок. Почти совершенно нет орудий из камня, изготовленных сколотой и отжимной техникой, т. е. основных орудий труда неолитического времени. Исследователь сосредоточил все свое внимание на сборе только шлифованных орудий из камня. Таким образом, в коллекции нет ни скребков, ни скребел, ни скобелей, ни ножей, ни проколок и т. д. Немногочисленные кремневые орудия, рассмотренные в монографии, описаны неверно, так как в качестве орудий приведены случайные

---

[1] А. А. Иностранцев. Ук. соч., стр. 12.
[2] Там же, стр. 13.

осколки. Только 4 орудия, действительно, правильно нашли себе место в монографии: скребок, обломок дротика, ножевидная пластинка, зазубренная пильчатой ретушью, наконечник стрелы с черешком беломорского типа. Если каменные орудия, изготовленные отжимной техникой, представлены столь незначительным количеством вещей, то совершенно иначе представлены шлифованные орудия. В коллекции собрано значительное количество шлифованных рубящих орудий из различных пород кремнистого сланца. Сюда входят:

1. Большой набор долотовидных орудий — тесел. Эти орудия могут быть разделены на типы. Характерной чертой для всех тесел является односторонняя стамескообразная заточка лезвия. Все вариации типа определяются формой и углом боковых граней, степенью их сужения к обуху и толщиной, массивностью орудия.

2. Долотовидное орудие с двойным рабочим лезвием.

3. Долотовидное орудие с желобчатой заточкой прямого лезвия.

4. Долото с желобчатым лезвием.

5. Топоры малые и большие с симметричной двусторонней заточкой лезвия.

6. Кирки олонецкого типа.

7. Точила грубые и тонкие.

Богато представлены в коллекции разнообразные костяные орудия, основная масса которых изготовлена из стенок трубчатых костей крупных млекопитающих. В основной своей массе это разнообразные по форме и величине острия, долотовидные лезвия, наконечники гарпунов, дротиков, стрел, разной формы гладилки, кочедыки и т. д. Очень интересную группу находок представляют собой украшения из различного материала. В основной своей массе это различные подвески:

1) подвески из зубов медведя, кабана, бобра;

2) подвески из шлифованного сланца разнообразной формы, удлиненные и короткие пластинки с биконической сверлиной;

3) кольца из камня;

4) изображения человека и животных.

Особенно следует отметить, что среди костяных орудий и украшений имеется ряд изделий с нанесенным на них орнаментом. Мотивы этого орнамента и техника нанесения примитивны и имеют, вероятно, скорее символическое значение, чем просто украшение поверхности, так как в большинстве случаев рисунок орнамента нанесен неглубоко и не особенно четко.

Многочисленные черепки, разнообразные по глиняному тесту, с орнаментом и без орнамента, дают некоторое представление о величине сосудов. Некоторые из них были громадны и достигали более 60 см в диаметре; основная же часть сосудов была средней величины и даже малой. Судя по тому, что исследователь не говорит о форме дна сосудов, надо предполагать, что оно было округлым (не искушенный исследователь, имея в своем распоряжении только мелкие черепки, не мог себе представить форму дна), так как если бы оно было приострено или уплощено, несомненно, это обратило бы на себя внимание исследователя, и он в своем отчете говорил бы о форме дна. Основная масса сосудов, т. е. более 60%, изготовлена из теста, в состав которого, кроме местной красновато-песчаной глины, входило большое количество мелко раздробленной береговой раковины Unio. Сосуды из этого теста не были орнаментированы, но, как правило, имели штриховатость с внутренней стороны (лощение травой в процессе производства). Около 24% посуды изготовлено было из этой же песчаной красной глины, но без всякой примеси. Черепки таких

горшков особенно грубы и не имеют орнамента. Примерно около 12% сосудов было изготовлено из той же глины с примесью тонко раздробленной гранитной дресвы; последние обладали хорошим обжигом и богато орнаментированы различными комбинациями из оттисков гребенчатых и ямочных штампов.

Для полноты сведений об этом памятнике необходимо напомнить об остатках двух дубовых челноков, найденных в аналогичных же условиях, т. е. в слое намывного торфа в сопровождении каменных и костяных орудий, но в некотором удалении от р. Сяси.

Мы уже упоминали, что кухонные остатки культурного слоя состояли по преимуществу из костей крупных млекопитающих, но наряду с ними попадалось много костей птиц и рыб. Для того, чтобы было ясно хозяйственное значение в быту древнего человека тех или иных видов животных, считаю целесообразным дать их список в соответствии с количеством убитых особей.

Первое место по праву в этом списке должна занять собака как единственное домашнее животное. Она представлена 14 особями, принадлежащими к двум видам. Д. Н. Анучин, описывая их, отмечает, что первый вид представляет собой мелкую собаку, похожую на шпица, и считает ее результатом приручения шакала (canis familiaris ladogensis). Эта собака, видимо, близка к торфяной собаке швейцарских свайных построек, но представляла как бы менее одомашненный ее вариант. Второй вид более крупной собаки назван им canis familiaris Inostranzewi. Это большая собака, имеющая ряд сходных черт с древней собакой бронзовой эпохи в Европе.

Перейдем к рассмотрению диких животных, несомненно, служивших одним из основных источников существования ладожского человека.

Млекопитающие (количество особей)

Тюлень	20	Бурый медведь	[illegible]
Лось	10	Заяц-беляк	3
Кабан	8	Плосколобый бык	2
Бобр	6	Тур	1
Северный олень	5	Косуля	1

Безусловно, что эти животные являлись основными охотничьими животными, убивавшимися человеком ради мяса. Но, конечно, неолитический человек использовал и шкуры этих животных для изготовления одежды и покрова жилищ. Кости и рога этих животных употреблялись для изготовления орудий.

Пушные звери (количество особей)

Соболь	5	Хорек	1
Выдра	2	Лисица	1
Волк	2	Водяная крыса	1
Куница	1		

Только соболь, выдра и волк, вероятно, действительно, являлись теми животными, на которых человек заведомо охотился. Остальные, возможно, являются случайными трофеями. Это указывает на то, что охота только из-за меха не считалась рациональной в то далекое время, и основным объектом охоты прежде всего был зверь, который мог быть употреблен в пищу.

Птицы (количество особей)

Дикая утка	9	Белая куропатка	1
Глухарь	5	Белохвост	1
Полевой тетерев	2	Серая утка	1
Лебедь-кликун	2	Тупик	2
Дикий гусь	2	Ворон	1
Гагара	2	Ястреб-тетеревятник	1
Чайка	2	Сарыч	1
Беркут	2	Мартышка (чайка)	1

Приведенный список птиц показывает, что к охоте на них, видимо, не было особого интереса, так как большинство видов птиц представлено 1—2 экземплярами. И тем не менее, вероятно, утка летом и глухарь зимой часто служили объектом охоты. Здесь уместно вспомнить о том, что рядом с человеком на стойбище была собака, и очень вероятно, что птичьи кости могли быть уничтожены именно ими. И все же сложность охоты на птицу, видимо, служила большим препятствием, вследствие чего она вряд ли могла быть определенным источником существования древнего человека.

Рыбы (количество особей)

Судак	49	Сиг	4
Налим	48	Окунь	3
Сом	13	Плотва	1

Даже если учесть, что только какая-то незначительная часть костей рыб была извлечена исследователем, а основная часть, большая, погибла в древности, не исключена возможность, что основным продуктом питания собак была рыба. Какая-то часть костей, вероятно, разрушилась, и, конечно, далеко не все было собрано. И тем не менее процентная норма определенных видов рыб в некоторой степени определяет характер рыболовства. Налим, судак, сом — основные виды добываемой рыбы, лов которой осуществлялся острогой, а не сетями. Это дает право предполагать, что в хозяйстве ладожского человека охота имела значительный перевес над рыболовством. Это совершенно ясно. Ведь если взять всю рыбу, представленную 118 единицами неделимых, то это будет, вероятно, не более веса одного лося. А ведь лосей найдено только 10 особей, убито же, несомненно, во много раз больше.

Таким образом, хозяйственной основой ладожского человека в первую очередь была охота на крупного, мясного зверя, в которой немалый удельный вес занимал тюлений промысел,— повидимому, зимний. Рыболовство можно рассматривать только как нечто вспомогательное. Нет никаких данных говорить о наличии здесь даже самых начальных, примитивных форм земледелия.

Обилие леса с его богатой фауной и сильная заболоченность не способствовали на данной ступени развития общества внедрению новой формы хозяйства — земледелия, несмотря на то, что ближайшие соседи ладожского человека уже знали примитивные формы обработки земли.

Тщательный анализ инвентаря, то есть учет специфических форм каменных и костяных орудий, типической керамики — все это дает право относить остатки Ладожского поселения ко времени конца III тысячелетия — начала II тысячелетия до н. э. Этот же комплекс признаков определяет данный памятник как характерное поселение карельской культуры, причем как один из ранних ее этапов.

Ладожские черепа впервые были описаны А. П. Богдановым в 1880 г. Уже тогда он на основании разной формы затылка наметил возможность выделения нескольких типов. Одновременно А. П. Богданов указывал на большую пестроту антропологического типа среди женских черепов, это и дало ему право говорить, что женщины здесь, повидимому, принадлежали к разным племенам, существовавшим одновременно с племенем ладожского человека. Далее А. П. Богданов говорит о примитивных чертах ладожских черепов, указывая на их относительно большую толщину. Точно так же он отмечает как один из признаков относительной примитивности низкий лоб — характерную черту ладожских черепов. Основными выводами работ А. П. Богданова в результате сравнения ладожских черепов с курганными славянскими черепами был тот, что те и другие имеют ряд сходных черт и в первую очередь долихокранность; это дало ему право предполагать, что ладожские люди были отдаленными предками славян, якобы искони живших на этой территории.

В сводной своей работе «Палеоантропология СССР» Г. Ф. Дебец незаслуженно мало места отводит ладожскому человеку[1]. А между тем он проделал над ними большую работу, по существу новое исследование. Им был внесен ряд конкретных поправок и уточнений в измерения А. П. Богданова. Заново изучая этот материал, Г. Ф. Дебец, в частности, внес поправку в определение пола ладожских черепов. Так, например, череп № 1 А. П. Богданов считал мужским; Г. Ф. Дебец совершенно правильно, как нам кажется, определяет его как женский. Череп № 6 А. П. Богданов описал без указания пола; Г. Ф. Дебец справедливо считает его женским, несмотря на некоторую массивность черепа и относительно большую толщину костей его свода. Нам кажется, что этому определению не противоречит сравнительно сильное развитие надбровий, поскольку это сочетается с относительно слабым рельефом затылочной кости и малыми размерами сосцевидных отростков. Кроме того, этот череп обладает довольно крутым, но невысоким лбом. Все эти признаки, действительно, создают скорее женский облик, чем мужской.

Г. Ф. Дебец приводит таблицу измерений ладожских черепов и в качестве основного заключения указывает, что данная серия в целом обнаруживает замечательное сходство с раннонеолитическими черепами Тэвьекского могильника в Бретании, который в свою очередь представляет лишь последний вариант кроманьонского типа. Это общее замечание нам кажется несколько расплывчатым. Что, собственно, представляет собой «последний вариант кроманьонского типа»? Ведь и в современном типе северных европейцев в ряде случаев можно видеть не только отдельные черты, отдельные черепа, но даже группы, серии, с некоторыми чертами так называемого кроманьонского типа. При этом, как и в черепах ладожского неолита, эти псевдокроманьонские черты также представлены не в сумме определенных признаков, а обособленно.

В ладожских черепах, несмотря на их массивность, долихокранность, относительно сильный рельеф надбровья, сравнительно высокое, широкое лицо, я не вижу определенного сходства антропологического типа с кроманьонским. Нет совокупности признаков, позволяющей сближать ладожские черепа ни с одним из представителей кроманьонского типа. Эти черепа не похожи на черепа ни из Пшедмоста, ни из Ориньяка, ни из Комб-Капелль, и, конечно, в них нет общего с более поздними кроманьонцами типа Оберкасселя.

[1] Г. Ф. Дебец. Ук. соч., стр. 90, 91.

В черепах с Ладоги, несмотря на их некоторое разнообразие, все же можно отметить характерные особенности, общие для всей серии: массивность черепа, тенденцию к долихокранности, массивность лица, ортогнатность, малое выступание носа, приподнятость подносового шипа, массивные, мало профилированные как горизонтально, так и вертикально скуловые кости. Все эти признаки, каждый сам по себе, безусловно, тяготеют к примитивному европеоидному типу, но совокупность этих признаков создает не тот комплекс, который связывается с кроманьонским типом, представленным в раннем его варианте черепом из Пшедмоста (III) или поздним черепом из Оберкасселя.

Сравнивая черепа ладожского человека с рядом черепов неолитических культур северного лесного неолита, нельзя не отметить некоторого сходства их с серией европеоидных черепов Оленьего острова. Правда, черепа Оленьего острова более брахикранны, однако на некоторых из них можно указать отдельные элементы еще большей первобытности, что выражается в еще более низком лбе и резко выраженном надбровье. Сходство ладожских черепов с оленеостровскими отмечали Е. В. Жиров и Г. Ф. Дебец.

Ю. Ауль видел сходство ладожских черепов с черепом из Арду. Мне представляется, что это — недоразумение, связанное с тем, что Ауль знал черепа ладожского неолита только по изданию. При рассмотрении черепа из Арду и сравнении его с ладожскими нам удалось отметить лишь то, что как он, так и ладожские черепа тяготеют к долихокранности. В остальном же эти черепа не имеют ничего общего. Форма лицевых костей в такой степени расходится, что нам, собственно, даже непонятно, что руководило исследователем при отыскании сходства в этих совершенно различных антропологических категориях.

Нам не удалось отметить сходства ладожских черепов ни с черепами из Караванхи, ни с черепами волосовской или балахнинской культуры.

Предлагаемая графическая реконструкция воспроизведена по черепам № 7 и 1. Череп № 7 был в свое время использован для реконструкции художником М. П. Клодтом[1]. Нам кажется, что М. П. Клодт несколько отошел в своем рисунке от того, что, собственно, дает череп. Он придал ладожскому человеку американоидные черты индейца, что вряд ли совместимо с действительностью. Относительно высокий, с резким перегибом к округлой глабелле лоб неверно трактован на рисунке как низкий и покатый.

Укороченная, резко выступающая глабелла массивна, между тем как собственно надбровья невелики. М. П. Клодт неправильно оценил эти признаки и изобразил их в виде простого, сильно выступающего вперед, тяжелого, нависающего над глазами надбровья. Точно так же неправильно изображены слабо профилированные глазницы и сильно вынесенные вперед скуловые кости. Рисунок мягких щек и разрез глаз совершенно не совпадают с морфологическими особенностями этих деталей черепа. Неверно изображен и излишне выступающий вперед нос. Короткая альвеолярная часть с низкими коронками зубов и ступенчатый прикус не дают права для воспроизведения высокой, полной прохейличной верхней губы и широкой нижней. Характер этого прикуса дает возможность воспроизвести совершенно другой ортогнатный рот с очень тонкими губами, с некоторым выступанием вперед нижней губы и массивным округлым подбородком.

[1] Рисунок Клодта см. А. А. Иностранцев. Ук. соч., стр. 282—223.

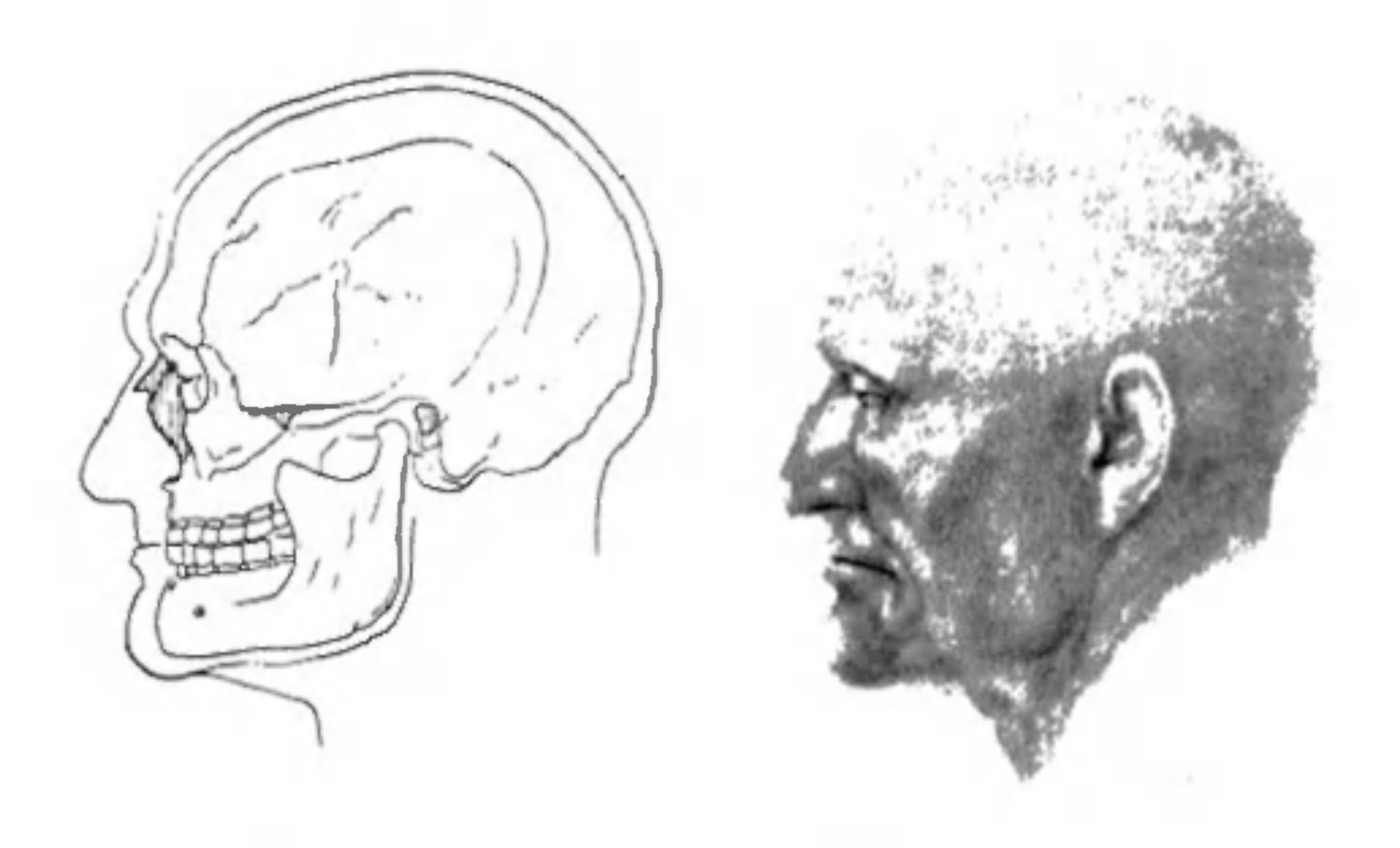

Рис. 132. Реконструкция по черепу мужчины (7) с Ладожского канала.

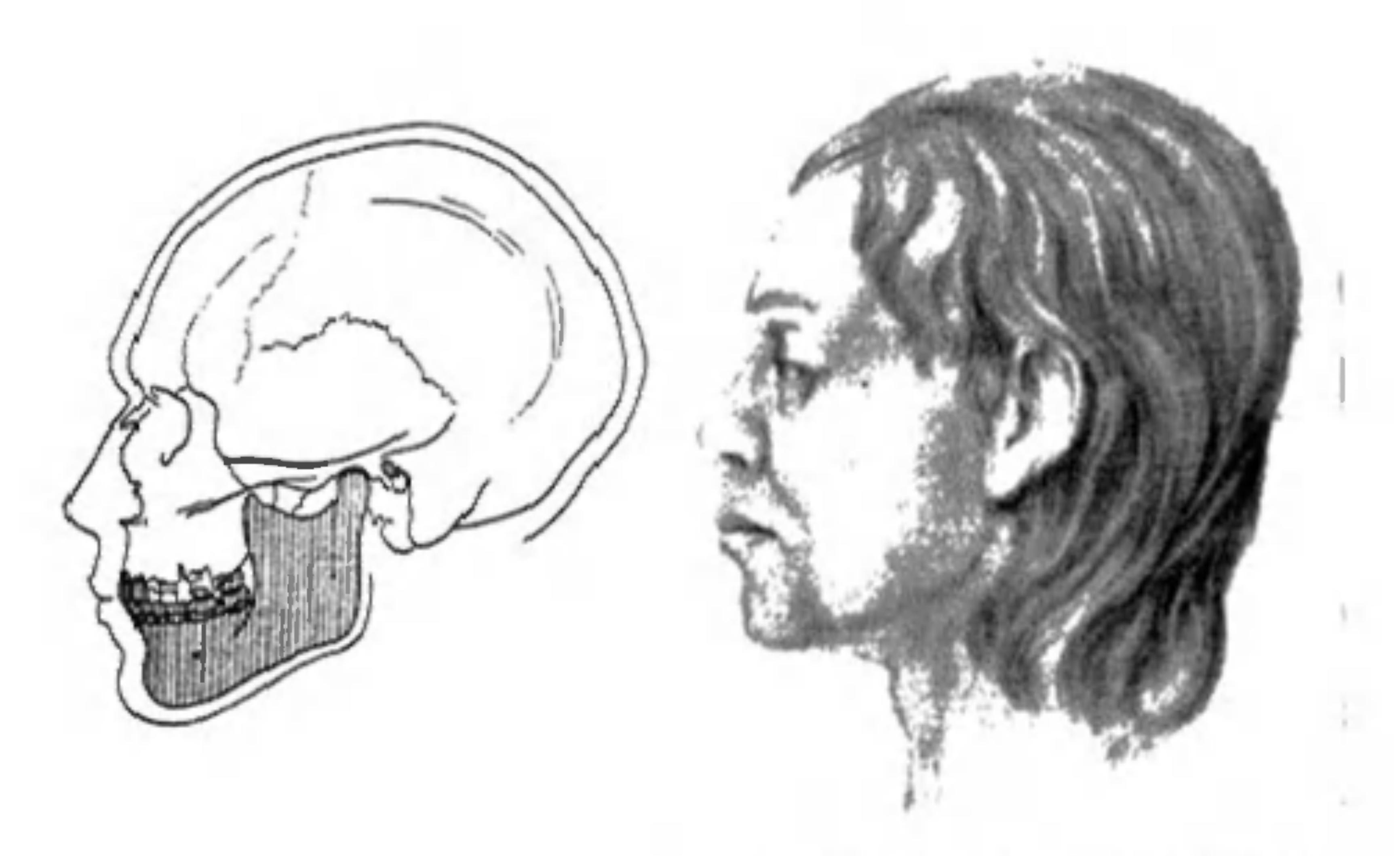

Рис. 133. Реконструкция по черепу женщины (1) с Ладожского канала.

Предлагаемые схемы иллюстрируют процесс графического восстановления и дают отчетливое представление о толщине мягких покровов, слагающих профили лиц мужчины и женщины. Восстановленные лица ладожских людей своеобразны, но, несомненно, это лица европейцев, а не индейцев (рис. 132 и 133).

Некоторая условность предлагаемого графического портрета мужчины заключается в том, что я отказался от попытки воспроизвести волосяной покров. Это даст возможность с большей отчетливостью видеть особенности головы и освобождает от необходимости измышлять прическу (бороду, усы, волосяной покров головы), хотя совершенно несомненно. что люди неолитической эпохи носили разного рода прически, о которых мы можем судить только по отдаленным аналогиям с примитивными антропоморфными изображениями этой поры.

Несмотря на несомненную условность этих реконструкций, они достаточно объективны и останавливают наше внимание на основных антропологических чертах данного типа.

§ 36. ЯЗЫКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК [1]

Этот памятник на протяжении ряда лет привлекал внимание антропологов и археологов. И тем не менее мы в настоящий момент располагаем о нем очень краткими, смутными сведениями.

Связанная с Языковским могильником неолитическая стоянка была обнаружена случайно при строительстве осушительного канала в 1926 г. Первые раскопки памятника были произведены сотрудником Тверского музея А. И. Виноградовым. С 1928 по 1930 г. раскопки могильника вел Б. С. Жуков. Им было вскрыто около 100 кв. м центральной части стоянки, в результате чего найдено 3 тыс. различных предметов неолитической культуры. В процессе раскопок удалось выявить слой догребенчатой керамики, т. е. наиболее архаический, и вскрыть 6 захоронений.

Позднее, уже в 1935 г., О. Н. Бадер продолжил раскопки стоянки, и ему посчастливилось открыть еще одно погребение. Кроме того, при разборке грунта из выброса канала им были найдены разрушенные остатки человеческих костей.

О. Н. Бадер относит Языковскую стоянку к культуре так называемого ямочно-гребенчатого неолита, датируя этим же временем найденные там захоронения человека.

Языковская стоянка находится в Калининской области, в Калининском районе, в 1 км к западу от дер. Языково. Расположена она на едва заметном возвышении правого берега р. Яхромы. Это возвышение отделено от современного берега реки рукавом ее старицы. Вокруг места стоянки расположены заторфованные болота, при осушении которых и был обнаружен памятник. Стратиграфия памятника очень проста (по О. Н. Бадеру):

1) тонкий слой дерна;

2) слой рыхлого торфа от 15 до 25 см; на его нижнем горизонте нередки одиночные находки вещей;

3) глинистый слой (23—39 см) — культурный слой с большим количеством находок;

4) слой вязкой желтой глины — подстилающий слой.

О. Н. Бадер характеризует содержание культурного слоя следующими словами: «В культурном слое стоянки найдено большое количество разнообразных орудий и предметов из камня, кости, рога, янтаря, глиняной круглодонной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом; многочисленны

[1] О. Н. Бадер. Археологические работы у д. Языково. . АЖ, 1936, № 2.

кости диких животных и пр. Все эти находки позволяют с определенностью относить Языковскую стоянку к числу типичных неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой и характеризовать ее как рыболовно-охотничье поселение эпохи родового общества» (рис. 134).

В нижнем горизонте культурного слоя без видимых следов могильных ям были найдены скелеты людей. Повидимому, с этими людьми были одновременно захоронены вещи, принадлежавшие им. Но исследователи не рискнули найденный инвентарь объединить с погребениями, так как якобы эти вещи могли попасть из культурного слоя. В непосредственной близости к скелетам были найдены украшения, в частности, подвески из клыков медведя с отверстием для привешивания, ряд колющих орудий из кости и т. д. Стратиграфические данные убеждают, что все захоронения принадлежат ко времени самого конца существования этой стоянки, так как они найдены в культурном слое. Характерный инвентарь дает право относить Языковскую стоянку к льяловской культуре, точнее,— к ее концу, что по абсолютной хронологии будет отвечать началу II тысячелетия до н. э.

Все погребения Языковской стоянки совершены по одному обряду: скелеты лежали на спине с вытянутыми ногами и руками, ориентированные головой на юг. Кости скелетов сохранились плохо, тем не менее Б. С. Жуков собрал этот фрагментарный материал и передал его ГМА; здесь он был реставрирован. Где находятся остатки скелета, раскопанного О. Н. Бадером,— мне не удалось выяснить. В коллекциях ГМА он не числится, нет этих костей и в ГИМ.

Все языковские черепа сохранились очень плохо, только один из них удалось реставрировать. Это череп мужчины в возрасте не более 35 лет. В реконструкции дополнение недостающих частей черепа было произведено зеркально. Так, в частности, были восстановлены носовые косточки и часть скуловых костей. Свод черепа сохранился относительно хорошо.

1. ГМА, череп № 8620 (погребение 5). Череп плохой сохранности. Недостающие части свода и лицевая часть черепа реконструированы мной. Нижняя челюсть — относительно хорошей сохранности.

Реконструированы большая часть чешуи височной кости со скуловым отростком с правой и левой стороны, часть лобной кости, расположенная над медиальным углом левой орбиты, носовой отросток, нижняя половина затылочной кости.

Череп большой, укороченных пропорций и очень широкий. Череп асимметричный: создается впечатление, что задняя часть теменной кости с правой стороны сдвинута вперед по сравнению с отнесенной назад левой теменной костью; это не посмертная деформация.

1. Наибольший продольный диаметр . . . . . . 180 мм.
2. Расстояние от глабеллы до иниона . . . . . 170 мм.
8. Наибольший поперечный диаметр . . . . . . 154 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 85,55 (брахицефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 90,58.

Форма черепа сверху приближается к сфеноидной, отличаясь от нее более уплощенной лобной частью.

Со стороны затылка череп — сводчатой формы. В профиль свод черепа высокий. Лобная кость — укороченных пропорций, большая и очень широкая, сильно вздутая в височных областях. Фронтальная часть лобной кости сильно уплощена. Лобные бугры слабо развиты, расположены низко и довольно широко расставлены относительно друг друга.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 139 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 99 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 71,22.

Глабелла округлая, степень ее выступания — 3 балла. Носовая часть лобной кости короткая, с резким наклоном внутрь. Надбровья хорошо развиты; степень их выступания несколько больше выступания глабеллы; протяженность надбровной дуги по-

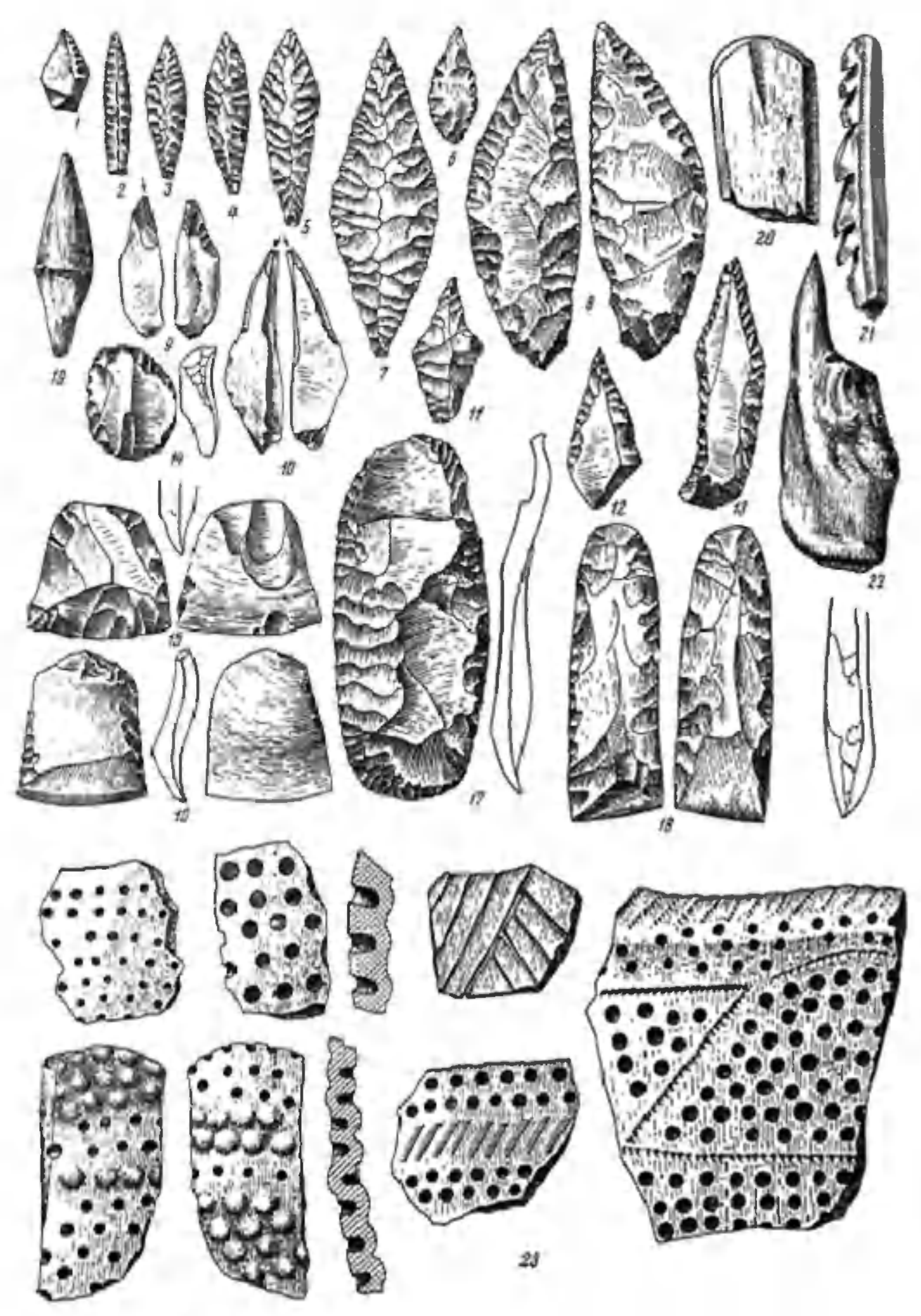

Рис. 134. Типичный инвентарь Языковской стоянки и могильника:

Каменные орудия: 1—6 — наконечники стрел, 7 — наконечник дротика, 8 — нож, 9, 10 — резцы, 11 — сверло, 12, 13 — острия, 14 — скребочек, 15, 16 — тесла-скребки, 17 — большой скребок, 18 — долото; костяные орудия: 19 — наконечник стрелы, 20 — обломок кинжала, 21 — сломанный гарпун, 22 — массивное острие; 23 — образцы орнаментов керамики

шкале — 2 балла. Верхнеорбитные гребни хорошо выражены; их латеральные концы широкие и значительно выступают, медиальные — сужены и слабо выступают. Скуловые отростки короткие, узкие и несколько утолщенные. Теменные кости очень широкие, большие, округлых очертаний; особенно резко закругленность их выражена в задней части. Теменные бугры не выражены. Височные ямы довольно высокие, глубокие во фронтальной части. Сосцевидные отростки небольшие, узкие. Вершины их сдавлены с боков.

Затылочная кость большая, широкая, округлая. Поверхность ее слегка бугристая. Инион слабо развит; степень его выступания по шкале — 1 балл. Вся лицевая часть черепа реставрирована из мелких фрагментов. Лицо имеет очень хорошо выраженную триангулярную форму. Лицо большое, высокое, широкое в верхней части. Нос относительно высокий, узкий, значительно выступает. Глазницы сравнительно маленькие. Лицо сильно профилировано, со слегка прогнатной альвеолярной частью, с сильно выступающим подбородком.

Приводимые измерения сделаны по реставрированному черепу и все приблизительны, так как здесь нельзя исключить возможность некоторой ошибки; но все же, если ошибки и есть, то они незначительны и, конечно, не должны отразиться на определении расовой принадлежности черепа в целом.

47. Общая высота лица . . . . 112 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . 67 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 142 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 78.87.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 47,18.
52. Высота орбиты . . . . 32 мм.
51. Ширина орбиты . . . . 42 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 76,32.
53. Высота носа . . . . 51 мм.
54. Ширина носа . . . . 23 мм.
54 : 53. Носовой указатель . . . . 45.09.
Высота альвеолярного отростка . . . . 16 мм.
Расстояние P_2 и P_2 . . . . 50 мм.
Высота эмали резцов верхней челюсти . . . . 7,5 мм.

Нижняя челюсть сравнительно узкая спереди, но с достаточно развернутыми углами. Тело нижней челюсти не очень высокое. Подбородочный бугор выступает; степень его выступания по шкале 2 балла. Он имеет форму треугольника. Углы нижней челюсти сильно развернуты, края их вывернуты наружу в виде гребешка, который окаймляет весь край угла. Ветви нижней челюсти отходят от тела нижней челюсти под тупым углом.

Высота тела нижней челюсти . . . . 22 мм.
Высота ветви нижней челюсти . . . . 68 мм.
Ширина (наименьшая) ветви нижней челюсти . . . 30 мм.

2. ГМА, фрагменты черепа № А VII/8619 (погребение 4). Череп — плохой сохранности. Имеются фрагменты свода, височных костей, альвеолярного края. Полностью сохранилась нижняя челюсть.

По сохранившимся фрагментам можно предположить, что описываемый череп был небольших размеров. Форма свода черепа со стороны затылка сводчатая. Надбровные дуги слабо развиты и не доходят до середины верхнего края орбиты; степень их протяженности по шкале — 1 балл. Скуловые отростки лобной кости очень узкие. Сосцевидные отростки небольшие, выступают в своих верхних и средних частях. Вершины их закруглены, направлены вниз, внутрь и немного назад. По оставшейся части чешуи затылочной кости можно предположить, что затылок выступает незначительно и слабо преломлен. Вал перегиба узкий, с пологими краями. Микрорельеф очень слабо развит. Степень развития иниона — 0.

Нижняя челюсть небольшая, но довольно массивная. Угол расхождения горизонтальных ветвей небольшой. Тело нижней челюсти высокое. Выступание подбородка 1 балл.

Углы нижней челюсти очень слабо развернуты.
Высота восходящих ветвей нижней челюсти — 63 мм.
Ширина восходящих ветвей нижней челюсти — 30 мм.

Этот череп, вероятно, принадлежал немолодой женщине.

3. ГМА, череп № 5 VII/8621 (погребение 6). Череп разрушен. Сохранились фрагменты теменных и затылочной костей, височные кости

с обломанной чешуей, альвеолярные отростки верхнечелюстных костей с подносовым краем, а также нижняя челюсть. Венечные и составные отростки нижней челюсти обломаны.

Череп небольшой, укороченных пропорций. Швы уплотнены, простого рисунка. Форма черепа со стороны затылка сводчатая. Свод черепа в профиль высокий. Затылок сильно выступает, преломлен под тупым углом. Теменные кости широкие, с хорошо выраженными буграми. Степень выступания иниона по шкале — 0. Сосцевидные отростки очень маленькие, узкие, слабо выступающие. Альвеолярные отростки верхнечелюстных костей высокие — 18 мм, сохранились не полностью. Подносовой край, очевидно, был острый. Подносовой шип обломан.

Нижняя челюсть маленькая, грацильная. Тело нижней челюсти относительно высокое. Подбородочный бугор очень хорошо выражен, имеет треугольную форму: степень выступания подбородка по шкале 2 балла. Ветви нижней челюсти отходят под тупым углом. Они неширокие. Зубы — плохой сохранности. Череп, видимо, женский.

В известных мне неолитических сериях лесного неолита полной аналогии черепам из Языкова нет. Если взять за основу антропологического типа языковского человека наилучший по сохранности череп мужчины № 8620, его следует характеризовать следующими словами: он небольшой, очень брахикранный, с тонкими костями свода и скелета лица; сохранившиеся фрагменты скелета дают право говорить об относительно небольшом росте этого человека, вряд ли больше 155 м. По своему антропологическому типу череп, несомненно, европеоиден; он обладает рядом как будто бы архаических черт, в частности, относительно сильно развитыми глабеллой и надбровьем, но все же не может быть отнесен к кроманьонскому типу. Основа его совершенно иная — брахикранная. Лицевой скелет его значительно более грацилизован, утончен, нижняя челюсть тонкая, легкая, слабая, с сильно выступающим подбородком.

Оба других черепа, вероятнее всего, женские, но они так плохо сохранились, что могли быть изучены только частично. По своему антропологическому типу они, очевидно, относятся к тому же европеоидному брахикранному варианту, что и мужской череп. Но, видимо, они еще более короткоголовы и вследствие этого ближе подходят по форме свода к современному типу лапоноидов. Однако в основе своей они,—очевидно, европеоиды.

Графическая реконструкция лица мужчины дает отчетливое представление об этом древнем брахикранном варианте европейского антропологического типа, жившего на северо-восточной окраине льяловской культуры в конце II тысячелетия до н. э. (рис. 135).

О. Н. Бадер, ссылаясь на Г. Ф. Дебеца, пишет: «Г. Ф. Дебец высказывает предположение, что ареалом образования сублапоноидной и субуральской рас, — по многим признакам переходных в морфологическом отношении между европеоидами и монголоидами,— явилась северо-восточная лесная полоса Восточной Европы и северо-западной Сибири, — территория соприкосновения европеоидов и монголоидов, причем образование этих расовых типов происходило в сравнительно недавнее время (эпипалеолит), связанное с поздней возможностью заселения этой территории»[1].

В своей монографии «Палеоантропология СССР» Г. Ф. Дебец с предельной краткостью определяет место языковских черепов: «С культурами ямочно-гребенчатой керамики связаны погребения в Языкове (Калининская область). Добытые в них крайне фрагментарные костяки характе-

[1] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 262.

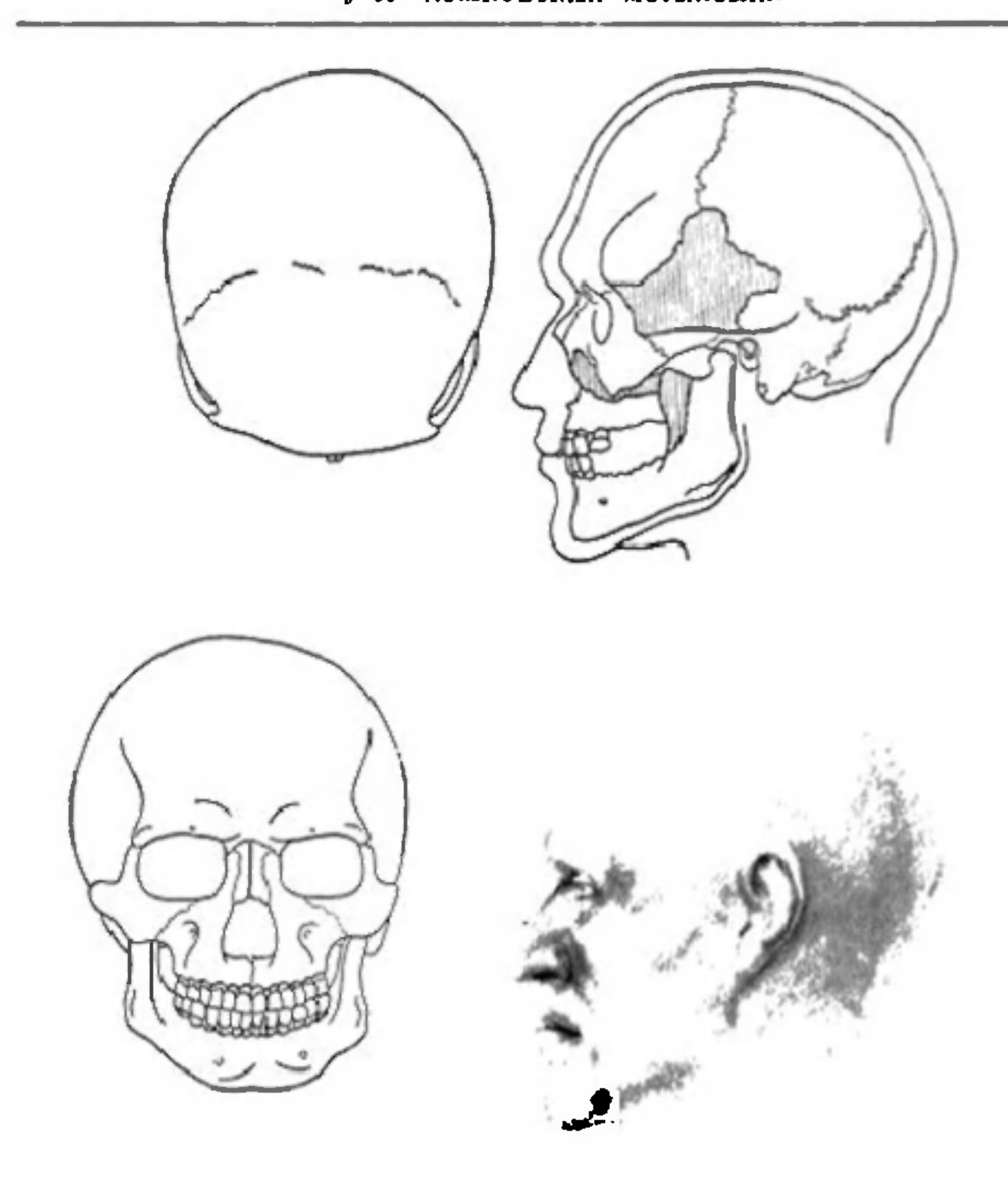

Рис. 135. Реконструкция неолитического человека из Языкова по черепу 5.

ризуются низким ростом и мезо-брахикранным черепом, что дало повод сближать их с лапоноидным типом (Бадер, 1946)»[1].

В результате последнего изучения скелетов из Языкова можно сказать, что поздний этап льяловской культуры на северо-восточной ее окраине связан с древним европеоидным брахикранным типом. Эта территория граничит с пространствами, издавна заселенными европеоидами, лапоноидным и сублапоноидным типом населения. Каково было население в более южных и западных областях этой древней неолитической культуры (льяловской), — пока сказать нельзя. Антропологический материал отсутствует. А между тем территория льяловской культуры громадна. М. Е. Фосс определяет ареал ее следующими границами: «Ориентировочно, по имеющимся в настоящее время материалам, можно наметить ареал льяловской культуры: на западе границу ее, повидимому, составляет бассейн верхнего течения Днепра, где мы встречаем уже местную гребенчатую керамику; на юге граница намечается приблизительно около 53°

[1] Г. Ф. Дебец. Ук. соч., стр. 87.

северной широты, где наряду с ямочно-гребенчатой встречается керамика южных культур; на востоке пограничную зону следует искать в междуречье Оки и Волги. И только в северо-западном направлении находки керамики льяловского типа прослеживаются в бассейне рек и озер, вплоть до Белого моря»[1].

Несомненно, что эти границы в дальнейшем выявляются с большей точностью. Нас они интересуют в связи с вопросом о контакте с южными и западными соседями, которые,— как уже доказано рядом находок, были европеоидами и в большей или меньшей степени сохраняли древние кроманьонские черты.

Будущее покажет, можно ли связывать вообще льяловскую ямочно-гребенчатую керамику с сублапоноидным типом. Может быть, Языковская стоянка с ее брахикранным, низкорослым европеоидным населением является северо-восточной окраиной ареала распространения этой культуры. А так как она смежна с территорией, издавна заселенной смешанным европеоидно-лапоноидным типом, то, очевидно, это не могло не сказаться на населении Языковской стоянки; очень вероятно, что, несмотря на то, что оно в своей основе европеоидно, оно все же является метизированной категорией, очень близкой по внешнему облику к древним лапоноидам.

Языковский могильник, очевидно, следует датировать самым концом льяловской культуры, т. е. началом II тысячелетия до н. э.

§ 37. КАРГОПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА[2]

Границы каргопольской культуры, по определению М. Е. Фосс и А. Я. Брюсова, охватывают бассейн оз. Лача, с верховьями р. Онеги, бассейн р. Свиди, бассейн р. Модловы и оз. Вожа, Кенозера и Белого озера. Продолжительность существования этой поздней неолитической культуры ими же определяется с III тысячелетия до середины I тысячелетия до н. э.

Характерной особенностью каргопольской культуры является своеобразная керамика, сочетающая в своей орнаментике одновременно древние и более поздние элементы ямочно-гребенчатого неолита. Керамика сохраняет этот своеобразный стиль на протяжении всего времени существования культуры; варьируют только основные соотношения элементов. Эта временная изменчивость соотношений элементов орнаментики, сопровождающаяся изменчивостью типов некоторых костяных и каменных орудий, явилась основанием для расчленения всего времени культуры на определенные этапы. Таких этапов в процессе существования каргопольской культуры принято выделять четыре.

Каргопольская культура характеризуется стоянками постоянного характера с развитым охотничье-рыболовецким типом хозяйства. Появившимся в это время первым прирученным животным была собака, причем одновременно существовали две породы—мелкая шпицеобразная и крупная, близкая к лайке. Для каргопольской культуры характерен обряд погребения умерших вблизи жилья либо на периферии поселения. Хоронили в неглубоких ямах, иногда в сопровождении инвентаря, иногда без него. Нередко погребения посыпались красной краской. Ориентировка костяков неопределенная, положение — чаще на спине,

---

[1] М. Е. Фосс. Неолитические культуры Севера европейской части СССР, стр. 30.

[2] Там же, стр. 78.

вытянутое, но бывают случаи положения покойника на живот с вытянутыми ногами. Есть один случай сидячего погребения.

Первый, древнейший этап каргопольской культуры выделен на основании нижнего слоя стоянки Веретье. Характерно отсутствие керамики. Костяной охотничье-рыболовецкий инвентарь: наконечники стрел, гарпуны, рыболовные крючки, долота, шилья и т. д. Каменный инвентарь представлен наконечниками стрел в виде листьев ивы, угловыми ножами, крупными скребками на отщепах, теслами из сланца, каменными кольцами. Имеются украшения и, в частности, подвески из зубов животных.

Первый этап датируется концом III тысячелетия — началом II тысячелетия до н. э.[1]

Второй этап этой культуры выделен на основании культурного горизонта стоянки Кубенино. Он характеризуется прежде всего наличием керамики с разнообразной орнаментикой. Применялись ямочные, гребенчатые, ромбоидные, гусеничные штампы; встречаются керамика с линейной штриховкой, сосуды с профилированным венчиком с яйцеобразным и уплощенным дном.

Костяной инвентарь также богат. Наряду с древними формами длинных, круглых в поперечном сечении и биконических наконечников стрел появляются наконечники, треугольные в сечении. Гарпуны несколько отличаются от более древних формой зубцов. Наряду с простыми крючками появляются сложные, состоящие из двух частей. Каменный инвентарь обогащается рядом новых форм, частично заимствованных от смежных культур. Кремневые наконечники имеют листообразную, треугольную, ланцетообразную форму (беломорский тип); встречаются коленчатые ножи, скребки из массивных отщепов, скребки маленькие на тонких пластинках, тесла из сланца с прямым лезвием, желобчатые долота, кирки олонецкого типа.

Увеличивается набор украшений: подвески из сланца, каменные кольца, многочисленные подвески из зубов. Появляются антропоморфные изображения из кости и глины.

Второй этап длился до второй четверти II тысячелетия до н. э.

Третий этап каргопольской культуры представлен стоянкой у устья р. Кинемы. В общих чертах керамика та же, то же орнаментальные мотивы: ромбы, реже ямки, штриховка; сетки нет, нет гусеничного и почти нет гребенчатого штампа; форма сосудов совершенно та же.

Костяная техника — в некотором упадке. Наконечники представлены только поздними типами, гарпуны — простой формы. Появляются вязальные крючки.

Каменный инвентарь приобретает ряд новых форм и новую технику. Наконечники стрел, многообразные по своим типам, свидетельствуют о широких связях каргопольской культуры с другими культурами. Имеются крупные наконечники в виде листьев ивы, наконечники беломорского типа, треугольные, вытянутые, с черешками из ножевидных пластинок сейминского типа. Скребки делаются как на массивных, так и на тонких сколах и пластинках. Ножи серповидные. Наряду с ранее известными типами желобчатых долот появляются топоры русско-карельского типа,

---

[1] В последней своей работе (Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952) М. Е. Фосс внесла ряд изменений в свою характеристику каргопольской культуры. Она считает в настоящее время, что племена каргопольской культуры не представляли этнического единства на всем протяжении существования этой культуры (*Ред.*)

костяные и каменные молоты со сверлиной. В этом горизонте был найден бронзовый кельт, очевидно, принесенный со стороны.

В украшениях отмечается большое разнообразие; наряду с каменными кольцами появляются янтарные подвески и пуговицы.

Третий этап датируется концом II тысячелетия до н. э.

Четвертый этап выделен на основании верхнего горизонта стоянки Веретье (верхний культурный слой). Так как эта стоянка существовала с древнейшего времени каргопольской культуры, то нам представляется, что многие из так называемых типичных орудий верхнего горизонта преемственно связаны с более древним слоем и вследствие этого вряд ли могут быть характерными предметами вообще для поздней стадии каргопольской культуры, тем более что ряд орудий по преимуществу представлен только на этой стоянке.

Типы керамики почти не отличаются от керамики третьего этапа. Появляются несколько более сложные по профилю венчики с веревочным орнаментом. Больше число сосудов с плоским дном; они орнаментированы скуднее. Костяной инвентарь — позднего типа: наконечники стрел, гарпуны, долота, рукоятки из кости.

Каменный инвентарь, представленный кремневыми орудиями, малочислен и характеризуется упадочной техникой: наконечники стрел, скребки, серповидные ножи нечетких форм. Типичны многочисленные шлифованные орудия из сланца, по преимуществу разнообразные тесла.

Среди украшений обычны подвески из зубов лося и других животных. встречаются антропоморфные изображения.

Четвертый этап относится к середине I тысячелетия до н. э.

Таким образом, типичная северо-лесная неолитическая каргопольская культура является поздним вариантом ямочно-гребенчатой культуры, время существования которой начинается с III тысячелетия и длится до середины I тысячелетия до н. э. В это время на широких пространствах степей формировались многочисленные племена разнообразных культур бронзы и даже раннего железа. Ранние волны переселенцев с юго-востока и юго-запада начинали проникать на территорию лесных пространств, заселенных неолитическими людьми, но не проникали глубоко на север. Непосредственного контакта с племенами каргопольцев пришельцы, повидимому, не имели, но от своих соседей, людей других неолитических культур волго-окского бассейна (волосовская, белевская, балахнинская и другие культуры), племена каргопольской культуры получали отдельные, случайно проникавшие, бронзовые орудия. Только так можно объяснить наличие на третьем этапе каргопольской культуры бронзового кельта, очевидно, не местного литья.

Совершенно очевидно, что постоянный контакт с различными людьми из более южных провинций неолита и ранней бронзы не мог не сказаться на антропологическом составе населения каргопольской культуры. Трудно предполагать, чтобы этот состав был однородным.

1. Женщина свайного поселения с р. Модлоны[1]

В Вологодской области, в Чарозерском районе, при слиянии рек Перечной и Модлоны, на узком мысу некогда находилось свайное поселение. С 1937 г. начались исследования этого интересного памятника. В 1946 г. в основном было завершено его полное исследование. Краткие предвари-

[1] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951.

тельные отчеты, хотя и не дают полноты картины поселения, однако с очевидностью указывают на своеобразие как самого поселения, так и основных черт его материальной культуры. Для нас этот памятник приобретает особое значение, так как именно здесь в последний сезон работ при исключительно интересных обстоятельствах был найден череп человека. Это первая находка костей человека среди остатков свайного поселения в данном районе. Важность этой находки заставила нас отнестись с особым вниманием к самому поселению.

Интересующее нас поселение представляло собой сложный памятник с рядом культурных слоев, явившихся результатом неоднократного существования здесь стойбищ. В результате систематических работ А. Я. Брюсовым с 1937 по 1946 г. была вскрыта площадь в 142 кв. м, что охватило в основном все пространство, занятое древнейшим (свайным) поселением (раскопки производились кратковременными сезонными кампаниями с большими перерывами). Несмотря на то, что это многослойный памятник, стратиграфия его относительно проста. Древнейшая часть поселения находится к самой оконечности узкого мыса. Разрез слоев средней части следующий: 1) дерновый слой — 10 см, 2) желтая супесь — 30—50 см, 3) темная супесь — 30—40 см, 4) песок (у берега р. Модлоны) — 30—40 см, 5) торф.

Ни первый слой (дерн), ни второй (желтая супесь) никаких археологических находок не содержали. Только в нижней части темного слоя супеси (третий слой) были сделаны первые находки. Основная мощность культурного горизонта I находится на границе перехода от темной супеси к верхней части нижележащего песка или торфа на участках, удаленных от реки. Только отдельные предметы этого горизонта, по свидетельству А. Я. Брюсова, изредка проникают ниже. В нижней части слоя песка (четвертый слой) были обнаружены остатки свайного поселения. Большая часть находок оказалась у самой поверхности торфа, и только наиболее тяжелые вещи проникали на разную глубину в торф. В своих предварительных публикациях А. Я. Брюсов не приводит отчетливых границ мощности культурных слоев; не отмечает он также определенной стратиграфической стерильной прослойки. Из текста его отчета можно, наоборот, вынести впечатление о некоторой смешанности нижнего слоя в результате проникновения в него тяжелых вещей из верхнего горизонта. Что это именно так, можно судить по следующему абзацу последнего отчета за 1946 г.: «В нем (в торфе.— *М. Г.*) лежали вещи нижнего культурного слоя, а также отдельные более тяжелые предметы из верхнего культурного слоя»[1].

Нам совершенно не ясны принцип и техника определения этих извне проникших предметов, а это очень важная деталь. В случае невозможности выделения предметов, проникших сверху, всякая вещь общего типа может быть принята за свидетельство общности культуры, единства процесса развития, преемственности обоих культурных слоев. Но поскольку эти вещи проникали «случайно», то мы имеем здесь только механическое смещение, что уже ни в какой мере не может служить доказательством единства процесса развития культуры. Судя по данным автора раскопок, нижний слой поселения должен рассматриваться как некоторое смешение основных находок ранней культуры свайного поселения и какого-то количества предметов более поздней стадии.

---

[1] А. Я. Брюсов. Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г. КСИИМК, XX, 1948, стр. 45.

Приняв это положение, мы все же склонны рассматривать оба слоя культурных наслоении изолированно. Это тем более необходимо, если учесть совершенно различный тип поселений и неполное совпадение заселенных площадей. Древнее свайное поселение располагалось на самом конце мыса, занимая все пространство между реками Модлоной и Перечной; более поздняя стоянка отступала на более широкую часть этого мыса и занимала только узкую полосу на берегу Модлоны. В результате этого территории распространения нижнего и верхнего культурных слоев не совпадали.

Нас особенно интересует свайное поселение, так как именно с ним связана находка человеческих костей. Вся его площадь была вскрыта раскопками (не раскопан только самый нижний край мыса, так как он заливается водами обеих рек). В результате исследования с достаточной четкостью можно себе представить раскопанное поселение. Свайное поселение на р. Модлоне занимало очень небольшое пространство почти во всю ширину мыса. Три из открытых за эти годы дома (№ 2, 3, 4) стояли по прямой линии на расстоянии 3—4 м друг от друга вдоль берега и отступя 5—6 м от р. Перечной, к которой они были обращены выходами. Возможно, что далее к северо-востоку, в наиболее пониженной части мыса стояли по той же линии еще 1—2 дома. Остатки дома № 1, обнаруженные к северо-западу от этой линии домов, у самого берега р. Модлоны, большое число свай в самой р. Модлоне, как и находки вещей в воде около него, указывают, что за первой линией домов, ближе к р. Модлоне, стоял второй ряд домов. Таким образом, поселение состояло максимум из 10 небольших домиков[1].

Эти дома были сооружены на помостках, укрепленных на сваях, и соединялись узкими мостками кладок. Остатков лодок не найдено, но был обнаружен маленький плот, стоящий на приколе. В нижнем культурном слое, в непосредственной близости к остаткам жилых помещений, были найдены многочисленные отбросы материальной культуры, масса осколков кремня, и среди них довольно часты находки цельных орудий — наконечников стрел, ножей, скребков, нуклеусов, небольшого количества черепков глиняной посуды, остатки деревянных поделок, украшения из янтаря и многочисленные остатки костей животных, птиц и рыб. Преобладают, повидимому, кости лося и бобра[2].

Характеризуя в общих чертах каменный инвентарь, А. Я. Брюсов считает возможным отождествлять его с типичным инвентарем каргопольской культуры.

Совершенно иной характер носит керамика. В отличие от каргопольской она изготовлена из синеватой, плотно-пористой глины с большой примесью раковины. Насколько можно судить по нескольким черепкам небольших размеров, профили сосудов, вероятно, были простыми, так как стенки более или менее прямые. Орнаментировались сосуды однообразно, в большинстве случаев вертикально-зубчатым узором, нанесенным по всей поверхности сосуда зубчатым штампом. Эта примитивная форма сосудов, их орнаментика, а также и само тесто не имеют аналогов в близлежащих стоянках каргопольской культуры; не похожа эта керамика ни на беломорскую, ни тем более на волосовскую, льяловскую или балахнинскую. Внешнее впечатление таково, что она

---

[1] А. Я. Брюсов. Раскопки в Чарозерском районе ..., стр. 46.
[2] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне, МИА, вып. 20, 1951.

представляет собой какой-то примитивный, первоначальный, возможно, древнейший тип керамики на данной территории.

Особенного внимания заслуживают найденные украшения. В большинстве своем это янтарные пронизки и пуговицы с V-образными сверлинами, асимметричные подвески, обломки небольших колец и другие, не вполне определенной формы, предметы. Именно главным образом этот ассортимент янтарных украшений «восточно-балтийского типа» и заставил исследователя отнести нижний слой свайного поселения на р. Модлоне к началу II тысячелетия до н. э. А. Я. Брюсов считает, что остальной инвентарь и в первую очередь примитивная керамика не противоречат данной датировке. На основании комплекса различных деталей остатков материальной культуры А. Я. Брюсов склонен отличать культуру данного поселения от других памятников данной территории. Он видит в ней пережиточные элементы древнейших памятников восточного происхождения.

Мы лишены возможности дать исчерпывающее заключение по данному вопросу. Следует, однако, отметить, что основной инвентарь свайного поселения на Модлоне не отличается сколько-нибудь значительно от типических категорий каргопольской культуры — не только ближайших к поселению, но и более удаленных. Это указывает на какую-то несомненную общность населения на данной территории. Что же касается керамики, то она, действительно, резко отличается от типичной формы каргопольской посуды и не исключена возможность, что на стоянке Модлоны зафиксирован один из ранних моментов появления керамики в данной области. Несомненно, что по внешнему своему облику эта керамика производит впечатление чрезвычайно архаичной, чему не противоречит плохо обработанное слоистое тесто и даже наличие примеси в виде толченой раковины. То же самое можно сказать и о способе орнаментации. Это, несомненно, один из древнейших приемов украшения сосуда. Малые размеры черепков не дают возможности с определенностью говорить о форме сосудов; единственное, что можно отметить,— это слабую их профилировку и относительно небольшие размеры. Для того, чтобы с максимальной четкостью представить себе качественное сходство инвентаря свайного поселения и культурных остатков типических памятников каргопольской культуры, достаточно сопоставить материалы верхнего и нижнего слоя памятника на Модлоне.

А. Я. Брюсов отмечает единство каменного инвентаря обоих культурных горизонтов. О керамике же верхнего горизонта он пишет следующее: «Керамика верхнего культурного слоя представлена была черепками из хорошо обожженной глины желтого (изредка черного) цвета, с примесью толченой дресвы и кварца. Некоторые сосуды имели сложный профиль в виде слегка отогнутого наружу горла и сильно выпуклых боков; часть этой керамики не орнаментирована, часть покрыта отпечатком грубой ткани. Вдавления на орнаментированных сосудах поверхностны и состоят из оттисков зубчатого штампа и, по большей части неправильных ямок, образующих крупный узор, повидимому, чаще всего только по верху сосуда. Есть, впрочем, немного черепков с правильным круглоямочным орнаментом, покрывающим весь сосуд»[1].

В верхнем слое А. Я. Брюсов отмечает также наличие фигурных кремней, представленных совершенно исключительной находкой фигурки «уточки» из бело-розового камня, удивительно тонко обработанной с двух

[1] А. Я. Брюсов. Краткий отчет о работе Северной археологической экспедиции в 1945 г. в Чарозерском районе Вологодской области. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 60.

сторон. В другом месте А. Я. Брюсов пишет, что находки серповидных кремневых ножей и наконечников стрел удлиненно-треугольных с прямым основанием свидетельствуют о синхронности свайного поселения со стоянками Беломорья и каргопольской культуры[1]. Наличие янтаря и своеобразной керамики ставит данный памятник в особую, локальную категорию, не имеющую пока аналогов ни на северо-западе, ни на северо-востоке, ни тем более в южных памятниках.

В культурном слое свайного поселения среди массы кухонных отбросов довольно часто встречались мелкие обломки свода черепов человека. Эти мелкие куски черепа, как правило, имеют совершенно такую же сохранность, что и обычная кухонная кость животных. Едина и степень минерализации этих костей. А. Я. Брюсов указывал мне на то обстоятельство, что среди кухонных остатков найдены несколько фаланг кисти руки и такой же степени сохранности. Внимательно рассматривая эти мелкие обломки черепа, мы прежде всего отметили, что они не имеют никаких следов, указывающих на то, что обладатели их были в свое время съедены. Нам не удалось заметить следов каких-либо режущих или рубящих орудий; не было отмечено и непосредственного действия огня. Как ни малы эти остатки человека, классифицировав их по толщине кости, по форме фрагмента, мы смогли выяснить, что они принадлежат, по крайней мере, пяти индивидуумам различного возраста и, вероятно, пола. Во всяком случае один из фрагментов средней части лобной кости по своей массивности, плотности мог принадлежать только мужчине, и, вероятно, пожилого возраста; остальные (числом более семи), видимо, были фрагментами женских черепов: пять фрагментов, судя по их чрезвычайной тонкости, хрупкости, несомненно принадлежали детям в возрасте от 5 до 10 лет. При рассмотрении кухонных костей из культурного слоя данного памятника нам не удалось ни разу обнаружить длинных костей человека.

Особый интерес представляет находка целого черепа в 1948 г. В последнем отчете о раскопках на Модлоне А. Я. Брюсов упоминает об этой находке в следующих словах: «Следует только отметить находку среди различных костных отбросов, среди костей животных, птиц и рыб, около дома № 4 почти целого человеческого черепа (отсутствовала нижняя челюсть)»[2].

Нам не вполне понятен столь сдержанный тон в сообщении об этой находке, так как не только находка черепа как такового, но и специфические условия находки крайне интересны. Обстоятельства данной находки нам были в достаточной степени освещены как самим А. Я. Брюсовым, так и его сотрудниками В. М. Раушенбах и И. К. Цветковой, непосредственно разбиравшими культурный слой. Именно они обнаружили данный череп и, предварительно расчистив его, извлекли в виде монолита. Этот монолит разбирался мной уже в камеральных условиях.

Обстоятельства находки данного черепа следующие: около дома № 4, разрушенного в результате пожара, были обнаружены традиционные кухонные отбросы, содержавшие в большом количестве кости млекопитающих, птиц и рыб. Поверх этих кухонных отбросов были нагромождены рухнувшие деревянные остатки дома. По окончании разборки остатков дома были исследованы кухонные отбросы. При разборке среди массы крупных костей лося и большого количества остатков других животных, птиц и рыб, в нижней части этих отбросов, был обнаружен почти вертикально стоящий деревянный кол. Нижняя часть его уходила под кухонные отбросы; не

[1] А. Я. Брюсов. Раскопки в Чарозерском районе..., стр. 47.
[2] Там же, стр. 46.

расчистке и удалении их выяснилось, что этот кол своим острием упирается в основание черепа человека. Вблизи черепа оказались остатки грубо-прошитой бересты, фрагменты не то корзины, не то каркаса головного убора. К сожалению, сохранность этих берестяных фрагментов столь плоха, что даже в условиях лаборатории нельзя было не только что-либо реставрировать, но даже понять. Эти берестяные фрагменты, совершенно расслоившиеся, рассыпались при всякой попытке прикосновения к ним.

Как было уже указано, монолит, заключавший в себе остатки раздробленного черепа и части кола, был передан мне для расчистки и реставрации. Передавая мне данный монолит, А. Я. Брюсов высказал предположение, что сочетание кола и черепа, вероятно, случайно, т. е. не преднамеренно. Ему представлялось, что, возможно, брошенный почему-то череп насел на торчащий из почвы кол. Учитывая всю важность решения даже этого конкретного вопроса, мы с особой осторожностью расчистили монолит, сохраняя первоначальное положение как кола, так и отдельных фрагментов черепа.

В результате данной работы выяснилась следующая картина: 1) сочетание черепа и кола не случайно; 2) череп был надет на тупое острие кола через специально сделанное отверстие в основании черепа; 3) кол проникал через весь свод черепа. Таким образом, первоначальное положение черепа было следующим: череп был надет на кол, причем конец кола был специально подогнан по величине отверстия в черепе, которое явилось результатом специально выбитого основания черепа. Кол плотно был пригнан к данному отверстию. Обнаруженный череп фрагментарен, разбит, кости сильно минерализованы, но мелкие фрагменты все же лежали, сохраняя естественные свои взаимоотношения в гумусно-торфяной массе, лишенной каких-либо посторонних находок.

Тщательный осмотр остатков кола не дал следов режущих или рубящих орудий на его поверхности. Кол был изготовлен из ствола молодой сосны. Плохая сохранность поверхности лишила возможности судить о степени ее обработанности, однако можно отметить, что на всем протяжении была удалена не только кора, но и верхняя поверхность ствола. Тупое острие, обращенное к черепу, было явно утончено по отношению к общей толщине кола с самого начала, т. е. при изготовлении, а не было смято в момент проникновения в череп. Тщательно рассматривая кости черепа, мы должны были констатировать полное отсутствие костей основания: если предположить, что острие кола случайно наткнулось на череп, то, безусловно, оно в какой-то степени было бы смято и деформировано. Затем несомненно, что кусочки основания черепа, хотя бы в раздробленном, размельченном виде, были бы обнаружены внутри черепа, так как они должны были бы быть вдавленными внутрь. И, наконец, естественно было бы ждать внедрения отдельных мелких кусочков кости в тупое острие древесины кола. Но ничего этого нет. А между тем даже в теперешнем состоянии череп плотен и крепок и, конечно, он был еще более крепок в свежем состоянии. Трудно представить, чтобы деревянный кол мог, не деформируясь, проникнуть через его основание.

Итак, фактическая сторона дела такова, что исключает всякое случайное совмещение черепа и кола. Несомненно, что череп был намеренно надет на кол и только впоследствии, может быть, в результате пожарища, вершина этого кола, отягощенная черепом, обломилась и упала.

Рассматривая фрагменты черепа и изучая места разломов, мы пришли к убеждению, что эти следы значительно более поздние: череп был раздавлен под тяжестью вышележащих слоев почвы. Но совершенно другого порядка поверхности излома собственно основной кости черепа: эти

поверхности, так же как и поверхность всего черепа, имеют особую патину, образовавшуюся, повидимому, в результате выветривания и инсоляции при долгом пребывании на воздухе. Все это указывает на то, что череп был водружен на кол и находился в доме, либо,— что вероятнее,— близ него.

Отчетливо устанавливается тот факт, что данный череп был освобожден от мягких тканей, надет на кол и относительно долгое время находился в таком состоянии. Место его под кухонными отбросами—место случайное, это — вторичное положение.

Отсюда следует, что данная находка представляет собой интерес не только с точки зрения антропологической, но и как указание на какое-то событие или на какой-то обычай. Никаких данных к тому, чтобы связывать этот факт с людоедством, нет.

Свайное поселение на р. Модлоне раскопано и, следовательно, дальнейшие исследования его невозможны. Вряд ли изучение накопленного материала может осветить этот крайне интересный и пока что, несомненно, загадочный факт. Нам неизвестно ни одного случая подобной находки ни в памятниках неолита, ни в более поздних памятниках.

Не менее интересен этот череп и в плане палеоантропологии, так как это один из древнейших черепов человека, найденных в данной области. Интерес не умаляется тем обстоятельством, что нет оснований относить этот череп к населению данной стоянки. В большей степени этот череп можно считать головой побежденного врага. Правда, против такого предположения говорит тот факт, что это, несомненно, женский череп. Возраст найденного черепа может быть отнесен к концу существования свайного поселения на р. Модлоне, т. е. примерно к первой половине II тысячелетия до н. э.

Описание черепа

Череп — темнокоричневого цвета, плохой сохранности, реставрирован. Носолобный участок реконструирован; нижняя челюсть отсутствует.

Выломаны: все основание черепа, нижняя часть чешуи затылочной кости, нижний латеральный угол теменной и область сосцевидного отростка височной кости, задняя часть чешуи височной кости, височная часть лобной кости, частично большое крыло клиновидной кости и клиновидная кость, часть скулового отростка височной кости с правой стороны. С левой стороны выломаны: большое крыло, часть чешуи височной кости, небольшой кусочек чешуи лобной кости и теменной кости в височной области, кроме того, выломаны стенки обеих орбит и носовая перегородка.

Череп маленький, грацильный, легкий. Швы — очень сложного рисунка, не уплотнены. Между затылочной и теменными костями имеются вставочные кости: две — с левой стороны и три—с правой.

1. Наибольший продольный диаметр . . . . 174 мм
2. Расстояние от глабеллы до иниона . . . . 138 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 140 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 80,45 (суббрахицефал)
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 86,25.

Форма черепа сверху более всего приближается к ромбовидной, со стороны затылка — сводчатая форма; свод черепа — средней высоты. Лоб большой, круто-покатый. Лобная кость — средних размеров, широкая. Лобные бугры слабо выражены.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 110 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 88 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 80.

Глабелла округлая; степень ее выступания по шкале — 3 балла. Носовая часть лобной кости короткая, относительно широкая, направленная вровень с верхним краем орбиты.

Высота носовой части по средней линии . . . . 8,5 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 13,5 мм.
50. Ширина носовой части (межорбитное расстояние) . . 24 мм.

Надбровные дуги слабо развитые, короткие, незначительно приподнимаются над поверхностью лобной кости; степень их протяженности по шкале — 1 балл. В общем

надбровно-глабеллярная область вздута. Скуловые отростки лобной кости узкие, короткие, утолщенные. Теменные кости — средних размеров, почти квадратной формы, с слабо выраженными буграми. Височные ямы относительно большие, высокие. Сосцевидный отросток маленький, неширокий; выступание его среднее. Инион слабо развит; степень его выступания по шкале — 0.

Форма лица более всего подходит к триангулярной. Лицо небольшое, с относительно большим покатым лбом, низкое, с маленьким, не сильно выступающим носом; глазницы большие.

Лицо мезогнатное, слабо профилированное.

48. Верхняя высота лица . . . . 59 мм.

45. Скуловая ширина . . . . 132 мм.

48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 44,69.

Орбиты относительно большие, почти овальной формы. Края орбиты слегка нависают; нижние края приподнимаются и кажутся несколько вынесенными вперед. Глазничные бугорки слабо выражены. Фронтальная постановка глаз горизонтальная, профилировка — наклонная.

52. Высота орбиты . . . . 32.5 мм[1].

51. Ширина орбиты . . . . 42 мм.

52 : 51. Орбитный указатель . . . . . 77,38.

Сохранилась только нижняя часть грушевидного отверстия; края его тонкие, слегка притупленные; края подносового шипа образуют подносовой край. Подносовой шип хорошо развит, направлен вперед; степень его выступания по шкале — 2 балла.

55. Высота носа . . . . 44 мм.

54. Ширина носа . . . . 21 мм.

54 : 55. Носовой указатель . . . . . 47,73.

Скуловые кости высокие, с уплощенной поверхностью. Нижнеорбитные гребни узкие, они хорошо очерчены, идут по самому краю орбиты и огибают латеральный угол. Площадочки прикрепления мышц хорошо выражены. Лобный отросток скуловой кости — средней высоты, относительно широкий. Собачьи ямки уплощены (2 балла).

Альвеолярная часть относительно невысокая (ее высота — 15 мм), мезогнатная.

Расстояние P_4 и P_4 . . . . 49 мм.

Сохранились M_1 правой и все коренные левой стороны. Остальные зубы, судя по состоянию альвеол, утрачены после смерти. У M_2 стертость коснулась эмали бугорков; у M_3 она вовсе не заметна.

По всем анатомическим данным, этот череп принадлежал молодой женщине — не старше 23—24 лет.

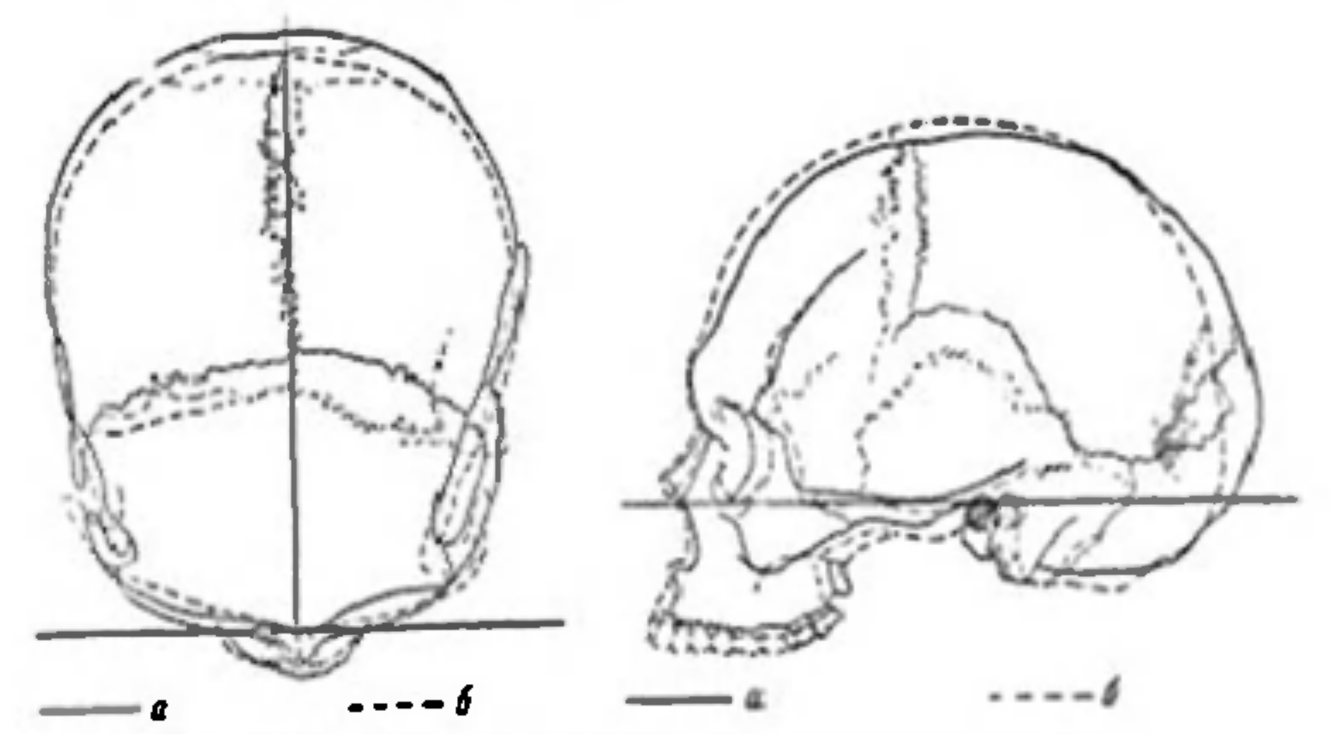

Рис. 136. Схема сравнения женских черепов:
а — из Модлоны, б — из Караванхо.

Из всей серии обработанных черепов лесного неолита только один череп из раннего захоронения на Караванхо в какой-то мере напоминает череп из свайного поселения на Модлоне. Об этом можно судить на основании антропометрических данных (рис. 136, табл. 15).

[1] Измерения сделаны по правой орбите.

Таблица 15

Основные измерения черепов из Караванхи и свайного поселения на Модлоне

Размеры	Черепа	
	из Караванхи	из свайного поселения на Модлоне
Наибольший продольный диаметр, мм	164	174
Наибольший поперечный диаметр, мм	139	140
Черепной указатель I	84,75[1]	80,45
Наибольшая ширина лба, мм	113	110
Наименьшая » » »	91	88
Лобный указатель	80,53	80
Высота лица верхняя, мм	61	59
Орбитный указатель	80	77,38

Приведенные размеры, действительно, свидетельствуют о наличии некоторого сходства, и тем не менее эти черепа чрезвычайно различны, если их сравнивать по основным контурам. При рассмотрении этих контуров в вертикальной проекции очевидно, что, несмотря на общность некоторых форм, в деталях контура оба черепа сильно отличаются, в частности, череп с Модлоны значительно длиннее (рис. 136).

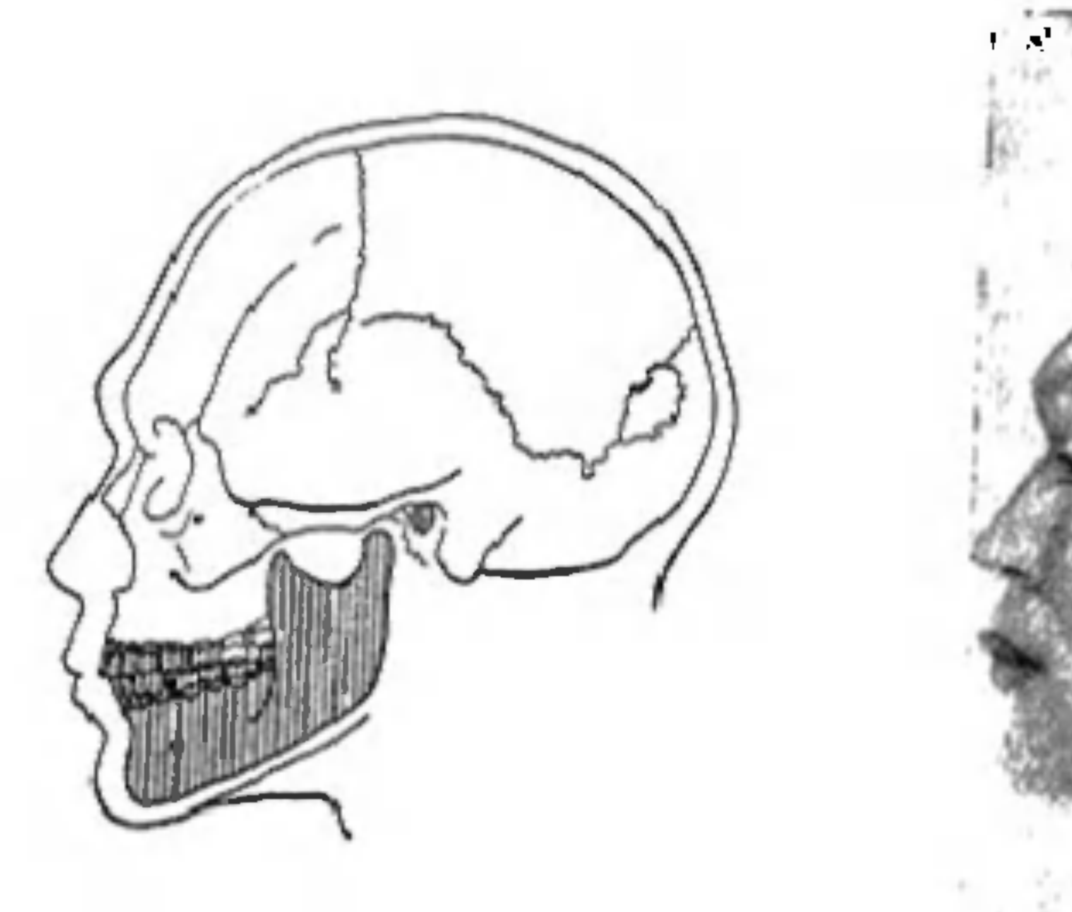

Рис. 137. Реконструкция по черепу женщины из Модлоны.

Конфигурация лобной и лицевой частей модлонского черепа сильно усложнена по сравнению с черепом из Караванхи.

При рассмотрении обеих черепов в профиль череп с Модлоны кажется маленьким, грацильным, череп же из Караванхи, внешне производящий впечатление более массивного, по существу оказывается значительно меньше по своим абсолютным размерам. Это несоответствие между общим

[1] По черепному указателю череп из Караванхи брахикранный, между тем как череп из свайного поселения на Модлоне суббрахикранный.

впечатлением и размерами объясняется толщиной отдельных деталей костей лицевого скелета из Караваихи. Череп из Караваихи обладает более массивными костями скелета лица, но вообще передняя часть черепа меньше, затылочная же часть черепа значительно короче; лобная кость крута, свод высок. Это-то и производит впечатление значительно большей величины черепа (рис. 136).

Все отмеченные детали должны были очень резко физиономически отличать женщину из Караваихи от женщины с Модлоны, и поэтому, несмотря на неполноту данных модлонского черепа, т. е. отсутствие части носовых костей и нижней челюсти, мы все же рискуем предложить схематический портрет этой женщины как одной из древнейших обитательниц лесной полосы в начале II тысячелетия до н. э. (рис. 137).

В предполагаемом облике, вопреки ожиданиям, общего европеоидного типа, отчетливее выявились компоненты палеосибирского, а не лапоноидного типа, столь характерного для людей лесного неолита, в частности, очень отчетливо выраженного в портрете женщины из Караваихи.

2. Люди каргопольской культуры. Могильник на Караваихе[1]

В 10 км от свайного поселения на р. Модлоне, на правом берегу ее левого рукава — Еломы, находится местечко, называемое Караваихой. В 1938—1939 гг. и вновь в 1945—1946 гг. и в 1951 г. А. Я. Брюсовым производились раскопки неолитической стоянки и связанного с ней территориально могильника. Стоянка расположена на высоко поднятой над уровнем реки поляне и представляет собой типичное поселение каргопольской культуры.

Из инвентаря этой стоянки А. Я. Брюсов упоминает наконечники стрел сейменского типа, костяные веретенообразные наконечники стрел шигирского типа, короткие желобчатые долота, многочисленные скребочки и обломки глиняных сосудов со сложным, но характерным для каргопольской керамики ямочно-гребенчатым орнаментом.

В 1951 г. против этого места, на левом берегу реки, была открыта вторая стоянка на Караваихе.

На самой Караваихе были открыты три различные категории, очевидно, разновременных погребений.

Несомненно, древнейшим погребением надо считать захоронение в центре поляны в глубоких (до 1,5 м) могильных ямах под ненарушенным культурным слоем. Эти погребения совершены до основания здесь поселения, начало существования которого датируется по находкам в древнейших частях стоянки концом III тысячелетия до н. э.[2]

Таких древнейших погребений к настоящему времени открыто семь (из них два в 1952 г.; они еще не обработаны). В одном из них костяк лежал в слое плотной глины, лицом вниз; на голове и на пояснице его лежали большие валуны. Над погребением, тоже под культурным слоем, оказался небольшой каменный очаг, около которого лежали 3 большие кости —

[1] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[2] В 1952 г. с большими трудностями удалось начать на Караваихе раскопки у самого берега р. Еломы. Оказалось, что в прибрежной части находится, почти под 2-метровым слоем не содержащего находок торфа, древнейшая часть стоянки, край которой уходит под дно реки. Это объясняет наличие наверху, на поляне древнейших погребений под ненарушенным слоем торфа. Погребения совершались тогда, когда население находилось внизу, у древнего уровня воды. С повышением уровня реки, в конце III тысячелетия до н. э., поселение было перенесено наверх. Древнейшее поселение у реки датируется по находкам не позднее начала III тысячелетия до н. э.

лося, медведя и бобра. Остальные костяки лежали на спине в вытянутом положении.

Более поздней надо считать серию погребений в более или менее глубоких ямах, вырытых в подстилающей культурный слой глине (на глубине 45—60 см). Иногда в головах или ногах этих костяков обнаруживали следы небольшого количества красной охры. Все эти костяки лежали на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. Находка на груди одного из этих костяков большого шиферного кольца позволяет датировать эти погребения концом III тысячелетия — началом II тысячелетия до н. э.

Наиболее поздними являются погребения, которые расположены на юго-восточной окраине поселения, образуя могильник. Эти погребения находятся на очень малой глубине, в 20—25 см от поверхности в культурном слое. Погребения производились, невидимому, в самое последнее время существования неолитического человека на данном поселении. Положение этих погребений и ориентировка были самыми разнообразными (одно — сидячее); почти всегда они сопровождались обильной засыпкой красной краской. Культурный слой в этой части стоянки характеризуется типами поздней керамики; часто встречаются наконечники стрел сейменского типа и другие каменные орудия позднего этапа каргопольской культуры, поэтому могильник следует датировать не ранее середины II тысячелетия до н. э.

Неглубокие могильные ямы обусловили плохую сохранность костей. В результате А. Я. Брюсов, несмотря на особое внимание и тщательность при раскопках, смог собрать и передать в ГМА только незначительное количество сильно фрагментарных костей человека. Три погребения им были извлечены монолитами; одно из них хранится в Вологодском областном музее, другое — в ГИМ, третье — в Череповецком музее.

В течение последнего времени коллектив лаборатории пластической антропологической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР произвел возможную реставрацию и реконструкцию черепов из Караваихи. Реконструированные черепа были вновь измерены сотрудниками лаборатории (ранее этот материал был обработан М. С. Акимовой, но ее измерения были связаны главным образом со сводом черепа, так как у большинства черепов лицевой скелет не был к этому времени реконструирован). В результате проделанной работы в моем распоряжении оказалось 8 черепов различной степени сохранности. Это дало возможность по-новому подойти к данному материалу и в дополнение к ранее сделанной реконструкции произвести графическое восстановление почти всех найденных черепов.

В своем описании этого материала мы отходим от порядка расположения черепов в соответствии с номерами погребений. Они будут описаны в хронологическом порядке. Нас интересует возможность выявить особенности того или иного антропологического типа в связи со временем его захоронения. Это может дать некоторый материал для выяснения направлений изменчивости антропологического типа населения данной стоянки, что в свою очередь, вероятно, позволит говорить о типе населения, связанном с каргопольской культурой.

Череп из погребения А.

Наиболее древнее погребение на Караваихе раскопано в 1946 г. (погребение А). Череп из этого погребения, хотя и был очень разрушен, все же реставрирован, и в настоящее время это один из самых полных черепов памятника. Череп принадлежал молодой женщине, погребенной в следующих условиях.

В центральной части стоянки Караваиха после снятия культурного слоя, состоявшего из разложившегося торфа, достигавшего в данном месте мощности около 50 см, на подстилающем его слое было обнаружено отчетливое пятно могильной ямы овальной формы. Культурные остатки из этого слоя характеризуют время начала II тысячелетия до н. э. В подстилающем слое, как и везде на данном памятнике, не содержится никаких культурных остатков. Этот слой сложен из песка с большой примесью мелких валунчиков и гальки. Овальное пятно могильной ямы имело около 2 м длины и было направлено своей длинной осью почти точно с запада на восток. Глубина могильной ямы, заполненной чистым песком, достигала 70 см. На дне ее, на чистой песчаной присыпке, лежал скелет, ориентированный головой на юго-запад. Он лежал на спине с вытянутыми руками и ногами. На черепе в небольшом количестве оказались следы красной краски. Вещей не было. Сохранность относительно хорошая. И тем не менее только одна плечевая кость сохранилась совершенно целой. Череп и остальные кости были сильно фрагментарны, раздавлены. Большинство длинных костей не имело эпифизов. Позвонки и ребра почти не сохранились.

М. С. Акимова, изучавшая этот череп, описала его в своей статье о неолитическом населении лесной полосы Северо-Восточной Европы. Основные ее выводы были ею доложены на сессии Института этнографии Академии наук СССР в 1951 г. Ее диагностика антропологического типа не имеет существенных отклонений от нашего предварительного определения, опубликованного еще в 1948 г.

В настоящий момент, в связи с пересмотром всего доступного нам палеоантропологического материала и с более широкими задачами дать не только реконструкцию внешнего облика, но и возможность понять процесс формирования того или иного антропологического типа, связанного с той или иной стадией культуры,— мы считаем целесообразным более подробно описать обработанные нами черепа. Совершенно естественно, что при этом нами будет обращаться внимание главным образом на описательные признаки, индивидуальные вариации того или иного черепа, так как только в результате регистрации этих частностей можно обосновать процесс скульптурной или графической реконструкции антропологического типа древнего человека.

Несмотря на очень плохую сохранность обрабатываемого черепа, его удалось реставрировать. В результате в нашем распоряжении практически оказался полный череп. Совершенно очевидно, что ряд измерений, учитывая реставрацию, мы взяли с некоторым приближением. Но допустимая при этом ошибка вряд ли может отразиться на правильности антропологической диагностики.

Череп небольшой, с тонкими костями свода, с отчетливым рельефом, чуть деформированный.

1. Наибольший продольный диаметр . . . . . 164 мм.
2. Диаметр глабелла — инион . . . . 160 мм.
8. Наибольший поперечный диаметр . . . . . 139 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 84,8.
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 86,85.

По черепному указателю череп брахикранный.

Сверху череп — ромбовидной формы, со стороны затылка он крышевиден; свод высокий, лоб покатый. Теменные кости круто опускаются к невыступающему затылку. Лобная кость относительно большая, широкая.

10. Наибольшая ширина лобной кости . . . . 113 мм.
9. Наименьшая ширина лобной кости . . . . 91 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 80,53.

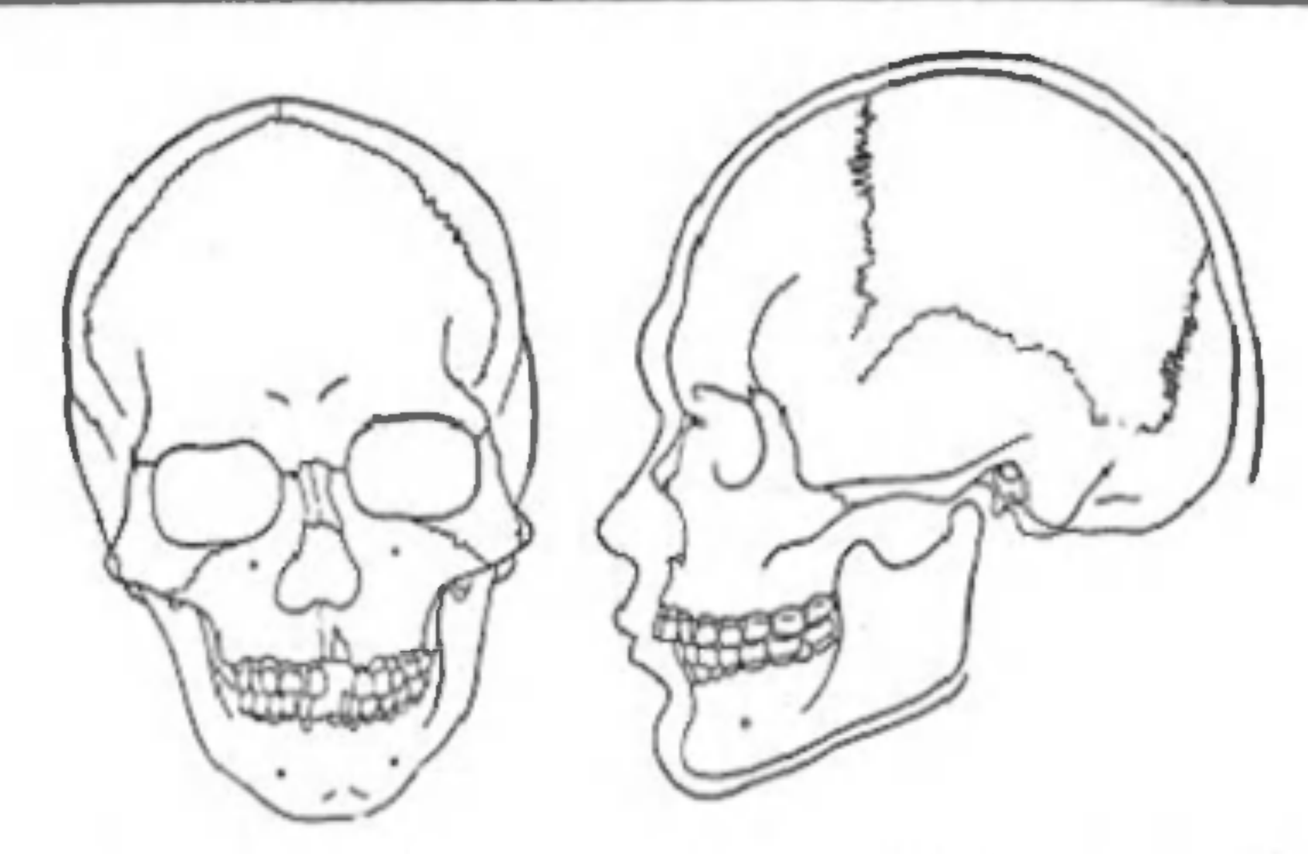

Рис. 138. Женский череп из Караваихи (*А*). Этот же череп в профиль с контуром мягких покровов.

Глабелла округлая, степень ее выступания по шкале — до 3 баллов. Носовая часть лобной кости неширокая, длинная, по отношению к верхнему краю орбиты направленная внутрь, но не резко.

Высота носовой части посередине . . . . 9,5 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 14,5 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . 21 мм.

Надбровные дуги слабо выражены, сглажены, выступают вровень с глабеллой; степень их протяженности по шкале — 1 балл. Чешуя височной кости короткая, средней высоты, округлая. Сосцевидные отростки маленькие, слабо выступающие, узкие, с острыми вершинами. Затылочная кость относительно большая, закругленная, широкая. Степень выступания иниона по шкале — 1 балл.

Лицо — близкое к треугольной форме, средней высоты, с покатым лбом, широкими скулами, слабо профилированное, с мезогнатной верхней челюстью, остро выступающим подбородком. Глазницы относительно большие.

47. Общая высота лица . . . . 106 мм.
Высота верхней части лица . . . . 61 мм.
45 : Скуловая ширина . . . . 133 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 80,3.
48 : 45. Верхний лицевой указатель . . . . . . 46,2.

Орбиты — четырехугольной формы, латеральные углы их закруглены; края их довольно толсты и притуплены, верхний край слабо нависает, нижний — немного приподнимается. Раструб слезной ямки углублен, глазные бугорки выражены слабо, разрез глаз чуть наклонный, фронтальная постановка орбит горизонтальная. Профилировка орбит наклонная.

52. Высота орбиты . . . . 32 мм.
51. Ширина орбиты . . . . 40 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 80.

Носовые кости небольшие, корень носа не западает, профиль спинки носа слегка вогнут, спинка костного носа в сечении сводчатая.

56. Ширина носовых костей у корня — 10 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей — 9,1 мм.

Носовое отверстие грушевидное, укороченных пропорций; края его тонкие и острые. Подносовой край инфантильный. Подносовый шип маленький (степень его развития по шкале — 1—2 балла); он направлен слегка вверх.

Высота носового отверстия . . . . 30,5 мм.
54. Ширина носового отверстия . . . . 25 мм.
Высота положения crista conchalis . . . . 11,5 мм.
55. Высота носа . . . . 46,5 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . 53,76.

Скуловые кости небольшие, невысокие, вынесены вперед. Нижнелатеральные края их развернуты. Нижнеорбитный гребень слабо выражен. Скуловые бугры маленькие. Собачьи ямки почти отсутствуют. Альвеолярная часть верхней челюсти мезогнатная.

Высота альвеолярной части . . . . 14,5 мм.
Расстояние $P_2 — P_2$ . . . . 52 мм.
Высота эмали первого резца . . . . 7 мм.

Рис. 139. Реконструкция по черепу женщины из Караваихи (*A*).

Зубы сохранились все. Стертость первых и вторых резцов достигла дентина. У клыков стертость задела дентин бугорков, у остальных зубов она коснулась эмали бугорков. Зубы слегка прогнатны.

В нижнем ряду у всех резцов и клыков стертость достигла дентина, а у остальных зубов коснулась только эмали бугорков. Постановка зубов ортогональная, прикус ножницеобразный. Нижняя челюсть — средних размеров, но тело ее высокое. ветви низкие, средней ширины, подбородочный выступ — 3 балла.

Весь комплекс признаков и размеров дает право характеризовать этот череп в его основе как европеоидный. Однако широкий лоб, слабая профилировка, широкое лицо, некоторая прогнатность, слабое выступание носа укороченных пропорций, резко сужающих подбородок — все эти признаки, скорее свойственные лопарскому варианту, вероятно, в очень ранней его форме (рис. 138 и 139). Судя по фрагменту бедра и по плечевой кости, рост этой женщины был средним, вряд ли выше 1,55 м.

Череп из погребения 1

К типу древнейших захоронений следует отнести и погребение, раскопанное А. Я. Брюсовым в 1951 г. (участки 6 и 6а). Это погребение найдено на глубине 1,25 м в плотном слое глины под культурным слоем. Границы могильной ямы отчетливо не выражены. В присыпке могильной ямы вещей не найдено. Скелет лежал вниз лицом. На черепе и на пояснице лежали большие валуны (рис. 140).

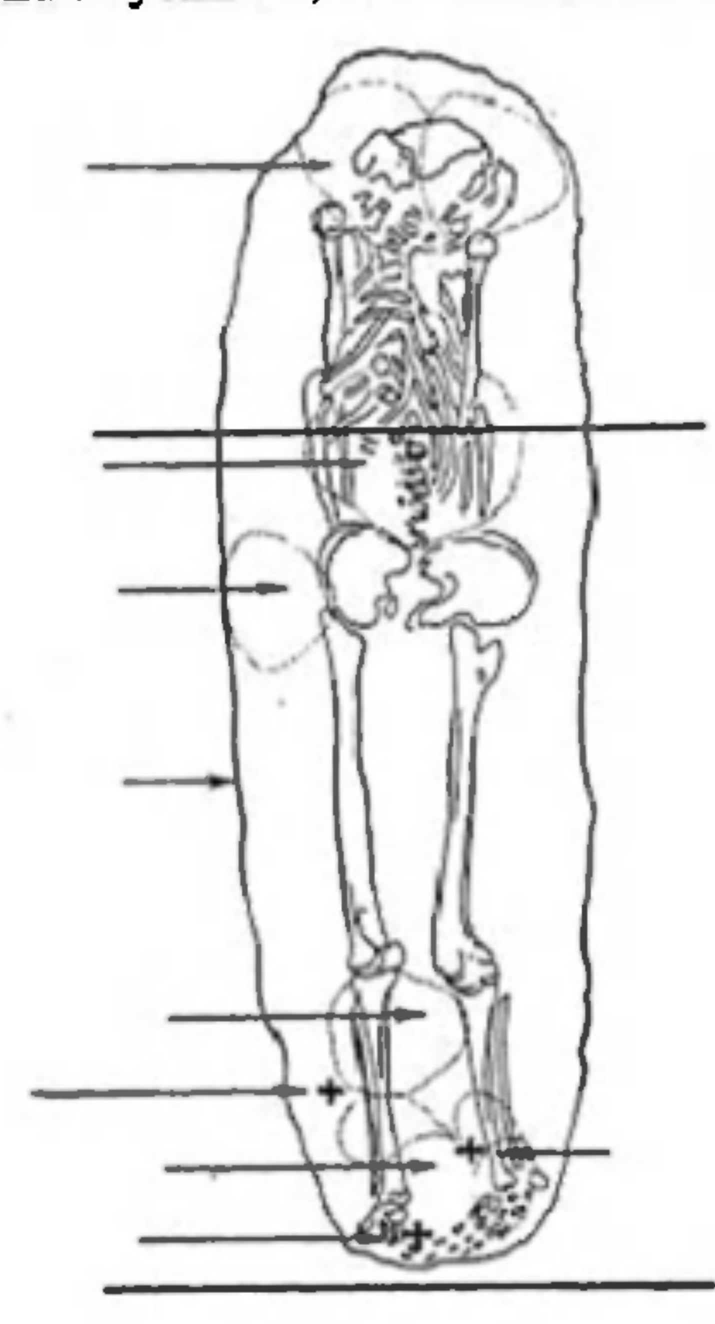

Рис. 140. Схема погребения женщины из Караваихи. Раскопки 1951 г.

Череп склеен и частично реконструирован[1].

Череп принадлежал молодой женщине — не старше 23 лет. Череп — средних размеров, кости свода тонкие, лицо массивное. Швы — усложненного рисунка, не уплотненные.

1. Наибольший продольный диаметр . 174 мм.
2. Диаметр глабелла — иинон . . . 169 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . . . 136 мм.
8 : 1. Черепной указатель I (мезоцефал). 78,16
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 84,73.

Сверху череп имеет пентагональную форму, со стороны затылка — уплощенно-крышевидную; в профиль свод — средней высоты, уплощенный, лоб крутой. При переходе к затылочной кости теменные кости образуют прогиб. Затылок округлый.

Глабелла выражена слабо, надбровье — еще слабее.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 114 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . . 98 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . . . 85,96.

Глабелла уплощенная; степень ее выступания меньше 1 балла. Носовая часть лобной кости не длинная, со слабым рельефом.

Высота носовой части посередине . . . 9 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 11 мм.
50. Ширина носового отростка . . . 24 мм.

Теменные кости — средних размеров с сильно развитыми буграми. Височные впадины — средних размеров, глубокие во фронтальной части. Сосцевидные отростки небольшие, простого рисунка. Затылочная кость суженная, округлой формы с отчетливым, но не сильным рельефом.

Несмотря на то, что лицо небольшое, оно производит впечатление массивности, вероятно, благодаря сильному выступанию скуловых костей, очень большой ширине носового отверстия и значительному выступанию всего лица вперед. Форма скорее триангулярная. Лицо мезогнатное. Нижняя челюсть относительно массивная. Рельеф на всем лицевом скелете сглажен.

47. Общая высота лица . . . . 115 мм.
48. Верхняя высота лица . . . . 68 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 128 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 89,84.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 53,12.

Орбиты большие, с сильно закругленными углами. Верхний край орбит тонкий, заостренный; нижний край тупой, массивный. Глазничные бугорки развиты хорошо. Разрез глаза горизонтальный. Фронтальная постановка орбит средняя. Профилировка орбит вертикальная.

[1] Выполнено Н. Н. Мамоновой. Ею же произведены антропометрические измерения и зарисовка черепа диоптрографом.

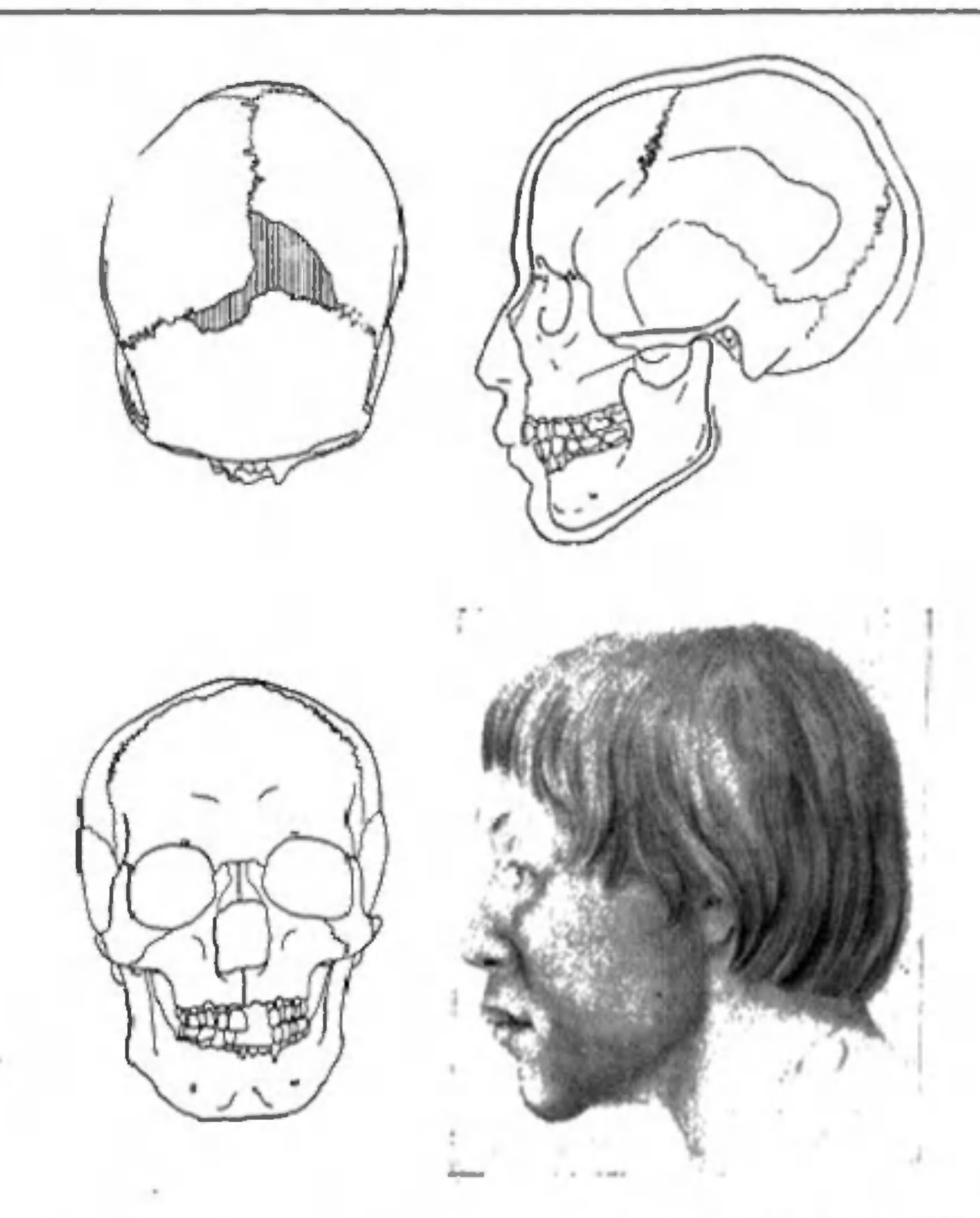

Рис. 141. Реконструкция по черепу женщины из Караванхи. Раскопки 1951 г.

51. Ширина орбит . . . . 42 мм.
52. Высота орбиты . . . . 37 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 88,9.

Носовые кости утрачены, по края восолобных отростков верхнечелюстных костей хорошо сохранились. Это дает право говорить об общих размерах носовых костей.

56. Ширина носовых костей у корня носа . . . . 9 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей . . . . 7,75 мм.
58. Наибольшая ширина носовых костей . . . . 21 мм.
Вероятная длина носовых костей . . . . 26 мм.

Грушевидное отверстие носа — неправильных очертаний, асимметричное, с вертикально стоящими боковыми стенками, так что по общему впечатлению приближается к форме прямоугольника. Подносовой шип короткий, направлен вверх. Подносовой край слегка притуплен. Края носового отверстия на всем протяжении очень тонки и остры; поэтому надо думать, что, несмотря на относительно большие размеры носового отверстия, ширина носа не была очень большой, но в средней части своей нос был почти такой же ширины, как и внизу.

55. Высота носа . . . . 52 мм.
54. Ширина носа . . . . 24 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . 46,15.

Скуловые кости небольшие, сильно вынесенные вперед. Скуловые дуги тонкие, простого рисунка; лобный отросток скуловых костей удлиненный. Собачьи ямки слабо выраженные (2 балла), уплощенные. Верхнечелюстная вырезка значительная.

Альвеолярный отросток относительно короткий, с резким рельефом альвеол, мезогнатный. Зубы в верхнем ряду сохранились все (резец и клык потеряны в процессе раскопок). Стертость зубов значительно больше на резцах; на остальных зубах чуть стерта эмаль На нижней челюсти также сохранились почти все зубы, кроме посмертно утраченных двух первых резцов, второго левого резца и правого клыка. Постановка зубов вертикальная, так что при наличии некоторой мезогнатной постановки верхней челюсти создается прикус с глубоким западанием нижних резцов за верхние. Форма прикуса крышевидная.

Высота первого резца . . . . 9,5 мм.
Глубина закуса . . . . 3 мм.
Расстояние между вторыми ложнокоренными . . . . . 52 мм.

Нижняя челюсть относительно высокая, с короткими, широкими ветвями. Подбородок отчетливо выражен; степень его выступания по шкале — около 2 баллов.

По своей антропологической характеристике данный череп принадлежит к какой-то, несомненно, метисной категории (рис. 141). В основе ее лежит европеоидный мезокранный тип, с выступающим носом. В результате метизации получился налет некоторой лапоноидности; больше всего он выражен в профилировке глазниц, выступании вперед скуловых костей, относительно большой ширине носа и легкой прогнатности всего лица. По своему антропологическому типу этот череп близок к женскому черепу из погребения А, но представляет собой как бы более грубый вариант этого же типа.

Череп из погребения 7

Второй, более поздний тип погребений, представлен одним мужским черепом[1].

Это погребение находилось в культурном слое. Костяк лежал на спине с вытянутыми руками и ногами; при нем найдены подвески из просверленных зубов оленя.

Череп сильно фрагментарен и в значительной степени реставрирован нами из мелких фрагментов. Особенно пострадало лицо. Но практически и этот череп доступен для изучения, так как реставрация не искажает ни его подлинного вида, ни размеров. М. С. Акимова измеряла этот череп до нашей реставрации, и размеры ею взяты главным образом на своде и нижней челюсти (ниже отмечены звездочкой).

Череп — средних размеров, со слабо развитым рельефом; швы — сложного рисунка, в значительной степени уплотнены. В горизонтальной проекции этот череп — сфероидальной формы, со стороны затылка — сводчатый. Черепная коробка в профиль округлая, с плавным переходом костей друг в друга. Затылок невыступающий.

1. Наибольший диаметр . . . . 181 * мм.
2. Инионный диаметр . . . . 178 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 149* мм.
8 : 1. Черепной указатель . . . . 82,3 * мм.

Череп суббрахикранный. Лобная кость — удлиненной пропорции, с относительно высоким лбом.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 127 * мм.
9 Наименьшая ширина лба . . . . 98 * мм.

Округлые, уплощенные на всем протяжении надбровные дуги доходят до середины глазниц, достигая 2 баллов. Глабелла округлая, едва достигает 2 баллов. Теменные кости широкие, со значительным развитием теменных бугров. Затылок преломлен, но инион почти отсутствует и определяется нулевым баллом Сосцевидные отростки широкие, массивные, выступают в сторону. Лицо — триангулярной формы, слабо профилированное, с остро выступающими скулами. Орбиты низкие, замкнутые, овальной формы. Притупленный край орбиты утолщается в латеральном направлении. Глазничные бугорки выражены слабо. Профилировка орбиты вертикальная; фронтальная постановка глазниц — горизонтальная.

---

[1] ГМА, череп № 8623

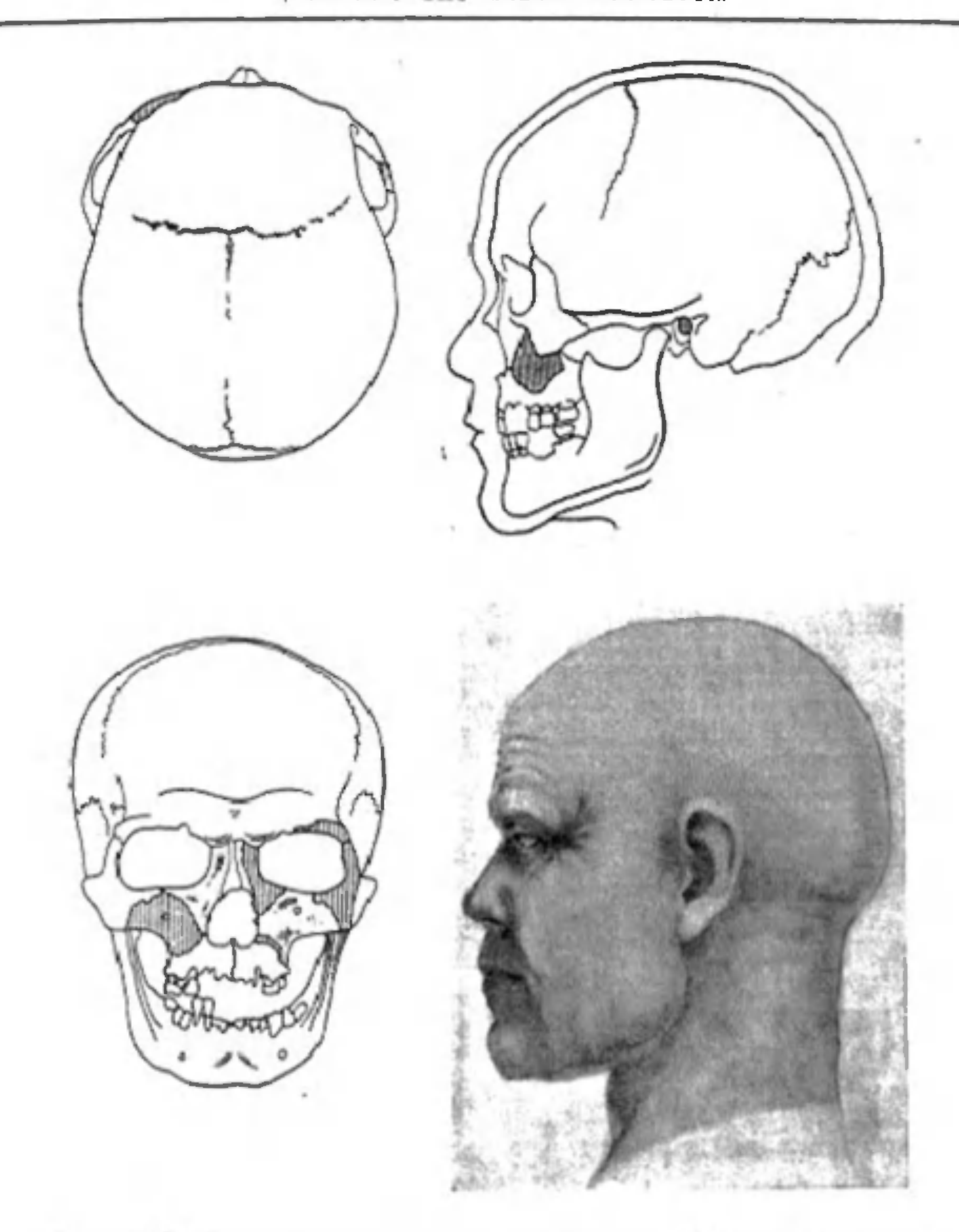

Рис. 142. Реконструкция по черепу мужчины (8623) из Караваихи

52. Высота орбиты . . . . 29 мм
51. Ширина орбиты . . . . 43 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . 67.

Скуловые кости массивные, высокие, сильно выступающие, с несколько вынесенным вперед нижним краем и хорошо развитым скуловым бугром. Тонкие скуловые дуги далеко отстоят от височной кости. Нижний край скуловых костей и дуги — широкие, бугристые, с хорошо выраженным рельефом. Носовое отверстие — укороченных пропорций, грушевидной формы (высота — 28 мм, ширина — 25 мм). Нижние края грушевидного отверстия острые, подносовой край имеет слабо выраженные полулунные ямки. Подносовой шип широкий, приподнятый.

55. Высота носа . . . . 53 мм.
54. Ширина носа . . . . 25 мм.
54 : 55. Указатель . . . . 47,17.

Альвеолярный отросток слегка прогнатный. Судя по альвеолам, отсутствующие резцы стояли вертикально. Нижняя челюсть массивная, с выступающим подбородком, с широкими, круто поставленными ветвями; степень выступания подбородка по шкале — 3 балла.

На верхней челюсти с правой стороны сохранились P_2, M_1 и M_2; с левой стороны — P_1, P_2 и M_1. На нижней челюсти справа — P_2, M_1 и M_2, слева зубов нет. Стертость

затронула эмаль и коснулась дентина на всех зубах. Вероятнее всего, данный человек обладал щипцеобразным прикусом, с некоторой тенденцией к более глубокому закусу. Возраст субъекта — не старше 37 лет. О росте его сказать трудно, но, вероятнее всего, он был невысок.

При рассмотрении черепа совершенно очевидна тенденция к брахикранности. Лицо уплощенное, укороченных пропорций. В этом черепе (рис. 142) отчетливы элементы, приближающие его к лапоноидному варианту, чему не противоречат низкие орбиты. От более древнего типа он отличается большей длиной свода, более коротким лбом, меньшим надбровьем, более низкими орбитами. Все эти признаки указывают на европеоидную примесь. Его, вероятно, надо считать результатом уже вторичной волны метизации.

М. С. Акимова, описывая свод и нижнюю челюсть этого человека, отметила элементы сходства с древним типом кроманьонцев. Подробное изучение черепа, воспроизведение его внешнего облика убеждают нас в том, что в данном черепе этих «кроманьонских» черт нет; весь комплекс признаков совершенно иной.

Черепа из поздних захоронений

Поздние захоронения Караваихи представлены целой серией черепов. Как уже говорилось, эти погребения связаны, видимо, с последним этапом существования поселения. Это время характеризуется неустойчивым обрядом погребения и самой разнообразной ориентировкой. Положение погребенных различно: нам известны погребения на спине, на боку, лицом вниз и даже одно сидячее. Могильные ямы предельно малы; это, собственно, не ямы, а присыпки в 25—30 см[1]. Единственное, что объединяет все погребения,— это сопровождение умершего красной краской, нередко очень обильное. Вещей при покойниках не найдено. Мы будем описывать черепа в порядке номеров погребений (по А. Я. Брюсову).

1. ГМА, череп № 8624 (погребение 1). Череп — плохой сохранности, сильно фрагментарен, реставрирован и реконструирован нами.

Отсутствуют кости основания черепа, часть костного неба, нижняя часть правого большого крыла клиновидной кости, целиком левое крыло с прилегающей к нему височной поверхностью лобной кости, скуловая дуга с правой стороны. У нижней челюсти отломаны сочленовный отросток и задняя часть венечного отростка левой стороны. В лицевом скелете реконструированы правая половина носового отростка, правая носовая косточка, фронтальная часть верхнечелюстных костей в области собачьих ямок и латеральные участки альвеолярного отростка в области коренных зубов. Воспроизведена недостающая часть нижней челюсти.

Череп крупный, тяжелый, с массивным лицом, с сильно развитым рельефом. Швы четкие, слабо зубчатого рисунка, местами уплотнены.

1 Продольный диаметр . . . . . . 175 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 172 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . . . 146 мм.
8 : 1 Черепной указатель I . . . . . 83,43.
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 84,88.

[1] Возможно, однако, что часть почвы в этом месте была снята, так как лет 200 назад на Караваихе стоял хутор и поляна распахивалась. Распашка была неглубокой, но все же могла затронуть слои могильника.

По черепному указателю череп брахикранный. В горизонтальной проекции он — сфеноидной формы, а со стороны затылка — крышевидный. Профиль черепа характеризуется высоким сводом, укороченными пропорциями, покатым лбом, невыступающим округлым затылком и плавным соединением костей.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 128 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 100 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 78,81.

Глабелла хорошо выражена, массивная, достигает 4—5 баллов. Высокая и широкая у основания, носовая часть лобной кости не западает.

Высота носовой части посередине . . . . . 10 мм.
Высота носовой части по бокам . . . . 17 мм.

Надбровные дуги сильно развиты, отчетливо очерчены, достигают 2 баллов. Теменные кости округлые. Височные впадины высокие, значительно углубленные во фронтальной части.

Сосцевидные отростки крупные, сильно выступающие. Затылок широкий, невыступающий, округлый; инион сильно развит, достигая 3 баллов. Лицо высокое, очень широкое, тяжелое, орбикулярной формы, с круглыми глазницами, слабой профилировкой, чуть прогнатной альвеолярной частью и сильным выступанием подбородка.

47. Общая высота лица . . . . 118 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . 70 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 152 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 77,63.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 46 05.

Орбиты большие, округлые, верхний край толстый, причем утолщенность увеличивается в латеральном направлении; нижний край орбиты также утолщен и притуплен, глазницы открытые. Глазничные бугорки хорошо развиты. Фронтальная постановка орбит горизонтальная, профилировка орбит — вертикальная. Разрез глаз чуть наклонный.

51. Ширина орбиты . . . . 43 мм.
52. Высота орбиты . . . . 36 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 83,72.
50. Межорбитное расстояние . . . . 26 мм.

Корень носа сильно выступает. Носовые косточки — простого рисунка, в сечении крышевидные. Носовое отверстие широкое, укороченных пропорций, сердцевидной формы. Края носового отверстия тонкие, острые, но, начиная от crista conchalis, слегка притуплены и переходят в инфантильный подносовой край. Подносовой шип равен 2 баллам, чуть приподнят.

Длина носовых костей . . . . 21 мм.
58. Ширина носовых костей . . . . 20 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей . . . 15 мм.
Высота грушевидного отверстия . . . . 34 мм.
54. Ширина грушевидного отверстия . . . . . 32 мм.
55. Высота носа . . . . 57 мм.
Высота положения crista conchalis . . . . . . 15 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . 59,65.

Скуловая кость массивная, простого рисунка, слабо профилированная. В нижней части она вывернута в стороны и вперед. Скуловой бугор сильно развит. Нижний орбитный гребень широкий, но слабо выступающий. Собачьи ямки широкие, неглубокие. Альвеолярный отросток относительно невысокий (15 мм) и чуть прогнатный. Верхнечелюстная вырезка высокая, пологая. Отсутствующие зубы утрачены посмертно. Все зубы сильно стерты; стертость достигает полного сечения. Постановка зубов вертикальная. Прикус щипцеобразный. Нижняя челюсть массивная, с высоким телом и высокими, относительно узкими ветвями. Подбородок выступает сильно, достигая 3 баллов.

Череп — брахикранной формы, с невысоким лбом, сильно выступающей глабеллой, резко очерченным надбровьем. Корень носа высокий, но он слабо выступает. Ширина слабо профилированных скуловых костей большая. Лицо высокое, с незначительной прогнатностью. Глазницы округлые. Нижняя челюсть мощная, подбородок выступающий. Этот череп очень своеобразен. В нем наряду с признаками несомненно монголоидной расы — брахикранностью, большой высотой и шириной лица, слабой профилировкой лица и орбит, легкой прохейлией и т. д. — имеется немало европеоидных черт, как, например, высокий корень носа, рисунок скуловых костей, наличие относительно глубоких собачьих ямок.

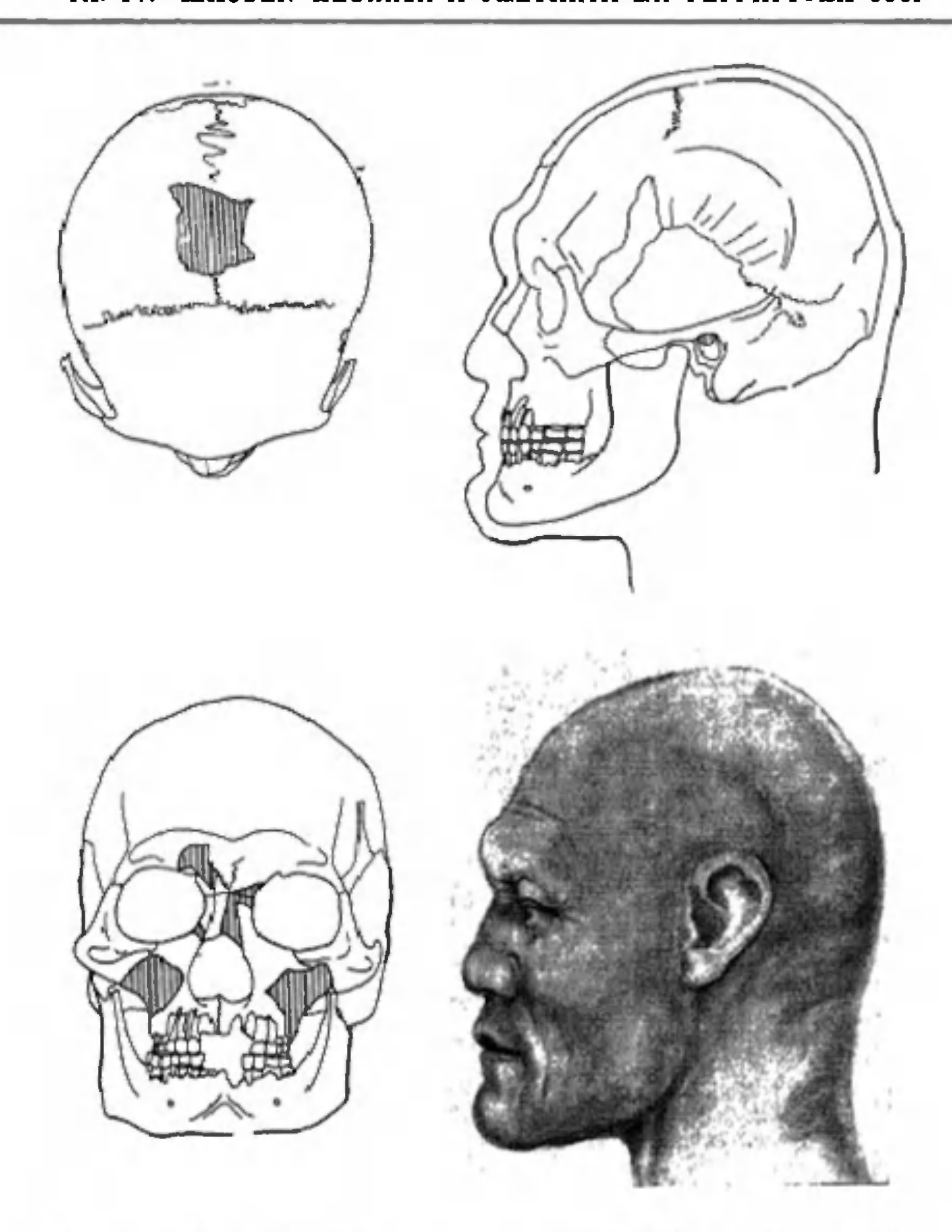

Рис. 143. Реконструкция по черепу мужчины (8624) из Караваихи.

Очевидно, это метизированный тип с чертами лица, более близкими к древнему палеосибирскому типу (рис. 143 и 144).

2. ГМА. череп № 7622 (погребение 6). Это череп молодого мужчины, около 30 лет. По своей массивности и некоторой архаичности череп напоминает европеоидные черепа Оленьего острова, но, в отличие от них, в меньшей степени обладает комплексом признаков, общих для кроманьонцев и ряда черепов с Оленьего острова.

Череп — плохой сохранности, реставрирован из отдельных фрагментов; кости лицевого черепа сохранились частично, главным образом на правой стороне. Нижняя челюсть также реставрирована. Этот череп иллюстрирован нами зеркальным изображением для того, чтобы его было легко сравнивать с другими черепами из Караваихи.

Череп большой, массивный, тяжелый; форма свода сверху — промежуточная между пентагоидальной и бризоидной. Со стороны затылка свод уплощенно-крышевидный. В профиль череп высокий, с довольно крутым лбом. Затылок выступающий, резко преломленный, с хорошо выраженным валом перегиба.

Рис. 144. Реконструкция по черепу мужчины (8624) из Караваихи.

1. Наибольший диаметр . . . . 194 мм.
2. Расстояние от глабеллы до иниона . . . . . 191 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 142 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 73,19.
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 74,34.

По черепному указателю I это долихокранный череп. Лобная кость — удлиненных пропорции, большая. Лобные бугры слабо выражены. Надбровные дуги хорошо выражены; степень их протяженности по шкале — между 1 и 2 баллами. Глабелла преломленная, фронтально уплощенная, степень выступания ее — около 3 баллов.

Высота носовой части лобной кости сбоку . . . . 24 мм.
Высота носовой части посередине . . . . 13 мм.
10. Наибольшая ширина лба . . . . 111 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 91 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 81,98.

Теменные кости большие, широкие, с хорошо выраженными теменными буграми. Затылочная кость удлиненная, преломленная. Вал перегиба широкий. Рельеф хорошо выражен. Инион развит; степень его выступания — 1—2 балла. Височная западина высокая, большая. Фронтальная часть ее глубокая. Сосцевидные отростки массивные, закругленные.

Лицо — пентагональной формы, широкое, высокое, слабо профилированное, чуть прогнатное, с небольшими глазами и небольшим носом.

47. Общая высота лица . . . . . 122 мм.
48. Высота верхней части лица . . . . . 73 мм.

Глазницы невысокие, прямоугольных очертаний, замкнутые, верхний край их тоньше нижнего. Глазничный бугорок выражен слабо. Профилировка орбит вертикальная, постановка — горизонтальная.

52. Высота орбиты . . . . 33 мм.
51. Ширина орбиты . . . . 39 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 94,71.

Грушевидное отверстие, видимо, было небольшое, укороченных пропорций. Край заостренный, подносовой шип несколько приподнят

55. Высота носа . . . . 53,5 мм.
Высота положения crista conchalis . . . . 15 мм.

Скуловая кость узкая, профилированная.

Собачья ямка хорошо выраженная, но неглубокая. Альвеолярная часть высокая (18,5) мм. Все зубы сохранились. Стертость резцов достигла полного сечения зуба. У коренных зубов стерта эмаль бугорков. На нижней челюсти все зубы стерты меньше верхних. Прикус ступенчатый, высота эмали верхних резцов — 6 мм. Расстояние $P_2 - P_2$ — 51—52 мм. Нижняя челюсть массивная, высокая, с широкими ветвями, слабо выступающим подбородком (+2 балла).

Этот массивный, тяжелый череп, очевидно, принадлежал европеоиду. Он как будто бы имеет ряд архаических «кроманьонских» черт. Действительно, элементы архаичности в строении лобной кости и в форме глазниц очевидны. И все же эти черты ничем, собственно, не напоминают настоящих кроманьонцев — ни ранних типа Кро-Маньон, ни поздних типа Пшедмост или даже Мурзак-Коба. Предлагаемая реконструкция черепа и схема восстановления лица дают ясное представление о европеоидном типе и северном его варианте (рис. 145).

3. ГМА, череп № 7622 (погребение 11). Скелет лежал в культурном слое на глубине около 50 см от поверхности и был ориентирован головой на юго-запад. Он лежал на спине с вытянутыми руками и ногами, без вещей, присыпанный краской.

Череп—плохой сохранности, реставрирован и частично реконструирован.

1. Наибольший продольный диаметр . . . . . . 189 мм.
2. Диаметр глабелла — инион . . . . 181 мм.
8. Наибольший поперечный диаметр . . . . . . 142 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 75,66 (субдолихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 78,45.

Свод черепа — бризоидной формы, со стороны затылка — крышовидный, невысокий.

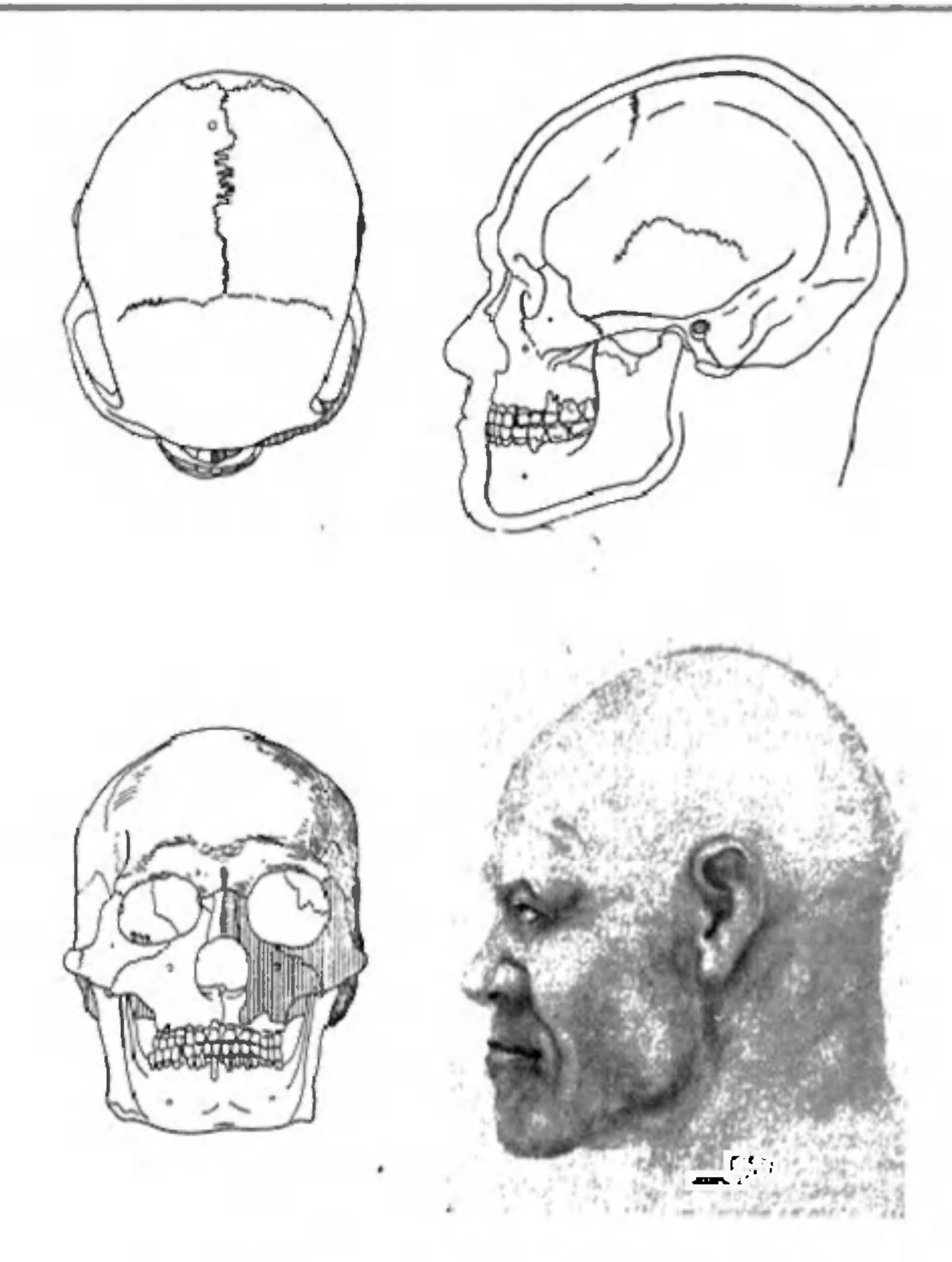

Рис. 145. Реконструкция по черепу мужчины (8622)

Лоб низкий, покатый, кости черепа плавно переходят одна в другую. Лобная кость — удлиненных пропорций. Глабелла округленная; степень ее выступания по шкале — 3 балла. Носовая часть лобной кости относительно удлиненная, неширокая, несколько вынесенная вперед. Надбровье развито значительно, достигая примерно 2 баллов. Теменные кости большие, с хорошо выраженными теменными буграми. Височные ямы небольшие, но высокие и глубокие. Сосцевидные отростки короткие, вершина их закруглена и направлена прямо вниз. Затылочная кость небольшая; степень выступания иниона едва достигает 1 балла.

Лицо высокое, узкое, слабо профилированное, с чуть заметной общей прогнатностью, пентагональной формы.

47. Общая высота лица . . . . 126 мм.

48. Верхняя высота лица . . . . 76 мм.

Орбиты овальные, глазничный бугорок выражен очень слабо. Фронтальная постановка орбит средняя, профилировка — слабо наклонная.

51. Ширина орбиты . . . . 42 мм.

52. Высота орбиты . . . . 35 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 83,33.

Подносовой край приближается по форме к обезьяньему желобу. Скуловые кости — средних размеров. Альвеолярная часть, очевидно, прогнатная. Высота альвеолярной части равна 13 мм. Основная масса зубов утрачена, повидимому, посмертно. Степень стирания зубов на верхней челюсти достигает полного сечения у клыка и первого премоляра. Высота эмали резца равна 7 мм. Постановка зубов чуть прогнатная. Прикус ножницеобразный. Нижняя челюсть небольшая, но тяжелая и высокая. Подбородочный выступ выражен слабо. Степень выступания подбородка равна 1 баллу.

Совершенно очевидно, что в своей основе этот череп, несомненно, европеоидный, однако в нем можно отметить ряд черт, связанных с лапоноидностью, что сказалось прежде всего в облегченности лицевого скелета и в некоторой монголизации. Таковы, в частности, строение скуловых костей, профилировка орбит, легкая прогнатность. Это является результатом монголоидной примеси. Одновременно с этим в данном черепе нельзя не отметить ряда архаических черт, свойственных палеолитическим черепам: довольно сильно выступающие глабелла и надбровье, относительно низкий, покатый лоб (рис. 146).

4. ГМА, череп № 8761 (погребение 13). Это одно из интереснейших захоронений по своему обряду. Умерший был погребен в сидячем положении. Лицом он был направлен прямо на восток. Ни вещей, ни присыпки краски в погребении обнаружено не было. Этот череп был мной тщательно реконструирован, а затем описан Г. В. Лебединской. Ею же были произведены зарисовки черепа на диоптрографе. От лицевого скелета сохранились обе скуловые кости, лобный отросток правой верхнечелюстной кости, обе носовые косточки, два небольших фрагмента правой и левой верхнечелюстных костей. Альвеолярная часть, почти все зубы верхней челюсти и нижнечелюстная кость сохранились целиком. Несмотря на эту фрагментарность, все же удалось воспроизвести форму черепа в достаточной степени достоверно. Практически в нашем распоряжении оказался почти полный череп, дающий возможность произвести основные антропометрические измерения и описания.

Череп большой, удлиненных пропорций, значительно расширенный в области теменных бугров; швы его уплотнены, простого рисунка
1. Наибольший продольный диаметр . . . 194 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 190 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 144 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 74,23.
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 75,79.

По черепному указателю череп — на грани перехода от субдолихокранных к долихокранным черепам.

Череп сверху ромбоидный, со стороны затылка — крышевидный. Свод уплощенный, низкий. Переход одних костей в другие плавный. Затылок выступающий, округлый. Лобная кость очень большая, широкая. Лобные бугры хорошо выражены. Глабелла округлая, достигает 3 баллов. Носовая часть лобной кости короткая, широкая, чуть вдавленная внутрь. Высота носовой части по средней линии — около 3 мм. Надбровные дуги широкие, короткие; по степени протяженности они едва достигают 1 балла, но выступают вперед резче глабеллы.

Сосцевидные отростки средних размеров направлены вниз. Затылочная кость узкая. Инион выступает до 2 баллов. Лицевые кости сохранились плохо. Лицо ортогнатное, с профилированными скуловыми костями, средней ширины, относительно высокое, с резко профилированным выступающим носом, овальными глазницами. Фронтальная постановка орбит средняя, профилировка их слабо наклонная. Глазничный бугорок выражен отчетливо, разрез глаз горизонтальный.
51. Ширина орбиты . . . . 38 мм.
52. Высота орбиты . . . . 30 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 78,94.

Отсутствующие зубы верхней челюсти утрачены в процессе раскопок. При реконструкции лица зубы были восстановлены на основании степени стертости зубов нижней

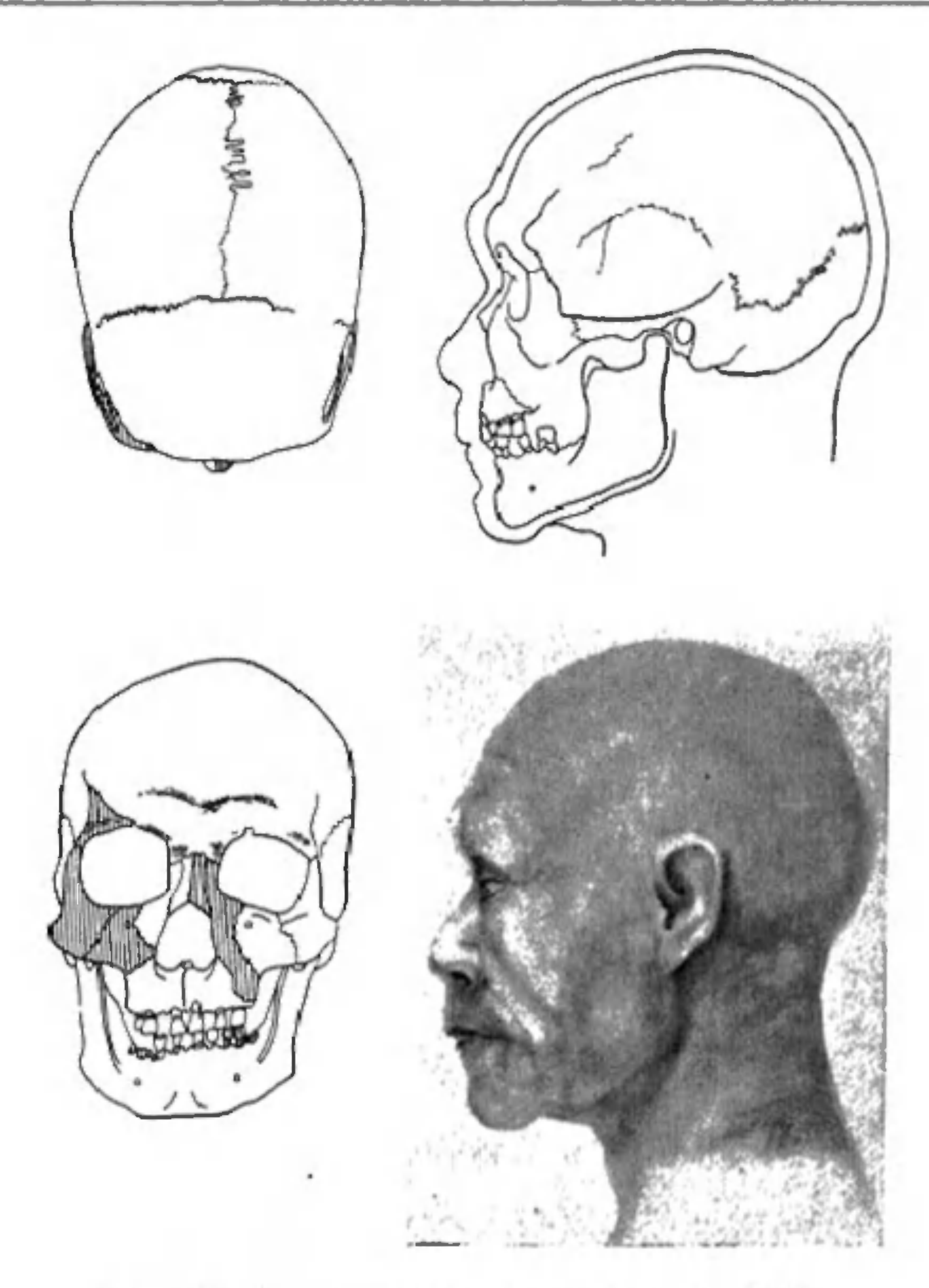

Рис. 146. Реконструкция по черепу мужчины (8625).

челюсти и объединены с внутренней стороны фрагментом твердого неба. Это дает право говорить о правильности реконструкции закуса и внешнего облика фронтальной части альвеолярных отростков. Степень стертости зубов значительная, оба резца и клык стерты до дентина. На остальных зубах стерты только бугорки. Нижняя челюсть большая, массивная. Углы челюсти развернуты, ветви массивны, но не очень широки; они поставлены почти под прямым углом.

Антропологическая диагностика данного черепа не представляет затруднений. Это типичный малограцилизованный североевропеоидный тип (рис. 147). Он был достаточно широко представлен уже в ранних захоронениях лесной полосы на Оленьем острове. Другой его вариант, более долихокранный, зафиксирован ладожскими черепами. В своем общем облике этот древний европеоидный тип сохраняет ряд архаических черт, общих кроманьонскому типу. Таковы относительно большая ширина лица, низкие

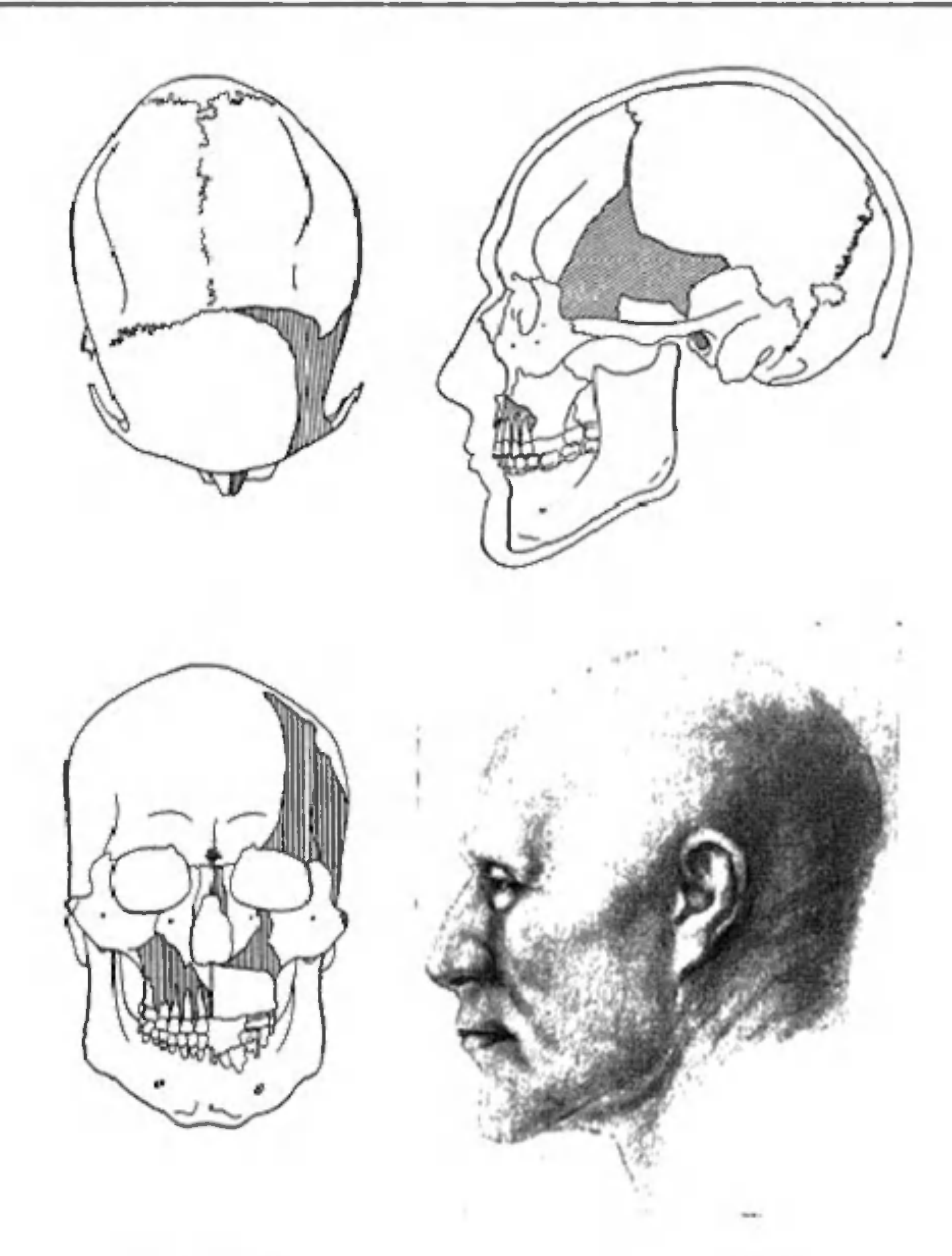

Рис. 147. Реконструкция по черепу мужчины (8761).

орбиты, резко выступающая глабелла, хорошо профилированный выступающий нос, тяжелая нижняя челюсть. И тем не менее при взгляде на этот череп ни в коей мере его нельзя объединить с кроманьоноподобными черепами из района порожистой части Днепра и мезолитическими черепами Крыма. Он резко от них отличается. В такой же степени этот череп непохож на черепа своих брахикранных соседей-европеоидов Языковского могильника. Нам кажется, что он ближе всего к ладожским черепам и, быть может, еще ближе к черепам из Арду и Сопе в Эстонии, но превосходит их размерами лицевого скелета.

5. ГМА, череп № 8761 (погребение 20). Череп — крайне плохой сохранности. При всем желании его реставрировать нам удалось достичь весьма небольшого. Имеется возможность дать только основные размеры этого черепа.

1. Наибольший продольный диаметр . . . 170 мм.
2. Диаметр глабелла—инион . . . . 169 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 146 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . . . 82,95.
8 : 2. Черепной указатель II . . . . . . 85,79.
Сверху череп сфеноидный, со стороны затылка — крышевидный; свод высокий лоб крутой, затылок слабо выступающий.
10. Наибольшая ширина лба . . . . 118 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 90 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 76,27.
Глабелла развита слабо (1 балл). Надбровья небольшие. Высота носовой части лобной кости посередине . . . . . 5,5 мм.
Высота носового отростка сбоку . . . . . . 11 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . . . 24 мм.
Верхний край глазниц толстый, притупленный. Скуловые кости грацильные, узкие. Нижняя челюсть по отношению к остальным костям лица массивная, с короткими ветвями, с несильно выступающим подбородком.

Фрагменты черепа дают представление о его европеоидных чертах с некоторым налетом лапоноидности. Дать более отчетливое определение черепа по этим фрагментам не представляется возможным.

6. ГМА, череп № 8763 (погребение 21). Череп — очень плохой сохранности. Легкий, грацильный, со слабым рельефом, возможно, женский.

1. Продольный диаметр . . . . 118 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 126 мм.
Череп сверху бризоидный, со стороны затылка — уплощенно-крышевидный. Лобная кость — средних размеров, с хорошо выраженными лобными буграми.
10. Наибольшая ширина . . . . 114 мм.
9. Наименьшая ширина . . . . 90 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 78,95.
Глабелла уплощенная; степень выступания ее по шкале — 1 балл. Носовая часть лобной кости широкая и длинная; высота посередине — 11,5 мм, высота сбоку — 14 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . 23 мм.
Надбровные дуги развиты слабо (1 балл). Скуловая кость небольшая, грацильная, с хорошо выраженным скуловым бугром. Нижняя челюсть небольшая, легкая, тонкая, с выступающим подбородком.

Эти фрагменты дают возможность сказать, что череп по своим антропологическим данным ближе всего подходит к типу наиболее древних захоронений Караваихи. По всей вероятности, это так называемый древний тип лапоноида, но долихокранный.

Основные выводы

1. Стоянка Караваиха представляет собой типичный памятник каргопольской культуры. Время ее существования определяется III—II тысячелетиями до н. э. Погребения относятся к разному времени существования памятников: древнейшие, по А. Я. Брюсову, датируются III тысячелетием, поздние из них восходят к XVI—XIV вв. до н. э. М. Е. Фосс считала возможным относить основную массу захоронений могильника на Караваихе к еще более позднему времени —к XIII—XI вв. до н. э.

2. Население стоянки на Караваихе на протяжении ее существования было неоднородно. По преимуществу это были метисные категории европеоидного и монголоидного типов.

3. Древнейшие погребения III тысячелетия и начала II тысячелетия до н. э. представлены своеобразным метисным типом, приближающимся к лапоноидному, но совершенно очевидно, что в этом типе преобладают европеоидные черты.

Череп из погребения А (раскопки 1946 г.)

8 : 1	84,8, круглоголовый
9 : 8	80,53, широколобый
47 : 45	80,3, лицо небольшое, широкое
52 : 51	80, орбиты небольшие, средне высокие
54 : 55	53,76, широконосый

Череп из погребения 1 (раскопки 1951 г.)

8 : 1	78,16, длинноголовый
9 : 8	85,96, широколобый
47 : 45	89,94, лицо невысокое, широкое
52 : 51	88,9, орбиты высокие
54 : 55	46,15, средне широкий нос

Совершенно очевидно, что оба черепа представляют собой метисную категорию, в которой преобладает европеоидный тип. Однако ряд черт придает этим черепам лапоноидный облик. Это были люди низкорослые, широколобые, с уплощенными лицами, но относительно высокими носами.

4. II тысячелетие до н. э. характеризуется тем же самым населением, но единственный сохранившийся череп дает представление о более грацилизованном метисном типе. Череп этот — из погребения 7; скелет лежал на спине с вытянутыми ногами и руками. С погребенным была найдена подвеска из зуба оленя.

Череп из погребения 7

8 : 1	82,3, широкоголовый
9	98 мм, широколобый
52 : 51	67, глазницы низкие
54 : 55	47,17, нос средне широкий

Широкоскулый; лицо средней высоты, средней ширины.

5. На протяжении последнего времени существования поселения здесь жило очень смешанное население. По преимуществу оно было представлено метисными антропологическими типами, в которых, как правило, преобладал европеоидный компонент. Только в одном случае зарегистрирован круглоголовый метисный тип с чертами древнего монголоида который был уже ранее отмечен в серии черепов Оленьего острова. Это череп из погребения 1 (погребенный лежал на спине с вытянутыми руками и ногами и был присыпан краской).

Череп из погребения 1

8 : 1	83,43, круглоголовый
9 : 8	78,81, очень широколобый
45	152 мм, широкоскулый
47 : 45	77,63, широколицый
52 : 51	83,72, глазницы высокие
54 : 55	59,65, широконосый

Этот метисный тип обладал очень мощным рельефом черепа, с сильно развитыми глабеллой, надбровьем, выступающими скулами, с легкой прогнатностью рта при общей ортогнатности лица. Корень уплощенного, короткого носа был высок, подбородок сильно выступал. Весь облик его иной, отличающийся от лапоноидного облика остальных типов. Этот череп, пожалуй, единственный из Караваихи, который можно характеризовать в основном монголоидным, но и он имеет черты некоторой метизации. Ближе всего этот череп к ранее описанному черепу молодой женщины из свайного поселения на р. Модлоне и к метисным черепам с Оленье-

го острова. Европеоиды в этой группе поздних погребений представлены как чистыми категориями, так и метисными, близкими к лапоноидному типу.

В погребении 6 скелет лежал на спине с вытянутыми ногами и руками.

Череп из погребения 6

8 : 1 . . . . . 73,19, долихокранный
9 : 8 . . . . . 81,98, очень широколобый
52 : 51 . . . . 94,71, глазницы высокие
Широколицый и широконосый.

Это типичный представитель грубого европеоидного типа, приближающийся к северному. Никаких следов метизации не заметно.

В погребении 11 скелет лежал на спине с вытянутыми руками и ногами.

Череп из погребения 11

8 : 1 . . . . . 75,66, голова удлиненная
52 : 51 . . . . 83,33, орбиты средние
Лицо небольшое, широконосый.

Это наиболее типичный представитель смешанной категории, где на европеоидной основе отложились некоторые черты монголоидности. Данный тип по своему внешнему облику приближается к лапоноидному.

В погребении 13 погребенный находился в позе сидящего.

Череп из погребения 13

8 : 1 . . . . . 74,23, голова длинная
52 : 51 . . . . 78,94, глазницы высокие
Типичный северный европеоид.

6. Изложенный материал иллюстрирует всю сложность процесса формирования древнего населения лесной полосы в конце неолита. Это предостерегает нас от поспешных выводов относительно характеристики древнего населения на основании анализа 2—3 черепов. Совершенно очевидно, что в эту пору в лесные пространства по долинам рек стали просачиваться из степей антропологически разнородные представители различных культур позднего неолита и ранней бронзы. Этим следует объяснить чрезвычайную смешанность населения поселений конца неолита.

§ 38. СТАРШИЙ ВОЛОСОВСКИЙ МОГИЛЬНИК[1]

В Горьковской области (бывшей Владимирской губернии) с давних пор известен древний могильник, расположенный на высокой песчаной дюне севернее дер. Волосово, на правом берегу р. Велетьмы.

А. С. Уваровым здесь было раскопано 5 погребений. В 1910 г. В. А. Городцов продолжил исследование и обнаружил еще 3 захоронения и, что особенно важно, связал эти погребения с культурным слоем неолитической стоянки.

Впоследствии Волосово неоднократно посещалось различными исследователями. В 1926 г. В. С. Жуков возобновил раскопки, но, видимо, не на том месте. Не было найдено погребений на Старшем Волосовском могильнике и позднее. Вследствие этого нас интересует только работа двух первых исследователей — А. С. Уварова и В. А. Городцова.

[1] А. С. Уваров. Археология России, т. I. М., 1881.

А. С. Уваров, описывая место раскопок, не отмечает сколько-нибудь отчетливого культурного слоя, хотя говорит о слое, который выделяется более темным цветом благодаря наличию мельчайших вкраплении древесного угля. Этот слой перекрывал собой могильные ямы погребений.

Раскопки В. А. Городцова располагались выше по склону холма. Здесь культурный слой был уже достаточно отчетливо выражен. Правда, этот слой — небольшой мощности и беден находками. В. А. Городцов, со свойственной ему тщательностью, дает стратиграфический разрез дюнного холма на месте своих раскопок. Относительно же культурного слоя он пишет следующее: «При разрезе почвы на глубине 12 вершков от поверхности найден золотисто-темный культурный слой толщиной около 4 вершков; в этом слое отысканы пять кремневых скребков, два обломка кремневых орудий, костяное кольцо..., обломки точильного камня и обломки глиняной посуды древних типов»[1]. Именно под этим слоем и были обнаружены Городцовым захоронения.

Методика археологических работ А. С. Уварова была крайне примитивна, и тем не менее, если мы имеем сейчас возможность говорить о черепах Старшего Волосова, то только именно благодаря его работам. А. С. Уваров вел раскопки, повидимому, тщательно, но фиксировал материал неумело, не отдавая себе отчета в степени важности документации отдельных деталей. В результате сейчас трудно восстановить ряд деталей в обряде погребений и еще труднее выяснить, какой инвентарь связан с тем или иным скелетом.

Все могилы, раскопанные А. С. Уваровым, образовывали один ряд. Это обычные грунтовые погребения. Над костями, но не на них, А. С. Уваров отмечает слой древесного угля толщиной 35 см и шириной 90 см. Поверх этого слоя во всех погребениях были обнаружены горшки, заполненные пережженными костями животных. В каждом горшке, кроме костей, был найден каменный наконечник стрелы. При описаниях положения костей погребенных А. С. Уваров всегда отмечает только одну подробность, общую для всех захоронений: «Голова была повернута на левую щеку, а левая рука, загнутая, подпирала левую щеку». Об остальных костях он ничего не говорит и тем не менее мы вправе считать, что характеристика положения головы дает основание предполагать скорченное положение погребенного на левом боку. Глубина могилы, по указанию А. С. Уварова, равнялась 1,20—1,30 м.

Раскопанные В. А. Городцовым погребения, судя по описанию, совершенно аналогичны погребениям, раскопанным А. С. Уваровым, и должны быть отнесены к тому же времени.

Погребение 2 (по Городцову) было обнаружено на глубине 1,80 м от поверхности. Скорченный скелет лежал на боку, лицом на запад. У головы найден баночный сосуд с орнаментом из треугольных вдавлений по обрезу; в сосуде находился осколок кремня; около руки лежали брусок из песчаника и два наконечника стрел.

Погребение 10 было обнаружено на глубине 90 см. Могильная яма отчетливо прослеживалась. Скелет лежал скорченным на левом боку, головой на север — северо-восток. Перед лицом стоял баночный сосуд с орнаментом по краю в виде одного ряда выпуклых бугорков. С умершим найдено кремневое орудие.

Погребение 11 находилось на глубине 90 см. Были обнаружены остатки совершенно разрушенного скелета без вещей. В засыпи могилы отмечены мелкие древесные угли.

[1] «Древности», т. XXIV, 1914.

Связь неолитической стоянки, находящейся на том же холме, с этим могильником очевидна. Анализ добытого материала из погребений подтверждает это с несомненностью. Оба памятника относятся к самой поздней поре волосовской культуры, чему не противоречат сосуды баночного типа из погребений и наличие следов медных окислов на одном из черепов.

Антропологический материал Старшего Волосовского могильника невелик. Сохранились в большей или меньшей полноте только два черепа из первых раскопок А. С. Уварова. Вероятно, эти черепа происходят из наиболее глубоких могил, чем и следует объяснить их лучшую сохранность. Остальные черепа, повидимому, происходят из более мелких могил, о чем можно судить хотя бы по тому, что поверхность кости этих черепов сильно повреждена корнями растений.

Только один из черепов Старшего Волосова был сразу же изучен и описан Тихомировым еще в 1879 г.[1], затем М. С. Акимовой в 1947 г.[2] Антропологический тип этого черепа был определен ими как характерный тип населения лесной полосы в эпоху неолита и, в частности, связывался с ямочно-гребенчатым неолитом Волго-Окского междуречья.

Тихомиров, Акимова, а затем и Дебец дают одну и ту же и, видимо, совершенно правильную характеристику антропологического типа этого черепа. По их данным, этот череп отличается средними размерами продольного диаметра — 180 мм при большом размере поперечного диаметра — 144 мм. По черепному указателю, следовательно, он брахикранный; указатель его — 80. Лицо его относительно широкое (143 мм), слабо профилированное, со слабо выступающим носом, с небольшой глубиной собачьих ямок (1 балл по шкале 0—4). Высота лица средняя (63 мм).

На втором черепе, найденном А. С. Уваровым[3], на лобной части имеется частично стертая надпись тушью: «С. Волосово. Неолит».

На чешуе левой височной кости имеются следы окиси меди. Череп — без нижней челюсти, хорошей сохранности. Отломаны только большая часть левой скуловой дуги и примыкающая к ней небольшая часть скуловой кости.

Череп небольшой. Швы — усложненного рисунка.
1. Наибольший продольный диаметр . . . . 180 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 175 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 132 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 78,88 (мезоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 75,91.

Форма черепа сверху овоидная, со стороны затылка — крышевидная. Свод — средней высоты. Лоб высокий, массивный, немного покатый. Затылок несколько выступает, слабо преломлен.

Лобная кость узкая, длинная. Лобные бугры хорошо развиты.
Высота носовой части лобной кости . . . . . 7 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 18 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . 25,5 мм.
Степень протяженности надбровных дуг . . 1 балл.
Надбровье несколько превышает выступание глабеллы.
10. Наибольшая ширина лба . . . . 104 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 84 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 80,77.

Надглабеллярная впадина неглубокая, крыловидной формы. Глабелла сильно уплощена; выступание глабеллы по шкале — 2 балла. Теменные кости — удлиненной формы. Теменные бугры хорошо выражены, округлой формы. Височные впадины невысокие. Передняя часть височных впадин углублена. Скуловые дуги тонкие.

[1] См. работу А. С. Уварова «Археология России», т. I, М., 1881.
[2] М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. ТИЭ, новая серия, т. I, 1947, стр. 279, 280; ср. Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.
[3] ГМА, череп № 1154.

Сосцевидные отростки крупные. Затылочная кость очень суженная, длинная, слабо преломленная. Вал перегиба совпадает с верхней выйной линией. Степень развития иниона по шкале равна 0—1 баллу.

Форма лица приближается к пентагональной. Лицо высокое, узкое, хорошо профилированное, с узким, но высоким лбом, широкими скулами, прогнатной альвеолярной частью, большими орбитами и слабо развитым микрорельефом.

48. Высота верхней части лица . . . . 67,5 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 124 мм.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 54,44.

Орбиты — прямоугольной формы, с хорошо закругленными углами. Глазницы замкнутые. Раструб слезной ямки углублен. Глазничные бугорки имеют форму площадки. Разрез глаз слабо наклонный, почти горизонтальный. Фронтальная постановка орбит средняя. Профилировка орбит наклонная.

51. Ширина орбиты: справа — 40,5 мм, слева — 38 мм.
52. Высота орбиты . . . . 32 мм.
52 : 51. Орбитный указатель: справа — 79,01, слева —84,21.

Корень носа не западает. Носовые кости довольно длинные и узкие. Сечение спинки носа в средней части сводчатое.

56. Ширина носовых костей у корня носа . . . . . . 9,5 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей . . . . . . 8,5 мм.
58. Наибольшая ширина носовых костей . . . . . . 15 мм.

Носовое отверстие — грушевидной формы. Края грушевидного отверстия тонкие, острые, притуплены в нижней части. Подносовой край имеет слабо выраженную форму. Подносовой шип направлен вперед; степень его развития по шкале — 2 балла.

Высота грушевидного отверстия . . . . 34 мм.
Высота положения crista conchalis . . . . 10 мм.
55. Высота носа . . . . 52 мм
54. Ширина носа . . . . 25 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . 48,08.

Лобные отростки верхнечелюстных костей длинные, неширокие, хорошо профилированные. Скуловые кости небольшие, значительно развернутые в латеральном направлении. Лобный отросток скуловых костей длинный. Скуловой бугор выражен слабо. Собачьи ямки хорошо выражены, глубокие. Альвеолярная часть верхнечелюстных костей прогнатная. Высота альвеолярной части — 18,5 мм. Зубы верхней челюсти прогнатные.

Сравнивая между собой эти два черепа из Старшего Волосова, прежде всего следует отметить, что оба они имеют одну и ту же длину. Наибольший продольный диаметр их равен 180 мм. Однако первый череп значительно шире (144 мм) второго (132 мм). Лоб у первого черепа тоже широкий и превосходит эту отметку на 13 мм. Лобный указатель первого черепа — 97 мм, второго — 84 мм. Лицо первого черепа, при одинаковой в общем степени выступания носа и прогнатности, слабее профилировано, шире и ниже; нос, при одной и той же ширине, короче, орбиты более низкие и квадратные.

Несмотря на некоторую близость обоих черепов друг к другу, очевидно, что первый череп тяготеет к древнему лапоноидному типу, второй же череп—к европеоидному. Кроме того, первый, вероятно, женский, второй — мужской.

Эта разница антропологических типов крайне интересна. Совершенно очевидно, что эти люди жили в одно и то же время и были объединены общностью племени и культуры. Изучение этих черепов дает возможность правильно оценить сложную картину взаимных связей неолитических культур лесной полосы и южной ее периферии. Совершенно несомненно, что лапоноидный тип на данной территории был более древним компонентом. Европеоидный же тип явился в результате постоянного контакта со степными областями, откуда наряду с элементами культуры (форма керамики и отдельных каменных орудий, раннее проникновение меди) просачивались отдельные представители степных племен. На ранних этапах это просачивание носило характер одиночных приходов, позднее же, в ранней бронзе, вся южная периферия лесостепи, ранее заселенная неолитическими

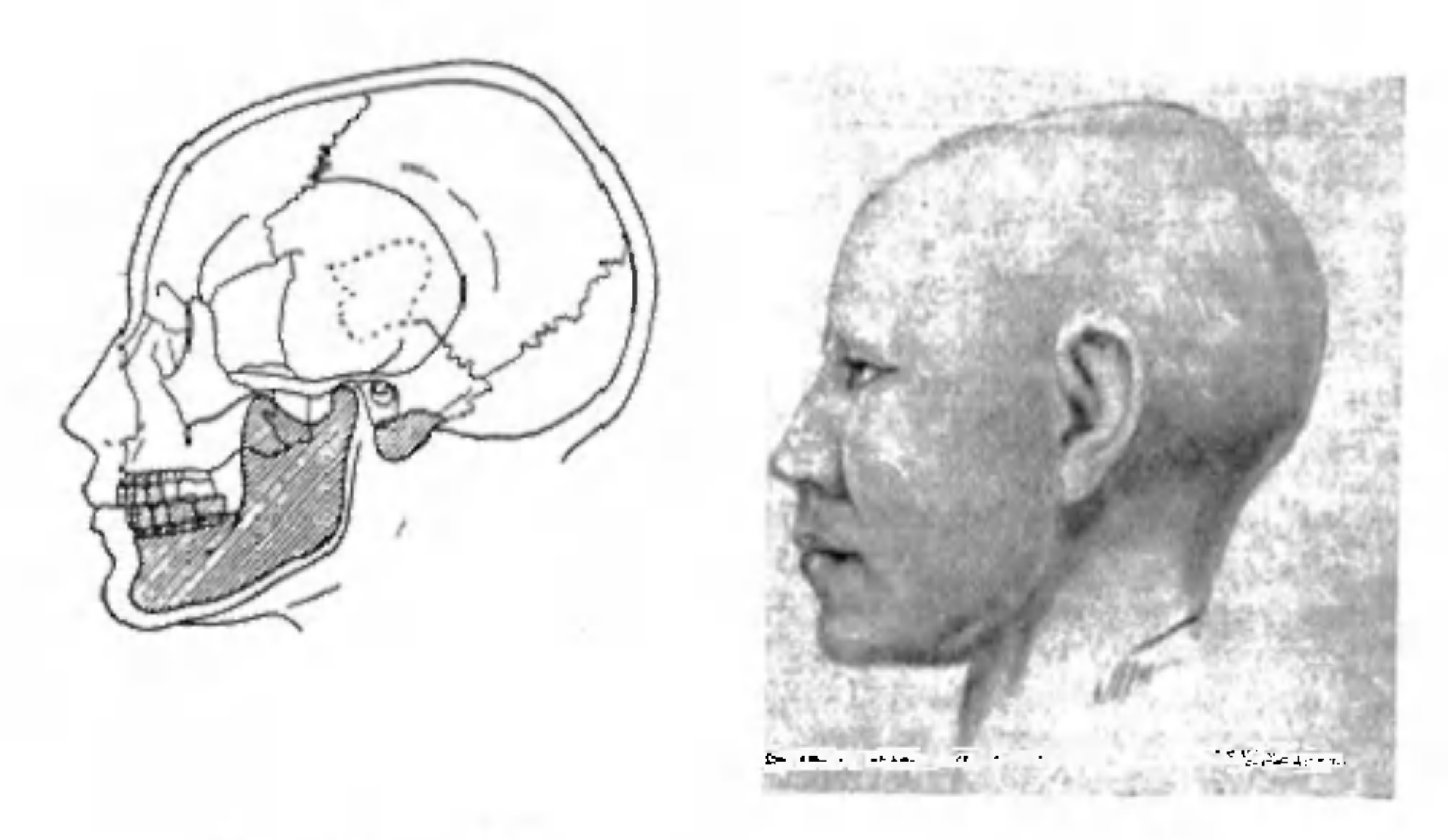

Рис. 148. Реконструкция по черепу женщины (I) из Старшего Волосовского могильника.

Рис. 149. Реконструкция по черепу мужчины (II) из Старшего Волосовского могильника.

племенами с ямочной и зубчатой керамикой, была захвачена племенами, продвигавшимися с юга на север.

Уже в самом начале нами было отмечено, что все погребения Старшего Волосова совершались по одному обряду, и, очевидно, все они относятся ко времени существования стоянки. Эти погребения принадлежат к короткому периоду времени, что, как нам кажется, подтверждается планировкой могил, образующих как бы два ряда на окраине поселения. Такое расположение могил свидетельствует о том, что умерших погребали не как попало, а в определенном порядке на периферии поселения, и совершенно очевидно, что эти грунтовые могилы, не имеющие в настоящий момент никаких наружных следов, в свое время были отчетливо отмечены. Иначе несомненно, что поздние погребения либо перекрывали бы более ранние, либо разрушали бы их. Однако только одно из погребений может быть датировано с некоторой точностью. Это погребение 10, раскопанное В. А. Городцовым. Здесь при костяке был найден небольшой баночный сосуд, орнаментированный по краю рядом выпуклин. Тип этого сосудика близок к типу сосудов южных степных культур ранней бронзы; он дает возможность датировать данное погребение близко к середине II тысячелетия до н. э. Нам представляется возможным эту датировку присвоить всем погребениям Старшего Волосовского могильника.

Предлагаемая графическая реконструкция людей из Старшего Волосова отчетливо показывает различные антропологические типы неолита, одновременно существовавшие на данной территории (рис. 148 и 149).

§ 39. ЛЮДИ ИЗ ВОЛОДАР[1]

В 1941 г. Б. А. Сафоновым была обнаружена стоянка Володары. Стоянка находится в 3 км к юго-западу от с. Володары, Володарского района, Горьковской области, на высокой 12-метровой дюне северного берега р. Югонец. В 1946 г. И. К. Цветкова продолжила со значительным успехом исследование этого чрезвычайно интересного памятника позднего неолита лесной полосы. Ею была вскрыта площадь в 79 кв. м. Обнаружены ряд бытовых комплексов, 2 погребения, содержавшие 5 скелетов, и прослежена стратиграфия верхних слоев дюны.

Разрез дает следующую картину: 1) дерновый слой — 10 см; 2) песок желтовато-бурого цвета — 20—25 см; 3) тот же песок, но окрашенный в черный цвет,— 70—90 см; 4) белый дюнный песок.

Археологические находки начинаются непосредственно под дерновым слоем во 2 и 3-м горизонтах. Мощность культурного слоя колеблется от 95 до 115 см. Нижняя граница культурного слоя спускается до 1,25 м от современной дневной поверхности.

Особого внимания заслуживает своеобразное бытовое сооружение в средней части раскопанного участка. Это удлиненно-овальная глубокая яма, ширина которой равна 70—80 см при длине 2,60 м и глубине до 1,10 м. На дне ямы, локализуясь в определенные группы, лежало множество мелких осколков кремня, вплоть до мельчайших чешуек. Это, несомненно, место производства кремневых орудий. Здесь же были найдены инструменты производства: шлифовальные плитки, 6 нуклеусов, 2 ретушера и 3 отбойника. Одновременно были найдены готовые орудия из кремня: 4 наконечника стрел, наконечник дротика, 6 ножей, 4 скребка, проколка.

Столь же интересны следы другого производственного комплекса. Примерно в 3 м от только что описанной мастерской были обнаружены

[1] И. К. Цветкова. Стоянка Володары. КСИИМК, XX, 1947, стр. 3—14.

две смежные ямы. Первая из них, диаметром 85 см, выкопана в песке, выброс которого отчетливо виден, благодаря своему белому цвету, вокруг устья ямы. Яма заполнена глиной, несомненно принесенной извне. Вторая же яма,— меньшего диаметра, всего около 60 см,— внизу содержала золу, древесные угли, а сверху — пережженный песок и мелко дробленные черепки. Автор раскопок справедливо заключает, что данные ямы являются хранилищами материала для гончарного производства — глины, как основной массы, и примеси (шамот). Отсутствие здесь же, непосредственно рядом с ямами, необожженной керамики не должно смущать. Нам представляется, что каждый изготовленный с таким трудом сосуд бережно относился в сторону для медленной просушки, а не оставлялся в центре населенной площадки, где ежеминутно подвергался риску быть раздавленным.

В 2 м от первой ямы, заполненной глиной, к северо-западу находилось небольшое кострище, с юго-западной стороны которого длинным языком лежали кухонные отбросы. В большинстве своем это трубчатые кости крупных млекопитающих, птиц и рыб. Беглый осмотр костей дает представление, что основными охотничьими животными были следующие:

1) лось (основная масса костей), 2) кабан (много костей), 3) косуля (немного костей), 4) бобр (часто), 5) заяц-беляк (часто), 6) бурый медведь (редко, единичные экземпляры), 7) куница (одна особь), 8) хорь, 9) норка, 10) барсук, 11) лисица.

Кости птиц также довольно многочисленны (гусь, глухарь, рябчик). Здесь же найдены рыбьи кости (и в немалом количестве), причем сохранившиеся кости свидетельствуют о чрезвычайно крупных представителях осетровых и карповых[1].

Как ни интересны эти остатки бытовых комплексов, еще интереснее обнаруженные погребения, причем первое из них содержало два скелета, второе — три.

Могильная яма погребения 1 опускалась на 50 см ниже культурного слоя и прослеживалась только в нижней его части.

Могильная яма погребения 2 имела глубину всего 75 см и отчетливо прослеживалась только в темном слое культурных отложений.

Стратиграфия могил свидетельствует, что первая была выкопана в раннюю пору существования стоянки, вторая — незадолго до прекращения жизни на этой стоянке.

Погребение 1. Прямоугольная могильная яма с нечеткими краями и закругленными углами имеет общее направление по длине с юга на север; она становится заметной только в самой нижней части культурного слоя. Оба погребенных ориентированы головами на северо-запад. Первый костяк (женский) лежал на спине. Правая рука согнута в локте и поднята так, что кисть лежала под головой. Левая рука слегка согнута в локте и отодвинута несколько в сторону, так что локтевая и лучевая кости лежали параллельно тазу. Бедренные кости сильно сближены, как будто ноги были спеленуты и лежали в одной плоскости со скелетом. Голени же, согнутые под прямым углом, тесно сближенные, были опущены в специально выкопанную яму неправильных очертаний.

Второй скелет, мужской, сохранился лишь частично, причем положение его неясно, так как отсутствует бо́льшая часть костяка. Те же кости, которые сохранились, очевидно, лежали in situ. Голова чуть повернута влево. Сохранившиеся позвонки и часть ребер свидетельствуют о том, что погребенный был положен на спину. Правая рука откинута так,

[1] Кости рыб и чешуя переданы для изучения специалистам.

что перекрывает левую руку первого (женского) костяка. Все остальные кости отсутствуют. Общая сохранность костей обоих скелетов весьма плохая.

Лучше сохранились черепа. На них отчетливо видны следы красной охры. У левого бедра женщины (первый костяк) найдены фрагменты сосуда и астрагал лося; на правом бедре — небольшая полированная сланцевая пластинка с просверленным в ней отверстием. В северо-восточной части могильной ямы, у ног женского костяка, было обнаружено маленькое кострище (35 см диаметром). Это кострище заполняло неглубокую яму (23 см глубиной), в которой в золе и угле лежали пережженные орудия и их обломки. Здесь найдены: наконечники дротиков — 3 целых, 7 обломков; наконечники стрел — 1 целый, 7 обломков; нож; скребки — 2; полировальный камень; большое полированное желобчатое долото; целый сосудик; 36 обломков орудии из кости.

Несколько выше уровня скелетов,— очевидно, на уровне засыпки могилы,— в непосредственной близости от нее (точнее, у северо-западного угла) находилось кострище с большим содержанием костей рыб.

П о г р е б е н и е 2. Это погребение содержало 3 скелета в такой же прямоугольной могиле, но ориентированных головами на северо-восток.

Костяки сохранились очень плохо, но тем не менее очевидно, что все они лежали параллельно, слегка повернутыми на правый бок, с чуть подогнутыми коленями. Собственно, о положении костяков можно судить по костям только одного скелета, который хотя и очень плохо сохранился, однако позволял судить о его первоначальном положении.

Обломки черепа, нижняя челюсть, ребра и отдельные фрагменты костей второго (среднего) костяка тоже, несомненно, были повернуты несколько направо. Очевидно, то же положение было и у третьего скелета, но фрагментарные кости его смещены, и поэтому нет определенной уверенности, что это было действительно так.

Наиболее хорошо сохранившийся скелет лежал у юго-восточной стенки могилы. В ногах его (точнее, в области обеих голеней и ближе к стенке могилы) были обнаружены осколки кремня, несомненно сколотого с одного и того же нуклеуса. Эти осколки кремня были засыпаны охрой У правой ступни лежали черепки от одного сосуда и рядом — астрагал лося; в области тазовых костей — обломанная подвеска.

Выше, у верхней границы культурного слоя, т. е. непосредственно над засыпкой могилы, у края ее, было обнаружено скопление костей и чешуи рыбы вместе с угольками, золой и другими остатками кострища. Это скопление совершенно аналогично найденному у первого погребения. И. К. Цветкова высказывает правдоподобное предположение, что оба эти кострища являются следами тризны по умершим. Стратиграфия могилы и инвентарь, найденный с костяками, свидетельствуют о том, что данные погребения относятся к одному и тому же времени, что и поселение.

Найденные черепки дают возможность выделить две группы керамического теста: 1) с примесью толченой раковины; 2) с мелким шамотом и растительной примесью.

Сосуды первой группы плохо обожжены; сосуды второй группы обожжены лучше и тесто их более плотное.

В смысле обработки поверхности, а равно формы и орнаментации сосудов исследователь не замечает существенной разницы между той и другой керамикой. Внешняя поверхность всегда сглажена, на внутренней поверхности часты следы штриховки, вероятно возникшей в результате лощения пучком травы. Обе группы представлены толстостенными сосу-

дами. Черепки первой группы — толщиной 1,5—0,8 см, черепки второй группы — 1,2—0,4 см.

Венчики делались чаще прямые или слегка отогнутые, реже — направленные внутрь. Обрез края венчика простой, чаще чуть притупленный и закругленный. Но бывают и уплощенные края венчика; тогда он обычно обращен внутрь. Нередко по краю нанесен орнамент, причем иногда он заходит даже внутрь сосуда, но неглубоко.

Целых сосудов только два. Первый из них найден в кострище могилы 1. Он представляет собой маленький, не совсем правильный, почти яйцеобразный по форме сосудик высотой всего в 6,6 см, с шириной тулова 6,4 см и диаметром шейки 5,2 см. Дно его почти округлое, едва приплюснутое. Сосуд украшен беспорядочно нанесенными ямками. Эти ямки, неправильные по форме, глубокие, не образуют какого-либо рисунка, но покрывают стенки сосуда сплошь и переходят на дно.

Второй сосуд, только частично восстановленный, имеет высоту 7,1 см при диаметре шейки 11 см. Он — баночной формы, но с очень резко суживающимися стенками, переходящими в маленькое плоское дно. Весь сосуд покрыт грубоватым рамчатым орнаментом.

Остальная керамика представлена более или менее мелкими фрагментами. Однако это не помешало исследователю выяснить, что, как правило, сосуды орнаментировались по всей поверхности. Преобладает зубчатый орнамент в различных его комбинациях; довольно част и рамчатый, образующий своеобразные сетки вертикальных или горизонтальных полос. Иногда рамчатый штамп делался в виде овальных или округлых вдавлений; нередки прихотливые комбинации различных типов рамчатого и зубчатого штампов. Реже встречаются оттиски перевитого шнура. Неорнаментированные черепки крайне редки.

Кремень Володарской стоянки многообразен и прекрасен по технике изготовления. Наиболее распространенными орудиями являются скребки в различных их вариациях, чаще всего — на плоском, широком сколе с крутым рабочим лезвием; менее распространены мелкие скребочки на удлиненных осколках. Рабочее лезвие их разнообразно: прямое, дугообразное, угловое. Особую категорию образуют так называемые скобели. Это довольно крупные орудия на неправильном сколе, с массивным, всегда дугообразным, вогнутым лезвием. Немногочисленную, но характерную категорию образуют мелкие орудия с вогнутым лезвием на неправильных по своим очертаниям осколках кремня; по своей функции это тоже скобели, т. е. орудия для обработки округлых стержней из дерева или кости. Столь же характерную группу образуют ножеобразные орудия из продолговатых сколов; формы их различны и часто диктуются очертаниями использованного куска кремня; обычно ретушировано только рабочее лезвие.

Наряду с этими случайными по форме орудиями имеется ряд специальных орудий. Это так называемые кривые ножи и ножи подтреугольной формы, столь характерные для волосовской культуры. Необходимо отметить почти полное отсутствие призматических пластинок. Найдено только несколько миниатюрных призматических, чуть искривленных пластинок без ретуши (они не могли служить лезвиями или вкладышами). К сравнительно многочисленной группе относятся своеобразные проколкообразные орудия. Это некрупные орудия из удлиненных или коротких отщепов, почти всегда неправильных по очертанию. Рабочее острие их всегда массивно и грубо. Типичных резцов не встречено.

Довольно многочисленны, но однообразны наконечники стрел (27 целых экземпляров). Они по своим типам занимают как бы промежуточное положение между ромбовидными или листовидными формами, имеют всегда

удлиненные пропорции, с максимальной шириной значительно ближе к основанию. Наконечники дротиков представлены тремя типами и найдены всего в количестве пяти: 1) листовидная форма; 2) листовидная форма с коротким насадом — черешком; 3) треугольная форма с удлиненным широким черешком.

Наконечники стрел и дротиков изготовлялись из массивных отщепов с двусторонней оббивкой и тонкой ретушью по краю. Эта мелкая чешуйчатая ретушь по краю дает тонкое лезвие, ритмично волнистое, но не зубчатое.

Крупные полированные орудия представлены типичными долотами волосовского типа, желобчатой формы с выпуклой спинкой. Топоры представлены только одним экземпляром традиционной клиновидной формы. Тесел найдено два: одно — тонкое, кремневое, тщательно заполированное, с очень скошенным закругленным рабочим лезвием; второе — сланцевое, более массивное, с резко скошенным лезвием. Костяные орудия немногочисленны. Основная масса их изготовлена из массивных трубчатых костей: односторонний гарпун с четырьмя зубцами и утолщающимся цилиндрическим насадом, кочедык из кости лося, короткое массивное шило, обломки долот с округлым лезвием.

Найденные на стоянке украшения крайне однообразны. Все они представляют собой небольшие пластинки сланца неправильных очертаний с отверстием вверху для привязывания. Две такие подвески были обнаружены в связи с погребениями, причем обе найдены в области верхней части бедер.

Такое подробное описание памятника может показаться не вполне оправданным в плане основной задачи. Но мы полагаем, что только путем тщательного анализа всего комплекса материальной культуры можно выяснить локальные отличия культуры и время, а это дает возможность характеризовать не только антропологический тип, но и приурочить его к определенному времени, к определенной дате и определенной социальной общности. Приведенное выше описание находок свидетельствует о том, что в основных своих чертах они почти дублируют находки Волосовской стоянки.

И. К. Цветкова следующими словами характеризует намечающуюся связь этих двух памятников: «Сходство материала Володарской стоянки с Волосовской настолько велико, что прослеживается по всем основным признакам. Однако Володарская стоянка имеет локальные черты. Она расположена в низовьях Оки, на границе распространения двух больших окских неолитических культур: волосовской на западе и юго-западе и балахнинской на востоке. Ближайшим памятником волосовской культуры является стоянка Халамониха (на расстоянии около 100 км вверх по Клязьме). По всей вероятности, Володарская стоянка — последний пункт распространения волосовской культуры к востоку и северо-востоку. Население Волосовской стоянки еще в раннюю пору ее существования имело связи с населением стоянок балахнинской культуры, о чем свидетельствует керамика раннебалахнинского типа, найденная на Волосовской стоянке. Стоянка Халамониха является доказательством распространения населения волосовской культуры вниз по Оке и Клязьме. Во время наивысшего развития волосовской культуры балахнинская культура развивалась самостоятельно (поздний комплекс керамики Балахнинской и Большекозинских стоянок).

По всей вероятности, в этот период возникла Володарская стоянка. В то время как в районе города Мурома, т. е. в центре территории распространения волосовской культуры, волосовская стадия перешла в более

позднюю панфиловскую стадию (по определению А. Я. Брюсова), Володарская стоянка, расположенная далеко от центра, продолжала свое самостоятельное развитие, приобретая свои локальные черты. Итак, Володарская стоянка целиком должна быть отнесена к памятникам волосовской культуры. Ранняя стадия ее существования совпадает со временем наивысшего развития Волосовской стоянки (или волосовской стадии, по определению А. Я. Брюсова), т. е. относится к первой половине II тысячелетия до н. э.»[1].

Продолжительность существования стоянки, вероятно, можно определить временем 1700–1300 гг. до нашей эры.

Частично раскопанный памятник, конечно, не может дать полной картины поселения; ведь не обнаружено даже и следов каких-либо жилищ; нет возможности говорить о величине поселения. И тем не менее, если судить по мощному слою, содержащему культурные остатки, можно сделать вывод о значительной длительности жизни людей на данном месте. Это, конечно, не охотничье, а рыбацкое поселение, связанное с определенной тенденцией к более оседлому образу жизни. Останки людей на Володарской стоянке представлены пятью скелетами, но сохранность их такова, что для нашей работы могли быть использованы только два черепа из первой могилы. Это — парное захоронение мужчины и женщины. Чрезвычайно интересно, что череп женщины имеет пролом[2] носолобного участка; создается впечатление, что она погибла именно в результате этого удара. На черепе мужчины, а равно и на костях скелета никаких следов насильственной смерти не обнаружено.

М у ж с к о й ч е р е п. Череп — хорошей сохранности. Повреждены наружные, нижние и внутренние стенки глазниц. Правый скуловой отросток нижнечелюстной кости сломан.

Череп небольшой, удлиненных пропорций, грацильный.

1. Наибольший продольный диаметр . . . . 176 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 174 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 134 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 75,13 (субдолихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 77,01.

Форма черепа сверху приближается к бризоидной, со стороны затылка — крышевидная. Свод черепа довольно высокий. Лоб невысокий, покатый. Лобная кость плавно переходит в теменные кости. Последние округло спускаются к затылку, плавно с ним соединяясь. Затылок не выступает, преломлен под тупым углом.

Лобная кость небольшая, удлиненная, в лобной части сильно суженная. Лобные бугры слабо выражены.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 110 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 78 мм.
9 : 8 Лобный указатель . . . . 70,0.

Глабелла очень слабо преломленная, почти округлая; выступание ее по шкале — 3 балла. Носовая часть лобной кости узкая и короткая.

Высота носовой части по средней линии . . . 5 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 17 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . 23 мм.

По отношению к верхнему краю орбит носовая часть лобной кости направлена слегка внутрь. Протяженность надбровных дуг по шкале — 2 балла.

Теменные кости узкие, немного удлиненные. Височные впадины высокие, удлиненные. Височные линии хорошо выражены. Чешуя височных костей высокая, короткая и плоская. Скуловые дуги широкие. Сосцевидные отростки большие, с широкими основаниями. Вершины отростков широкие, закругленные, обращены вниз. Затылок невыступающий, преломленный под тупым углом. Выступание иниона по шкале — 3.

Форма лица приближается к триангулярной. Лицо высокое, узкое, сильно профилированное, с низким, узким и покатым лбом, с небольшими глазницами, высоким и

[1] И. К. Ц в е т к о в а. Ук. соч., стр. 13.
[2] Этот пролом старый, а не сделанный в момент раскопок

узким носом, ортогнатной альвеолярной частью и высокой нижней челюстью с сильно выступающим подбородком.

47. Общая высота лица . . . . 121 мм.
48. Высота верхней части . . . . 75 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 134 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 90,15.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 55,97.

Орбиты прямоугольные, с сильно закругленными латеральными углами. Глазницы замкнутые. Нижнеорбитные гребни выражены слабо. Глазничные бугорки почти не выражены. Разрез глаз слабо наклонный. Фронтальная постановка орбит средняя. Профилировка орбит наклонная.

52. Высота орбиты . . . . 31 мм.
51. Ширина орбиты . . . . 39 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 79 50.

Носовые кости узкие, длинные, сильно приподнятые над лобными отростками верхнечелюстных костей.

Корень носа слабо западает. Профиль спинки костного носа волнистый. Сечение спинки носа в средней части сводчатое.

56. Ширина носовых костей у корня носа . . 11 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей . . 8 мм.
Наибольшая ширина носовых костей . . . 17 мм.

Носовое отверстие узкое, высокое, грушевидной формы. Подносовой край — anthropina.

Края грушевидного отверстия острые, чуть загнутые внутрь. Подносовой шип хорошо развит. Основание шипа узкое; оно вынесено вперед и к концу немного приподнимается вверх. Степень выступания подносового шипа по шкале — 3 балла.

Высота носового отверстия . . . . 36 мм
55. Высота носа . . . . 54 мм.
54. Ширина носа . . . . 21,5 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . 39,82.

Скуловые кости — средней ширины, массивные. Скуловые бугры хорошо выражены. На нижнем крае скуловых костей имеются отчетливо выраженные площадки прикрепления мышц. Собачьи ямки выражены несильно (2 балла). Альвеолярная часть высокая, ортогнатная. Высота ее равна 20 мм. Зубы расположены ортогнатно. Отсутствующие зубы утеряны посмертно.

Прикус щипцеобразный.

Расстояние P_2 и P_2 . . . . 52 мм.
Высота эмали резца верхней челюсти . . . 6 мм.

Нижняя челюсть массивная, узкая, с очень высоким телом и сильно выдающейся подбородочной частью. Степень выступания подбородочного бугра по шкале — 3 балла. Ветви узкие. Основания венечных отростков вдавлены.

Несмотря на небольшие размеры черепа, он, несомненно, мужской, причем следует особо отметить значительное развитие микрорельефа свода и лица. Особенно сильны гребни прикрепления шейных и жевательных мышц. Зубы сильно стерты, особенно резцы верхней челюсти, чему способствовал своеобразный, относительно редко встречающийся так называемый щипцеобразный прикус. В данном случае эта форма прикуса представлена в своем ярком выражении — полное смыкание резцов обоих челюстей. Такое состояние зубов, вероятно, способствовало их более быстрому изнашиванию. Степень стертости первых резцов верхней челюсти достигает полного сечения коронки; степень же стертости коренных зубов не соответствует степени стертости резцов — она значительно меньше, что указывает на молодой возраст субъекта, — вероятно, не старше 40—43 лет.

Несмотря на малые размеры черепа, он обладает сильным рельефом. Удивительно сильно был развит височный мускул; площадь его прикрепления предельно велика. Не слабее и жевательный мускул, о чем свидетельствует мощная скуловая дуга, толстая в сечении, грубая по очертанию. Ветвь нижней челюсти удлиненная. Все это определяет степень развития и форму жевательного мускула. Не менее сильны были и мышцы шеи, о чем свидетельствуют значительная степень развития рельефа

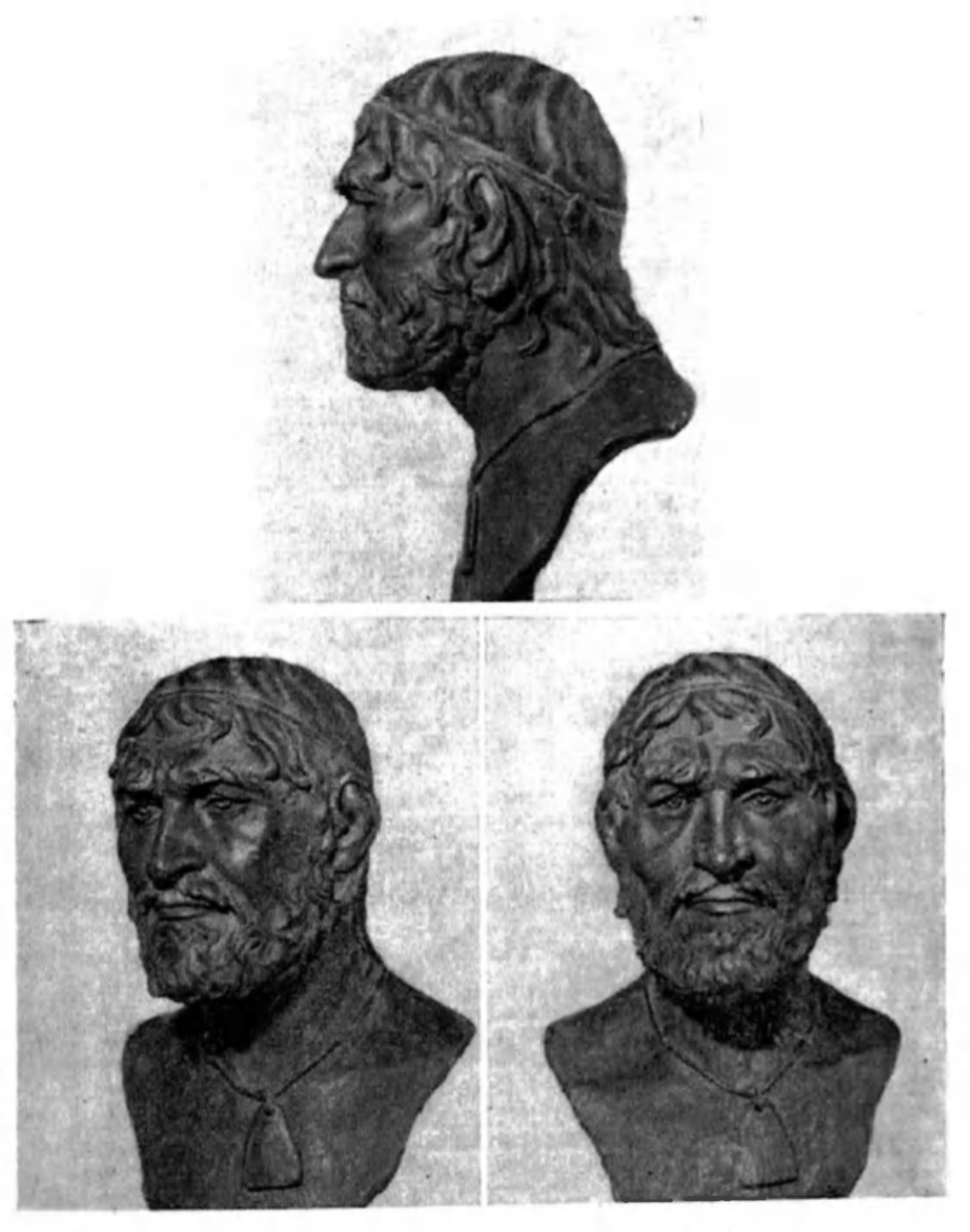

Рис. 150. Реконструкция по черепу мужчины из Володар.

затылочной кости, величина и форма сосцевидных отростков. Степень развития рельефа по своду черепа дает право предполагать некоторое усиление толщины мышечных тканей на всем протяжении свода, что и дало нам основание увеличить толщину стандарта на 2 мм. Тонкий профиль и отчетливость рисунка отдельных костей указывали на относительную сухость мускулатуры лица. Это давало основание при построении мягкого покрова лица накладывать его в соответствии со средним стандартом.

Среди черепов лесного неолита мужской череп из Володарской стоянки стоит как бы особняком; он не имеет себе подобных. Ни черепа из Старшего Волосова, ни панфиловский, ни тем более языковские черепа не могут быть даже сравниваемы. Единственно, что их объединяет, то, что все они в большей или меньшей степени европеоидны.

Находка подобного черепа, совершенно отличающегося от других, лишний раз свидетельствует о многообразии антропологических категорий, принявших участие в процессе этногенеза неолитических племен лесной зоны. Кроме того, это говорит о том, что связи этих неолитических племен с племенами, жившими южнее — в лесостепи и степи, были более тесными, чем обычно считают. Постоянное «просачивание» отдельных пришельцев извне отмечается в продолжение всего существования неолитических культур и, вероятно, позднее. Но во второй половине II тысячелетия до н. э. возникают массовые вторжения степных племен в полосу леса.

Ж е н с к и й ч е р е п. Череп — с нижней челюстью, относительно хорошей сохранности. Имеются отдельные повреждения мозговой коробки и лицевого отдела черепа. Разрушены основание черепа и прилежащие к нему латеральные и базальные отделы затылочной кости. Полностью отсутствует правая скуловая дуга, а левая повреждена в средней части. В лицевом скелете реконструированы носовые косточки и правая верхнечелюстная кость и заделан пролом носолобного отростка.

Небольшой, легкий, относительно грацильный череп со слабо развитым сглаженным микрорельефом. Сильно уплотненные черепные швы сложного рисунка.

1. Продольный диаметр . . . . 173 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 170 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 136 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 76,4 (субдолихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 80.

В горизонтальной проекции череп — бризоидной формы, а со стороны затылка — сводчатый.

Свод черепа умеренно высокий, с наклонным и довольно высоким лбом, с округлым и слегка выступающим затылком. Кости черепной коробки плавно соединяются друг с другом. Лобная кость — средних размеров, с низко расположенными и хорошо выраженными лобными буграми округлой формы.

10. Наибольшая ширина лба . . . . . . 116 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . . . 93 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 80,17.

Хорошо выраженная надглабеллярная впадина — крыловидной формы. Глабелла — округлой формы; ее выступание по шкале достигает 3 баллов. Широкая носовая часть лобной кости направлена вперед. Высота носовой части в середине равна 7 мм, по бокам — 25 мм. Межорбитное расстояние — 25 мм.

Степень развития подбровья определяется 1 баллом. Теменные кости небольшие. Теменные бугры хорошо развиты. Височные впадины предельно высокие и длинные; их фронтальные части значительно углублены. Сосцевидные отростки большие, узкие, с заостренной вершиной, обращенной вперед и несколько внутрь. Затылочная кость высокая и неширокая. Затылок округлый, несколько выступающий. Степень развития иниона достигает 1 балла.

Невысокое, широкое, несильно профилированное лицо — триангулярной формы, с ортогнатным альвеолярным отростком и небольшим выступанием подбородка.

47. Общая высота лица . . . . 111 мм.

48. Верхняя высота . . . . 65 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 128 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . . . 86,71.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . . 50,78.

Относительно большие орбиты — прямоугольной формы, с сильно округлыми углами. Верхний край орбиты толстый, притупленный. Глазницы замкнутые; их верхний край сильно нависает, особенно в средней части; нижний край приподнят и в свою очередь также притуплен. Глазничные бугорки едва заметны. Разрез глаз европеоидный.

Фронтальная постановка орбиты горизонтальная, профилировка орбит наклонная.

51. Ширина орбит . . . . 41 мм.
52. Высота орбит . . . . 33 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 80,49.

Нижний край носового отверстия хорошо очерчен. Подносовой край — с узкими, но глубокими полулунными ямками, fossa praenasalis. Подносовой шип короткий, горизонтально направленный. Носовое отверстие грушевидное.

Высота грушевидного отверстия — 30 мм.

54. Ширина носа . . . . 22 мм.
55. Высота носа . . . . 50 мм.
54 — 55. Носовой указатель . . . . 44.

Скуловые кости невыступающие, хорошо профилированные, относительно небольших размеров.

Скуловой бугор небольшой, расположен почти у скулового шва. Площадки прикрепления мышц неширокие, со слабо развитой бугристостью. Лобный отросток скуловых костей при соединении со скуловым отростком лобной кости сильно суживается. Собачьи ямки — треугольной формы, довольно широкие и не очень глубокие. Верхнечелюстные вырезки — дугообразной формы. Альвеолярный отросток — длиной 16 мм, ортогнатный, при ортогнатных зубах.

Расстояние P_2 и P_2 . . . . 48 мм.

Жевательная поверхность коронок стерта до дентина. Судя по состоянию альвеол, часть зубов утрачена посмертно.

Нижняя челюсть небольшая, грацильная. Ветви челюсти невысокие, средней ширины, поставлены под большим углом.

Выступание подбородочного бугра по шкале — 2 балла.

Жевательная поверхность коронок всех зубов, за исключением клыков, стерта до дентина. На клыках стертость достигла полного сечения коронки.

Второй череп из Володар принадлежал женщине и, в отличие от мужского,— как это и должно быть,— имел более слабый рельеф. Более высокие показатели отмечаются по ширине мозгового черепа и лицевых костей; особенно широк уплощенный высокий лоб. Лицо низкое, но широкое. Профилировка скуловых костей меньше, и тем не менее собачьи ямки выражены ярче. Прогнатность выражена четко; чуть больше выступает челюсть, причем сохраняет почти вертикальное положение зубов. В общем оба черепа принадлежат к одной и той же категории европейцев, отмеченные же различия являются характерными признаками, отличающими мужской и женский черепа одной и той же антропологической категории.

При восстановлении внешнего вида этой женщины мы не могли отметить каких-либо отклонений от обычных норм и потому сочли возможным применение среднего стандарта для женщины. Однако следует отметить, что и жевательная, и шейная мускулатура была значительно сильнее развита по сравнению с мускулатурой средней современной женщины. Легкое выступание верхней челюсти обусловило небольшую прохейлию верхней губы. Возраст женщины, повидимому, не старше 40 лет.

В заключение следует отметить, что пребывание скелетов в одной могиле рядом как будто не указывает на какое-то подчиненное положение женщины (разве только то, что правая рука мужчины перекрывает часть костей женского скелета). Но все это приобретает совершенно другой оттенок, если вспомнить, что череп женщины имеет повреждение в области

Рис. 151. Реконструкция по черепу женщины из Володар.

осолобного участка. Очевидно, именно это разрушение вызвало смерть енщины. Следовательно, она была намеренно убита. Кости мужчины, поребенного с нею, не носят следов насильственной смерти. Все это заставяет нас высказать предположение, что в этом погребении красноречиво тражен обряд парного захоронения, когда женщину убивали после смерти ужа.

Парные захоронения восходят к глубокой древности. Нам они известы уже со времени верхнего палеолита; не представляют они ничего особого и для более поздних культур, но нигде до сих пор не было отмено исследователем такого отчетливого следа намеренного умерщвления енщины, как в неолитическом захоронении из Володар.

Антропологический тип малоголового европейца, обнаруженный на оянке Володары, встречен впервые в связи с волосовской культурой

(рис. 150 и 151). Среди археологов и антропологов до сих пор еще существует представление, что волосовская культура связана с лапоноидным типом.

Новые антропологические материалы указывают на то, что окские неолитические культуры имели весьма неоднородный состав населения.

§ 40. ЧЕЛОВЕК ПАНФИЛОВСКОЙ СТОЯНКИ[1]

Во Владимирской области, Муромском районе, на левом берегу Ильмени, в 1,5 км от дер. Панфиловой, на небольшой песчаной дюне находится Панфиловская неолитическая стоянка (волосовская культура). Она была открыта в 1923 г. Ф. Я. Селезневым. В 1924 г. здесь производил раскопки В. А. Городцов, а в 1946 г.— Е. И. Горюнова.

Стратиграфия дюны на месте стоянки (по В. А. Городцову): 1) почвенный слой — от 8 до 50 см; 2) темный песок — от 16 до 75 см; 3) дюнный песок, переходящий в слоистые пески, и ниже — суглинок.

Слой темного песка содержит культурные остатки.

Раскопками В. А. Городцова и Е. И. Горюновой была вскрыта значительная часть памятника. При этом ими обнаружены 5 землянок, 3 очага и 2 погребения. Первое из этих погребений, раскопанное В. А. Городцовым, найдено было разрушенным; кости ныне утрачены. Плохо сохранившийся скелет, раскопанный Е. И. Горюновой, является единственным антропологическим материалом для характеристики антропологического типа неолита данной территории.

Материал, добытый в результате раскопок, разнообразен; он представлен многочисленными черепками глиняной посуды, обломками кремня, каменными и костяными орудиями и многочисленными остатками костей млекопитающих, птиц и рыб. Здесь же было найдено несколько обломков бронзовых предметов. Исследователи не могли расчленить культурный слой на какие-либо определенные культурные горизонты и вследствие этого рассматривали его как остатки одного времени. Между тем совершенно очевидно, что эта стоянка служила человеку местом обитания на протяжении многих лет, и культурные остатки нижнего горизонта по своим типам не вполне отвечают предметам из верхних частей его.

В результате этого можно наблюдать различные технологические приемы при изготовлении керамики и гончарного теста. Совершенно очевидно, что в какой-то период времени те или иные элементы керамики могли сосуществовать, но было время, когда человек предпочитал ту или иную орнаментацию своих сосудов.

По технике изготовления теста керамика может быть разделена на три категории:

1) глина, слабо отмытая, с растительной примесью; черепки этой посуды, видимо, являются наиболее древними и по количеству представлены бо́льшим числом;

2) тесто с примесью толченой раковины — почти столь же древний тип керамики; представлен в несколько меньшем количестве;

3) керамика из тонко отмученной глины без всякой примеси; по своему типу, тесту и орнаментации (сетка) эта керамика ближе всего к образцам, известным нам по Младшему Волосовскому могильнику; черепки этих сосудов представлены малым количеством.

---

[1] В. А. Городцов, Панфиловская палеометаллическая стоянка, Труды Владимирского гос. обл. музея, вып. 2.

Керамика Панфиловской стоянки, изготовленная из теста второго и первого типов, толстостенная, что характерно для памятников волосовской культуры. Края сосудов, сильно отогнутые, образуют венчик, закругленный по краю или прямой. Дно, как правило, либо слабо уплощенное, либо плоское. Поверхность сосудов почти всегда имеет следы грубой штриховатости, причем этой штриховкой нередко бывает затерт орнамент на внешней поверхности сосуда.

Обычно орнаментировался весь сосуд. Характерны вертикальное расположение орнамента и отсутствие геометрической правильности. Наиболее распространенным элементом орнамента является зубчатый штамп; почти столь же част ямочный орнамент, причем ямки бывают круглые и овальные. Изредка встречаются нарезки и оттиски веревочки.

Всего только несколькими обломками представлена текстильная керамика, типичная для Младшего Волосовского могильника. Относительно немного керамики с ямочно-зубчатым орнаментом древнего типа. Ряд черепков обладает чертами, более характерными для балахнинской культуры, чем для волосовской.

Каменные орудия Панфиловской стоянки изготовлялись по преимуществу из отщепов кремня и отличаются высокой техникой изготовления. обычной для волосовской культуры. И тем не менее при рассмотрении всего кремня создается впечатление, что каменный инвентарь беднее количественно и представлен меньшим числом форм, чем на Волосовской стоянке. Наконечники стрел, как правило, делались из ножевидных пластинок. Поверхность их обработана ретушью не сплошь. Скребки чаще всего изготовлялись на коротком отщепе, реже — на обломках и сечениях пластинок. Ножей мало и они аморфны, не выразительны по типу. Часты проколки, шилья с резцовыми сколами, столь характерные для волосовской культуры. Найдено несколько фигурных кремней, изображающих человека и животных. Из полированных орудий наиболее типичны желобчатые долота широкого и узкого типов. Костяных орудий найдено немного — это различные острия, шилья и подвески из зубов животных.

В верхних горизонтах этого памятника обнаружено несколько обломков бронзовых предметов неопределенной формы и среди них — одно маленькое тесло[1] и обломок спиральной подвески. Кроме того, найдено некоторое количество шлаков бронзы, что является свидетельством местной отработки металлов.

Панфиловская стоянка на ранних этапах своего существования ничем не отличается от ранней поры Волосовской стоянки. Позднее она приобретает местный колорит, в частности за счет каких-то связей с балахнинской культурой. Эти элементы местных форм отчетливо выразились в керамике и в некоторых формах каменного инвентаря.

Позднего типа керамика, близкая к сетчатой керамике Младшей Волосовской стоянки, свидетельствует о вторичном, позднем заселении стоянки уже во времена существования культуры эпохи железа.

Как было сказано, на Панфиловской стоянке были обнаружены два погребения. Первое из них, вскрытое В. А. Городцовым, находилось в непосредственной близости к землянке. Исследователь предполагает, что это захоронение было разрушено при строительстве землянки, а следовательно, было более ранним. Кости лежали в беспорядке, череп был фрагментарен. Найденный близ костей каменный инвентарь, вероятно, не связан с погребением, а происходит из культурного слоя. Непосредственно

[1] Тесло найдено в выдуве на развеянных песках.

над костями человека были обнаружены остатки очага. В. А. Городцов считал, что этот разрозненный костяк был погребен до поселения на данном месте человека, иначе трудно объяснить сооружение над погребением очага. Одновременно он высказал предположение, что данное захоронение было разрушено строителями землянки. Нам представляется, что погребение следует датировать концом существования стоянки. Погребенный был положен, как мы думаем, в грунтовую яму, вырытую в культурном слое. Землянка же, повидимому, была сооружена уже позднее, причем строителями ее был потревожен скелет, о чем свидетельствует находка в засыпке землянки костей, вероятно, принадлежащих этому скелету.

К сожалению, в процессе раскопок череп сильно пострадал, а затем он был совершенно утрачен, причем не был предварительно изучен. Таким образом, мы не располагаем никакими сведениями о его антропологической характеристике. Судьба второго погребения была более удачной.

По свидетельству автора раскопок Е. И. Горюновой[1], погребенный был обнаружен на полу землянки 5 на глубине 1,10 м от дневной поверхности. Скелет лежал головой на северо-восток в непосредственной близости от кострища в крайне странной позе — на животе, головой на левой щеке; руки были слегка согнуты в локтях и сходились под тазовыми костями; ноги были вытянуты прямо. Череп разрушен, остальные кости — средней сохранности. Е. И. Горюнова совершенно справедливо считает, что немногочисленный инвентарь, лежавший на полу землянки невдалеке от скелета, не должен быть связан с погребением. Необычная поза костяка, его как бы случайное положение на полу землянки заставило автора раскопок высказать предположение о случайной смерти субъекта и о том, что он не был погребен. Может быть, Е. И. Горюнова и права, но нам известно, что среди обрядов погребения неолитической поры нередки были случаи погребения вниз лицом, на животе. М. Е. Фосс в Кубенине обнаружила 3 костяка, лежавших в такой позе. В Караванхе А. Я. Брюсовым недавно было найдено погребение женщины в аналогичной позе. По свидетельству В. И. Равдоникаса, в могильнике Оленьего острова было одно женское погребение на животе. В Фофановском могильнике (Сибирь, р. Селенга) автором было раскопано очень бедное женское захоронение на животе, с руками под костями таза. Нам представляется очень вероятным, что человек в Панфилове был погребен, после чего землянка была заброшена. Вероятнее всего, время погребения этого человека следует относить к концу существования в этом районе людей новокаменного века.

К сожалению, обнаруженный череп сильно пострадал в процессе раскопок. Даже после очень тщательной реставрации многие размеры могут быть взяты только условно, а между тем этот череп представляет значительный интерес, так как резко отличается от других известных черепов волосовской, льяловской и каргопольской культур. Совершенно очевидно, что это типичный европеоид, с еще сохранившимися элементами древнего типа кроманьонцев (рис. 152).

Табл. 16 показывает с очевидностью, что череп из Панфилова никак не может быть отнесен к одной и той же категории, что и черепа из Старшего Волосова. В отличие от них он обладает рядом описательных и измерительных признаков, несомненно сближающих его с поздним типом кроманьонцев в том варианте, который представлен черепами Сурского острова и стоянки Игрень 8. Это тип А Сурской. Все наблюдаемые отличия от

[1] За сообщение этих сведений приношу благодарность Е. И. Горюновой.

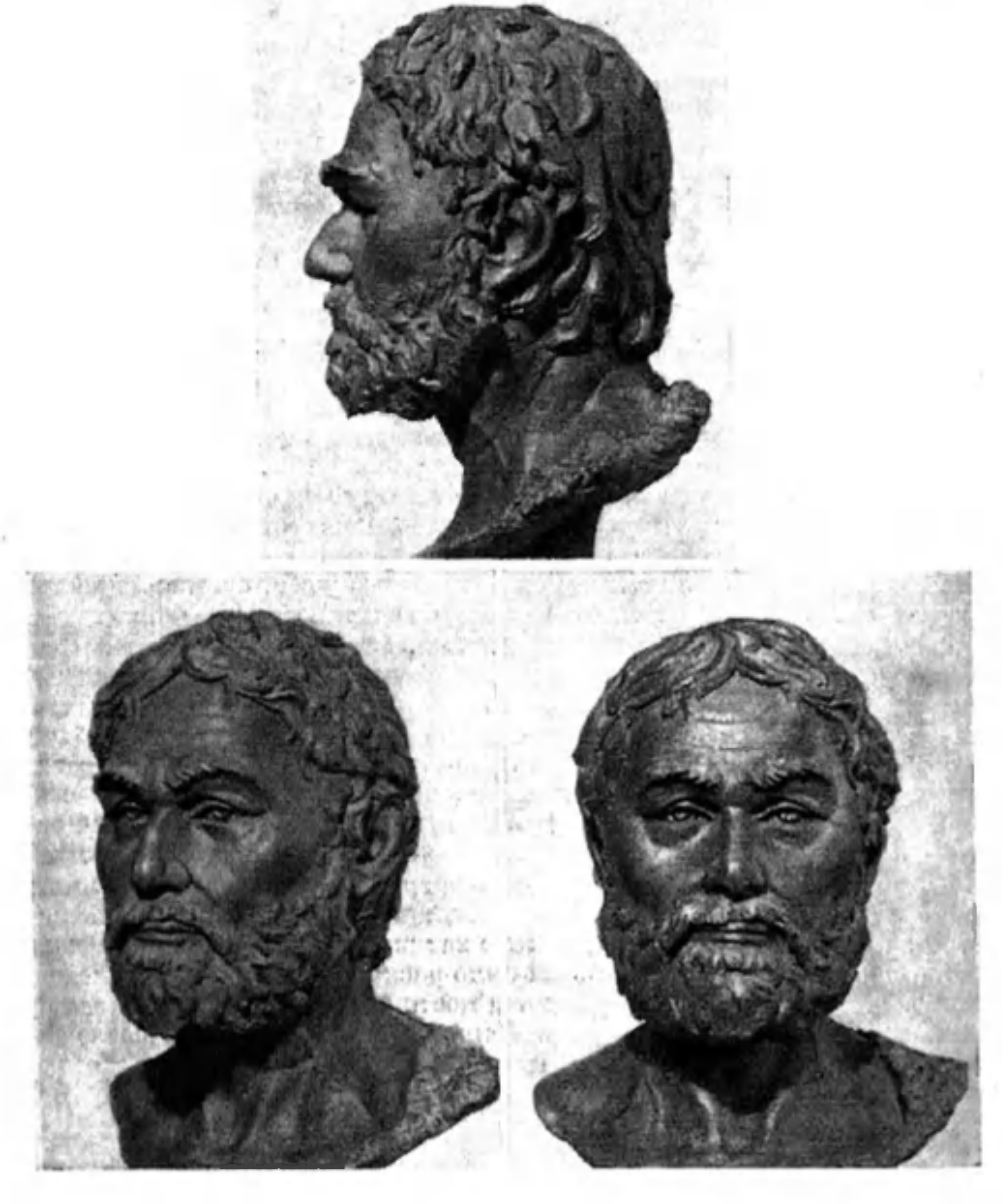

Рис. 152. Реконструкция по черепу мужчины со стоянки Панфилово.

этих поздних кроманьонцев относятся к еще большей грацилизации лица. Так, у панфиловца значительно уже лоб при той же степени развития глабеллы. Надбровье его также меньше, профилировка больше, глубже собачьи ямки. Ширина лица меньше, значительно меньше высота лица. Орбиты значительно короче, выше, круглее, нос короче. Это дает нам право говорить о близости панфиловского человека к древнему населению порожистой части Днепра. Мы не считаем невероятным приход панфиловца с тех территорий. Наверное, археологи найдут материальные остатки, подтверждающие существование связей окского и днепровского бассейнов в пору позднего неолита или раннего энеолита. Совершенно очевидно, что

Таблица 16

Основные размеры черепов с Панфиловской стоянки, из Мурзак-Коба II, Волосова II и Володар I

Размеры	Черепа			
	из Панфилова	из Мурзак-Коба II	из Волосова II	из Володар I
1. Продольный диаметр, мм	—	198	175	176
2. Поперечный диаметр, мм	—	140	132	134
9. Наименьшая ширина лба, мм	93	98	84	78
20. Высота базион-брегма, мм	125	121	—	—
Развитие глабеллы (шкала 1—6)	4	4	2	3
Протяженность надбровья (шкала 1—3)	2	3	1	2
Собачья ямка (шкала 0—4)	3	0	2	3
45. Скуловой диаметр, мм	145	147	124	134
47. Высота лица, мм	113	—	—	121
48. Верхняя высота лица, мм	69	76	67,5	75
48_1. Высота альвеолярной части, мм	19	—	18,5	20
Степень развития подносового шипа (шкала 1—5)	3	2	2	3
50. Межорбитное расстояние, мм	22	20	25,5	23
51. Ширина орбиты, мм	40	47	40,5	39
52. Высота орбиты, мм	32	27	32	31
54. Ширина носа, мм	23	—	25	21,5
55. Высота носа, мм	50	52	52	54
69 Высота тела нижней челюсти, мм	33	—	—	—
71. Ширина ветви, мм	37	37	—	—
48:55. Верхний лицевой указатель	74,9	51	54,44	55,15
52:51. Орбитный указатель	80	58,7	79,01	79,5

череп человека из Панфилова свидетельствует о каких-то связях юго-западных степей и Поднепровья с окскими поздненеолитическими стоянками.

§ 41. ЛЮДИ БАЛАХНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

В 1934 г. О. Н. Бадер и М. В. Воеводский подвели некоторые итоги археологических исследований в районе нижнего течения р. Оки. Этим исследователям мы обязаны выделением из общего хаоса неолитических памятников дельты Оки совершенно особой, своеобразной области, объединенной под общим названием «балахнинская культура». Исследователи использовали весь доступный материал в музеях и провели специальное обследование ряда памятников.

Балахнинская низина представляет собой географически своеобразный район. Это песчаная равнина, испещренная болотами и озерами, староречьями, протоками и длинными грядами бесчисленных дюнных холмов,

[1] О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Сб. «Из истории родового общества на территории СССР», ИГАИМК, вып. 106, 1934.

идущих преимущественно в широтном направлении, более или менее параллельно современному руслу Оки.

В. В. Докучаев был склонен считать Балахнинскую низину древней долиной Оки. Ее образование он объяснял деятельностью Оки. Река постепенно врезалась в свой высокий правый берег; подмывая его, она несколько передвинулась своим устьем по течению Волги. Отступая, река оставляла за собою широкую, низкую, прорезанную староречьями заболоченную долину. Образовавшийся ряд дюнных всхолмлений, вероятно, был быстро покрыт лесом, служившим убежищем множеству диких животных и птиц, а многочисленные протоки, старицы и озера, безусловно, изобиловали водоплавающей птицей и рыбой. Все это, естественно, не могло не привлечь неолитических охотников и рыболовов, население которых в данном районе было исключительно густо.

Резюмируя свои наблюдения, М. В. Воеводский и О. Н. Бадер отмечают, что все ими обследованные неолитические стоянки в данном районе располагаются на дюнных всхолмлениях по берегам мелких рек или других водоемов. Таким образом, по своему расположению это типические охотничье-рыболовецкие поселения. Несмотря на еще далеко не полное обследование, можно отметить, что неолитические стоянки не разбросаны по низине без системы, а образуют определенно локализованные группы. Эти группы стоянок находятся близ небольших речек, стариц и озер.

Еще О. Н. Бадер и М. В. Воеводский склонны были выделять следующие группы стоянок: Балахнинскую, Большекозинскую, Сормово, Пырские. В течение последних лет особенно интенсивно была обследована Ока в районе Дзержинска. Проводившиеся здесь краеведом В. А. Сафоновым[1] обследования позволяют выделить ряд групп, являющихся, несомненно, памятниками балахнинской культуры. Ряд других памятников носит характер пограничных, с элементами собственно балахнинской и волосовской культур. Нанести отчетливые границы распространения той или иной культуры, несомненно, нельзя, так как общение неолитических племенных групп нивелировало границы культурных ареалов. Все же, даже учитывая это, можно на основании анализа материальной культуры выделить пограничные, окраинные группы памятников между балахнинской и волосовской культурами в виде группы памятников близ г. Дзержинска. Все памятники, расположенные ниже по Оке, несомненно, имеют в основе балахнинский комплекс инвентаря. Памятники собственно Дзержинска носят характер смешанных культур. Особенно ясно это прослеживается по керамическому материалу. Памятники выше по Оке приобретают отчетливый характер памятников волосовской культуры.

Если принять, что Балахнинская низина столь густо была населена в эпоху позднего неолита каким-то единым племенем, оставившим многочисленные, в основе своей однородные памятники материальной культуры, то наблюдаемое распределение стоянок обособленными группами приобретает особый интерес. Нам представляется, что совершенно правы те исследователи, которые видели в таком обособлении нескольких стоянок выделение определенных родовых групп. Это становится очевидным при внимательном анализе групповых поселений.

В пределах каждой такой группы стоянки располагаются крайне густо, причем они качественно неоднородны: при одних и тех же остатках материальной культуры большинство стоянок носит характер как бы случайных стойбищ. Создается впечатление, что они были обитаемы периоди-

[1] В. А. Сафонов. Археологическая работа Дзержинского краеведческого музея в 1940—1944 гг. КСИИМК. XVII, 1947, стр. 176—179.

чески в течение значительного срока с относительно небольшими интервалами. На этих стоянках, в силу их временного характера, нет ни настоящих жилищ, ни долговременно существовавших кострищ и очагов, одним словом, нет следов длительного пребывания здесь человека. Небольшие кострища, их малое количество, скопления кухонных отбросов свидетельствуют о кратковременном пребывании здесь человека в течение небольшого сезона (вероятно, определяемого хозяйственными, охотничье-рыболовецкими традициями) и о том, что человек приходил сюда немногочисленными группами. Это доказывается малой насыщенностью культурного слоя находками и его слабой окрашенностью. Однако порой значительная мощность слоя, содержащего находки (до 1 м и более), свидетельствует о многократном заселении этого места, а отсутствие стерильных прослоек указывает на малые промежутки между этими кратковременными, но систематическими приходами малочисленных групп.

Наряду с этими сезонно-временными стойбищами в каждой группе памятников были одно или два поселения со следами долговременного пребывания здесь населения. На этих поселениях мы видим мощный культурный слой с остатками очагов, жилищ — землянок, обособленных мест — мастерских кремневых орудий, керамических и других производств. Кухонные остатки на этих постоянных стоянках многообразны и образуют нередко обособленные скопления близ жилых комплексов или рядом с кострищами.

Хорошая сохранность фаунистических остатков позволила выяснить характер фауны данного района в широком смысле.

К сожалению, нам не удалось найти сведений о подсчете особей хотя бы на одном каком-либо из памятников. Не опубликован и общий список обнаруженных животных. Пытаясь заполнить этот пробел, предлагаем предварительный перечень, составленный в результате беглого осмотра материалов в Эрмитаже, МАЭ, ГИМ и ГМА. Естественно, что этот список не может претендовать на полноту.

Млекопитающие	Птицы	Рыбы	Моллюски
Медведь	Глухарь	Осетр	Unio
Лисица	Тетерев	Сазан	Перловица
Лось	Рябчик	Карп	
Олень благородный	Утка	Карась	
Косуля	Чирок	Мелкая частиковая рыба	
Кабан	Гусь		
Бобр			
Хорек			

Очень интересно, что мы не нашли костей собаки и волка, хотя волк, очевидно, водился в этом районе, а собака уже была, несомненно, постоянным спутником человека.

Крупные млекопитающие (медведь, олень) представлены небольшим количеством особей. Наиболее часто встречаются кости лося, затем — кабана, косули. Много бобра; лисица и хорек редки. Боровая дичь представлена значительным количеством, но водоплавающей птицы все же больше. Больше всего костей крупной утки (точное определение затруднительно). Но все эти фаунистические остатки тонут в бесконечном количестве рыбьих костей. На некоторых памятниках их количество огромно. Обожженные раковины Unio и перловицы всюду составляют единичные находки.

Места поселений и состав фауны говорят о том, что основой хозяйства на неолитических стоянках Балахнинской низины было прежде всего рыболовство и только затем — охота.

Наряду с кухонными отбросами культурный слой памятников содержит многочисленные остатки материальной культуры: много осколков кремня, нередки целые и сломанные орудия из камня, значительно реже встречаются орудия из кости и рога, но особенно многочисленны черепки сосудов. Нередко кучкой лежат черепки от одного и того же сосуда.

Для изготовления каменного инвентаря люди Балахнинской низины использовали самые разнообразные кремневые породы. Полированные орудия изготовлялись по преимуществу из кремнистых сланцев и диоритов. Использование валунного кремня для изготовления орудий характерно для всего неолита Волго-Окского междуречья. Валунный кремень качественно неоднороден по твердости, степени спаянности и степени сопротивляемости как механическому, так и химическому воздействию. Многочисленные находки кремневых изделий в результате выветривания и выщелачивания не только изменили свой цвет, но и приобрели хрупкость и легкость. Неоднороден этот валунный кремень и по цвету: чаще встречаются серо-желтые тона, затем коричневые, темносерые, розово-белые и т. д.

Большинство орудий изготовлялось из осколков и небольших отщепов. Это по преимуществу мелкие скребочки с крутым лезвием, наконечники стрел и дротиков и т. п. Мелкие ножевидные пластинки встречаются относительно редко. Совершенно отсутствуют крупные всесторонне оббитые орудия так называемой макролитической формы, столь характерные для всего массива культур лесного неолита. Общий характер кремневого инвентаря стоянок свидетельствует о генетической связи его с ранними микролитоидными памятниками азиль-тарденуаза.

Нередко удается наблюдать, что в тех районах, где некогда существовали памятники раннего типа азиль-тарденуаза, т. е. памятники с микролитоидными формами орудий, и в более поздних памятниках, уже собственно неолитических, продолжают существовать отдельные формы микроорудий, а еще чаще сохраняются традиционные технологические приемы изготовления этого специфического инвентаря. Именно эта качественно иная техника и отличает памятники позднего неолита Балахнинской низины от других культур неолита не только Волго-Окского междуречья, но и всей лесной провинции.

В 1916 г. в 4 км от Балахны, на правом берегу р. Железницы, в лесу, на одной из дюн у дер. Горшихи Б. С. Жуковым была открыта и исследована небольшая стоянка. Кремневый инвентарь Горшихинской стоянки имеет микролитоидный характер как по форме отдельных орудий, так и, что особенно важно, по технике их изготовления. Керамика совершенно отсутствует. Безусловно, это один из древнейших памятников (ныне известных) раннего неолита с характерными чертами перехода от более ранней культуры эпипалеолита (азиль-тарденуаз).

Отмеченная специфичность поздненеолитических памятников Балахнинской низины не свидетельствует о какой-то общей изолированности балахнинской культуры от смежных с ней памятников волосовской культуры, имеющей иные корни своего происхождения. Анализ кремневого инвентаря памятников волосовской культуры позволяет отметить характерные признаки, свидетельствующие о развитии этой культуры из ранних памятников макролитоидной техники «типа Маглемозе».

За последнее время все больше и больше накапливается данных, свидетельствующих о возможном взаимном влиянии балахнинской и воло-

совской культур. Нам известны стоянки с элементами той или другой культуры в одном хронологическом культурном горизонте. Имеются памятники, в которых можно проследить чередование слоев с элементами той и другой культуры. Примером таких памятников могут служить стоянки Гавриловка IV из группы стоянок у Дзержинска и Володары близ Мурома. Гавриловка представляет собой стоянку в основе балахнинского типа, но с явными элементами волосовских традиций, выразившихся главным образом в некоторых чертах керамики. Володары в большой степени должны считаться памятником волосовского типа с едва намечающимися элементами связи с балахнинской культурой.

Несмотря на существующие связи неолитических племен волосовской и балахнинской культур, каждая из них имеет свои локальные особенности, объясняющиеся, несомненно, различными истоками их происхождения. Это выразилось в технике изготовления основного кремневого инвентаря и особенно отчетливо — в технике изготовления и орнаментации керамических изделий. Только поздние стадии этих культур все больше и больше сглаживают свои качественные отличия, что в первую очередь сказалось в употреблении орудий, однородных как по функции, так и по форме. Примером таких общих типов орудий в кремневом инвентаре могут служить некоторые категории наконечников стрел, крупные ромбические наконечники дротиков, крупные листовидные и кинжалообразные лезвия и некоторые формы долот, тесел и мотыг.

В керамике это отразилось не столько в технике изготовления самих сосудов, сколько в переносе отдельных приемов нанесения орнаментальных рисунков без усвоения их исходного значения.

Предлагаемое краткое описание основных форм каменных орудий ни в коей мере не претендует на полноту освещения всего многочисленного и разнообразного инвентаря поздних неолитических стоянок Балахнинской низины. Не могут быть здесь в должной степени освещены ни техника изготовления каменных орудий, ни даже основные их функции. Задача настоящего описания сводится к показу некоторых местных особенностей этого каменного инвентаря с тем, чтобы если не решить, то хотя бы поставить вопрос о генезисе этих своеобразных памятников Волго-Окского междуречья, столь отличающихся от близлежащих памятников лесного неолита. Этот вопрос не может быть лишним, поскольку мы ставим себе задачей не только реконструирование внешнего облика того или иного антропологического типа, но и определение в какой-то мере образования местной неолитической социальной общности.

При попытке сравнить каменный инвентарь балахнинских стоянок с инвентарем стоянок соседней волосовской культуры становится совершенно очевидным, что если эти памятники одного и того же культурно-исторического этапа, то совершенно различного происхождения. Несмотря на один и тот же материал, употребляемый для изготовления каменных орудий, несмотря на внешнее единство некоторых типов орудий и в основе своей единую технику, инвентарь стоянок Балахны имеет совершенно особый облик.

Наконечники дротиков редки, преобладают удлиненно-лавролистные, без выделенного пера, без отчетливо выраженного насада; удлиненно-ромбические формы представлены единичными находками. Наконечники стрел — по преимуществу листовидной формы, узкие, массивные в сечении, мелкие по своим размерам.

Особенно интересны, с точки зрения выделения местных особенностей, мелкие скребки. Как правило, все они изготовлены на очень массивных, коротких сколах, всегда имеют очень крутое лезвие, преимущественно

дугообразной формы. Эти скребки представляют собой совершенно особую категорию орудий, необычную для всех смежных культур лесного неолита. Близкие формы, видимо, связанные с ними, можно встретить в ранних неолитических культурах степной полосы. Еще больше сходства эти скребки имеют с памятниками позднего азиль-тарденуаза. Это заставляет предполагать преемственную связь между памятниками балахнинской культуры и более ранними памятниками, развившимися из микролитоидных культур эпипалеолита. Этот тип скребков как самостоятельная категория совершенно отсутствует на стоянках волосовской культуры. В равной степени этих скребков нет ни в памятниках верхнего течения Оки (белевская культура), ни в памятниках северолесной полосы (каргопольская и беломорская культуры). Чрезвычайно часты в памятниках балахнинской культуры скребки на конце призматической пластинки; они образуют характерную категорию, многообразную по типу лезвия и по величине. В памятниках лесного неолита скребки на конце ножевидной пластинки встречаются крайне редко, как единичные, случайные орудия.

К категории ножей следует отнести часто встречающиеся орудия, представляющие собой острия, изготовленные либо из ножевидной пластинки, либо из удлиненных сколов. Несколько совершеннее ножевидные орудия удлиненно-листовидной формы, всегда несколько симметричные по своим очертаниям. Этого типа орудия встречаются и в памятниках других культур лесного неолита, но никогда не образуют типологического ряда, как в Балахне, а представлены единичными экземплярами. Своевременно отметить, что на балахнинских стоянках совершенно не встречаются кривые ножи как волосовского, так и каргопольского типов.

Продолжительность существования балахнинской культуры, вероятно, близка времени существования волосовской культуры.

В 1945—1946 гг. И. К. Цветковой были произведены раскопки Гавриловской неолитической стоянки, относящейся к балахнинской культуре[1]. Гавриловская стоянка — сложный памятник, представляющий собой несомненное поселение, состоящее из ряда землянок, и одновременно могильник того же времени. Эта стоянка находится в Дзержинском районе Горьковской области, близ дер. Гавриловки, на песчаной дюне левого берега р. Волосанихи. В результате этих раскопок было вскрыто 6 погребений, лежавших непосредственно в культурном слое стоянки, причем стратиграфические данные указывают на несомненную одновременность их захоронения и процесса образования слоя, содержащего остатки материальной культуры. Скелеты лежали на спине, с вытянутыми ногами и руками, сведенными в область тазовых костей. Ориентировка самая разнообразная. Вещей, непосредственно положенных при захоронениях, не было. Из всех черепов только один сохранился настолько, что мог бы послужить основой для портретной реконструкции. Этот череп, несомненно, выпадает из общего круга типов людей неолитического времени на нашей территории и вследствие этого заслуживает несколько большего внимания при описании. Прежде всего бросаются в глаза миниатюрность всего черепа и особенная тонкость лицевого скелета, сопровождающаяся чрезвычайно сильной прогнатностью.

Череп тонкий, грацильный. Венечный шов по уплотнен в средней части, остальные участки венечного шва облитерированы; шов — довольно простого рисунка. Сагиттальный шов не уплотнен, сложного рисунка. Ламбдовидный шов, только частично незначительно уплотненный,— сложного рисунка. Относительно узкий выпук-

---

[1] И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 70 и сл.

лый лоб, сильное развитие теменных бугров и некоторое выступание затылка придают контурам черепа ромбовидную форму.

1. Продольный диаметр . . . . 180 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 174 мм.
8 Поперечный диаметр . . . . 143 мм.

Относительно высокий свод в поперечном сечении уплощенно-крышевидный. Лобная кость — несколько удлиненных пропорций, расширяющаяся по направлению к венечному шву, значительно суженная в лобной части.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 112 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . . 90 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . . . 80,36.

Теменные кости имеют несколько удлиненные пропорции. Височная впадина — средней высоты, несколько удлиненных пропорций. Сосцевидные отростки небольшие, выступающие в верхней и средней частях.

Вершины сосцевидных отростков заостренные и направленные вперед. Микрорельеф сосцевидного отростка хорошо выражен.

Затылочная кость широкая и довольно высокая благодаря сильно вытянутой вверх чешуе. В области лямбдовидного шва имеется несколько крупных вставных костей.

Затылок слабо преломлен. Вал перегиба соответствует верхней выйной линии. Степень развития иниона по шкале — 0. Череп, при рассмотрении его в фас, ближе всего к овоидной форме, причем бросается в глаза, что ширина собственно лица (наибольший скуловой диаметр — 115 мм) значительно меньше не только максимальной ширины свода (143 мм), но и ширины черепа в одной проекции со скуловыми костями, которая в данном месте достигает 124 мм. Невысокий, округло выступающий лоб слегка нависает над корнем носа. Надбровные дуги едва намечены.

Носовая часть лобной кости направлена внутрь. Высота носовой части лобной кости сбоку — 12,5 мм, межорбитное расстояние — 19 мм. Носовые кости — простого рисунка, вогнутые в профиле, образуют уплощенно-широкий свод. Носовое отверстие — укороченных пропорций, сердцевидной формы, со слабо развитым приподнятым подносовым шипом. Глазницы неправильные, округло-высокой формы (37 × 32 мм). Скуловые кости слабо профилированные, сильно грацилизованные. Собачьи ямки очень своеобразны; они имеют широкие округлые очертания, представляющие собой как бы вдавленности, сделанные пальцем. В результате этой формы собачьих ямок образуются резкие грани нижнего края орбиты и значительное выступание внешних углов скуловых костей. Резкая общая прогнатность верхней челюсти, одновременно подчеркнутая значительной прогнатностью резцов, становится еще заметнее и выразительнее в связи с сильным развитием собачьих ямок. Нижняя челюсть со значительно укороченными широкими ветвями по отношению к остальному лицевому скелету сравнительно сильна и имеет мало выступающий округлый подбородок.

Наблюдаемая форма прогнатизма столь велика, что выходит за пределы средних величин прогнатности даже типичных негроидов. Впечатление об этой прогнатности несколько скрадывается сильным выступанием носолобного участка черепа. Ширина между вторыми ложнокоренными зубами верхней челюсти по верхней стороне их равна 48 мм; высота эмали передних резцов верхней челюсти — 10 мм.

Восстановленное лицо очень узко, с небольшим, выпукло выступающим лбом, с небольшими глазами, коротким, широким и тупым, слегка вздернутым носом, с сильной прохеилией всей ротовой части. Рот широкий, полногубый; резко профилированная верхняя губа имеет глубокий, но узкий фильтрум и отчетливую грань перехода слизистой поверхности губы. Рисунок разреза рта спокойный, со слабо выраженным лукообразным изгибом. Толщина обеих губ примерно одинакова; верхняя несколько выступает над нижней, что непосредственно согласуется с общим характером прикуса зубов. Толщина губ соответствует высоте эмали верхнего переднего резца; ширина ротовой щели равна 48 мм (расстояние между внешними краями корней вторых ложнокоренных зубов). Подбородок широкий, округлый, мягких очертаний. Своеобразная форма фронтальной части щек, — их некоторая вертикальная укороченность и вздутие, — соответствует ранее описанной форме скуловых костей.

Несмотря на очевидную некрасивость и грубость рисунка отдельных черт, лицо миловидно той тонкой и мягкой грациозностью, которая нередко сопутствует лицам молодых малайских женщин (рис. 153). Возраст, выясненный на основании облитерации швов свода черепа, по степени

Рис. 153. Реконструкция по черепу женщины из Гавриловки.

окостенения основания черепа и по степени стертости зубов, не превышает 20—21 года. Мы затрудняемся дать этническое определение этого нового неолитического типа. Несомненно, что в данном лице присутствует некоторый элемент экваториальных черт, но, быть может, это только ложное представление, связанное со своеобразной формой лба, укороченным носом, резкой прохейлией губ, круглым подбородком и общим удлинением овала лица. К сожалению, остальные черепа — очень плохой сохранности, но их фрагменты, несомненно, указывают на единство морфологических и антропологических черт всего населения Гавриловской стоянки. Реконструкция экспонирована в Областном музее г. Горького.

Уместно вспомнить о негроидном облике человека неолитического времени Грузии и элементах негроидности в черепах из Фатьма-Коба (крымский энеолит). Условно этот экваториальный тип называется дравидоидным.

Датировка Гавриловской стоянки, вероятно, близка к началу II тысячелетия до н. э. Видимо, к этому же времени относятся и погребения, так как они находились под культурным слоем стоянки и, как правило, связаны с землянками. Совершенно очевидно, что землянки и погребения не могли существовать в разное время, так как не было случая, чтобы землянка прорезала погребение, либо погребение разрушало конструкцию землянки. По всей вероятности, умерших погребали непосредственно на месте жилья — или у его внешних стенок, у порога, или внутри самой землянки. Все это указывает на одновременность землянок и погребений.

§ 42. НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК ЭСТОНИИ

В нашей книге мы не имеем возможности дать сколько-нибудь полную характеристику неолитических культур Эстонии. Здесь будут описаны те немногочисленные погребения неолитического времени, черепа из которых были предметом нашей работы, т. е. женский череп из Сопе и мужской череп из Арду. Оба эти черепа, повидимому, являются наиболее древними из найденных до сих пор на территории Эстонии и относятся ко времени так называемой культуры одиночных могил[1]. Эстонские исследователи, видимо, совершенно правильно датируют эти погребения II тысячелетием до н. э. По отношению к северному и лесному неолиту СССР эти погребения принадлежат к поздней поре ямочно-гребенчатых неолитических культур и к началу проникновения на данную территорию ранних фатьяновских элементов.

До сих пор вопрос о взаимных связях отдельных культур лесного неолита не вполне ясен; еще меньше можно сказать о причинах и путях продвижения на север фатьяновских культур. В этом отношении изучение эстонских черепов может дать ответ на ряд вопросов этнологии древнейшего населения северо-востока Европы.

Для того чтобы выяснить историческое и антропологическое место изучаемых черепов, нам придется, совершенно несомненно, привлечь более широкий круг памятников.

Интересующие нас погребения, как кажется, древнейшие и принадлежат к категории грунтовых, т. е. не имеющих на поверхности ни насыпей, ни других признаков захоронений. Вследствие этого находки таких погребений носят случайный характер. Чаще всего их открывают при разработках песчаных или гравийных возвышенностей, в которых закладываются карьеры для добычи строительного материала. Как правило, землекопы не проявляют особого интереса к найденным костям, и в результате только ничтожный процент находок случайно делается достоянием науки. Но даже в том случае, когда найденные неолитические орудия или кости попадаются в руки ученого, почти не представляется возможным получить у рабочих какие-либо дополнительные сведения о находках. Регистрация этих случайных находок убеждает нас в том, что основная масса их происходит из гравийных карьеров. Это обстоятельство породило неверное представление о том, что неолитический человек заведомо хоронил своих умерших только на этих возвышенностях, на «гривках» песка и гравия. Между тем известен ряд находок и на низких землях, распаханных под пашню; в этих условиях захоронения также не имеют внешних признаков и погребены очень неглубоко. Небольшая глубина захоронений

---

[1] Л. Янитс. Позднеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК. XLII, 1952, стр. 53—65.

приводит к тому, что нередко при вспышке лемех плуга выворачивает и разрушает костяки и сопровождающий их инвентарь.

К нашему времени на всей территории Эстонии известны 23 места, где в различное время были найдены неолитические погребения. Общее количество скелетов — 70, но, как и следовало ожидать, только некоторые из них были должным образом раскопаны археологами и сопровождаются соответствующей документацией.

Неолитические погребения на территории Эстонии располагаются неравномерно. Находки по преимуществу тяготеют к приморской части. На островах сосредоточено пять таких пунктов, причем, по данным эстонских археологов, они, повидимому, являются наиболее древними. Исследователи склонны видеть в этих памятниках культуру племен, явившихся с территории центральной Германии. В своем продвижении эти племена встречали на пути автохтонное население и смешивались с ним, долго сохраняя, однако, элементы своей культуры; это особенно выражено в способах захоронения и долгом переживании отдельных форм орудий. Примером такого анахронизма могут быть ладьевидный топор, шаровидные и колоколовидные формы сосудов.

Одно из наиболее ранних погребений этого типа было открыто в 1876 г. в Кюласома (остров Муху). Найденный здесь неолитический скелет, судя по сопровождавшему его инвентарю, должен быть отнесен к культуре ладьевидных топоров[1]. Не исключена возможность, что подобные погребения были находимы здесь и ранее и позднее, но определенных сведений о них нет. Найденный здесь череп принадлежит к типу долихокранного северного европейца.

В 1914 г. появилась публикация шведского антрополога С. М. Фюрста о новой неолитической находке на острове Сарома, в местечке Кыльяла (о. Эзель). Найденный здесь скелет сопровождался каменными орудиями[2]. Описанный С. М. Фюрстом череп брахикранный (V. 84,5), с достаточно высоким сводом, с крутым, средне широким лбом, с округлым, но не выступающим затылком, низким лицом, средне широким носом, средне высокими квадратными орбитами. С. М. Фюрст указывает на предельное сходство данного черепа с черепом женщины неолитического времени из прихода Хвелинге (в Швеции). Он утверждает, что оба эти черепа относятся к единой брахикранной расе и что будто бы эта раса представлена наиболее древними погребениями неолита Швеции, которые он называет «брахикранным северным типом»[3].

В континентальной части Эстонии известно 14 пунктов неолитических погребений. Число захоронений доходит до 60. Как уже говорилось, основная часть этих пунктов располагается в приморской части страны. Немногочисленные пункты находок погребений в центральной части, как правило, тоже тяготеют к крупным водоемам, озерам или рекам. Крайне интересно, что на юге Эстонии до сих пор не найдено ни одного неолитического захоронения. Не является ли этот факт некоторым указанием на приморское заселение территории современной Эстонии с побережья в позднее неолитическое время?

Только два черепа из всего имеющегося палеоантропологического материала Эстонии оказались мне доступными благодаря исключительной любезности археологов Х. А. Моора и Спарде. Первый череп, из Сопе

---

[1] По найденному в этом погребении топору данный тип топоров был назван «типом кюласема».

[2] Здесь было найдено кольцо из сланца.

[3] S. M. Fürst. Neolitische Schädel von der Insel Ösel. Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Riga, 1914.

(женский), связан с прибрежной частью страны; второй череп, из Арду (мужской), происходит из центральной части Эстонии. Оба черепа датируются одной и той же неолитической «культурой ладьевидных топоров».

В общих чертах эта культура II тысячелетия до н. э. характеризуется грунтовыми могилами, ладьевидными топорами с конической сверлиной и колоколовидными или шаровидными сосудами с тонким геометрическим орнаментом, началом скотоводства и, возможно, наиболее примитивными формами мотыжного земледелия.

1. Неолитический могильник Сопе

В дер. Сопе, Кивиылиского района, были найдены остатки десяти неолитических погребений.

Место находки расположено на побережье Финского залива, на расстоянии 1800 м от берега к югу. Это—невысокое, слегка пологое в сторону моря плато. Поверхность его представляет собой сильно раздутое песчанисто-гравийное, давно уже заброшенное поле. Это наклоненное к морю плато прорезает ручей Сопе. На правом его берегу и были сделаны первые находки неолитических скелетов еще в 1908 г.

В процессе обработки поля случайно на небольшой глубине были вскрыты и частично разрушены 7 скелетов. Надо думать, что первоначальная глубина захоронения была больше, но систематическая распашка и действие постоянных ветров, видимо, утончили постепенно слой, перекрывающий скелеты, в результате чего они и были обнаружены. Эта находка не была изучена сразу с должной полнотой археологами.

Только через 18 лет, т. е. в 1926 г., профессор Х. А. Моора произвел первые раскопки на этом месте. Он обнаружил остатки ранее открытых погребений, причем одно из них сохранилось еще относительно хорошо. Во всяком случае удалось выяснить, что погребенный был положен на бок с сильно поджатыми ногами. Обследование места захоронения дало ряд интересных находок. Видимо, это были остатки того инвентаря, который некогда был положен в могилу.

Там были обнаружены две проколки, резец, долото, кольцо из янтаря. Это кольцо было очень похоже на подобное же кольцо из Кыльяла, из погребения с брахикранным черепом на острове Эзель. К сожалению, эта интересная находка погибла (рассыпалась) в момент извлечения из земли. В непосредственной близости со скелетами погребенных людей были найдены раковины речных жемчужниц и остатки двух кострищ.

Продолжая раскопки, Х. А. Моора обнаружил ряд отдельных предметов и новое погребение. Скелет лежал на боку с сильно прижатыми к тазу голенями так, что общая длина захоронения не превышала метра. Скелет был ориентирован головой на юго-запад, ногами — на северо-восток. С погребенным заведомо были положены кое-какие вещи. В головах лежали проколка из кости барана и обломок другого полированного орудия из кости, вероятно, быка. Под нижней челюстью оказались обломок крупного орудия из кости домашнего быка и зуб дикой свиньи.

Спустя семь лет (в 1933 г.) раскопки были возобновлены. На этом же поле, в северо-западной его части, был обнаружен скелет, лежавший в слое песка на глубине 20—35 см от поверхности. Этот скелет, принадлежавший женщине, лежал на правом боку с наклоненной вперед головой, с руками, поднятыми и согнутыми так, что кости пальцев были найдены под правой щекой. Ноги поджаты. Скелет был ориентирован с северо-востока на юго-запад. Сопровождавший инвентарь располагался по преимуществу в ногах; у голени левой ноги стоял раздавленный сосуд колоколо-

видной формы, со слегка отогнутым краем, опоясанный невысоким пальцевым валиком, заключенным между двумя рядами точечных углублений. Близ колена правой ноги лежала створка речной жемчужницы, у мизинца левой ноги было найдено шило из метакарпальной кости козы. Под правым плечом, в специально выкопанной ямке, оказалась горсть мелких камней (рис. 154).

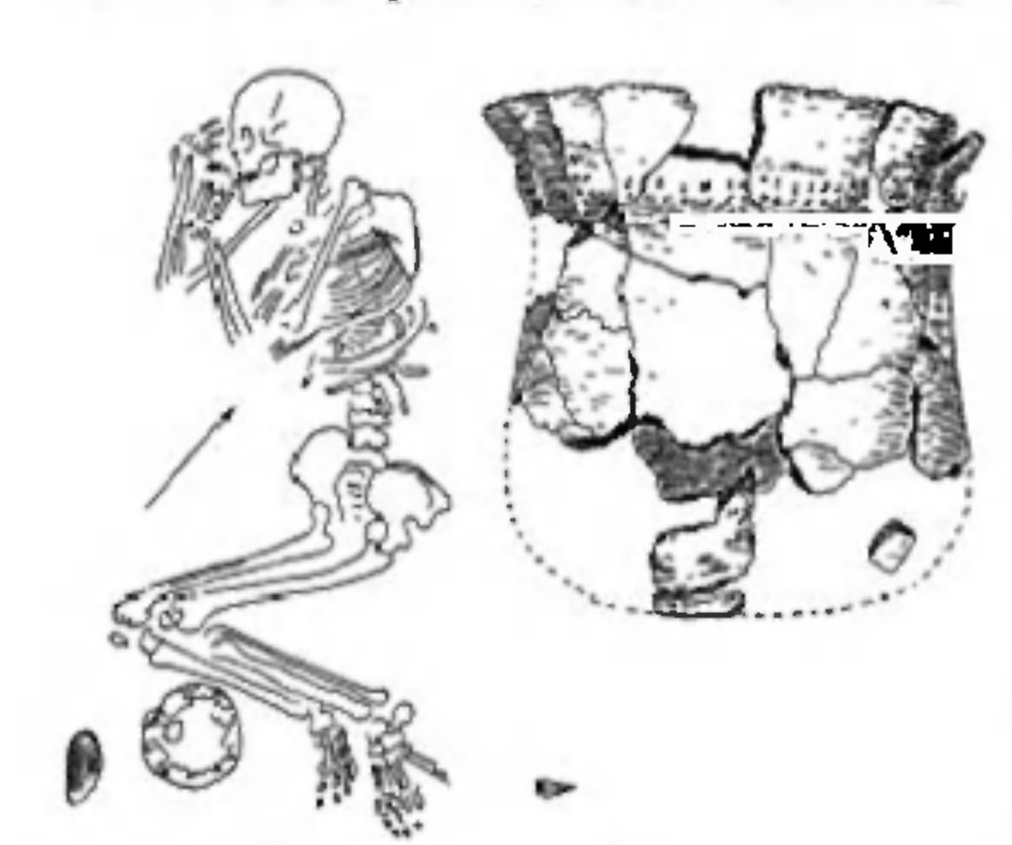

Рис. 154. Погребение из Сопе: положение скелета, колоколовидный сосуд.

2. Одиночные могилы Арду

В 1931 г. в дер. Арду в Косеском районе[1] при разработке небольшого гравийного карьера был обнаружен скелет неолитического человека.

Место находки расположено в 123 м к востоку от р. Пирит. Был найден череп и в 25 см от него — каменный топор. Находчик немедленно сообщил об этой находке в Археологический институт, в результате чего были предприняты специальные раскопки.

Место находки представляет собой дюнообразное всхолмление (72,5 м над уровнем моря), окруженное торфяными болотами и прорезанное р. Пирит.

Этот могильник содержал два погребения мужчин, захороненных на расстоянии 1,5 м друг от друга.

Погребение I. Скелет был найден на глубине 80—90 см от поверхности, в слое грубого песка, перекрытого слоем гумуса мощностью 25 см. Сохранность костей плохая. Костяк лежал на левом боку и был ориентирован головой на север. Согнутые в локтях руки были приподняты так, что кости их приходились на уровне лица. Ноги сильно поджаты. Кроме топора, о котором было сказано ранее, со скелетом были обнаружены: в области груди — длинный стерженек из кости (очевидно, фибула-застежка), у таза — каменное орудие (скребок или нож) и каменное острие.

Погребение II. Спустя некоторое время здесь же был найден второй костяк (рис. 155). Этот второй скелет лежал на левом боку с вытянутыми вдоль тела руками, с ногами, согнутыми в коленях и как бы запрокинутыми назад, так что оба бедра были параллельны и занимали по отношению к тазу положение под углом около 30°; голени же по отношению к бедрам образовали угол около 70°. Со скелетом обнаружен богатый инвентарь, чрезвычайно характерный для данного типа захоронений: ладьевидный топор, долото из рога, проколка, маленький клиновидный, симметрично заточенный топор, фибулообразная пуговица, мелкие кусочки сосуда с линейным орнаментом в виде входящих друг в друга углов.

Как ни мало мы знаем о жизни этой поры, изучение остатков материальной культуры, т. е. тех немногочисленных остатков ее, которые сопровождают погребения, дает право относить время этих захоронений

[1] «Opctatud Eesti Seltsi Toimetused», XXX, 1938, стр. 185—200.

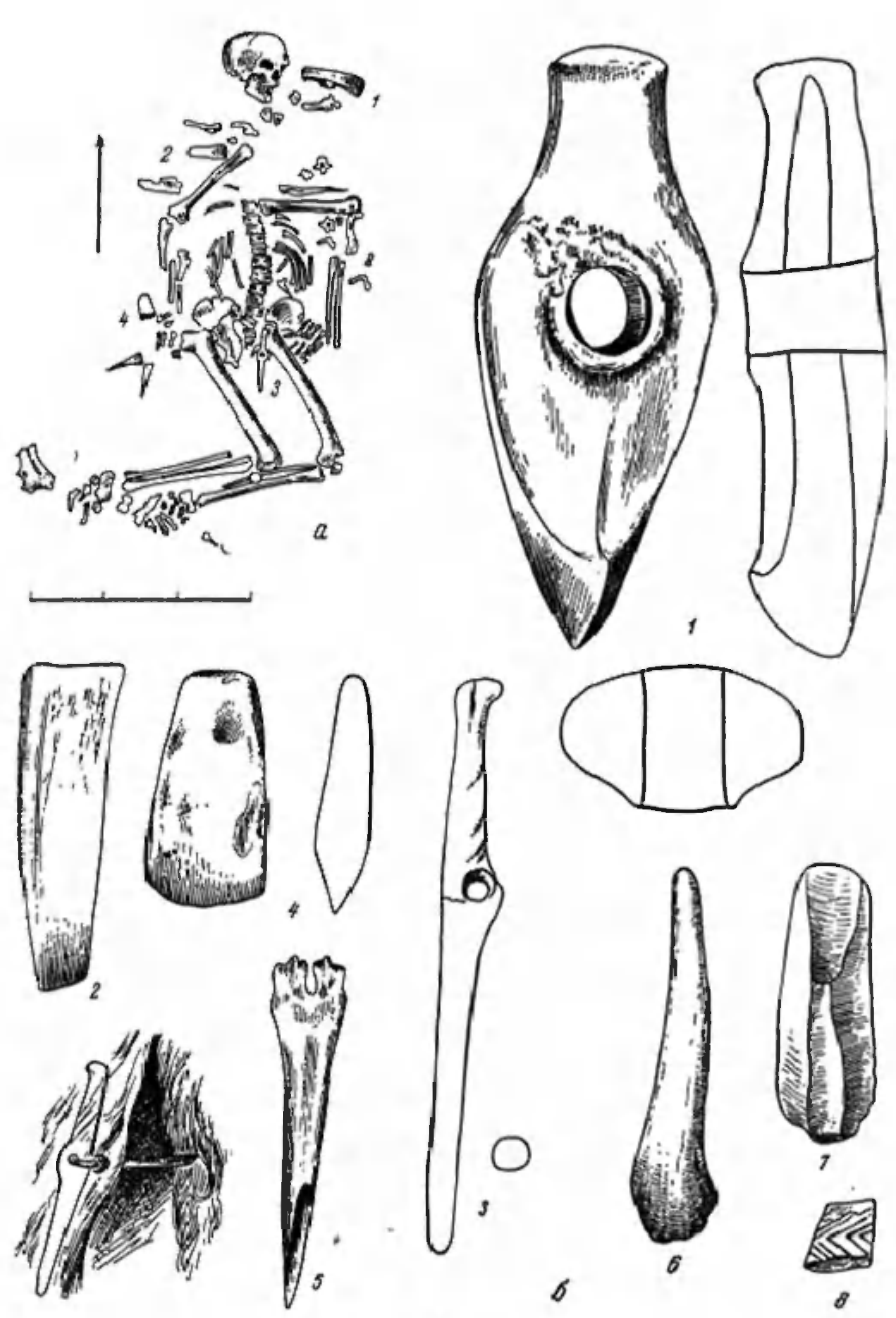

Рис. 155. Погребение II из Арду:

а — положение скелета; *б* — инвентарь: *1* — топор, *2* — долото костяное, *3* — фибула из кости, *4* — клиновидный топорик, *5* — шило, *6* — качедык, *7* — нож, *8* — черепок.

к одному из самых ранних этапов животноводства, поскольку в этих могилах были найдены кости домашних животных: собаки, быка, овцы или козы, свиньи. Однако размеры этого скотоводства, очевидно, были таковы, что вряд ли можно говорить о нем как об основном и единственном источнике существования человека. Постоянные многочисленные находки раковин речного моллюска с очевидностью свидетельствуют о некотором виде речного собирательства. Не исключена, конечно, возможность, что съедобный моллюск служил для корма свиней. Но о том, что этот моллюск употреблялся в пищу и человеком, свидетельствуют частые находки обожженных раковин и нередкое сопровождение этими раковинами погребения человека. Найденные с погребенными вещи не дают никакого права говорить о сколько-нибудь развитом рыболовстве; если оно и имело место, то как спорадический, сезонный промысел. Однако тяготение человека к приморской области, к озерам и рекам свидетельствует о том, что его хозяйственная база была чем-то связана с большими водоемами. Не исключена возможность, что охота была тоже одним из основных, но сезонных промыслов. Что же касается земледелия, то вероятность его (в крайне примитивной форме огородно-мотыжного хозяйства) возможна, но прямых указаний на это мы не имеем.

Кроме описанных наиболее ранних грунтовых могил неолитического времени, на территории Эстонии был обнаружен и другой род захоронений — курганный (очевидно, уже переход к металлу).

В 1902 г. М. Больц вскрыл близ хутора Вайзику овальный курган с каменной кладкой, под которой были обнаружены скелет человека и рядом с ним — каменная ножевидная пластинка. Череп был изучен и описан Р. Вейнбергом[1].

Череп из Вайзику — средней величины, резко долихокранен (указатель — 67), с относительно высоким сводом, широким покатым лбом, не очень выступающим затылком; надбровные дуги сильно развиты, лицо ортогнатное, узкое (указатель — 52,1), нос узкий, орбиты низкие, почти квадратные. Все эти признаки сближают этот череп с серией черепов с Ладоги. На основе указанных данных Р. Вейнберг выделяет эти черепа в особый тип долихокранных людей неолита. Именно данный тип Вейнберг считает древнейшей формой европейских долихоцефалов.

Спустя некоторое время С. М. Фюрст подтвердил наличие сходства черепа из Вайзику со многими черепами долихокранных форм неолита Швеции, что, может быть, верно. Однако объединять эти черепа, т. е. череп из Вайзику, с ладожскими, с нашей точки зрения, было бы совершенно неверно. Из всей серии ладожских черепов только три могут быть сравниваемы по степени своей сохранности. Мы имеем в виду черепа № 1, 7, 8 (табл. 17).

Приведенные данные с очевидностью показывают несоответствие основных размеров. Различны величины даже основных размеров свода. Особенно велика разница ширины мозгового черепа; она равна у всех ладожских черепов и превосходит на 8 мм размер у черепа из Вайзику, что нашло отражение в черепном указателе: череп из Вайзику — 67, ладожские черепа № 1 — 76,2; № 7—74,6; № 8—70,4.

При сравнении лицевого скелета бросается в глаза значительная ширина ладожских черепов; скуловой диаметр их — 133, 139 и 139 мм вместо 130,5 мм у черепа из Вайзику. Одновременно с этим лицо ладожских

[1] R. Weinberg. Der Schädel von Woisek. Sitz. Berichte der Naturforsch. Gesellschaft an der Universitat Juriew — Dorpat, Bd. 14, № 1, 1905.

Таблица 17

Основные измерения черепов из Вайзику и с Ладоги
(по Р. Вейнбергу, Ж. Аулю и Г. Ф. Дебецу)[1]

Размеры	Черепа			
	из Вайзику	ладожские		
		№ 1	№ 7	№ 8
1. Продольный диаметр, мм . .	194	180	185	196
8. Поперечный » мм . .	130	138	138	138
9. Наименьшая ширина лба, мм	96	86	97	—
8:1. Черепной указатель	67	76,2	74,6	70,4
9:6. Лобнопоперечный указатель	73,8	62,3	73	—
45. Скуловой диаметр, мм . . .	130,5	133	139	139
48. Высота лица, мм	68	65	69	74
48:45. Лицевой указатель	52,1	41,35	—	—
52:51. Орбитный »	71,4	82	77	80,95

людей значительно массивнее, тяжелее, больше. Таким образом, нам совершенно непонятны те основания, которые давали возможность шведским ученым сближать ладожские черепа с черепом из Вайзику и выделять их в одну и ту же категорию. Может быть, эти черепа были выделены только на том основании, что все они принадлежат к категории долихокранных европейцев. Но нам кажется такое выделение в одну категорию черепов с Ладоги и черепа из Вайзику совершенно ни на чем не основанным и излишним, так как это неправильно ориентирует археологов, доказывая якобы единство антропологического типа людей культуры ладьевидных топоров и ямочно-гребенчатого неолита в лесной полосе СССР.

3. Черепа из погребений в Сопе

Из 10 захоронений в Сопе только 2 черепа могли быть описаны антропологами. Оба они женские.

Несмотря на единство культуры и места находки, изучавший эти черепа антрополог Ж. Ауль склонен был видеть в них признаки двух различных антропологических типов. В черепе I он видит наличие кроманьонских черт, а череп II считает характерным представителем долихокранного европеоидного типа, представленного в Швеции многочисленными неолитическими захоронениями. Действительно, при сравнении этих черепов сразу же бросается в глаза, что череп I короче на 6 мм, шире на 2 мм, выше на 2 мм; лицо его ниже на 5 мм и шире на 8 мм. Но достаточно ли этих данных для выделения в различные категории антропологических типов? Нам представляется, что такая степень вариаций очень вероятна внутри одного и того же антропологического типа. Кстати, если уже говорить о приближении черепа I к кроманьонскому типу, то эта разница будет значительно больше, чем степень отличия его от черепа II. Череп II из Сопе представляет, повидимому, одну и ту же категорию долихокранного северного европеоидного типа, что и череп I, но является одной из крайних, резко грацилизованных форм этого типа. Этот череп был нами тщательно исследован; затем по нему была сделана реконструкция — сначала графическая, а затем и скульптурная.

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 92, № 91

Череп[1] — с нижней челюстью, хорошей сохранности. Повреждены: средние части скуловых дуг с обеих сторон, венечный и левый суставной отростки нижнечелюстной кости.

Высокий, узкий, относительно грацильный череп удлиненных пропорций.

1. Наибольший диаметр . . . . 180 мм.
2. Инионный диаметр . . . . 177 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 138 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 70.
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 75,58.

Череп в горизонтальной проекции — овоидной формы. Свод черепа со стороны затылка уплощенно-крышеобразный. Черепная коробка в профиль характеризуется высоким сводом при относительно невысоком и крутом лбе и округлом выступающем затылке. Лобная кость — удлиненных пропорций с хорошо развитыми и низко расположенными лобными буграми.

10. Наибольшая ширина лба . . . . 118 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 99 мм.
9: 8. Лобный указатель . . . . 74,1.

Глабелла слабо выражена, уплощена; выступание ее по шкале — 2 балла. В профиль носовая часть лобной кости средне выступающая.

Высота носовой части лобной кости по средней линии . 10 мм.
Высота носовой части сбоку . . . . 20 мм.

Надбровные дуги хорошо очерчены, округлой формы и в виде сплошного,верзко выступающего валика облегают весь верхний край орбиты, достигая по протяженности 3 баллов.

Выступание средней части надбровных дуг несколько превышает выступание глабеллы.

Лобная кость плавно переходит в теменные кости. Теменные кости округлы, выпуклы, со слабо развитыми теменными буграми. Затылок выступающий. Степень развития иниона определяется 2 баллами. Височные впадины высокие. Сосцевидные отростки крупные, округлой формы, обращены внутрь и вперед.

Лицо более всего напоминает триангулярную форму, утрачивая свою характерность в результате сужения лобной кости.

Высокое, узко профилированное лицо характеризуется относительно крупными глазницами, ортогнатностью альвеолярной части и небольшим выступающим подбородком.

47. Общая высота лица . . . . 107 мм.
48. Высота верхней части . . . . 68 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 120 мм (приблизительно).
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 89,23.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 56,7.

Орбиты — четыреугольной формы, с сильно закругленными латеральными углами, замкнутые.

Глазничные бугорки слабо выражены. Их положение свидетельствует о горизонтальном разрезе глаз. Фронтальная постановка орбит горизонтальная, профилировка орбит вертикальная.

51. Ширина орбиты . . . . 42 мм.
52. Высота орбиты . . . . 34,6 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 82.
50. Межорбитное расстояние . . . . 22.

Широкие носовые косточки — удлиненных пропорций, простой прямоугольной формы. Спинка носа вогнутая, слабо волнистая. Сечение спинки носа в средней части сводчатое.

56. Ширина носовых костей у корня . . . . 13 мм.
57. Наименьшая ширина . . . . 10 мм.
58. Наибольшая ширина . . . . 14 мм.

Носовое отверстие — удлиненных пропорций, грушевидной формы, с тонкими, ровными и острыми краями, которые книзу слегка притупляются. Подносовой край острый — anthropina.

Подносовый шип хорошо развитый, очень высокий, направленный прямо вперед; степень его развития по шкале достигает 3 баллов.

Высота грушевидного отверстия . . . . 35 мм.
Ширина в верхней части . . . . 16 мм.
Ширина в средней части . . . . 22 мм.

---

[1] J. Aul. Étude anthropologique des ossements humains néolithiques de Sope d'Ardu. Acta Instituti et musei zoologici Universitatis Tartuensis, 1935, № 15.

Ширина у основания . . . . 22 мм.
Высота положения crista conchalis . . . . 13 мм.
55. Высота носа . . . . 52 мм.
54. Ширина носа . . . . 22 мм.
54 : 55. Носовой указатель . . . . 42,3.

Скуловые кости — средних размеров, не выступающие. Собачьи ямки хорошо выражены. Верхнечелюстные вырезки пологие. Альвеолярная часть верхней челюсти невысокая, крайне ортогнатная.

Высота альвеолярной части . . . . 13 мм.
Расстояние P_2 и P_2 . . . . 52 мм.
Высота эмали резца (верхнего) . . . . . . 5 мм.

Зубы верхней и нижней челюстей целиком сохранились, за исключением клыка и M_1 нижней челюсти правой стороны. Резцы и клыки верхней челюсти имеют кариес. Коренные зубы стерты до дентина. Прикус зубов щипцеобразный. Зубы нижней челюсти стерты сильнее. На резцах и клыках стертость достигла полного сечения зуба.

Нижняя челюсть относительно грацильная. Высота ее тела — 26 мм. Выступание подбородка — 1 балл. Ветви нижней челюсти не высокие и не широкие.

Основные размеры свода черепа и лицевого скелета убеждают в том, что этот череп грацилен, узколиц, ортогнатен. Состояние облитерации швов свода черепа и степень стертости зубов свидетельствуют, что этот череп принадлежал женщине средних лет, примерно 40—45 лет. Несмотря на отмеченную грацильность черепа, форма скуловых костей и очертания нижней челюсти говорят о крепком, суховатом строении мягких тканей. Однако спокойный рельеф всего скелета указывает на то, что мышцы лица были пропорционально и равномерно развиты и что, видимо, мягкие покровы не отличались большой толщиной и не были обогащены жировой прокладкой. Все это давало право при восстановлении лица применить средний стандарт толщины мягких тканей (см. § 9, стр. 101—109).

Глубокая и широкая височная впадина с четким рельефом, несмотря на некоторую тонкость скуловой кости и сдавленной с боков скуловой дуги, указывает на то, что височный мускул, видимо, превышал обычную мощность современного женского лица европеянки. В соответствии с неширокими, но и невысокими, простого рисунка ветвями нижней челюсти m. masseter был уплощен, но не ослаблен.

Это расположение основных жевательных мускулов создает удлиненный, несколько сдавленный с боков овал лица; при этом нижняя часть лица относительно тяжела. Выйные линии затылочной кости достаточно сильны по сравнению с таковыми у современной женщины. Это указывает на сильную шею женщины неолитического времени. Шея ее была сильной, удлиненной, но не толстой.

Большие орбиты, широко открывающие камеры глазниц, свидетельствуют о выступании вперед глазных яблок. Притупленный, слегка завернутый вверху край орбиты указывает на некоторое набухание верхней части века; оно, видимо, образовывало складку над латеральным углом глаза. Собственно же веко — тонкое, повторяющее собой поверхность глазного яблока, с внутренней части глаза глубоко западающее в орбиту. Нижнее веко относительно толстое, простых очертаний, как бы слегка набухшее в латеральной части. Разрез глаз горизонтальный, глаза широко раскрыты.

Крутой лоб спокойно переходит к носу, корень которого едва углублен. Спинка носа слегка волнистая, горбинка его, подчеркнутая профилем носовых костей, невелика. Основание носа горизонтальное, ноздри неширокие, со слабо вырезанными крыльями носа. Общее впечатление — нос красивой формы, простого рисунка, средне широкий.

Альвеолярная часть верхней челюсти предельно ортогнатна, с вертикально стоящими резцами. Резцы нижней челюсти тоже стоят вертикально и образуют типичную форму щипцеобразного прикуса. Зубы обеих челюстей некрупные и образуют красивый, ровный ряд. Альвеолярный край нижней челюсти крайне мал. Подбородок — спокойного рисунка, образует в профиль широкий выступ, однако, не выходящий за пределы выступания верхней челюсти. Все это дает право воспроизводить тонко очерченный рот правильного, спокойного рисунка; верхняя губа с отчетливым фильтрумом едва выступает вперед. Губы средние тонкие в соответствии с высотой эмали передних резцов верхней челюсти. Носогубная складка — отчетливого рисунка, но не глубокая, в соответствии с вертикальной профилировкой фронтальной части скуловой кости. Подбородок округлый, отчетливого рисунка, но не сильно выступающий. Отмеченный кариес зубов еще не сказался на деформации внешней формы рта.

Ухо, вероятно, в соответствии с основными размерами носа, — большое. Отчетливый рисунок носа в какой-то мере указывает на четкость рельефа уха. Ухо поставлено круто, в соответствии с основным направлением ветви нижней челюсти.

Воспроизведенное в графической схеме лицо позволяет проследить в основных частях весь процесс восстановления и, следовательно, дает возможность некоторого объективного суждения о воспроизведенном облике (рис. 156).

Предлагаемая реконструкция головы женщины из Сопе II представляет собой, видимо, характерный антропологический тип позднего неолита Эстонии. Это представительница древнего европеоидного долихокранного типа, несомненно, близкого к современному северному типу европеянок. На территории лесной полосы СССР ближайшей аналогией этому типу является череп из Кузьмихинского могильника фатьяновского времени (раскопки О. Н. Бадера в 1930 г.; табл. 18).

Таблица 18

Основные размеры черепов из Сопе I и II и из Кузьмихинского могильника I

Размеры	Черепа		
	из Сопе I	из Сопе II	из Кузьмихинского могильника I
1. Продольный диаметр, мм	183	190	189
8. Поперечный » мм	135	133	139
8:1. Черепной указатель	73,8	70	74,7
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,2	74,4	82
45. Скуловой диаметр, мм	128	120	138
48. Высота лица, мм	63	68	68,5
48:45. Лицевой указатель II	49,2	56,7	49,63
54:55. Носовой указатель	49,9	42,3	50
52:51. Орбитный »	80,5	82	77,38

Рассматривая эти данные, мы видим, что кузьмихинский череп значительно шире обоих черепов Сопе. Шире его лоб, еще больше скуловая ширина. Орбиты немного ниже, и все же общее сходство формы черепа и прямое физиономическое сходство дают право относить их к одному и тому же варианту долихокранных европеоидов. При этом кузьмихинский

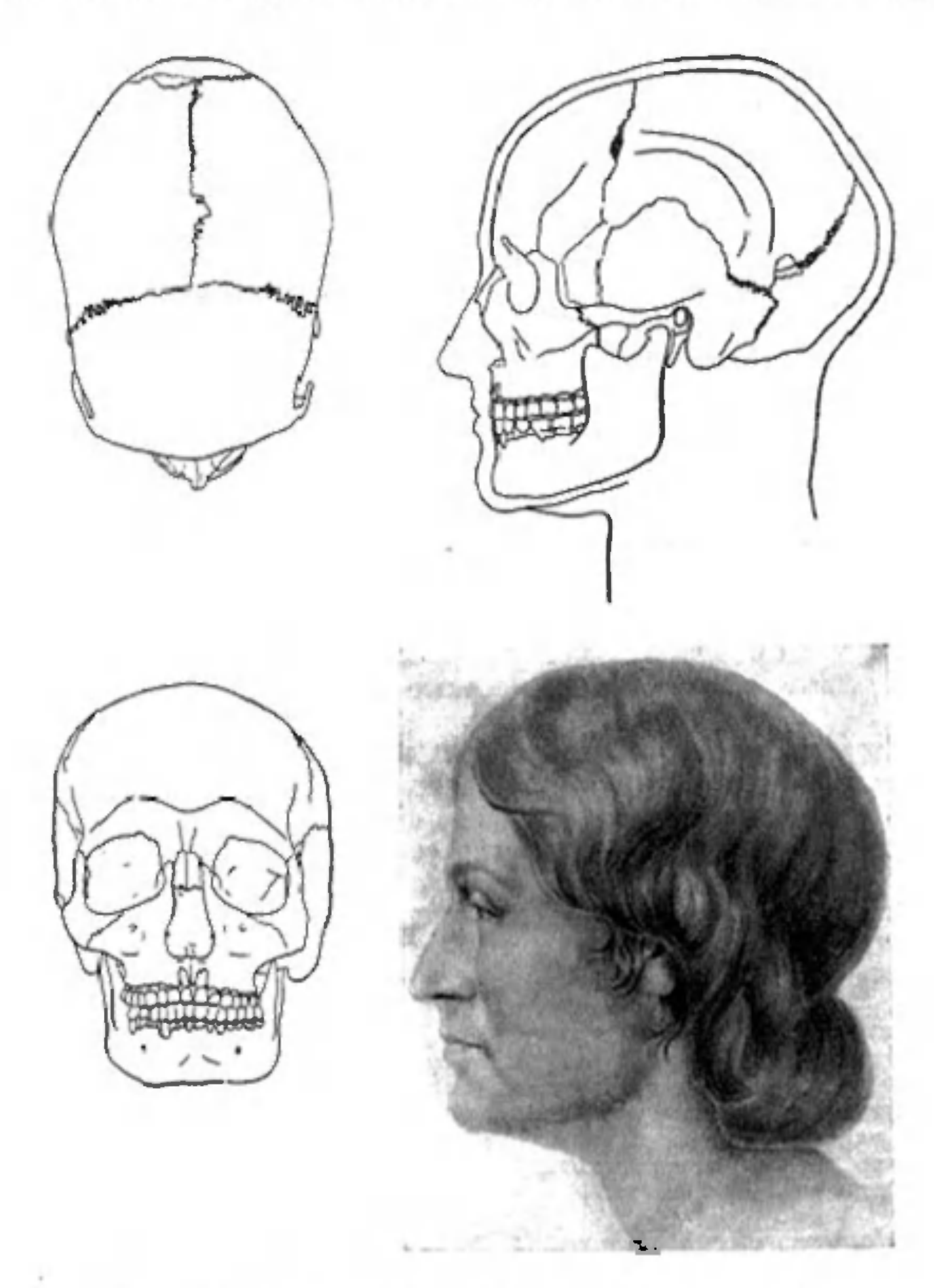

Рис. 156. Восстановление женщины по черепу из Сопс.

череп имеет больше тенденции к какой-то более древней форме, т. е. менее грацилизован. Это подтверждает наше предположение о том, что московско-ярославский вариант фатьяновской культуры имеет некоторые связи с антропологическим типом Северной Европы, что как будто бы находит некоторое подтверждение и в археологическом материале. Но это отнюдь не значит, что мы склонны рассматривать фатьяновскую культуру лесной полосы и культуру ладьевидных топоров как нечто единое; очевидно, они имели общий исходный пункт, возможно, где-то на юго-западе. Поэтому на ранних этапах развития этих культур весьма вероятна их большая близость. Недаром мы отмечаем элементы сходства во всех культурах ранних скотоводов Западной и Восточной Европы. Для всех их характерны свер-

ленные топоры, колоколовидные и шаровидные сосуды, примитивное скотоводство, первое знакомство с металлом и, может быть, примитивное земледелие.

4. Череп из Арду № 2745 : 5

Ж. Ауль был склонен относить череп из Арду (№ 2745 : 5) к категории смешанных форм[1]. Он указывает на долихокранность этого черепа как на один из признаков североевропейского происхождения. Одновременно с этим он указывает на ряд своеобразных древних признаков, восходящих якобы к палеолитическому типу кроманьонцев. В частности, им отмечаются большая толщина свода черепа, относительно резкое выступание надбровья, сильный гребень torys occipitalis и резко выраженный гребень височной линии torus temporalis. Далее он указывает на низкие орбиты и якобы примитивные формы подносовой части. Все эти признаки Ж. Ауль считает столь значительными и загадочными, что не рискует дать какую-либо характеристику антропологическому типу.

Г. Ф. Дебец высказывает вероятность наличия в данном черепе черт смешения кроманьонского типа и северного европеоидного, чем и склонен объяснить наличие этих своеобразных смешанных черт черепа из Арду [2].

Нам представляется, что нет никаких оснований выделять этот череп в такую категорию смешанного типа. Прежде чем дать окончательное решение этого вопроса, считаю необходимым привести описание черепа. Как всегда, это описание будет несколько специфично, так как нами будет обращено внимание на описательные признаки, ибо именно они обеспечат в дальнейшем правильное воссоздание образа этого человека, а это один из способов антропологической диагностики.

Череп — относительно хорошей сохранности. Сохранилась часть левой половины нижней челюсти.

Череп массивный, тяжелый, с очень хорошо выраженным рельефом, высокий, удлиненный в сагиттальном направлении. Венечный и стреловидный швы и средняя часть затылочного шва облитерированы; затылочный шов углов затылочной кости — сложного рисунка и сильно уплотнен.

Свод черепа сверху имеет бризоидную форму, но с уплощенной с боков и значительно удлиненной лобнотеменной частью. Со стороны затылка свод — крышевидной формы.

В профиль свод высокий, удлиненный в сагиттальном направлении, с низким, но крутым лбом; затылок невыступающий, преломленный, причем вал перегиба выражен в виде гребня.

1.	Наибольший диаметр	196 мм.
2.	Расстояние от глабеллы до иниона	190 мм.
8.	Поперечный диаметр	131 мм.
8 : 1.	Черепной указатель I	66,8.
8 : 2.	Черепной указатель II	68,05.

По черепному указателю I череп долихокранный. Надбровные дуги хорошо выражены, широкие, значительно приподнимаются, облегчают внутренний угол орбиты и заходят за ее середину (по шкале степень их развития — 2 балла).

Надбровные дуги выступают вперед больше, чем глабелла. Глабелла преломленная, короткая; степень ее выступания по шкале — 3 балла.

	Длина носовой части лобной кости	19,5 мм.
	Длина носовой части по средней линии	7 мм.
10.	Наибольшая ширина лба	116 мм.
9.	Наименьшая ширина лба	92 мм.
9 : 8.	Лобный указатель	77,1.

[1] J. Aul. Ук. соч.

[2] Г. Ф Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 92.

Теменные кости — удлиненных пропорций; теменные бугры выражены хорошо. Затылочная кость гладкая, выпуклая; после вала перегиба, который проходит примерно посередине длины затылочной кости, последняя уплощена. Вал перегиба представлен очень сильно выступающим гребнем со сложным и четким рельефом; по бокам он переходит в слабо выраженный валик и сливается с гребнем сосцевидного отростка. Инион сильно развит (3 балла).

Височная впадина глубокая, высокая и очень вытянутая в сагиттальном направлении. Torus temporalis хорошо выражен в виде двух линий. Они направлены почти параллельно друг к другу, объединены и переходят в широкую полосу, которая сзади раздваивается; одна ее часть подходит к сосцевидному отростку, другая заканчивается слабо выраженным валиком, соединенным со скуловой дугой.

Сосцевидный отросток массивный, выступающий по бокам; вершина его заострена, направлена вниз и несколько назад.

Лицо — пентагональной формы, небольшое, неширокое, несильно профилированное, с ортогнатной альвеолярной частью. Фронтальная часть лица относительно высокая. Нос высокий, неширокий, несильно выступающий, немного вздернутый, глазницы большие. Орбита — четыреугольной формы, с закругленными углами. Профилировка орбиты наклонная. Фронтальная постановка орбит средняя. Глазничные бугорки очень слабо выражены. Морфологические данные указывают на горизонтальный разрез глаз.

52. Высота орбиты	33 мм.
51. Ширина орбиты	39 мм.
51 : 52. Орбитный указатель	84,61.
50. Межорбитное расстояние	28 мм.

Носовые кости недливные. Корень носа несколько западает. Профиль слегка вогнутый.

55. Высота носа	52 мм.
54. Ширина носа	25,5 мм.
54 : 55. Носовой указатель	50.
56. Ширина носовых костей у корня носа	11,5 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей	9 мм.
58. Наибольшая ширина носовых костей	20 мм.
Наибольшая длина носовых костей	28 мм.

Носовое отверстие — удлиненных пропорций, грушевидной формы. Края грушевидного отверстия до crista conchalis — тонкие, острые, неровные, несколько загнутые внутрь. Начиная от crista conchalis, боковой край грушевидного отверстия несколько утолщается, притупляется, спускается вниз и раздваивается.

Подносовой шип большой, высокий, сжат с боков, узкий, весь приподнят прямо кверху. Край подносового шипа переходит в подносовой край. Степень развития подносового шипа по шкале — 4 балла.

Высота грушевидного отверстия	39,5 мм.
Ширина грушевидного отверстия	26,5 мм.
Высота положения crista conchalis	14,5 мм.

Лобный отросток верхнечелюстной кости сильно вздут, особенно на правой стороне. Собачьи ямки глубокие (3 балла).

Скуловые кости обломаны, причем правая — целиком, левая — частично.

Альвеолярная часть очень высокая, слегка прогнатная; ее высота . . . . 22 мм.

Зубы верхней челюсти ортогнатные; сохранились P_1, P_2, M_1, M_2 правой стороны и C, P_1, M_2, M_3 — левой. Остальные зубы, судя по состоянию альвеол, утрачены после смерти. Правый клык кариозный.

Коренные зубы стерты неровно: внутренняя часть (язычные бугорки) стерта сильнее — до дентина, в виде ямок. Наружные части сохранили следы бугорков и эмали.

Высота эмали резцов	3,5 мм
Расстояние P_2 и P_2	50 мм.

Это описание явилось основой для воспроизведения внешнего вида человека из Арду. Мы с особенной тщательностью рассмотрели отмеченные Ж. Аулем признаки примитивности данного черепа и не нашли их выходящими за пределы возможных вариаций степени развития рельефа даже по отношению к современному типу славян, не говоря о типических формах неолитических черепов. Таким образом, по ряду признаков, нам кажется, нет никаких оснований данный череп сравнивать с древними кроманьонскими формами палеолита. Для того, чтобы не быть голословным, рассмотрим отмеченные Ж. Аулем признаки в отдельности.

1. Свод черепа действительно массивен, но не очень. Среди современных людей,— у русских, поляков, немцев, бурят и других,— при анатомировании в моргах нам удавалось видеть своды черепов не меньшей толщины.

2. Глабелла и надбровье далеко не достигают степени их развития у типичных кроманьонцев. Они меньше, чем у черепов из Пшедмоста, Комб-Капелль, Кро-Маньона и Оберкасселя. Неолитические черепа — ладожские, с Оленьего острова, ряд черепов из Караванхи — обладают гораздо бо́льшими размерами этих признаков, и тем не менее это не является основанием сближать их с древними палеолитическими формами.

3. Лицо небольшое, узкое, тонкое, хотя и обладает сильным микрорельефом, но опять-таки оно совершенно не выходит за пределы вариаций лица современного человека.

4. Нет ничего примитивного ни в строении глазниц, ни, тем более, подносового края. Наоборот, эти формы крайне характерны для современного европеоидного типа, в частности,— подносовой край; его форма определяет резко приподнятое основание вздернутого носа. Что же касается сильных гребней основания черепа и затылка, то это указывает лишь на то, что данный субъект обладал, повидимому, мощной, очень крепкой мускулатурой шеи, кстати сказать,— вероятно, короткой, о чем можно судить по сохранившимся позвонкам. Малая ширина лица, общая грацильность его — свидетельствуют о том, что человек из Арду принадлежал к современному типу человека.

Учитывая все это в процессе воспроизведения лица, как это видно по графической схеме, мы использовали средний стандарт толщины мягких тканей. Однако в ряде мест (для глабеллы и затылка) пришлось внести незначительные поправки в соответствии со степенью развития рельефа кости. Прежде чем приступить к реконструкции головы, мы произвели частичную реставрацию недостающих частей черепа. Были реконструированы правая половина нижней челюсти и скуловые дуги.

При рассмотрении черепа возникла мысль о некотором несоответствии мозгового черепа и лицевого отдела; последний как бы очень облегчен, ослаблен, грацилизован. Бросаются в глаза малая ширина лица, тонкое очертание скуловых костей, относительно высокие орбиты с тонко очерченным краем, высокая альвеолярная часть. Все это признаки совсем другой категории, ничего не имеющей общего с кроманьонским типом.

Возраст этого человека — не старше 50 лет, о чем свидетельствуют облитерация швов и степень стертости зубов.

Воспроизведенное лицо дает представление о своеобразном типе, несомненно, представляющем собой одну из древнейших форм варианта современного балтийского типа с наличием некоторых черт северной долихокранной расы. При взгляде на реконструкцию невольно возникает мысль о большой древности балтийского типа на территории современной Эстонии. Не является ли данный тип тем основным, аборигенным слоем, ставшим одним из компонентов при смешении пришельцев, людей культур ладьевидных топоров, и древнего типа, уже жившего на данной территории. Данный череп не дает никакого права говорить о следах древнего типа кроманьонцев на территории Эстонии и о генетической связи кроманьонцев с местным неолитическим типом. Таким образом, череп из Арду следует относить, действительно, к категории местного балтийского типа, смешанного с пришлым типом долихокранного европейца (рис. 157).

Рис. 157. Реконструкция по черепу мужчины из Арду.

Итак, оба черепа, — из Сопе II и Арду I,— являлись основой для воспроизведения облика древнейших людей эпохи неолита на территории современной Эстонии. Оба они принадлежат к европеоидной расе. При этом голова женщины из Сопе представляет древний долихокранный северный тип, а голова из Арду — смешанный тип, являющийся результатом метизации пришлого северного и древнебалтийского, видимо, аборигенного типа. Этот антропологический тип северобалтийского европейца в процессе дальнейшего формирования, дальнейшей грацилизации дошел до нас в виде типических черт современной балтийской расы, истоки которой, как это видно, следует искать в древнейших европеоидных черепах Оленьего острова.

§ 43. ЛЮДИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА УРАЛЕ.

В 1949 г. я имел возможность изучить, а в дальнейшем и восстановить внешний облик молодой женщины неолитического времени из Шигирского торфяника.

Череп был найден в 1886 г. и хранился в музее Уральского общества любителей естествознания, ныне — Свердловском музее краеведения, в отделе археологии под № 32. В 1892 г. этот череп был впервые изучен и описан Д. П. Никольским[1].

Данный череп, с нашей точки зрения, представляет исключительный интерес, поэтому вторичное опубликование его мы считаем вполне уместным.

По данным музея и Д. П. Никольского, этот череп происходит из торфяника Верх-Исетских заводов. В регистрационном списке музея об этой находке сказано, что череп найден в районе Верх-Исетских заводов на Кудринском золотом прииске, на 5-аршинной глубине и на 1/4 аршина выше золотоносных песков. Д. П. Никольский указывает, что при передаче ему для обработки этого черепа было одновременно сказано, что вместе с черепом найдены деревянное весло и какие-то черепки глиняной посуды.

Описание черепа № 32

По Д. П. Никольскому, внешние признаки черепа следующие: цвет черепа темнобурый, с черноватым оттенком, гладкий, блестящий; лоб низкий, убегающий, спереди узкий, лобные бугры слабо развиты, надбровье тоже слабо развито. Темя длинное, уплощенное, теменные бугры развиты несильно. Затылок округлый. Швы на черепе ясно видны, хорошо развиты и плотно прилегают друг к другу. Окостенения между ними нет. На теменном шве заметны вароливвы косточки. Такие же косточки отмечаются на теменно-затылочном шве. Зубов сохранилось на верхней челюсти всего семь, остальные, надо думать, вывалились посмертно. Кариозных зубов два: третий и четвертый с левой стороны.

Принимая во внимание, что зубов мудрости нет,— а они обыкновенно прорезаются между 20 и 25 годами,— следует допустить, что указанный череп принадлежал человеку в возрасте 20—25 лет. Нижняя челюсть отсутствует.

Горизонтальная окружность	478 мм.
Лобная часть горизонтальной окружности	228 мм.
Вертикальная окружность	325 мм.
Лобная часть вертикальной окружности	118 мм.
Длина затылочного отверстия	28 мм.
Ширина затылочного отверстия	21 мм.
Длина основания черепа	93 мм.
Поперечная окружность	305 мм.
Целая поперечная окружность	430 мм.
Ушной диаметр	113 мм.
Продольный диаметр	163 мм.
Прямая длина черепа	157 мм.
Поперечный диаметр	137 мм.
Высотный диаметр I	127,5 мм.
Высотный диаметр II	134 мм.
Наибольший лобный диаметр	117 мм.
Наименьший лобный диаметр	100 мм.
Ширина основания черепа	100 мм.
Наибольшая ширина черепа	123 мм.
Ширина лица	88 мм.
Скуловой диаметр	123 мм.
Межглазничное расстояние	17 мм.
Ширина глазницы	26 мм.

[1] Д. П. Никольский. О черепе человека, найденном на золотых приисках Верх-Исетского округа Екатеринбургского уезда. Записки Уральского об-ва любителей естествознания, т. 15 1. Екатеринбург, 1895.

Высота глазницы . . . . 21 мм.
Высота лица (верхняя) . . . . 57 мм.
Высота носа . . . . 42 мм.
Ширина носового отверстия . . . . 22 мм.
Длина твердого неба . . . . . 29 мм.
Ширина неба . . . . 23 мм.
Емкость черепа . . . . 1247 куб. мм.

Из приведенных измерений можно сделать следующие выводы: по горизонтальной окружности череп принадлежит к микрозомам; по черепному указателю (84)— суббрахикранный; по высотному указателю (78,2) — высокоголовый; по лобному указателю (72,5) — большелобый, по глазничному указателю (79,8) — средний; по носовому указателю (52,3)— широконосый.

В окончательном своем выводе Д. П. Никольский указывает, что данный череп узконосый. Вероятно, это опечатка: не узконосый, а широконосый.

Г. Ф. Дебец, видевший череп с Кудринского прииска, отмечает в нем элементы тех же черт, что и у черепа из Старшего Волосовского могильника. Одновременно с этим он указывает на большую грацильность черепа с Кудринского прииска. Для того, чтобы определить место антропологического типа, представленного этим черепом, в известной нам серии черепов неолита лесной полосы Восточной Европы, приведем основные измерения других женских черепов:

Основные измерения женских черепов неолитического времени лесной полосы СССР

Признаки	с Кудринского прииска	из Старшего Волосовского могильника	из поселения на Модлове	из погребения А на Караваихе	из Володар
Горизонтальная окружность, мм	478	522	—	—	—
Продольный диаметр, мм	163	180	174	164	177
Поперечный » мм	137	144	140	139	137
Высотный » мм	127,5	—	—	126	137
Наибольший лобный диаметр, мм	133	126	—	116	116
Наименьший лобный диаметр, мм	100	97	87	91	93
Ширина лица, мм	88	111	106	105	108
Скуловой диаметр, мм	123	133	133	132	134
Межглазничное расстояние, мм	17	23	20,6	21	—
Ширина глазницы, мм	26	43	42	42	—
Высота » мм	21	35	32	33	39
Высота лица (верхняя), мм	57	63	61	61	67
Высота носа, мм	42	47	46	48	50
Ширина » мм	22	24	22	25	24

Приведенный цифровой материал красноречиво свидетельствует о том, что череп с Кудринского прииска никак не может быть поставлен в один ряд с черепами окского неолита и черепами из Вологодской области. Все сравнимые с ним черепа, безусловно, в большей или меньшей степени близки друг другу. При этом волосовский череп,— несомненно, наиболее монголоидный из них,— занимает крайнюю позицию, имея почти по всем размерам более высокую отметку. Череп из Володар, несмотря на несомненное превалирование европеоидных черт, по абсолютным своим размерам наиболее близок к волосовскому черепу. Черепа из Караваихи и с Модлоны в ряде своих размеров почти тождественны, что видно при сравнении основных размеров лицевого скелета:

Признаки	Черепа	
	с Модлоны	из Караванхи
Ширина лица, мм	106	105
Скуловой диаметр, мм	133	132
Межглазничное расстояние, мм	20,6	21
Ширина глазницы, мм	42	42
Высота » мм	32	33
Высота лица (верхняя), мм	61	61

Только размеры носа у черепа из Караванхи значительно превышают размеры носа у черепа с Модлоны (с Модлоны — 46 × 22 мм, из Караванхи — 48 × 25 мм). Это, конечно, физиономически должно сильно отличить череп из Караванхи от черепа с Модлоны, и тем не менее оба они представляют очень близкие метисные категории, причем совершенно очевидно, что в модловском черепе проглядывают древние черты монголоида, а в черепе из Караванхи в большей степени отмечаются черты лапоноидные.

Череп с Кудринского прииска по всем основным размерам еще меньше, еще тоньше и, несмотря на это, несомненно, имеет черты некоторой монголизации.

Прежде чем воспроизвести по данному черепу голову, необходимо было реконструировать недостающую нижнюю челюсть. Хорошо сохранившаяся альвеолярная часть кудринского черепа дала возможность с достаточной долей достоверности воспроизвести зубной ряд. Зубы были чуть прогнатны; реконструированный ножницеобразный прикус и тонкая, легкая нижняя челюсть с короткими, неширокими восходящими ветвями вполне отвечали общему облику черепа.

Воспроизведенный на данной основе образ молодой женщины дает полное представление об этом древнем и своеобразном метисном антропологическом типе. В первую очередь следует отметить крайнюю малоголовость. Лоб широкий, покатый, с сильно выступающей глабеллой, хорошо очерченным надбровьем. Лицо маленькое, низкое, ортогнатное, с коротким, невыступающим носом средней ширины, с относительно высокой переносицей. Глазницы небольшие, глаза глубоко сидящие, с нависающим верхним веком. Расстояние между глазами маленькое, щеки приподняты, что определяется тонко очерченными скуловыми костями. Несмотря на общую ортогнатность лица, альвеолярная часть довольно сильно прогнатна, но зубы поставлены почти вертикально, что дает возможность реконструировать некоторую прохейличность рта. Несмотря на эту прохейлию, рот не толстогуб и относительно мал.

Реконструированное лицо дает некоторое представление о древнем варианте субуральского типа (рис. 158).

Одновременно с черепом из Шигирского торфяника мне был передан для обработки череп без нижней челюсти (№ 1758) из Свердловского музея. Череп, как зарегистрировано в музее, найден в речниках древнего русла реки на 7-аршинной глубине в Иннокентьевском разрезе Царево-Андреевской дистанции, Миасского округа, Оренбургской губернии [1].

Этот череп молодого мужчины чрезвычайно близок по внешнему виду к черепу из Шигирского торфяника. Он точно такого же почти черного цвета, обладает той же степенью патинизации и минерализации. Совершенно очевидно, что он происходит из подобных же слоев речных обра-

[1] Каталог Музея Уральского об-ва любителей естествознания, 1898.

Рис. 158. Реконструкция по черепу женщины Шигирской культуры

зовании. По устным данным, мне известно, что и с этим черепом были найдены какие-то археологические предметы, но точно ничего установить не удалось. Наведенные справки пока что не дали никаких результатов.

По своему антропологическому типу череп очень близок к черепу из Шигирского торфяника, поэтому условно, исходя из стратиграфии, мы считаем этот череп по времени синхронным черепу из Шигирского торфяника. Это дает нам право, несмотря на неполноту сведений об условиях находки, описывать данный череп как неолитический.

Описание черепа № 1758[1]

Череп — хорошей сохранности. Нижняя челюсть отсутствует. Форма черепа сверху сфеноидная. Со стороны затылка череп — уплощенно-крышевидной формы. Свод черепа высокий. Лоб высокий, покатый. Затылок преломлен под тупым углом. Вал перегиба выражен отчетливо.

1. Наибольший диаметр . . . . 168 мм.
2. Расстояние от глабеллы до инпона . . . . 160 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 128 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 76,19 (субдолихоцефал).
8 : 2. Черепной указатель II . . . . 80.

Лобная кость относительно большая, широкая. Рельеф ее сложный. Лобные бугры хорошо выражены, широко расставлены и несколько смещены книзу.

Надбровные дуги выступают весьма, приподняты над верхним краем орбит; степень их протяженности по шкале — 1 балл. Глабелла преломленная, уплощенная; степень ее выступания по шкале — 2 балла. Скуловые отростки лобной кости тонкие, узкие, длинные. Носовая часть лобной кости узкая, довольно длинная.

Длина носовой части сбоку . . . . 19 мм.
Длина носовой части по средней линии . . . . 8 мм.

Теменные кости короткие, уплощенные у задних нижних углов. Теменные бугры сильно выступают; затылочная кость узкая.

Степень выступания инпона по шкале . . . . 1 балл.

Височные впадины глубокие во фронтальной части и высокие.

Сосцевидные отростки маленькие, направленные вперед и вниз.

Лицо — пентагональной формы, профилированное. Нос слабо выступающий, узкий. Глазницы — средних размеров. Общая высота лица с реконструированной нижней челюстью — 106 мм

48. Высота верхней части . . . . 63 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 114 мм
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 59,43.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 92,98.

Орбиты глубокие, прямоугольные, с закругленными латеральными углами, замкнутые. Глазные бугорки выражены слабо. Фронтальная постановка орбит горизонтальная. Вертикальная постановка орбит наклонная. Разрез глаз почти горизонтальный.

52. Высота левой орбиты . . . . 30,5 мм.
51. Ширина левой орбиты . . . . 37 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 82,43.
Межорбитное расстояние . . . . 24 мм.

Спинка костного носа в сечении — сводчатой формы.

56. Ширина носовых костей в верхней части . . . . . 8 мм.
57. Ширина носовых костей в средней части . . . . . 11 мм.
58. Ширина носовых костей в нижней части . . . . . 15 мм.
Наименьшая ширина носовых костей . . . . 6,5 мм.

Носовое отверстие узкое, грушевидной формы. Верхний и боковые края грушевидного отверстия острые. Нижний край также заострен. Под заостренным нижним краем, по обеим сторонам подносового шипа, расположены короткие желобки, не достигающие нижних углов грушевидного отверстия. Подносовой шип сломан. Основание его приподнято.

Высота положения crista conchalis . . . . 9 мм.
Ширина грушевидного отверстия . . . . 20 мм.

Нос в верхней части вогнут. Конец носовых костей опущен. У корня носа носовые косточки уплощены. Переход их в глабеллу плавный.

Ширина носа . . . . 20 мм.

Скуловые кости грацильные, узкие, сложных очертаний. Скуловые бугры хорошо выражены. Собачьи ямки глубокие. Верхнечелюстные вырезки неглубокие. Альвеолярная часть прогнатная, высокая. Высота ее — 13 мм. Расстояние между альвеолами P_2 и P_2 — 47 мм. Сохранился только верхний M_1 правой стороны со стертой эмалью бугорков. Часть его коронки отломана. Остальные зубы утеряны после смерти. Альвеолы их глубокие с острыми краями.

Прежде чем воссоздать внешний облик этого человека, нам пришлось воспроизвести нижнюю челюсть. Своеобразие строения альвеолярной части верхней челюсти и крайняя миниатюрность черепа обусловили основные размеры и форму реконструированной челюсти.

---

[1] Описание было выполнено сотрудницей нашей лаборатории Г. В. Лебединской; ею же сделаны зарисовки черепа диоптрографом. На черепе имеется надпись: «Череп № 12» (наклейка). На лобной кости написано тушью: «№ 120, 27-I». На затылочной кости написано: «Царево-Андреенской дистанции».

Рис. 159. Реконструкция по черепу мужчины с Урала.

По своему антропологическому типу данный череп обладает основными признаками европеоида с малой головой (субдолихокранный), очень низким, маленьким лицом, относительно сильно развитой глабеллой, очень тонко очерченными, но вместе с тем уплощенными скуловыми костями, укороченными пропорциями носового отверстия и чуть заметной прогнатностью верхней челюсти.

Все эти признаки в основе своей, конечно, восходят к европеоидному типу, но одновременно с этим видны, несомненно, черты легкой монголизации, которую можно назвать ранним вариантом субуральского типа. Этот череп, как уже и говорилось, повторяет те же самые черты, что и череп женщины из Шигирского торфяника. Среди неолитического населения лесной полосы Восточной Европы, степной части Восточной Европы

и всей Центральной и Южной Сибири мы не можем назвать ни одного черепа, сколько-нибудь приближающегося по своим основным размерам к данной категории. Это какой-то своеобразный, видимо, метисный, местный вариант, характерный для неолитического населения Урала (рис. 159).

§ 44. НЕОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ БАЙКАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бассейны рек Ангары и Лены в эпоху неолита и энеолита были густо заселены. По высоким берегам этих рек, на островах их, на островах оз. Байкал и его берегах почти беспрерывной цепью тянутся остатки древних поселений и могильников. Исследователями М. П. Овчинниковым, Н. И. Витковским, позднее А. П. Окладниковым, П. П. Хороших и нами было вскрыто большое количество погребений неолитической поры. М. П. Овчинников был свидетелем строительства железной дороги и вокзала Иркутска. При земляных работах, связанных со строительством железной дороги, с прокладкой полотна, проходившего по левому берегу Ангары, вскрыто множество захоронении. Эти захоронения были совершены в разное время неолитической и энеолитической эпох. Большая часть найденных костяков и богатый инвентарь их утрачены, во те из них, которые сохранились, относятся к различным этапам ангарского неолита.

А. П. Окладников, очень много работавший в данном районе, на основании анализа инвентаря, по преимуществу погребений, наметил ряд этапов байкальской культуры: 1) хиньский, 2) исаковский, 3) серовский, 4) китойский, 5) глазковский и 6) шиверский [1].

Проводя систематические маршрутные обследования берегов Ангары и Лены и нижнего течения Селенги, А. П. Окладников только за последние годы зарегистрировал не менее 200 могильников. В ряде мест им были произведены раскопки, давшие громадный вещевой и антропологический материал. Основная масса антропологического материала сосредоточена в Иркутском и Якутском музеях. Некоторое количество его находится в ГМА и МАЭ в Ленинграде.

Г. Ф. Дебец систематически занимался изучением добытого А. П. Окладниковым антропологического материала; им изучен почти весь наличный материал по неолиту Ангары, Лены, Селенги. В ряде своих работ, при характеристике антропологического типа неолитического населения этого района Сибири, Г. Ф. Дебец склонен выделять два основных этнических элемента [2]: с одной стороны,— черепа с более или менее ярко выраженными европеоидными чертами, с другой стороны,— несомненные монголоиды.

В новой своей работе «Антропологические исследования в Камчатской области»[3] Г. Ф. Дебец снова пересматривает весь палеоантропологический материал Прибайкалья и приходит к очень интересному выводу: «Тип неолитического населения Прибайкалья представляет собою древнюю форму, не обнаруживаемую в современном населении. По отношению ко всем современным монголоидным типам населения Сибири (а не только

[1] А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК, IX, 1941, стр. 5—14; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1951.

[2] Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита. РАЖ, т. 19, вып. 1—2, 1930; его же. Палеоантропология СССР.

[3] ТИЭ, новая серия, т. XVII, 1951.

к байкальскому) палеосибирский тип населения занимает, примерно, такое же положение, как кроманьонский или протоевропейский тип по отношению к современным типам европеоидной расы»[1].

Это решение вопроса, повидимому, очень правдоподобно и этим, в первую очередь, следует объяснить некоторые черты палеосибирского типа, его низкие глазницы, большое выступание носа и т. д.

Систематическую обработку палеоантропологического материала Прибайкалья методом реконструкции мы только начинаем, так как лишь после разработки метода графической реконструкции стало возможным массовое изучение материала, а не выборочное изготовление отдельных скульптурных портретов. Естественно, что в настоящей работе мы не предполагаем дать полной характеристики населения Прибайкалья эпохи позднего неолита и энеолита. Привлеченный нами материал еще очень мал. Но и этот небольшой материал заставляет нас несколько по-иному представлять себе это население. Его антропологический тип неоднороден и не в такой степени изолирован от более позднего населения этих же мест, как это представляется Г. Ф. Дебецу. Поэтому мы считаем возможным предложить ряд реконструкций, связанных с поздними этапами неолита и энеолита, причем в ряде случаев как будто бы удается доказать наличие весьма смешанного населения для одного и того же исторического времени. В другом месте с этим же культурным этапом связан однородный антропологический тип. Черепа «ранних этапов» неолита Прибайкалья нам неизвестны[2].

Обработанный нами антропологический материал связан с китойским и глазковским этапами. По А. П. Окладникову, китойский этап датируется концом III тысячелетия — началом II тысячелетия до н. э.[3].

Несмотря на то, что китойский этап нам известен, главным образом, по могильникам, мы можем, исходя из обильного инвентаря, сопровождающего погребения, с достаточной достоверностью говорить об основах хозяйства населения этого этапа. Многочисленные гарпуны из кости, сложные рыболовные крючки, отпечатки мелкоячеистой сети на стенках сосудов указывают на рыболовство как на основное производство. Рыбу били гарпуном-острогой, ловили крючковой снастью и сетями.

Многочисленные острия, наконечники дротиков из кости, сложные наконечники из кости с вкладными лезвиями из камня, рогатины из рога изюбря, наконечники стрел из кости камня — свидетельствуют о степени развития охоты. Судя по использованной для костяного инвентаря кости, можно примерно сказать об основных охотничьих животных. На первом месте, очевидно, был лось, затем, изюбрь, косуля, кабан, бобр, тарбаган, заяц. Кости медведя, лисицы, барсука, выдры встречаются крайне редко. Поражает полное отсутствие костей волка и собаки. Из птиц достоверен лебедь. Какая ловилась рыба,— сказать нельзя, но, судя по крючковой снасти (рыболовные крючки достигали длины 18 см), она была громадной. Наличие тесел и топоров обеспечивало возможность изготовления лодок,— вероятно, долбленых челнов.

---

[1] ТИЭ, новая серия, т. XVII, 1951.

[2] Черепа исаковского и серовского этапов мы считаем более поздними, чем китойские.

[3] Мы не рассматриваем в настоящей работе вопросы хронологии, но считаем необходимым отметить, что вопрос о хронологии неолита Прибайкалья, очевидно, еще нуждается в пересмотре. В частности, китойский этап, вероятно, следует датировать более ранним временем, а глазковский — более поздним; место исаковского и серовского этапов — между ними.

Основным памятником китойского этапа следует считать Китойский могильник, раскопанный Н. И. Витковским [1].

Столь же интересен найденный нами в 1927 г. могильник в Иркутске, в предместье Глазково, в саду циклодрома. На этом могильнике нам удалось вскрыть пять погребений, из них три — парных, причем, в двух случаях могилы содержали мужской и женский скелеты, ориентированные в разные стороны головами: мужской — на северо-запад, женский — на юго-восток. В одном из парных погребений находилось два мужских скелета, причем покойники были погребены в очень тесной могиле, так что один несколько перекрывал другого, и оба лежали головами почти точно на запад. Одиночные могилы содержали в одном случае скелет мальчика 15 лет, в другом — скелет пожилой женщины (не менее 55 лет). Все погребения, обнаруженные в саду циклодрома, обильно посыпаны кровавиком [2].

Погребения на циклодроме, вскрытые нами, не отличаются богатством инвентаря. Все скелеты вытянуты на спине, у мужчин руки лежат вдоль тела, у женщин кисти чуть согнуты на лобковых костях. Все эти погребения образуют один ряд, вытянутый с северо-запада на юго-восток.

1. Погребения на циклодроме

Погребение 1 (рис. 160). На глубине 50 см от поверхности, в суглинке желтого цвета, проступило красноватое пятно овальных расплывчатых очертаний. Длина пятна — 1,90 м. На 20 см ниже, в слое супеси совершенно красного цвета, оказались два вытянутых скелета: мужчина, высокий (не менее 1,75 м), сильный, молодой, не старше 30 лет, и женщина значительно меньше ростом (вряд ли больше 1,55 м), лет 18—20. На голове мужчины оказалось традиционное украшение из распиленных клыков кабана (объединявшихся попарно остриями, для чего в них были просверлены отверстия). В области шеи и груди у мужчины и у женщины лежало множество резцов тарбагана (у мужчины — только целых около 50 штук, у женщины — всего 18, но, кроме них, еще 8 резцов бобра). У правого локтя мужчины лежал вниз острием большой (125 мм) клинок, изготовленный из тонкой пластинки кремнистого сланца беловато-серого цвета. Клинок обработан двусторонней ретушью, причем, с одной стороны она покрывает всю поверхность тонкими встречными сколами; с другой стороны ретушь более крутая и короткая, так что на середине пластинки ретуши нет. В области правой подвздошной кости, выше ее, острием вверх лежал очень массивный, толстый, но тщательно обработанный наконечник, вероятно, дротика (длина — 110 мм) из прозрачного розового кварцита. У поясничных позвонков слева оказалось маленькое, очень тщательно изготовленное нефритовое тесло (ширина лезвия — 46 мм) темнозеленого цвета. Сохранность костей плохая.

У женщины в области груди был положен орнаментированный игольник, в котором оказалось 10 иголок с ушками.

Погребение 2. На глубине 90 см от поверхности, в супеси, появилось розоватое пятно, а на 10 см ниже были обнаружены кости погребенных мужчины и женщины. Мужчина невысокий, но коренастый

---

[1] Его работы: Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии. ИВСОРГО, т. XI, № 3—4, Иркутск, 1881; Отчет о раскопках могил каменного века в Иркутской губернии на левом берегу р. Ангары. ИВСОРГО, т. XIII, № 1—2, Иркутск, 1882.

[2] Н. И. Витковский говорит в своих отчетах о противоположной ориентировке некоторых захоронений, предполагая половое различие погребенных.

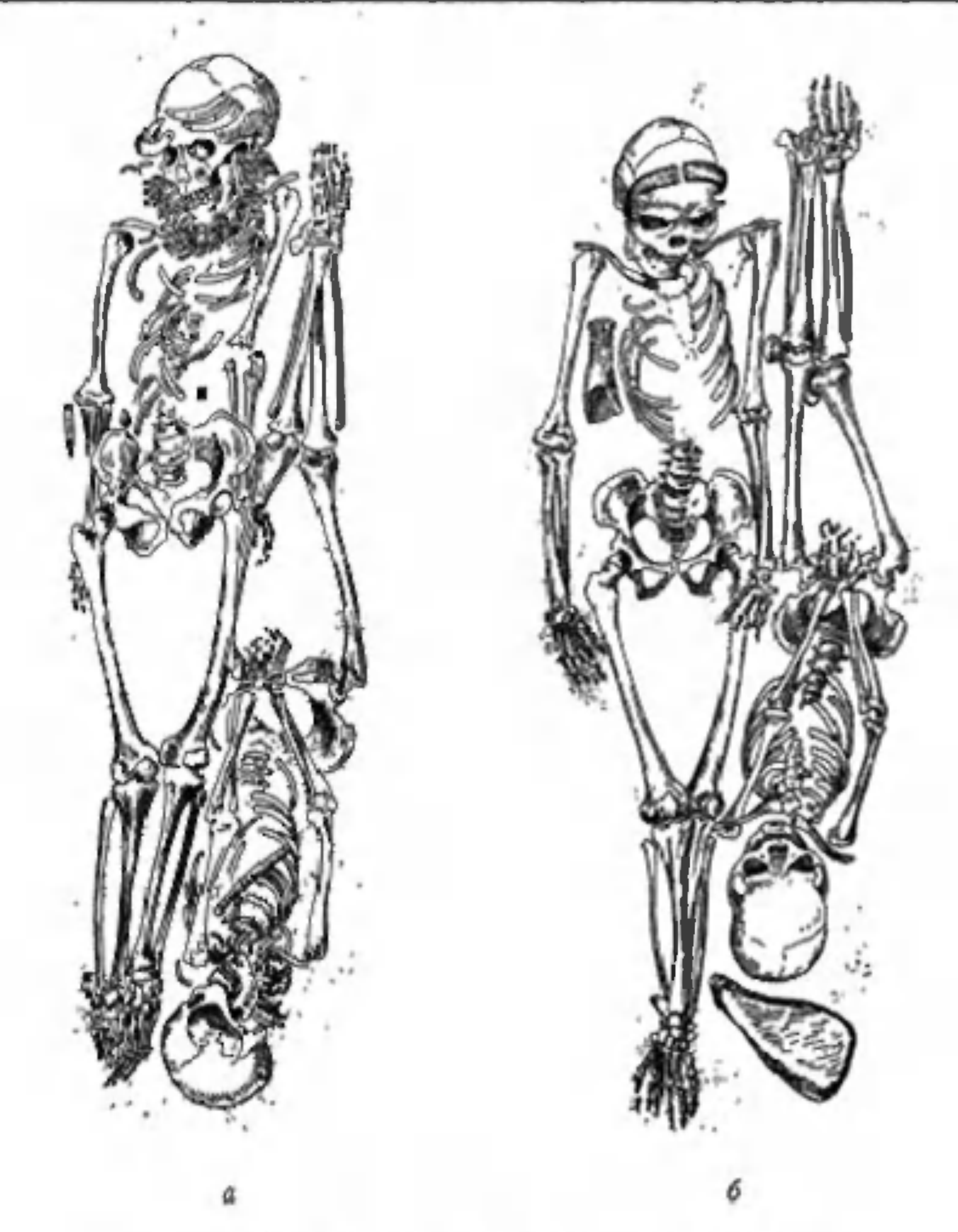

Рис. 160. Парные захоронения сада «Циклодром».
а — захоронение № 1, б — захоронение № 2.

ширококостный, не моложе 55 лет. Рост его, повидимому, не превышал 1,65 м. Женщина — почти такого же роста, не моложе 45 лет. Скелет ее тонкокостный; особенно тонки плечевые и бедренные кости.

Голова мужчины украшена двумя клыками кабана, но их положение необычно: они сходились надо лбом не своими остриями, а корнями, и получалась серпообразная фигура, острые концы которой направлены к ушам и вниз. Между правой плечевой костью и ребрами лежало очень массивное долотовидное орудие из рога лося с расширяющимся, односторонне стесанным лезвием. В головах женщины найдены лопатка лося со срезанным гребнем — остью (spina scapulae), со стесанной суставной поверхностью (cavitas glenoidalis); внутренний край ее (margo vertebralis) срезан наискось, чем и образовано скошенное лезвие. Этот инструмент, очевидно,— не что иное, как лопата-заступ, которым удобно и легко можно выкопать яму, землянку, могилу. Думать, что это земледельческое орудие, нет основания, для этого оно недостаточно прочно.

П о г р е б е н и е 3. На расстоянии 1 м к юго-востоку от второго захоронения на глубине 1,20 м от поверхности было обнаружено пятно крованика длиной около 1,80 м. При расчистке пятна на глубине около

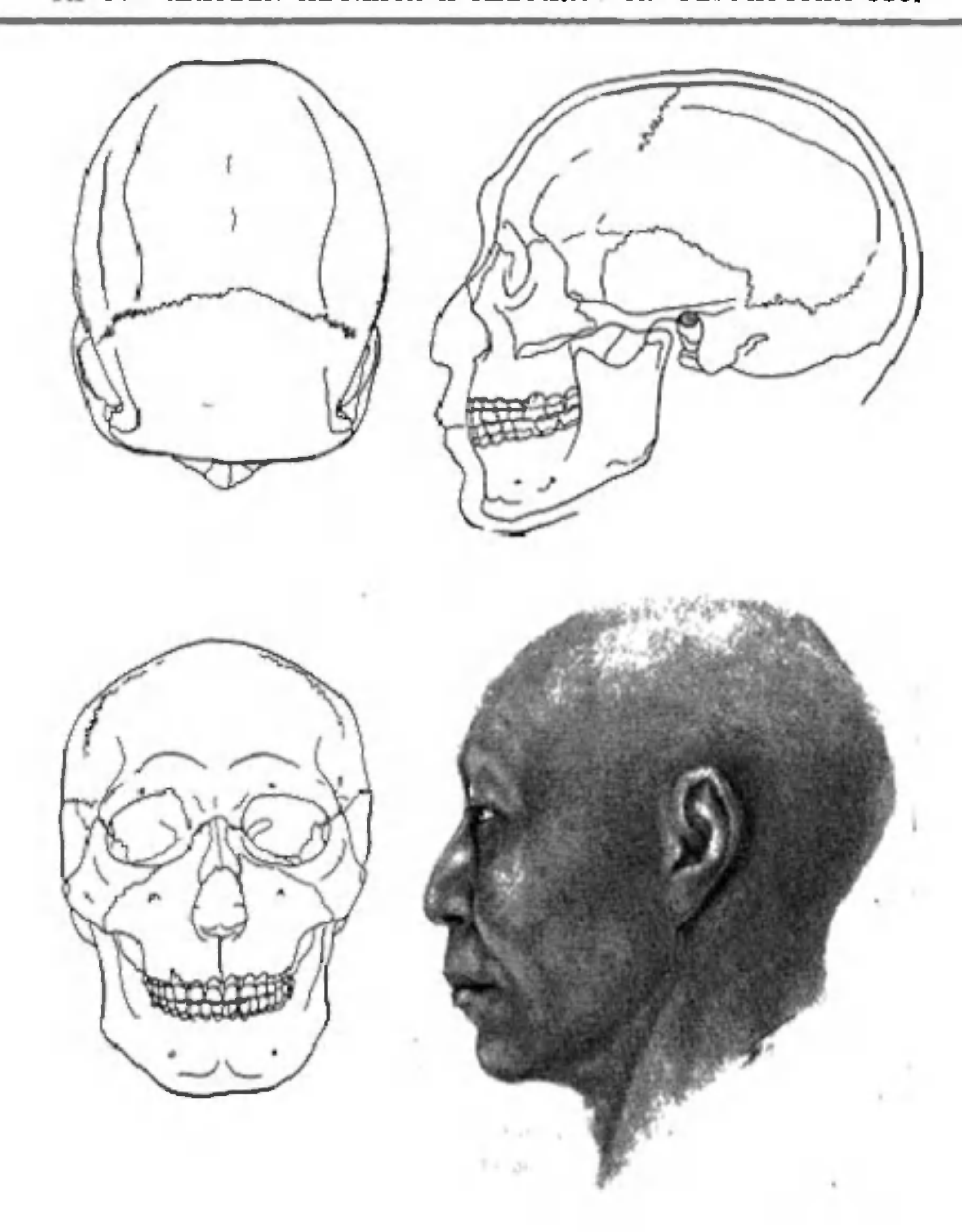

Рис. 161. Реконструкция по черепу мужчины (I) из сада «Локомотив» («Циклодром»). Китойский этап. Раскопки П. П. Хороших.

20 см был обнаружен скелет, вытянутый на спине. При расчистке черепа чуть ниже был обнаружен череп второго скелета. При дальнейшей расчистке выяснилось, что верхний костяк правым своим боком перекрывает левый бок ниже лежащего скелета. Кости скелетов не были разделены прослойкой земли. Очевидно, это — одновременное захоронение. Верхний скелет, — пожилого мужчины, не менее 50 лет, — имел на голове традиционное украшение из расщепленных клыков кабана. На шее было надето ожерелье из резцов тарбагана, которых оказалось не менее 60 штук. У левого плеча находилось массивное острие из рога изюбря. Рядом, чуть ниже, лежал целый рог косули. На уровне локтя, образуя пучок, остриями вверх находились двусторонние многозубцовые гарпуны (один очень длинный — 22 см.). Немного выше голеностопного сустава левой ноги лежали составные рыболовные крючки: два очень крупных, четыре средней величины и четыре мелких; все каменные стерженьки

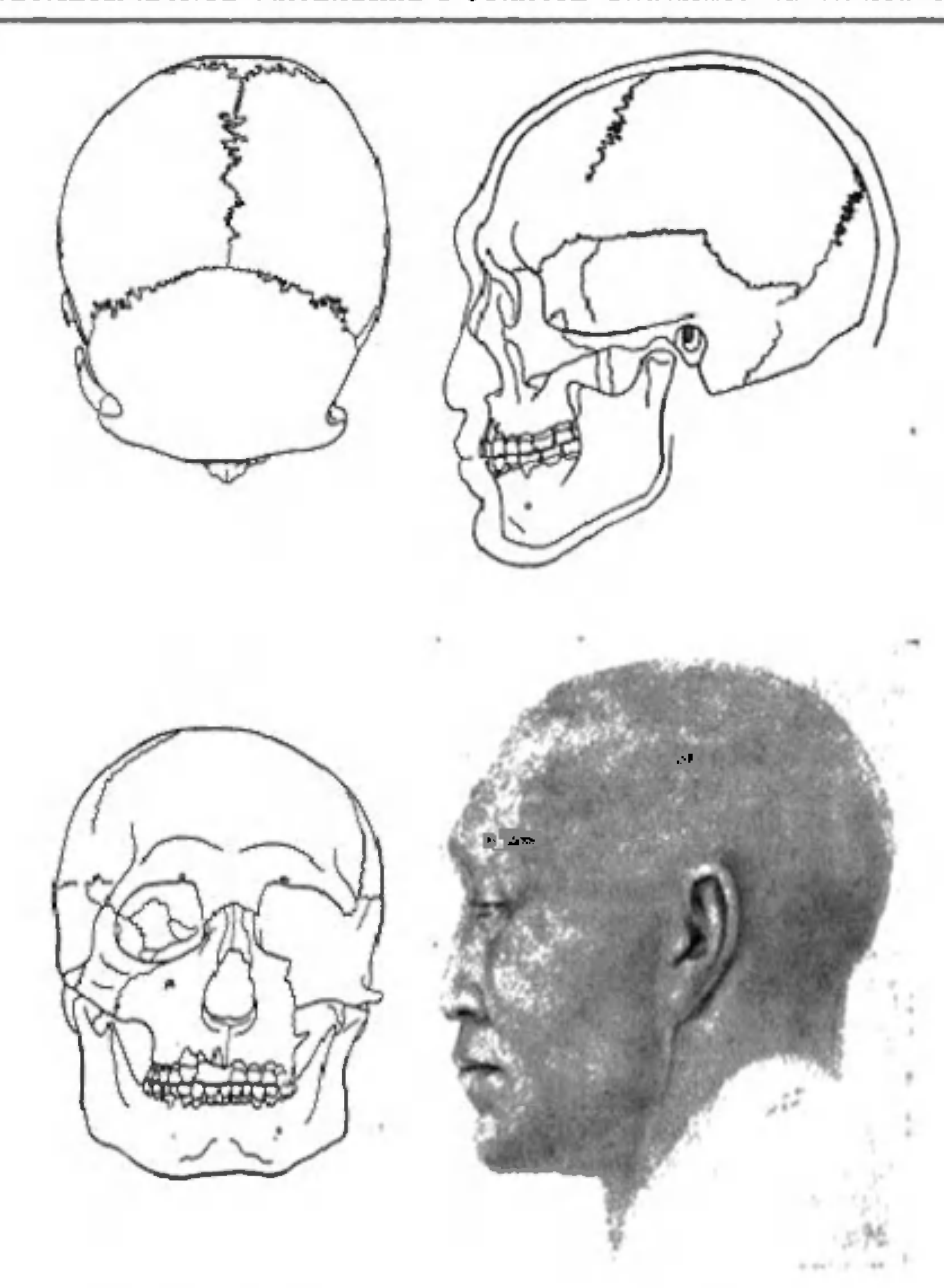

Рис. 162. Реконструкция по черепу мужчины (17) Китойского этапа (сад «Локомотив»). Раскопки П. П. Хороших.

сопровождались соответствующими остриями с жальцем и без него. Это был первый случай находки сложных крючков в таком положении, которое сразу и безоговорочно определило значение «рыбовидных подвесок — амулетов»; они оказались стерженьками составных крючков для ловли рыбы. По своей длине они варьируют от 1,5 до 14 см. Как правило, крупные стерженьки изготовлялись из шиферного сланца, мелкие — из жировика. Их веретенообразная форма крайне устойчива. Они асимметричны и напоминают не то тюленя, не то рыбку. Сибирские исследователи (Н. И. Витковский, М. П. Овчинников, Г. П. Сосновский, П. П. Хороших и многие другие) считали эти рыбовидные поделки из камня культовыми предметами, не понимая их прямого утилитарного назначения.

Нижележащий скелет принадлежал мужчине в полном расцвете сил (не больше 35 лет), но оба его бедра и плечевая кость были сломаны. Он жил некоторое время после переломов, так как начался процесс срастания костей, причем правое бедро срослось неправильно. На голове

оказалось украшение из клыков кабана, объединенных попарно корнями. Под головой лежало кольцо из мрамора. Ниже находился типичный для китойского этапа нефритовый нож с угловатым лезвием. У локтя правой руки был обнаружен широкий скребок овальной формы с крутой ретушью, сделанный из тонкой пластинки кремнистого сланца. В области таза нашлось маленькое нефритовое тесло, а рядом — так называемый «выпрямитель стрел» из крупнозернистого плотного песчаника; этот «выпрямитель» представляет собой две совершенно одинаковые половинки с полукруглым пазом посередине; сложенные вместе половинки образуют боченкообразный цилиндр с круглым сквозным отверстием. В ногах поперек стоп лежало кинжалообразное острие из кости.

Погребения 4 и 5 вещей не содержали и находились на небольшой глубине. Кости были очень плохой сохранности.

А. П. Окладников при обработке археологического материала Прибайкалья мог опубликовать только некоторые вещи из погребений на циклодроме. Основная масса найденного мною материала была утрачена. Утрачены ныне и черепа, несмотря на то, что весь этот материал в свое время был мною лично инвентаризирован в Иркутском музее и находился там до 1934 г. Черепа, однако, были описаны Г. Ф. Дебецом.

Приведенный материал столь характерен для китойского этапа, что может быть привлечен как типический для этого этапа.

В настоящее время могильник раскапывает П. П. Хороших. Частично его данные опубликованы в монографии А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья».

Предлагаемые графические реконструкции выполнены по черепам из раскопок П. П. Хороших (рис. 161—162).

2. Графическая реконструкция лица человека китойского этапа

В 1880 г. Н. И. Витковский вскрыл ряд погребений на берегу реки Китоя. Череп из погребения 1 был нами использован для создания реконструкции внешнего облика человека китойского этапа прибайкальского неолита[1].

На глубине 45 см в слое песка, интенсивно окрашенного присутствием кровавика, лежал на спине скелет, обращенный головой на северо-восток с вытянутыми ногами и руками. При нем найдены нефритовый топор *1* слева от головы, под ним — кусок нефрита и три гарпуна *2*, на лбу — расщепленный клык кабана, на шее — второй клык *3*, у правого плеча — два наконечника стрел *4* и два костяных шила *5*, у левой плечевой кости — шило *6*. Фрагменты костяных браслетов *7* с орнаментом найдены на обеих плечевых костях, обломок костяного ножа с тремя вкладышами *8* — на груди, нефритовые топорик и нож *9*, костяная ложка-совок *10*, небольшой кусочек песчаника (точильце) — у левой кости. Выше кисти лежали рыбовидный стерженек сложного крючка *11*, пять тонких сложных крючков и при них острия-жальца из кости *12*. У правой кисти находились фрагмент гарпуна с тремя зубцами *13*, два острия *14* из шиловидных отростков лошади, кварцитовый наконечник стрелы *15*, осколок яшмы, костяной стерженек, два маленьких рыбовидных стерженька крючков из жировика *16*; на поясничных позвонках оказались фрагменты мелких поделок из кости. На расстоянии 1 м от левой стопы стояла плоская каменная ступочка *17* и лежал кусок рога изюбря — пест *18*. Примерно

[1] По черепу из Китойского могильника. Раскопки Н. И. Витковского, 1880 г., погребение 1. См. ИВСОРГО, т. XI, № 3—4, 1881. Череп хранится в ГМА, № 4629

на таком же расстоянии от правой ступни стояла вторая ступочка с пестиком из камня *19*, а рядом лежали несколько костей зайца, нижняя челюсть бобра и два кусочка угля. При описании находок этого погребения мы сохранили номера описания Н. И. Витковского (см. его отчет 1880 г.)

Череп — хорошей сохранности, но без нижней челюсти На всей поверхности черепа — обильные следы кровавика (красная охра). Череп удлиненный, сверху — бризоидной формы, со стороны затылка — уплощенно-крышевидный. Свод низкий, лоб узкий, низкий, покатый, затылок преломленный Округлая глабелла выступает, достигая 3 баллов Надбровье по протяжению равно 2 баллам

1. Наибольший продольный диаметр . . . . 120 мм.
2. Продольный диаметр глабелла—инион . . . . . 182 мм.
8. Наибольший поперечный диаметр . . . . 140 мм.
8 : 1. Черепной указатель I . . . . 73,68 (долихоцефал).
10. Наибольшая ширина лба . . . . 114 мм.
9. Наименьшая ширина лба . . . . 82 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 71,92.
Высота носовой части лобной кости по средней линии . 11 мм
Высота носовой части сбоку . . . . 28 мм.
Степень развития иниона . . . . 1 балл

Уплощенное широкое лицо — пентагональной формы с большими глазницами, массивными скулами, удлиненным средне широким, мало выступающим носом, тяжелой прогнатной верхней челюстью.

48. Высота верхней части лица . . . . 78 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 139 мм.
48 : 45. Лицевой указатель . . . . 56,11.

Профилировка орбит чуть наклонная. Постановка орбит горизонтальная. Глазничные бугорки слабо развиты. Разрез глаз монголоидный, латеральные углы приподняты.

52. Высота орбит . . . . 38 мм.
51. Ширина орбит . . . . 40 мм.
52 : 51. Орбитный указатель . . . . 95 мм.
50. Межорбитное расстояние . . . . 23 мм.
56. Ширина носовых костей у корня . . . . 6,5 мм.
57. Наименьшая ширина носовых костей . . . . . . 5,5 мм.
58. Наибольшая ширина носовых костей . . . . . . 17 мм.
Длина носовых костей . . . . 34 мм.
55. Высота носа . . . . 59 мм.
54. Ширина носа . . . . 29 мм.
Высота носового отверстия . . . . 40 мм.
Высота положения crista conchalis . . . . 18 мм.
55 : 54. Носовой указатель . . . . 49,05.

Отверстие носа грушевидное; нижний край его образует слабо выраженную форму
Подносовой шип чуть приподнят, достигает 3 баллов
Собачья ямка по пятибалльной системе (0—4) равна 2 баллам.
Альвеолярная часть высокая . . . . 17 мм.
Расстояние P_1 и P_2 . . . . 50 мм.

Исходя из опыта восстановления лиц современных людей (для следствия и розыска), мы сочли возможным реконструировать в графической схеме нижнюю челюсть. На основе этого реконструированного черепа нами произведена графическая реконструкция головы неолитического человека китойского этапа. В результате перед нами — массивная голова с низким сводом, покатым лбом, сильными надбровьями и глабеллой (рис. 163). Лицо массивное, тяжелое, уплощенное, с несильно выступающим широким и тупым носом, прохейличным тяжелым ртом и массивным подбородком.

Реконструированное лицо своеобразно. Оно, очевидно, монголоидно; в нем в недифференцированной форме сочетаются признаки, характерные, с одной стороны, для северных монголоидов, с другой стороны, для юго-восточных монголов. Этот недифференцированный тип не имеет прямых аналогий в современных типах монголов.

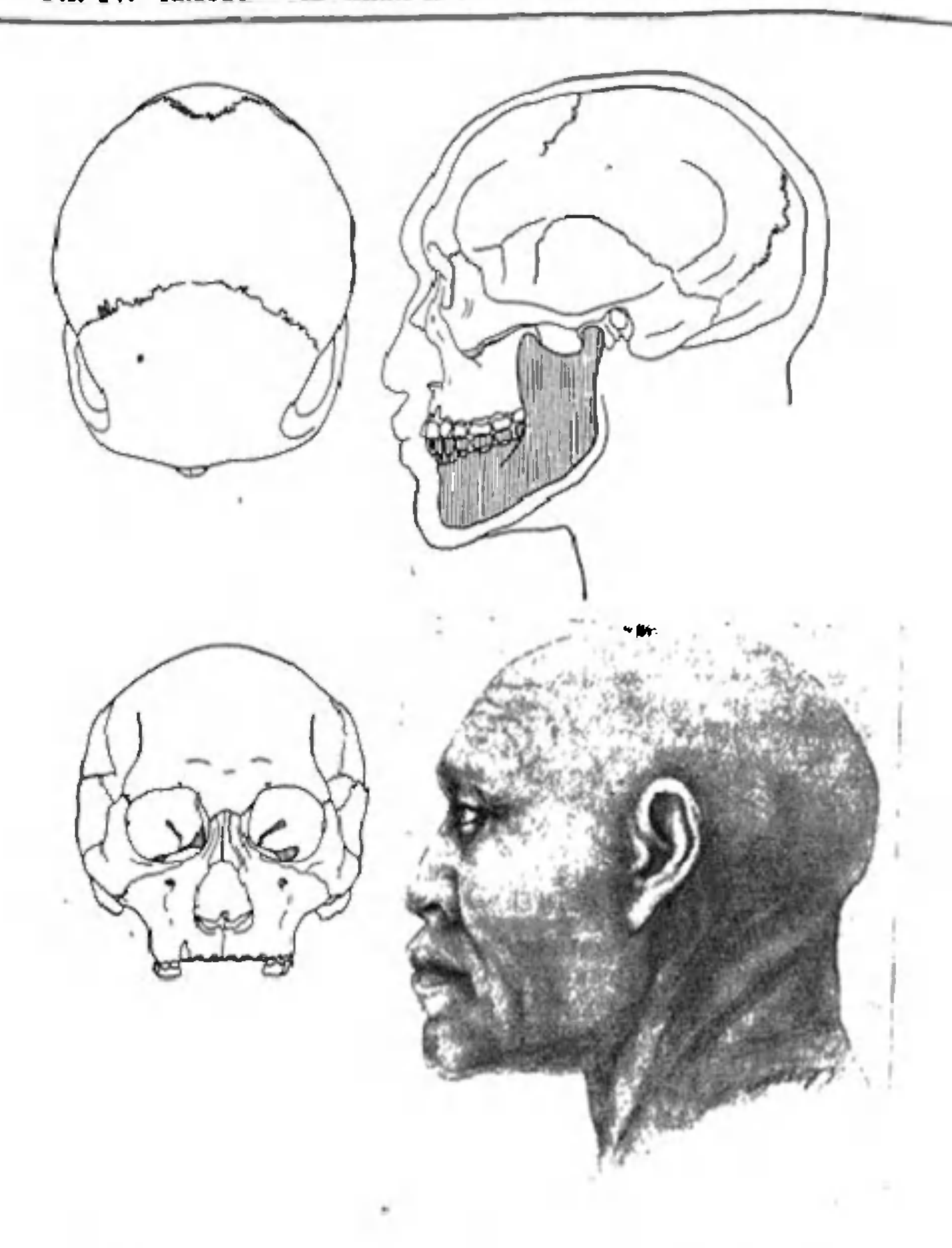

Рис. 163. Реконструкция по черепу мужчины (4629) из Китоя.

По отношению к данной антропологической категории вполне можно принять формулировку Г. Ф. Дебеца. Этот тип монгольской расы следует рассматривать как протомонгольский тип, который относится к современным монгольским типам, как протоевропейский к современным европейским типам.

К китойскому этапу А. П. Окладников относит погребение 3 из Качуга на Лене. Это погребение несколько отличается по своему ритуалу от погребений Китойского могильника и погребений на Циклодроме. Могила была обложена вертикально стоящими плитами и перекрыта кладкой. В вытянутом положении на спине лежал мужской костяк с руками, согнутыми в локтях так, что кисти лежали на плечах. Костяк был обильно посыпан охрой (кровавиком). У шеи и под виском лежали тра-

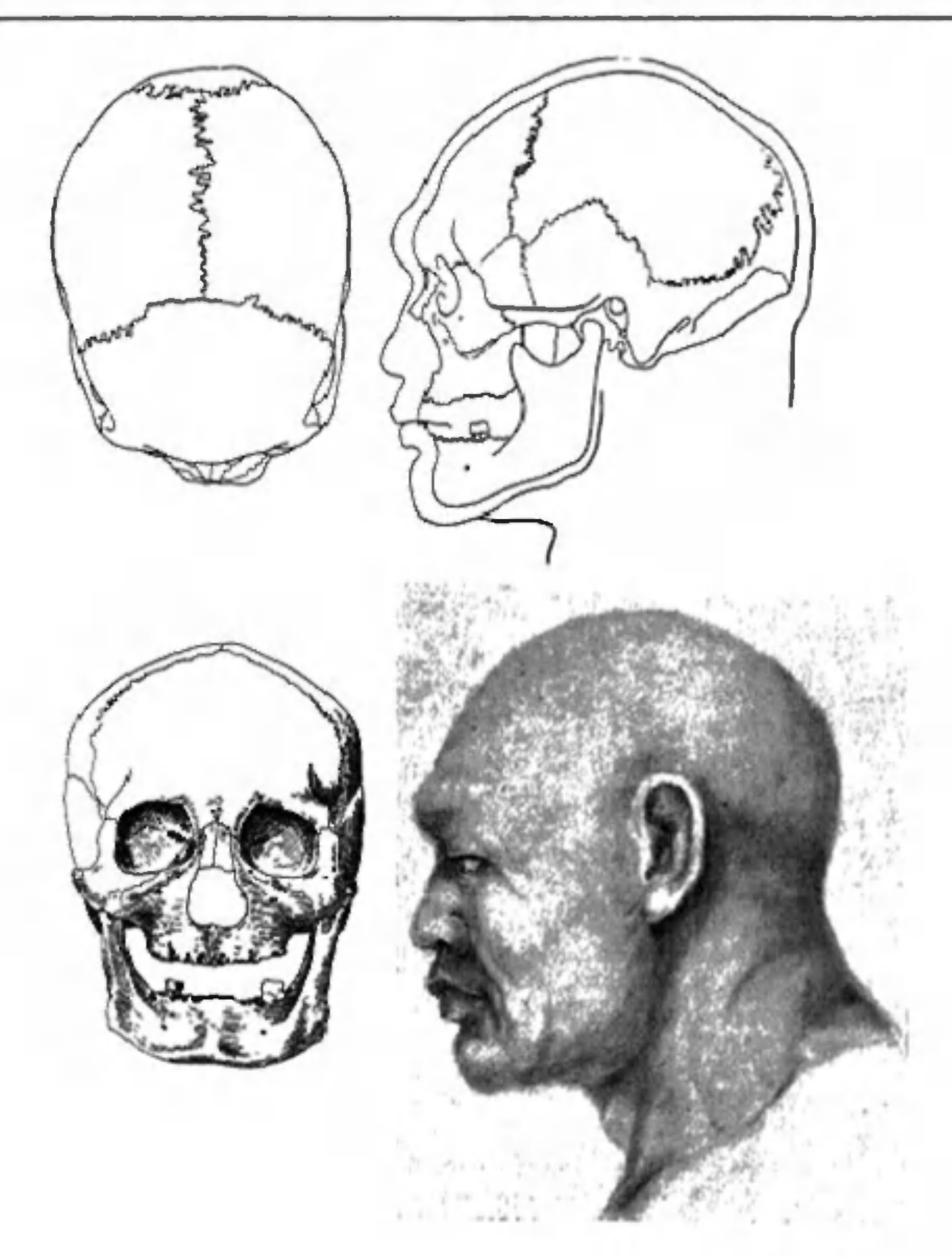

Рис. 164. Реконструкция по черепу мужчины (8308) из Качуга.

диционные клыки кабана. Других вещей А. П. Окладников не упоминает. Череп из этого захоронения хранится в ГМА (№ 8308)[1]. Внешне этот череп в значительной степени похож на череп из Китойского могильника (№ 4629, погребение 1)[2]. Данные табл. 19 указывают на близость обоих черепов.

Таким образом, эти черепа похожи не только внешне, но и по размерам, и все же, конечно, наметилась индивидуальная разница черепов. Череп из Качуга чуть длиннее (на 3 мм) и шире на (2 мм), лоб значительно шире (на 6 мм), лицо ниже (на 6 мм), уже (на 4 мм); орбиты ниже (на 6 мм), шире (на 2 мм); расстояние между глазами меньше (на 5 мм).

[1] Опубликовано А. П. Окладниковым «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», стр. 406, рис. 127.

[2] Отчет Н. И. Витковского. ИВСОРГО, т. XI, № 3—4, 1881.

Таблица 19

Основные размеры черепов из Качуга и из Китоя
(по Г. Ф. Дебецу и автору)

Размеры	Черепа из Качуга	Черепа из Китоя
1. Наибольший продольный диаметр, мм	193	190
2. Продольный диаметр глабелла — инион, мм	190	182
8. Наибольший поперечный диаметр, мм	142	140
8 : 1. Черепной указатель I	75	74
10. Наибольшая ширина лба, мм	120	114
9. Наименьшая » » мм	87	82
9 : 8. Лобный указатель	62	72
Степень развития иниона, баллы	3	1
» » глабеллы, баллы	3	3
» протяженности надбровья, баллы	2	2
47. Высота лица общая, мм	118	—
48. » » верхняя, мм	72	78
45. Скуловой диаметр, мм	135	139
47 : 45. Лицевой указатель I	87,40	—
48 : 45. » » II	53,33	56,11
52. Высота орбиты, мм	32	38
51. Ширина » мм	42	40
52 : 51. Орбитный указатель	76	95
50. Межорбитное расстояние, мм	18	23
55. Высота носа, мм	54	59
54. Ширина » мм	29	29
54 : 55. Высота альвеолярного отростка верхней челюсти, мм	18	18

Общее впечатление: свод у черепа из Качуга несколько выше при более низком лице; при той же степени развития глабеллы и надбровья и степени выступания носа рот менее прохейличный; все лицо более ортогнатное.

Предлагаемая реконструкция (рис. 164) дает представление об антропологическом типе недифференцированного протомонголоида с очень массивным, тяжелым лицом. Следовательно, этот антропологический тип не следует рассматривать как местный; он был, повидимому, широко представлен в Прибайкалье и связан с определенным историческим этапом.

3. Люди раннего глазковского этапа

В 1887 г. Н. И. Витковский обследовал место находки энеолитических погребений в Иркутске, в предместье Глазково, у приюта Сукачева. Эти захоронения были случайно открыты рабочими и привлекли к себе внимание тем, что с ними были обнаружены многочисленные каменные, костяные и медные орудия и нефритовые украшения (кольца). Восемь погребений были разрушены в процессе земляных работ; только одно,— девятое,— погребение Н. И. Витковский вскрыл сам[1].

По сообщению рабочих и по собственным наблюдениям Н. И. Витковский отмечает следующее: северо-западную ориентировку, скорченное

[1] Н. И. Витковский. Следы каменного века в долине реки Ангары. ИВСОРГО, т. XX. № 1. 1889.

положение на боку, частые находки зеленого нефрита, следы меди во многих погребениях, украшения из белого нефрита (кружки-диски) в двух погребениях. Спустя десять лет (1897 г.) М. П. Овчинников наблюдал тут же массовую гибель погребении позднего неолита. Им, как он сам указывает, было спасено ничтожное количество отдельных вещей и несколько черепов, на одном из которых были следы меди. Погребения разрушались в процессе прокладки полотна железной дороги, а администраторы строительства препятствовали работам М. П. Овчинникова[1].

В ГМА хранятся три черепа из этого могильника, причем два, вероятно, происходят из сборов Н. И. Витковского (№ 4616 и 4618). В регистрационных книгах сказано: «Раскопки Глазковского предместья, богадельня Сукачева»[2].

Череп № 4616 — мужской, без нижней челюсти, со следами меди на затылке у сосцевидных отростков (это один из черепов погребений, разрушенных рабочими)[3]. Череп № 4618 — женский, с нижней челюстью, очевидно, из погребения, раскопанного самим Н. И. Витковским. Череп № 4617, совершенно очевидно, происходит из сборов М. П. Овчинникова, в чем нас убеждает его собственноручная надпись на левой теменной кости черепа: «Глазковское предместье, где богадельня Сукачева, VII, № 1057». Это один из черепов, найденных М. П. Овчинниковым в 1897 г. Череп мужской, без нижней челюсти.

Повидимому, с этим погребением М. П. Овчинников нашел медный клинок, вставленный под углом в костяную рукоятку («Приют Сукачева», № 2), который хранится в Иркутском музее (№ 6537—83).

Эти черепа были изучены Г. Ф. Дебецом; их индивидуальные измерения опубликованы[4].

В табл. 20 приводятся краткие данные черепов, найденных в предместье Глазково (по Г. Ф. Дебецу и автору).

Несмотря на некоторую неточность данных об условиях захоронения, очевидно, что все черепа из могильника близ приюта Сукачева должны быть датированы временем раннего глазковского этапа. Но достаточно взглянуть на антропологические данные этих черепов, чтобы убедиться в их очевидном несходстве.

Рассматривать их как представителей одного и того же антропологического типа невозможно.

Мужской череп № 4616 резко отличается от обоих других черепов — как мужского (№ 4617), так и женского (№ 4618). Последние же, очевидно, принадлежат к одному и тому же, типу, кстати сказать, характерному для раннего глазковского этапа, — не только для Ангары, но и, повидимому, для верхней Лены. Мужской череп № 4616 при сравнении с мужским черепом № 4617 обнаруживает следующую разницу: его предельный диаметр— 187 мм (меньше на 8 мм); поперечный диаметр —144мм (меньше на 3 мм); наибольшая ширина лба — 114 мм (значительно меньше — на 10 мм, при почти равной наименьшей ширине лба — 92 и 93 мм); высота лица чуть больше (72, 71 мм); скуловая ширина немного больше (140 и 138 мм); глазницы значительно ниже (33 и 36,5 мм) при почти равной ширине (41 и 41,2 мм); рельеф черепа № 4616 значительно сильнее.

[1] Н. И. Витковский. Следы каменного века в долине реки Ангары.

[2] Эти черепа описаны Г. Ф. Дебецом в его работе «Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита» (РАЖ, 1930, т. 19, вып. 1—2) и в «Палеоантропологии СССР».

[3] Г. Ф. Дебец опубликовал схему этого черепа в «Палеоантропологии СССР», стр. 60.

[4] Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения Прибайкалья..., стр. 56—61.

Таблица 20

Описательные и измерительные данные черепов, найденных в предместье Глазково (у приюта Сукачева)

Признаки	Черепа из раскопок Н. И. Витковского		Череп из сборов М. П. Овчинникова. № 4617 (мужской)
	№ 4616 (мужской)	№ 4618 (женский)	
Горизонтальная проекция	Бризоидная форма	Пентагональная форма	Овоидная форма
Свод и профиль	Относительно высокий	Уплощенный	Высокий
Свод со стороны затылка	Крышевидный	Сводчатый	Крышевидный
1. Наибольший продольный диаметр, мм	187	196	196
2. Диаметр глабелла—инион, мм	186	190	191
8. Поперечный диаметр, мм	144	144	147
8:1. Черепной указатель	77 (субдолихоцефал)	73,46 (долихоцефал)	75,2 (субдолихоцефал)
Степень развития глабеллы (шкала 0—6)	3	2	2
Степень протяженности надбровий (шкала 1—3)	2	1	2
10. Наибольшая ширина лба, мм	114	120	124
9. Наименьшая ширина лба, мм	92	102	93
Общая форма лица	Широкое, плоское, орбикулярной формы, ортогнатное	Средне широкое, уплощенное, пентагональное, слегка прогнатное	Уплощенное, широкое, пентагональное, ортогнатное
48. Верхняя высота лица, мм	72	70	71
45. Скуловая ширина, мм	140	130 (примерно)	138
48:45. Лицевой указатель II	51,42	53,84	51,44
Вертикальная профилировка орбит	Слегка наклонная	Вертикальная	Вертикальная
Постановка орбит	Горизонтальная	Средняя	Горизонтальная
52. Высота орбиты, мм	33	33	36,5
51. Ширина » мм	41	40	41,2
50. Межорбитное расстояние, мм	25	23	22
52:51. Орбитный указатель	80,73	82,5	87,95
51. Ширина носовых костей у корня, мм	7	11	11
57. Ширина носовых костей наименьшая, мм	5	7	9
55. Высота носа, мм	55	53	58
54. Ширина » мм	23	25,5	26
54:55. Носовой указатель	41,81	47,17	44,82
Форма отверстия носа	Грушевидная	Грушевидная	Грушевидная
Высота положения crista conchalis, мм	14	12	15

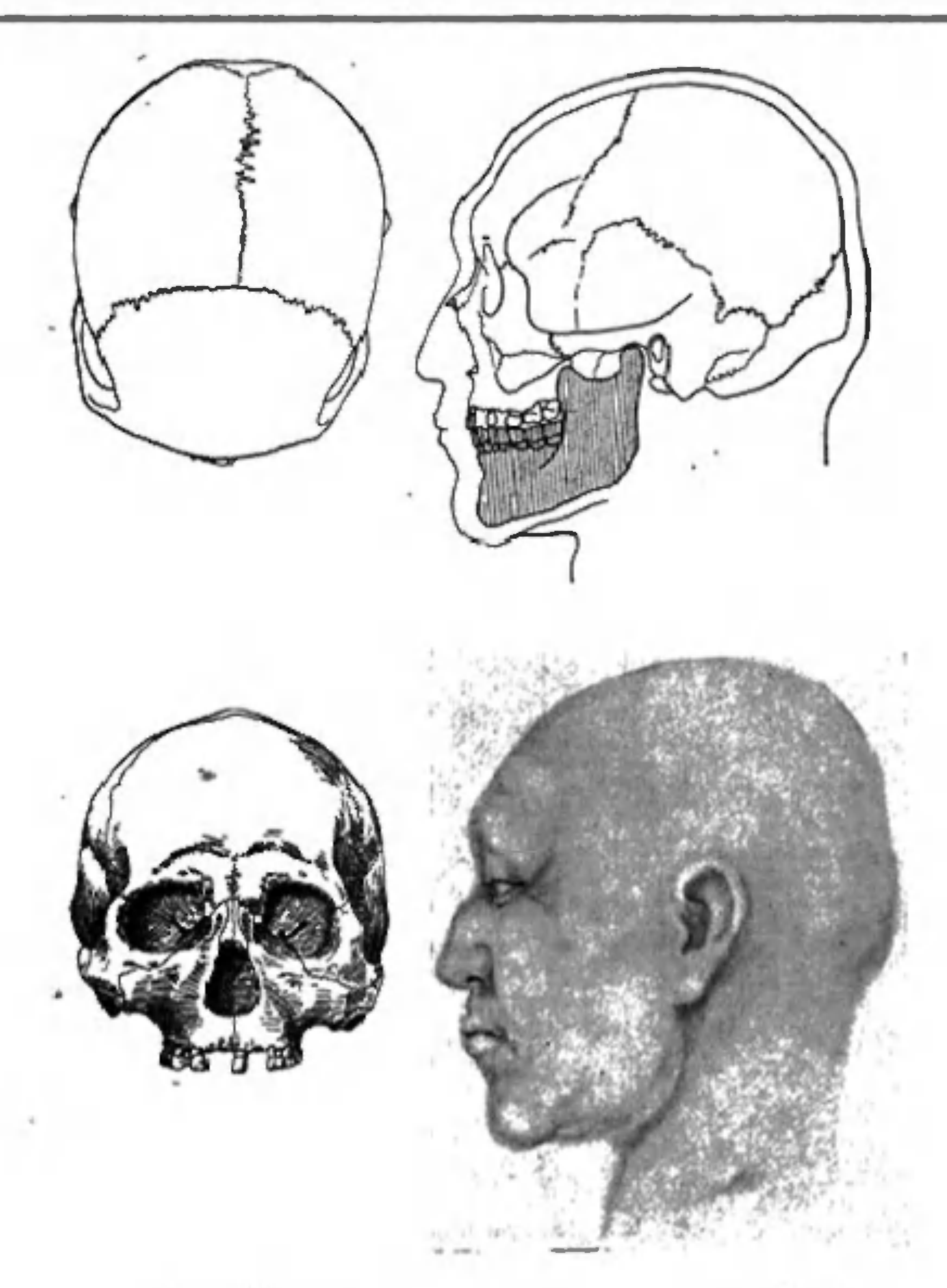

Рис. 165. Реконструкция по черепу мужчины (4616) из Глазковского могильника.

Графическая реконструкция (рис. 165) дает представление об этом древнем типе монголоида. Он, очевидно, не имеет прямых аналогий в современных вариантах, растворившись в массе более поздних типов Прибайкалья. Его невысокий, но горбатый нос, ортогнатность лица, невысокий свод при большой ширине и уплощенности лица — все это признаки, не сочетающиеся в современных монголоидных вариантах не только Прибайкалья, но и всей Сибири.

Оба других черепа, — мужской, № 4617, и женский, № 4618, — очевидно, представляют собой один и тот же антропологический тип. Это тот именно древний северомонгольский тип с американоидными чертами, который был основным неолитическим типом в Прибайкалье (рис. 166). Тенденция некоторых исследователей рассматривать этот антропологический тип как результат смешения монгольского и европейского древнего населения не может быть нами принята как нечто доказанное. Наоборот,

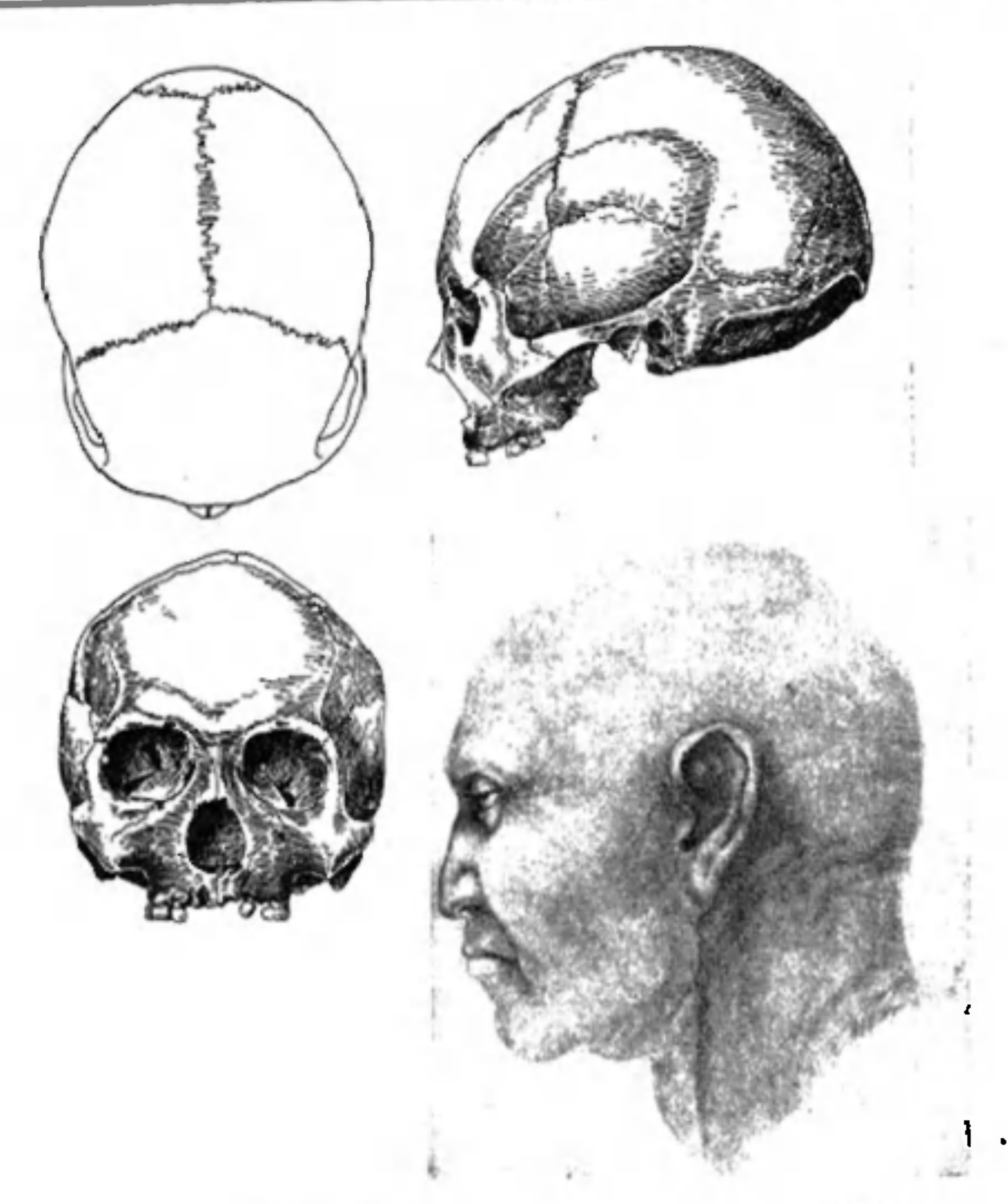

Рис. 166. Реконструкция по черепу мужчины (4617) из Глазковского могильника.

ряд черт в строении лица этих древних монголов свидетельствует об отсутствии европейской примеси[1]. О сходстве черепов неолита Прибайкалья с индейскими, одновременно отрицая элементы европейского типа, говорил А. Грдличка в 1942 г.[2]. Характерными признаками этого типа (рис. 165, 166 и 167) следует считать: долихокранность, низкий свод, значительное развитие глабеллы и надбровий, относительно выступающий, часто горбатый, но широкий внизу нос, относительно низкие орбиты, более профилированное лицо, чем у современных тунгусов, якутов и бурят, при значительной его ширине. Прогнатность встречается не чаще, чем у современного населения Прибайкалья, и небольшая. При рассмотрении черепов с максимальным выступанием носа всегда можно отметить своеобразие монголоидных элементов строения носовых костей,— большую длину но-

[1] Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения Прибайкалья..., его же. Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя. РАЖ, 1932, № 2

[2] A. Hrdlička. Crania of Siberia. American Journal of Physical Anthropology, 1942, v. 29, № 4.

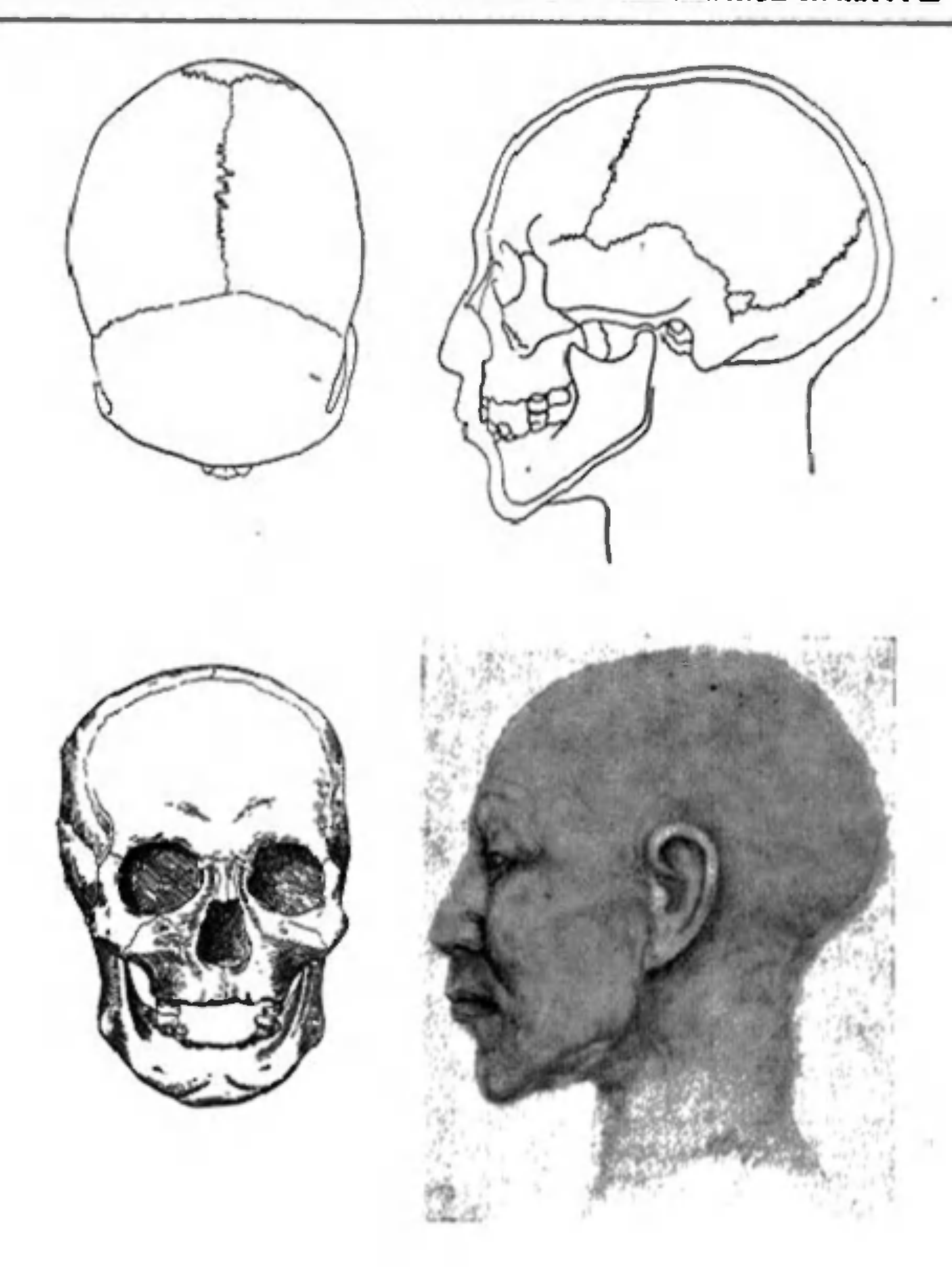

Рис. 167. Реконструкция по черепу женщины (4618) из Глазковского могильника.

совой части лобной кости, вертикальную постановку орбит монголоидной формы, массивные скуловые кости и т. д., т. е. черты, совершенно не свойственные европейскому антропологическому типу.

4. Поздний глазковский этап

Конец энеолитического времени Прибайкалья может быть характеризован группой захоронений Глазковского могильника. Этот могильник представляет собой ряд небольших групп захоронений, которые располагались на краю высокой, 30-метровой террасы левого берега р. Ангары от местечка Царь-Девица до Переселенческого пункта. Нам удалось обнаружить на осыпи террасы следы многих совершенно разрушенны

погребении. Лучшим по сохранности было погребение I у Переселенческого пункта, ошибочно датируемое А. П. Окладниковым серовским этапом.

1. Погребение I ориентировано на запад. Череп лежал на правом боку, руки — перед лицом, а ноги слегка согнуты в коленях. Следов ямы не обнаружено. Глубина от поверхности — около 75 см. В головах стоял колоколовидный сосуд с насечкой по венчику и редкими ямками. На голове лежали остатки 2 клыков кабана, на шее — 3 просверленных зуба изюбря. Под локтем находился великолепный полулунный шлифованный нож из белого кремнистого сланца. В области таза найдено кварцитовое острие дротика, а рядом — топор-тесло с асимметричным лезвием. В ногах оказались 12 наконечников стрел с черешком; они лежали группой так, как будто были сложены пучком или в колчане. На зубах изюбря, лежавших на шее, и на фрагментах нижней челюсти были заметны отчетливые следы окислов меди. К сожалению, сохранность костей была столь плоха, что ни о каких измерениях не могло быть и речи. На глаз череп, очевидно, долихокранный, относительно грацильный. Несмотря на довольно сильно выступающий нос, лицо уплощенное. Череп производил впечатление долихокранного монголоида.

2. У приюта Сукачева удалось найти нижнюю челюсть; она насквозь пропитана окисью меди.

3. В насыпи-дамбе старого понтонного моста через Ангару изредка находили отдельные вещи из камня и обломки человеческих костей.

4. У железнодорожной школы были обнаружены остатки скелета и вместе с ними зубы изюбря, костяные и каменные орудия. К нашему приходу на месте сохранились только немногие кости скелета.

5. Против вокзала в промоине террасы были найдены остатки нескольких скелетов, совершенно разрушенных; на одном из фрагментов плечевой кости были следы окиси меди.

6. Примерно в 2 км вверх от моста через Ангару, по левому ее берегу, еще недавно сохранялся выступ высокой, 30-метровой террасы Ангары, Этот выступ с одной стороны (северо-западной) ограничен широким распадком, по руслу которого теперь проложена Железнодорожная улица, выходящая на предвокзальную площадь; с другой стороны (юго-восточной) ныне проходят пути товарной станции Иркутска. Во времена неолита здесь, между выступом террасы и рекой, проходила узкая,— не более 50 м ширины, — полоса поймы. С юга к этому мысу подходила широкая балка со старым руслом безымянного ручья.

При прокладке полотна железной дороги края останца террасы были частично сняты, причем были варварски разрушены погребения энеолитического времени. Именно здесь в 1897 г. иркутский краевед М. П. Овчинников[1] обнаружил конусовидное сооружение из валунов и примерно в 1 м от него на небольшой глубине — остатки позднего энеолитического захоронения. В отличие от обычных грунтовых могил китойского и раннего глазковского этапов могила содержала каменный ящик, сложенный из 4 вертикально поставленных плит, перекрытых сверху плитами в один ряд. В тесном каменном ящике на спине, головой на северо-восток, лежал скелет с вытянутыми ногами и руками. На голове находилось традиционное украшение из клыков кабана, на груди — половина кольца из белого нефрита. Вся область тазовых костей и верхней части бедер была интенсивно окрашена в ярко-зеленый цвет. Между левой рукой и тазовой костью лежала пара тонких, листовидных кованых медных ножей; один из них сохранил часть деревянной рукоятки и ножны. На пра-

[1] ИВСОРГО, т. XXXV, № 3, 1904.

вой стороне тазовых костей лежал третий такой же нож. О других вещах М. П. Овчинников не упоминает. Много лет спустя, в 1919 г., на этом же месте на краю мыса террасы нам удалось найти 4 захоронения глазковского этапа.

Первое погребение (на глубине 50 см) на левом боку было ориентировано головой вниз по реке. На шее был найден просверленный клык изюбря.

Второе захоронение (на глубине около 1 м) было сильно разрушено. Сохранились только часть костей груди, т. е. позвонки, несколько ребер, плечевая кость, и совершенно разрушенный череп. В головах сохранилась вертикально стоящая плита. Остальные плиты и часть костей сползли вниз по склону. Часть черепа и костей груди носят следы сожжения; некоторые кости совершенно сгорели. На тазовой кости (она была найдена внизу) имелись следы меди. Рядом был найден небольшой кусок разрушенного пластинчатого ножа с приварившимися кусками берестяных ножен.

Третье погребение было совершенно разрушено. На склоне осыпи лежали мелкие кости и обожженные валуны. На найденном кусочке скуловой кости имелись интенсивные следы меди. Четвертое захоронение также плохо сохранилось. На костях были следы меди.

Упоминание об этих находках необходимо, так как это — единственное доказательство наличия меди на глазковском этапе неолита Прибайкалья.

В ГМА хранятся черепа, повидимому, происходящие из этого могильника. Это черепа № 4619, 4620 и 4621. На лобной кости этих черепов — одна и та же надпись, сделанная, видимо, рукой М. П. Овчинникова[1]: «68, из могил каменного века на левом берегу у Ангары». На левой височной кости этих черепов один и тот же номер: «55».

Череп № 4619, очевидно, происходит из погребения более раннего времени, так как он до сих пор сохраняет обильную окраску кровавиком. Нам неизвестны ни инвентарь, сопровождавший это погребение, ни его обряд. Но, судя по присутствию охры, следует думать, что этот череп происходит из погребения позднекитойского этапа, когда еще сохранялся обряд обильной засыпки погребенного красной охрой.

Черепа № 4620 и 4621, очевидно, относятся к наиболее позднему времени глазковского этапа, связанному с использованием кованых медных орудий. Черепа не имеют следов кровавика, и кости их обладают тем специфическим, чуть зеленоватым оттенком, который мы всегда наблюдали в тех могилах, где присутствуют медные и бронзовые вещи, хотя собственно на черепах пятен солей меди нет.

В табл. 21 приводится краткое описание черепов из Глазковского могильника[2]: черепа № 4619 и 4621 — без нижней челюсти, череп № 4620 — с нижней челюстью.

Череп № 4619 имеет некоторое отклонение от нормы — степень его асимметрии чрезвычайна. Внимательный анализ, проведенный Л. В. Лебединской, объясняет происхождение асимметрии черепа: она возникла в результате значительного искривления позвоночника. Этот человек был горбатым и кривошеим. Следы этой патологии зафиксированы рядом компенсаторных образований основания черепа; в частности, отчетливо видна степень разращения и наклона правого суставного отростка заты-

[1] В Иркутском музее многие вещи Глазковского могильника помечены этой же рукой и числятся по описям как вещи, переданные М. П. Овчинниковым.

[2] Эти черепа описаны Г. Ф. Дебецом (см. «Антропологический состав населения Прибайкалья ..»).

Таблица 21

Описательные и измерительные данные черепов из Глазковского могильника («у церкви»)

Признаки	Черепа		
	№ 4619	№ 4620	№ 4621
Форма черепа сверху	Бризоидная	Сфеноидная	Сфеноидная
Свод черепа в профиль	Невысокий	Высокий	Высокий
Свод (сечение)	Сводчатый	Сводчатый	Сводчатый
1. Наибольший продольный диаметр, мм	184	171	172
2. Диаметр глабелла—инион, мм	180	158	168
8. Поперечный диаметр, мм	120	148	138
8 : 1. Черепной указатель I	65,21 (долихоцефал)	86,54 (брахицефал)	79,48 (мезоцефал)
Выступание глабеллы, баллы	2	2	2
Протяженность надбровий, баллы	1	2	1
10. Наибольшая ширина лба, мм	112	127	110
9. Наименьшая ширина лба, мм	90	95	86
9 : 8. Лобный указатель	80,35	74,80	78,1
Степень развития иниона, баллы	1	1	0
Общая форма лица	Лицо неширокое, слабо профилированное, пентагональное, прогнатное	Лицо слабо профилированное, плоское, триангулярное, ортогнатное	Лицо неширокое, слабо профилированное, пентагональное, мезогнатное
48. Высота верхней части лица, мм	72	73	73
45. Скуловая ширина, мм	126	139	126
46 : 45. Лицевой указатель II	57,14	52,5	57,9
52. Высота орбиты, мм	35	33	33
51. Ширина » мм	39	38	38
52 : 51. Орбитный указатель	89,76	86,84	86,84
50. Межорбитный »	25,5	24,5	23
Ширина носовых костей у корня, мм	7,5	11	7
Наименьшая ширина носовых костей, мм	6	8	5,5
Наибольшая ширина носовых костей, мм	11	13,5	12
55. Высота носа, мм	55	58	58
54. Ширина » , мм	22	24	21
54 : 55. Носовой указатель	40	41,37	36,2
Высота альвеолярного отростка, мм	22	16	17
Степень выступа верхней челюсти	Челюсть мезогнатная	Челюсть ортогнатная	Челюсть прогнатная

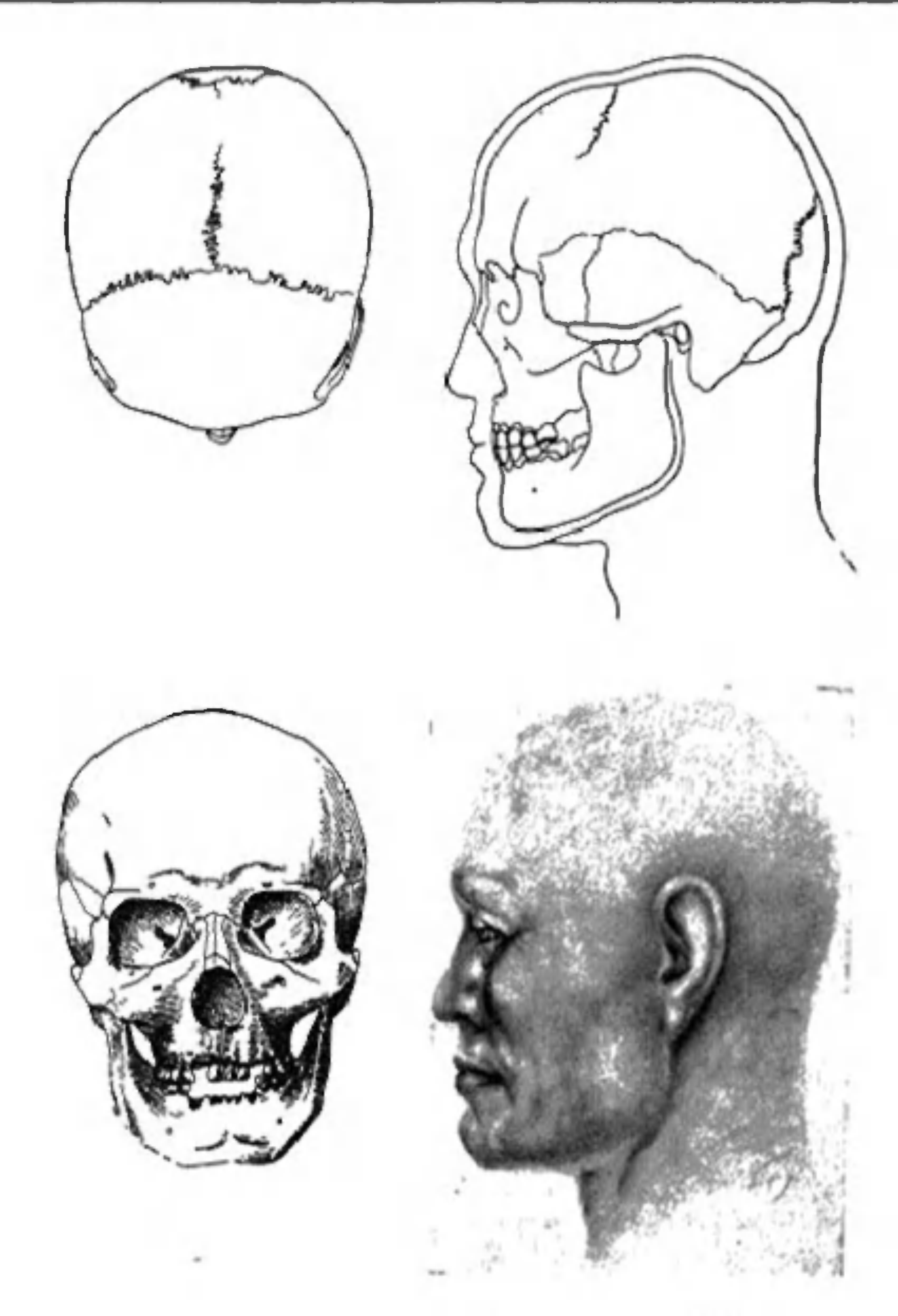

Рис. 168. Реконструкция по черепу мужчины (4620) позднего глазковского этапа.

лочной кости. Остаток усилен в латеральной поверхности и на правом крае foramenis occipitalis гребнями.

Этот череп обладает характерными чертами протоамериканоидного типа[1], обычного для позднего китойского и раннего глазковского этапов. Этот тип был уже нами отмечен в соседнем могильнике, близ приюта Сукачева, причем черепа № 4617 и 4618, а равно и череп № 4619, повидимому, характеризуют переходное время от более ранних этапов к глазковскому этапу и обладают сходными чертами антропологического типа. Они значительно отличаются от раннекитойских черепов.

[1] По предварительным данным, этот тип наиболее устойчиво прослеживается в черепах исаковского и серовского этапов.

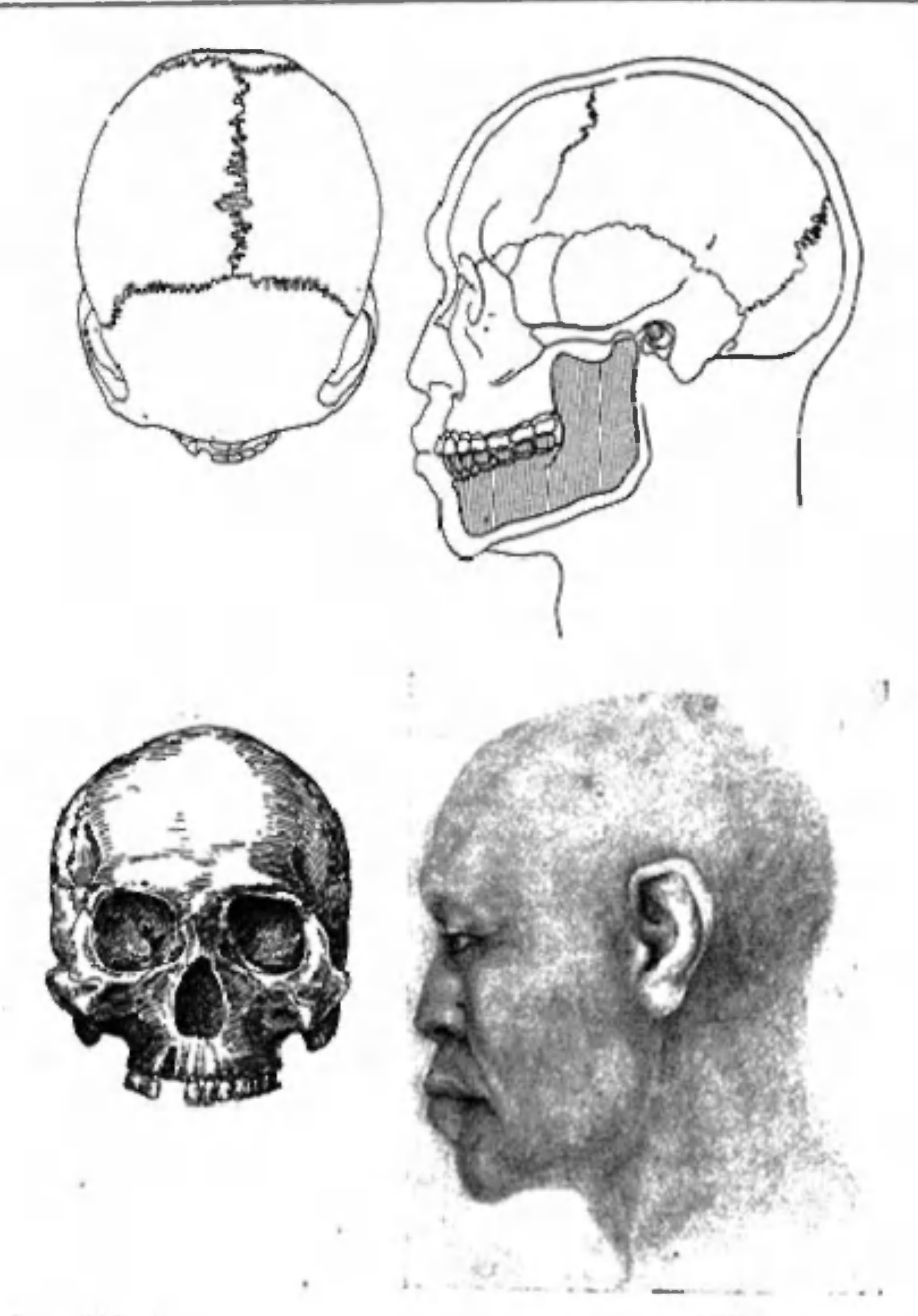

Рис. 169. Реконструкция по черепу мужчины (4621) позднего глазковского этапа.

Черепа № 4620 и 4621 обладают совершенно иными чертами и свидетельствуют о том, что позднее время глазковского этапа связано с приходом новых антропологических типов на территорию Прибайкалья.

Череп № 4620, очевидно, брахикранный, плосколицый, широколицый, ортогнатный. Прямых аналогий ни в древнем, ни в современном населении нет; тем не менее это монголоид.

Графическая реконструкция по черепу № 4620 (рис. 168) дает отчетливое представление о брахикранном монголоиде, с высоким сводом, крутым лбом, тяжелой нижней челюстью, с ортогнатным, уплощенным, массивным, широким лицом. Ни среди тунгусских, ни среди бурятских лиц современного Прибайкалья мы не знаем подобных.

Череп № 4621 мезокранный, прогнатный и физиономически весьма напоминает череп людей карасукской культуры. Мы не склонны относить его к карасукским чертам, но считаем возможным напомнить об энеолитических погребениях Прибайкалья с китайскими вещами, которые (на-

пример, пастовые бусы) характерны и для глазковского этапа, и для карасукской культуры.

Время карасукской культуры, очевидно, совпадает со временем финального этапа глазковской культуры. Это не значит, что существует какая-то связь между этими столь различными по своему уровню развития и по основным формам хозяйства культурами. Карасукская культура — пастушеско-скотоводческая культура бронзовой эпохи в степях Юга Сибири. Глазковская культура в основе — охотничье-рыболовецкая с первыми зачатками примитивного мотыжного земледелия и характеризует культуру таежного энеолита. Очевидно, что карасукская культура обладала на раннем этапе более однородным антропологическим типом населения. Ее основным антропологическим типом был узколицый вариант дальневосточной монгольской расы.

Графическая реконструкция по черепу № 4621 (рис. 169) в еще большей степени убеждает нас в наличии связей прибайкальского энеолита с древним Китаем; отсюда — и внешнее сходство антропологического типа с карасукским, некоторое сходство погребального обряда и т. д.

Китайский археолог Шиобин-В-Чжан говорит о том, что ряд вещей из белого нефрита, найденных в Глазковском могильнике, якобы изготовлен в Китае[1]. Но техника изготовления колец-дисков несложна, и, вероятно, они — местного производства, так как были найдены не только целые изделия, но и полуфабрикаты.

Очевидно, что зеленый и тем более белый нефрит мог быть поводом для возникновения торговых связей. Пастовые бусы, конечно, не могли быть местного происхождения и, повидимому, транспортировались из далекого Китая. В более позднее время эта постоянная связь Прибайкалья с Китаем подтверждается многочисленными фактами.

§ 45. ЛЮДИ ЭНЕОЛИТА ИЗ КЕЖМЫ

В среднем течении Ангары, близ Кежмы, в осыпи высокой террасы, при геологическом обследовании были случайно обнаружены обломки

Рис. 170. Череп из Кежмы (р. Ангара).

костей человека вместе с каменными орудиями и черепками глиняной посуды.

Кости были найдены под лёссовидным суглинком, достигавшим около полутора метров мощности на грани перехода его в нижележащий

[1] Шиобин-В-Чжан. Следы пребывания китайцев в Сибири. Труды секции ВСОРГО, отд. оттиск. ИВСОРГО, т. LI, Иркутск, 1926, стр. 166—171.

галечник. Здесь на одном уровне и в непосредственной близости были обнаружены: свод черепа, лицевая часть другого, изображение рыбы из мрамора и крупное долото из сероватого сланца, прямоугольное в сечении. Ниже в осыпи среди обломков костей была найдена еще лицевая часть третьего черепа. На двух черепах оказались интенсивные следы медных солей.

Несмотря на фрагментарность найденных черепов, они представляются нам крайне интересными.

Череп 1 (рис. 170). Сохранились лобная кость, обе теменные кости и верхняя часть затылочной кости.

Череп тонкий, долихокранный, бризоидной формы, сводчатый в сечении, с крутым лбом, высоким сводом, выступающим затылком. Тем не менее слабо выступающее надбровье и глабелла образуют единый равномерно выступающий валик, так что надбровье имеет максимальную протяженность (3 балла). Уплощенная, лишенная рельефа носовая часть лобной кости — длинная и широкая

1. Продольный диаметр — 175 мм.
8. Поперечный диаметр — 121 мм.
10. Наибольшая ширина лба — 100 мм.
9. Наименьшая ширина лба — 83 мм.

Этот долихокранный череп трудно определить в расовом отношении, но, принимая во внимание своеобразную форму глабеллы и удлиненной носовой части лобной кости, следует признать его большое тяготение к монгольскому типу.

Черепа 2 и 3 (рис. 171, *а*, *б*). Оба черепа метисные, причем в черепе 2 преобладают монгольские черты; он одновременно напоминает древний неолитический тип из Китоя и поздний тип из Базаихи (Енисей). Череп 3 обладает большим и крутым лбом, чуть большей профилировкой орбит и скуловых костей, меньшей высотой орбит, меньшей прогнатностью, европеоидной формой носовых костей. Этот череп, несомненно, метисный, но с преобладанием европейских черт.

Рис. 171. Фрагменты черепов из Кожмы и реконструированные по этим черепам лица.

Реконструкции лиц по данным фрагментам вполне подтверждают наш диагноз этих метисных типов. Наличие отчетливо выраженных европейских черт в черепе 3 свидетельствует о проникновении на эту территорию европеоидного элемента, очевидно, со стороны Енисея. При

этом в результате смешения неолитический тип не приобрел специфических черт североамериканоидного типа, хотя ряд исследователей считает возможным образовывать этот североамериканоидный тип за счет некоторой примеси европейского элемента (рис. 171.).

Какова археологическая датировка могильника близ Кежмы? Наличие массивного четыреугольного в сечении шлифованного долота с прямым лезвием и мраморного изображения рыбы указывает на то, что по схеме, предложенной А. П. Окладниковым, следовало бы датировать эти погребения временем серовского этапа. Однако наличие следов меди на черепах исключает эту возможность, если только не допускать, что серовский этап дожил до времени появления меди. Поэтому необходимо поставить вопрос о правильности схемы хронологической последовательности неолитических культур Сибири, предложенной А. П. Окладниковым. Могильник у Кежмы надо датировать энеолитическим временем.

§ 46. ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЛЮДИ БАЗАИХИ

В ГМА хранятся черепа из энеолитических погребений с Базаихи, против г. Красноярска на р. Енисее. Погребения были раскопаны И. Т. Савенковым, и известно, что в этих погребениях были найдены великолепные образцы первобытного искусства конца энеолитической эпохи. Найденные здесь изображения лосей, действительно,— одни из лучших образцов мирового искусства древности.[1]

Г. Ф. Дебец опубликовал индивидуальные измерения этих черепов[2]. В своем заключении о типе этих черепов он осторожно говорит[3]: «Оба мужских черепа из Базаихи, раскопанные Савенковым, сочетают слабое выступание носа и уплотненность лица с незначительной высотой его. Расовая диагностика представляется поэтому довольно сложной задачей. Черепа приходится отнести к переходному типу, не решая вопроса о метисном или расогенетическом происхождении этой переходности». Один из черепов (4571) отличается относительно меньшими размерами свода и лица. Напомню, что вместе со скелетом были найдены кости младенца. Очевидно, это женский череп.

Реконструированная по черепу голова из Базаихи, действительно, должна рассматриваться как переходный тип, но с очевидным преобладанием монголоидности (рис. 172). Следует учитывать, что на Енисее в это же время в непосредственной территориальной близости жили люди неолитического и энеолитического времени с чертами типичных европеоидов. Примером этого может быть череп европеоида, раскопанный Передольским у перевоза под Красноярском, и многочисленные черепа людей афанасьевской культуры, среди которых наблюдаются и метисные формы. Нам кажется, переходность типа черепов Базаихи следует объяснить метизацией.

§ 47. ЛЮДИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО И ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С р. ЛЕНЫ (ХАНЦИГАЙ)

В 1927 г. А. П. Окладников обнаружил на верхней Лене в Качугском районе, близ дер. Байраки, энеолитический могильник. Он расположен

[1] I. Savenkov. Sur les restes de l'époque néolithique dans le gouvernement d'Enisseïsk. Congrès Internat. d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques. II-me session à Moscou, t. II, 1893, стр. 323—330.

[2] Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя; его же. Палеоантропология СССР, стр. 63, табл. 8.

[3] Там же, стр. 67.

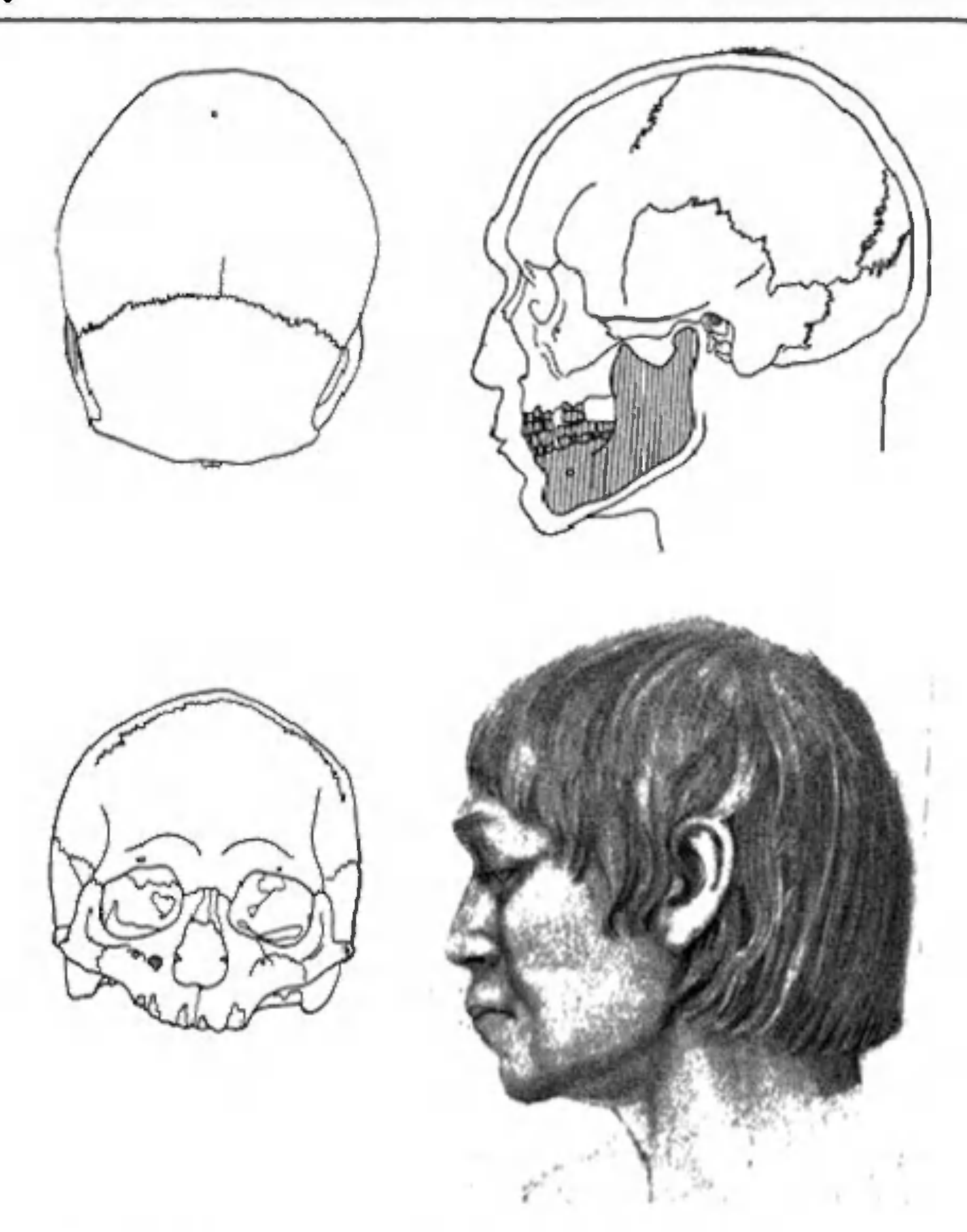

Рис. 172. Реконструкция по черепу женщины из Базаихи.

на высокой части надлуговой террасы при впадении речки Монзурки в Лену. Это урочище носит название «Хапцигай». Хапцигайский могильник имел небольшие каменные кладки на древней поверхности земли. По форме они удлиненно-прямоугольные либо овальные, до 150 см по длинной оси. Кладки сложены из некрупного плитняка или рваного камня. Ориентировка могил постоянно с запада на восток. А. П. Окладников различает два типа кладки: 1) с оградкой, когда могила ограничена вертикально поставленными плитами и сплошной вымосткой определенного пространства плитами, уходящими вниз несколькими рядами; 2) без оградки, с кладкой не только из плит, но и из рваного камня. Заполнение могил производилось укладкой горизонтальных рядов плит или камней на глубину больше полуметра. Как правило, непосредственно над кладкой лежат остатки тризны (по преимуществу это раздробленные кости косули). Ниже в слое суглинка лежат остатки погребенного. В суглинке, перекрывающем скелет, бывает много древесного угля, иногда

образующего сплошную прослойку непосредственно над костями. Скелеты ориентированы головой на запад, лежат вытянутыми на спине и сопровождаются обильным инвентарем.

В засыпке погребений часты находки осколков кремня и призматических пластинок; это, повидимому, указывает на то, что могильник был расположен в непосредственной близости от стоянки.

А. П. Окладников напечатал только предварительную краткую заметку о Хапцигае[1], несмотря на неоднократное упоминание об этом могильнике в ряде его работ. Очевидно, он склонен датировать этот могильник временем глазковского этапа.

В ГМА хранится небольшая серия черепов этого могильника из раскопок А. П. Окладникова в 1929 г.

По данным А. П. Окладникова, основная масса погребений сопровождается многочисленными украшениями и богатым производственным инвентарем из кости и камня. Характерны небольшие плоские кольца и диски из белого нефрита. Встречаются бусы из твердых пород камня (агата); много мелких пастовых цилиндрических пронизок. Инвентарь очень близок по формам к инвентарю ранней поры глазковского этапа.

А. П. Окладников не упоминает наличия краски при обряде погребения, между тем на большинстве черепов имеются очевидные следы кровавика. Наличие краски не характерно для глазковского этапа, но и в Глазковском могильнике встречались порой погребения с окраской кровавиком. Эти погребения по ряду признаков следует относить к более раннему времени, предшествующему появлению меди, столь характерной для развитого глазковского этапа.

Антропологический материал Хапцигаиского могильника был изучен Г. Ф. Дебецом[2]. Он склонен считать эту серию однородной (относя ее к группе А, т. е. палеосибирскому типу). Г. Ф. Дебец вкладывал в это определение понятие о монголоиде с долихокранным низким черепом, идентичном типу прибайкальских тунгусов, и называл его байкальским типом палеосибирской расы[3]. В другой работе[4] Г. Ф. Дебец пишет: «Тип неолитического населения Прибайкалья представляет собой древнюю форму, не обнаруживающуюся в современном населении. По отношению ко всем современным монголоидным типам населения Сибири (а не только к байкальскому) палеосибирский тип неолитического населения занимает примерно такое же положение, как кроманьонский или протоевропейский тип по отношению к современным типам европейской расы». Мы не можем безоговорочно принять это определение Г. Ф. Дебеца хотя бы потому, что не наблюдаем этого единства типа не только во всем палеоантропологическом материале Прибайкалья, но даже и в этой небольшой серии из Хапцигая (табл. 22).

Приведенная таблица индивидуальных размеров из Хапцигая показывает, что черепа № 8301 и 8302 по ряду данных резко не совпадают с черепами № 8303 и 8304.

Приведем сравнительные данные:

1. Продольный диаметр у черепов № 8301 и 8302 равен 189 мм и значительно превосходит размер черепов № 8303 (184 мм) и 8304 (186 мм) при той же или меньшей ширине черепов первой пары.

---

[1] ИВСОРГО, 1927, вып. 1—2.

[2] Индивидуальные его размеры опубликованы в работе Г. Ф. Дебеца «Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя».

[3] Палеоантропология СССР, стр. 57.

[4] Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. стр. 95.

Таблица 22

Антропологические данные мужских черепов из Хакцигая
(по Г. Ф. Дебецу)

Признаки	Номера черепов в ГМА			
	8303	8304	8302	8301
	Номера погребений по А. П. Окладникову			
	11	12	14	10
1. Продольный диаметр, мм	184	186	189	189
8. Поперечный » мм	140	139	139	137
17. Высотный » мм	127	118	135	136
5. Носолобный » мм	97	96	105	109
9. Наименьшая ширина лба, мм	96	99	89	91
40. Длина основания лица, мм	97	97	107	—
45. Скуловой диаметр, мм	139	138	131	135
48. Высота лица, мм	74	75	75	73
55. Высота носа, мм	53	54	56	56
54. Ширина » мм	23	25	25	26
51а. Ширина орбиты, мм	39	42	40	40
52. Высота » мм	36	37	34	33
32. Угол лба, градусы	76	75	72	80
72. Угол лица, градусы	85	88	78	85
75 (1). Угол носовых костей, градусы	26	30	22	22
Выступание глабеллы (шкала 1—6)	2	3	5	5
Протяженность надбровий (шкала 1—3)	2	2	2	2
Spina nasalis (шкала 0—4)	1	3	2	1
Нижний край грушевидного отверстия (шкала 1—5)	—	2	2	2
8 : 1. Черепной указатель	76	75	73,5	72,5
17 : 1. Высотно-продольный указатель	69	63,5	71,5	72
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	91	85	97	99
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	68,5	71	64	66,5
40 : 5. Указатель прогнатности	100	101	102	—
48 : 45. Лицевой указатель	53	54	56,5	54
52 : 51а. Орбитный »	92	88	85	82,5
54 : 55. Носовой »	43	46	45	46,5

2. Высотный диаметр значительно больше у черепов № 8301 и 8302 (135 и 136 мм), чем у второй пары (127 и 118 мм). Не следует, однако, думать, что свод черепов первой группы, действительно, так уж велик. Увеличение этого размера связано с совершенно особым опусканием основания черепа. В связи с этим резко увеличен и носоосновной диаметр: у первых двух черепов — 109 и 105 мм, у вторых — 97 и 96 мм.

3. Скуловой диаметр у первой пары меньше (135 и 131 мм), чем у второй (139 и 138 мм) при почти равной высоте лица.

4. Угол носовых костей меньше у первой пары (22 и 22°), чем у второй (26 и 30°).

5. Степень выступания глабеллы (по шкале 1—6) больше у первой пары (5 и 5 баллов), чем у второй (2 и 3 балла).

Эта незначительная разница размеров чрезвычайно заметна при сравнении внешней формы черепа. При рассмотрении этих черепов (рис. 173 и 175) становится совершенно ясно, что черепа № 8301 и 8302 тяготеют к антропологическому типу, характерному для более раннего исторического этапа так называемой китойской культуры (ср. черепа из Китоя и Качуга, стр. 424), причем череп № 8302, несомненно, принадлежит к антропологическому типу недифференцированного протомонгола.

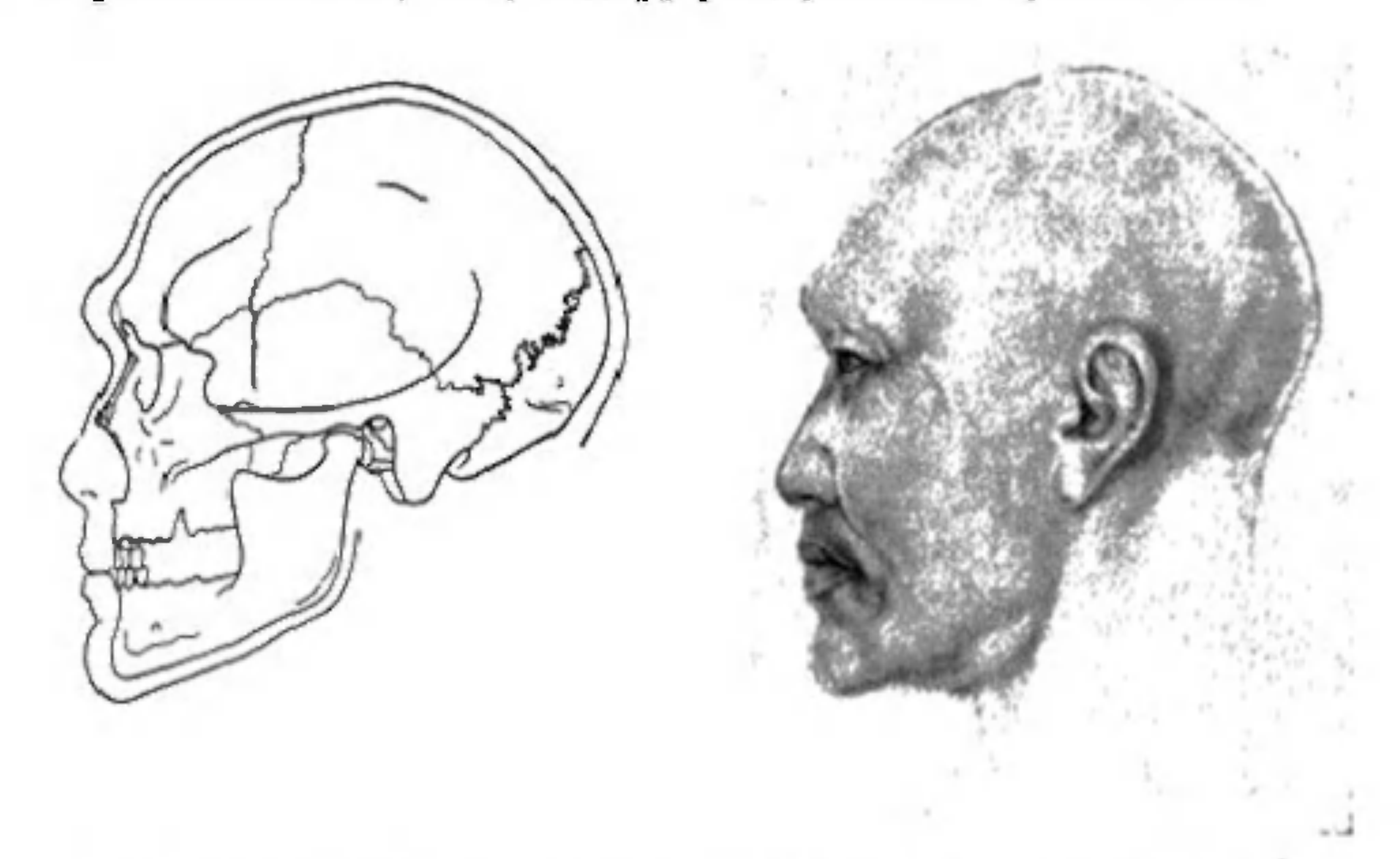

Рис. 173. Реконструкция по черепу мужчины (8301) из Хаптагая (р. Лена).

Черепа № 8303 и 8304 принадлежат к совершенно иному монгольскому типу (рис. 175) с чертами североамериканского варианта, с более профилированным лицом, сильно выступающим носом, чаще встречающимся тонкогубым ртом (хотя бывают и полногубые рты, преимущественно у женщин).

Череп № 8301 нам представляется метисным между этими крайними формами, и он в большей степени, чем остальные черепа, напоминает прототунгусский байкальский вариант монгола. К сожалению, отсутствие полной публикации археологических данных не дает нам возможности расчленить время существования этих антропологических типов, хотя очень вероятно, что они не представляли единого этнического массива, как их обычно рассматривали.

Нами воспроизведены графические реконструкции по трем мужским черепам — № 8301, 8302 и 8304.

По черепу № 8301 сделана скульптурная реконструкция, впервые опубликованная в нашей работе 1949 г.[1] (рис. 174).

Предлагаемая реконструкция (рис. 176) в полной мере подтверждает наш диагноз антропологических типов поздненеолитического населения в районе верхней Лены.

---

[1] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. Изд. «Советская наука», М., 1949, рис. 52.

Рис. 174. Реконструкция по черепу мужчины (8301) из Хаццигая.

Изучение антропологического материала Хаццигайского могильника не дает основания говорить о наличии каких-либо черт европейского происхождения. Несмотря на значительное выступание носа, носовые косточки морфологически — типично монгольской формы.

* * *

Кончая небольшой раздел, посвященный сибирскому неолиту, мы не можем умолчать о некоторых своих недоумениях, связанных с классификацией сибирского неолита, предлагаемой А. П. Окладниковым.

При настоящем состоянии исследования памятников мы не считаем порочным построение этой классификации только на основании материала захоронений. Но при этом необходимо критически относиться к датировкам погребений, тщательно взвешивать те или иные признаки культуры, по-новому рассматривать все комплексы и, давая классификацию, прежде

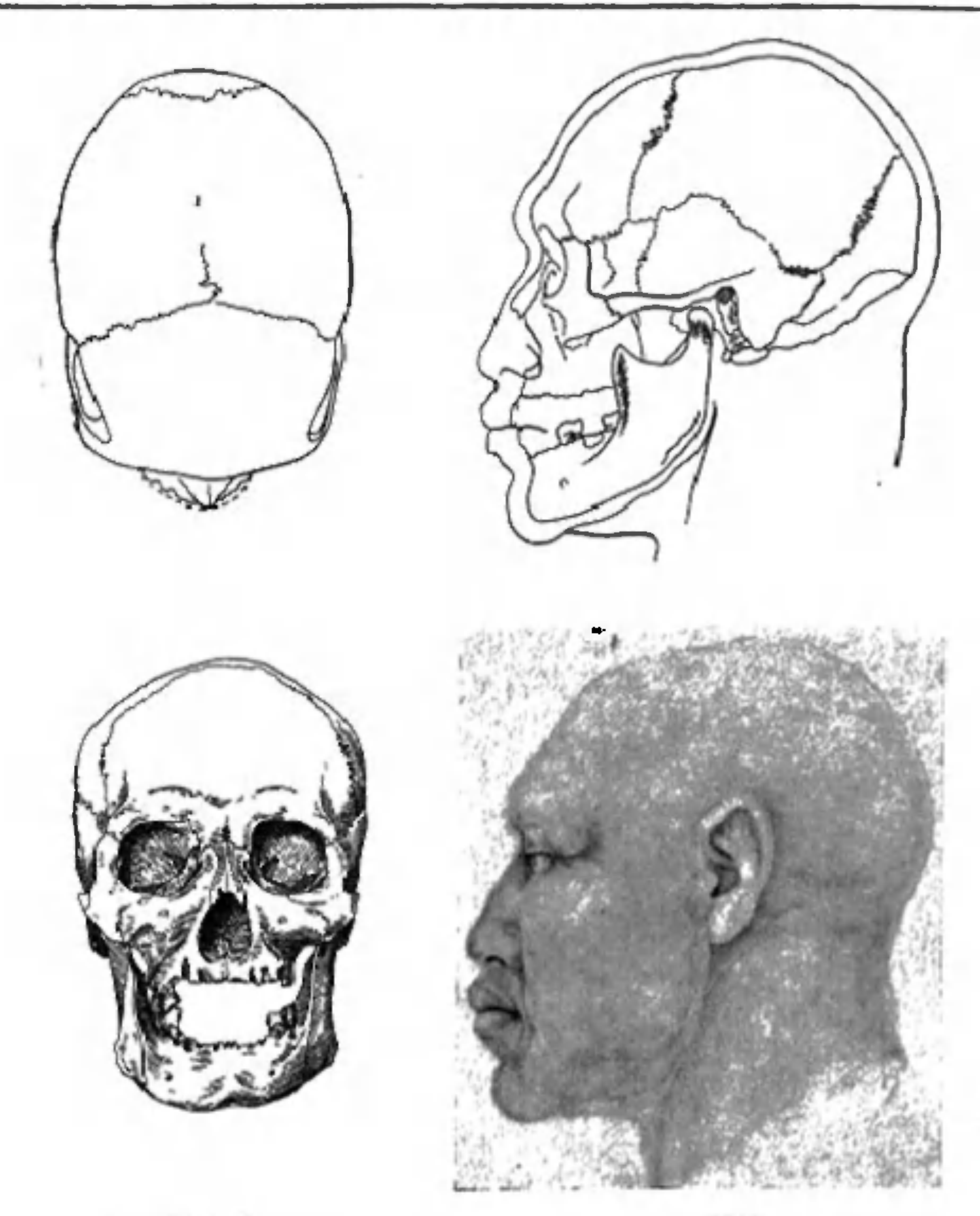

Рис. 175. Реконструкция по черепу мужчины (8302) из Хаптагая.

всего предложить вниманию читателя весь инвентарь по погребениям, а не делать выборку из него. Привлекая материал случайных находок, следует быть крайне осторожным.

В данной связи следует упомянуть о нефритовых валунах с распилами, найденных М. П. Овчинниковым в Глазкове. Нет никаких оснований связывать эти находки с китойским этапом. Ни одно захоронение китойского этапа не дало ни одного нефритового орудия со следами распила, между тем как глазковский тип, как правило, характеризуется украшениями и орудиями, изготовленными способом распиловки. Такое неосмотрительное отношение к датировке отдельных находок или комплекса их, как при отнесении Кузьмихинского поселения к китойскому этапу, может вызвать сомнение в правильности метода, положенного в основу классификации. Кузьмихинская стоянка — сложный памятник поздней поры неолита; на ней встречаются обломки меди, керамика со сложным орнаментом, цельнополированные орудия и т. д.

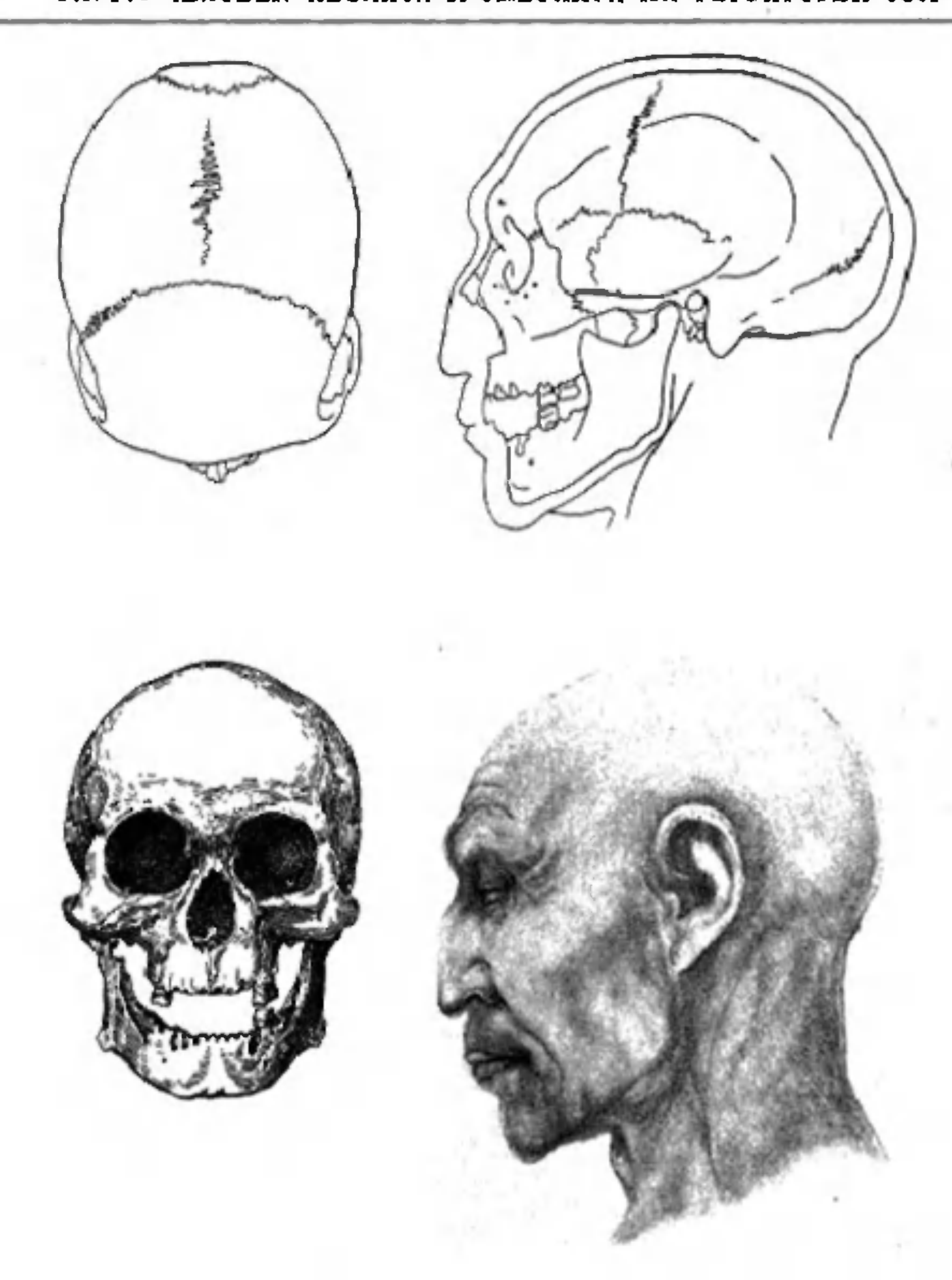

Рис. 176. Реконструкция по черепу мужчины (8304) из Хаптигая.

Рассматривая антропологический материал в связи с комплексом археологических находок, мы, как и А. П. Окладников, пришли к тому же убеждению, что комплекс китойских могильников совершенно своеобразный и отличается от памятников другого времени. Китойские погребения на Ангаре и Лене почти одинаковы по своему обряду. Повсюду погребения обильно засыпаются охрой (кровавиком); однообразен набор инвентаря; характерны нефритовые тесла (не топоры) с асимметрично зашлифованным лезвием; шлифовкой, как правило, покрыто не все орудие; своеобразны треугольные ножи из тонких осколков нефрита с зашлифовкой только лезвия; своеобразен набор гарпунов с отверстием у насада; совершенно особую категорию представляют составные рыболовные крючки из камня и кости; из украшений характерны клыки кабана, мраморные кольца и костяные браслеты.

Этот единообразный комплекс представлен небольшим количеством могильников на Ангаре и Лене и, насколько удалось проследить, связан

с одним и тем же антропологическим типом недифференцированного монгола, который, видимо, с полным правом можно назвать палеосибирским типом.

Известный нам по антропологическому и археологическому материалу более поздний этап связан уже, собственно, с энеолитическим временем. Это глазковский этап. Он характеризуется в раннюю пору преобладанием иного антропологического типа, близкого североамериканскому варианту древнего монголоида. Поздняя пора этого же глазковского этапа дает пеструю картину различных вариантов монгольского типа: североамериканского, тунгусо-байкальского, китайско-манчжурского и ряд таких, которым трудно найти аналогию в современном населении Сибири.

На нижнем течении Ангары к этому времени относятся метисные группы с отчетливыми чертами европейца (Кежма), а на Енисее — как монгольский, так и европейский типы, а также различные варианты метисов. Следует заметить, что отнесение погребений Базаихи к серовскому этапу произведено А. П. Окладниковым необоснованно. Это совершенно самостоятельная местная культура позднего энеолита Енисея.

Возвращаясь к вопросу о хронологии неолитических культур Прибайкалья, надо сказать, что наряду с выделением чрезвычайно своеобразного китойского этапа А. П. Окладников утверждает преемственную близость к нему других этапов и, очевидно, генетическую связь между ними.

Продолжая мысль А. П. Окладникова об очевидной преемственной связи ряда неолитических культур Прибайкалья, мы должны отметить, что эти связи простираются не только на исаковский и серовский этапы. Подробный анализ инвентаря серовского и глазковского этапов дает возможность отметить очевидную близость не только отдельных типов орудий, но и целых комплексов. Сходство инвентаря позднего серовского этапа и раннего глазковского — очевидно. Составные рыболовные крючки серовского этапа имеют совершенно иной, не китойский облик, но очень близки к глазковским.

Форма костяных цельнорезаных рыболовных крючков с жальцем в серовских погребениях повторяет форму медных крючков глазковского этапа (рис. 178)[1].

Гарпуны серовского и глазковского этапа представляют собой единую характерную группу и, в отличие от гарпунов китойского этапа, не имеют отверстия в основании.

Серовский и глазковский этапы характеризуются многообразным набором тесел, долот, топоров с различными формами лезвия. Эти орудия делались из разных твердых пород камня и поражают тщательностью обработки и правильностью форм в отличие от случайной формы топоров и тесел (по преимуществу — из обломков нефрита) китойского этапа, которые часто только зашлифованы со стороны лезвия (рис. 177).

Типы каменных наконечников стрел серовского и глазковского этапов более многообразны по типам, но эти типы не являются принадлежностью какого-либо одного этапа. Тип, пожалуй, наиболее распространенных наконечников стрел треугольной формы с выемкой и с насадом известен в погребениях исаковского, серовского, глазковского этапов. Для китойского этапа каменные наконечники стрел менее характерны, а типичными являются наконечники с закругленной базой, чаще же — костяные.

---

[1] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 91, рис. 7 и стр. 239, рис. 71.

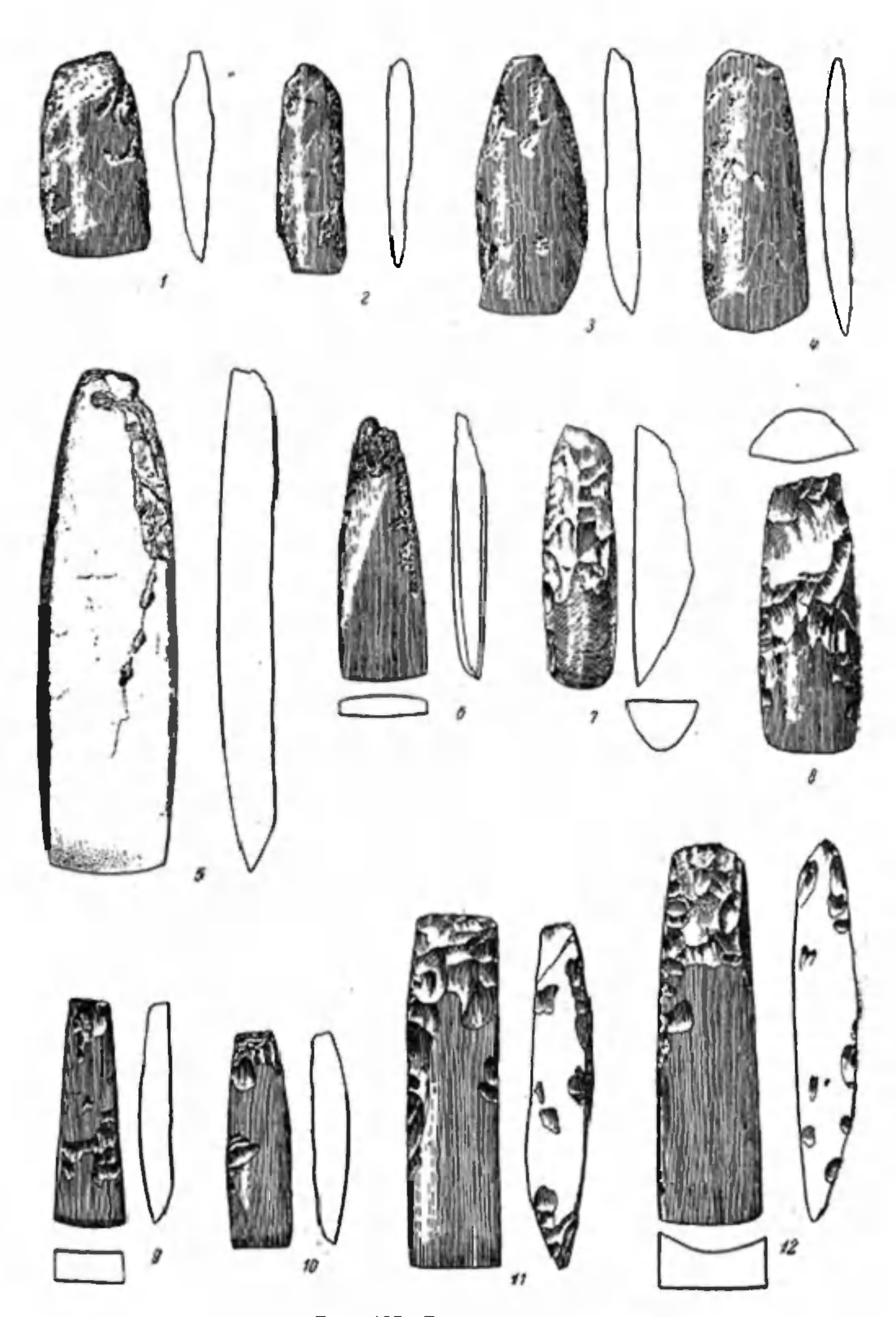

Рис. 177. Тесла из камня:

1—4 — нефритовые из Китоя; *5, 6* — нефритовые из Серово; *7—12* — серовского этапа из кремнистого сланца.

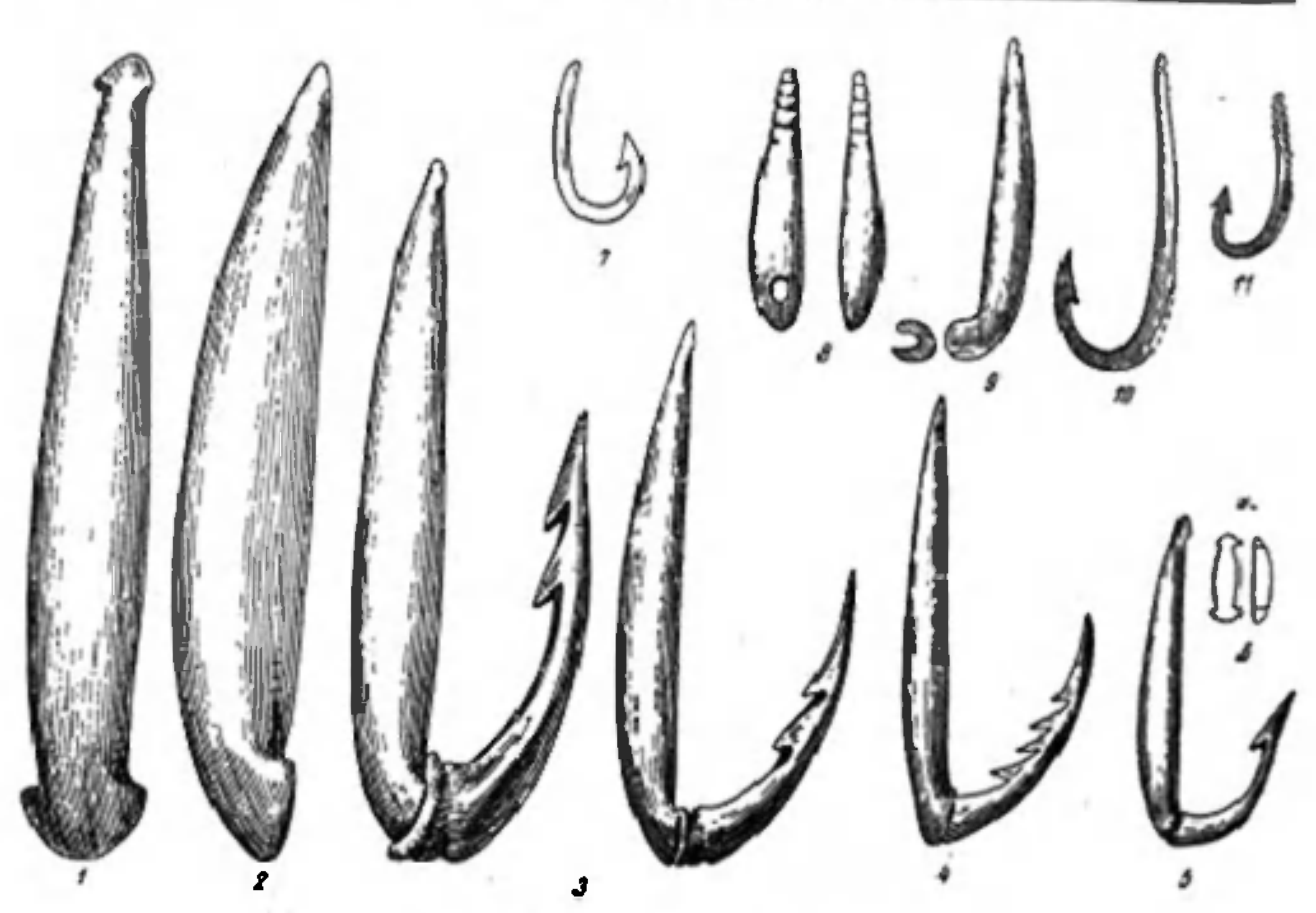

Рис. 178. Рыболовные крючки:
1—6 — китойский этап; 7 — серовский этап; 8 — 11 — глазковский этап.

Керамика в погребениях китойского времени крайне редка и примитивна. В погребениях серовского и глазковского этапов она встречается, если не часто, то обычно.

В китойских погребениях в качестве украшении мы находим клыки кабана, резцы бобра и тарбагана. Для серовских и глазковских погребений типичны в качестве украшений подвески из атрофированных клыков изюбря и резцов лося.

Особую категорию украшении составляют подвески и пронизки из перламутра. Перламутр употреблялся как местный речной, так и морской. Морской перламутр, видимо,— дальневосточного происхождения. В серовских и глазковских погребениях встречаются мелкие цилиндрические пронизки; их часто тоже считают перламутровыми, на самом же деле это пастовые бусы, очевидно, китайского происхождения. Они характерны и для карасукского времени.

Китойские погребения, как правило, сопровождаются засыпкой охрой. Для исаковских, серовских и глазковских погребении засыпка охрой, видимо, не всегда была обязательной.

Таким образом, по нашим наблюдениям, степень сходства серовского и глазковского этапов столь велика, что поздний серовский этап как бы переходит в ранний глазковский, и нередко различить эти этапы крайне затруднительно. Только этим и можно объяснить, что такой знаток неолита Прибайкалья, как А. П. Окладников, ошибочно отнес погребение у Переселенческого пункта к серовскому этапу, между тем как это погребение сопровождалось многочисленным характерным инвентарем — здесь были найдены митрообразный тонкостенный сосуд, нефритовое тесло со следами распила, отполированные по всей поверхности сланцевый нож полулунной формы, наконечники стрел треугольной формы с черешком и т. д. Несмотря на такой характерный инвентарь, А. П. Окладников

допустил ошибку в датировке. А между тем датировка этого погребения глазковским временем несомненна, так как, помимо прочего, на костях плохо сохранившегося скелета нами были отмечены следы медных окислов[1].

Если принять классификацию прибайкальского неолита, предложенную А. П. Окладниковым, надо будет признать место китойского этапа между серовским и глазковским этапами, что, с нашей точки зрения, не отвечает фактам.

Китойский этап разрывает стройную картину единого развития материальной культуры Прибайкалья. Он как бы врезается инородным телом между серовским и глазковским этапами, не обнаруживая элементов перехода от серовского к глазковскому этапу. Китойский этап не имеет преемственной связи ни с предшествующим, ни с последующим этапом истории. Такое внедрение инородной культуры можно объяснить только вторжением нового населения на данную территорию, что вряд ли вероятно.

Между тем помещение китойского этапа перед исаковским, по нашему представлению, не только возможно, но и устранило бы многие противоречия, так как между китойским и исаковским этапами есть некоторая взаимная связь.

Китойцы в основе своего материального производства прежде всего рыбаки; они ловили рыбу крючковой снастью, били гарпуном, ставили сети (напомним, что в китойских погребениях встречаются желобчатые «ножи» или «кинжалы» со своеобразно оформленными рукоятками; это орудия для вязания сетей-иглы[2]); в инвентаре их нет орудий, связанных с земледелием. Массивные острия из рога марала и заступы из лопаток лося могли быть использованы для копания землянок, могил, но вряд ли их следует рассматривать как орудия для возделывания земли.

В китойских захоронениях нет так называемых топоров с ушками, нет пестов, нет зернотерок; все это орудия более поздних этапов.

Костяные наконечники стрел китойского времени с длинными остриями и скошенным основанием надо считать парными наконечниками стрел для стрельбы из лука по рыбе. К этому типу наконечников следует отнести также маленькие гарпунчики с плоским удлиненным основанием[3].

А. П. Окладников постоянно говорит о том, что в китойское время не было сложного лука, и в этом он абсолютно прав. Ни одно из раскопанных погребений не дало костяных пластин лука, а между тем лук этого типа известен на исаковском и серовском этапах; на глазковском этапе лук, повидимому, был еще более сложным. Уместно напомнить, судя по публикации А. П. Окладникова, что лук серовского типа уже был известен в погребениях исаковского этапа (Пономаревский могильник, погребение 10)[4]. Мы не можем ни понять, ни поверить, что человек, изобревший столь совершенное орудие, как сложный лук, пользовавшийся им на протяжении ряда веков, вдруг на следующем отрезке своего существования утратил его, не приобретя взамен более совершенное орудие.

Рассматривая каменный инвентарь исаковского и серовского этапов, невольно поражаешься мастерству и многообразию форм полированных теслообразных рубящих орудий из различных пород камня — сланца,

---

[1] Погребение раскопано нами в 1925 г. при непосредственном участии Л. Иваньева. Инвентарь и остатки скелета хранятся в Иркутском музее.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 389, рис. 20.

[3] Там же, стр. 361, рис. 107; стр. 365, рис. 109, стр. 366, рис. 111.

[4] Там же, стр. 189, 190, рис. 35, 36.

яшмы, нефрита. «Даже нефритовые тесла серовского времени обладают такими же правильными геометрическими формами, теми же строго параллельными гранями, как и одновременные орудия из сланца», — пишет А. П. Окладников[1] (см. рис. 177).

Так же великолепны и ножи полулунной формы исаковского и серовского этапов; они сплошь полированы и делались из сланца и нефрита[2].

Чем же объяснить убогую, несовершенную технику изготовления нефритовых орудий китойского этапа, если он, действительно, следовал за серовским, и в силу чего обработка нефрита и других пород камня с такой же яркостью и совершенством возродилась на глазковском этапе? Техника обработки мелкого кремневого инвентаря на серовском этапе достигает предельного совершенства, на китойском же этапе намечается, по схеме А. П. Окладникова, явный регресс и новая вспышка — на глазковском этапе. Мы не можем объяснить ни этого упадка, ни возрождения техники обработки кремня.

Не можем мы также найти ответа, почему люди серовского этапа — охотники по преимуществу — чтили рыбу и делали многочисленные ее изображения из камня, а затем перестали их изготовлять на следующем этапе, хотя в их хозяйстве стало преобладать рыболовство. Могильник в саду «Локомотив» (раскопки П. П. Хороших), так же как и ряд захоронений в Глазково, представляет собою переходный этап от собственно китойской культуры к исаково-серовскому этапу глазковской культуры. Находка изображений рыбы в этом могильнике совершенно естественна.

Чем внимательнее рассматриваем мы материал китойского этапа, тем очевиднее становится, что нет никакой преемственности между серовским и китойским этапами.

А. П. Окладников пишет: «Глазковские погребения, а не какие-либо иные, оказались впускными в Пономаревском могильнике, где они прорезали предшествующие им более древние захоронения»[3].

Немного выше[4] даются иллюстрации двух погребений Пономаревского могильника. Эти погребения взаимно перекрещиваются, причем верхнее погребение (№ 17) — заведомо глазковское, о чем свидетельствуют кружочки, диски и колечко из белого нефрита. Это погребение разрушено в процессе захоронения погребения №18, которое А. П. Окладников ошибочно датирует серовским этапом. Считать погребение №17 ограбленным нельзя, так как на месте сохранилось 6 изделий из белого нефрита, которые обычно являлись целью при ограблении погребений.

Связь исаковского и серовского этапов очевидна; она подтверждается и А. П. Окладниковым.

Такую же связь можно с неменьшей очевидностью найти между серовским и глазковским этапами.

Мы предлагаем китойский этап считать предшествующим исаковскому. По нашему мнению, развитие культур неолита Прибайкалья шло в такой хронологической последовательности: 1) хиньский этап, 2) китойский этап, 3) исаковский этап, 4) серовский этап, 5) глазковский этап, 6) шиверский этап. Кроме того, мы не видим принципиальной разницы между исаковским и серовским этапами: их следовало бы объединить в один.

В окончательной редакции наша схема развития культур неолита Прибайкалья представляется в следующем виде:

---

[1] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 203, рис. 44.
[2] Там же, стр. 75, рис. 26 (Пономарево, погребение 10).
[3] Там же, стр. 89.
[4] Там же, стр. 70.

I. Хиньский этап — древний неолит с традициями мезолита. Охота, как основа материального производства. Шлифованных каменных орудий и керамики еще нет.

II. Китойский этап — ранний неолит. Развитое рыболовство крючковой снастью и сетями. Появление керамики. У орудия уже шлифуются рабочие части лезвия.

III. Серовский этап — развитой неолит. Охота и рыболовство как основные формы производства. Появление сложного лука. Совершенство техники обработки кремневого инвентаря. Совершенство и многообразие шлифованных орудий — тесел, топоров, долот и т. д. Пиление камня.

IV. Глазковский этап — энеолит. Охота, рыболовство, земледелие. Появление кованых пластинчатых изделий из меди. Овладение техникой пиления нефрита. Украшения из белого нефрита. Связи с Китаем и, вероятно, с Енисеем.

V. Шиверский этап — ранняя бронза. Появление литых бронзовых предметов — браслетов, украшений и т. д.

Предлагая настоящую схему, мы вполне учли, что возможны поправки, уточнения, но это — дело будущего, равно как дело будущего подробное изучение всего палеоантропологического материала из Восточной Сибири.

Глава V

ЛЮДИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Эта последняя глава посвящена описанию ряда портретов людей раннего и развитого бронзового века, а также раннего этапа железного века. Заканчивается наша работа характеристикой антропологических типов, близких нашему времени.

Совершенно очевидно, что мы даем только беглый обзор некоторых локальных вариантов того или иного антропологического типа, связанного с определенным этапом материальной культуры и узкой территорией. Настоящая глава представляет собой попытку связать некоторые древние неолитические и энеолитические антропологические категории с более поздним населением этих же территории.

Описание культур и антропологических типов мы ограничиваем конкретными портретами некогда живших людей, прекрасно отдавая себе отчет в неполноте этой характеристики для всего массива населения того или иного исторического этапа.

§ 48. ЛЮДИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

Многообразными и многочисленными были древние племена эпохи бронзы, некогда заселявшие необъятные степные и лесные пространства нашей великой Родины. Многие из этих племен корнями своего происхождения переплетаются с древними энеолитическими и неолитическими племенами, являясь, таким образом, аборигенами на данной территории. Другие переселялись сюда в разные времена данной эпохи. В большинстве случаев мы не можем ответить, в силу чего вдруг на данную территорию пришли те или иные племена, носители той или иной культуры. Еще меньше мы можем сказать об антропологическом типе этих людей.

Все культуры эпохи бронзы в большей или меньшей мере связаны с наличием скотоводства и земледелия. Рыболовство и охота в ряде случаев приобретали только вспомогательный характер сезонно-промысловой формы и встречались главным образом в лесной и лесостепной полосе.

Антропологический состав различных племен бронзовых культур достаточно пестр. Совершенно неясен генезис основных этнических категорий. В ряде случаев одна и та же форма материальной культуры не совпадает, повидимому, с одним и тем же антропологическим типом.

Громадный территориальный массив, занятый отдельными племенами срубной культуры, смыкается с областями носителей других форм культуры и не может быть вследствие этого совершенно однородным по своему антропологическому типу; в равной степени трудно предполагать, чтобы

андроновские племена, расселявшиеся от Урала до Енисея, были однородны по этническому составу. Наша характеристика антропологического типа, главным образом, определяет его в пределах основных рас. Вопрос об этническом составе различных племен может быть решен только более тонкой методикой. Совершенно несомненно, что памятники различных культур на стыках своих ареалов должны показать определенную изменчивость основного антропологического типа, тем самым определяя этапы формирования различных, более дробных племенных категорий. Постоянная связь антропологии с археологией должна помочь воссоздать определенные вехи формирования этнических категорий и, таким образом, ответить на сложный вопрос о формировании многоликого состава племен и народов современности.

Для того, чтобы достичь ощутимого результата в решении этой задачи, необходим сбор максимального количества костного материала. Археологи отлично знают, как необходимо документировать отдельные предметы, ту или иную находку в общем плане раскапываемого памятника, но очень немногие отчетливо представляют себе, что, передавая антропологический материал антропологу, надо одновременно точно регистрировать, где, в каком комплексе инвентаря, в каком положении был найден этот материал. Антропологу, как и археологу, важно иметь точное представление о характере памятника и той его части, где обнаружена находка, чтобы сделать полноценное заключение.

Антропологический тип человека изменяется значительно медленнее, чем происходит процесс накопления новых культурных навыков. Неандертальский человек на протяжении многих тысяч лет мустьерской культуры почти не изменялся в своем антропологическом типе. Древний *Homo sapiens* эпохи палеолита уже представлен рядом локальных расовых категорий, в своей основе весьма близких современному человеку. Дальше развитие культуры убыстряется, и чем ближе к нашим дням, тем короче становятся культурные этапы; однако антропологический тип человека более консервативен и в силу этого продолжает сохранять в большей степени свое единство. Поэтому единый антропологический тип, сохраняющийся на протяжении ряда постепенно меняющихся культур, может служить указанием на единую линию их развития. Появление в археологической культуре чуждых элементов при не изменившемся антропологическом типе может быть показателем культурного заимствования. Пестрота антропологического типа и нечеткость памятников материальной культуры могут свидетельствовать о каком-то моменте образования нового культурного этапа в результате скрещивания двух или большего количества этнических категорий. Только в результате единого плана работы археолога, антрополога, этнографа и лингвиста можно решать вопросы этногенеза. Истоки современных этнических групп в ряде случаев, вероятно, могут быть прослежены до глубочайшей древности, а в эпоху бронзы этот процесс определенной локализации отдельных этнических групп приобретает уже значительную четкость.

Вот почему так важно, изучая антропологический материал, увязывать его с одновременным, действительно, ему принадлежащим комплексом материальной культуры. Большинство давно раскопанного антропологического материала, к сожалению, очень скупо аннотировано, а опыт убеждает в том, что для постановки и решения вопросов, связанных с этногенезом тех или иных племен или народов, нужна максимальная точность сведений о всем цикле археологических находок.

Решать вопросы, связанные с проблемой этногонии того или иного народа современности, не учитывая языковых данных, также невозможно.

Но наши сведения о древних языках ограничены и чем дальше в глубь веков, тем меньше конкретных данных о языке. Наконец, мы доходим до такого рубежа в истории человечества, ниже которого даже предположительно трудно говорить о языке.

Тут своевременно вспомнить о том, что этническая общность определяется не только языком. В орбиту исследования в максимальной степени следует привлечь в этих случаях историко-археологические и антропологические данные, строго учитывая, однако, датировку привлеченного материала, а вместе с тем территориальные и палеогеографические особенности места находки. Все эти данные должны быть взаимно сопоставлены, и нередко это способствует выявлению общности или смены антропологического типа.

§ 49. ЛЮДИ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Первые орудия из меди связываются в степной полосе нижнего Поволжья со скотоводческо-земледельческими племенами древнеямной культуры. Обычно граница распространения этой древней культуры ограничивается нижневолжскими и придонскими степями. Очевидно, это не совсем верно, и племена этой культуры расселялись значительно шире. Мы уже упоминали о захоронении древнеямного типа в порожистой части Днепра на стоянке Игрень 8.

По своему происхождению эта культура преемственно связывается с микролитоидными стоянками позднего неолита. Вероятно, племена этой культуры являются аборигенным населением центральной части территории своего расселения.

Стоянки этого времени, очевидно, невелики и недолговременны. Каменный инвентарь этих стоянок сохраняет традиции микролитоидной техники и характеризуется переживанием микролитоидных орудий геометрических форм.

По основе своего материального производства это полуоседлые пастухи-земледельцы. Но им не чужды ни охота, ни рыболовство. Эти промыслы уже носят характер не основных, а подсобных сезонных занятий. Вероятно, к этому времени начинаются сложные изменения в значении труда мужчин и женщин, что приводит к новым формам отношений в семье: возникают новые брачные основы. Очевидно, это время перехода от матриархального родового строя к патриархальной семье. Меняются экономические основы всего материального производства. «Стада были новыми промысловыми средствами; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему....

Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности»[1].

Крупные могильные сооружения, курганы со множеством могил, видимо, были памятниками, связанными с образованием патриархальной семьи. Но нам известны и одиночные «грунтовые» могилы этого же времени.

Характерным признаком этой культуры является устройство погребальной камеры. Обычно это ямы с отвесными стенками, площадью 3 × 3 м при глубине до 2 м. Поверх яма покрывалась накатом из тонких бревен

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр 167.

либо настилом из плах. На это перекрытие укладывался толстый слой мелкого хвороста, поверх которого настилался слой травы, и только после этого сооружалась насыпь из земли. Обряд погребения весьма однороден. Как правило, умершего клали на спину с приподнятыми в коленях ногами; ступни ног стояли прямо, тесно прижатые пятками к тазу; руки были вытянуты вдоль тела. Погребение обычно ориентировано головой на северо-восток, реже — на восток. Нередко погребенного сажали с сильно прижатыми к груди ногами. В процессе распада мягких тканей скелет падал на спину, либо на бок.

Пол камеры обильно посыпали красной охрой, кровавиком. Нередко поверх погребенного вновь посыпали слои кровавика.

Вещи в могилу клали крайне редко; чаще встречаются сосуды, но были найдены тонкие пластинчатые кованые ножи из меди и граненые медные шильца. Небольшие сосуды чаще встречаются при детских захоронениях. Этот обряд погребения устойчив не только в нижнем Поволжье, но и в южном Приуралье, где древнеямные погребения найдены В. В. Гольмстен в 1923 г. к западу от Бугуруслана и К. В. Сальниковым в 1949—1950 гг. в районе Магнитогорска. Существуют ли какие-нибудь локальные варианты ритуала захоронений на окраинах этой культуры,— мы не знаем. Погребение в грунтовой яме на Сурском острове, очевидно, было сидячим.

С давних пор существует представление о том, что население племен древнеямной культуры в антропологическом отношении весьма однородно. Это европеоиды с пережитками черт древнего типа кроманьонца.

В своей монографии «Палеоантропология СССР» Г. Ф. Дебец указывает, что в 1936 г. ему удалось обработать и опубликовать весь немногочисленный материал, связанный с этой древней культурой[1]. В другой работе[2] он констатирует их европеоидный тип, причем отмечает сильное выступание носа, по степени превышающее выступание его у армян[3], среднюю высоту и большую ширину лица, покатый лоб, сильное надбровье. По этим признакам Г. Ф. Дебец склонен данные черепа древнеямной культуры (конец III тысячелетия до н. э.) сближать с черепом солютрейского времени из Пшедмоста. Одновременно он указывает на меньшие размеры черепов из Поволжья; в этом, видимо, отмечаются следы эпохального изменения черепов европейского типа.

В связи со строительством водохранилищ, каналов и гидроэлектростанций производятся почти сплошное обследование и раскопки в затопляемых и полузатопляемых районах. В результате этого мы обогатились громадным археологическим и значительным антропологическим материалом. В частности, существенно пополнились наши коллекции черепов ранней и поздней бронзы степей. Найден ряд черепов и скелетов древнеямной культуры[4].

В настоящей работе мы уже можем дать реконструкции людей древнеямной культуры по черепам, происходящим из различных памятников:

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология. М.—Л., 1948 (ТИЭ, новая серия, т. IV), стр. 102.

[2] Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. АЖ, 1936, № 1.

[3] Угол выступания носа у древнеямных черепов, по Дебецу, равен 35,3°, у армян, по Бунаку,— 34°.

[4] Весь этот чрезвычайно интересный материал еще ждет научного освоения. Лаборатория пластической антропологической реконструкции при Институте этнографии Академии наук СССР ведет систематическую реставрацию и описание палеоантропологических серий, подготовляя их для дальнейшего изучения антропологов.

1) две реконструкции по черепам из погребений 20 и 22 кургана № 5 у с. Бережновки на левом берегу р. Еруслана при впадении его в Волгу (Сталинградская область, левый берег р. Волги, раскопки И. В. Синицына, 1951 г.);

2) одну реконструкцию по черепу из кургана близ дер. Копеевки Пугачевского района (нижнее Поволжье, раскопки А. И. Тереножкина, 1936 г.);

3) одну реконструкцию по черепу из погребения 4 кургана № 5 у с. Ново-Филипповки (раскопки М. И. Вязмитиновой, 1951 г.).

Результат изучения этой небольшой серии черепов из разных мест территории, занимавшейся племенами древнеямной культуры, дает нам право говорить о некотором разнообразии антропологических типов европеоидов, связанных с древнеямной культурой. Одновременно, видимо, можно утверждать, что антропологический тип европеоида, связанного с этой культурой, обладал чертами, резко отличающимися от известных нам типических черт древнего кроманьонского типа Пшедмоста.

П о р т р е т ы л ю д е й, п о г р е б е н н ы х в к у р г а н е № 5 у с. Б е р е ж н о в к и[1]. В 1951 г. И. В. Синицын раскопал большой курган, содержавший 25 погребений различных культур; из них нас интересуют только два погребения древнеямной культуры: погребение 22, которое, очевидно, было основным в этом кургане, и погребение 20, вероятно, одновременное первому.

И. В. Синицын, на основании конструкции погребальной камеры, обряда захоронения, формы и орнаментации найденного здесь сосуда, склонен считать это захоронение древнейшим не только для данного кургана, но и для древнеямной культуры этого района.

В погребении 22, в овальной яме, на спине лежал скелет с сильно

а

б

Рис. 179 Погребение 22 из кургана № 5 у с. Бережновки.

а — положение скелета, б — сосудик. Раскопка И. В. Синицына, 1951 г.

[1] Сталинградская область, левый берег р. Волги. Раскопки И. В. Синицына, 1951 г.

поджатыми ногами (рис. 179, *а*). У головы, под правым плечом, стоял глиняный остродонный сосудик, сплошь орнаментированный сложным рисунком из чередующихся волнистых и пунктирных поясов (рис. 179, *б*). Скелет был обильно засыпан кровавиком.

Череп из этого захоронения принадлежал мужчине не старше 18—20 лет. Несмотря на значительные абсолютные размеры, он не производит впечатления массивности, а лицевой скелет определенно грацилен.

Череп долихокранный (указатель 73,4), удлиненный (188 мм), нешироклй (138 мм), сверху пентагональный, со стороны затылка крышевидный; свод его высокий, лоб довольно крутой, широкий (78,99); глабелла выступает несильно (3 балла); протяженно надбровий невелико (1 балл), а степень выступания незначительна Затылок невыступающий, инион развит слабо, сосцевидные отростки короткие, массивные, но рельеф их слабый. Общая высота лица — средняя (114 мм), верхняя высота лица — небольшая (67 мм); лицо неширокое (128 мм); глазницы относительно большие (ширина — 41 мм, высота — 31 мм). Лицо нельзя назвать прогнатным, но тем не менее оно все,— и нос, и верхняя челюсть, и нижняя челюсть, — довольно сильно вынесено вперед, за линию глабеллы. Нос — с отчетливой горбинкой, средней величины (общая высота — 51 мм, ширина — 24,7 мм) Альвеолярная часть верхней челюсти короткая, зубы ортогнатные, прикус их щипцеобразный, расстояние P_2 и P_2 — 52 мм. Высота эмали первого резца — 7,5 мм.

Антропологический диагноз этого черепа не представляет затруднений. Это типичный череп европеоида. Он ни в какой степени не обладает архаическими чертами древнего *Homo sapiens*. Нет у него сходства и с древними неолитическими типами людей из порожистой части Днепра. Он значительно тоньше, меньше, грацильнее. Нет у него сходства ни с европеоидскими черепами на Оленьем острове, ни с ладожскими.

Этот человек европеоидного типа весьма близок современному средиземноморцу. Воспроизведенная голова вполне отвечает этой общей характеристике (рис. 180).

В непосредственной близости, в этом же кургане, при аналогичных условиях было вскрыто погребение 20. Найденные кости принадлежат мужчине 35 лет.

Череп крупный и массивный. Длина его громадна (197,5 мм), ширина очень велика (144 мм). Свод относительно высокий, но с пологим, очень широким лбом (наименьшая ширина — 104,5 мм); глабелла массивная, но не сильно вынесена вперед (3 балла); надбровья сильно вздутые (протяженность их по шкале — 2 балла). Затылок едва выступающий, преломленный; выступание иниона по шкале — 2 балла; сосцевидные отростки невелики, но массивны.

Общая высота лица большая (130 мм), верхняя высота лица очень большая (80 мм); скуловая ширина значительная (138 мм).

Вертикально поставленные глазницы большие (ширина — 44 мм, высота — 36 мм). Общее выступание носа велико при большой высоте (58 мм); ширина его значительная (26 мм).

Скуловые кости массивные, сильно профилированные; собачьи ямки глубокие (3 балла)

Альвеолярный отросток верхней челюсти очень велик (23 мм); расстояние между вторыми ложнокоренными — 55,75 мм

Нижняя челюсть очень массивная, но при этом выступание собственно подбородка невелико — 2 балла. Массивный череп с относительно высоким сводом, покатым лбом при беглом взгляде, действительно, производит некоторое впечатление примитивности, но не очень большая степень развития глабеллы, не превышающая средних норм у современного человека, слабое развитие надбровий по длине, высокие глазницы, не очень большая ширина высокого лица, несмотря на массивность скелета, производит впечатление вполне современного черепа.

Ряд признаков — общая форма свода черепа, степень развития надбровий и глабеллы, еще бóльшая массивность лицевого скелета — отличает череп из погребения 20 от неолитических черепов с Сурского ост-

Рис. 180. Реконструкция по черепу из погребения 22 кургана № 5 у с. Бережновки. Раскопки И. В. Синицина, 1951 г.

рова, с Виноградного острова и др., т. е. от черепов поздних кроманьонцев неолитического времени.

Предлагаемая реконструкция дает представление об очень сильном европейце вполне современного облака, но со значительно вздутыми короткими надбровьями и невысоким покатым лбом (рис. 181).

Рис. 181. Реконструкция по черепу мужчины из погребения 20 кургана № 5 у с. Бережновки.

Портрет человека из кургана близ дер. Канеевки[1]. Этот череп Г. Ф. Дебец считает типичным для древнеямной культуры[2]. Череп — хорошей сохранности, однако лишен нижней че-

[1] Нижнее Поволжье, Пугачевский район. Раскопки А. И. Терножкина, 1936 г. (№ 8372).

[2] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 103.

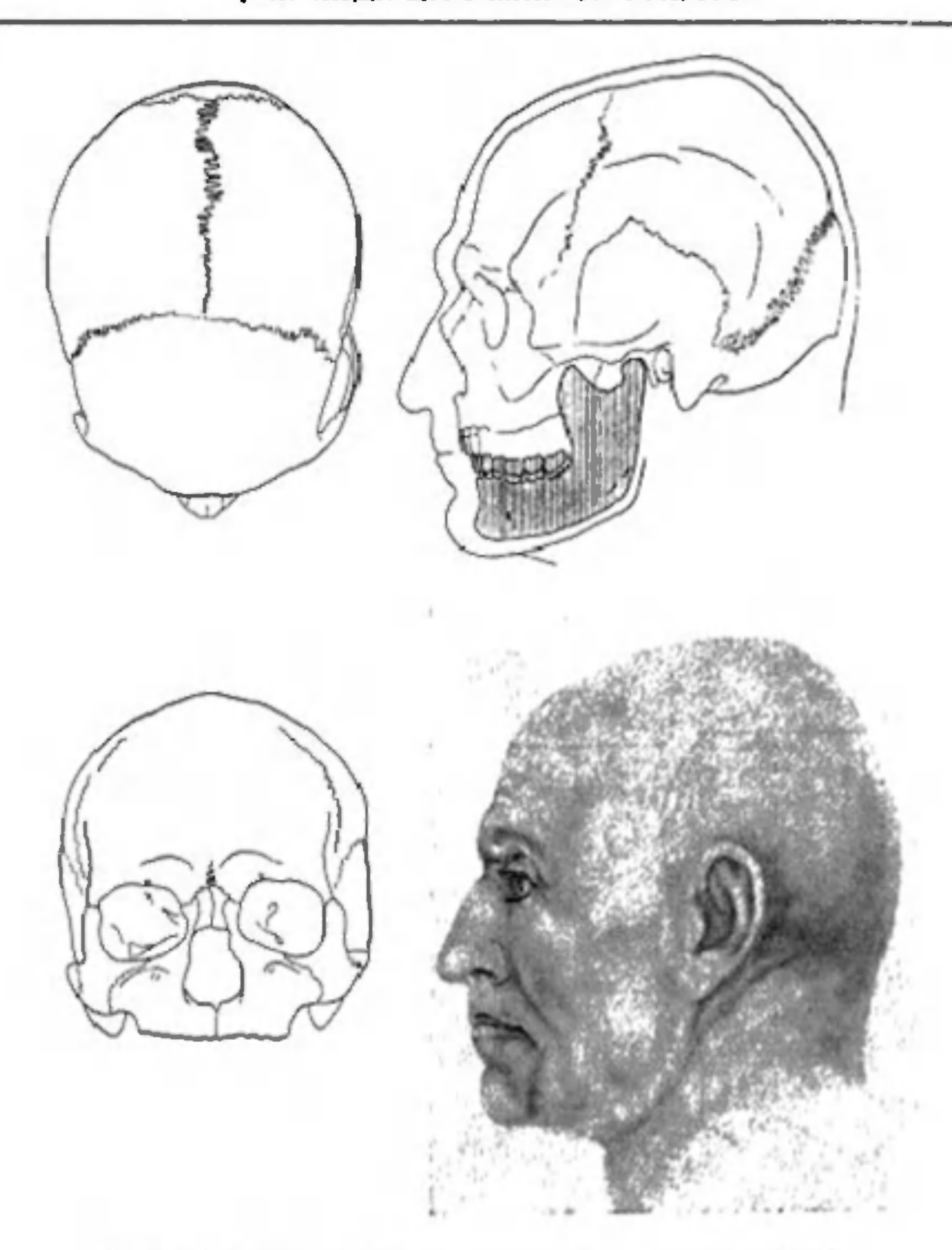

Рис. 182. Реконструкция по черепу мужчины (8372) из кургана у дер. Канеевки

люсти. Несмотря на это, опираясь на наш опыт реконструкции лица современного человека по черепу, я произвел реконструкцию нижней челюсти, а затем и внешнего облика этого древнего человека.

Череп при относительно большой длине широк (указатель 75.13), что придает ему массивность. Лоб невысокий, но довольно крутой, продольно широкий (103 мм). Глабелла чуть преломленная, массивная, сильно выступающая (4 балла). Сильно вздутые надбровья очень коротки (1 балл). Затылок выступающий, преломленный. Развитие иниона равно 2 баллам. Сосцевидные отростки короткие, массивные, с резким рельефом. Верхняя часть лица средне высокая (68 мм). Скуловая ширина большая (140 мм). Орбиты прямоугольные, большой длины (44 мм), относительно высокие (34 мм). Нос большой, широкий, но не сильно выступающий. Широкое лицо средне профилировано, с неглубокими собачьими ямками и резко ортогнатно.

Антропологическая диагностика этого черепа не вызывает затруднения: это типичный европеоид (рис. 182).

Несмотря на значительную степень развития глабеллы, низкий удлиненный свод, большую ширину лица, нет никакого основания сближать

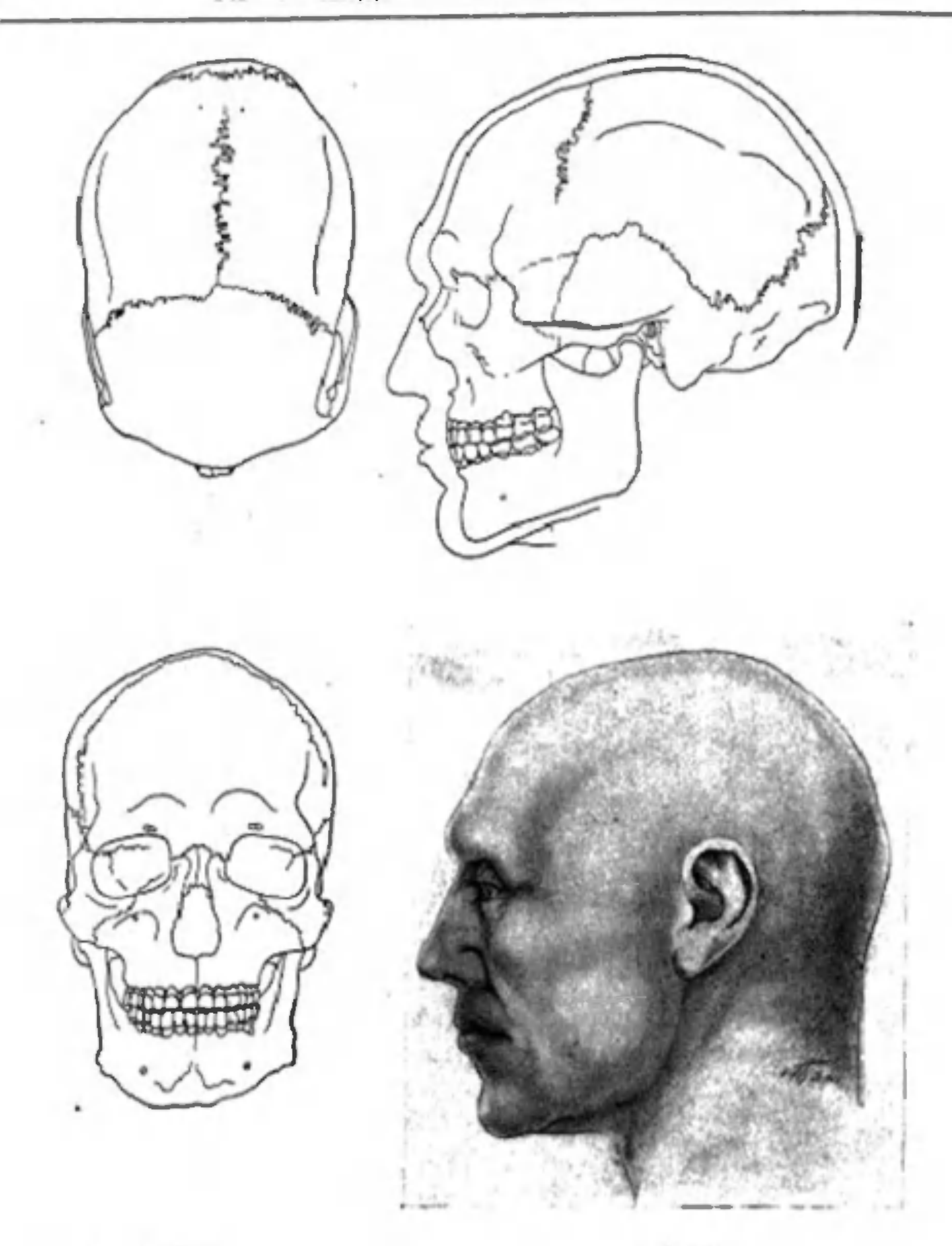

Рис. 183. Реконструкция по черепу мужчины (9189) из погребения 4 кургана № 5 у с. Ново-Филипповка.

этот череп по типу с черепами из Пшедмоста или же с черепами поздних кроманьонцев с порожистой части Днепра. Это совершенно особый тип массивного длинноголового, широколицого европеоида с относительно большими глазницами, выступающим носом и ортогнатным лицом (рис. 182).

Череп древнеямной культуры из кургана № 5 (погребение 4) у с. Ново-Филипповки[1]. Основные антропологические данные следующие.

Массивный долихокранный череп (указатель 69,07); длина его — 194 мм, ширина — 134 мм. Свод довольно высокий, но с покатым широким лбом (38 мм), сильно вынесенными глабеллой (4 балла) и надбровьем (2 балла). Затылок выступающий, пре-

[1] Реставрирован, измерен и нарисован Н. Н. Мамоновой. Нам неизвестны дневниковые данные ни о способе захоронения, ни об инвентаре, сопровождавшем умерших. Череп хранится в ГМА (№ 9189).

ломленный, с хорошо выраженной выйной линией и иниовом (3 балла). Сосцевидные отростки очень большие.

Высокое лицо (123,5 мм) относительно неширокo (135 мм) и сильно профилировано. Скуловые кости массивные, глазницы низкие (29,5 мм), широкие (44,5 мм). Нос несильно выступающий, высокий (54 мм), средне широкий (25 мм). Высота альвеолярного отростка верхней челюсти средняя (17,75 мм), расстояние P_2 и P_2 — 54,7 мм. Высота эмали резца 1 равна 8,5 мм. Нижняя челюсть очень массивна.

Этот череп, очевидно, имеет черты сходства с поздними черепами кроманьонцев неолитического времени с порожистой части Днепра и ближе всего к черепам из Волнишского могильника. Он даже не более грацилен, чем они, и не отличается физиономически. Про этот череп можно сказать, что он сохранил черты древнего типа европеоида. Но все же это сходство с древним типом *Homo sapiens* не такого порядка, чтобы можно было говорить о его приближении к типу черепов из Пшедмоста. Это совершенно особый локальный вариант древнего европеоида, еще не имеющий аналогии в современном населении ни Европы, ни Азии. Он еще не вполне дифференцирован, и в этом плане его можно назвать протоевропейским типом (рис. 183).

§ 50. ЛЮДИ ЯМНО-КАТАКОМБНОГО ЭТАПА

Мы выделяем эту категорию черепов в совершенно самостоятельный раздел, не только исходя из соображений, связанных с хронологией, но главным образом потому, что черепа этого переходного этапа резко отличаются от черепов из погребений более ранней группы собственно древнеямных. Катакомбные погребения отличаются от древнеямных прежде всего тем, что при сохранении погребального ритуала, типичного для древнеямной культуры, умершего погребали не просто в яме, а в боковом ее подбое — катакомбе. Этот переходный момент крайне интересен в историческом отношении, так как подтверждает принятую точку зрения о прямой связи ямной и катакомбной культур.

Простота намеченной археологами картины усложняется сменой антропологического типа; крайне интересно, что при этом сокращаются границы расселения племен катакомбной культуры.

Обычно мы наблюдаем, что при смене культуры в первую очередь изменяются бытовой уклад и материальное производство, а позднее — обряды (особенно связанные с погребением умерших), консервативно сохраняющиеся на многие годы. Здесь же при переходе древнеямного этапа в катакомбный происходит нечто непривычное: пришельцы (если это были пришельцы) на первых порах восприняли, видимо, основы материального производства и одновременно начали внедрять свои погребальные обряды. При этом наблюдается факт, указывающий на сложный процесс перехода древнеямной культуры в катакомбную. Малочисленные племена пришельцев не распространились по всей обширной территории земель людей древнеямной культуры. Не исключена возможность, что на периферии племена древнеямной культуры продолжали сосуществовать со своими соседями — племенами катакомбной культуры. Здесь мы только поставим вопрос, вызванный конкретным случаем находки переходных захоронений смешанного типа.

Череп ямной культуры из кургана № 12 у Аккермана (погребение в катакомбе)[1]. Основные антропологические данные следующие.

[1] Раскопки А. И. Тереножкина, 1951 г. Череп реставрирован и измерен Н. Н. Мамоновой. Условия захоронения и сопровождаемый инвентарь нам неизвестны (№ 9200).

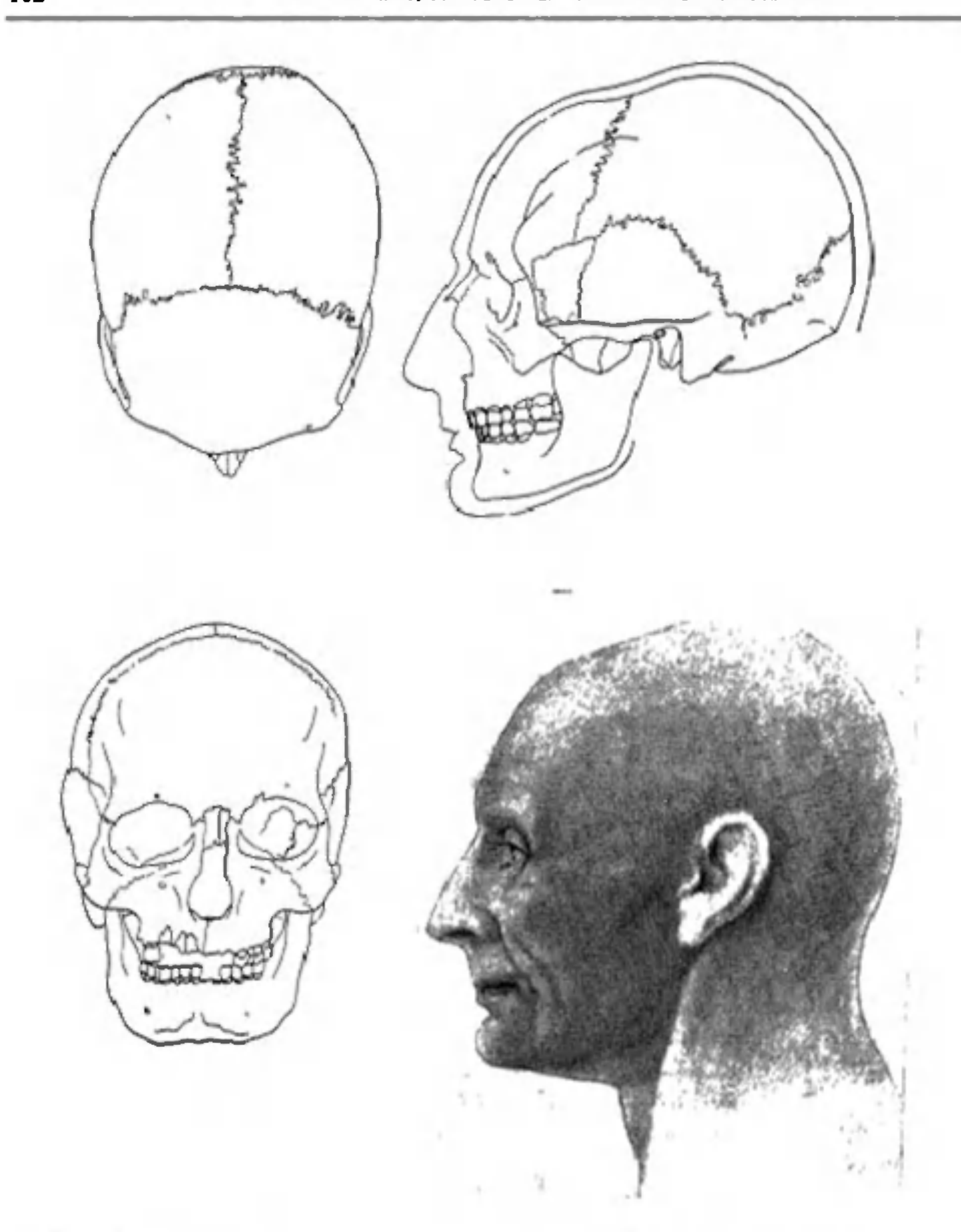

Рис. 184. Реконструкция по черепу мужчины (9200) из погребения 1 кургана № 12 у Аккермана.

Долихокранный, большой, пентагональной формы череп молодого (30 лет) мужчины не столь массивен, как череп № 9203 из подобного захоронения. Его высокий свод с покатым широким (103 мм) лбом был длинный (190 мм) и довольно широкий (144 мм). Глабелла и надбровье слабо развиты; затылок невыступающий, преломленный, с хорошо развитым инионом (3 балла). Сосцевидные отростки невелики, но массивны. Весь лицевой скелет производит впечатление легкости, несмотря на большие абсолютные размеры. Все лицо вынесено вперед и резко профилировано, что еще больше подчеркивается сильным выступанием носа.

Лицо высокое (118 мм), средне широкое (136,5 мм). Нос большой, высокий (58 мм), узкий (22 мм). Слабо профилированные орбиты невысокие (33 мм), но широкие (43 мм). Тонкие скуловые кости профилированы. Собачьи ямки глубокие. Тонко моделированный альвеолярный отросток верхней челюсти довольно высокий (17,75 мм), с отчетливо выраженным, чуть приподнятым носовым шипом (3 балла). Расстояние [illegible] и [illegible] — 51,75 мм. Нижняя челюсть изящна по своей форме, но тяжела и массивна, с остро выступающим подбородком (+2 балла).

Диагностика этого черепа несложна. Это типичный европеец. Он обладает рядом признаков, свойственных древнему типу черепов ямной культуры, но в нем до известной степени отражены физиономические черты более позднего типа, связанного уже с катакомбной культурой в этом же районе (рис. 184).

Череп ямной культуры из кургана № 9 у Аккермана (погребение в катакомбе)[1]. Основные антропологические данные следующие.

Череп, принадлежавший мужчине не старше 33—35 лет,— очень массивный, с сильным рельефом свода и лица. Череп длинный (191 мм; примерная ширина—134 мм), неправильной эллипсоидной формы. Свод относительно высокий. Невыступающий затылок преломлен. Лоб невысокий, широкий (100,5 мм), глабелла массивная, преломленная, но выступает не сильно (2 балла). Надбровье короткое, вздутое (2 балла). Сосцевидные отростки массивные, с сильным рельефом.

Лицо высокое (121 мм), широкое (138 мм), сильно профилированное, ортогнатное. Скуловые кости очень массивные; орбиты невысокие (31 мм), довольно широкие (41 мм), слабо профилированные. Нос выступает чрезвычайно сильно; он очень высок (59,5 мм), но не очень широк (25 мм). Собачьи ямки глубокие. Альвеолярный отросток — небольшой величины (14 мм). Расстояние P_1 и P_4 — 56 мм. Высота эмали резца — 8 мм. Нижняя челюсть мощная, с сильным рельефом, значительно выступающим подбородком (+3 балла), но тем не менее ортогнатная; она образует щипцеобразный прикус при ортогнатных зубах.

Антропологический диагноз этого черепа (рис. 185) в пределах расового деления первого порядка не представляет никакого труда; это типичный европеоид. Дальнейший диагноз затруднителен.

По своей массивности череп не уступает черепу кроманьонского типа, но по форме он чрезвычайно далек от черепов как собственно кроманьонца, так и пшедмостского человека. Нет в нем черт ни человека из Комб-Капелль, ни типичного северного европейца; непохож он и на современного средиземноморца.

Если бы этот череп был более грацилен и брахикранен, то невольно возникла бы ассоциация с северокавказским типом европейца; но он, повторяем, долихокранен, очень массивен, и тем не менее, вспоминая очевидную связь с Северным Кавказом, мы в порядке предложения выдвигаем мысль о его северокавказском происхождении, рассматривая современный тип Северного Кавказа как сильно грацилизованный тип древней формы, зафиксированный в черепе древней культуры эпохи бронзы в момент формирования ее катакомбного варианта.

В ГМА недавно был доставлен весь палеоантропологический материал из раскопок экспедиций Академии наук УССР в 1951—1952 гг. Среди этих черепов имеется довольно большая серия, происходящая из катакомбных погребений, раскопанных А. И. Тереножкиным. Беглый осмотр этих черепов убеждает нас в том, что описанные черепа могут быть приняты как характерные для всей серии. Степень их отличия от древнеямных такова, что их можно выделить на глаз (рис. 186).

Характерными чертами этих черепов можно считать высокий свод, широкое большое лицо, резко выступающий нос, относительно большие, высокие глазницы, ортогнатную нижнюю челюсть. Эти признаки резко отличают черепа катакомбной культуры от черепов древнеямной культуры.

Вопрос о формировании катакомбной культуры[2] еще не вполне ясен, и мы не считаем возможным в настоящее время этот вопрос

---

[1] Раскопки А. И. Тереножкина, 1951 г. Череп реставрирован Н. Н. Ильенко, измерен Н. Н. Мамоновой.

[2] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1915; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, 1935.

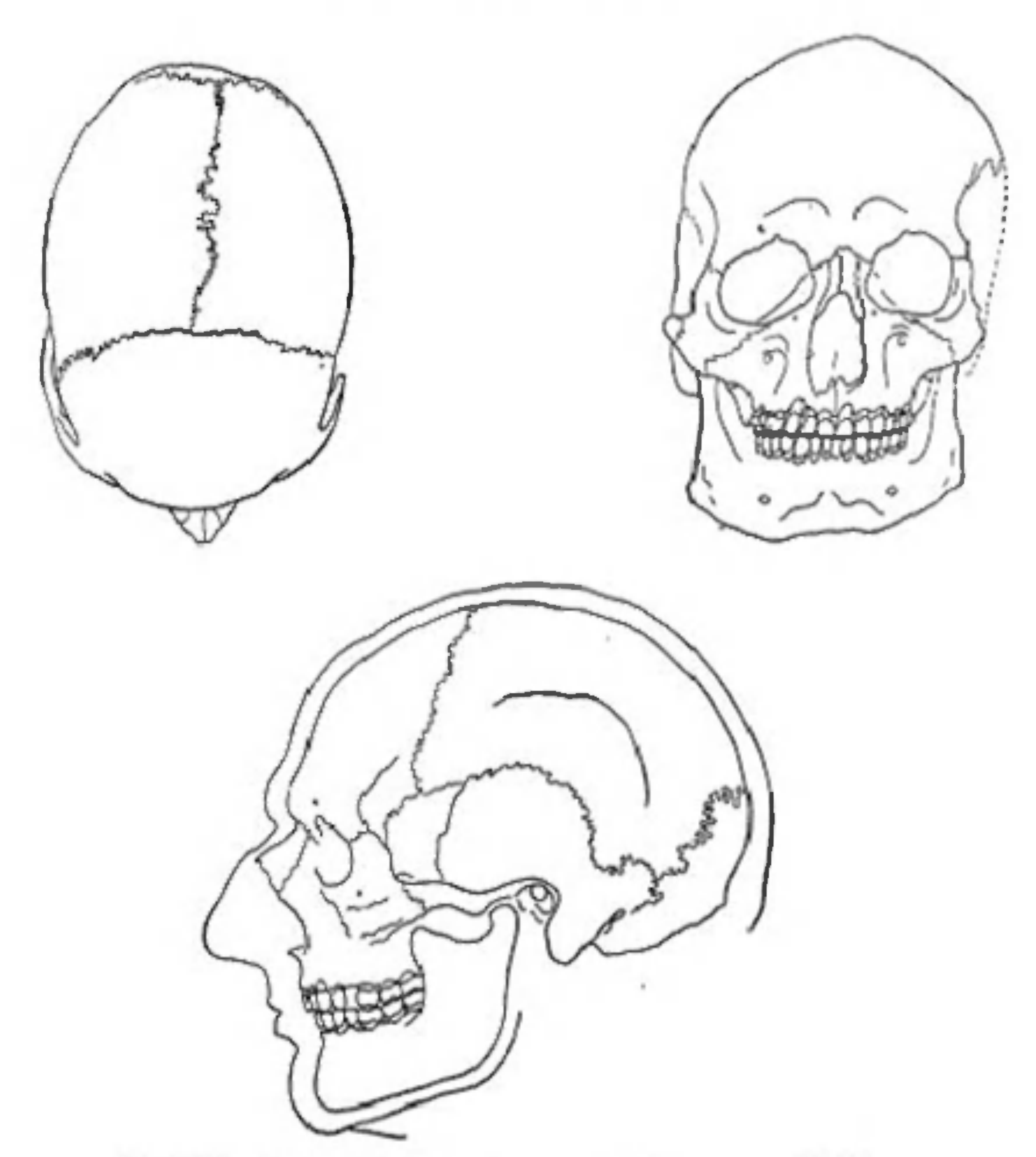

Рис. 185 Реконструкция по черепу мужчины (9203) из кургана № 9 у Аккермана.

ставить или решать. Однако при освещении основных признаков этой древней культуры эпохи бронзы мы исходим из мнения О. А. Кривцовой-Граковой о генетической связи ямной и катакомбной культур[1].

Правда, нам эта связь представляется более сложной. Это не простое развитие раннего этапа, сменившегося более развитым, но процесс формирования, имеющий единую линию. В разделе, связанном с переходным этапом, мы указывали на резкую смену антропологического типа при переходе древнеямного этапа в ямно-катакомбный и далее — в катакомбный. Это, очевидно, не насильственное вытеснение, а какое-то просачивание и ассимилирование группой пришельцев аборигенного населения одновременно с усвоением некоторых элементов их материальной культуры. При этом, очевидно, экономическая основа настолько изменилась, что процесс перехода от бедной древнеямной культуры полуоседлых пастухов к развитой катакомбной культуре носил характер резкого сдвига. Переходный этап ямно-катакомбного времени не длителен. Совершенно очевидно, что человек приобрел новые ресурсы своего материального производства. Этот сдвиг не ограничивается только экономикой племен

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культур. Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1938.

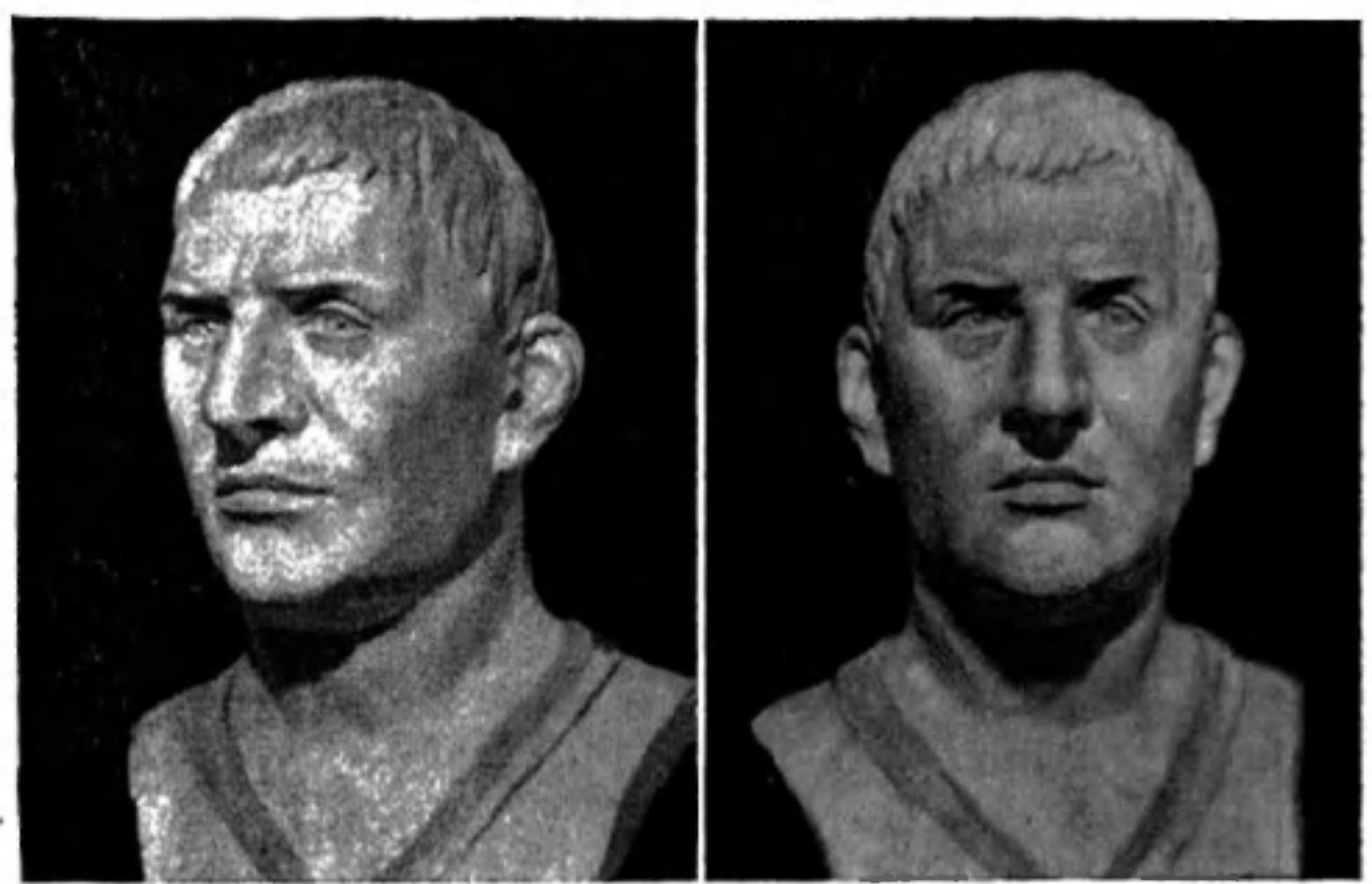

Рис. 186. Реконструкция по черепу мужчины (9203).

катакомбной культуры. Одновременно, вероятно, именно в результате этого сдвига на рубеже II тысячелетия до н. э. произошел резкий перелом в родовом строе, возникла и оформилась в начальной своей стадии патриархальная семья. Предпосылки процесса перехода от матриархата к отцовскому роду возникли, видимо, значительно раньше, но разрешение этого процесса стало возможно только теперь. Кстати,— видимо, только этим можно объяснить сокращение территории расселения племен катакомбной культуры, ограниченной теперь междуречьем рек Днепра и Волги,

Выделенная П. Д. Рау[1] так называемая полтавкинская культура,— в некотором роде вариант средневолжской катакомбной культуры,— очевидно, более позднее образование, явившееся в результате влияния собственно катакомбной культуры на местное население, сохранявшее долгое время традиции охотничьих неолитических племен.

Пытаясь найти причины образования новых материальных ресурсов, явившихся базой для формирования катакомбной культуры, мы обращаем свое внимание на вещественные остатки этой древней культуры. Нам кажется, причины этого, может быть, были заложены в новой форме скотоводства, с одной стороны, и в большем развитии земледелия, с другой стороны. Основными и, вероятно, единственными животными пастушеских стад древнеямной культуры были овцы и козы, т. е. мелкий рогатый скот. Бык был известен, но как тягловое животное[2]. Видимо, так же убого было и земледелие: насколько нам известно, племена ямной культуры сеяли только просо. Состав стада времени катакомбной культуры несколько иной: кроме овцы и козы, появились крупный рогатый скот и лошади.

Возникли, очевидно, иные формы скотоводческого хозяйства: человек научился заготовлять впрок молочные продукты, увеличились и улучшились продукты питания и, что особенно важно, упрочились их постоянные нормы в течение всего года; одновременно, очевидно, развилось и земледелие. Это привело к большей оседлости. Возникли крупные жилища-полуземлянки, возросло население.

Появились излишки продуктов производства, т. е. стали скапливаться избытки материальных благ, обеспечивавшие не только существование семьи, но и возможность обмена на стороне, и не только внутри племени, но также за пределами его. Это обеспечило хозяину всех этих благ — мужчине новое, почетное место в семье. В пору развития катакомбной культуры обмен принимает постоянный характер, причем в сферу общения входят весьма отдаленные территории — Северный Кавказ, далекое Закавказье, страны Средиземного моря и т. д.

Особенно отчетливы связи с Северным Кавказом: об этом говорят многочисленные бронзовые предметы, очевидно, происходящие именно оттуда,— кованые клинки ножей и кинжалов, вислообушные топоры, шилья, булавки, пронизки, подвески, височные кольца из серебра и бронзы и каменные бусы.

Наше представление об обмене носит односторонний характер. Мы можем судить по подлинным вещам о том, что получали люди катакомбной культуры. Видимо, шерсть, кожа, мех были основными продуктами обмена с их стороны.

«Дикий», воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, чванясь своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе... Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось тем же самым и, тем не менее, оно совершенно перевернуло существовавшие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме — ограничение ее труда работой по дому,— эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысло-

[1] P. Rau. Höckergräber der Unteren Wolga. 1927.
[2] Об этом свидетельствует ряд находок четырехколесных арб с ярмом

вым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком»[1].

Так возникло фактическое превосходство положения мужчины внутри семьи, что, конечно, не могло не сказаться на его положении внутри рода. «С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено ниспровержением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. А это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой и притом грозной силой, противостоящей роду»[2].

Многочисленные курганы ранних культур бронзы, вероятно, следует рассматривать не как погребальные сооружения родовой организации, а как погребения патриархальной семьи.

Конструкция погребальной камеры в эпоху катакомбной культуры была более сложной; она не имела простого доступа через верх и представляла собой больших или малых размеров наклонный ход,— дромос, который оканчивался камерой с естественным потолком. Часто ход из дромоса был уже и ниже и всегда маскировался. Размер камеры различный, в соответствии с количеством погребенных.

В отличие от погребений древнеямной культуры погребения катакомбной культуры сопровождаются многочисленным инвентарем. Обычно при погребении умершего клали в скорченном положении, всегда на правом боку, обильно засыпали охрой, иногда — известью. В непосредственной близости к скелету обычно находят украшения и бытовые вещи: каменные сверленые топоры, молоты и булавы, песты, бронзовые ножи, топоры, шилья, пронизки и подвески, костяные булавки, острия и т. д., глиняные сосуды с плоским дном, богато орнаментированные светильники. Изредка встречались серебряные спиральные, — в полтора оборота,— височные кольца, каменные и даже стеклянные бусы.

Кроме вещей, с умершим часто клали части жертвенных животных. Обнаруженные кости принадлежат овце, козе, корове, лошади.

Антропологический состав племен катакомбной культуры, видимо, неоднороден. Но это всегда только различные варианты европеоидного типа. Для большинства этих локальных групп, происходящих из разных мест междуречья Днепра и Волги, характерны высокий широкий свод, покатый лоб, сильно выступающий нос, чаще широкое лицо. Г. Ф. Дебец отмечает[3], что найденные в катакомбных погребениях Одесского кургана[4] черепа обладают чертами европеоидного типа с тенденцией к мезокрани и брахикранности. Такой же тип европеоида Г. Ф. Дебец описывает по черепам, происходящим из раскопок Т. М. Минаевой под Сталинградом.

Курган № 5 у с. Ново-Филипповки, раскопанный в 1951 г. М. И. Вязмитиновой, содержал ряд погребений различного времени. Череп одного из погребенных, датированный древнеямной культурой, мы уже описали. Череп № 9118 из погребения 2 этого же кургана отнесен к «киммерийской» культуре. Мы не обладаем более четкими сведениями.

Это череп пожилого человека, не менее 55 лет; он велик, высок и относительно узок.

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 167.

[2] Там же, стр. 168.

[3] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 101.

[4] П. Н. Третьяков. Остатки человеческих скелетов из кургана на слободке Романовка в Одессе. Записки Одесского об-ва Истории и древностей, т. 32 1915.

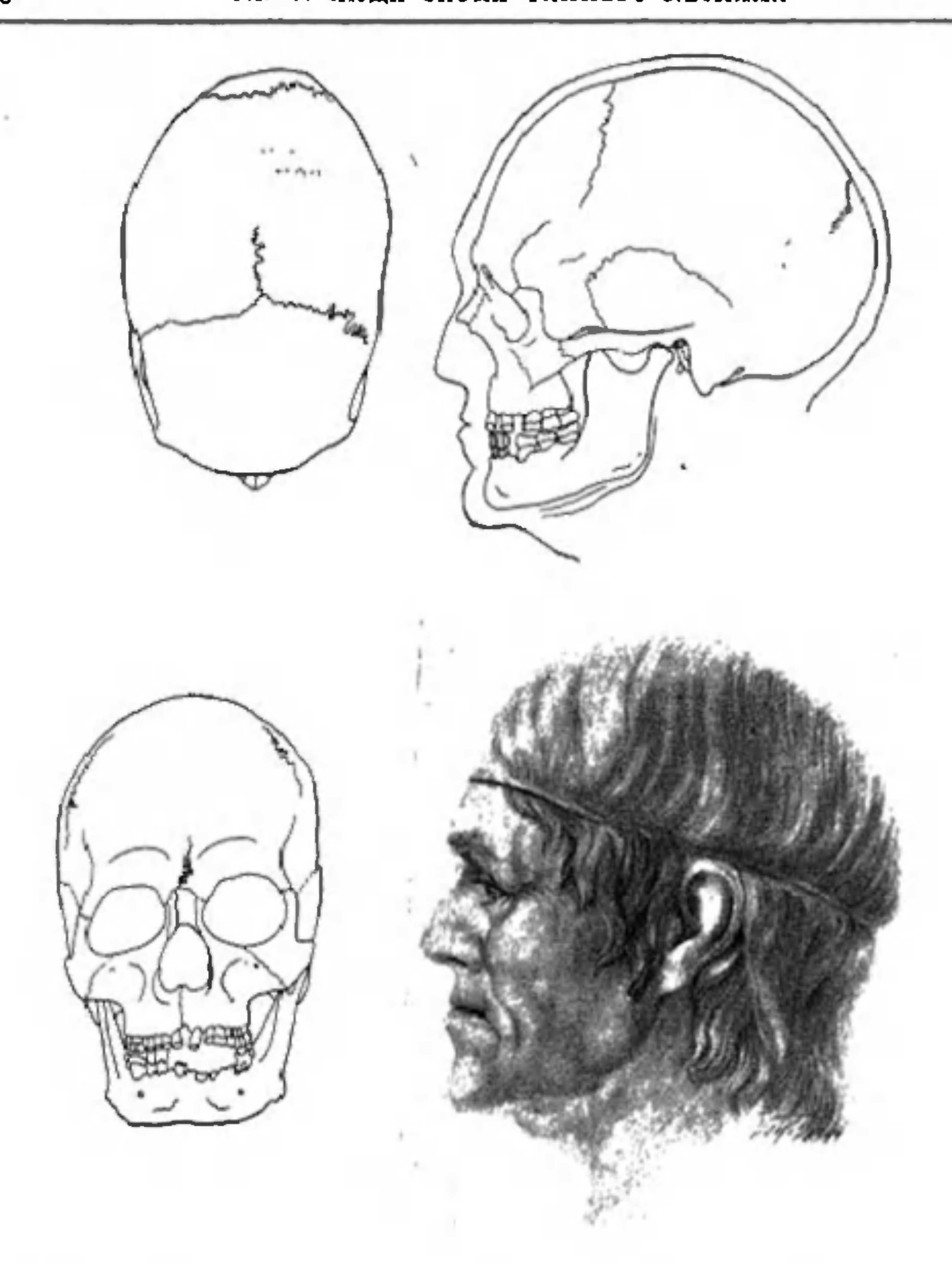

Рис. 187. Реконструкция по черепу мужчины (9118) из погребения 2 кургана № 5 у с. Ново-Филипповки.

Длина — 153 мм, ширина — 129 мм. Лоб высокий, пологий и широкий (93,5 мм), с сильно вынесенной вперед носолобной частью, что создает иллюзию значительно развитой глабеллы.

Затылок выступающий, с несильно развитым инионом (1 балл). Сосцевидные отростки длинные, но не массивные. Лицо очень своеобразное: оно так ортогнатно, что верхний край глазницы далеко выступает вперед за линию челюстей. Верхняя часть лица невысокая (62 мм), узкая (120 мм); общая высота лица небольшая (109 мм), скуловые кости тонкие, резко профилированные. Глазницы очень велики (43 × 35 мм). Нос сильно выступает, большой. Высота носа — 52 мм, ширина — 27 мм. Альвеолярный отросток сравнительно невелик (16 мм), зубы ортогнатные, прикус щипцеобразный. Нижняя челюсть чрезвычайно легка, узка и мала. Подбородочный выступ достигает 2 баллов.

Этот чрезвычайно своеобразный череп в основе своей типично европейский (рис. 187). Мы не можем указать аналогии среди древних черепов.

Это какой-то локальный вариант европеоидного типа. По некоторым признакам он тяготеет к Северному Кавказу. Не исключена возможность, что это индивидуальный вариант древнего типа европейца катакомбной культуры.

В нашей коллекции восстановленных портретов людей катакомбной культуры есть две реконструкции, сделанные по деформированным черепам этой культуры. Антропологический материал, связанный с нижневолжскими степями, в основном не дает деформированных черепов, однако, в 1952 г. И. В. Синицын обнаружил ряд погребений с деформацией, подобной той, которая известна на Маныче. Очевидно, обычай деформировать голову являлся какой-то локальной периферийной традицией или был связан с каким-то определенным временем.

В 1934 г. М. И. Артамонов[1], в связи со строительством Манычского канала, начал раскопки курганного могильника близ хутора Спорного, расположенного на правом берегу Маныча. При расчистке участка раскопок, под насыпью, на материке был обнаружен ряд пятен, представлявших собой засыпанные входы (дромосы) в катакомбные захоронения. Одна из катакомб (№ 45) дала отчетливое представление о своей форме и содержала скелет с инвентарем. Эта небольшая камера была высечена в плотном лёссе и к моменту раскопок была заполнена рыхлой темной землей, проникшей из засыпанного дромоса. При расчистке устья камеры были обнаружены кости барана; подле них, чуть глубже, стояли горшок и жаровня традиционной формы с полукруглым отделением для фитиля и типичной крестообразной ножкой. В глубине камеры был обнаружен сильно скорченный костяк мужчины с резко деформированным черепом. Вокруг костей и под ними было много мелких кусочков красной охры. В аналогичных камерах этого могильника были найдены пластинчатые ножи с черешками, граненые шилья из бронзы.

Локальной особенностью данного захоронения является не только несколько отличный инвентарь, но и сам человек, так как это один из самых ранних случаев деформирования головы на данной территории. В антропологической своей основе все черепа катакомбной культуры Маныча европеоидны. Все они обладают узким лицом, тонким, резко выступающим носом, общей резкой профилировкой лица, грацильной нижней челюстью. Голова настолько обезображена деформацией, что трудно даже на основании одного черепа говорить о том, был ли он долихо- или брахикранный. По нашему мнению, все же это представитель долихокранного типа, что подтверждается общей грацильностью и узостью лица, но доказать это положение невозможно. Очень вероятно, что уже в предшествующие стадии энеолита и бронзовой культуры на территории Маныча люди деформировали свои головы. Реконструкция головы опубликована М. И. Артамоновым в его отчете о раскопке кургана в долине р. Маныча в 1935 г. и хранится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

Вторая реконструкция была выполнена по черепу мальчика 8—9 лет из катакомбного захоронения близ с. Каменный Брод в окрестностях Ворошиловграда (раскопки С. А. Локтюшева, 1928 г.). В антропологическом отношении эта реконструкция мало интересна; она заслуживает внимания лишь как иллюстрация принятого во времена катакомбной культуры обычая деформировать голову (рис. 188).

Несмотря на деформацию, ясно, что это европеоид, видимо, с сильно профилированным лицом, резко выступающим носом. Но молодой возраст

---

[1] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 131.

Рис. 188. Реконструкция по черепу мальчика катакомбной культуры из кургана у г. Воронежа.

субъекта нивелирует характерные особенности антропологического типа. Реконструкция экспонирована в МАЭ в Ленинграде.

§ 51. ЛЮДИ СРУБНО-ХВАЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Во второй половине II тысячелетия до н. э. население степной и лесостепной полосы Юго-Востока Европы вело полуоседлый и оседлый скотоводческо-земледельческий образ жизни. Ареал распространения поселений и погребальных сооружений этих культур, повидимому, взаимно перекрещивается в ряде мест. Сплошная картина смены и развития культур в полной мере еще не освещена археологами, тогда как именно это время, как кажется, следует считать древнейшим этапом формирования многих народов Восточной Европы. Совершенно очевидно, что некоторые племена культур ранней бронзы преемственно связаны между собой. Племена эти жили в тесном контакте, взаимно используя накопляемый опыт, воспринимая и совершенствуя технику производства. Общность экономического базиса способствовала единству древней ро-

довой организации. Это был этап формирования патриархального родового строя.

Одной из таких культур была срубно-хвалынская. Племена этой культуры широко расселились по берегам рек и их поймам от Днепра до Урала. Юго-западная их граница проходит близ Херсона, а северо-восточная захватывает часть Урала и Приуралья, гранича здесь с областью расселения племен андроновской культуры. Известные нам поселения этого времени в нижнем Поволжье представляют небольшие поселки, состоявшие из 3—5 землянок размерами не свыше 100 кв. м каждая. Расположены эти поселки довольно редко, на высоком берегу Волги. Очевидно, каждый из них представлял собой родовое поселение, а жилище объединяло одну многочисленную патриархальную семью.

Курганы этой культуры, как правило, образуют небольшие группы до десяти насыпей. Почти в каждом кургане — несколько захоронений; встречаются и парные захоронения в одной могиле. Могильная камера представляет собой сруб в несколько венцов из плах. Перекрывался сруб обычно накатом или плахами. Покойника, как правило, клали на левый бок в сильно скорченном положении, головой на север, лицом на восток. Для данной культуры характерны крупные сосуды баночного и острореберного типа, вылепленные от руки из грубого теста. Керамическое тесто всегда содержит примеси шамота, либо дресвы, либо толченой раковины. Многие сосуды украшены нарезным орнаментом главным образом из геометрических комбинации треугольников и фестонов. Каменный инвентарь в этих погребениях редок; чаще всего это треугольные наконечники стрел с тонкими насадами. Бронзовые орудия редки, но все же встречаются; это литые кинжалообразные клинки ножей, массивные серпы и граненые шилья. Украшения редки и бедны по своим формам: желобчатые браслеты, височные кольца из бронзы и мелкие белые цилиндрические пронизки из кости. Как правило, в могильной камере или над ней лежат кости жертвенных животных. Часто это кости ног и череп коровы. В могилах и на поселениях этой поры находят многочисленные кости домашних животных — лошади, коровы, овцы, свиньи и собаки. Г. Ф. Дебец на основании относительно небольшой серии (14 штук) изученных им черепов и костей скелетов (17 особей мужского пола) срубно-хвалынской культуры пришел к выводу, что «в общем костяки близки к древнеямным с той же территории, но более «грацильны». У них несколько слабее развиты надбровные дуги, лоб более прямой, лицо немного уже. Рост в среднем меньше».

«Так как подобное направление изменении типа черепа отмечено для разных территории, то я высказал предположение, от которого не считаю нужным отказываться и теперь, что эти отличия характеризуют общее направление расогенеза, выражающееся в постепенной утрате черт типа Брюнн — Пшедмоста. Следовательно, население срубно-хвалынской культуры является, по всей вероятности, потомком «энеолитических» обитателей той же области. В общем черепа все еще сохраняют характерные черты древнего долихокранного типа, хотя и не столь резко выраженные, как в древнеямной культуре»[1].

Мы имели возможность изучить несколько черепов из опубликованной Г. Ф. Дебецом серии срубно-хвалынской культуры и реконструировать три головы, причем одна — скульптурная реконструкция по черепу из Кайбел (раскопки В. А. Городцова, 1925 г.) и две — графические (по

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Индивидуальные размеры этой серии опубликованы Г. Ф. Дебецом в АЖ, 1936, № 1 — «Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье».

черепу из хутора «Красная звезда», раскопки В. А. Городцова, 1925 г., и по женскому черепу из Маклашеевки III, раскопки А. В. Збруевой). Первые два мужских черепа принадлежали типичным представителям срубно-хвалынской культуры нижнего Поволжья. Они, действительно, обладают рядом черт, сближающих их с черепами древнеямной культуры этих же районов; в этом Г. Ф. Дебец вполне прав. Совершенно правильно отмечена им их большая грацильность. Тем самым мы отмечаем процесс эпохальной изменчивости на протяжении примерно 500—700 лет. Но мы не можем согласиться с двумя положениями Г. Ф. Дебеца.

Во-первых, изучив весь доступный нам антропологический материал по неолиту и энеолиту Восточной Европы, мы не отмечаем сходства черепов эпохи неолита с Днепра (Сурской остров, Виноградный остров, стоянка Игрень 8 и др.) ни с черепами ямной, ни с черепами срубной культур. Черепа из района порожистой части Днепра обладают рядом резко отличающихся черт. Они близки черепам эпипалеолита Крыма и не обладают чертами, типичными для древнеямной культуры. Нет у них сходства и с черепами Мариупольского могильника. Еще меньше сходства у черепов древнеямной культуры с черепами Оленьего острова, Караванхи, с черепами окского неолита. Вследствие этого утверждение о сходстве черепов древнеямной культуры и еще не найденных черепов энеолита этой же территории — преждевременно. Соседние же территории в эпоху неолита и энеолита были заселены людьми иного антропологического типа.

Во-вторых, Г. Ф. Дебец считает возможным говорить о сходстве черепов из Брюнн — Пшедмоста с черепами древнеямной культуры. Мы не видим никакой возможности сближать совершенно различные, морфологически несходные палеолитические черепа, обладающие весьма примитивными чертами европейца, с черепами древнеямной культуры, которые в конечном счете близки черепам современных европеоидов. Мы могли бы продемонстрировать ряд черепов из Старой Рязани XIV в., не менее массивных, чем черепа древнеямной культуры. Нельзя говорить и о каком-то сходстве черепов срубно-хвалынской культуры с черепами из Пшедмоста. Наблюдаемые нами категории признаков не объясняются процессом грацилизации. Здесь мы приводим изображение черепа из Пшедмоста, равно как и всех нами обработанных черепов. Это дает возможность объективно оценить наши возражения Г. Ф. Дебецу.

Скульптурная реконструкция нами выполнена по черепу из Кайбел. Это захоронение как типичное было вырезано монолитом и экспонировано в ГИМ в Москве. Сильно скорченный скелет лежал с наклоненной вниз головой, на левом боку, с поджатыми коленями, согнутыми в локтях руками так, что их кисти располагались перед головой (рис. 189).

Между бедрами и костями предплечья стоял типичный остроребёрный, плоскодонный горшок и здесь же — второй такой же. Скелет хорошо сохранился; несколько хуже сохранился череп, но так как это был единственный череп с нижней челюстью, доступный нам в то время, то мы им и воспользовались для реконструкции[1].

У черепа отсутствуют основная кость, левая скуловая дуга и верхняя часть левой ветви нижней челюсти. Нас этот череп привлек сохранностью лицевого скелета и тем, что он хорошо датирован археологически.

Череп долихокранный, небольших размеров, длинный (182 мм), не широкий (129 мм), бризоидной формы. Низкий его свод крышевиден. Затылок слегка выступающий, преломленный, с хорошо развитыми выйными гребнями и резко выраженным инио-

[1] Впервые опубликована нами в книге «Основы восстановления лица по черепу». Изд. «Советская наука», М., 1949, стр. 106, рис. 63.

Рис. 189. Погребение срубной культуры в Кайбелах.

ном (4 балла). Лоб невысокий, крутой, широкий (наименьшая ширина — 100 мм), с тонко очерченной преломленной глабеллой (3 балла). Надбровья дуги резко выступающие, большой протяженности (2 балла). Лицо тонкокостное, высокое (117 мм), узкое (124 мм, пентагональной формы, чуть прогнатное. Орбиты прямоугольные, широкие (41 мм), средне высокие (31 мм), с закругленными краями. Орбиты профилированы слабо), но собачьи ямки глубокие (3 балла). Нос высокий (51 мм), средне выступающий, с прямым очертанием удлиненных, слабо профилированных носовых костей. Треугольное носовое отверстие асимметрично; оно высокое (53 мм), неширокое (22 мм), с тонким приостренным краем (anthropina). Подносовой шип приспущен, желобчат, хорошо выражен, но невелик (3 балла). Альвеолярный отросток верхней челюсти узкий (расстояние P_2 и P_6 — 47 мм), хорошо профилированный, слегка прогнатный, высокий (19 мм). Зубы верхней челюсти прогнатные, нижней челюсти — ортогнатные; они образуют щипцеобразный прикус. Эмаль коронки первых резцов в верхней челюсти невелика (8 мм). Нижняя челюсть небольшая (65 мм), узкая (88 мм); восходящая ветвь ее невысокая (65 мм), но широкая (наименьшая ширина — 34 мм). Тело нижней челюсти высокое (31 мм), тонкое (12 мм). Тонко очерченный подбородок сильно выступает (3 балла).

Антропологические данные черепа таковы, что можно с достаточной уверенностью говорить о большой его морфологической близости к черепам древнеямной культуры. Но этот череп, как и обычно черепа срубной культуры, значительно грацильнее, тоньше, меньше черепов древнеямной культуры. Резко отличается данный череп от массивных тяжелых, мезокранных, широколицых, с сильно выступающим носом, черепов катакомбной культуры.

Это дает нам право высказать предположение о генетической связи древнего населения древнеямной культуры с населением срубно-хвалынской культуры.

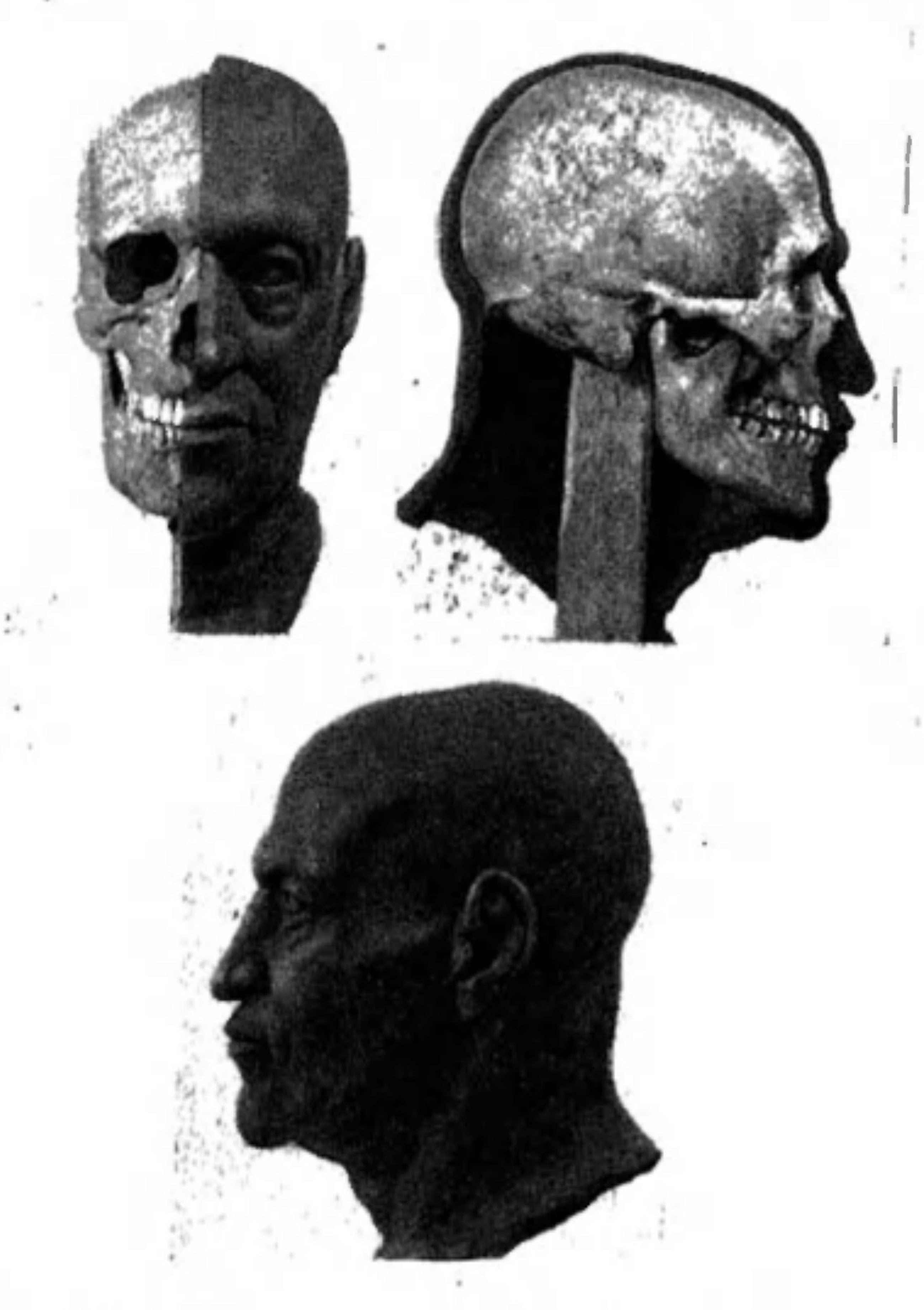

Рис. 190. Реконструкция по черепу мужчины из Кайбел.

Между тем мы уже говорили, опираясь на конкретные археологические данные, об очевидной связи культур древнеямной и катакомбной, отмечали переходный этап между этими культурами. Видимо, древнее население этого района с конца III тысячелетия по I тысячелетие до н. э. было в сложных территориальных взаимоотношениях, что привело к сложным процессам формирования различных этнических общностей в непосредственном контакте при единой примерно экономической базе.

Антропологический тип человека из кургана близ Кайбел следует, видимо, рассматривать как типичный для европеоида срубно-хвалынского времени (рис. 190).

Второй, изученный нами, череп срубно-хвалынской культуры также происходит из раскопок В. А. Городцова в 1925 г.[1] Этот череп без

[1] Хутор «Красная звезда» близ Ульяновска (курган № 2, погребение 4. ГМА, № 8646). Г. Ф. Дебец, очевидно, считает его типичным и публикует в «Палеоантропологии СССР» (стр. 106). Индивидуальные измерения приведены им в «Материалах по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье».

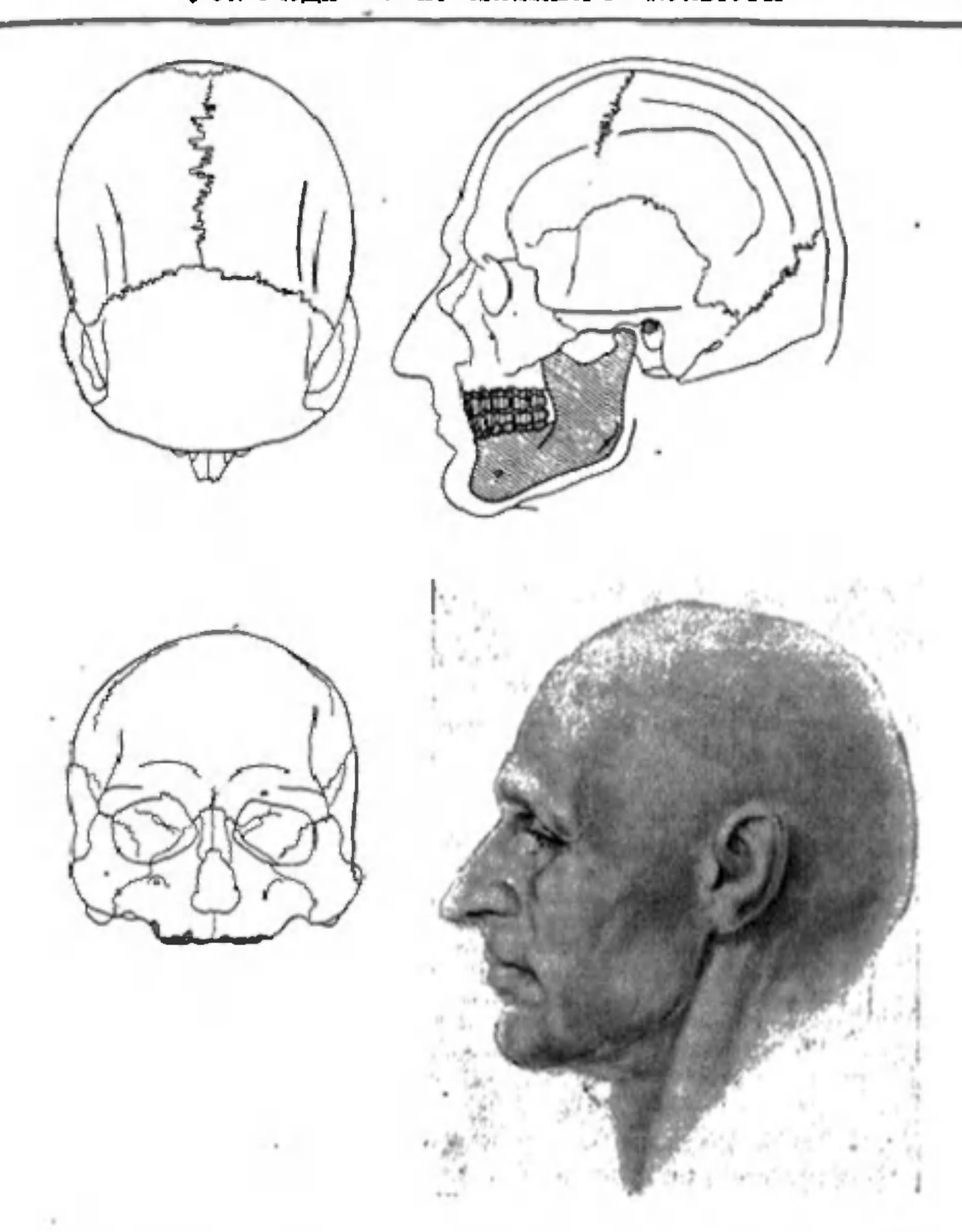

Рис 191. Реконструкция по черепу мужчины (8646) из погребения 2 «Красная звезда» кургана № 2.

нижней челюсти, но мы сочли возможным дать его графическую реконструкцию.

Череп, несмотря на внешнее его сходство с черепом из Кайбел, массивнее и больше по ряду размеров. Он — бризоидной формы, удлиненный (188 мм), относительно широкий (140 мм); свод его крышевидный, довольно высокий, с крутым лбом, слабо выступающим преломленным затылком. Крутой лоб — широкий (94 мм), глабелла не массивная (2 балла); протяженность надбровий небольшая (1 балл). Лицо широкое (144 мм), низкое (64 мм), орбиты прямоугольные, широкие (43 мм), средне высокие (30 мм), с закругленными краями, слабо профилированные. Скуловые кости массивные, несильно профилированные. Собачьи ямки глубокие (3 балла). Средне выступающий нос — высокий (53 мм); носовые кости — простого рисунка. Грушевидное отверстие носа высокое (36 мм), неширокое (29 мм), с тонким подносовым краем. Прямо направленный подносовой шип невелик (2 балла); альвеолярный отросток — с редуцированными альвеолами, вследствие чего он укорочен (13 мм). Этот череп, как и череп из Кайбел, близок к черепам древнеямной культуры по абсолютным размерам.

В равной степени, несмотря на большую ширину лица и большие размеры свода, этот череп не похож ни на неолитические черепа с порожистой части Днепра, ни на неолитические черепа из лесной полосы Восточной Европы, ни на черепа из Пшедмоста. Графическая реконструкция дает представление об этом европейском типе, связанном со срубно-хвалынской культурой (рис. 191).

Третий, изученный нами, череп принадлежал женщине из Маклашеевки III (срубная культура на Волге и Каме). В 1939 г. А. В. Збруева раскопала один из курганов (№ 6) из курганной группы к юго-западу от Маклашеевки[1]. Нас интересовал череп из основного погребения (№ 3)[2].

Это погребение было найдено близ центра кургана, в южной его половине. Исследователь ошибочно считал это захоронение мужским. Череп, очевидно, женский; он так определен Т. А. Трофимовой, Г. Ф. Дебецом и позднее (1950 г.) нами. В могиле, кроме этого скелета, были обнаружены кости сожженного человека, к сожалению, не изученные. А. В. Збруева считает это жертвенным сожжением. Нам кажется вероятнее рассматривать сожжение как основное захоронение мужчины, а погребение женщины, видимо, было сопровождающим. Женский скелет найден лежащим на левом боку в сильно скорченном положении, головой на север, лицом на восток. Под локтем стояла небольшая чашечка, перед лицом — сосуд. У головы — останки сожженного человека (сохранились кости обгоревшего свода)[3].

Этот женский череп принадлежит европеянке; он пентагональной формы, долихокранный. Кости свода и лица тонкие, однако череп не производит впечатление очень грацильного; его длина — 180 мм при ширине 135 мм. Свод высокий со слегка выступающим затылком; сосцевидные отростки небольшие, узкие. Лоб очень крутой, высокий и широкий (наименьшая ширина — 94 мм); глабелла слабо развита; надбровье по протяженности — 1 балл. Высота лица небольшая (104 мм), ширина относительно большая (121 мм). Орбиты почти квадратные (ширина — 39 мм, высота — 36 мм). Скуловые кости сильно профилированные. Нос выступающий, высокий (50 мм), широкий (23 мм); подносовой шип короткий, направленный чуть вниз. Альвеолярная часть верхней челюсти короткая (10 мм), но это не следует объяснять редукцией ее, так как сохранились альвеолы резцов. Верхняя челюсть резко ортогнатная, вследствие чего прикус зубов был ступенчатого типа, что, однако, нельзя объяснять аномалией. Нижняя челюсть относительно массивная, с сильно выступающим подбородком (3 балла).

Восстановленная голова дает отчетливое представление не только об антропологическом типе, но и о некоторых индивидуальных чертах; она резко отличается от ранее нами изученных антропологических типов неолита и бронзы (рис. 192).

Антропологический тип женщины из кургана Маклашеевка III значительно отличается от черепов людей неолитической эпохи Волго-Окского бассейна; еще менее этот тип похож на черепа древнеямной или катакомбной культуры.

---

[1] А. В. Збруева. Маклашеевские могильники. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 22 и сл.

[2] Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья. ТИЭ, новая серия, т. VII, 1949. В кургане № 6 в насыпи было найдено позднее впускное захоронение мужчины. Т. А. Трофимовой и Г. Ф. Дебецом он описан как монголоид и ошибочно отнесен к срубной культуре (Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 85, 86).

Нечеткая документация антропологического материала при передаче его в музей для хранения привела антропологов к ошибочному заключению. «Таким образом, во II тысячелетии до н. э. в Волго-Камье существовали по крайней мере два типа: долихокранный и брахикранный с монголоидными чертами»,— писал Г. Ф. Дебец (ук. соч., стр. 86). Не на этом, очевидно, позднем черепе надо было бы давать ответственное заключение, тем более, что по новым, еще не опубликованным данным Г. Ф. Дебец устанавливает монголоидный тип под Сталинградом (раскопки Н. Я. Мерперта) в курганах срубной культуры.

[3] Череп женщины передан в ГМА и хранится за № 8764.

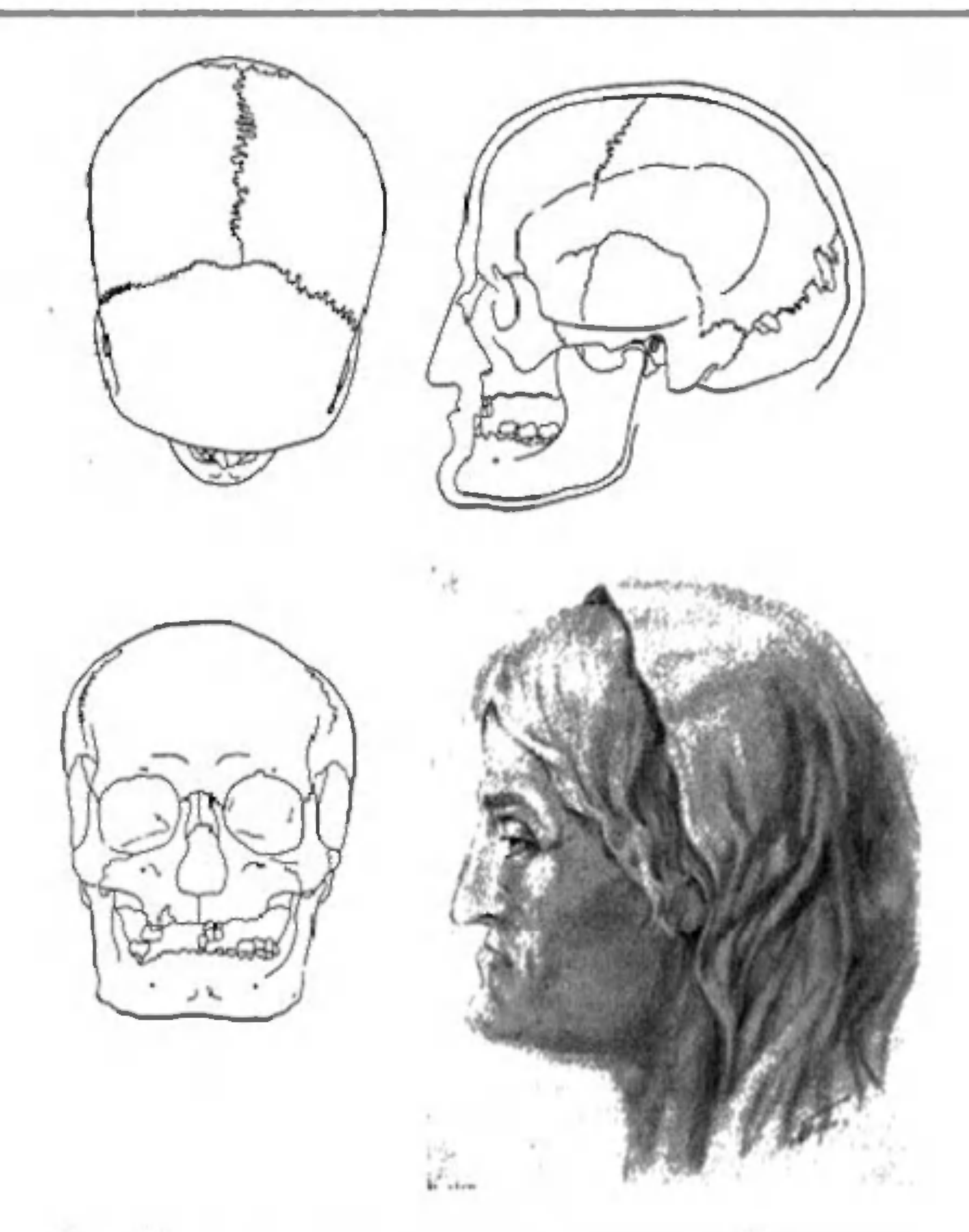

Рис. 192. Реконструкция по черепу женщины из Маклашеевки

Среди женских черепов Балановского могильника есть черепа, весьма близкие по ряду признаков к этому черепу.

Г. Ф. Дебец сближает данный череп с женским черепом из Чувашской ССР, из Бойбатырева; последний обладает подобными же европеоидными чертами и связывается с хвалынской культурой[1].

§ 52. ФАТЬЯНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Конец III тысячелетия и начало II тысячелетия до н. э. характеризуются массовым переселением ряда пастушеско-земледельческих культур ранней бронзы на территорию лесной полосы Восточной Европы.

Многие из этих племен, очевидно, в раннем периоде своего формирования имели единые истоки. Вследствие этого значительно позднее, в про-

[1] Курган № 1, погребение 16, № 2070.— Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 85, табл. 19.

цессе расселения, они консервативно сохраняли основные элементы своей материальной культуры; они часто обладали единством бронзового и каменного инвентаря, общей формой керамики. Эта устойчивость внешней формы материальной культуры, безусловно, находилась в прямой связи с однородной формой хозяйства. Все они были полуоседлыми пастухами-земледельцами.

Большинство исследователей объединяет эти разрозненные племена в единую фатьяновскую культуру (А. А. Спицын, В. А. Городцов, П. Н. Третьяков, О. А. Кривцова-Гракова, А. Я. Брюсов, А. П. Смирнов и многие другие)[1].

Памятники этой культуры представлены немногими могильниками и одиночными находками каменных сверленых топоров и бронзовых вислообушных. Поселений этой культуры ни на Оке, ни на Клязьме, ни на верхней Волге пока что не обнаружено. Только в Чувашии наряду с могильниками есть и поселения, но, к сожалению, они мало еще исследованы.

Изумительные по своей красоте каменные сверленые топоры и шаровидные или, как их чаще называют, бомбовидные сосуды (богато орнаментированные) давали повод долгое время считать эту культуру неолитической. Своеобразный инвентарь фатьяновской культуры, имеющий совершенно особый облик, явился причиной объединения всех памятников этого типа в одну культуру. Очевидные локальные различия в инвентаре рассматриваются как преемственно связанные культурные этапы. О. А. Кривцова-Гракова связывает этот процесс развития с процессом быстрого движения племен этой культуры с юго-запада на восток. На основании изучения комплекса находок, в частности, рассматривая сосуды фатьяновской культуры в их преемственном развитии, она склонна видеть три комплекса, различных не только по времени, но и по территории: ранняя группа, московская,— конец III тысячелетия и начало II тысячелетия до н. э.; вторая группа, ярославская,— вторая четверть II тысячелетия до н. э.; третья группа, чувашская,— третья четверть II тысячелетия до н. э. В заключение она отмечает единство развития форм шаровидной посуды всех этих этапов фатьяновской культуры и ленточной керамики, считая их близкими к сосудам каменных гробниц Волыни и к шаровидным амфорам Западной Европы[2].

Раскопками последних лет выяснено, что фатьяновская культура принадлежит скотоводческим племенам и относится ко времени развитой бронзы. Одно из типичных бронзовых орудий данной культуры, так называемый вислообушный топор, особенно своеобразно. Не исключена возможность, что именно этот топор может служить указанием на юго-западное происхождение не только отдельных основных орудий этой культуры, но и их носителей, т. е. самих людей. Эту гипотезу в свое время высказывали А. А. Спицын и В. А. Городцов[3].

В грунтовых могилах этой поры, наряду с бытовым инвентарем и украшениями, найдены кости домашних животных — лошади, коровы, овцы, свиньи.

---

[1] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в средней России; А. А. Спицын. Археологические заметки. ТСА РАНИОН, т. IV, 1928; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1947; О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники северного Подмосковья. МИА, № 13, 1950.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.

[3] А. А. Спицын. Ук. соч., В. А. Городцов. Ук. соч.

Фактический материал свидетельствует о том, что на рубеже конца III тысячелетия и начала II тысячелетия до н. э. в междуречье Оки и Волги внезапно появились сильные, подвижные, воинственные племена скотоводов — носители новой, доселе здесь неизвестной, бронзовой культуры. Натиск был настолько внезапен и силен, что неолитические племена, жившие па данной территории, исчезли. Такова, вероятно, судьба населения Льяловской и Унетицкой стоянок. Основная часть случайных находок и могильников фатьяновской культуры ограничена узким серповидным пятном в верховьях Волги. За последнее время границы отдельных находок несколько расширяют возможный ареал распространения этой очень своеобразной культуры.

С севера граница фатьяновской культуры доходит до Щербакова (Рыбинска), с запада — до Калинина, с юго-запада спускается ниже Брянска к Севску; на юге эта граница доходит до р. Клязьмы, на восток простирается по Волге за Чебоксары.

Аборигенное местное население неолитических рыбаков-охотников, живших в бассейне среднего и нижнего течения Оки, не прекратило своего существования и продолжало жить в тесном окружении более развитых племен бронзы; на северо-западе они смыкались с фатьяновскими племенами московско-ярославской группы. С юга к ним примыкали широкой полосой земли, занятые пастушеско-земледельческими племенами срубной и поздняковской культур. Не может быть и речи о том, что эти неолитические племена среднего и нижнего течения Оки могли быть как-то изолированы от своих, очевидно, более развитых и, вероятно, нередко агрессивно настроенных соседей.

До сих пор нет четкого представления о месте формирования и происхождения фатьяновских племен. Нас не может вполне удовлетворить членение фатьяновской культуры на три хронологических и территориальных этапа, как это предлагает О. А. Кривцова-Гракова[1].

Нет никаких оснований выводить фатьяновскую культуру из лесного неолита Волго-Окского междуречья. Нам представляется, что фатьяновская культура не является чем-то единым. Это ряд культур одного и того же времени, близких по своему происхождению и, что особенно важно, с однородной основой их материального производства. Эти пастушеско-земледельческие племена ранней бронзы, очевидно, близки друг другу по месту своего происхождения примерно так же, как близки к ним и между собой культуры шнуровой керамики или культура ладьевидных топоров. Территориальная близость обусловила большое сходство материальной культуры, которая возникла на одной и той же базе материального производства (пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие), а также, очевидно, полуоседлого образа жизни.

Естественно возникшая внешняя общность форм инвентаря (вислообушные топоры из бронзы, ладьевидные каменные топоры, своеобразные формы шаровидной керамики) не должна рассматриваться как элемент племенной или культурно-этнической общности. Ведь мы знаем ряд весьма удаленных культур, обладающих примерно тем же специфическим комплексом признаков. Вислообушный бронзовый топор, незначительно варьирующийся по своей внешней форме, имеет громадное распространение и связан с различными скотоводческими культурами эпохи ранней бронзы. То же можно сказать и о сверленых ладьевидных каменных топорах, зона распространения которых еще шире при ничтожной локальной вариации типов внешней формы орудия. Но достаточно по-

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.

смотреть на инвентарь фатьяновских памятников московской, ярославской и чувашской групп,— особенно на керамику,— чтобы сразу увидеть локальную его особенность с чертами, типическими для той или иной группы.

Именно эта разница и дала повод О. А. Кривцовой-Граковой рассматривать эти вариации в форме сосудов как вехи хронологических этапов развития одной и той же культуры. При этом она принуждена признать постоянное движение этих племен с юго-запада на восток и далее вниз по Волге, так как только при этом условии можно правдоподобно объяснить изменение в инвентаре по мере этого движения племен. Между тем нам кажется возможным рассматривать эту разницу в деталях инвентаря как некие локальные изменения одновременно существовавших родственных, но не единых культур одного и того же исторического этапа ранней бронзы.

Первый остеологический материал, связанный с инвентарем фатьяновской культуры, был добыт А. С. Уваровым и обработан А. П. Богдановым в 1881 г.[1] А. П. Богданов отмечает антропологическое сходство черепов данной культуры с поздними курганными захоронениями. И. П. Силинич (1916 г.)[2] и В. В. Бунак (1924 г.)[3], на основании ряда признаков и в первую очередь на основании отчетливо отмечающейся уплощенности свода данных черепов, считают фатьяновский антропологический тип генетически связанным с нынешним типом манси (вогул). Г. Ф. Дебец в своей монографии «Палеоантропология СССР», ссылаясь на данные, опубликованные А. П. Богдановым, и на собственные измерения одного сохранившегося черепа фатьяновского могильника, указывает, что в своей основе это обычный, характерный тип погребений эпохи бронзы Поволжья и Приднепровья. Одновременно Г. Ф. Дебец, отмечая значительное уплощение свода, полагает, что оно, действительно, является характерным признаком антропологического типа фатьяновского времени. Одновременно он указывает на то, что типические европеоидные черты — резкая профилировка лица, выступание носа — категорически опровергают гипотезу В. В. Бунака и И. П. Силинича о генетическом единстве фатьяновцев и современного типа манси (вогул).

М. С. Акимова обработала весь антропологический материал, связанный с фатьяновской культурой. В своих выводах она приходит к ряду заключений, которые, с моей точки зрения, не могут быть приняты. М. С. Акимова приводит следующую характеристику этого материала (цитирую заключительную часть ее работы):

«1. Антропологический тип Балановского могильника является европеоидным. Он характеризуется средними размерами высоты и ширины лица, средне выступающим носом и средне развитым надбровьем при несильно покатом лбе.

2. Антропологический тип фатьяновской культуры Волго-Окского бассейна отличается от балановского большей массивностью, более низким, широким лицом. По большинству других признаков он сходен с балановским. Окончательное выяснение возможных связей этих двух типов требует большего количества материала.

3. Антропологический тип фатьяновской культуры резко отличается

[1] А. П. Богданов. Краниологическое исследование черепов Фатьяновского могильника. В книге А. С. Уварова «Археология России. Каменный период», т. I, 1881.

[2] И. П. Силинич. К вопросу об антропологическом типе населения Северо-Западной Сибири. РАЖ, 1916, вып. 39—40.

[3] В. В. Бунак. Антропологический тип черемис. РАЖ, 1924, вып. 3—4.

от типа, бытовавшего на этой территории в неолитическую эпоху, а поэтому вопрос о генетической связи этих двух типов снимается. Это положение говорит против теории местного происхождения фатьяновской культуры на основе ямочно-гребенчатого неолита.

4. Наличие монголоидной примеси в Балановском могильнике, может быть, объясняется смешением европеоидного балановского населения с местным сублапоноидным.

5. Связь с Северным Кавказом на имеющемся материале не доказывается.

6. Балановский тип обнаруживает сходство с неолитическим населением Прибалтики и средней части Германии во II тысячелетии до н. э. Наибольшее сходство наблюдается с носителями ленточной керамики Средней Европы или мегалитическими культурами юга Швеции.

7. Вследствии того, что полного сходства антропологического типа фатьяновцев с означенными типами Западной Европы не наблюдается, вопрос о миграции на имеющемся материале решать преждевременно»[1].

Мне представляется, что объединять в одну группу все черепа фатьяновской культуры нет никакого основания. Сравнение черепов северо-западных групп и черепов Балановского могильника убеждает меня в том, что здесь отчетливо выражены два антропологических типа европеоидов. Северо-западные группы (московская и ярославская) представлены в основе европеоидным типом, являющимся результатом эпохальной грацилизации кроманьоноподобного неолитического типа Северо-Западной Европы (черепа ладожские, оленеостровские и др.)[2].

Смотря на карту распределения памятников фатьяновской культуры, можно отметить, что эти памятники в большинстве своем тяготеют к междуречью Волги и Клязьмы. Путь туда открыт только с юго-запада. Так, видимо, шли племена и московской, и ярославской групп (рис. 193).

Связь фатьяновской культуры со среднеднепровскими и деснинскими памятниками отмечалась неоднократно многими исследователями[3]. Именно здесь-то, по нашему мнению, и следует искать истоки происхождения московско-ярославской группы фатьяновской культуры.

Нечто совершенно отличное в своей антропологической основе представляют черепа Балановского могильника. Специфические особенности строения свода черепа и мелкие морфологические детали лицевого скелета исключают всякую возможность объединения их с неолитическим типом Северо-Западной Европы. Несомненно, что это одна из ранних скотоводческих культур, пришедшая на территорию Чувашии.

До сих пор мы не знаем памятников фатьяновского типа на территории волго-днепровских степей, но по ряду археологических признаков можно предполагать их формирование на базе раннего этапа среднеднепровской культуры. Мы уже указывали на пути проникновения племен фатьяновцев в Волго-Окское междуречье по Днепру и Десне, что, видимо, свидетельствует о генетической связи фатьяновской культуры с деснинскими памятниками.

---

[1] М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. ТИЭ, т. 1, 1947.

[2] К этому же выводу еще раньше пришла Т. А. Трофимова, критикуя основные положения М. С. Акимовой (Т. А. Трофимова. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. СЭ, 1949, № 3).

[3] Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. ТСА РАНИОН, т. IV, 1928; Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, XVI, 1947; К. М. Паликарпович Археологічні нахоткі. «Працы сэкції археологіі», т. III, Менск, 1932; П. Н. Третьяков. МИА, № 13, 1950 (Введение); М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952. стр. 183.

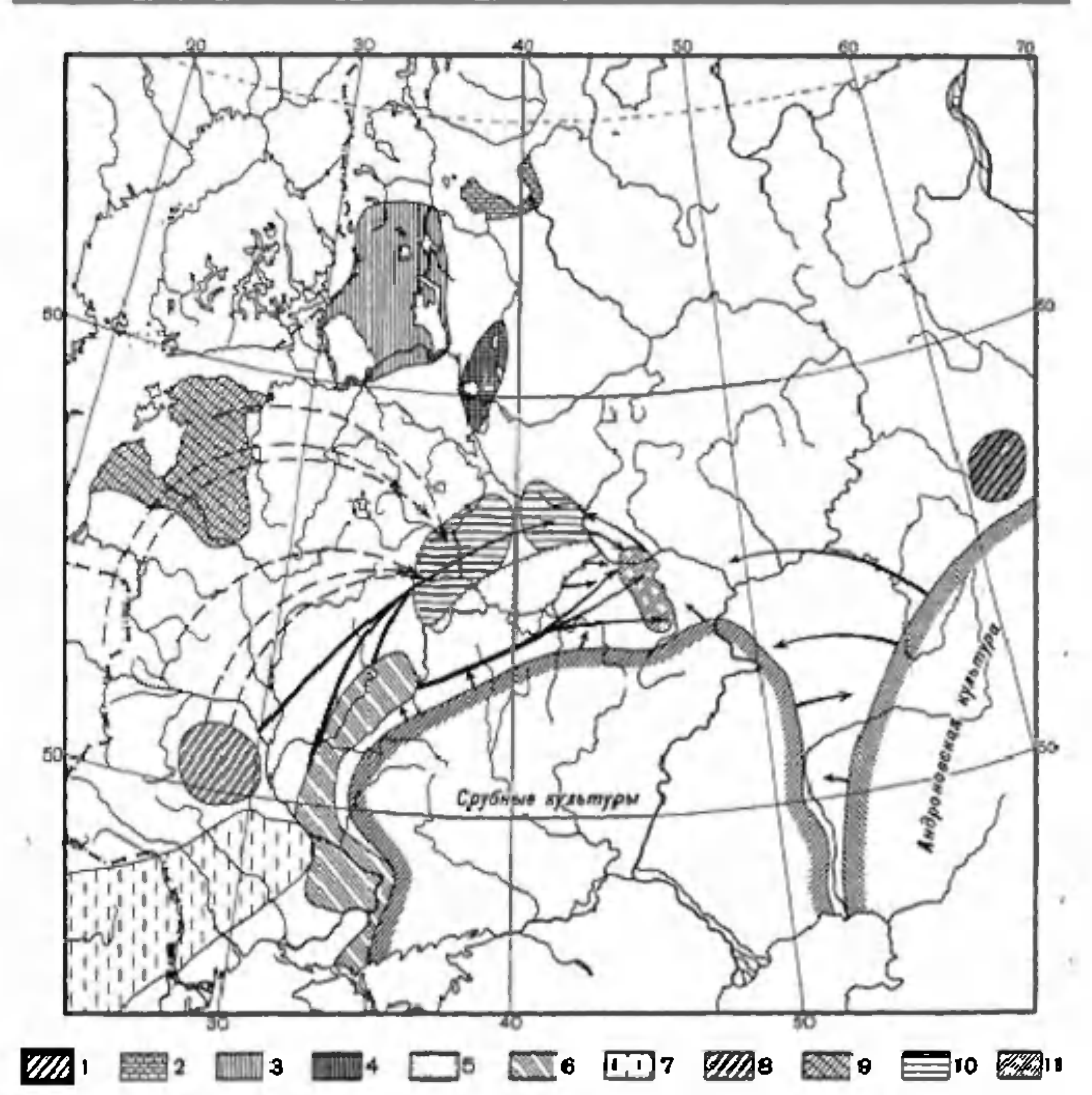

Рис. 193. Схематическая карта культур энеолита и ранней бронзы.

Стрелками показаны движение фатьяновских и балановских племен и влияние соседних с ними культур

1 — шигирская культура, *2* — беломорская культура, *3* — карельская культура, *4* — каргопольская культура, *5* — окский неолит, *6* — среднеднепровская культура, *7* — трипольская культура, *8* — мегалитическая культура, *9* — культура ладьевидных топоров, *10* — фатьяновская культура, *11* — балановская культура.

Чувашская группа пришла на Волгу другим, более южным путем и больше сохранила характер степной культуры и свой первоначальный средиземноморский тип. Это подтверждается тем, что в балановской культуре в большей степени и в большей чистоте можно проследить (в частности по керамике) близость ее к среднеднепровской культуре. Это блестяще иллюстрирует в своей работе М. Е. Фосс[1] по материалам, опубликованным Т. С. Пассек[2]. Подтверждается это и тем, что именно в балановской культуре в большей степени, чем в других вариантах фатьяновской культуры, отмечается связь с Северным Кавказом, а равно со срубной и андроновской культурами.

Нам кажется, в данной связи уместно напомнить о ряде заимствований в фатьяновской культуре. Мы имеем в виду ковшеобразные сосуды; ложки,

[1] М. Е. Фосс. Неолитические культуры Северо-Европейской части СССР, СА, IX, 1947, стр. 183.

[2] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре, стр. 34.

очевидно, выделывавшиеся по образцам ложек срубной культуры; спиральные височные кольца, совершенно аналогичные срубным и андроновским; вислообушные топоры и каменные сверленые топоры со специфическими чертами северокавказского круга культур. Эти элементы северокавказских культур послужили поводом для ряда исследователей считать фатьяновцев выходцами с Северного Кавказа[1].

Т. А. Трофимова, несомненно, правильно оценила основной антропологический тип людей из Баланова, определяя их как средиземноморцев. Но нам кажется, что она совершенно напрасно пошла по линии чрезмерно широкого привлечения кавказского и закавказского антропологического материала. Привлеченные ею поздние серии черепов эпохи железа (севанская серия и другие) не разъясняют вопроса, а излишне его усложняют.

Эти заблуждения археологов и антропологов ни в какой мере не снимают нашего утверждения о юго-западном происхождении балановского варианта фатьяновской культуры, что, на наш взгляд, подтверждается одновременно наблюдаемыми связями со среднеднепровской, срубной и северокавказскими культурами ранней бронзы, а также со средиземноморским типом самих балановцев.

Отметим, что в одной из последних своих работ этногенетического характера П. Н Третьяков, игнорируя фактический материал, пишет: «Культура балановцев — их хозяйство и быт — имела отчетливый северно-лесной характер»[2].

Напомним основные элементы этой культуры. Сверленые топоры,— очевидно, южного типа; вислообушные топоры,— несомненно, степного типа; керамика по своим типичным формам не лесная; глиняные колесики от модели повозки с очевидностью указывают на кочевно-степной, а не на оседлый образ жизни пришельцев — балановцев. Кости домашних животных, найденные в балановских могилах, тоже служат доказательством степного происхождения балановцев.

Мы не видим в материальной культуре балановцев ни одного элемента, указывающего на северо-лесное ее происхождение.

Вопрос об автохтонном развитии фатьяновских племен на базе неолитических племен не подтверждается фактами. Если до сих пор нет определенной ясности в вопросе о генезисе фатьяновских племен, то из этого не следует, однако, что нет возможности выяснить на фактическом материале взаимоотношения между фатьяновскими племенами и племенами неолита на территории Волго-Окского междуречья.

Одна из древнейших стоянок лесного неолита, Льяловская, датируемая примерно серединой III тысячелетия до н. э., находится недалеко от памятников фатьяновской культуры московской группы. Если предположить, что неолитическое население этой стоянки продолжало свое существование, окруженное бродячими племенами фатьяновцев, то, очевидно, такой контакт не мог бы не сказаться на элементах местной неолитической культуры, что, конечно, должно было бы отразиться в остатках материальной культуры. Однако среди находок на Льяловской стоянке нет свидетельств этой связи. Совершенно очевидно, что Льяловская стоянка задолго до прихода фатьяновцев прекратила свое существование.

Близкие по времени к Льяловской стоянке и расположенные недалеко от нее, но все же более поздние стоянки у Святого озера и Бисерова озера, возможно, существовали одновременно с фатьяновской культурой,

---

[1] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России.

[2] П. Н. Третьяков. Происхождение чувашского народа в свете археологических данных. СЭ, 1950, № 3, стр. 47.

но и они не обнаруживают непосредственного контакта с нею. То же можно сказать о стоянке Николо-Перевоз на р. Дубне.

О. А. Кривцова-Гракова высказывает предположение о том, что это поселение было покинуто неолитическим населением при вторжении фатьяновцев и затем, после ухода их с этих мест, вновь было заселено[1]. Мы не убеждены, что это действительно имело место. Трудно представить себе, чтобы население стоянки, уйдя с насиженного места и прожив где-то сотни лет, могло вернуться вновь на то же самое место, сохраняя без изменения традиции, характерные для первого этапа его жизни на этой стоянке.

Мы не располагаем никакими достоверными сведениями о характере взаимоотношений между племенами неолитических охотников-рыболовов и фатьяновских скотоводов и земледельцев. Но вряд ли можно думать, что они были всегда мирными. Рассматривая карту фатьяновских могильников, предложенную О. А. Кривцовой-Граковой, можно констатировать, что непосредственного контакта неолитического населения и фатьяновцев, очевидно, почти не было. Причины этого кроются в резко различном укладе жизни. Охотника и рыболова привлекали совершенно не те физико-географические условия, которые обеспечивали скотовода и земледельца. Именно этим и следует объяснить в первую очередь малую степень влияния этих культур друг на друга. На ряде неолитических стоянок пограничной полосы встречаются сверленые каменные боевые топоры, и очевидно, что они попали не в результате мирного обмена опытом, а в результате боевых столкновений. Только поэтому на территории стоянок волосовской культуры иногда встречаются боевые топоры фатьяновского типа и не найдено мелкого инвентаря, а черепки фатьяновской культуры насчитываются единицами.

Несколько позднее, примерно ко второй половине II тысячелетия до н. э., эти взаимоотношения скотоводов и охотников принимают другие формы. Долговременное сожительство в непосредственной близости племен охотников-рыболовов культуры неолита и скотоводов-земледельцев культуры ранней бронзы не могло не сказаться на этих культурах. Возникли элементы заимствования, как, например, подражания фатьяновским формам керамики на ряде неолитических стоянок верхней Волги, непосредственно предшествующих памятникам дьяковского типа[2]. Взаимоотношения между пришельцами — фатьяновцами и племенами балахнинской культуры протекали в несколько другом плане. Первая волна пришельцев вытеснила часть племен балахнинской культуры с их территории в зону расселения волосовских племен, где они, видимо, сначала утратили свою самобытность, а затем были окончательно ассимилированы аборигенами. Позднее сохранившиеся балахнинские племена, но уже с несколько новыми элементами в материальной культуре, вновь поселились на территории старых балахнинских стоянок.

К началу II тысячелетия юго-восточные племена степных скотоводов, до сих пор не подходившие к территории окских неолитических племен, вступили с ними в постоянный контакт. Вероятно, в результате контакта скотоводческих племен и местных племен неолита возникла новая культура — полтавкинская[3].

Во всяком случае некоторые данные об этой связи имеются благодаря ряду находок на стоянках позднего времени волосовской и рязанской

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 23.

[2] П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья первого тысячелетия н. э. МИА, № 5.

[3] P. D. Rau. Höckergräber der Wolgasteppe. Pokrowsk. 1928.

культур. Здесь найдены бронзовые предметы, сосуды баночного типа и кости домашних животных (стоянки у с. Конищево и г. Рязани, Подборновская стоянка у г. Касимова, Малоборская стоянка у г. Мурома и др.).

Рассмотрение судьбы фатьяновской культуры показывает, что в конце II тысячелетия до н. э. собственно фатьяновская культура прекращает свое существование. В результате влияния, с одной стороны, местных неолитических племен, с другой стороны — срубной и андроновской культур фатьяновская культура трансформировалась в нов\и культуру — абашевскую.

После опубликования М. С. Акимовой антропологического материала, связанного с фатьяновской культурой[1], и ряда работ Т. А. Трофимовой[2] я счел необходимым пересмотреть весь доступный антропологический материал, относящийся к фатьяновским памятникам, с тем, чтобы уточнить свои выводы об антропологическом типе людей фатьяновской культуры, так как точка зрения о сосуществовании двух различных типов европеидов нуждалась в дополнительном материале. Кроме того, характеристика антропологического типа людей из Баланова была мною дана на основании антропологических данных, опубликованных М. С. Акимовой, и трех реконструкций наиболее типичных черепов данной серии, в настоящей же работе я привожу дополнительно 11 графических реконструкций.

1. Московский вариант фатьяновской культуры. Череп из Кузьмихинского могильника

Кузьмихинский могильник раскопан в 1930 г. О. Н. Бадером на р. Дубне[3]. О. А. Кривцова-Гракова[4] относит этот могильник по территориальному признаку к московской группе но каково фактическое его отношение к этой группе,— нам неизвестно. В своей работе М. С. Акимова также не имела возможности использовать археологический материал. По своим размерам измеренные М. С. Акимовой[5] четыре мужских черепа из Кузьмихинского могильника близки к мужским черепам фатьяновского могильника, измеренным А. П. Богдановым[6] и Г. Ф. Дебецом[7].

Изученный нами кузьмихинский череп № 1, хорошей сохранности, действительно, может быть принят как типичный для всей серии фатьяновских черепов московской группы. Практически череп совершенно целый; мелкие повреждения реставрированы. Приводим его краткое описание (по данным М. С. Акимовой и автора).

Череп массивный, удлиненный в сагиттальном направлении, сверху пентагональный, со стороны затылка крышевидный.

1. Наибольший продольный диаметр . . . . 190 мм.
2. Диаметр глабелла — инион . . . . 186 мм.
5. Нособазовой диаметр . . . . 104 мм.
8. Поперечный диаметр . . . . 140 мм.
8 : 1. Черепной указатель . . . . 73,7.

Свод черепа невысокий. Лоб невысокий, слегка наклонный, широкий. Затылок невыступающий, преломленный.

---

[1] М. С. Акимова. Ук. соч.

[2] Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья; ее же. Антропологический материал в вопросе о происхождении чувашей. СЭ, 1950, № 3; ее же. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры.

[3] О. Н. Бадер до сих пор не опубликовал археологического материала Кузьмихинского могильника.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.

[5] М. С. Акимова. Ук. соч.

[6] А. П. Богданов. Ук. соч.

[7] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.

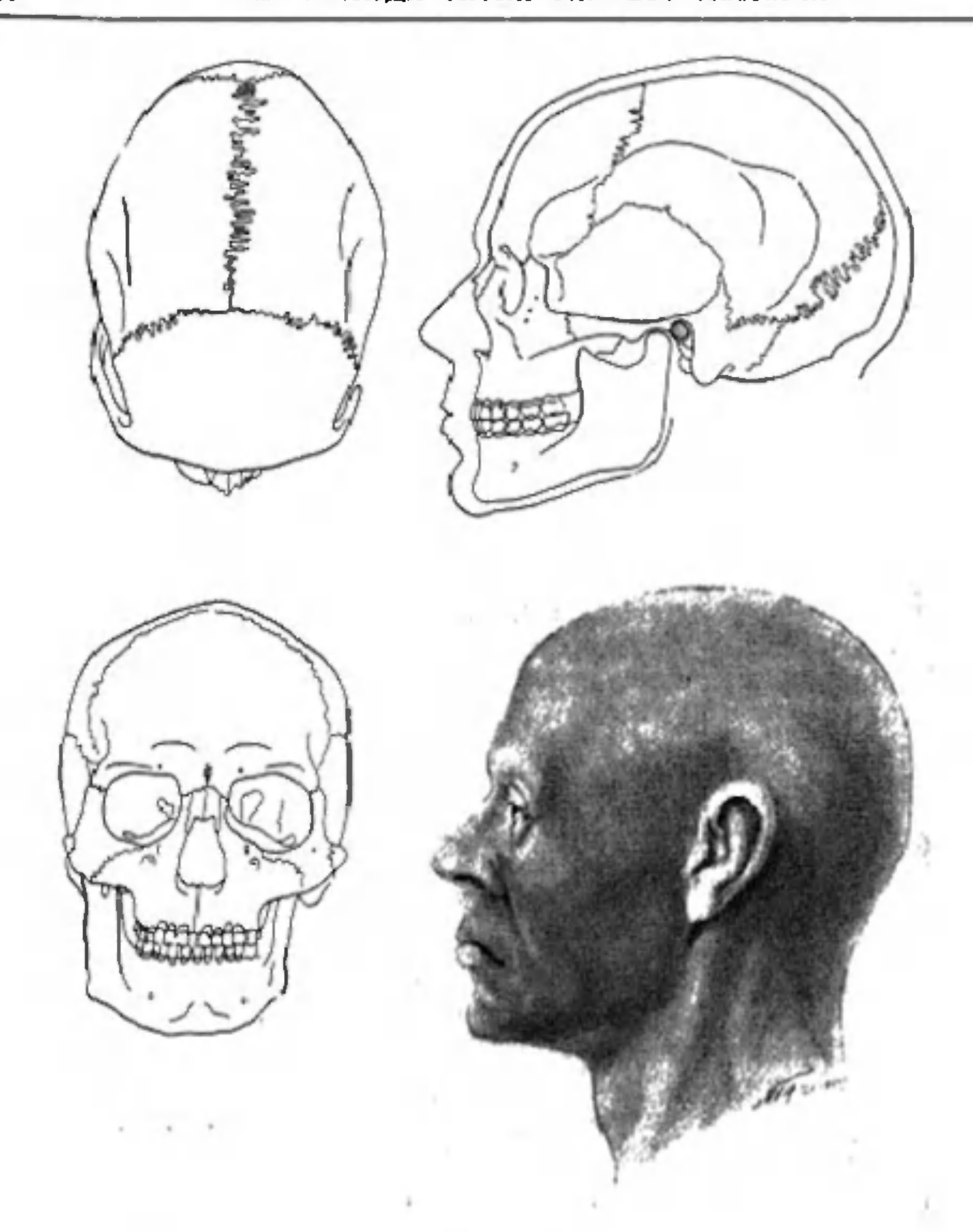

Рис. 194. Реконструкция по черепу мужчины из Кузьмихинского могильника.

9. Наименьшая ширина лба . . . . 98 мм.
10. Наибольшая ширина лба . . . . 119 мм.
17. Высотный диаметр . . . . 130 мм.
9 : 8. Лобный указатель . . . . 70,7.

Глабелла развита слабо (2 балла). Надбровья выступающие, небольшой протяженности (1 балл). Носолобный отросток вынесен вперед.

Высота носовой части лобной кости посередине . . . . . . 7,5 мм.
Высота носовой части лобной кости сбоку . . . . 10,5 мм.

Сосцевидные отростки небольшие (2 балла). Инион — около 2 баллов.

Лицо триангулярное, широкое, высокое, средне профилированное, с тонко очерченными скуловыми костями, слабо профилированными глазницами. Очень высокий альвеолярный отросток верхней челюсти чуть мезогнатный.

47. Общая высота лица . . . . 115 мм.
48. Верхняя высота лица . . . . 68 мм.
45. Скуловая ширина . . . . 138 мм.
47 : 45. Лицевой указатель I . . . . 1,84.
48 : 45. Лицевой указатель II . . . . 49,3.
Fossa canina (шкала 0—4) . . . . 3 балла.

Овальные орбиты небольшие. Глазницы замкнутые.

52. Высота орбиты . . . . 32 мм.

51. Ширина орбиты . . . . 40 мм

52 : 51а. Орбитный указатель . . . . 80.

Глазничные бугорки хорошо выражены . . . . 3 балла.

Носовые косточки короткие, слабо профилированные. Отверстие носа грушевидное, с тонкими краями. Подносовой край имеет форму fossa praenasalis.

Подносовой шип хорошо развит . . . . 3 балла.

Нос небольшой, средне выступающий

55. Высота носа . . . . 47 мм.

54. Ширина носа . . . . 24 мм.

54 : 55. Носовой указатель . . . . . 51.

Высота носового отверстия . . . . 33 мм.

Высота положения crista conchalis . . . . 13 мм.

Высота альвеолярного отростка верхней челюсти . . . . 22 мм.

Расстояние P_4 и P_4 . . . . 50 мм.

Зубы чуть прогнатные. Прикус щипцеобразный. Нижняя челюсть высокая, узкая, с короткими, широкими восходящими ветвями.

66. Бигональная ширина . . . . 93 мм.

69. Высота тела нижней челюсти . . . . . 34 мм.

70. Высота ветви нижней челюсти . . . . 39 мм.

Приведенное описание кузьмихинского черепа № 1 и предлагаемая графическая реконструкция (рис. 194) как будто не противоречат основному диагнозу антропологического типа, данному М. С. Акимовой. Это череп типичного европеоида; он сохраняет некоторые черты, свойственные древнему типу европейца. Череп, очевидно, близок североевропеоидному типу, но лицо его шире и массивнее, нос менее выступающий, лицо менее профилированное. Графическая реконструкция дает еще более ясное представление о сходстве этого антропологического типа с типом, близким к современному северо-западному европейцу. Физиономически реконструированное лицо весьма близко к портрету, воспроизведенному нами по черепу из «одиночной могилы» в Арду (Эстония).

2. Балановский вариант фатьяновской культуры

На территории современной Чувашии эта скотоводческая культура просуществовала около 250 лет и к концу своего существования под постоянным влиянием, с одной стороны, срубной культуры, с другой — местного энеолита перешла в новую на данной территории фазу бронзовой культуры — в так называемую абашевскую культуру.

В Чувашской АССР, в пределах Козловского района, в 1—1½ км к юго-востоку от дер. Баланово, в 12 км от Волги и в 3 км от р. Анаш, в урочище Карабаи был найден фатьяновский могильник. На протяжении ряда лет здесь производились раскопки О. Н. Бадером (1933—1937 гг.)[1]. Позднее М. С. Акимова возобновила раскопки (1940 г.)[2]. В результате этих работ вскрыто много захоронений с богатым инвентарем. Найдены в большом количестве характерные сосуды с изумительным по технике и изяществу геометрическим орнаментом, каменные плоские топоры, топоры ладьевидной формы с цилиндрическими сверлинами для рукояток, бронзовые вислообушные топоры, бронзовые спиральные подвески, колечки (согнутые из пластинок меди), длинные цилиндрические пронизки-трубочки, иголки с гнутым ушком, граненые шилья и т. п. Исключительная

---

[1] О. Н. Бадер. Археологические исследования Центрального Чувашского музея. «Советский музей», 1937, № 5; его же. Древнейший могильник в Чувашской АССР. «Наука и жизнь», 1935, № 4; его же. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940; его же. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, № 1.

[2] М. С. Акимова. Балановский могильник. КСИИМК, XVI, 1947.

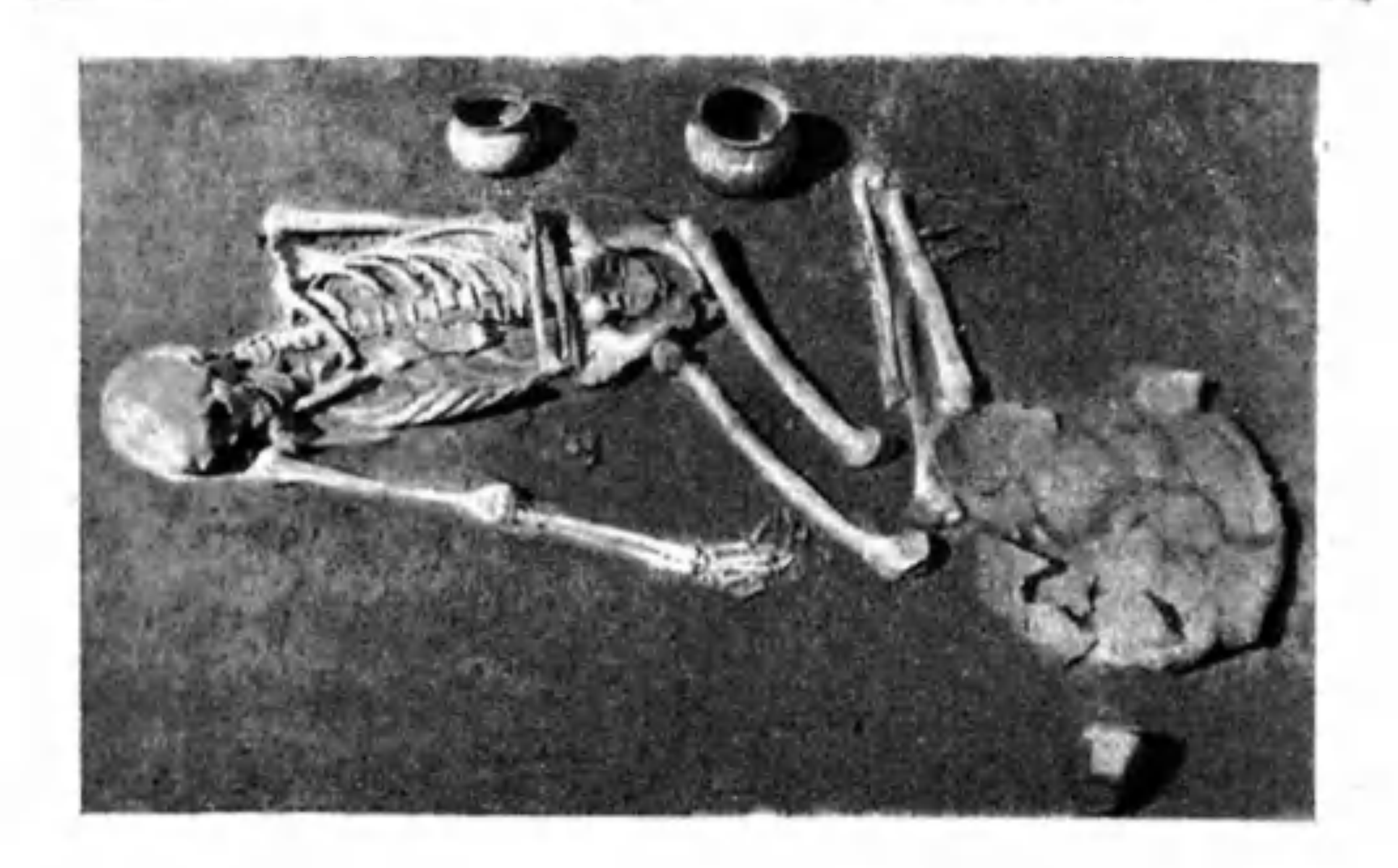

Рис. 195. Типы погребений Балановского могильника: одиночное и коллективное захоронения.

сохранность костей в Балановском могильнике и безукоризненная тщательность О. Н. Бадера и М. С. Акимовой обеспечили получение большого остеологического материала. Найдены целые скелеты различного пола и возраста.

По данным О. Н. Бадера, могильник характеризуется одиночными и большими коллективными могилами (рис. 195). Удалось установить, что положенные с покойником вещи различаются в соответствии с полом погребенного, так же как и положение покойного (мужские костяки лежат на правом боку, женские — на левом; с детьми нередко ставили маленькие сосуды,

клали глиняные модели сверленых топоров, а в одном из детских погребений были найдены колесики игрушечной арбы из глины).

В могилах обнаружены кости домашних животных: коровы, лошади, барана, свиньи, собаки. Кости диких животных (бурого медведя, кабана, бобра) встречались реже. Нередко попадались створки речных моллюсков Unio и Palladina.

В мужских могилах лежали топоры — вислообушные бронзовые, каменные сверленые и клиновидные — и керамика; в женских — керамика и нередко зернотерки. Все это, вместе взятое, дает возможность судить о хозяйстве этих пришельцев. Основой их существования, очевидно, были пастушеское скотоводство и земледелие в примитивных формах. Охота, видимо, носила характер пушного промысла. Моллюски могли служить как пищей людям, так и кормом для свиней.

О. Н. Бадер на основании изучения археологического материала утверждает, что Балановский могильник следует рассматривать как памятник самостоятельной культуры, занимающий примерно такое же положение по отношению к московско-ярославской группе, как среднеднепровская культура. Приведенная им аргументация нам кажется убедительной и подтверждающей наши выводы, сделанные на основании изучения антропологического материала. Еще в 1945 г., создав наши первые реконструкции по черепам из Баланова, мы отмечали их очевидное средиземноморское происхождение. В 1949 г., публикуя три портретные реконструкции по черепам балановцев, мы вновь, с еще большей настойчивостью, указывали на их средиземноморский тип.

Т. А. Трофимова в ряде своих работ, посвященных этногенезу народов Поволжья, справедливо оценивала тип балановцев как южноевропейский, но, увлеченная широкими обобщениями, под влиянием марровской школы, ошибочно выводила этот тип из-за Кавказа. Оставив в стороне сомнительный вопрос о закавказском происхождении балановцев, следует отметить, что оценка антропологического типа Т. А. Трофимовой произведена верно. Это средиземноморцы.

О. Н. Бадер подробно проанализировал элементы связи Балановского могильника с Северным Кавказом. Мы не считаем возможным приведенные им чисто археологические данные подвергать какому бы то ни было сомнению, тем более что они подтверждают и объясняют средиземноморское происхождение основного антропологического типа балановцев. В настоящий момент мы не можем привести новые факты, подтверждающие наш первый анализ балановского типа, но обосновываем его большим количеством реконструкций.

Сейчас нас интересует возможность новым антропологическим приемом — графической реконструкцией — произвести анализ балановских черепов и попытаться выявить метисные категории, т. е. констатировать контакт пришельцев-балановцев с местным неолитическим населением.

М. С. Акимова, определив тип балановцев как европейский, высказала возможность их северо-западного происхождения. Попутно она пыталась выяснить связь их с неолитическим местным населением. Ее интересовал вопрос не столько позднего влияния одного типа на другой, сколько вопрос генезиса фатьяновского антропологического типа вообще. Никакой общности антропологических типов неолитического населения с фатьяновцами она не нашла. Не нашла она и особенной разницы между фатьяновцами московско-ярославской группы с балановцами, отметив лишь несколько бо́льшую массивность черепов фатьяновцев Волго-Окского междуречья. Все черепа М. С. Акимова склонна рассматривать как единый антропологический тип европеоида, только в черепе № 8510 она

усмотрела несколько бо́льшую плосколицость и некоторую тенденцию к брахицефалии. Она правильно объяснила этот факт вероятной метизацией с местным сублапоноидным типом. Контакт балановцев с местным населением доказывается, в частности, находкой в 1948 г. Б. А. Сафоновым на левом берегу Оки, близ г. Дзержинска, на стоянке балахнинской культуры ряда обломков фатьяновских сосудов с шейкой и характерным орнаментом[1].

О. Н. Бадером и М. С. Акимовой было вскрыто свыше ста погребений, но только 26 черепов находятся в распоряжении антропологов. М. С. Акимова описала 12 мужских и 12 женских черепов. Мы в настоящей работе даем ряд графических реконструкций по преимуществу мужских черепов, выделяя три категории, явившиеся результатом метизации основного антропологического типа — пришельца-средиземноморца с вариантами местного населения Балахнинской низины и среднего течения Оки. К сожалению, археологический материал Балановского могильника не опубликован целиком, и в нашем распоряжении нет данных об инвентаре, связанном с тем или иным черепом. Вследствие этого мы не можем говорить о том, отразилось ли это смешение населения на внешних чертах культуры балановцев.

Основной европеоидный балановский тип А (пришельцы). Эта серия представлена наибольшим количеством черепов. Вся серия весьма однородна и обладает комплексом признаков, характерных для черепов древнего типа средиземноморского европеоида, отличающихся от современного его типа большей массивностью.

Характерные признаки	Мужчины (7 черепов)	Женщины (4 черепа)
Черепной указатель	69,2—65,7	76,4—68
Наклон лба, градусы	85—82	87—76
Высота свода, мм	139—131	137—124
» лица, мм	120—104	118—106
Ширина » , мм	135—118	126—122

Череп — удлиненных пропорций; сильно выступающий нос; слабо профилированные высокие орбиты; общая ортогнатность лица; выступающий, резко очерченный подбородок; относительно короткий альвеолярный отросток; зубы мелкие и средней величины, чаще ортогнатные; прикус чуть ножницеобразный.

Метисный балановский тип Б. В своей основе это балановский тип А с большей или меньшей примесью псевдонегроидного типа лесного неолита Волго-Окского междуречья в его балахнинском варианте. Этот тип представлен 5 черепами, из них — 3 мужских, 2 женских.

Характерные признаки	Мужчины (3 черепа)	Женщины (2 черепа)
Черепной указатель	76,2—61,7	71,8—67,1
Наклон лба, градусы	83—75	93—88
Высота свода, мм	136	136
Высота лица, мм	119	109
Ширина » , мм	125—122	126

Лицо всегда прогнатное; нос всегда средне выступающий, широкий; орбиты высокие, но ниже, чем у типа А; альвеолярный отросток выпукло-

[1] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре.

прогнатный, высокий, массивный; зубы верхней челюсти всегда большие, прогнатные, образующие карнизообразный или крышевидный прикус; подбородок направлен книзу.

Метисный балановский тип В. Третья группа представлена всего двумя мужскими черепами. В основе этого смешанного типа лежит балановский тип А; вторым компонентом явился сублапоноидный тип, характерный для волосовской культуры (черепа Старшего Волосовского могильника).

Характерные признаки	Мужчины (2 черепа)
Черепной указатель	75,27—67,19
Высота свода, мм	134—131
Наклон лба, градусы	88
Высота лица, мм	109
Ширина » , мм	131—129

Все лицо чуть прогнатное; нос слабо выступающий; орбиты ниже, чем у типа Б; лицевой скелет, в отличие от черепов типа А и Б, грацильный; альвеолярный отросток короткий, чуть прогнатный; зубы мелкие, ортогнатные, прикус щипцеобразный.

Как видно из приведенных характеристик вариантов антропологического типа черепов из Балановского могильника, выделенные категории по преимуществу отличаются не столько абсолютными размерами свода, сколько иной формой его. В лицевом скелете разница между вариантами ощутительнее, хотя и здесь это выражается главным образом не размерами, а конфигурацией отдельных деталей.

Ниже мы приводим данные об отдельных признаках по типам А, Б и В, где будут указаны также метисы между типом А и Б, т. е. повторный тип метизации. При этом будут приведены краткая краниологическая характеристика обработанных черепов и некоторые указания на форму мягких частей, реконструированных по данному черепу. В некоторых случаях будет дан скульптурный портрет.

Полной таблицы индивидуальных размеров черепов мы не приводим, так как она имеется в работе М. С. Акимовой [1].

Мужские черепа первой группы (балановский тип А)

1. ГМА, череп № 8503 [2]. Судя по степени уплотнения швов и стертости зубов, череп принадлежал молодому мужчине — не старше 35—37 лет.

Череп массивный, удлиненно-овоидный (193×132 мм), со стороны затылка сводчатый. Черепной свод невысокий (134 мм). Лоб покатый (82°), со средне выступающей глабеллой (3 балла), с относительно большим протяжением надбровий (2 балла); наименьшая ширина лба — 105 мм.

Затылок слабо выступающий, преломленный. Лицо триангулярное, высокое (120 мм), относительно неширокое (134 мм), с тонко очерченными, резко профилированными скуловыми костями, глазницы почти квадратные (37 × 36 мм), значительно профилированные. Нос большой (54 мм), относительно неширокий (24 мм), сильно вынесенный вперед. Подносовой шип усилен гребнем и, очевидно, был большой длины (сломан) и простого рисунка. Носовые косточки сильно вынесены вперед. Совокупность морфологического строения деталей костной основы носа указывает на большие размеры чуть горбатого, большого, но тонкого носа.

Абсолютные размеры альвеолярного отростка верхней челюсти большие (20 мм); однако размеры губы были значительно меньше, так как гребень подносового шипа

[1] М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры.
[2] Могила 25, погребение 43. Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

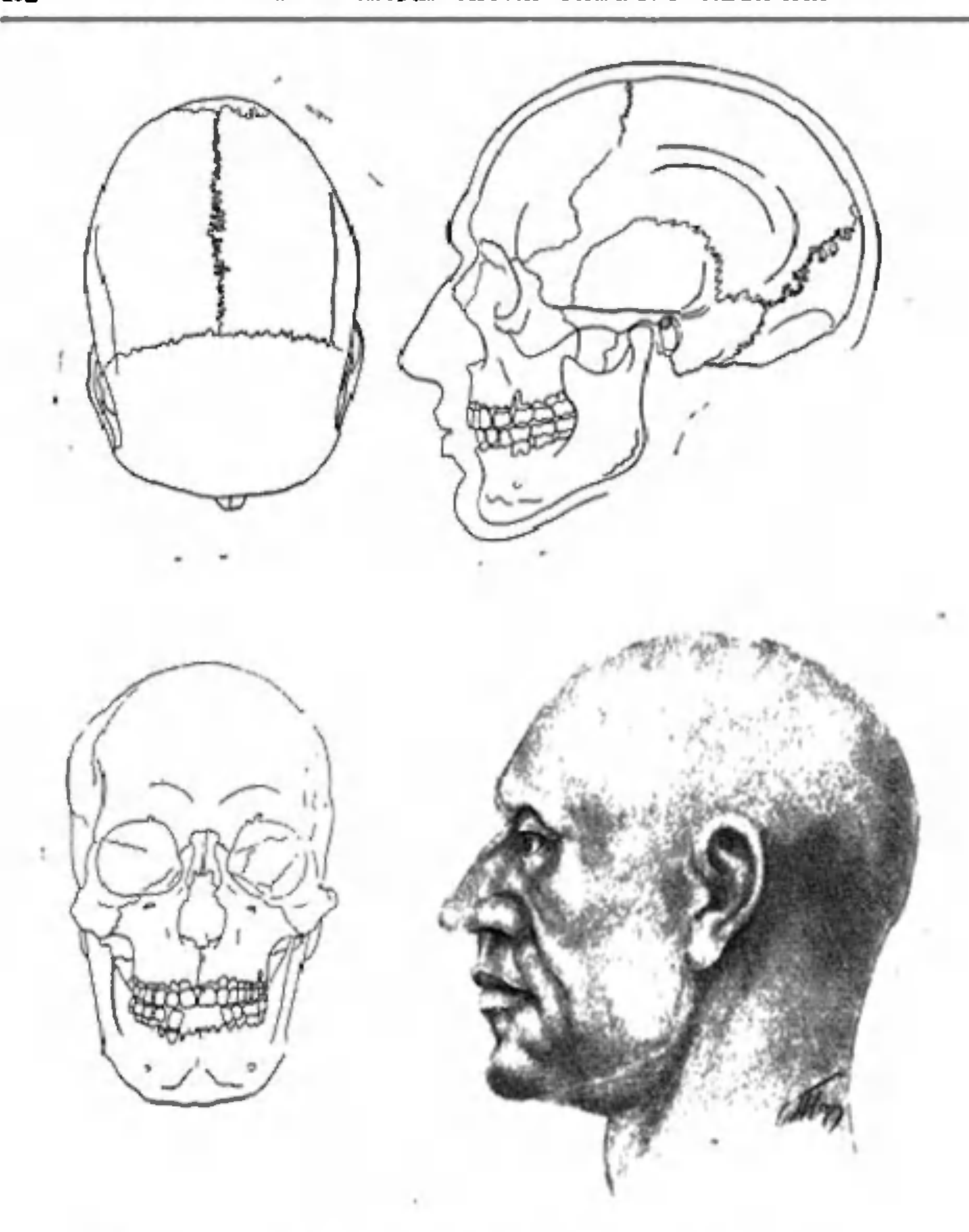

Рис. 196. Реконструкция по черепу мужчины (8503). Тип А.

и боковые гребешки носового отверстия свидетельствуют о низком положении основания и крыльев носа. Рельеф ортогнатного альвеолярного отростка хорошо развит. Зубы ортогнатные; высота эмали первого резца средняя (9 мм), прикус щипцеобразный. Расстояние P_4 и P_2 — 50 мм.

Нижняя челюсть массивная, но тонко очерченная, сильная, с узкими удлинениями, с ветвями, образующими почти прямой угол с телом челюсти; подбородок массивный, сильно выступающий (4 балла).

Форма, размеры, степень развития рельефа нижней части лица, величина зубов, прикус дают возможность реконструировать относительно короткую верхнюю губу, слегка прохейличный, неполногубый рот и крутой подбородок. Профилировка открытых, высоких орбит определяет постановку глазных яблок, несколько вынесенных вперед; положение глазничного бугорка дает основание реконструировать горизонтальный разрез глаз. Форма края орбиты определяет основной рисунок верхнего и нижнего век, степень их нависания и припухлости.

Графическая реконструкция сосредоточивает наше внимание на процессе построения лица и дает возможность учесть степень взаимоподчинения костной основы и формы мягкого покрова лица и головы (рис. 196).

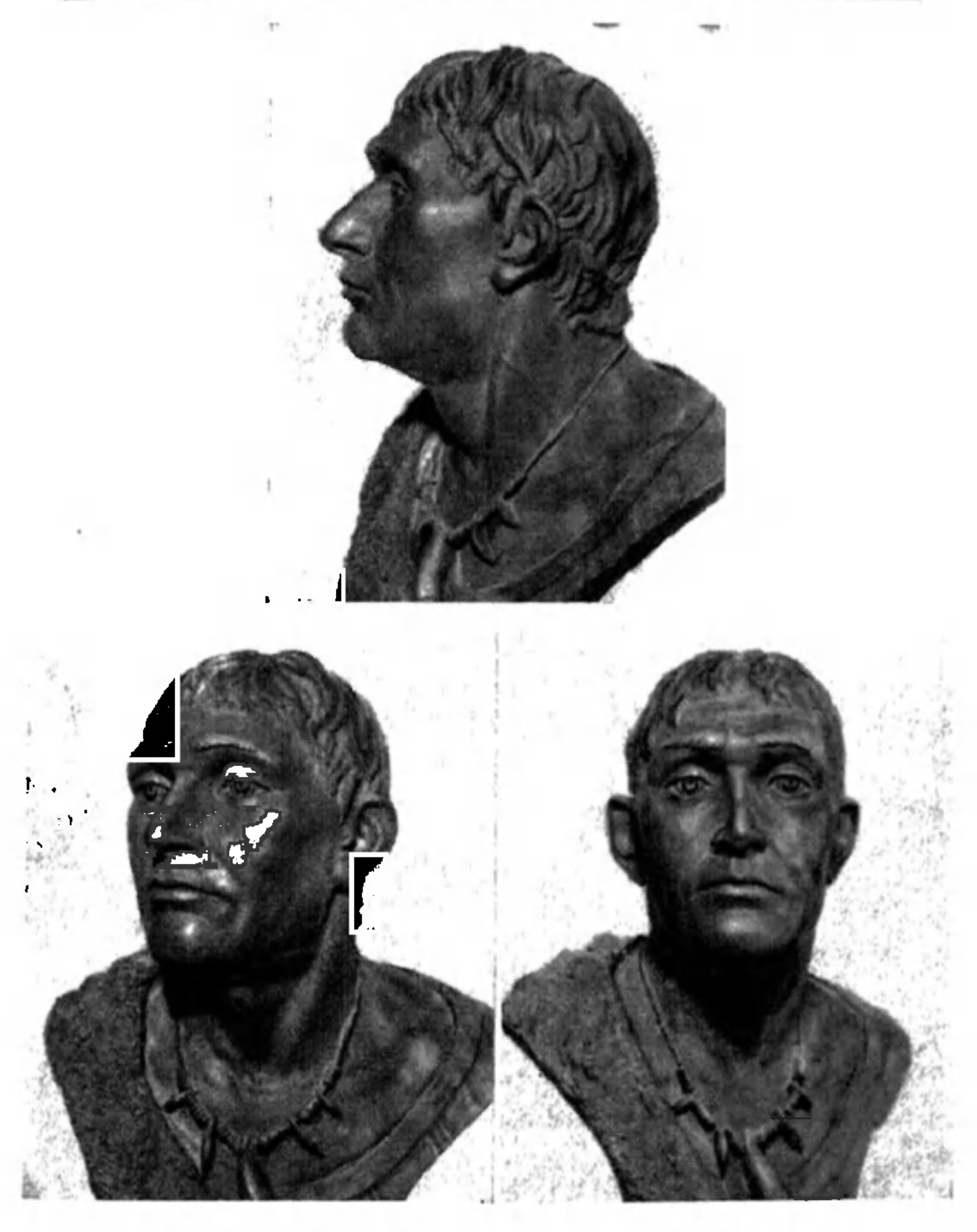

Рис. 197. Реконструкция по черепу мужчины (8503). Тип. А.

Предлагаемая графическая реконструкция дает полное представление о типе европеоида-средиземноморца. По данному черепу был воспроизведен скульптурный портрет типичного представителя балановского населения (рис. 197).

2. ГМА, череп 8525[1]. Череп принадлежал мужчине не старше 40 лет.

[1] Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

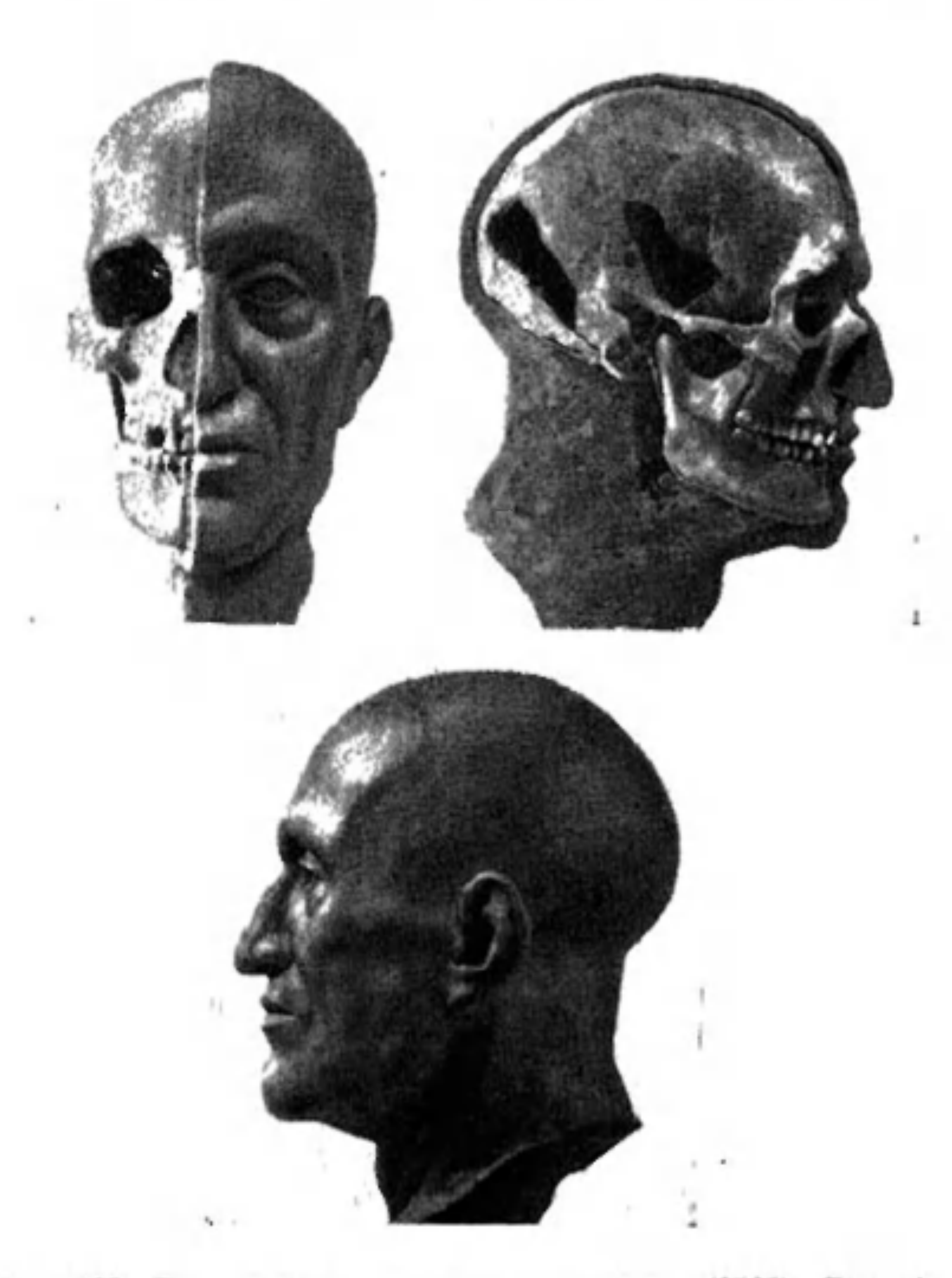

Рис. 198. Реконструкция по черепу мужчины (8525). Тип А

Череп — больших размеров (продольный диаметр 195 мм, поперечный диаметр 134 мм). Сверху череп овоидный, со стороны затылка — уплощенно-сводчатый, в профиль — низкий (139 мм). Лоб покатый (82°), со средне выступающей глабеллой (3 балла), с относительно большим протяжением сильно выступающих надбровий (2 балла); Наибольшая ширина лба — 102 мм. Затылок выступающий, слабо преломленный; инион — 0. Лицо пентагональное, тонкое, довольно высокое (119 мм), относительно широкое (135 мм), резко профилированное. Прямоугольные орбиты большие (43 мм), не очень высокие (34 мм). Нос большой (54 мм), относительно неширокий (25 мм), резко профилированный; корень носа глубоко запавший, подносовой шип хорошо развитый (3 балла). Скуловые кости — тонкого рисунка. Собачьи ямки глубокие (3 балла). Альвеолярный отросток короткий, ортогнатный. Ортогнатно поставленные зубы образуют ножницеобразный прикус. Нижняя челюсть узкая, с высоким телом. Подбородок тонко очерченный, выступающий, но не резко (3 балла).

Предлагаемая реконструкция (рис. 198) дает четкое представление об антропологическом типе. Это тот же балановский тип, но в грацилизованной форме. По всем краниометрическим данным это типичный средиземноморец в раннем его варианте.

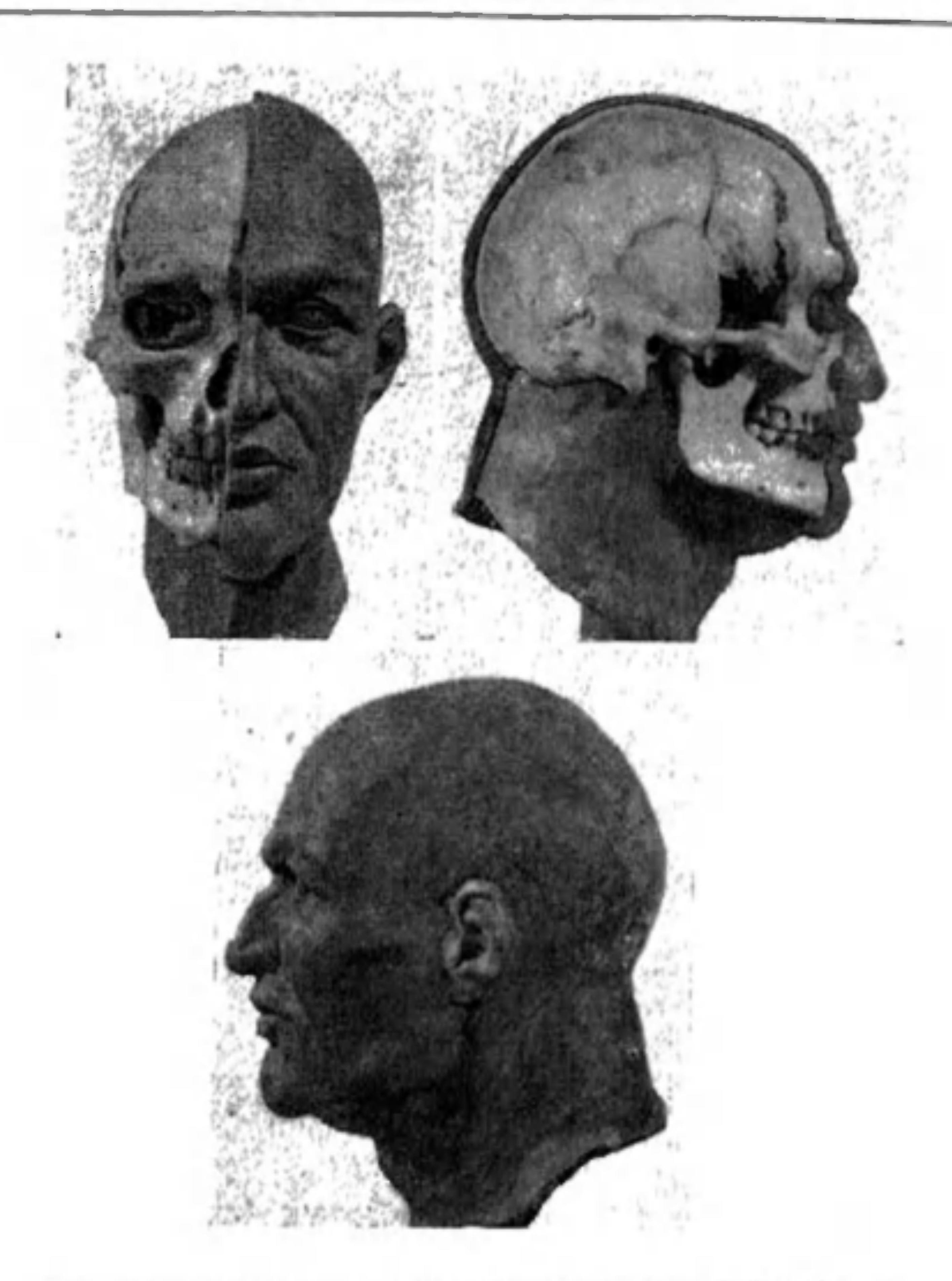

Рис. 199. Реконструкция по черепу мужчины (8583). Тип. А.

3. ГМА, череп № 8583[1]. Череп хорошей сохранности, принадлежал мужчине около 40 лет.

Это наиболее массивный, тяжелый и большой (199 × 131 мм) череп из всей балановской серии. Он обладает наибольшей степенью развития рельефа. Особенно силен рельеф лицевого скелета. Однако следует сразу же оговориться, что этот череп не имеет сколько-либо отчетливых черт сходства с типичными черепами кроманьонцев. Он непохож ни на черепа собственно из Кро-Маньона, ни на черепа из Брюнна — Пшедмоста. Все детали лицевого скелета — глабелла, надбровье, орбиты, скуловые части, челюсти,— несмотря на их резкий рельеф, обладают совершенно мягкими внешними чертами.

Сверху череп эллипсоидный, со стороны затылка — заостренно-сводчатый, в профиль — низкий (133 мм). Лоб почти прямой, но с максимально выступающей глабеллой (6 баллов); надбровья очень мощные в своем рельефе и выступают еще больше глабеллы, но протяженность не более обычного для *Homo sapiens* максимума (т. е. по 3-балльной системе — почти 3 балла). Лоб широкий (102 мм), затылок узкий, слабо выступающий, почти не преломленный, с сильным рельефом выйных гребней, со средним развитием иниона (2 балла). Сосцевидные отростки массивные и достигают 3 баллов (по шкале 1—4).

[1] Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

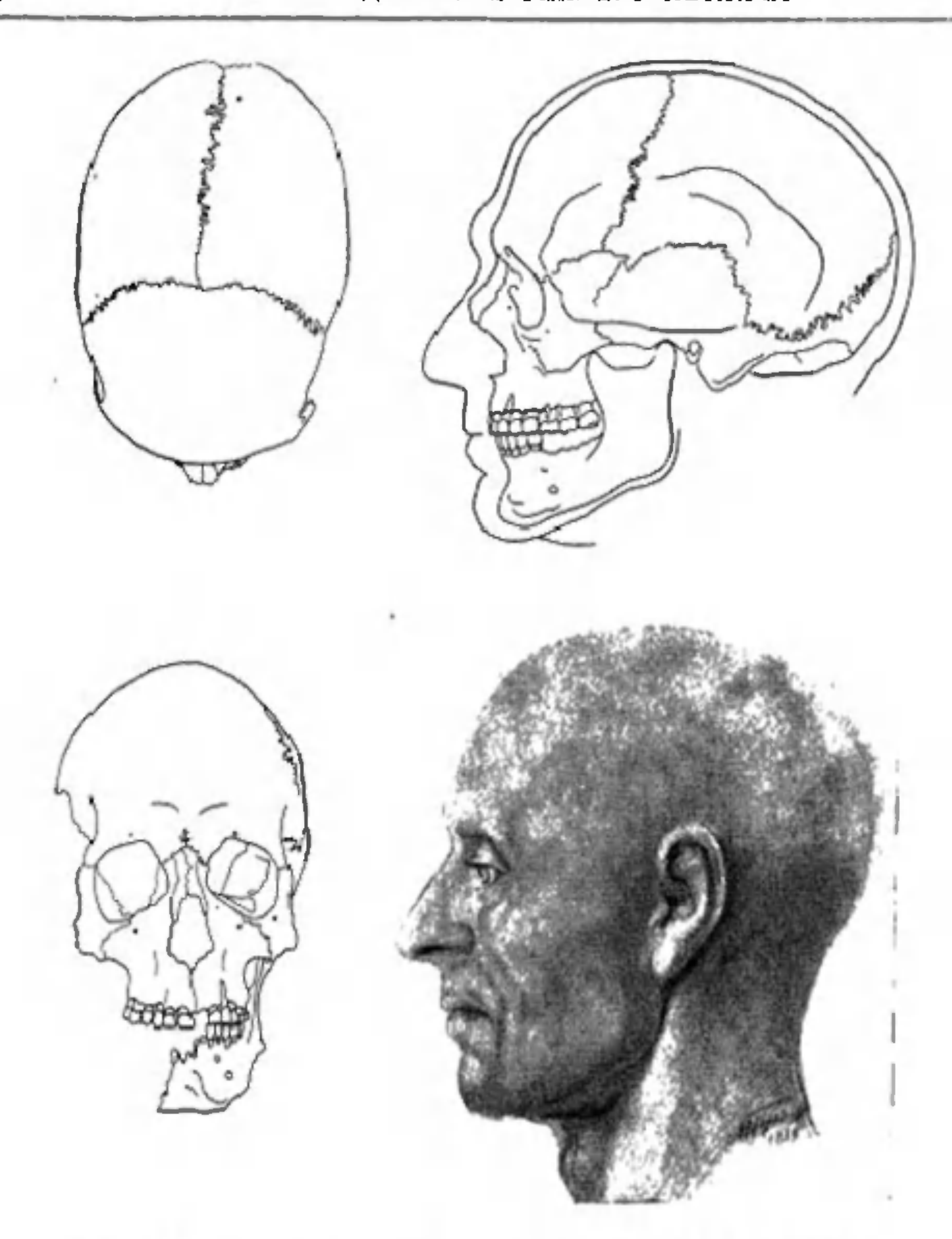

Рис. 200. Реконструкция по черепу мужчины (8764). Тип. А.

Лицо пентагональное, с резким выступанием тонко очерченных скуловых костей, невысокое (104 мм), но широкое (139 мм). Нос резко профилированный, не очень большой (48 мм), относительно широкий (24 мм), с резко выраженной горбинкой. Альвеолярный отросток короткий (14 мм), чуть прогнатный; зубы ортогнатные. Глазницы — средних размеров (38 × 32 мм), прямоугольные, замкнутые, слабо профилированные.

Грушевидное отверстие носа — с тонкими профилированными краями. Подносовой шип невелик (2 балла), но отчетливого рисунка, направлен слегка вниз. Собачьи ямки глубокие (3 балла). Прикус ножницеобразный. Нижняя челюсть массивная, с сильно выступающим подбородком (4 балла) и резким углом отхождения ветвей 87°); ветви низкие, короткие.

Предлагаемая реконструкция (рис. 199) дает представление о грубом, массивном варианте балановского типа А, т. е. о типичном средиземноморском типе в его грубом, раннем варианте.

4. ГМА, череп № 8764[3]. Этот череп — из коллективного захоронения с богатым инвентарем, принадлежал мужчине не старше 45 лет.

[3] Могила 62, погребение 101. Раскопки М. С. Акимовой, 1940 г.

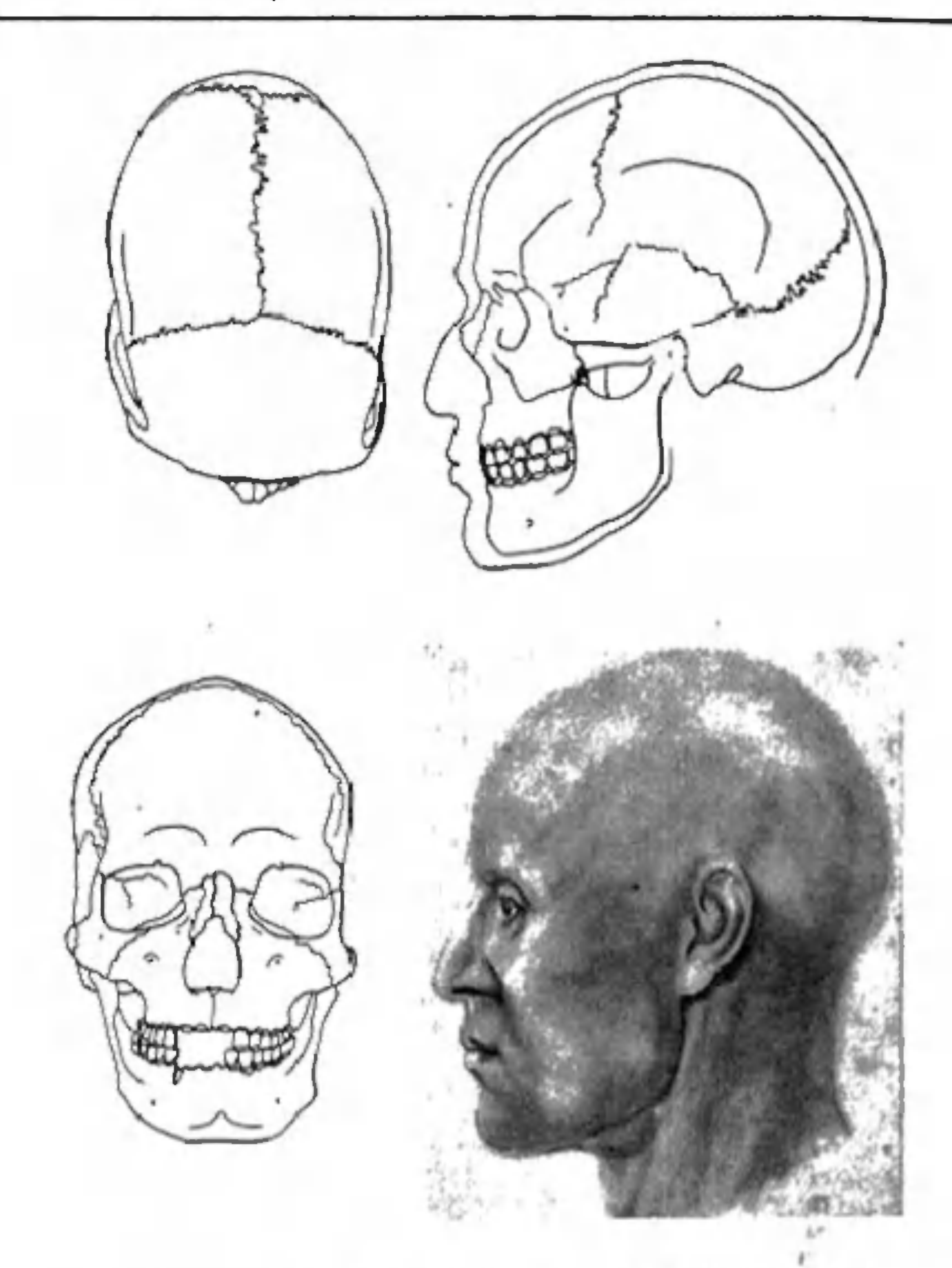

Рис. 201. Реконструкция по черепу мужчины (8515). Тип А.

Сверху череп овоидный, длинный (194 × 127,5 мм), со стороны затылка крышевидный, свод невысокий. Лоб невысокий, крутой (84°). Глабелла значительно выступает (4 балла). Резко выступающие, короткие надбровья (1 балл). Лоб — средней ширины (96 мм). Затылок невыступающий, инион развит не сильно (2 балла). Сосцевидные отростки небольшие. Лицо крайне узкое (118 мм), высокое (127 мм), овальной формы, сильно профилированное, с высоким (57 мм), узким (22 мм), сильно выступающим носом. Орбиты широкие (42,5 мм), невысокие (35 мм), прямоугольных очертаний. Альвеолярный отросток верхней челюсти высокий (21,5 мм), ортогнатный, очень узкий (расстояние P_2 и P_2 — 48 мм). Подносовой шип сильно развит (5 баллов), усилен гребешком снизу и образует желобок, раздвоенный на конце.

Нижняя челюсть узкая; тело ее высокое, ветви длинные, образующие почти прямой угол. Подбородок хорошо развит (3 балла).

Это череп типичного европеоида-средиземноморца и в данной серии занимает место как узколицый вариант балановского типа А (рис. 200).

5. ГМА, череп № 8515[1]. На черепе — следы медных окислов. Череп, очевидно, мужской (описан М. С. Акимовой как женский). Принадлежность его мужчине вряд ли можно оспаривать. Вероятно,

[1] Могила 34, погребение 60. Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

относительно мелкие размеры мозговой коробки (185 × 126 мм) ввели в заблуждение М. С. Акимову. Возраст определен на основании стертости зубов и уплотнения швов свода, около 37 лет.

Массивный, небольшой, удлиненный череп, овоидный сверху, со стороны затылка крышевидный. Свод относительно высокий (138 мм), лоб невысокий, слегка наклонный, относительно широкий (96 мм). Затылок выступающий, преломленный, с отчетливыми выйными гребнями, значительным развитием иниона (2 балла), со средним развитием сосцевидных отростков (2—3 балла). Глабелла развита не сильно (2 балла). Надбровные дуги выступают не сильно и по протяженности довольно значительные (2 балла).

Лицо овоидное, средней высоты (117 мм), широкое (142 мм). Орбиты — прямоугольной формы, средних размеров (38 × 30 мм), наклонные. Глазницы замкнутые.

Высота носа большая (55 мм), ширина — средняя (25 мм). Нос, очевидно, сильно выступает (об этом можно судить отчасти по сильно профилированным лобным отросткам верхнечелюстной кости).

Скуловые кости широкие, простого рисунка. Собачьи ямки довольно глубокие (3 балла). Альвеолярная часть верхней челюсти — средней высоты (17 мм), широкая (расстояние P_1 и P_2 — 53 мм), мезогнатная. Высота эмали первого резца — 7 мм, прикус щипцеобразный. Нижняя челюсть массивная, тело ее высокое. Восходящие ветви широкие, отходят почти под прямым углом. Подбородок выступающий — 2 балла.

Несмотря на очевидное несовпадение многих размеров как основных диаметров, так и ряда деталей, все же весь облик данного черепа столь определенен, что диагностика его не вызывает никакого сомнения. Это вариант того же балановского типа А, несколько отличающийся более низким и широким лицом и более коротким черепом (рис. 201). Физиономически он весьма близок к основной группе балановского типа А.

6. ГМА, череп № 9[1]. Череп принадлежал мужчине пожилого возраста (55 лет).

Череп — средних размеров (188 × 127 мм); сверху он овоидный, со стороны затылка — крышевидный. Лоб слегка покатый (85°), с несильно развитой глабеллой (2 балла), с небольшими надбровьями (1 балл), средне широкий (98 мм). Свод невысокий (132 мм). Затылок резко выступающий, не преломленный. Сосцевидные отростки — средних размеров (2—3 балла). Инион развит несильно (1 балл).

Лицо — эллипсоидной формы, небольшое (106 мм), средней ширины (127 мм). Орбиты прямоугольные средних размеров (40 × 33 мм). Нос выступающий; высота носа большая (51 мм), ширина — средняя (24 мм). Скуловые кости — простого рисунка, массивные. Собачьи ямки неглубокие (2 балла). Альвеолярный отросток верхней челюсти ортогнатный, очень короткий (13 мм).

Нижняя челюсть грацильная (вероятно, за счет сильной степени редуцирования части альвеол вследствие утраченных при жизни зубов). Подбородок выступает несильно (2 балла).

По своему антропологическому типу этот череп, несмотря на значительное отклонение в абсолютных размерах, очевидно, принадлежит к категории балановского типа А (рис. 202).

7. ГМА, череп № 8[2]. Череп принадлежал молодому мужчине — не старше 23—25 лет.

Череп — укороченных пропорций (180 × 145 мм), широкий, сверху пентагональный, сзади уплощенно-крышевидный. Свод — средней высоты (131 мм). Лоб невысокий, наклонный (83°), относительно широкий (97 мм). Глабелла выступающая (2 балла). Надбровья небольшие (1 балл). Затылок слабо выступающий, резко преломленный; инион развит несильно (2 балла). Сосцевидные отростки небольшие 2 балла).

---

[1] Раскопки О. Н. Бадера.

[2] Могила 1, погребение 3. Раскопки О. Н. Бадера, 1936 г.

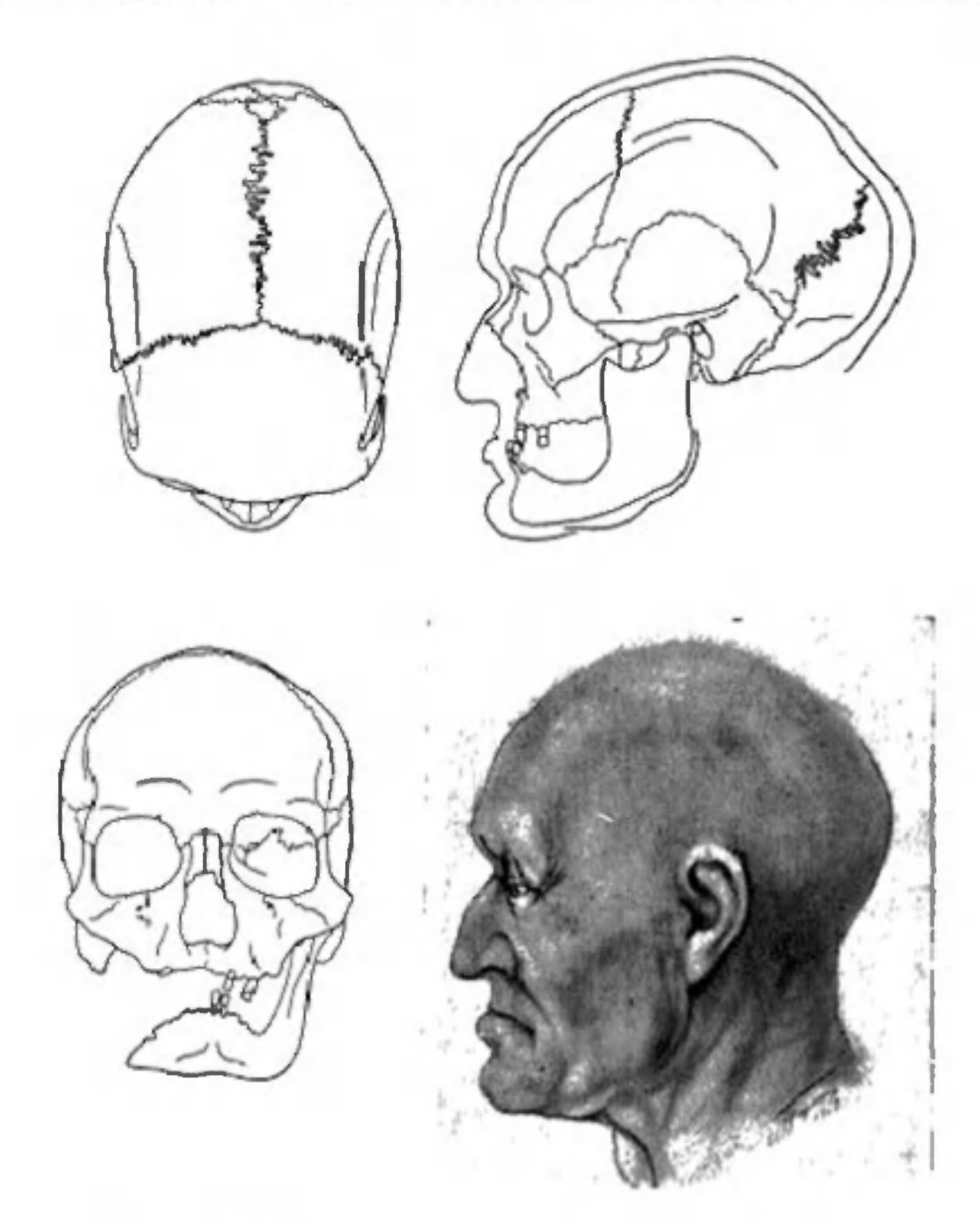

Рис. 202. Реконструкция по черепу мужчины (9). Тип А.

Лицо триангулярное, очень высокое (121 мм), неширокое (126 мм). Орбиты — высокой формы (40 × 36 мм), вертикальные. Нос очень велик (61 мм) при небольшой ширине (21,5 мм). Грушевидное отверстие небольшое (38,5 мм); подносовой шип значительный (3 балла). Сильно профилированные скуловые кости массивны. Альвеолярная часть очень короткая (12 мм), но широкая (расстояние P_1 и P_2 — 53 мм). Зубы ортогнатные; прикус щипцеобразный; высота эмали верхнего резца — 9,5 мм.

Нижняя челюсть относительно легкая. Подбородок выступает слабо (2 балла).

Восстановленное лицо имеет высокий, пологий лоб, очень длинных пропорций нос с тонко очерченными ноздрями, выступающие, широко открытые глаза. Верхняя губа короткая, сильно прохейличная, но не вздернутая. Рот большой, но не толстогубый. Подбородок небольшой, округло выступающий. Антропологически этот тип в своей основе — тот же балановский тип А (рис. 203). Но ряд чуть заметных черт в комплексе указывает на небольшую примесь к основному средиземноморскому типу элементов, характерных для балахнинского неолитического населения. Эта примесь, едва заметная в черепе, резче выражена в графической реконструкции.

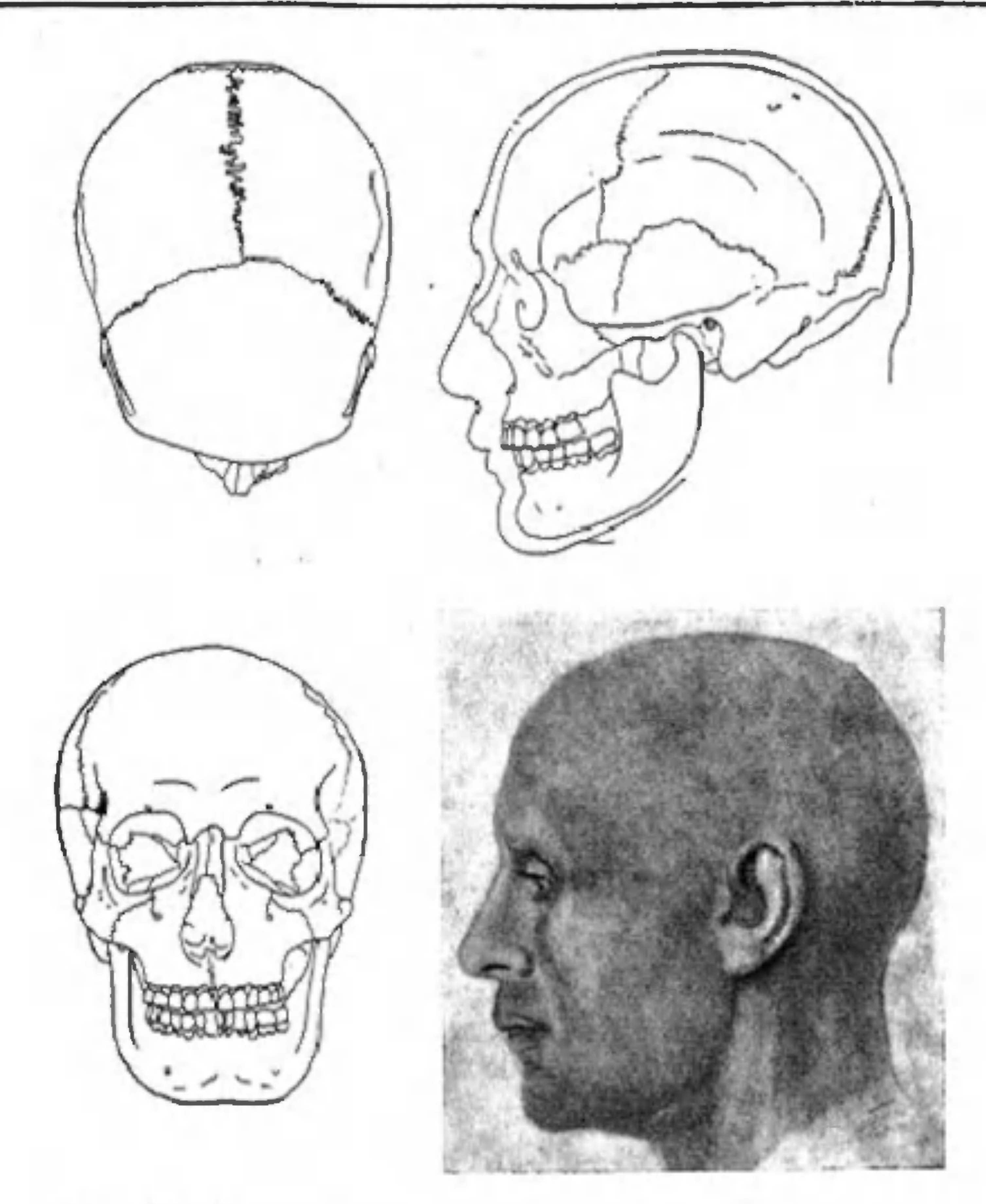

Рис. 203. Реконструкция по черепу мужчины (8). Тип А.

Женские черепа первой группы (балановский тип А)

1. ГМА, череп № 8504[1]. Череп принадлежал молодой женщине, не старше 30—32 лет.

Череп небольшой, долихокранный (180 × 124 мм), сверху овоидный, со стороны затылка крышевидный. Свод низкий (128 мм), лоб низкий, относительно крутой (87°), с небольшим выступанием глабеллы (2 балла). Надбровья слабо развиты (1 балл). Лоб широкий (92 мм). Затылок выступает в виде гладкого округлого бугра. Инион развит слабо (1 балл). Лицо эллипсоидное, относительно высокое (111 мм), неширокое (122 мм). Слабо профилированные орбиты округлы, высоки (37 × 39 мм). Нос сильно выступающий, высокий (52 мм), неширокий (21 мм). Подносовой шип сильно выступающий (4 балла) вперед и вверх. Скуловые кости тонко очерчены. Собачьи ямки глубокие (3 балла). Альвеолярный отросток невысокий (18 мм), узкий (расстояние P_1 и P_2 — 46 мм). Зубы красивые, плотно поставленные, чуть вынесенные вперед. Эмаль резцов низкая (6 мм), прикус щипцеобразный. Нижняя челюсть слегка округлая. Подбородок округлый. Восходящие ветви — средней ширины, короткие, круто поставленные.

[1] Могила 23, погребение 41. Раскопки О. Н. Бадера, 1933 г.

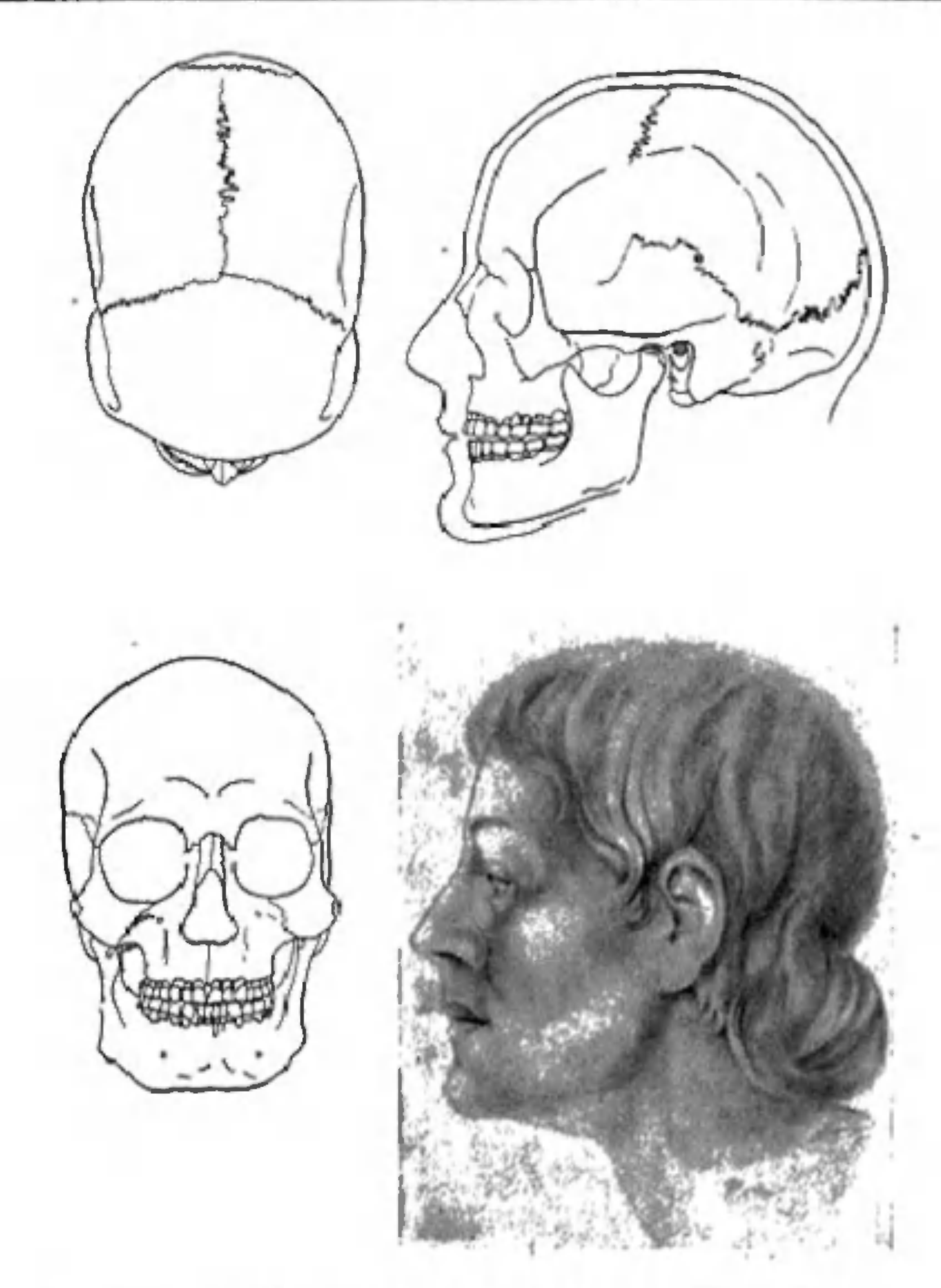

Рис. 204. Реконструкция по черепу женщины (8504). Тип. А.

По всем краниометрическим данным этот череп можно считать основным вариантом балановского типа А (рис. 204). Интересно, что эта женщина физиономически чрезвычайно похожа на портрет, реконструированный по черепу № 8503: тот же нос, рот, слегка выпуклые глаза и т. д.

2. ГМА, череп № 8508[1]. Череп принадлежал молодой женщине, не старше 25 лет.

Череп — укороченных пропорций, долихокранный (178 × 139 мм), сверху пентагональный, крышевидный. Свод со стороны затылка относительно высокий (137 мм). Лоб крутой (86°), с сильным выступанием лобных бугров, слабо развитыми глабеллой (1 балл) и надбровьем, лоб широкий (98 мм). Затылок невыступающий, преломленный; инион развит слабо (1 балл). Сосцевидные отростки небольшие (1—2 балла). Лицо высокое (118 мм), эллипсоидной формы, неширокое (126 мм), с сильно очерченными, слабо профилированными скуловыми костями. Верхнечелюстные кости сильно профилированные, с глубокими собачьими ямками (3 балла).

[1] Могила 26. Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

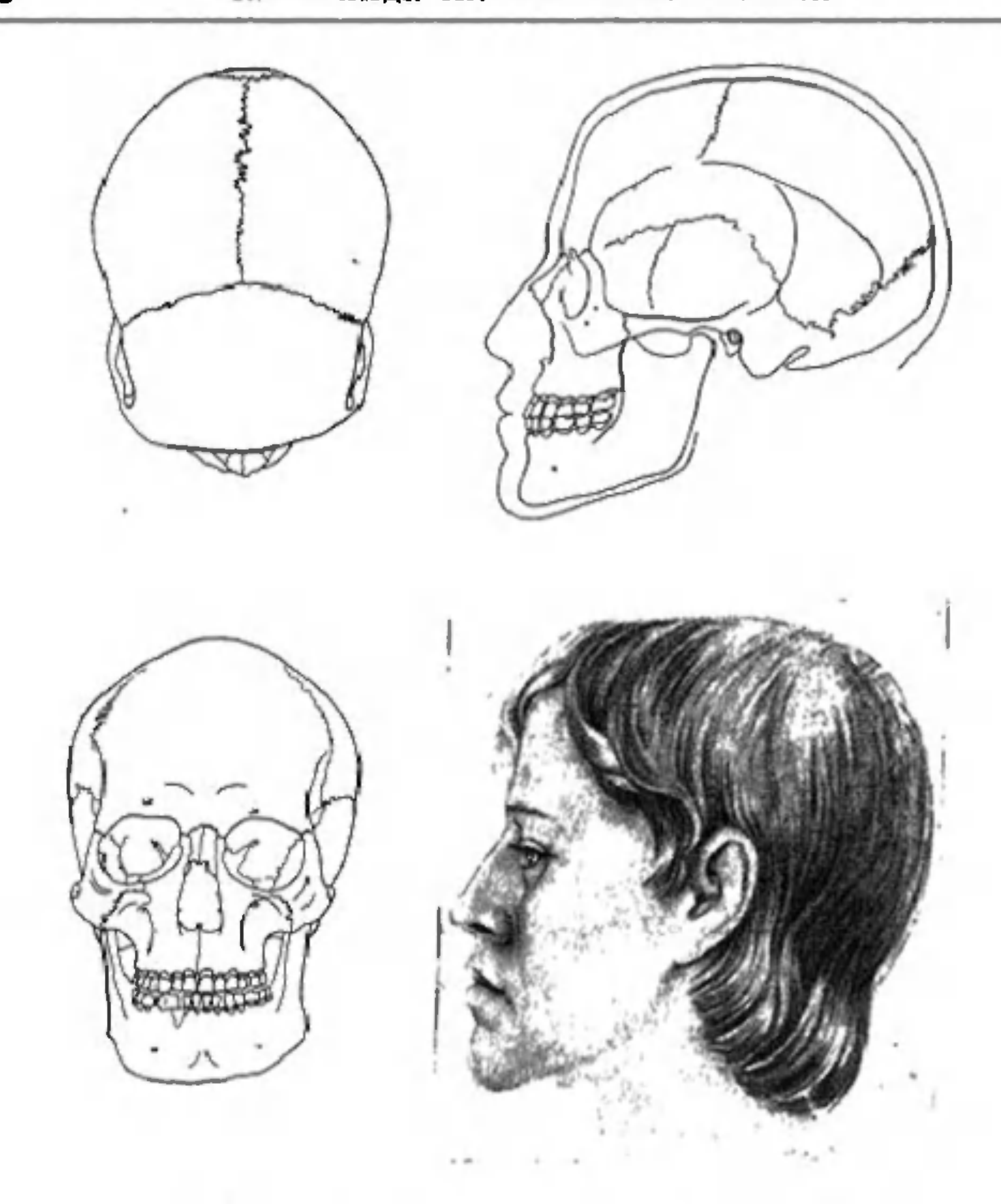

Рис. 205. Реконструкция по черепу женщины (8508). Тип А.

Орбиты слабо профилированные, большие (41 × 33 мм), овальной формы. Нос высокий (51 м), неширокий (22 мм), средне выступающий. Подносовой шип массивный, резко очерченный, но не очень большой (3 балла). Альвеолярный отросток высокий (19 мм), вогнуто-прогнатный, неширокий (расстояние P_2 и P_2 — 45 мм). Прикус щипцеобразный.

Нижняя челюсть грацильная, тонко очерченная, с мягкими контурами, несмотря на значительную высоту тела (29 мм), большую ширину восходящих ветвей (33 мм). Подбородок выступает несильно (3 балла).

Графическая реконструкция дает отчетливое представление о внешнем виде этой женщины (рис. 205). Крутой, высокий лоб, тонко очерченный узкий нос, широко открытые глаза чуть навыкате. Рот слегка прохейличный. Подбородок округло очерченный. Овал лица относительно узкий. Таковы основные физиономические черты этого типа. По краниологическим данным это средиземноморский тип в раннем его варианте — балановский тип А.

3. ГМА, череп № 8765[1]. Череп принадлежал молодой женщине, не старше 27—30 лет.

[1] Могила 67, погребение 106. Раскопки М. С. Акимовой, 1940 г.

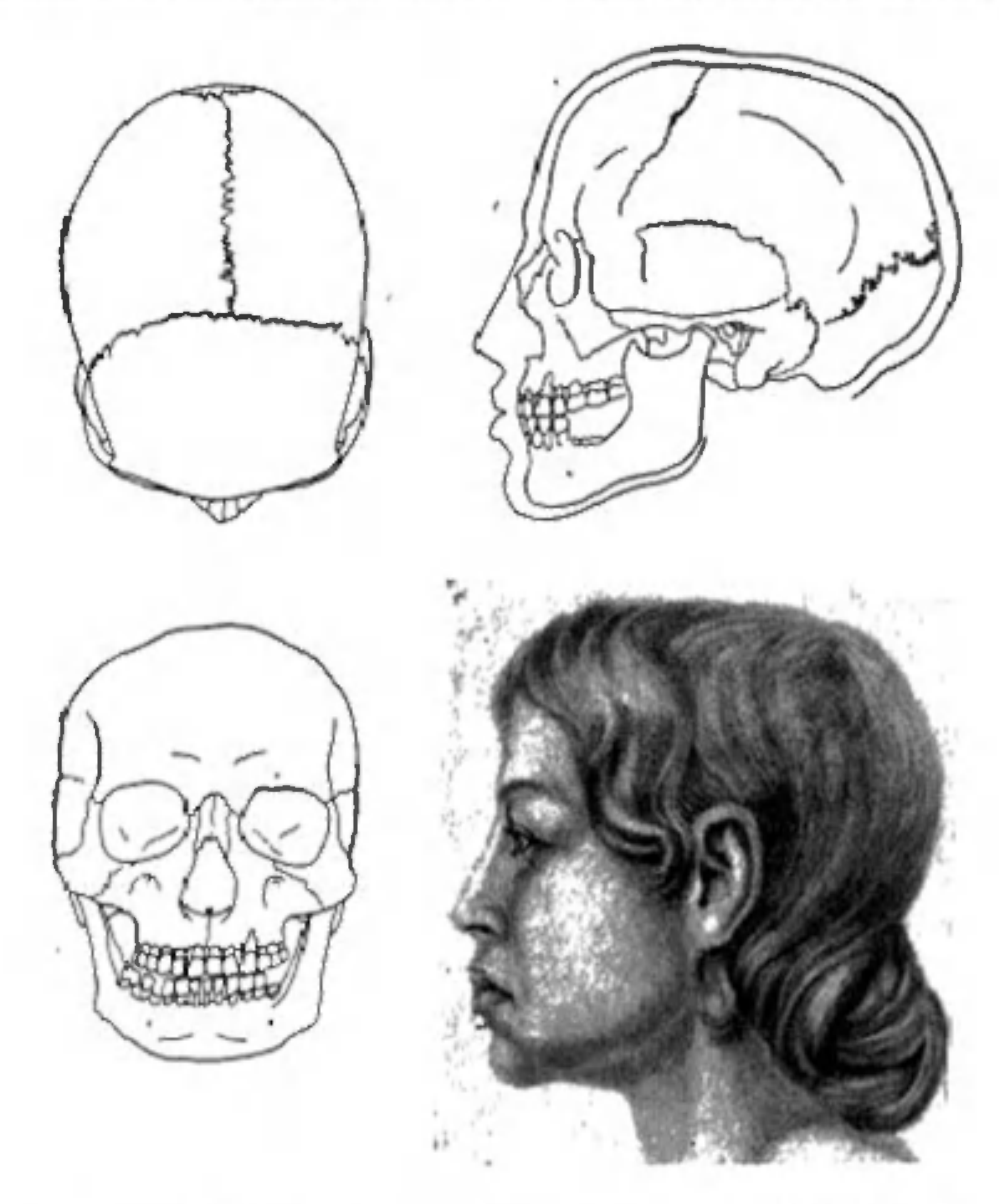

Рис. 206. Реконструкция по черепу женщины (8765). Тип А.

Маленький, легкий, грацильный череп с отчетливым рельефом; сверху он овоидный, долихокранный (170 × 123 мм), со стороны затылка — сводчатый. Свод его низкий (124 мм). Лоб крутой (85°), высокий; надбровье небольшое, тонко очерченное; глабелла сильно уплощена (1 балл). Лоб по отношению ко всему черепу широкий (90 мм). Затылок невыступающий, преломленный. Сосцевидные отростки очень тонкие, маленькие. Степень развития иниона по шкале — 0. Лицо профилированное, эллипсоидное, невысокое (107 мм) и неширокое (122 мм). Орбиты относительно большие, высокие, слабо профилированные, почти квадратные (38 × 32 мм). Высота носа относительно большая (49 мм), ширина его средняя (22 мм). Скуловые кости слабо профилированные, тонкие. Альвеолярный отросток сильно профилированный. Собачьи ямки глубокие (3 балла). Высота альвеолярного отростка очень маленькая (14 мм), ширина — значительная (расстояние P_2 и P_2 — 54 мм). Нижняя челюсть небольшая, округлых очертаний. Подбородок небольшой (2 балла), округлый; высота тела нижней челюсти маленькая (20 мм), ширина ветви — 30 мм; прикус щипцеобразный. Эмаль первого резца невысокая (6 мм).

По данным краниометрии, эта молодая женщина обладала небольшим, относительно широким лицом, красивым, широким, высоким лбом, несильно выступающим, но высоким носом с тонко очерченными, резко вырезанными ноздрями. Глаза большие, слегка выпуклые. Верхняя губа короткая, несколько вздернутая; рот большой, прохейличный, красивого рисунка. Подбородок округлый, мягких очертаний (рис. 206).

Весь облик — типичной европеянки-средиземноморки. Это один из вариантов женского балановского типа А.

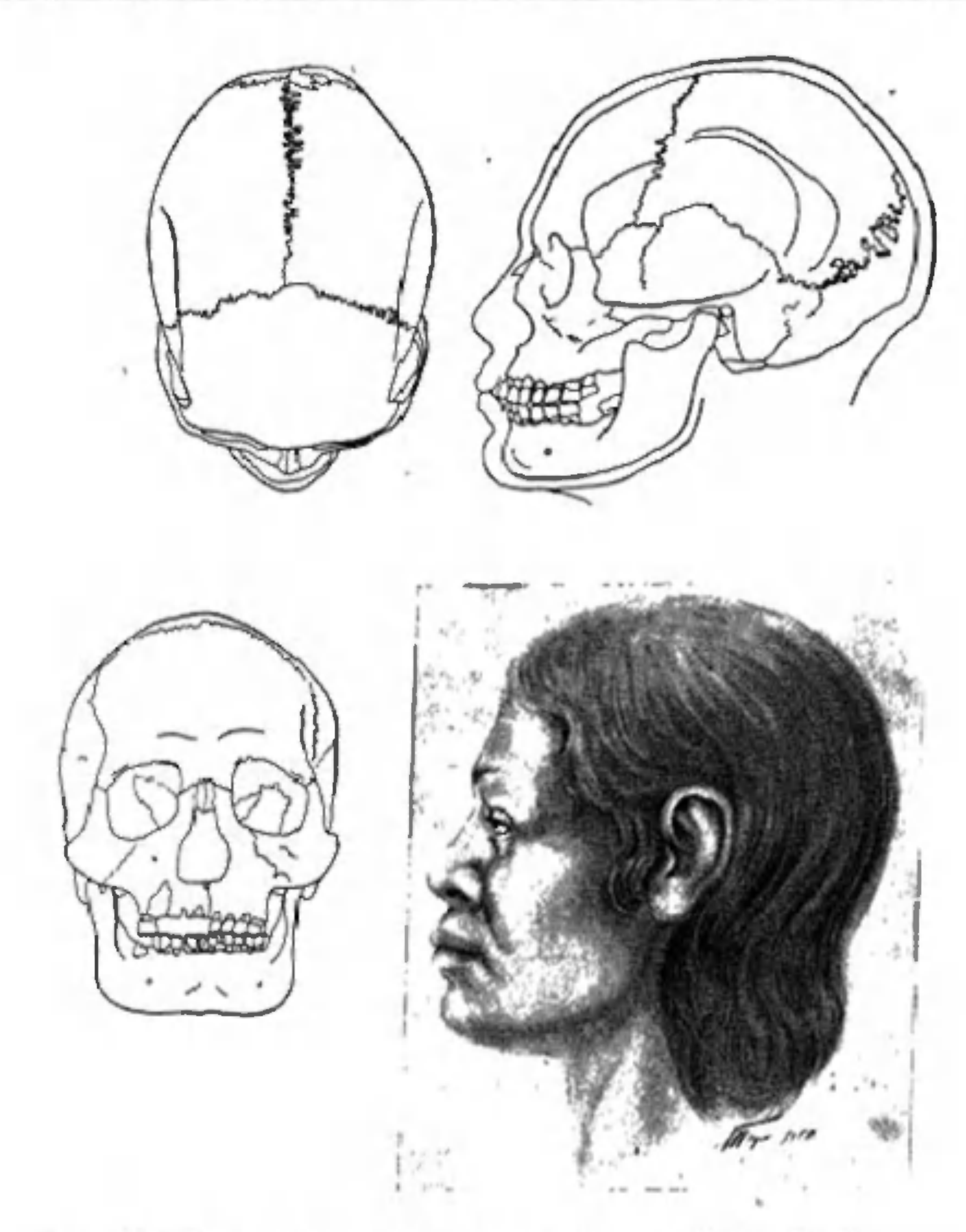

Рис. 207. Реконструкция по черепу женщины (8767). Тип А—Б.

4. ГМА, череп № 8767[1]. Могила 61 представляла собой почти квадратную яму размером 2,10 × 2 м и глубиной 1,10 м. В ней были обнаружены 4 захоронения. Один скелет принадлежал молодой женщине (25 — 30 лет), остальные — детские (9 — 8 лет, 4 лет и 2 лет). Сказать что-либо определенное о положении скелетов трудно — кости лежали в беспорядке.

На женском черепе — следы медных окислов. Из предметов, найденных в этой могиле, следует особо отметить два сосуда: один типичный балановский, чрезвычайно богато орнаментированный, другой — совершенно особого облика, не характерного для данной культуры. Первый сосуд по своей форме типичный, шаровидный, с круто поставленной шейкой, с характерной ямкой — вмятиной на дне. Весь орнамент нанесен мелкозубчатым штампом и образует сложный узор из широких полос. Второй

[1] Могила 61, погребение 97. Раскопки М. С. Акимовой.

маленький сосудик — баночного типа, грубой работы, без орнамента, с толстыми стенками; высота его — 5,1 см, диаметр по верху — 7,4 см, диаметр дна — 5,2 см. Этот сосудик, очевидно, сделан по аналогии с баночными сосудами срубной или полтавкинской культуры.

Женский череп из этой могилы (№ 8767) — небольших размеров (174 × 131 мм), грацильный, долихокраный, сверху пентагональный, со стороны затылка крышевидный; свод низкий (101 мм), лоб наклонный (76°), относительно широкий (92 мм). Глабелла низкая (1 балл). Надбровье развито слабо (1 балл). Сосцевидные отростки маленькие. Затылок невыступающий, преломленный. Инион развит слабо (1 балл). Лицо — эллипсоидной формы, небольшое (106 мм), средней ширины (124 мм); оно все слегка прогнатное. Орбиты слабо профилированные, вертикальные по форме, прямоугольные (35 × 31 мм). Высота носа средняя (47 мм), ширина небольшая (23 мм). Подносовой шип короткий, чуть приподнятый (1 балл). Верхнечелюстные кости сильно профилированные. Собачьи ямки — средней глубины (2 балла). Скуловые кости сильно профилированные, тонко очерченные. Альвеолярная часть верхней челюсти выпукло-мезогнатная и довольно высокая (18 мм). Зубы поставлены мезогнатно и образуют ножницеобразный прикус. Нижняя челюсть небольшая, с укороченными ветвями, с несильно выступающим подбородком (2 балла).

Череп этой женщины крайне интересен тем, что он обладает рядом черт, очевидно, переходных от основного балановского типа А к метисному балановскому типу Б, т. е. к антропологическому типу, в котором в различных комбинациях отразились черты местного неолитического населения балахнинского типа, обладающего своеобразными псевдонегроидными чертами.

Следы местного типа балахнинского населения отразились в ряде черт лицевого скелета, т. е. там, где нам было легче их выявить. Это еще не свидетельствует о том, что следов метизации нет в форме свода черепа. В результате этого смешения характерные признаки типов А и Б как бы взаимно смягчены. Череп утратил некоторые черты типа А, приблизившись к типу Б: нос стал короче, шире, менее выступающим, глазницы меньше; сильная, выступающая верхняя челюсть приобрела своеобразную форму, характерную для типа Б; форма нижней челюсти приблизилась к форме челюсти типа Б.

Предлагаемая графическая реконструкция дает четкое представление об облике этой метизированной категории антропологического балановского типа А—Б (рис. 207).

Черепа второй группы (метисный балановский тип Б)

Мы располагаем ничтожным количеством черепов данного типа и, если бы этот метисный тип был менее характерен, т. е. не обладал комплексом чрезвычайно отличающихся черт, то выделение такого количества черепов из небольшой серии балановских черепов могло бы показаться необоснованным, случайным. Но исключительное своеобразие черт лица в его скелетной основе столь определенно и так постоянно во всех черепах, что выделение этой метисной группы в самостоятельный антропологический вариант нам представляется вполне закономерным; это тем более существенно, что своеобразные черты псевдонегроидов отмечены нами на этой же территории как в несколько более раннее время (неолитический тип балахнинского человека), так и в более позднее время (черепа абашевской культуры и черепа современных чувашей и мордвы).

Итак, основная группа этих метисов представлена пятью черепами: три из них мужские, два — женские. Все черепа этой группы происходят

из могил, раскопанных в 1937 г. О. Н. Бадером[1]. В своей работе «Балановский могильник» М. С. Акимова публикует сводный план этого могильника. Интересно, что могилы, содержащие черепа метисного типа Б, все расположены на одной линии, на периферии могильника. Всего этих могил четыре: № 26, 33, 35 и 37. Мы не располагаем данными ни о типе погребения, ни об инвентаре из этих могил. Но, судя по размерам могил можно предполагать, что не только могила 26, но и могила 33 содержала коллективные захоронения. В могиле 26 были найдены три черепа: №8505 (мужской), № 8507 (женский) и №8508 (женский). Последний череп значительно отличается по всем своим краниологическим признакам от двух других; он обладает характерными чертами балановского типа А, но следует отметить несколько более плоский нос и несомненную прогнатность, т. е. черты, может быть, указывающие на ничтожные следы метизации. Но если это так, то это только легкий оттенок признаков примеси типа Б. Между тем черепа № 8505 и 8507 принадлежали типичнейшим представителям метисного балановского типа Б[2].

1. ГМА, череп № 8518[3]. Череп реставрирован и измерен Г. В. Лебединской. Он принадлежал мужчине, Зубы относительно слабо стерты и третий коренной недавно прорезался; надо полагать, что умершему было не больше 30 лет. Этот череп не включен в публикацию М. С. Акимовой, так как к моменту выхода ее работы не был еще реставрирован. Реставрированный череп для наших работ практически цел, но ряд высотных величин не может быть измерен, так как передний край затылочной кости и часть тела основной кости утрачены.

Это один из самых крупных и массивных черепов всей балановской серии. Он долихокранный (указатель 8 : 1 — 67,31), сверху овоидный, со стороны затылка сводчатый; его длинный свод, очевидно, высокий. Высокий лоб — некрутой (75°), относительно неширокий (98 мм); массивная глабелла выступает средне (3 балла); надбровье небольшое (1 балл). Затылок выступающий, преломленный; инион развит слабо (1 балл) Сосцевидные отростки относительно невелики.

Эллипсоидное прогнатное лицо производит впечатление массивного при относительно небольшой высоте (119 мм) и малой ширине (123 мм). Слабо профилированные, неправильной овальной формы глазницы — небольшие (37 × 32 мм). Нос слабо выступающий, невысокий (49,5 мм), широкий (26 мм), с высоким положением crista conhalis (14,5 мм); носовое отверстие широкое, грушевидное, с тупыми краями, с массивным, чуть приподнятым, хорошо развитым подносовым шипом (3 балла).

Слабо профилированные скуловые кости — простого рисунка. Верхнечелюстные кости — с сильно вынесенной вперед альвеолярной частью. Собачьи ямки глубокие (4 балла); альвеолярный отросток прогнатный, высокий (18,5 мм). Крупные зубы прогнатные и образуют глубокий (1,5 мм) ножницеобразный прикус. Альвеолярный отросток верхней челюсти широкий (расстояние P_4 и P_3 — 51,26 мм); высота эмали переднего резца большая (11,5 мм).

Массивная нижняя челюсть — округлая. Тело нижней челюсти высокое (28 мм). Ветви нижней челюсти отходят под тупым углом; их ширина невелика (33 мм), так же

---

[1] В работах О. Н. Бадера нет никаких сведений об инвентаре из этих погребений

[2] Считаем необходимым указать, что балановский материал дает возможность сделать ряд выводов, имеющих немаловажное значение для понимания процесса формирования в результате метизации и последующей ассимиляции нового метисного антропологического типа, в котором уже трудно выявить исходные антропологические типы. Очень досадно, что мы не располагаем всем комплексом археологических наблюдений из-за недостаточной публикации материала. Поэтому, хотя мы и наблюдаем на балановском антропологическом материале процесс метизации и можем констатировать процесс формирования локального варианта нового антропологического типа, мы лишены возможности анализировать историческую обстановку этого процесса.

[3] Могила 37, погребение 64. Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

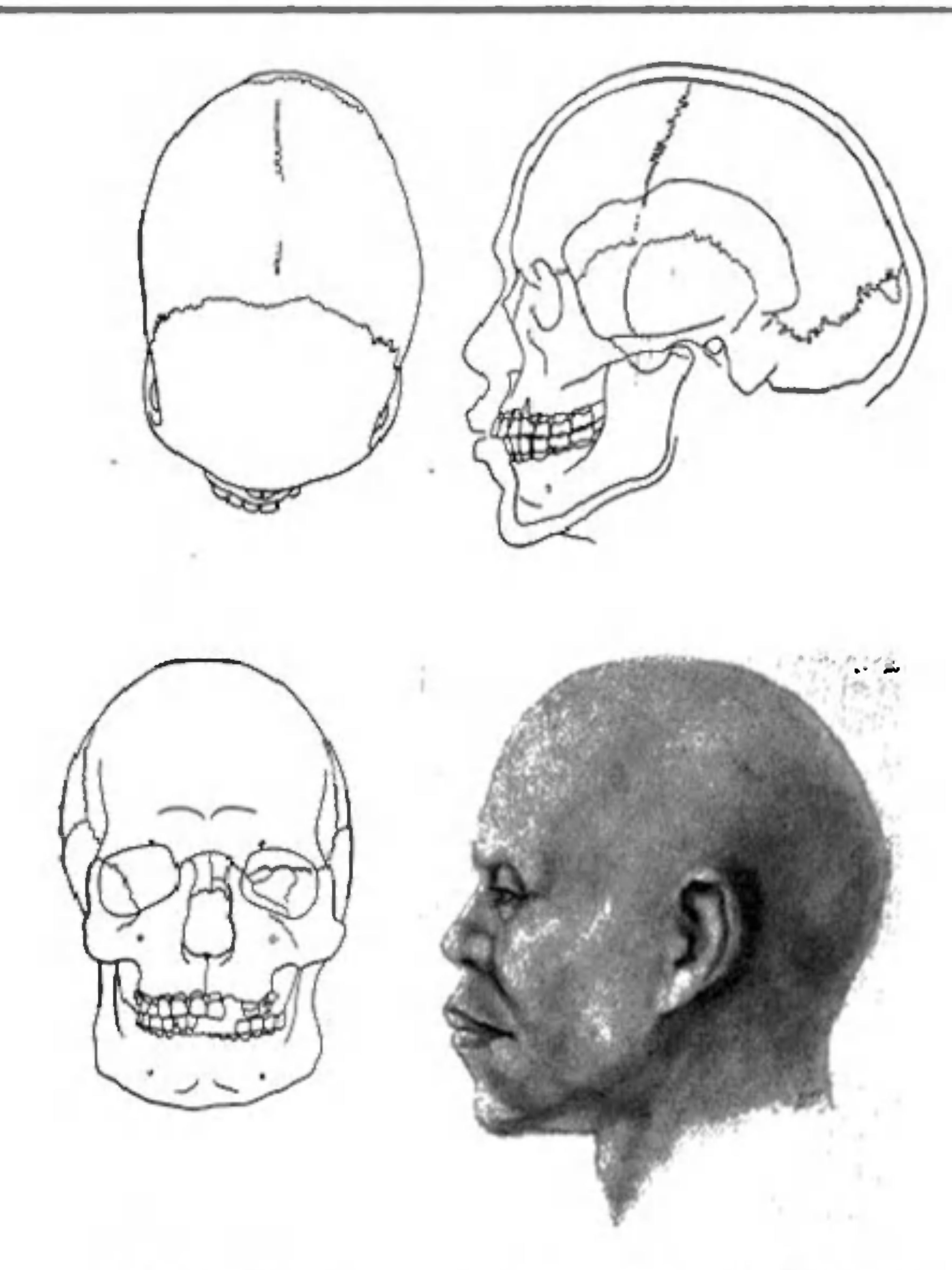

Рис. 208. Реконструкция по черепу мужчины (8518). Тип Б

как невелика и высота (58 мм). Общая длина челюсти большая (107 мм), ширина — тоже (10,3 мм), при значительном выступании подбородка (3 балла). Вследствие тупого угла челюсти этот выступ направлен не вперед, а почти вниз.

Череп этот по своим краниометрическим данным не выходит за пределы вариаций описанной серии черепов балановского типа А. Но внешняя его форма обладает рядом черт, которые совершенно выпадают из категории средиземноморского варианта европейского антропологического типа: общая форма лица с его прогнатностью, с уплощенно-широким носом, опущенным, как бы отрицательным подбородком никак не могут быть в совокупности приписаны европейцу, хотя в отдельности и прохейлия рта, и плоский нос могли бы быть связаны с индивидуальным вариантом европейца.

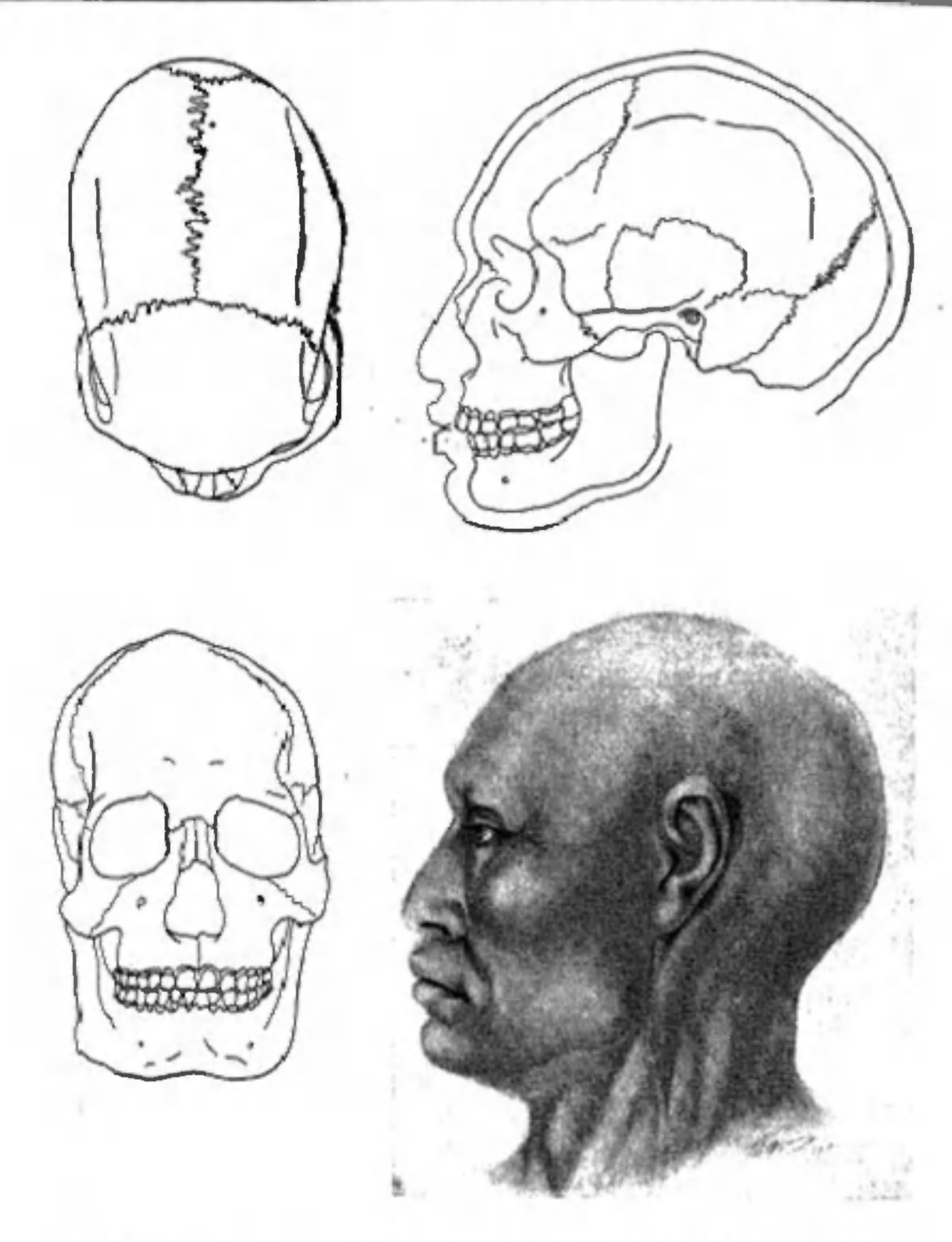

Рис. 209. Реконструкция по черепу мужчины (8517). Тип Б.

Описанный череп обладает чертами двух антропологических типов. Это метис. В нем сочетаются черты средиземноморского европейца с чертами уже отмеченного нами антропологического типа неолитического человека Балахнинской низины, обладающего псевдонегроидными чертами. Этот антропологический тип, может быть, следует называть экваториальным или дравидоидным.

Графическая реконструкция с особенной четкостью дает возможность понять внешний облик этого древнего метиса, определяемого нами как балановский тип Б (рис. 208).

2. ГМА, череп № 8517[1]. Способ захоронения и инвентарь погребения неизвестны. Этот череп не был описан М. С. Акимовой, между тем он почти цел. Изъяны лобной кости и правой скуловой кости реставри-

[1] Могила 35, погребение 61. Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

рованы с достоверностью. Выломанное основание лишает нас возможности дать высотные промеры. Череп реставрирован и описан А. Славочинской. Это череп мужчины не старше 30 лет.

Череп производит впечатление очень массивного; особенно тяжелой кажется прогнатная лицевая часть. Сверху череп — удлиненно-эллипсоидной формы (196 × 121 мм), со стороны затылка — крышевидной. Свод — значительной высоты. Лоб узкий (86 мм), пологий (62°); массивная глабелла уплощена (3 балла); выступающие надбровья — длинные (2 балла). Затылок невыступающий, преломленный, с тонкими гребнями выйных линий; инион развит несильно (2 балла). Сосцевидные отростки удлиненные, средней величины (3 балла).

Пентагональное лицо массивное, прогнатное, средне высокое (119 мм), относительно неширокое (122 мм). Высокие округлые орбиты — открытые, слабо профилированные (37 × 34 мм).

Слабо профилированный, широкий (29 мм), высокий (59 мм) нос выступает несильно, причем степень его выступания увеличивается углублением его корня. Носовое отверстие большое (37,5 × 29 мм), грушевидная crista conchalis расположена высоко (16 мм). Подносовой шип — чуть приспущенный, отчетливый, желобчатой формы, хорошо развитый (4 балла). Верхнечелюстные кости массивные и одновременно сильно профилированные. Альвеолярный отросток весь сильно вынесен вперед и образует широкую альвеолярную дугу (расстояние P_2 и P_2 — 62,5 мм) с ортогнатно стоящими зубами. Его высота предельно мала (8,5 мм). Степень профилировки верхней челюсти усугубляется глубиной собачьих ямок (3 балла) и своеобразным перехватом верхнечелюстных костей при их переходе к скуловым костям. Последние — простого рисунка, обладают значительной профилировкой. Нижняя челюсть массивная, тяжелая, но округлая, не угловатая; рельеф ее не сильный. Длина нижней челюсти значительная (108 мм), ширина большая (100 мм); высота тела нижней челюсти средняя (28 мм), высота ветвей небольшая (65 мм), ширина их средняя (35 мм). Угол отхождения ветвей челюсти тупой (111°); подбородок округлый, выступает несильно (2 балла). Зубы крупные, высота эмали резца верхней челюсти большая (12 мм); прикус крышевидный, причем резцы верхней челюсти сильно вынесены вперед; закус нижних резцов верхними значительный (2 мм).

По своему антропологическому типу это яркий метис, принадлежащий к балановскому типу Б.

В строении лицевого скелета череп обладает большим числом признаков, позволяющих объединять его с антропологическим типом из Гавриловки. Но если в женском лице мы отмечали исключительную грацильность, то в данном черепе, при общности форм, следует сразу же отметить большую массивность костей лица (рис. 209).

Тем не менее форма костного и реконструкция мягкого носа весьма близки. Очень близки по своей конфигурации верхнечелюстные и скуловые кости. Нельзя не отметить некоторую общность в строении костной основы, резко прохейличного рта и слабо выступающего подбородка.

По ряду физиономических признаков этот человек крайне близок к неолитической женщине из Гавриловки (балахнинская культура), но все же в основе его антропологического типа лежит тот же средиземноморский тип европейца — балановский тип А.

Итак, это ярко выраженный тип метиса, сочетающий в себе тип пришельца-балановца и местный тип неолитического человека Балахнинской низины. Предлагаемая графическая реконструкция дает представление о смешанном типе позднего времени существования Балановского могильника.

Большой интерес представляет могила 26, раскопанная О. Н. Бадером в 1937 г. Исследователь недооценил значение этой коллективной могилы для решения ряда вопросов о времени существования могильника, о его непосредственной связи с местным неолитическим населением. В результате мы знаем только, что в этой могиле было захоронено несколько человек, и не располагаем сведениями ни о форме захоронения, ни

о количестве погребенных, ни об их инвентаре и т. д. Имеющиеся в нашем распоряжении черепа из данной могилы не однородны ни по полу, ни по расовому типу. В своей публикации М. С. Акимова не выделяет этих черепов, считая, видимо, их совершенно равноценными в антропологическом отношении. Произведенное нами исследование этих черепов дает другую антропологическую характеристику, несмотря на почти полное тождество краниометрических данных. М. С. Акимова не приводит описательных признаков, а они, как видим, иногда могут быть решающими в характеристике антропологических типов, и, следовательно, полное игнорирование их не должно иметь места.

Череп №8508, женский, — европеоидный, средиземноморского типа, т. е. балановского типа А.

Череп № 8507, женский, и череп № 8505, мужской, — оба метисы, т. е. принадлежат к балановскому типу Б.

Череп № 8510, мужской, — метисный, но иного облика, с чертами волосовского типа.

По указанию О. Н. Бадера и М. С. Акимовой, погребения взрослых разного пола отличаются по положению скелета и по инвентарю[1]. Периферийное положение этой могилы и погребение в ней очевидных метисов свидетельствуют о том, что эти захоронения, очевидно, были совершены позднее, чем первые погребения, в которых, вероятно, похоронены основатели этого громадного племенного могильника, т. е. первые переселенцы на данную территорию. Погребения производились на протяжении длительного времени. Какое количество людей объединяло это племя? Как долго этот могильник существовал? Археологи не ставили этих вопросов; в противном случае они бы попытались выяснить это на археологическом материале. Датировка Балановского могильника как финального этапа фатьяновской культуры, очевидно, нуждается в дополнительной аргументации[2].

Нам кажется, что было бы интересно проанализировать вещественный материал разных могил с погребениями людей средиземноморского антропологического типа и сравнить его с инвентарем могил, содержащих захоронения метисов. Такое сравнение, возможно, выявит различие между ними и, может быть, укажет на заимствования некоторых форм вещей у местных неолитических племен, что будет служить указанием на изменения, обусловленные влиянием географической среды и контактом с аборигенами.

На длительное время существования могильника указывают его громадные размеры[3] и наличие процесса формирования нового антропологического типа. Поэтому нам кажется невероятным, чтобы за этот длительный срок балановская культура не претерпела некоторых сдвигов. Исследователи отмечают, правда, проникновение отдельных элементов соседних культур — наличие бронзовых предметов, свойственных андроновской культуре, и керамических изделий, близких срубной культуре, но никто не пытался выяснить (в каменном инвентаре и керамике) влияние культур неолита; не ставился вопрос и о том, что в какое время существования этого могильника сказывалось то или иное влияние

---

[1] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре, стр. 61; М. С. Акимова. Балановский могильник, стр. 124.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 22—23.

[3] На Балановском могильнике вскрыто более 100 захоронений. По мнению О. Н. Бадера и М. С. Акимовой, не меньшее количество могил уничтожено при разработке карьера. Могильник еще не исчерпан.

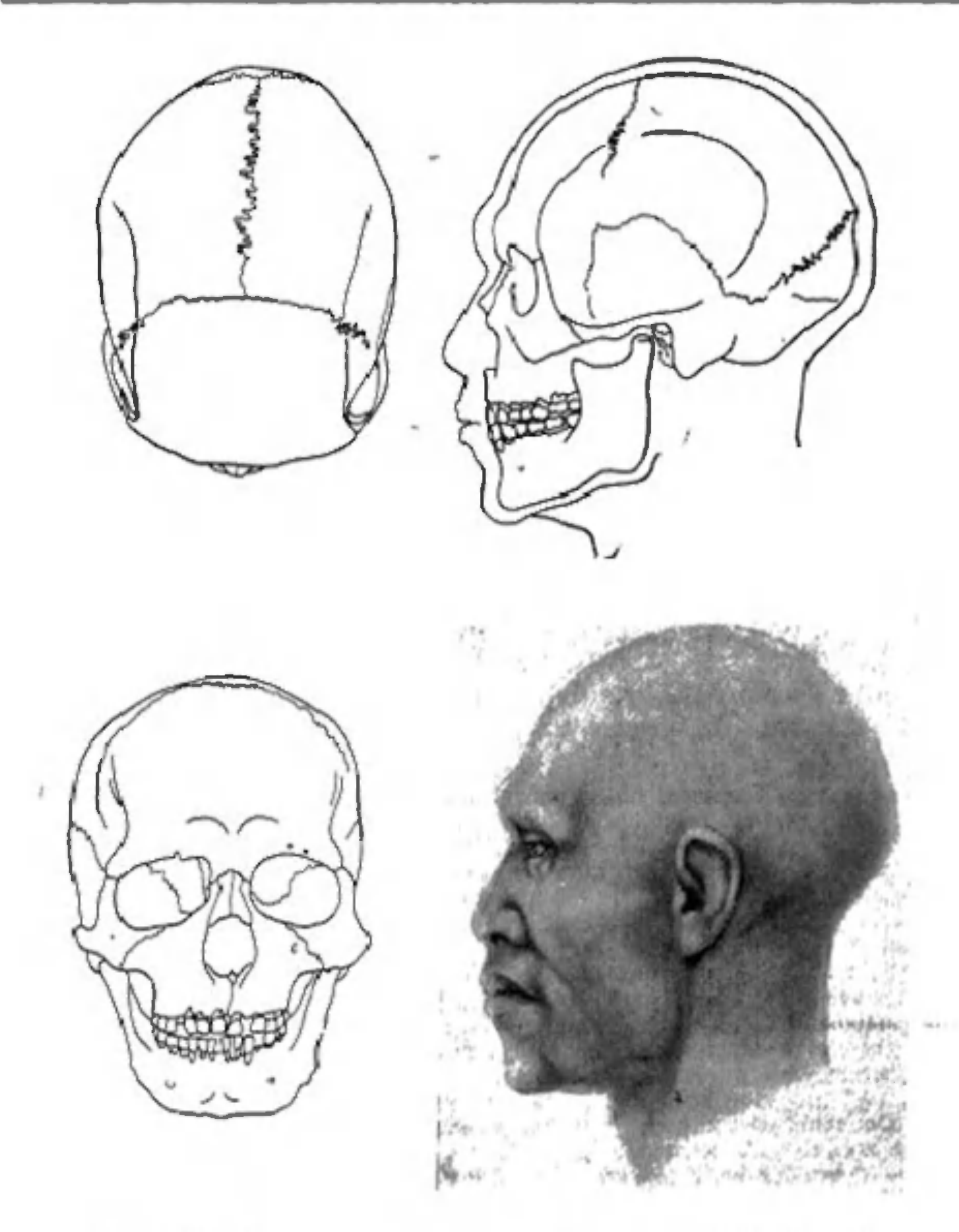

Рис. 210. Реконструкция по черепу мужчины (8505). Тип Б.

или оно было постоянным одновременно с севера, юго-запада и юго-востока.

Нам кажется, что тщательный анализ всего комплекса находок в связи с антропологическими данными может помочь разобраться в этих сложных вопросах.

3. ГМА, череп № 8505[1]. Череп принадлежал мужчине не старше 35 лет.

Череп массивный, но меньше, чем череп № 8517, хотя по ряду размеров превосходит его. Особенно велика ширина свода черепа и лица. Череп субдолихокранный (190 × 144 мм), пентагональный, со стороны затылка крышевидный. Свод, очевидно, высокий (измерить нельзя). Лоб невысокий, покатый (83°), широкий (101 мм), с сильно развитой, массивной глабеллой (4 балла). Надбровья сильно выступающие,

[1] Могила 26. Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

широкие, большого протяжения (2 балла). Сосцевидные отростки большие (3 балла). Затылок выступающий, преломленный; инион развит слабо (1 балл). Лицо—средней высоты (118 мм), большой ширины (137 мм), овоидной формы, ортогнатное, несильно профилированное. Орбиты большие, овальные (41 × 34 мм), слабо профилированные, замкнутые.

Скуловые кости слабо профилированные, но массивные, простого рисунка; их профилировка усиливается некоторым перехватом верхнечелюстной кости и отчетливо выраженными собачьими ямками (3 балла). Нос слабо выступающий, высокий (54 мм), очень широкий (27 мм); отверстие носа грушевидное; нижний край его имеет форму fossa praenasalis. Crista conchalis расположена высоко (13 мм). Подносовой шип массивный, прямого направления (3 балла), невысокий (15 мм). Альвеолярная часть несколько вынесена вперед, так что носовой край выдвинут. Зубы мелкие, образуют щипцеобразный прикус; высота эмали резца небольшая (6 мм). Нижняя челюсть высокая, но не массивная; рельеф ее средний.

Общая длина нижней челюсти небольшая (97 мм), ширина — малая (87 мм); тело челюсти высокое (31 мм), высота ее ветвей средняя (65 мм), ширина ветвей — тоже средняя (33 мм). Подбородок слабый (2 балла).

Форма носа, скуловых костей, глазниц, нижней челюсти дает возможность определить этот череп как метисный с преобладанием черт балахнинского типа, т. е. это характерный представитель балановского типа Б (рис. 210).

4. ГМА, череп № 8507. Череп принадлежал молодой женщине — не старше 25 лет. На черепе интенсивные следы медных окислов.

Череп довольно большой, но не производит впечатление массивного. Сверху он овоидный, долихокранный (183 × 134 мм), со стороны затылка сводчатый. Свод черепа высокий (136 мм). Лоб высокий, крутой, с сильно развитыми лобными буграми, со слабо развитой (1 балл), анакой глабеллой. Надбровья не развиты; ширина лба относительно большая (98 мм). Затылок не выступает, слабо преломлен; инион развит слабо (1 балл); сосцевидные отростки большие (3 балла), но рельеф их слабый.

Лицо невысокое (108 мм), относительно широкое (126 мм). Орбиты высокие, округлые, небольшие (37 × 3 мм), слабо профилированные. Нос невысокий (48 мм), относительно широкий (23 мм); форма носового отверстия грушевидная; подносовой шип короткий, слегка приподнятый. Скуловые кости тонкие, хорошо профилированные. Верхнечелюстные кости легкие, сильно прогнатные. Альвеолярный отросток — средней высоты (17 мы), широкий (53 мм). Зубы продолжают своим направлением прогнатность альвеолярного отростка; высота эмали резца — 9 мм; нижняя челюсть — с длинным, невысоким телом и короткими ветвями. Общая длина нижней челюсти — 101 мм, ширина — 92 мм, высота тела нижней челюсти — 27 мм, высота ветви — 53 мм, ширина ветви — 32 мм.

Описанный череп обладает рядом черт, характерных для неолита Балахны, но эти черты как бы смягчены метизацией со средиземноморским типом. Это типично метисная категория балановского типа Б (рис. 211).

5. ГМА, череп № 8513[1]. На черепе с обеих сторон, в области ушных каналов сосцевидных отростков, — обильные следы окислов меди. Череп сильно поврежден и деформирован, в результате чего ряд промеров сделать не удалось; но это не помешало ни определению его антропологического типа, ни графической реконструкции. Череп принадлежал женщине не старше 25 лет.

Череп — средних размеров (180 × 131 мм), долихокранный, овоидно-ромбоидной формы. Со стороны затылка он уплощенно-сводчатый; свод невысокий (134 мм), лоб крутой (88°), невысокий, с сильно выступающими лобными буграми, широкий (94 мм), с уплощенной глабеллой (2 балла), со слабо развитыми надбровьями (1 балл);

[1] Могила 33, погребение 58. Раскопки О. Н. Бадера, 1937

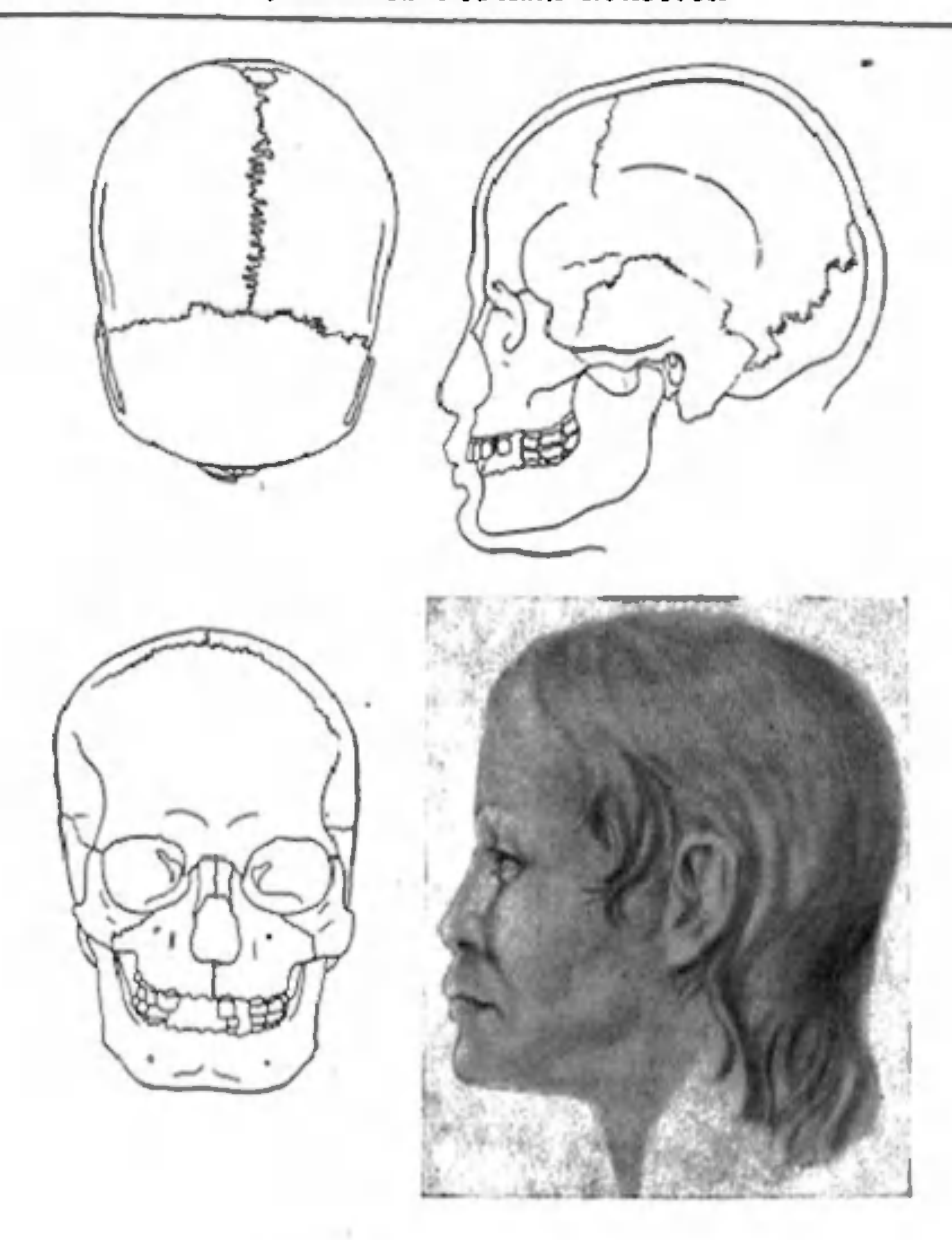

Рис. 211. Реконструкция по черепу женщины (8507). Тип Б.

затылок округлый, выступающий; инион не развит. Лицо, очевидно, узкое, невысокое (109 мм); орбиты небольшие (37 × 33 мм), округлые, замкнутые, слабо профилированные. Скуловые кости тонкие, профилированные. Верхнечелюстные кости сильно профилированные, с глубокими собачьими ямками (3 балла), образуют прогнатный, высокий (18 мм), широкий (расстояние P_2 и P_2 — 51 мм), альвеолярный отросток с прогнатно поставленными резцами. Нос слабо выступающий, невысокий (46 мм), широкий (24 мм); отверстие носа грушевидное. Подносовой шип сильно выступает (3 балла) и чуть приподнят.

Значительно вынесенные вперед резцы верхней челюсти невелики (6 мм) и образуют яркую форму карнизообразного прикуса. Нижняя челюсть удлиненная (105 мм), неширокая (84 мм), с короткими (48 мм), но относительно широкими ветвями (32 мм). Тело нижней челюсти высокое (27 мм). Подбородок небольшой (2 балла).

В этом женском черепе с особой отчетливостью выражены признаки, характерные для неолитического черепа из Гавриловки: в форме ромбоидного свода, уплощенного носа, прогнатной верхней челюсти, в своеобразной форме скуловых костей, нижней челюсти и т. д. Этот череп может быть характеризован как метисный балановский тип Б (рис. 212).

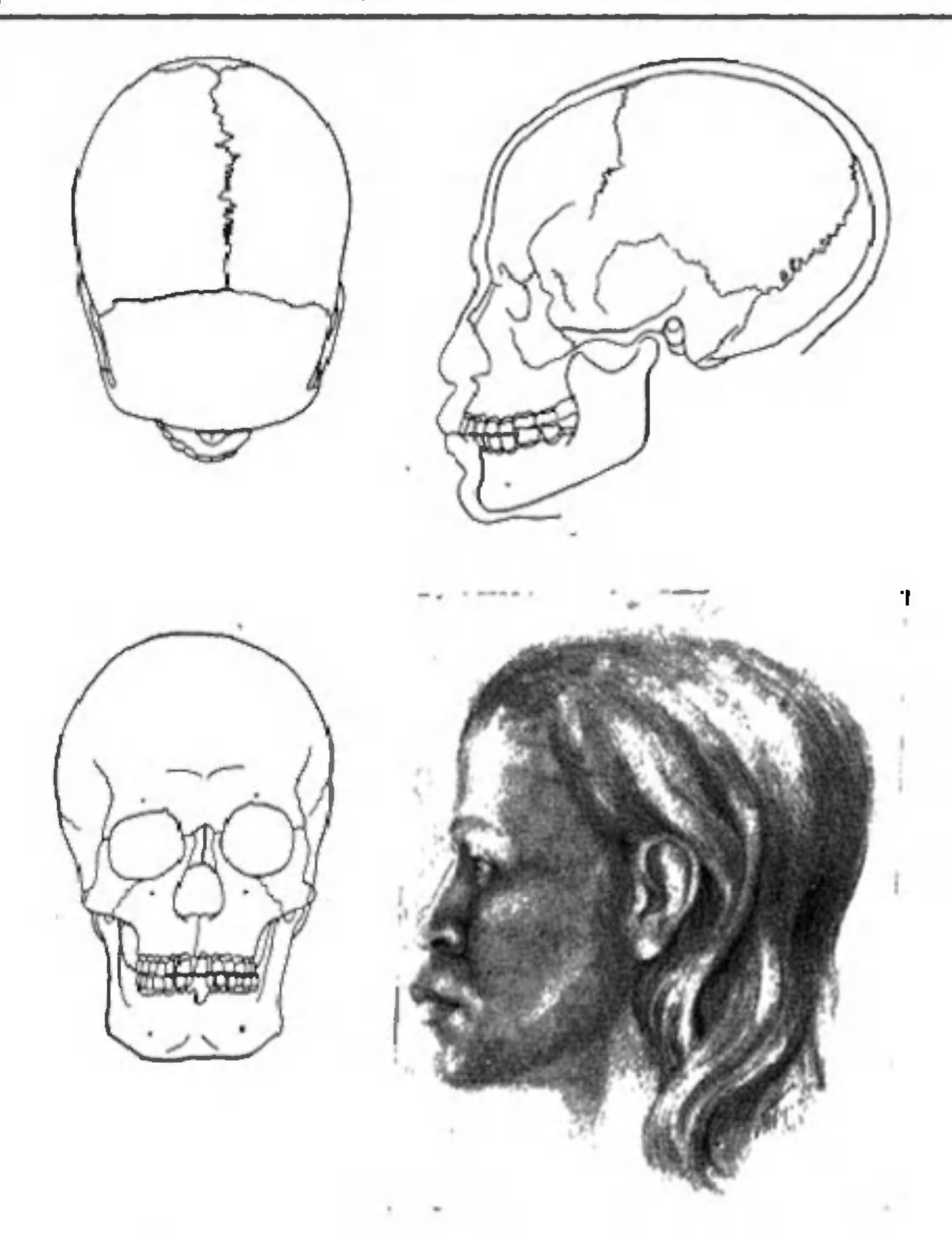

Рис. 212. Реконструкция по черепу женщины (8513). Тип Б.

Черепа третьей группы (метисный балановский тип В)

В своем описании балановской серии черепов М. С. Акимова говорит: «Все отмеченные признаки указывают на несомненную принадлежность балановских скелетов к европеоидному типу. Однако здесь необходимо сделать оговорку. На мужском черепе № 8510 невысокое ортогнатное лицо с низкими глазницами и средним размером скулового диаметра сочетается с большим углом горизонтальной профилировки лица, со слабо выступающим носом (угол носовых костей к линии профиля лица 21°) и не сильно выраженными собачьими ямками. Совокупность этих признаков на данном черепе дает возможность предполагать монголоидную примесь в этой группе. Конечно, одного черепа недостаточно, чтобы говорить с уверенностью о монголоидном элементе у балановского населения, тем более,

что и на имеющемся черепе эти признаки выражены не очень ясно». И ниже в выводах: «Наличие монголоидной примеси в Балановском могильнике, может быть, объясняется смешением европеоидного балановского населения с местным сублапоноидным»[1].

Изучив этот череп, мы пришли к точно такому же заключению. Совершенно очевидно, что это метис, явившийся в результате смешения основного европейского типа А с местным, уже метисным сублапоноидным неолитическим типом, известным нам по черепам из Старшего Волосовского могильника. Странно, что, выделив совершенно верно череп № 8510, М. С. Акимова не заметила такого же метиса, представленного черепом № 8580.

Выделяя эти черепа в особую группу, мы присваиваем им наименование «метисный балановский тип В».

1. ГМА, череп № 8510[2]. Этот мужской череп происходит из коллективного захоронения, из которого мы имеем 4 черепа. Все черепа метисные, с большей или меньшей утратой основного антропологического типа средиземноморского европейца. Череп № 8508 (женский) почти не имеет черт метизации; в основе своей это балановский тип А. Черепа № 8507 (женский) и № 8505 (мужской) — оба метисы с большой примесью неолитического балахнинского типа; это смешанный балановский тип Б. Череп № 8510 — метисный, с чертами сублапоноидного неолитического волосовского типа — балановский тип В; этот череп принадлежит субъекту не старше 35 лет.

Череп характеризуется средними размерами и грацильностью. Сверху свод его пентагональный, субдолихокранный (183 × 138 мм), со стороны затылка крышевидный. Свод высокий (134 мм), лоб крутой (88°), широкий (101 мм), со слабо выступающей, уплощенной глабеллой (2 балла); надбровья небольшие (1 балл). Затылок невыступающий, проломленный; инион сильно развит (3 балла). Сосцевидные отростки — средней величины (2 балла). Лицо эллипсоидное, невысокое (109 мм), относительно широкое (131 мм), слабо профилированное, ортогнатное. Орбиты овальные (41 × × 32 мм), слабо профилированные. Скуловые кости относительно массивные, вынесенные вперед, средне профилированные. Уплощенность всего лица связана с крайне слабой профилировкой верхнечелюстных костей. Широкая, массивная ортогнатность верхней челюсти усугубляет впечатление общей плосколицести. Нос слабо выступающий, высокий (51 мм), неширокий (22 мм); подносовой шип хорошо развит, чуть приспущен (2 балла). Альвеолярный отросток большой (22,5 мм). Зубы верхней челюсти мелкие, ортогнатно поставленные; зубы нижней челюсти слегка прогнатные, в результате чего резцы образуют щипцеобразный прикус. Вследствие этого зубы верхней челюсти,— особенно резцы,— сильно стерты. Ширина альвеолярного отростка большая (расстояние P_3 и P_4 — 51 мм). Нижняя челюсть — отчетливого рисунка, с хорошо, но не сильно развитым рельефом; она относительно массивная, ее длина — 103 мм, ширина — 95 мм; высота ветвей — 60 мм, ширина ветвей — 32 мм; высота тела челюсти — 29 мм. Подбородок округлый, сильно выступающий (3 балла). Угол отхождения ветвей челюсти — 114°.

Внешняя форма всего черепа (рис. 213) и отдельных его частей очень близка к форме черепов из неолитического Старшего Волосовского могильника:

Признаки	Старший Волосовский могильник череп I (женский)	Старший Волосовский могильник череп II (мужской)	Балановский могильник череп № 8510 (мужской)
8:1. Черепной указатель	80,0	75,91	75,4
9:8. Лобный указатель	93,8	80,77	73,2
48:45. Лицевой указатель	47,4	54,44	52,7
54:55. Носовой указатель	61,1	48,08	46,8
52:51a. Орбитный указатель	81,4	79,01	78,1

[1] М. С. Акимова. Балановский могильник, стр. 270, 271, 282.
[2] Могила 26. Раскопки О. Н. Бадера, 1937 г.

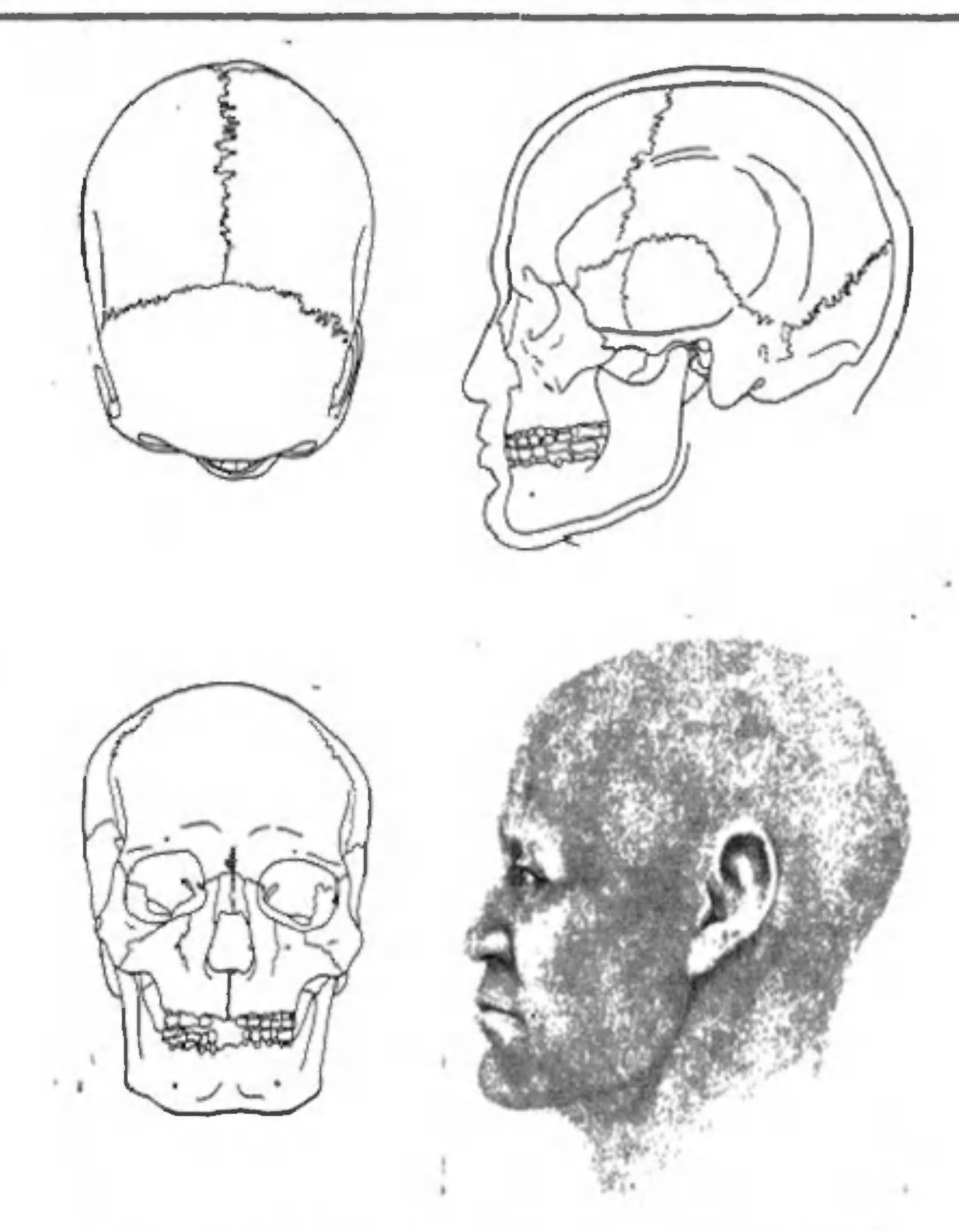

Рис. 213. Реконструкция по черепу мужчины (8510). Тип В.

Значительное приближение основных краниологических показателей также свидетельствует о близости метисного черепа № 8510 из Балановского могильника к черепу II из Старшего Волосовского могильника.

2. ГМА, череп № 8580[1]. Этот череп, так же как и все метисные черепа, происходит из периферийного погребения Балановского могильника. Оба сосцевидных отростка ярко окрашены солями меди. Совершенно очевидны следы носившихся в ушах спиральных серег, которые обычно называют височными кольцами и связывают с женскими погребениями. Мы убеждены, что эти подвески-серьги носили и мужчины. Основанием для этого являются часто фиксируемые в области сосцевидных отростков следы меди как на женских, так и на мужских черепах. Череп принадлежал мужчине около 43—45 лет.

Череп овоидный, долихокранный (184 × 125 мм), со стороны затылка крышевидный; свод относительно высокий (131 мм). Лоб крутой (88°), высокий и широкий (102 мм). Глабелла преломленная, слабо выступающая (1 балл). Надбровья — отчетливого рисунка, слабо выступают, короткие (1 балл); инион не развит (по шкале — 0). Сосце-

[1] Стол 6, костяк 3. Раскопки О. Н Бадера, 1933 г.

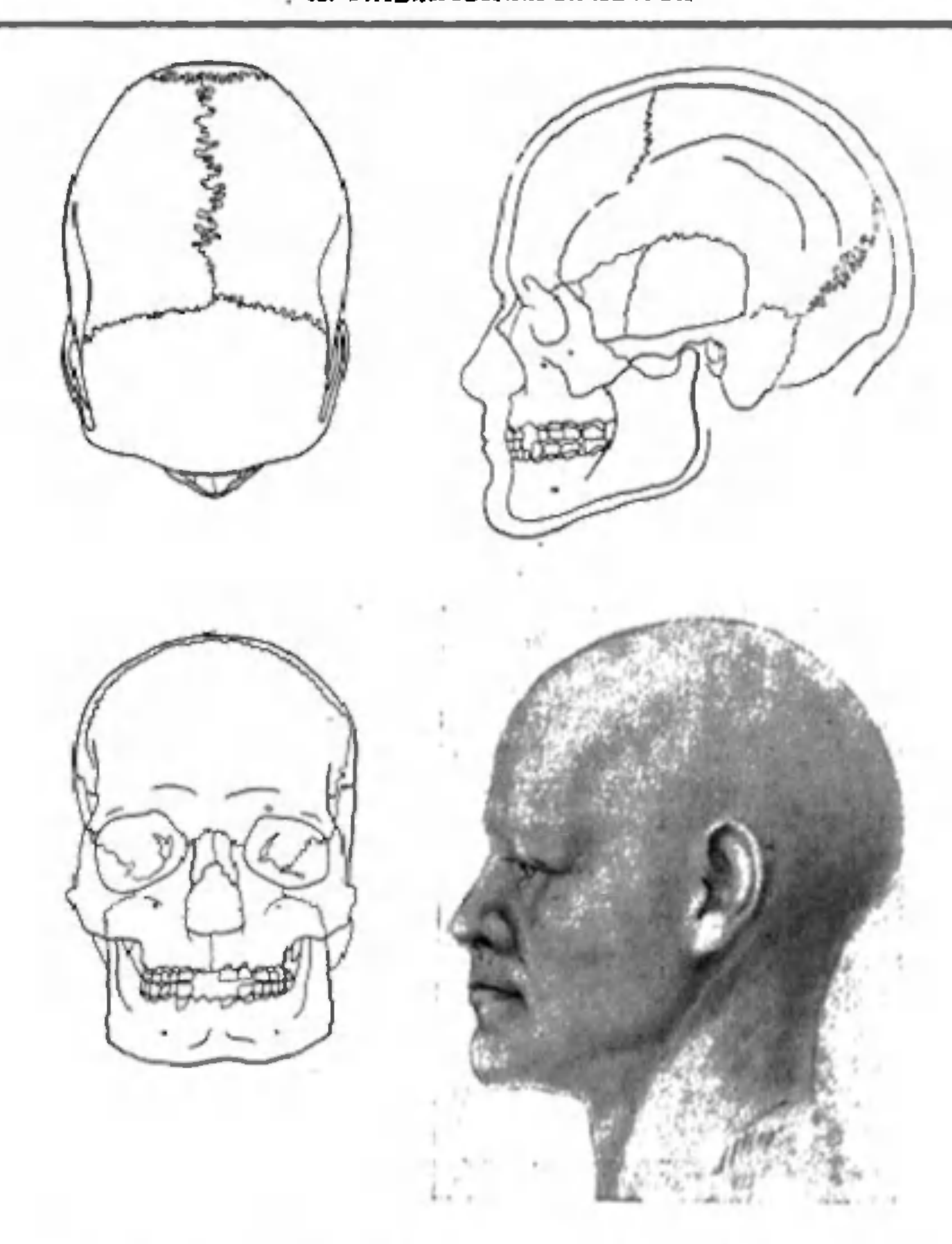

Рис. 214. Реконструкция по черепу мужчины (8580). Тип В.

видные отростки массивные (3 балла). Лицо эллипсоидное, низкое (109 мм), но относительно широкое (129 мм). Орбиты большие, овальные (40 × 30 мм), слабо профилированные. Лицо чуть прогнатное, но плосковатое; верхнечелюстные кости слабо профилированные, скуловые кости массивные, простого рисунка, слабо профилированные. Нос выступает несильно (24 мм); он не велик (47 мм), но широк (26 мм). Подносовой шип — средней величины (3 балла). Альвеолярный отросток низкий (15 мм), ортогнатный, но довольно широкий (расстояние P_2 и P_2 — 50 мм). Зубы мелкие, ортогнатные, образуют шипцеобразный прикус. Нижняя челюсть длинная (101 мм), широкая (97 мм), низкая (26 мм); ветви ее короткие (54 мм), широкие (38 мм), образуют тупой угол (102°). Подбородок округлый, умеренный (2 балла).

Этот мужской череп (рис. 214), обладающий большой, удлиненной мозговой коробкой и низким, но не узким, уплощенным лицом, в основе своего антропологического типа европейский, и тем не менее он, конечно, выпадает из серии типичных европейских черепов средиземноморского облика, основного балановского типа А. В еще большей степени он далек от метисного балановского типа Б.

Ряд почти неуловимых физиономических черт в черепе как бы проявляется посредством графической реконструкции и обнаруживает

значительное сходство с метисным черепом балановского типа В № 8510 и черепами Старшего Волосовского могильника:

Признаки	Старший Волосовский могильник		Балановский могильник	
	череп I (женский)	череп II (мужской)	череп № 8510 (мужской)	череп № 8580 (мужской)
8:1. Черепной указатель . . .	80,0	75,91	75,4	67,9
9:8. Лобный указатель	93,8	80,77	73,2	81,6
48:45. Верхний лицевой указатель	47,4	54,44	52,7	48,8
54:55. Носовой указатель . . .	51,1	48,08	46,8	55,3
52:51. Орбитный указатель . .	81,4	79,01	78,1	75,0

Приведенные краниометрические данные подтверждают наше заключение о сходстве черепа № 8580 с неолитическими черепами из Старшего Волосовского могильника по ряду размеров лицевого скелета. Это дает право отнести его к метисной категории балановского типа В.

3. Основные выводы

Весь описанный краниологический материал из Балановского могильника и предлагаемые нами реконструкции дают возможность сделать следующие выводы:

1. Балановцы и фатьяновцы московско-ярославской группы, очевидно, антропологически не однородны.

а) Московско-ярославская группа по своему антропологическому типу, безусловно, больше тяготеет к северо-западным европеоидам, сохраняя в истоке своего антропологического типа кроманьонские элементы в его брюнн-пшедмостском варианте.

б) Балановский антропологический тип в своей основе — средиземноморский европеоид, утративший основные кроманьонские черты, видимо, уже задолго до своего вторжения на территорию Чувашии.

2. Археологические и антропологические материалы свидетельствуют о южном происхождении балановцев и их культуры; в частности, очевидны археологические связи с Северным Кавказом и среднеднепровской культурой.

3. Балановцы, придя на среднее течение Волги, видимо, в значительной степени утратили свой подвижной образ жизни, стали более оседлыми. Это должно было отразиться на их системе хозяйства и материальной культуре. Не сразу, повидимому, возникли мирные взаимоотношения с местным неолитическим населением. В последующее время связи эти стали постоянными, причем в орбиту этих взаимных связей вошли не только непосредственные соседи неолитических племен Балахнинской низины, но и более далекие племена волосовской культуры.

Из громадного количества погребенных на этом могильнике людей (не менее 200, по данным О. Н. Бадера) сохранилось для науки ничтожное количество черепов — не более 40, вместе с детскими и фрагментарными.

М. С. Акимова дает описание 24 черепов, по 12 черепов каждого пола. Мы, отбирая черепа с лицевыми костями, принуждены были ограничиться всего 18 (из них 12 мужских, 6 женских). По своему антропологическому составу эти черепа распределяются следующим образом: основной тип пришельцев-средиземноморцев, тип А—11 черепов, из них 7 мужских, 4 женских; метисы с неолитическим населением Балахны, тип Б—5 черепов, из них 3 мужских, 2 женских; метисы с неолитическим населением Волосова, тип В—2 черепа мужских.

4. То, что метисные типы появились в результате смешения с местным неолитическим населением, доказывается близостью (но не единством) антропологических типов; следует отметить, что во всех случаях основным все же является тип А и что черепа метисов принадлежат, очевидно, не к первому поколению.

5. Трудно поверить, что отмеченная нами метизация пришельцев с местным неолитическим населением Волго-Окского междуречья никак не отразилась на культуре балановцев. Связи с племенами андроновской и срубной культур[1] едва ли были более глубокими, чем связи с местными неолитическими племенами; ведь контакт с последними длился по меньшей мере несколько столетий.

6. Внимательный, всесторонний анализ всей совокупности наблюденных археологами и антропологами фактов может принести несомненную пользу при решении вопросов этногонии древних и современных народов нашей многонациональной Родины.

§ 53. ЛЮДИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Абашевская культура — это поздний этап бронзы Среднего Поволжья, Волго-Камья и Чувашии. Эта культура как бы сменила более ранние памятники фатьяновской и балановской культур. В 1925 г. В. Ф. Смолиным[2] в Чувашской АССР, в Цивильском районе, близ с. Абашево, впервые были обследованы курганы этой культуры. Теперь уже можно условно наметить границу распространения ее памятников. На западе они определяются курганом около с. Огубянки Калужской области, на севере — курганом у Переяславля-Залесского[3], на востоке граница не вполне ясна; по последним данным проникновение абашевской культуры в Южное Приуралье отмечается наличием не только отдельных, разрозненных предметов, но и поселениями[4].

В фатьяновской, балановской и абашевской культурах имеется ряд общих форм изделий из металла, в частности украшений[5], отмечается сходство форм сосудов и их орнаментации[6] и некоторых элементов погребального обряда[7]. Это побудило многих исследователей считать вероятным наличие преемственной связи между этими культурами.

Вопреки своему первоначальному мнению, О. Н. Бадер[8], ссылаясь на свои новые исследования, склонен утверждать, что преемственной связи между балановской и абашевской культурами нет. Это новое свое предположение О. Н. Бадер аргументирует тем, что раньше им самим отмеченное сходство предметов из меди и бронзы может быть объяснено проникновением этих предметов из одного или близких между собой источников происхождения и независимым их распространением среди племен балановской, андроновской и абашевской культур. Вероятным источником как металла, так и изделий из него О. Н. Бадер считает область Приуралья. Далее в этой же работе он, опираясь на исследования

[1] О. А. Кривцова-Гракова, О. Н. Бадер, М. С. Акимова не раз в своих работах, посвященных фатьяновским и балановскому могильникам, отмечали эти связи.

[2] В. Ф. Смолин. Абашевский могильник. Чебоксары, 1928.

[3] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.

[4] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. стр. 80.

[5] О. Н. Бадер. Археологические исследования. Изд. Центрального Чувашского музея, 1937.

[6] О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, XVII, 1947.

[7] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре, стр. 80.

[8] Там же, стр. 81.

Г. Ф. Дебеца[1], указывает на иной, отличающийся от балановского, состав антропологических типов, известных по абашевской культуре. От балановского явно отличается, — включая широколицый, — европеоидный тип, распространенный в области андроновской, срубной и фатьяновской культур, а также тип с негроидными чертами; восточно-средиземноморский же балановский тип в абашевских могильниках пока вообще не встречен[2].

М. С. Акимова[3] на основании своих новых исследований и раскопок могильника Тауш-Косы высказывает предположение об антропологической близости черепов абашевской и фатьяновской культур Волго-Окского междуречья и одновременно отрицает возможность такого сходства с черепами из Балановского могильника.

Инвентарь абашевских курганов не дает, конечно, полного представления о богатстве материальной культуры этого этапа бронзы; он не может служить показателем степени развития материального производства. На основе только этого материала было бы трудно судить, например, о составе стада или о форме земледелия, об удельном весе в хозяйстве абашевцев охотничьего или рыболовного промысла. Своеобразная керамика колоколовидной и острореберной форм не является прямым подражанием керамике ни андроновской, ни срубно-хвалынской культур. Она совершенно особой формы, иначе и богато украшена гребенчатым штампом и резным орнаментом, образующим нередко сложные оригинальные комбинации треугольников, ромбов, зигзагов, волнистых и прямых линий. Но в своей основе форма абашевских колоколовидных сосудов, очевидно, восходит к древним балановским образцам. Остроребериость некоторых абашевских сосудов вряд ли можно объяснить, исключив влияние срубной культуры.

Многочисленные, но однообразные украшения из бронзы и серебра имеют много общего в форме и технике изготовления с андроновскими, но, видимо, отличаются по составу металла. (Эти наблюдения носят еще предварительный характер, так как сделаны нами в процессе поверхностного исследования небольших серий украшений, в процессе их очистки и реставрации. Насколько нам известно, специальных анализов абашевской бронзы не производилось.)

Совершенно очевидно, что техника металлургии во время абашевской культуры была значительно выше, чем в балановское время. О высоком мастерстве металлургов абашевского времени можно судить теперь с полной достоверностью благодаря случайной находке Верхне-Кизыльского клада на р. Малый Кизыл в 1924 г.[4]. Здесь в кожаном мешке было обнаружено свыше 20 различных предметов из бронзы. Рядом с мешком стоял маленький типично абашевский остроребериый горшочек. Найденный набор вещей таков, что не вызывает сомнения в его принадлежности к абашевской культуре; это проушные топоры, один клиновидный плоский топор, своеобразные изогнутые ножи, долото, шило, рыболовный крючок, кинжалы лавролистной формы и втульчатый наконечник копья, браслеты, очковидные подвески, бляшки в виде розеток. В курганах Чувашии найдены подобные же остроребериые сосуды и бляшки.

---

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.

[2] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре, стр. 81.

[3] М. С. Акимова. Курганный могильник около дер. Тауш-Косы в Чувашии. Записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Чувашская АССР), вып. IV, Чебоксары, 1950, стр. 154—179.

[4] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.

Поселений абашевской культуры ни на территории Волго-Окского междуречья, ни в Чувашии не обнаружено. Первые найденные К. В Сальниковым поселения находятся на далекой окраине распространения этой культуры: одно—близ г. Стерлитамака в Башкирии —Баланбашское селище, второе — близ места находки Верхне-Кизыльского клада. Оба поселения частично уже раскопаны и дали новый интересный материал, освещающии культуру позднего этапа бронзы в его абашевском варианте[1].

По данным этих раскопок можно дополнить многое из того, что было неясно по материалам, добытым в курганах. Выяснена форма своеобразного наземного большого жилища с двускатным перекрытием площадью не менее 100 кв. м. Найдены очевидные следы собственно металлургического производства. Собран громадный вещевой материал — костяные, каменные, бронзовые орудия, украшения. Особо следует указать на большие каменные плиты зернотерок, бронзовый серп, множество костей домашних животных, которые дают возможность установить состав стада абашевцев. У них были лошади, коровы, овцы, козы, свиньи. Преобладают кости коровы. На то, что именно крупный рогатый скот был основным, косвенно указывают неоднократно обнаруженные следы жертвоприношений, причем всегда жертвенным животным являлись либо корова, либо теленок. Весь жизненный уклад абашевских племен, выясняемый в результате работ последних лет, дает возможность говорить о том, что они жили в пору формирования нового социального уклада, возникшего на основе новых форм хозяйства. Абашевские племена жили в период возникновения патрилокальной большой семьи, формировавшейся в условиях распада материнского рода. Уместно указать, что для абашевского времени характерны человеческие жертвоприношения и частичные захоронения на территории поселении[2].

Наблюдаемые способы захоронений на могильниках Абашевском и Тауш-Косы сложны и, очевидно, могли возникнуть в результате взаимного влияния друг на друга двух культур — балановской и срубной[3].

Абашевские курганы характеризуются как бы двумя циклами: 1) собственно погребением умершего в грунтовой могиле и 2) сооружением насыпи кургана.

Способ захоронения умерших в простых грунтовых ямах, не засыпанных и перекрытых сверху настилом, очевидно, близок к традиционным формам грунтовых могил Балановского могильника и многих других могильников фатьяновской культуры. Последующее сооружение курганной насыпи над могилами, видимо, заимствовано из обряда погребения срубной культуры. На некоторое сходство обрядовой стороны погребений между Балановским могильником и абашовскими погребениями указывает О. Н. Бадер, напоминая о встреченных им в Балановском могильнике двух безголовых женских погребений в могиле 31 (погребения 54 и 55) и о том, что отсутствие черепов является одной из характерных особенностей некоторых абашевских погребений[4].

На нечто подобное намекает и К. В. Сальников, упоминая не то погребение, не то жертвоприношение женщины в поселении Малый Кизыл.

Антропологический материал, связанный с абашевской культурой, крайне скуден. Г. Ф. Дебец в своей монографии[5] мог упомянуть только два черепа: один — мужской из Ольгашинского могильника и второй —

---

[1] К. В. Сальников. Ук. соч., стр. 74.
[2] Там же.
[3] С. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник.
[4] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре, стр. 81.
[5] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 85.

женских из могильника Катергино-Бишево. Третий череп описан в нашей монографии 1949 г.[1]. Это череп мужчины из Абашевского могильника. Два черепа добыты раскопками М. С. Акимовой из могильника Тауш-Косы[2].

Приводим краткую краниологическую характеристику черепов абашевской культуры по данным Г. Ф. Дебеца, М. С. Акимовой и автора.

1. МАЭ, ольгашинский череп № 4537-15[3]. Антропологические данные черепа следующие.

Крупный мужской долихокранный (указатель 74) череп — бризоидной формы, с мощным рельефом свода и лица. Свод черепа относительно высокий (139 мм), со стороны затылка — крышевидный. Высокий лоб — выпуклый, но не крутой (86°), очень широкий (113 мм). Глабелла очень широкая, несколько расплывчатая, сильно выступающая (4 балла); надбровья резко очерчены, длинные (2 балла). Затылок выступающий, но не преломленный, хотя и обладает сильным рельефом; инион же развит слабо (1 балл). Лицо средне высокое (68), широкое (141 мм), ортогнатное (91°); сильно выступающий нос (38°), невысокий (48 мм), относительно широкий (24 мм); носовое отверстие — грушевидной формы, с острым подносовым краем (anthropina) и сильно развитым (4 балла), горизонтально направленным подносовым шипом.

Глазницы широкие (41 мм), невысокие (38 мм), слабо профилированные. Слабо профилированы также массивные скуловые кости и мощные верхнечелюстные кости при значительной глубине собачьих ямок (3 балла). Широкий альвеолярный отросток высокий (19 мм), ортогнатный. Весь комплекс признаков типично европейский. Ряд черт — общая форма свода черепа, относительно низкое, широкое, слабо профилированное лицо с невысокими орбитами и сильным выступанием носа — отдаленно напоминает комплекс признаков кроманьонского типа, причем не брюнн-шпедмостского его варианта, а более древнего — из Кро-Маньона, который обладал еще более низким лицом и орбитами, большей шириной лица и более узким носом.

Изучив ольгашинский череп, Г. Ф. Дебец совершенно правильно определяет его как европейский с широким лицом и долихокранным черепом, но напрасно объединяет его с черепами других культур бронзовой эпохи Восточной Европы и даже Сибири[4].

Мы не можем в полной мере принять такое чрезмерно расширительное и обобщенное определение антропологического типа ни данного черепа, ни вообще всех европейских черепов культуры бронзы Евразии. Последние исследования Г. Ф. Дебеца и наши дают право говорить о локальных вариантах европейского типа бронзового периода. Исходя из этого, т. е. учитывая морфологические особенности черепов афанасьевской, андроновской и других культур, мы не можем считать их близкими ни между собой, ни по отношению к ольгашинскому черепу. Точно так же совершенно иной облик имеют черепа Приднепровья и Приазовья времени ямной и катакомбной культур.

Среди черепов древнеямной культуры и ряда черепов срубной культуры Поволжья, действительно, можно найти такие, которые по ряду признаков близки ольгашинскому черепу, но и они в массе своей более грацилизованы, с более узким лицом, более узким носом, более низким сводом, более покатым лбом, бо́льшим развитием надбровий.

2. МАЭ, Катергино-Бишевский череп № 4537-6[5]. Антропологические данные его следующие.

---

[1] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, стр. 99.

[2] М. С. Акимова. Курганный могильник около дер. Тауш-Косы в Чувашии.

[3] Дер. Ольгино, Чувашской АССР, курган № 5. Раскопки П. П. Ефименко, 1927 г.

[4] «Весь этот комплекс признаков хорошо знаком нам по материалам древних погребений Приднепровья, Поволжья и Сибири» (Палеоантропология СССР, стр. 85—86).

[5] Могильник Катергино-Бишево, курган № 1. Раскопки П. П. Ефименко, 1926 г.

Крупный, массивный долихокранный (указатель 74,2) череп, судя по тазовым костям,— безусловно, женский. Сверху череп бризоидный (свод его высокий — 139 мм), со стороны затылка — сводчатый. Лоб покатый (86°), высокий, вынесен над лицом, которое в средней своей части как бы вдавлено. Альвеолярный отросток резко прогнатный. Лоб широкий (100 мм); глабелла уплощенная, как бы нависающая, сильно развитая (4 балла). Надбровья вздутые, но короткие (1 балл). Затылок слабо выступающий, преломленный; инион развит слабо (1 балл).

Лицо овоидное, очень высокое (72 мм), средне широкое (137 мм). Скуловые кости вынесены вперед, слабо профилированы, уплощены. Глазницы округлые (80,5), слабо профилированные. Тонкая с резким рельефом нижняя челюсть имеет слабо выраженный подбородок (1 балл). Альвеолярный отросток верхней челюсти очень высокий (22 мм).

«Резко бросается в глаза совершенно исключительный для Восточной Европы альвеолярный прогнатизм, угол которого равен 58°. Эта особенность сочетается с очень широким грушевидным отверстием и весьма редкой в Европе формой его нижнего края, образующего настоящии sulcus praenasalis. Выступание носа очень слабое, притом не только по отношению к общему лицевому углу но и к горизонтали, с которой линия назион — ринион образует угол в 76°, т. е. близкое к общечеловеческому максимуму. В общем комплекс признаков нельзя не признать морфологически негроидным»[1].

Новый антропологический материал указывает на то, что череп женщины из могильника Катергино-Бишево не одинок по своим негроидным признакам. Неолитический череп из Гавриловской стоянки, относящийся к балахнинской культуре, очень мал, грацилен по сравнению с черепом из Катергина-Бишева, но он в той же мере обладает негроидными чертами. Черепа из Балановского могильника № 8765, 8767, 8518, 8517 и 8505, принадлежащие к метисному балановскому типу Б, все в значительной степени обладают негроидными чертами, что особенно резко отражено в лицевом скелете; они все относительно плоско- и широконосы и все резко прогнатны.

3. Череп из Абашевского могильника[2]. Под низкой насыпью типичного круглого кургана Абашевского могильника[3] было обнаружено 15 грунтовых могил. Все эти могилы были выкопаны до насыпки кургана. Найденные скелеты лежали на спине в скорченном положении. Почти при каждом покойнике находились сосуды и украшения. В большинстве своем это были небольшие колоколовидные, острореберные и чашеобразные, богато украшенные сложным орнаментом сосуды. В могилах 5, 8, 10 и 15 найдены бронзовые украшения: браслеты, височные кольца, спиральные пронизки, бляшки-розетки и т. д. Сохранность костей исключительно плохая. Сохранился, и то фрагментарно, череп в могиле 2; в 1946 г. он был нами использован для реконструкции портрета «абашевского человека»[4]. Несмотря на весьма плохую сохранность, все же удалось этот череп реставрировать в такой мере, что его можно практически считать целым, но приводимые нами измерения взяты только там, где они действительно достоверны, без оговорок.

Череп большой, широкий, субдолихокранный (указатель 82,25); сверху он овоидный и, со стороны затылка — уплощенно-сводчатый. Общее впечатление: свод несколько сплющенный, низкий.

Лоб крутой, широкий (108 мм), вынесенный вперед. Глабелла нависающая, уплощенная и тем не менее довольно сильно развитая (3 балла). Надбровья равномерно выступающие, небольшой протяженности (1 балл). Сосцевидные отростки маленькие (2 балла); рельеф затылка слабый; инион едва заметен (1 балл). Лицо — среднее

---

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 85.

[2] Могила 2, курган 9. Раскопки О. А. Кривцовой-Граковой, 1945 г. (О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник).

[3] В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Труды Об-ва изучения Чувашского края, т. I, вып. 1, 1924.

[4] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, стр. 99.

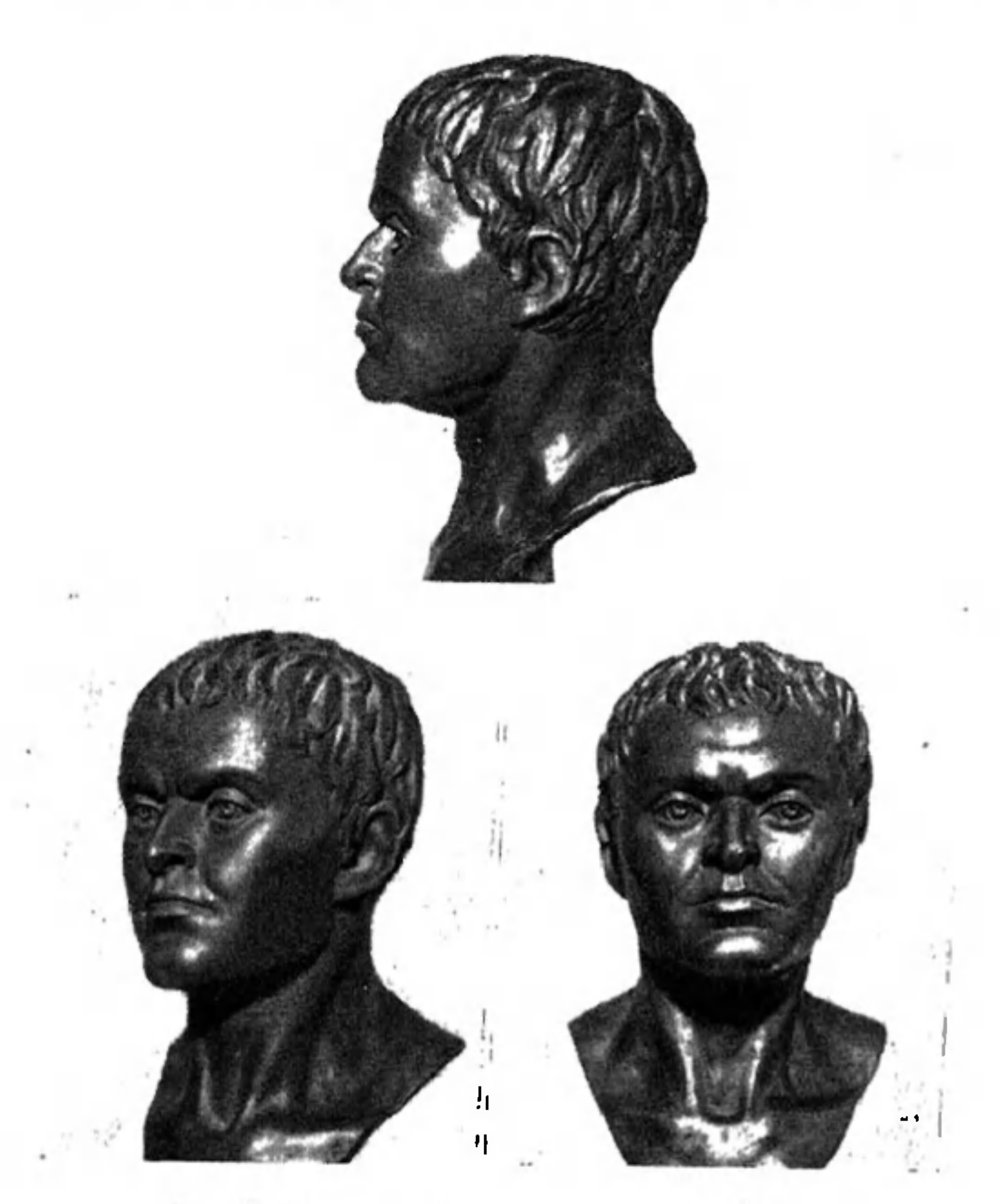

Рис. 215. Реконструкция по черепу мужчины из Абашева.

высоты (64 мм), широкое (140 мм), орбикулярной формы, резко ортогнатное, уплощенное. Глазницы — средних размеров (41 × 33 мм), овальные, слабо профилированные. Несильно выступающий нос — укороченных пропорций (45 мм), узкий (21 мм), тонкий. Альвеолярный отросток короткий (12 мм), ортогнатный, широкий (расстояние P_1 и P_2 — 50 мм); подносовой край острый. Подносовой шип чуть приподнятый, небольшой (3 балла). Нижняя челюсть не массивная, но с сильным рельефом. Подбородок резко выступающий (4 балла).

Антропологический тип этот следует диагностировать как широколицый европеоидный (рис. 215). Но, припоминая, с одной стороны, череп из Ольгашинского могильника с его массивностью и, с другой

стороны, более грацильные черепа типа А из Балановского могильника и череп типа Б из того же могильника, мы считаем возможным череп из Абашевского могильника признать сочетающим в себе черты всех трех типов, причем в большей степени все же проявляются черты балановского типа А, как бы сглаженного чуть заметной примесью балановского типа Б.

Примесь выразилась в форме свода черепа, в форме лобной кости в некоторой вдавленности верхней части лица. Этот своеобразный тип европейца можно и сейчас наблюдать в Чувашии.

4. Черепа людей абашевской культуры из Тауш-Косы[1]. Исследованная М. С. Акимовой курганная группа находится в Цивильском районе Чувашской АССР, в 3 км от дер. Тауш-Косы. Только в 2 могилах из 13 были найдены кости, доступные для дальнейшей обработки, но и эти 2 черепа — крайне плохой сохранности.

В кургане № 1, как и во всех абашевских курганах, могилы были сооружены в грунте, и только впоследствии они были перекрыты насыпью. Могила 1 ничем не отличается от традиционных могил абашевской культуры. На дне ее, как обычно, головой на юго-восток, на спине, с согнутыми в коленях ногами, лежал скелет очень плохой сохранности, принадлежавший молодому мужчине — не старше 25 лет. Лучше сохранился череп, но и он сильно поврежден.

Череп массивный, но небольшой, мезокранный (указатель 78,02), ромбоидный со стороны затылка, крышевидный. Лоб высокий, широкий (105 мм), как бы вынесенный вперед. Глабелла уплощенно-округлая (3 балла). Надбровные дуги вздутые, но короткие (1 балл). Сосцевидные отростки массивные (3 балла). Затылок слабо выступающий, плоский. Инион развит слабо (1 балл). Лицо эллипсоидное, высокое (118 мм), неширокое (124 мм). Орбиты широкие (42 мм), средней высоты (35 мм). Нос несильно выступающий, высокий (50 мм), широкий (26 мм). Подносовой край образует так называемую fossa praenasalis. Подносовой шип был, видимо, небольшим, приподнятым; скуловые кости массивные, слабо профилированные. Массивные верхнечелюстные кости слабо профилированные, с неглубокими собачьими ямками (2 балла). Альвеолярная часть верхнечелюстных костей очень широкая (расстояние P_2 и P_2 — 58 мм), но относительно невысокая (17 мм). Зубы крупные, широкие, особенно первые резцы (10 мм). Нижняя челюсть массивная, вздутая, со сглаженным рельефом. Тело ее массивное, не длинное (104 мм), высокое (34 мм); ветви — укороченных пропорций (высота — 62 мм, ширина — 41 мм). Подбородок тупой, округлый, слабо выступающий (2 балла).

На вопрос, является ли население могильников Абашевского и Тауш-Косы близким друг другу, М. С. Акимова не дает отчетливого ответа: «Все три черепа по одним признакам сходны между собой, по другим — обнаруживают некоторые различия. Очень возможно, что эти различия идут за счет индивидуальных вариаций. С полной определенностью можно сказать, что эти черепа относятся к европеоидному типу в широком смысле этого слова»[2].

В кургане № 5 (погребение 1) на дне грунтовой могилы был найден мужской скелет, лежавший на спине и несколько повернутый налево; ноги были согнуты в коленях, склонены налево и упирались коленями в стенку могилы. Скелет был ориентирован головой на юг. Вещей при нем не было[3]. Череп принадлежал мужчине не старше 25 лет.

---

[1] Раскопки М. С. Акимовой, 1947—1948 гг. (М. С. Акимова. Курганный могильник около дер. Тауш-Косы в Чувашии).

[2] Там же, стр. 169—179.

[3] Там же, стр. 168, 169.

Рис. 216. Реконструкция по черепу мужчины (1) из Тауш-Косы

Череп массивный, бризоидной формы, удлиненных пропорций (указатель 76,75); со стороны затылка череп крышевидный; свод его относительно высокий. Лоб покатый, широкий (98 мм). Округлая глабелла — массивная (3 балла). Надбровные дуги резко выступают за пределы глабеллы и по протяженности превышают средние пределы (2 балла). Сосцевидные отростки — средних размеров (2 балла). Затылок почти не выступает; степень развития иниона небольшая (2 балла).

Лицо эллипсоидное, средне высокое (117 мм), средней ширины (132 мм). Глазницы большие (72,1), овальные, слабо профилированные. Средне выступающий нос высокий (53 мм), широкий (24 мм). Скуловые кости тонкие. Альвеолярный отросток короткий (15 мм). Альвеолярные дуги широкие (расстояние P_2 и P_2 — 55 мм).

Зубы крупные, ортогнатно поставленные (высота эмали первого резца — 10 мм). Нижняя челюсть выступает вперед, что дает щипцеобразный прикус. Тело нижней челюсти массивное, средней длины (107 мм); высота тела челюсти большая (30 мм), ветви ее высокие (70 мм), широкие (36 мм); нижнечелюстной диаметр небольшой (98 мм).

М. С. Акимова определяет антропологический тип этого черепа как европейский с некоторыми чертами сходства с черепом из Абашевского могильника (курган № 9, погребение 1). Далее она указывает: «Такие признаки, как низкое и широкое лицо, широкий нос, сближают абашевские и тауш-косынские черепа не с балановскими, а с фатьяновскими Волго-Окского междуречья» [1].

Отмеченные М. С. Акимовой признаки не столь характерны, чтобы только на их основании можно было говорить о сходстве с балановскими или фатьяновскими черепами.

Приводимые ниже размеры не дают основания говорить ни о сходстве, ни о различии антропологических типов:

Черепа	Высота лица, мм	Ширина лица, мм	Ширина носа, мм
Балановские	70,3	130,4	24,4
Фатьяновские	70,8	—	24,3
Кузьмихинские	63,3	138	22,9
Из Огарева холма	69	132	23
» Ольгашей	68	141	24
» Катергина-Бишева	72	137	29
» Абашева	64	140	21
» Тауш-Косы (курган № 1, могила 1)	68	124	26
» Тауш-Косы (курган № 5, могила 1)	68	132	24

Реконструкция, воспроизведенная по черепу из кургана № 5 (погребение 1), при сравнении ее с реконструкцией по черепу из Абашева дает возможность убедиться не только в большой близости антропологического типа, но и в физиономическом сходстве, как между людьми близкородственными (рис. 216).

* * *

Рассмотренный нами небольшой антропологический материал, связанный с курганными захоронениями абашевской культуры, сам по себе вряд ли мог бы служить основанием для решения вопроса о формировании антропологического типа абашевской культуры. О черепах из Ольгашей, Катергина-Бишева и из Чувашии, т. е. собственно абашевских и тауш-косынских, при поверхностном их рассмотрении можно сказать только то, что они неоднородны. В нашем распоряжении имеется некоторое количество черепов из Волго-Окского междуречья эпохи неолита и серия черепов из Балановского могильника. На фоне этого более раннего материала, при строгом учете археолого-исторических данных, можно, как нам кажется, сделать более интересные выводы. Приведенный нами антропологический материал абашевской культуры имеет ряд признаков, свидетельствующих о сложном процессе формирования антропологического типа. Этот тип возник в результате последовательного ряда скрещений пришлого средиземноморского типа с местными вариантами неолитического антропологического типа. Местные неолитические племена, вступившие

[1] М. С. Акимова. Курганный могильник около дер. Тауш-Косы в Чувашии, стр. 179.

в контакт с пришельцами-балановцами, населяли низовья Оки и принадлежали к двум антропологическим типам — балахнинскому типу европеоида с псевдонегроидными чертами и волосовскому типу европеоида с чуть заметной сублапоноидной примесью. Распространившись на территории Волго-Окского междуречья, этот метизированный тип вступил в контакт с фатьяновскими племенами. Этот сложный путь формирования основного пласта антропологического типа абашевского населения зафиксировался в типе черепов из могильников Абашевского и Тауш-Косы.

Уместно напомнить, что эти могильники в значительной степени, — как в обряде захоронений, так и в вещевом материале, — сохраняют древние традиции, свидетельствующие о преемственной связи с исходной культурой более раннего балановского этапа.

Наиболее ранние следы трансформации исходной балановской культуры, прежде всего в результате некоторого приспособления системы хозяйства к новым физико-географическим условиям, а затем в результате постоянной связи с местными неолитическими племенами и соседними с юга срубно-

Таблица 23

Индивидуальные размеры черепов абашевской культуры

Размеры	Черепа				
	из Ошланей, курган № 5, № 13 (по Г. Ф. Дебецу)	из К[illegible] Ва[illegible], № 99 (по Г. Ф. Дебецу)	из Абашева, курган № 9, могила 2	из Тауш-Косы, курган № 1, могила 1	из Тауш-Косы, курган № 5, могила 1
1. Продольный диаметр, мм	200	190	198	182	185
8. Поперечный » мм	148	141	153	142	142
17. Высотный » мм	139	139	—	—	—
9. Наименьшая ширина лба, мм	113	100	108	105	98
45. Скуловой диаметр, мм	141	137	140	124	132
48. Высота лица, мм	68	72	64	68	68
55. Высота носа, мм	49	51	48	50	53
54. Ширина » мм	24	29	21	26	24
51a. Ширина орбиты, мм	41	38	41	42	43
52. Высота » мм	33	33	33	35	31
32. Угол лба, градусы	86	89	—	—	—
N. verticalis (Frasseta)	Pt.	Ov.	Ov.	Ellip.	Ellip.
Надбровные дуги (шкала 1—3)	2	1	2	2	2
Глабелла (шкала 1—6)	4	4	4	4	4
Fossa canina (шкала 0—4)	3	3	3	3	3
Нижний край грушевидного отверстия	Ant.	Spt.	Ant.	Spt.	Ant.
Spina nasalis anterior (шкала 1—5)	4	1	3	3	4
8:1. Черепной указатель	74,0	74,2	76,47	78,02	76,75
17:1. Высотно-продольный указатель	69,5	73,2	—	—	—
17:8. Высотно-поперечный »	94,0	98,6	—	—	—
9:8. Лобно-поперечный »	76,3	70,9	73,9	73,8	69,2
48:45. Верхне-лицевой »	48,2	52,6	45,7	54,9	51,5
54:55 Носовой »	49,0	58,0	43,8	52,0	45,28
52:51a. Орбитный »	80,5	86,8	80,5	85,7	72,1

хвалынскими племенами, а с востока племенами андроновцев, — начали сказываться уже во время существования Балавовского могильника. Очевидно, к концу существования могильника, судя по периферийному положению могил со скелетами метисов, начался процесс активного смешения пришельцев с местным населением.

В результате всех этих сложных и повторных смешений возник новый вариант европеоидного антропологического типа, диагностирование которого без учета его истории вряд ли возможно.

Итак, основной антропологический тип абашевской культуры — европеоидный, юго-восточного, средиземноморского происхождения, в большей или меньшей степени подвергшийся изменению в результате примеси местных метисных типов древнего населения.

Все изложенное, однако, еще не доказывает, что во всех случаях абашевские курганы будут содержать скелеты только этого типа, чему примером служат черепа ольгашинского человека с очевидными признаками иного типа европеоида и череп из Катергина-Бишева, представляющий собой яркий вариант древнего метиса с псевдонегроидными чертами.

Уместно указать, что среди современного чувашского населения, у народа мокши, чаще замечаются черты основного типа древнего абашевца, а среди народа эрзи встречаются нередко черты, очень близкие к черепу из Катергина-Бишева. В табл. 23 приведены индивидуальные размеры черепов абашевской культуры.

§ 54. ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЛЮДЕЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ С р. СЕЙМА

В 1950 г. В. А. Ильинская раскопала курган у с. Харьковки, Путивльского района, Зиновского сельсовета. Курган находился на пойме правого берега р. Сейма к юго-западу от с. Харьковки. Два подобных же кургана находятся на территории села.

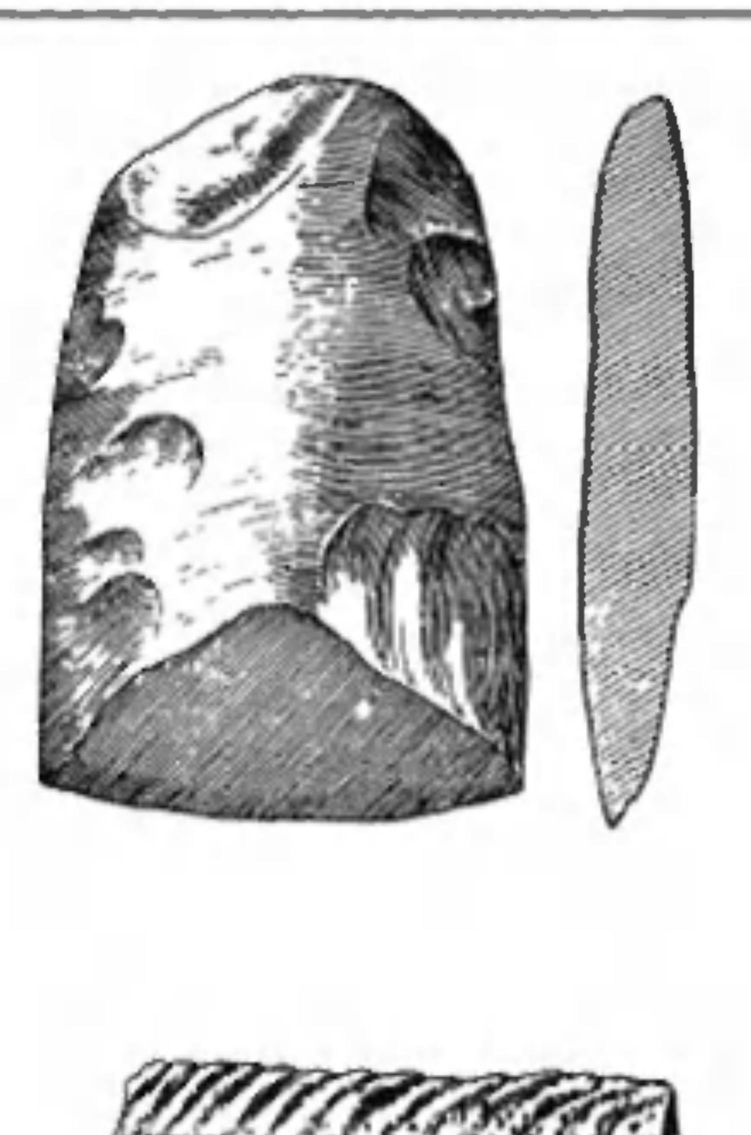
Раскопанный курган сильно изуродован. Насыпь его распахана; высота его — 0,7 м, диаметр — 24 м.

В южном поле было обнаружено погребение 1, частично разрушенное поздней выемкой земли. В глубокой яме сохранились кости верхней части скелета, лежавшего на спине со слабым поворотом на левый бок. Скелет был ориентирован головой на север; руки, согнутые в локтях, лежали на груди. Концы ребер и поясничные позвонки обрублены[1]. Кости таза и ног отсутствуют. И все же по сохранившимся костям можно предполагать, что погребенный был положен в скорченном положении на левый бок. У локтя правой руки лежал небольшой клиновидный топорик из черного кремня с асимметрично заточенным лезвием (рис. 216). Череп сохранился хорошо. Пол мужской, возраст — не старше 35 лет.

В 4 метрах к востоку было найдено погребение 2. В глубокой яме лежал скорченный скелет на левом боку, ориентированный головой на юго-запад. Вокруг костяка сохранились следы известкового беловатого растительного тлена. Вещей нет. Скелет мужской, относительно плохой сохранности, но череп цел.

Погребения 3 и 4, очевидно, были основными и лежали в одной общей яме. Погребение 3 совершенно разрушено; найдены только обломки смещенных костей. Погребение 4 — плохой сохранности, но положение костяка не нарушено. Это, очевидно, мужской скелет; он лежал на левом боку в сильно скорченном положении, головой на северо-восток. У правого плеча найден небольшой стерженек (длина — 3,5 см, ширина — 2,5 см) из

[1] Кости повреждены в процессе выемки земли.

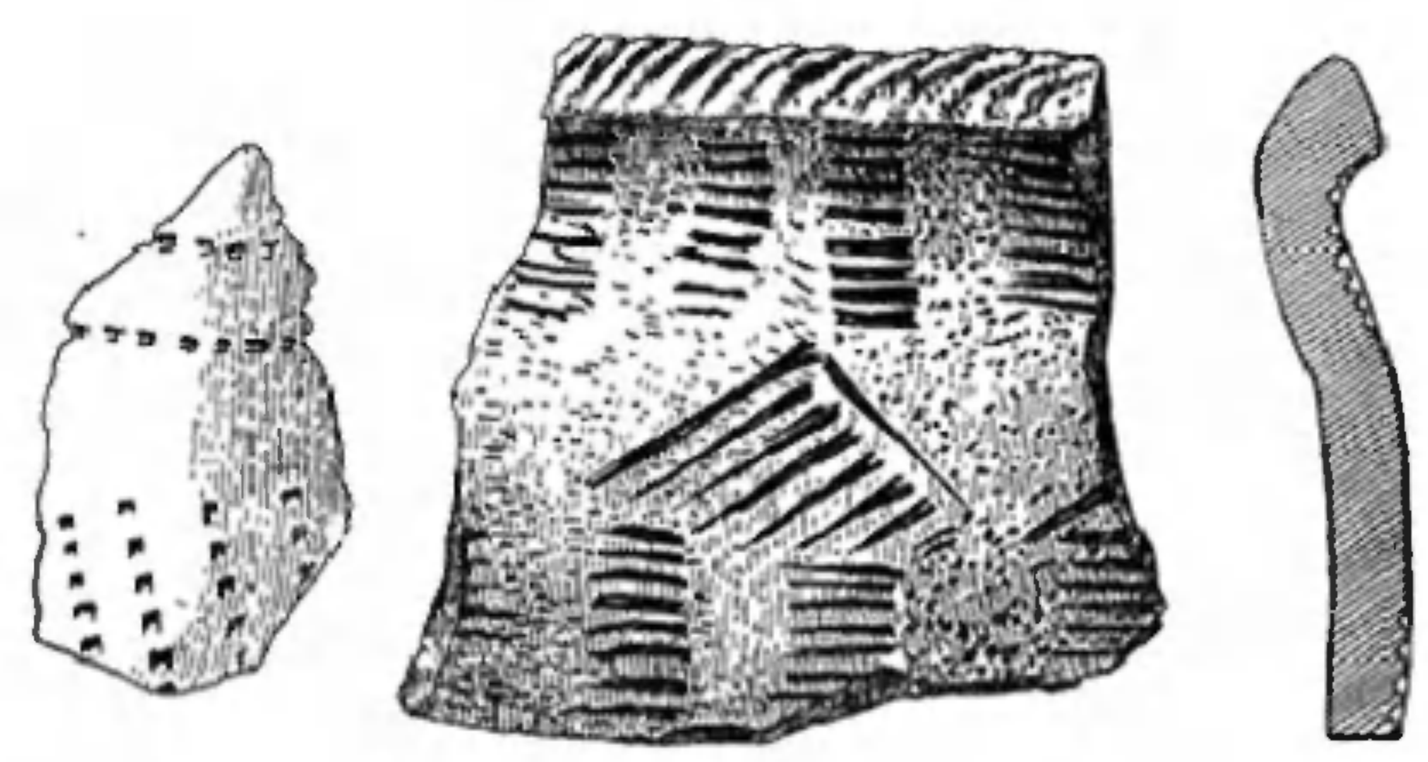

Рис. 217. Топор и обломок сосуда из кургана ранней бронзы с р. Сейма.

обожженной глины. Недалеко от скелета были обнаружены два фрагмента глиняных сосудов. По типу керамического теста, по форме венчика и штрихованному орнаменту очевидно, что эта керамика должна датироваться временем бронзы.

Автор раскопок В. И. Ильинская считает, что эти фрагменты весьма близки к керамике, которая обнаружена Л. Т. Березовцом на соседнем урочище Трифон. Найденное им древнее поселение по керамике близко к поселению Марьяновке (по данным М. Я. Рудинского[1], 1929 г., и Н. П. Амбургер, 1950 г.) По мнению О. А. Кривцовой-Граковой и А. И. Тереножкина, время этих поселений эпохи бронзы ориентировочно может быть отнесено к середине II тысячелетия до н. э. В. А. Ильинская справедливо считает возможным эту же дату принять для раскопанного ею кургана.

В. А. Ильинская передала нам для обработки черепа из погребений 1 и 2 этого кургана, сообщив одновременно исчерпывающие данные из своего дневника раскопок, за что я приношу ей глубокую благодарность.

Оба черепа имеют характерные европеоидные черты. Внешне эти черепа, очевидно, одного и того же типа, резко отличающегося от известных нам

[1] М. Рудинський. Морьяніевська стація (з матеріялів експедиції попід Сеймом). «Антропологія», т. III, Київ, 1930, стр. 179.

черепов ямной, катакомбной и срубной культур. Нет в них и черт северной группы фатьяновцев; не похожи они ни на балановцев, ни на абашевцев. Очевидно, это какой-то новый вариант древнего европеоида эпохи средней бронзы.

Считаем целесообразным привести индивидуальные размеры черепов, учитывая их первую публикацию и то, что они столь сильно отличаются от известных черепов ранней бронзы Нижнего Поволжья (табл. 24).

Таблица 24

Индивидуальные размеры мужских черепов из погребений 1 и 2 кургана близ с. Харьковки на р. Сейме

Размеры	Черепа	
	из погребения 1	из погребения 2
1. Наибольший продольный диаметр, мм	194	191
2. Диаметр глабелла—инион, мм	192	187
8. Наибольший поперечный диаметр, мм	134	150
8:1. Черепной указатель I	69,07	78,53
8:2. Черепной указатель II	69,79	97,90
Форма черепа сверху	Пентагоидальная	Пентагоидальная
» » со стороны затылка	Крышевидная	Крышевидная
10. Наибольшая ширина лба, мм	119	126
9. Наименьшая » », мм	99,5	102
9:8. Лобный указатель	83,62	80,95
Высота носовой части лобной кости посередине, мм	8,5	7
Высота носовой части лобной кости сбоку, мм	18,5	9
50. Ширина носового отростка, мм	23,5	27
Протяженность надбровных дуг (шкала 1—3)	1	2
Степень выступания глабеллы (шкала 1—6)	3	3
Степень развития иниона (шкала 0—5) .	3	3
48. Верхняя высота лица, мм	70	73
45. Скуловая ширина, мм	136	145
48:45. Лицевой указатель II	51,47	50,34
51. Ширина орбиты, мм	43	47
52. Высота » , мм	33	33
52:51. Орбитный указатель	76,74	70,21
55. Высота носа, мм	52	56,5
54. Ширина » , мм	23	26
55:54. Носовой указатель	44,23	46,01
Форма отверстия носа	Грушевидная	Грушевидная
Высота положения crista conchalis, мм . .	11	13,5
Форма подносового края	Fossa praenasalis	Fossa praenasalis
Степень развития подносового шипа (шкала Брока)	4	—
Высота альвеолярного отростка, мм . . .	20	17,5
Расстояние P_2 и P_2, мм	48,5	55,5

Оба черепа принадлежали мужчинам в возрасте 35—40 лет.

Несмотря на очевидное сходство по ряду внешних признаков, эти черепа значительно различаются основными размерами.

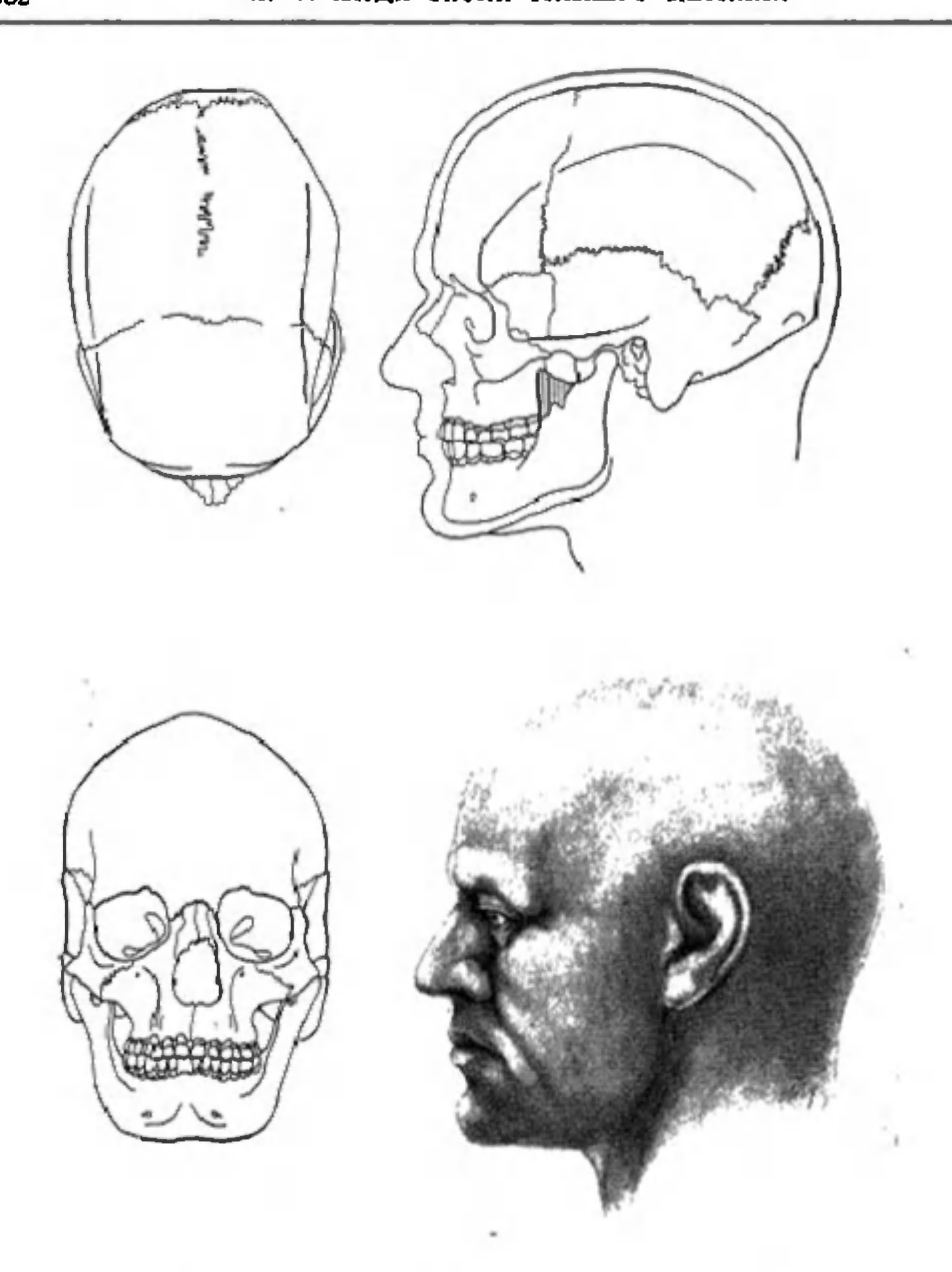

Рис. 218. Реконструкция по черепу мужчины из погребения 1 кургана 1 из Харьковки.

Череп из погребения 1 более грацильный, мезокранный (указатель 78,53). Лицо выше (73 мм) и шире (145 мм). Глазницы значительно шире при равной высоте (33 × 47 мм).

Череп из погребения 2 массивный, долихокранный (указатель 69,07). Лицо средне высокое (70 мм), средне широкое (136 мм). Глазницы значительно меньше (33 × 43 мм).

Предлагаемые графические реконструкции дают отчетливое представление об антропологическом типе людей с р. Сейма (рис. 218 и 219). Оба они обладали высоким сводом больших голов, с широким крутым лбом, средне выступающим, тонко моделированным носом, относительно широким, но профилированным лицом с ортогнатными, высокими альвеолярными отростками верхнечелюстных костей и, в связи с этим, с несколько

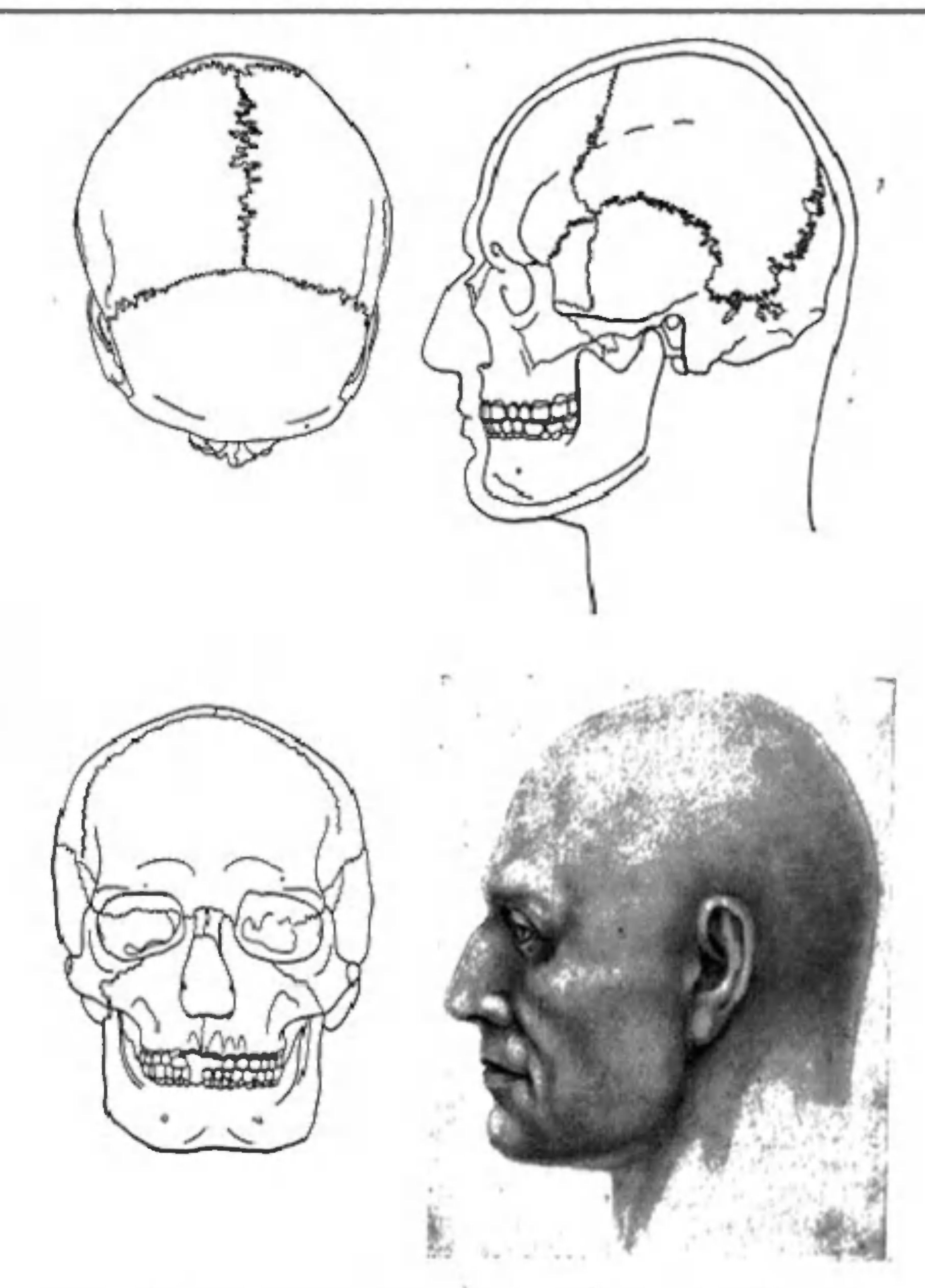

Рис. 219. Реконструкция по черепу мужчины из погребения 2 кургана 1 из Харьковки.

прохейличными, тонкими губами, хорошо моделированным, но не резко очерченным подбородком.

Эти, несомненно, красивые и сильные люди, очевидно, являлись типичными представителями населения в районе р. Сейма во второй половине II тысячелетия до н. э.

Скудный инвентарь, найденный в данном кургане, не дает никакого основания говорить о системе их хозяйства. Но вряд ли мы ошибемся, сказав, что, видимо, это были скотоводческие племена времени перехода от материнского к отцовскому роду с уже оформлявшимися патриархальными семьями.

§ 55. АФАНАСЬЕВСКАЯ ЭПОХА

Древнейшими памятниками раннебронзовой эпохи на юге Сибири справедливо считаются афанасьевские могильники. В 1920 г. под Афанасьевской горой на Енисее С. А. Теплоухов обнаружил группу могил[1], представляющих собой плоские, выложенные камнем округлые площадки от 2 до 7 м диаметром. Под каждой такой кладкой находилась яма, обычно доверху заполненная камнем. Размеры могилы зависели от количества погребенных в ней людей (от 1,5 до 16 кв. м). Глубина могил обычно не превышала 1,5 м. Эти могилы содержали одиночные, парные и коллективные захоронения. Погребения сопровождались инвентарем. Чаще скелеты лежали на спине, с приподнятыми в коленях ногами, но были и скорченные, на боку. В ориентировке тоже не было определенной системы. Как правило, скелет был обильно посыпан кровавиком. Кости животных, как диких, так и домашних, редки. Афанасьевские могильники немногочисленны и разбросаны по берегам среднего течения Енисея и в горах Алтая (р. Катунь).

Афанасьевцы были знакомы с начальными приемами металлургии, умели добывать медь и выковывать из нее простейшие орудия и украшения, имели домашних животных, но все же сохраняли старый охотничье-рыболовецкий уклад жизни.

Им были известны основные виды домашних животных: лошадь, корова, овца. Судя по количеству найденных костей в могилах, следует думать, что скотоводство не имело широких размеров и не являлось основным в хозяйстве афанасьевской эпохи. Удельный вес охоты и рыболовства был, очевидно, не меньше, если только не являлся основным.

Мы располагаем значительным количеством найденных в этих памятниках орудий для добычи и обработки руды. Это различные пестообразные орудия. Имеются орудия, выкованные из чистой меди. Эти первые металлические орудия, несомненно, имели еще малый удельный вес в хозяйстве афанасьевцев. Каменные топоры, метательные шары, лук и стрелы, разнообразные костяные орудия были основными в хозяйстве еще весьма примитивных скотоводов и металлургов.

Из меди делались простейшие украшения в виде височных колец. Характерны гнутые из пластинки трубочки-игольники, граненые шилья, листообразные кованые ножи без черешка и треугольные с черешком.

В могилах, как правило, находились сосуды. Они были то очень крупными, пифосообразными, то совсем маленькими; почти все они, независимо от величины, имеют яйцевидную форму, но встречаются изредка и бомбовидные с плоским дном. Сосуды обычно сплошь украшены нарезным елочным орнаментом; попадаются также сосуды, выкрашенные в красный цвет. Особенно интересны небольшие глиняные светильники (курильницы); их формы чрезвычайно близки формам светильников катакомбной культуры волжских степей и Северного Кавказа.

С. В. Киселев в своей монографии указывает на то, что в настоящее время вскрыто до 80 могил афанасьевской эпохи[2].

---

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927.

[2] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край. Минусинск, 1929; его же, Афанасьевские курганы у сел. Сыды и Теси. СА, II, 1936; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; В. П. Левашева. Раскопки близ улуса Красный Яр, Чарковского района, 9—15 августа 1930 г. Архив ИИМК, д. № 137; А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в Хакассии. КСИИМК, XLVII, 1952

Основные могильники найдены: у с. Батени, около с. Сыда, у с. Тесь, около с. Малые Копены, у улуса Красный Яр, на р. Катуни, в урочище Куюм и на берегу речки Куроты.

Антропологический материал из афанасьевских погребений обработан Г. Ф. Дебецом и М. Н. Комаровой.

Г. Ф. Дебец, характеризуя эту серию черепов как весьма однородную, отмечает резкое отличие их от неолитических черепов Прибайкалья и несомненную принадлежность их к европейскому расовому стволу. «От современных европейцев афанасьевцы отличаются, однако, значительно более широким лицом. В этом отношении они сходны с верхнепалеолитическими черепами Западной Европы, т. е. с «кроманьонским» типом в широком смысле этого термина. Громадная область распространения этого типа, а также длительность его существования приводят к выводу, что совокупность характеризующих его признаков является выражением стадиального сходства, т. е. что тип является недифференцированным общим прототипом европейского расового ствола»[1]. Г. Ф. Дебец иллюстрирует этот вывод таблицей размеров черепов афанасьевцев двух групп — с Алтая и из Минусинского края. Анализируя приведенный им материал, мы не можем согласиться с его выводом об однородности этих двух серий. Они, конечно, весьма близки уже хотя бы потому, что это типичные европеоиды[2], но не равноценные.

Сравнение основных измерений черепов афанасьевцев Минусинска и Алтая дает следующую картину:

	Минусинск	Алтай	Разница
1. Наибольший продольный диаметр	184,6	192,4	2,2 мм
8. Наибольший поперечный диаметр	144,3	142,8	1,5 »
Свод черепов минусинской серии длиннее и шире.			
17. Высотный диаметр	134,3	141,2	6,9 »
17 : 1. Высотно-продольный указатель . .	69,8	73,4	6,6 »
17 : 8. Высотно-поперечный указатель . . .	92,7	99,3	6,6 »
Свод черепов минусинской серии ниже.			
45. Скуловой диаметр	136,8	143,5	6,7 »
48. Верхняя высота лица	69,6	72,0	1,4 »
У минусинской серии лицо уже и ниже.			
2. Угол профиля лица	85,0°	84,2°	0,8°
32. Угол профиля лба	77,5°	81,1°	3,6°
75/1. Угол профиля носа	31,0°	34,8°	3,8°
У минусинской серии при большем угле лица углы лба и носа меньше.			

Эта, казалось бы, незначительная разница все же должна, несомненно, учитываться, так как она связана с характеристикой внешней формы головы и лица, что при диагностике типа внутрирасовой группы является основой определения.

Итак, черепа минусинской серии афанасьевцев обладают бо́льшим длиннотным и поперечным диаметром свода, но свод их черепов более низкий. Лицо их, при почти одинаковой высоте, значительно уже, лоб более покат, угол носа меньше, что при большем угле профиля лица связано с большей уплощенностью носа (в частности, мягкого). В конечном итоге черепа минусинской серии значительно отличаются от алтайских, что особенно четко выражается при графической реконструкции голов.

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 65, 66, табл. 9.

[2] Череп из Аскыза не был учтен Г. Ф. Дебецом, так как найден позднее его сводки. Не рассматривался он и нами, как принадлежащий совершенно иному антропологическому типу.

В данной связи следует вспомнить точку зрения А. Грдлички (1942)[1]. Он считал возможным объединять в близкую группу черепа американских индейцев (в основе монголов) с черепами афанасьевцев (в основе европейцев). Это — очевидное недоразумение, явившееся, видимо, результатом только литературного знакомства с материалом; в противном случае вряд ли он мог бы объединить в одноименную группу черепа столь различных серий: черепа неолита Прибайкалья, черепа современных вогул, афанасьевские черепа и черепа американских индейцев.

В порядке предварительной публикации, без широких выводов и обобщений, мы в настоящей главе предлагаем три реконструкции афанасьев-

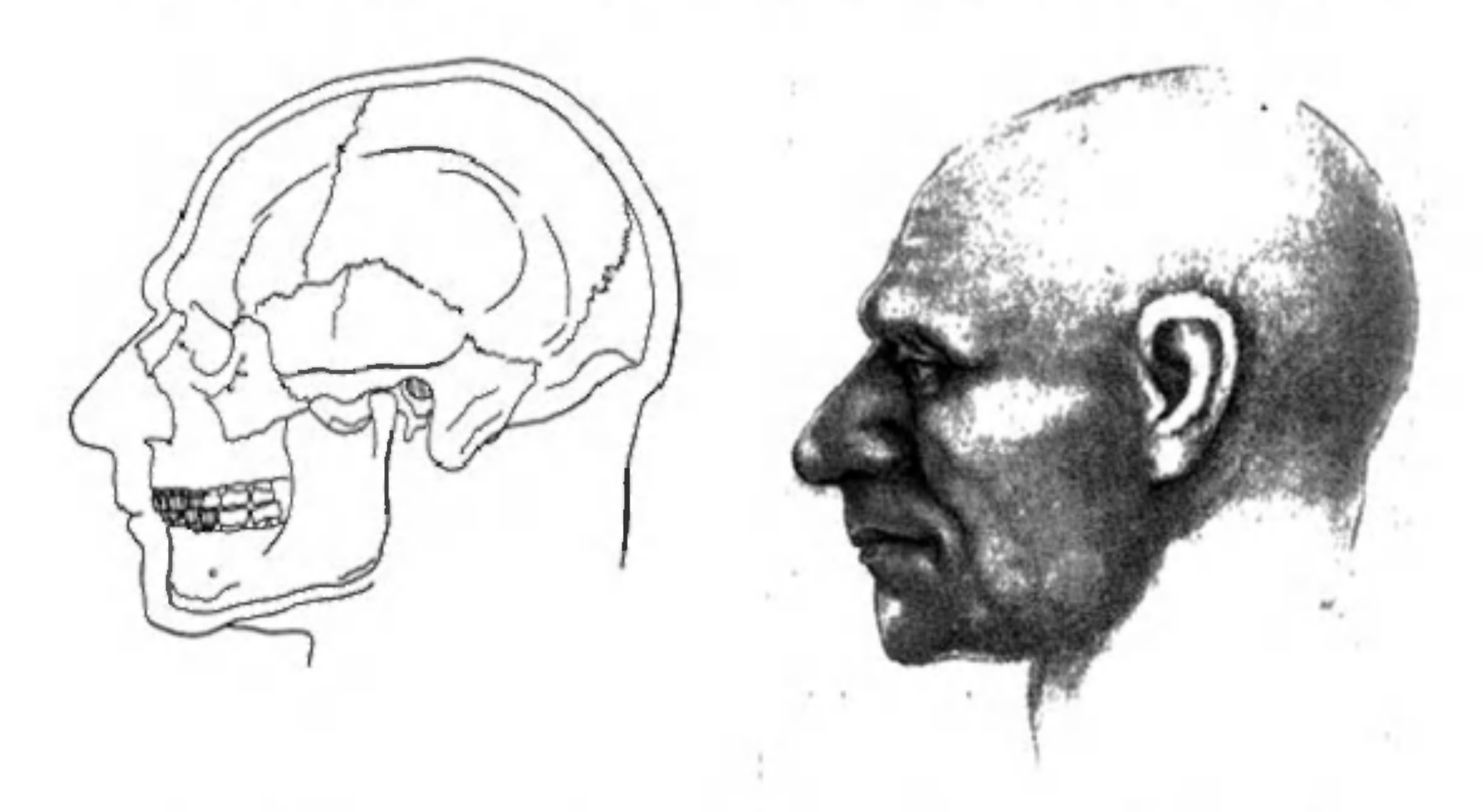

Рис. 220. Реконструкция по черепу афанасьевца из кургана Курота № 9.

цев из различных могильников с тем, чтобы показать, что обобщать их всех в единый тип недифференцированного европеоида едва ли возможно. Совершенно очевидно, что некоторая схематичность в оценке антропологических типов древности объясняется скудостью материала и еще несовершенством наших диагностических приемов.

Индивидуальные размеры всех четырех обработанных нами черепов опубликованы, поэтому мы ограничимся приведением только основных данных, необходимых при характеристике воспроизведенных графических портретов (табл. 25).

Приведенный там материал с очевидностью показывает значительную разницу между черепами с Алтая, из Куроты, и минусинским черепом из погребения у с. Тесь. Ранее приведенные групповые данные имеют те же различия. Череп из Аскыза обладает совершенно особыми данными, свойственными не европеоидному, а монгольскому антропологическому типу.

Предлагаемые графические реконструкции в еще большей степени дают возможность объективно уяснить степень различия между людьми афанасьевской эпохи из разных районов их расселения.

---

[1] A. Hrdlička. Crania of Siberia. American Journal of Physical Antropology, 1942, v. 29, № 4.

Таблица 25

Основные данные афанасьевских черепов

Данные	Черепа			
	№ 6560	№ 6559	№ 6218	Кур. 9
Место находки	Курота 2А	Курота 9Б	с. Тесь	с. Аскыз
Автор раскопок	С. В. Киселев		С.В.Киселев	А. Н. Липский
» описания	Г. Ф. Дебец		Г. Ф. Дебец	»
Возраст	45	30	45	40
Пол	муж.	муж.	муж.	муж.
1. Продольный диаметр, мм	192	196	183	185
8. Поперечный » , мм	140	144	133	155
8:1. Черепной указатель	72,2	73,5	72,7	83,8
Форма черепа сверху	Бризоидная	Бризоидная	Бризоидная	Сфеноидная
» » с затылка	Крышевидная	Крышевидная	Крышевидная	Крышевидная
9. Наименьшая ширина лба, мм	93	106	98	91
Протяженность надбровных дуг (шкала (1—3)	2	2	2	2
Выступание глабеллы (шкала 1—6)	4	5	3	5
48. Верхняя высота лица, мм	71	75	68	77
45. Скуловая ширина, мм	142	144	129	153
48:45. Лицевой указатель	50	52,1	52,7	50
51. Ширина орбиты, мм	41	41	41	43
52. Высота » , мм	34	30	31	34,7
52:51. Орбитный указатель	82,9	73,2	75,6	82,55
55. Высота носа, мм	52	53	47	53,1
54. Ширина » , мм	25	30	24	27,5
Форма носового отверстия	Грушевидная			
Степень развития подносового шипа, баллы	3	5	2	3
Высота альвеолярного отростка, мм	13	18	19	25

Афанасьевцы из Куроты представляют собой массивных, большеголовых, широколицых европеоидов с покатым лбом, глубоко сидящими глазами, длинным широким носом, массивной нижней челюстью, с несильно выступающим, мягко очерченным подбородком (рис. 220).

Реконструированная голова по черепу из с. Тесь (Хакасско-Минусинская котловина) дает совершенно иное представление об афанасьевском типе. Лицо небольшое, довольно узкое и в то же время слабо профилированное; нос короткий, неширокий, слабо выступающий; верхняя губа очень высокая; подбородок массивно очерчен. Это очевидный европеоид и все же в нем чуть видны следы древней монголоидной примеси (рис. 221).

Совершенно особый облик имеет человек из Аскыза. Это грубый, массивный тип брахикранного протомонголоида, в несколько смягченной форме известный нам по черепам неолитической поры с Енисея. Физиономически особенно близок к аскызскому черепу череп из раскопок Передольского (МАЭ, № 5589-6) под Красноярском («у Перевоза»). Оба эти черепа

сочетают типичные монгольские черты в строении лицевых костей и сильном выступании широкого носа — комплекс признаков, редко встречающийся и, видимо, являющийся скорее результатом метизации неолитического типа, представленного черепами из Базаихи, с европеоидным типом афанасьевской культуры (рис. 222).

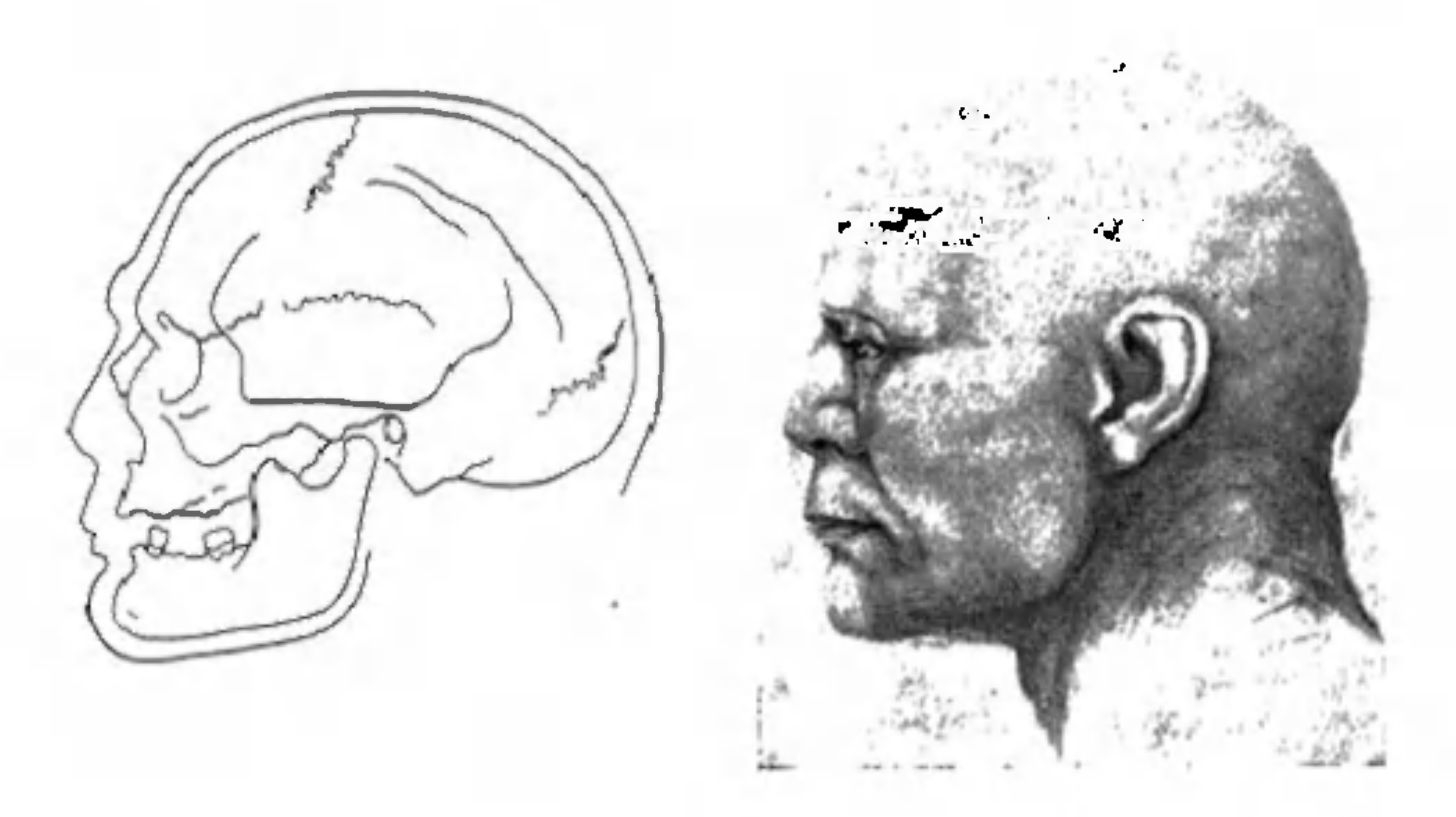

Рис 221. Реконструкция по черепу афанасьевца (8218) из с. Тесь.

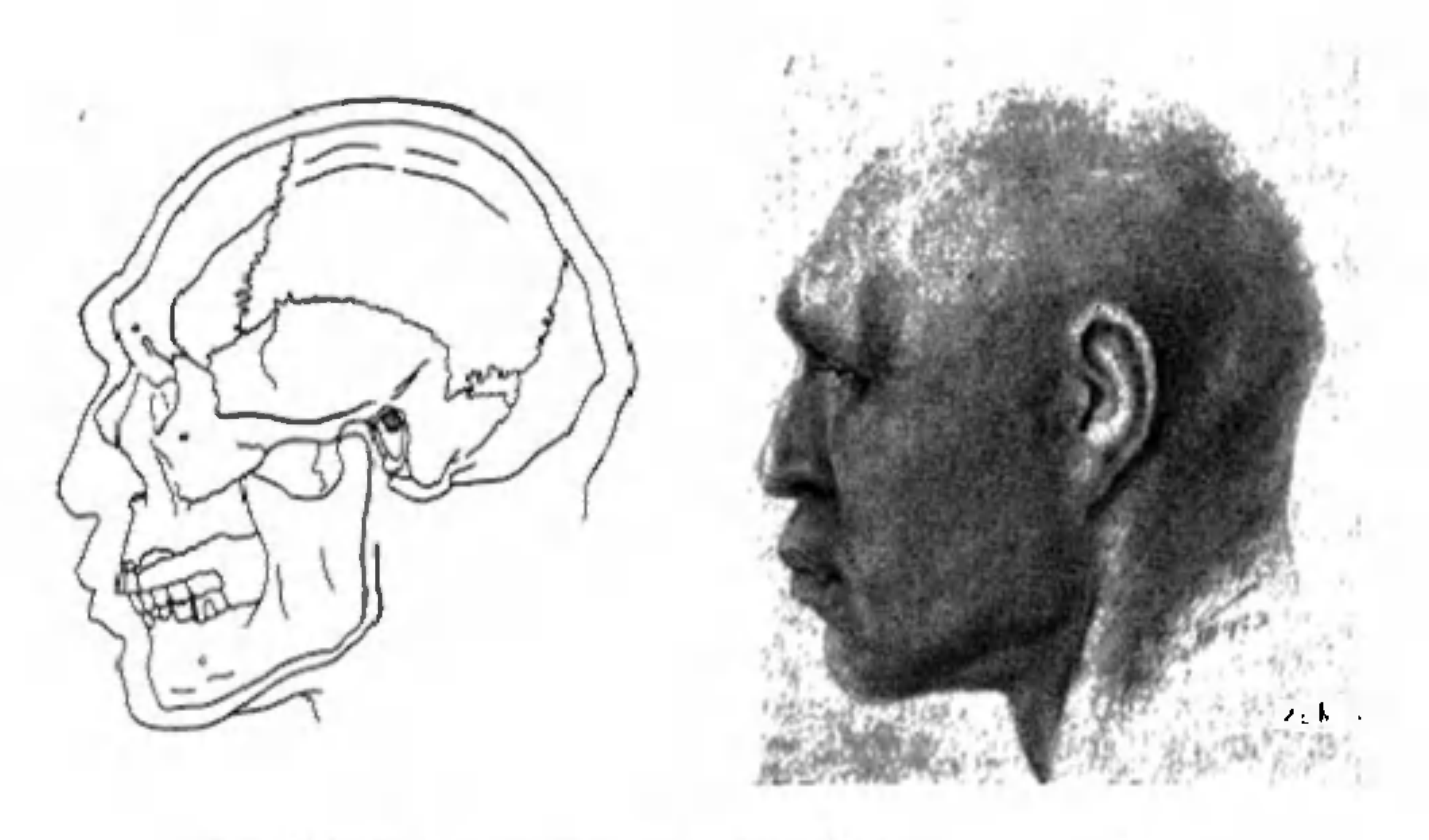

Рис. 222. Реконструкция по черепу афанасьевца из с. Аскыз.

Все изложенное дает нам право говорить, что даже этот ничтожно малый материал с наглядностью иллюстрирует, что население Алтая и Хакасско-Минусинской котловины эпохи афанасьевской культуры было неоднородно и, очевидно, имело большой контакт с таежным неолитическим

населением. Все же можно сказать, что афанасьевское население в своей основе было европейским и монголоидная примесь в различных районах сказывалась по-разному.

Никакого сходства люди афанасьевской культуры не имели с людьми ни древнеямной, ни срубной, ни тем более катакомбной культур Нижнего Поволжья, несмотря на наличие очевидных культурных связей.

§ 56. АНДРОНОВСКАЯ ЭПОХА

В 1914 г., при прокладке железнодорожного полотна линии Ачинск — Минусинск, у д. Андроново были обнаружены древние могилы. Сохранившиеся три могилы были раскопаны А. Я. Тугариновым[1]. На поверхности эти могилы были отмечены круговыми каменными оградками, едва выступающими на поверхность. В центре такой оградки были обнаружены глубокие четырехугольные могильные ямы до 3 м глубиной.

В одной из могил находился каменный ящик, в двух других по дну были уложены рамы из обрезков бревен, не скрепленных между собой. В каждой из могил на левом боку лежал скорченный скелет, обращенный головой на юго-запад. В головах двух погребенных стояло по горшку баночного типа, с плоским дном; горшки богато украшены геометрическим орнаментом.

На одном из скелетов сохранились на черепе части шапочки с ушами. Эта шерстяная шапочка вязана из крученой шерсти, так что образуется сложный рисунок чередующихся полос елочного орнамента[2]. Обрывки шерстяной ткани оказались во всех погребениях[3]. В одном из погребений найдены, очевидно, остатки совершенно разрушенного пластинчатого бронзового ножа.

Вскоре же выяснилось, что могилы этого типа не так уж редки не только в районе Минусинских степей, но и далеко за пределами их.

Обширные пространства лесостепи и степи от Урала до Енисея, от р. Исети до Средней Азии на грани II тысячелетия до н. э. были заселены племенами андроновской культуры.

Каково отношение нового населения к более древнему — до сих пор с достоверностью не выяснено. Видимо, неолитическое население даже таежной части либо прекратило свое существование, либо переживало новый этап, связанный с освоением металла (бронзы), но контакта андроновцев с этими племенами пока что не отмечается. Однако очевидно, что такой контакт ранее существовал между племенами афанасьевцев, которые жили на той же территории, что и андроновцы. По мнению некоторых исследователей, такой контакт как будто археологически прослеживается и у андроновцев[4], но, повидимому, вначале это был, действительно, только контакт, а затем местное, менее многочисленное население было ассимилировано более мощными и в культурном, и в численном отношении племенами пришельцев. Поэтому нам кажется, что говорить о преемственном процессе развития в Минусинской котловине культуры андроновских племен на базе афанасьевской культуры едва ли возможно.

Многочисленные могильники, разбросанные по низинам, распадкам, поймам этого громадного пространства, долгое время были единственными

---

[1] А. Я. Тугаринов. Андроновские могилы. «Сибирская живая старина», 1926, № 1.

[2] Совершенно подобная шапочка была найдена нами в одном из погребений в андроновском кургане у улуса Орак. Раскопки Г. П. Сосновского, 1928 г.

[3] Г. П. Сосновский. Древнейшие ткани Сибири. ПИДО, 1934, № 2.

[4] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М. 1951.

известными памятниками этой поры бронзы[1]. До сих пор большинство исследователей все эти действительно внешне единообразные памятники связывает с культурой андроновских племен, рассматривая их как единый этнический пласт. Однако односторонность исследования преимущественно только могильных памятников на ограниченной территории привела к некоторым неверным характеристикам экономического и социального содержания этого исторического этапа в развитии общества ранней бронзовой эпохи.

Так, андроновские племена рассматривались как племена пастушеско-скотоводческие. Не была в должной степени оценена роль земледелия и металлургии[2]. Нам кажется, что неверно также оценено это время как эпоха возрождения роли женщины, т.е. как заторможение процесса распада материнского рода и возникновения патриархальной семьи[3].

Раскопки поселений андроновской эпохи показали, что у андроновских племен уже твердо сложился оседлый образ жизни, связанный с развитым скотоводством и земледелием. Роль охоты и рыболовства была, видимо, крайне незначительна. Существенных успехов достигла металлургия. Андроновцы научились изготовлять бронзу, постигли технику сплавов и литья. Все это ни в какой мере не свидетельствует о снижении роли мужчины в семье и о возродившейся главенствующей роли женщины.

Андроновцы знали всех домашних животных: лошадь, корову, овцу, козу, свинью, собаку. У них были мясо, продукты переработки молока (творог, сыр)[4]; они знали ткачество и вязанье шерсти[5], обработку кожи. Все это говорит о достижении высокой степени обработки продуктов скотоводства.

Остатки пшеницы, бронзовые серпы и мотыги, количество и величина зернотерок с очевидностью свидетельствуют о больших площадях обрабатываемой земли и о значительном удельном весе земледелия в хозяйстве андроновцев[6].

Андроновцы были искусными металлургами. Мы теперь уже располагаем сведениями о том, как они добывали руду, дробили ее в специальных ступках, жгли на древесном угле в ямах-печах простой конструкции. Они изготовляли неоднородные сплавы. Местное производство бронзового инвентаря подтверждается многочисленными находками литейных форм из мягкого камня.

Интересен набор бронзовых орудий андроновцев.

Оружие: бронзовые кинжалы с ручкой и двусторонним лезвием, наконечники стрел и копий, узкие, вислообушные топоры, оковки — мелкие скобочки (набором их на коже изготовлялись нагрудники-панцыри).

Инструменты: топоры-кельты, тесла, стамески, шилья, игольники, плоские лезвия листовидных ножей с черешком и без него, ножи с обушком прямые и гнутые, трубочки-игольники.

Украшения: браслеты, перстни, височные кольца, серьги, различных форм и величины пронизки, бляшки-розетки и т. д.

В большинстве орудия литые, лезвия их кованые. Украшения литые,

---

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. стр. 101.
[2] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 43.
[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири стр. 67—105.
[4] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
[5] Г. П. Сосновский. Древнейшие ткани Сибири.
[6] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник № 2. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948.

кованые, штампованные, гнутые. Весь этот бронзовый инвентарь относительно однообразен и, очевидно, не имеет отчетливых локальных вариантов.

Находки бронзовых орудий в ранних погребениях крайне редки; в поздних бронзовые предметы встречаются чаще, но по преимуществу это различные украшения. Совершенно очевидно, что металл еще очень ценился, и сломанные орудия шли во вторичную переплавку.

«Медь и олово и выплавляемая из них бронза были важнейшими металлами; бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели»[1]. Так говорит Ф. Энгельс о ранней поре металлической эпохи. Именно так может быть охарактеризован андроновский этап в истории древней Сибири.

Уместно отметить, что уже на этом раннем этапе развития металла, одновременно с процессом освоения техники его обработки, возникают новые, специализированные, пригодные только для военных целей орудия — обоюдоострые кинжалы, наконечники копий, военные топоры и т. д. Поэтому едва ли следует говорить только о мирном решении конфликтов при вторжении андроновцев на ранее заселенные пространства Приуралья и Минусинской котловины.

Несмотря на высокое мастерство андроновских металлургов, металлических бронзовых орудий было немного. Бронзовые орудия не могли обеспечить всех сторон материального производства в полной мере и, конечно, не могли вытеснить ни камня, ни кости, из которых продолжали делать основные орудия повседневного, по преимуществу домашнего обихода — топоры, тесла, кайла, песты, ступки, мотыги, зернотерки, лезвия серпов, а из оружия боевые молоты, булавы, наконечники стрел попрежнему изготовлялись из камня.

Разнообразные приколки, острия, шилья, иглы, скребки, скребницы, оправы для серпов, наконечники стрел, обкладки луков и многое другое изготовлялось из рога и кости домашних и диких животных.

Почти в каждом погребении встречаются один или несколько горшков. Обычно это крупные, баночного типа сосуды великолепной работы, с тщательно нанесенным орнаментом. Этот орнамент представляет собой весьма сложные комбинации заштрихованных треугольников, меандра, зигзага.

Только по этой богатой орнаментации сосудов и очень сложной вязке шерстяной шапочки из Орака мы можем судить о высоких эстетических вкусах в прикладном мастерстве андроновцев.

Из известных нам антропоморфных изображений только шесть достоверно относятся ко времени андроновской эпохи. Одно из этих изваяний было вывезено нами из окрестностей улуса Чаркова (Хакассия). Это — изображение женской фигуры со схематически нанесенными чертами лица, руками и более тщательно отделанными волосами[2] (хранится в Эрмитаже).

Второе каменное изображение — голова женщины (стела) — хранится в Минусинском музее[3]. Особенно интересны две миниатюрные костяные пластинки (изображения каменных стел) с изображенными на них головами мужчины и женщины. Они обе найдены в одной могиле (№ 4) в г. Абакане[4]. Рисунок голов выполнен тонкой гравировкой и очень изящен.

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 166.

[2] М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 64, рис. 1.

[3] Там же, рис. 49 и табл. VI.

[4] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 45—46, рис. 3, 4.

Несмотря на схематичность и условность изображений, это люди одного и того же европеоидного типа[1].

Следы жертвоприношении хлебом и остатки, видимо, культового сооружения в Бес-Обе, а также возможная семантика орнамента (меандр и прочие элементы) как будто бы указывают на развитие у андроновских племен культа солнца[2].

Общие элементы материальной культуры, общность системы хозяйства, единство элементов духовной культуры (религия, орнамент) — все как будто дает право объединять все племена андроновцев в какую-то единую этническую общность.

Но кажущееся единообразие погребального обряда на всей этой обширной территории не подтвердилось. Для Минусинской котловины типичен, повидимому, обряд трупоположения[3]; в Приуралье был больше распространен обряд трупосожжения[4]. Позднее время характеризуется, очевидно, бо́льшим разнообразием обряда погребения[5]. Для раннего времени андроновской культуры типичны одиночные могилы с кольцевой оградкой, глубокой могильной ямой, каменным ящиком или срубом в один-два венца. Позже оградки принимают прямоугольные очертания и образуют группы в несколько могил, обнесенных невысокой насыпью кургана. Могилы глубокие, камеры их либо из каменных крупных плит (ящики), либо в виде цист, сложенных из мелких, горизонтально уложенных плит или срубов в один-два венца. В позднее время андроновской культуры появляются местные варианты обряда погребений: одиночные могилы не имеют оградок и сооружений из камня внутри, это обычные грунтовые могилы; нередко могилы объединены одной насыпью, и тогда одно из погребений выделяется по своему инвентарю (основное). Некоторые погребения перекрыты громадными курганными насыпями подобно скифским (Бес-Оба под Каркаралинском)[6]; такие курганы сооружались над прахом представителей племенной знати. Нередко в андроновских могилах мужское погребение сопровождается женским, причем есть основание говорить о подчиненном положении женщины и даже об ее насильственном погребении[7].

Развитое скотоводство, металлургия, наличие в могилах вооружения, погребение мужчин в сопровождении заведомо умерщвленных женщин, большие курганы — все говорит о том, что к концу бронзовой эпохи процесс распада материнского рода завершился образованием патриархальной семьи.

Предполагать возможность возникновения древнейшего этапа андроновской культуры в Минусинской котловине на базе местных культур, как мы уже говорили, вряд ли возможно. Некоторую общность отдельных форм предметов, очевидно, следует объяснять только контактом. Не исключена возможность находок более древних могильников и поселений на южной периферии распространения андроновских племен. Может быть, правы те исследователи, которые сближают древнейший этап андроновской культуры с поздненеолитическими культурами типа кельтеминарской[8].

---

[1] Два изображения из с. Таштып и с. Бои см. М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, 1950, стр. 136, 137, рис. 4, 5.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. стр. 100.

[3] Там же, стр. 67—76.

[4] К. В. Сальников. Ук. соч., стр. 53—69.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр 62—70.

[6] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 102.

[7] К. В. Сальников. Ук. соч., стр. 68.

[8] С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 155.

В 1932 г. Г. Ф. Дебец дал характеристику антропологического типа андроновцев[1]. Он отметил их однородность и довольно значительное отличие от антропологического типа афанасьевцев; он указал на то, что в массе своей андроновские черепа более широколицы, орбиты их ниже, лицо ниже, а черепная коробка короче и шире, чаще всего с мезокранным указателем. В заключение Г. Ф. Дебец пишет: «Эти особенности делают череп андроновского типа очень характерным и легко выделяющимся из ряда краниологических типов Европы и Азии, связанных с расами верхнего палеолита». Именно исходя из отмеченной им особенности антропологического типа андроновцев, он счел возможным объединить черепа из Западного Казахстана, описанные М. Н. Комаровой[2], с основной серией андроновцев из Минусинского края. Сравнивая черепа андроновской серии с афанасьевскими черепами, Г. Ф. Дебец пришел к справедливому заключению о том, что они не могут быть приравнены к одному типу. Поэтому он высказал предположение о вероятности прихода андроновцев с запада.

Население афанасьевской культуры, по крайней мере в известной части, было вытеснено из Минусинского края переселившимися с запада (Алтай, Бараба) носителями андроновской культуры[3].

Еще в 1927 г.[4] С. А. Теплоухов отмечал, с его точки зрения, очевидное сходство инвентаря андроновских могил Минусинской котловины с казахстанскими и высказывал предположение, что, «повидимому, Западная Азия была центральной областью распространения андроновской культуры, а Минусинский край являлся восточной ее окраиной». В 1929 г.[5] С. А. Теплоухов вновь отметил, что андроновцы «явились» на смену афанасьевцам. В 1929 г. С. В. Киселев, полемизируя с С. А. Теплоуховым, указывал на некоторую связь афанасьевской культуры с карасукской, минуя андроновский этап[6]. В 1933 г. С. В. Киселев, вновь возвращаясь к этому вопросу, указывал на невозможность колонизационной волны андроновцев с запада[7]. В 1934 г. Г. И. Петров пытался подкрепить точку зрения С. В. Киселева на антропологическом материале и полемизировал с Г. Ф. Дебецом[8].

В 1948 г. Г. Ф. Дебец в своей монографии вновь настойчиво отстаивал свою ранее высказанную точку зрения о западносибирском происхождении андроновского антропологического типа, тщательно рассматривая всю аргументацию С. В. Киселева и Г. И. Петрова[9].

В 1951 г. в монографии «Древняя история Южной Сибири» С. В. Киселев пытался внести четкость в решение вопроса о происхождении андроновской этнической общности. При этом он не отвергал фактов, приведенных Г. Ф. Дебецом на антропологическом материале, но, очевидно, и не соглашался с его выводами, выражая ряд сомнений: «Необходимо считаться

[1] Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. АЖ, 1932, № 2.
[2] М. Н. Комарова. Черепа бронзовой эпохи из могил по левому притоку р. Урала. Сб. «Казаки», вып. 1, изд. АН СССР, 1927.
[3] Г. Ф. Дебец. Расовые типы...
[4] С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края; его же. Опыт классификации...
[5] С. А. Теплоухов. Опыт классификации...
[6] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. Минусинского музея, т. 6, вып. 2, 1929.
[7] С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, вып. 65, 1933.
[8] Г. И. Петров. Рецензия на Антропологический журнал № 2 за 1932 г. ПИДО, 1934, № 6.
[9] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 72—76.

с фактом невозможности, с точки зрения антропологии, прямой преемственности между афанасьевским и андроновским населением Минусинской котловины. Очевидно, происходило смешение благодаря внедрению каких-то новых этнических групп.

Однако нельзя видеть в этом процессе простое переселение в Минусинский край носителей андроновской культуры откуда-то с Алтая или Барабы, как это делает Г. Ф. Дебец. Прежде всего нет никаких оснований допускать на западе более раннего сложения андроновской культуры, чем на востоке, на Енисее». И дальше: «Самое большое, что можно допустить, — это одновременное сложение андроновских особенностей как на востоке, так и на западе». «Если это сопоставить с утверждениями Г. Ф. Дебеца, то придется считать, что участие нового этнического элемента в формировании андроновской культуры имело место на широком пространстве от Урала до Енисея»[1].

Нам кажется совершенно напрасным игнорировать возможность сложения древнейших форм андроновской культурной общности в более южных областях. Напомним об андроновском облике керамики, об аналогичных андроновским ножах, кельтах, ступках и т. д., найденных на юге в районе Семиречья и бассейна Иссык-Куля[2].

В нашей коллекции реконструкций имеются только два андроновских бюста — мужчины из Орака и женщины из Алексеевки — и две графические реконструкции — одна по черепу из Орака, вторая по черепу из Усть-Ербы.

При выборе черепов мы руководствовались принципом выделения наиболее крайних форм с тем, чтобы подчеркнуть специфическое отличие от более древнего антропологического типа афанасьевцев.

В настоящий момент мы не можем с достоверностью говорить о том, что андроновцы целиком поглотили племена афанасьевской культуры, и не исключена возможность долгого совместного существования их на соседних территориях. Во всяком случае объективные данные свидетельствуют об очевидном переживании афанасьевского типа[3]. Кроме того, нам неизвестны метисные категории между андроновским и афанасьевским типами.

Рассмотрим степень отклонения индивидуальных размеров этих четырех черепов от средних данных всей серии (мы приведем только разницу индивидуального размера по отношению к среднему показателю всей серии из 22 черепов по Г. Ф. Дебецу; табл. 26).

Череп из Орака, № 7895: продольный диаметр больше на 4,8 мм при почти той же ширине и при почти равной высоте свода; лоб шире на 4,9 мм; скуловая ширина значительно больше — на 8,1 мм при меньшей высоте лица (на 1,9 мм).

Череп из Орака, № 7894: при почти равной длине свод уже на 2 мм при большей высоте его на 4,7 мм и большей на 3,9 мм ширине лба; ширина лица значительно больше — на 8,1 мм при меньшей его высоте — на 3,9 мм.

Череп из Орака, № 7652: продольный диаметр чуть больше, поперечный — значительно больше (на 9 мм) при той же высоте свода, но большей ширине лба (на 4,9 мм); лицо — почти той же высоты при значительно большей ширине (на 8,1 мм).

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 103, 104.

[2] МИА, № 14, 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции, стр. 104—106.

[3] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г.

Таблица 26

Размеры черепов андроновской культуры

Размеры	Средние размеры черепов из Минусинского края	Черепа из улуса Орак			Череп из Усть-Ербы, № 7878
		№ 7896	№ 7894	№ 7852	
1. Продольный диаметр, мм	187,2(22)[1]	192	187	188	179
8. Поперечный » мм	146,0(22)	147	144	155	146
17. Высотный » мм	138,3(21)	137	143	140	138
9. Наименьшая ширина лба, мм	101,1(22)	106	105	106	100
8:1 Черепной указатель	78,1(22)	76,5	77	82,5	81,5
17:1 Высотно-продольный указатель	73,8(20)	71	76,5	74,5	77
17:8. Высотно-поперечный указатель	94,6(20)	93	99	90	94,5
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,4(22)	72	73	68	68,5
45. Скуловой диаметр, мм	141,9(20)	150	150	150	139
48. Высота лица, мм	68,9(19)	67[2]	65	67[3]	68
48:45. Лицевой указатель	48,3(18)	44,6	43	51	50
54:55. Носовой »	51,2(20)	51	47	51	52
52:51. Орбитный »	76,4(20)	78,5	74	78,5	85
32. Угол лба, градусы	84,4(18)	80	90	82	84
72. Угол лица, градусы	85,7(17)	82	89	82	86
Глабелла (шкала 1—6), баллы	4,15(20)	4	5	4	4
Угол носовых костей, градусы	32,6(16)	33	31	32	41
Fossa canina (шкала 0—4), баллы	2,89(18)	4	3	2	3
Spina nasalis anterior (шкала 1—5), баллы	3,22(18)	2	2	3	5

[1] В скобках указано количество черепов.

[2] Высота лица, по данным Г. Ф. Дебеца,— 71 мм. По этому размеру был вычислен указатель. Я несколько раз проверил этот размер; очевидно, здесь вкралась ошибка при измерении.

[3] Также ошибка, но, вероятно, типографская — вместо 67 мм нужно 76 мм.

Череп из Усть-Ербы, № 7878: продольный диаметр значительно меньше — на 8,2 мм, при той же ширине и высоте свода и почти равной ширине лба; при равной высоте лицо на 2,9 мм уже.

Черепа из Орака, хотя и имеют очевидную разницу в размерах, все же, видимо, принадлежат к одному и тому же антропологическому типу. Все они обладают низким (от 65 до 67 мм) и широким (150 мм) лицом. Очевидно, Г. Ф. Дебец считает именно этот вариант основным типом андроновца.

Череп из Усть-Ербы, обработанный нами, как и все остальные черепа (три), описанные Г. Ф. Дебецом, образуют иной тип, видимо, локальный вариант андроновцев с еще большей тенденцией к брахикранности. Лицо их более высокое и узкое; нос более выступающий; большие по размерам свод (192×148 мм и 177×148 мм) и лицо (73×147 мм и 73×144 мм).

Андроновские черепа из Окунева улуса (2 черепа, по Г. Ф. Дебецу), наиболее массивные, значительно превышают средние размеры всей серии. Размеры сводов этих черепов предельно велики (205×160 мм и 194×162 мм); лицо очень высокое и широкое (72×150 мм и 78×153 мм). Оба черепа явно выпадают из всей серии.

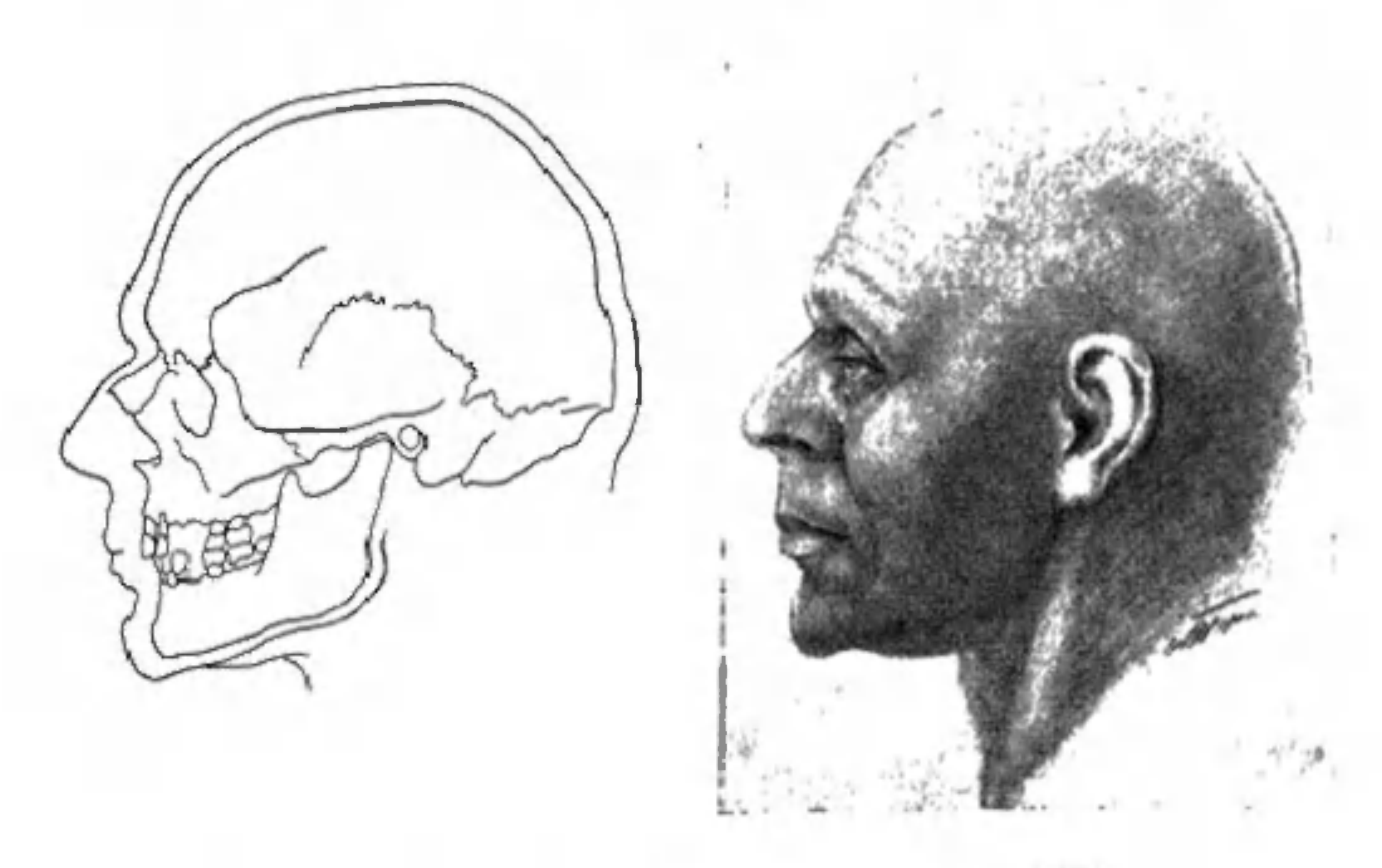

Рис. 223. Реконструкция по черепу андроновца (7652).

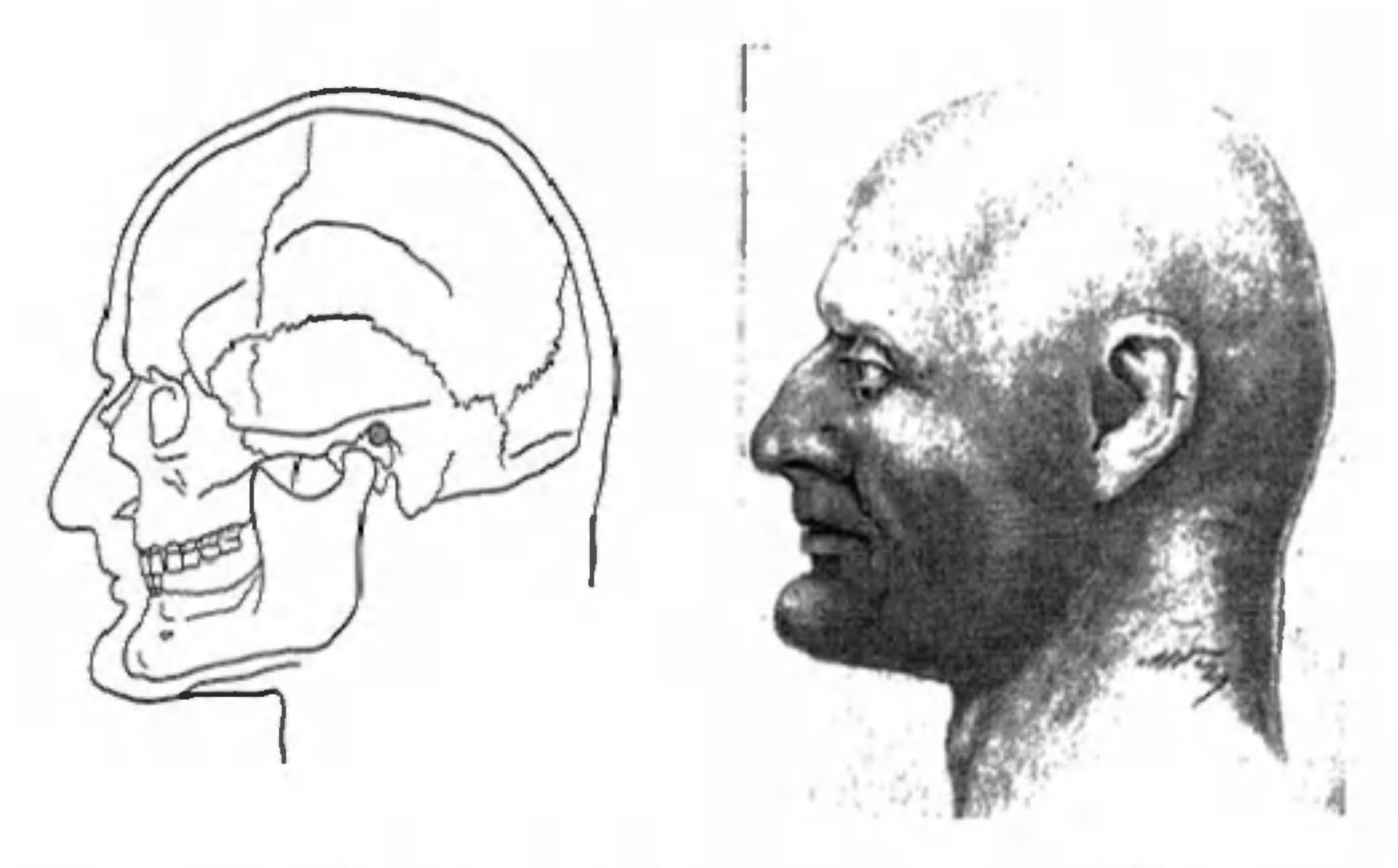

Рис. 224. Реконструкция по черепу андроновца (7878).

Три черепа из Андроновского могильника сильно разрушены и в силу этого не могут быть вполне охарактеризованы, но тем не менее совершенно очевидно, что это наиболее грацильные черепа изо всей серии (184×137 мм); они имеют не высокое (69 мм), относительно узкое (125 мм) лицо. По данным показателям вряд ли следует объединять их с оракскими или какими-либо другими андроновскими черепами.

Рис. 225. Мужчина из Орака (андроновец).

Только один череп (женский) был обработан нами. Этот череп происходит из Алексеевского могильника, раскопанного О. А. Кривцовой-Граковой в 1939 г.[1] (табл. 27).

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.

Таблица 27

Основные размеры черепов женщин андроновской культуры (по данным Г. Ф. Дебеца и автора)

Размеры	Черепа							
	Из Минусинского края	из Киргиз[illegible] (Урал)	из Кузабай-Сая (Урал)	из Урал-Сая	из Урал-Сая	с р. Нуры	с р. Нуры	из Ал[illegible]ки на р. Т[illegible]
Продольный диаметр, мм	178,1	180	170	181	184	167	181	182
Поперечный » мм	142,5	134	136	140	132	132	133	135
Высотный » мм	131,3	—	132	132	—	—	—	126
Носо-основной » мм	99,3	—	97	96	—	—	—	97
Наименьшая ширина лба, мм	96,3	105	95	90	97	—	94	94
Черепной указатель	80,3	74,4	80,0	77,4	71,7	79,0	73,5	74,2
Высотно-продольный указатель	73,8	—	77,7	72,9	—	—	—	69,2
Высотно-поперечный указатель	92,3	—	97,1	94,3	—	—	—	93,3
Лобно-поперечный »	68,2	78,4	69,9	64,3	73,5	—	—	79,0
Длина основания лица, мм	97,0	—	—	90	—	—	—	—
Скуловой диаметр, мм	129,0	143	—	128	—	—	—	129
Высота лица, мм	67,4	—	—	70	66	63	—	70
Лицевой указатель	52,0	—	—	54,7	—	—	—	54,3
Носовой »	47,8	—	—	—	53,1	—	—	47,3
Орбитный »	84,9	80,5	—	78,4	83,8	77,5	82,0	80,0
Надбровье, баллы	2,13	1	2	2	2	2	3	4
Собачья ямка, баллы	2,13	—	—	—	—	4	—	1
Высота носа, мм	—	—	—	43	49	41	—	55
Ширина » мм	—	—	—	—	26	—	—	26
Ширина орбиты, мм	—	41	—	37	37	40	39	40
Высота » мм	—	33	—	29	31	31	32	32

Как видно из табл. 27, череп этой молодой женщины занимает крайнюю позицию и, очевидно, ближе к черепам Урала и Алтая, чем к черепам из Минусинской котловины. Свод более длинный и уплощенный; при одних и тех же размерах ширины и высоты лица оно массивнее, грубее; особенно тяжелы скуловые кости и нижняя челюсть. По общему облику этот женский череп близок к древнему типу женщины из мезолитического захоронения в гроте Мурзак-коба (Крым).

Выполненная нами реконструкция представляет собой голову молодой женщины, 30—32 лет, со своеобразным, несколько грубоватым, но миловидным лицом (рис. 226).

Весь привлеченный нами материал показывает, что, несмотря на очевидное различие черепов местных групп андроновской эпохи, все они обладают рядом черт, не свойственных ни более ранним, ни более поздним антропологическим типам Минусинской котловины. Совершенно очевидно, что андроновцы расселились в Минусинской котловине на Алтае и в Казахстане из какого-то единого пункта, где уже в какой-то мере сложилась их этническая общность. Эта общность сохраняется различными андроновскими

племенами на протяжении долгого времени в разных пунктах их расселения. Неизбежно возникающие местные варианты культуры в результате воздействия соседствующих племен не устраняют своеобразной специфики андроновской материальной культуры в целом и, что бывает чрезвычайно редко, некоторого единства антропологического типа.

Проблема возникновения андроновской этнической общности может быть решена только в результате больших работ археологов и антропологов как на территории собственно Минусинской котловины, так и Алтая, Казахстана, Приуралья и более южной территории. вплоть до предгорьев Тянь-Шаня, где уже найдены андроновские могильники, и Средней Азии, где неолитические стоянки кельтеминарского типа, может быть, решат вопрос о древнейшем этапе андроновской культуры.

Рис. 226. Женщина из Алексеевки (андроновка).

§ 57. КАРАСУКСКАЯ КУЛЬТУРА

В Хакасской автономной области, недалеко от с. Батени, на берегу р. Карасук, С. А. Теплоуховым были раскопаны могилы культуры бронзы[1], которой условно было присвоено название карасукской. Это культура полуоседлых скотоводов, оставивших свои многочисленные могильные памятники в Минусинских степях. Своеобразные могилы карасукской культуры представляют собой невысокие прямоугольные оградки из вертикально поставленных плит камня. В центре такой оградки, как правило, находится глубоко сложенный из неправильных, почти не обработанных плитчатых камней ящик. Эти оградки нередко образуют большие группы, доходя до 100 могил в одной группе и более[2]. Карасукские захоронения в каменных ящиках неоднородны: скелеты лежат то на спине с вытянутыми ногами, то на спине с приподнятыми коленями, то на спине с подогнутыми ногами, то на боку. В ориентировке нет постоянства[3]. Нередко

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края.

[2] С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 152.

[3] Ориентировка по С. В. Киселеву: на восток — 24 погребения, на восток — северо-восток — 2 погребения, на северо-восток — 13 погребений, на запад — 6 погребений, на запад — северо-запад — 2 погребения, на северо-запад — 1 погребение; восточная ориентировка чаще (39 погребений), западная — реже (14 погребений).

встречаются случаи заведомо вторичного захоронения, с неправильным расположением костей неполных скелетов. Бывают случаи частичного и полного сожжения. Погребения, очевидно, всегда сопровождались богатым инвентарем, результатом чего явилось массовое ограбление карасукских могил. Судя по найденным жертвенным остаткам животных в могилах, карасукцы были типичными скотоводами, причем основным животным их стада был баран. Но они знали и корову, лошадь, верблюда и собаку. Не чуждо им было и примитивное земледелие.

Инвентарь своеобразен и, очевидно, не может быть преемственно связан с предшествующими культурами ни Минусинских степей, ни примыкающих к ним областей. Этот инвентарь представлен прекрасными сферическими сосудами с крутой высокой шейкой. Не только шейка, но и бо́льшая часть тулова обычно украшены изящным геометрическим орнаментом. Сосуды нередко бывают ангобированы и инкрустированы белой краской. Есть сведения о находках полихромных сосудов с полосами красной и черной краски.

Еще более характерен и выразителен многочисленный бронзовый инвентарь. Особенно следует отметить специфические для карасукской культуры так называемые коленчатые ножи. Эти ножи, видимо, имеют прямую аналогию с ножеобразными деньгами Китая. Рукоятки этих ножей-кинжалов нередко снабжены навершием, изображающим головы, а порой и целых животных, выполненных в условной, стилизованной манере. В карасукское время впервые появляются военные топоровидные чеканы и проушные кельты. Своеобразны и многочисленны мелкие украшения. Кроме гнутых трубчатых пронизок и ворворок, появляются масса подвесок, бляшек, крупных и мелких пуговиц, обоймы нагрудников, колечки, перстни, браслеты — гнутые, тонкие и манжетообразные и т. д. Кроме того, нередки простые кухонные ножи, шилья, тесла, серпы-косари и т. п.

К карасукской поре относятся многочисленные каменные изваяния. Это своеобразные сигарообразные стелы с мифическими изображениями, сочетающими антропоморфные и зооморфные элементы. Нередко встречаются стилизованные, но в то же время вполне реалистические изображения человеческого лица и бараньей головы с геометризированными рогами. Но часто изображение столь усложнено, что трудно распознать в нем реалистическую основу изображения. Совершенно очевидно, что на этих образцах культового искусства сказались традиции и мифические представления китайского происхождения[1]. Значительно реалистичнее искусство карасукского времени, связанное с бытовым и военным инвентарем. Навершия ножей и кинжалов, несомненно, предшествуют звериному стилю тагарской эпохи.

До сих пор основными памятниками исследования этой культуры были часто встречающиеся в Минусинской котловине могильники. Несмотря на то, что уже известны стоянки карасукского времени, ни одна из них на территории Минусинских степей не была обследована, так как культурный слой на них тонок и сами поселения были недолговечными.

Карасукская культура, несомненно, имеет восточноазиатское происхождение и развивалась под большим, а может быть, и непосредственным влиянием Китая. Продвижение карасукских племен в Минусинскую котловину было почти одновременным с движением андроновской культуры. При этом, если карасукские кочевья тяготели к предгорьям, то ан-

[1] С. В. Киселев. Семантика орнаментов карасукских стел. ИГАИМК, вып. 100, 1933, стр. 280—292; его же. Древняя история Южной Сибири, стр. 165—172.

дроновские больше стремились к долинам. Нам, однако, известны памятники контакта этих разнокультурных и, очевидно, разноязычных племен. Судя по инвентарю, карасукские племена были более воинственными, агрессивными, более подвижными и, конечно, более многолюдными (неизвестно ни одного андроновского могильника с таким количеством могил, как на карасукских кладбищах).

Автор имел возможность раскопать ряд могил карасукского времени, смежных с андроновскими, в долине р. Орак[1]. Каменные оградки карасукской и андроновской культур как бы перекрывали здесь одна другую.

Г. Ф. Дебецу мы обязаны не только описанием черепов карасукского времени, но и первым указанием на юго-восточное происхождение их антропологического типа и, очевидно, самой культуры[2].

Отмечая дальневосточный тип части населения карасукского времени, Г. Ф. Дебец одновременно говорит о европейском брахикранном типе. Он не исключает метизации с андроновцами и даже с афанасьевцами; однако в основном он считает, что процесс смешения узколицого монголоидного элемента дальневосточной расы с какими-то европеоидными формами произошел южнее[3].

В нашей коллекции реконструкций людей карасукского времени имеются три портрета. Один воспроизведен по черепу из раскопок С. А. Теплоухова у с. Батени, остальные воспроизведены в графических схемах по черепам из Усть-Ербы.

С. В. Киселев считает Усть-Ербинский могильник одним из древнейших карасукских памятников[4]. В 5 км к югу от с. Усть-Ерба, на правом берегу р. Ербы, под хребтом «Корова» находится обширное могильное поле. По склону горы, образуя тесную группу, расположено более сотни тагарских курганов. Ниже, на надпойменной террасе, раскинулись холмики с оградками — карасукские могилы; их, по подсчету С. В. Киселева, не менее 150. Между курганами тагарских и карасукских могильников были открыты три андроновские могилы. Оградки их сложены в виде овала из вертикально поставленных плиток[5].

Карасукские могилы представляют собой небольшие курганчики, в насыпи которых выступают четырехугольные оградки из вертикально поставленных плит. Стенки оградок часто ориентированы по странам света, но есть и отклонения от этого общего правила.

Внутри оградок, под насыпями, вровень с поверхностью земли, открывались ямы неправильной четырехугольной трапециевидной формы. Стенки ям были составлены из тонких плит девонского песчаника. Эти ящики сверху некогда были прикрыты крышками из таких же плит, так что земли в камере первоначально не было. В соответствии с количеством погребальных ящиков увеличивались размеры оградок. При этом строго соблюдалось, чтобы могилы занимали центральное положение, образуя один ряд.

Все вскрытые могилы оказались в древности ограбленными. Судить о положении скелетов или о расположении сосудов и другого инвентаря невозможно. Из 43 раскопанных ящиков только в семи сохранились неполные костяки с черепами. Они были изучены Г. Ф. Дебецом[6].

---

[1] В 1928 г. автор был участником экспедиции Г. П. Сосновского, раскопавшего андроновские могилы в одном из длинных курганов у улуса Орак.

[2] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 77—83.

[3] Там же, стр. 82.

[4] С. В. Киселев. Карасукские могилы .... стр. 152—163.

[5] С. В. Киселев. Андроновские памятники близ Усть-Ербы в Хакассии. СЭ, 1935, № 4—5, стр. 206—210.

[6] Г. Ф. Дебец опубликовал их индивидуальные размеры — см. АЖ, 1932, № 2.

Изготовлены три реконструкции: одна по черепу юноши из Батеней и две по черепам из Усть-Ербы[1].

Краткие сведения об инвентаре этих 4 погребений[2] таковы: в ящике могилы 15 были найдены круглодонный реповидный сосуд из темной глины с несколько развернутой шейкой, украшенный тремя горизонтальными резными линиями по основанию шейки; обломки двух трубчатых бронзовых пронизок; круглая выпуклая пуговица с ушком; в оградке 23, в ящике 3, обнаружены полусферический сосуд с уплощенным дном и прямой, отделенной уступом, шейкой и бронзовое кольцо с несомкнутыми концами; в оградке 26, в ящике 2, были найдены обломки плоскодонного биконического сосуда из темносерой глины, орнаментированного двумя рядами заштрихованных треугольников (треугольники нанесены гребенчатым штампом; пространство между этими рядами треугольников не орнаментировано), и 4 проволочных браслета с несомкнутыми концами; в ящике 3 этой же оградки найден полусферический сосуд с круглым дном и прямой шейкой, украшенный двумя рядами ломаных коротких ямок, вдавленных плоской палочкой.

Рис. 227. Реконструкция по черепу мужчины из Батеней.

Несомненно, что бронзовые вещи были изъяты из могил еще в древности грабителями. Баночная форма, орнаментальные мотивы, вытертость поверхности некоторых сосудов дали право С. В. Киселеву высказать предположение о переживании в Усть-Ербе некоторых традиций, связанных, по его мнению, с предшествующими этапами — андроновским или афанасьевским.

Рассмотрение всех совокупных данных по истории Минусинской котловины убеждает нас в том, что не только карасукские и андроновские племена на каком-то этапе своего развития имели непосредственный контакт, но что и афанасьевские племена, очевидно, отошедшие в лес, все-таки общались с новым населением области, занимаемой ими ранее. Не только элементы материальной культуры, но и смешанный состав населения раннетагарского этапа имеет некоторый налет древнего афанасьевского, андроновского и карасукского типов.

Перейдем к общей и индивидуальной характеристике антропологического типа карасукского населения. Обработанные нами черепа карасукского времени, несмотря на некоторую пестроту, все же принадлежат к метисному типу с очевидным преобладанием дальневосточной монгольской расы. И тем не менее они не представляют собой единого типа, так

[1] Один череп (из Усть-Ербы № 7890) определен Г. Ф. Дебецом как женский; на самом же деле это мужской череп.
[2] По С. В. Киселеву.

как совершенно очевидно, что если можно по ряду признаков видеть в них единый монголоидный компонент, то в них определенно сказываются различные примеси европеоидов; эта европейская примесь, повидимому, была неоднородна и, вероятно, повторна.

Череп из Батеней (№ 4125-22) имеет черты, характерные для основного — исходного — карасукского типа. Это монголоид, с характерными чертами дальневосточной расы, брахикранный, плосколицый, с несильно выступающим носом и легкой прогнатностью (рис. 227).

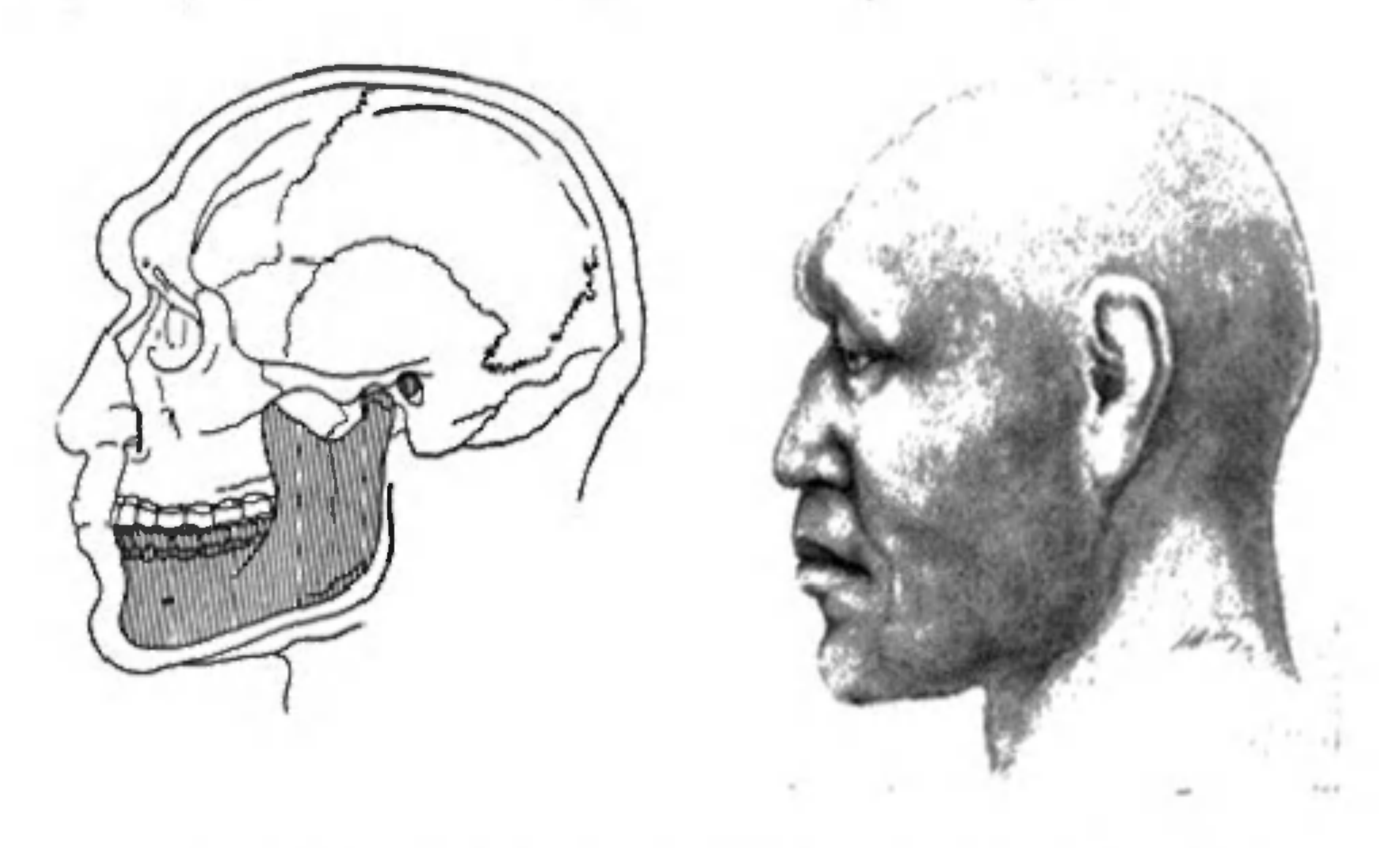

Рис. 228. Реконструкция по черепу мужчины (7885) из Усть-Ербы.

Череп из Усть-Ербы (№ 7885) обладает предельной степенью развития костного рельефа (рис. 228). Это, несомненно, метисный череп. Предположительно мы считаем возможными компонентами этого метиса прежде всего основной монголоидный тип дальневосточной расы, а затем — примесь европеоида-афанасьевца с его массивным черепом. При этом данный череп почти не приобрел собственно европеоидных черт, и европеоидная примесь главным образом сказалась в усилении костного рельефа до такой степени, которая несвойственна собственно типичным монголам. Этот череп очень близок к ранее описанному афанасьевскому черепу из Аскыза. Говоря о последнем, мы допускали вероятность смешения неолитического монголоидного типа с европеоидным—афанасьевским.

Сравнивая черепа метисов из Усть-Ербы и Аскыза, мы должны отметить значительную степень сходства между ними. Это сходство черепов метисов двух разных культур — карасукской и афанасьевской — дает некоторое право объяснить их происхождение смешением одноименных антропологических типов. Череп из карасукского могильника Усть-Ерба явился результатом метизации дальневосточного монголоида-пришельца с местным европеоидным типом афанасьевца. Очевидно, что и метис из Аскыза имел те же компоненты. Это предположение может быть принято, если допустить возможность непосредственного контакта между карасукскими и афанасьевскими племенами. Принято считать, что афанасьевская культура предшествовала приходу карасукских племен и прекратила свое

существование на территории Минусинских степей задолго до их вторжения. Так ли это?

В данной связи напомним нетипичную для афанасьевской культуры форму погребального ящика в Аскызе. Это характерный карасукский ящик, между тем инвентарь погребения типично афанасьевский. Нельзя ли этот факт рассматривать как доказательство того, что поздний этап афанасьевской культуры надо довести до карасукского вторжения и что племена обеих этих культур в ряде мест находились в длительном контакте?

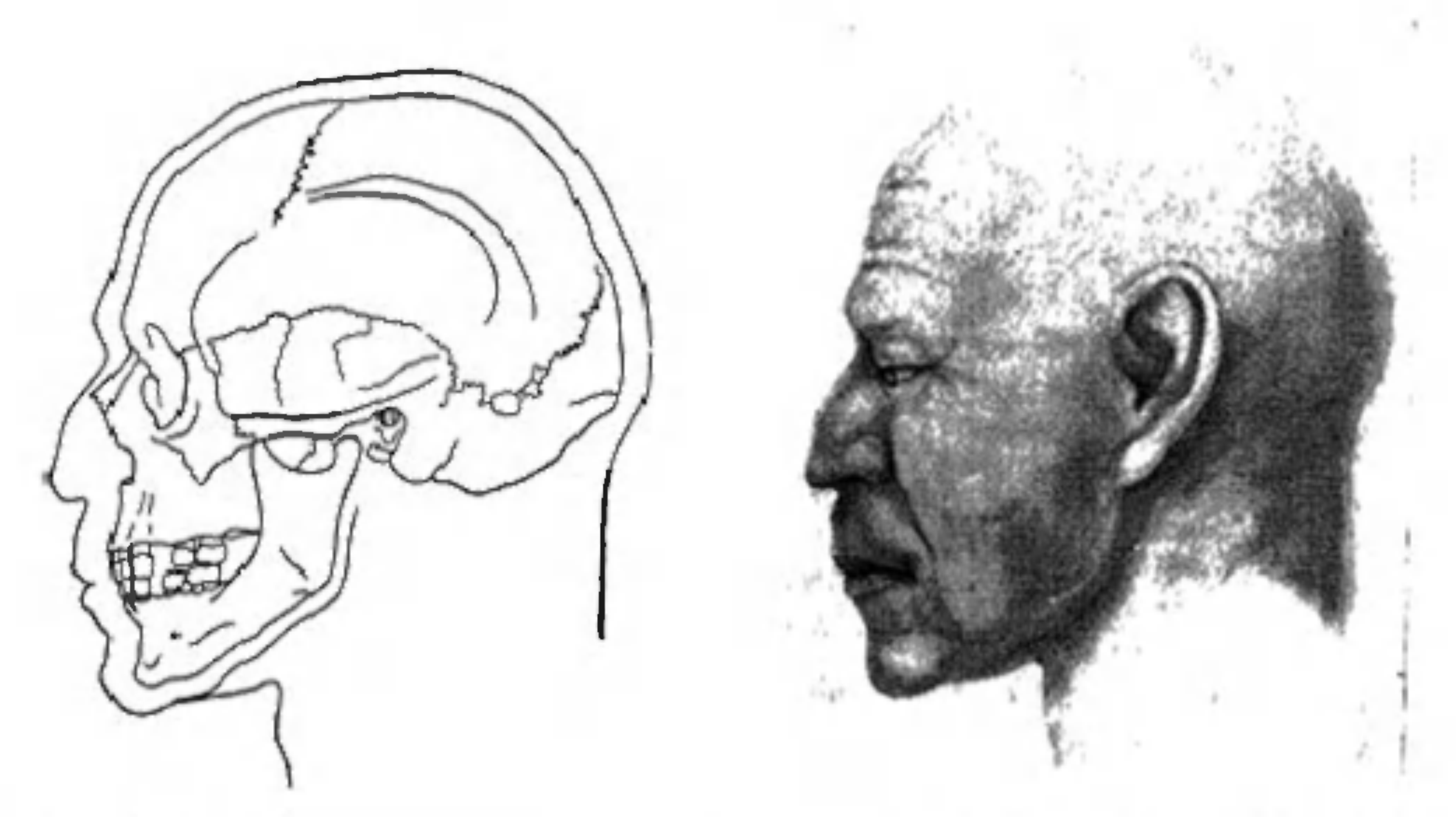

Рис. 229. Графическая реконструкция по черепу мужчины (7890) из Усть-Ербы.

Отражением этого контакта, может быть, и явились метисы Усть-Ербы и Аскыза и некоторые взаимные заимствования в материальной культуре.

Череп из Усть-Ербы (№ 7890) может быть охарактеризован как типический для карасукского времени: он обладает чертами дальневосточной монголоидной расы, в нем незаметно сколько-нибудь ощутимых европеоидных черт (рис. 229). Очевидно, что это не метисный тип. Череп тонкий. Особенно грацилен лицевой скелет, что в свое время побудило Г. Ф. Дебеца определить его как женский. Хорошо развитые гребни затылочной кости, резкий рельеф нижней челюсти, очевидная массивность альвеолярной части верхней челюсти, рельеф небольших, но массивных сосцевидных отростков убеждают нас в том, что этот череп принадлежал мужчине. Значительное выступание носовых костей не следует объяснять в данном случае европейской примесью. Форма глабеллы, корня носа, конфигурация носовых косточек, слабая профилировка глазниц — все это монголоидные признаки. Реконструированное графически по данному черепу лицо дает отчетливое представление о внешнем виде человека карасукского времени, обладающего основными признаками древней дальневосточной расы монгольского ствола.

В табл. 28 приведены средние размеры черепов карасукской культуры из Минусинского края.

Свою серию реконструкций по югу Сибири мы заканчиваем портретами, воспроизведенными по черепам тагарского времени из могильника Усть-Ерба и из Аскыза (см. рис. 230).

Таблица 28

Средние индивидуальные размеры черепов карасукской культуры из Минусинского края (по данным Г. Ф. Дебеца)

Размеры	Черепа					
	из Минусинского края (средние [illegible])	из Батени 1, № 4135-22	из Усть-Ербы			
			могила 15, № 7883	могила 23-3, № 7885	могила 21-3, № 7880	могила 26-2, № 7889
1. Продольный диаметр, мм	180,6 (21)[1]	186	187	183	179	172
8. Поперечный » мм	144,6 (21)	153	147	142	141	147
17. Высотный » мм	131,2 (16)	124	—	126	130	123
5. Носо-основной » мм	101,2 (15)	106	—	103	100	96
9. Наименьшая ширина лба, мм	96,5 (20)	108	94	97	104	97
8:1. Черепной указатель	80,0 (21)	82	79	78	79	85,5
17:1. Высотно-продольный указатель . . .	72,7 (16)	67	—	69	73	71,5
17:8. Высотно-поперечный указатель . .	91,0 (16)	81	—	89	92	84
9:8. Лобно-поперечный указатель	66,8 (20)	71	64	68	74	66
40. Длина основания лица, мм	98,6 (15)	105	—	109	101	100
45. Скуловой диаметр, мм	136,4 (18)	140	134	139	130	132
48. Высота лица, мм	74,8 (19)	68	75	84	76	62
40:5. Указатель выступания лица	97,8 (12)	99	—	106	101	104
48:45. Лицевой указатель	54,7 (17)	49	56	60	58	47
54:55. Носовой »	47,4 (19)	47	46	46	51	5
52:51a. Орбитный »	85,5 (19)	90	79,5	92	92	94
32. Угол профиля лба, градусы	83,1 (17)	77	87	73	77	81
72. Угол профиля лица, градусы	84,8 (16)	85	80	81	80	80
75 (1). Угол носовых костей, градусы . .	27,2 (15)	25	23	25	34	21
Глабелла (шкала 1—6), баллы[2]	3,15 (20)	3	3	6	2	3
Надбровье (шкала 1—3), баллы[3]	2,6 (20)	2	2	2	2	2
Fossa canina (шкала 0—4), баллы	2,5 (18)	3	4	3	3	2
Spina nasalis anterior (шкала 1—5), баллы	3,14 (14)	2	3	3	3	3
Norma verticalis: Ellipsoides	29 (5)	—	—	—	—	—
Norma verticalis: Eurypentagonoides	18 (3)	—	—	—	—	—
Norma verticalis: Sphenoides	18 (3)	—	—	—	—	—
Norma verticalis: Sphaeroides	23 (4)	—	—	—	—	—
Apertura piriformis: Anthropina	94,5 (17)	—	—	—	—	—
Apertura piriformis: Fossa praenasalis	5,5 (1)	—	—	—	—	—
Apertura piriformis: Infantilis	—	—	—	—	—	—
Apertura piriformis: Sulcus praenasalis	—	—	—	—	—	—
Ovoides	12 (2)	Sn.	El.	Ov.	Sr.	El.

[1] В скобках указано количество черепов.

[2,3] Г. Ф. Дебец дает только шестибалльное измерение надбровья, приравнивая его к измерению глабеллы. Морфологически это не одно и то же и, следовательно, не верно. В таблице приведены выступание глабеллы по шкале 1—6, протяженность надбровья — по шкале 1—3 (по Брока).

Эти реконструкции мы приводим в качестве некоторого доказательства чрезвычайной смешанности населения тагарской культуры. Одновременно они свидетельствуют о непосредственной связи с более древним местным населением. Такова, например, голова, реконструированная по черепу из Аскыза, — очевидного европеоида, в чертах которого сохраняются элементы массивного черепа европеоида древнего типа, известного по афанасьевским черепам (рис. 230). Голова, реконструированная по черепу из Усть-

а *б*

Рис. 230. Реконструкция по черепам тагарского времени.
а—метис из Усть-Ербы, *б*—европеоид из Аскыза.

Ербы (№ 7871), очевидно, принадлежала метису с преобладанием европейского типа, повидимому, восходящего к андроновскому типу; монголоидность в ней несомненна, но выражена она менее ярко.

§ 58. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ЧЕРЕПУ ИЗ ПЛИТОЧНОЙ МОГИЛЫ В ХЕРЕКСУРАН-УРИ (р. СЕЛЕНГА, ЗАБАЙКАЛЬЕ)

Летом 1947 г. А. П. Окладников производил маршрутное обследование среднего течения р. Селенги и обнаружил ряд плиточных могил. Предпринятые раскопки дали возможность убедиться, что все плиточные могилы ограблены Однако находки одиночных вещей в них подтвердили общепринятую датировку: основная масса плиточных могил относится ко времени финальной стадии сибирской бронзы, т. е. к первой половине I тысячелетия до н. э.

Особый интерес представляет одна из могил, раскопанная в местности Херексуран-Ури, на левом берегу Селенги, близ улуса Махой. Здесь на высокой горе расположен большой керексур, а рядом находятся раскопанные А. П. Окладниковым плиточные могилы. Несмотря на то, что интересующая нас могила была тоже в древности ограблена, в ней оказался почти не потревоженный мужской костяк. Грабители лишь сдвинули череп, повернув его вверх основанием. Костяк лежал в вытянутом

положении на спине. При нем был найден ряд вещей: в области груди — остатки ожерелья из некрупных, беловатых, пастовых цилиндрических пронизок из сердолика и крупная пронизка бипирамидальной формы из агата; у пояса лежало небольшое удлиненное точильпе с отверстием для привязи. Несмотря на то, что рядом исследователей, в том числе А. П. Окладниковым и мною, вскрыто значительное количество таких памятников, это первая могила, в которой был найден совершенно целый череп.

Г. Ф. Дебец с присущей ему тщательностью измерил данный череп и передал в мое распоряжение результаты своего исследования, за что я приношу ему глубокую благодарность. Пользуюсь возможностью привести основные данные его измерений, а также и выводы.

Череп, безусловно, мужской. Г. Ф. Дебец склонен определять его возраст с колебанием от 40 до 50 лет. На основании степени стертости зубов и степени облитерации швов нам представляется, что данный субъект умер в возрасте между 30 и 35 годами (Г. Ф. Дебец при рассмотрении резцов не учел, что они разрушены не в результате спашивания, а в результате выщелачивания в могиле, что привело к частичному выкрашиванию и выпадению эмали).

Г. Ф. Дебец справедливо отмечает, что для диагностики больших рас Северной Евразии — европеоидов и монголоидов — первостепенное значение имеет лицевой скелет и в первую очередь — степень выступания носа и степень профилировки скуловых костей. Эти признаки дают возможность особенно отчетливо выделить расовые категории. Именно поэтому он приводит следующие сравнительные данные:

	Человек из Херексуран-Ури	Буряты	Европейцы
Угол корня носа, градусы	152	147	136
Угол профилировки скуловых костей, градусы	148	141	126

Отсюда видно, что лицо черепа из Херексуран-Ури еще более плоское, чем у среднего современного бурята. И, несмотря на эту плосколицость, собачья ямка отчетливо выражена, достигая в своем развитии среднего балла. Ширина лица очень большая (147 мм), между тем как у современных бурят и монголов она в среднем не превышает 140—142 мм. Ширина лица особенно разительна при относительно небольшой его высоте: от лобноносового шва до нижнего края нижней челюсти — 120 мм; от лобноносового шва до нижнего края альвеол верхней челюсти—71 мм. Такая высота лица — не редкость у европейских черепов.

В соответствии с основными размерами лица орбиты широкие и низкие (ширина — 42 мм, высота — 31 мм). Такие размеры орбиты не типичны для монголов: как правило, монголоиды обладают более высокими орбитами. Общее выступание лица незначительно. Угол лицевого профиля достигает 90°, но альвеолярный отросток верхней челюсти прогнатный, степень его выступания равна 75°, что при общей плосколицости очень отчетливо выражено и свидетельствует о значительной прохейлии верхней губы. Нос умеренно высокий (54 мм) и широкий (28 мм).

Размеры мозгового черепа: продольный диаметр — 177 мм; поперечный диаметр — 150 мм; черепной указатель — 84,7.

Размеры черепа мало дают для расовой диагностики. Однако очень узкий лоб (85 мм) указывает скорее на монголоидный тип, в равной степени как и малая высота свода черепа (128 мм). Это также редко встречается

у типичпо европеоидных черепов, зато весьма характерно для монголоидов Центральной Азии.

Сильно развитые надбровные дуги (4 балла по Мартину) в равной степени характерны как для монголоидов, так и для европеоидов. Таким образом, заключает Г. Ф. Дебец, описываемый череп по большинству признаков сходен с черепами монголов, забайкальских бурят, тувинцев и родственных им народов.

Умеренная высота лица, низкие орбиты могут быть следствием европеоидной примеси, но могут быть и индивидуальным отклонением. Г. Ф. Дебец имел возможность ранее измерить два черепа из плиточных могил, раскопанных Г. П. Сосновским, у горы Топхор (в Забайкалье). Измеренные черепа были крайне плохой сохранности, но тем не менее основные размеры и общий характер их свидетельствуют о несомненной близости этих черепов к черепу из Херексуран-Ури. Оба черепа из Топхор обладают большей высотой лица, т. е., следовательно, они еще более монголоидны. Попытки Г. П. Сосновского сопоставить материал из каменных могил Забайкалья с материалом из карасукских могил в лесной полосе Красноярского края и далее — с вещами из Ордоса (Китай) антропологически не подкрепляются; черепа людей карасукской культуры, хотя и монголоидны, но имеют иное, дальневосточное происхождение.

Значительно убедительнее примеры другого направления культурных связей, отмеченные Г. П. Сосновским. Он указывал на некоторые параллели между керамикой плиточных могил и поздненеолитической керамикой Прибайкалья. Это находит подтверждение и в антропологических данных. В основных чертах древнее неолитическое население Прибайкалья представлено палеосибирским типом и отличается от черепов из плиточных могил большей долихокранностью, т. е. низким черепным указателем. Так как эпохальная изменчивость черепов от долихокранного к брахикранному типу является, повидимому, общей для всех человеческих рас, то люди плиточных могил вполне могут быть рассматриваемы как потомки неолитического населения Прибайкалья. Г. Ф. Дебец указывает, что черепа из погребений в срубах, которые теперь единогласно приписываются гуннам, хотя и относятся к более позднему времени, но характеризуются долихокранностью, т. е. стоят ближе к неолитическому палеосибирскому прототипу, чем черепа из плиточных могил. Это говорит о том, что гунны не являются, повидимому, прямыми потомками предшествовавших им на территории Забайкалья племен, а пришли из других областей, где, в силу неизвестных еще нам причин, древний тип дольше сохранял свои особенности. Свое описание Г. Ф. Дебец заключает следующими выводами:

«1) Череп из плиточной могилы в Херексуран-Ури, так же как и другие два черепа из плиточных могил Забайкалья, относится к северной (сибирской) ветви монгольской большой расы.

2) Тем самым он резко отличается от европеоидного типа, преобладавшего в эту эпоху в Минусинском крае и на Алтае. Некоторое влияние европеоидной примеси на тип черепа из Херексуран-Ури возможно, но не доказано.

3) Тип черепов из плиточных могил не обнаруживает также прямого родства с узколицым монголоидным типом, встречающимся в карасукских могилах и относящимся к дальневосточной ветви монголоидной большой расы.

4) Наиболее близким к типу плиточных могил является палеосибирский тип, известный в неолитических могилах Прибайкалья и гуннских погребениях Забайкалья.

5) Современные буряты из Забайкалья, монголы и тувинцы антропологически тоже относятся к сибирской ветви монголоидной большой расы, но для точного установления их генетических связей между собой и типом плиточных могил, ввиду незначительности различий, требуется гораздо больший материал».

Анализируя выводы Г. Ф. Дебеца, я должен отметить, что совершенно согласен с основными его выводами. Но одновременно отмечу, что малая величина лица встречается в неолитических сериях Прибайкалья и Забайкалья в сочетании с большей шириной скуловых костей и более низкими орбитами.

Приведу измерения одного из черепов неолитического могильника близ дер. Фофаново в дельте р. Селенги. Этот могильник частично раскапывался мною и А. П. Окладниковым и антропологически изучался Г. Ф. Дебецом. Об этом могильнике до сих пор не было опубликовано никаких данных, поэтому я считаю возможным кратко описать его.

Фофановский могильник по типу захоронений и сопровождающему их инвентарю должен быть отнесен к двум хронологическим этапам.

Первый, ранний, этап характеризуется энеолитическими захоронениями в простых, неглубоких грунтовых ямах. Сопровождающий инвентарь следующий: нефритовые тесла и топорики малых размеров, наконечники дротиков, копий и стрел из кремня, костяные кинжалы, гарпуны, остроги, рыболовные крючки, шилья, игольники с тонкими иглами, имеющими круглое отверстие; из украшений — нефритовые нагрудные кольца, подвески и бусы из перламутра и зубов изюбря. Костяки всегда вытянуты на спине; руки — на лобковых костях, ноги обращены к реке.

Могилы, относящиеся ко второму, более позднему, этапу отличаются прежде всего тем, что грунтовые ямы забиты крупными кусками рваного камня или крупными валунами. Реже эти камни образуют подобие кладки, иногда даже сложной. Над могилой — конусообразная кладка, окруженная тесным кольцом. Кладка и кольцо овальны, всегда вытянуты в соответствии с длиной захоронения. Каменный инвентарь этих погребений несколько беднее. Костяной инвентарь представлен большим количеством колющих орудий, гарпунов, долотообразных орудий, игольников, в которых наряду с тонкими костяными иглами встречаются и более массивные, бронзовые. Очень часты следы окислов бронзы; единичны находки тонких, проволочных медных браслетов, маленьких височных колец, узких пластинчатых листовидных ножей. Из украшений встречаются зубы изюбря в очень большом количестве и пронизки из тонких пластинок бронзы. Трупоположение разнообразно, но чаще на боку, скорченное, всегда ориентированное головой по течению реки.

Интересующий нас череп был обнаружен в могиле, относящейся ко второму этапу. Кладка этой могилы сильно оползла, но все же можно было отметить ряд крупных кусков рваного камня, образующих овальное кольцо, длинный диаметр которого был равен 1,75 м, а короткий, вероятно, около 1,30 м (сторона, обращенная к реке, сильно деформирована). Внутри этой кладки оказалась неопределенных очертаний кучка камней, которые были ранее, видимо, сложены конусообразно. На поверхность едва выступали камни ограды. Центральная выкладка находилась как будто ниже; она не выступала на поверхность и была обнаружена на глубине 10—15 см от поверхности. При удалении средней кладки мощностью более 50 см на глубине 35 см под нею в песчанистом лёссовидном суглинке обнаружились очертания овальной ямы. На глубине 40 см в этой яме находился костяк (всего глубина залегания костяка от поверхности — 1,40—1,50 м).

Слегка скорченный костяк лежал на правом боку, с руками, вытянутыми между ног; он был обращен лицом к реке, головой — в направлении вниз по течению. У тазовых костей находился полностью подвергшийся коррозии тонкий, узкий листовидный нож в кожаных ножнах мехом внутрь. Ножны были прикреплены на бронзовом кольце. В головах лежали гарпун, шило, долото из рога, в ногах — наконечники стрел удлиненно-треугольной формы с короткими черешками (5 экземпляров).

Приводим сравнительные измерения черепов из дер. Фофаново и из Херексуран-Ури (по Г. Ф. Дебецу):

Размеры	Черепа из Херексуран-Ури	Черепа из дер. Фофаново
Ширина лица, мм	147	148
Высота » мм	71	68
Ширина орбиты, мм	42	37
Высота » мм	31	30
Высота носа, мм	54	51
Ширина » мм	28	26
Надбровье (выступание глабеллы), баллы	4	5
Наименьшая ширина лба, мм	85	86
Черепной указатель	84,7	81,3

Сходство приведенных показателей поразительно. Все основные размеры лица почти совпадают. Но череп из Фофанова более широк и низок, резче выражен рельеф на суббрахикранной основе, между тем как череп из Херексуран-Ури брахикранный.

Мне думается, что череп из Фофанова следует рассматривать как палеоазиатский тип в тунгусском его варианте. Эти же элементы отмечаются, но в более завуалированной форме, на брахикранном черепе из Херексуран-Ури. Этот древний тип характеризуется, кроме того, более высоким переносьем, что связано с широким лицом. Эта деталь, отмеченная у черепа из Херексуран-Ури, отличает его от черепов современных бурят и монголов.

При помощи разработанных приемов на черепе из Херексуран-Ури были воспроизведены основные жевательные и шейные мышцы. Несмотря на малую высоту орбит, морфологические особенности глазниц (профилировка, вертикальная и горизонтальная, форма края, положение глазничного гребешка и характер слезной части) определили форму монголоидного разреза глаз. Форма носовой части лобной кости и общая уплощенность лица указывали на несомненное наличие эпикантуса. Высокое переносье не противоречило воспроизведению очень характерного, уплощенного на всем протяжении, широкого носа. Ширина грушевидного отверстия и нижний его край указывали на форму и степень ширины нижней части носа. Слабо развитый подносовой шип определил основание носа. Резкий профиль слегка прогнатного альвеолярного отростка верхней челюсти обусловил степень прохейлии и форму верхней губы с отчетливым рисунком фильтрума. Ширина ротовой щели определилась шириной зубной дуги между вторыми ложнокоренными зубами. Относительно молодой возраст черепа, его отчетливый микрорельеф, четко выраженные места прикрепления мышц указывают на значительную мышечную силу человека из Херексуран-Ури. Этот же отчетливый рельеф свидетельствует о том, что жировая ткань была умеренной.

Приняв за основу выработанный стандарт толщины мягких тканей, я воспроизвел лицо человека из Херексуран-Ури (рис. 231). Это типичный монголоид, и только относительно малая высота лица отличает его от современного населения Прибайкалья и указывает на какие-то древние истоки его происхождения. Одежда и прическа были воспроизведены на

Рис. 231. Мужчина из Херексуран-Ури (р. Селенга).

основании археологических материалов. О том, что неолитические племена Прибайкалья носили косы, нам известно по археологическим материалам (мраморная статуэтка из Распутина, изображающая голову мужчины с косой, и две костяные статуэтки из Глазковского могильника). Костюм воспроизведен на основании найденных пластинок и нашивок с учетом тех деталей, которые обычны в могилах этого типа.

В заключение хотелось бы отметить, что реконструкция головы человека из Херексуран-Ури совершенно совпадает с антропологическими дан-

ными, полученными в результате антропологического исследования. Эта реконструкция дает возможность объективно судить о типе восстановленной головы человека не только узкому специалисту-антропологу, но и более широкому кругу специалистов — историков, этнографов и археологов, чем повышается значение антропологического материала как источника для решения сложных вопросов этногенеза современных народов.

§ 59. ЧЕЛОВЕК ИЗ ГОЛОВИНА (ВОИН ЭПОХИ УРАРТУ, IX—VIII вв. до н. э.)

На основании ассирийских источников IX и VIII вв. до н. э. можно говорить о постепенном процессе образования на армянском нагорье государства Урарту. Вначале документы упоминают «страны Уруатры», т. е. союз племен, объединившихся для противодействия непрерывной агрессии Ассирии. Новейшие работы, посвященные истории Средней Азии II тысячелетия до н. э., решительно отвергают теорию западного происхождения урартов и связывают древних урартов с хурритами хетских и субарами ассирийских источников. Образовавшееся государство не было однородным, а представляло собой ряд мелких стран, различных по своей культуре,— а в ряде случаев и этнически,— и подчинявшихся только силе оружия и страху перед сильным внешним врагом. Собственно урарты в этом объединении не представляли большинства населения, и их собственные культура и язык имели лишь официально государственный характер.

Ванское царство, как и все государства древнего Востока, возникло на основе союза племен. В этих странах, присоединенных к Урарту, сохранялся иногда прежний, местный правитель, но и тогда наряду с ним назначался урартский наместник. Система управления на местах и разделение всего царства на определенные округа — наместничества — были проведены в Урарту с большой последовательностью. Но все же, несмотря на эту организацию, удаленные окраины Ванского государства никогда не были надежными: здесь нередко вспыхивали восстания отдельных племен.

Одно из таких воинственных племен—хурритов обитало близ озера Севан. Археологам Армении известны следы обитания этого племени. До наших дней сохранились многочисленные и богатые могильники. Найден и документ, указывающий на то, что это воинственное племя не всегда подчинялось государственному режиму страны Урарту. В 1916 г. И. А. Орбели при раскопках в Ване обнаружил на западном склоне Ванской скалы нишу и в ней стелу Сардура. Обломок второй стелы из такого же камня с такой же клинописью был найден на восточной стороне Ванской скалы. На этом куске второй стелы сохранился текст следующего содержания: «Бог Халд выступил, великой милостью покорил он Мурини, царя страны Уеликухи, покорил он Цициалиби, сына Луеху, царя страны города Тулиху, покорил он Ашурнирари, сына Ададнирари, царя страны Ассирии, покорил он страну Арме, покорил он Нихириани, царский город страны. Преклонились они перед Сардуром, сыном Аргишти». Этот текст говорит о двух походах — весеннем и осеннем, совершенных Сардуром в один год. Первый из этих походов был снаряжен в Закавказье, в район Севанского озера[1].

---

[1] Б. Б. Пиотровский. Происхождение армянского народа. Ереван, 1946.

В силу каких-то совершенно особенных почвенных условий кости человека в могильниках Армении сохраняются наредкость плохо. Близ озера Севан расположено местечко Головино. Здесь на протяжении ряда лет Исторический музей Армении производил раскопки обширного курганного могильника, датируемого на основании археологического материала IX—VIII веками до н. э., т. е. как раз временем существования Ванского государства. Богатейший керамический материал, представленный серией прекрасных, сложных по форме и орнаментальной технике сосудов, очень близок по своим типам к керамическому материалу урартской крепости Кармир-Блур. Многочисленные бронзовые украшения и железное вооружение — мечи, кинжалы, копья, ножи — прекрасно иллюстрируют ту же стадию культуры.

Раскапываемый памятник представлял собой группу мелких курганных насыпей, объединенных вокруг высоких курганов. Крупные курганы — сложное сооружение, содержащее большую камеру с множеством скелетов людей и животных; это то, что обычно называется царским или княжеским захоронением. Мелкие курганы — это одиночные грунтовые могилы либо могилы в каменных ящиках.

Директор Исторического музея Армении в Ереване К. Г. Кафадарьян любезно передал в мое распоряжение весь имеющийся антропологический материал из могильника в Головине. Несмотря на несомненную тщательность полевого исследования, антропологический материал представлен фрагментарно. Большинство черепов раздавлено, лицевых костей нет, длинные кости сохранились только в своей трубчатой части.

Сохранился лишь один совершенно целый череп. К счастью, он очень типичен и является отражением почти всех характерных особенностей черепов данного типа, представленных разрозненными обломками. Для всех черепов из Головина, просмотренных мною, характерна резкая долихокранность, связанная с узким покатым лбом и сильно развитым надбровьем. Узкое, резко профилированное лицо, большой, резко выступающий нос, сильная нижняя челюсть с резко выдвинутым подбородком — все эти черты отчетливо выражены в единственном полном черепе, выделенном мною из данной серии. Отсутствие в Ереване антропометрического инструментария лишило меня возможности произвести даже минимальные измерения. Поэтому моя характеристика ограничивается описательными признаками, но так как только внешняя форма,— а не абсолютные и относительные размеры — обеспечивает индивидуальную реконструкцию лица по черепу, то отсутствие возможности произвести антропологические измерения в данном случае не сказалось столь отрицательно.

Череп хорошо сохранился. В настоящем своем состоянии он утратил почти все зубы, но они утеряны уже в результате музейного хранения и, судя по состоянию альвеол, недавно. В верхней челюсти нет резца, клыков и первых ложнокоренных, в нижней челюсти сохранились только коренные. Степень стертости этих зубов свидетельствует о том, что его обладатель умер в возрасте не менее 40 — 43 лет. Этот возраст подтверждается состоянием облитерированных швов свода черепа. Поверхность всего черепа плотная, тонкий микрорельеф гладкий на ощупь, гребни тонко и четко очерченные.

Очень узкий, как бы сдавленный с боков, долихокранный череп резко удлинен и по своим очертаниям в горизонтальной проекции может быть образцом так называемой белоидной формы. Постепенно повышающийся от низкого покатого лба свод в среднем сечении сводчатый; лоб низкий, с сильно выраженным медиальным валиком и отсутствием лобных бугров. Надбровье сильное, глабелла высокая, лицо очень узкое и имеет очертание, близкое к пентагональной форме; глазницы прямоугольные, очень высокие, постановка их приподнятая, с сильной вертикальной профилировкой,

Скуловые кости очень мощные и своеобразные по рисунку, так как фронтальная часть их узка, и максимальной своей ширины они достигают только в средней части дуг.

Значительно развитый глазничный гребешок четко фиксирует внешний угол глаза. Сильно профилированные скуловые кости обусловливают резкое выступание подглазничного гребня. Верхнечелюстные кости — спокойного рисунка, постепенно отступают назад вместе с нижней частью скуловых костей. Это строение скуловой кости создает ложное представление о глубокой, резко ограниченной собачьей ямке, а между тем она лишь только намечается, причем направление ее не фронтальное, а боковое. Скуловые дуги очень резко выступают в средней части, что создает впечатление своеобразной скуластости, сочетающейся с резким отходом тонко очерченных скуловых костей. Эта своеобразная форма скуластости ничего не имеет общего с монголоидной плосколицостью и кроманьонской шириной лица. Это одна из характерных черт современного армянского лица. Несмотря на то, что глабелла по степени своего выступания ближе к 6, чем к 5 баллам, она едва заметна по отношению к резкому рельефу собственно надбровья. Убегающий назад, суженный лоб лишь ярче подчеркивает этот рельеф надбровья. Степень выступания надбровных дуг не скрадывается резким выступанием мощных носовых костей. Несмотря на значительное их выступание и небольшую ширину у корня, образованный ими свод носа резко притуплен. Носовое отверстие — сильно вытянутой, сердцевидной формы; на всем протяжении боковых стенок грушевидного отверстия они тонки, но притуплены. Сильно развитый подносовой шип — желобчатый и наклоненный книзу. Форма носовых костей, грушевидное отверстие, степень развития подносового шипа, общая профилировка костей, слагающих основание носа, свидетельствуют о том, что мягкий нос был сильно выступающим, узким, со слабо волнистой спинкой, с хорошо моделированными, высокими (но не широкими) ноздрями; кончик носа имел очевидную тенденцию опускаться. На подбородочном выступе отчетливо видна средняя поперечная борозда. Челюсть узкая, с четко выраженными гребнями на углах. Никаких патологических или посмертных деформаций в данном черепе не отмечено.

Как всегда, процесс воспроизведения внешнего облика начинается с детального восстановления основных мышц и в первую очередь жевательных. Тщательный анализ височной впадины черепа должен обеспечить правильное понимание строения височного мускула. В данном случае этот гребень отчетливо выражен в своей лобно-теменной и затылочной частях. Тонкие, но с четким рельефом и сильным внешним изгибом средней части скуловые дуги свидетельствуют о значительной мощности рельефа этой мышцы. Утолщенный, относительно широкий венечный отросток нижней челюсти, с чистым рельефом в месте прикрепления сухожильных тяжей, только подтверждает впечатление о мощности височной мышцы. Сильно перекрученные скуловые кости со значительно выраженными гребнями мест прикрепления волокон мышечных тяжей жевательного мускула и соответствующая им массивная восходящая ветвь нижней челюсти с резким рельефом ее поверхности и с гребнем по внешнему углу нижней челюсти дают полное впечатление о конфигурации и топографии жевательного мускула. Восстановление жевательных мышц дает в основных чертах овал лица. Плотность кости по всей поверхности черепа — и в особенности лицевого скелета — свидетельствует о некоторой сухости в строении всего лица. Четкий рисунок носовых костей и резкость их профилировки обусловливают, несомненно, верное восстановление формы мягкого носа. Нос большой, резко выступающий, с небольшой горбинкой, с чуть приспущенным концом, с четким рисунком высоко вырезанных массивных, но не широких ноздрей. Значительная ширина альвеолярной дуги свидетельствует о большой ширине ротовой щели. Сохранившиеся зубы и степень сохранности альвеол дали возможность представить и реконструировать все зубы; тем самым стал понятен характерный прикус данного лица. Высота, а равно и ширина резцов были определены по аналогии с сохранившимися зубами. Высота резцов позволила судить о полногубости рта. Верхняя губа — короткая, и это связано с относительно небольшой высотой фронтальной части альвеолярного отростка верхней челюсти. Некоторая прохейличность верхней губы связана с четким альвеолярным рельефом. Нижняя губа очень высокая, что гармонирует с длинным, выступающим подбородком с глубокой ямкой.

Сравнивая данную реконструкцию лица человека из Головина (рис. 232) с лицами современного населения Армении, сразу можно отметить в ряде элементов безусловную общность (особенно в деталях лица). Среди современного населения очень часты такие формы носа, рта, подбородка и даже отмеченная форма высокой скуластости (один из характерных признаков современного армянского типа). Но, в отличие от современного армянского

Рис. 232. Человек из Головина

типа, все эти физиономические особенности связаны с резкой долихокранностью, между тем как современные армяне — ярко выраженные брахицефалы; среди древних хеттских изображений можно найти лица, близкие к восстановленному образу древнего урартийца. Повидимому, это представитель одного из древнейших племен—хурритов, явившихся основным этническим элементом урартского союза племен.

Позднее этот древний этнический элемент, вероятно, вошел как основной компонент в состав племен, принявших участие в формировании армянского народа. В процессе развития армянского народа происходила переработка культурного наследства древнего государства Урарту, а, кроме того, армяне, несомненно, испытывали воздействие соседних стран митаннийского круга.

§ 60. СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Скифские племена являлись основным населением всего Северного Причерноморья с VII в. по II в. до н. э. Влияние же их культуры было крайне широко, оно распространялось далеко за пределы их собственного расселения[1].

По представлению их современников — греков, под скифами, или, как они себя сами называли, «сколотами» следует понимать многочисленное объединение разноплеменного населения русских степей. Эти племена, различные по происхождению и по укладу жизни,— кочевники-скотоводы и оседлые земледельцы,— были, однако, объединены определенной общностью культуры.

[1] М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, 1947, № 3, стр. 74.

Это объединение племен возникло в результате покорения их воинственными пришельцами североиранской языковой группы древнего мира[1]. Именно становление агрессивного населения на вновь освоенной им территории способствовало объединению ранее разобщенных местных племен, что в конечном итоге привело к образованию определенной культурной общности всего населения, независимо от его материально-хозяйственной базы и происхождения.

Эти воинственные пришельцы, носители иранства, очевидно, и были так называемые «скифы царские». Они уже в начале VII в. до н. э. возглавили весь союз скифских племен, а позднее ими же было создано государственное объединение в Причерноморье[2] (по Геродоту).

Наиболее характерными чертами скифской культуры являются их своеобразное вооружение всадника и искусство.

Скифский сложный лук был малых размеров, но обладал большой силой боя. Короткие стрелы были оперены и снабжены двух- и трехлопастными маленькими втульчатыми бронзовыми наконечниками. Лук и стрелы носили в особом плоском футляре — горите, лицевая сторона которого обычно была отделана особым набором украшений. Нередко бывало, что горит был весь покрыт накладным серебром и золотом и на нем изображались сцены войны или боя зверей. Горит имел два отделения: в одном хранился лук, в другом — стрелы; число стрел достигало ста и больше.

Ранние скифы имели литые бронзовые шлемы; позже шлемы делались из железа. То же самое можно сказать и о чешуйчатом панцыре: в раннее время чешуйки были бронзовыми, позже — железными.

Весьма характерны для скифов короткие мечи — акинаки, легкие метательные дротики и тяжелые, с длинными наконечниками, копья.

Голень скифского всадника была прикрыта бронзовой крагой — кнемидой. Маленький деревянный щит, обшитый кожей, дополнял его вооружение.

Своеобразно было и одеяние коня: на голове — узда, которая снабжалась рядом дополнений, служащих одновременно и украшением, и предохранением головы коня от ранений в бою, налобник, наносник, нащечники, массивные псалии и т. д.; грудь коня была украшена и защищена массивными круглыми бляхами — фаларами. Скифы не знали ни седла, ни стремян.

Великолепные стрелки и всадники, с особым строем в бою, скифы были страшны своими внезапными нападениями, и многие народы древнего мира страдали от их стремительных набегов.

Погребения скифской знати дают возможность изучить искусство скифов, прикладное в своей основе. Это по преимуществу украшения конской сбруи, либо вооружение, реже — украшения костюма, еще реже — украшения различной утвари.

Скифское искусство варварски пышно. Накладное и массивное серебро и золото — не редкость на конской сбруе, на горитах или ножнах и рукоятках акинака. Специфической особенностью искусства скифов является так называемый «звериный» стиль, возникший на основе особых скифских мифологических мотивов и, как правило, изображающий борьбу зверей. Олени и лани, пантеры и барсы, грифоны и орлы и многие другие животные выполнены в сложных позах борьбы, в своеобразной манере, сочетающей предельный реализм с чудовищной фантазией. Орнаменталь-

[1] Из резолюции конференции Института истории материальной культуры Академии наук СССР по вопросам скифо-сарматской археологии, 1952 г.

[2] Б. Н. Граков. Скифы. Киев, 1947.

ные элементы служат украшением пряжек поясов, навершии акинаков, оформлением горитов и т. д.

Это скифское искусство, равно как и скифское вооружение и конское убранство, широко распространилось по степям Евразии и нашло преемников и подражателей в более позднее время в Приуралье, на Алтае, в Сибири, Монголии и даже в Ордосе.

Из всего сказанного совершенно очевидно, что скифы не могли быть и не были едины по своему антропологическому составу. Тщательное исследование локальных вариантов антропологического типа может пролить некоторый свет на историю формирования скифского союза племен; параллельное изучение историко-археологических и лингвистических данных даст возможность понять процесс формирования древних народностей, вошедших в состав нашей многонациональной Родины.

Роль скифов в процессе формирования культуры многих народов Закавказья, Кавказа, Средней Азии, Поволжья и Украины огромна.

Наши работы по антропологии скифов только еще начинаются. В коллекции пока имеются всего три портретные реконструкции по черепам из разных районов и разного времени. Этого слишком мало для того, чтобы дать какую-либо характеристику населения всей Скифии.

Г. Ф. Дебец указывает, что никакого принципиального различия между более ранним населением и населением скифо-сарматского времени нет. Преобладают долихокранные европейцы с незначительным процентом более брахикранных европейцев. Одновременно он отмечает крайнюю скудость и плохую датировку палеоантропологического материала по скифам[1].

1. Скиф Причерноморских степей

В Никопольском районе, близ с. Сумского, расположена одна из многочисленных скифских курганных групп — «Сирко».

В течение ряда лет Б. Н. Граков производил раскопки этой курганной группы. В результате раскопок 1945 г. в кургане № 2 (погребение 2, № 22) был обнаружен относительно целый череп, переданный мне для создания по нему портретной реконструкции головы скифа. Типические находки позволяют Б. Н. Гракову датировать данное захоронение, а равно и всю группу курганов «Сирко», V—IV вв. до н. э.

Череп — хорошей сохранности, принадлежал зрелому мужчине (43—45 лет). Череп в горизонтальной проекции ближе всего к сфеноидной форме, но в силу того, что он сильно удлинен, эта форма утрачивает свою характерность. Свод черепа уплощенно-крышеобразный; затылок, едва выступающий, образует значительный перегиб при переходе от теменных костей. Protuberantia occipitalis externe относительно сильно развита (по шкале Брока достигает 3 баллов). Надбровные дуги хорошо развиты (достигают 2 баллов при 3-балльной шкале), причем степень их развития подчеркивается относительной крутизной лба. Лицевой скелет с резким рельефом по своим очертаниям ближе всего подходит к пентагональной форме. Орбиты — с усиленным рельефом краев, угловатые, относительно узкие и профилированные. По своей форме они близки к очертаниям трапеции. Края орбиты в верхней части закругленные, в нижней — сильно притупленные. Камера глазницы — сводчатая, т. е. значительно выше внешнего отверстия орбиты.

Форма носового отверстия — отчетливо сердцевидной формы, но, несмотря на то, что подносовой шип значительно приподнят в средней части, внешний конец его круто направлен книзу, причем по шкале Брока передняя носовая кость достигает не более 2 баллов. Альвеолярный отросток высокий, с сильным рельефом. Надпереносье, по Мартину, приближается к 5 баллам. Резкий рельеф надбровий создает впечатление еще более развитого надпереносья. Неширокая спинка носа притуплена; передний раздел скуловых очень мощный, широкий, несколько уплощенный, со

---

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 158—164.

слабо развитым переходом к верхнечелюстным костям, в результате чего собачья ямка слабо развита.

Стирание внешней стороны зубов свидетельствует о том, что прикус был таким, что резцы верхней челюсти перекрывали резцы нижней, причем зубы смыкались тесными, заходящими один за другой рядами (резкая форма псалидонтии). Подбородок сильный, раздвоенный, со своеобразным заусенчатым тонким гребнем, проходящим в глубине подбородочной борозды. Такие гребни обычно свидетельствуют об усилении мышечного рельефа. Альвеолярная часть межчелюстного шва имеет некоторый дефект: в результате позднего срастания верхней части альвеолярного края образовалась очень глубокая ямка неправильной формы (лунка).

Нижняя челюсть имеет отчетливо видимый след старого ранения, вероятнее всего стрелой. Стрела попала в тело нижней челюсти с правой стороны. Удар пришелся под альвеолами последних коренных зубов; выбит большой кусок кости, от угла восходящей ветви челюсти до выхода подбородочного нерва (n. mentalis). Длина пораженного участка — 33 мм. В результате этого ранения произошла некоторая деформация всей нижней челюсти. Рельеф пораженной стороны несколько ослаблен; особенно сглажен гребень шероховатости жевательного мускула (tuberositas masseterica). Наоборот, на левой стороне челюсти весь рельеф сильно увеличен, усилен (безусловно, это компенсаторное явление). Стрела внесла внутрь рта сбитый кусок кости с обоими коренными и выбила два последних коренных зуба левой стороны. Никаких других повреждений на левой стороне челюсти не обнаружено. Судя по состоянию внутренней стороны челюсти, никакого серьезного ранения языка и подъязычных мышц не было. Челюсть не утратила своей функциональности, и раненый принужден был только жевать, главным образом, левой стороной до того времени, пока не зарубцевалась рана. В результате этого ранения особенно значительной деформации жевательного мускула не произошло; некоторая сглаженность микрорельефа правой ветви челюсти и компенсаторное усиление этой же части левой ветви обусловлены необходимостью переноса основной жевательной функции на левую сторону. Как некоторое компенсаторное явление следует рассматривать также своеобразное опускание фронтальной части нижней челюсти, в результате которого образовался отчетливый выступ с правой стороны подбородка.

Состояние облитерации поверхности скола свидетельствует о том, что с момента ранения и до смерти прошло достаточно много времени. Никакого особенного обезображивания в результате этого ранения в лице не было. Относительно небольшой шрам в нижней части щеки не очень бросается в глаза и, очень вероятно, был закрыт бородой. Естественная, возникшая в результате ранения асимметрия лица также не производит неприятного впечатления. Совершенно несомненно, что это ранение произведено стрелой, причем, вероятнее всего, на большом расстоянии, но не на взлете. По отношению к стрелявшему раненый был выше; наверное, он был на коне, а стрелял пеший. В момент попадания стрела летела почти горизонтально, с чуть заметной тенденцией основного направления кверху. Наконечник воткнулся в тело челюсти между 3 и 2-м коренными зубами и наискось сколол кусок кости с альвеолами обоих зубов. Если бы стрела летела уже на взлете, она не могла бы сколоть такой массивный кусок кости и либо застряла бы в теле челюсти, либо, что еще вероятнее, просто сломала бы ее силой удара. Кроме того, стрела имела бы несколько другое направление, а именно не снизу вверх, а, наоборот, сверху вниз, что дало бы совершенно другую картину ранения. В такой же мере можно с уверенностью говорить, что данное ранение произведено стрелой, а не было результатом удара, нанесенного дротиком или копьем. При скользящем ударе копья, вероятно, возможно было бы получение близкого по внешней форме ранения, но при ударе копьем не были бы выбиты зубы на противоположной стороне челюсти; между тем они были выбиты, причем даже не пострадала альвеолярная часть челюсти. Если же предположить более глубокое проникновение наконечника копья, то это, конечно, дало бы совершенно другую форму ранения, что прежде всего сказалось бы на входном отверстии ранения: оно должно было бы быть более широким. Глубокое проникновение широкого лезвия копья должно было сбить не только нижние зубы, но и травмировать как верхние зубы, так и небо. Одновременно это должно было бы нанести очень серьезное ранение языку и подъязычным мышцам. Между тем совершенно очевидно, что на нижней челюсти нет никаких следов атрофии в результате столь глубокого ранения; подбородочная ость отчетливо выражена, столь же отчетливо выражены места прикрепления подъязычных мышц.

По антропологической характеристике череп из «Сирко», безусловно, европеоидный, резко долихокранный, с широким лбом, высоким и широким лицом. Для того чтобы очевиднее было его место среди других скифских черепов, привожу сравнительные данные измерений мужских черепов причерноморских скифов (по Г. Ф. Дебецу; табл. 29).

Таблица 29

Основные размеры черепов скифов Причерноморских степей (по Г. Ф. Дебецу) [1]

Размеры	Мужские черепа									
	из Мелитопольского уезда, Лепетиха	из Тираспольского уезда					из Херсонского уезда			
		Цар[illegible]	Плоское		Сербки		Ольгинской экономии	Хуторская могила	Ч[illegible]	Никополь, «Сирко»
			I	II	I	II				
Продольный диаметр, мм	187	189	197	179	175	193	186	200	188	190
Поперечный » мм	137	147	153	146	140	133	145	140	144	128
Наименьшая ширина лба, мм	98	107	101	97	87	88	95	101	107	96
Скуловой диаметр, мм	—	136	149	140	135	132	133	135	—	138
Высота лица, мм	68	69	76	65	64	70	74	70	—	72
Высота носа, мм	50	49	60	51	44	47	—	48	—	52
Ширина носа, мм	24	25	28	26	25	22	—	25	—	25
Ширина орбиты, мм	37	39	41	38	38	40	41	39	—	40
Высота орбиты, мм	30	31	34	28	29	33	32	32	—	32
Надбровье (шкала 1—6), баллы	3	3	4	5	4	5	3	4	3	5
Черепной указатель	73,3	77,9	77,7	81,6	80,0	69,0	78,0	70,0	76,6	67,4
Лобно-поперечный указатель	71,5	72,8	66,0	66,5	62,1	66,2	65,5	72,2	—	75,0
Лицевой указатель	—	50,7	51,0	46,4	47,4	53,0	55,6	51,9	—	52,2
Носовой указатель	48,0	51,0	46,0	51,0	56,8	46,8	—	52,1	—	48,1
Орбитный указатель	81,1	79,5	83,0	73,7	76,3	82,5	78,0	82,1	—	80,0

[1] Измерения черепа из «Сирко» произведены автором.

Из табл. 29 явствует, что череп из никопольского кургана «Сирко» в общих чертах близок к черепам скифов Причерноморья. Отличительными чертами его являются следующие. Череп очень удлиненный, уплощенный, уступая в данном случае только черепам из трех пунктов: из Хуторской могилы — 200 мм, Сербки II — 193 мм и Плоского I — 197 мм; относительно он уже, так как имеет самую малую ширину свода. Максимальный поперечный диаметр черепов: из Плоского I — 153 мм, из «Сирко» — 128 мм; между тем ширина скул черепа из «Сирко» равняется 138 мм, уступая, таким образом, только двум черепам: из Плоского I — 149 мм и Плоского II — 140 мм. Наименьшая ширина скуловых костей у черепа из Сербки II — 132 мм, из Ольгинской экономии — 133 мм. Высота лица черепа из «Сирко» относительно большая — 72 мм; высота носа, максимальная из всей серии,— 52 мм. Ширина носа, наибольшая,— 25 мм. Ширина орбит, близкая к максимальной,— 40 мм; высота их также велика — достигает 32 мм. Выступание глабеллы — предельное (5 баллов). Лобно-поперечный указатель, наибольший,— 75; точно так же наибольший лицевой указатель — 52,2. В остальных размерах данный череп не выпадает из приведенной группы.

Портрет выполнен без бороды из двух соображений: прежде всего нам известно, что скифы умели бриться, о чем свидетельствуют достаточно многочисленные изображения; кроме того, данная реконструкция интересна особенностями ранения и связанной с этим ранением асимметрией,— под бородой не было бы видно ни шрама, ни степени асимметрии.

Рис. 233. Скульптурная реконструкция скифа из Никополя.

Сравнивая данный портрет с известными изображениями скифов на чертомлыкской вазе, кульобском и воронежском сосудах и на солохском гребне, следует отметить, что на всех этих изображениях представлены в конечном итоге одни и те же типичные этнические черты, очень близкие к восстановленному портрету. Несомненно, что имеющиеся различия в данных изображениях следует в первую очередь относить за счет некоторого элемента стилизации, обычной в любой, даже реалистической, форме искусства. Портрет скифа из «Сирко» может рассматриваться как портрет типичного представителя скифов Причерноморских степей (рис. 233).

2. Реконструкция по женскому черепу из могильника VI—V вв. до н. э. у станции Нестеровской, Грозненской области

В 1938 г. на расстоянии в полкилометра от древнего Нестеровского поселения при выборке гравия случайно был обнаружен могильник. Раскопками экспедиций Государственного исторического музея и Института истории материальной культуры Академии наук СССР вскрыто 40 погребений. Большинство погребений находилось в грунтовых могилах, на глубине от 0,3 до 1 м. Ряд могил обложен крупным булыжником. Были могилы под небольшими курганными насыпями, сложенными из булыжника. Определенного трупоположения не отмечено; чаще всего скелеты находились в скорченном положении на правом или левом боку. В ориентировке также не было постоянства.

На основании анализа комплекса вещей из погребений Нестеровского могильника Е. И. Крупнов отметил элементы смешения местной северокавказской горной кобанской культуры и степной скифской, при наличии некоторых элементов культуры Крыма[1].

Антропологический материал крайне плох по своей сохранности. Небольшая глубина захоронения способствовала быстрому и почти полному разрушению костей. Рассмотренные нами фрагменты черепов сильно искажены посмертной деформацией, и все же по ним можно сказать, что все черепа имели брахикранную форму свода. Только один череп удалось реставрировать настолько, что он мог быть использован при реконструкции.

Череп — очень плохой сохранности, но с нижней челюстью. Часть лицевого скелета реконструирована мною.

Череп большой, укороченных пропорций, высокий.

Наибольший поперечный диаметр	188 мм.
Наибольший продольный диаметр	148 мм.
Расстояние от глабеллы до иниона	162 мм.
Черепной указатель I	78,72.
Черепной указатель II	90,12.

Черепной указатель I соответствует группе мезокранных черепов.

Форма черепа сверху ближе всего подходит к ромбоидной. Со стороны затылка череп имеет уплощенно-крышевидную форму.

Свод черепа высокий, лоб крутой. Лобная кость большая, широкая. Лобные бугры хорошо выражены.

Наименьшая ширина лба	94 мм.
Наибольшая ширина лба	124 мм.
Лобный указатель	75,80.

Надглабеллярная впадина слабо выражена; она узкая, неглубокая, крыловидной формы. Глабелла плоская; степень ее выступания по шкале — 1 балл. Носовая часть лобной кости короткая, широкая, направление ее среднее (выступает в уровень с верхним краем орбиты).

Высота носовой части лобной кости по линии	7 мм.
Высота носовой части лобной кости по бокам	15 мм.
Межорбитное расстояние	24,5.

Надбровные дуги — крайне мало выраженные, тонкие и очень слабые; степень их протяженности по шкале — 2 балла.

В общем вся фронтальная часть чешуи лобной кости очень грацильная. Теменные кости большие, широкие, укороченных пропорций. Височные впадины высокие, укороченных пропорций. Сосцевидные отростки — средней величины. Затылочная кость — удлиненных пропорций. Лицо приближается к триангулярной форме: оно высокое, широкое, очень слабо профилированное, слабо прогнатное. Нос высокий и нерезко выступает вперед. Глазницы—средней величины.

Общая высота лица	119 мм.
Высота верхней части лица	70 мм.

---

[1] Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. Уч. зап. Кабардинского научно-исследовательского института, т. VII, Нальчик, 1952, стр. 44.

Рис. 234. Реконструкция по черепу женщины из Нестеровского могильника (Сев. Кавказ).

Скуловая ширина . . . . 140 мм.
Лицевой указатель I . . . . . . 85.
Лицевой указатель II . . . . . . 50.
Глазничные бугорки хорошо выражены; разрез глаз горизонтальный.
Фронтальная постановка глазниц — средняя.
Профилировка орбит слегка наклонная.
Ширина орбиты . . . . 43 мм.
Высота орбиты . . . . 36,5 мм.
Орбитный указатель . . . . . 84,88.
Высота носа . . . . 51,5 мм.
Ширина носа . . . . 26,5 мм.
Носовой указатель . . . . . . 51,45.
Скуловые кости — небольшие, невысокие, короткие и развернутые.
Высота альвеолярной части . 19 мм.

Нижняя челюсть — округлых очертаний, тело нижней челюсти довольно высокое, вздутое. Ветви челюсти отходят под тупым углом; они высокие, неширокие, со слабым рельефом. Глубина вырезки по шкале — 3 балла.

Подбородок тонкий, сильно выступает; степень выступания его по шкале — 3 балла.

Антропологическая диагностика данного черепа не вызывает особого затруднения. Это череп европеянки, с широким, слабо профилированным лицом, с тонким, удлиненным носом, с укороченными пропорциями свода черепа (рис. 234). Подобные черепа, но более грацильные, тонкокостные, типичны для северокавказского населения современности.

Отмеченная тенденция к круглоголовости является характерным признаком для более позднего населения Северного Кавказа и свидетельствует о том, что этот процесс начался значительно раньше, т. е. уже на рубеже VI—V вв. до н. э.

Обладает ли этот череп чертами типичного долихокранного скифа Причерноморских степей? Очевидно, нет, но некоторая особенность лицевого скелета может быть объяснена метизацией более грацилизованного населения кобанской культуры с более грубым, массивным скифским населением, оставившим следы своего пребывания на Северном Кавказе не только в остатках материальной культуры.

Реконструированный портрет по черепу из Нестеровского могильника дает представление об этом древнем северокавказском типе женщины, жившей в пору сильного культурного влияния скифов на местное население. Головной убор, серьги, набор бус и пронизок воспроизведены по материалу Нестеровского могильника при консультации автора раскопок Е. И. Крупнова[1].

3. Реконструкция головы по черепу из царского захоронения скифского Неаполя

Замечательным открытием Тавро-Скифской экспедиции, возглавляемой П. Н. Шульцом, является обнаруженный у городских стен скифского Неаполя монументальный мавзолей. Мавзолей содержал свыше 70 захоронений представителей скифской знати. Найдены скелеты мужчин и женщин различного возраста, а также детей.

Мавзолей вплотную примыкает к южной стене города, в непосредственной близости к воротам. Мощные его стены сложены из квадрового камня на глиняном растворе. В плане мавзолей почти квадратен. Перекрытие его было сложено из сырцового кирпича на деревянном каркасе; вероятно, оно было шатровое. Вход был устроен в восточной стене, где сохранились

[1] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, вып. XXII, 1948, стр. 25—29; его же. Древняя история Кабарды, стр. 43—45.

остатки деревянной двери. У западной стены с внутренней стороны мавзолея, примыкая боковой своей стороной, находилась лестница, которая, видимо, вела на верх крепостной стены. Стены мавзолея были оштукатурены и, вероятно, расписаны, о чем свидетельствуют остатки штукатурки со следами красной и желтой краски. Глинобитный пол тщательно посыпан ровным слоем белой известковой крошки.

Кроме человеческих погребений, в центральной части мавзолея были обнаружены 4 конских скелета. Большинство захоронений находилось в прямоугольных сосновых ящиках. Одно женское захоронение было в богатом резном саркофаге из дерева. Наиболее же древнее захоронение было обнаружено в северо-восточном углу мавзолея. Здесь, в специально высеченном в скале прямоугольном углублении, была сооружена гробница из хорошо отесанных плит белого известняка. Именно в этой гробнице и было обнаружено наиболее богатое погребение. Конструктивные особенности гробницы богатого захоронения дают право считать это погребение основным, древнейшим; для его погребения и был сооружен данный мавзолей. Все остальные погребения, несомненно, более поздние; часть их может быть отнесена к концу II в. до н. э., большинство же — к I в. до н. э.

В каменной гробнице было обнаружено непотревоженное захоронение мужчины. Только одних золотых вещей было найдено около 800. Это преимущественно мелкие украшения костюма из тонкого листового золота греко-боспорской и скифской работы. Погребенный лежал головой на запад в вытянутом положении на спине. Правая рука его согнута. В ногах находилось вооружение: железный шлем, два меча, три наконечника копий, у левого бедра—остатки горита, подвешенного к поясу набором пряжек и крючков с изображениями животных. Эти изображения выполнены в традиционной манере позднего «звериного» стиля. В горите находились железные трехгранные, типично скифские наконечники стрел. Горит украшен пластинками накладного золота.

Монументальность гробницы, с которой связано сооружение мавзолея, богатство вооружения и варварская пышность облачения дают основание предполагать, что это — погребение скифского царя. Находки датируют погребение, а равно и сам мавзолей II веком до н. э.

Несмотря на то, что мавзолей имел до 70 захоронений, сохранившийся краниологический материал невелик. Перед тем как передать этот материал для антропологического изучения Г. Ф. Дебецу, мы предварительно частично реставрировали и закрепили его. В процессе этой консервации черепов мы обратили внимание на следующий факт. Черепа все в своей основе европеоидны, причем мужские более однородны и в общих чертах напоминают черепа скифов Причерноморских степей, а женские производят впечатление большего разнообразия. Есть черепа с очень тонкими, узкими лицами, с тонкими, сильно выступающими носами и наряду с ними—плосколицые, с широкими носами и с какими-то элементами негроидных признаков. Монголоидности в отчетливой форме нам не удалось отметить, но это только чисто внешнее впечатление, так как мы черепов не измеряли. Г. Ф. Дебец специально занимался ими, и, насколько я его понял, у него сложилось примерно то же впечатление о степени смешанности антропологических типов. Только один из черепов, по поручению П. Н. Шульца, был мною реконструирован — череп из основного погребения мавзолея.

Это массивный долихокранный череп с легкой деформацией свода (несомненно, искусственной), лоб узкий, уплощенный; орбиты и часть лобной кости в результате этой деформации как бы вынесены вперед. Это усиливает впечатление о степени развития надбровья.

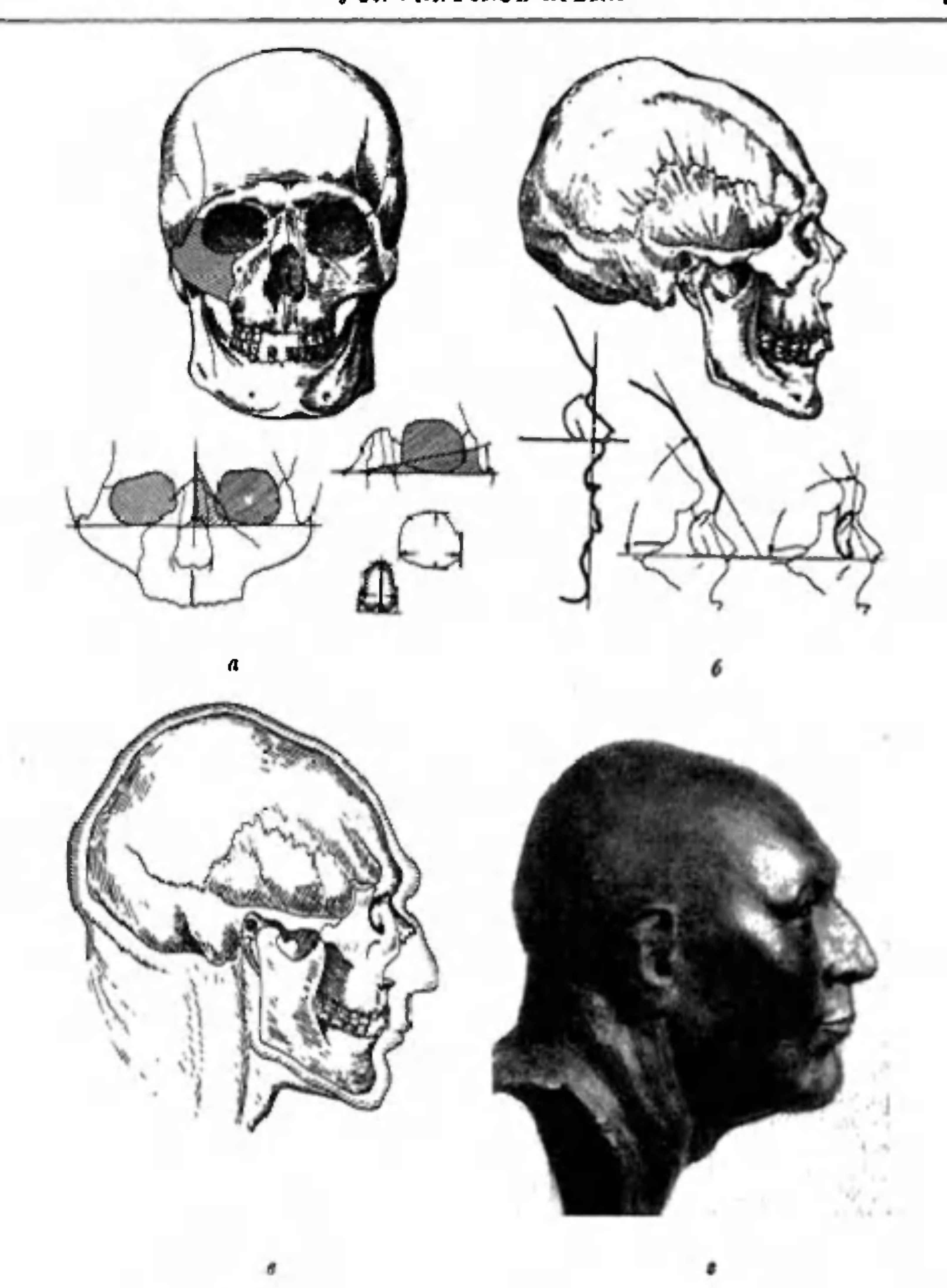

Рис. 235. Процесс реконструкции головы воина:

а — череп, фас; б — череп в профиль; в — графическая схема восстановления головы; г — реконструированная голова.

Глазницы небольшие, средне высокие; скуловые кости — вынесенные вперед и как бы приподнятые, простого рисунка, тяжелые, уплощенные; однако ни в их рисунке, ни в уплощенности я не вижу монголоидности; скорее эта форма скуловых костей напоминает древний кроманьонский тип.

Нос сильно выступающий, резко профилированный, но носовое отверстие небольшое, с некоторой тенденцией к желобчатости нижнего края. Подносовой шип массивный и горизонтальный. Альвеолярный отросток невелик и по отношению к размерам черепа узок. Зубы обеих челюстей мелки; верхняя челюсть слегка приподнята, нижняя челюсть очень тяжелая, массивная, особенно подбородок.

Взятый для сравнения череп № 1 из наиболее позднего захоронения мавзолея, очевидно, более грацилен, главным образом за счет утонченного лица. Лоб очень

Рис. 236. Восстановление головы воина без бороды, в силу чего она не была опознана.

широкий, высокий; надбровье небольшое, но глабелла сильно выступает. Глазницы высокие; скуловые кости широкие, значительно профилированные, тонкие. Собачьи ямки резко выражены. Нос сильно выступающий, тонкий. Нижняя челюсть очень тонкая, легкая.

Определить возраст черепа из основного погребения трудно. Состояние облитерации венечного шва как будто свидетельствует о возрасте около 50 лет, но следует заметить, что некоторое уплотнение венечного шва могло быть следствием изменений при деформации. На тех деформированных черепах, которые мне приходилось видеть, почти всегда можно было наблюдать сопутствующее деформации уплотнение сагиттального и венечного швов. Степень стирания зубов этого черепа свидетельствует о значительно меньшем возрасте. Надо думать, что покойнику было не более 40 лет. Никаких возрастных образований на черепе нет. Рельеф свода и лицевых костей этого черепа сильный и свидетельствует скорее о том, что это был еще молодой, а не моложавый человек. Нет никаких оснований считать умершего старше 40—45 лет.

В результате нашей работы возникла голова сильного, полного здоровья человека (рис. 235—236). Своеобразное строение скуловых костей определило форму щек без резких носогубных складок, что в сочетании с тонко очерченным маленьким ртом создало впечатление очень моложавого лица. Этому впечатлению не помешали тяжелые складки верхнего века, безусловно, уже не молодого человека.

Для экспозиции в музее возникла необходимость дополнить эту портретную реконструкцию типично скифской прической, т. е. длинными волосами и длинной бородой. При выборе прически мы руководствовались изо-

Рис. 237. Реконструированная голова воина из скифского Неаполя.

бражением скифа на воронежском серебряном сосуде. Реконструированная таким образом прическа придала всей скульптуре облик, давший возможность опознать в восстановленном лице скифского царя Скилура, жившего во II в. до н. э. (рис. 237).

По свидетельству Посидония, у Скилура было 50 сыновей, а по указанию Аполлонида — даже 80. Эти указания ввели в заблуждение П. Н. Шульца; на основании их он предположил, что Скилур умер в преклонном возрасте. Но в 1827 г. археолог Даремберг нашел близ с. Кременчик ряд рельефов и базу статуи с упоминанием имен царя Скилура и его сына Палака. П. Н. Шульц в 1946 г. опубликовал статью[1], где он блестяще доказал, что, во-первых, Кременчик расположен близ древнего города скифов — Неаполя и, во-вторых, что найденный рельеф действительно принадлежит Скилуру и Палаку.

При сравнении выполненной нами портретной реконструкции с рельефным изображением Скилура (рис. 238) обнаружилось несомненное сходство между ними.

На всех известных изображениях Скилур представлен с бородой, что придает ему более старческий вид. Это и создало существовавшее ранее

[1] П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, XII, 1946, стр. 44—57.

а б в

Рис. 238. Отождествление реконструкции воина с портретом Скилура:

а — монета царя Скилура, битая в Ольвии во II в. до н. э.; б — часть барельефа с памятника Скилуру; в — реконструкция по черепу из мавзолея скифского Неаполя.

ложное представление о пожилом возрасте Скилура. Но историки, описывая военные походы Скилура, указывают только на одного Палака как на участника этих войн. Не является ли это косвенным свидетельством того, что остальные сыновья были еще малыми детьми? Да и Палак на

обоих рельефах изображен юношей. Что же касается количества детей у Скилура (если приводимая цифра даже и верна), то не следует забывать, что у Скилура могло быть много жен.

Изображения Скилура известны также по трем монетам. Все они биты в Ольвии, но, видимо, в разное время и различными штампами. Тем не менее все они запечатлели один образ, очень близкий к тому, что мы видим на каменном рельефе. На всех трех монетах ясно видна деформация головы. На рельефе заметно, что мастер также пытался, но неудачно, передать эту деформацию. Форма очень своеобразного носа с горбинкой на всех изображениях одинакова и совершенно идентична форме носа на лице, воспроизведенном нами по этому черепу. Несмотря на некоторую схематичность, очень близки также формы глаз и маленького рта.

Все это дает возможность ставить вопрос о принадлежности черепа из мавзолея скифского Неаполя царю Скилуру (II в. до н. э.).

Приложение

РЕЦЕПТУРА ВОСКОВЫХ МАСТИК

1. Скульптурный воск

Для реконструкции лица по черепу мною обычно употребляется скульптурный воск, изготовляемый по следующей рецептуре. На 1 кг пчелиного воска прибавляются 300 г канифоли, 10 г живописного масла и 15—20 г масляной краски желаемого цвета. При варке необходимо прежде всего растопить канифоль, затем влить туда уже заранее растопленный воск, дать прокипеть и только после этого влить масло. Масляная краска вводится после того, как масса начинает остывать. На протяжении всего времени остывания массу нужно помешивать, отделяя ее загустевшие части от краев сосуда. Остывшую (но еще теплую) массу необходимо промять руками для придания ей однородности.

Предлагаемый скульптурный воск очень пластичен, прекрасно слушается пальца и стека — шпателя. При остывании этот воск приобретает большую плотность и сопротивляемость по отношению к механическому воздействию, а при согревании в руках он вновь восстанавливает свои пластические свойства. Для воспроизведения лица ископаемого человека и портретов исторических деятелей мной обычно употребляется воск темнокоричневых или голубовато-зеленых тонов. Этот цвет облегчает передачу нюансов мелкого рельефа при скульптурном воспроизведении облика. В криминалистической практике задача опознания ставит другие требования, и для реконструкции лица приходится употреблять воск телесного цвета. Глаза обычно вставляются стеклянные. После окончания скульптурного воспроизведения головы накладывается грим, наносятся брови, усы и борода, делается соответствующая прическа.

Для гребней употребляется по существу тот же воск, но с большим количеством канифоли (примерное соотношение: на 1 кг воска — 500 г канифоли).

2. Восковой клей

Для склейки костей рекомендуется употреблять восковой клей такого состава: на 1 кг воска — 600—700 г канифоли и 500 г масла. Способ приготовления следующий. Воск и канифоль расплавляют отдельно и в горячем, жидком состоянии канифоль вливают в расплавленный воск, после чего полученная масса доводится до кипения и сразу же снимается с огня; затем в эту массу воска и канифоли постепенно всыпают мелкий порошок мела (можно употреблять хороший зубной порошок) в количестве около 400—500 г. По мере всыпания мела массу нужно помешивать до ее загустения, иначе мел осядет внизу и масса не будет доброкачественной. Остуженная масса должна быть очень крепкой, с трудом царапаться ногтем.

Склейка этой восковой массой производится следующим образом. Тонким шпателем, предварительно нагретым на спиртовом пламени, берут небольшое количество восковой массы, которая на острие шпателя моментально превращается в густоватую каплю. Эта капля переносится на излом кости. Точно так же смазывают противоположную сторону излома. Далее обломки подогревают в местах, смазанных восковой массой, над спиртовым пламенем и плотно прижимают друг к другу. При остывании масса настолько затвердевает, что уже через полминуты обломки не распадаются, а через 10—15 минут воск окончательно затвердевает, и можно приступать к следующему

процессу склейки. Липкую массу воска всегда можно снять разогретым шпателем. В случае ошибки — неправильной склейки обломков — их подогревают над спиртовым пламенем, после чего они могут быть разняты без ущерба для поверхности излома.

3. Воск для пропитки костей

В случае плохой сохранности всего черепа и отдельных его фрагментов настоятельно рекомендуем пропитку их воском. Для пропитки мы употребляем воск следующего состава: на 1 кг чистого пчелиного воска — 500 г канифоли. То и другое нужно растапливать отдельно и объединять в жидком состоянии. Масса должна быть сильно разогрета, но кипения допускать не следует.

Нуждающийся в пропитке кусок кости опускают в массу. Если кость сырая, ее надо предварительно высушить в термостате. При опускании кости в расплавленную массу происходит быстрое образование пены, являющейся результатом выпадения пузырьков воздуха из пористых частей кости. Через несколько минут кость в достаточной степени пропитывается горячей восковой массой, и пена исчезает. Если обломки очень мелки, их следует опускать на проволочном сите, более крупные обломки могут быть извлечены из массы пинцетом. Очень крупные обломки и целые черепа лучше обертывать куском марли.

Вынутый из горячей массы обломок должен быть положен на гладкую поверхность толстого стекла, каменной плиты или доски, но предварительно поверхность нужно густо смазать каким-либо жиром; тогда стекший избыток воска не прилипнет к поверхности. Избыток воска с поверхности кости можно удалить шпателем, разогретым над спиртовым пламенем, либо в термостате, причем при нагревании пропитанных обломков в термостате надо подкладывать под полочку-решетку специальную ванночку и следить, чтобы воск в ней не загорелся. Температура в термостате не должна быть больше 58—60°, причем необходимо следить за тем, чтобы с черепа или обломков его стекал только поверхностный слой воска.

Закрепленные пропитыванием отдельные обломки могут быть в дальнейшем склеены восковой массой. Черепа, пропитанные таким воском, приобретают значительную плотность и стойкость. Единственным отрицательным свойством этой пропитки является то, что черепа, лишенные в большой степени поверхностной пластинки кости, приобретают интенсивно темный цвет. Черепа же, имеющие ненарушенную поверхность кости, цвета почти не меняют, но она становится плотной и глянцевитой. Восковая пропитка не мешает в дальнейшем рентгеноскопическому изучению черепов, между тем как различные лаки и другие клеи могут быть серьезным препятствием при подобных исследованиях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖ	— Антропологический журнал.
ГМА	— Государственный музей антропологии Московского государственного университета.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ИЭ	— Институт этнографии Академии наук СССР.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИВСОРГО	— Известия Восточносибирского отдела Русского географического общества.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры.
РАЖ	— Русский антропологический журнал.
СА	— Советская археология.
СЭ	— Советская этнография.
ТИЭ	— Труды Института этнографии Академии наук СССР.
ТСА РАНИИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утверждено к печати
Институтом этнографии
Академии наук СССР

*

Редакторы Издательства *Л. Р. Кызласов*
и О. Г. Шидловская
Технический редактор *Н. П. Аузан*

*

РИСО АН СССР № 88—79 В. Сдано в набор 24/IX 1955 г.
Подп. в печать 30/XI 1955 г. Формат бум. $70 \times 108^{1}/_{16}$.
Печ. л. 36,75—50,34 Уч.-изд. лист. 50,1. Тираж 4000.
Т-10209 Изд. № 650. Тип. зак. 1818.

Цена 30 р.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б—64. Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г—99. Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
76	Подпись к рис. 25	*а* — вертикальный; *б* — наклонный;	*а* — наклонный; *б* — вертикальный;
159	Табл. 9, графа 3	} I	} II
191	15 св.	t. caninus	m. caninus
205	17 сн.	Хрдличка	Грдличка
366	11 св.	золотисто-темный	золисто-темный
421	11 св.	120 мм.	190 мм.
431	9—10 сн.	Л. В. Лебединской	Г. . Лебединской
433	11 сн.	Остаток	Отросток
441	20 сн.	рис. 175	рис. 170
443	8 сн.	тип	этап
445	1—2 св.	монгола	монголоида
538	4 св.	европейским	европеоидным
539	2 св.	европейским	европеоидным

М. М. Герасимов